ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

УЧПЕДГИЗ
1952

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

УЧЕБНИК
ДЛЯ УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. Н. ДЬЯКОВА
и
Н. М. НИКОЛЬСКОГО

Утвержден
Министерством просвещения РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА
1952

ВВЕДЕНИЕ

Великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин — подлинные создатели истории как науки. Отмечая полную революцию, совершенную Марксом в науке об обществе, подчеркивая значение марксистского понимания истории, Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. указывал, что теперь «Всю историю надо начать изучать заново» [1].

Существовавшие до Маркса исторические теории были проникнуты идеализмом и рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя и не выясняя причин, которые порождают те или иные идеи. Поэтому историки, писавшие до Маркса, не видели и не могли видеть объективной закономерности исторического развития. «Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса» [2].

Только учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина указало путь к познанию истории общества как процесса закономерного, процесса, совершающегося с неотвратимостью законов природы. Тем самым история впервые превратилась в науку: «...наука об истории общества, — говорит И. В. Сталин, — несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» [3].

Уже в ранней работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс сформулировали основной закон исторического развития общества: «...люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [4]. Иначе говоря, источником развития

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 466.

[2] В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 40.

[3] И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 544.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 17.

общества, источником формирования его духовной жизни являются условия материальной жизни общества.

Согласно учению Маркса, получившему дальнейшее развитие и уточнение в трудах Ленина и Сталина, главной силой развития общества, о п р е д е л я ю щ е й характер общественного строя, физиономию общества, является «...*способ добывания средств к жизни... способ производства материальных благ*...». Характер способа производства в каждую историческую эпоху и в каждом обществе определяется *производительными силами* данного общества в данную эпоху. Под производительными силами разумеются «*Орудия производства*, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту* и *навыкам к труду*, — все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества». Это — одна сторона производства и его способа, выражающая «...отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ»[1].

Другую сторону производства и его способа составляют *производственные отношения*, т. е. отношения людей друг к другу в процессе производства. Ибо люди в производстве материальных благ действуют не в одиночку, а сообща, группами и обществами. «Они не могут производить,— говорит Маркс,— не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения...»[2] — производственные отношения.

Производственные отношения и составляют э к о н о м и ч е с к и й с т р о й о б щ е с т в а, е г о б а з и с. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»[3].

Н а д с т р о й к а над базисом представляет собой политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения. Закон соотношения между базисом и надстройкой следующим образом сформулирован И. В. Сталиным: Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку; «Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и

---

[1] И. В. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.
[2] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. V, стр. 429.
[3] К. М а р к с, К критике политической экономии, Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 322.

создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»[1]. «Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»[2]. Но это не означает, что надстройка только отражает базис, что политические учреждения, идеи и т. п. не оказывают обратного влияния на развитие общества. «Наоборот, появившись на свет, она (надстройка. — *Ред.*) становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис...»[3]. Пока определенный базис сохраняется и господствует, сохраняется и господствует вся соответствующая надстройка над этим базисом до возникновения новых производительных сил, появления новых общественных классов и новых общественных идей. Но для того чтобы идеи могли оказывать влияние на общество, они должны стать достоянием масс. «...теория, — говорит Маркс, — становится материальной силой, как только она овладевает массами»[4]. И тогда, указывает И. В. Сталин, «Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции»[5].

Рассматривая производство в качестве основного фактора, определяющего развитие общественных отношений, идей и т. п., учение марксизма-ленинизма впервые стало рассматривать производственные и общественные условия ж и з н и м а с с и изменения этих условий как важнейший предмет исторической науки. В предельно ясной форме эти мысли были выражены И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме»: «...история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей. Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества»[6].

Человеческое общество, изменяя способ производства, проходит в процессе своего развития ряд последовательных общественно-экономических ф о р м а ц и й, т. е. типов производственных отно-

---

[1] И. В. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 35—36.
[2] Т а м ж е, стр. 6.
[3] Т а м ж е, стр. 7.
[4] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. I, стр. 406, 1928.
[5] И. В. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 561.
[6] Т а м ж е, стр. 551 — 552.

шений. Именно, характерная особенность производства заключается в том, что оно «...находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений,— вызывают перестройку всего общественного и политического уклада. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства... Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические учреждения — бывают различными»[1]. Так на основе смены различных способов производства происходит, по терминологии Маркса, смена общественно-экономических формаций, причем каждая последующая формация является прогрессивной эпохой, т. е. более высокой ступенью развития производительных сил и общественно-политической организации в сравнении с предыдущей[2]. Таким образом, каждому способу производства, или, по выражению товарища Сталина, «типу производственных отношений», соответствует определенная общественно-экономическая формация. В то же время каждая формация имеет свою, присущую ей надстройку, особые политические и правовые учреждения, особые идеи и взгляды.

История развития человеческого общества проходит пять основных общественно-экономических формаций: первобытно-общинного строя, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического. Рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации по их социальной структуре являются антагонистическими, т. е. состоящими из враждебных классов, ибо их производственные отношения характеризуются эксплуатацией и угнетением одного класса другим.

Развитие формаций, переход общества к каждой новой формации есть процесс революционный. Закон развития формаций был сформулирован К. Марксом в работе «К критике политической экономии» следующим образом: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции*»[3].

Однако и само развитие антагонистических формаций, т. е. формаций, в которых меньшинство людей тем или иным образом присваивает себе плоды труда большинства членов данного общества, происходит путем ожесточенной борьбы классов, борьбы

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 551.
[2] К. Маркс, К критике политической экономии, 1950, стр. 8.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 327.

между угнетателями и угнетенными. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[1].

Однако все революции, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, имели своим результатом не уничтожение эксплуатации человека человеком, но лишь изменение форм эксплуатации, переход от старых к новым формам эксплуатации трудящихся масс. Только Великая Октябрьская социалистическая революция, первая в истории человечества, уничтожила в нашей стране эксплуататорский строй помещиков и капиталистов и открыла собой новую эру подлинного освобождения трудящихся.

Таковы основные закономерности исторического развития, вскрытые Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Они положены в основу трудов советских историков-марксистов и позволяют последним вскрывать и воссоздавать с научной точностью историю прошедших эпох и отдельных народов.

* *
*

Под историей древнего мира мы понимаем историю двух первых общественно-экономических формаций: первобытно-общинного строя, основой которого является общественная собственность на средства производства и, следовательно, при котором нет классов и эксплуатации, и рабовладельческого строя, основой которого является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба — и, следовательно, общества эксплуататорского, в котором происходит жестокая классовая борьба[2].

История древнего мира приобретает потому особое значение, что она исследует первый коренной перелом в жизни человеческих обществ — переход от первобытно-общинного, доклассового общественного строя к общественному строю, основанному на частной собственности, с антагонистическими классами и ожесточенной классовой борьбой. При этом вскрывается также прогрессивный характер рабовладельческого строя в сравнении с первобытно-общинным строем. Развитие производительных сил ускорилось и проявилось в развитии скотоводства, земледелия и ремесла, привело к дальнейшему общественному разделению труда, к накоплению средств производства и потребления, к расширению торговли, или

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 9.
[2] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

обмена, как между отдельными лицами, так и между отдельными обществами. Как говорит Энгельс, «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и римского государства. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»[1].

Но то же самое рабство в конце концов было и одной из главных причин упадка «античного» мира, т. е. древней Греции и Рима: оно завело античный мир в экономический и социальный тупик и разрушило этот мир революционным взрывом. Рабовладельческая формация в своем развитии проходила ряд этапов. Первоначальной основой греческого и римского общества являлось мелкое свободное производство, в котором эксплуатация рабского труда была еще незначительной. «Как мелкое крестьянское хозяйство, — указывает Маркс, — так и независимое ремесленное производство... представляет экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»[2].

Экономической предпосылкой перехода к следующему этапу является превращение «патриархальной» системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в «...рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»[3] и получившую свое полное развитие в греко-римском мире.

Однако превращение рабства в господствующую систему производства влечет за собой кризис всей рабовладельческой системы. «Там, где рабство, — пишет Энгельс в «Диалектике природы», — является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия»[4].

В странах древнего Востока, где долго и прочно сохранялась общинная собственность на землю и рабство не достигло полного развития, в значительной мере остановившись

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 169.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 341, прим. 24.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 344.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450.

на ступени домашнего рабства, мы тем не менее тоже замечаем большой прогресс в сравнении с первобытно-общинным строем. И там получило известное развитие разделение труда, развивались земледелие, ремесло и торговля, появились письменность, литература и искусство, создалась древневосточная культура, оказавшая известное влияние на античную культуру, а через нее — и на последующую культуру европейских народов. Но древневосточные государства, расположенные в Средиземноморской области, несмотря на свои обширные размеры, оказались внутренне слабыми и были завоеваны сначала греками, а потом римлянами.

* *
*

За последние десятилетия наши фактические знания во всех областях истории древнего мира чрезвычайно расширились благодаря целому ряду новых археологических открытий. Весь этот огромный вновь открытый материал блестящим образом подтвердил правильность методологических установок классиков марксизма-ленинизма и вместе с тем дал возможность расширить географически и углубить изучение рабовладельческой формации, главным образом ее древневосточного или азиатского варианта. Надо отметить, что в данном случае особенно большая заслуга принадлежит советским ученым. Буржуазные ученые Запада незадолго до первой мировой войны, благодаря раскопкам в Малоазиатской части Турции, расширили географические рамки древнего Востока на Малую Азию, открыв там Хеттское царство. Несколько ранее открытия главным образом русских ученых в царской и турецкой частях Армении установили там существование в ассирийскую эпоху царства Урарту. Так, восточная граница древнего Востока продвинулась до Закавказья. Но гораздо важнее как по географическому, так и историческому масштабу были труды и открытия советских ученых. Советские ученые еще в начале 30-х годов на основании изучения древнейшей истории Китая установили существование там рабовладельческого строя, сменившегося затем феодальным. Позднейшие открытия советских ученых расширили область древневосточных стран и государств от Ирана по направлению на север к Аральскому морю. Именно — южнее Аральского моря, по реке Аму-Дарье (в Туркменской и Узбекской ССР), в области, называвшейся в домусульманский период Хорезмом, открыто древнее царство, разрушенное арабами, царство, по своей общественной организации и по своей культуре достойное занять место рядом с великими державами древневосточного Двуречья. Результаты этого последнего открытия дают право надеяться, что на территории также и других среднеазиатских советских республик будут открыты и другие памятники существовавших здесь в древние времена обществ.

Буржуазные историки старались использовать историю первобытного общества в своих классовых целях. Искажая и фальсифицируя фактический материал, они пытались «обосновать» империалистический гнет в колониальных странах, извечность и незыблемость частной собственности, эксплуатацию человека человеком, приниженное положение женщины в семье и обществе и многие иные уродливые черты буржуазного строя. В борьбе с этими антинаучными, классово ограниченными и социально вредными концепциями сложилось учение классиков марксизма-ленинизма о первобытно-общинном строе. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин подняли изучение истории первобытного общества на подлинно научную высоту.

Учение классиков марксизма-ленинизма — диалектический и исторический материализм — указало путь к пониманию процесса возникновения, развития и упадка всех общественно-экономических формаций, и в частности, к пониманию первобытно общинного строя. Но более того, Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин в своих трудах сами применили созданную ими подлинно научную методологию к основным проблемам истории первобытного общества.

Уже в своей ранней совместной работе «Немецкая идеология», написанной в 1845—1846 гг., Маркс и Энгельс указали, что происхождение человека, выделение его из мира животных обусловлено тем, что люди «начинают производить необходимые им средства к существованию». Маркс и Энгельс указали, что в эпоху первоначального производства, когда люди занимаются охотой или рыболовством, примитивным скотоводством или земледелием, существует племенная, т. е. общественная, собственность. Маркс и Энгельс подчеркнули, что первобытное общество было бесклассовым обществом. И в дальнейшем Маркс и Энгельс уделяли большое внимание вопросам истории первобытного общества. В «Капитале», в «Анти-Дюринге», а также в ряде других работ и писем Маркса и Энгельса 60—70-х годов содержатся важнейшие указания по ряду конкретных проблем первобытно-общинного строя. В 70-х годах Энгельсом была написана замечательная работа «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в которой он дал глубоко научное, материалистическое объяснение сложного процесса становления человека.

Таким образом, к концу 70-х годов сложилось уже в основных чертах учение Маркса — Энгельса о первобытном обществе. Лишь «Недостаток фактического материала, — как указывает В. И. Ленин, — не давал возможности применить этот прием (метод исторического материализма. — *Ред.*) к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, напр., гентильной (родовой. — *Ред.*) организации, которая в силу этого и оставалась загадкой»[1]. Но в это время появляется ряд работ

---

[1] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 133.

по истории первобытного общества, содержавших большой фактический материал. В конце 70-х — начале 80-х годов Маркс и Энгельс познакомились с книгой американского буржуазного ученого Л. Г. Моргана, собравшего богатый материал по истории родового строя. Работа Моргана была высоко оценена классиками марксизма-ленинизма. «Относительно первобытного состояния общества, — писал Энгельс, — существует капитальный труд, имеющий такое же *решающее* значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Первобытное общество», 1877 год... Морган в границах своего предмета самостоятельно открыл во второй раз марксово материалистическое понимание истории...»[1]. Несколько позднее появились работы русских ученых Н. И. Зибера и М. М. Ковалевского. Зибер, первый в России усвоивший и популяризировавший экономическую теорию Маркса (что было отмечено Марксом в «Послесловии» ко второму изданию «Капитала») [2], написал «Очерки первобытной экономической культуры», не потерявшие своего значения до нашего времени. Работы М. М. Ковалевского высоко оценивал Энгельс. «Мы обязаны Максиму Ковалевскому, — указывал Энгельс, — ...доказательством того, что патриархальная домашняя община... образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к отдельной семье современного мира»[3].

Появление всех этих работ предоставляло классикам марксизма большой фактический материал, дававший возможность создать обобщающий труд по истории первобытного общества. Но указывая на значение этих трудов как фактической основы, Энгельс подчеркивал необходимость критического их пересмотра. «Было бы нелепо, — писал Энгельс, — лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами» [4].

Первоначально задачу материалистического освещения истории первобытного общества взял на себя Маркс, сделавший подробные выписки из книги Моргана с критическими к ним замечаниями. После смерти Маркса начатую им работу продолжил и завершил Энгельс, выпустивший в 1884 г. замечательную книгу под названием: «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Критически использовав и переработав собранный Морганом материал и привлекая большое число новых фактов, Энгельс раскрыл в этой работе основные закономерности развития

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 247.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 14.
[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 58.
[4] Ф. Энгельс, Письмо Каутскому от 26 апреля 1884 г. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 372.

первобытного общества и дал его первую строго научную историю.

Работы Маркса и Энгельса, посвященные истории первобытного общества, представляют собой образец партийного отношения к науке. Классики марксизма не только подвергли суровой критике антинаучные теории буржуазных ученых, не только раскрыли закономерности развития первобытного общества, но и показали преходящий характер таких учреждений, как классы, частная собственность и государство. Тем самым классики марксизма использовали материал истории первобытного общества для обоснования великого учения научного социализма.

Дальнейшее развитие наука о первобытном обществе получила в трудах Ленина и Сталина. Труд В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», его лекция «О государстве», его работа «Аграрный вопрос и «критики Маркса», труды И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», «Марксизм и национальный вопрос», «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания», а также высказывания Ленина и Сталина в ряде других работ и писем являются руководящими указаниями при изучении истории первобытного общества.

И. В. Сталин дал классическую характеристику развития производительных сил в эпоху первобытно-общинного строя: это был «Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т. п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию» [1].

И. В. Сталин в своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» разоблачил антинаучное учение Марра о «ручном языке» («языке жестов») и указал, что «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества...», и что «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общество...» [2]. И. В. Сталин также указал пути развития языка в первобытном обществе «от языков родовых к языкам племенным» [3].

Ленин и Сталин, развивая учение о смене общественно-экономических формаций, создали учение о возможности некапиталистического развития современных отсталых народов. Особенно четко это учение выражено товарищем Сталиным в его докладе на X съезде партии. Около 25 миллионов населения царской Рос-

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 554. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 118.

[2] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 46.

[3] Там же, стр. 12.

сии «...не успели пройти периода промышленного капитализма..., ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм» [1].

Народы Крайнего Севера, Средней Азии и некоторые народы Кавказа, минуя капитализм, вошли как полноправные члены в социалистическое общество. Мудрая политика нашей партии обеспечила этим народам возможность еще невиданного в истории быстрого развития производительных сил, позволила создать свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, и обеспечила прочную дружбу народов.

§ 2. Источники первобытной истории. Изучение истории первобытного общества имеет свои особенности. Если последующие эпохи человеческой истории оставили нам многочисленные и разнообразные письменные памятники (рукописи, надписи и пр.), то первобытно общинный строй мы можем изучать только с помощью памятников иного рода, ибо письменность лишь зарождается в самом конце этого периода и оформляется только в классовом обществе.

Основные сведения о первобытном обществе получаем мы с помощью двух дисциплин, играющих в данном случае вспомогательную роль, — археологии и этнографии. Археология изучает памятники материальной культуры, различные каменные, костяные, металлические, отчасти и деревянные вещи (орудия, утварь, украшения, оружие и пр.), которые сохранились в земле. Археологи исследуют древние поселения («стоянки», «городища») и древние погребения; в поселениях раскопкам подвергается «культурный слой», т. е. достигающий иногда нескольких метров в толщину слой неорганических и органических остатков человеческой деятельности.

Другая наука — этнография — изучает жизнь племен и народов, в том числе и так называемых «отсталых племен». Еще в XIX — начале XX в. в различных местах Африки, Австралии, Америки, Индонезии, на островах Тихого океана и пр., а также и на территории нашей родины имелись племена, сохранявшие еще некоторые элементы первобытно-общинных форм и отношений. Еще больше таких народов было два тысячелетия назад, когда их могли наблюдать античные писатели, например, Геродот, Цезарь, Страбон, Тацит и др., которые сообщают о них ряд интересных сведений. Этнография изучает производство, материальную культуру, общественный строй и духовную жизнь таких народов; в частности, только этнографический материал проливает свет на историю семьи, органов управления, устное творчество и религию в первобытном обществе.

Значительный материал для изучения первобытно-общинного строя дают так называемые пережитки (реликты). В быту, в устном народном творчестве, в языке современных народов

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 41.

сохраняются разнообразные пережитки, восходящие к первобытному обществу, помогающие нам раскрыть отдельные стороны первобытных общественных отношений и верований. Точно так же и в быту и языке некоторых «отсталых» народов сохраняются пережитки, восходящие к еще более древним предкам.

§ 3. Периодизация истории первобытного общества. История первобытного общества составляет самую длительную по времени часть человеческой истории. В то время как первые государства появились всего лишь за 4 тысячи лет до н. э., история первобытного общества начинается со времени появления человека, т. е. примерно миллион лет назад. На протяжении этих многих тысячелетий в экономике и общественной организации первобытных людей происходили важные перемены. Поэтому возникла задача марксистской периодизации первобытной истории.

В работах буржуазных ученых периодизация первоначально основывалась целиком на археологических данных. Уже в начале прошлого столетия первобытная история была разделена на три «века»: к а м е н н ы й, м е д н ы й (бронзовый), ж е л е з н ы й — в зависимости от материала, из которого изготовлялись орудия. В дальнейшем «каменный век» тоже был разбит на три периода: палеолит (древний камень), мезолит (средний камень), неолит (новый камень), отличающиеся друг от друга как техникой обработки камня, так и формами каменных орудий, определяющимися их предназначением. Период палеолита был в свою очередь разделен на эпохи: нижний палеолит, средний палеолит и верхний палеолит. Каждая из этих эпох обычно разделялась еще на «культуры», получающие названия от места находки наиболее типических предметов, относящихся к данной культуре (Шелль, Мустье и т. д.).

Эта археологическая периодизация имела свои несомненные достоинства и получила всеобщее распространение среди археологов и историков. Однако она чрезмерно упрощала исторический процесс, видя различие отдельных этапов истории первобытного общества только в характере материала для орудий и в технике его обработки, и приводила к механистическому истолкованию истории, к неправильному представлению о том, что орудия одной эпохи сами по себе превращаются в орудия следующей эпохи, и тем отрывала развитие техники от развития общества. Однако, отказываясь от археологической периодизации, историки-марксисты ни в коем случае не могут отбрасывать созданную археологами классификацию типов орудий. «Такую же важность, — указывает Маркс, — как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» [1].

---

[1] К. М а р к с, Капитал, т. I, 1949, стр. 187.

Другую периодизацию в 70-х годах XIX в. предложил Л. Г. Морган в книге «Древнее общество». Эта периодизация в отличие от археологической не ограничивается технологическим критерием, но дает комплексную характеристику материальной культуры каждого данного периода. Всю историю первобытного общества Морган разделяет на два периода: «дикость» и «варварство». Эпоха «дикости» заканчивается изобретением лука и стрел; «варварство» начинается с введения гончарного круга и является периодом возникновения и развития земледелия и скотоводства. Каждый из этих периодов подразделяется на три ступени: низшую, среднюю и высшую.

Энгельс воспроизводит моргановскую периодизацию в первой главе своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но он признает ее недостаточность и говорит, что в сравнении с той картиной истории первобытного общества, которая развернется на страницах его труда, картина Моргана «покажется бледною и жалкою».

Энгельс, используя моргановскую периодизацию, в то же время не ограничился ею: он выделил как особый период эпоху первобытного стада, а также (в гл. IX книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства») эпоху патриархата и разложения родового строя.

Этим Энгельс положил начало марксистской периодизации истории первобытного общества, периодизации, основанной на базе развития производственных отношений.

Дальнейшее развитие марксистской периодизации истории первобытного общества мы находим в трудах Ленина и Сталина. Ленин разделил эту историю на период первобытного стада и период первобытной коммуны, или (применяя терминологию товарища Сталина) первобытной родовой общины. В письме к Горькому Ленин пишет: «...зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна» [1]. И. В. Сталин завершил периодизацию первобытно-общинного строя, разделив эпоху первобытной родовой общины на две стадии — матриархат и патриархат [2].

В настоящее время советские ученые не применяют периодизации Моргана в связи с высказываниями В. И. Ленина и И. В. Сталина: их деление истории первобытного общества подтверждается обширным новым археологическим и этнографическим материалом [3].

Перед советскими историками стоит задача выработать на этой подлинно научной основе подробную марксистско-ленинскую периодизацию истории первобытного общества.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

[2] И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. I, стр. 311.

[3] «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 5.

ГЛАВА II

ПЕРВОБЫТНОЕ СТАДО

§ 1. Процесс становления человека. История человечества начинается с появлением человека и человеческого общества. В буржуазной науке долгое время господствовала богословская теория о существовании непроходимой грани между животными и людьми: теория эта исходила из представления о сотворении людей богом «по образу и подобию божию». Критикуя эту теорию, Дарвин высказал мысль о происхождении человека от высокоразвитой породы человекоподобных обезьян. Открытия последних пятидесяти лет подтвердили эту мысль Дарвина и доказали существование в начале четвертичного геологического периода (около миллиона лет назад) людей, которые представляли собой промежуточное звено между человекоподобными обезьянами того времени и современными людьми.

Важнейшие находки этих ископаемых людей были сделаны на острове Ява (питекантроп), близ Пекина (синантроп) и близ г. Гейдельберг в Германии (гейдельбергский человек). Эти ископаемые люди отличались от человекоподобных обезьян прямой походкой и значительно большим объемом черепной коробки; объем черепа питекантропа (900 *куб. см*) значительно превосходит объем черепа самой крупной гориллы (600 *куб. см*); объем черепа синантропа еще больше (до 1300 *куб. см*). От современного человека эти ископаемые люди отличаются сравнительно малым размером мозга, отсутствием подбородочного выступа, что свидетельствует об отсутствии еще членораздельной речи, нависающими над глазами надбровными дугами.

Появление человека объясняется в буржуазной науке внешними, случайными причинами. Так, в качестве фактора, определившего становление человека, иногда выдвигается исчезновение лесов, заставившее обезьяну спуститься на землю, результатом чего была дифференциация конечностей и переход к прямохождению. Эта теория отвергает закономерность превращения обезьяны в человека.

Подлинно научное объяснение процесса становления человека было дано Энгельсом в его замечательной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Энгельс указывает, что важнейшим фактором, определившим процесс превращения обезьяны в человека, был труд. «Труд... создал самого человека», — говорит Энгельс. Но с чего начался такой человеческий труд? «Труд, — указывает Энгельс, — начинается с изготовления орудий» [1].

Трудовая деятельность, изготовление примитивных орудий приводят к разделению функций между передними и задними конечностями. Изготовление орудий становится специфической функ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. II, 1949, стр. 70, 75.

цией передних конечностей; это приводит к увеличению ловкости их, к образованию руки. Таким образом, рука «...является не только органом труда, *она также и продукт его*» [1].

По мере того как руки человека специализировались на трудовых функциях, он все меньше использовал их для передвижения: эта функция все более возлагалась на задние конечности. В результате этого у человека выработалась прямая походка. Прямохождение, в свою очередь, содействовало развитию рук, ибо освобождало их для трудовой деятельности; в то же время оно содействовало развитию гортани и голосовых связок. Изучение костей ископаемых людей показывает, что дифференциация конечностей опережает развитие черепа, что является блестящим подтверждением мысли Энгельса о роли труда в становлении человека.

Итак, возникновение человека явилось результатом труда. В трудовой деятельности людей первоначально преобладали инстинкты, и В. И. Ленин называл дикаря «инстинктивным человеком» [2]. Лишь постепенно элемент инстинктивности уступал место сознательной деятельности. Особенностью трудовой деятельности первобытного человека была ее коллективность. Так, с появлением человека возник вдобавок еще новый элемент — о б щ е с т в о (Э н г е л ь с). Коллективный характер труда порождал потребность в общении, порождал речь.

§ 2. Материальная культура и формы общения древнейших людей. Древнейшие люди появились в эпоху межледниковую, когда ледник, в начале четвертичного геологического периода покрывавший север Европы, Азии и Америки, отступил и установился климат гораздо более теплый, нежели в наше время. Европа тогда была покрыта тропическими лесами, здесь водились слоны и носороги.

Первые люди жили обычно на деревьях, лишь время от времени спускаясь на землю, где им угрожала смерть от хищных животных. У них не было ни жилища, ни одежды. Кроме примитивных дубин и необработанных камней, орудием им служило к р е м н е в о е р у ч н о е р у б и л о — массивное орудие миндалевидной формы, достигавшее 20 *см* в длину и 2 *кг* веса. С помощью другого камня оно было оббито с двух сторон. Ручное рубило было универсальным орудием: оно служило для грубой обработки деревянных палок, для охоты на мелких животных, для защиты от диких зверей. Основным занятием было преимущественно собирательство готовых продуктов природы. Люди питались плодами, орехами, корнеплодами, ловили мелких животных [3].

Выделившись первоначально из царства животных, люди вступили в историю еще в полуживотном состоянии: дикие, бес-

---

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Избр. соч., т. II, 1948, стр. 72.

[2] «Ленинский сборник», IX, 22.

[3] Впрочем, в советской исторической науке существует и другое мнение, что уже в эту эпоху люди охотились на крупных животных.

помощные перед силами природы, не знакомые со своими собственными силами, они были бедны, как животные, и производили немногим больше их [1]. «Никакого золотого века позади нас не было, — указывает В. И. Ленин, — и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [2].

В таких условиях «...люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ» [3]. Первобытные люди жили с т а д а м и [4]; в этих стадах не существовало ни разделения труда, ни какого-либо расчленения общества, ни неравенства; не было ни брака, ни семьи, господствовал промискуитет, т. е. неупорядоченное половое общение. Если все члены стада рассматривались как «свои», то все, кто стоял вне стада, все «чужие», считались врагами.

Древнейшие памятники человеческой деятельности, обнаруженные на территории СССР, относятся к нижнему палеолиту (раскопки на холме Сатани-дар в Армении).

В конце нижнего палеолита климат на земле подвергся значительным изменениям: период межледниковья кончился, и снова стал надвигаться ледник — приближалась пора третьего (максимального) о л е д е н е н и я; в Восточной Европе ледник спускался двумя колоссальными языками по Днепру и по Дону до Киева и Воронежа. В Европе появились хвойные леса и представители северной фауны — покрытые шерстью мамонт и сибирский носорог, — установились тундровые климатические условия. Животные тропических лесов либо вымерли, либо отступили на юг. В отличие от них люди смогли устоять перед наступлением холодов; они выдержали ухудшение климата только потому, что сумели найти новые средства для борьбы с природой.

В это время, которое археологи называют средним палеолитом, человек научился п о л ь з о в а т ь с я о г н е м. Возможно, что сперва люди научились использовать и сохранять естественный огонь, а затем стали добывать огонь с помощью трения деревянной палочки о кусок дерева, в результате чего получались тонкие стружки, которые нагревались от трения и начинали тлеть. К ним подводили трут, сделанный из шерстяных или растительных волокон, он загорался, а затем огонек раздували в пламя. Трудность добывания огня заставляла первобытных людей поддерживать неугасимый огонь.

Использование огня имело огромное значение: огонь давал человеку защиту от холода и диких животных, позволял есть пищу

---

[1] Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 1950, стр. 167.
[2] В. И. Л е н и н, Аграрный вопрос и «критики Маркса», Соч., т. 5, стр. 95.
[3] И. В. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.
[4] Ф. Э н г е л ь с, П. Лаврову. М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XXVI, стр. 410.

не в сыром, а в жареном виде. Добывание огня «...впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства» [1].

Люди в это время уже окончательно спускаются с деревьев на землю. Жилищем для них часто служат в это время пещеры, в которых они ищут спасения от холода и хищников. Изменилась и техника обработки камня: в различных странах люди разными путями переходили к изготовлению орудий, более мелких и тонких, нежели массивные рубила нижнего палеолита. Основными орудиями среднего палеолита были легкие остроконечники, пригодные для резания и прокалывания, и скребла, с помощью которых можно было скоблить шкуры убитых животных.

Изменилась хозяйственная деятельность: основным занятием первобытных людей становится охота на крупных животных (оленей, быков, диких лошадей, а позднее — мамонтов). Охота на крупных животных могла осуществляться лишь коллективно и приводила к укреплению общности в первобытном стаде. Охотничьим оружием служили рогатины и копья, острия которых для большей твердости обжигались на огне, а также бола, представляющие собой ремни с прикрепленными на конце камнями; люди метали бола, стараясь запутать ремнями ноги бегущих животных.

Охота, связанная с «удачей», естественно, не могла быть единственным источником существования человека, и собирательство попрежнему продолжало сохранять большое значение.

Охота на крупных животных давала человеку мясную пищу, причем люди среднего палеолита могли уже есть мясо не сырым, а поджаренным на огне (впрочем, иногда они попрежнему ели сырое мясо). Энгельс подчеркнул, что мясная пища «...знаменует собой новый важный шаг на пути к превращению в человека», [2] ибо в ней содержатся в почти готовом виде почти все вещества, в которых нуждается организм человека. Кроме того, из шкур животных люди научились приготовлять примитивную одежду, необходимую в условиях наступившего похолодания.

В то же самое время изменялись и общественные отношения в человеческом стаде. Появилось первое разделение труда — разделение по поло-возрастному принципу. Мужчины становятся охотниками, тогда как женщины и дети занимаются собирательством.

Видный советский археолог П. П. Ефименко предполагает, что различные орудия среднего палеолита были орудиями различных полов: остроконечники — мужскими ножами, а скребла — женскими.

Накопление производственного опыта приводило к развитию человеческого сознания и речи.

Мясная пища, накопление производственного опыта и развитие речи — все это изменяло и самый физический тип человека.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 108.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. II, стр. 76.

Человек среднего палеолита, так называемый неандерталец (от находки 1856 г. в Неандертале, близ Дюссельдорфа), представлял собой значительно более развитой тип, нежели найденные ранние виды ископаемых людей. Емкость черепа неандертальца (1400 *куб. см*) уже приближается к размерам черепа современного человека.

По многочисленным находкам целых скелетов неандертальцев буржуазные ученые пытались восстановить их облик, который имел якобы обезьяньи, звериные черты.

Но все эти попытки были предположительными, так как буржуазные ученые не могли более или менее точно восстановить мышцы лица и головы. Эту задачу с успехом разрешил советский ученый М. М. Герасимов, который является одновременно и скульптором. Он установил закономерности, существующие между костным черепом и мягкими тканями лица, и проверил их на опыте: восстанавливал лица по черепам людей, портреты которых сохранились, не глядя на эти портреты, и всегда оказывалось, что реконструкция М. М. Герасимова имеет полное сходство с портретом. М. М. Герасимов восстановил таким путем лица синантропов и неандертальцев и показал ошибочность буржуазных попыток. В синантропе действительно было еще много обезьяньих черт, но неандертальцы имели уже вполне человеческий облик. Особенностью его была посадка головы, которая была пропорционально больше современной и выдвинута вперед, так что получалась сутулая фигура, но черты лица были уже вполне человеческие, также и вся посадка фигуры и форма рук. Ноги его были обращены носками внутрь, как это и теперь имеет место у племен, занимающихся охотой; походка неандертальцев, вопреки утверждениям буржуазных археологов, была вполне устойчивой.

Неандертальцы были распространены во всем Старом Свете. На территории СССР находки неандертальцев были сделаны только советскими археологами: в 1924 г. Бонч-Осмоловский обнаружил части скелета неандертальца в пещере Киик-Коба, в Крыму, а в 1938 г. А. П. Окладников нашел неандертальский костяк ребенка в пещере Тешик-Таш, в южном Узбекистане.

§ 3. Примитивные формы идеологии. Классики марксизма-ленинизма дали руководящие указания для разрешения проблемы возникновения мышления, возникновения первых форм идеологии, вообще так называемой духовной культуры первобытного общества.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывают, что обусловливающее возможность мышления сознание, а также и язык (т. е. речь) появляются в самые первые времена существования человеческого общества, появляются на основе производства: «Люди... должны *производить* свою жизнь, и притом *определенным* образом. Это обусловлено их физической организацией, так же как и их сознание»[1]. В развернутом виде это положение дано товарищем Сталиным. Подчеркивая вторичный, производный характер мышления, товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» пишет: «...источник формирования духовной жизни общества, источник

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 20, прим. 1.

происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.» [1]. Значит, духовная жизнь эпохи первобытного стада была порождением и отражением общественного бытия этой эпохи. Такова единственно правильная, материалистическая постановка вопроса о духовной жизни первобытного человека.

Этого не понимают и не могут понять буржуазные историки, стоящие на позициях идеализма и объясняющие развитие человеческого сознания из него самого. Такова, например, анимистическая теория английского ученого Тэйлора, утверждавшего, что первобытное представление о существовании духов возникает из размышлений человека над сновидениями, проблемой смерти и т. д. Столь же идеалистической является и теория французского ученого Леви-Брюля, который, подчеркивая отличие мышления первобытного человека от современного логического мышления, не хочет понять того, что это отличие обусловлено лишь примитивным характером начального человеческого опыта, слабостью развития производительных сил. Не понимая этого, Леви-Брюль приходит к реакционному представлению о принципиальном отличии мышления первобытного человека и современного мышления. Тем самым «теория» Леви-Брюля ссылкой на высшую организацию мышления европейцев «оправдывает» реакционный тезис расистов о превосходстве одних рас над другими. Таким образом, теории современных идеалистов типа Леви-Брюля, представляющие собой «последнее слово» западноевропейской науки, на деле являются идеологическим оправданием колониального гнета.

Развитие мышления и духовной жизни человека начинается с того момента, когда, благодаря коллективной трудовой деятельности, человек выделился из мира животных. Производственные навыки составляли первый опыт человека и закреплялись в сознании. Как говорит Маркс, «...сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди». Сознание первых людей было «...осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами...»; в то же время оно было осознанием природы, «...которая первоначально противостоит людям, как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и перед которой они беспомощны, как скот». На этой почве возникает также осознание «...того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан» [2].

Таким образом, особенностью первобытного мышления является его коллективность, стадность. В первобытном стаде и

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 545. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 110.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 21.

в ранней родовой общине связанность людей в процессе производства приводила к тому, что «...отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках» [1] коллективу. Поэтому первоначально первобытный человек не выделяет себя из коллектива и осмысливает себя не как индивидуальность, а как члена данного коллектива.

Так же, как сознание, древен и язык. «...язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми», — указывали Маркс и Энгельс [2]. «Язык, — говорит Маркс в другом месте, — как продукт отдельного человека — бессмыслица... речь — это продукт известного коллектива...»[3]. Иначе говоря, «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [4]. Язык возникает в человеческом коллективе в результате трудовой деятельности.

Классическое определение языка дано И. В. Сталиным в работе «Относительно марксизма в языкознании». И. В. Сталин пишет: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека, и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [5].

И. В. Сталин вскрыл специфический характер языка, показав, что он не является надстройкой над базисом [6], что он, следовательно, не является классовым, но равно обслуживает членов общества независимо от их социального положения [7]. В соответствии с этим и развитие языка происходит не так, как развитие надстройки. Переход от одного качества языка к другому совершается путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, а не путем взрыва, не путем внезапного уничтожения старого [8].

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 101.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 20—21.
[3] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 20 — 21.
[4] В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. 20, стр. 368.
[5] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.
[6] Там же, стр. 5—11.
[7] Там же, стр. 12.
[8] Там же, стр. 28.

Конкретного представления о строе языков людей эпохи первобытного стада мы не имеем. Фантастические теории о языке первобытных людей, созданные акад. Н. Я. Марром, не подтверждаемые фактами, в настоящее время отвергнуты советской наукой. В частности, отвергнуты произвольные домыслы акад. Н. Я. Марра о том, что первоначальной речью человека была «ручная» речь, язык жестов. «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей» [1].

Поскольку первобытные стада были замкнутыми коллективами, постольку языки этих стад являлись самостоятельными языками, отличающимися от языков других стад.

Создание языка сыграло очень большую роль в истории человечества. «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» [2].

Первоначально представления первобытных людей были связаны лишь с примитивными трудовыми навыками, потому что человек эпохи первобытного стада был настолько поглощен непосредственным, непрерывным добыванием пищи, что не был в состоянии задумываться над объяснениями мира. Будучи бессильным перед окружавшей его природой, человек еще не понимал своего бессилия. Следовательно, у человека первоначально не было религиозных представлений. Мы можем говорить о первоначальном отсутствии религиозных представлений у стадного человека.

Только в эпоху среднего палеолита у человека возникают примитивные представления о своей собственной и окружающей его природе, которые в результате бессилия человека в борьбе с ней порождают фантастические отражения.

Свидетельством зарождения примитивных религиозных представлений людей среднего палеолита являются сохранившиеся погребения неандертальцев. Погребения располагались в пещерах, служивших местом жилья неандертальцев; для покойника вырывали небольшие ямы, напоминавшие ямы для спанья. Повидимому, люди заботились о покойниках, не отделяя их еще от своего коллектива и устраивая их, как живых. Подлинного культа покойников — в виде раскрашивания трупов красной краской — еще не было: люди еще не наделяли покойников сверхъестественной силой, принципиально отличной от земных сил.

В то же время зарождаются первые элементы культа животных. Вокруг неандертальского погребения в Тешик-Таш были

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 46.

[2] Там же.

размещены рога горных козлов; в некоторых пещерах, заселенных в среднем палеолите, были обнаружены черепа пещерных медведей, сознательно обложенные камнями.

Все эти известия о зарождении первых примитивных религиозных представлений человека эпохи среднего палеолита чрезвычайно скудны и неопределенны. Возникновение развитого культа относится уже к следующему историческому этапу — к эпохе родовой общины.

§ 4. Оформление современного физического типа человека. Верхний палеолит. На смену среднему палеолиту приходит, согласно археологической периодизации, эпоха верхнего палеолита (около 40—12 тысяч лет до н. э.).

Климатические условия этой эпохи не один раз менялись. Сперва ледник отступил, и климат в Европе и Южной Сибири сделался умеренным. Затем ледник вновь начал наступать: это был период четвертого, последнего, но уже не столь мощного оледенения. В районах, близких к леднику, установился тундровый климат, более южные области превратились в холодные степи. Мамонты к концу этого периода стали вымирать, а северные олени распространились по берегам Средиземного моря, жили в Крыму и на Кавказе.

К началу верхнего палеолита завершается процесс становления человека: появляется человек современного типа — человек разумный (homo sapiens). Человек верхнего палеолита представлен несколькими расовыми типами. В Европе был распространен тип кроманьонского человека (название — от пещеры Кроманьон в юго-западной Франции); находки кроманьонского человека были сделаны и на территории СССР. Кроманьонцы были рослыми людьми с широкими скулами, орлиным носом и хорошо сформированным подбородком. В Италии были обнаружены скелеты людей другого типа, чрезвычайно сходного с современным негроидным типом. В стоянке Афонтова гора, близ Красноярска, обнаружен верхнепалеолитический человек монголоидного типа.

Вопрос о расах является острым политическим вопросом. Германские фашисты и англо-американские империалисты с помощью расовой теории, которая «так же далека от науки, как небо от земли» (Сталин), стремились оправдать агрессию и господство над другими народами. Они выдвигают лженаучное бредовое «учение» о существовании полноценных и неполноценных, высших и низших рас. Буржуазные ученые пытаются «обосновать» расовую теорию с помощью «наукообразных» концепций. В этой связи особенно важным становится вопрос о происхождении рас, так как буржуазные историки утверждают, что расы существовали всегда, что на территории Европы всегда жил человек современного типа, тогда как негроиды и другие «низшие» расы являются потомками менее развитых видов человека: питекантропа, синантропа и неандертальца.

Труды советских ученых опровергают расистские бредни. Советские ученые установили, что три основные человеческие расы (негроидная, европеоидная и монголоидная) отличаются одна от другой лишь внешними, второстепенными признаками (окраской кожи, формой волос и пр.). Объем черепной коробки, умственные и физические способности представителей всех рас одинаковы. Никаких преимуществ одних рас перед другими не существует.

Далее, советские ученые установили, что расы появляются лишь в результате определенного развития. Неандертальцы, обнаруженные в разных частях Старого Света, обладают гораздо большим сходством между собой, нежели с теми расами, которые впоследствии сложились в этих областях. В эпоху среднего палеолита, когда в результате контакта между различными стадами охотников за крупным зверем, кочевавшими на огромном пространстве, имело место постоянное смешение местных типов, рас не существовало, и человек этой эпохи обладал характерными чертами всех современных рас. Лишь в дальнейшем, в результате изоляции отдельных групп человечества, возникают расы, отличающиеся, как мы видели, лишь внешними второстепенными признаками. Таким образом, фашистская теория об извечности расовых типов оказывается антинаучной: европеоиды, как и все другие расы, явились потомками неандертальцев.

Эпоха верхнего палеолита характеризуется дальнейшим ростом производительных сил. Техника верхнего палеолита значительно превосходит технику неандертальцев. Усовершенствовано было изготовление кремневых орудий, поверхность которых теперь обрабатывалась с помощью отжимной ретуши: человек длинной костяной палочкой осторожно отжимал от предварительно оббитого куска кремня тонкие чешуйки, добиваясь симметричности орудия, остроты и прочности рабочего края. Материалом для орудий верхнего палеолита служили не только камень, но также кость и рог.

К концу верхнего палеолита широко распространяется наряду с охотой и рыболовство. Орудия добывания пищи стали гораздо более разнообразными: появились копья с кремневыми наконечниками, кинжалы из рога, гарпуны, применявшиеся для охоты и рыбной ловли; для разделывания туш и обработки шкур изготовлялись специальные скребки, пластинки, костяные иглы. Важнейшим моментом в истории техники теперь является изготовление специальных орудий для производства орудий: особых кремневых резцов для обработки рога и кости.

Люди верхнего палеолита жили не только в пещерах, но устраивали для себя искусственные жилища: навесы, шалаши и даже землянки. Советские археологи (П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин) открыли верхнепалеолитические землянки на берегах реки Дона. Это были ямы, достигавшие до 6 *м* в длину, с перекрытиями из ветвей, поверх которых насыпалась земля. Одни из землянок имели очаг и служили жилищем, в других хранились запасы: туши убитых оленей и других животных.

Развитие охоты и появление рыболовства сделало человека менее зависимым от климата и условий местности. В эпоху верхнего палеолита люди широко распространяются по суше, заселяя большую часть земной поверхности. На территории СССР верхнепалеолитические стоянки были открыты в Закавказье, Крыму и Прибайкалье. Возможно, что в эпоху верхнего палеолита люди расселяются по Америке и Австралии.

В Австралии до открытия ее европейцами существовали туземные племена, сохранявшие материальную культуру и быт, близкий к материальной культуре и быту верхнего палеолита. Загнанные колонизаторами в полу-

пустынные области, они продолжали существовать вплоть до XX в. как пережиточная форма, как «живые ископаемые».

Австралийцы занимались охотой и собирательством. Мужчины охотились на кенгуру и мелких зверей с помощью бумеранга, дубины и деревянного копья с обожженным концом. Для метания копья они применяли специальную копьеметалку, увеличивавшую силу удара. Женщины занимались собирательством: они собирали лебединые яйца, улиток, змей, лягушек, коренья. Кроме того, они ловили сетями рыбу и раков. Охота и рыбная ловля обычно производились коллективно.

Делать запасы пищи австралийцы не умели, поэтому им часто приходилось голодать. Все же австралийцы уже научились хранить запасы пчелиного меда.

Австралийцы вели бродячий образ жизни, устраивая на стоянках несложные шалаши или просто укладываясь спать в небольших ямах. Одежда австралийцев была весьма примитивной: иногда она состояла просто из пучка травы, прикреплявшейся к поясу.

§ 5. Возникновение первобытной родовой общины. Постепенное развитие производительных сил делало существование человека более обеспеченным и позволяло ограничить кочевание человеческих стад. Правда, люди верхнего палеолита еще оставались бродячими охотниками: раскопки верхнепалеолитической стоянки близ Томска показывают, что первобытное стадо, убив мамонта, временно оседало возле туши убитого зверя и, доев его, отправлялось дальше. Но в эту же эпоху, как уже отмечалось, впервые возникает искусственное жилище — землянка, рассчитанная на сравнительно долгое пребывание в ней человека.

Австралийцы, жившие небольшими группами человек по 40, кочевали по определенной территории, которая являлась «кормовой областью» данной группы: всякому «чужаку» запрещалось вступать на эту территорию. Создание такой относительной связи с определенной территорией приводило, в свою очередь, к упрочению связей в коллективе, все более осознающем свое хозяйственное и кровное родство. Прежняя архаичная стадность стала уступать место новой, более высокой организации общества.

Разложение первобытного стада протекает в основном по трем линиям. Во-первых, повышение производительности труда позволяет теперь дочерним группам, отпочковавшимся от материнского стада, не порывать с ним окончательно, но поддерживать известные хозяйственные отношения. Они продолжают считаться родственными и составляют одно племя. Разные группы одного племени могут оказывать друг другу известную поддержку, вплоть до приглашения на свою охотничью территорию.

Во-вторых, первобытные люди постепенно приходят к запрещению брачных связей внутри данной группы. Такое запрещение браков в пределах данной общественной группы носит название экзогамии. Возникновение экзогамии теснейшим образом связано с хозяйственным развитием человека, которое совершается в первобытном стаде. В человеческом обществе брак перестает быть биологическим явлением и превращается в общественный институт. Первые запреты брачных связей внутри хозяйствен-

ного коллектива преследовали цель обуздания инстинктов, нарушающих трудовое единство коллектива.

Таково было установление брачных запретов сперва между родителями и детьми, а затем и между членами одного коллектива — «братьями» и «сестрами».

Экзогамия могла возникнуть лишь на определенной ступени, потому что первоначальное стадо представляло собой замкнутый коллектив, не связанный с другими коллективами. Она могла возникнуть лишь после того, как между материнской и отделившейся дочерней группами связи перестали разрываться полностью, когда обе они стали осознавать себя как части племени и члены их продолжали вступать в брак. А это означает, что экзогамия включает в себя не только отрицательный момент запрещения браков внутри определенного коллектива, но и положительный момент: требование заключения браков с представителями определенного коллектива. Отныне две группы одного племени оказывались связанными между собой обычаем взаимных браков: если браки между членами группы запрещались, то в то же время люди должны были вступать в брачные связи только с членами своего племени. Обычай вступать в брак в пределах данного большого коллектива (племени) носит название эндогамии. Обычай эндогамии, разумеется, содействовал сплочению племени.

Такая двойственная организация племени рассматривалась Энгельсом как первичная форма экзогамно-родового устройства. Пережитки такой организации сохраняются на гораздо более высоких ступенях развития: они были открыты советскими этнографами у некоторых современных народов.

В дальнейшем число экзогамных групп в племени возрастало. Брак на этом этапе представлял собой групповой брак, т. е. такую форму семейных отношений, когда существовала «...взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга...» [1]. Из этого круга были исключены, в результате введения экзогамии, сестры и братья. Хотя и при групповом браке складывались временно более или менее прочные брачные пары, однако никто не имел исключительного права на своего супруга.

Групповой брак существовал у австралийцев, где все племя распадалось на две или на четыре взаимобрачующиеся группы; на территории России пережитки группового брака сохранялись у нивхов (гиляков) и были открыты в конце XIX в. народовольцем Л. Я. Штернбергом, сосланным царским правительством на Дальний Восток. Открытие Штернберга получило высокую оценку Энгельса.

В-третьих, структура первобытного стада усложнялась в результате разделения труда по поло-возрастному принципу. Это разделение труда было последовательно проведено уже у австралийцев, у которых женщины и дети занимались

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 38.

собирательством и рыбной ловлей, а мужчины — охотой. Такое разделение труда приводит к известному обособлению мужской и женской части племени: на стоянке мужчины разбивают лагерь отдельно от женщин, женщины приготовляют одну пищу, мужчины — другую, появляются различные мужские и женские диалекты языка.

С возрастным разделением труда связано появление обряда инициаций (посвящения), который имел задачу оформить переход юношей в группу взрослых мужчин, в мужское общество. В развитом виде обряд инициаций существовал уже у австралийцев, которые подвергали юношей суровым испытаниям: выбиванию зубов, испытанию огнем и пр.

С поло-возрастным разделением труда связано и выделение особой группы стариков, являвшихся носителями общественного опыта и руководивших всеми делами коллектива.

Таким образом, человеческий коллектив постепенно потерял архаичную стадность: по мере развития производительных сил и разделения труда первобытное стадо разлагается и уступает место новой, более высокой организации человеческого общества — первобытной общине.

ГЛАВА III

ПЕРВОБЫТНАЯ ОБЩИНА ЭПОХИ МАТРИАРХАТА

§ 1. Основные черты материнской родовой общины. Основной общественной формой первобытной эпохи является родовая община, т. е. сплоченный коллектив, связанный хозяйственными и духовными интересами, общим происхождением и узами родства. Род, по словам Энгельса, представляет собой союз, «...который гордится общим происхождением (в данном случае от одного общего родоначальника) и известными общественными и религиозными учреждениями...» [1]. Экзогамия была существенным моментом родовых порядков, — тем самым род не мог существовать без связи с другими родами эндогамного племени.

Первоначальная родовая община, возникшая в условиях господства группового брака, могла быть только материнской (матриархальной) общиной, т. е. такой, в которой счет родства шел исключительно по материнской линии. Это обусловлено тем, что при групповом браке, когда группа женщин находится в связи с группой мужчин, отцовство не может быть установлено: ребенок знает мать, но не знает отца. Поэтому ребенок принадлежит к роду матери и не считается родственником отца. Материнский род является исходной формой в развитии родового строя и, тем самым, необходимым этапом в развитии человеческого общества.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 86.

Буржуазные историки пытаются опровергнуть это положение, развитое Энгельсом. Они хотят «доказать», что мужчина всегда был главой семьи, «носителем активного, творческого начала», что материнский род является лишь отклонением от нормального развития. Эти реакционные утверждения буржуазных историков, направленные на «доказательство» извечности приниженного положения женщины, противоречат фактам. Они были подвергнуты развернутой критике в работе советского историка и этнографа М. О. Косвена «Матриархат». Советские этнографы А. Ф. Анисимов, А. М. Золотарёв и др. установили широкое и повсеместное распространение пережитков материнского рода у ряда народов Северной Азии (эвенки, ульчи и др.), которых буржуазная наука считала классическими представителями «отцовско-правовых» отношений.

§ 2. Развитие производительных сил в эпоху матриархата. Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам явился одним из крупнейших достижений человечества. И. В. Сталин называет переход к луку и стрелам первой ступенью в числе основных этапов развития производительных сил общества на протяжении истории человечества [1].

Появление лука и стрел облегчило человеку борьбу с природой. Лук был более совершенным орудием охоты, нежели копье. Спущенная из лука стрела вернее попадала в цель, а в случае промаха можно было немедленно же выпустить новую стрелу. Лук и стрела служили не только для охоты на диких зверей, но и для рыболовства: некоторые «дикари» стреляют рыбу из лука. Лук и стрелы позволили охотиться и на птиц.

По археологической периодизации этому этапу соответствуют мезолит и ранний неолит (около XII — VI тысячелетия до н. э.). В это время в связи с отступлением ледников началось новое потепление: тундра в Европе и Азии уступила место дремучим лесам и степи. Постепенно установились современные климатические условия.

Мезолитические памятники характеризуются мелким инвентарем: маленькими каменными орудиями (микролиты) в виде треугольников, трапеций, сегментов, которые служили в качестве вкладышей в деревянную или роговую основу и в частности применялись как наконечники для стрел. Большое количество мезолитических стоянок было обнаружено в Крыму, на реке Донец и в других частях Советского Союза. В мезолитических стоянках лесной полосы СССР (на реке Оке и др.) обнаруживаются уже правильной формы наконечники стрел с черенком.

В это время происходит увеличение хозяйственного значения рыболовства, что объясняется в значительной мере распространением непроходимых лесов, заставившим население лесной полосы жаться к берегам озер и рек.

Рыболовство приобретает особенно большое значение в эпоху раннего неолита, которая характеризуется сочетанием микроли-

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 554. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

тической техники с изготовлением крупных орудий (топоров, молотов), оббитых со всех сторон. Охотники и рыболовы раннего неолита оседают на берегах морей или рек, на озерных островах, а может быть, даже на плотах у берега. Памятники раннего неолита были обнаружены в Белоруссии, на верхней Волге и в других частях СССР.

По мере отступления ледников охотники и рыболовы продвигались на север и в эпоху раннего неолита заселили побережье Ледовитого океана в районе Мурманска.

Сходный экономический быт долго сохранялся у населения Огненной земли, бушменов и некоторых карликовых народов Центральной Африки и Индии. Они занимались охотой, употребляя лук и стрелы, часто с отравленными наконечниками. Если охота была мужским занятием, то собирательство продолжало оставаться делом женщин. Так, в хозяйстве огнеземельцев рыбная ловля с применением челнов и собирательство играли равно ведущие роли.

Особенно большую роль играло собирательство у некоторых калифорнийских индейцев. Собирательство, хорошо организованное, служило им даже основным источником существования. Индейцы собирали жолуди, ягоды, орехи и пр. В период созревания желудей калифорнийцы отправлялись в дубовые рощи; мужчины палками сбивали жолуди, женщины уносили их в плетеных корзинах в деревню, очищали от шелухи и сушили. Из растертых на зернотерках желудей пекли лепешки, а в плотных плетеных корзинах варили кашу из желудевой муки.

Рост производительных сил, развитие рыболовства и охоты, совершенствование собирательства, усложнение орудий и утвари обеспечивают возможность создавать известные запасы и приводят к тесно связанной с этим оседлости. Правда, охотничьи племена продолжают еще оставаться бродячими, но рыболовы и собиратели все чаще переходят к оседлому быту.

Важным достижением человека на этой ступени было п р и р у ч е н и е с о б а к и. Древнейшая находка костей домашней собаки относится еще к верхнему палеолиту (Афонтова гора близ Красноярска). Собака — это первое животное, приручение и одомашненное человеком. Собака могла быть приручена лишь на определенной довольно высокой ступени развития общества, когда человек уже обладал известными запасами пищи; в противном случае периодические голодовки приводили бы к уничтожению собак. Собака была и первым транспортным животным человека. С появлением запасов возникала необходимость в какой-либо тяговой силе для их перевозки, и в качестве этой силы была использована собака. О том, что первоначально собака была вьючным животным, рассказывают и легенды некоторых народов СССР, например, гиляков и шорцев. В дальнейшем собак стали запрягать в «волокуши», на которые накладывали груз. Собаку применяли и на охоте.

Далее крупным достижением людей явилось и з г о т о в л е н и е г л и н я н о й п о с у д ы, позволившее перейти к систематической варке пищи. Оно облегчило людям усвоение питательных веществ и расширило круг пищевых ресурсов. Тем самым введение

гончарного производства расширяло возможности людей в борьбе с природой.

Производству глиняной посуды предшествовало изготовление плетеных и деревянных сосудов, которые обмазывали глиной, чтобы сделать их более прочными и огнеупорными. «При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда» [1]. Одним из наиболее архаичных способов изготовления глиняной посуды (керамики) был способ налепа. Он заключался в том, что из смеси глины с песком изготовляли валики (жгуты), которые кольцами или по спирали накладывали друг на друга. Изготовленные от руки сосуды обжигались на кострах. Открытие гончарного искусства и производство глиняной посуды было делом женщин: у некоторых народов мужчинам даже запрещается подходить к тем хижинам, в которых женщины в глубокой тишине лепили горшки. Гончарное производство содействовало, таким образом, дальнейшему разделению труда между полами. Появление глиняной посуды свидетельствует также об упрочившейся оседлости: носить на себе тяжелые и хрупкие горшки во время частых переходов было бы невозможно.

Несколько позднее появляется новая техника обработки камня: полирование и сверление камня. Изготовление полированных орудий характерно для эпохи позднего неолита (V—III тысячелетия до н. э.).

Полирование производили на специальных плитах песчаника, подсыпая смоченный водой песок. Сверление осуществляли с помощью полых трубок (стебель твердого тростника, трубчатые кости), которым придавали вращательное движение, зажав их тетивой лука; под рабочий конец трубки подсыпали мокрый песок. Полирование и сверление твердых пород камня — весьма трудоемкий процесс: иногда топор полировался несколько десятков лет — начинал дед, а кончал внук. Поэтому естественно, что и в это время основная масса кремневых орудий изготовлялась посредством прежней техники оббивки и ретуши.

Полирование орудий позволило изготовлять специализированные формы: долото, топор и т. п. Полированный топор насаживался на коленчатую рукоять, которая как бы зажимала камень; затем он закреплялся смолой и ремнями. Сверленный топор можно было уже одевать на прямую рукоять. Появление таких орудий позволило человеку вырубать небольшие деревья и содействовало развитию строительной техники; люди начинают строить деревянные дома. С помощью кремневых ножей покрывали деревянные предметы искусной резьбой.

К концу неолита охота достигает у многих народов очень высокого развития. Охотники применяют загоны, сложные западни; большого совершенства достигает искусство изготовления луков. Особенно важным достижением северных охотников было изобретение лыж, позволявших быстро передвигаться по снежным просторам, преследуя уходящую дичь. Высокого развития достигает и рыболовство. Ловля рыбы производится с помощью сетей многих сортов, устраивают запруды на реках, за рыбой выезжают в открытое море на лодках.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 22.

Развитие производительности труда привело в неолите к возможности создания постоянных з а п а с о в пищи, орудий и т. п. Эти запасы являлись, естественно, предметом вожделения соседних племен: необходимость защиты накопленных запасов изменяет весь облик поселения. С эпохи неолита начинает распространяться тип поселения с оградой: летом население жило за оградой в легких шалашах, сделанных из бересты, зимой перебиралось в бревенчатые полуземлянки, тоже окруженные деревянным тыном. Поселение такого типа было раскопано недавно советским археологом О. Н. Бадером в Полуденке (на Урале).

На территории СССР в эпоху неолита широко был распространен тип хозяйства охотников и рыболовов, с преобладанием рыболовства и охоты на водоплавающую птицу. Поэтому стоянки северо-восточной Европы этого периода, как правило, расположены у воды: люди жили в домах на сваях по берегам озер; известную хозяйственную роль играла охота на лося. Керамика неолитических стоянок северо-восточной Европы, исследованная советским археологом М. В. Воеводским, была еще грубо отделанной и обжигалась на костре; она была украшена орнаментом из ямок и штрихов.

В Прибайкалье комплексное охотничье-рыболовное хозяйство эпохи неолита было изучено А. П. Окладниковым. На берегах Аму-Дарьи также существовала неолитическая культура охотников и рыболовов, открытая советским ученым С. П. Толстовым, который назвал ее кельтиминарской. Кельтиминарцы жили в огромных шалашах, выстроенных из жердей.

В некоторых местах земного шара долго сохранялись племена, стоявшие еще на подобной ступени культуры. Так, в конце XVII в. казак В. Атласов открыл на Камчатке ительменов, общественный строй которых был затем подробно описан С. П. Крашенинниковым, участником большой экспедиции Российской Академии наук, посланной в середине XVIII в. Ительмены выделывали каменные топоры и глиняную посуду, они занимались рыболовством, охотой и собирательством. Они приручали и разводили в большом количестве собак, которых запрягали в сани. Ительмены жили оседло, в укрепленных «острожках».

§ 3. Возникновение примитивного земледелия и скотоводства. В эпоху матриархата зарождается примитивное земледелие и скотоводство.

В буржуазной науке распространена идеалистическая концепция возникновения земледелия и скотоводства, которая «объясняет» этот процесс религиозными представлениями первобытных людей. Предпосылкой скотоводства, согласно этой теории, является тотемизм (форма культа животных); скотоводство якобы начинается с приручения тотема — мифического предка рода; земледелие же, по этой концепции, якобы, развилось из культа матери-земли; пахота рассматривается как магический обряд оплодотворения земли. Эта идеалистическая теория, на самом деле, ставит действительные отношения с ног на голову и подменяет причину следствием: появление представлений о земле-матери было отнюдь не причиной, но следствием развития земледелия.

Советская наука о первобытном обществе, следуя марксистско-ленинской методологии, считает, что первобытное земледелие развилось из собирательства, которое, как мы знаем, могло принимать у некоторых племен развитые формы. От собирательства можно было перейти к посадке первоначально диких видов растений, особенно корнеплодов: постепенно путем искусственного отбора, гибридизации и создания благоприятных условий (взрыхление почвы, поливка, удобрение) люди добиваются улучшения сорта. Первоначально люди обрабатывали землю с помощью заостренной палки-копалки; затем они перешли к мотыжному земледелию; мотыги изготовлялись из дерева, рога и камня.

Первобытное скотоводство возникло из охоты. Значительным шагом к приручению животных была охота с загонами, когда загнанные в огороженное место дикие животные могли сохраняться живыми и размножаться. Таким образом, скотоводство возникает как дополнение к охоте: пойманные животные сохранялись в качестве живого запаса мясной пищи.

Поскольку земледелие развилось из собирательства, оно стало женским делом, тогда как выросшее из охоты первобытное скотоводство становилось, как правило, делом мужчин. Таким образом, развитие этих отраслей хозяйства стимулировало дальнейшее разделение труда между полами.

Вначале зарождаются лишь зачаточные формы земледелия и скотоводства; появление подлинного скотоводства и земледелия и превращение их в основной тип хозяйственной деятельности совершается только на следующем историческом этапе.

Древнейшими культурными растениями были ячмень, пшеница и просо, а также горох, чечевица, морковь. Вопрос о древнейших видах одомашненного скота недостаточно выяснен; повидимому, ранее других были приручены овца, коза и свинья и лишь позднее — крупный рогатый скот. Значительно позднее была приручена лошадь.

Долгое время сохранялось известное число отсталых племен (в Америке, на островах Тихого океана), которые обладали уже зачатками земледелия, но в силу особых природных условий, и прежде всего — отсутствия пригодных для приручения животных, не могли развить примитивного скотоводства. Так, в конце XIX в. выдающийся русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай открыл и изучил папуасов Новой Гвинеи («Берег Маклая»), которые по своему развитию стояли выше ительменов в том отношении, что уже знали примитивное земледелие в виде огородничества. На сходной ступени развития стояли многочисленные охотничьи племена Бразилии, у которых также прослеживаются начатки примитивного земледелия. Значительно выше был уровень материально-хозяйственной культуры ирокезов — охотников и земледельцев, быт которых изучал Морган.

§ 4. Организация производства. В эпоху матриархата основной формой производства является простая кооперация, т. е. коллективный труд членов рода. Охота в форме облавы или

с помощью загонов, рыбная ловля сетями, организованное собирательство — все эти виды труда могли осуществляться лишь коллективом.

С развитием примитивного земледелия коллективность труда не только не исчезает, но еще более укрепляется: трудоемкость мотыжного земледелия в условиях примитивности средств производства (каменный топор для вырубки леса, деревянная мотыга, а то и простая палка-копалка) делали его невозможным без объединения усилий коллектива, рода.

Коллективная обработка земли существовала у всех первобытных народов, знавших земледелие; у папуасов Новой Гвинеи вскапывание земли начинали мужчины, которые взрыхляли землю заостренной палкой; за ними шли женщины, вооруженные примитивной лопатой, и наконец, дети, которые руками растирали комья земли и выбрасывали камни. Вся дальнейшая работа (сев, прополка, чрезвычайно трудоемкая охрана урожая от вредителей, птиц и грызунов, наконец, уборка) приходилась, как правило, на долю женщин.

Коллективное производство обусловливало и коллективную собственность. Первобытные люди рассматривают свою охотничью территорию как собственность данного коллектива — племени, а в пределах племени — рода. Правда, коллективная собственность не исключает существования и личной собственности на украшения, некоторые орудия труда и т. д. Но земля, охотничьи угодья, жилища, лодки в первобытную эпоху находились всегда в собственности коллектива, рода.

Домашнее хозяйство также носило общинный характер. Люди жили в больших домах, вмещавших иногда несколько сот человек. Для раннего этапа этой ступени чрезвычайно характерны жилища кельтиминарцев в низовьях Аму-Дарьи. Такое жилище представляло собой огромный шалаш, круглый в плане, в центре которого устраивался очаг, где пылал неугасимый огонь. Отдельные брачные пары (парные семьи) приготовляли себе пищу на маленьких очагах, разбросанных в разных частях шалаша; возле них они и спали.

Для следующей ступени характерен быт ирокезов, описанный Морганом. Морган указывает, что у ирокезов, живших также большими семейными группами в «длинных домах», все, что было добыто любым членом семейной группы в результате охоты, рыбной ловли или земледелия, поступало в общее потребление. Но из быта ирокезов видно, как постепенно в первобытном обществе с развитием производительных сил производство начинает индивидуализироваться. Уже охота с луком и стрелами дает возможность успешно охотиться одному человеку. У ирокезов и обработка земли носит уже частично индивидуальный характер, в связи с чем наделы земли выделяются в пользование отдельным парным семьям. В то же время племя сохраняет за собой право собственности на землю; каждый молодой индеец,

вступая в брак, получал от племени надел земли из общей территории. Отчуждать землю индейцы не имели права.

В результате индивидуализации процесса производства парная семья укрепляется. «Длинные дома» ирокезов уже значительно отличаются от более архаичных жилищ тем, что в них появились специальные помещения для парных семей. Хотя в таком «длинном» деревянном доме жило от 5 до 20 парных семей, каждая из них имела свое отделение, выходившее в центральный коридор, в котором были расположены очаги.

Таким образом, если в эпоху матриархата еще преобладает коллективное производство и коллективное домашнее хозяйство, то с ростом производительных сил начинается процесс индивидуализации производства, результатом чего является некоторое накопление имущества у отдельных парных семей.

§ 5. Организация материнской родовой общины. Развитие мотыжного земледелия и гончарного производства увеличивало хозяйственную роль женщины. И. В. Сталин в своей работе «Анархизм или социализм?» указывает, что матриархат (т. е. период хозяйственного и общественного преобладания женщины) совпадает с периодом развития первобытного земледелия [1].

Как показал Морган, у ирокезов существовали отчетливые матриархальные отношения: муж переходил в род своей жены и поселялся в ее «длинном доме». Если он был ленив и не приносил своей доли в общий запас, ему могли в любой момент приказать убираться вон, хотя бы он даже и был отцом многочисленного семейства, и только заступничество какой-нибудь влиятельной тетки или бабушки могло его спасти. Дети принадлежали к роду матери.

Хотя групповой брак уже вырождался, а парная семья окрепла, она еще не стала хозяйственной ячейкой общества; «*...семья,* — говорит Маркс, — *была слишком слабой организацией,* чтобы одной справиться с тягостями жизни» [2]. Индивидуализация процесса производства еще только начиналась, и основной хозяйственной ячейкой был род или большая материнская семья. Парная семья представляла собой непрочное, временное соединение супругов, которое могло быть легко расторгнуто по желанию любой из сторон. Наряду с существованием парной семьи сохраняются различные пережитки группового брака. Но все остатки группового брака носили пережиточный характер. Брачные связи между супругами стали теперь более прочными, а в некоторых случаях парный брак требовал безусловной супружеской верности от обеих сторон.

Основной единицей общества был р о д, который в своем развитом состоянии распадался на ряд домохозяйств. Члены рода обладали рядом прав. Так, у ирокезов все члены рода — мужчины

---

[1] И. В. С т а л и н, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 311.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», IX, стр. 26.

и женщины — на собраниях избирали, а в случае надобности и смещали своего сахема (вождя в мирное время) и военачальника. Женщины — главы домохозяйств — пользовались огромным авторитетом, с которым должны были считаться и сахемы, и другие вожди. Женщины же были ревностными защитниками интересов рода, и «не задумывались, когда это было нужно, по их выражению, «обломать рога» вождю и разжаловать его в обыкновенные воины. Первоначальные выборы вождей (т. е. выдвижение кандидатов) точно так же всегда были в их руках» [1].

Род был экзогамен, и никто не мог взять себе жену внутри рода. Члены рода были объединены обязанностью взаимной поддержки и защиты. Род имел свои религиозные праздники и свои кладбища. Более крупной общественной организацией была ф р а т р и я (братство), объединяющая несколько (первоначально четное число) родов. Известная общность членов фратрии проявлялась в существовании совета фратрии и праздников фратрии; во время вооруженных столкновений фратрия являлась боевой единицей. Следующим, еще более крупным звеном первобытной общественной организации было п л е м я. Племя обладало своей территорией, отделенной от соседних областей нейтральной полосой, обычно лесной, своим языком, особым именем и общей мифологией. Созывался особый племенной совет, который у ирокезов состоял из родовых сахемов и военачальников. Совет решал дела войны и мира, причем для решения требовалось единогласие. Племенной вождь — обычно один из сахемов — не обладал большой властью.

Влияние в о ж д я было обусловлено его личными качествами: искусством на охоте, военной доблестью, мудростью, гостеприимством и пр. Власть его не была наследственной и опиралась лишь на общественное мнение, а не на материальную силу; вождь всегда мог быть смещен. В имущественном отношении вождь не выделялся из массы сородичей. При этом вождь был обязан делить с сородичами охотничью добычу, выращенные плоды и табак — это также содействовало укреплению его авторитета.

Родовая организация построена на последовательно проведенном принципе демократии: здесь все равны и свободны — не исключая женщин (Э н г е л ь с). Оценивая р о д о в у ю д е м о к р а т и ю, Энгельс говорит: «И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой» [2].

---

[1] Л. М о р г а н, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л. 1934, стр. 43—44.

[2] Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 99.

Первобытные люди еще не различают обязанностей и прав: участие в коллективном процессе производства, в собрании, в военном походе — все это является в такой же мере правом, как и обязанностью. И хотя вся эта деятельность совершается по принципу добровольности и родовой строй не знает средств принуждения, отказ от участия в ней порождает презрение, которое практически ставит человека вне общества. Но было бы ошибочным чрезмерно идеализировать людей этой эпохи. Недостаточное развитие производительных сил, придавленность личности, обусловленная трудностями борьбы с природой, особенно резко проявляются в ряде жестоких обычаев, в частности, в распространении детоубийства; нередко новорожденных детей при наличии у них физических недостатков уничтожают.

Род и племя выступают как замкнутые организации. Если ссоры внутри рода разрешаются собранием сородичей, то обиды, причиненные членами другого рода, вызывают к р о в н у ю м е с т ь; весь род выступает на защиту своего обиженного сородича. Еще более замкнутым было племя. Все, что стояло вне племени, стояло вне права.

Говоря о в о й н е в первобытном обществе, реакционные буржуазные авторы всячески подчеркивают жестокость первобытных людей, повторяя рассказы о скальпировании, охоте за черепами, людоедстве, пытках и пр. На самом деле все эти явления имеют лишь очень узкое распространение и учащаются только под влиянием европейских колонизаторов, которые в своих интересах натравливают одно племя на другое. Великий русский путешественник Миклухо-Маклай неоднократно подчеркивал миролюбие папуасов.

Преувеличение роли войн в первобытном обществе нужно буржуазным ученым для того, чтобы «доказать» извечность и естественность войны, для того, чтобы оправдать человеконенавистническую идеологию поджигателей войны. На самом же деле война отнюдь не извечна. У австралийцев, например, война была исключительным явлением, и столкновения происходили под наблюдением стариков, которые прекращали потасовку, если стороны заходили слишком далеко. Поэтому австралийские войны очень редко доходили до кровопролития. Лишь в конце эпохи матриархата войны учащаются и приобретают более ожесточенный характер. По мере возникновения более или менее относительной оседлости и накопления запасов замкнувшееся в своей территории племя все с большей враждебностью выступает против остальных племен. Кровная месть, претензии на те или иные плодородные земли, похищение женщин, простое подозрение в колдовстве — все это порождает теперь войны, которые могут сопровождаться уничтожением поселений и истреблением жителей. Иногда побежденные вступали в один из родов победившего племени. Обряд вступления состоял обычно в том, что пленный прикасался губами к груди одной из старейших женщин, символизируя тем самым вступление в родство по материнской линии.

Ограниченность первобытного общества проявляется, наконец в том, что родовые традиции (обычаи) подавляли интересы отдельных членов рода: «...отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках» (Энгельс).

ГЛАВА IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ И РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ

§ 1. Возникновение развитого земледелия и скотоводства. Начало металлургии. Предпосылкой образования патриархальной родовой общины и затем разложения родового строя явилось дальнейшее развитие производительных сил и, в первую очередь, земледелия и скотоводства, превращающихся в ведущие отрасли хозяйственной деятельности людей.

Этот прогресс проходит в различных природных условиях различно. В одних случаях он приводит к образованию пастушеских племен, обладающих крупными стадами скота, с которыми эти племена кочевали по покрытым травой равнинам; земледелие у этих народов имело подсобное значение, и просо, которое они сеяли, шло преимущественно в пищу скоту. В других случаях мотыжное земледелие достигает высокого развития и становится основной хозяйственной деятельностью; скотоводство у этих народов либо почти не получает развития, либо становится подсобной отраслью хозяйства. Мотыжное земледелие на этой ступени развивается часто на ирригационной основе. Оседлые мотыжные земледельцы строят дома из кирпича-сырца и камня.

Возникновение развитого земледелия и скотоводства восходит в некоторых странах к позднему неолиту; но повсеместно они распространяются лишь в эпоху меди и бронзы. Обработка меди впервые начинается в долине Нила и в южном Двуречье (около V—IV тысячелетия до н. э.). В Восточной и Западной Европе обработка меди появляется позднее, повидимому, в конце IV тысячелетия до н. э. Несколько позднее был открыт сплав меди и олова — бронза. Для украшения стали употреблять золото и серебро. Медь плавится при сравнительно низкой температуре, и орудия из нее можно было изготовлять в каждом хозяйстве. Медная индустрия, подобно гончарному производству, была, таким образом, частью домашнего хозяйства. Но медь не могла вытеснить каменных орудий, ибо медные орудия и оружие мало превосходили по прочности изделия из камня. Поэтому общий характер материальной культуры эпохи меди не отличается от неолита.

Другим важным открытием этой эпохи было изобретение ткацкого станка.

Энгельс начинает рассмотрение этой ступени культуры с племен западного полушария, культура которых развивалась вне посторонних влияний. Индейцы Новой Мексики и некоторые другие

племена Америки во время испанского завоевания жили в домах из кирпича-сырца или камня, число комнат в которых доходило до 500. Женщины возделывали маис (кукурузу) на полях, подвергавшихся искусственному орошению. Гончарное производство, хотя и остававшееся ручным, было высоко развито; обработка меди была им хорошо известна.

В восточном полушарии уже после смерти Энгельса был обнаружен благодаря раскопкам ряд культур мотыжного земледелия, сходных с культурой индейцев Новой Мексики. Такие культуры мотыжных земледельцев, характеризующиеся также наличием превосходной расписной керамики, были широко распространены в различных областях: в долинах Нила, Евфрата, Инда, Хуанхэ, в Малой Азии, на Балканском полуострове, в Средней Азии (культура Анау близ Ашхабада) и на Украине.

Распространенная в III тысячелетии до н. э. на Украине, в Румынии и Болгарии культура мотыжного земледелия носит название т р и п о л ь с к о й. Она была открыта русским археологом Хвойко и изучена в особенности советским археологом Т. С. Пассек. Основным занятием трипольцев было мотыжное земледелие. Охота и скотоводство первоначально имели ничтожное значение: стрел совсем нет в раннем трипольском инвентаре. Лишь позднее, с истощением почвы, охота и скотоводство приобретают большую роль. Мотыги и серпы трипольцы делали из кремня, а из меди изготовляли топоры. Жили трипольцы в больших домах, сделанных из глины; в доме жил коллектив, объединенный общим хозяйством. Трипольский поселок состоял из нескольких таких домов, построенных вокруг центральной площади.

Важнейшим материалом для хозяйственного инвентаря трипольцев была глина: из нее делали столы, скамьи, печи. Особенно любопытны трипольские глиняные сосуды. Керамика плоскодонна и чрезвычайно разнообразна. Для молока делали специальные миски, по форме подражающие вымени, с четырьмя сосками-ножками. Керамика украшена росписью, сделанной разными красками: встречаются фигуры животных, но чаще всего — спирали.

Очень характерной находкой являются женские статуэтки из глины. Эти статуэтки изображали родоначальниц; они свидетельствуют о существовании в Триполье матриархата, вполне естественного в условиях преобладания мотыжного земледелия, которое было женским занятием по преимуществу.

В других областях Старого Света экономическое развитие протекало иначе. Приручение животных, дающих молоко и мясо, и образование стад привело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: в южной Сибири, в бассейне Аральского моря, на Иранском плоскогорье, в Малой Азии и других областях. В конце III тысячелетия до н. э. в северном Причерноморье распространяется скотоводческая культура, известная по раскопкам древнейших курганов. Земледелие в хозяйстве этих скотоводов играло подсобную роль: единственным злаком было просо. Медных и бронзовых орудий было много, но в основном из меди и бронзы делали мелкие предметы: булавки, ножи и пр.

Для понимания истории скотоводческого быта огромное значение имеют м и н у с и н с к и е д р е в н о с т и, исследованные выдающимся советским археологом С. В. Киселевым. В середине II тысячелетия до н. э. здесь существовало оседлое пастушеское скотоводство, соединенное с мотыжным земледелием (так наз. андроновская стадия); в конце II тысячелетия здесь рас-

пространяется кочевое овцеводство. Население передвигается в кочевых кибитках и пользуется круглодонной керамикой (так наз. карасукская стадия). Таким образом, скотоводство, повидимому, возникает первоначально как оседлое и связанное с подсобным мотыжным земледелием и лишь на более высоком этапе развития превращается в крупное табунное кочевое скотоводство.

На сходной ступени развития находились некоторые народы Сибири в момент первого соприкосновения их с русскими. Так, чукчи, сохранявшие еще неолитическую технику, разводили большие стада оленей, с которыми кочевали по бескрайним просторам севера. У чукчей сохранился родовой строй, хотя уже отчетливо проступали признаки его разложения.

Подобные же отношения сложились и у некоторых племен, знавших лишь зачатки земледелия и скотоводства, но достигших высокой производительности труда благодаря расцвету рыболовства. Таковы, например, индейцы северо-запада Северной Америки.

§ 2. Первое крупное общественное разделение труда. Образование пастушеских племен имело чрезвычайно важные последствия. Энгельс подчеркивает историческое значение этого факта, называя выделение пастушеских племен из остальной массы варваров первым крупным общественным разделением труда, отличая его тем самым от поло-возрастного разделения труда, появившегося раньше.

Скотоводческие племена получали большее количество продукта, чем охотники и рыболовы; их продукция была гораздо надежнее, нежели неверная добыча, легко ускользающая в лесах и водах. Скотоводческие племена могли производить значительные излишки, создавать запасы — преимущественно в виде стад, которые давали все новый и новый приплод. «Пастушеские племена, — говорит Энгельс, — производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие»[1]. Молочные продукты и мясо, шкура и шерсть, наконец, пряжа и ткани — всего этого не было у собирателей и рыболовов, живших по соседству от пастушеских племен. Тем самым первое крупное общественное разделение труда сделало возможным регулярный обмен. Если отдельные случаи обмена продуктами могли иметь место в более ранний период, то только теперь возникает более или менее постоянный обмен между племенами.

Обмен на этой ступени, как правило, производился не между отдельными лицами, но между родами, представителями которых выступали вожди или старейшины. Первобытный обмен возникает на границах между общинами потому, что внутри общины все сородичи производят одно и то же, и обмен между ними, как правило, невозможен. С развитием междуплеменного обмена посредническую роль начинают играть племена, которые занимали удобное географическое положение.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 165.

Увеличение производительности труда «...сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее» [1]. Человек стал производить больше, чем он потреблял. Тем самым создавалась экономическая предпосылка для эксплуатации: возникла возможность присвоения другим тех избытков над собственным потреблением, которые производил человек. Поэтому Энгельс говорит: «Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собою рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [2].

Если до сих пор военнопленных либо убивали, принося в жертву, либо принимали в число членов рода и племени, то с увеличением производительности труда появилась возможность использовать их труд, эксплуатировать их в качестве невольников.

Большого роста достигло примитивное рабство у индейцев — рыболовов северо-запада Северной Америки (Аляски). Хотя индейцы северо-запада Северной Америки еще употребляли каменные орудия, изготовляя из меди главным образом украшения, а земледелие находилось у них в малоразвитом состоянии, хотя основой хозяйства являлась рыбная ловля, — все же исключительное обилие рыбы (лосося) давало возможность уже на такой сравнительно низкой ступени развития создавать значительные излишки. Таким образом, сравнительно высокая производительность человеческого труда в рыболовстве явилась экономической предпосылкой развития рабства у индейцев северо-запада Северной Америки. Широко была распространена и работорговля. Число рабов достигало здесь $^1/_7$ всего населения, а у некоторых племен даже $^1/_3$. Источником рабства была прежде всего война; индейцы совершали обычно среди ночи нападение на своих соседей и уводили в плен мужчин и женщин. Положение рабов было бесправным: раба можно было в любой момент убить. Особенно много рабов убивали во время похорон какого-нибудь вождя. Русский морской офицер Г. И. Давыдов, побывавший в начале XIX в. на Аляске, рассказывает, что во время похорон вождя рабов заставляли плясать и в это время пускали в них стрелы, а детей заставляли колоть рабов копьями. Рабов убивали при постройке нового дома или при вступлении во владение начальническим жезлом; существовал и обычай каннибализма, т. е. поедания рабов. Такие массовые убийства рабов являлись пережитками тех времен, когда военнопленные

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 166.

[2] Там же.

еще не имели хозяйственного применения. Иной характер имели набеги индейской молодежи на хижины рабов: сжигая и разрушая их, индейцы терроризовали рабов.

Эксплуатация рабов была первой формой эксплуатации человека человеком. Появление рабства было вполне понятным и закономерным явлением (С т а л и н). Мы должны сказать, — указывает Энгельс, — каким бы противоречием и ересью это ни казалось, что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. «Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась масса рабов, оставлялись теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали...» [1]. Эксплуатация рабов способствовала накоплению излишков, которые позволяли все больше расширять производство, рабство содействовало разделению труда.

Увеличение производительности труда при этих условиях способствовало д а л ь н е й ш е й и н д и в и д у а л и з а ц и и п р о ц е с с а п р о и з в о д с т в а. Отдельные участки земли еще у ирокезов переходили в индивидуальное пользование парных семей, хотя род попрежнему сохранял верховную собственность на эти наделы. Значительного развития достигало индивидуальное владение у индейцев северо-западной Америки. Орудия и оружия, меха и рыболовные запруды на реках, лодки и украшения, — все это находилось в личном владении.

Еще более развитым становится частное хозяйство у пастушеских племен. Стада относительно рано стали переходить из общего владения племени и рода в собственность отдельных семей и их глав. Высокая производительность скотоводческого хозяйства позволяла отдельной семье вести более успешно борьбу с природой и создавала тем самым экономические предпосылки для распада родовой организации.

§ 3. Патриархат. У пастушеских племен происходит столь глубокое изменение всего строя семейных отношений, что Энгельс называет это изменение «р е в о л ю ц и е й в с е м ь е». Сущность этого переворота исчерпывающим образом охарактеризована И. В. Сталиным в работе «Анархизм или социализм?». «Было время, — говорит И. В. Сталин, — время матриархата, когда женщины считались хозяевами производства. Чем объяснить это? Тем, что в тогдашнем производстве, в первобытном земледелии, женщины в производстве играли главную роль, они выполняли главные функции, тогда как мужчины бродили по лесам в поисках зверя. Наступило время, время патриархата, когда господствующее положение в производстве перешло в руки мужчин. Почему произошло такое изменение? Потому, что в тогдашнем производстве, скотоводческом хозяйстве, где главными орудиями производства были копьё, аркан, лук и стрела, главную роль играли мужчины...»[2].

---

[1] Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 1950, стр. 170.

[2] И. В. С т а л и н, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 340.

Переход от организации рода на основе родства по материнской линии к патриархальной организации совершался медленно, принимая разнообразные формы: первоначально материнский счет родства сохраняется и сосуществует с отцовским счетом, чрезвычайно возрастает роль ближайшего материнского мужского родственника — дяди по матери, который имеет преимущественно перед отцом значение в семейных отношениях, являясь воспитателем и защитником детей своих сестер и пр. Постепенно изменяется локальность брака. При матриархате брак был по преимуществу матрилокальным, т. е. муж поселялся в семье своей жены; по мере перехода к патриархату брак становится патрилокальным, т. е. жена переселяется в семью своего мужа.

Складывание патриархальных отношений не ограничивается только изменением локализации брака и счета родства, но приводит к появлению новой формы семьи, а именно возникает патриархальная семья. Крупнейшую роль в изучении патриархальной семьи сыграл выдающийся русский ученый М. М. Ковалевский, доказавший, что патриархальная большая семья явилась переходной формой от семьи, основанной на материнском праве, к моногамной семье современного мира. Очень много для изучения большой семьи сделал советский ученый М. О. Косвен.

Патриархальная большая семья состоит из нескольких поколений мужчин — потомков одного отца, которые, вместе со своими женами, ведут общее хозяйство, живут в одном дворе, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют всем имуществом. Во главе большой семьи стоит старший мужчина — домохозяин, который руководит всей жизнью семейной общины. Старший бывает нередко выборным; власть его ограничена семейным советом, состоящим из взрослых мужчин и женщин, и этому совету домохозяин обязан давать отчет. Все важнейшие дела: отчуждение имущества, дисциплинарные меры по отношению к неисправным членам семьи, выдача девушек замуж и т. п. — решаются семейным советом. Хотя руководящую роль в большой патриархальной семье играют мужчины, здесь все еще сохраняются значительные пережитки матриархата, важнейшим из которых является влиятельная роль старейшей из женщин, остающейся руководительницей труда всей женской части семьи и всего домашнего хозяйства. В состав патриархальной семьи входили и рабы.

Возникновение патриархальной семьи первоначально не разрушало рода. Род стал патриархальным, продолжая сохранять ряд элементов общности и единства. Сохранилась родовая собственность на землю, члены рода являлись взаимными наследниками в том случае, если не было в семье прямых наследников по мужской линии. Имущество, и в первую очередь земля, должно было оставаться в роде. Из этой имущественной общности вытекала и известная духовная общность: обязанность сородичей помогать друг другу вплоть до участия в кровной мести, общие праздники, общее кладбище.

§ 4. Второе крупное общественное разделение труда. Огромное значение для развития общества имело усовершенствование обработки металлов и особенно изобретение обработки железной руды. И. В. Сталин характеризует переход от каменных орудий к металлическим орудиям как «переворот в производстве», который в конце концов приводит к установлению рабовладельческого строя [1].

Железо плавится при очень высокой температуре (1530°), достигать которой научились довольно поздно. Первоначально железо извлекали из руды при помощи так называемого сыродутного процесса. Горн, сложенный из камней и глины, засыпали рудой и древесным углем, зажигали уголь и с помощью двух мехов нагнетали воздух; размягченные частицы железа сползали вниз и образовывали пористую массу, так называемую крицу. При таком сыродутном процессе железо восстанавливается при температуре 900°. Затем кузнецы нагревали крицу в горне и железными молотами на наковальне выковывали железные орудия. Первые следы выплавки и обработки железа относятся к XIV в. до н. э. (Передняя Азия).

Применение железных орудий оказало огромное влияние на технику сельского хозяйства. С помощью железного топора и железной лопаты стала возможной в крупном размере корчевка леса и расчистка его под пашню и луг. На смену мотыге возникла соха с железным лемехом. С появлением сохи было связано применение скота в земледелии. Первыми тягловыми животными были вол и осел. В то же время железо дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов.

Производство железных орудий изменило весь облик первобытного ремесла. Поскольку обработка железа требовала сложных сооружений (кузнечный и сыродутный горн), поскольку она требовала большого опыта и навыков, изготовление железных орудий не могло производиться женщиной в каждом отдельном домашнем хозяйстве. Уже первые кричники и кузнецы должны были быть и были профессионалами, как и все последующие мастера этой профессии.

Вместе с тем усложняется и вся ремесленная техника. Широко распространяется гончарный круг и гончарная печь для обжига посуды, появившиеся кое-где еще на предыдущей ступени. Гончар, подобно кузнецу, становится специалистом-профессионалом. Обособляется и ткачество: появляются ремесленники-ткачи. Разнообразие ремесленной деятельности сопровождалось усложнением земледелия. «Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия» [2].

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 560.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 168.

Второе крупное общественное разделение труда содействует дальнейшему развитию обмена. Теперь профессионалы-ремесленники (кузнецы, гончары, ткачи и т. д.) часть своего продукта производят специально для обмена. Развитие ремесла приводит к возникновению эквивалентного обмена. В ремесле, гораздо более свободном от случайностей, чем охота и собирательство, нежели первобытное земледелие и скотоводство, человек познает определенную зависимость между количеством затраченного труда и массой произведенного продукта. Тем самым устанавливается мерило стоимости, не связанное с вещной, конкретной природой продуктов труда, — этим мерилом является человеческий труд.

Накопление богатства порождает необходимость в таких продуктах, которые обладают определенной стабильностью и могут хорошо сохраняться. Если зерно, фрукты и прочие пищевые продукты не обладают такой стабильностью, то скот, редкие раковины и драгоценные металлы являются вполне подходящими средствами накопления. Маркс в «Капитале» указывает, что товарное обращение, обмен, с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни стремление удержать у себя не самый продукт, но его превращенную форму, его золотую куколку [1]. Люди перестают скапливать запасы в их натуральной форме, но стремятся выменять их на раковины и драгоценные металлы, которые в случае нужды могут быть обменены на продукты, одежду, утварь и пр. Иначе говоря, избыток над потреблением имеет тенденцию обратиться в сокровища, в деньги. По мере развития обмена и оформления представления о стоимости, сокровища приобретают вторую функцию — служить средством обращения. Натуральный обмен уступает место денежному, причем деньгами служит скот, те же раковины, драгоценные металлы и пр.

Если переход к плужному земледелию в широких масштабах и второе крупное общественное разделение труда совершается, как правило, на базе овладения железной индустрией, то у некоторых народов этот переход мог совершиться в силу тех или иных природных условий еще до открытия ими обработки железа. Так, жители долины Нила еще до открытия бронзы, благодаря применению искусственного орошения и использованию сошников из чрезвычайно прочного эбенового дерева, достигают такой производительности труда, которая стала доступна населению Европы лишь после изобретения железа. Поэтому жители Нильской долины, равно как и обитатели древнего Двуречья, даже переходят к классовому обществу еще в медную эпоху. В других случаях развитие крупнотабунного скотоводства приводит тоже к переходу к классовому обществу племен, владеющих бронзовой техникой, как это имело место в отношении хеттов и некоторых других народов Азии.

Однако основная масса народов Европы, Азии и Африки переходит на ступень развитого земледелия и скотоводства с отделением ремесла от земледелия лишь в результате овладения железной индустрией, повсеместно распространившейся в самом начале I тысячелетия до н. э. К числу этих народов относятся древние греки и италики в начале своей истории, скифы и население

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 137.

Галлии, обитатели так называемых «городищ Дьякова типа», широко распространенных в лесной полосе Восточной Европы, и многочисленные иные народы. На той же ступени стояли некоторые народы Сибири в период знакомства с ними русских.

§ 5. Разложение родового строя. Второе крупное общественное разделение труда содействовало развитию процессов, наметившихся уже в предыдущий период. Рабство, только возникавшее и еще случайное на предыдущем этапе, становится теперь существенной частью общественной системы. Замена мотыжного земледелия плужным, превращение металлургии и гончарства в деятельность профессиональных ремесленников-мужчин — все это приводило к окончательному и повсеместному вытеснению женщины из производства и ограничению ее сферы домашним хозяйством. Поскольку домашнее хозяйство еще на предшествующей ступени стало одной из областей применения рабского труда, оно превращается из почетной деятельности в рабскую, что является экономической предпосылкой низведения женщины на положение, близкое к рабскому. «Муж, — говорит Энгельс, — захватил и в доме бразды правления, а женщина... была превращена в слугу, в рабу его похоти, в простое орудие деторождения» [1].

Развитие производства приводит далее к образованию неравенства в племени, которое первоначально носит групповой характер: иначе говоря, в племени возникают группы, обладающие различными правами, или касты. Образование каст является оформлением общественного разделения труда: как указывают Маркс и Энгельс, примитивная форма разделения труда порождает кастовый строй [2]. Действительно, второе крупное общественное разделение труда имеет своим результатом превращение ремесленников, и прежде всего кузнецов, в особую касту, которая в одних случаях пользуется почетом, в других — пренебрежением. Особую касту могут составить воины. Постепенно может в отдельных случаях развиться сложная система соподчинения каст: одни считаются высшими, другие низшими.

С другой стороны, накопление излишков, ставшее особенно интенсивным после образования сокровищ сперва в форме стад, а затем в денежной форме, порождает имущественную дифференциацию между отдельными родами, в пределах же родов — между отдельными патриархальными семьями. В руках отдельных больших семей оказываются лучшие земельные участки, большие табуны скота, значительное число рабов. Другие патриархальные общины беднеют, теряют свой скот, голодают в неурожайные годы. Развитие индивидуального хозяйства и индивидуального богатства порождает даже в недрах большой семьи противоречивые тенденции, приводящие, в конечном итоге, к ее распаду. С одной

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 57.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 30.

стороны, глава семьи стремится присвоить себе всю собственность патриархальной общины, сделаться единственным распорядителем ее имущества и ее членов; это стремление имеет тенденцию к низведению всех членов большой семьи на рабское положение, к подчинению их, наподобие рабов, воле и суду домохозяина. С другой стороны, индивидуализация процесса производства, усугубляющаяся в результате развития плужного земледелия, которое позволяло отдельному индивиду успешно трудиться на своем клочке земли, вела к развитию личной собственности и наследования. Это взрывало большую семью изнутри, содействовало ее распаду. В недрах большой семьи вызревают малые семьи, имеющие свою личную собственность, ведущие самостоятельное хозяйство, имеющие отдельное помещение, отдельно питающиеся.

Разделы больших семей должны были периодически совершаться и ранее: разросшаяся патриархальная община отделяла от себя дочернюю семейную общину, которая разрасталась и с течением времени, в свою очередь, дробилась. Но по мере укрепления частного хозяйства разделы и дробление больших семей становятся все более частыми и приводят к систематическому выделению из патриархальной общины отдельных малых семей. В конечном итоге этот процесс приводит к разложению большой семейной общины на малые семьи, владеющие личной собственностью. Причем окончательно оформляется новая форма семьи — моногамная (единобрачная), или индивидуальная, семья. «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению...» [1]. Возникновение этой формы семьи является результатом развития частного хозяйства, личной собственности и наследования.

В моногамной семье господство принадлежит мужчинам. Неполноправие женщины проступает в частности в форме заключения брака, состоящей в покупке невесты у ее отца. Измена жены поэтому теперь карается суровым наказанием, в то время как муж получает сплошь да рядом право взять вторую и третью жену из числа женщин, захваченных на войне. Таким образом, единобрачие было единобрачием лишь для женщин. Мало того, после смерти мужа женщину иногда убивали, чтобы положить ее труп в могилу супруга рядом с его конем, оружием и любимыми вещами.

Потеря женщиной равноправия не есть результат естественного превосходства мужчины, как это утверждали буржуазные историки, но является следствием хозяйственного переворота. Поэтому Энгельс указывает: «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере» [2]. Осуществление этого принципа стало возможным лишь при социализме, лишь в нашей стране, обеспечившей действительное равноправие женщины.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 62.

[2] Там же, стр. 167.

Выделившиеся из патриархальной родовой общины семьи, самостоятельно ведущие свое хозяйство, первоначально сохраняют между собой связь. Впоследствии, по мере развития обмена и расселения этих семей среди других родов, связь между ними исчезает. В результате этого исчезает единство рода и территории, составляющее экономическую предпосылку родовой организации.

Разложение родовой и большесемейной организации и выделение малых семей протекает особенно интенсивно в бедных больших семьях, которые являются экономически более слабыми. В то же время члены богатых семей стремятся сохранить родовые традиции. Это стремление богатых к сохранению родовых традиций объясняется рядом причин: прежде всего, члены богатых родовых общин нуждаются в сплочении в целях господства над находящимися в их собственности рабами. Далее, родовая взаимопомощь, в условиях распада родовых отношений, приобретает иной смысл и содержание. Если прежде наиболее удачливые члены коллектива должны были делить с соплеменниками избытки производства, то по мере того, как богатство приобретало все большее значение, эти раздачи стали сопровождаться требованием обратных подарков. Главы богатых больших семей устраивали теперь так называемый «потлач», во время которого раздавали своим родичам и даже соплеменникам орудия, скот, шкуры и пр. Через некоторое время те, кто получили что-либо, обязаны были вернуть, но вернуть с прибавкой. В других случаях человек, взявший в долг что-либо у вождя или богатого, превращается в зависимого от него человека. Наконец, вожди и богатые члены рода, получавшие лучшие наделы поля, лучшие рыболовные угодья и т. д., всегда могли рассчитывать на помощь сородичей, которые тем самым безвозмездно отдавали свой труд богатым. Таким образом, принципы родовой взаимопомощи, извращенные в процессе распада родовой организации и роста богатства, превратились теперь в орудие эксплуатации бедных со стороны богатых, патриархальных семей. Именно поэтому богачи оказываются заинтересованными в сохранении пережитков тех самых родовых отношений, которым они сами на предыдущей ступени развития нанесли сокрушительный удар.

В связи с тем, что именно среди богатых патриархальных общин сохраняются и сплошь да рядом искусственно поддерживаются родовые традиции, а бедные общины распадаются на малые семьи, расселяющиеся среди чужих родов и скоро забывающие о своем происхождении, богатые обособляются как родовая знать. Богатые гордятся своим происхождением, они постоянно напоминают, что происходят от известных предков, поэтому к их богатству прибавляется и «благородство», которое они передают своим сыновьям: благородство, знатность всегда совпадает в этот период с богатством и является его следствием.

Бедняки, вышедшие из рода, оказываются лишенными поддержки той организации, которая до сих пор была единственной силой, защищавшей человека. В результате этого они все больше

и больше попадают в зависимость от богатых и знатных: экономическая слабость и прямое насилие со стороны богатых заставляют бедноту вступать под «покровительство» знати, ставящее ее в конце концов в положение полурабов. «Различие между богатыми и бедными, — говорит Энгельс, — выступает наряду с различием между свободными и рабами...» [1]. Имущественные различия внутри одного и того же рода заменяют прежнюю общность интересов, превращаются в антагонизм между членами рода, и вслед за распространением рабства возникает также эксплуатация богатыми бедных.

§ 6. Военная демократия. Распад родового строя приводил к коренной ломке всех старых, привычных общественных отношений и, разумеется, не мог протекать мирно. Насилие, — говорит Энгельс, — это повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым. Родовой знати приходилось преодолевать упорное сопротивление рабов и бедноты. Функцию охраны богатства и подавления сопротивления рабов и бедняков выполняли первоначально тайные союзы.

Тайные союзы представляют собой развивающиеся в условиях распада родовой организации мужские общества. В это время, когда богатство приобретает решающее значение, вступление в мужские общества уже обусловливается не инициациями, как прежде, но устройством пиров и раздач: тот, чей отец не может зарезать достаточного количества свиней, чтобы угостить членов союза, не может рассчитывать на вступление в него. Значит, союзы на этом этапе становятся недоступными не только для рабов и женщин, но и для свободных бедняков. Теперь союз целиком противостоит всем не членам, почему и стремится окутать все свои действия тайной. Тайные союзы устраивали избиения не членов, налагали на них штрафы, старались их запугать.

Тайные союзы брали под свою защиту все новые институты и прежде всего богатство. Они обладали правом налагать защитительные запреты на собственность своих сочленов. Наоборот, собственность не членов союза не пользовалась защитой и часто подвергалась грабежу со стороны тайного союза. Это противопоставление членов и не членов союза резко выступает в обряде посвящения в союз, когда посвящаемые проводят до года в лесу и, возвращаясь в деревню, в знак своего разрыва с прошлым делают вид, что не узнают даже своей родни, не понимают родного языка.

Тайный союз особенно преследует женщин и рабов, выдвигая на первый план мужчину-рабовладельца; он собирает долги с неаккуратных должников и в случае отказа подвергает их имущество разграблению. Иной раз тайный союз выступает даже как верховное судилище для решения споров между селениями. Во время его заседаний запрещается какое бы то ни было кровопролитие. На

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 169.

признанное виновным селение союз налагает четырехдневное разграбление; тогда воины ночью в масках при свете факелов нападают на деревню.

По мере того как увеличивается роль богатых и знатных, изменяется и характер власти вождя. Его избирают теперь из среды наиболее богатых патриархальных семей, затем власть вождя превращается в наследственную власть в пределах определенной знатной семьи. Власть вождя опирается теперь не столько на его личный авторитет, сколько на богатство, на численность его сородичей и рабов, на число зависимых от него лиц. Свое влияние вожди поддерживали с помощью варварского террора.

Так, когда вождь дагомейцев (племени в Гвинее) умирал, на его могиле убивали тех, кто копал ее; кроме того, живыми зарывали его жен, 80 танцовщиц и 50 воинов. После этого 16 месяцев наследник правил лишь как его наместник и каждый день посылал «гонца» к умершему вождю, чтоб известить его о всех делах страны.

Накопление богатств изменяет характер первобытных войн. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»[1]. Поэтому война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни.

В этих войнах нередко формируются союзы племен. Эти союзы организованы еще по принципу демократии: их основными органами являются народное собрание, совет старейшин, т. е. родовых вождей, и, наконец, военачальник, избираемый народным собранием из представителей знати. Но Энгельс указывает, что несмотря на демократизм, союз племен означает уже начало разрушения родовой организации. Дело в том, что грабительские войны усиливают власть военачальника и родовых старшин; народное собрание отходит на задний план: рядовые воины лишь присутствуют при заседании старейшин, криком или стуком оружия выражая свое отношение к речам вождей. Таким образом, в ходе постоянных войн из родовой организации возникают органы, господство в которых принадлежит вождям и знати, получающей к тому же львиную долю захваченной во время войн и грабежей добычи.

В то же время возникает учреждение, которое много содействовало укреплению власти вождя, — дружина. В ходе грабительских войн создавались частные объединения для ведения войны за свой страх и риск. Военный вождь собирал вокруг себя людей, жаждущих добычи, которые связывались между собой личной верностью, но не родовыми связями. Опираясь на свою дружину, вожди, в конце концов, захватывают всю полноту власти.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 170.

Так органы родового строя постепенно отрываются от народа. Если в тайных союзах власть принадлежит значительной части мужского населения племени, то в эпоху военной демократии, как Маркс и Энгельс назвали этот период разложения родового строя, вожди, опирающиеся на дружину, господствуют над массой рядовых соплеменников. Органы родового строя «...из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [1]. Так разлагающееся родовое общество превращается в классовое общество. На развалинах родового строя возникает государство, «...машина для поддержания господства одного класса над другим» [2].

§ 7. Духовная жизнь эпохи родового строя. Как и в эпоху первобытного стада (см. гл. II, § 3), развитие духовной жизни первобытного человечества эпохи родового строя было обусловлено развитием производительных сил. Усовершенствование охоты в связи с изобретением лука и стрел, рост техники рыбной ловли, приручение скота и разведение растений, овладение техникой полирования и сверления камня, строительства домов, гончарства и ткацкого дела, наконец, возникновение металлургии — все это постоянно расширяло производственный опыт человека, обогащало человеческое мышление.

Совершенствование человеческого мышления приводило прежде всего к появлению абстрактных понятий. Чрезвычайно важным достижением мышления является овладение искусством счета. На ранних этапах истории первобытного общества люди редко умеют считать дальше 2—3. В известной мере счет заменяет им прекрасно развитая память. Они помнят каждую овцу в стаде, каждое плодовое дерево, но у них нет еще абстрактного представления о том, сколько имеется деревьев или овец. Лишь на сравнительно высоком этапе развития абстрактного мышления складывается развитый счет.

Накопление производственного опыта непосредственным образом отражается в языке. Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не только в необыкновенно ясной и точной форме разъяснил сущность и специфику языка как общественного явления, но и осветил сложнейшие проблемы его возникновения и развития. Язык теснейшим образом связан с производственной деятельностью человека, равно как и со всякой иной его деятельностью. «Поэтому, — говорит И. В. Сталин,— язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно»...[3]. С накоплением производственного опыта растет и расширяется

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 170.

[2] В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 29, стр. 441.

[3] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 11.

словарный состав языка, совершенствуется его грамматический строй. По мере развития мышления в языке появляется все больше терминов, обозначающих абстрактные понятия.

Исчезает постепенно изолированность, замкнутость языков. Первоначально каждый род представлял собой замкнутый хозяйственный коллектив, связанный с другим человеческим коллективом почти исключительно в силу принципа экзогамии. Поэтому каждый род имел в то время свой особый, отличный от других родовой язык. Этнографы подчеркивают чрезвычайную лингвистическую пестроту в таких странах, населенных отсталыми народами, как Австралия или Новая Гвинея.

Замечательный русский путешественник и этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай отметил, что у папуасов Гвинеи почти в каждой деревне имеется собственное наречие. «Жители деревень, — пишет он, — находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга». Свидетельством о существовании родовых языков служат легенды, сохранившиеся, например, в финском эпосе, о том, что муж и жена, принадлежащие в силу принципа экзогамии к разным родам, не понимают друг друга.

Лишь постепенно, по мере развития общения и обмена между родами и племенами; происходит «...развитие от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей...»[1].

К концу истории первобытного общества складываются элементы современного языка. «Надо полагать, — указывает И. В. Сталин, — что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем»[2].

В эпоху родового строя накопление опыта и развитие мышления приводят к зарождению з а ч а т к о в н а у к и. Первобытные люди, особенно те, которые жили на берегу моря и вынуждены были добывать себе средства существования в опасных и далеких плаваниях, рано научились чертить на песке или древесной коре примитивные карты; далекие странствования заставляли людей ориентироваться по звездам и заложили основу астрономии. Возникновение земледелия содействовало дальнейшему развитию астрономических представлений, ибо приучало человека к круговороту явлений в природе, а наблюдение за круговоротом явлений приводило в конце концов к созданию примитивного календаря, в котором месяцы (лунные) были еще далеко не равны между собой. С другой стороны, накопление земледельческого и скотоводческого

---

[1] И. В. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

[2] Т а м ж е, стр. 26.

опыта позволило применить искусственный отбор и закладывало основы биологии. Наблюдение за плавкой металла и открытие восстановления металлов из окисей означало зарождение примитивной химии. Возникла народная медицина, люди познакомились с лекарственными растениями и научились излечивать некоторые болезни.

В первобытную эпоху зарождается также изобразительное искусство. Замечательной экспрессией отличалось искусство верхнего палеолита. В глубине темных пещер, при тусклом свете горящих головней художники верхнего палеолита создавали многокрасочные наскальные рисунки, изображающие мчащихся или спокойно лежащих бизонов, скачущих коней, целые сцены охоты. В то же время появляется и скульптура: из кости и рога вырезали фигурки стремительно мчащихся оленей или людей (преимущественно женщин), с причудливой прической и поясом, спускающимся сзади наподобие хвоста. В дальнейшем первобытное изобразительное искусство теряет свою реалистичность — рисунки превращаются в целую систему условных значков, иногда совершенно не похожих на предмет, обозначаемый ими.

Много внимания первобытные люди уделяли украшению собственного тела, покрывая его рубцами и татуировкой, одевая браслеты и ожерелья, а иногда даже подпиливая зубы, окрашивая тело и волосы. Утварь они также украшали изображениями. Керамика была, как правило, украшена орнаментом, который представлял собой примитивную систему штрихов и ямок, но у некоторых племен сосуды покрывались многоцветной росписью. Широко распространена была резьба по дереву, украшавшая дома.

Появляются и широко распространяются музыкальные инструменты, древнейшим из которых, повидимому, был лук: его одним концом вставляли в рот, служивший резонатором, а палочкой, ударяя по тетиве, вызывали звук. Затем к луку был приделан особый резонатор, и постепенно из лука развились струнные инструменты. Первобытные люди знали и ряд других щипковых, духовых и ударных инструментов. Особенно широко были распространены барабаны.

К концу истории первобытного общества зарождается ранняя форма письменности в виде пиктографии (рисунчатого письма). Рисуя лошадь, покрытую пятнами, люди обозначали падеж скота от моровой язвы. Существовали и другие формы записи событий или сообщений: бирки, шнуры с узелками. В этих случаях каждый знак имел условное значение. Появление этих форм письма свидетельствует об относительно высоком развитии мышления.

В эпоху родового строя большие успехи делает устное народное творчество, появляются легенды, в которых рассказывается о происхождении мира и первых людей, об истории рода и племени. В период разложения родового строя зарождается героический эпос, повествующий о подвигах и походах, о мирном труде и войнах, о борьбе человека с природой и его победах над

чудовищами и великанами. Замечательными памятниками эпоса являются сказания, из которых впоследствии сложились такие поэмы, как «Илиада» и «Одиссея» греков, казахский эпос «Манас», карело-финская «Калевала» и пр. В эпосе отражается глубокий распад родовых отношений: героями его являются отдельные личности, чаще всего вожди, и именно их подвиги прославляют сказители.

В эпоху родового строя развиваются и усложняются примитивные р е л и г и о з н ы е в е р о в а н и я, зародившиеся еще в среднем палеолите. Первоначально эти религиозные верования и сопровождающие их обряды были тесно переплетены с производственными и бытовыми потребностями людей. Не различая первоначально земные и «сверхъестественные» силы, не сознавая собственного бессилия перед природой, человек эпохи родового строя приписывал себе возможность оказывать воздействие на природу, на животных и растения. Задачу этого влияния на природу выполняли особые к о л д о в с к и е (м а г и ч е с к и е) о б р я д ы. Создаются колдовские пантомимы, имитирующие охоту, сохранявшиеся у многих отсталых народов до конца XIX в., в том числе и у народов нашего Крайнего Севера. У ительменов (камчадалов), например, перед охотой на китов изготовляли изображение кита из травы, которое водружали на спину женщине. Женщина с «китом» на спине ползала вокруг очага, а на нее нападали дети и разрывали на части это травяное чучело. Индейцы перед охотой на бизонов устраивали танцы, которые продолжались без перерыва в течение нескольких суток: эти танцы изображали охоту на бизонов и должны были колдовским способом воздействовать на природу и обеспечить успех охоты. В таких магических обрядах встречаются все промысловые звери, и это древнее колдовство имеет производственный характер. Оно является еще не вполне осмысленной формой культа животных, одного из древнейших видов религии. В процессе развития этого культа происходит постепенное выделение из всей массы чествуемых промысловых животных (или растений) какого-либо одного вида и создается представление о групповом родстве людей с данным видом животных или растений — так называемый тотемизм.

Т о т е м и з м, как и первобытная магия, связан с производственным процессом. Хорошо известны развитые тотемистические представления австралийцев, считающих, что каждая их хозяйственная группа находится в родстве с тем или иным видом животных или растений (эму, кенгуру и др.). Основным обрядом культа является обряд умножения тотема, во время которого один из стариков особым камнем поглаживает живот каждому мужчине, приговаривая: «Да будешь ты есть много пищи». Следовательно, тотемизм ставил своей задачей обеспечение успеха производственной деятельности людей.

В ходе развития родовой общины тотем осмысливается как родоначальник, общий предок сородичей, и оформляется окончательно

культ тотема, принципиально отличный от древнейшего чествования промыслового зверя. На этом этапе возникают мифы о тотеме, в которых тотем выступает не только как предок рода, но и как создатель охотничьей территории, зверей и растений.

Другим очень важным моментом верований эпохи родовой общины является представление о «ведуньях», «вещих женах», о том, что женщины более искусны в колдовстве, чем мужчины. Это представление коренится в специфике материнской общины, когда женщины являются носительницами единства рода, тогда как мужчины могут принадлежать к различным чужим родам. Подобное представление существует уже в верхнепалеолитическую эпоху, о чем свидетельствует большое количество женских статуэток этого времени, две трети которых было найдено на территории СССР. Такие статуэтки имели колдовской характер и отражали представление о большем искусстве женщин в магии. Но вместе с тем они свидетельствуют о зарождении культа прародительницы-родоначальницы. Лишь на сравнительно высоком уровне развития создается представление об одушевленности природы — о существовании духов или душ растений, животных, человека. Эта система верований называется а н и м и з м о м. Возникновению анимизма должно предшествовать образование элементов абстрактного мышления. Анимистические представления далеки от идеализма: по воззрениям первобытных людей, душа является материальным началом и напоминает юркое, подвижное животное.

У первобытных людей существует очень смутное представление о смерти: первоначально они не отделяют реального мира от «потустороннего». Лишь постепенно складывается страх перед мертвецами, за которым следуют обряды задабривания покойников, примитивный культ мертвых. Эти обряды имеют целью обезопасить как можно более быстро живых от козней мертвеца.

Итак, магические обряды по своему происхождению были связаны с производственным процессом, ставили своей задачей колдовское воздействие на природу. В то же время они представляли собой фантастическое отражение тех внешних сил, сил природы, которые господствовали над людьми в их повседневной жизни. Приписывая себе способность магически воздействовать на природу, обеспечивая тем самым удачу охоты и рыбной ловли, первобытные люди на деле лишь усугубляли свою зависимость от окружающей их природы: колдовские обряды отвлекали внимание людей от их подлинных нужд, ослабляли их энергию. Первобытная религия закрепляла бессилие человека перед природой, порождением которого сама она, в свою очередь, явилась.

С развитием земледелия и скотоводства тотемизм, как основная система верований периода преобладающей роли охоты, отступает на второй план, и рядом с ним появляются гораздо более сложные представления. Распространяется культ земли как великой плодоносящей силы, который сливается в условиях матриархата с чествованием женщины-прародительницы: так возникает к у л ь т

матери-земли. Важнейшие обряды этого культа имели целью способствовать увеличению производящей силы земли и представляли собой магическую процедуру ее оплодотворения.

С дальнейшим развитием форм хозяйства и мышления люди все более выделяют из прежде нерасчлененной природы отдельные ее силы. Особенно большую роль в верованиях постепенно приобретают космические силы и природные явления: солнце, дождь и т. д., которые обеспечивают урожай и тем самым существование человеческого общества. Культ космических сил, однако, сливается сплошь и рядом с пережитками тотемизма, причем порождаются сложные представления, например, представления о солнце как о звере.

Наконец, распад родового строя приводит к тому, что наряду с поклонением силам природы появляется поклонение силам социальным, которые теперь олицетворяются в форме божеств. Вместе с тем укрепление родовых отношений приводит к изменению характера культа мертвых. Умершие перестают рассматриваться как враждебная сила, от которой следует как можно скорее избавиться, а считаются покровителями сородичей. Это было вызвано тем, что человек достигает известного господства над природой и переходит от культа животного-предка к культу предка-человека.

В дальнейшем культ предков, частично сливающийся с культом тотема, особенно поддерживается в богатых патриархальных семьях, тогда как бедняки, порывая со своим родом, теряют, естественно, и память о своих предках. В результате этого создается представление о различии посмертной судьбы богатых (знатных) и бедноты. Одни народы считали, что бедняки после смерти превращаются в зверей, тогда как богатые становятся человекоподобными духами. У других племен возникали даже представления о том, что после смерти сохраняются только души богатых и правящих, тогда как души бедняков и подчиненных уничтожаются.

С разложением родовой организации все большую роль приобретает культ племенного вождя. Вождь рассматривается теперь как носитель благополучия всего рода и племени. Поэтому и к нему самому предъявляется требование строгого соблюдения чистоты: он не должен иметь ни увечий, ни ран, ни ожогов; он может питаться лишь определенной пищей, например, молоком специального стада коров. Особый внешний вид вождя должен свидетельствовать о процветании: воинственные племена зулусов гордились удивительной полнотой своих вождей, иные из которых не могли передвигаться без посторонней помощи. Эти вожди уже не заняты в процессе производства и как бы в знак этого отращивают необычайно длинные ногти.

Душа вождя после его смерти рассматривается как огромная колдовская сила, способная помогать своим соплеменникам. Душа покойного вождя «требует» пышного поклонения и определенного культа. По мере того как стирается память о реальном

существовании вождя, культ его души превращается в культ какого-то божественного покровителя рода или племени — в культ антропоморфного (человекообразного) духа или бога. У каждого племени могло сложиться поклонение нескольким богам, и, во всяком случае, у каждого племени был свой бог. Вера в богов складывается как многобожие (политеизм). Она была смешана с архаическими верованиями — представление об антропоморфном предке-покровителе сливается с представлением о тотеме, о космических духах. Поэтому на этой стадии бог нередко выступает, например, и как владыка, и как бог-зверь, и как бог-солнце или бог-луна и т. д.

Первоначальное разделение труда в связи с усложнением религиозных представлений приводит к образованию особой группы лиц, особой касты, профессией которой становится отправление культа. Это — жрецы, претендующие на особую близость с духами и предками и тем самым —на предпочтительное право оказывать воздействие на духов. Отныне воздействовать на духов — иначе говоря, на природу — может уже не всякий член общества, но лишь профессионал. Одетый в пышный убор, украшенный амулетами, скрыв лицо под звероподобной маской, вооруженный бубном и колдовским жезлом, жрец становится между обществом и силами природы: сосредоточивая в своих руках право магического воздействия на природу, жрецы превращают тем самым наивные представления первобытных людей о возможности колдовским способом управлять миром зверей и растений в средство воздействия на самое общество. Религиозный культ, сосредоточенный в руках немногочисленной касты и защищающий интересы знати, становится в условиях нарождающегося классового общества орудием классового угнетения.

«Религия, — говорит Энгельс, — возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»[1]. Это фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними внешних сил было использовано в эпоху разложения родового строя знатью для подавления свободы трудящегося человека, для принижения его перед сверхъестественными силами, для подчинения его новым социальным силам. С тех пор религия всегда была и остается орудием классового господства.

---

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. Маркс и Энгельс, Избр. соч., т. II, 1948, стр. 378.

земледелие началось там раньше, чем в других странах, и быстрее развивалось.

В древневосточных обществах в течение их истории выработались древнейшие исторические культуры, оказавшие большое влияние на культурное развитие соседних с ними народов Европы в странах античного мира. Особенно широкое влияние оказали культуры Египта и Двуречья и промежуточных между ними стран Палестины и Сирии. Примыкая к Средиземному морю, эти страны имели постоянные торговые и культурные связи с другими средиземноморскими странами, в том числе со странами на средиземноморском побережье Европы — странами античного мира. Племена и народы, жившие в древности на этом побережье, заимствовали от народов Китая, Индии, Египта, Двуречья, Палестины и Сирии многие их культурные достижения. Постепенно эти навыки перешли к современным европейским народам и стали достоянием европейской культуры. Поэтому древняя история европейских государств находилась в тесной преемственной связи с историей средиземноморских стран древнего Востока и античного мира.

По отношению к древневосточным обществам Индии и Китая следует отметить, что их развитие продолжалось в феодальную и капиталистическую эпохи. Тысячелетняя история Китая уже завершилась в наши дни крушением эксплуататорского строя, победой народной революции и установлением в Китае народной власти.

§ 2. Источники истории древнего Востока. Изучение истории государств Египта и Двуречья стало возможным только сто лет тому назад. В распоряжении исторической науки до начала XIX в. не было почти никаких подлинных источников истории Египта и до 40-х годов XIX в. не было подлинных источников истории Двуречья. Это объясняется тем, что древние государства Египта и Двуречья неоднократно опустошались многими завоевателями, разрушавшими города, храмы и дворцы — хранилища памятников письменности и искусства. Разрушенные города, храмы и дворцы не восстанавливались, и в течение ряда веков на их месте образовывались холмы и курганы.

Раскопки этих холмов и курганов были начаты только в первой половине XIX в. и не были завершены еще перед началом Великой Отечественной войны. В ходе этих раскопок открывались все новые и новые памятники письменности, вещественные памятники культуры, и таким образом с каждым новым десятилетием увеличивались и улучшались наши источники по истории Египта и государств Двуречья.

По характеру своего содержания открытые письменные памятники чрезвычайно разнообразны. Имеется целый ряд царских надписей, главным образом исторического содержания; тысячами насчитываются документальные памятники. В числе последних имеются документы хозяйственные и юридические: кодексы законов, царские указы, судебные акты, деловые (договоры о сделках,

разделах имущества, долговые обязательства и пр.). Имеется огромное число памятников религиозного содержания — мифологических, богослужебных, магических и др. Не так значительно число памятников художественной литературы, но зато они особенно ценны и интересны. Наконец, имеются письменные памятники научного характера — математические, астрономические, медицинские и др. В числе вещественных памятников, кроме развалин дворцов и храмов, особенно важное значение имеют памятники искусства — скульптуры и живописи — и памятники бытового характера, в том числе орудия труда.

Но памятники письменности могли быть использованы для изучения истории Египта и Двуречья только после дешифровки системы знаков и установления грамматического строя их языков, неизвестных ученым начала XIX в.

Задачу дешифровки египетского письма, существовавшего в трех формах, разрешил в 1822 г. французский ученый Шамполион. Опорой для него послужила надпись, найденная в Египте, в теперешнем портовом городе Розетта, так называемый «Розеттский камень». Надпись начертана в трех текстах: нижний текст на греческом языке, верхний — на египетском, древним иероглифическим письмом, средний текст — также египетский, скорописным письмом. Шамполион предположил, что эти три текста передают одну и ту же надпись, и попробовал расшифровать значение иероглифических знаков при помощи сопоставления греческого и иероглифического начертания имен царя Птолемея и царицы Клеопатры, имеющихся в греческой надписи. Он заметил, что несколько слов в верхнем тексте заключены в специальную рамку, и отсюда вывел заключение, что эти слова соответствуют именно этим царским именам. Догадка Шамполиона оказалась правильной, и, найдя этот ключ, он постепенно, работая и над другими надписями, установил звуковое значение всех иероглифов и даже составил первый опыт грамматики египетского языка.

Задачу дешифровки клинообразного письма, найденного в Двуречье, разрешили немецкий ученый Гротефенд и английский ученый Раулинсон. Клинообразное письмо заимствовали от вавилонян завоеватели Вавилонского царства — персы. Благодаря упорному труду Гротефенда в 1802 г. удалось расшифровать персидское клинообразное письмо сассанидской эпохи (III в. н. э.), оказавшееся, как и иероглифическое, буквенным. Но когда ученые попробовали применить открытие Гротефенда к чтению вавилонских и древнеперсидских текстов, то ничего из этого не выходило. В вавилонском и древнеперсидском письме оказалось гораздо больше знаков, чем нужно для азбуки, и отсюда стало ясно, что знаки вавилонского письма должны обозначать не только звуки речи, но и слоги и, может быть, даже и слова. Задачу дешифровки вавилонского клинообразного письма разрешил в 1850 г. Раулинсон, открывший на Бехистунской скале, в западной части Персии, огромную надпись царя Дария на трех

языках — эламском, древнеперсидском и вавилонском. Первая часть надписи была легко прочитана, и в ней оказалось около 200 собственных имен царей, стран и народов. Это обстоятельство и дало Раулинсону ключ к расшифровке сначала древнеперсидской, а потом и вавилонской части надписи; при этом Раулинсону помогли учебные таблетки, найденные к этому времени в развалинах дворца ассирийского царя Ашшурбанипала. В этих таблетках слева стояли знаки, обозначающие целые слова (так называемые идеограммы), а справа — те же слова, изображенные слоговыми и звуковыми знаками. Таким образом, клинообразное письмо, применявшееся в странах Двуречья, оказалось очень сложным, состоящим из знаков трех родов — идеограмм, слоговых знаков и звуковых знаков.

Между Египтом и Двуречьем лежат прибрежные области Палестины и Сирии, примыкающие своей восточной границей к Аравийской пустыне. В этих областях образовался ряд мелких древневосточных государств — царства Иуды и Израиля, финикийские мелкие царства, царство Дамаска в Сирии. Источники для истории этих государств до второй половины XIX в. были довольно скудными. Для истории Иуды и Израиля единственным источником была библия — собрание мифологических, исторических, нравоучительных, поэтических и религиозных произведений, подвергшихся в II—I в. до н. э. тенденциозной переработке в духе националистическо-религиозного иудаизма, предпринятой с целью оправдать неограниченную эксплуататорскую власть иерусалимского жречества над народной массой. Поэтому сведения, которые дают нам библейские книги, далеко недостаточны и не надежны. Во второй половине XIX в. эти сведения пополнились ценными материалами раскопок. Были найдены надписи исторического содержания, земледельческий календарь, письма; в значительном числе были найдены вещественные памятники — остатки древних городов, предметы домашнего обихода, произведения искусства, предметы религиозного культа. Вещественные памятники и надписи дают исторической науке подлинный материал и позволяют во многом дополнить и исправить данные библейской традиции.

Для истории Финикии вплоть до 30-х годов XX в. имелось совершенно недостаточное количество первоисточников. Кроме писем финикийских царьков египетским фараонам второй половины XV в. до н. э. (эти царьки были подчинены фараонам), имелось только несколько надписей финикийских царьков последующей эпохи. Дополнением к этим данным служили сообщения Геродота, Лукиана и других греческих и римских писателей; но они были не всегда достоверными, часто случайными. Крупнейшим событием оказались раскопки в Рас-Шамра на сирийском побережье Средиземного моря. Начатые в 1929 г. и еще не законченные перед началом второй мировой войны, эти раскопки открыли остатки финикийского города Угарита, известного до тех пор только по названию. Угарит оказался столицей одного из финикийских царств,

городом с царским дворцом, тремя храмами, большими жилыми кварталами и с гаванью на морском берегу. Там впервые были открыты подлинные памятники финикийской литературы, подлинные финикийские религиозные тексты и значительное количество разного рода документов, в том числе хозяйственных. Таким образом, только в последнее время историческая наука получила в свое распоряжение надежный и обширный материал первоисточников для изучения и восстановления истории Финикии, особенно социально-экономической и культурной.

Для истории Хеттского малоазиатского царства, о котором имелись упоминания в надписях ассирийских царей, историческая наука до конца XIX в. располагала только материальными памятниками, открытыми в 1830-х годах и в 1861 г., при раскопках древнего хеттского города Хаттушаш (близ Богаз-Кеоя), а в последней четверти XIX в. — и в других пунктах. Письменные памятники Хеттского царства были открыты только в 1906—1907 гг. немецким ученым Винклером в Богаз-Кеое. Через десять лет чешскому ученому Грозному удалось расшифровать хеттское письмо, установить значения слов и грамматический строй хеттского языка. В результате в распоряжении исторической науки оказались такие важные источники, как царские летописи, запись хеттских законов, религиозные и другие тексты.

К востоку от Хеттского царства существовало также упоминавшееся в ассирийских надписях царство Урарту, пределы которого распространялись от области озера Ван на западе до теперешней восточной границы Армении на востоке, в Закавказье. Собирание памятников этого царства было начато только в конце XIX в. западноевропейскими учеными, скопировавшими и издавшими ряд клинообразных урартских надписей области озера Ван. К 1882 г. английский ученый Сэйс расшифровал урартскую клинопись и издал несколько надписей с переводом. Однако основная заслуга в области собирания и издания урартских письменных и материальных памятников и изучение истории Урарту принадлежат русским ученым. В 90-х годах XIX в. крупнейший русский ассириолог М. В. Никольский обследовал надписи урартских царей в Закавказье, снял с них механическим путем оттиски и издал их с русским переводом и комментариями. В советскую эпоху был произведен на территории Армянской ССР целый ряд раскопок урартских крепостей, причем были найдены новые важные надписи и были открыты ценнейшие археологические материалы. Выдающаяся роль в этих исследованиях принадлежит советскому ученому Б. Б. Пиотровскому, который всецело посвятил себя исследованию истории и культуры народа и царства Урарту, неуклонно продолжает свою экспедиционную работу и дал науке первую историю царства Урарту.

Гораздо сложнее обстоит дело с источниками истории древней Индии и древнего Китая. Исторические данные о древнем периоде

этих стран мы вынуждены черпать почти исключительно из позднейших произведений индийской и китайской письменности. Для Индии такими произведениями являются преимущественно религиозные тексты и отчасти записи древнеиндийского эпоса, для истории Китая — сочинения позднейших китайских историков и философов. Поэтому восстановление древней истории Индии и Китая является очень трудным делом, и многие важные вопросы остаются пока все еще невыясненными.

§ 3. Изучение истории древнего Востока. До Великой Октябрьской революции изучение истории древнего Востока, в особенности основных его стран — Египта и Двуречья — велось главным образом западными буржуазными учеными.

Такое положение создалось вследствие того, что открытие и собирание памятников древневосточных культур было начато и продолжалось вплоть до начала второй империалистической войны учеными западноевропейских государств, выступавших в качестве колонизаторов в странах Переднеазиатского Востока и в северной Африке. Первые раскопки в Двуречье были произведены в 1820 г. англичанином Ричем, агентом Остиндской компании, а затем в 1842 г. французским консулом в Моссуле Ботта. Первая экспедиция в Египет для собирания египетских памятников прибыла туда вслед за армией Наполеона. Затем последовал ряд ученых экспедиций, также английские и французские; в конце XIX и в начале XX в. к ним присоединились ученые Германии и США.

Обладая огромными вновь открытыми древневосточными фондами первоисточников и памятников культуры, западные ученые, естественно, имели особо благоприятные условия для изучения истории древнего Востока. Они проделали значительную работу: дешифровали древневосточные системы письма — египетского, вавилонско-ассирийского, воссоздали мертвые языки и наречия древневосточных народов, издали массу письменных памятников древнего Востока, многие в переводах с комментариями.

Однако буржуазные востоковеды до сих пор не могли разрешить основной задачи — задачи построения истории стран и народов древнего Востока. Сначала буржуазные востоковеды придерживались описательно-повествовательного метода: подробно излагали историю царей, фараонов и их походов, пересказывали мифы и содержание литературных произведений. Но затем, в конце XIX в., появились другие методы, якобы более научные; на основе их делались попытки построения общей истории древнего Востока. Однако все эти работы весьма несовершенны, тенденциозны и антинаучны.

В особенности антинаучным был модернизаторский метод, получивший широкое распространение. Широко им пользовался Эд. Мейер, выставивший свою «теорию» извечности частной собственности и цикличности исторического процесса. Проводя этот метод, Эд. Мейер и его последователи стали «открывать» в государствах древнего Востока и господство права частной

собственности, начиная с первобытной эпохи, и феодализм, и капитализм с развитой торговлей, крупной промышленностью и даже с банками, и империализм. Эта «школа» руководствовалась не столько стремлением к изучению истории древнего Востока, сколько стремлением доказать извечность частной собственности и характеризовать капитализм как якобы непреходящий и вечный строй общественного развития.

Естественно, что такая школа могла создавать и создавала только извращенную историю стран и народов древнего Востока. Она уделяла и уделяет совершенно недостаточное внимание истории трудящихся классов древнего Востока — истории крестьянства, ремесленников и рабов и их борьбы против господствующих эксплуататорских классов. В соответствии со своими антинаучными модернизаторскими тенденциями она ограничивается зачислением крестьян в группы мелких земельных собственников и арендаторов и приравниванием рабов к промышленным рабочим.

Наконец, в период между первой и второй мировыми войнами в работах буржуазных ориенталистов по истории древнего Востока появилось влияние расистской теории. Древневосточные народы стали рассматриваться как «низшая раса», которая якобы неспособна к культурному развитию. Якобы по этой причине древневосточные культуры оказались в сравнении с античной «арийской» культурой недоразвитыми, не могли достичь таких же успехов, как культуры греков и римлян, а сами древневосточные народы в конце концов были покорены «арийцами». Отсюда делался и политический вывод: современные народы Востока, происходящие от древней «низшей расы», должны подчиниться власти европейского и американского империализма.

Кроме того, сами страны древнего Востока подразделялись на страны «классического» Востока, куда зачислялись Египет и Двуречье (т. е., по существу, только Ближний Восток), сыгравшие якобы основную роль в истории культуры своего времени, и страны «не-классического» Востока, оставшиеся в стороне от столбовой дороги общечеловеческой культуры. Отсюда рождалось совершенно пренебрежительное отношение к истории стран Среднего и Дальнего Востока — истории Индии и Китая.

В дореволюционной России изучением истории народов древнего Востока занимались лишь немногие отдельные ученые. Но некоторые из них по своим знаниям древневосточных языков и памятников стояли в первых рядах тогдашних востоковедов. Египтологи Б. А. Тураев и В. С. Голенищев издали ряд египетских текстов; ассириолог М. В. Никольский собрал и издал все клинообразные надписи царства Урарту, найденные в Закавказье (в границах дореволюционной Российской империи), а также издал целую коллекцию хозяйственных документов Двуречья III в. до н. э. Кроме того, Б. А. Тураев издал первый самостоятельный русский курс истории древнего Востока. Правда, этот курс был построен по повествовательному методу с пересказыванием мифов и летописных данных. Но курс Тураева имел значительные преимущества перед зарубежными работами по истории Востока в том отношении, что Тураев давал также обширные выдержки из памятников древневосточной письменности, так что его курс был одновременно как

бы хрестоматией источников истории древнего Востока. Однако этот труд Тураева в настоящее время не может служить руководящим пособием при изучении истории древнего Востока. Во-первых, он устарел по своему фактическому материалу, так как после его выхода в свет были сделаны новые крупные открытия источников по истории народов древнего Востока, в частности, по истории государств Двуречья, Финикии и хеттов. Во-вторых, Тураев в своем курсе вслед за Эд. Мейером и другими западными буржуазными историками древнего мира признает существование феодализма в государствах древнего Востока и строит свой курс на идеалистической основе, отводя руководящую роль в истории религии и «мудрости» некоторых древневосточных царей. В то же время он пренебрегает историей эксплуатируемых масс народа и рабов и их борьбы против угнетателей. В советскую эпоху курс Тураева был переиздан с некоторыми далеко недостаточными добавлениями документального и фактического материала, но без всяких исправлений его коренных методологических ошибок.

Методологически правильное и плодотворное изучение истории народов и стран древнего Востока началось только в Советском Союзе, в трудах советских востоковедов. Советские востоковеды применили к изучению истории народов древнего Востока марксистско-ленинский метод исторического исследования и руководились марксистским учением об общественно-экономических формациях. Идя таким путем, советские ученые добились крупных успехов, разрешив в основном проблему построения истории древнего Востока.

Прежде всего советские ученые успешно разрешили проблему социально-экономической характеристики древневосточных обществ. Для этого им пришлось проделать большую работу по изучению отдельных высказываний Маркса и Энгельса о характере древневосточных обществ. Окончательное разрешение проблемы было достигнуто благодаря опубликованию в 1938 г. классического произведения товарища И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и обнародованию в 1939 г. рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». В этой последней работе дана подробная характеристика азиатской формы собственности как собственности общинной, в отличие от античной частной формы собственности.

Из высказываний Маркса и Энгельса ясно вытекает, что древневосточные общества были рабовладельческими, но что в отличие от античных обществ рабовладельческий строй в странах древнего Востока остановился в своем развитии на стадии домашнего рабства. Это произошло вследствие того, что на Востоке «на пространстве от Египта до Индии... основной производственной ячейкой с незапамятных времен неизменно была первобытная сельская община», между тем как полное развитие рабства возможно лишь на почве разложения этой общины. По той же причине «на Востоке не могло образоваться право частной собственности на землю,

даже феодальной». На Востоке государство было верховным собственником земли, и потому там не существовало никакой частной земельной собственности, хотя существовало как частное, так и общинное владение и пользование землей. Восточное государство, или, как говорит Маркс в другом месте, связующее единство, существующее в виде одного лица — восточного деспота — «...выступает как высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы». При этой форме собственности «каждый отдельный человек» может быть собственником или владельцем «...только как звено {коллектива}, как член этого коллектива...». На этой общинной основе базировалась специфическая древневосточная форма государственности — деспотия, т. е. неограниченная монархия восточного типа, укреплявшаяся также условиями климата, характера почвы и орошения, которыми отличаются все восточные страны, начиная от Египта и до Индии (первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства). Деспотическое правительство присваивало себе часть прибавочного труда общины в виде дани (ренты-налога) и в виде коллективного труда для «возвеличения единства» [1], т. е. в виде работ общинников «на дом царя».

Самой характерной особенностью древневосточного общественного строя, согласно приведенным выше высказываниям Маркса и Энгельса, является его двойственность, сосуществование общинного быта наряду с рабством, основанным уже на частной собственности, т. е. сосуществование общественной формы, свойственной первобытно-общинному строю, с общественной формой, свойственной классовому обществу. Товарищ Сталин указывает, что такого рода отношения могут существовать, и выясняет их характер и значение. Он говорит: «Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения внутри производства, те или иные производственные отношения. Отношения эти могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, *переходными* отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме» [2]. Именно к разряду таких переходных форм Маркс и относит сельскую, или земледельческую, общину. Маркс говорит: «Земледельческая община, будучи

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, № 29 и 30, стр. 74; № 31, стр. 77—79. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 151, 165, 170, 330, 334; К. Маркс: Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 347—348; «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 570; «Формы, предшествующие капиталистическому производству», «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 10—11 (общинный быт и формы собственности, деспотия).

[2] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550—551. (*Курсив наш.* — Ред.)

последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве». Маркс добавляет, что сельской общине свойственен «дуализм», который «...может служить для нее источником большой жизненной силы...» и который заключается в том, что при сохранении общинного права собственности на землю дом и его придаток — двор — уже являются частной собственностью земледельца и что пахотная земля распределяется на наделы, которые обрабатываются лично членами общины и плоды которых присваиваются соответствующими общинниками [1]. Наконец, в странах древнего Востока долгое время существовали пережитки родового строя, даже в форме родовых общин, и стойко держалась патриархальная семейная община. Все эти моменты обусловили замедленный темп развития рабовладельческого строя в странах древнего Востока.

Руководствуясь этими установками классиков марксизма, советские востоковеды нашли правильное решение вопроса о типе формации древневосточных обществ. Они пришли к общему признанию, что древневосточные общества как общества классовые, т. е. уже вышедшие за рамки первобытного общинного строя и имевшие в своем составе, рядом со свободными общинниками-крестьянами, также рабов и рабовладельцев (последних — в качестве господствующего, командующего класса), должны быть определены как общества рабовладельческие, т. е. принадлежащие к рабовладельческой формации. Но в отличие от античных обществ, в которых рабовладельческие отношения достигли своего полного развития, древневосточные общества являются обществами раннерабовладельческими, в которых рабство в основном не выходило за пределы домашнего рабства и в которых стойко сохранялся общинный быт в форме родовых и сельских общин.

Опираясь на эту методологическую основу, советские востоковеды построили первые марксистские курсы истории древнего Востока, первоначально — в курсе акад. В. В. Струве («История древнего Востока», 1941 г.), а затем в вышедшем в 1948 г. обстоятельном курсе («История древнего Востока») проф. В. И. Авдиева. В курсе акад. В. В. Струве не все части были одинаково хорошо обработаны, так как по некоторым вопросам методологического и фактического порядка еще велись споры и так как в этом учебнике, естественно, не могли быть учтены опубликованные после 1941 г. материалы первоисточников и исследовательские работы советских историков. Поэтому курс акад. Струве в настоящее время уже устарел. В курсе проф. Авдиева марксистско-ленинско-сталинские установки о формационном типе

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680—681 (черновики писем к Вере Засулич).

древневосточных обществ применяются полностью и систематически, учтены все последние открытия и работы в области истории древнего Востока, и потому этот курс сейчас является наиболее полным и надежным учебным руководством для советского студенчества.

ГЛАВА VI

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ШУМЕРА И АККАДА

§ 1. Географическое положение и природа древнего Двуречья. Долина рек Тигра и Евфрата, называвшаяся в древности греческим именем Месопотамия, что означает «Междуречье», сделалась колыбелью государств, принадлежащих к числу наиболее древних в истории государственных образований.

Реки Тигр и Евфрат берут свое начало в современной Турции, в области, прилегающей к озеру Ван. Начинаясь близко друг от друга, эти реки в дальнейшем своем течении значительно расходятся и вновь сближаются лишь по выходе их на территорию современного Ирака. Здесь и начинается долина, называемая Месопотамией или Двуречьем. Долина Двуречья разделяется на две части, северную и южную, различные как по своим природным условиям, так и по этнографическому составу населения и пережившие неодинаковые исторические судьбы.

Долина Двуречья на западе почти на всем своем протяжении примыкает к Аравийской пустыне; лишь на крайнем северо-западе, там, где долина Двуречья ближе всего подходит к Средиземному морю, она примыкает к плодородной долине реки Оронта. На востоке вдоль всего Двуречья тянется горный хребет Загрос, отделяющий Двуречье от Ирана. Южная часть Двуречья примыкает к Персидскому заливу. Такое географическое положение сыграло значительную роль в истории древнего Двуречья. Народам, населявшим его, приходилось вести постоянную борьбу с горными и степными племенами, стремившимися прорваться в плодородную долину Двуречья и подчинить ее своему господству. С другой стороны, торговые и культурные связи для народов Двуречья были возможны главным образом со странами, примыкающими к Средиземному морю (через долину Оронта).

Сейчас южная часть Двуречья начинается с самого узкого места долины, там, где Тигр и Евфрат наиболее близко сходятся друг с другом — на расстоянии около 75 *км*. Почва южного Двуречья на большей части его территории образована речными наносами. В IV—I тысячелетии до н. э. побережье южного Двуречья, примыкающее к Персидскому заливу, лежало почти на 250 *км* севернее современного, и Тигр и Евфрат впадали в море отдельными устьями. В еще более отдаленные эпохи Тигр и Евфрат впадали в море, по всей вероятности там, где они теперь ближе всего подходят друг к другу. Наносная почва южного Двуречья очень рыхлая и изобилует топкими заболоченными местами. Но зато она

и очень плодородна, так как из остатков морских животных и растений образовалась здесь тучная глина. Однако для превращения этой земли в пашни нужна была трудная, упорная работа населения.

К заболоченности почвы южного Двуречья присоединяются неблагоприятные климатические условия, создающие чрезмерное обилие воды. В южном Двуречье в ноябре и декабре льют постоянные дожди, превращающие в болото даже и высокие места страны. Не успеет почва просохнуть после дождей, как в марте начинается разлив Тигра и Евфрата. Реки разливаются очень широко, наводнение продолжается до июля — августа. Во время паводка и после него до ноября стоит сухая погода; почва постепенно, но очень неравномерно высыхает. На высоких местах она высыхает быстро, и потом, как камень, трескается; на низких местах, напротив, вода застаивается и образуются болота, распространяющие болотную лихорадку. Если не вести борьбы с этими неблагоприятными условиями, то население будет жить впроголодь и страдать от частых болезней и высокой смертности. Об этом говорит история Двуречья в новое и новейшее время. Но в древности южное Двуречье было плодородной страной, кормившей густое население; в те времена трудом многих поколений там была построена сложная сеть водных сооружений, регулирующих наводнение и обеспечивающих запас воды на сухое время года.

В северном Двуречье почвенные условия совершенно иные, чем в южном, и наводнения в связи с этим, а также в связи с широким пространством долины, не принимают такого широкого и разрушительного характера, как на юге. Поэтому в северном Двуречье и хозяйственная жизнь сложилась во многих отношениях иначе, чем в южном Двуречье, сложился несколько иначе и общественный быт населения.

§ 2. Образование государств в южном Двуречье (Сеннааре). Южное Двуречье в некоторых памятниках древности называется Сеннааром; это наименование условно принимается и в современной исторической науке. За 4500—4000 лет до н. э. в приморской части Сеннаара жили ш у м е р ы, древнейшие известные нам обитатели страны. Часть шумеров проникла в северную часть Сеннаара, а одна группа проникла даже еще дальше и основала город и царство Мари на Евфрате (на западном рубеже будущей Ассирии). Позднее, вероятно, около 3500 лет до н. э., северную часть Сеннаара заняло кочевое скотоводческое племя, пришедшее из Аравии. Оно принадлежало к числу семитских племен и условно называется а к к а д и й ц а м и по имени главнейшего их города Аккада.

О родине шумеров идут до настоящего времени споры. Преобладает мнение, что они спустились в южную часть Сеннаара из горных областей, лежащих на восток от Двуречья. Некоторые исследователи полагают, что при своем приходе в Сеннаар шумеры застали там более древнее население, жившее уже в условиях оседлого земледельческого быта. Однако древнейшие глиняные

изделия, найденные при археологических раскопках в южной части Сеннаара, имеют весьма значительное сходство по своему стилю и орнаментации с такими же изделиями из Элама, Ирана и Белуджистана, т. е. из тех горных стран, где принято искать родину шумеров. Таким образом, вопрос о дошумерском населении приморской части Сеннаара нельзя считать окончательно разрешенным.

По своему физическому типу шумеры резко отличались от аккадийцев. До нас дошли (из IV и III тысячелетий до н. э.) изображения и тех и других, иногда на одном и том же памятнике. Шумеры отличаются круглой головой и круглым лицом, косой постановкой глаз (как у монголов), короткой шеей; голова и лицо у них всегда выбриты. Напротив, тип аккадийцев во всем напоминает тип арабов. Это высокие бородатые люди, с длинными волосами, с длинным узким лицом и орлиным носом. Также и шумерский язык по своему грамматическому строю и по своей лексике отличается не только от семитских, но и от индоевропейских языков.

О древнейшем быте шумеров в первые времена их поселения в Сеннааре мы узнаем из археологических данных и из шумерских сказаний. В эпоху своего поселения в Сеннааре шумеры жили еще родовым строем, и первыми создателями водных сооружений, этой основы для устойчивого земледельческого хозяйства, были шумерские родовые общины. Сказание называет местом древнейшего шумерийского поселения остров Дильмун в Персидском заливе (теперь остров Бахрейн) и описывает древнее доброе время, когда в Дильмуне не было зла и несчастий, когда был мир между дикими и домашними животными, когда не было болезней, когда родители не отдавали еще своих дочерей в рабство, когда еще не были вырыты каналы, когда «надсмотрщик еще не ходил в своей гордыне» и когда еще не говорили: «насильник притеснил Дильмун», когда еще «господин города не устроил себе там жилище». Тогда богиня Нинелла научила людей вырыть каналы и водоемы, поля и луга взрастили злаки, и сделался Дильмун «гаванью земли» [1].

Основой земледелия были оросительные каналы, пруды, или водохранилища, и дамбы. Каналы имели двоякое назначение: в период наводнений отводить излишки воды из затопляемых мест и заболоченных пространств в водохранилища, или пруды, а в сухое время года подводить воду как из этих водохранилищ, так и непосредственно из рек к полям и садам. Для предохранения полей на низких местах от затопления и заболачивания их окружали высокими дамбами; такие же дамбы сооружались для предохранения от разрушительного действия наводнений жилых участков. Первые сооружения такой ирригационной системы были, как уже указывалось, делом рук родовых и родоплеменных общин. Каждая община обеспечивала себе таким путем запасы воды на сухое время года

---

[1] В этом сказании покровительницей и благодетельницей людей является богиня, а не бог, и поэтому надо полагать, что это сказание восходит к эпохе матриархата.

и регулировала наводнения. Этот порядок сохранялся на всем протяжении истории Двуречья, и поэтому как древнейшие общины, так и позднейшие сельские общины были водно-земельными общинами.

С тех пор как в Сеннааре была в основном создана ирригационная система, развитие производительных сил пошло быстрым темпом. Оно, как и везде, сопровождалось возникновением неравенства, выделением богатой правящей родоплеменной верхушки, появлением рабства. В процессе разложения родоплеменного общинного быта слагались первые государственные объединения. Мы не знаем подробностей этого процесса; но в половине IV тысячелетия до н. э. того древнего быта, который описан в сказании о Дильмуне, уже не существовало.

В конце IV тысячелетия до н. э. в Сеннааре существовало уже свыше двух десятков мелких государственных объединений: судя по данным первой четверти III тысячелетия, число их было уже не менее сорока. По титулу «патеси», который носили их правители, эти мелкие государственные объединения принято называть «патесиатами». Каждый патесиат именовался по названию своего городского центра. Наиболее древними патесиатами были Эриду, Ур, Ларса, Шуруппак и Киш, существовавшие, вероятно, уже в конце IV тысячелетия до н. э. В конце IV тысячелетия замечаются также первые попытки объединения разрозненных патесиатов в небольшие царства. Такую попытку сделали патеси Ура, принявшие при этом титул «лугаль», т. е. царь. Однако мы, к сожалению, не имеем точных данных ни о размерах этого царства, ни об его организации.

§ 3. Хозяйственный строй Сеннаара в эпоху раздробленности. Строй Сеннаара в эпоху его раздробленности известен нам из огромного количества документов хозяйственной отчетности и из ряда надписей исторического содержания, относящихся к первым трем векам III тысячелетия. Таким образом, мы можем дать более или менее точную характеристику лишь того строя, какой сложился к концу эпохи раздробленности.

Как показывают документы, в начале III тысячелетия в Сеннааре еще существовали большие заболоченные массивы, которые возможно было до известной степени использовать лишь для скотоводства. Эти пространства примыкали главным образом к морю; их площадь в результате проведения каналов для осушения с течением времени сокращалась. Каналы сооружались патеси и царями, и осушенные таким путем земли обращались затем под земледельческие культуры. Однако весьма значительная часть заболоченного пространства не поддавалась такой мелиорации, и потому скотоводство продолжало играть весьма важную роль в экономике Сеннаара.

Общественный строй этого периода определялся земледелием и создавшимися на его базе социальными отношениями. Верховным собственником всех земель в каждом патесиате считался патеси. Но он распоряжался полностью только теми землями, которые были выделены для хозяйства патеси и для храмов, а также теми землями, которые пустовали из-за их непригодности к земле-

дельческой культуре и могли быть осушены посредством проведения каналов. Остальные земли находились в фактическом владении и распоряжении общин. Частного землевладения в современном смысле слова в эту эпоху еще не существовало. Существовало лишь частное землепользование на основе раздач участков земли из царского фонда или фонда патеси служилым людям. Эти участки были различных размеров, чаще всего, на наши меры, от 20 до 70 *га*; лишь царицы да самые крупные сановники, вроде «нубанды», т. е. главного заведующего хозяйством царя или патеси, получали более крупные участки до 200—300 *га*, из которых они в свою очередь раздавали мелкие участки за службу своим агентам. Участки, выделявшиеся служилым людям, давались в пользование на неопределенный срок и всегда могли быть отобраны или заменены другими. Кроме того, патеси и цари выделяли значительные участки для содержания храмов, храмового культа и жреческого персонала. Обычно эти храмовые участки находились в ведении приближенных царя или патеси, храмы сами их не эксплуатировали, но получали с них натуральные доходы.

О характере общинного землевладения у нас, к сожалению, точных сведений нет. Однако, судя по некоторым данным, можно сказать, что в ведении общины оставались лишь водные сооружения и пастбища, а обработка земли велась отдельно каждой семьей на выделенном ей участке.

В Сеннааре возделывались трояко рода культуры: полевые, огородные и садовые. В царском и храмовом хозяйстве преобладала огородная и садовая культуры; полевая культура занимала второстепенное место. Но в хозяйстве общинников полевая культура преобладала. В царском и храмовом хозяйстве начала III тысячелетия основное место занимала не земледельческая культура, а скотоводство. На заболоченных пространствах паслись огромные стада, принадлежавшие патеси, царям и храмам; так, одна из жен патеси Лагаша имела около 12 тыс. голов крупного и мелкого скота. Таким образом, производство основного продукта земледельческой культуры — хлеба — велось почти целиком на общинных землях. Эти земли в общей сложности занимали около 90% всех обрабатываемых земель.

Общины кормили хлебом со своих полей не только себя, но и своих правителей, их сановников и служащих, жрецов храмов. Сельские общины были обложены натуральными налогами в зерне, льне, муке, масле (кунжутном) и в других продуктах. Приморские рыбачьи общины платили налог рыбой, скотоводческие общины — скотом и продуктами скотоводства. Все эти налоги поступали в определенные сроки — по принадлежности — в амбары, кладовые и стада царей и патеси. Налоги взимались в традиционном размере десятины; но и при этой норме поступления были настолько велики, что амбары патеси и царей ломились от запасов зерна и других продуктов. Это была типичная восточная форма грабительской эксплуатации трудового общинного населения путем выкачивания ренты-налога.

§ 4. Общественный строй Сеннаара в эпоху раздробленности. Общественный строй Сеннаара как в его южной шумерской, так и в северной семитской части характеризуется в общем одинаковыми чертами.

Основная масса населения состояла из о б щ и н н и к о в. Однако формы общинного быта не везде были одинаковы. На шумерском юге бытовала главным образом сельская водно-земельная община. Эта община, как уже указывалось, состояла из семейных, или домовых, общин. Общинник называется «таппу», т. е. сосед, товарищ; община называется термином «пухурту», означающим — собрание, коллектив. Общинники были твердо спаяны обязательствами по отношению к общине и взаимными обязательствами друг к другу; нарушение этих обязательств считалось тяжким грехом перед богами общины, которые за это якобы карали болезнью и смертью. В особенности требовалось блюсти силу и стойкость своей общины и не посягать на достояние товарищей по общине и на целость их семейных общин.

Общинники считались формально свободными; однако на практике они подвергались такого рода эксплуатации, которую Маркс обозначает термином «поголовное рабство» [1]. Именно помимо эксплуатации при помощи налогов от общинников требовались тяжелые, длительные принудительные работы «на дом царя». В числе хозяйственных документов царей и патеси постоянно встречаются наряды больших партий рабочих (сотнями, а иногда и тысячами) на разного рода работы, например, на проведение новых и ремонт старых царских каналов, на постройку и ремонт дворцов и храмов, на резку и вывозку тростника или на сезонные земледельческие работы — покос, жатву, уборку овощей и т. п. Эти рабочие назывались «каль-эрин» и работали наравне с рабами под надзором одних и тех же надсмотрщиков. Палки надсмотрщиков одинаково гуляли по спинам и рабов и эрин. Никакого вознаграждения каль-эрин не получал, только во время работы он находился на содержании дворца.

Основная тяжесть всех царских работ лежала на плечах общинников, ибо число рабов было ограничено, и они применялись преимущественно на домашних работах. Рабы («уру», «арад»— раб, «гим» — рабыня) добывались преимущественно покупкой в соседних с Двуречьем горных и пустынных областях торговыми агентами царей, патеси и храмов, так называемыми «тамкарами». Тамкары покупали рабов обычно вместе с другими товарами — медью, шерстью, скотом. Характерно, что нет ни одного документа о покупке более или менее крупной партии рабов; дело идет всегда о покупке одного или нескольких рабов в пределах десятка. Гораздо реже были случаи продажи родителями в рабство своих детей в самом Сеннааре. Продавали преимущественно дочерей и то в случае самой крайней нужды. Рабов из числа военнопленных в начале III тысячелетия также было немного; это объясняется тем, что крупных войн в эту эпоху не было. Из этих трех источников

[1] К. М а р к с, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 169. «Вестник древней истории, 1940, № 1, стр. 25.

происходили рабы в подлинном смысле, т. е. люди, утратившие навсегда свою свободу и принадлежавшие наравне с рабочим скотом своим господам.

Но кроме того, существовала категория временных или условных рабов, своеобразная форма долгового рабства. Должник, не погасивший в срок ссуду, становился рабом своего кредитора или отдавал ему в кабалу членов своей семьи. Такие долговые рабы могли получить обратно свободу в случае погашения долга. Подобные случаи, несомненно, бывали, поскольку общинники обязаны были выручать, по мере возможности, своих товарищей, впавших в долги.

Рабы и рабыни в частном хозяйстве применялись преимущественно для домашних работ. Были рабыни ткачихи, поварихи; рабы, кроме домашних работ, применялись в качестве пастухов, изредка для огородных и садовых работ, на жатве. В царском и храмовом хозяйстве рабский труд имел более широкое применение. Число царских и храмовых рабов было значительно выше, чем число частных рабов, и доходило до нескольких десятков, а иногда превышало и сотню: так, храму богини Бау принадлежало 142 рабыни и 4 раба. В царском хозяйстве упоминаются специальные рабы-земледельцы, садовники, подавальщики воды из каналов; упоминаются также десятки рабынь-ткачих и рабов-суконовалов, работавших в специальных мастерских; при дворцах и храмах были также гончарные и каменные мастерские, которые, вероятно, также обслуживались рабами. Однако и в царском и в храмовом хозяйствах рабский труд, в первую очередь, обслуживал нужды и потребности дворцового и храмового хозяйства. Таким образом, в общем рабство в Сеннааре носило обычный для востока домашний характер [1].

Правящий класс Сеннаара состоял из членов домов царей и патеси, их сановников и жрецов; в подчинении у них находился многочисленный персонал служащих разных рангов, занимавших административные и хозяйственные должности, а в храмах также должности вспомогательного жреческого персонала. Все эти категории объединялись одним и тем же общим признаком — они были рабовладельцами. За свою службу высшие, средние и низшие чиновники получали «кормления» в форме земельных участков различной величины, в зависимости от их ранга. Но эти кормления давались на праве пользования, и доходы с них далеко не покрывали потребностей наделяемых. Основное значение для рабовладельческого класса имели доходы от скотоводства и доходы от участия в дележе тех огромных продовольственных фондов, которые поступали в государственную казну с общин в форме ренты-налога. Из этих фондов цари и патеси наделяли жречество, содержали штат своих дворцовых служащих, свои войска, рабочих, призывавшихся для работ «на дом царя». Таким образом, происхо-

[1] О домашнем характере восточного рабства см. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 330; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1950, стр. 162.

дила своеобразная коллективная эксплуатация трудового населения. Эта эксплуатация опиралась на верховное право царей и патеси над землей. Как говорит Маркс, в большинстве азиатских форм связующее единство, возвышающееся над всеми мелкими коллективами, выступает как высший собственник или единственный собственник, конкретно отчасти в лице деспота, отчасти воображаемого племенного господина — бога; этому представителю высшего единства принадлежит также часть прибавочного труда в виде дани и в коллективных видах труда [1].

§ 5. Государственный строй Сеннаара в эпоху раздробленности. Характерной чертой государственного строя Сеннаара в конце IV и начале III тысячелетий была его раздробленность. Страна распадалась на ряд небольших патесиатов, еще не оформившихся в подлинные государства. Не было еще твердого различия между собственно дворцовым и государственным хозяйством и управлением. Патеси до известной степени сохраняли еще черты прежних родоплеменных вождей, из среды которых они по большей части вышли, однако с тем коренным различием, что они были уже не только правителями своих владений, но сделались также их собственниками, и власть свою основывали уже не на выборе или старшинстве, а на наследственности. Став владыками общества путем узурпирования власти, они стремились оправдать и укрепить свою власть теорией «божественного» происхождения их самих и их власти. Так, в Уре в конце IV тысячелетия существовал культ царей, сопровождавшийся жертвоприношениями у их гробниц. В ту же эпоху патеси Лагаша Урнанше (Урнина) был объявлен богом, и в начале III тысячелетия ему воздавались почести наравне с главными божествами Лагаша, богом Нингирсу (Нинури) и богиней матерью Нинту.

Между этими мелкими патесиатами иногда возникали конфликты, переходившие в войны. Так, существовала долголетняя вражда между патесиатами Лагаша и Уммы из-за владения пограничными территориями, особенно из-за одного поля Гуэддин, имевшего, повидимому, важное хозяйственное значение. Эта долголетняя вражда ознаменовалась победоносными походами патеси Лагаша Эаннаду (Эаннатума), дважды разбившего войска Уммы, и полным подчинением Уммы Лагашу при преемнике Эаннаду Энтемене. Тут мы имеем случай частичного объединения двух патесиатов. Но уже в конце IV тысячелетия имели место попытки более широкого объединения. Так, мы узнаем, что в это время в наиболее крупных патесиатах Сеннаара стоят воинские отряды из Шуруппака; в это же время часть Сеннаара подчиняют себе цари Урука. В конце IV или в начале III тысячелетий выдвигается первая династия царей Ура, удержавшая свою

---

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 152. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 10.

власть, повидимому, недолго; кроме того, около 2870 г. до н. э. надписи называют царя Киша Месилима, которому были подчинены патесиаты Лагаша и Уммы. Месилим вмешался в пограничные споры патеси Лагаша и Уммы, установил между ними границу и поставил на ней пограничный камень с надписью о своем решении. Однако все эти объединения были непрочными и временными, вероятнее всего потому, что еще не созрели экономические и социальные предпосылки для создания в Сеннааре прочного единого государства.

В известной мере общепризнанное единство Шумера в эту эпоху проявляется только в религиозной области.

Официальная религия Шумера бытовала в форме местных культов, в основе которых лежали прежние культы родоплеменных богов. Но кроме того, все патеси Шумера участвовали в культе Энлиля, одного из древнейших шумерских богов, именовавшегося «отцом». Это наименование показывает, что вероятнее всего Энлиль был богом-родоначальником той племенной группы, из которой произошел шумерский народ. Культ Энлиля сосредоточивался в городе Ниппуре, где правителем был не патеси, а верховный жрец Ниппура; там был главный храм Энлиля, Экур, т. е. «дом на горе». Энлиль считался богом земли; миф о нем гласил, что в древнейшие времена «вся земля была морем, почва островов — водяным потоком»; в этом водном хаосе царила чудовищная богиня Тиамат. Энлиль победил ее, сотворил сушу, животных и людей, тогда якобы и был построен Экур. Шумерские патеси Сеннаара также строили в своих городах храмы Энлилю и, кроме того, делали обязательные приношения в центральный храм Энлиля в Ниппуре. Верховный жрец Ниппура пользовался большим влиянием и иногда выступал в качестве третейского суда в конфликтах между патеси.

§ 6. Рост классовых противоречий и реформа Урукагины в Лагаше. Около 2400 г. в Лагаше тогдашний патеси Лугальанда нарушил «древние постановления». Он поставил во всех общинах Лагаша своих надсмотрщиков и обложил общинников новыми большими сборами в свою пользу и в пользу жрецов. Жрецы, не довольствуясь налогом, стали попросту грабить население. Они отбирали у крестьян скот, птицу, медные изделия, одежду; из крестьянских садов отбирали лучшие деревья и плоды, установили новую грабительскую плату за погребение умерших. Патеси и его сановники отбирали во дворец шерсть с наиболее дорогих белых овец, а с прочих овец вместо шерсти стали требовать высокий налог по 5 секелей серебром с головы; помимо того, они ввели пошлины с документов и судебных актов (также в серебре). Эти насилия, повидимому, привели к восстанию народа и к свержению Лугальанды. На место Лугальанды сел в качестве патеси Урукагина (около 2400 г.), не принадлежавший к роду Лугальанды и, видимо, ставший правителем благодаря поддержке недовольных масс. Урукагина восстановил прежние традиционные нормы налогов, запретил отбирать даром скот и продукты, предписал платить серебром за все взимаемое сверх нормы и удалил надсмотрщиков из общин. Он хвалился в своей надписи, что «восстановил свободу». Однако принудительные работы при Урукагине нисколько не сократились, а прочность налоговой

реформы ничем не была обеспечена, разложение общины продолжалось.

Такие же восстания, хотя прямо и не засвидетельствованные дошедшими до нас источниками, очевидно, имели место и в других городах. Несомненно также, что и в самом Лагаше сохранились условия, создававшие в дальнейшем почву для недовольства. Об этом свидетельствует тот факт, что оборонная сила Лагаша, еще недавно победившего Умму, значительно ослабла. Пользуясь смутами в Лагаше, патеси Уммы Лугальзаггиси возобновил борьбу против Лагаша, разбил войско Урукагины и присоединил Лагаш к своим владениям. После этой победы Лугальзаггиси настолько усилился, что на некоторое время подчинил себе весь Шумер. Столицей своего нового государства он сделал древний город Урук.

§ 7. Развитие производительных сил и образование царства Аккада. Смуты, имевшие место в Лагаше, были вызваны наступлением на исконные права общинников, рабовладельческих верхов, которые стремились увеличить свои доходы. Эта тенденция была обусловлена значительными изменениями в экономике Сеннаара. С середины III тысячелетия шел медленный, но неуклонный рост производительных сил. Особенно этот рост сказался в северной части Сеннаара, где почвенные условия были более благоприятны для земледельческой культуры и где рядом с полеводством начало развиваться и садоводство. Появились сады финиковой пальмы, имеющей не только продовольственное, но и промышленное значение.

Плоды финиковой пальмы были одним из самых питательных продуктов; из сока фиников изготовлялся мед и уксус; косточки фиников, медленно горящие и дающие много жара, употреблялись в кузницах вместо угля; из листьев делали разное плетенье, из коры — канаты и корзины, а древесина шла на столярные изделия.

Наметилась хозяйственная дифференциация юга и севера Сеннаара: на севере основным промыслом становилось земледелие, на юге, с его огромными пастбищами на заболоченных пространствах, основным занятием населения оставалось скотоводство. В связи с этим начала развиваться и внутренняя торговля. Ее вели патеси и храмы через посредство своих торговых агентов.

Все эти обстоятельства отразились неблагоприятным образом на положении общинников. Натуральные налоги, поступавшие от общинников, приобрели теперь меновую ценность; в среде рабовладельцев возникло стремление к повышению традиционной десятины. С другой стороны, для освоения новых площадей под финиковые сады и для расширения пастбищ необходимо было сооружать новые каналы и дамбы; еще более крупные каналы надо было сооружать в качестве транспортных путей. Этим обусловилось резкое усиление налогового гнета и увеличение «царских работ», падавших на плечи общинников.

На севере Сеннаара в это время усилились семитские правители Аккада. Город Аккад был расположен между Евфратом и Тигром в том месте, где реки сходятся ближе всего одна с другой. По соседству с Аккадом на Евфрате находился древний город Сиппар, с храмом бога солнца, основанный шумерами, но завоеванный и расширенный семитами; а на Тигре находился важный центр Опис. Кроме того, несколько южнее Сиппара на Евфрате находился один из самых древних городов Сеннаара Киш. Между Тигром и Евфратом в области расположения Аккада проходила караванная дорога, соединявшаяся на западе с караванными путями в Аравию, а на востоке — с караванными путями в горную область Загроса. Центральное положение Аккада могло предоставить большие выгоды государю Аккада, который сумел бы овладеть областью между Сиппаром и Описом. Таким государем, первым царем царства Аккада, стал около 2369 г. Шаррукин (Саргон).

До Шаррукина Аккад был обычным небольшим патесиатом, но, повидимому, занимал первое место среди семитских поселений. Шаррукин не принадлежал к роду патеси, правивших Аккадом; он основал новую династию. Обстоятельства прихода Шаррукина к власти в точности неизвестны. О нем, как и о других древних завоевателях, слагались легенды и мифы, из которых очень трудно выделить историческое ядро.

В одной из своих надписей Шаррукин говорит про себя так: «Я Шаррукин, царь могучий, царь Аккада. Мать моя была бедна, а отца своего я не знал... Город мой (где я родился) Азупирану на реке Евфрате». Далее рассказывается, что мать зачала и родила Шаррукина втайне, положила его в корзинку и пустила ее вниз по реке. Река принесла Шаррукина «к Акки-водоносу», который взял его к себе, воспитал и сделал также водоносом и садовником. «И когда я был садовником, стал я угоден Иштар... и достиг я царской власти».

Отсюда видно, что Шаррукин был незнатного рода и до возвышения работал в качестве садовника, вероятно, в хозяйстве тогдашнего князя Киша, самого сильного из семитских патеси. Но человек из незнатного рода мог прийти к власти только в результате переворота, вызванного народным движением. Отсюда следует, что и в семитских городах (так же, как в Лагаше) вспыхивали народные движения; и одно из них выдвинуло Шаррукина. Он сделался также царем Киша и главой всех семитских патесиатов, а затем совершил несколько победоносных походов на юг. Он победил Лугальзаггиси, взял Ур и Лагаш, дошел до самого моря и таким образом подчинил себе весь Шумер. Так под властью Шаррукина и его преемников создалось в Сеннааре первое царство, объединившее всю страну под одной властью.

§ 8. Царство Аккада. Это царство просуществовало сравнительно недолго, всего около 180 лет (2369—2189 гг. до н. э.). Последующие царства — III династии Ура и древневавилонское царство — были преемниками царства Аккада. Сложившийся в эпоху царства

Аккада общественный и государственный строй долгое время по существу не изменялся.

Одним из главных условий объединения Сеннаара в одно государство являлось уже описанное выше экономическое развитие, которое привело к известной дифференциации производства на севере и на юге и вызвало необходимость установления между Шумером и Аккадом постоянной хозяйственной связи и обмена. Но кроме этого экономического фактора, действовали также и общественно-политические факторы. Царская власть усилила свое наступление на общинный строй, стремясь подчинить себе остававшиеся еще полунезависимыми родоплеменные общины на восточной окраине царства Аккада, в районе Тигра и за Тигром, и на западной окраине, на границе пустыни, где кочевали родоплеменные общины амореев.

Как свидетельствует надпись царя Аккада, Маништусу, в этом отношении царская власть нашла поддержку у родоплеменных старейшин. Последние присвоили себе в это время право продавать общинные земли; пользуясь этим, царь Маништусу скупил у четырех общин огромные участки земли от 500 до 2000 *га* на наши меры и дал при этом старейшинам общин-продавцов подарки, состоявшие из разных ценных предметов и материалов, а также из рабов.

Следовательно, общинные старейшины становились уже рабовладельцами; в той же надписи Маништусу упоминается, что некоторые из старейшин имели в своем владении участки земли. Таким образом, внутри общин происходило сокращение общинных земельных фондов по двум линиям: по линии захвата общинных земель представителями правящей общинной верхушки и по линии отчуждения этих земель в пользу царских земельных фондов. Отрезки земель в пользу царя были для общин наиболее чувствительными, ибо, как указано, они производились в крупных масштабах. Правда, подобного рода отчуждения носили спорадический характер; но все же они ослабляли те общины, которые были жертвами этих нападений и способствовали их скорейшему полному подчинению царской власти.

Более общий характер имели другие явления, ослаблявшие общины. Мы не знаем в точности, в каком размере собирались в царстве Аккада натуральные налоги с общин, но во всяком случае они не удержались в прежнем размере десятины, так как царь Маништусу ввел с нескольких областей налог в пользу храма Шамаша в Сиппаре. В то же время значительно увеличивается в эту эпоху тяжесть работ на дом царя. Цари строят новые каналы для судоходства и для соединения водных путей по Тигру и Евфрату с сухопутными дорогами. Так, несомненно, к этому времени относится проведение царского канала, соединившего Евфрат с Тигром. Этот канал начинался на Евфрате у Сиппара, проходил через Аккад и оканчивался у Описа на Тигре. Кроме того, было проведено несколько транспортных каналов в других частях страны. Далее, цари начали большое строительство городов, дворцов и хра-

мов. Так, Шаррукин заново отстроил Киш, расширил и украсил свою столицу Аккад и содействовал восстановлению и украшению храмов в городах, потерпевших от смуты и вражеских нашествий.

Все эти обстоятельства неблагоприятно отражались на благосостоянии общин и общинников. Далеко не все общинники выдерживали возросшую тяжесть царских налогов и царских работ. Хозяйства маломощных общинников вследствие этого разорялись. Одни из таких бедняков попадали в неоплатные долги и вынуждены были идти в рабскую кабалу к ростовщикам, другие бросали землю и шли искать работы у богатых людей. Но далеко не все отбившиеся от общин люди имели возможность получать работу, ибо на постоянной работе обычно были заняты рабы, а на сезонные работы чаще всего подряжались или наряжались общинники. Таким образом, наряду с наемниками появились также безземельные и безработные люди, наличие которых представляло серьезную опасность для рабовладельческой правящей верхушки царства Аккада.

В этом обстоятельстве следует видеть одну из причин, побудивших Шаррукина сформировать постоянное войско. До Шаррукина ни в Шумере, ни в Аккаде такого войска не было; в случае войны патеси или царь собирал ополчение из общинников, на основании традиционной обязанности всего народа являться по призыву государя на войну со своим вооружением. По окончании войны или похода это народное ополчение распускалось по домам. На всем древнем Востоке это ополчение называлось не специальным термином, а обычными наименованиями — «люди», «мужи», «народ». Постоянное войско, организованное Шаррукином, набиралось из наемников, получивших за свою службу кормления в виде небольших земельных участков.

Численность этого войска достигала 5400 человек. Надо полагать, что кадрами для него послужили главным образом безземельные и малоземельные общинники. Это войско, состоявшее на царском содержании и целиком зависевшее от царя и его милости, должно было служить для царя и правящей верхушки опорой на случай новых народных движений.

Но опираясь на это войско, Шаррукин, а затем и его преемники получили также возможность начать грабительские походы против соседей царства Аккада. Воины царского войска были заинтересованы в таких походах, поскольку они получали часть военной добычи, и потому всегда были готовы двинуться в поход за пределы царства Аккада, в то время как общинники единодушно вставали на защиту своей родины, но не желали идти на завоевание чужих стран. Но, конечно, более всего были заинтересованы в зарубежных походах царь, жрецы и «тамкары», т. е. царские торговые агенты. Их привлекала возможность захватить богатую добычу и рабов и получить новые постоянные источники обогащения посредством выкачивания дани из побежденных стран. Так начала в Двуречье действовать та функция восточного деспотического

государства, которую Маркс называет функцией ограбления чужих народов [1].

§ 9. Войны царей Аккада. Шаррукин совершил целый ряд походов во все стороны — на север и северо-запад, на юг и на юго-запад, на северо-восток и на восток. Ему удалось везде подчинить своей власти соседние племена и государства, и в конце своего царствования он принял титул «царь четырех стран». Походы преемников Шаррукина были направлены не столько на новые завоевания, сколько на удержание в подчинении покоренных Шаррукином племен и областей и на собирание с них дани.

Из всех войн, которые вели цари Аккада, только войны с Эламом (государством в горах Загрос к востоку от Сеннаара) до известной степени оправдывались необходимостью. Эламиты были давнишними врагами народов Сеннаара. Эламитам в начале III тысячелетия становилось уже тесно в их горах, и часть эламских племен начала пробиваться в плодородную долину Сеннаара. Их нашествию подвергся Лагаш, временно ими занятый, но затем лагашцам удалось эламитов вытеснить. Цари Аккада стремились уничтожить этого опасного и сильного врага народов Сеннаара; но кроме того, они также стремились овладеть этой очень близкой к Сеннаару горной страной, где в изобилии были строительный камень, строительный лес, золото и серебро и откуда можно было получать рабов и скот. Таким образом, и войны с Эламом носили в основном агрессивный, грабительский характер.

Войны с Эламом были начаты Шаррукином и продолжались при преемниках Шаррукина — Римуше, Маништусу и Нарамсине. Походы Шаррукина в «Верхнюю страну» увенчались победой, но удержать за своим царством завоеванные там области ему не удалось. После его смерти все покоренные им страны восстали против его преемника Римуша, и, судя по тому, что «Верхняя страна» в последующих надписях царей Аккада уже не упоминается, ей удалось вернуть себе независимость. Преемники Шаррукина обращают теперь свои взоры на юг и юго-запад, на области по побережью Персидского залива и внутренней Аравии. Нарамсин совершил поход в арабские страны Маган и Мелуха за золотом, скотом и лесом.

§ 10. Внутреннее состояние царства Аккада и его падение. Цари Аккада гордились своими завоеваниями и высоко ставили свою власть. Последний царь династии Шаррукина Нарамсин объявил себя богом Аккада и требовал божественных почестей. Однако царство Аккада было далеко не так прочно, как это казалось Нарамсину.

Внутри царства Аккада постоянно происходили волнения. Патеси Шумера, которых цари Аккада стремились превратить в своих наместников, не мирились с потерей самостоятельности и восста-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 347; там же — о функции грабежа собственного населения.

вали против преемников Шаррукина. Надо полагать, что патеси при этом находили поддержку среди общинников, страдавших от непосильных царских поборов и работ, ибо без опоры среди общинников шумерские патеси не могли бы собрать ополчений для борьбы с царями Аккада. Но восстания были, как правило, неудачны, и побежденные шумерские князья должны были платиться своей головой. Так, Нарамсин велел «сжечь перед Энлилем» в Ниппуре трех «царей Шумера», взятых им в плен. После смерти Нарамсина начались дворцовые смуты из-за наследования престола. Этим воспользовалось горное племя гутеев, жившее в горах Загроса к северу от Элама. Около 2228 г. ополчение гутеев разгромило Аккад и часть Шумера; но господство гутеев было непрочно и недолговечно. Борьбу за независимость Сеннаара начали патеси Шумера, менее пострадавшие от разгрома, чем Аккад. Около 2150г. выдвигается патеси Лагаша, Гудеа, который объединил часть Шумера под своей властью, предпринял поход на Элам и снаряжал торговые экспедиции в Маган и Мелуху. Он отстроил заново храм богу Лагаша Нингирсу [1]. Но новое объединение Шумера, а затем и Аккада в одно царство было достигнуто царями Ура, из III династии этого города.

§ 11. Царство Ура. Основателями царства Ура были царь Урэнгур-Урнамму, объединивший под своей властью Шумер, и его преемник Шульги. Шульги был наиболее крупным и могущественным царем III династии; он правил 50 лет, т. е. более трети всей эпохи III династии Ура (2118—2007 гг. до н. э.). Преемники Шульги были более слабыми государями, ибо они были вынуждены вести тяжелую и упорную борьбу с семитскими кочевыми племенами, пробивавшимися в Сеннаар из Аравии.

Пределы царства Ура сложились примерно такие же, как и царства Аккада. Шульги подчинил себе города Аккада, восстановил власть над Эламом и постарался закрепить ее браком своей дочери с патеси эламского Аншана. Шульги совершал также походы на север и северо-запад по течению Евфрата, вплоть до Сирии и Малой Азии, но ему не удалось завоевать ни одной области в этих двух странах. Таким образом, главным объектом грабительской эксплуатации для царей Ура был только Элам. Оттуда выкачивалась такая же добыча, как и при царях Аккада. Несомненно, что в особенности много из Элама пригонялось рабов. Рабы эти назывались государственными, и цари применяли их труд на обширных строительных работах. Шульги перестроил заново храмы и дворцы Ура и построил много новых храмов; строительные работы продолжались и при преемниках Шульги, но в значительно сокращенных размерах, в связи с ослаблением власти Ура над Эламом и общим ослаблением царства Ура. Подобно Нарамсину, цари Ура—Шульги

---

[1] Уцелело несколько обломков художественных статуй с изображением этого патеси.

и его преемники — были приравнены к богам, и в честь их совершался регулярный культ.

§ 12. Общество эпохи III династии Ура. Основными чертами общественного строя в царстве Ура являются рост рабства и идущие параллельно с ним процессы развития частного землевладения и частного хозяйства. Эти процессы носят своеобразный характер.

Число рабов растет главным образом в царском хозяйстве. Крупные партии рабов, пригонявшихся из Элама, применялись на царском строительстве дворцов и храмов, а также в больших мастерских при дворцах и храмах. В документах упоминается «дом ткачей» в Лагаше, в котором работало около 70 рабынь-ткачих и до 30 рабов-сукновалов. Рабы трудились в царских и храмовых столярных мастерских, на постройке речных судов, на обработке камня для скульптурных работ и построек. Все эти мастерские работали не на сбыт, а для удовлетворения нужд и прихотей царей, их огромного придворного штата, жрецов и храмового культа.

Труд рабов в качестве непосредственных производителей на земле применялся в весьма ограниченных размерах. Цари Ура, подчинив Шумер, превратили патеси в своих наместников и отобрали в свое непосредственное ведение лучшие их земли. Часть этих земель была роздана служилым и военным людям в качестве кормлений; часть была обращена под царское хозяйство. В отличие от начала III тысячелетия теперь в царском хозяйстве выдвигаются на первый план земледельческие культуры. Цари насаждали на своих землях большие финиковые сады, виноградники, вели также и полевое хозяйство. Однако на полях рабы были только постоянной рабочей силой и не были многочисленными. Так, в одном полевом царском хозяйстве, площадью в 200 *га*; было только 24 постоянных рабов-«земледельцев»; все срочные и сезонные работы, требовавшие большого количества рабочих, выполнялись общинниками в порядке работ на «дом царя». В садах и виноградниках вообще не требовалось большого количества постоянных рабочих. Таким образом, рабство в царском хозяйстве увеличилось преимущественно в связи со строительством. А последнее зависело от сохранения господства царей Ура над Эламом. Как только при последних царях III династии Ура Элам стал выходить из подчинения, резко сокращаются строительные работы, сокращается, следовательно, в такой же мере и число рабов.

Частное хозяйство, которое начало развиваться в эпоху царей Аккада, теперь делает новые успехи. О его росте свидетельствуют документы о купле-продаже домов и земельных участков, главным образом финиковых садов. Содействует росту частного землевладения и частного хозяйства также и государственная власть. В эпоху III династии Ура был издан первый в Двуречье кодекс законов на шумерском языке; к сожалению, до нас дошли

только его отрывки. Кодекс стремился оградить новое частновладельческое право от всяких его нарушений.

Кодекс вводит высокие штрафы в серебре за вторжение в чужие сады и их порчу, устанавливает строгую ответственность за убытки, причиненные домовладельцам действиями их соседей, и охраняет интересы владельцев садов, сданных в аренду, от убытков вследствие небрежности арендаторов. Однако новое частное право владения еще не было личным и безусловным. Земельные участки и дома принадлежали патриархальным семейным общинам; личные владения могли возникать только в случае разделов общинного имущества или выхода из семейной общины ее отдельных членов. Кодекс дает право сыновьям после смерти отца разделиться и устанавливает для них равные размеры долей наследников и, кроме того, дает право сыну во всякое время выйти по своему желанию из семейной общины с выделом ему его наследственной доли. Но и в таких случаях личное право владения было условным и временным, так как почти всегда выделившийся обзаводился собственной семьей, и тогда опять вступали в силу права и обычаи семейного владения.

Группа частных землевладельцев состояла главным образом из представителей родовой правящей верхушки. Они присваивали выделявшиеся им из общинных земель «поля вождя». Кроме того, в этой группе были также владельцы, приобретавшие поля и сады покупкой. Продавцами могли быть представители родовой верхушки; также можно предполагать, что при помощи обходных операций царские сановники, жрецы и тамкары могли покупать наделы разоренных и маломощных общинников. Точных сведений о продаже общинниками их наделов у нас нет, как нет сведений и о числе и размерах частных земельных владений.

ГЛАВА VII

ДРЕВНЕЕ ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

§ 1. Падение царства Ура и образование древневавилонского царства. При последних двух царях III династии Ура, Гимильсине и Ибисине, царство Шумера и Аккада подвергается нападениям и вторжениям с двух сторон. При Гимильсине в область Аккада и в смежную с ним с севера область Двуречья происходят вторжения из Аравии а м о р е й с к и х п л е м е н семитического происхождения. Амореи завоевали шумерское царство Мари и основали там свое царство. Постепенно амореи начали просачиваться также и в Аккад, занимая там одну область за другой.

При Ибисине началось вторжение в Шумер э л а м и т о в. Они воспользовались ослаблением царства Ура в связи с вторжением амореев, восстали против царей Ура и в свою очередь вторглись в пределы Сеннаара. Под ударами эламитов царство Ура в 2007 г. прекратило свое существование. Ибисин был взят в плен и уведен в Элам, Ур был разрушен до основания. Опустошению и разграблению были подвергнуты Ниппур, Урук и другие города Шумера. Шумерское население подверглось массовому избиению и уводу в рабство. Разгром Шумера был настолько основательным, что

в последующие века Шумер навсегда потерял свое прежнее значение; исчезли упоминания о шумерах как отдельной народности, шумерский язык сохранялся частично только в религиозных текстах.

После разгрома Шумера эламитами там началась борьба между завоевателями. Попытки амореев пробиться в Шумер оказались неудачными, и в Шумере в конце концов образовалось эламское царство. Зато амореи окончательно укрепились в Аккаде. Там образовалось Аморейское царство со столицей в Исине, на юго-востоке от Киша. Но цари Исина были слабы, и в конце III тысячелетия им пришлось уступить главенство аморейским царям Вавилона.

Вавилон в конце III тысячелетия был еще незначительным городом. В 1894 г. до н. э. там сел аморейский царь Сумуабу, который сделался основателем древневавилонского царства, крупнейшего и важнейшего из всех государств Двуречья до возвышения Ассирии. Время существования древневавилонского царства (1894—1595 гг. до н. э.) составляет замечательную эпоху в истории Двуречья. В течение этих 300 лет южное Двуречье достигло наивысшей ступени своего хозяйственного и общественного развития и политического влияния, непревзойденной в последующие эпохи. В это время окончательно сложилась вавилонская народность и окончательно выработалась вавилонская культура. Она впитала в себя все предшествующие культурные достижения Двуречья. Вавилон, незначительный городок при первых аморейских царях, во времена вавилонской династии превратился в крупнейший торговый, политический и культурный центр, не терявший своего руководящего значения вплоть до эллинистической эпохи, несмотря на ряд катастроф и превратностей в его судьбе.

§ 2. Объединительная политика царей первой вавилонской династии. Объединение Сеннаара и северной части Двуречья под властью Вавилона происходило в течение столетней борьбы и завершилось только при шестом царе династии, знаменитом царе Хаммураби (Хаммурапи). Главной заботой первых трех царей Вавилона была борьба с другими мелкими аморейскими князьками, главами родоплеменных групп, захватившихнекоторые крупные центры Аккада. К концу XIX в. весь Аккад и северная часть Шумера были уже в составе вавилонского царства. Одновременно первые цари постарались укрепить свое внутреннее положение в Аккаде. Они опирались, с одной стороны, на аморейские родоплеменные общины, переходившие в Двуречье к оседлому земледелию и сельско-общинному быту, а с другой стороны, на прежнее наследственное жречество аккадских храмов. В этом отношении вавилонским царям помогало то обстоятельство, что население Аккада состояло главным образом также из семитических племен, соблюдавших культы некоторых общесемитских божеств — Шамаша (солнца), Сина (луны), Иштар (богини плодородия и войны), Адада-Раммана (грозовика и дождевика). Все эти божества

были не чужды и амореям. Уже первые вавилонские цари-аморейцы строят этим божествам храмы в Вавилоне, восстанавливают и украшают храм Шамаша в Сиппаре. В середине XVIII в. объединение было завершено царем Хаммураби. Он завершил борьбу за Шумер победой над эламитским царем Ларсы Римсином. После этого Хаммураби обратил свое оружие на север. Во время борьбы с Римсином Хаммураби поддерживал дружбу с аморейским царем Мари, Зимрилимом, и получал от него военную помощь. После победы Хаммураби над Римсином Зимрилим изменил союзу с Хаммураби и начал готовиться к борьбе с ним. Тогда Хаммураби выступил в поход против Зимрилима, взял и разрушил город Мари (который с тех пор лежал в развалинах и был открыт археологами лишь незадолго до второй мировой войны). Присоединив царство Мари, Хаммураби прошел еще дальше на север и присоединил Ашшур, небольшое царство, из которого впоследствии выросла великая Ассирийская военная держава.

Созданное таким образом древневавилонское царство было централизованной деспотией, уже не знавшей тех внутренних усобиц, которые по временам раздирали царство Аккада и царство Ура. Единство и внутренняя прочность древневавилонского царства были достигнуты благодаря целому ряду новых условий.

Во-первых, как было уже указано, вавилонские цари опирались на свои аморейские родоплеменные общины. Во-вторых, носители прежней раздробленности, местные аккадские и шумерские патеси, изрядно ослабленные уже при царях Ура, были уничтожены аморейскими и эламитскими завоевателями. Вавилонские цари имели дело уже только с родоплеменными и сельскими общинами, управление которыми могло быть легко организовано путем создания административных областей или округов с царскими сановниками во главе.

В-третьих, Аккад, сделавшийся еще при Шаррукине основной земледельческой производящей областью, несравненно меньше пострадал от вторжений, чем шумерский юг. Аморейское вторжение носило характер постепенного просачивания и не сопровождалось такими губительными опустошениями, как эламитская военная агрессия; население Аккада было для амореев не чужим, а родственным, говорило на понятном языке, почитало тех же богов, в значительной мере сохраняло древние традиционные обычаи. Опустошенный и обезлюденный Шумер после эламской катастрофы стал в полную зависимость от Аккада в экономическом отношении.

Далее, вавилонские цари могли опереться и опирались на те организационные и юридические достижения, какие выработались при царях третьей династии Ура. В особенности это заметно в праве. Так, в кодексе Хаммураби повторяется почти без изменений ряд постановлений шумерского кодекса, в документах купли-продажи и в договорах сохраняются шумерские термины и формулы. Но при этом вавилонские цари ввели много новых институтов и дали дальнейшее развитие многим прежним постановлениям и учреждениям.

Наконец, вавилонские цари постарались создать новую идеологическую базу для оправдания своего деспотического государства. Они ввели культ общегосударственного бога, царя над богами Мардука. Мардук был богом города Вавилона, одним из ряда местных городских богов. При содействии жрецов Мардука были составлены новые мифы об этом боге; к ним были присоединены в переработанном виде некоторые древние шумерские мифы, в частности миф об Энлиле как победителе Тиамат и создателе мира; из этих материалов была скомпанована большая, художественно написанная

поэма, известная под названием «поэмы семи таблиц». В этой поэме прославлялся Мардук, самый младший из богов, которого старшие древние боги ставят на первое место. Поэма рассказывала, что ни один из древних богов не мог одолеть Тиамат. Тогда вызвался на борьбу с ней Мардук. В торжественном собрании старые великие боги передали Мардуку царство над вселенной, дали ему скипетр, трон и государство, как царю над богами, и непобедимый меч. Мардук в единоборстве с Тиамат побеждает и убивает ее и из ее тела творит мир, животных и людей, строит небесный Вавилон и свой храм Эсагила, по образцу которых должны быть построены на земле Вавилон и в нем храм Эсагила. Мардуку было присвоено имя Бэл, т. е. господин, государь, которое до тех пор присваивалось Энлилю. Таким образом, местный вавилонский бог Мардук был превращен в верховного бога. Одновременно и цари Вавилона были провозглашены сынами «владычицы и матери богов» Мами.

§ 3. Царь Хаммураби, его управление и его законы. Хаммураби (Хаммурапи), шестому царю первой вавилонской династии, правившему 42 года (1792—1750), удалось завершить внутреннее объединение и организацию древневавилонского царства.

Царство Хаммураби было разделено на две половины, управлявшиеся на разных основаниях. Область Аккада и северная часть Шумера управлялись при посредстве царских агентов, носивших различные титулы в зависимости от сферы их действий и их функций. Царские начальники назначались в области и города; в городах царские начальники контролировали деятельность городских старейшин. Высшие чины назывались «суккаллу»; в подчинении у них были административно-финансовые агенты, заведовавшие сбором налогов и отправкой населения на царские работы и располагавшие большим штатом сборщиков налогов и агентов по организации отрядов рабочих людей на царскую барщину. Основное внимание суккаллу сосредоточивали на сборе налогов, производстве работ на дом царя и на организации войска. При Хаммураби (и, вероятно, до него) существовало постоянное войско, состоявшее из военнослужилых людей разного ранга; за свою службу они получали в кормление участки земли. В документах называются три военных чина: «деку» — начальник военного подразделения, вероятно, соответствовавшего нашему полку; далее, «реду» и «баиру», которые были рядовыми воинами (но до сих пор различие между реду и баиру остается для нас неясным). Другая половина царства, южный Шумер, находилась под управлением царского наместника Синидиннама. Там было сосредоточено личное царское хозяйство, состоявшее из огромных стад скота, которые раньше принадлежали Римсину. Наместник должен был контролировать управителей и других агентов этого хозяйства и заведовал всеми прочими функциями административно-финансового управления.

Таким образом, ясно выступает та функция восточной деспотии, которую Маркс характеризует как ограбление собственного населения. Другая функция — грабеж чужих народов — в царстве Хаммураби занимала менее заметное место, чем в царстве Ура или в позднейшей Ассирии. Третья функция — забота об ороше-

нии — выражалась главным образом в контроле над содержанием в исправности системы каналов и дамб. Работы такого рода постоянно упоминаются в распоряжении Хаммураби; для организации этих работ существовали специальные агенты, так называемые «писцы каналов».

Описанная организация управления по существу не была новой, так как основы ее были заложены еще в эпоху III династии Ура. Вавилонские цари только упорядочили ее и уточнили ее функционирование применительно к местным условиям севера и юга. Основной чертой государственного управления при Хаммураби было издание и введение в действие нового кодекса законов. Это мероприятие было вызвано тем, что шумерский кодекс, изданный при царях III династии Ура, уже не соответствовал тем экономическим и общественным условиям, которые к этому времени сложились в древневавилонском царстве. Кроме того, кодекс III династии Ура был составлен на шумерском языке, уже непонятном для населения древневавилонского царства. Кодекс Хаммураби является чрезвычайно важным памятником истории Двуречья, так как все его основные постановления сохранили в Вавилонии силу до конца вавилонской истории. Он дает нам совершенно точный ответ на вопрос о классовом характере вавилонского царства, ибо из него вполне ясно видно, на какие группы общества опирались вавилонские цари и чьи интересы они в первую голову поддерживали. Попутно выступает также и структура вавилонского общества в целом.

Кодекс Хаммураби состоит из трех частей: введения, самого свода законов и заключения. Во введении мы читаем обычные пышные фразы об установлении «правды и счастья» для всех подданных царя. Но там же царь перечисляет свои главнейшие дела по установлению «правды и счастья», именно свои благодеяния храмам, амбары которых он наполнял хлебом, которые он отстраивал заново, в которых он организовал торжественный великолепный культ. Свод законов содержит в себе 282 статьи, из которых 33 утрачены вследствие порчи стэлы (базальтового столба), на которой был начертан закон; некоторые из них восстановлены на основании фрагментов кодекса, найденных в разных местах. В кодексе имеются уголовные постановления, постановления по семейному, имущественному, наследственному и обязательственному праву, несколько статей, касающихся общинного права, ряд статей, касающихся рабства. Красной нитью проходит через кодекс забота о всемерной охране имущественных прав рабовладельцев-землевладельцев, домовладельцев, жрецов, купцов и ростовщиков. В заключении кодекса царь еще раз восхваляет свою заботу о подданных, называет себя «царем несравненным правды» и призывает проклятие на голову тех, кто осмелится разрушить стэлу, на которой начертаны его законы. Это — кодекс, ограждавший права и интересы господствующей рабовладельческой верхушки древневавилонского общества.

В кодексе Хаммурапи перед нами выступают все классы и сословия вавилонского общества в их правовых взаимоотношениях. Кроме кодекса, до нас из эпохи древневавилонского царства дошло несколько сот документов и частных деловых писем. Поэтому мы имеем возможность дать полную характеристику его экономического и общественного быта.

§ 4. Земледелие, землевладение и землепользование. Основным занятием населения древневавилонского царства было земледелие. Крупное скотоводство, как и раньше, было развито только на юге, в приморских районах, где продолжали существовать большие пастбища на заболоченных пространствах.

Из полевых культур основное место занимали посевы пшеницы, ячменя и кунжута (сезама) — масличной культуры. Из садовых культур главнейшей оставалась культура финиковой пальмы. Полевое земледелие давало при нормальных условиях высокие урожаи, которые не только покрывали потребности населения, но и давали большие излишки, поступавшие в царские и храмовые закрома в форме натуральных налогов и в продажу на внутреннем рынке. Царские и храмовые хлебные запасы в известной части также пускались в торговый оборот (при торговых операциях с арабскими племенами). Поэтому зерно и кунжут были главными земледельческими меновыми ценностями.

Верховным собственником всех земель в древневавилонском царстве был, как и раньше, царь. Но частное землевладение получило в эту эпоху дальнейшее развитие и достигло своего высшего уровня не только в сравнении с предшествующими, но и с последующими эпохами. Тем не менее частное землевладение и частное хозяйство не играло руководящей роли в экономике древневавилонского царства. Частные земельные владения были мелкими: 90% всех частных владений имели площадь не более 8,5 *га*, владения в несколько десятков гектаров насчитывались единицами, а самое крупное, известное нам, частное владение этой эпохи имело площадь около 31,5 *га*. Общая площадь всех частных владений составляла вероятно всего 1—2% всей культивировавшейся площади тогдашней Вавилонии. Основная масса земли — не менее 80—90% — находилась во владении общин; остальная земля была в непосредственном распоряжении царя и в пользовании храмов.

Основными производителями зерна и кунжута были, как и прежде, общинники. Частные землевладельцы разводили преимущественно финиковые сады. Кроме того, частные землевладельцы значительную часть своих полей и садов отдавали в аренду небольшими участками мелким производителям. Арендаторы должны были платить $^2/_3$ урожая плодов. Зерновое хозяйство частных землевладельцев обычно только покрывало потребности содержания самого собственника, его рабов и наемников. Все частные хозяева были одновременно либо царскими сановниками, либо жрецами, либо тамкарами, т. е. крупными купцами и ростовщи-

ками. Основные их доходы, составлявшие их богатство, получались ими не с земли, а либо со службы (царской и храмовой), либо от торговых и ростовщических операций. Некоторые царские сановники, служившие при царском дворе и в царской администрации, жили за счет дворца и получали время от времени от царя большие подарки. Кроме того, они грабили подчиненное им население. Жрецы участвовали в дележе огромных храмовых доходов, получавшихся, во-первых, из царской казны на содержание храмов, во-вторых, от храмового хозяйства — скотоводства и ростовщических операций, в-третьих — от платы за совершение жертвоприношений богам, приносимых частными лицами и общинами.

Таким образом, как и в III тысячелетии, вся эта эксплуататорская прослойка древневавилонского общества жила за счет эксплуатации общинников-крестьян, с одной стороны, и рабов — с другой. В сочетании этих двух форм эксплуатации и выражалось своеобразие рабовладельческого общества на древнем Востоке.

Частное землепользование, на основе царских пожалований за службу, в древневавилонском царстве приняло иной характер, чем в шумерских государствах III тысячелетия. Свободные земельные фонды, находившиеся в распоряжении царя, значительно сократились, и потому раздачи участков земли в «кормление» царским сановникам и другим невоенным служащим стали редким явлением, а размеры выдаваемых в кормление участков сократились до 12—15 *га*. Но зато получили широкое распространение выдачи мелких участков за службу воинам царского постоянного войска, размерами от 3 до 5 *га*. Эти участки теперь называются уже не кормлениями, а другим термином — «ильку», обозначающим — служба, обязанность. Хозяйства воинов были чисто потребительскими, трудовыми хозяйствами.

§ 5. Ремесло и торговля. Ремесло в древневавилонском царстве вышло за рамки общинного ремесла, обслуживавшего нужды той или иной общины. В городах появились ремесленники, жившие за счет своего ремесла. Они имели на базарных площадях свои лавки или ларьки, где принимали и выполняли заказы. Но кроме таких ремесленников-одиночек, были также ремесленники, работавшие в мастерских частных предпринимателей. Кодекс Хаммураби упоминает, в числе таких ремесленников, горшечников, каменотесов, портных, кузнецов и кожевников. Положение таких ремесленников было, повидимому, незавидным, так как царь вынужден был установить для них минимум поденной заработной платы.

Торговля в древневавилонском царстве получила значительное развитие. Крупную торговлю вели цари и храмы через своих тамкаров. Последние параллельно с исполнением поручений своих господ вели также и свои собственные операции. У тамкаров были свои торговые агенты и приказчики; наиболее ловкие из последних с течением времени превращались в самостоятельных купцов. Тамкары торговали хлебом, скотом, серебром, медью.

Многие тамкары занимались ростовщичеством, давали ссуды зерном и серебром под высокие проценты: за ссуды серебром взималось 20%, а за ссуды зерном — 33 $^1/_3$%, т. е. треть ссуды. Ростовщичеством занимались также жрецы и храмы как юридические лица. Мелкая торговля велась на базарах и ларьках и с рук.

§ 6. Классовое деление свободного населения. В кодексе Хаммураби и в документах называются три категории свободного населения: «сабе», «мушкену» и «мар-авелим». Сабе обозначает — люди, рабочие люди; под сабе надо разуметь общинников-земледельцев, ремесленников-одиночек и наемных рабочих. Сабе свободны, но работают и на себя и на царя по трудовой повинности. Это категория эксплуатируемого свободного населения. Две другие группы были рабовладельцами. Высшая из них, мар-авелим, буквально — сыны мужа. К этой категории принадлежали члены царского рода, царские сановники и крупные служащие, жрецы храмов. Остальные свободные принадлежали к категории мушкену, буквально — склоняющиеся перед кем-нибудь, т. е. свободные люди, подчиненные кому-либо по положению или службе. Сюда, следовательно, относились средние и мелкие служащие, подсобный персонал храмов, купцы, крупные ремесленники и другие свободные, но не рабочие люди. В некоторых отношениях мар-авелим и мушкену не были равны в правах; но они составляли одну группу эксплуататоров, и их права как рабовладельцев законами Хаммураби охранялись совершенно одинаково: похищение раба дворца, храма и мушкену или укрытие такого беглого раба карается смертью. Мар-авелим и мушкену одинаково выступали также в качестве сдатчиков полей и садов в аренду на одних и тех же условиях — $^2/_3$ урожая за сад и $^1/_2$—$^1/_3$ урожая за поле без всякой скидки или отсрочки в случае стихийных бедствий, одинаково выступали и в качестве ростовщиков. Через посредство царских и храмовых кладовых, наполнявшихся зерном в порядке ренты-налога, и через посредство принудительных работ общинников на дом царя они участвовали в эксплуатации общинников — получали долю прибавочного продукта и долю прибавочного труда.

Различие между мар-авелим и мушкену кодекс Хаммураби проводит в некоторых постановлениях о вознаграждении за причиненный ущерб и убытки. Так, при краже скота, принадлежащего храму или дворцу, т. е. мар-авелим, украденное возмещается в тридцатикратном размере, а при краже скота, принадлежащего мушкену, — в десятикратном размере; при повреждении глаза или кости у мар-авелим виновному выкалывается глаз или ломается кость, а при таком же членовредительстве мушкену виновный платит только штраф.

Весьма возможно, что эта дифференциация объясняется не только различием мар-авелим и мушкену по их служебному и имущественному положению, но также и различием их по происхождению. Если не все, то огромное большинство мар-авелим принадлежало к родовой аморейской аристократии, а в рядах мушкену было, несомненно, значительное число людей, принадлежащих к покоренным аккадийцам.

§ 7. Положение общинников. Сельские общины жили по раз и навсегда установленному традиционному обычному праву. Общину, состоявшую из лично свободных земледельцев, связывали прежде всего общие права и обязанности по отношению к орошению. Регулярное орошение, а отсюда и урожай, зависели от содержания в порядке и целости водяных сооружений — каналов, водоемов и дамб. Вся община обязана была принимать участие в работах на водяных сооружениях, и это давало право каждому общиннику пользоваться орошением своего участка из общинных каналов и водоемов. Вся община отвечала также за вред и убытки, которые могла потерпеть соседняя община или всякое другое соседнее хозяйство, если из-за небрежности общинников наводнение прорывало дамбу и затопляло соседние поля и сады. Полученное возмещение ущерба делилось между всеми общинниками. Община материально отвечала, если на ее территории будет ограблен или убит какой-либо человек и виновник не найдется.

Каждый общинник, или, точнее, каждая семейная община, вела свое хозяйство на своем наделе. Мы не имеем точных сведений о правах общинников по отношению к их наделам. До нас дошло несколько актов продажи полей крестьянами; но трудно сказать, были ли проданы наследственные наделы или вновь приобретенные участки. Разложение общин происходило главным образом путем выделения из них «лишних», т. е. не получивших землю, элементов. Эти «лишние» люди составили ту группу наемников, которая упоминается в кодексе Хаммураби. Наемники шли в пастухи, в полевые и садовые работники; кодекс Хаммураби устанавливал для них минимум заработной платы. Но группа наемников не была настолько многочисленной, чтобы удовлетворить весь спрос частных хозяев на рабочую силу во время сезонных или других срочных работ — во время уборки полей, сбора фиников или закладки новых финиковых садов. В этих случаях частным хозяевам приходилось обращаться к общинам и заключать с последними договоры на поставку рабочей силы. Очень часто договоры заключались заранее, задолго до срока жатвы или уборки плодов; при заключении выдавался задаток, обязывавший явку определенного количества рабочих на работу в условленный срок. В случае неявки возбуждалось против общины судебное дело. Таким образом, частные хозяйства в самые горячие моменты производственного цикла нередко зависели от общин.

С другой стороны, общинники в известных отношениях были бесправными и оказывались на положении рабов. Это бывало постоянно, когда общинникам приходилось выходить по нарядам на работу для дома царя. Царское право в этих случаях не считалось ни с временем, ни с характером работы. Общинников требовали на прорытие и ремонт царских каналов, на постройку и ремонт дворцов и храмов, на стрижку овец, на переноску и перевозку тяжестей и на всякие другие работы. При этом

царские агенты строго следили, чтобы общины давали не слабосильных стариков и подростков, а взрослых и сильных работников. На царских работах общинники ставились в положение рабов. Идти на царскую работу называлось «надеть тушшикку», т. е. шапку или головную повязку рабов. Работы производились под плетью надсмотрщиков, которая одинаково хлестала и по спинам крестьян и по спинам рабов. Никакого вознаграждения за царскую работу не полагалось; выдавался только продовольственный паек наравне с рабами. По выражению Маркса, и в Вавилонии, как ранее в Шумере и Аккаде, существовало поголовное рабство.

§ 8. Патриархальная семейная община. Общинный быт в древневавилонском царстве выражался не только в существовании водно-земельных крестьянских общин. Постоянной и общераспространенной формой общинного быта была патриархальная семейная община. Со времени III династии Ура в ее положении произошли некоторые изменения, но они не имели принципиального значения.

Семейная община носила патриархальный характер, но в несколько ослабленной форме. Главой общины считался отец; но бывали случаи, правда, редкие, когда по смерти отца главой общины становилась мать. Патриархальная (семейная) община состояла из отца, его жен, его детей, а иногда и внуков. Ее традиционное наименование было «дом отца», «отцовский дом»; имущество общины называлось «имущество [или достояние] отцовского дома». В кодексе Хаммураби употребляется только этот термин; никакого термина для обозначения личного владения в кодексе нет. В состав «имущества отцовского дома» входили земли, дом и хозяйственные постройки, скот, рабы, домашняя утварь, хозяйственный инвентарь, материальные ценности, добываемые в хозяйстве, медь, серебро, золото.

Изменения эти заключались в появлении личного владения и в стремлении молодого поколения ослабить традиционные ограничения, препятствующие личному обогащению членов семейной общины. Эти изменения происходили главным образом в среде богатой рабовладельческой верхушки. Кодекс Хаммураби идет навстречу этим тенденциям и вносит ряд изменений в традиционные семейные нормы.

В быту установилось правило, что каждый член семейной общины может иметь свое личное владение, которое получило название «сибту» — добыча (т. е. такое имущество, которое человек добыл себе сам, своим личным трудом и своими средствами — заработал, купил, получил в подарок). В прежнее постановление о разделах семейного имущества было внесено существенное изменение, состоявшее в том, что отец получал право при своей жизни выделять часть имущества в подарок сыну, «первому в его глазах». Этот надел становился сибту получателя. Далее кодекс Хаммураби подтвердил прежнее постановление о разрешении семейных разделов и подробно его разработал. Были установлены доли незамужних дочерей матери, сыновей от наложницы, но было сохранено основное правило о получении сыновьями равных долей. Однако

это последнее правило далеко не всегда соблюдалось. По соглашению между наследниками происходили нередко неравные разделы, причем обычно старший сын получал либо долю, лучшую по качеству и ценности, либо бóльшую долю. Очень часто младшие сыновья получали при неравных разделах такие ничтожные доли, что предпочитали тут же продавать их старшему брату. Далее практиковалось обделение сестер, а иногда и матерей. Таким путем шло разложение семейных общин; но сама по себе семейная община все же не прекращала существования, ибо старшие братья, ограбив младших и сестер и женившись, становились главами новых семейных общин. В результате происходил такой же процесс выделения из семейных общин маломощных и просто бедняцких элементов, как и из сельских общин. Из таких отбившихся от рабовладельческих семейных общин людей рекрутировались реду и баиру, низшие агенты на царской службе, агенты и приказчики тамкаров и т. д.

Положение женщины в патриархальных семейных общинах было менее благоприятным, чем положение мужчин. Законная жена («хиртум»), брак с которой закреплялся договором, имела наследственное право на свое приданое и, кроме того, на равную долю с сыновьями, если муж не выделил ей подарка. Муж мог всегда отвергнуть ее в случае бездетности, но в этом случае она при уходе брала с собой свое приданое. Дочери, не вышедшие замуж до смерти отца, имели право на равную с братьями долю. Женщина имела право совершать от своего имени всякого рода юридические акты, приобретать имущество и распоряжаться им по своему усмотрению. Незамужние женщины вели самостоятельно свои дела. Они приобретали движимую и недвижимую собственность и часто пускали свои деньги в рост.

§ 9. Рабство. В древневавилонском царстве прямое рабство сохраняет в общем тот же характер, как и в III тысячелетии. Господствует домашнее рабство; о рабах как непосредственных производителях ни кодекс Хаммураби, ни документы не говорят. Нет даже упоминаний о таких больших храмовых мастерских с рабским трудом, какие имеются об эпохе III тысячелетия. Рабы могут быть освобождены либо за выкуп, либо путем усыновления. Этот порядок мог иметь место также только при домашнем рабстве, ибо только домашний раб мог скопить себе средства для выкупа или мог быть усыновлен.

Особое место занимали в семейной общине жены-рабыни. Муж при бездетности своей законной жены мог взять себе побочную жену («сугетум»), чаще всего из рабынь («альтум»); иногда такую жену давала мужу законная жена из своих рабынь. Жены-рабыни не делались в этом случае свободными; но фактически такие рабыни нередко становились госпожами в семье, оттесняя на задний план законную жену. Дети от жен-рабынь были свободными, но право на наследство получали только в том случае, если отец усыновлял их формулой «мои дети».

Значительное развитие в эпоху Хаммураби получило долговое рабство. Распространению его способствовали указанные выше процессы выделения из сельских и городских семейных общин обездоленных и бедняцких элементов и увеличение числа малоземельных сельских общин. Кодекс Хаммураби ограничил долговое рабство трехлетним сроком. Надо полагать, что эта мера была вызвана волнениями, возникшими в связи с распространением долгового рабства и увеличением числа обедневших и безработных людей.

§ 10. Общая характеристика древневавилонского царства. Тот уровень экономического, социального и политического развития, которого южное Двуречье достигло в эпоху древневавилонского царства, не был превзойден в последующую эпоху. Многие западные ученые и некоторые русские историки дореволюционного времени были склонны преувеличивать эти успехи и модернизировали строй древневавилонского общества и государства. Особенно энергично выдвигалось положение (в русской науке, например, Б. А. Тураевым) о том, что в древневавилонском царстве уже сложилось и господствовало право частной собственности на землю. Сам царь Хаммураби изображался в качестве «просвещенного» монарха, наподобие западноевропейских представителей так называемого просвещенного абсолютизма XVIII в. Эта модернизаторская концепция не выдерживает критики путем строгого, исчерпывающего и объективного анализа документального материала. Документальные данные показывают, что единственно правильной является марксистская точка зрения, согласно которой общества и государства Двуречья по существу ничем не отличались от других типичных восточных обществ и государств.

В древневавилонском царстве не существовало права частной собственности на землю ни в законодательстве, ни на практике. Существовало право частного владения; но постоянной его формой было коллективное семейное владение, а личное владение было неустойчивым и временным. Личное владение ограничивалось не только устойчивостью семейной общины, но также и суверенным правом царя. В документах имеются указания на то, что царь был верховным судьей в спорах о земельных владениях и что бывали случаи, когда царь сам по своей инициативе отбирал частное владение у владельца и передавал его другому. Права завещания не было; отец не мог распорядиться семейным владением по своему усмотрению и завещать все или львиную долю одному сыну или включить в число наследников лиц, не принадлежащих к его семье и роду. Устойчивой была и сельская община. Ее разложение, о котором так много говорилось, заключалось не в распаде и исчезновении общин, а в выделении из общин лишних едоков на почве постепенно создававшегося несоответствия между количеством общинной земли и увеличивающимся числом общинников.

С политической точки зрения древневавилонское царство было обычной восточной централизованной деспотией. Царь был волен в жизни и смерти всех своих подданных, от самого высокого сановника до последнего подвешика. Царь был верховным судьей. В кодексе Хаммураби имеются некоторые статьи, как бы «покровительствующие» рабочему и бедному люду, — минимальные

тарифы для наемников и ремесленников, ограничение долговой кабалы трехлетним сроком и др. Но эти статьи никак нельзя считать показателем того, что царь был «покровителем» рабочих и бедняков. Во-первых, на практике тарифы зарплаты не соблюдались, ибо есть договоры, в которых фигурируют ставки намного ниже установленных кодексом. Во-вторых, эти постановления были вынужденными, ибо во введении к законам Хаммураби намекает на народные волнения, причинившие немалый ущерб храмам и жречеству. Зато несравненно решительнее и строже постановление кодекса в защиту и в пользу эксплуататоров: в защиту рабовладения, интересов и доходов землевладельцев, сдающих сады и поля в аренду, в защиту интересов и доходов ростовщиков-тамкаров в их отношениях с агентами и приказчиками. Если в эпоху древневавилонского царства трудовому народу жилось в общем легче, чем в предшествующие и последующие эпохи, то это объясняется не «демократическими» тенденциями царской власти (каковых в действительности не существовало), а тем простым фактом, что вплоть до последних десятилетий существования древневавилонского царства Вавилония не испытывала внутренних потрясений и не подвергалась вторжениям извне. Эта мирная обстановка способствовала экономическим успехам и повышению благосостояния населения страны. А по существу древневавилонские цари, как и все другие восточные цари, были царями жрецов и вельмож — угнетателей трудящихся масс.

§ 11. Падение древневавилонского царства и касситская эпоха. При последних двух царях первой вавилонской династии произошло крушение древневавилонского царства. На Вавилонию один за другим обрушились четыре врага: семиты с южного Приморья, эламиты с Загроса, хетты с севера и затем касситы, жившие севернее эламитов, также с Загроса. Верх одержали приморские племена, захватившие южную часть царства, и касситы, захватившие центральную и северную Вавилонию. В Вавилоне утвердился касситский царь Гандаш, основавший касситскую династию в Вавилонии. Его преемники подчинили себе и южную часть Вавилонии. Владычество касситов продолжалось до 1165 г. до н. э.

Касситы принадлежали к той же этнической группе племен, что и эламиты. Спустившись с гор и овладев Вавилонией, они поселились в ней родоплеменными общинами. Касситы захватили здесь большие территории, обезлюдевшие и опустошенные в период вторжений и войн. Они быстро переходили к оседлому земледелию, переняв его технику у вавилонян. Касситские цари опирались на свое племенное ополчение, но они нашли себе опору также и в среде вавилонского жречества, в особенности в коллегии жрецов Ниппура.

Касситская эпоха делится на два периода. В течение первого периода, примерно до последней четверти XV в., страна

постепенно оправлялась от жестокого разорения и хозяйственного упадка. Касситские цари провели большие работы по восстановлению разрушенной ирригационной сети и для постройки новых плотин и водохранилищ. Многие вавилонские общины были уничтожены; но в центральной части страны они более или менее сохранились. Можно предположить, что произошли большие пертурбации в землевладении рабовладельческой верхушки страны.

С конца XV в. начинается второй период, в течение которого оживилась хозяйственная жизнь и началось вновь прогрессивное развитие. Царь Кадашман-Харбе I начинает торговлю с фараоном Аменхотепом III. В то же время возобновляется строительство храмов. Возрождается и вновь растет также и частное сельское хозяйство. Источником его являются царские пожалования сановникам «навечно» земель, отчужденных у общин (преимущественно касситских). Царские указы об отчуждении и пожаловании обыкновенно вырезывались на межевых камнях, так называемых «кудурру», которые ставились на границе отчуждаемых и жалуемых участков. Размеры этих новых частных владений были гораздо крупнее, чем в древневавилонском царстве (от 20 до 200 *га*); но число их было, повидимому, во много раз меньше, чем при Хаммураби.

Все эти явления, свидетельствующие об оживлении царского и частного хозяйства, основывались на грабеже общин и общинников, едва только оправившихся от войн и разорения. Возобновление царской торговли предполагает усиление гнета, так же как возобновление строительства храмов обозначало усиление работ «на дом царя». Отчуждение общинных земель было прямым грабежом общинников, так как плата за отчужденную землю либо не вносилась, либо попадала к общинным старейшинам. На этой почве оживилась деятельность ростовщиков. Их грабительские операции приобрели особую жестокость в связи с тем, что некоторые ростовщики брали на откуп взимание царских налогов и при этом беспощадно грабили население. Недовольство общинников росло и в 1345 г. вылилось в открытое восстание. «Люди-касситы» восстали против царя Карахардаша, убили его и посадили на его место царем Назибугаша, человека из неизвестного рода. Сановники и жрецы не могли справиться с восстанием своими силами и призвали на помощь ассирийского царя, который потопил восстание в крови, казнил Назибугаша и восстановил власть касситской династии. В половине XIII в. произошло сокрушительное вторжение в касситское царство ассирийян. Ассирийский царь Тукульти-Нинурта I вторгся в Вавилонию, разбил войско касситского царя, взял и разграбил Вавилон и поставил там своего наместника. Скоро после этого начались в Ассирии внутренние смуты, которые дали возможность Вавилону вернуть самостоятельность. Но в 1176 г. страна опять была разгромлена эламским вторжением. В опустошенной и обезлюдевшей

стране в 1165 г. захватил власть один из семитских сановников города Исина, свергнувший последнего касситского царя и основавший IV вавилонскую династию. С тех пор вплоть до эпохи великой Ассирийской державы Вавилония переживает длительный период упадка.

ГЛАВА VIII

ВАВИЛОНСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Значение вавилонской культуры. Под вавилонской культурой разумеется культура южного Двуречья. Она сложилась в течение истории Двуречья с IV тысячелетия до н. э. вплоть до конца древневавилонского царства. Основными составными элементами этой культуры являются культурные достижения шумеров, воспринятые аккадийцами, перешедшие к вавилонянам и дополненные достижениями этих двух семитских народов, и потому ее правильнее было бы называть шумеро-вавилонской культурой. Эта культура легла в основу позднейших культур Двуречья, ассирийской и халдейской, и в основном не была ими превзойдена. Вавилонская культура уже во II тысячелетии оказала огромное влияние на культуру соседних с Двуречьем стран, Сирии, Финикии и Палестины. В ассирийскую и халдейскую эпохи влияние вавилонской культуры распространилось на северо-запад, в страны, прилегающие к Эгейскому морю, на север, в область Урарту, и на восток, в Иран. Некоторые важные заимствования из вавилонской культуры через посредство греческой и римской, как уже указывалось, перешли к европейским народам и до сих пор сохраняются в современной европейской культуре.

§ 2. Материальная культура. Больше всего остатков материальной культуры дали раскопки на месте шумерских городов, особенно Ура, Лагаша и Мари. Напротив, раскопки на месте Вавилона и других семитских городов для эпохи III—II тысячелетий оказались весьма бедными. Найденные там вещественные памятники относятся главным образом к позднейшим эпохам. Но судя по находкам в других пунктах, материальный быт вавилонских городов и вавилонской деревни по существу не отличается от шумерского.

От общинных поселений, конечно, не дошло никаких остатков. Но несомненно, что шумерские и вавилонские крестьяне жили в таких же глинобитных хижинах на тростниковом каркасе, в каких до сего времени живет крестьянское население современной Месопотамии. Обработку земли крестьяне древнего Двуречья производили первобытным плугом, в который запрягалась пара волов. Распашка полей производилась сейчас же после наводнения, пока почва была еще рыхлой и легко распахивалась деревянным плугом. Вслед за плугом обычно шел сеятель, разбрасывавший семена. Для орошения полей и садов, лежавших на высоких местах, применялись особые водочерпалки, существующие и теперь (их

называют «шадуфами»). Они устраивались наподобие нашего колодезного журавля и ставились на различных уровнях между водоемом и орошаемым полем. Нижний шадуф поднимал воду бадьями в следующий по высоте водоем, оттуда вода таким же порядком поднималась в следующий водоем и так до поля или сада, где она распределялась по канавкам. В крупных хозяйствах на шадуфах работали рабы; кроме того, в эпоху древневавилонского царства в крупных частных владениях применялись более сложные водоподъемные машины, приводившиеся в действие быками. Жатва производилась в древнейшую эпоху серповидными орудиями из глины с кремневыми вкладышами, а в вавилонскую эпоху — бронзовыми серпами.

В документах и царских надписях упоминается много городов. Но термином «город» (шумерск. «уру» или «эри», семитск. «алу») назывались вообще всякие поселения, в том числе и сельские. Настоящих городов в собственном смысле этого слова, т. е. административных и хозяйственных центров, было немного. Об их планировке и характере построек дают ясное представление остатки, найденные в Уре, Шуруппаке, Вавилоне и Мари.

Средоточием шумерского и вавилонского города была резиденция царя или патеси (а позднее — царского наместника), с которой соединялся храм местного бога. В Вавилоне, расположенном на левом берегу Евфрата, царский дворец и примыкавшие к нему с юга храмы Мардука и других богов были обведены с востока каналом Арахту, так что царский и жреческий города были расположены как бы на острове. Храмы и дворцы были крупными зданиями; они строились из кирпича-сырца (т. е. только высушенного на солнце) и лишь с наружной и внутренней стороны облицовывались обожженным кирпичом. От обычных храмов отличались так называемые зиккураты — семиступенные, суживающиеся кверху башни, самая верхняя площадка служила жрецам местом постоянных наблюдений за небесными светилами. Развалины зиккуратов были найдены при раскопках Ура, Ниппура, Аккада, Вавилона и других городов. К дворцу царя и к храмам примыкали служебные здания, жилые и рабочие. В жилых зданиях помещались царские сановники и другие лица обслуживающего персонала, жрецы и воинская охрана. В рабочих зданиях находились хозяйственные службы, канцелярии, мастерские, обслуживавшие хозяйство дворцов и храмов, где работали художники и всякого рода мастера и ремесленники. Особые помещения отводились для архивов и библиотек, т. е. хранилищ клинописных таблеток с начертанными на них документами, религиозными и литературными текстами. Залы дворцов украшались рельефами и фресками на бытовые и религиозные сюжеты. Художественная фресковая стенная роспись была найдена во дворце царя Мари.

К дворцовому и храмовому центру примыкали другие городские кварталы, где жили ремесленники, купцы и тамкары, здесь же были расположены их торговые помещения и мастерские. Последние сосредоточивались обычно около базарной площади. Эти кварталы представляли собой запутанные лабиринты узких и кривых улиц и переулков, застроенных домами по большей части вплотную один к другому, без промежутков. В древнейшую шумерскую эпоху дома рядовых городских жителей строились, подобно деревенским, из глины на тростниковом каркасе и имели круглую форму. Такие дома строились в городах Двуречья и во все последующие эпохи; но уже в III тысячелетии состоятельные горожане строят себе более крупные кирпичные дома. Такие дома, предназначавшиеся для больших неразделенных семейных общин, обыкновенно состояли из нескольких комнат жилого и хозяйствен-

ного назначения. Комнаты располагались вокруг центрального большого помещения с очагом и лежанкой; в III тысячелетии это центральное помещение устраивалось в форме открытого двора без крыши.

Главным средством сообщения в южном Двуречье служили реки Тигр и Евфрат и специально построенные для транспорта каналы. Из таких каналов одни были соединительными путями между реками, другие служили подъездными путями от рек к ближайшим городам, третьи имели назначение путей для сокращения расстояния по извилистому течению рек. Транспортировка грузов производилась на больших гребных судах вроде баржей. Суда принадлежали царю, храмам, тамкарам и специальным предпринимателям. Гребцами были обычно рабы.

Техника ремесленного дела в Вавилонии нам мало известна. Но судя по сохранившимся образцам шумерского и вавилонского ремесла и искусства, надо полагать, что техника художников и ремесленников Вавилонии была достаточно высокой для того времени, поскольку и художники и ремесленники могли создать высокие образцы своего мастерства.

§ 3. Вавилонское письмо. Все памятники письменности, найденные в Двуречье, написаны так называемым клинообразным письмом, знаки которого по своей форме в основном являются комбинациями горизонтальных и вертикальных клиньев. Эта форма письма установилась в первой половине III тысячелетия до н. э. и развилась из более примитивной формы рисунков-знаков, которыми написаны памятники второй половины IV тысячелетия. Изменение формы знаков было вызвано отчасти изменением материала для письма, отчасти было связано с изменением значения знаков.

Древнейшие дошедшие до нас надписи Двуречья были начертаны на каменных таблетках. Знаки этих надписей являются схематическими рисунками и по своему значению были идеограммами, т. е. каждый знак обозначал слово или понятие. С течением времени основным материалом для письма стали глиняные таблетки; текст наносился на сырые таблетки, после чего они обжигались и приобретали прочность камня. На сырой глине самым простым способом письма является выдавливание знаков. Оно производилось деревянным стилетом; плоскому концу такого стилета придавали такую форму, которая при надавливании оставляла знак в виде клина. Таким путем получались вместо прежних контуров-рисунков комбинации клинообразных знаков; но и знаки-рисунки не исчезали сразу, некоторые из них сохранялись в упрощенном виде до середины III тысячелетия.

Одновременно с видоизменениями формы письма происходили также изменения в значении знаков. Идеографическое письмо было пригодно только на первых порах письменности; повсюду оно постепенно заменялось более удобным и универсальным фонетическим письмом, т. е. таким, знаки которого обозначают не слова, а звуки речи. Клинообразное письмо, однако, не прошло этого развития до конца, не превратилось в азбуку, т. е. в систему знаков, обозначающих отдельные звуки и называющиеся обычно буквами или литерами. В процессе видоизменения клинообраз-

ного письма прежние идеограммы превращались в слоговые знаки, т. е. в звуковые части слов. Эти слоговые, или силлабические, знаки составляют главную массу знаков клинообразного письма. Рядом с ними сохранилось некоторое количество идеографических знаков и появились знаки, имеющие буквенное значение. Таким образом, клинообразная система письма была очень сложной и трудной для обучения. Всего в ней насчитывается около 500 знаков, многие из которых имели по нескольку различных значений.

Создателями клинообразной системы письма были шумеры. От них это письмо переняли аккадийцы, затем оно перешло к эламитам, вавилонянам, ассириянам и хеттам. Знаками клинообразного письма частично воспользовались финикияне для создания своего первого алфавита. Оно было заимствовано также урартийцами — народом, жившим на территории современной Армении. Клинообразное письмо было усвоено и переработано в алфавитное персами, завоевавшими Двуречье в 30-х годах VI в. до н. э.

§ 4. Вавилонская религия. Религиозное мировоззрение было господствующим мировоззрением древневавилонского общества, как и других древневосточных обществ. С религией были связаны все области вавилонской культуры: литература была по преимуществу религиозной литературой, зачатки науки, в частности астрономии, выросли на религиозной основе, изобразительное искусство и архитектура также были тесно связаны с религиозным бытом. Поэтому рассмотрение вавилонской религии должно предшествовать рассмотрению других областей вавилонской культуры.

Вавилонская религия в том ее виде, как она выступает из религиозных текстов III и II тысячелетий, является синтезом шумерских и семитских элементов. Поэтому некоторые божества выступают под двойными наименованиями — семитским и шумерским; из других божеств, выступающих под одним именем, за одними сохранились шумерские имена, за другими — семитские.

Весьма многочисленный вавилонский пантеон насчитывает не менее 100 имен различных божеств. Первое место в нем занимают «великие боги», которые первоначально были местными богами крупнейших центров Шумера и Аккада, а затем по тем или другим причинам получили более широкое и общевавилонское признание. Такими богами до образования вавилонского царства были Энлиль, главный бог шумеров и бог земли, Ану, главный бог Урука, и Эа, главный бог Эриду. Еще в III тысячелетии жрецы объединили этих трех богов в триаду (троицу), правящую миром, и присвоили Ану господство над небом, а Эа — господство над морем и подземными водами.

Кроме этой триады, была другая группа божеств, пользовавшаяся общим признанием. Она состояла из бога солнца Шамаша (бог Сиппара), бога луны Сина (бог Ура) и пары земледельческих богов: Тамуза (шумерск. Думузи) и его супруги Иштар (богини Дильбат).

Культ этих двух последних божеств совершался и в сельских местностях и в городах. Тамуз и Иштар были божествами растительности и плодородия. Каждый год совершались праздники смерти и воскресения Тамуза, сопровождавшиеся мистериями, в которых изображались плач Иштар по Тамузу, схождение Иштар в «страну без возврата» на поиски Тамуза, борьбу с богиней царства мертвых Эрешкигаль, воскрешение Тамуза и новое появление его на земле. В сельских местностях эти празднества совершались в связи с началом и концом земледельческого года, а драматические обряды, совершавшиеся коллективно всей общиной под руководством общинного жреца, имели магическое значение — должны были обеспечить успешный посев, урожай и благоприятную жатву. В городских храмах Иштар эти народные церемонии были расширены, совершались с большой торжественностью и пышностью и сопровождались бесчисленными жертвоприношениями.

Культы Шамаша и Сина в сельских местностях также были связаны с производством — культ Шамаша с земледелием, а культ Сина — со скотоводством. Но в официальном пантеоне Шамаш приобрел функцию бога правосудия. Главный храм его, в Сиппаре, был местом высшей судебной инстанции, при храме было хранилище договоров и судебных актов; стэла с начертанными на ней законами Хаммураби стояла также в этом храме.

Наконец, к числу великих богов были причислены еще некоторые местные боги — Набу, бог Борсиппы (близ Вавилона), наделенный функциями бога судьбы, покровителя купцов и караванов; Нергаль, бог Куты, наделенный функцией бога страны мертвых и супруга Эрешкигаль, и некоторые другие. Богиня Иштар в официальной мифологии была связана с планетой Венерой, и таким образом жрецами была образована первая группа астральных божеств — Шамаш, Син, Иштар. Кроме того, богиня Иштар в официальном культе стала богиней войны. Таким путем она сделалась самой популярной и важной богиней не только в народном, но и в официальном культе и оттеснила собой древнюю великую богиню, «мать богов» Мами, занимавшую первое место в шумер-аккадскую эпоху.

Во главе вавилонского пантеона был поставлен Мардук, который первоначально был только богом Вавилона. Ему был присвоен титул Бэла, т. е. господина, государя, который ранее присваивался Энлилю; жрецы присвоили ему также функции Энлиля и Тамуза.

В честь Мардука в Вавилоне совершался весной праздник нового года, называвшийся Загмук. Это был праздник в честь победы Мардука над Тиамат, воцарения его над богами, сотворения им мира и людей и основания им небесной Эсагилы и небесного Вавилона. Праздник сопровождался драматическими обрядами, которые совершались под чтение поэмы «семи таблиц» и изображали главнейшие эпизоды этой поэмы. Кроме того, на этом празднике в особом храме, называвшемся «палатой судеб», перед статуями великих богов, т. е. как будто в их собрании, жрецы совершали гадания о предстоящем годе. Эти гадания имели большое политическое значение, ибо царь должен был сообразовывать с ними свою внутреннюю и внешнюю политику. Праздник заканчивался обрядами, заимствованными из культа Тамуза и Иштар. Один обряд изображал смерть и воскресение Бэла-Мардука; при его совершении читался текст, в котором рассказывались обстоятельства смерти и воскресения Бэла, весьма напоминающие евангельский рассказ о смерти

и воскресении Христа. Другой обряд изображал брачное соитие Мардука с его супругой Сарпанитум; этот обряд имел магическое значение обеспечения плодородия.

Культами великих и земледельческих богов не исчерпывалась вавилонская религия. Не только в народной, но и в рабовладельческой среде вавилонского общества цепко держались анимистические и даже доанимистические верования и обряды, восходившие к первобытной общинной эпохе. Сохранялись представления о бесчисленных духах, добрых и злых, заведующих отдельными стихиями и явлениями природы, посылающих болезни и смерть, способствующих людям в их труде и жизни. Из этих культов следует особенно отметить культ духов рек и каналов, который соблюдался и в общинах, и в официальной религии, далее, повсеместно распространенный культ домашних духов — бога дома, «шеду» или «ламасу» дома, т. е. хранителя дома; бог дома якобы жил в очаге, шеду и ламасу гнездились у входа в дом, где и ставились их изображения. Далее существовал обычный повсюду у древних народов культ духов умерших, которым в определенные сроки приносились жертвоприношения. Мифология духов умерших сохраняла в основном первобытный характер; идея загробного воздаяния проскальзывает в мифе о боге герое Гильгамеше, который называется судьей мертвых, но не получила достаточного развития. Наконец, огромное значение в быту всего вавилонского общества имела широко распространенная практика магических обрядов, связанная с представлениями о добрых и злых духах. Народная демонология и магия были усвоены официальной религией и получили в последней дальнейшее развитие. При храмах существовали специальные коллегии жрецов-заклинателей, которые систематизировали народную демонологию и выдвинули миф о подчинении всех добрых и злых духов великим богам Ану, Бэлу и Эа. Жрецы-заклинатели переработали с этой точки зрения народные магические формулы и обряды, расширили их и обставили специальными жертвоприношениями. В результате этой переработки было составлено несколько специальных сборников официальных магических ритуалов, перешедших впоследствии и в ассирийский культ. Вместе с тем официальное жречество вело борьбу против народной магии, особенно против народных колдунов, стремясь монополизировать в своих руках эту весьма доходную статью. Однако эта борьба не имела успеха.

Жречество официальных храмов в Вавилоне и в других городах было весьма многочисленно и делилось на несколько разрядов как по рангу, так и по специальным функциям. Кроме жрецов, были также и многочисленные жрицы разных разрядов. Они состояли при храме Шамаша в Сиппаре, где царь Маништусу построил для них большое общежитие с своим хозяйством и обширным садом. При совершении культа жрецам помогал многочисленный вспомогательный персонал певцов и певиц, музы-

кантов и всякого рода других обслуживающих людей. Профессия жрецов была очень доходной и была наследственной в семейной общине; при разделе имущества отцовского дома жреческие должности иногда «делились» между сыновьями таким образом, что каждый должен был отправлять в течение года должность по очереди, в определенный срок, и получать за это время с нее доходы. Если должность жреца при разделе переходила к старшему сыну, то братья получали соответствующий эквивалент путем выделения им лишней доли из другого наследственного имущества. Жречество пользовалось огромным политическим влиянием, так как в его руках было такое могучее в условиях древнего религиозного миросозерцания орудие, как гадания, и огромные средства храмов, постоянно возраставшие в результате ростовщических жреческих операций.

§ 5. Шумерско-вавилонская литература. До нас дошло сравнительно много произведений шумерской и вавилонской литературы из III и II тысячелетий до н. э. По своему содержанию она так или иначе связана с религией. Подавляющее число ее произведений являются религиозными литургическими и магическими текстами, а те немногие произведения, которые не были связаны с культом, обрабатывают религиозные темы, главным образом мифологические. Произведений, которые ставят иные проблемы, можно указать лишь единицы.

Мифология официальной религии выросла из народной мифологии, которая является одним из важнейших элементов народного устного творчества, или фольклора. Поэтому в произведениях шумерско-вавилонской литературы мы встречаем целый ряд фольклорных элементов. Особенно отчетливо они выступают в многочисленных мифах о происхождении мира, людей, земледелия и оседлой жизни в форме самых простых и бесхитростных народных сказаний, похожих на любые народные сказки аналогичного содержания.

Одно такое сказание говорит, что вначале не было ни тростника, ни деревьев, ни домов, ни городов, вся земля была морем, а середина моря была точно бадья для черпания воды. Боги сначала сплели на поверхности воды хижину из тростника, потом сделали землю и насыпали ее около хижины; потом сотворили людей, скот на полях, Тигр и Евфрат, траву и кустарники, поля и плодоносный ил, рощи и леса. Потом была создана форма для кирпичей, были сделаны кирпичи, был построен первый дом, был построен первый город и были там поселены люди. Во второй половине сказания, которая, очевидно, была составлена уже заново жрецами, говорится о сооружении Ниппура, Урука и Вавилона и построении там храмов Энлилю, Ану и Мардуку и объясняется, что люди были сотворены для того, чтобы давать «удовлетворение сердцу богов», т. е. приносить им жертвы и восхвалять их. Другая древняя поэма рассказывает о происхождении земледелия и оседлой жизни. Она также обрабатывает в жреческом духе древнее шумерское сказание и была составлена, повидимому, на острове Дильмуне. Эта поэма описывает древнее время, когда на Дильмуне не было зла и несчастий, не кричал ворон, не убивал лев, волк не похищал ягнят, собака не приближалась к козе и козленку, для зверей еще не было силков, для птиц небесных не было западней, не болел глаз, не болела голова, родители не отдавали

еще дочь в рабство; не говорили еще: «вырыли канал», «надсмотрщик еще не ходил в своей гордыне», не говорили: «насильник притеснил Дильмун», «господин города построил там себе жилище». Потом боги сделали или научили людей сделать канал и пруды, поля и луга, вокруг города вырастили злаки, и сделался Дильмун «гаванью земли». Поэма «семи таблиц» о сотворении мира, людей, Вавилона и Эсагилы богом Мардуком после его победы над Тиамат была уже более художественной и обширной переработкой также древних мифов — краткого мифа о борьбе Эплиля с Тиамат и нескольких других мифов. В этой поэме мы встречаем художественные сравнения, драматические сцены; есть предположение, что она была написана метрическими стихами, но их система еще не выяснена. Эта поэма свидетельствует, что в течение полутора тысячелетий, протекших от первых шумерских литературных опытов, художественное слово сделало большие успехи.

Самым высоким достижением вавилонской художественной литературы в области обработки мифологических сюжетов является большая эпическая поэма о Гильгамеше. Она написана на двенадцати больших таблицах, и каждая таблица является как бы отдельной главой поэмы. По своему замыслу и по своим художественным достоинствам она может быть причислена к числу произведений мировой литературы.

Поэма о Гильгамеше не принадлежит к числу произведений литургической литературы. Она не связана ни с определенным мифом, ни с определенным обрядовым ритуалом. Автор ее только использовал в качестве материалов ряд народных сказаний и религиозных мифов для создания произведения на свою собственную тему — на тему о жизни и смерти.

Эта проблема издавна занимала мысль шумерско-вавилонского общества. Существовали мифы и сказания, старавшиеся объяснить, почему боги бессмертны, а люди смертны. До нас дошло одно из таких сказаний, в котором причиной смертного удела людей выставляется неразумие первого человека — Адапы. Адапа был жрецом и любимцем бога Эа, который дал ему великую мудрость, но не дал вечной жизни. Случилось так, что один раз Адапа имел возможность получить бессмертие, но по своему неразумию сам отказался от этого. Он был призван на суд к богу Ану за то, что разбил крылья у Южного Ветра. Эа предупредил Адапу, что ему будут давать пищу смерти и воду смерти, но чтобы он не вкушал их. На суде за Адапу вступились другие боги, гнев Ану успокоился, и он сказал, чтобы Адапе дали пищу жизни и воду жизни; но Адапа отказался от них. Удивленный Ану спросил Адапу, почему он не ел и не пил. Адапа ответил: «Эа, господин мой, сказал мне: не ешь и не пей». Тогда Ану приказал сбросить Адапу обратно на землю. Это сказание, повидимому, составленное жрецами, стремится примирить людей с их смертным уделом и заглушить в них зависть к бессмертным богам. Однако подобная попытка объяснения смертной участи людей не могла удовлетворить мыслящих людей древневавилонского общества. Поэма о Гильгамеше ставит вновь эту проблему, но также не дает утешительного ответа.

Герой поэмы Гильгамеш — легендарный царь Урука, одного из древнейших городов Сеннаара. После смерти он был обоготворен, и ему совершался в Уруке регулярный культ. Поэма рисует его в образе богатыря-великана, красавца и мудреца; две части в нем были бога и только одна часть — человека. Вместе со своим другом и соратником Энкиду Гильгамеш совершает ряд небывалых подвигов, прославивших его настолько, что сама богиня Иштар стала добиваться его любви. Но Гильгамеш отверг ее. Разгневанная богиня хотела убить Гильгамеша, напустив на него небесного быка; но Гильгамеш

и Энкиду убили быка. Тогда Иштар поразила болезнью и смертью Энкиду. Удрученный смертью товарища и друга, Гильгамеш и сам устрашился:

Гильгамеш об Энкиду, друге своем,
Плачет горько и мечется по полю:
«Не умру ль и я, как Энкиду?
Горе вошло в мое сердце,
Смерти страшусь я, и мечусь я по полю».

И Гильгамеш решает проникнуть в тайну жизни и смерти. Из древних сказаний он узнал, что были люди, которые не умерли, которым дали боги бессмертие — царь Шуруппака Ут-Напиштим и его жена. Гильгамеш предпринимает далекое и опасное путешествие в страну богов, чтобы найти там Ут-Напиштима и узнать от него, как он получил бессмертие. После далеких скитаний Гильгамеш преодолел все смертоносные препятствия, которые встретились ему на пути, и добрался до берега небесного моря. Там остановила его волшебница и, узнав о цели его путешествия, сказала, что оно безнадежно, что он не найдет бессмертия, ибо оно только для богов. Волшебница посоветовала ему вернуться и наслаждаться жизнью. Но эта мораль, очевидно, широко распространенная среди рабовладельческой верхушки вавилонского общества, не удовлетворила Гильгамеша. Он пошел дальше, добрался до Ут-Напиштима, но не получил от него утешительного ответа. Ут-Напиштим рассказал Гильгамешу, что когда царствовал он в Шуруппаке, боги разгневались на людей и наслали на землю всемирный потоп. Все люди погибли; спасся только сам Ут-Напиштим с женой и семьей, так как он был любимцем бога Эа, который предупредил его о грозящей катастрофе и научил его построить корабль и заранее войти в него. Когда кончился потоп, боги взяли Ут-Напиштима и жену к себе и дали им бессмертие. В заключение Ут-Напиштим сказал Гильгамешу: «А тебя кто из богов введет в сонм бессмертных?» Не нашлось такого бога; хотел Гильгамеш по совету Ут-Напиштима побороть смерть разными магическими способами, но и это не удалось ему. Обессиленный и пораженный отчаянием, возвращается Гильгамеш на родину и вызывает из страны мертвых Энкиду, чтобы узнать «закон земли» — безрадостную участь мертвых в царстве Нергаля и Эрешкигаль. Конец поэмы утрачен; повидимому, Гильгамеш умирает. Поэма не разрешает проблемы жизни и смерти, при тогдашнем низком уровне культуры и знаний эта проблема была неразрешима. Но значение поэмы заключается в том, что в ней мы встречаем первые проблески критики религии. Гильгамеш пытается бороться с богами, спорить с ними, может даже временно одолевать их, и боги вынуждены этот бунт терпеть. Поэма о Гильгамеше оказала большое влияние на литературу других древних народов.

Из произведений нравоучительной литературы очень интересен «Разговор господина с рабом», в котором отразилось разложение рабовладельческой верхушки.

Господин вел жизнь, соблюдая девиз: «наслаждайся жизнью, пока ты живешь на земле». В конце концов он во всем разочаровался — ему надоела и война, и охота, и любовь, ему надоело строить дома, замышлять заговоры. Человек разочаровался и в богах и пришел к выводу, что ни жертвами, ни магическими действиями нельзя приучить бога «ходить за человеком подобно собаке». Остается одно — «сломать шею и броситься в реку».

Были сборники нравоучительных изречений и правил; один из них, несомненно, относится в своей основе к древневавилонской эпохе. В этом сборнике красной нитью проходит страх перед внутренними заговорами и волнениями и проповедуется мораль классового мира и добровольного подчинения эксплуататорам,

обращенная, очевидно, к общинникам. Наставления завершаются весьма выразительным советом молиться богам: «жертва умножает жизнь, и молитва искупает грех».

§ 6. Царские надписи исторического содержания. К числу произведений светской литературы надо отнести некоторые царские надписи исторического содержания. Царских надписей исторического содержания из III и первой четверти II тысячелетия дошло до нас довольно много, но большая часть их являются краткими официальными записями о проведении каналов, постройке или ремонте храмов, борьбе с врагами: «Я, такой-то, провел такой-то канал, построил такой-то храм...» Но некоторые надписи являются обширными повествованиями о наиболее выдающихся событиях, своего рода историческими произведениями. В них иногда вводятся в числе действующих лиц боги. Такие надписи по своему содержанию приближаются к сказаниям. Подобный характер носит большая надпись Урукагины, в которой он описывает тяжкое положение населения Лагаша при своем вступлении на престол и рассказывает о своих реформах, подчеркивая их благодетельный характер. Далее, к таким надписям относится надпись лагашского патеси Эаннаду о его походе против патеси Уммы и одержанной им победе. В рассказе подчеркивается, что вождем похода был сам бог Лагаша Нингирсу и что он сам участвовал и в поражении войска Уммы. Такова же надпись Шаррукина, в которой он рассказывает о своем рождении, воспитании, избрании его богиней Иштар, о воцарении над Аккадом и Шумером и о своих походах. Весьма интересна надпись патеси Лагаша Гудеа, в которой он рассказывает, как явился ему бог Нингирсу, дал приказ построить заново храм, дал план храма и все другие наставления, как храм был построен, обставлен и торжественно открыт. К разряду таких же надписей надо отнести и летопись царей первой вавилонской династии, дошедшую, к сожалению, с большими пробелами. Все эти надписи составлены авторами, обладавшими литературным талантом, и проникнуты тенденцией восхвалить и прославить царей, деяния которых они описывают, и в особенности наглядно показать божественное происхождение царей и постоянную их связь с богами.

§ 7. Начатки научных знаний. В эпоху древневавилонского царства в южном Двуречье существовали уже известные начатки научных знаний, имевшие и практическое приложение в быту и хозяйстве. Главным образом эти зачатки относятся к области астрономии и математики и связаны со счетом времени и землемерным делом.

Начатки астрономии, выработанные в Двуречье в течение III и начала II тысячелетия, получившие некоторое дальнейшее развитие в последующие эпохи истории Двуречья, являются той основой, на которой впоследствии развились греческая и затем арабская астрономия. Эти последние астрономические системы легли в основу европейской астрономии, и потому

современная астрономическая наука в качестве своего исходного пункта считает вавилонскую астрономию.

Некоторые немецкие востоковеды во главе с Иенсеном и Винклером пытались доказать, что вавилонская астрономия будто бы была чисто научной системой, достигла высшей точки своего развития еще в самой глубокой древности, что на этой «научной» основе также в глубокой древности сложилось астральное мировоззрение, что вавилонская религия была изначала и по существу астральной и что астральное вавилонское мировоззрение было якобы от вавилонян заимствовано всеми народами древнего мира и унаследовано средневековой Европой. Эта теория получила название панвавилонизма и вызвала страстную дискуссию. Против нее выступили особенно энергично специалисты-астрономы, изучившие вавилонскую астрономию в ее историческом развитии по астрономическим клинообразным текстам, и с этой стороны панвавилонизму еще перед началом первой мировой войны был нанесен решительный удар. Против нее выступили и дореволюционные русские ориенталисты. Однако некоторое влияние панвавилонистских спекуляций еще держится, и потому мы должны постоянно отмечать антинаучность и произвольность этой теории.

На самом деле древневавилонская религия вовсе не была астральной. Астрономические представления вавилонских жрецов базировались на их космологических представлениях, унаследованных от первобытной древности. Мироздание они представляли себе в составе земли, неба и океана. Земля — нечто вроде круглой горы, стоящей посреди мирового океана. Над землей высится, наподобие опрокинутой чаши, небесная или воздушная сфера, над ней находится небесная плотина, на которой живут и действуют боги, а кругом плотины — небесный океан, который по нижним краям воздушной сферы сливается с земным океаном. Звезды первоначально уподоблялись овцам, пасущимся на небесной плотине, солнце и луна считались светильниками, сделанными богами. Затмения луны и солнца объяснялись тем, что луну и солнце заслоняют злые духи. К началу II тысячелетия вавилонские астрономы выделили из числа неподвижных звезд пять планет — Венеру, Марс, Юпитер, Меркурий и Сатурн, дав им особые (вавилонские) названия. К этому же времени звезды были распределены по созвездиям; впоследствии из числа созвездия были выделены двенадцать созвездий «на пути солнца» (эклиптике), т. е. так называемые созвездия Зодиака, и было установлено, что около этого «пути солнца» держатся и все пять планет. Затмений солнца и луны жрецы-астрономы еще не могли предсказывать; и вообще астрономические явления они смешивали в одну кучу с метеорологическими.

На основе примитивных астрономических наблюдений была выработана календарная система. Однако и она не может считаться вавилонским изобретением, так как на той же основе независимо от вавилонян была выработана китайская календарная система и древнейшие американские системы. Древневавилонская календарная система имеет особое значение в истории культуры только потому, что она была в ее позднейшей усовершенствованной форме частично унаследована европейскими народами.

Наблюдения над звездным небом велись по небесным и атмосферным явлениям. Астрологией эту систему можно называть лишь с оговорками, ибо предсказания делались по совокупности метеорологических и астрономических примет. Например: «Если Адад (бог грозы) прогремит своим голосом в день исчезновения луны, то будет богатый урожай и устойчивые цены на рынке». Гадания имели особенно важное политическое значение.

Практические потребности привели в начале II тысячелетия к известному развитию математических знаний. Большим препятствием на пути развития математики была шестидесятеричная система исчисления (единица, 60, 3600 с подсобными делениями 10, 600). Происхождение этой системы в точности неизвестно;

но она, несомненно, была связана с теми «священными» числовыми категориями, какие были получены при выработке счета времени: 7— по числу дней лунной фазы и 12—по числу месяцев в году. Наличие в этой системе числа 60=12×5 показывает, что она была связана также и с первоначальной, повсюду распространенной в первобытную эпоху системой счета по пальцам руки. Что касается до математических знаний, то в начале II тысячелетия вавилонянам были известны четыре правила арифметики, возведение в квадратную степень и извлечение квадратного корня, а также некоторые геометрические положения, необходимые для производства измерения площадей. Геометрические формулы применялись при измерении земельных участков — полей, садов, усадеб. До нас дошли чертежи и планы земельных участков с сопровождающими их вычислениями.

Шестидесятеричная система счисления была окончательно выработана вавилонянами, вероятно, в связи с измерением видимого суточного кругового пути солнца по небу. Они высчитали, что если уложить вплотную по дневному пути солнца диски, равные солнечному, то их уложится 180, а всего за сутки — 360. Они выразили свое открытие в формуле: солнце за день делает по своему кругу 360 шагов. Это деление они стали применять ко всякому кругу; оно было заимствовано римлянами и усвоено последующей европейской геометрией — деление круга на 360 градусов (латинское слово «градус» — шаг). Продолжительность дня и ночи вавилоняне определили по 12 часов; впоследствии час стали делить на 60 минут, минуту — на 60 секунд. Это последнее деление относится уже к истории европейской науки. Месяц вавилоняне делили на четыре части по четырем фазам луны; но семидневная неделя была установлена не ранее середины I тысячелетия, когда была утверждена семерка великих астральных богов — солнца, луны и пяти видимых простым глазом планет; дни недели получили названия по именам этих богов. Семидневная неделя через римлян сделалась достоянием всех европейских народов и постепенно распространилась по всему свету.

§ 8. Изобразительное искусство. Создателями первых образцов изобразительного искусства и архитектуры в Месопотамии были шумеры; в Аккаде и Вавилонии были переняты приемы мастерства и стиль шумерских художников. Больше всего образцов изобразительного искусства до нас дошло из Шумера конца IV и первой половины III тысячелетия. Это, однако, не значит, что в эпоху III династии Ура, в эпоху древневавилонского царства, искусство переживало упадок в сравнении с предшествующими эпохами. Тут действовали внешние обстоятельства — военные разгромы, постигшие и царство Ура и древневавилонское царство. Во время этих бурных периодов многие образцы искусства погибли, и до нас дошли главным образом те произведения, которые завоеватели, эламиты и хетты, вывезли в свои столицы.

Изобразительное искусство представлено главным образом в рельефе и в скульптуре. Рельефные изображения отличаются примитивными особенностями стиля: туловище изображается стоящим прямо, лицо — в профиль, ноги — боком одна за другой. Все персонажи изображаются на одно лицо, но с резким различием в типе шумеров и семитов. Статуи патеси и царей отличаются

толщиной и тяжеловесностью торсов; но головы сделаны лучше и дают впечатление живого человеческого лица. Замечательно, что изображения животных сделаны несравненно более естественно, пропорционально и красиво. Это различие надо объяснить тем обстоятельством, что в области изображения животных существовала чрезвычайно древняя традиция, восходящая к верхнему палеолиту.

К лучшим произведениям шумерского искусства в области рельефа относятся прежде всего рельефные изображения коров, быков и телят с обслуживающими их людьми на фризе храма близ Ура, IV тысячелетия. Высоким мастерством отмечены также рельефные изображения на так называемой «стэле коршунов» с надписью Эаннаду о его походе против Уммы и одержанной им победе. К сожалению, уцелела только часть рельефов. Один рельеф изображает грозную фалангу воинов Лагаша во главе с Эаннаду. Воины идут, закрытые сплошной стеной щитов, с копьями наперевес, прямо по трупам разбитых врагов. Два другие рельефа изображают пирамиду павших воинов Лагаша, приготовленную для сожжения, и стаю коршунов, пожирающих трупы воинов Уммы. Кроме того, сохранилась замечательная серебряная ваза патеси Лагаша Энтемены, на которой тонкой резьбой выгравировано изображение орла, стоящего на двух львах, — тотемический символ бога Лагаша Нингирсу. Из статуй шумерских патеси замечательны три статуи патеси Гудеа; две изображают его в сидячем виде и одна — в стоячем. К сожалению, все три статуи разбиты и без головы; две головы были найдены отдельно. По художественности эти статуи не уступают аналогичным произведениям египетского искусства.

Из произведений аккадского искусства наиболее замечательными являются стэла царя Аккада Нарамсина и рельеф с изображением царя Хаммураби. На стэле Нарамсина изображена сцена из похода царя в горной стране: царь во главе воинов поднимается по узкому проходу и поражает своих врагов. Хаммураби изображен на стэле, на которой начертаны его законы. Он стоит в молитвенной позе перед богом Шамашем, передающим ему законы.

Фресковая стенная живопись, вероятно, также существовала уже в конце III тысячелетия. Замечательный образец ее дошел до нас из царского дворца в Мари. Фреска изображает магическую праздничную церемонию с возлиянием воды, связанную с молением об обильном урожае.

ГЛАВА IX

ДРЕВНЕЙШИЙ ЕГИПЕТ

§ 1. Природные условия. Египет представляет собой узкую долину реки Нила, окаймленную с запада и с востока горами; ширина долины составляет всего 15—25 *км*. Западные горы отделяют нильскую долину от пустыни Сахары, в древности

называвшейся Ливией. За восточными горами тянется берег Красного моря. На юге нильская долина упирается в горы (теперешней Нубии). Здесь течение Нила преграждали крутые пороги, затруднявшие судоходство и сношения Египта с южными странами. На севере долина расширяется и кончается дельтой реки Нила. В древности область Дельты была дикой и заболоченной, не имевшей хороших бухт.

Такое географическое расположение нильской долины предоставляло ей значительные преимущества в сравнении с Двуречьем. Горы, примыкающие к долине, богаты строительным камнем — гранитом, базальтом, известняком. В восточных горах и особенно в горах Нубии имелись богатые запасы золота (самое слово «Нубия» значит по-египетски «страна золота»). В долине Нила росли некоторые ценные древесные породы — финиковая пальма, тамариск, сикомора (из породы акаций), стволы которых употреблялись на постройку речных судов и на разные плотничные поделки. Нил вливается в Средиземное море, главную торговую артерию стран древнего мира. Наконец, и условия для земледелия в Египте были более благоприятны и устойчивы, чем в Двуречье.

Египет является как бы оазисом на краю пустыни; дождей там почти никогда не бывает, и если неожиданно пойдет дождь, то это как в древности, так и теперь считается дурной приметой. Но благодаря разливам Нила почва Египта обеспечена обильным орошением и тучным удобрением. Разлив Нила начинается обычно в середине июля и затопляет всю долину. Вода стоит до ноября, затем постепенно начинает спадать. На почве после спада воды остается плодоносный ил — остатки перегнивших водяных растений и животных. В январе начинается пахота и посев по мягкой почве. Влажная она настолько легко вспахивается, что в древности в плуги впрягались мальчики. Покрытая илом земля давала обильные урожаи. Поэтому естественно, что Нил еще в незапамятные времена был обоготворен жителями Египта. Культ Нила свято соблюдался и в историческую эпоху; свою страну египтяне называли «даром Нила».

Горы и море, окружающие нильскую долину, прикрывали Египет от внешних вторжений. И в этом отношении положение Египта было более благоприятным, чем положение легкодоступного Двуречья. Правда, и Египет не был полностью обеспечен от вторжений; но они происходили гораздо реже, чем в Двуречье. Египет не переживал в своей истории таких опустошительных нашествий, как Вавилония.

§ 2. Древнейшее население и его хозяйственный и общественный быт. Раскопки, производившиеся в различных пунктах Египта, обнаружили остатки ряда поселений эпохи неолита, предметы культуры тогдашнего населения Египта и скелеты его жителей. Антропологические исследования этих скелетов показали, что по своим антропологическим признакам это древнейшее

население не отличается от населения Египта эпохи фараонов. Отсюда следует, что древний египетский народ сложился из племен, искони населявших нильскую долину и родственных соседним африканским племенам. О таком происхождении свидетельствует также египетский язык, родственный берберским языкам северной Африки.

Основным занятием древнейшего населения нильской долины было земледелие, хотя охота и рыболовство продолжали долго играть значительную роль. Первым злаком, культивировавшимся в Египте, был ячмень; затем к нему присоединились пшеница и лен. Скотоводство также существовало издревле, но не играло такой важной роли, как в Двуречье.

Земледельческая культура уже в весьма ранний период потребовала создания системы водных сооружений, необходимых для урегулирования наводнений и сохранения запасов воды на весь период земледельческих работ между наводнениями. Для этой цели были произведены сооружения искусственных озер, или водоемов, и дамб для защиты от наводнений жилых и хозяйственных построек, расположенных на низких местах. От Нила и от озер проводили каналы к полям и садам, расположенным на высоких местах. Эта ирригационная система получила свой окончательный вид в эпоху объединенного египетского царства, но основные работы были произведены еще задолго до этого, не позднее чем за 5 тыс. лет до н. э.

Как и в Двуречье, ирригационные работы были начаты еще в эпоху первобытно-общинного строя.

О его характере можно судить по пережиткам, сохранившимся в классовую эпоху, особенно по терминологии родства и по некоторым обычаям. Эти пережитки свидетельствуют, что система материнских родов была еще сильна в ту эпоху, когда началось разложение родового строя. В историческую эпоху женщина в египетской семье называлась «владычицей дома» и занимала соответствующее этому прозвищу положение; детям внушалось в первую очередь почитать мать. Но родословные велись в эту эпоху уже по мужской линии, и слово «отец» имело значение «предок».

Община была земледельческим коллективом, который трудами своих членов сооружал общинную ирригационную систему, т. е. была такой же водно-земельной общиной, как и шумерская община. Но скоро выяснилось, что мелкие ирригационные сооружения отдельных общин недостаточны и что необходимы межобщинные ирригационные сооружения для равномерного распределения обильных вод, приносимых разливами Нила. Это обстоятельство положило начало постепенному объединению Египта.

§ 3. Образование номов и начало классового общества. Объединение общин в группы общин происходит в Египте с начала IV в. до н. э. Каким образом протекал этот процесс, мы в точности не знаем; нам известны лишь его результаты. Судя по этим результатам, одновременно с объединительным процессом происходило

имущественное и классовое расслоение в общинах, приводившее к созданию небольших групповых объединений уже классового характера, с зачатками государственности. Эти групповые объединения назывались по-египетски «сепа», но в исторической литературе обыкновенно применяется для них греческое название «номы». Их насчитывалось около сорока.

Египетское слово «сепа» в древнейшем египетском пиктографическом письме IV тысячелетия обозначается схематическим рисунком, который изображает пространство земли, перерезанное Нилом и ответвляющимися от него каналами. Отсюда видно, что ном был первоначально, подобно общине, водно-земельной организацией. Однако в середине IV тысячелетия во главе номов стоят уже правители, в номах имеются рабы; правители номов являются верховными жрецами богов нома и военачальниками.

Номы жили обособленной жизнью. Северные номы отделялись друг от друга болотами. Но и южные номы, более тесно соприкасавшиеся друг с другом, также не имели постоянных и прочных связей. Жители номов говорили на различных наречиях; каждый ном имел своих богов (в виде животных), унаследованных от тотемов первобытно-общинной эпохи. Между отдельными номами происходили нередко вооруженные столкновения. До нас дошли рисунки, изображающие, как победители угоняют скот и за веревки тянут пленных — будущих рабов. В процессе этих войн стали усиливаться те номы, правителям которых (номархам — по-гречески) удавалось подчинить себе соседние номы. К середине IV тысячелетия на севере и на юге выделились особенно сильные номы, правители которых подчинили себе остальные номы юга и севера. Период разрозненных номов принято называть термином «архаический Египет».

§ 4. Царство Верхнего и Нижнего Египта и объединение Египта. Центром, вокруг которого совершилось объединение северных номов (Нижнего Египта), был ном Буто. Объединение здесь было завершено ранее, чем на юге, но не достигло такой прочности, как на юге, вследствие значительной разобщенности номов в области Дельты. Тамошние труднопроходимые болота разъединяли соседние номы и затрудняли военные действия номархов-объединителей против непокорных номов. Центром, вокруг которого совершилось объединение номов юга (Верхнего Египта), был ном Нехеб т. Там объединение закончилось созданием прочного государства, которое впоследствии подчинило себе север и завершило, таким образом, объединение Египта.

История царства севера и юга остается для нас довольно темной, так как письменных памятников от них не дошло, а позднейшие египетские источники дают лишь скудные и случайные сведения. Мы знаем только имена семи царей Нижнего Египта, а о самих царях имеем лишь полумифические сообщения, в которых цари изображаются преемниками богов, ранее якобы лично правивших Египтом. В эпоху первых династий объединенного Египта древние

цари считались богами и им воздавался культ. О быте и культуре этих двух царств мы можем судить лишь по изображениям на дошедших до нас памятниках этой эпохи и по некоторым религиозным мифам и культам.

Прежде всего мы видим, что цари Верхнего и Нижнего Египта — это государи, возвышавшиеся над массой своих подданных и считавшие себя наместниками богов. Каждый из них носил обычные знаки царского достоинства — корону, красную на севере и белую на юге, и булаву. И в Северном и в Южном царстве были установлены культы государственных богов — Сета на севере и Гора на юге, и культы тотемов — змеи на севере и сокола на юге. Культура Северного царства имела некоторые специфические отличия в связи с влияниями из соседней Ливии. В Дельте было найдено изображение четырех ливийских вождей с северными царскими эмблемами в виде змеи (уреями); отсюда видно, что некоторое время Дельта была в подчинении у какого-то ливийского племени. В Северном царстве существовал уже календарь. Но в организации управления этих царств сохранялось еще много элементов родоплеменного быта, которые прослеживаются и в первые века после объединения Египта в одно царство. Таким образом, к этому переходному периоду от номовой раздробленности к сложившемуся окончательно государственному быту следует присоединить также и первые две династии объединенного Египта.

После образования Южного и Северного царства между ними шла долгая борьба за преобладание во всем Египте. Перевес в этой борьбе был на стороне юга. Она закончилась около 3200 г. до н. э. объединением всего Египта под властью южного царя Мины (греческие историки называли его Менесом). Мина пошел походом на север, завоевал Дельту и таким образом объединил Египет под своей властью. Свою новую укрепленную столицу Мина построил в начале Дельты. В родословных фараонов объединенного Египта Мина обозначен первым фараоном Египта, основателем первой общеегипетской династии.

ГЛАВА X

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ

Со времени объединения Египта Менесом и до завоевания Египта персами в 525 г. до н. э. в Египте сменилось 26 династий. Не считая первых двух династий, принято разделять историю Египта на несколько периодов по следующей схеме:

Древнее царство — III—VI династии.
Период смут — VII—XI династии (до Ментухотепа I).
Среднее царство — XI—XII династии (с Ментухотепа I).
Период смут и господства гиксосов — XIII—XVII династии.
Новое царство — XVIII—XX династии.
Период распадения Египта — XXI—XXVI династии.

§ 1. Хозяйственный и общественный строй эпохи Древнего царства. Основным занятием населения, как и раньше, было земледелие. Развитию скотоводства препятствовали природные условия долины Нила, в которой не было пастбищ. Пастбища имелись только в Дельте, на заболоченных пространствах. Стада храмов и светских сановников паслись под присмотром рабов на

этих пастбищах; животные либо перегонялись в Дельту гуртами, либо перевозились туда на специально построенных судах.

Ячмень, пшеница, лен, чечевица возделывались и на крестьянских, и на храмовых полях, и на полях сановников. На землях храмов и сановников имелись, кроме того, большие виноградники и сады с финиковыми пальмами.

Хозяйства храмов и сановников были рабовладельческими. Рабы трудились на полях и в садах и в обширных мастерских — кораблестроительных, столярных, кузнечных и др. Стены гробниц жрецов и сановников расписывались изображениями труда рабов на полях, в садах и в мастерских. Эти изображения делались с магической целью — перенести в «страну мертвых» рабов и других подвластных сановному покойнику людей, чтобы и там они кормили, одевали и украшали своего господина, как и на земле.

С той же целью сановники и цари передавали специальным заупокойным жрецам особые земельные участки около своих гробниц с рабочей силой для того, чтобы материально обеспечить совершение для них после смерти заупокойных жертв. Десятая доля с доходов от таких участков шла в пользу заупокойных жрецов; ни на какие другие цели доход с такого участка не мог обращаться.

Крестьяне жили общинами; общины управлялись общинными «советами», называвшимися «кенбет». Советы были одновременно и административными и судебными учреждениями. Кроме того, царской властью на них была возложена обязанность собирать и вносить натуральные налоги с общины и наряжать людей на царские работы. Эта организация сохранялась почти без изменений в течение всей истории древнего Египта. Мы не имеем точных сведений о системе хозяйства в общинах. Повидимому, в эпоху Древнего царства, если не повсеместно, то во многих общинах, практиковалась общинная обработка земли. На это указывает религиозный обычай совершать начало вспашки при сходе общинников, причем первую вспашку производил общинный жрец, изображавший земледельческого бога плодородия Осириса.

Земли, находившиеся в распоряжении сановников, были двоякого рода. Во-первых, у них были о т ц о в с к и е, т. е. наследственные, земли, во-вторых, многие сановники за время службы получали земельные участки от фараона. Эти п о ж а л о в а н н ы е земли с течением времени становились также наследственными. Но так как не все сановники получали такие пожалования, а пожалования были различных размеров, то в результате к середине эпохи Древнего царства частное землевладение было весьма неравномерным. Высшие сановники, особенно номархи, т. е. правители номов, получали крупные пожалования и постепенно превращались в крупных землевладельцев. В отличие от вавилонских землевладельцев крупные египетские землевладельцы строили в своих владениях роскошные дома, окруженные тенистыми садами, и проводили в них значительную часть года.

Земли, находившиеся в распоряжении храмов, были также двоякого рода. Один разряд составляли земли, пожалованные храмам фараонами и сановниками без каких-либо условий, другие — условно, для совершения заупокойного культа. Фактически и те и другие земли переходили во владение храмов; но доходы с земель первой категории шли целиком в пользу жречества, а с земель второй категории — лишь в условной доле. Об удельном весе храмового землевладения судить трудно. Повидимому, в эпоху Древпего царства оно еще не достигло крупных размеров. Так, фараон V династии Сахуре дал храму бога Ра участок земли около 600 *га*, но это был храм главного бога; другие храмы получили от этого фараона участки по 15—60 *га*. Жреческие должности были наследственными и чрезвычайно доходными; уже в эпоху Древнего царства жреческое сословие стало весьма влиятельным, и основателем V династии был верховный жрец бога Ра.

Рабы в Древнем царстве были гораздо многочисленнее, чем в Двуречье той же эпохи. Это объясняется военной политикой фараонов Древнего царства. Начиная с I династии, фараоны Древнего царства ведут грабительские и завоевательные походы и пригоняют в Египет большие партии рабов-пленников; в одной надписи упоминается о 7 тыс. пленников. Большая часть рабов поступала в царское хозяйство и в хозяйство храмов. Рабы обыкновенно упоминаются рядом со скотом; египетское слово «джет» обозначало также «тело», т. е. раб не считался человеком. Однако по своему характеру рабство в Древнем царстве не отличалось от обычного восточного рабства. Рабы применялись на ирригационной сети — для содержания ее в исправности, для подачи воды, далее — на строительных работах, на сельскохозяйственных работах и в домашней промышленности. Но продукция рабского труда в земледелии и промышленности предназначалась не для рынка, а для обеспечения роскошной и сытной жизни рабовладельцев и для обеспечения нужд храмового культа.

Таким образом, мы видим, что характерные черты общественного строя Египта в эпоху Древнего царства заключаются в сравнительно быстром развитии частного и храмового землевладения и в сравнительно высоком, с количественной стороны, уровне рабства. Однако при этом не замечается каких-либо серьезных признаков разложения общинного крестьянского быта. Тем не менее неуклонный рост сановного и храмового землевладения и параллельный рост влияния рабовладельческой верхушки имели весьма существенное значение для дальнейшей истории Древнего царства.

§ 2. Государственный строй Древнего царства. Две династии Древнего царства (III — IV) были наиболее долговечными и царствовали по 200 лет. Остальные две царствовали в среднем по 100 лет. Это свидетельствует о том, что, несмотря на приравнение фараона Древнего царства к богу солнца Гору и присвоение

ему имени Гора, несмотря на деспотический характер его власти, власть фараона была обусловлена волей сановно-жреческой рабовладельческой верхушки, интересы которой он представлял и защищал. Фараон был ее господином, но еще больше он был исполнителем ее желаний и интересов, и если он ей не нравился, то он, а следовательно и его род, лишался власти и заменялся представителем другого рода. Столицей Египта со времени фараона Джосера, основателя III династии, был Мемфис, город, основанный на том же месте, где построил свою столицу фараон объединитель Египта — Менес. Мемфис оставался столицей Египта до конца Древнего царства. Основателем IV династии был Снофру; крупнейшим ее представителем был Хуфу. Эта династия была свергнута жрецами храма Ра в Оне, и основателем V династии был верховный жрец бога Ра. V династия была свергнута сановниками Дельты.

Древнее царство было формально централизованной монархией в том смысле, что управление им сосредоточивалось в одном центре и имело во главе единого деспотического государя. Но существенные различия между севером и югом и многовековая традиция их прежней самостоятельности не могли быть целиком преодолены в эпоху Древнего царства. Объединителями были южные цари, но они вынуждены были признать равноправие севера и юга.

Это выразилось в царском титуле, в котором фараон называется «царем Верхнего и Нижнего Египта» или «царем двух стран». Фараон имел две короны, красную и белую, двух государственных богов, сокола — Гора и змею — Уазит, строил себе два дворца и две гробницы. И управление фараона было организовано соответственно: два хлебных дома, два золотых дома, два серебряных дома, т. е. по два центральных управления по этим трем главнейшим объектам доходов. В последующие эпохи истории Египта эта двойственность стала чисто формальной и во многих отношениях сгладилась, но в эпоху Древнего царства она вызывалась необходимостью. Кроме того, централизация при V и VI династиях нарушалась неоднократно возникавшими междоусобиями и борьбой за власть сановных родов.

Во главе центрального управления стоял визирь, т. е. главный министр. Чаще всего на эту должность назначался близкий родственник фараона. Визирю подчинялись начальники «домов», заведовавшие отдельными отраслями управления. Кроме трех двойных домов, указанных выше, были еще следующие дома, часть которых также двоилась: дом виноградников, счета быков, военный, жертвенный. Визирь был верховным судьей, утверждал завещания, заведовал всеми работами на дом царя, был казначеем «над всем, что есть и чего нет, что дает небо, земля и Нил». При визире и в «домах» был большой штат писцов. Областное управление было организовано по древним традиционным номам. Начальник нома, номарх, назначался фараоном, аппарат его управления разделялся по тем же отраслям, как и царское управление. Вся эта система действовала отчасти согласно обычному

праву, отчасти по царским указам, до нас, к сожалению, не дошедшим. Характерной особенностью этой системы было выделение из общего порядка судебных дел, затрагивавших интересы жречества. Для разбора таких дел — имущественных споров людей храма, споров людей храма со светскими людьми — были при храмах учреждены специальные суды, членами которых были жрецы; лишь писец (секретарь) такого суда был светским представителем местного визиря. Эти суды сохранялись и в последующие эпохи Среднего и Нового царства.

Из перечисления домов совершенно ясно вырисовывается основной характер царского управления. Это был аппарат для выполнения тех же трех функций, как и на всем Востоке: функции ограбления собственного населения, функции ограбления других народов и функции поддержания в порядке орошения. Первой и второй функции соответствуют функции хозяйственных «домов» и военного «дома». Последний имел ближайшее отношение не только к ограблению других народов, но и к ограблению египетского населения, так как царские сборщики налогов всегда сопровождались специальными военными отрядами. Функция заботы об орошении, связанная с привлечением труда общинников, выполнялась под непосредственным руководством визиря.

О размерах податного гнета, лежавшего главным образом на египетском крестьянстве и ремесленниках Древнего царства, можно судить по списку тех продуктов и материалов, которыми переполнялись царские амбары, кладовые и сокровищницы. Туда поступало зерно, лен, мед, скот, птица, рыба, ткани, одежды, украшения, золото, серебро, медь, одним словом, «все, что производит небо, земля и Нил». Металлы поступали с населения горных областей, остальное — с населения нильской долины. Первой обязанностью номархов было взыскание царских налогов с населения и выполнение нарядов на «царскую барщину». В дошедших до нас биографиях сановников Древнего царства последние всегда прославляют свою расторопность и усердие при выполнении своих обязанностей: по выколачиванию налогов и по набору людей на работы и на военную службу.

Льготы по отношению к натуральным и трудовым повинностям фараонами давались только некоторым храмам, под управлением которых были общинные земли с сидевшими на них крестьянами. Эти грамоты относятся к концу V и началу VI династии; они освобождают население храмовых земель при царских пирамидах и население земли храма бога Мина в Коптосе от всех царских податей и повинностей. Но эти льготы вовсе не означали, что трудовое население избавлялось от податного ярма и принудительных работ: общинники, освобожденные от царского тягла, были взамен обложены храмовым тяглом, не менее, если не более тяжким, чем царское тягло.

§ 3. Строительство пирамид. В египетской религии чрезвычайно стойко держалось первобытное представление о загробной

жизни — о том, что и после смерти человек продолжает жить, но при известных условиях, именно при условиях сохранения его тела и поддержания его «жизни» регулярными приношениями пищи и питья. В связи с этим представлением в Египте соблюдался обычай подвергать трупы умерших такой обработке, которая предохраняла бы их от разложения. Этот обычай соблюдался одинаково и в низших и в высших классах общества, с той только разницей, что в низших классах препарирование трупов производилось примитивным способом, а в высших классах трупы подвергались сложной процедуре удаления внутренностей, очищения полости живота, заполнения ее специальными растительными веществами, выщелачивания трупа и запеленывания его в льняные ткани (бальзамирование). Обработанный таким образом труп высыхал, превращался в «мумию»; десятки таких мумий фараонов и сановников были найдены в XIX в. в древнеегипетских гробницах и находятся сейчас в различных европейских музеях, в том числе в Ленинградском Эрмитаже и в Московском Музее изобразительных искусств.

Вполне понятно, что особенно заботливо выполнялся этот обычай по отношению к телам умерших фараонов. Сохранение их трупов считалось самой важной, самой священной обязанностью, ибо «божественный» царь должен был быть таким же бессмертным, как и боги. Умерший фараон якобы переходил в новую вечную жизнь и должен был иметь в ней все то, что имел в земной жизни. Прежде всего он должен был иметь вечное жилище, такой дом, который был бы недоступен для злоумышленников, был бы несокрушим перед силой стихий и времени. В условиях Египта с его ежегодными наводнениями эта задача считалась особенно важной.

До начала III династии основным типом царских и княжеских гробниц была «мастаба». Это — современное название, данное гробницам этого типа арабами, ибо внешняя форма их напоминает каменную скамью, по-арабски — «мастаба». Мастаба представляет собой прямоугольное длинное и низкое здание из кирпича или камня. За исключением входа и небольшого помещения для молений, мастаба была сплошным каменным массивом. Из нее делался ход вниз, в подземную часть, где были помещения для саркофага с телом умершего и несколько соседних комнат, где помещались запасы продовольствия, всевозможная утварь и амулеты для защиты умершего от злых духов. После погребения ход в подземные помещения заделывался наглухо. Ряды таких мастаб на западном берегу Нила сохранились до настоящего времени.

Каждый фараон и более или менее знатный номарх или сановник строил себе гробницу еще при жизни. Первый фараон III династии Джосер сначала построил себе огромную каменную мастабу высотой в 11,5 *м* и шириной в 67 *м* (длина неизвестна вследствие частичного разрушения мастабы). Но затем он решил сделать мастабу еще шире и выше: расширил основание и возвел над ним пять каменных прямоугольных надстроек, постепенно уменьшавшихся кверху. Получилась ступенчатая усеченная пирамида в 6 этажей, вышиной в 57 *м*. Преемники Джосера строили для себя гробницы также в форме ступенчатых пирамид. Высшего своего подъема строительство царских гробниц в форме пирамид достигло при фараонах IV династии, начавшей царствовать около 2900 г. до н. э. Фараоны Хуфу, Хафра и Менкаура построили себе на

высоком Гизехском поле близ Мемиса гробницы в форме трех колоссальных пирамид правильной формы — с ровными стенами и остроконечным верхом.

Пирамида, сооруженная фараоном Хуфу (больше известным под греческим именем Хеопса), по своим размерам до конца XIX в. считалась одним из чудес света. Высота ее достигает 146,5 *м*, и до 1889 г., когда в Париже была построена для всемирной выставки башня Эйфеля (названная по имени инженера-строителя), пирамида Хуфу была самым высоким зданием во всем мире. Каждая сторона ее в основании имеет длину около 240 *м*, и, следовательно, чтобы обойти эту пирамиду кругом, надо пройти около километра. Рядом с этой пирамидой возвышаются пирамида Хафра (греч. Хефрена), несколько меньших размеров, и пирамида Менкаура, которая уже значительно ниже двух первых. При пирамидах были построены соединенные с ними храмы для заупокойного культа, и здесь же рядом выстроились целые городки с домами для жрецов и воинской стражи и разного рода служебными и хозяйственными зданиями.

В одном комплексе с этими колоссальными царскими гробницами на Гизехском поле стоит огромное изваяние сфинкса — лежащего льва с человеческой головой, украшенной царскими эмблемами. Сфинкс стоит около развалин храма при пирамиде Хафра, и потому это изваяние считается символическим изображением фараона Хафра. Все эти сооружения царей IV династии должны были служить не только религиозным целям, но и целям политическим. Они должны были наглядно свидетельствовать не только о бессмертии фараонов, но и об их непреоборимой мощи и величии. Строительство пирамид было ярчайшим проявлением невыносимой тяжести деспотической власти фараонов, доведшей трудовое население Египта до полного порабощения.

Строительство пирамид при тогдашнем низком уровне техники было чрезвычайно сложным и трудоемким делом. Для добычи огромных масс камня в горах, для его доставки к месту работ, для его обработки и для укладки из него основания и стен пирамид требовалось огромное количество рабочих рук и весьма длительное время.

Греческий историк Геродот, посетивший Египет в середине V в. до н. э., на основании собранных им народных преданий и жреческих сообщений о царе Хуфу рассказывает, что работы над сооружением пирамиды Хуфу продолжались 40 лет: 20 лет ушло на добычу и доставку материала из каменоломен по специально проложенным для этого дорогам и на другие подготовительные работы и 20 лет ушло на сооружение самой пирамиды. На работы привлекалось очередями по 100 тыс. человек все население Египта; каждая очередь работала по три месяца. Рабы вряд ли могли быть применены в большом числе на этих работах, так как Хуфу не совершал крупных военных походов. Таким же способом строилась и пирамида Хафра. По словам Геродота, во время царствования этих двух фараонов целых 106 лет египетский народ испытывал величайшие беды, и имена Хуфу и Хафра остались в народной памяти навсегда ненавистными. Жречество, напротив, считало их самыми благочестивыми царями.

Народное недовольство достигло таких размеров, что Менкаура вынужден был ограничиться уже вдвое меньшей пирамидой, а его

ближайшие преемники вообще не строили пирамид. Строительство колоссальных пирамид является классическим проявлением «поголовного рабства» на древнем Востоке, о котором говорит Маркс в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»; это строительство, в числе других, имеет в виду Маркс также в I томе «Капитала», когда он говорит о применении в колоссальном масштабе простой кооперации при постройке гигантских сооружений, воздвигнутых древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и др. («Капитал», т. I, 1949, стр. 340).

В конечном счете народное недовольство привело к падению IV династии. Она сделалась настолько непопулярной, что жречество богатейшего храма бога солнца Ра в Оне (Гелиополе), пользовавшееся огромным влиянием, устранило последнего царя IV династии, царствовавшего всего два года, и возвело на престол верховного жреца бога Ра Усеркафа, основавшего V династию.

§ 4. Военные походы и торговые экспедиции фараонов Древнего царства. Военные походы в эпоху Древнего царства направляются преимущественно на восток, на Синайский полуостров в Аравии, и на юг, в Нубию, страну на верхнем течении Нила. Синайский полуостров привлекал фараонов главным образом своими медными рудниками, Нубия — своим золотом, а также черным деревом и слоновой костью. Страны эти были населены племенами, жившими еще первобытно-общинным строем, — арабскими кочевыми скотоводами на Синае и охотничьими негритянскими племенами в Нубии. И в той и в другой стране фараоны могли захватить большое количество рабов.

Походы в эти страны совершались несколькими фараонами; но основные походы были совершены тремя фараонами — Миной, Джосером и последним царем III династии Снофру. Мина положил начало господству Египта на Синае и в Нубии; Джосер расширил владения, завоеванные Миной, Снофру окончательно их упрочил. Походы Снофру увенчались особенно крупными победами и сделали его имя знаменитым в последующих поколениях; на Синае был установлен даже религиозный культ этого царя. Из Нубии Снофру вернулся с большой добычей, которую он, вероятно с значительным преувеличением, исчисляет в 200 тыс. голов скота и 7 тыс. рабов.

В промежутки между походами на Синай и в Нубию фараоны отправляли туда военные экспедиции для сбора дани и для вывоза добытого там золота и меди. В царских рудниках работали рабы из местного населения; огромные партии всякого рода товаров собирались, особенно в Нубии, в качестве дани военными отрядами. Так осуществлялась функция «грабежа других народов». Походы с оборонительными целями имели место только при фараоне VI династии Пиопи I, когда начались набеги на Египет азиатских «жителей песков», т. е. кочевых аравийских племен. Но и этими походами фараон воспользовался для грабежа — его войско прошло в Палестину, взяло там несколько

городов, вырубило смоковницы и виноградники и пригнало много рабов.

Военная организация в эпоху Древнего царства известна нам только по одной надписи эпохи VI династии, но нет сомнения в том, что такой же она была и раньше. Каждый ном должен был выставлять определенное количество воинов; воинов должны были давать также храмы и покоренные негритянские области. Собирали и приводили эти ополчения номархи, начальники имений, храмов, начальники покоренных областей и другие местные начальники. По окончании похода эти ополчения распускались. Кроме того, в распоряжении царя, храмов и номархов были постоянные военные отряды для охраны и для содействия властям при взыскании податей и повинностей. Как и из кого комплектовались эти военно-полицейские отряды, мы в точности не знаем.

Экспедиции с торговыми целями снаряжались фараонами в более отдаленные страны, с которыми Египет не имел непосредственных границ. Такой страной была на востоке Финикия. Египетские корабли при последнем фараоне II династии Хасехемуи ходили в финикийский город Гебал (греческий Библ); Снофру послал в Финикию экспедицию в составе 40 судов за строевым кедровым лесом с ливанских гор; фараон V династии Сахура вывозил из Гебала лес, вино, масло и рабов. На юг торговые экспедиции отправлялись в страну Пунт, находившуюся, повидимому, на теперешнем Сомалийском берегу Красного моря. Оттуда привозилась слоновая кость, черное дерево и другие экзотические товары. Эти экспедиции совершались также на кораблях при царях V и VI династий, начиная с Сахура. Экспедиции в Пунт не были в строгом смысле торговыми: в зависимости от обстоятельств либо производился меновой торг, либо грабеж и пленение мелких негритянских племен.

§ 5. Упадок Древнего царства. К концу эпохи IV династии обнаруживается ослабление власти фараонов. Оно объясняется не только народным недовольством, но также и тем обстоятельством, что к этому времени в номах укрепились местные сановники, храмовые и светские. Храмы сделались владельцами больших земельных угодьев; в управление крупных храмов фараоны передавали целые области. Так как жреческие должности были наследственными, то верховные жрецы крупных храмов стали чувствовать себя независимыми от царской власти, и верховный жрец Ра Усеркаф даже захватил царский престол, сделав одновременно культ бога Ра государственным культом. С другой стороны, усилились многие местные номархи. В течение III—IV династий постепенно укрепился обычай наследственной передачи должности номарха. Таким образом, номархи стали владетельными правителями, имевшими личные земельные владения и управлявшими своими номами, как своей собственностью.

Когда власть фараонов перешла в руки жрецов Ра, процесс ослабления центральной власти еще более усилился. Между жреческими фамилиями крупных храмов всегда существовало соперничество. Теперь каждый храм стал стремиться к самостоятельности, не желая подчиняться жречеству Ра. Крупные

номархи также стали подчеркивать свою автономию. Это особенно ярко выразилось в том, что если ранее сановники и номархи строили свои гробницы (мастабы) вокруг царской гробницы, как бы показывая этим, что и за гробом они будут сопровождать своего монарха и служить ему, то теперь номархи строят себе гробницы в своих номах и начинают приравнивать свою загробную судьбу к судьбе фараона: и они, как и царь, после смерти якобы являются к богу Ра и живут в его окружении, подобно богам.

При VI династии, еще более слабой, чем V династия, единство Египта еще держалось. Но после падения VI династии началась смутная эпоха. Традиция передает, что в это время в Египте сменились четыре династии, правившие в общем около 300 лет. В это время Египет снова распался на отдельные номы и лишь временами ненадолго и частично объединялся. Судя по дошедшим до нас отрывочным данным, власть номархов также не была прочной. Подвергались разрушению царские гробницы и гробницы номархов; повсеместно шла вооруженная борьба, особенно яростным нападениям подверглись города. В этих отрывочных записях не указывается, кто именно воевал и нападал на города. Войны происходили, конечно, между номархами, но не может быть сомнения и в том, что происходили также восстания рабов и крестьян и что именно последние разрушали гробницы правителей и другие сооружения, на постройках которых их заставляли мучиться каторжным трудом.

ГЛАВА XI

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ

§ 1. Объединение Египта при XI династии. После периода смут и распада, продолжавшегося около трех с половиной веков, вновь произошло объединение Египта в одно царство. Необходимость нового объединения диктовалась тем разорением, к которому привело расчленение Египта, и прежде всего нарушением нормальной деятельности единой оросительной системы Египта. Это нарушение приводило к упадку земледельческого хозяйства, к неурожаям и дошло, в конце концов, до такой степени, что грозило голодом и гибелью Египта. Процесс объединения начался на юге, в Верхнем Египте; объединителями Египта были первые цари XI династии. Основатель этой династии Иниотеф был номарх в южном городе Нут-Амон (город Амона). Этот город в истории обычно называется греческим именем Фивы. Иниотеф подчинил своему верховному управлению южные номы и принял царский титул, а второй его преемник, Ментухотеп, собрал ополчение со всех южных номов, пошел на север и подчинил своей власти северные номы. Таким образом, Египет вновь объединился под властью одного царя, и началась эпоха так называемого Среднего царства.

Однако при XI династии новое объединение еще не было прочным. Последние цари XI династии были слабыми, и на севере опять начались смуты.

Точных исторических данных об этих смутах мы не имеем; но в литературе эпохи Среднего царства сохранились некоторые указания о смутах и войнах на севере. В так называемом «Пророчестве Ноферреху» содержится «предсказание» о том, что север постигнут великие бедствия, там появятся чужеземцы, которые разграбят страну, в стране поднимутся мятежи, будут опустошены храмы богов, бедняки будут собирать сокровища, а вельможи впадут в ничтожество. Далее предсказывается, что спасение придет с юга: явится оттуда царь Амени, который возложит на себя и красную и белую корону, «от его меча падут пришельцы-азиаты, и перед его силой падут мятежники». «Пророчество» имело целью возвеличить упоминаемого в нем южного царя Амени; так как это имя является сокращением имени Аменемхет, то предполагают, что в пророчестве восхваляется первый фараон XII династии, Аменемхет I, который происходил также из знатного фиванского рода, действительно изгнал из Египта каких-то иноземных врагов, подчинил себе север и перенес туда и столицу царства, построив там для своей резиденции крепость Иттау в 30 *км* к югу от Мемфиса. Мятежниками, которых усмирил Амени, были, несомненно, крестьяне, сидевшие на храмовых землях.

§ 2. Внутренняя и внешняя политика фараонов Среднего царства. Объединение Египта в эпоху Среднего царства не было простым возвращением к централизованному режиму эпохи Древнего царства. Номархи вынуждены были согласиться на восстановление единого царства из соображений собственной пользы: будучи разрозненными, они были не в силах справиться с восстаниями крестьян и рабов и не имели возможности поддерживать в должном порядке ирригационные сооружения, представлявшие собой общеегипетскую систему. Но идя на подчинение центральной власти фараона, номархи сохранили за собой местную автономию. В номах сохранилась возникшая при предшествующих династиях местная организация управления, суда и сбора податей, сохранились местные воинские силы, независимые от центрального управления. Фараоны вынуждены были ограничиться лишь назначением в номы своих уполномоченных и надзирателей, которые следили за исправным сбором царских натуральных налогов и за нарядами людей на царские работы; но при этом номархи сохранили за собой право собирать налоги и наряжать людей на работы и для самих себя. Территория в некоторых крупных номах делилась в налоговом отношении на две части: на часть царя и часть номарха. Номархи обязаны были по приказу фараона выступать вместе с ним в походы. Но они держались как маленькие цари и именовали себя «великими владыками»: строили себе гробницы, возводили храмы местным богам, совершали собственные походы и торговые экспедиции на юг.

Фараоны Среднего царства выполняли главным образом такие функции управления и проводили такие мероприятия, которые касались всего Египта в целом. В числе таких мероприятий надо отметить заботы фараонов о приведении в порядок и улучшении ирригационной системы. Наиболее важные работы в этой области

были произведены в 30 *км* к западу от Нила, в прилегающей пустынной местности (в 50 *км* на юго-запад от Мемфиса). Там еще с древнейших времен существовала обширная глубокая впадина, на 40 *м* ниже уровня моря. От нильских наводнений она превратилась в огромное Меридово озеро с заболоченными вокруг него пространствами. Фараон Аменемхет III произвел огромные работы по урегулированию этого озера и для орошения прилегающего к нему района. По окружности озера были возведены высокие, массивные заградительные стены и были прорыты каналы для притока воды в озеро и для отвода из него лишних вод. Благодаря этому было осушено и сделалось пригодным для земледелия свыше 2500 *га* земли. Здесь были поставлены две колоссальные статуи Аменемхета III, были выстроены царский дворец и храм и возник целый город.

Другие мероприятия общеегипетского значения были связаны с защитой границ Египта. Еще в конце эпохи Древнего царства с востока, из Аравии, на Египет стали напирать кочевые семитские племена. К этой опасности с востока присоединилась другая — нападения негритянских племен с юга, из Нубии. Для отражения этих вторжений по восточной границе за Дельтой были построены укрепленные пункты. Возобновлены были также походы, завершившиеся при Сенусерте III, отце Аменемхета III, покорением негритянских племен на протяжении 300 *км* по течению Нила. На новой границе по обе стороны Нила, у современных Кумме и Семне, Сенусерт III построил две сильные крепости, развалины которых сохранились до сих пор. Оборона границ требовала организации постоянного войска. Постоянное войско было необходимо фараонам также и для поддержания своей власти внутри страны. Такое войско было организовано из египетского населения; каким способом оно комплектовалось и на какие средства содержалось, мы не знаем.

Фараоны Среднего царства посылали также и торговые экспедиции, главным образом в Финикию — в Гебал и в самый северный финикийский город Угарит. Кроме того, в эпоху Среднего царства фараоны завязали торговые сношения со странами Эгейского моря. В эпоху Среднего царства торговля получила сравнительно с эпохой Древнего царства дальнейшее развитие, так как при XII династии существует уже значительный слой купцов и имеются торговые поселения.

§ 3. Общественные отношения в эпоху Среднего царства. В эпоху Среднего царства общественные отношения значительно усложнились и обострились. Основная масса египетского населения — общинное крестьянство — ничего не выиграла от ослабления гнета царских податей и повинностей, ибо в связи с установлением автономии номархов крестьяне оказались под двойным гнетом — царя и номархов. В связи с этим начинается резкое обнищание крестьянства. Жизнь общинников рисуется в литературных памятниках эпохи Среднего царства самой жалкой.

К хижине крестьянина подкрадывается голод, непосильный труд не может обеспечить ему существование. Все его грабят — отбирают у него продукты, которые он везет на рынок, его ослов, его ячмень, самого его нещадно бьют, запрещают ему кричать от боли. А когда крестьянин идет жаловаться на такой грабеж и обиды, то нигде он не может найти правосудия, даже у самого царя, которого он тщетно пытается тронуть своими жалобами.

Такая же горькая участь и у ремесленников: ткачей, кузнецов, каменщиков и рыбаков, — все они осуждены на беспросветную жизнь в тяжелом труде, бедности и голодании. Хорошо живется только царским чиновникам да писцам, которые составляют податные и рабочие списки и сопровождают сборщиков царских и местных податей и начальников работ на царя и номархов. При раскопках одного города эпохи Среднего царства в Фаюме, близ озера Мерис, около теперешнего города Кахуна, был обнаружен квартал бедняков, заселенный в древности мелкими торговцами, ремесленниками и другим рабочим людом. Жители этого квартала ютились в крохотных, жалких глинобитных хижинах, тесно скученных на небольшом пространстве. Соседние кварталы, где жили жрецы и чиновники, были застроены огромными домами по 50—70 комнат. Дома окружали усадьбы, на которых, вероятно, были сады и виноградники. Появление в городах большого числа ремесленников объясняется, несомненно, уходом из деревни на городские заработки обедневших общинников. Но и в городах трудно было найти заказы или работу, и потому в Египте стали появляться бездомные и безработные люди, жившие либо нищенством, либо разбоем. Весьма характерно, что квартал богатых людей в Кахуне был отгорожен от рабочего квартала толстой стеной и, несомненно, охранялся сильной военной стражей. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о напряженности общественной атмосферы в Египте эпохи Среднего царства. Рабовладельцы боялись восстания угнетенных крестьян, ремесленников и рабов. Они чувствовали, что почва под ними колеблется, что перестает действовать и преклонение перед «божественностью» власти фараона и страх перед самими богами. Ибо официальная религия с ее пышным культом и многочисленным жречеством была чужда народу и существовала также за счет подневольного труда крестьян и рабов и за счет обязательных налогов в пользу храмов.

Эта напряженная обстановка привела к падению XII династии. За ним последовала бурная эпоха восстаний крестьян, ремесленников и рабов, разгромивших и опрокинувших общественную и политическую систему Среднего царства.

§ 4. Восстание крестьян и рабов середины XVIII в. до н. э. Смуты начались сейчас же после смерти Аменемхета III (1801 г.), последнего крупного фараона XII династии. Два его преемника царствовали один 9 лет, другой — 4 года, и затем XII династия прекратилась. Последовал длительный период восстаний и междоусобиц, он продолжался около 80 лет. Мы не имеем об этом периоде

точных и подробных данных исторического содержания. Из отрывочных сообщений видно, что цари менялись очень часто, что был один царь, царствовавший всего три дня, что один царь назывался Мер-Мешу, т. е. командир-солдат. Состояние Египта в эту смутную эпоху описано в одном весьма подробном и красочном литературном памятнике — «Речении Ипувера», якобы произнесенном Ипувером перед царем. Автор речения раскрывает перед царем картину величайших бедствий, постигших Египет, по его мнению, в результате неправедного управления царя и забвения людьми страха перед богами и обязанностей, налагаемых религией. По языку это произведение относится к эпохе Среднего царства. Судя по тому, что автор упоминает о вторжении азиатов и их распространении в Дельте, оно появилось еще в начале вторжения «гиксосов», в конце правления XIII династии.

«Речение Ипувера» изображает картину массового восстания крестьян, ремесленников и рабов, охватившего весь Египет. Восставшие — это бедняки, люди, у которых ничего нет; они захватили царя, выгнали богачей-рабовладельцев из их дворцов, выбросили мумии фараонов из царских гробниц, заняли храмы и прекратили совершение там культов. Они завладели царскими, господскими и храмовыми закромами и все зерно, находившееся там, объявили общенародным достоянием. Восставшие поселились в домах господ, надели на себя их одежды и украшения, а их самих заставили на себя работать. По выражению Ипувера, «земля перевернулась, точно гончарный круг». Восставшие захватили судебную палату, уничтожили ее акты, выбросили на улицу свитки законов, уничтожили писцов учета урожая со всеми их списками. Дом царя остался без доходов, храмы остались без приношений. Все стремились разжечь гражданскую войну. Остается неясным, какая власть была организована вместо свергнутой власти фараонов. Ясно только, что единой власти это революционное движение не организовало и что в стране шла жестокая кровавая внутренняя борьба.

Этими обстоятельствами воспользовались азиатские кочевые племена, которые в 1710 г. завоевали весь Египет. Революционное движение было задушено. Завоеватели в египетских памятниках называются «гиксосами» — именем, которое греческие писатели толкуют «цари-пастухи». Столицей гиксосских царей был Аварис в Нижнем Египте. Все египетское население было обложено тяжелой данью; египетские крестьяне стали рабами чужеземных завоевателей. К местным вельможам гиксосы отнеслись терпимо; на юге и отчасти на севере они оставили управление прежним правителям, но под своим контролем. Храмы были разграблены, а некоторые разрушены. Гиксосы привели с собой лошадей, которых в Египте до этого не было; от них египтяне переняли колесницы и конницу. Господство гиксосов продолжалось около 150 лет и было свергнуто первыми фараонами Нового царства.

ГЛАВА XII

НОВОЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ

§ 1. Изгнание гиксосов и объединение Египта Яхмосом. Освободительное движение против гиксосов началось на юге, где власть гиксосских царей была слабее, чем на севере. Это движение было народным; его возглавили фиванские цари. На первых порах они не встретили поддержки со стороны других правителей юга; но, опираясь на народные ополчения, фиванские цари постепенно выполнили свою задачу, ведя одновременно борьбу с другими правителями и с гиксосами. В народной памяти сохранилось имя инициатора освободительной борьбы, фиванского царя Камесу. После многолетней борьбы освобождение и объединение Египта было завершено в 1560 г. фиванским царем Яхмосом. Он подчинил себе непокорных правителей юга, двинулся на север, разбил войско гиксосов, взял Аварис и изгнал гиксосов из Египта. С Яхмоса начинается XVIII династия, во время правления которой Египет достиг высшего могущества и наибольшего расцвета своей культуры.

Яхмосу удалось объединить Египет под своей властью не только формально, но и фактически, благодаря тому что в своей борьбе за освобождение и объединение Египта он нашел поддержку со стороны народа. В номах Яхмос оставил править только тех номархов, которые изъявили ему полную покорность, и оставил их не на правах наследственных правителей, а на положении подчиненных ему чиновников. Прочие номархи были заменены новыми из числа приближенных сановников Яхмоса.

Таким образом, с начала XVIII династии была восстановлена централизованная система управления Египтом, аналогичная той системе, какая существовала в эпоху Древнего царства.

Но в эту систему были внесены существенные изменения и улучшения. Вместо одного визиря Яхмос назначил двух — одного для юга и одного для севера; однако главным визирем остался один, визирь юга, которому должны были докладываться для разрешения все важнейшие вопросы, касающиеся севера. В канцелярии визиря юга, с многочисленным штатом чиновников и писцов, сосредоточивалось все центральное управление — административное, ирригационное, судебное, земельное, финансовое и военное; все ведомства и все местные государственные и общинные власти должны были представлять визирю периодические отчеты; он рассматривал жалобы и лично разрешал важнейшие судебные дела, земельные споры, утверждал завещания. Особенно важными были земельные дела, так как теперь все земли перешли опять под власть фараона как их верховного владельца.

Военная система была также преобразована и усилена. Яхмос не распустил свое войско, с помощью которого он подчинил правителей и разгромил гиксосов, но лишь сократил его численность и разместил его гарнизонами по всей стране. Солдаты были на полном содержании фараона, а чины командного состава, кроме того, получали небольшие земельные участки. Войско набиралось

из египетского населения — из крестьян, мелких и средних городских жителей. Желающих поступить на постоянную военную службу было много, так как в стране, разоренной смутами, грабежом гиксосов и войной, десятки тысяч людей лишились крова, имущества, хозяйственного инвентаря и земельных участков и не имели средств восстановить свое собственное хозяйство. Войско Яхмоса было верной опорой для его власти в Египте. Но опираясь на свое войско, Яхмос возобновил также военные походы за пределы Египта. Походы Яхмоса были началом великих завоевательных походов эпохи XVIII династии, приведших к образованию великой военной египетской державы.

§ 2. Завоевательная политика фараонов XVIII династии. Зарубежные походы Яхмоса преследовали захватнические и грабительские цели. Преследуя отступавших из Египта гиксосов, Яхмос прошел далеко в Азию, но подробности этого похода нам неизвестны. Лучше известен поход Яхмоса в Нубию, предпринятый им с целью восстановить власть Египта над прежними владениями фараонов в Нубии. Эта цель была достигнута при первых преемниках Яхмоса. Но последующие фараоны не останавливаются на этом. Они предпринимают ряд завоевательных походов в Палестину и Сирию с целью подчинить Египту финикийские и другие тамошние государства и получать оттуда золото, серебро, лес, вино, скот, рабов уже не в порядке торгового обмена, а в качестве дани — постоянно и огромными партиями. В этих походах более всего были заинтересованы рабовладельческие верхи общества Нового царства — фараон, его род и его сановники, жречество и военачальники. Рядовой состав египетской армии также был заинтересован в этих походах, поскольку каждый солдат получал свою долю военной добычи.

Завоевание Палестины и Сирии было нелегкой задачей. Оно было завершено лишь после ряда трудных походов, начатых преемниками Яхмоса. Окончательное завоевание Палестины и Сирии было достигнуто фараоном Тутмосом III (1525—1491 гг. до н. э.), крупнейшим египетским царем-полководцем.

Трудность завоевания Палестины и Сирии зависела от неблагоприятного для Египта распределения сил в этих странах. В Палестине в эту эпоху существовали мелкие семитские царства и княжества, не являвшиеся серьезными противниками. Но в Сирии, на Оронте, было сильное царство со столицей в Кадеше, господствовавшее в той самой плодородной и богатой части Палестины и Сирии, которая была целью египетских походов. За один поход завоевать и юг и север было невозможно. Завоевание юга, достигнутое уже в результате первых походов, было непрочным, так как при содействии царей Кадеша покоренные царьки и князья восставали против египетской власти, и приходилось вновь подчинять их. Тутмосу III пришлось сделать пять походов, чтобы более или менее надежно подчинить себе палестинских князей и финикийское царство Тира. Только после этого Тутмос мог начать

борьбу непосредственно с Кадешом. Шестой поход принес ему победу. Сильно укрепленный Кадеш после продолжительной осады и жестоких боев был взят и разрушен. Затем Тутмос III двинулся далее на север и в течение двух следующих походов дошел до Евфрата. Он достиг высшей точки своей славы. Тогдашний касситский царь Вавилона прислал ему дары, состоявшие из драгоценных камней. Из Малой Азии прислал дары хеттский царь. В Египет обильными потоками полились награбленные в Сирии и Палестине богатства.

Для характеристики размеров грабежа побежденных стран Тутмосом III достаточно привести хотя бы такие цифры: после похода против палестинского города Мегиддо Тутмос взял несколько тысяч рабов, 924 колесницы, 2238 лошадей, 2 тыс. голов крупного скота, 22 500 голов мелкого скота, более 113 тыс. мер хлеба, 200 комплектов воинского вооружения, около 200 *кг* золота и серебра. Кроме того, покоренные княжества и царства должны были платить фараону ежегодную дань.

Некоторая часть добычи отдавалась армии; но бóльшая часть ее и вся дань шла в распоряжение фараона, который распределял ее по своему усмотрению. В первую очередь награбленное добро, скот и рабы отдавались храмам, главным образом фивскому храму государственного бога Амона. По сообщениям тогдашних царских надписей, храм Амона после каждого похода получал из добычи по 1000—1500 рабов, затем «без числа» стада скота, груды золота, серебра и драгоценностей; кроме того, храм Амона получил в подарок часть горной области Ливана с тремя городами. Не менее богатые поступления шли в царские сокровищницы и закрома; в царское хозяйство поступали также тысячи рабов и тысячи голов скота.

Однако, несмотря на блестящие победы, Тутмос III не мог обеспечить себе прочную власть над Сирией и Палестиной. Дальность расстояния и пустынные пространства, отделявшие Палестину и Сирию от Нильской долины, затрудняли установление твердой власти фараонов и постоянного контроля над управлением. Время от времени для подавления восстаний приходилось организовывать новые походы. Под конец долгого царствования Тутмоса III против него вспыхнуло особенно сильное восстание, организованное кадешскими князьями. Для подавления его царь пошел в свой последний, семнадцатый поход в Азию, вторично взял Кадеш и восстановил свою власть. Но при его преемниках борьба возобновилась и не затихала.

Кроме азиатских походов, Тутмос III совершил поход за Нил на запад и подчинил себе часть Ливии. В конце своего царствования Тутмос совершил поход в Нубию и продвинул египетскую границу к югу до четвертых порогов Нила.

Так была создана Тутмосом III великая египетская военная держава. Она продержалась около 200 лет; но второе столетие ее существования прошло уже в жестокой борьбе за ее сохранение — борьбе, кончившейся ее крушением.

§ 3. Общественные отношения в Египте после завоеваний. Завоевания оказали весьма существенное влияние на общественные отношения в Новом царстве. На вершине общественной пирамиды выдвинулись в качестве руководящих сил две группы. Одну группу составило жречество. Оно не только чрезвычайно разбогатело на грабеже завоеванных стран и народов, но также усилило свое внутреннее влияние вследствие расширения земельных владений храмов. Значительная часть земель, принадлежавших ранее наследственным номархам, была отдана храмам со всем сидевшим на этих землях населением. Таким образом, храмы сделались крупными землевладельцами. Больше всего выиграло фиванское жречество храма Амона. Этот храм получал постоянно все новые и новые земли. Тутмос III дал Амону «поля и сады самые лучшие в Верхнем и Нижнем Египте, высоколежащие поместья пленных азиатов и негров, которые должны были наполнять амбары бога». Таким путем храм Амона получил в свое владение и распоряжение земли, рабов и крестьян больше, чем все прочие египетские храмы вместе взятые. Это выдвижение храма и жречества Амона имело огромное значение и сыграло весьма важную роль в дальнейшем ходе социально-политической истории Египта.

Другую руководящую группу составило вновь образовавшееся военное сословие. Оно состояло из лиц высшего и среднего командного состава. Лица высшего командного состава выдвигались фараонами на руководящие должности центрального управления и царского дворца и потому имели возможность оказывать свое влияние и на внутреннюю политику фараонов. Лица среднего и отчасти младшего командного состава получали за службу земельные участки и в силу своей многочисленности составляли важную опору царской власти. Естественно, что фараоны чутко прислушивались к их желаниям.

Положение крестьянства по существу не изменилось. Общинники попрежнему были обременены налогами и работами в пользу царя и храмов. Тягость этого ярма в связи с завоеваниями еще больше увеличилась, так как возобновилось в широких размерах храмовое и царское строительство.

Перестраивались и расширялись храмы Амона в Фивах, строились новые храмы на юге Египта и в Нубии, расширялись и перестраивались и другие храмы. Для себя фараоны строили новые дворцы и роскошные гробницы, которые теперь устраивались в пещерах, вырубавшихся в горных скалах невдалеке от Фив.

Это строительство украсило Египет огромными, великолепными и высокохудожественными сооружениями. Их развалины еще и теперь вызывают восхищение посетителей. Но для египетского крестьянства Нового царства это строительство было сопряжено с тяжелым принудительным трудом. Царские налоги выколачивались также с прежней беспощадностью.

Число рабов в Египте значительно увеличилось за счет военнопленных и покоренных народов. Точную численность рабов уста-

новить нельзя, но во всяком случае общее их количество исчисляется десятками тысяч. Распределены рабы были неравномерно. Они сосредоточивались преимущественно в царском и храмовом хозяйстве. Как и прежде, рабы главным образом работали в подсобных отраслях производства: в рудниках, на производстве кирпичей, на переноске тяжестей, для обслуживания культа и в садоводстве и не принимали участия в основном земледельческом производстве.

В связи с завоеваниями расширилась также внешняя торговля Египта. Она была монополией фараонов и жрецов Амона. Торговля велась посредством организации торговых экспедиций, теперь уже только на юг, в Пунт, и на острова Эгейского моря, так как после завоевания Палестины и Сирии все, что хотели получить оттуда фараон и жрецы, получалось в форме ежегодной дани. Только финикийский Тир сохранил право торговли с Египтом.

На юг были совершены две большие экспедиции, одна — царицей Хатшепсут, сводной сестрой и женой Тутмоса III, занимавшей престол до своей смерти одновременно с ним, и другая — самим Тутмосом III. Особенно крупной была экспедиция Хатшепсут, доставившая большие партии слоновой кости, благовонных смол, черного дерева, серебра, золота, миртовых деревьев, обезьян, собак и рабов.

Награбленные богатства фараоны и храмы обменивали на товары, привозившиеся в Египет царскими купцами из Вавилона, с Кипра, Крита и других островов Эгейского моря. Эти купцы были обязаны, в первую очередь, предлагать свои товары фараону и «богу Амону» и только остатки могли продавать кому угодно. Таким положением дела были недовольны жрецы других храмов, а также египетские купцы, число которых в эпоху Нового царства значительно увеличилось.

Таким образом, в египетском обществе со времени Тутмоса III постепенно усиливаются противоречия не только между рабовладельцами и трудящимися, но и внутри самой группы рабовладельцев. Обстановка особенно усложнилась и обострилась при втором преемнике Тутмоса III — Аменхотепе IV. При нем развернулась борьба, которая потрясла весь Египет.

§ 4. Религиозная реформа Эхнатона и социально-политическая борьба вокруг нее. При преемниках Тутмоса III, Аменхотепе III и Аменхотепе IV, постепенно назревает кризис египетской военной державы. В завоеванных странах Азии началась внутренняя борьба между отдельными князьками, и в то же время из Аравии стали вторгаться туда кочевые племена, называемые в донесениях фараону именем «хабиру», т. е., вероятнее всего, еврейские племена, а в Сирию стали проникать хетты. Не имея в своем распоряжении достаточных воинских сил, наместники фараона не могли ни унять ссорившихся и воевавших друг с другом царьков, ни остановить вторжения хабиру. Фараоны также не могли помочь делу, ибо свободные людские резервы и земельные фонды для содержа-

ния воинов в Египте уже иссякали, а послать в Сирию стоявшие в Египте войска фараоны не решались вследствие напряженной обстановки, создавшейся в самом Египте.

Со времени царицы Хатшепсут жречество Амона начинает стремиться к руководящей роли в государстве. При Хатшепсут верховный жрец Амона был одновременно и визирем. Тутмос III, который был сыном Тутмоса I от неизвестной наложницы, не имел прямого права на занятие престола и был зачислен в число жрецов храма Амона. Еще при жизни отца он вступил в брак со своей сводной сестрой Хатшепсут (от законной жены Тутмоса I), а затем жрецы Амона подстроили «явление бога Амона», якобы избравшего Тутмоса царем вместо еще живого Тутмоса I. Таким образом, Тутмос III был креатурой фиванского жречества и потому всячески содействовал обогащению жречества Амона и возвышению культа этого бога. Амон был объявлен государственным богом, якобы расширившим свою власть и господство вплоть до Евфрата; в честь его было выстроено несколько храмов в Сирии. После смерти Тутмоса III до конца царствования Аменхотепа III жречество Амона сохраняло свое руководящее влияние. При Аменхотепе III один верховный жрец Амона был визирем, а другой — главным казначеем. Но уже в конце царствования Аменхотепа III в разных слоях египетского общества обнаружилась оппозиция против такого привилегированного положения жречества Амона. На сторону оппозиции стал Аменхотеп IV (1424—1388), который при ее помощи попытался уничтожить зависимость царской власти от жречества Амона и сосредоточить всю полноту не только государственной, но и религиозной власти в своих руках.

Осуществление цели, поставленной Аменхотепом IV, не могло быть проведено без религиозной реформы. Сначала Аменхотеп IV пытался выдвинуть в противовес Амону древнего бога — пользовавшегося широкой популярностью бога солнца Ра. Аменхотеп IV объявил себя верховным жрецом бога Ра и начал постройку храма ему в Фивах. Однако против этой реформы решительно выступили жрецы Амона; кроме того, оно было встречено с неудовольствием также жрецами бога Пта в Мемфисе, которые считали, что первое место в египетском пантеоне должно принадлежать их богу Пта как верховному разуму и строителю вселенной, творцу богов и людей. Эти обстоятельства заставили Аменхотепа IV окончательно порвать с жречеством и культом Амона; в то же время ему стало ясно, что в качестве единого верховного бога Египта нельзя выдвигать какого-либо традиционного бога, но надо выдвинуть нового бога.

В качестве такого нового бога Аменхотеп IV провозгласил само солнце и назвал его Атон, т. е. солнечный диск. Установление государственного культа солнца-Атона Аменхотеп IV мотивировал тем, что солнце светит и греет над всем миром и что поэтому оно и является господином и источником жизни во всем мире, от Нила до Евфрата, от моря до безграничных пустынь Аф-

рики. Аменхотеп IV провозгласил, что Атон сам «открылся ему, поверил ему свои замыслы и облек его своей силой». Царь переименовал себя в Эхнатона («угодный Атону» или «полезный Атону», т. е. слуга Атона) и дал приказ о служении Атону во всех египетских храмах. Но как и следовало ожидать, жречество отказалось исполнить это распоряжение. Тогда Эхнатон приказал закрыть все храмы и стал строить по всему Египту храмы Атону. Сам он решил уехать из Фив и построить себе новую столицу в 300 *км* к северу от Фив, примерно на полпути от Фив до Мемфиса, он назвал ее Ахетатон, т. е. «горизонт Атона». Там был сооружен главный храм Атону, а верховным жрецом Атона стал сам фараон.

Производя такой кардинальный переворот в религии, Эхнатон рассчитывал на поддержку с двух сторон. Во-первых, он ожидал, что его реформу поддержит египетское крестьянство, жестоко эксплуатируемое жречеством Амона и других богов. Во-вторых, он рассчитывал, что проведение единого культа Атона поможет укрепить политическое влияние Египта и власть фараона в подвластных ему странах — Нубии, Палестине и Сирии. Он полагал, что подчиненные ему народы охотно примут простой и понятный всякому человеку культ солнца как единого бога. Эхнатон объявил Атона единым богом не только Египта, но и всего света и составил гимн Атону, в котором говорилось, что Атон создал весь мир, восходит над всеми странами и посылает жизнь всем народам.

Однако расчеты Эхнатона оказались ошибочными. Старое жречество не сдалось и, оставив на время свои богословские споры и борьбу за влияние, единым фронтом начало борьбу против Эхнатона. Фараон нашел опору в своем войске, которое выиграло от религиозной реформы, так как царь отобрал в казну земли, пожалованные ранее храмам, и роздал часть их командным чинам. Жречество также искало поддержки и нашло ее в других слоях египетского общества. Его стали поддерживать уцелевшие представители прежних наследственно правивших номами родов. Но важнее всего был тот факт, что на защиту традиционной религии поднялись крестьяне. Унифицируя культ, Эхнатон уничтожил храм и культ Осириса и заменил его культом Атона. Но культ Осириса был всенародным земледельческим культом; с его ликвидацией положение крестьянства не изменилось к лучшему. Жрецы подогревали народное недовольство. Они распространяли «пророчества» о гневе богов на Египет и о предстоящих бедствиях неурожая, голода и болезней, которые боги якобы пошлют теперь на Египет в наказание за нечестивые деяния Эхнатона.

Против Эхнатона началось народное восстание. Эхнатон подавил его при помощи своих солдат. Вскоре после этого он умер, и реформа его повисла на волоске. Причину неудачи реформы Эхнатона надо искать в том, что он, как высокоодаренный реформатор, был одиночкой. Он был первым и единственным на древнем Востоке мыслителем, поднявшимся в области религии

до единобожия; но реформируя религию, он ничем не облегчил жизнь масс. Утопив восстание в крови, Эхнатон только ускорил гибель своего дела.

Эхнатон оставил своему преемнику расстроенное царство. Внутри шли смуты, в азиатские владения все глубже и глубже просачивались племена хабиру, северную Сирию заняли хетты, и один за другим стали отпадать от Египта тамошние царьки. После смерти Эхнатона, через три-четыре года, второй его преемник, Тутанхатон, вынужден был пойти на соглашение с жречеством Амона. Он вернулся в Фивы и изменил свое имя на Тутанхамон. После его смерти начались престолонаследные и внутренние смуты, продолжавшиеся около 25 лет. Они были ликвидированы одним из военачальников египетского войска, Хоремхебом, происходившим из древнего знатного рода. При содействии жрецов Амона он был возведен на престол и основал XIX династию. Хоремхеб принял ряд энергичных мер для восстановления внутреннего мира и произвел полную религиозную реставрацию. Он предал проклятию Эхнатона; имена Эхнатона и Атона сглаживались из надписей, жители Ахетатона были оттуда выселены, и город был предан запустению и разрушению. Храму Амона были возвращены все его земли; во всех египетских храмах были восстановлены культы прежних богов.

§ 5. Египет в эпоху XIX династии и падение Нового царства. В правление XIX династии, длившееся около 145 лет, в Египте шли параллельно два процесса: ослабление власти фараонов, с одной стороны, и дальнейшее усиление фиванского жречества — с другой. Фараоны XIX династии продолжали систематически приносить Амону огромные дары всякого рода ценными материалами, рабами и землей. Рамсес II в своей надписи говорит, что при нем количество храмовых полей было удвоено, а амбары были наполнены доверху, «кучи зерна возвышались до неба». В меньших размерах получали дарения также храмы Ра в Оне и Пта в Мемфисе. Должность верховного жреца становится теперь наследственной, «переходит от отца к сыну вечно». Если раньше верховный жрец Амона считал себя формально подчиненным царю, то теперь он считает себя поставленным самим Амоном и независимым от царя. Возвышение верховного жреца Амона особенно наглядно выступает в факте передачи в его ведение всех золотоносных областей в Нубии.

Основное внимание фараонов XIX династии было направлено на восстановление египетского владычества в Сирии и Палестине, а также и в южной Нубии, где при Эхнатоне начались восстания. Из фараонов XIX династии на этом поприще выдвинулись Сети I и Рамсес II. Они опирались уже не на египетские, а на наемные войска из ливийцев и сирийцев, на оплату и содержание которых пошли скопленные ранее огромные фонды зерна, золота и серебра. Переход к системе наемного войска свидетельствовал также о том, что набор войска из египтян стал уже затруднительным и что еги-

петское трудовое население было враждебно настроено по отношению к власти фараонов и жречества.

Сети I удалось восстановить власть Египта над Тиром, отпавшим от Египта при Эхнатоне, и восстановить морское сообщение с Сирией, а затем вновь завоевать северную часть Палестины и Ливанскую область. Он построил там несколько крепостей и создал базу для дальнейшего продвижения на север. Эту задачу пытался выполнить преемник Сети I, Рамсес II (1317—1251 гг.) — последний блестящий представитель египетских фараонов. Задача, стоявшая перед Рамсесом II, была весьма трудной, так как к этому времени почти вся Сирия была уже захвачена сильным и воинственным врагом — хеттами из Малой Азии. Первый поход Рамсеса II кончился неудачно: под Кадешом войско Рамсеса потерпело поражение, и сам царь едва не попал в плен (1312 г. до н. э.). Второй поход был удачнее: Рамсесу II удалось продвинуться до верхнего течения Оронта и закрепиться там. В это время в Хеттском царстве началась междоусобная борьба за царский престол, и поэтому хеттский царь Хаттушиль заключил с Рамсесом II мир (1296 г.), по которому обе стороны обязывались жить в мире и помогать друг другу в случае нападения врага на какую-либо сторону. Договор был закреплен браком Рамсеса II с хеттской царевной. Но эта победа не обеспечила прочной власти Египта в Сирии. При преемниках Рамсеса II опять начались восстания сирийских и палестинских князьков, в Палестину и Сирию вторгаются новые волны племен из Аравии, а также дружины племен с островов Эгейского моря (так называемые «морские народы»). В половине XII в. Сирия и Палестина окончательно отпали от Египта.

После смерти Рамсеса II ослабляется власть фараонов и в самом Египте. Только его непосредственному преемнику фараону Мернепта еще удавалось поддержать свою власть, но после него в стране начались смуты и анархия: «каждый делал, что хотел», и в номах стали полновластно распоряжаться отдельные сановники. Пользуясь этим, власть над Египтом захватил Ирсу, «некий сириец», вероятно, начальник сирийского наемного войска. Он обложил страну данью и грабил население. Анархия продолжалась около пяти лет, пока одному из членов рода XIX династии, Сетнахту, не удалось разбить сирийца и восстановить порядок.

Сетнахт основал XX династию; фараоны этой династии продолжали прежнюю политику покровительства храму Амона и безуспешно пытались бороться с сепаратистским движением в азиатских владениях. Но к этому времени уже сильно давало себя знать оскудение прежних огромных богатств и запасов продуктов, дело доходило до того, что крестьяне, сгоняемые на царские работы, вынуждены были восставать из-за невыдачи им содержания. Упоминаются два таких восстания, происходивших на работах при фиванских храмах. Восставали и крестьяне на местах, жалуясь

на то, что в стране царствует голод и творится зло. Власть фараонов все более слабела, в то время как власть верховного жреца Амона, напротив, все более усиливалась. В середине периода XX династии под властью жрецов бога Амона было уже около 90 тыс. населения Египта и 8 тыс. рабов; у верховного жреца Амона было свое войско и свой многочисленный хозяйственный и административный аппарат.

Параллельно с ослаблением деспотической власти фараонов происходит усиление местной знати — жрецов, крупных чиновников, купцов. Растет частное землевладение на основе скупки земель у разорившихся крестьян и открытого захвата крестьянских земель. В результате этого процесса происходит быстрое разложение сельских общин и порождается право частной земельной собственности. Все более частыми становятся восстания крестьян, к которым обычно присоединялись и рабы.

§ 6. Ливийско-Саисский Египет. Ослабление центральной части вновь привело к временному распаду Египта. В 1071 г. верховный жрец Амона Херихор свергнул фараона Рамсеса XII и провозгласил себя фараоном. Так началась XXI династия. Между тем, Херихору не подчинялись северные номархи, там появились свои фараоны. Однако и они не располагали твердой властью. В 941 г. Египет вновь был объединен, но под властью иноземцев, сначала (с половины X до конца VIII в.) под властью ливийской династии, основанной начальником ливийских войск Шешонком, а затем под властью эфиопской династии из Нубии, которая в середине VIII в. отложилась от Египта. Именно около 736 г. нубийский царь Пианхи завоевал Египет. Эфиопское господство просуществовало до 671 г., когда Египет был завоеван Ассирией.

Ассирийская власть продержалась всего двадцать лет. Пользуясь восстаниями Вавилонии против ассирийской власти, князь Саисского нома в Дельте Псаметих, выходец из знатного ливийского рода, освободился от подчинения Ассирии (около 650 г.) и, объединив под своей властью весь Египет, начал последнюю династию. На 125 лет Египет вернул себе в последний раз независимость.

Саисские фараоны правили в такое время, когда Ассирийская военная держава находилась в состоянии упадка, но зато им грозила другая опасность — со стороны сильного халдейского Вавилона. Поэтому они заключили союз с Ассирией, чтобы помочь ей в борьбе с Вавилоном. Фараоны организовали большое наемное войско из египетских и греческих наемников и продвинулись в Палестину и Сирию вплоть до Ливана. Однако Навуходоносор разбил союзные войска фараона и ассириян под Кархемышем, и, таким образом, попытка саисских фараонов восстановить прежнюю великую египетскую державу не удалась.

Эпоха саисской династии была временем расцвета египетской торговли и нового подъема египетской культуры. Главное значение имело расширение торговли с греческими городами-

государствами и возникшие в связи с этим культурные связи. Высшей точки этот подъем достиг при крупнейшем фараоне саисской династии Нехо (611—595). В это время в Дельте уже существовал ряд торговых греческих поселений, крупнейшим из которых был Навкратис. Кроме того, Нехо возобновил торговые сношения с Пунтом, начал постройку канала для соединения Красного моря с Средиземным, заключил договор с халдейским Вавилоном. Но когда через 50 лет после Нехо начала свое завоевательное движение основанная Киром Персидская держава, Саисское царство быстро рухнуло. В 525 г. Египет был завоеван Камбизом и с тех пор надолго утратил независимость.

ГЛАВА XIII

ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Общие черты египетской культуры. В течение своей долгой истории египетский народ, начиная с конца V тысячелетия до н. э., создал великую культуру. В некоторых отношениях египетская культура стоит выше культуры Двуречья. Это сказывается особенно в области литературы и искусства. В то время как в Вавилонии литература не могла оторваться от религиозной основы, в Египте, наряду с религиозной литературой, была создана светская художественная литература. То же самое различие мы встречаем до известной степени и в изобразительном искусстве. Кроме того, и в архитектуре, и в скульптуре, и отчасти в живописи египетские художники создали такие высокохудожественные произведения, какие до сих пор могут считаться образцовыми, подобно творениям древнегреческих мастеров.

Причины этого различия заключаются в более благоприятных условиях жизни египетского народа сравнительно с жизнью вавилонского народа. Во-первых, Египет не страдал так жестоко от иноземных опустошительных вторжений, как Двуречье, вследствие чего и египетский народ все время сохранял свою целостность и самобытность. Поэтому в литературе и искусстве могли создаться прочные преемственные творческие традиции. Во-вторых, сказывалось также известное влияние природных условий Египта и его географического расположения. Многочисленные экспедиции как по Нилу, так и морские, с их опасностями и приключениями, питали художественное воображение и фантазию, расширяли кругозор людей и способствовали развитию светской литературы. С другой стороны, обилие строительного и скульптурного камня в Египте, а также таких материалов для художественных изделий, как золото, черное и красное дерево, слоновая кость, способствовали росту и успехам архитектуры, скульптуры и художественного ремесла.

Было бы неправильно считать египетскую культуру культурой исключительно рабовладельческих верхов. Бесспорно, что авторы

египетских новелл, приключенческих повестей, любовной лирики были, по всей вероятности, выходцами из рабовладельческой среды и писали свои произведения для сановных и придворных кругов и для самого фараона. Но первоначальными образцами им служили произведения богатого египетского фольклора. Вся основа египетского изобразительного искусства зиждилась на традициях народного искусства, восходивших еще к эпохе родоплеменного быта. Многочисленные памятники этого искусства были творениями мастеров из народа. Поэтому мы имеем полное право считать, что в создании египетской культуры принимал участие весь египетский народ.

§ 2. Египетская религия. В египетской религии мы встречаем такое же раздвоение, как и в вавилонской. С одной стороны, ярко выступают культ великих богов и связанная с ними мифология, проникнутая жреческими спекуляциями. С другой стороны, мы имеем целый ряд данных о существовании народной земледельческой религии с ее обрядами и мифами. Между той и другой религией есть известная связь, главным образом по линии земледельческих мифов и обрядов.

В каждом номе был свой местный бог или пара богов; их историю можно проследить вглубь вплоть до ранней поры родового быта, ибо неизменно и прочно сохранялась связь номовых божеств с древними тотемами. Местный бог связывался с определенным животным, и многие номы даже назывались по имени животных: ном крокодила, ном антилопы, ном барана, ном сокола, зайца и т. д. Во многих номах сохранялся и непосредственный культ животных, как, например, культ быка Аписа в Мемфисе, соединявшегося с богом Пта, культ сокола Гора в Тинисе, культ кошки в Бубасте, при храме богини Бастет, коровы в Дендере, при храме богини Хатор; сохранялся обычай изображать богов и богинь в виде животных или с головами животных. В этом отношении официальная религия смыкалась с народной, ибо Геродот рассказывает, что почитание животных было в Египте общераспространенным обычаем. Можно легко проследить связь Осириса, Гора и других богов с древними родоплеменными божествами.

Не все божества номов пользовались одинаковым почетом. Лишь божества наиболее крупных, пользовавшихся политическим влиянием номов можно называть общеегипетскими. Такими были Пта в Мемфисе, Ра—в Оне (Гелиополе), Осирис — в Абидосе, Гор — в Тинисе, Амон — в Фивах, богини Хатор — в Дендере, Бастет — в Бубасте, Исида, супруга Осириса, и др. Некоторые из божеств наделялись функциями, восходящими к глубокой древности, как Ра, бог солнца, Осирис и Исида, божества растительности и земного плодородия, Хатор, богиня любви и радости; эти божества сохраняли свое место и в народной религии. Другие божества были наделены функциями богословско-жреческого происхождения: так, Пта был провозглашен создателем мира, богов и людей, Гор получил функцию солнечного бога и сына

Осириса и Исиды, Хатор получила дополнительную функцию богини-воительницы, Осирис — функции бога мертвых, их судьи и царя, и т. д. При этом в жреческих спекуляциях не было какой-либо единой системы; египетская официальная мифология была запутана, противоречива. В жреческой среде не было достигнуто единого мнения и о верховном египетском божестве. Как уже было сказано, ранг такого бога присваивался и богу Пта, и богу Ра, и богу Амону. В разных храмах составлялись разные теогонии (учения о происхождении богов), выдвигались свои «триады» и «эннеады» (тройки и девятки) первых великих богов. Единственная попытка создания единого культа верховного египетского бога была предпринята Эхнатоном, но, как известно, успеха не имела.

Основным общенародным культом был культ Осириса и Исиды. Осирис считался богом растительного мира. Его культ развился из доанимистического мифа о живом жите: в «Книге мертвых» Осирис называет себя зерном и ячменем. Мифология Осириса тесно связана с этим древнейшим мифом: Осирис сходит под землю, лелеет там ростки растений и затем вновь выходит на землю с первыми побегами злаков и винограда. Исида — его супруга; она ищет его, когда он уходит с поверхности земли, воскрешает его и торжествует вместе с ним. Этот миф в жреческой среде получил специальное драматическое развитие: Осириса убивает и рассекает на части бог Сетх, затем сын Осириса Гор убивает Сетха и воскрешает отца. В жреческой среде Осирис был провозглашен также царем и судьей мертвых. Но в народной среде развитие мифа об Осирисе шло по первоначальному направлению связи Осириса с земледелием. Его стали считать первым царем Египта, научившим людей земледелию. Культ Осириса в народной религии соединялся с двумя основными моментами земледельческих работ — посевом и жатвой. Пахота начиналась обрядом священной вспашки: ее производил в присутствии всей общины жрец, изображавший Осириса. Во время жатвы совершались обряды, связанные с мифом об умирании Осириса и схождении его под землю. В Абидосе, где сосредоточивался официальный культ Осириса, эти народные обряды были преобразованы в торжественные драматические мистерии, совершавшиеся с необычайной пышностью.

Не менее широко, чем в Двуречье, были в Египте распространены магические поверия и обряды. Они разделялись и культивировались также и жречеством больших храмов. Жречество особенно тщательно разработало магию, связанную с погребальным культом и с представлениями о загробной жизни, широко использовав при этом традиционные народные представления и магические формулы, восходящие к эпохе первобытной религии. Сводом всего этого магического материала была «Книга мертвых» — обширное произведение, составленное в эпоху Нового царства на основе более ранних жреческих записей этого рода. При погребении царей и сановников свитки «Книги мертвых» клались в гробницы в качестве своего рода путеводителя для мертвеца на том свете.

§ 3. Египетская письменность. Письменность в Египте появилась очень рано, еще в конце V тысячелетия до н. э. Древнейшая система письма была пиктографической по форме и идеографической по значению: знаки в форме рисунков обозначали целые понятия и даже, может быть, краткие фразы. Эта форма знаков сохранилась в Египте до самого конца его древней истории; но с течением времени значение знаков изменилось и вместе с тем рядом с древними формами знаков появились знаки упрощенной

формы, более удобной для скорописи. Древнейшие знаки, называемые обычно греческим термином «гиероглифы» (иероглифы), стали применяться только для письма на камне, а на «папирусе» (египетский сорт бумаги, сделанной из растущего по берегам Нила растения — папируса) стали писать упрощенными знаками, известными под греческим термином «гиератических» письмен. Эти последние получили по форме дальнейшее упрощение в эпоху эфиопской династии; создавшиеся таким образом знаки известны под греческим названием «демотических» письмен.

Гиероглифов насчитывается около семисот; с течением времени их значение видоизменялось и сокращалось число наиболее употребительных знаков. Уже в эпоху первых двух династий большая часть гиероглифов приобрела слоговое значение и были выделены 24 знака, обозначавшие согласные звуки. Эти 24 знака и несколько десятков других наиболее употребительных гиероглифов слогового и идеографического значения, всего до 70 знаков, и составили основу египетского письма. Соответствующие гиератические знаки имели такое же значение. Таким образом, египетская система письма по своему характеру была такой же сложной, как и вавилонская клинообразная система. Однако она была значительно легче для изучения и пользования, так как количество основных наиболее употребительных знаков было в ней невелико.

Египетское письмо получило большое историческое значение. Знаки египетского гиератического письма во второй половине II тысячелетия до н. э. послужили одним из оснований для создания в Гебале финикийского алфавитного письма, заключавшего в себе только 24 знака. Финикийский алфавит распространился в Палестине и Сирии, а затем через посредство финикийских купцов был усвоен латинянами (римлянами) в Италии и греками в бассейне Эгейского моря. Латинский (римский) алфавит перешел в начале средних веков к западноевропейским народам, а греческий алфавит послужил в ту же эпоху основой для составления славянского алфавита.

§ 4. Египетская литература. К эпохе Древнего царства относятся произведения главным образом религиозной литературы. Главнейшими ее памятниками являются магические тексты, начертанные на стенах пирамид, гробниц и саркофагов. Эти тексты играли в погребальном культе ту роль, какую впоследствии играла «Книга мертвых». Но надо полагать, что уже в эпоху Древнего царства стали слагаться храмовые ритуалы драматических священнодействий на праздниках Осириса и других богов и гимны в честь великих богов. Такие ритуалы и гимны дошли до нас из эпохи Среднего и особенно Нового царства. Из них особенно выделяются по литературным достоинствам гимн в честь бога Амона и составленный Эхнатоном гимн в честь бога Атона. Очень интересен так называемый гимн Осирису. Он начинается прославлением Осириса, а затем в нем излагается ритуал главного праздника в честь Осириса, сопровождающегося драматической мистерией, в которой действуют «враг» Осириса, Исида, рождающая Гора, Гор, девять великих богов и другие боги. В эпоху Нового царства жрецами главнейших храмов составляются богословские трактаты, в которых излагаются теогонические и космогонические спекуляции различных жреческих школ, соперничавших и споривших одна с другой.

Начатки светской литературы имеются уже в эпоху Древнего царства. Образцами ее являются надгробные надписи, в которых от имени умершего сановника излагается его биография. Древнейшие биографии из эпохи III династии еще носят характер сухих, кратких перечислений владений, должностей и главнейших заслуг погребенного сановника. Но уже в эпоху VI династии эти надгробные биографии составляются в стиле подробных повествований, иногда обладающих крупными художественными достоинствами. Такова биография сановника Уны, который служил трем первым фараонам VI династии, ходил в первый поход против азиатских кочевников, был правителем юга, совершал экспедиции по Нилу в южные каменоломни и в страну негров. Изложение этой автобиографии живое, наглядное и пересыпано даже стихами. Выработался специфический стиль таких биографий, со стандартными оборотами речи, особенно при восхвалении умершего. Несколько выдающихся повествований выделяется в числе многочисленных биографий сановников Среднего и Нового царства; из них следует упомянуть биографию Ментухотепа, сановника времени Сенусерта I, и сановников Нового царства Яхмоса, служившего фараонам Яхмосу и Аменхотепу I, Рехмира и Иниотефа, служивших Тутмосу III. В биографии Рехмира дается, между прочим, прекрасное изложение прав, обязанностей и методов управления визиря Нового царства.

В эпоху Нового царства получают литературное и иногда подлинно художественное оформление царские надписи, повествующие о походах, завоеваниях и постройках фараонов. В этом отношении выделяются «Анналы» Тутмоса III и в особенности надпись Рамсеса II о его походе на Кадеш; о битве при Кадеше составил целую поэму придворный поэт. И в надписи и, особенно, в поэме поражение Рамсеса превращено в его победу; поэтому оба эти произведения являются и по содержанию литературными, а не документальными памятниками.

В эпоху Среднего царства начинают появляться уже чисто литературные произведения, рассчитанные на круг читателей из среды жречества, аристократии и царского двора. Эта литература достигает уже в эпоху Среднего царства высокого уровня как по форме, так и по содержанию; период ее расцвета продолжается и в эпоху Нового царства. В ней представлены все основные литературные жанры: и поэзия, и проза. Из области поэзии до нас дошли изящные произведения любовной лирики, застольные песни, басни, сатирические стихотворения. Первые чисто литературные повествовательные произведения появляются в сказочном стиле, в виде повестей и рассказов о чудесах царских магов и о чудесных приключениях путешественников в южные и азиатские страны. Выдающимися произведениями этого рода являются две повести. Одна из них, эпохи Среднего царства, дает короткий, но чрезвычайно красочный рассказ о путешествии в страну Пунт казначея Аменемхета II — о постигшем его кораблe-

крушении, о его жизни у змея, царя острова, на который он был выброшен волною, о чудесном возвращении в Египет. Другая повесть появилась в эпоху Нового царства и рассказывает о ссоре двух братьев, вследствие которой младший брат бежал в Азию и пережил там чудесные приключения. В этой повести автор использовал мотивы египетских мифов о богах.

Но в эту же эпоху появляются повести и вполне реального содержания. Классическим произведением этого рода является повесть о приключениях сановника Синухета, попавшего в начале царствования Сенусерта в опалу и бежавшего в Сирию. Там Синухет провел несколько лет среди одного из семитских племен, служил вождю племени и картинно описывает быт и нравы этого племени. Затем он получает разрешение вернуться в Египет, является к фараону, который встретил его милостиво и осыпал почестями. В эпоху Нового царства широко распространяются художественные сказки, в которых обрабатываются народные сказочные сюжеты. Из многочисленных сказок одной из лучших является сказка о царевиче, которому при рождении была предсказана ранняя смерть. Чтобы избегнуть своей судьбы, царевич едет в далекие страны, после ряда опасностей и приключений женится на иноземной царевне, которая спасает его от смерти, убив змею, подбиравшуюся к нему ночью.

Еще в эпоху Древнего царства существовала в Египте поучительная литература. Произведения этого жанра создавались или в форме прямых поучений, или в форме пророчеств. В поучительной литературе перед нами выступает мораль рабовладельческих верхов египетского общества. Характерной чертой некоторых поучений является пессимизм, проистекающий из пресыщения жизнью и отсутствия каких-либо ясных целей и идеалов человеческого существования. В этом отношении обнаруживается полное сходство с настроениями вавилонского «Разговора господина с рабом».

§ 5. Изобразительное искусство и архитектура. Изобразительное искусство древнего Египта представлено в трех его основных формах: скульптуре, рельефе и живописи, последней — в форме фрески. Оно достигло высокой степени развития уже в эпоху Древнего царства, хотя еще не во всех своих жанрах.

В эпоху Древнего царства значительного художественного уровня достигла скульптура. Художники создали ряд статуй царей и сановников, царей обычно — в сидячем виде. Пропорции и линии человеческого тела хорошо соблюдены, но замечается некоторая связанность фигур, нарушающая чувство естественности в посадке или в стоячем положении тела. Эти статуи называются портретами, в том смысле, что каждый изображенный персонаж имеет свое индивидуальное лицо, несомненно, отвечающее оригиналу. Лучшими образцами считается сидячая статуя фараона Хафра, стоячая статуя жреца Ранофра и знаменитая статуэтка сидящего писца.

Рельефные изображения в эту эпоху получили весьма широкое распространение, главным образом в гробницах. Сюжетами для этих изображений являются сцены из жизни и из хозяйственных работ во владениях умершего. Этим изображениям приписывалось магическое значение — обеспечить умершему в загробном мире такую же жизнь, как и на этом свете. Рельефные изображения страдают традиционным отсутствием перспективы и схематизмом в изображении людей и сцен. Люди изображаются неестественно: головы — в профиль, торс — передом, ноги — боком, идущими. Но характерно, что изображения птиц и животных отличаются своей реальностью. Нередко рельефные изображения раскрашивались: египетские мастера умели делать чрезвычайно прочные краски, сохранившие свою яркость и свежесть до нашего времени. Таким образом, в эпоху Древнего царства рельефная скульптура и живопись еще были соединены одна с другой.

В эпоху Среднего царства скульптура и рельеф достигли еще более высокого уровня, и рядом с раскрашенным рельефом появилась настоящая настенная живопись, которая дала высокохудожественные образцы пейзажа, портрета, бытовых и военных сцен. Еще более высокого мастерства достигли художники эпохи Нового царства. В статуях этой эпохи уже нет прежней связанности и неподвижности; появляются также прекрасно сделанные бюсты. Наиболее крупными скульптурными произведениями эпохи Среднего и Нового царства считаются статуи Аменемхета I и Рамсеса II и голова жены Тутмоса III. В рельефе выделяются чрезвычайно тонкие и сложные композиции сцен из экспедиции Хатшепсут в Пунт, композиции сцен, изображающих сражение Рамсеса II под Кадешом, и эпизоды из боевых операций Сети I. Живопись также делает большие успехи. Художники достигают большой реальности в изображении растительности, птиц, животных и человеческого лица. Персонажи в живописи теряют свой схематизм и становятся портретами. В этом отношении выдающееся место занимает голова жены Эхнатона царицы Нофертити, являющаяся до сих пор прекраснейшим образцом портретной живописи.

Следует отметить одну характерную черту египетского искусства, сохранявшуюся в течение всей истории Египта вплоть до эфиопского завоевания. Она заключается в том, что мы почти не имеем монументальных статуй и изображений богов, за исключением прекрасного бюста бога Хонсу, одного из богов фиванской триады (Амон, Хонсу, богиня Мут). Изображения богов встречаются почти исключительно на рельефах. По всей вероятности, в храмовом культе применялись небольшие статуэтки богов из камня, бронзы и дерева, подобные тем, какие в большом числе дошли до нас из VII в. до н. э. и изображают богов в том же виде и с теми же атрибутами, как и на рельефах Среднего и Нового царств.

Художественный вкус и высокое искусство египетских художников оказали большое влияние также на производство изделий культового и бытового назначения. Из эпохи Среднего и Нового царств дошло до нас из гробниц царей и сановников множество деревянных и каменных статуэток, изображающих рабов, пахарей, пастухов, ремесленников, воинов и т. д. Это «ушебти» — «ответчики», которые по магическому призыву умершего должны были ожить и работать на него. Фигурки ушебти сделаны с большим искусством и реальностью. Из эпохи Нового царства и последующих эпох дошло до нас большое количество художественно сделанных предметов домашнего обихода—золотых, серебряных, из слоновой кости, черного дерева, бронзы, стекла — зеркал, шкатулок, инкрустированной мебели, ящиков для парфюмерии, кувшинов, блюд, ваз, женских украшений и т. д. Видно, что все эти вещи культового и домашнего назначения были сработаны не простыми ремесленниками, а мастерами-художниками, прошедшими специальную выучку.

Высокого уровня достигла в Египте архитектура. О величественности и красоте египетских храмов дают наглядное представление грандиозные руины в теперешних Карнаке и Луксоре, на месте древних Фив, и развалины храмов в целом ряде других пунктов. Для входов широко применялись колоннады различных стилей; широкие лестницы и площадки украшались рядами сфинксов. Сооружение таких храмов требовало большого мастерства строителей. Кроме храмов сооружались также и великолепные царские дворцы. Но они строились из дерева, и потому мы можем судить о них только по их изображениям на рельефах.

§ 6. Египетская техника и начатки науки. Огромные египетские сооружения — пирамиды и храмы — воздвигались при наличии самой примитивной техники. Все работы производились вручную, трудом крестьян и рабов. Но при этом работы велись по определенным планам и расчетам архитекторов и других руководителей строительства. Последние опирались, конечно, не на теоретические основы механики, а на традиции и правила практического опыта, передаваемые от одного поколения к другому.

Грандиозный размах строительных работ требовал предварительных вычислений в крупных цифрах. В связи с этим система счисления получила в Египте более правильное развитие, чем в Вавилонии. Отправляясь от естественной первобытной системы счета по пяткам (рукам) и десяткам, египтяне создали систему знаков для обозначения чисел 1, 10, 100 и так далее по десятичной системе до 10 000 000. В этом отношении египетская наука о числах обогнала вавилонскую. Но в других отношениях математические познания египтян были ниже вавилонских. Не достигли египтяне вавилонского уровня и в астрономии. Египетские астрономы изучали небо и составляли перечни звезд по их взаимному расположению. Но в различении звезд и в установлении хода и периодов их движения они не сделали таких успехов, как вавилоняне.

Египетский календарь был солнечным (он установлен, вероятно, еще в эпоху Древнего царства), но возник он не в результате наблюдений за годовым движением солнца, а в результате другого рода наблюдения.

Исходной точкой для установления календаря послужил тот день, когда восход созвездия Сириуса совпадал с восходом солнца; с этого же времени обычно начинались и наводнения. Путем наблюдений в течение ряда лет египтяне установили, что такой момент совпадения восхода солнца и Сириуса повторяется через 365 дней, и отсюда установили год в 365 дней, разделив его на 12 месяцев по 30 дней, и добавочный цикл пяти праздничных дней в конце года. Но такой год отстает от солнечного года кругло на 6 часов; поправка в нашем летосчислении вносится посредством установления через четыре года високосного года в 366 дней. Египтяне такой поправки не вносили, и потому с течением веков их календарь все больше и больше расходился с действительным и выравнивался только через каждые 1460 лет. Этот круг был замечен египетскими астрономами и был ими назван периодом Сотиса (Сотис — египетское название Сириуса). Египетский календарь был заимствован в Риме Юлием Цезарем, который ввел в него усовершенствование, установив високосные годы в 366 дней через каждые четыре года.

Значительных для своего времени успехов достигли египтяне в медицине. Обычай бальзамирования трупов, соединенного с их вскрытием, дал египтянам возможность изучить анатомию человеческого тела. Это обстоятельство, в свою очередь, дало основу для установления начатков физиологии и научной медицины. Египетские врачи искали причины болезней в изменении кровеносных сосудов, исходя, очевидно, из наблюдавшегося ими при вскрытиях склеротического процесса в сосудах у старых людей. Но все же египетские врачи не могли отрешиться от магии, и в их наставлениях магические рецепты и приемы уживаются рядом с чисто медицинскими советами.

ГЛАВА XIV

ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА МАЛОЙ АЗИИ И СИРИИ

§ 1. Финикия и источники ее истории. Под Финикией разумеется узкая прибрежная часть Сирии, начиная от Тигра и кончая Угаритом (лежавшим в 30 *км* к северу от устья реки Оронта). Здесь в древности было расположено свыше десяти приморских городов, каждый из которых был политическим центром прилегавшей к нему области. Города и прилегавшие к ним области были заселены одним и тем же народом, который греки называли финикиянами. Финикияне славились в античном мире как неутомимые мореплаватели и торговцы и как творцы некоторых важных изобретений. Финикийские города и финикийские купцы не раз упоминаются в египетских надписях и документах, начиная с эпохи Древнего царства, а также и в надписях ассирийских царей I тысячелетия до н. э.

До последнего времени мы не имели точных и подробных сведений об истории Финикии. До 1929 г. в распоряжении науки не было оригинальных финикийских памятников письменности. Кроме отрывочных и случайных упоминаний о финикиянах и их городах в египетских и клинообразных текстах и нескольких кратких финикийских царских надписей из поздней эпохи (XIII—V в. до н. э.), историки имели в своем распоряжении главным образом те сведения о финикийцах и их истории, которые передавались греческими историками и географами V в. до н. э. — I в. н. э. Вследствие этого оставались невыясненными основные вопросы социально-политической и культурной истории Финикии.

В 1929 г. на берегу северной Сирии у залива Минет-эль-Бейда («Белого залива») начались раскопки кургана Рас-Шамра, которые привели к чрезвычайно важным открытиям. Под холмом оказались развалины финикийского города Угарита, самого северного из финикийских городов, который ранее был известен лишь по названию. В течение раскопок, затянувшихся до начала второй мировой войны и еще до сих пор не законченных, были открыты развалины трех храмов, царского дворца, частных домов, было

найдено много образцов финикийского искусства и домашней утвари, и, самое главное, были открыты библиотека и архив, где хранились многочисленные финикийские тексты самого разнообразного содержания — религиозные, литературные, хозяйственные, административные, юридические, лингвистические, письма и др. Эти открытия привели к полному перевороту в наших знаниях о Финикии, о ее социальном и политическом строе, о ее истории и ее культуре. Оказалось, что финикийский народ создал свою богатую культуру — религию, литературу, искусство — и что его история и культура восходят ко второй половине IV тысячелетия до н. э.

§ 2. Происхождение финикиян и основание финикийских царств. Принятое в исторической науке греческое название «финикияне» условно; сам народ, живший в древности в Финикии, так себя не называл. Как теперь установлено, предки финикиян до середины IV тысячелетия жили в южных областях Палестины, именно — в полупустынных местностях, примыкающих с востока, юга и юго-запада к Мертвому морю. Они разделялись на ряд племен, близко родственных с арабским племенем эдомитян и с израильскими (еврейскими) племенами. Во второй половине IV тысячелетия началось просачивание предков финикиян на север вдоль берега Средиземного моря. Одним из первых двинулось племя керетитов, жившее на юго-запад от Мертвого моря, но еще раньше его двинулись другие племена, неизвестные нам по имени.

Эти племена основали свои первые поселения на сирийском берегу Средиземного моря — будущие города Угарит, Гебал (Библ, по греческому наименованию) и Сидон, основателями которого были керетиты. Несколько позднее, вероятно, в самом конце IV тысячелетия или в самом начале III тысячелетия, был основан будущий Тир (по-гречески; точное финикийское название — Цур или Цор). Первые поселения были, как думают, рыбачьими общинными поселками; но скоро они превратились в города обычного древневосточного типа и сделались центрами прилегающих областей, где расселились земледельческими общинами прежние родовые общины, из которых состояли пришедшие племена.

Этот процесс сопровождался переходом к классовому обществу и образованием финикийских государств. У нас нет никаких точных данных о ходе этого процесса; но судя по легенде, основателем и первым царем Сидона был Керет, который имел свое войско, имел в Сидоне храмы племенным богам. Царская власть считалась исконной и в других финикийских городах.

§ 3. Общий очерк истории финикийских царств. Небольшие финикийские царства не объединились в одно государство. Каждое царство, известное по названию его главного города, жило самостоятельной политической жизнью. В ходе исторического развития выдвинулись четыре наиболее сильных, богатых и влиятельных царства, хорошо известные в древности и создавшие финикийскую культуру: Угарит, Гебал, Сидон и Тир.

В течение полуторатысячелетнего периода, протекшего от основания финикийских царств до завоевания Палестины и Сирии Тутмосом III, финикийские царства были самостоятельными. В эту эпоху первое место занимали царства Гебала и Угарита. Гебал с конца IV тысячелетия имел постоянные торговые сношения с Египтом.

В III тысячелетии в Гебале был египетский храм в честь богини Хатор, построенный, вероятно, в особом египетском квартале, где жили египетские послы и торговые агенты.

Угарит к концу III тысячелетия из первоначального небольшого поселка превратился в значительный город и имел уже постоянные торговые связи с Египтом и Критом. В первой половине II тысячелетия Угарит процветал. Он обстроился храмами, дворцами; купцы и сановники жили в каменных домах, богато обставленных и с родовыми усыпальницами в подвалах. В городе был особый критский квартал, где жили критские купцы; велась торговля также и с Кипром. Сидон с самого начала своей истории пользовался также большим влиянием, поскольку название «сидоняне» в I тысячелетии до н. э. в Сирии и Палестине употреблялось в качестве общего названия всех финикиян. Уже в эпоху III — II тысячелетий начинается основание финикийских поселений — колоний на островах Эгейского моря. На острове Кипре были основаны первые колонии Гебала, и через их посредство гебальские купцы вели торговлю с другими островами и странами Эгейского моря. В первой половине II тысячелетия выдвигается Тир, также основавший ряд колоний на островах и берегах Средиземного моря.

С середины II тысячелетия начинается трехсотлетний период зависимости финикийских царств от Египта и от хеттов, которые в первой половине XIV в. до н. э. завоевывают северную Сирию и временно подчиняют себе Угарит и Гебал (см. § 7). С этого времени и вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Финикия переживает период упадка, сначала в связи с борьбой на ее территории Египта и хеттов, а затем в связи с вторжением «морских народов» с островов Эгейского моря. Эти последние в XIII в. основали рядом с полуразрушенным Угаритом свой город, а в XII в. оба города были окончательно разрушены морским народом — филистимлянами. Сильно пострадали также Гебал и Сидон.

Ослабление Египта и упадок Хеттского царства в конце XIII в. дали возможность финикийским царствам вернуть себе независимость. В эту эпоху среди финикийских царств выдвигается на первое место Тир, который благодаря своему расположению на острове меньше других царств пострадал от войн и вторжений. Из царей Тира особенно выдвинулся Хирам, правивший в середине X в. до н. э. Он имел большой торговый флот и вел оживленную торговлю по всему Средиземному морю, расширил и укрепил Тир, превратив его в неприступную крепость, выдержавшую даже

борьбу с ассириянами. К прежним колониям Тира около 800 г. прибавилась новая, самая крупная и самая важная, — колония Карфаген (по-финикийски Карт-хадашта — Новый город), в Северной Африке, близ теперешнего Туниса. Карфаген скоро сделался независимым и сильнейшим торговым и военным государством в западной части Средиземного моря. В IX в. оправился и восстановил свое значение также и Сидон.

Этот период независимости продолжался до конца VIII в., когда финикийские царства были завоеваны Ассирией. С тех пор Финикия потеряла окончательно самостоятельность, переходя по очереди под власть великих древних держав — Ассирии, Халдеи, Персии, Македонии, Селевкидов и Рима.

§ 4. Хозяйственный, общественный и государственный строй финикийских царств. Документы, найденные в Угарите, дают возможность с полной определенностью охарактеризовать хозяйственный и общественный строй этого царства. Но так как все прочие финикийские царства жили примерно в аналогичных условиях природной и политической обстановки, то мы имеем полное право считать, что и в них существовал такой же строй, как и в Угарите.

Основным занятием населения в царстве Угарита было земледелие — хлебопашество и виноградарство. Этому благоприятствовала плодородная почва долины Оронта, за которым в прилегающих к пустыне местностях проходила восточная граница царства. Земледелие давало хорошие урожаи; излишки зерна закупали в Угарите иноземные купцы. Крестьяне жили общинным бытом. Сельские общины образовались из прежних родовых общин, и некоторые сохранили даже прежние родовые наименования. В царских административно-хозяйственных документах упоминается 90 поселений, жители которых занимались земледелием и домашним ремеслом. Это были общины, обложенные царскими налогами и обязанные наряжать своих жителей на царские работы. Судя по характеру хозяйства, общины должны были поставлять царю либо зерно и муку, либо вино, либо скот (быков), а также продукты ремесла. Каждая община должна была отбывать в году определенный срок работы на дом царя, от 13 дней до двух месяцев, и поставлять воинов-лучников. В прибрежной части царства сохранились также и рыбачьи общины; матросы царских кораблей, вероятно, набирались из этих общин. Сведения, имеющиеся у нас относительно хозяйственной жизни в других царствах, подтверждают, что и там земледелие было основным занятием населения. Так, из Гебала также вывозилось зерно, а главными божествами там были Адонис и Аштарта — божества земного плодородия и растительности; в Тире главный бог Мелькарт, а в Сидоне главный бог Эшмун также были одновременно богами растительности и плодородия.

Население Угарита состояло из ремесленников, купцов, жрецов и царских сановников; все они, кроме ремесленников, были

рабовладельцами. Некоторые из них владели небольшими участками земли с виноградниками. Рабство в Угарите носило типичный для Востока домашний характер. При перечислении имущества в завещательных распоряжениях или в актах о продаже рабы фигурируют рядом со скотом и с ценными материалами — бронзой, серебром. Рабов было немного; потеря двух-трех рабов могла грозить их господину большими убытками и даже разорением. В царском хозяйстве рабов было больше. Там был многочисленный штат дворцовой челяди; кроме того, рабы работали в царских садах и виноградниках и были гребцами на судах. Приобретались рабы преимущественно покупкой, так как крупных завоевательных войн финикийские царства не вели. Известное развитие рабство получило в I тысячелетии в Тире. У тирских царей был большой торговый и военный флот, купцы Тира вели посредническую торговлю рабами, добывая рабов в тех отсталых странах, где были основаны колонии Тира.

Торговля в финикийских царствах была организована везде более или менее одинаково. Первоначально монополия торговли была в руках царя. Но уже в первой половине II тысячелетия в финикийских царствах появился многочисленный слой купцов. Эти купцы вели чисто посредническую торговлю, которая служила для них средством обогащения. В числе многочисленных самых разнообразных товаров, привозившихся финикийскими купцами для продажи или обмена в разные страны, из продуктов самой Финикии упоминается только хлеб, вино и ливанский лес; все остальные товары были чужими, покупались или выменивались в одних странах и продавались или выменивались в других. Однако цари до конца существования финикийских царств оставались крупнейшими продавцами и покупателями. Во II тысячелетии финикийские купцы приобрели славу первых торговцев тогдашнего мира; первостепенную роль финикиян как торговцев подчеркивает Маркс [1].

Чрезвычайно яркую картину финикийской торговли мы находим в египетском папирусе (XI в.), который является отчетом жреца Карнакского храма Унуамона Рамсесу XII, пославшему Унуамона в торговую экспедицию к царю Гебала Закар Ваалу. Унуамон должен был купить лес для построения священной ладьи Амона Ра; в качестве платы за этот лес из Египта были присланы: 4 сосуда золота, 5 сосудов серебра, 15 тюков материи, 10 одеяний, 500 связок папируса, 500 бычьих шкур, 21 мешок чечевицы, 35 корзин рыбы, 500 канатов. Царь Гебала нарядил 300 людей и 300 быков для рубки леса в горах, изготовления бревен и доставки их на берег моря. Отсюда видно, что царь Гебала для нужд своей торговли широко пользовался своим правом на принудительную работу трудового населения своего царства.

С политической точки зрения финикийские царства были мелкими восточными деспотиями. Нам неизвестно устройство их государственного аппарата, но хорошо известна идеология царской

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 138, прим. 90, изд. 1949 г.

власти. Финикийские цари считали себя ставленниками богов. Так, сидонские цари возводили свой род к богам (первый легендарный сидонский царь Керет был якобы богом); основателем Гебала считался бог Эл, главный бог Тира назывался Мелькартом — именем, означающим «царь города». Этой теократической идеологии соответствовала также и организация официального культа: цари Гебала, Угарита, Тира и Сидона одновременно были и жрецами верховных городских божеств и лично совершали наиболее важные и торжественные обрядовые церемонии. Верховные жрецы в Тире и Сидоне принадлежали к царским родам.

Но как в других государствах древнего Востока, так и в финикийских царствах теократическая идеология не могла стать надежной опорой прочности царской власти. Имеются известия, что и в финикийских царствах происходили смуты и династические перевороты. Такие смуты происходили в Тире в конце IX в. до н. э.; против тогдашнего царя Тира был составлен заговор его сестрой. Заговор был открыт, и его участники вынуждены были бежать в Африку, где ими был основан Карфаген. О движениях рабов в Финикии у нас нет никаких данных, кроме одного очень смутного рассказа о восстании рабов в Тире, относящегося к V в., когда Тир входил в состав Персидского царства.

§ 5. Мореплавание и колонии. Финикияне славились в древности как самые лучшие и отважные мореплаватели. Развитию мореплавания способствовало приморское расположение всех финикийских царств, в связи с которым жители прибрежных областей занимались рыбачьим промыслом и постоянно выезжали в море на легких гребных судах. Более дальние морские путешествия начались еще в конце IV тысячелетия, на юго-запад вдоль берега Средиземного моря, в Египет. В III тысячелетии финикияне совершают уже путешествия на север по Эгейскому морю и ведут торговлю с тогдашними догреческими крупными центрами критомикенского мира. Это доказывается находками предметов финикийско-сирийского типа при раскопках в Микенах и Трое. Во II тысячелетии финикияне плывут на запад уже далее Египта, вдоль африканского берега и севернее его, пересекают Средиземное море к северу от Африки через его узкую часть между теперешним Тунисом и Сицилией, на западе доходят до Иберии (Испании) и достигают Гибралтарского пролива. В I тысячелетии они плывут еще дальше, на юг от западного берега Испании. В начале IV в. до н. э. карфагенский мореплаватель Ганнон проплыл вдоль западного побережья Африки почти до теперешнего Камеруна и описал это путешествие в своем сочинении, дошедшем до нас в греческом переводе.

Мореплавание было начато жителями Гебала и сидонянами; те и другие плавали главным образом в Египет и в Эгейское море. Путешествия в западную часть Средиземного моря совершали тиряне и карфагеняне. Тирские мореплаватели первые доплыли до Гибралтарского пролива и, увидев за ним безбрежное море, решили, что мир кончается здесь. Две огромные ска-

лы, которые высятся здесь одна против другой — в Гибралтаре на европейском берегу и в Сеуте на африканском берегу, — они назвали Мелькартовыми столбами, поставленными здесь якобы самим Мелькартом в знак того, что здесь кончается мир. Но позднее карфагенские мореплаватели, убедившись, что мир здесь не кончается, неоднократно выходили за Гибралтар. Традиция эта, однако, сохранилась и была усвоена греками и римлянами, как показывает название скал в Гибралтаре — Геракловы или Геркулесовы столбы.

Морские путешествия финикиян сопровождались основанием колоний, завязыванием торговых сношений с жителями островов и побережья Средиземного моря. Нельзя думать, что финикийские купцы всегда практиковали мирную торговлю; при удобном случае они применяли прямой разбой и грабеж племен, живших по африканскому, испанскому и отчасти малоазиатскому побережью. Торговля была меновой. В тех пунктах, где можно было постоянно получать ценные товары или где можно было устроить удобные промежуточные станции для кораблей, финикияне основывали свои колонии. Многие из них впоследствии превратились в крупные торговые города.

Основание колоний было начато Гебалом, вероятно, еще в III тысячелетии до н. э. Первые гебальские колонии были основаны на острове Кипре, где были крупнейшие местонахождения меди. Там были основаны две большие колонии, известные под греческими именами Пафос и Амат. В Пафосе был построен храм Аштарте, госпоже Гебала; этот храм сохранился и в греческую эпоху, сохранился и культ с его церемониями, а сама богиня была усвоена греками под именем Афродиты Киприды (Кипрской). Жители Гебала и Сидона основали свои колонии на острове Фасосе, где были местонахождения золота, на Родосе, богатом строевым лесом и мрамором, и на берегах Геллеспонта. Тиряне основали свои колонии на острове Мальта, в Сицилии и по северному берегу Африки, в том числе Карфаген; карфагеняне основали ряд колоний в Испании (например Гадас — Кадикс) и создали сильную карфагенскую морскую державу в западной части Средиземного моря.

В связи с мореплаванием в Тире, Сидоне и Гебале было широко развито кораблестроение. Тиряне построили целую эскадру кораблей для ассирийского царя Синахериба. Они строили корабли и для персидских царей, которые, не довольствуясь этим, иногда мобилизовали флот всех финикийских городов для своих военных целей.

§ 6. Финикийская культура. Открытия в Рас-Шамра, а также раскопки на месте Гебала в 1921—1924 гг. показали, что финикияне создали свою самобытную культуру во всех основных ее областях — религии, письменности, литературе, искусстве.

Религия финикиян, как и других стран древнего Востока, характеризуется сосуществованием государственной, или официальной, религии и народной, крестьянской религии. В каждом царстве были культы государственных богов — Ваала и Ваалат, т. е. господина и госпожи данного города и царства.

В Гебале это были Адонис и «госпожа Гебала» — Аштарта; в Угарите — Алейон и Анат, в Тире — Мелькарт (имени «госпожи Тира» мы не знаем), в Сидоне — Эшмун и сидонская Аштарта. Кроме того, существовали культы некоторых

других великих богов. В Угарите и Гебале почитался верховный общефиникийский бог Эл, супругой которого была «мать богов» Ашерат; везде были культы Шемеша (солнца) и Тераха (луны), бога засухи и смерти Мота; бог Алейон как бог грозовик и дождевик почитался не только в Угарите, но и в других царствах.

Официальная и народная религия смыкались в одном пункте — в культе божеств растительности и плодородия. Ваал и Ваалат каждого царства почитались не только как боги — государи и покровители своих царств, но и как боги плодородия и растительности. Этими функциями наделялись и Адонис, и Алейон, и Мелькарт, и Эшмун, и Аштарта, и Анат. Везде главным праздником официального культа был праздник, связанный с началом сельскохозяйственных работ, соединявшийся с мифом о воскресении или явлении бога растительности и плодородия.

Такие мифы существовали об Адонисе, Эшмуне и Алейоне; миф о последнем дошел до нас из Угарита в художественной литературной обработке. На этих праздниках совершались драматические церемонии, изображавшие борьбу благостного бога с его врагом, в Угарите — с Мотом, в Гебале — с медведем или вепрем, его гибель и воскресение, а также совершались магические обряды, в том числе обряд, постулировавший плодородие скота и земли.

В народной финикийской религии, как она теперь нам известна из текстов Рас-Шамра, основное место занимали земледельческие культы. Они посвящались «благостным богам»: богам — подателям дождя, земного плодородия, пахоты и посева, урожая, жатвы, хлеба и вина. Главное место отводилось Рахуму — «благостному» богу пахарю и сеятелю, богу Нагар-Мидра, т. е. «юноше из посева», соответствующему Адонису, выходящему на землю вместе с ростками посева; богам здоровья, богатства и сытости, богине жатвы и уборки плодов Анат. Согласно народной мифологии, благостные божества «рождались» или являлись в течение земледельческого года, вновь «рождался» перед пахотой и посевом также и «сын моря», Алейон, приносящий дождевые тучи с моря и побеждающий бога засухи и бесплодия Мота. Пахота и посев, жатва и уборка плодов сопровождались магическими обрядами, постулировавшими удачный сев, выпадение дождей, созревание и урожай злаков и плодов. Все эти обряды совершались в общинах коллективно при участии общинного жреца, руководившего священнослужениями.

Финикийская литература преимущественно разрабатывала религиозные сюжеты, была связана с религиозными культами. В Угарите было открыто свыше десятка литературных произведений на мифологические сюжеты. Почти все эти произведения были ритуальными текстами, читались в храмах на празднествах параллельно с совершением соответствующих их содержанию драматических и магических обрядов. Некоторые из этих произведений отличаются высокими художественными достоинствами.

Это прежде всего три текста, описывающие смерть Алейона, его сошествие под землю в царство Мота, его воскресение и появление на земле, бой с Мотом и победу над ним, воцарение Алейона над землей и построение ему храма. Затем очень важны два чисто ритуальных текста, один — описывающий обрядность заклинания благостных богов перед пахотой и посевом, другой — изображающий Анат как богиню, убирающую богатую жатву и богатый урожай винограда. Из сообщений греческих писателей мы знаем, что существовали также мифологические поэмы об Адонисе, Эшмуне и Мелькарте; но из них передаются только отрывки. Кроме мифологических поэм, были также произведения исторического содержания. Из Угарита дошел до нас эпос о первом

легендарном царе Сидона Кересе и о его борьбе с племенем терахитов, вторгшимся в Сирию с юга, от Мертвого моря. Кроме того, до нас дошли отрывки из летописей города Тира, в которых, повидимому, излагалась история Тира с древнейших времен и до I тысячелетия.

Финикийская письменность зародилась, вероятно, не позднее начала II тысячелетия; первые знаки финикийского письма имели характер гиероглифов. Этот способ письма не удержался и был заменен во II тысячелетии алфавитным письмом, которое появилось в Угарите, где был около середины II тысячелетия составлен первый алфавит — из 28 клинообразных знаков, обозначавших согласные звуки. Этим алфавитом написаны все угаритские тексты на финикийском языке; за образец были взяты скорописные клинообразные знаки эпохи первой вавилонской династии. В XIV—XIII вв. был составлен в Гебале общеизвестный финикийский алфавит, знаки которого были заимствованы из египетского гиератического письма. О всемирно-историческом значении этого алфавита говорилось выше, в разделе о египетской письменности.

В Гебале и Угарите было открыто много образцов финикийского искусства — статуи и статуэтки божеств, стэлы с рельефными изображениями, разного рода предметы из золота, серебра, бронзы и дерева, много сосудов с красным орнаментом. Эти произведения происходят из разных эпох, начиная с III тысячелетия и кончая серединой I тысячелетия. Кроме того, в Сидоне и в финикийских колониях на Кипре и в других местах было найдено много образцов финикийского искусства I тысячелетия до н. э. Изучение этого фонда показывает, что финикийские художники начали с подражания египетским образцам, но затем перешли к переработке заимствованных из Египта мотивов в местном стиле. В результате к началу II тысячелетия сложился специальный финикийский, или сирийский, стиль в двух вариантах — гебальском и угаритском. Во второй половине II тысячелетия известное влияние на творчество финикийских художников оказывают образцы хеттского и крито-микенского искусства. Высокохудожественными образцами финикийского искусства являются рельефная композиция на саркофаге гебальского царя Ахирама (XIII—XII вв.), угаритские стэлы с рельефными изображениями Алейона и возлияния Элу, бронзовые гири в форме быков, кипрские серебряные блюда с тонкой художественной резьбой на мотивы из мифов об Адонисе. Финикийское искусство оказало большое влияние на искусство других сирийских и палестинских народов, в особенности — на израильско-иудейское искусство.

§ 7. Хеттское царство. Хеттское царство, цари которого с начала XIV в. стали производить вторжения в Сирию и затем утвердились в ее северной части, образовалось около начала II тысячелетия. Первоначально его территория ограничивалась областями Малой Азии, расположенными по течению реки Галис; столицей его был город Хаттушаш, или Хаттуш, лежавший в 75 *км* к востоку от среднего течения реки Галис. До открытия развалин

этой столицы, происшедшего незадолго до начала первой мировой войны, в распоряжении исторической науки были лишь отрывочные сведения о Хеттском царстве из египетских, вавилонских и ассирийских памятников. Раскопки на месте Хаттуша, близ теперешнего Богазкеой (в 150 *км* от турецкой столицы Анкары), дали науке большой архив хеттских царей, состоящий из нескольких тысяч таблеток, написанных клинообразными знаками. Открытые тексты оказались разнообразного содержания: в числе их имеются документы, летописи, религиозные тексты, а также записи хеттских законов. После окончания первой мировой войны хеттское письмо было дешифрировано чешским ученым Б. Грозным, были установлены грамматика и словарь хеттского языка, и таким образом историческая наука получила подлинные источники истории Хеттского царства.

В той области, где сложилось Хеттское царство, жило много различных племен, повидимому, родственного азиатского («азианического») происхождения. Господствующее положение занимали хетты, цари которых объединили соседние племена под своей властью. До сих пор не разрешен окончательно вопрос о том, к какой семье народов принадлежали хетты. Их язык имеет много общего с языками индоевропейских народов, но содержит также и много своеобразных элементов.

Обстоятельства возникновения Хеттского царства нам неизвестны. Из первых царей мы знаем Табарну, правившего в начале II тысячелетия, и Муршиля I, который в 1595 г. при последнем царе первой вавилонской династии произвел вторжение в Вавилонию, взял и разграбил Вавилон, увел в Хаттуш много пленных. Он совершил также успешный поход в северную Сирию. После Муршиля наступил смутный период, вызванный кровавыми междоусобицами членов царского дома из-за престола, особенно острыми вследствие господства права кровной мести. Смуты закончились при Телепине (около 1535 г.), который подчинил непокорных вождей, обратил в рабство главных виновников смуты и установил твердый порядок престолонаследия. Для избежания на будущее время подобных истребительных междоусобиц Телепин ограничил право кровной мести посредством учреждения особого суда. Таким образом, в первой половине II тысячелетия в Хеттском царстве были еще сильны обычаи и традиции родового строя; государство было еще в процессе своего образования, которое в основном завершилось в результате реформ Телепина.

После Телепина идет период, из которого до нас не дошло никаких известий. С середины XV в. история Хеттского царства опять проясняется. В это время, при царе Шупилулиуме, Хеттское царство выступает уже как сильная военная держава. Перед вторжением в Сирию хеттские цари уже завоевали всю территорию Малой Азии между своим царством и Сирией. В Сирии они к половине XIV в. утвердились в ее северной части и основали там не-

сколько своих укрепленных городов; наиболее крупный из них был открыт около современного Зенджерли, на южном склоне Тавра. Как уже было сказано, хеттские цари отбили все попытки фараонов отвоевать северную Сирию. Но вскоре после Хаттушиля III, заключившего договор с Рамсесом II (1296), хеттское могущество пошло на убыль, в особенности в связи с усилением Ассирии. Около 1200 г. Малая Азия, так же как Египет, Палестина и Сирия, подверглись вторжению «морских народов». Хеттское царство было разгромлено, и от него осталось только несколько мелких княжеств в районе Зенджерли и соседних областей. В VIII в. эти княжества были уничтожены ассирийским царем Саргоном.

Хозяйственный и общественный строй Хеттского царства. В эпоху образования Хеттского царства основным занятием населения было скотоводство. Но уже в это время у хеттов появляется также и земледелие, которое в последующие эпохи распространилось во всех пригодных для этой культуры долинах Малой Азии. Судя по имеющимся отрывочным данным документов, наряду с хлебопашеством, занимавшим главное место, в XV в. существовало также садоводство и виноградарство, преимущественно во владениях рабовладельческой верхушки. Параллельно с этим шел процесс превращения родовых общин в сельские общины и связанного с ним классообразования. Об устройстве и быте крестьянских сельских общин у нас подробных сведений не имеется. Имеются только указания на то, что в сельских общинах продолжало действовать прежнее обычное право, в особенности в организации общинного суда. О крестьянских повинностях в форме ренты-налога и в форме работ на дом царя у нас подробных сведений не имеется.

Рабовладельческие отношения, сложившиеся в Хеттском царстве к XV—XIII вв., нам известны из документов этой эпохи и особенно из записей хеттских законов. По данным этих источников, общественный строй Хеттского царства имеет много общего со строем древневавилонского царства, но не достиг такого же уровня развития. Хеттское общество — общество рабовладельческое, обычного древневосточного типа. В записях хеттских законов имеется 21 статья о рабстве; эти статьи по своему содержанию аналогичны соответствующим статьям кодекса Хаммураби. Они нормируют ответственность за убийство, увечье и кражу чужих рабов, устанавливают жестокие наказания рабов за бегство и за их преступления, а также нормируют отношения, вытекающие из брака и сожительства свободного с рабыней и раба со свободной. В дошедшей до нас описи одного небольшого владения, подаренного царем какой-то знатной женщине, перечисляются имевшиеся там рабы — мужчины, женщины, подростки, дети — и их профессии: два повара, сапожник, два портных, конюх, пять оружейников. Рабы были семейные; всего их с женщинами и детьми было 110 человек, из них половина жен-

щин и девочек. Таким образом, рабство носило домашний характер, так как основной его функцией было обслуживание быта рабовладельцев; но судя по численности рабов у крупных рабовладельцев, общее число рабов (видимо, главным образом из военнопленных) в Хеттском царстве было довольно значительно. Крайне жестокие способы эксплуатации и наказаний рабов не проходили даром для рабовладельцев. Рабы восставали против своих господ; одно из таких восстаний произошло в XIII в. после смерти царя Хаттушиля. Тогда «восстали рабы царевичей», они убивали своих господ, разрушали их дома.

Класс рабовладельцев в Хеттском царстве состоял из представителей царского дома, жречества, царских сановников и городских ростовщиков и купцов. Последние выдвигаются на важное место в хеттском обществе в эпоху XV—XIII вв. До этого времени торговля в Хеттском царстве находилась главным образом в руках ассирийских купцов, основавших в Каппадокии, в центре Малой Азии, ряд своих торговых колоний. В XV—XIII вв., в эпоху территориального и военно-политического расцвета Хеттского царства, развивается торговля хеттских купцов. Они вытесняют ассирийских купцов и завязывают торговые связи с финикийскими городами, островом Кипром и Египтом. Торговля носила обычный для древнего Востока посреднический характер. Так, в Египет хеттские купцы продавали серебро, железо, дерево и рабов, а из Египта получали предметы роскоши — украшения из золота и серебра, одежды и благовонные масла.

Хеттская культура. Памятники письменности, искусства, художественного ремесла и архитектуры, найденные при раскопках в Богазкеое (Турция) и в северной Сирии, дают нам возможность обрисовать в более или менее полной мере хеттскую культуру.

Хеттское письмо первоначально было иероглифическим, созданным самими хеттами. Знаки его носят отчетливый и красивый рисунчатый характер и по своему оригинальному стилю значительно отличаются от египетских иероглифов. Это древнейшее письмо уже при царе Муршиле было заменено клинообразным письмом, несомненно, под влиянием ассирийских купцов, имевших тогда в Хеттском царстве ряд своих торговых колоний.

Религиозные тексты и изображения хеттских божеств дают возможность восстановить основные черты хеттской религии, но далеко не в такой полной мере, как это имеет место по отношению к египетской и вавилонско-ассирийской религии. Как и у других древних народов, религиозные верования и культы рабовладельческих верхов и народной массы значительно отличались друг от друга. Лишь один культ — великой богини матери-природы, одинаково почитался всем хеттским народом. Культ этой богини (без собственного имени) возник, несомненно, еще в эпоху материнских родов. Другие древнейшие общехеттские божества в царскую эпоху дифференцировались и преобразовались.

Так, древний бог Тешуб, бог громовик и дождевик, посылавший полям плодородие, был превращен в официального бога — покровителя царя и царской власти. К его древнему символу на его изображениях (молнии) жрецы прибавили боевой топор и шлем воина, а царя объявили сыном Тешуба. Было провозглашено обожествление и самого царя, который после смерти якобы становился богом; царя приравнивали к богу солнца — изображали его с жезлом бога солнца и называли его при обращении к нему «мое солнце». Царь был также верховным жрецом, возглавлявшим все многочисленное храмовое жречество. В народной религии главную роль играли магические обряды разного характера, связанные со скотоводством и земледелием и с другими бытовыми нуждами, и культы местных богов и духов. Тексты, в которых отображается народная религия, еще недостаточно изучены, и потому пока нельзя дать полную и ясную характеристику этой религии.

Древнейшие образцы хеттского искусства по своему стилю и исполнению еще грубы и примитивны. Но в последующие века хеттское искусство достигает значительных успехов, хотя и далеко еще от той художественной высоты, какой достигло искусство Египта, стран Двуречья и Финикии (Гебала и Угарита). Развитие хеттского изобразительного искусства происходило под влиянием вавилонско-ассирийского искусства. Это влияние сказывается главным образом в композиционном отношении: сцены из придворного быта, религиозной обрядности, сцены охоты по композиции сходны с соответствующими вавилонскими и ассирийскими сюжетами. Но в изображениях действующих лиц, животных и аксессуаров ярко выступает местный хеттский колорит. Рельефные и скульптурные фигуры царей, цариц, сановников, жрецов отображают хеттский народный тип, а изображения домашних и диких животных резко отличаются своей массивностью от легких фигур ассирийского искусства. Наиболее значительными и типичными произведениями изобразительного искусства являются стэлы из царского быта: царь на тропе со стоящим перед ним сановником, царь, шествующий в сопровождении телохранителя, царица в кресле перед столом с яствами и со стоящей перед ней рабыней с опахалом. Весьма выразительны также стэлы, изображающие охоту на оленя и вепря. Статуи, изображающие царя, сфинксов, льва, в художественном отношении ниже рельефов, они отличаются тяжеловесностью и некоторой грубостью изображения.

Развалины хеттской столицы Хаттушаша дали возможность восстановить вид монументальных крепостных стен города, свидетельствующий о высоком уровне хеттского строительного искусства.

§ 8. Израильские племена и их вторжение в Ханаан. Как было сказано выше, при Аменхотепе IV (Эхнатоне) в Сирию и Палестину из-за Иордана начинают вторгаться племена хабиру. Считают, что под «хабиру» надо разуметь еврейские племена, объединившиеся во II тысячелетии до н. э. под именем израиль. Объединение этих племен завершается в конце XI в. основанием в Палестине первого израильского царства.

Израильтяне называли Палестину Ханааном, по имени хананеев — народа, жившего там до их прихода. О племенной при-

надлежности ханаанеев идут споры; но, судя по их несомненному близкому родству с финикиянами, ханаанеев надо считать семитами, внедрявшимися в Палестину одновременно с финикиянами. Рядом с ханаанеями в некоторых районах уцелели поселения доханаанского населения, называемого в израильской традиции хоритами. Кроме ханаанеев, в северной части Палестины в III тысячелетии до н. э. поселилась часть амореев, которые пришли туда одновременно с вторжением других аморейских племен в долину Евфрата.

Движение израильских племен не было организованным военным походом. Оно было разрозненным медленным проникновением отдельных племен, которые в одних случаях истребляли или обращали в рабство население захваченных ими областей, а в других случаях занимали свободные места и поселялись бок о бок с ханаанеями. После переселения первое время у израильских племен продолжал держаться прежний родоплеменный быт, в особенности у иуды и соседних с ним племен, поселившихся в предпустынной области южной Палестины. Однако постепенно происходил переход от скотоводческого к земледельческому быту, который в центральной и северной части Ханаана уже в XI в. сделался господствующим. Вместе с этим родовые общины превращались в сельские общины, но твердо сохранялись бытовые и религиозные традиции родоплеменной эпохи. Их влияние сказывалось и в общественно-политической организации переселившихся племен. Несмотря на расселение племен на более или менее значительной территории и на переход к оседлому земледелию, племенная организация долго сохранялась: сохранялись общеплеменные сходы, общеплеменные культы, военная организация, власть племенных вождей и старейшин.

§ 9. Борьба за Ханаан в XII—XI вв. и образование царства. В XII—XI вв. происходят новые вторжения в Ханаан других племен и с востока и с запада. С востока прорываются в Ханаан семитские кочевые племена из Заиорданья; на западе из-за моря высаживаются на палестинском берегу филистимляне — один из «морских народов». С вторжениями из-за Иордана израильские племена более или менее справлялись каждое своими силами. Но филистимляне оказались очень опасным врагом. Они захватили побережье Палестины. Филистимляне были хорошо вооружены железными мечами и доспехами и начали завоевание внутреннего Ханаана: построили там укрепленные города (из них наиболее крупными были Ашдод, или Азот, и Газа) и образовали несколько княжеств.

Борьба с филистимлянами за независимость способствовала объединению израильских племен в одном государстве. Первая попытка объединения была сделана вождем Саулом, который выдвинулся в борьбе с восточными вторженцами, аммонитянами. Сделавшись царем, Саул начал борьбу с филистимлянами. В ней приняли участие и южные израильские племена (в том числе и

иуда). После гибели Саула знамя борьбы с филистимлянами поднял вновь один из дружинников Саула, Давид, из племени Иуды. Саул подозревал Давида в заговорщических планах, и Давиду пришлось бежать. Он составил свою собственную дружину, которая отчасти занималась разбоем, отчасти вела борьбу с филистимлянами. После гибели Саула Давид был провозглашен царем в Иуде и вновь объединил израильские племена южного и центрального Ханаана для борьбы с филистимлянами. Ему удалось разбить филистимлян и изгнать их из занятых ими израильских областей. Эта победа утвердила власть Давида (начало X в. до н. э.).

§ 10. Царство Израиля и Иуды. После изгнания филистимлян Давид совершил несколько походов на север и распространил свою власть на северные израильские племена. Столицей своего царства Давид сделал древний доизраильский город Урушалим—Иерусалим. Давид построил свою резиденцию рядом с древним городом на холме Сион и укрепил ее так, что ее могли защищать «хромые и слепые». Здесь же было устроено святилище племенного бога Иуды — Иагве, в традиционной форме священного шатра по древнему обычаю кочевой эпохи. С Иагве был отождествлен прежний бог Урушалима Эльон.

В народной традиции сохранилась память о Давиде и о его эпохе. О Давиде сложился целый круг сказаний, в которых Давид прославлялся не только как военный вождь, освободивший израильский народ от филистимлянского ига, и первый царь, объединивший Израиль и Иудею, но также как музыкант и поэт, сочинявший песни и гимны богам.

Преемником Давида, умершего в начале X в. до н. э., был его сын Соломон. Правление Соломона было мирным; Соломон завершил внутреннюю организацию своего царства и строительство Иерусалима. Царство Соломона было типичной древневосточной деспотией. Население царства было обложено натуральными податями в пользу царя. Судя по сообщениям библейской «Книги царей», царство Соломона было разделено на 12 округов, из которых только пять совпадали с племенными областями. В каждый округ царь поставил начальника, который должен был обеспечивать содержание «царя и его дома», т. е. царского рода и придворных, и для этого должен был собирать и отправлять в Иерусалим натуральные налоги со своей области. Для заведования работами на дом царя был назначен царем специальный сановник. Эти работы должен был нести «весь Израиль», выставляя рабочих очередями по 30 тыс. человек. Эти принудительно собранные люди сооружали царский дворец и храм Иагве.

Дворец и храм, построенные Соломоном, не отличались грандиозными размерами, но, судя по их описанию, были художественно оформлены и снаружи и внутри. Работами руководили финикийские мастера, и потому надо полагать, что художественное оформление в виде живописного орнамента, колонн, мебели и утвари было сделано в финикийском стиле. Кроме строительства храма и дворца, Соломон производил обширное строительство укреплений и укрепленных городов. Он усилил укрепления Сиона

постройкой новой башни и новых стен, выстроил крепости в нескольких южных и северных городах. При раскопках в Палестине были найдены остатки крепостных сооружений Соломона в Иерусалиме и царских конюшен в Мегиддо. Кроме израильтян, Соломон сгонял на работы покоренных жителей Ханаана.

Соломон завязал торговые сношения не только с Финикией, но также с Египтом, Сирией и Аравией. Из этих стран он получал коней, рабов, золото, серебро, драгоценные камни, благовонные масла и другие предметы роскоши. Он завел многочисленный гарем; одна из его жен была дочерью фараона. Все строительство Соломона, содержание его многочисленного двора, вся роскошь его быта были построены на тяжком принудительном труде и ограблении его подданных. Поэтому не удивительно, что к концу царствования Соломона в Палестине создалось весьма напряженное положение. Недовольство Соломоном особенно резко проявилось в крупнейшем из израильских племен Эфраиме.

Там во главе движения против Соломона стал Иеробеам, знатный эфраимит, который был в Эфраиме начальником работ на дом царя. Соломон хотел казнить Иеробеама; однако Иеробеаму удалось бежать в Египет. После смерти Соломона вожди северных племен собрались в эфраимитском центре Шехаме (Сихеме), вызвали туда наследника Соломона Ровоама (Рехабеама) и потребовали от него облегчения царских повинностей. Ровоам отказал; тогда произошел раскол. Все северные племена отказались подчиняться Ровоаму; посланный им для сбора повинностей сановник Адонирам был убит, а царем над «всем Израилем» был выбран Иеробеам.

С этого времени (935 г.) в Ханаане существуют два царства — царство Иуды, в котором сохранилась династия Давида, и царство Эфраима, или Израиля, в котором сменилось несколько династий. Царство Израиля было непрочно, раздиралось внутренней борьбой. Династия Иеробеама была недолговечна; через 50 лет после междоусобной борьбы царем в Израиле сделался военачальник народного ополчения Омри (890 г. до н. э.). Время династии Омри было самой блестящей эпохой в истории северного царства. Омри построил на горе Шомерон близ Шехема новую столицу с великолепным царским дворцом и храмом, остатки которых были открыты при раскопках, и назвал ее по имени горы Шомерон (Самария). Омри и его преемники поддерживали постоянную связь с Финикией и успешно вели борьбу с сирийскими царями Дамаска, стремившимися подчинить себе Израиль. Но внутреннее положение Израиля было неспокойное. К тяжести царских повинностей в Израиле присоединились бедствия голода (ему предшествовала продолжительная засуха). Крестьяне волновались, волнение перешло и в ряды царского войска. В конце IX в. полководец Иегу произвел переворот, перебил царскую семью и воцарился в Израиле. После этого царство Эфраима стало клониться к упадку. В VIII в. его раздирают внутренние усобицы, одновременно появляется грозный внешний враг в лице Ассирии. После от-

чаянного, но безнадежного сопротивления израильтян в 722 г. ассирийский царь Саргон взял и разрушил столицу Израиля— Шомерон. Царство Израиля прекратило свое существование.

Царство Иуды просуществовало дольше. В IX и VIII в. цари Иуды не раз пытались восстановить свою власть над севером. Вести войны им было не под силу; но они покровительствовали всем недовольным элементам северного царства, вели агитацию на религиозной почве, однако успеха не имели. После падения и разрушения Шомерона в Иерусалиме началась паника — ждали, что и Иуду постигнет та же участь. Ассирийские войска подошли к Иерусалиму и осадили город. Однако тревожные вести из Ассирии заставили ассирийского царя снять осаду. Иудейский царь Хизкия должен был заплатить огромную дань и признать себя вассалом ассирийского царя. После этого царство Иуды сохранило свое существование еще в течение почти полутора веков.

§ 11. Общественный строй и классовая борьба в Израиле и Иуде. Политическое разделение между Иудой и Израилем базировалось не только на племенном сепаратизме, но также и на некоторых различиях в экономике и общественном строе этих царств. На юге в припустынных областях царства Иуды земледелие не занимало ведущего места. Там сохранилось скотоводство (разводили преимущественно мелкий скот — овец и коз) и еще местами сохранялся родоплеменный быт. Правда, здесь он был уже в стадии разложения, ибо появились крупные скотоводы, имевшие сотни голов скота и рабов; но все же только на юге сохранялись старые традиции и в обычаях, и в религии. В северной части Иуды господствовало земледелие; родовую общину там заменила сельская земледельческая община, и лишь в некоторых небольших районах вдоль течения Иордана сохранилось скотоводство и родовой быт.

Крестьянство и в Иуде и в Израиле жило общинным бытом. Для обозначения общины существовал специальный термин — «эда», применявшийся одинаково как к родовой и родоплеменной, так и к сельской общине; глава общины всякого рода также назывался одним и тем же термином «наси». Сельская община базировалась на общинном владении землей; но обработка земли производилась различно. Еще в VIII в. в Иуде были общины, где обработка земли производилась коллективно и делился урожай. Но, повидимому, в большей части общин общинная земля разделялась на индивидуальные наделы по жребию; раздел совершался на общинном сходе при совершении специальных религиозных обрядов. Такие разделы по жребию были распространенным явлением, и это обстоятельство свидетельствует о существовании периодических переделов земли. Каждая община имела свое святилище и своего жреца. Члены общин были связаны рядом обязательств: выкупать общинников, попавших в кабалу за долги, всем миром производить расправу над преступниками, всем миром посредничать между убийцей и мстителем, чтобы не допускать самосудов.

Рядом с общинным землевладением в IX—VIII вв. появляется частное. Его источниками были расхищение общинных земель и царские дарения садов и виноградников военным и царским сановникам. Обычай запрещал отчуждение общинных наделов; но, вероятно, в VIII в. было сделано исключение для жрецов, которые получили право продавать свои участки «навечно». Кроме того, ростовщики разными способами прибирали к рукам земли своих должников. Эти явления способствовали известному ослаблению и разложению общинного быта.

Положение общинного крестьянства особенно ухудшилось в VIII—VII вв. Шли постоянные войны — царей Иуды с царями Израиля, тех и других с внешними врагами — Моавом, Дамаском, Ассирией, Египтом. Деревня должна была сверх обычных повинностей давать для ведения этих войн и солдат и средства; военные действия часто происходили на территории Израиля и Иуды, и тогда общины подвергались разорению. Все это содействовало обеднению крестьянства. Бедняки, отбившиеся от общин, либо становились наемниками, либо уходили в горы и леса вдоль Иордана, скрываясь там от кредиторов и царских «палочников».

Крестьянство не ограничивалось пассивным сопротивлением. Уже при династии Омри начались в Израиле народные движения против царей и их сановников. Идеология этих движений носила религиозный характер. Крестьянство, стремясь к социальному перевороту, возлагало надежды на появление праведного царя, «настоящего мессии», т. е. настоящего помазанника бога, посланного самим богом, который уничтожит ярмо тяжкой работы и палку надсмотрщиков, установит мир, право и суд. Эти настроения поддерживались народными пророками—гадателями и предсказателями, которые иногда становились во главе народных движений в IX и VIII вв. (Таких народных пророков не следует смешивать с царскими пророками, которые служили в царских храмах Иерусалима и Шомерона и были верными проводниками влияния жречества и царской политики.) Результатами народных движений иногда бывали смены царских династий в Израиле и царей в Иуде; но положение крестьянства от этого не улучшалось. Поэтому в VIII в. возникает в народе чисто революционное течение. Появляются пророки, предсказывающие наступление дня «падения всех башен», «великого избиения» всех праздных насильников и угнетателей народа. На помощь народу придет сам бог; после ниспровержения неправедного царя и его прислужников уже не будет более царей, «царский дворец будет голым местом навек»; на всех тогда изольется тот «дух», на который сейчас претендуют цари, царем будет народ, не будет больше засухи и неурожаев, и в новом, крестьянском царстве будет царить вечная радость и благоденствие.

Крестьянские движения не приводили к социальному перевороту; но они все же были грозным предостережением для рабовладельческой верхушки. Цари были вынуждены пойти на неко-

торые меры для смягчения кризиса. Был издан закон об ограничении долговой кабалы шестилетним сроком; были изданы некоторые постановления об охране прав вдов и сирот, которых в это военное время было очень много, и об охране прав наемников. Был разработан, но, повидимому, не был введен в действие закон о «юбилейном» годе, согласно которому предполагалось ввести обязательное возвращение после известного срока отчужденных земель их прежним владельцам.

§ 12. Конец царства Иуды. После падения царства Израиля иудейские цари, как уже указывалось, вынуждены были признать над собой верховную власть ассирийского царя. К этому времени относится распространение в Иуде влияния ассиро-вавилонской культуры, проникшее даже и в религию: в иерусалимском храме были введены культы небесных светил, в том числе «царицы небесной» — Иштар — и ее супруга Тамуза. Иудейские цари должны были платить ассирийскому царю тяжелую дань, которая была ими переложена на крестьян. Эти новые тяготы привели в конце VIII в. к восстанию. Восставший народ свергнул царя Амона. На престол был возведен восьмилетний Иошия, который царствовал более 20 лет и был последним крупным царем Иуды.

Во время царствования Иошии Ассирийское царство находилось в состоянии упадка и разложения, и Иошия отложился от Ассирии. Вернув стране независимость, Иошия попытался возможно больше укрепить свое царство, так как в это время на юге появился новый враг — фараон Нехо. Царь провел централизацию своего управления. Реформа (621 г.) была направлена к уничтожению общинной автономии. Судебные функции общин были уничтожены; везде были поставлены царские судьи; кроме того, во все общины были назначены царские чиновники для набора воинов. Был издан указ, запрещавший передвигать межи; этот указ защищал права частных землевладельцев от попыток общинников вернуть отошедшие от общин земли. Но самой главной частью реформы была централизация культа в Иерусалиме. Были запрещены все местные культы и уничтожены местные святилища; отныне единственным законным местом культа был объявлен иерусалимский храм. При проведении централизации культа царь, с одной стороны, удовлетворял давнишнее стремление иерусалимского жречества к монополии совершения культа, а с другой стороны, стремился уменьшить опасность народных движений, поскольку их идеологами и вождями нередко становились жрецы и пророки народных святилищ. Одновременно Иошия уничтожил в Иерусалиме все иноземные культы, введенные его предшественниками, и все другие традиционные культы, кроме культа Иагве. Иагве стал не только главным, но и единым богом Иуды.

Но все эти меры не могли спасти царство Иуды. Волнения угнетенных народных масс не прекращались, отношения с царем обострялись все больше и больше. Вскоре после реформы

против Иуды двинулся египетский фараон Нехо. В бою с ним Иошия потерпел поражение и был убит. Нехо поставил царем над Иудой младшего сына Иошии и обложил Иуду тяжелой данью. Вскоре после этого на Сирию и Палестину двинулся царь халдейского Вавилона Навуходоносор. В 586 г. Иерусалим был взят и разрушен, храм был сожжен, все население, кроме «бедняков», т. е. крестьян, было уведено в плен в Вавилонию. Царство Иудеи прекратило свое существование.

§ 13. Культура Израиля и Иуды. Израильский народ создал свою культуру, оказавшую впоследствии влияние и на европейскую культуру. Наиболее распространенная в Европе христианская религия возникла под сильным влиянием иудейской и усвоила некоторые элементы последней, а сюжеты и образцы библейской литературы послужили источником вдохновения и творчества для многих произведений европейских поэтов, писателей и художников.

Религия Израиля и Иуды выросла из той же родоплеменной основы, как и религия родственных им финикиян, и потому имеет очень много общих элементов с финикийской религией. Главный бог Иуды Иагве и главный бог Израиля Шаддай имеют двойников в Финикии: Иагве-Эльон в лице Алейона, Шаддай в лице Садида; супругой Иагве считалась та же богиня Анат, которая считалась и супругой Алейона; одинаково в Израиле и Финикии почитались бог счастья Шалем, богиня плодородия Аштарта и некоторые другие божества. Как в Иерусалиме, так и в Шомероне царские храмы были построены и оборудованы по финикийским образцам. Однако иудейский Иагве приобрел ряд других функций, не свойственных Алейону. Иагве считался богом грозовиком и дождевиком, несущимся на тучах, подобно Алейону. Но он был возведен также в ранг бога — творца мира: неба, земли, растений, животных и людей. С другой стороны, в мифологии и легендах Иагве изображается постоянным вождем, советником, судьей и кормильцем своего народа, дарящим ему милость и карающим его за провинности, дающим ему хлеб, масло и вино. Таким образом, в историческую эпоху Иагве приобрел специфические черты иудейского племенного бога.

Народная религия Израиля и Иуды носила ярко выраженный земледельческий характер. В числе общеизраильских народных богов были еще Солнце (Шемеш), Земля, которую звали матерью всего живого, и бог хлеба Даган. Кроме того, в каждой общине был свой местный бог Ваал, т. е. «господин», который считался непосредственным подателем хлеба, масла и вина. Обряды народной религии располагались по годовому циклу земледельческих работ и сосредоточивались вокруг трех праздников: праздника начала жатвы ячменя, праздника жатвы пшеницы и праздника уборки плодов и преддверия посева. Последний праздник был самым главным. На нем по случаю завершения земледельческого года происходили общинные празднества.

В Израиле и Иуде создалась большая литература. В области мифологии она носила подражательный характер: мифы о творении, о первых людях, о всемирном потопе являются краткими переработками вавилонских мифологических поэм. Но в области повествовательной литературы были созданы вполне оригинальные произведения. В IX—VIII вв. в Иудейском и Израильском царствах были составлены две параллельные повести о происхождении израильских племен и их истории до образования царства. В основу этих повестей были положены народные предания и легенды с сохранением их наивного стиля и мировоззрения. Авторы этих повестей преследовали тенденциозные цели: иудейский автор стремился доказать, что первое место среди израильских племен издревле принадлежало и должно принадлежать Иуде, израильский автор доказывал то же самое по отношению к израильтянам. Эта цель достигалась подбором материала и его переработкой в желаемом духе. В Иуде были также составлены обширные повести о царях Давиде и Соломоне с целью их прославления. Кроме того, при дворе иудейских и израильских

царей состояли летописцы, которые вели летописи событий по царствованиям царей. Со времени появления пророков собирались и записывались их изречения и легенды о них. Из этих записей иудейские авторы уже после конца царства Иуды составили теперешние «пророческие книги» библии. В связи с культом было создано большое количество гимнов и молитвенных обращений, так называемых псалмов. Наконец, собирались и записывались житейские изречения, народные песни и сказки. Одно из таких собраний, сборник народных свадебных песен «Песнь песней», приобрело мировую известность. Авторы всех этих произведений не называют себя; позднейшие иудейские ученые конца I тысячелетия до н. э. приписали составление их разным деятелям израильско-иудейской истории — легендарным вождям и пророкам. Кроме того, эти позднейшие ученые подвергли произведения литературы царской эпохи отбору и переработке и составили из них главнейшие произведения теперешней библии, которая должна была стать священной книгой позднейшей еврейской религии. Авторы библии приписали составление всех законов, издававшихся царями, легендарному Моисею и ему же приписали составление всех жертвенных, магических и праздничных ритуалов, совершавшихся в Иерусалимском храме, фальсифицировав, таким образом, ход израильской истории.

ГЛАВА XV

АССИРИЯ, УРАРТУ И ХАЛДЕЙСКИЙ ВАВИЛОН

§ 1. Страна Ассирии и образование ассирийского народа. Ассирией называлась область в северном Двуречье, расположенная по среднему течению Тигра. Там, в 350 *км* к северу от Вавилона, в III тысячелетии семитские выходцы из Аккада основали несколько поселений, в том числе Ашшур (Ассур), названный по имени племени и племенного бога его основателей; отсюда и пошло название Ассирия. Ашшур был основан на берегу Тигра, но еще ранее Ашшура был основан к востоку от Тигра, в предгорье близ теперешнего Керкука, город Нузи. Из этих двух городов дошли до нас древнейшие ассирийские надписи, в том числе надпись патеси Ашшура Шамши-Адада об основании храма Ашшуру. Уже в это время Ашшур завязал торговые связи с соседней малоазиатской областью, Каппадокией.

К западу от ассирийских поселений вплоть до Евфрата и по Евфрату жили племена, родственные хеттам и известные под именем субару или субарейцев. В начале II тысячелетия наиболее сильное из субарейских племен хурриты основали свое царство Митанни и вскоре подчинили себе Ассирию. С тех пор хурритские общины появились и в ассирийских областях; это обстоятельство повело к известному смешению населения и культур обоих народов. Господство Митанни продолжалось около 400 лет. В 1420 г. ассирийский князь Ашуррубаллит воспользовался поражениями царя Митанни в войне с Тутмосом III, а затем в войне с хеттами, вторгся в пределы Митанни, захватил часть митаннийской территории и вернул Ассирии самостоятельность.

По своим природным условиям Ассирия значительно отличалась от южного Двуречья. Тигр и Евфрат здесь отходят друг от друга на расстояние от 300 до 400 *км*, и потому их разливы не имеют такого широкого распространения, как в Вавилонии. Кроме того, здесь горы подходят к самому Тигру: от Ашшура до

горных склонов было всего 40—50 *км*, а севернее, там, куда переместился во II тысячелетии центр Ассирии, горы подходят к самой реке. В силу этих условий земледелие в Ассирии зависело в значительной степени также от дождей. Подателем дождей считался племенной бог Ашшур, его изображали летящим на тучах, подобно Ягве-Эльону и Алейону. Для привлечения дождей совершались специальные магические обряды.

Большое значение для экономики и социально-политической истории Ассирии имел горный характер местности к востоку от Тигра. Общины, расположенные в горах, не могли базироваться исключительно на земледелии. В их хозяйстве большую роль играли скотоводство и охота. Особенно широкое распространение имела охота. Ассирияне были опытными охотниками, опасности охоты развивали в них отвагу и боевой дух. Но вместе с тем в горных общинах рано проявилось перенаселение; излишнее население вынуждено было уходить из общин на сторону. Эти условия способствовали раннему процессу разложения общинного быта и образованию классового общества и государства.

Наконец, близость гор благоприятствовала обеспечению Ассирии лесом, камнем и металлами. Особое значение имело наличие в горах Ассирии железа. Железные орудия труда и железное оружие создали для ассириян огромные преимущества в технике и в военном деле. Вооружённое железными мечами и копьями ассирийское войско было непобедимым в борьбе с другими народами, вооружёнными бронзовым оружием.

§ 2. Ассирия в III и II тысячелетиях. Мы имеем очень мало сведений об Ассирии в III тысячелетии. Судя по дошедшим до нас немногочисленным документам из этой эпохи, в конце III тысячелетия и в первые века II тысячелетия в Ассирии происходит процесс разложения родоплеменных отношений, возникает классовое общество и государство. Оно называлось «община Ашшур», во главе которой стоял «ишаккум» — наследственный правитель, еще не приобретший прав деспота и не утративший еще функций родоплеменного вождя. Он превратился в восточного деспота только в последующую эпоху. Масса ассирийского населения продолжала жить общинным бытом, но родовые общины в это время постепенно превращаются в сельские. Создававшаяся в эту эпоху рабовладельческая верхушка состояла из прежних родовых старейшин и из царских сановников, появившихся после образования царства Ашшур. К ней очень рано присоединилась группа тамкаров — царских купцов. Развитие торговли в такую раннюю эпоху объяснялось тем, что Вавилония, Сирия и Палестина не имели своих месторождений металлов, им приходилось доставать металлы из Ассирии, в горах которой были железорудные месторождения, из Малой Азии и теперешней Армении, где, кроме железа, были также медь и серебро. Путь в эти страны шел через Ассирию, и это обстоятельство помогло ассирийским царям захватить в свои руки посредническую тор-

говлю металлами — железом, медью, серебром, а также и лесом. В связи с этим быстро вырос главный город тогдашней Ассирии — Ашшур, который стал центром для быстро богатевшей рабовладельческой верхушки. В Малой Азии, именно в Каппадокии, были основаны торговые колонии тамкаров, от которых до нас дошел ряд документов, освещающих хозяйство и быт торговой группы ассирийских рабовладельцев.

Торговые колонии ассирийцев в Каппадокии выполняли функции царской торговли; ассирийские тамкары из Ашшура и городские жители Нузи были рабовладельцами. Рабов было немного. Они приобретались тамкарами у бедных лулубейских племен в горах Загроса, где родители вынуждены были продавать детей в рабство в обмен на насущный хлеб. Рабы применялись для домашних работ и услуг. Из своих рабов ашшурские тамкары выделяли доверенных рабов, им поручалось заведование домашним хозяйством во время отлучек господина в Каппадокию. Из рабов же формировались отряды носильщиков и погонщиков мулов и верблюдов и вооруженной охраны в караванах купцов. Политический строй этой так называемой *староассирийской* эпохи носил переходный характер от раннего, еще сохранявшего общинные черты рабовладельческого государства к рабовладельческой деспотии. Стоявший во главе «общины Ашшур» ишаккум был ограничен властью коллективного верховного органа, носившего также название «общины Ашшур». Повидимому этот совет состоял только из «великих людей», а народ уже был отстранен от участия в правительственных делах. Ишаккум носил титул «наместника бога Энлиля»; он созывал совет великих людей, ведал религиозными и, вероятно, также военными делами. Судебными, податными и хозяйственными делами ведали другие должностные лица. Таким образом, этот политический строй, возникший из родового строя, имеет известные черты сходства с раннегреческими олигархическими республиками. Власть ишаккума выросла только в связи с началом ассирийских завоеваний, и первый крупный завоеватель, Шамши-Адад I, принял титул «царя вселенной».

Лучше нам известны общественные и политические отношения в последующую, *среднеассирийскую эпоху*, обнимающую период митаннийского владычества и период расцвета самостоятельного Ассирийского царства XV—XIII вв.

В эпоху *митаннийского владычества* Ассирия управлялась наместниками митаннийского царя. Эти последние, не ограничиваясь сбором царских налогов и нарядами населения на царские работы, заставляли общинников работать также и на себя и под видом «специальных» царских налогов грабили население в свою пользу и в пользу своих агентов. Вследствие этого уже в половине II тысячелетия многие общины были разорены; этим воспользовались ростовщики, начавшие порабощать общинников и завладевать их полями и садами. Так как традиционные обычаи не

позволяли делать это прямым способом, то ростовщики прибегали к обходным путям. Не уплатившие в срок ссуды, согласно обычаю, становились временными рабами кредитора. Никакого срока кабалы установлено не было; ростовщики заключали договоры с должниками о временном рабстве на сроки от 6 до 50 лет, а по истечении срока заставляли кабальных признать себя вечными рабами кредитора. Кроме того, порабощение производилось посредством фиктивного «усыновления» должника кредитором. Таким же способом приобретались поля и сады разорившихся общинников, с той разницей, что при этом производилось фиктивное «усыновление» богатого покупателя бедняком-продавцом. Суды, состоявшие из той же верхушечной группы рабовладельцев, утверждали эти явно незаконные и гнусные «договоры» и «усыновления».

В XV в. Ассирия вернула себе самостоятельность, и начался период расцвета Ассирийского царства, так называемая среднеассирийская эпоха. Из этой эпохи дошел до нас богатый документальный материал, всесторонне освещающий общественные и политические отношения этого времени. Основой ассирийского общества и государства был попрежнему общинный быт, в условиях которого продолжала жить масса крестьянского населения. Состав общинников был не вполне однородным, так как, кроме рядовых общинников, «товарищей», в общины входили еще не разделившиеся «большие семьи». Вся земельная территория общины обводилась «большой межой товарищей»; злонамеренное изменение этой межи каралось 100 ударами палки, штрафом и месяцем «царской работы» — самым тяжелым наказанием этого рода по ассирийскому закону. Общинная земля разделялась на возделываемую площадь и на запасную землю. Возделываемая земля делилась на наделы по жребию, при этом время от времени производились переделы. «Жребии» отводились «малыми межами», за изменение которых полагалось 50 ударов палкой, штраф и месяц царской работы. Общинные земли и формально и фактически были собственностью общин. Но допускалось с согласия общинников отчуждение отдельных участков земли; это допущение стало одной из причин разложения общинного быта. Общины были обложены налогами в царскую казну — «долей царя», а также царскими повинностями — воинской и трудовой. Общинники должны были работать на постройке каналов, дорог, храмов, дворцов и других объектов. Царская эксплуатация и эксплуатация со стороны богатеев в среде самих общин приводили к разорению не только отдельных общинников, но и целых общин и к быстрому росту частного землевладения. Как число частных землевладельцев, так и размеры их владений в Ассирии этой эпохи были значительно выше, чем в Вавилонии. Многим землевладельцам фактически принадлежали также земли «усыновивших» их крестьян-должников, превратившихся в земледельцев на положении рабов.

В XIV—XIII вв. появился первый сборник ассирийских законов, в котором узаконялись и укреплялись все практические успехи частного землевладения. Законы устанавливали порядок неравных разделов имущества отцовского дома. При разделах старший сын получает две доли наследственного имущества, из них одну долю выбирает себе сам, а другую долю получает по жребию. Оставшиеся доли делят поровну братья, сколько бы их ни было. Этот порядок чрезвычайно обострял и ускорял процесс выделения из общин обедневших элементов. Младшие братья, не будучи в состоянии вести на полученных ими долях самостоятельные хозяйства, в большинстве случаев продавали их и искали средства к жизни разными другими способами. Из этой массы обедневших людей ассирийские цари стали набирать свое войско и получили возможность начать свои завоевательные походы. Кроме установления порядка неравных разделов, в ассирийских законах имеются и другие постановления в защиту и для поощрения частного землевладения. За нарушение частного права владения были установлены не только материальные возмещения и штрафы, но и уголовные наказания. Была введена специальная процедура оформления актов на покупку земельных участков и домов, обеспечивавшая все интересы и права покупателей.

Опираясь на свое новое многочисленное войско, ассирийский царь Салманассар I начал походы, продолжавшиеся и при его сыне Тукульти-Нинурте I. Первая задача, стоявшая перед Салманассаром I, заключалась в окончательном разгроме остатков царства Митанни и обеспечении границ Ассирии со стороны Хеттского царства. Эта задача была разрешена: царство Митанни было окончательно уничтожено, а хеттское войско было разбито Салманассаром наголову и почти все истреблено. Во время следующих походов границы ассирийских владений расширились на западе до Кархемыша на Евфрате, на севере до озера Ван, на юге был завоеван Вавилон. Столица Ассирии была перенесена Салманассаром в город Калах (Кальху) на Тигре, в 75 *км* севернее Ашшура. Это первое военное возвышение Ассирии оказалось недолговечным. Тукульти-Нинурта пал жертвой дворцового заговора; после его смерти Ассирия на время приходит в упадок.

§ 3. Образование Ассирийской военной державы I тысячелетия. Главными врагами Ассирии с конца XII в. были арамеи. Это родственное финикиянам и израильтянам семитское племя еще в III тысячелетии до н. э. проникло из Аравии в Сирию и там утвердилось. Во второй половине II тысячелетия арамеи начали продвигаться из Сирии к Евфрату и основали между Оронтом и Евфратом сильное царство Бит-Адини. Отсюда арамеи начали постоянные опустошительные вторжения в Ассирию. Они истребляли и превращали в рабов население Ассирии, угоняли скот, разрушали и сжигали поселения. Из долины ассирийское населе-

ние стало уходить в горы; города пустели. Вслед за арамеями появился другой враг с севера. Это были племена, сидевшие в области теперешней Армении, вокруг озера Ван и далее к северу. Ассирияне называли эти племена урартийцами (урарту). Пользуясь ослаблением Ассирии, урартийцы в XI и X вв. также производят вторжения в Ассирию (см. § 8).

В X в. арамейский натиск на Ассирию стал ослабевать. Часть арамеев осела в долине между Евфратом и Тигром, постепенно ассимилировалась с тамошним населением, и вторжения уже не возобновлялись. Ассирия начала оправляться от перенесенных опустошений и бедствий, и в конце X в. ассирийские цари смогли сами перейти в наступление против урартийцев и арамеев, а также против восточных горных племен. В начале IX в. это наступление было завершено блестящими победами Ассурнасирпала II (884—859). Он подчинил себе арамейских царьков не только в Бит-Адини, но и в Сирии, покорил племена северного Двуречья и нанес решительное поражение урартийским племенам. В Ассирию были пригнаны тысячи пленных рабов.

Это дало Ассурнасирпалу возможность произвести большие постройки в Калахе. Он построил там роскошный дворец, украшенный художественными рельефами с изображениями победных сцен из царских походов и построил ряд укрепленных городов на границах.

Ассурнасирпал заложил таким образом основу будущей великой Ассирийской державы.

После Ассурнасирпала, с середины VIII в., Ассирией правит ряд царей, проявивших способности крупных полководцев, из которых два, Тиглат-Паласар III (745—727) и Саргон (722—705), являются главными создателями великой Ассирийской военной державы. При них получили новую организацию вооруженные силы Ассирии. Со времени Тиглат-Паласара III ассирийское войско состоит из трех основных родов оружия: колесничих частей, т. е. отрядов колесниц парной запряжки с вооруженными копьями бойцами, конницы, численность которой вдвое превышала численность колесничих, и пехоты, разделявшейся на тяжелую, вооруженную тяжелыми копьями и щитами, и легкую, с луками, численность которой была вдвое больше тяжелой пехоты. Кроме того, армии были приданы специальные части, соответствующие по своему назначению современным саперным частям и осадной артиллерии, а также крупные соединения рабочих, землекопов и строителей, обычно из рабов-военнопленных. В походе эти вспомогательные части наводили понтонные мосты на бурдюках, т. е. на надутых воздухом больших кожаных мешках, прорубали дороги, строили укрепленные лагери, несли тяжести и т. д. При осаде укрепленных городов делались подкопы под стены и применялись специальные орудия для разрушения стен и башен — камнеметы и тараны; при штурмах применялись заранее заготовленные лестницы. Колесницы применялись и в египетском войске,

но конница стала применяться систематически только ассирийскими царями. Кроме того, была выработана система взаимодействия этих родов оружия. Сражение начиналось атакой колесниц; за ними шла пехота и поражала уже расстроенные ряды неприятеля; конница преследовала отступающего или бегущего неприятеля. В способе укомплектования войска Саргон произвел важное нововведение: кроме воинов, в порядке обязательной повинности, он стал набирать также наемников, сначала только из ассириян, а потом и из чужеземцев. Число наемников с течением времени значительно увеличилось, и на наемные войска ассирийские цари опирались также и внутри своего царства.

Тиглат-Паласар III и Саргон совершили основные завоевательные походы. Тиглат-Паласар, разбив соединенные войска дамасского и израильского царей, завоевал всю Сирию вместе с Дамаском. Кроме того, он окончательно присоединил к Ассирии Вавилонию и принял на себя титул царя Вавилона. Тиглат-Паласар III нанес тяжелое поражение образовавшемуся в эту эпоху новому царству Урарту. Это царство с начала VIII в. сделалось самым главным врагом Ассирии. Урартский царь Аргишти (781—760) начал борьбу с Ассирией и нанес поражение тогдашнему ассирийскому царю. Поэтому борьба с Ванским царством сделалась первоочередной военной задачей ассирийских царей. За ее разрешение взялся Саргон. Предварительно он обеспечил себя со стороны Сирии и Палестины, уничтожив Израильское царство и уцелевшие еще хеттские княжества в районе Кархемыша. Затем Саргон повернул все свои силы против Урарту. Он разбил наголову войско урартского царя Русы, взял город Мусасир на берегу Урмии и захватил там огромную добычу (714 г.). Однако Саргону не удалось взять Тушпу и уничтожить Ванское царство. Оно было сильно ослаблено после нашествия Саргона, но просуществовало еще до начала VI в. В VI в. его разрушили мидяне.

Преемники Саргона не ведут систематических завоевательных походов. Они стремятся только завершить продвижение на юго-запад с целью овладения Египтом. Санхериб подчинил себе и обложил данью Иудейское царство; его преемник Асаргаддон через 35 лет после Саргона дошел в 671 г. до Египта и подчинил его своей власти. Однако эта победа оказалась непрочной, так как ассирийский царь не мог поставить в Египте достаточных гарнизонов, и через двадцать лет Египет освободился от ассирийской зависимости. Военная деятельность ассирийских царей в VII в. после Асаргаддона направлена главным образом на поддержание ассирийской власти в завоеванных и подчиненных странах. Царям приходится посылать войска для подавления возникающих повсюду восстаний, для насильственного сбора дани и держать большие силы в самой Ассирии вследствие все усиливавшегося брожения внутри.

§ 4. Организация Ассирийской военной державы. Ассирийская военная держава принадлежала к числу тех империй рабского

и средневекового периодов, «...которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения... представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[1]. Поэтому Ассирийская военная держава оставалась по существу восточной деспотией, но в ее организации были некоторые специфические черты.

Ассирийские цари-завоеватели не могли опираться на наследственную традицию. Тиглат-Паласар III был узурпатором, по всей вероятности, из военачальников; он и его преемники опирались прежде всего на войско. Они стремились сохранить власть в своем роде назначением себе преемников еще при жизни и заручиться поддержкой для них в войске. При восшествии на престол новый царь прежде всего представлялся войску и ожидал его приветствия. Цари пытались также укрепить свою власть провозглашением ее божественности и введением своего рода культа царской власти. Но этот способ ставил царей в зависимость от жречества ассирийского, вавилонского и других покоренных народов.

Ассирийские цари вынуждены были дать большие льготы храмам как в Ассирии, так и в Вавилонии, освободив их от всяких царских налогов и повинностей и даже от царского суда. Свое влияние на царскую политику и войско жречество проявляло иногда самым недвусмысленным образом. Особенно ярким примером является судьба преемника Саргона Санхериба.

Санхериб пытался завершить дело, начатое Саргоном, — завоевать царство Иуды и Египет. Но его походы были неудачны, так как он вынужден был в то же время отбиваться от врагов на юге и юго-востоке. С юга в Двуречье еще в XII в. начали проникать семитские родоплеменные группы арамейского племени халдеев, которые постепенно заняли весь юг Вавилонии. В VIII в. халдеи стали делать попытки овладеть Вавилоном; возобновили свои вторжения в Вавилонию и эламиты. Санхерибу пришлось организовать поход против халдейского князя Меродах-Баладана, успевшего захватить Вавилон. Этот поход стоил дорого, кончился разгромом Меродах-Баладана, но большой добычи не принес. Однако ассирийские солдаты воевали из-за добычи, и Санхериб должен был их удовлетворить. Он нарушил льготы, данные Вавилону и вавилонским храмам, и вызвал этим большое неудовольствие вавилонских жрецов и тамкаров. Последние вступили в соглашение с халдеями, и в Вавилоне появился халдейский царь Мушезиб-Мардук. Тогда Санхериб решил навсегда покончить с Вавилоном. Он взял город, отдал его на разграбление солдатам, разрушил храмы, затем открыл шлюзы в дамбах и затопил город. Эта расправа больно ударила по ассирийским жрецам, у которых были родственные и деловые (ростовщические) связи с вавилонскими

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 10.

жрецами. Против Санхериба составился заговор, и собственные сыновья убили его, когда он молился в храме. На его место войско возвело его младшего сына Асаргаддона, завоевателя Египта. Асаргаддон восстановил льготы Вавилону, а его преемник Ассурбанипал восстановил вавилонские храмы и даже собирался переехать в Вавилон на жительство.

Управление областями Ассирийской державы было приспособлено к различным условиям, при которых те или другие области и страны вошли в державу. В самой Ассирии управление было организовано по обычному традиционному образцу царского управления в государствах Двуречья. Завоеванные страны были подчинены различному режиму. Ближайшие к Ассирии субарейские области управлялись царскими наместниками. Вавилония тоже управлялась царским наместником, назначавшимся обычно либо из числа родственников царя, либо из числа царских приближенных. Но Вавилония сохраняла свои законы и суд, а ее города Вавилон, Сиппар и Ниппур пользовались особыми льготами по отношению к царским налогам и повинностям. Области и страны, завоеванные за пределами Двуречья, управлялись на других началах. В некоторых странах, как, например, в прежнем Израильском царстве и в некоторых сирийских областях, население подверглось истреблению и выселению. Взамен его туда переселились ассирийские колонисты; управление было поручено царским наместникам. В других областях, например в Тире, Сидоне, Иуде, в некоторых сирийских областях, были оставлены прежние царьки и князья, обязанные платить дань, выставлять солдат и во всем подчиняться царским распоряжениям.

Между Ассирией и остальными частями державы была организована постоянная почтовая связь. Для поддержания этой связи, а также и для военных передвижений ассирийские цари строили дороги, выложенные камнем, со станциями через определенные перегоны. Цари пытались также установить контроль над управлением наместников. Канцелярия при царском дворе принимала жалобы на незаконные действия и грабительство наместников; однако лишь весьма немногие жалобы удовлетворялись, и обычно на местах господствовал полный произвол и грабительство со стороны всех гражданских и военных властей, начиная от наместников и кончая мелкими агентами.

Грабеж и взяточничество были главными доходами ассирийских чиновников, начиная от самых крупных и кончая самыми мелкими. Взяточничество вошло в пословицу. От царя некоторые наиболее крупные и отличившиеся военные и гражданские служащие, а также и храмы получали в качестве дара «навечно» большие земельные участки со всем инвентарем и рабами и с освобождением от всех царских работ и налогов. Выдача таких дарений особенно усилилась со времени Ашшурбанипала.

§ 5. Хозяйство и общество Ассирии VIII—VII вв. В хозяйственном быту Ассирии этой эпохи по существу никаких серьезных изменений не произошло. Но появились значительные количественные изменения, связанные, однако, не с ростом производительных сил, а с притоком в Ассирию огромных масс военной добычи и дани. В связи с этим быстро и бурно растет торговля. Добычей пользовались солдаты, военачальники, жрецы, сановники; дань, прежде

чем поступить в царскую казну и царские кладовые, также проходила через цепкие руки военных и чиновников. В руках солдат и прочих получателей добычи и дани скоплялось много лишних ценностей, которые и выбрасывались ими на рынок. Такой рынок образовался в Ниневии, которая с VIII в. стала царской резиденцией. В VIII в. купцов было «больше, чем звезд на небе». На этом рынке шла также оживленная торговля рабами из военнопленных. Порожденный военными победами, этот рост торговли был временным, и когда победоносные походы прекратились, он быстро пошел на убыль.

Другая, также богатая и влиятельная группа рабовладельцев состояла из жречества, царских сановников и местных административных царских служащих.

На первом месте здесь надо поставить жречество, так как храмы получали от царей крупнейшие пожалования землей как в самой Ассирии, так и в завоеванных странах. Землевладение светских сановников также росло главным образом за счет царских пожалований в качестве вознаграждения за службу. Царские грамоты о пожаловании земель нередко сопровождались специальными грамотами об освобождении жалуемой земли от царских податей, а сидящих на ней людей — от царских повинностей, воинской и строительной.

Как и в среднеассирийскую эпоху, эта группа эксплуатировала не только рабов, но также и закабаленных крестьян, превращенных в рабов военнопленных и переселенных из побежденных стран. Для Ассирии VIII в. особенно характерен быстрый количественный рост рабства. Десятки тысяч военнопленных, пригонявшихся царями-завоевателями в Ассирию, превращались в рабов. Основная их масса направлялась в царское и храмовое хозяйство.

У Саргона в его дворцах было не менее 3—4 тыс. рабов. Тысячи рабов работали в армии, на проведении дорог и каналов, на грандиозном строительстве в новой столице, Ниневии. Большое количество рабов поступало в храмы; весьма увеличилось и число рабов у частных лиц. Многие лица получали гораздо больше рабов, чем им было нужно. На этой почве появилась рыночная работорговля. Рабов стали продавать партиями по 10—20 человек, обычно целыми семьями. Применение рабского труда также значительно расширилось. В особенности важно отметить, что труд порабощенных военнопленных и закабаленных крестьян применялся в царских, храмовых и крупных частных земледельческих хозяйствах. Таким образом, ассирийский рабовладельческий строй этого периода обнаруживает тенденцию развития в направлении античной системы рабского хозяйства.

Это расширение рабства также было временным и вместе с падением Ассирийской державы сошло на нет. Однако оно сыграло свою роль и в этой катастрофе.

В связи со всеми указанными выше явлениями общинный быт в новоассирийскую эпоху приходил в упадок. Этот упадок сказывается в измельчании общин, в потере ими самоуправления, в подчинении их старостам, которых назначал царь или его наместники, во введении круговой поруки общинников за исправное выполнение царских податей и повинностей. Внутрен-

няя связь общинников поддерживалась главным образом совместным пользованием водой. Общая численность общинников значительно уступала общей численности закабаленной части крестьянства и рабов различных категорий.

§ 6. Падение Ассирии. Завоевание Египта Асаргаддоном было последним военным успехом Ассирийской державы. С середины VII в. её могущество быстро идёт к упадку, и она гибнет, ослабленная внутренним кризисом и восстаниями покоренных стран и народов.

Расширение рабства не могло не привести к обострению классовой борьбы. У нас нет прямых сведений о рабских восстаниях, но мы знаем, что весьма широкое применение получает обычай заковывать рабов в кандалы за строптивость и бунты против господ. Борьба рабов смыкалась с борьбой покоренных народов и ассирийских общинников. При Ашшурбанипале одна рабыня была руководительницей восстания арамеев; несомненно, что и ассирийские крестьяне, разоренные военными наборами, тяжелыми работами и податями, также волновались и поднимали бунты. Вместе с тем ослабела также и военная опора ассирийских царей. Прекращение завоевательных походов прекратило и приток добычи; поступление дани также сокращалось в связи с постоянными восстаниями покоренных. Наемное войско в прежней численности поддерживать было уже нельзя, а части, составленные из ассирийцев, были ненадежны.

При таких обстоятельствах первое же крупное осложнение извне грозило Ассирийской державе смертельной опасностью. Этот момент настал в конце VII в. до н. э. В это время в Иране по соседству с Ассирией образовалось новое царство мидян. Мидийский царь Киаксар заключил союз с халдейским князем Набупаласаром, занявшим Вавилон. Соединёнными силами они в 612 г. взяли Ниневию, а в 605 г. уничтожили остатки ассирийского войска под Кархемышем. Ассирия перешла под власть мидийского царя, а в Вавилонии укрепилась халдейская династия Набупаласара.

§ 7. Культура Ассирии. Нельзя говорить о вполне самостоятельной ассирийской культуре. Основным ядром ассирийского народа были выходцы из Аккада, и потому в ассирийской письменности, религии и литературе мы встречаемся либо с повторением, либо с небольшими вариантами вавилонских элементов. Некоторые специально ассирийские элементы появляются лишь в изобразительном искусстве в эпоху наибольшего расцвета Ассирийской державы. В ассирийской религии фигурируют те же боги, которым совершался культ и в Вавилонии. Но специальная черта ассирийского пантеона заключается в том, что во главе его стоит древний ассирийский племенной бог Ашшур. Первоначальные его функции как бога отца и покровителя своего племени были земледельческие — он считался подателем дождя и урожая. Но с начала ассирийских завоеваний Ашшур становится богом войны и победы. Войска сопровождаются штандартом с его изображением; лучшая

часть добычи поступает в его храмы. Военными функциями наделяется и богиня плодородия Иштар, культ которой был также весьма древним и популярным.

При совершении культа ассирийское жречество руководилось теми же ритуалами и мифологическими поэмами, как и в Вавилонии. Царь Ашшурбанипал собрал в своем ниневийском дворце все произведения вавилонской литературы, в том числе эпос о Мардуке, творце мира, эпос о Гильгамеше, все вавилонские гимны и магические тексты. Собственно ассирийскими ритуалами были обряды вызывания дождя, а специальными гимнами — гимны и молитвенные обращения к Ашшуру.

В Ассирии получила широкое развитие специальная отрасль официальной литературы — царские надписи. Цари-завоеватели старались оставлять надписи о своих победах на скалах в местах походов и сражений и делали подробные надписи о своих деяниях на стенах и воротах своих дворцов и на специально воздвигнутых памятниках. Эти надписи составлялись в высокопарном хвалебном стиле с применением стандартных формул и выражений. Они являются нашими главнейшими источниками истории великой Ассирийской державы.

Уже первые цари-завоеватели IX в. начали строительство роскошных дворцов, остатки которых были найдены при раскопках. Это — дворцы в Калахе, Ниневии и дворец Дур-Шаррукин Саргона в 25 *км* к северу от Ниневии. От дворцов теперь остались только развалины, дающие известное представление об этих величественных зданиях. Хорошо сохранились художественные произведения, которыми они были украшены. Среди таких произведений особое место занимают огромные изваяния крылатых быков, изображавших духов — хранителей входов, и статуи царей. Затем сохранились украшавшие стены каменные плиты с рельефными изображениями. Рельефы изображают военный и мирный быт царей с царскими садами, прудами, женами, приближенными, рабами. Эти произведения искусства являются оригинальным составным элементом культуры Ассирии. В них заметно египетское влияние, но в некоторых отношениях ассирийские художники превзошли своих египетских учителей, особенно в изображении военных сцен и охоты.

§ 8. Царство Урарту. История царства Урарту имеет для нас особое значение, поскольку в его состав входили юго-западные области Закавказья в теперешней Армянской ССР.

Урартские племена жили в восточной окраине Малой Азии, в районе озер Ван и Урмии. Первые упоминания о племенах Урарту встречаются в надписях ассирийского царя Салманассара I в первой половине XIII в. до н. э.: там называется страна У р у а т р и, состоявшая из восьми более мелких стран. Салманассар покорил эти страны, разрушил и сжег 51 (или 41) поселение, увел пленных и обратил их в рабство. Завладев имуществом пленных, Салманассар наложил на оставшихся тяжелую подать. В XII в. страна Уруатри исчезает из надписей ассирийских царей, но упоминается несколько походов в страну Н а и р и, лежавшую в районе озера Ван и населенную родственными урартийцам племенами. Эти племена были побеждены ассирийским царем Ту-

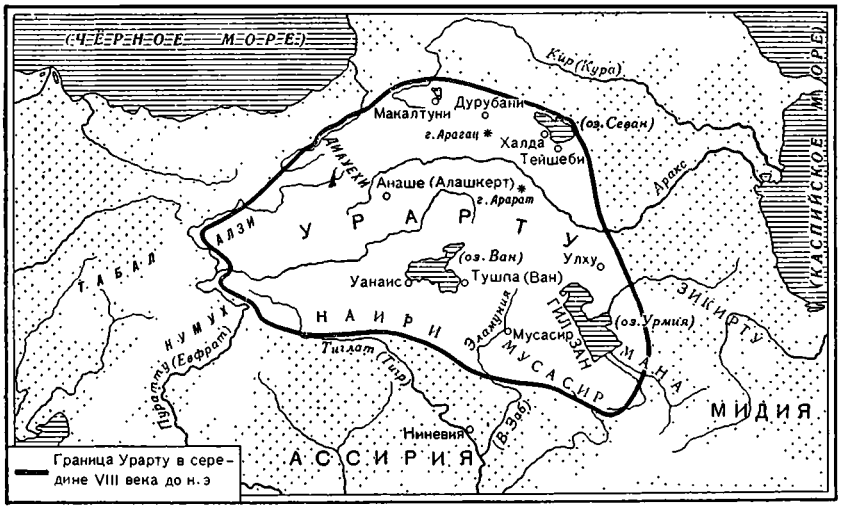
культи-Нинуртой I. «Цари» их были взяты в плен, а племена обложены данью. Побежденные племена постоянно восставали, и тогда, в XII—X вв., ассирийские цари совершали новые опустошительные и грабительские походы, причем в XI в. опять упоминается страна Уруатри. Эта борьба урартских племен за независимость окончилась образованием в первой половине IX в. единого Урартского царства.

В процессе четырехвековой борьбы против Ассирии племена, жившие в области теперешней Армянской Советской Республики и далее на юго-запад, кончая районом озера Ван, объединялись для отпора ассирийским царям сначала вокруг страны — или племени — Урарту, а потом вокруг страны — или племен — Наири. В это последнее объединение, вероятно, входила и страна Урарту. Эта общая борьба сплачивала мелкие урартские племена, из числа которых выделялись наиболее крупные и сильные. Естественно, что цари и вожди таких племен выдвигались на первое место, и в результате в начале IX в. образовались два государства — Урарту в теперешней Армении и Наири на юго-западе, в районе озера Ван. В середине IX в. происходит о б ъ е д и н е н и е этих царств.

Объединение этих государств было начато царем города Тушпы (на юго-восточном берегу озера Ван) Сардуром I. Он первый назвал себя в своей надписи «царем царей», принявшим дань «от всех царей». Завершил сплочение и укрепление нового единого царства внук Сардура — Менуа, от которого осталась 101 клинообразная надпись. Из них в 31 надписи говорится о строительстве крепостей на подступах к Тушпе, а также и на севере, и о строительстве дворцов и храмов, а в 19 надписях говорится о проведении каналов. Образовавшееся таким путем новое царство обычно называется Ванским царством.

Многочисленные надписи ванских царей, начертанные на скалах клинообразными знаками, заимствованными из Ассирии, сохранились до нашего времени в Советской Армении и в районе озера Ван в Турции. Язык и содержание этих надписей исследовали русские ученые М. В. Никольский, И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский и др. Последний на основе материалов этих надписей восстановил историю Ванского царства в своем исследовании «История и культура Урарту» (1944 г.).

Население объединенных царями Урарту областей юго-западного Закавказья и Ванской области жило еще в условиях разлагающегося родового строя. В связи с переходом под власть урартских царей процесс разложения родового строя ускорился, и постепенно в царстве Урарту сложились новые классовые отношения. Цари захватили в свои руки большие площади земель, которые были розданы храмам, царским сановникам и военным людям. В царстве развернулись большие постройки и сооружения. Строили новые крепости; одна из них, крепость Аргиштихинили на высоком берегу Аракса в теперешней Армении, построенная царем Аргишти,

1. Урарту.

преемником Менуа, сделалась центром всей восточной области царства Урарту. Крепость была окружена мощными крепостными стенами из базальта, остатки которых сохранились до нашего времени.

Наибольшего могущества царство Урарту достигло в середине VIII в., при царе Сардуре II (760—730 гг.). Он победил ассирийского царя Ашурнирари и покорил ряд соседних с царством Урарту мелких царств. Все эти походы сопровождались уводом в рабство десятков тысяч пленников, угоном огромных табунов коней и стад рогатого скота и вывозом даров и дани в золоте, серебре, бронзе и свинце. После смерти Сардура II начались смуты, и от Урарту стали отпадать некоторые завоеванные Сардуром области. Но решительный удар могуществу Урартского царства нанес в 714 г. ассирийский царь Саргон, победивший урартского царя Русу и разгромивший Урартское царство. Правда, оно продолжало еще существовать до начала VI в. до н. э., но уже не могло достигнуть прежнего могущества. Относительно обстоятельств окончательного падения царства Урарту историческая наука пока не имеет никаких точных документальных данных. Известно лишь, что в начале VII в. произошло разрушительное вторжение скифов: раскопки крепости Кармир-Блур (близ Еревана), произведенные советскими археологами во главе с Б. Б. Пиотровским в 1940-х годах, обнаруживают ясные следы разгрома ее скифами. В VI в. государство Урарту, как уже указывалось выше, было окончательно уничтожено мидянами.

После падения царства Урарту главенство на его территории временно перешло к племени арменов, и по имени этого племени

всю страну стали называть Арменией. Путем длительного процесса смешения древних племен страны Урарту с вновь приходившими туда племенами в последующее время образовался здесь новый народ под именем армян. Во II в. до н. э. произошло политическое объединение армянских земель в форме образования Армянского царства.

Хозяйство, общество и культура царства Урарту были сходны с ассирийскими. Земли в царстве Урарту разделялись по их принадлежности на земли царские, земли, розданные храмам и царским слугам, и земли, находившиеся во владении земледельческих общин.

На царских и розданных храмам и царским слугам землях разводились сады и виноградники. Для их орошения были сооружены многочисленные искусственные озера-водохранилища и широкая сеть каналов, подававших воду на поля, к горным поселениям и крепостям. Необходимость в этих сооружениях вызывалась тем обстоятельством, что климат на территории Ванского царства в те времена был гораздо суше, чем теперь.

Наряду с земледелием было весьма развито скотоводство. Оно появилось на Армянском нагорье еще в эпоху неолита и не утратило своей первостепенной роли также и в позднейшее время. Вождям племен, а позднее царям, храмам и царским сановникам принадлежали огромные стада рогатого и мелкого скота и табуны коней. Скот на летнее время угонялся в горы, куда в родоплеменную эпоху вместе со стадами перекочевывала и часть племени, а в царскую эпоху — пастухи и воины, охранявшие стада.

Хозяйство царей и сановно-жреческой верхушки носило рабовладельческий характер. Число рабов было очень значительным, так как каждый царский поход сопровождался захватом тысяч пленных. Так, например, Аргишти захватил при походах в Закавказье свыше 18 тыс. пленных, превращенных в рабов. Труд рабов, кроме обработки садов и виноградников и пастьбы скота, применялся также на постройке крепостей и каналов и на разработках медных и железных месторождений.

Подвластное сельское население вело, применительно к местным условиям, либо земледельческое, либо скотоводческое хозяйство и, вероятно, было обложено обычными для восточных стран податными и трудовыми повинностями. К сожалению, в найденных до сих пор урартских надписях точных данных по этому вопросу нет.

Городов в собственном смысле этого термина, как центров ремесла и торговли, в царстве Урарту еще не было. Их роль выполняли крупные сельские поселения, в которых было развито деревенское ремесло. Крупные ремесленные мастерские были при дворцах и храмах. Изделия этих мастерских, особенно художественные, расходились при посредстве купцов не только в царстве Урарту, но и за его пределами.

Культура царства Урарту создавалась под влиянием ассирийской культуры. От ассириян было заимствовано клинообразное письмо. В дошедших до нас памятниках урартского изобразительного искусства также сказывается ассирийское влияние, настолько сильное, что первоначально археологи считали за ассирийские ряд памятников, оказавшихся на поверку, несомненно, местными урартскими изделиями. Бронзовые предметы отливались в царских мастерских по особому способу, отличавшемуся от ассирийской техники, но их художественное оформление делалось по ассирийским образцам. Из дошедших до нас урартских художественных изделий выделяются части царского трона: например, ножка с изображением крылатого божества, крылатые быки, украшавшие ручки трона; замечательны также бронзовые канделябры с аналогичными украшениями. Крылатыми женскими фигурами украшалась бронзовая посуда; была найдена бронзовая статуэтка сидящей богини. С таким же мастерством и в таком же стиле изготовлялись художественные предметы из глины. Остатки огромных крепостных каменных сооружений свидетельствуют как о высокой технике строительства, так и об архитектурном искусстве строителей.

Религия царства Урарту, как и все другие древние религии, была классовой религией; религия государственная, правящей рабовладельческой верхушки, отличалась от народной религии эксплуатируемого населения. Главными божествами государственной религии были верховный бог Халд, бог войны Тейшеба и бог солнца Ард. Урартские надписи обычно начинаются обращением к богу Халду; о военных победах цари обращаются к Халду с отчетами в форме реляций. Халд был, несомненно, исконным урартским богом, богом одного из племен, вошедших в царство Урарту. Тейшеба, имя которого сходно с именем Тешуба, бога хеттов, ближайших соседей Урарту на западе, был также богом грозы и бури. Ард, по всей вероятности, был исконным богом солнца. Кроме этих трех главных богов, официальный пантеон насчитывал еще около двадцати более мелких божеств, в числе которых особое место занимали боги-покровители отдельных городов-крепостей. Несомненно, что об этих богах существовали мифы, но пока ни одного из таких мифов наука не открыла.

Народная религия Урарту нам мало известна. Имеются данные о существовании культа животных и деревьев. Культ священного дерева сохранялся также и в официальной религии. Священное дерево нередко изображается на урартских печатях; на одной печати есть изображение церемонии, связанной с культом священного дерева.

О культе официальной религии дают известное представление также изображения на печатях. Однако, поскольку еще не открыты урартские религиозные тексты, мы не можем составить определенное представление о культовой стороне официальной урартской религии.

§ 9. Халдейское, или нововавилонское, царство. Вавилония после почти трехсотлетней зависимости от Ассирии вновь стала самостоятельной с 626 г., когда там воцарился халдейский царь Набупаласар. Основанное им царство просуществовало около 90 лет, до 538 г., когда оно было завоевано персами.

Халдейские племена, начавшие проникать в южную часть Вавилонии с XII в., садились там родоплеменными и родовыми общинами, часть из них преобразовалась в сельские. Этот процесс не закончился еще ко времени основания халдейского царства, так как документы из царствований Асаргаддона и Ашшурбанипала свидетельствуют о том, что в Вавилонии бок о бок существуют и родоплеменные и территориальные общины. При дворе и в войске халдейских царей большую роль играли представители родоплеменной знати. Таким образом, в халдейскую эпоху в Вавилонии наблюдается очень сложное переплетение взаимоотношений между вполне оседлыми сельскообщинными элементами и родоплеменными элементами, еще только выходящими из кочевого быта.

Халдейские цари опирались на халдейские общины, поскольку они были резервом военной силы и объектом обложения. С другой стороны, цари искали опору среди вавилонского жречества, которое пользовалось огромным влиянием у вавилонского городского населения. Халдейские цари восстанавливают и украшают не только существовавшие при их воцарении храмы, но и восстанавливают культы многих забытых уже древних богов. Жрецы поддерживали халдейских царей, поскольку сами они, а также и светские ростовщики, за время существования великой Ассирийской державы чрезвычайно расширили ростовщические операции и теперь, после крушения Ассирии, надеялись на восстановление державы под властью халдейских царей. Главным представителем ростовщического капитала был в эту эпоху дом Эгиби в Вавилоне; надо полагать, что тогда же существовал уже и другой крупнейший ростовщический дом, Мурашу в Ниппуре, документы которого имеются из персидской эпохи. Термин «дом» надо понимать не в смысле предприятия, а в смысле рода или семьи. Он был семейной общиной, и руководителем ее ростовщических операций был глава семьи. Как и раньше, ростовщические сделки совершались в большинстве случаев на зерно. Но ростовщики скупали также и земельные участки, поля и сады, которые они сдавали в аренду. В цепкие лапы ростовщиков попадали и общинники, и царские воины, получавшие за службу земельные участки. Тут орудием закабаления служили для ростовщиков царские каналы, которые они брали на свое содержание и за пользование которыми взимали плату с прилегавших к таким каналам поселений.

Характер рабства в Вавилонии халдейской и последующей персидской эпохи в основе оставался таким же, как и в III—II тысячелетиях: прямое рабство по преимуществу было домашним, а дол-

говое рабство попрежнему было временным, лишь с тем различием, что трехлетний срок долговой кабалы не соблюдался и долговые рабы оставались в доме кредитора до 10 лет. Изменения замечаются лишь по отношению к численности рабов и по отношению к способам их эксплуатации. Завоевательные походы халдейских и первых персидских царей способствовали значительному увеличению числа рабов, хотя и не в таких размерах, как в Ассирийской державе. Рабы из военнопленных, как и в Ассирии, направлялись в царское хозяйство, главным образом на строительные работы, и в храмы Бэла-Энлиля, Небо (Набу) и Нергаля. В частном хозяйстве применялся новый способ эксплуатации рабов, заключавшийся в том, что господа разрешали своим рабам вести свое хозяйство (чаще всего в ремесле, а изредка и на земле) под условием ежегодного определенного платежа, называвшегося «мандатту». В ремесленной промышленности этот способ применялся следующим образом: рабовладелец-ростовщик отдавал своих рабов в учение какому-либо ремеслу, а по окончании обучения давал рабу средства для открытия мастерской, в которой раб вел самостоятельную работу, выплачивая господину ежегодный мандатту в серебре. Такие рабы могли разбогатеть, иногда сами становились ростовщиками и получали возможность выкупиться на волю. Некоторые буржуазные востоковеды утверждают, будто бы в халдейскую эпоху в Вавилоне существовали крупные «промышленные предприятия» с применением рабского труда. Однако это утверждение является произвольной модернизацией, так как документы говорят лишь о раздаче храмами и ростовщиками сырья на дом ремесленникам-ткачам для изготовления тканей. Увеличение численности рабов сопровождалось усилением их борьбы за освобождение. Чрезвычайно участились побеги рабов; покупатели рабов требовали от продавцов гарантии против «бунта и неповиновения» покупаемого раба. Несомненно, что в восстаниях, о которых упоминается в надписях халдейских царей, принимали участие также и рабы.

В праве Халдейского царства руководящие нормы определялись кодексом Хаммураби. Правда, был предпринят его пересмотр; но основная цель пересмотра заключалась в переводе кодекса на тогдашний разговорный язык. В самые же постановления были внесены лишь немногие изменения, главным образом в отношении наследственного права: в противоположность кодексу Хаммураби дочери совсем исключались из наследования. В новой редакции кодекс, повидимому, опубликован не был.

Крупнейшим царем халдейской династии был преемник Набупаласара Навуходоносор II (604—561 гг.). Он возобновил завоевательные походы и завоевал Сирию, Палестину и Финикию, но поход его на Египет оказался неудачным. Захваченная им добыча и дань, а также огромное количество рабов-военнопленных дали Навуходоносору возможность заново перестроить центральную часть Вавилона с дворцами и храмами, жестоко пострадавшую при Санхерибе. Кроме того, на северной окраине Вавилона На-

вуходоносор выстроил себе роскошный загородный дворец. Главная улица в центре города, так называемая «улица процессий», соединявшая дворец с храмами, была украшена стеной с эмалевыми разноцветными фигурами льва, быка и других священных объектов. В этом виде Вавилон сохранился и позднее, после крушения Халдейского царства, и славился далеко за пределами Двуречья как «чудо света».

После смерти Навуходоносора II скоро настал конец Халдейского царства. В Иране в середине VI в. образовалось новое сильное Персидское царство. Его царь, знаменитый Кир, подчинил себе Мидию вместе с завоеванной ею Ассирией. Затем войско Кира двинулось на Вавилон. Царь Вавилона Набонид вышел со своим войском навстречу Киру, но был разбит и бежал. Жрецы Вавилона открыли ворота города персидскому войску, Вавилония стала персидским владением (538 г.) и с тех пор навсегда потеряла свою самостоятельность.

ГЛАВА XVI

ДРЕВНИЙ ИРАН

§ 1. Природа и население. Территория, на которой впервые сложилось государство иранских племен, лежит к востоку от Месопотамии. Основную часть этой территории занимает огромное Иранское плоскогорье. На западе Иранское плоскогорье ограничено горами Загроса, Каспийским морем и Персидским заливом, на востоке оно простирается до реки Инда. Горы, окаймляющие Иранское плоскогорье со всех сторон, с их бурными реками, прекрасными долинами и богатыми лесами, представляли собой удобное место для земледелия и скотоводства, что и обусловило ранний переход местного населения к оседлости. Однако по мере удаления вглубь плоскогорья условия жизни резко меняются, исчезают реки и озера, климат становится резко континентальным. Зимой там господствуют сильные морозы, летом — жара, дождей выпадает мало, почва непригодна для земледелия, растительность бедная, характерная для пустыни. Иран богат ископаемыми рудами. В горных областях Ирана добывались медь, железо, свинец, золото, серебро, белый и цветной мрамор, драгоценные камни и в частности ляпис-лазурь. Леса, покрывавшие горы, были богаты сосной, дубом, тополем, т. е. теми сортами деревьев, которые особенно необходимы для всевозможных строительных работ. Склоны Загроса были покрыты сплошными рощами фруктовых деревьев: груши, яблони, айва, вишни, персики и др.

В местах, богатых водой, хорошо произрастали зерновые культуры: рожь, пшеница, ячмень. Широкое развитие получило скотоводство. В западных районах оно было преимущественно оседлым, в восточных — кочевым. Местные племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и верблюдов. Леса и степи, богатые

дикими животными и дичью, давали возможность местному населению в широких размерах заниматься охотой.

В древности всю эту территорию занимало множество племен различного этнического происхождения и языка. Все они жили в условиях разлагавшегося первобытно-общинного строя. Племена, обитавшие на востоке, занимались преимущественно скотоводством. Они часто нападали на племена, которые вели оседлый образ жизни в западных горных районах. Благодаря влиянию развитых культур Месопотамии эти западные племена находились на более высоком уровне развития.

Раскопки, произведенные в юго-западной части Иранского плоскогорья, в области Элама, показывают, что в этих местах существовала высокая местная культура еще со времени неолита, а согласно памятникам письменности Шумера уже в III тысячелетии тут сложилось довольно мощное рабовладельческое государство Элама. Эти же памятники сообщают об ответных экспедициях правителей шумерских и аккадских городов против беспокойных восточных соседей. Так, известен поход патеси Лагаша Эаннатума в Элам, а также поход царя Аккада Маништусу. В конце III тысячелетия эламиты вторглись в южную Месопотамию и покорили себе местное население, так что только вавилонскому царю Хаммураби, объединившему все Междуречье, удалось их изгнать.

Позднее, в VIII, VII вв. до н. э., упорную борьбу с эламитами пришлось выдержать ассирийским царям; только в 645 г., при царе ассирийцев Ашшурбанипале, Элам был разгромлен. Но и после этого разгрома эламиты играли значительную роль в государстве, созданном персами, о чем свидетельствуют недавние раскопки дворца персидских царей в г. Персеполе, где было найдено до 30 тыс. табличек различных документов, написанных на эламском языке.

В III тысячелетии на территорию Иранского плоскогорья проникают из Азии племена ариев, говоривших на языке так называемой индоевропейской системы, откуда происходит и название страны Иран: Айрана — страна ариев. Эти племена отчасти покорили местное население, превратив его в своих данников, отчасти слились с ним. Пришельцы, как и местное население, занимались главным образом скотоводством. Об этом можно судить по текстам древнеиранской священной книги «Зенд-Авеста», а особенно по её древнейшей части «Гата», в которой изображается пастушеский быт древнейших иранцев. В западных районах плоскогорья иранские племена рано перешли к оседлости и земледелию; но последнее, как и в Месопотамии, было возможно лишь при условии систематических ирригационных работ.

«Зенд-Авеста» дает нам некоторое представление, хотя и неточное, об общественном строе древних иранцев. Патриархальный род уже находился в стадии разложения. Выделяется семья во главе с отцом. Несколько родовых общин объединялись в племя; несколько племен составляли союз племен с выборным вождем В это время наблюдается уже и некоторое социальное расслоение. Родовая знать и жречество, располагавшие большими стадами, занимали привилегированное положение, их представители возглавляли семейные общины, роды, племена, союзы пле-

мен. Появилось и рабство, но в этот период оно еще было развито слабо и носило патриархальный характер.

§ 2. Мидийское царство. Начиная с IX в., в ассирийских хрониках часто упоминаются названия двух групп иранских племен — м а д а и (мидийцев) и п а р с у а (персов). Мидийские племена жили в северо-западной части Иранского плоскогорья, на юг от Каспийского моря. Исторические сведения о развитии Мидийского царства столь скудны, а зачастую и легендарны, что составить сколько-нибудь полную картину истории этого государства очень трудно.

История застает мидийцев уже на высшей ступени родоплеменного строя. Каждое племя возглавлялось племенным старейшиной — «бель-али», а все племена объединялись в союзы племен. Родовое устройство общества постепенно разлагается. Все большее развитие получает рабство. Основными отраслями хозяйства были земледелие и скотоводство, затем вместе с ними начинает развиваться ремесло и, в частности, металлургия.

Об этом свидетельствуют археологические находки и ассирийские хроники. Мидийцы знакомы были с обработкой бронзы, меди, золота и электрона (сплав золота и серебра). Ассирийские цари в своих надписях сообщают о походах на мидийцев и захвате большого количества мидийских ремесленников, которых превращали в рабов. Из тех же надписей узнаем, что ассирийцы, кроме рабов и другой добычи, уводили из Мидии много лошадей. Мидийцы в древности славились своим коневодством, причем очень рано они применяют колесницу с дисковыми колесами, напоминающую среднеазиатскую арбу.

Мидийские племена вышли на арену истории раньше, чем другие иранские племена, в частности персидские. Это объясняется тем, что они близко соприкасались с Ассирией и Эламом, и тем, что через Мидию шла большая торговая дорога из Месопотамии на Загрос и далее на восток.

Политическая история Мидии в известной мере восстанавливается по полулегендарным сообщениям Геродота и ассирийским источникам. Из рассказа Геродота следует, что в конце VIII в. до н. э. некий Дейока объединяет под своей властью мидийские племена и создает Мидийское царство. В некоторой мере эта версия Геродота подтверждается ассирийскими хрониками, которые упоминают некоего Даяукку, вождя одного из мидийских племен, и его город Бит-Даяку. В связи с ослаблением в конце VII в. до н. э. Ассирии мидийцы предприняли ряд походов против этого государства. Так, в 625 г. до н. э. мидийский царь Фраорт, окончательно объединивший мидийские племена в одно государство, предпринял поход против Ассирии, закончившийся поражением мидийцев и смертью Фраорта в связи с тем, что Ассирии оказали помощь неожиданно нагрянувшие с севера скифские племена.

Сын Фраорта, Киаксар, отразив скифов, произвел реорганизацию мидийской армии. Мидийское ополчение, действовавшее в бою без всякой системы, организуется по родам оружия (копейщики,

лучники, пращники и т. д.), при этом каждый род оружия получил свое определенное место в боевом порядке.

Заключив союз с вавилонским царем Набупаласаром, Киаксар предпринял поход против своего главного противника — Ассирии. В 612—605 гг. до н. э. объединенные силы мидийцев и вавилонян нанесли сокрушительный удар по Ассирии. Столица Ассирии Ниневия была разрушена, а вместе с тем перестало существовать и Ассирийское государство. Затем Киаксар захватывает Персию, Урарту, Каппадокию. Однако дальнейшее наступление на запад встретило в Малой Азии решительное сопротивление со стороны царей могущественного Лидийского государства, занимавшего значительную часть Малой Азии на запад от реки Галис. 28 мая 585 г. до н. э. между мидийскими и лидийскими войсками произошло сражение, которое не было закончено благодаря наступившему солнечному затмению, предсказанному, как сообщают греческие писатели, знаменитым философом Фалесом. Военные действия были прекращены. Киаксар заключил мир с лидийским царем Алиаттом. Река Галис была признана границей двух царств.

Преемник Киаксара Астиаг продолжал расширение Мидийского царства. Лишенный возможности захватить Малую Азию, Астиаг направил свои военные силы на завоевание Двуречья и областей северной Сирии. Время правления Астиага является высшим расцветом Мидийского государства, в состав которого входила тогда огромная территория от центральных областей Иранского плоскогорья на востоке до реки Галиса и северных областей Сирии на западе и Персидского залива на юге.

§ 3. Образование Персидской державы. Завоевания Кира и Камбиза. Дальнейший рост Мидийского государства был приостановлен выступлением персидских племен. В ассирийских хрониках парсуа (персы) упоминаются, как было указано выше, еще в IX в. до н. э. Персидские племена, этнически близкие мидийцам, занимали горные районы в юго-западной части Иранского плоскогорья, примыкавшего к Персидскому заливу. Они стояли примерно на том же уровне развития, что и мидийские. В то время как в передовых древневосточных государствах, которые позднее вошли в состав Персидской державы, рабский труд применялся широко, в экономике собственно иранских племен рабы использовались мало. Причем рабство было развито несколько больше у западноиранских племен, занимавшихся ирригационным земледелием и близко соприкасавшихся с культурами Месопотамии, чем у восточноиранских, скотоводческих племен. Тем не менее экономически отсталый Иран сумел подчинить себе более развитые древневосточные государства, так как последние в конце VII и начале VIII в. до н. э. были ослаблены острой внешнеполитической и внутренней социальной борьбой. В таком объединении и создании сильной централизованной власти, в подавлении социальных движений были заинтересованы как

военно-чиновничья аристократия самих персов, так и торгово-ремесленные и ростовщические круги Вавилонии, Ассирии, Финикии и других стран, стремившихся к усилению хозяйственной деятельности и международной торговли. В 558 г. до н. э. персидские племена объединяются под руководством Кира, который организует их для борьбы с мидийцами. Таким образом, Кир сделался основателем нового царства, появление которого стало поворотным пунктом в истории стран древнего Востока.

Вокруг личности Кира, как и большинства крупнейших деятелей древности, сложилась поэтому масса легенд. Легендарный характер имеют и сообщения о Кире греческих писателей Геродота и Ктесия. Более достоверный характер, вероятно, имеют сведения, сообщаемые хроникой, составленной в конце царствования последнего халдейского царя в Вавилоне Набонида.

В то время как Астиаг начал поход против Вавилона, Кир двинулся в Мидию. Не выполнив своего плана завоевания Вавилона, Астиаг вынужден был направить все свои силы для борьбы с вторгшимися персами. Борьба продолжалась три года и завершилась в 550 г. до н. э. победой Кира. Большую роль в поражении мидян сыграла измена в армии Астиага; предатели выдали Киру даже самого царя. 550-й год до н. э. и принято считать годом основания Персидской державы. Разгромив Астиага, Кир захватил его столицу Экбатаны, при этом, как сообщает хроника Набонида, «серебро, золото, всякого рода сокровища Экбатаны были разграблены и унесены». Мидия была разгромлена и перестала существовать как самостоятельное государство: она была включена в состав вновь образовавшейся Персидской державы. Победа Кира способствовала быстрейшему отмиранию остатков первобытно-общинных отношений среди персидских и мидийских племен. Усиливается классовое расслоение. Завоевание принесло с собой широкое развитие рабства. Во главе нового государства становится единый царь, которому подчинились все племена Ирана.

Создав новое государство, Кир стремится расширить его пределы. Для выполнения этой цели он реорганизует свою армию, создает регулярные кавалерийские части и превращает их в основную ударную силу своих войск. Кир разрабатывает далеко идущий план завоевания древневосточных государств. Он быстро захватывает Армению, Каппадокию, а в 546 г. до н. э. разрушает Лидийское царство и захватывает несметные богатства лидийского царя Креза (это имя стало нарицательным для очень богатого человека), которые хранились в столице Лидии Сардах. Немного времени спустя Кир покорил и всю Малую Азию, включая греческие города и побережье Эгейского моря. Все покоренные города должны были платить дань.

Охватив Месопотамию покоренными им странами с востока, севера и запада, блокируя все торговые пути, Кир мог поставить себе задачу покорения Халдейского Вавилона, своего основного противника. Сверх ожидания Кира эта задача была решена без

особых осложнений. Вавилонская знать, жречество и торгово-ростовщические круги, недовольные царем Набонидом (который в целях укрепления и защиты государства облагал тяжелыми податями население города, не исключая и богатой его верхушки), открыли ворота войскам Кира. Они рассчитывали, что с помощью Кира смогут шире развернуть торговые и финансовые операции в новой обширной державе и избавиться от тяжелых поборов. Расчеты их оправдались. Вступив в 538 г. до н. э. в Вавилон, Кир уничтожил последних представителей царствующего дома и объявил себя царем Вавилонии. Кир обнародовал манифест, текст которого сохранился и до наших дней. В этом манифесте Кир обещал сохранить старые порядки в Вавилоне, почитать его богов и содействовать развитию города, точнее, его господствующего рабовладельческого класса и торгово-ростовщических кругов. Это было концом самостоятельного существования Халдейского Вавилонского государства.

Вслед за завоеванием Вавилонии на очереди стал Египет, покорение которого сделало бы Кира господином всего передневосточного мира. Но прежде чем начать большой поход в Египет, Кир отправился к восточным окраинам Иранского плоскогорья для усмирения непокорных племен. В 529 г. до н. э. в борьбе с этими племенами Кир был убит.

И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» определяет обширное государство Кира как «...конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»: такие большие государственные образования, как империи Кира, а впоследствии Александра Великого, Цезаря, «...не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения» [1].

Кира сменил на персидском престоле его сын Камбиз. Он в своих замыслах шел еще дальше Кира, так как намеревался распространить свою власть на большую часть Средиземноморья вплоть до Карфагена. О походе Камбиза против Египта нам сообщают греческие и египетские источники. В 525 г. до н. э., собрав большую сухопутную армию и флот, который предоставили в его распоряжение финикийцы, киприоты и самосцы, Камбиз нанес решительное поражение египтянам у Пелусия. Захватив Египет и жестоко подавив все попытки египтян отстоять свою свободу, Камбиз предпринял ряд походов на запад с целью завоевать Карфаген и на юг против Нубии, о богатстве которой были распространены всевозможные легенды. Однако все эти походы закончились неудачно. Во время одного из походов в Египте вспыхнуло восстание с целью освобождения от персидского ига. Камбиз жестоко расправился с восставшими, причем погиб и последний египетский фараон XXVI династии Псаметих III.

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 10.

§ 4. Восстание «магов» и завоевания Дария I Гистаспа. Объединительные тенденции персидских царей встречали сопротивление также со стороны консервативных и недовольных слоев населения самого Ирана. В то время как Камбиз предпринимал свои походы из Египта на юг и запад, в Мидии вспыхнуло восстание многих иранских племен, которое охватило затем все захваченные персами территории и едва не привело к полному крушению государства Кира и Камбиза. Восстание было организовано мидийскими жрецами — «магами» — и родовой знатью. Во главе восстания стоял маг Гаумата, который объявил себя царевичем Бардией, братом Камбиза. В действительности же Камбиз убил своего младшего брата Бардию еще перед походом в Египет, так как опасался, что Бардия без него может захватить власть.

Восстание магов нужно признать реакционным движением, ибо оно стремилось вернуть страну к старым патриархальным порядкам и тормозило естественный ход развития производительных сил. Камбиз, получив известие о восстании, отправился в Мидию с намерением жестоко расправиться с восставшими, но в пути в 521 г. до н. э. умер. Обстоятельства его смерти остались неясными.

Задачу подавления восстания взял на себя один из членов царского рода Ахеменидов, Дарий I Гистасп (521—486 гг. до н. э.). Разгромив в Мидии магов и казнив самозванца Бардию-Гаумату, Дарий принужден был затем вести упорную борьбу с вспыхнувшими почти во всех областях разноплеменной и разноязычной державы сепаратистскими движениями. О всех этих событиях Дарий повествует в своей знаменитой надписи, высеченной на высоте 450 *м* на Бехистунской (Биситунской) скале.

Над текстом надписи высечено изображение самого Дария, стоящего над одним поверженным и девятью связанными узурпаторами. В этой надписи Дарий лаконично, но выразительно сообщает: «Пока я был в Вавилоне, следующие провинции от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия»; и далее: «Вот что я совершил по воле Аурамазды в течение одного года. После того как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Аурамазды я разбил [противников] и захватил в плен 9 царей».

Жестоко подавив сепаратистские движения и восстания, Дарий приступил к проведению ряда крупных реформ, которые должны были обеспечить прочность государства, в корне пресечь сепаратистские тенденции и способствовать развитию земледелия, ремесла и торговли.

§ 5. Организация государства Дария. Все свое государство Дарий разделил на ряд областей — с а т р а п и й, число которых в разное время колебалось от 20 до 31. Территория сатрапии создавалась на базе определенной этнически и исторически сложившейся области. Во главе каждой сатрапии стоял наместник — сатрап, назначавшийся царем и ему подчинявшийся. Сатрапу принадлежала вся административная и судебная власть. Однако наряду с сатрапами во многих областях сохранялись и местные правители,

подчинявшиеся сатрапу, но располагавшие достаточной властью во всех внутренних делах. Дарий, как правило, сохранял во всех сатрапиях исторически установившиеся местные формы администрации, судебной практики, культа, не желая возбуждать недовольства населения изменением их обычаев. Помимо сатрапа, в каждую сатрапию назначался начальник местных гарнизонов, независимый от сатрапа и подчиненный центральным властям. Это делалось, с одной стороны, с целью усиления контроля за должностными лицами, которые обязаны были доносить о деятельности друг друга, и, с другой стороны, с целью предупредить сепаратистские тенденции как областей, так и отдельных честолюбивых сатрапов и военачальников. Кроме того, Дарием была организована широкая сеть шпионов и доносчиков, следивших за деятельностью сатрапов и военачальников.

Все сатрапии были обложены ежегодной денежной или натуральной податью или и тем и другим вместе. Ежегодный доход Дария от податей составлял около 14 560 талантов (примерно 34 млн. золотых рублей). Один Египет поставлял хлеба для прокормления персидских гарнизонов в 120 тыс. человек.

Способствуя развитию торговли и связи между сатрапиями, а также в военно-стратегических целях Дарий предпринял строительство ряда крупных дорог. Наиболее важной из них была так называемая «царская дорога» от г. Эфеса к Сардам, через Евфрат, Тигр, к столице Персии Сузам. Другая крупная дорога шла от Вавилона на восток к Индии. Дороги прекрасно содержались и охранялись. Через каждые 20 *км* была организована почтовая станция с гостиницами для проезжающих. Но Дарий заботился не только о сухопутных дорогах. Найдена запись Дария, в которой он сообщает о работах по восстановлению некогда построенного египетской царицей Хатшепсут канала, соединявшего Средиземное море с Красным.

Важное значение имела монетная реформа Дария, назначением которой было ликвидировать разнообразие валюты и ввести единую монету во всей Персии. Эта реформа должна была способствовать упорядочению экономической жизни Персидской державы. Была введена единая золотая монета, получившая название «дарик». Золотую монету мог чеканить только царь. Сатрапам разрешалось чеканить серебряную и медную монету, причем последнюю могли чеканить и местные правители.

Централизаторские тенденции Дария особенно ярко проявились в военной реформе. Он лично устанавливал количество войск в каждой сатрапии и каждом гарнизоне; более того, царь сам устанавливал число каждого рода войск (пращники, лучники, кавалеристы и т. д.) в каждом гарнизоне. Как правило, персы в армии и в гарнизонах составляли только ядро, а основная масса воинов комплектовалась из представителей различных племен и народностей. Вся Персия была разбита на пять военных округов, во главе которых стояли военачальники; им подчинялись командующие войсками отдельных сатрапий. Вообще во всем огромном государстве Дария господствующее положение занимали персы. Персидские племена, основным занятием которых, помимо несения воен-

ной службы, являлось земледелие и скотоводство, были освобождены от всяких податей и натуральных повинностей, о чем свидетельствует надпись, открытая в 1930 г. в Сузах. В этой надписи речь идет о постройке царского дворца и перечисляются народности, принимавшие участие в строительстве. Персы среди них не названы.

Военные и административные реформы Дария I, колоссальная территория его державы способствовали развитию внутренней, внешней и транзитной торговли, центрами которой были крупнейшие города Востока и особенно Вавилон. В городах создавались объединения финансистов-ростовщиков, бравшие на откуп взимание податей с целых сатрапий и наживавших огромные состояния на узаконенном (в форме откупа) грабеже местного населения. Ростовщические конторы, подобно конторе, основанной неким Мураши в Вавилоне, субсидировали за большие проценты представителей правящих кругов и даже целые области Персидской державы. Торгово-ростовщические круги, получавшие неслыханные прибыли от откупов и торговли, всячески поддерживали Дария I в его широких агрессивных планах и внутренних преобразованиях.

§ 6. Падение Персидской державы. Одновременно с организационной и административной деятельностью Дарийпродолжал расширять пределы своего государства. На западе, в Северной Африке, он закрепился в Кирене и Барке, на востоке установил границу своего государства по реке Инд, на севере он захватил ряд областей Средней Азии, где Ахемениды подчинили себе Хорезм, Согдиану, Бактрию и ряд других областей. Бактрия стала главным центром господства Персидской державы на Востоке. Управляли бактрийской сатрапией обычно родственники царей. Область между Аму-Дарьей (Оксус) и Сыр-Дарьей (Яксарт) в III—II тысячелетиях до н. э. была заселена племенами, которые жили родовыми общинами и занимались охотой, рыболовством, скотоводством и примитивным земледелием. Новейшие исследования С. П. Толстова свидетельствуют о том, что уже в эти отдаленные времена племена южного Приаралья были связаны с племенами, населявшими Иранское нагорье и Передний Восток. В конце II тысячелетия приаральские племена находились на стадии разложения первобытно-общинных отношений и образования классов и государства. Уже в VIII—VI вв. в южном Приаралье, в Хорезме, возникает мощное рабовладельческое государство, а еще далее к югу — зависимое от него Согдийское государство. Основой экономики Хорезма в это время является уже ирригационное земледелие. С возвышением Персидской державы Хорезм и Согдиана вошли в ее состав. Однако эта зависимость была лишь номинальной, так как хорезмийские цари в то же время входили в мощную конфедерацию массагетских племен. Сила этой конфедерации внушала опасения персам, которые для предотвращения возможного нападения на их державу и особенно — нарушения их коммуникаций, связывающих Персию с ее восточными сатрапиями,

предприняли ряд походов против приаральских племен. В 529 г. персидский царь Кир, а в 517 г. Дарий I совершили походы против саков, закончившиеся в общем неудачно, хотя Дарий в Бехистунской надписи и говорит о захвате в плен царя саков. Ахеменидам, как позднее и Селевкидам, так и не удалось подчинить себе эти области. Кроме того, Дарий совершил поход на Кавказ, а также против скифов Северного Черноморья, завоевал Фракию и ряд островов Эгейского моря. И именно здесь, на островах Эгейского моря, в греческих городах Малой Азии и на Балканском полуострове, Персии был нанесен непоправимый удар. В 490 г. до н. э. греки нанесли персам жестокое поражение у Марафона. Еще через 10 лет, в 480 г. до н. э., преемник Дария I, его сын Ксеркс, был разбит в морской битве у острова Саламина, а в следующем 479 г. — в сухопутной битве у города Платеи. Армия персов перестала считаться непобедимой. В IV в. до н. э. при Александре Македонском греки сами переходят в наступление против персов. Разноплеменная, неспаянная армия последнего ахеменидского царя Дария III не выдерживает ударов прекрасно организованной армии Александра Македонского. В 330 г. до н. э. был убит царь Дарий III. Преемником царства ахеменидов становится Александр Македонский и его наследники.

Товарищ Сталин предельно точно определил причину падения государств, подобных государству Кира. «Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» [1].

§ 7. Религия Ирана и культура. Источниками для изучения иранской религии являются древняя священная книга иранцев «Зенд-Авеста», а также сведения Геродота и Плутарха. Ранняя иранская религия отразила бессилие человека в борьбе с природой. Иранские племена поклонялись священным животным, например, собаке и быку. Культ животных как у иранцев, так и у других народов является пережитком древнейших форм культа — тотемизма. Однако главные божества иранцев были связаны с силами природы. Особенно распространенными были культы земли, неба, огня, причем культ огня был тесно связан с племенным культом собственно персидских племен — Аурамазды (Ормузд).

Особое значение имел культ небесных светил и, в частности, солнца, персонифицировавшийся в образе бога Митры. Культ солнечного божества Митры был тесно связан с земледелием и скотоводством и олицетворял собой производительные силы природы. Позднее Митра становится богом покровителем умерших и богом войны. Древнеиранская религия не знала специальных храмов. Религиозные церемонии — молитвы, жертвоприношения — происходили в тех местах, где это было удобно.

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 293.

Со времени Дария I преобладающее значение получил государственный официозный культ, оформленный, согласно иранским преданиям, Заратуштрой (большинство современных ученых отвергает историчность Заратуштры). Религия Заратуштры носит ясно выраженный дуалистический характер. Согласно этому учению, бог света и добра Аурамазда ведет непрерывную борьбу с богом мрака и зла Ариманом. Первый учит людей добру и порядку, искусству земледелия и ремеслам, второй мешает всему доброму, всюду сеет зло и беспорядок. Вследствие этого каждый верующий должен строго исполнять законы Аурамазды, вести праведную жизнь, исполнять повеления царей, прилежно заниматься земледелием и скотоводством, и он будет вознагражден после победы Аурамазды.

В этом дуализме отчетливо проявляется социально-политическая тенденция господствующих слоев Ирана, стремившихся оправдать свое господство над громадными массами трудящихся, как олицетворение «светлого», «организующего» начала. И именно поэтому религия предписывала безусловное повиновение царской власти и безропотную работу в интересах и на пользу правящих кругов государства.

О культуре древнего Ирана мы можем составить себе представление преимущественно по памятникам архитектуры и искусства. Сохранившиеся памятники архитектуры, например остатки царского дворца в Сузах и стоколонного зала Персепольского дворца, свидетельствуют, что это искусство хотя и разрабатывало туземные элементы, в основном заимствовано в архитектурных формах более развитых покоренных персами народов. Так, идея стоколонного зала заимствована в Египте, рельефы воинов из дворца в Сузах — в Ассирии, сооружение дворцов на открытых площадках и облицовка их барельефами — в Малой Азии. Надпись Дария I о постройке дворца в Сузах свидетельствует, что строительство осуществлялось пленными мастерами: ионийцами, египтянами, вавилонянами, лидийцами и др. Это заставляет предположить, что сами персы не умели строить больших дворцов, в которых нуждались ахеминидские деспоты, но стремились в грандиозных постройках показать мощь и богатство своей державы.

Древний Иран не оставил нам никаких литературных памятников, кроме лаконичных надписей и деловых документов на глиняных табличках, поэтому трудно составить представление о литературных формах и литературном языке древнего Ирана. Клинопись, которой пользовались ахемениды, начиная, вероятно, с Кира, была ими воспринята у вавилонян, очень возможно, через посредство Элама. Причем алфавитное персидское клинописное письмо применялось по большей части для официальных царских надписей. Основная масса документов при Дарии писалась на арамейском языке. Почти полностью восстановленный учеными иранский календарь свидетельствует, что и он создавался под влиянием вавилонского календаря.

То немногое, что известно об ахеменидской культуре, говорит о ее эклектичности и почти полном отсутствии самостоятельности. Эта эклектичность объясняется военным характером самой Ахеменидской державы, вместе с прочей добычей присваивавшей культурные достижения других народов.

ГЛАВА XVII

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

§ 1. Географические условия. Географические условия Индии во многом отличаются от передневосточных стран. Прежде всего следует отметить ее колоссальные размеры: Индия равна всей Западной Европе (Египет же был равен современной Бельгии). Отсюда — разнообразие ее природных условий. Индия — страна контрастов: в ней и низменности, и высочайшие горы, безводные пустыни и местности, где льют обильные дожди. Вот почему трудно дать общую характеристику ее природы. В географическом отношении Индия делится на две части: Северную часть (бассейн рек Инда и Ганга) и Декан (что означает Южная страна). Северо-восточная часть своими природными условиями напоминает Вавилонию и Египет, представляя собой, подобно им, речную низменность и отличаясь засушливостью климата, приводящей к полной зависимости урожая от разливов рек. Инд и Ганг широко разливаются в силу таяния снегов в Гималаях, где они берут свое начало и оставляют плодоносный ил. Почва поэтому отличается высоким плодородием. Таким образом, для Северной области Индии было характерно то же обилие естественных богатств и средств существования, которое было свойственно Египту и Вавилонии, что, как указывал Маркс, играло решающую роль на ранних ступенях развития человеческого общества. Производительность земледелия возрастала еще и потому, что благодаря теплому климату земледельцы собирали по две жатвы в год.

Иной характер имела природа плоскогорья Декан. Его почва отличалась значительно меньшим плодородием, но зато Декан славился драгоценными камнями, алмазами, золотом и был очень богат лесами.

Особенностью Индии является и ее резкая изолированность от других стран. С севера Индия отделена от Азии Гималаями, являющимися самой высокой горной системой земного шара. Здесь горы совершенно непроходимы для больших групп людей. С запада Индия отгорожена Аравийским морем, с востока — Бенгальским заливом, с юга — Индийским океаном. Эти естественные условия ограждали Индию до известной степени от нашествия (они возможны были лишь с северо-запада, где горы понижаются). Но эта же особенность тормозила участие Индии в международном разделении труда.

§ 2. Источники. В разработке древней истории Индии (в отличие от древней истории Египта и Вавилонии) главную роль играют литературные памятники. Они дошли до нас непосредственно от древних времен, так как индийцы, в отличие от народов Египта и Месопотамии, сохранили свои древние традиции. К этим памятникам относятся «Веды» (от vid — «ведать», знать, знание), содержащие древнейшие религиозные гимны, молитвы и магические заклинания. Веды состоят из четырех частей, из которых для реконструкции древней истории наибольшее значение имеет наиболее ранняя — Риг-веда (риг — песня), содержащая более тысячи священных песнопений. Веды в течение многих веков передавались устно. Первая законченная их редакция относится к VII в. до н. э.

Большое значение имеют и две древнеиндусских поэмы — «Махабхара́та» [1] (воспевающая войны «великого» племени — бхарата) и «Рама́яна» («Путь Рамы»), повествующая о моральных подвигах чудотворца Рамы. Эти поэмы, основные тексты которых были созданы в начале I тысячелетия до н. э., отражают не только религиозные воззрения древних индийцев, но и дают яркие картины их быта и социально-экономических отношений.

Непосредственно от древних времен до нас дошел и кодекс законов, названный «Законами Ману», составленный в I тысячелетии до н. э., и, наконец, буддийские «сутры» (священные книги).

Из древнеиндийских литературных памятников, играющих заметную роль в разработке древней истории, лишь один стал известен благодаря открытию его учеными в новейшее время, — трактат о государстве, «Артхашастра», впервые опубликованный в 1909 г. Этот памятник, относящийся к IV в. до н. э., знакомит нас с политическими идеалами и отчасти государственным устройством того времени.

Таким образом, характерной особенностью дошедших до нас древних индийских источников является то, что они лишены конкретно-исторических данных. Это усугубляется еще тем, что до нас не дошла ни одна летопись. Следовательно, в древней истории Индии нам не столько известны конкретные исторические события, сколько эволюция общественно-экономического уклада и идеологии. Это положение выразил К. Маркс, сказав, что «Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории». [2]

Конкретный ход истории древней Индии становится нам известным, по существу, лишь с VI в. до н. э. благодаря древнегреческим литературным памятникам. Важнейшими из них являются: 1) «Индика» — описание Индии, составленное греком

---

[1] Отрывок из «Махабхараты» переведен В. А. Жуковским под названием «Наль и Дамаянти». В 1950 г. вышел полный перевод книги I под ред. акад. А. П. Баранникова в серии «Литературные памятники», издаваемой Академией наук СССР.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 362.

Мегасфеном, в III в. до н. э. продолжительное время жившим в Индии в качестве греческого посланника («Индика», однако, дошла лишь в отрывках). 2) Труд Арриана (греческого историка II в. н. э.) «Анабасис», излагающий историю похода Александра Македонского по хорошим, но потерянным для нас источникам (переведен на русский язык под названием «История Александра»).

Значительно меньшую роль, чем литературные источники, играют данные археологических раскопок. Достаточно сказать, что самый ранний эпиграфический материал (надписи), обнаруженный в Индии, относится к III в. до н. э. Однако археологические данные играют решающую роль в освещении древнейшего периода. Особенно большое значение для разработки древнейшей истории Индии имели раскопки в 1920—1930 гг. в долине реки Инд, в особенности на холме Мохенджо-Даро. Данные этих раскопок произвели переворот в наших представлениях о времени происхождения древнеиндийской цивилизации и ее характере. Они доказали, что индийская цивилизация не моложе передневосточной, например, шумерийской, и не уступает ей. Между тем до этих раскопок в буржуазной науке было распространено мнение, что индийская цивилизация очень позднего происхождения и что ее создателями были арии.

§ 3. Древнейший период истории Индии. Древнейшее население Индии составляли племена, объединяемые под названием дравидов. Этот древнейший период истории Индии аналогичен шумеро-аккадскому периоду в истории Вавилонии. Культура дравидов в это время примерно соответствует шумерийской культуре. Дравиды знали ирригационное земледелие, подобно египтянам и вавилонянам сеяли ячмень, пшеницу. Наряду с земледелием многие дравидские племена занимались скотоводством. Судя по Ведам, долина Инда привлекала к себе как страна, имеющая «много хлеба и шерсти». Открытые археологами кости домашних животных свидетельствуют о том, что дравиды разводили овец, свиней, крупный рогатый скот (в том числе буйволов и зебу), лошадей и даже верблюдов. Таким образом, дравиды приручили верблюда, по крайней мере, на тысячу лет раньше передневосточных народов. Помимо этого, дравиды знали еще одно прирученное животное, которое не было известно Переднему Востоку, — слона. Слон применялся и как вьючное животное, и в военном деле.

Культура дравидов была, видимо, выше египетской, а в некоторых отношениях — и шумерийской: уже в IV тысячелетии дравиды были знакомы с выделкой бронзы, в то время как шумерийцы перешли к бронзе лишь в III, а египтяне во II тысячелетии. И уровень строительного дела у дравидов был весьма высокий. Дома строились из хорошо обожженных кирпичей (у шумеров — из кирпича-сырца). Наиболее показательным для высокого уровня цивилизации дравидов является общественное благоустройство —

водопровод, остатки которого обнаружены в Мохенджо-Даро (в особенности городская система водостоков, являвшаяся самой совершенной во всем древнем мире), и хорошо устроенная канализация: по кирпичным трубопроводам отбросы выводились за город.

В области торговли дравиды, видимо, уступали вавилонянам. Тем не менее в Ведах дравиды обычно называются «хитрыми торговцами». О наличии оживленного обмена свидетельствуют и обнаруженные каменные гири. Вторгшихся арийцев поразило то, что река Инд «имеет много весел и лодок». С побережья Индийского океана привозились раковины, из которых изготовлялись разные хозяйственные предметы и украшения. Серебро ввозили дравиды из рудников Персии и Афганистана, полудрагоценные породы камня, как ляпис-лазурь, добывались в Афганистане, бирюза из Хорасана (северо-восточной области Персии), нефрит с Памира, из Восточного Туркестана или Тибета. Дравиды вели торговлю и с Вавилонией (через Элам). Об этом свидетельствует открытие в Аккаде бус из синего стекловидного состава, производившихся в Индии, и открытие в Месопотамии и Эламе пяти печатей с древнеиндийскими надписями.

Наряду с торговлей развивалось и ремесло. Было развито ремесленное производство бронзового оружия, ювелирное дело, производство фаянса и гончарное ремесло. Гончарная посуда изготовлялась не только от руки, но и на гончарном круге, который всегда является свидетельством появления гончаров-ремесленников. Глиняные сосуды покрыты тонкой глазурью и росписью в несколько красок.

На основе развития торговли возникли города. Город на холме Мохенджо-Даро был больших размеров, с широкими, прямыми улицами, двухэтажными домами. Хотя в области социальных отношений у дравидов, как и у всех древневосточных народов, были сильны пережитки родового строя (судя по Ведам, у них еще сохранилось племенное деление), но общество дравидов, несомненно, было уже классовым: об этом свидетельствуют резкая дифференциация домов по размерам и отделке. Дравиды уже знали государственную власть. Археологами раскопан в Мохенджо-Даро большой дворец (в 75 *м* в длину и около 40 *м* в ширину) с множеством отдельных помещений. Однако государственное устройство отличалось раздробленностью: даже в области Инда дравиды не создали единого централизованного государства.

Религия дравидов, как и всех древневосточных народов, сохранила много пережитков первобытных форм (например, тотемизм). Дравиды почитали священным животным быка (на всех почти печатях встречается изображение быка). Господствующей же формой религии у дравидов был первобытный культ стихий, сил природы. Особенно они почитали землю. Характерно, что они, не желая осквернять землю, трупы, как правило, сжигали. Наряду с трупосожжением применялось, как и у персов, оставление трупа в

поле (на съедение птицам) с последующим погребением остатков костей в земле. Однако при всей архаичности религии дравиды уже знали храмы. Развалины храмов были обнаружены при раскопках.

Дравиды создали свое самостоятельное письмо пиктографического (рисунчатого) характера, имевшее около 400 знаков. Письмо это до сих пор еще не расшифровано, над этой задачей упорно работает последние годы чешский ученый Б. Грозный [1].

У дравидов была десятеричная система счисления, так же как у египтян.

§ 4. Индия во II тысячелетии до н. э. В конце III тысячелетия или в начале II, согласно существующей в науке гипотезе, пришли с северо-запада из среднеазиатских степей племена, родственные персам и индийцам и называвшие себя подобно им — ариями. Они говорили на языке индоевропейской системы — языке, на котором написаны древние индийские литературные памятники. Этот древнеиндийский язык теперь носит название «санскрита» (что значит отделанный, литературный, в противоположность разговорному, народному языку). Основным источником наших сведений об этом периоде являются Веды, почему и период иногда называется ведийским. Он открывается около 2000 г. до н. э. вторжением ариев в Индию, а именно в Пятиречье (долину верхнего Инда). Моления ариев богам о ниспослании побед и составили основное содержание Вед.

Арии в момент своего вторжения намного уступали дравидам в своем культурном развитии. Арии занимались главным образом скотоводством, разводя крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. «Рогатый скот — мое богатство, пусть Индра даст мне коров» — вот основной лейтмотив молитвенных заклинаний ариев. Рогатый скот считался наиболее ценной военной добычей: понятие «война» передавалось выражением «жажда приобретения коров» («гавишти»). Но система скотоводства у ариев была уже не убойная, а молочная, что видно из того, что питались они исключительно молочной пищей и лишь в редких случаях ели мясо. Арии знали и отдельные виды ремесла, и примитивную торговлю. Единицей менового счета была опять же корова.

У ариев был еще родовой строй, хотя и в стадии разложения. Они жили родами и племенами. Согласно Риг-веде арии представляли собой союз девяти племен, из которых одним из наиболее сильных было племя бхаратов. Формой семьи была моногамия, при которой муж являлся владыкой семьи. Жена после смерти мужа переходила к его брату.

Общественное устройство представляло собой военную демократию. Основными органами общественной власти были: а) народное собрание и б) вождь («раджа»). Народное собрание, в котором

---

[1] См. его статью «Протоиндийские письмена и их расшифровка», «Вестник древней истории», 1940, № 2.

участвовали все члены племени, способные носить оружие, решало вопросы войны и мира. Раджа, являвшийся военачальником, верховным судьей и верховным жрецом племени, избирался народным собранием: даже в тех случаях, когда власть раджи была наследственной, она утверждалась народным собранием. Во главе племенного союза стоял «магараджа» (великий раджа).

Арии, стоявшие в культурном отношении ниже дравидов, стали усваивать их культуру. Таким образом, дравиды приобщили ариев к цивилизации. Усвоение ариями дравидской культуры требовало времени. Вот почему вторжение ариев привело к некоторой задержке в развитии культуры. Ведийский период, таким образом, представлял собой в некоторых отношениях шаг назад по сравнению с дравидским.

Первые покоренные дравидские племена арии оставили на их земле, обязав их платить натуральную подать. Но с течением времени и сами арии усвоили земледелие, вследствие чего покоренное население отчасти стало истребляться, отчасти оттеснялось в горы и леса. Оставшиеся же на своих насиженных местах туземцы лишались земли, которая переходила в собственность арийских племен. Об этом говорится в Ведах следующим образом: «Бог Индра убил их, «живущих на земле». «После этого он поделил пахотные земли между собой и своими светлокожими союзниками».

Лишенные земли дравиды были превращены в рабов. Те же из них, которые сохранили свободу, поскольку они были лишены земли, либо нанимались на работу, либо становились ремесленниками. Таким образом, дравиды в результате покорения их ариями превратились в общественный слой, основная социальная функция которого — услужение, работа на других (почему они и стали называться «дасью», что значит слуги). Арии считали дасью нечистыми, варварами («млечха»). Отчужденность между ними была столь велика, что смешанные браки были запрещены. Принадлежность к этим классам носила наследственный характер, и, таким образом, классовые группы имели уже тенденцию превратиться в касты. Однако в Ведах термина, обозначающего касты, еще нет.

В результате покорения дравидов родовые органы ариев приобрели характер органов насилия, органов государственной власти. Возрастала сила и влияние раджи, превращавшегося в повелителя, царя. Покоренные дасью платили ему дань. Раджи—цари — были обладателями больших богатств. «О, Ашвидиа, ты знаешь, как царь Касуро племени шеди приносит в жертву сто верблюдов и десять тысяч голов крупного рогатого скота», — гласит одно из песнопений Риг-веды.

Религия у ариев носила родовой характер. У них был распространен культ предков. Они поклонялись предку племенного союза, патриарху ариев — Риши, и семейным предкам. Законы Ману, сохранившие следы древнейших культов, учат, что «предки — это первоначальные божества», что «обряды в честь предков важнее обрядов в честь богов».

Главной же формой религии был первобытный культ сил природы. Над многочисленными богами возвышалась троица главных божеств: Индра — бог грозы, грома и молнии («он льет обильную воду на возделанную землю»), Сурья — бог солнца и Агни — бог огня. Из других богов следует отметить культ Сушны — бога засухи. Это был грозный бог, поскольку засуха время от времени навещала Индию и вызывала голод в стране. Религиозный ритуал ариев прежде всего заключался в жертвоприношениях богам путем сжигания на огне жертвенных животных и возлияния на жертвенный огонь сладкого, как мед, напитка — сомы. Видимо, еще имели место и человеческие жертвоприношения.

Жертвоприношения от имени семьи приносил еще отец семейства, а от имени рода и племени — старейшина и раджа. Однако все больше возрастала роль индийских жрецов, называвшихся «брахманами». Язык Вед выходил из употребления, понимание его становилось все труднее и требовало специального изучения. Между тем жертвоприношение сопровождалось чтением Вед. Таким образом, религиозный ритуал постепенно был монополизирован брахманами.

Дравиды продолжали исповедовать свою религию, да и арии в силу родовых обычаев не могли их допустить к участию в официальном богослужении, носившем родовой характер. «Вокруг нас живут племена Дассу, не приносящие жертв, — говорится в Ригведе. — Они ни во что не верят, у них другие обряды, их нельзя считать людьми».

§ 5. Возникновение каст. Около 900 г. до н. э. происходит вторжение ариев в область реки Ганг. После того как туземные дравидские племена были покорены, между арийскими племенами возникла борьба за раздел захваченной добычи и земли. Она и отражена в поэме «Махабхарата». Долгое время лишь северная часть Индии (бассейны рек Инда и Ганга) находились в подчинении у ариев, вот почему эта область в древности называлась Арьявартой (страной ариев). Лишь в конце данного периода, в VII в. до н. э., началось проникновение ариев в Декан.

В I тысячелетии до н. э. наблюдается дальнейшее развитие производительных сил. Земледелие получило перевес над скотоводством. Развивалась как внутренняя, так и внешняя торговля, которая отчасти регулировалась государством (царь, например, устанавливал цены на товары), а отчасти непосредственно велась им (например, торговля тонким полотном, шерстью, лошадьми, драгоценными камнями, шафраном).

Развивались и общественные отношения: родовая община сменялась сельской, семейная же община все больше оттеснялась на задний план отдельной семьей, которая пользовалась поддержкой и поощрением со стороны государства. «Пусть они [братья] живут вместе или отдельно, как кто желает», — говорится в законах Ману;

«...ведь при раздельной жизни их заслуга увеличивается, и поэтому раздел — дело похвальное». Личное имущество все больше обособлялось от родового и противопоставлялось ему, в связи с чем личность все больше освобождалась от власти рода. «То, что приобретается личным трудом без использования родового имущества, — говорится далее в законах Ману, — человек не обязан делить иначе, как по собственной воле». «Поле принадлежит тому, кто вырубит лес».

Однако общественная собственность на землю все же преобладала (как в Вавилонии). Сохранялась еще унаследованная от первобытных времен общинная система хозяйства. В большинстве же случаев существовало частное землепользование, и семейные наделы обрабатывались в основном силами членов семьи; но отдельные виды труда все еще осуществлялись всеми членами общины сообща. Общинное хозяйство носило еще замкнутый, самодовлеющий характер, и сельские общины удовлетворяли потребность своих членов не только в сельскохозяйственных продуктах, но и в промышленности. В связи с этим между отдельными общинами была очень слабая экономическая связь.

Организация древнеиндийского общинного быта нам хорошо известна в силу того обстоятельства, что она сохранялась в Индии без существенных перемен с незапамятных времен и вплоть до середины XIX в., Маркс, опираясь на официальные английские данные, описывает подробно ее устройство. Каждое село в Индии представляло собой отдельную общину вроде маленькой республики. Должностные лица в этих общинах исполняли административные, производственные и религиозные функции. В каждой общине был староста, который имел общий надзор за делами села, улаживал споры общинников, заведовал «полицией» и собирал налоги. Было пять специальных агентов, из которых один вел хозяйственный учет, три осуществляли функции полицейских и стражников по охране безопасности общинников, села и урожая и один распределял воду из потоков или водохранилищ между отдельными полями. Далее был астролог, который определял время посева и жатвы и сообщал о благоприятных и неблагоприятных днях и часах для всех земледельческих работ. Потом были кузнец и плотник, которые выделывали грубые земледельческие орудия и строили примитивные жилища крестьян, гончар и серебряных дел мастер, изготовлявшие домашнюю утварь, лицо, занимавшееся стиркой, и цирюльник. Наконец, в каждой общине был брахман, отправлявший культ общинным богам. В течение многих веков эти общины жили по традиционным обычаям, мало интересуясь, под власть какой державы или какого нового государя они подпадали [1].

Наряду с общественной собственностью на землю и с общинной системой хозяйства находим в древнеиндийском обществе I тысячелетия до н. э. и третий признак, характерный для древневосточного общества, — рабство. Рабство там было преобладающей формой эксплуатации. Важнейшим источником рабства в Индии

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 78; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 349—350; К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 364—366.

являлись, как и в других странах Востока, войны, должничество, продажа себя в рабство (продавали себя впавшие в нужду арии) и, наконец, наказание за преступления. Таким образом, известная часть ариев тоже становилась рабами.

Однако правовое положение рабов-ариев было особое: рабы-арии обычно противопоставлялись рабам-«млечха» (варварам). Рабы-арии были рабами временными: военнопленный — до тех пор, пока не отработает свою стоимость, раб-должник — пока не отработает свой долг. Государство вело даже борьбу с порабощением ариев. Как видно из «Артхашастры», за продажу в рабство несовершеннолетнего ария налагался большой штраф. Вместе с тем рабство в Индии носило такой же патриархальный характер, как и в передневосточных государствах. Практиковались браки между свободными и рабами-ариями. Дети, родившиеся от связи господина со своей рабыней, получали свободу вместе со своей матерью.

В связи с развитием общественного разделения труда резче обозначались и отличия знати и простых людей. Сама знать распалась на две обособленных группировки — жреческую и военную, каждая из которых стремилась закрепить за потомством свои общественные функции. Таким образом, эти социальные группы становились замкнутыми, наследственными, т. е. превращались в к а с т ы. Кастовое деление общества в зачаточном виде характерно для всех стран древнего Востока (Египта, древнего Израиля и др.), но нигде кастовый строй не получил такого большого развития, как в Индии. Последняя является классической страной кастового деления. В этот период население Индии распадалось на четыре основные касты: а) «брахманы» (жреческая аристократия); б) «кшатрии» (военная аристократия); в) «вайшьи» (простолюдины, т. е. крестьяне-общинники, ремесленники и торговцы); г) «шудра» (в основном — наемные работники, слуги, но также ремесленники определенных специальностей). Браки между членами разных каст были запрещены. Особенно строг был запрет брать жену из высшей касты. Даже царь не мог жениться на дочери брахмана. Дети от брака между членами разных каст считались нечистыми и причислялись к особым подразделениям низших каст.

В основе кастового деления общества, как подчеркивает Маркс, лежит общественное разделение труда. Это примитивная форма общественного разделения труда в обществах застойных, медленно развивающихся. «Примитивная форма, в которой осуществляется разделение труда у индусов и египтян, — писали Маркс и Энгельс еще в «Немецкой идеологии», — порождает кастовый строй в государстве и в религии этих народов». И действительно, четыре касты в Индии выполняли различные социальные функции: брахманы — функцию «идеологического производства», которое включало обучение священным книгам, жертвоприношения, хранение мудрости, знаний своего времени. Кшатрии занимались военным

делом, вайшьи — производительным трудом, шудра выполняли функцию услужения.

Однако это разделение труда было в интересах высших каст и приняло форму закрепления господства аристократов. Члены более высокой касты имели право заниматься деятельностью низшей и при этом оставались членами своих каст и сохраняли свойственные им привилегии. «Брахман, — говорится в законах Ману, — который не будет в состоянии существовать специально ему присвоенными занятиями, может жить по законам, применяемым к кшатриям [т. е. может заниматься военным делом]. Как быть, если он и таким способом не может существовать? Тогда он может усвоить образ жизни вайшьи и сам заняться земледелием и разведением скота». Однако человек низшей касты не имеет права заняться делом члена высшей касты. «Кшатриям и вайшьям воспрещается обучать других, делать жертвоприношения за других и получать подарки». Шудра не имел права накоплять богатства, которые давали бы возможность вести самостоятельное экономическое существование. Шудра, пытающийся поставить себя в положение членов высших каст, «должен быть заклеймен и изгнан или же должен подвергнуться телесному наказанию».

Шудра, как правило, не раб, а наемный работник. Он лишен земельной собственности и, в силу этого, вынужден обслуживать собственников. «Одну обязанность возложил создатель на шудра: безропотно служить высшим кастам», — гласит учение Ману. В первую очередь «шудра» должны были обслуживать брахманов, а затем и кшатриев и вайшьев. Шудра — это слуга, получающий за услуги средства производства (землю) и, следовательно, возможность вести небольшое хозяйство. Но хозяйство «шудра» должно было ему служить только источником пропитания в тесном смысле слова: всякое же имущество, накопленное шудрой сверх необходимого, могло быть присвоено хозяином. «Брахман,— говорится в законах Ману, — может спокойно захватывать имущество шудры, потому что шудра никакого имущества иметь не должен, и его хозяин может себе забрать все, чем он владеет». Шудра-ремесленники были обязаны работать один день в месяц на дом царя.

Жизнь «шудра» была слабо ограждена: за убийство его полагался подарок брахману в 10 коров и одного быка, т. е. такое же наказание, какое полагалось за убийство кошки, собаки, лягушки и вороны. Но зато особо суровым наказаниям подвергался шудра, совершивший преступление. «Если шудра каким-нибудь членом тела ударит дважды рожденного [т. е. принадлежащего к одной из трех высших каст], то этот член должен быть у него отрезан», — таков закон Ману.

Каста шудра не была однородна. Она распадалась на ряд кастовых подгрупп. Каждое дравидское племя в силу своей племенной обособленности составляло подобную подгруппу. Из этих многочисленных кастовых подгрупп наиболее жалким было положе-

ние «чандала» (на нижнем Ганге) и «париев» (в Декане). Слово «парии» стало в силу этого во всех современных языках синонимом бесправных групп населения. В Рамаяне чандала описываются как существа черные, обезьяноподобные, красноглазые, одетые в грязную одежду. Даже прикосновение чандала и париев считалось оскверняющим. В силу этого им было разрешено входить в населенные места только днем и вменено в обязанность носить на своей одежде особую метку. И в настоящее время эти отверженные касты составляют приблизительно $^1/_7$ часть населения Индии.

Значительно лучше было положение третьей касты — вайшьев: общинники владели землей, торговцы — движимым имуществом. Но они платили различные подати: крестьяне — от $^1/_{12}$ до $^1/_6$ части урожая, скотоводы — $^1/_5$ часть приплода, торговцы — $^1/_5$ часть доходов и пошлины. Вайшья, однако, были свободны от военной повинности: в Индии не было народного ополчения и в военных действиях участвовали лишь кшатрии. Каста вайшьев тоже не отличалась единством: она включала в себя и крестьян-общинников, и ремесленников, и торговцев, причем каждая отрасль ремесла, уходившего своими корнями в групповое, племенное ремесло, обособилась в замкнутую кастовую подгруппу. В каждой подкасте установился обычай брать жен только из своей среды и передавать ремесло сыновьям. Так что фактически в Индии имелись десятки каст и подкастовых групп, из которых одни были очень многочисленны, а другие ничтожно малы, одни распространены были по всей Индии, другие же носили локальный характер.

Кшатрии (воины) вели беззаботную жизнь. Они получали большое жалованье от царя и были заняты лишь во время войны. В мирное же время они имели много досуга, который заполняли охотой, пиршествами, весельем, играми и состязаниями. Брахманы (жрецы) составляли высшую касту. Они пользовались наибольшими привилегиями, были свободны от всяких повинностей, налогов, телесных наказаний. Высшей мерой наказания для брахманов было бритье головы и изгнание из страны, в то время как для всех других каст высшей мерой наказания была смертная казнь. По Ману, если даже брахману 10 лет, а кшатрию 100 лет, то все же первый — отец, а второй — сын, т. е. столетний кшатрий должен относиться с сыновьим уважением даже к десятилетнему брахману.

Индия в первой половине I тысячелетия до н. э. все еще остается раздробленной. Это обусловлено прежде всего колоссальностью ее территории. Кроме того, сыграло здесь роль и то, что в Индии не было необходимости в единой системе ирригации, что обычно стимулирует объединение страны. Среди многочисленных государств, существовавших в Индии, особенно выделялось государство Магадха. Оно охватывало территорию на нижнем Ганге — от Бенгальского залива до современного Бенареса). Столицей его был город Раджагрха (теперешний Раджгир). Выгодное географическое положение Магадхи, непосредственная связь с дальневосточным «Средиземноморьем» — с бассейном

южнокитайского моря — содействовало развитию обширной торговли. Магадха являлось самым торговым из всех индийских государств, в силу чего слово «магадийцы» в Индии стало синонимом торговцев, как «финикийцы» — на западе.

По своей форме государственное управление в Индии было деспотией. «Государь является первейшим из всех сотворенных существ», — гласит учение Ману. Оно же подчеркивает божественное происхождение царя. Деспотия, однако, сильно нуждалась в поддержке брахманской касты в общественно-политической жизни, и цари отдавали брахманам половину добычи. Наследство всех подданных, не имеющих наследников, тоже переходило к ним.

С деспотией теснейшим образом связан иерархически-бюрократический строй. Над каждыми десятью сельскими общинами ставился правитель, и он должен был сообщать о проступках, совершенных в подведомственных ему деревнях, правителю двадцати деревень, а этот последний — правителю ста деревень, а он — правителю тысячи. Над этими чиновниками стояли высшие сановники. «В каждом городе пускай государь назначит управляющего высокого ранга, который ведал бы всеми делами и был грозен, как планета среди звезд». В вознаграждение все эти чиновники получали значительные участки земли.

Религия этого времени резко отличается от ведийской и носит название б р а х м а н и з м а. Среди народных масс был силен культ бога добра — Вишну и бога зла — Шива, а официальная религия ставила над ними бога-творца — Брахму. Брахманская религия носила резко классовый характер, давая религиозное обоснование кастовому строю и господству жреческой аристократии: социальные функции брахманов объясняла она тем, что они произошли от уст созданного Брахмой первого человека, кшатрии — от его рук, вайшьи — его бедер, а шудра — от его «грязных ступней». Классовый характер брахманской религии сказывался и в ее учении о неизменности мира и всего бытия. В полном соответствии с этим брахманы приписывали индийские законы первому человеку — Ману.

В брахманской религии играла огромную роль обрядовая сторона, в первую очередь — жертвоприношения. Верующие обязаны были дважды в день приносить жертвы. Помимо этого, вся жизнь была регламентирована брахманской религией до мельчайших деталей: она устанавливала, какая пища, одежда, постель и даже способ ее приготовления, какая походка, манеры, форма стрижки волос должны соблюдаться в той или другой касте.

Важной особенностью брахманской религии является требование от брахманов полного посвящения себя служению Брахме, совершенного отказа от земных интересов, обуздания страстей религиозными подвигами. В соответствии с этим, чтобы укрепить авторитет своей касты, многие из членов которой «говорят на языке Брахмы, а сердца и мысль свою обращают к миру», брах-

мавы на старости лет покидали свой дом и уходили в лес или поселялись в скалистых пещерах. Они отращивали волосы и ногти, спали на голой земле, одевались в древесную кору или звериную шкуру, питались кореньями, ягодами и плодами или подаянием. «Подвижник, — говорится в законах Ману, — должен валяться по земле, или по целым дням простаивать на кончиках пальцев, или же непрерывно садиться и вставать. В жаркое время года он должен сидеть среди зноя четырех костров под жгучими лучами солнца; в дождь должен подставлять свое обнаженное тело под потоки, изливающиеся из туч, в холодное время года должен носить мокрые одежды». Религиозные «подвиги» этих отшельников брахманы превозносили и использовали для укрепления своего авторитета и власти.

Брахманская религия, как и все древневосточные религии, сохранила еще многие первобытные черты. Прежде всего она сохранила первобытную веру в переселение душ, но эта вера, в соответствии с кастовым строем, подверглась деформации, сочетавшись с новым учением о воздаянии за грехи и добрые дела. Согласно брахманскому учению, душа после смерти человека переселяется в какое-либо другое живое существо — либо в человека, либо в зверя, либо в птицу, рыбу, насекомое и т. д. Характер существа, в которое переселяется душа, зависит от поведения человека при его жизни: если он выполнил все религиозные и государственные предписания, то его душа переселится в человека, притом в брахмана, если же за ним числятся грехи, то в вайшью, если много грехов — в шудру; большие грешники обратятся в животных, насекомых и т. д.

Что касается *других форм идеологии*, то в этот период индийцы уже знали алфавитное письмо, состоявшее из 51 буквы. В последнее время выдвинута гипотеза о генетической связи древнеиндийского алфавитного письма с дравидскими иероглифами. В области математики получила свое дальнейшее развитие десятеричная система счисления. В это время был изобретен нуль, благодаря которому десятеричная система и приобрела настоящее значение. Индийцы обладали значительными астрономическими познаниями, в силу чего индийский календарь был составлен довольно правильно. Были довольно обширны и медицинские сведения их: особенно они были искусны в хирургии (умели вырезывать опухоли, извлекать глубоко застрявшие обломки оружия, снимать бельмо с глаз). Но особенно значительны были успехи индийцев в области лингвистики, в которой они превзошли все древневосточные народы. Знания о языке выросли из истолкования древнейших религиозных текстов (Вед). Были составлены словари к Ведам и другим священным книгам, а также труды по грамматике.

§ 6. Индия в VI—III вв. до н. э. В связи с развитием хозяйства в VI в. до н. э. обострились социальные противоречия. В Магадхе, которая в хозяйственном отношении шла впереди

других индийских государств, возникло антикастовое движение, направленное как против кастового строя, так и против брахманской религии, освящавшей его. В антикастовом движении был целый ряд течений, из которых особенно радикальным было течение, отражавшее чаяния наиболее угнетенной касты — шудры. Идеологом ее был Макхали Госала (Госала — кличка, означавшая «в коровьем стойле рожденный»). Макхали был сыном нищего и сам жил в исключительно тяжелых материальных условиях. Он выступал за полное уничтожение кастового строя, за абсолютный отказ от брахманской религии. «Нет распределения справедливости, — говорил он, — нет закона жертв, ни награды и наказания за добрые и злые дела... Нет бога, ни божественных духов, ни праведников и ученых (брахманов). Все это бездоказательно и все, толкующие об этом, — лжецы!» Таким образом, Макхали Госала в своем отрицании брахманской религии дошел до атеизма (безбожия). Учение Макхали — первое атеистическое учение, известное нам в истории.

Среди различных течений выделялось одно умеренно-оппозиционное к кастовому строю, которое отражало устремления кшатриев и богатых вайшьев. Последние, считая кастовый строй тормозом в развитии хозяйства, вместе с тем опасались того, чтобы вместе с кастовым делением не были бы разрушены и основы классового общества. Они резко выступали против учения Макхали, которое называли «худшей из доктрин», выдвигали свой собственный «истинный путь спасения». Вот почему они называли себя «буддистами» (от слова «будда», означающего «познавший истину»), а само течение получило в истории название «буддизма».

Вопрос о личности Будды (другое его имя Шакья-Муни, т. е. мудрец из рода Шакиев) еще нельзя считать решенным в науке, однако само буддийское учение хорошо изучено. Буддисты отрицательно относились к современной действительности, в силу чего их воззрения проникнуты глубоким пессимизмом. Вся жизнь, согласно буддийскому учению, полна страданий. «Святая истина о страдании такова: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание и т. д.». Буддизм, однако, в противоположность брахманизму, учил, что умерщвление плоти и самоистязание не являются путями спасения. Истинным является только средний путь, заключающийся в отказе от того, что выходит за пределы самых простых потребностей. Первоначально подлинными буддистами считались лишь нищенствующие монахи, которые добывали себе необходимое для пропитания путем милостыни. Буддисты, выступая против брахманизма, отвергали его учение о неизменности мира и считали все явления преходящими и изменчивыми.

Буддисты, боявшиеся коренного переустройства общества, стремились ввести антикастовое движение в русло религиозной борьбы, никогда не выступая за уничтожение кастового строя, проповедовали уравнение всех каст только в религиозной жизни: они выступали против монополизации религиозных знаний и добродетелей членами брахманской касты. Буддисты требо-

вали уничтожения религиозной регламентации жизни, уменьшения и упрощения жертвоприношений. Жертвоприношения, говорили они, должны сводиться к приношению цветов либо заменяться молитвами.

Поскольку кшатрии и богатые вайшьи, боясь революции, выступали за смягчение классовой борьбы, их идеологи буддисты выступают с проповедью непротивления злу. Они также проповедовали полнейшую пассивность, квиетизм (самоуспокоенность). «Сидеть лучше, чем ходить, спать лучше, чем бодрствовать, всего лучше смерть», — так гласит одно из изречений, приписываемых Будде.

Народным массам, стремившимся улучшить свое положение, буддисты рекомендовали отказаться от всех желаний. Счастлив тот, проповедовали буддисты, кто ничего не желает. Душевное состояние, при котором погашены все желания, состояние безразличного спокойствия буддисты считали идеальным и называли нирваной.

Антикастовое движение в VI в. до н. э. носило лишь сектантский характер, и широких масс ни одно из его течений не захватило. Лишь в IV и III вв. до н. э. буддизм находит широкое распространение. Конец IV в. до н. э. ознаменован событием всемирно-исторического значения. В 334 г. до н. э. Александр Македонский начал свой поход на Восток. В 327 г. Александр по окончании завоевания Персидской мировой державы вторгся в Индию, в область Пятиречья. Искусно используя противоречия между многочисленными индийскими государствами, Александр покорил долину реки Инда и затем продолжал свой поход в область реки Ганг. Однако усталость и недовольство армии, трудности преодоления пустыни, отделявшей бассейны рек Инда и Ганга, заставили Александра приостановить свою агрессию.

Против греко-македонских захватчиков в долине реки Инда развернулась партизанская борьба под руководством некоего Чандрагупты. Последнему удалось вытеснить греческие войска и овладеть Пенджабом. В 315 г. он стал царем всей долины Ганга, в том числе и Магадхи. Чандрагупта, создавший впервые в истории Индии обширное могущественное царство, охватывавшее всю северную часть Индии, Арьяварту, основал новую династию Маурья. Столицей этого государства был город Паталипутра (современная Патна).

Цари династии Маурья, власть которых неимоверно усилилась, стремились сломить могущество брахманов, стеснявших и ограничивавших их деятельность. В особенности усилились противоречия между деспотией и брахманской кастой при внуке Чандрагупты, Ашоке (272—232 гг. до н. э.). Владения последнего охватывали бóльшую часть Индии (в состав его государства не входила лишь самая южная часть Декана). Ашока покровительствовал торговому обмену между отдаленными частями своей обширной державы, развил большую строительную деятельность, в кото-

рой использовал значительно увеличившееся количество рабов; стремился улучшить аппарат управления. Время правления Ашоки является периодом наивысшего расцвета индийского рабовладельческого государства. В борьбе с всесилием брахманов Ашока решил использовать буддизм, который он объявил официальной государственной религией. Он сломил могущество брахманов, отняв у них многие их привилегии. Ашока привлекал к государственной деятельности богатых вайшьев. Однако кастовый строй не был уничтожен, были лишь несколько ослаблены кастовые перегородки между первыми тремя кастами. В области же религиозной все касты были уравнены.

Буддизм и после объявления его государственной религией остался религией верхушки индийского общества — кшатриев и богатых вайшьев. Народные массы не приняли буддизма, предлагавшего им отказаться от всех своих желаний и чаяний. Общинники-вайшьи и шудра остались верны старым богам. Только в I—II вв. н. э. возникло в буддизме новое течение — «махаяны» («широкий путь спасения»), которое приспособилось к духовным потребностям народных масс. В новом учении Будда превращается в самое могущественное божество. Будда становится богом-спасителем: он отказывается от погружения в нирвану, чтобы содействовать спасению всех нуждающихся в нем. Махаянисты стирали грань между монахами и мирянами, отдавали предпочтение «деланию» перед «неделанием» и в силу этого придавали большое значение исполнению различного рода обрядов (всевозможных магических действий, богослужебных актов). Этот реформированный буддизм стал распространяться благодаря индийским торговцам в странах, смежных с Индией, — в Китае, Корее, Японии, Тибете, Монголии, Индо-Китае.

Духовная культура в Индии в данный период переживает свой расцвет. Это было обусловлено не только развитием хозяйства, но и ознакомлением индийцев с более высокой античной, греческой культурой. Еще бóльшую роль в развитии духовной культуры Индии в данный период сыграла развернувшаяся острая классовая борьба. Она обогатила содержанием литературу и породила философию, распадавшуюся на многочисленные системы. Индийцы своей философией и литературой далеко превзошли все другие древневосточные народы.

В этот период получает развитие и индийское искусство. Возникла храмовая архитектура. Буддийские храмы, высеченные в скалах, поражают своими огромными размерами и колоссальностью труда, на них потраченного. Особенностью буддийской архитектуры является преобладание округлых линий. Фриз охватывает кольцом зал храма. Потолок вогнутый, имеет форму свода. Внутреннее художественное убранство буддийского храма давит своей нагроможденностью, чрезмерным обилием изображения. Нет буквально места, свободного от геометрических узоров и фигурных изображений.

ГЛАВА XVIII

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

§ 1. Географические условия. Китай своими колоссальными размерами напоминает Индию и еще резче, чем последняя, в этом отношении отличается от передневосточных стран. По площади Китай почти равен Европе. По своим природным условиям Китай распадается на три части: 1) Великая китайская равнина, представляющая собой в основном речную долину (вдоль реки Хуанхэ), окаймленную с запада горами; 2) Центральный Китай — гористая область, включающая долину реки Янцзы; 3) Южный Китай, в котором преобладают горы.

Великая китайская равнина наиболее богата естественными средствами существования. Урожайность полей очень высокая, что определяется как отличающейся чрезвычайным плодородием лёссовой почвой, так и разливами реки Хуанхэ, оставляющими огромное количество плодоносного ила. Однако Великая китайская равнина лишена естественных богатств, необходимых для производства орудий труда. Она, например, небогата металлической рудой, да и река Хуанхэ не очень судоходна из-за мелей и порогов.

Центральный Китай уступает Великой китайской равнине в отношении плодородия. Река Янцзы хотя и разливается и оставляет плодоносный ил, но значительно меньше, чем Хуанхэ. Кроме того, в Центральном Китае горы занимают много места. Но именно поэтому он богат ископаемыми, например, металлической рудой. Особенно же богат Центральный Китай естественными средствами сообщения по реке Янцзы и ее притокам.

Южный Китай, как горная область, не отличается столь высоким плодородием почвы, как две более северные области, но зато он исключительно богат рудой — медью, оловом, свинцом, а также ценными камнями, как, например, нефритом.

Ввиду того, что на ранней ступени человеческой истории крупную роль играли естественные условия жизни, Великая китайская равнина, культура которой быстрее всего развивалась, стала родиной древнекитайской цивилизации.

Одной из особенностей географических условий Китая является его отгороженность высокими горами с юга и запада и открытый характер страны с севера, со стороны Монголии, где жили «варвары» (хунну). В результате этого Китай был доступен для вторжений кочевников с севера и одновременно были затруднены торговые и культурные связи с цивилизованными странами древности.

§ 2. Источники. В разработке древней истории Китая, как и Индии, главную роль играют литературные памятники, сохранившиеся непосредственно от древних времен. Из этих памятников особенно большое значение имеют пять «цзинов» (священных книг — сборников преданий), как, например, «Шицзин» (книга песен и гимнов) и «Шу-цзин» (книга истории), обе записанные в VII в. до н. э. Наконец, до нас дошел замечательный труд отца китайской истории Сыма Цяня «Исторические записки» (II в. до н. э.). Этот обширный исторический труд сохранил для китайских историков феодального времени значение недосягаемого образца и стал своего рода каноном, по которому создавались

официальные, так называемые «династийные» истории. «Исторические записки» состоят из нескольких разделов: биографий (императоров, императриц и выдающихся политических деятелей), географического (где помещены сведения о соседних народах), экономического (с богатейшими данными о ценах, торговле, организации землепользования и т. д.) и других. Таким образом, по древней истории Китая, в отличие от Индии, наука располагает богатым конкретно-историческим материалом, хотя и сильно искаженным, так как в 213 г. до н. э. были по приказу китайского императора Ши Хуанди сожжены все исторические книги. В процессе их позднейшего восстановления были допущены искажения в угоду господствующей клике и в соответствии с воззрениями этого времени.

Археологические памятники имеют значение главным образом для освещения древнейшего периода в истории Китая. Наибольшее значение имеют данные раскопок, производившихся в 1919—1921 гг. в северо-западной части Китая, в местности Яншао (провинция Хэнань). Раскопки установили, что древнекитайская цивилизация только немного моложе культуры Шумера. Культура Яншао, по определению Андерсона, относится к 3500—1700 гг. до н. э.

§ 3. Древнейший период. В древнейший период китайцы занимали лишь Великую китайскую равнину. Страна была тогда покрыта дремучими лесами, в которых водилось множество диких зверей. Широко разливающаяся река Хуанхэ затопляла низменные места, превращавшиеся в непроходимые болота.

Китайцы с половины IV тысячелетия до н. э. уже вступили в период энеолита. Среди предметов, открытых в Хэнани в 1893 г., встречается бронзовое оружие и утварь. Хозяйство этого периода еще весьма примитивно, большую роль играет охота и скотоводство. Китайцы разводили свиней, мелкий и крупный рогатый скот, оленей, а в конце периода и лошадей. Древние китайцы, как и современные, не употребляли в пищу молока.

Хотя земледелие и не являлось еще основным занятием китайцев, тем не менее его значение все более возрастало. Земледелие в начале периода, видимо, было болотное, а обработка поля — мотыжная. Но к концу периода во II тысячелетии до н. э. ирригационно-плужное земледелие, видимо, начинает уже играть видную роль в хозяйстве, что отражается в китайских мифах о борьбе с наводнениями и о создании ирригационной системы. Возделывали китайцы, помимо проса, пшеницы и ячменя, также рис. Оригинальный характер китайской сельскохозяйственной культуры получил свое выражение, в особенности, в развитии культуры тутового дерева. Китай является родиной шелководства. Оно возникло там уже в III тысячелетии до н. э. Технический процесс этой отрасли производства долго сохранялся в тайне, разглашение которой каралось смертной казнью. Лишь через 2—$2^1/_2$ тысячи лет шелководство проникло из Китая в Японию и Персию. Постепенно развивались ремесло (гончарное и оружейное) и торговля, появились деньги, функцию которых выполняла драгоценная раковина — «каури».

Китайцы жили еще родами и племенами, во главе которых стояли племенные вожди — «гуны». Власть последних была наследственной. Однако родовой строй все более разлагался как под влиянием развивавшихся торговых связей между земледельческими и скотоводческими племенами, так и в результате войн. Последние велись между отдельными китайскими племенами за землю и скот и между китайцами, с одной стороны, и северными кочевниками — «хунну» (гуннами), беспрестанно вторгавшимися в Китай, — с другой. Войны являлись источниками рабства; в этот древнейший период китайцы, видимо, знали только рабов-военнопленных.

Развитие ирригации и непрерывные набеги хунну требовали объединения страны, т. е. Великой китайской равнины (бассейна реки Хуанхэ). В XVIII в. до н. э. это объединение и совершилось под властью гунов племени Инь, превратившихся в государей («ван» или «ди»). Последние раскопки, развернувшиеся в Китае с 1928 г., привели к открытию вещественных памятников, характеризующих это первоначальное государство в Китае, а именно — развалин дворца, четырех больших царских гробниц, сокровищниц и т. п. Монархия времени Инь отличалась патриархальными чертами. Власть царя «ди» была еще ограничена советом старейшин племен, т. е. старинной родовой знати. На местах играли большую роль гуны, напоминавшие собой египетских номархов.

Религия китайцев еще сохраняла свой первобытный характер. Огромную роль в этот период играет культ предков, в особенности семейных. Этот культ сохранился по сей день в Китае. Господствующей же формой религии уже стал культ сил природы, а именно земли, неба, рек, гор. Главным богом считался бог неба Шанди (дословно — верховный государь).

В XVIII в. возникла письменность иероглифического (рисунчатого) характера. Китайская система письма — весьма архаическая: она состоит почти исключительно из идеограмм (знаков, обозначающих предмет, выражающих понятие). Преобладание идеограмм стоит, видимо, в связи с односложностью слов в китайском языке. Но это, естественно, привело к тому, что в древнем китайском письме приблизительно столько знаков, сколько в языке слов. Надписи на гадательных костях этого времени содержат до 2500 знаков, цзины — более 3 тыс. Общее число знаков в китайском иероглифическом письме около 30 тыс., но две трети их никогда не употребляются в современном языке, и для практических надобностей достаточно знать только 4—6 тыс. знаков. Писали вначале их на камне или металле. Затем стали писать на бамбуковых палках, расщепленных на части. В связи с узостью бамбуковых палок образовалась вертикальная строка, характерная для китайского письма. На бамбуковых дощечках писали шилом, т. е. знаки на них вырезались.

§ 4. Период Чжоу. В конце XII в. до н. э. гуны племени Чжоу настолько усилились, что в 1122 г. свергли династию Инь и заняли ее престол. В период Чжоу заметно дальнейшее развитие произво-

дительных сил. Были проведены большие работы по расширению ирригационной сети, строились дамбы для регулирования разливов рек и осушались болота. С развитием ирригации внедрялась плужная обработка земли с использованием животной силы (рогатого скота). В начале первого тысячелетия возникла в Китае новая отрасль сельского хозяйства — чайная культура, в области которой китайцы также являлись пионерами. Тогда же произошел переход от бронзы к железу.

Внутренняя торговля носила уже развитый и регулярный характер. Но внешняя торговля в начале этого периода еще находилась в руках государства, и вели ее не купцы, которых еще не было, а агенты царя. Деньгами служили нефрит, слитки меди и золота.

Развивались и общественные отношения. Возрастало значение рабского труда в хозяйстве, причем источником рабства была уже не только война, как в древнейший период, но и долговая кабала. Впавшие в нужду родители продавали детей в рабство, чтобы спасти их и самих себя от голодной смерти. При этом, как сообщают исторические тексты, «продававшиеся в рабство дети и взрослые сначала считались заложниками; если по прошествии трех лет не выкупались, они делались окончательно рабами». Важным источником рабства была у китайцев преступность. Как велико было число рабов из преступников, видно из того, что свободные назывались «честными подданными». Большой удельный вес преступности как источника рабства следует объяснить прежде всего ломкой общественных отношений, изменением форм собственности, обусловленной переходом от первобытного к рабовладельческому обществу. Если кто совершил тяжелое преступление, то преступник подвергался смертной казни, члены же его семьи забирались в казну и превращались в пожизненных рабов. За легкие преступления преступник и члены его семьи присуждались к рабству на срок от одного года до пяти лет. Поскольку рабы из преступников и военнопленные составляли основную часть рабов, то естественно, что рабы в основном были государственные. Использовались они главным образом на строительных работах.

Однако несмотря на развитие рабства были еще сильны формы производства, пережиточно сохранившиеся от первобытного общества, — общественная собственность на землю и общинное хозяйство. Собственность на землю в Китае была, как и в Египте, государственная: «Вся земля под обширным небом принадлежит государю», — говорится в «Ши-цзине». Общинное хозяйство в Китае имело одну самобытную черту, которая не встречается в других древневосточных обществах: уравнительный характер частных наделов. Пахотная земля общины делилась в древнем Китае, по преданию, на 9 полей, в среднем по 100 му (6 *га*). При этом восемь полей представляли собой семейные наделы, внутреннее же поле являлось общинным. Урожай с этих общинных полей шел раньше на общинные нужды, но при Чжоу — главным обра-

зом на государственные, представляя собой налог, почему общинное поле называлось «гун-тянь» (податное поле).

В период Чжоу государственное устройство приняло более централизованный характер. Столицей государства Чжоу стал (с VIII в.) город Лоян (в провинции Хэнань). Власть царя приобретает обычные черты древневосточной деспотии. Царь считался наместником бога на земле, «сыном неба». Имя царя, как и бога, было табуировано (оно не могло быть ни произнесено, ни начертано обычным образом).

С деспотией было теснейшим образом связано бесправие населения, ярчайшим выражением которого были телесные наказания. Палками били, как и в древнем Египте, не только простолюдинов, но и знатных людей, даже важных сановников. Деспотический характер царской власти получил свое выражение и в исключительной жестокости законов, которые в этот период уже были записаны и кодифицированы. Значительная часть статей китайского кодекса предусматривает для нарушителей законов смертную казнь, клеймение и изувечение (отсечение рук и ног, отрезание носа и пр.). Однако китайский кодекс, подобно хеттскому и в отличие от вавилонского, проводит дифференциацию преступлений на преднамеренные и непреднамеренные, устанавливая для последних более мягкие наказания. Кроме того, власть царя имела еще все же патриархальный оттенок, носила еще печать первобытных общественных отношений. Произвол царя был ограничен обычаем, господствовавшим с силой, не уступавшей закону.

В период Чжоу государственное устройство приняло более бюрократический характер. Система правительственной опеки требовала разветвленного чиновничьего аппарата. Государственные чиновники следили за тем, чтобы сначала было обработано податное (общественное) поле (гун-тянь), и только затем брались за личные наделы. Государственные чиновники следили и за выполнением трудовой повинности: каждый подданный обязан был работать двадцать дней в году на дом царя. Чиновники производили набор войска во время войны, так как оно представляло собой народное ополчение.

Цари династии Чжоу расширили пределы своего государства. Они завоевали бассейн реки Янцзы, населенный племенами монгольской расы, стоявшими на более низкой ступени развития. Будучи раздробленными, племена бассейна Янцзы не могли оказать отпора китайцам и вынуждены были признать свою зависимость от Китая и платить ему дань.

Однако централизованное устройство Китая продержалось лишь до VII в. до н. э. Центробежные силы и сепаратистские тенденции, отражавшие самодовлеющий характер общинного хозяйства, были в этот период очень велики. Областные правители — гуны — превратились в маленьких царьков, центральная же власть ослабела. Междоусобные войны, от которых так сильно страдали общины, заполняли всю вторую половину периода Чжоу (VII—III вв. до н. э.). Усилился произвол и налоговый гнет в стране: общинные поля (гун-тянь) были захвачены и поделены, подать была доведена до $^2/_3$ урожая.

Новый порядок, устанавливавшийся рабовладельческой аристократией, вызывал недовольство широких народных масс. Устремления различных общественных групп выражали разные мудрецы, выступавшие со своими учениями об общественном устройстве. Одним из первых (в VI в. до н. э.) выступил Лао-цзы, бывший хранителем государственного архива в Лояне. Лао-цзы проповедовал возвращение к первобытной естественной простоте. Самое большее преступление, говорил он, — давать волю своим желаниям, самое большее бедствие — не знать меры довольства, самая большая вина — стремиться к приобретению. Симпатии Лао-цзы к первобытным временам сказались и на его политическом идеале. Лао-цзы — против государственной власти с ее законами и армией. Он за маленькую общину, которая не нуждается в законах, так как обычай регулирует отношения между ее членами; она не нуждается в войске, так как не владеет никакими богатствами, которые могли бы возбудить в ком-либо желание ее ограбить.

Однако Лао-цзы как чиновник, притом не мелкий, не решается на активную борьбу и не призывает к ней. Лао-цзы стремится установить торжество первоначального порядка («дао») не путем борьбы с новыми порядками, а путем самосовершенствования. Каждый должен, по Лао-цзы, начать с самого себя и своим примером показать, как нужно жить. Тем самым Лао-цзы по существу проповедовал уход от борьбы, уход в свою личную жизнь. «Кто знает людей, — говорил он, — тот мудр; но еще мудрее тот, кто знает самого себя. Кто побеждает других, тот силен; но еще сильнее тот, кто побеждает самого себя».

Даосизм, осуждавший неумеренность аристократов и проповедовавший возвращение к первобытно-общинным порядкам, был популярен среди народных масс. Были, однако, мудрецы, которые отражали интересы аристократии и положительно относились к складывавшейся рабовладельческой цивилизации. Самым выдающимся среди этих мыслителей был Конфуций (VI—V вв. до н. э.) — крупный сановник при дворе одного из гунов. Конфуций отстаивал привилегии аристократии, социальную иерархию. Каждый, по Конфуцию, должен помнить свое место: сын должен быть сыном, отец — отцом, ван — ваном. Однако Конфуций был против чрезмерной эксплуатации народных масс, ибо опасался, что это может вызвать возмущение последних и привести к крушению классового общества. «Древнее правление, — говорил Конфуций, — было таково: сын неба считал придворных вельмож своими руками, добродетель и закон — уздою, сто чинов — вожжами, уголовные наказания — бичом, народ — лошадьми. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно правильно их взнуздать, нужно равно держать вожжи и бич, следует соразмерять силы лошадей и наблюдать за согласным бегом последних. При этих условиях управителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать вожжами и не подстрекать бичом, — лошади сами собой побегут».

Конфуций предлагал во всем соблюдать меру, избегать крайностей: «Во всем середина, — вот что составляет добродетель». Конфуций идеализирует ранние времена государственной истории Китая, когда царь еще был ограничен в своей власти советом и когда гуны не претендовали на государственную власть. Как сторонник патриархальной монархии и устойчивых социальных отношений, Конфуций стремится укрепить старые семейные патриархальные добродетели, любовное и почтительное отношение детей к родителям как основу патриархальных отношений государя к подданным. Одним из важнейших средств укрепления старых семейных устоев Конфуций считал культ предков, который до сих пор в Китае сохранился благодаря конфуцианству.

§ 5. Период Цинь. Крестьяне, бессильные вести борьбу с гунами, массами бежали из центральных мест в окраинные области. Это привело к экономическому и политическому возвышению западных пограничных областей, в особенности области Цинь (на границе между Тибетом и Монголией, в нынешней Шэньси).

В области Цинь велась большая посредническая торговля между Китаем, с одной стороны, Монголией, Тибетом и Индией — с другой. На основе этой торговли выросли большие города, «центры Поднебесной». Торговля и денежные отношения расшатывали старые общественные основы хозяйства. В 350 г. до н. э. впервые в истории Китая были отменены в области Цинь государственная собственность на землю, общинные поля (гун-тянь) и уравнительное землепользование. За общинниками закреплялись в личную собственность их семейные наделы, с которых взималась натуральная подать. В результате этих реформ наступил значительный прогресс в развитии хозяйства области Цинь. Это отметил отец китайской истории Сыма Цянь: «Каждая семья имела в достатке средства существования... В городах и селах [царил] полный порядок. Те, кто раньше порицали новые законы, теперь заявляли об их пользе». По своим богатствам Цинь в результате этих реформ заняла первое место среди других областей.

Область Цинь, таким образом, приобрела экономический перевес над другими областями, а это привело и к ее политическому преобладанию. Усилившиеся правители Цинь расширяли пределы своих владений, покоряя соседние области. В 256 г. падает династия Чжоу и устанавливается в Китае правление династии Цинь.

При династии Цинь, которая окрепла в борьбе с сепаратизмом местной знати, возникла сильная деспотическая централизованная власть. Внешним ее выражением является титул «великий государь» («хуан-ди»), который принял наиболее выдающийся царь династии Цинь — Чжен. Он так и вошел в историю не под своим личным именем, а под именем Первый великий государь династии Цинь — Цинь Ши Хуанди.

В борьбе за политическое объединение Китая Цинь Ши Хуанди покорил все области Китая и положил конец их обособленности. Чтобы вырвать с корнем сепаратистские тенденции, Ши Хуанди

провел новое деление страны на 36 областей и реорганизовал местное управление, ставя на место родовой знати служилое чиновничество. Ши Хуанди содействовал экономическому объединению страны: он провел шоссейные дороги, соединявшие столицу с областями, установил единую систему мер и веса и ввел в 221 г. до н. э. по всей стране единую (частную) форму земельной собственности на землю. Ши Хуанди, наконец, содействовал и культурному объединению Китая, он ввел единую упрощенную иероглифическую систему во всей стране.

Сильный централизованный Китай был в состоянии лучше противостоять грабительским набегам кочевников и хунну с севера. Чтобы сделать борьбу с последними более успешной, Ши Хуанди провел реформу армии: основой войска он сделал кавалерию, поскольку и хунну сильны были своей конницей. Кроме того, в целях ограждения своей страны от вторжений хунну, Ши Хуанди завершил строительство пограничных укреплений, окаймлявших Китай с севера. Они стали строиться задолго до него, но при Ши Хуанди были соединены в одну непрерывную стену. Великая стена, которая тянется от Чжилийского залива до Восточного Туркестана, имеет в длину 2500 *км*. Высота стены в восточной части 12 *м*, а толщина — у основания 8 *м*, а вверху 5 *м*. Через каждые 200 *м* были устроены башни до 13 *м* высоты.

Вся эта энергичная государственная деятельность требовала огромного напряжения сил страны. Войны за объединение Китая под властью Цинь стоили государству, по мнению русского синолога И. Захарова, трети населения. Налоги и трудовая повинность были непосильно велики. На постройку стены было согнано до 400 тыс. человек (главным образом преступников), еще большее число, 700 тыс., трудились над сооружением цинского дворца, сотни тысяч строили дороги и рыли оросительные каналы. У китайцев сохранилось предание, что царствование Ши Хуанди — это единственное время, когда радовались рождению дочери, так как ее нельзя было послать на работу к Великой стене.

Народное недовольство достигло небывалых размеров. Его попытались использовать конфуцианцы; ссылаясь на древние времена, они доказывали неправомерность политики Ши Хуанди. Не терпя никакой оппозиции, раздраженный постоянными ссылками на исторические памятники и древние предания, Ши Хуанди в 213 г. до н. э. издал указ сжечь все книги, в первую очередь исторические, запечатлевшие предания древних времен. Из книг были пощажены лишь сборники законов, агрономическая, медицинская и магическая литература. Поскольку конфуцианцы продолжали устно выступать против деспотического режима, Ши Хуанди приказал казнить 460 оппозиционно настроенных конфуцианцев.

В стране вспыхнули восстания, которые, однако, были жестоко подавлены Ши Хуанди. При его сыне движение приняло еще более широкие размеры. Уже в первый год его царствования вспыхнуло крестьянское восстание, во главе которого стоял бедный крестьянин Чэнь Шэ. Как рассказывает Сыма Цянь, он «послал своих военачальников поднять все области, завоеванные Цинь. Моло-

дежь в уездах и округах, страдая от циньских чиновников, перебила всех окружных и уездных начальников и восстала, присоединяясь к Чэнь Шэ». Однако это крестьянское восстание потерпело поражение. В 206 г. вновь вспыхнуло восстание, возглавляемое уже аристократами. Оно привело к свержению династии Цинь и установлению новой династии Хань.

§ 6. Период Хань. В период Ханьской династии, которая установилась в борьбе с крайней деспотией, власть царей стала более умеренной. Цари Хань отказались от титула «хуан-ди» и стали опять называться просто «ди». Они приблизили к себе конфуцианцев, сторонников патриархальной монархии, и конфуцианство стало при царях Хань государственным учением. Первые цари Хань приступили к разысканию и восстановлению уничтоженной при Ши Хуанди литературы.

Рядом реформ цари Хань стремились успокоить народные массы. Первый царь Гаоцзу снизил налоги до $^1/_{30}$ дохода. Он же издал приказ, давший свободу всем людям, продавшим себя в рабство во время голода. Второй царь династии Хань, Веньди, несколько смягчил чрезмерно суровые наказания за преступления: он ограничил применение смертной казни, оставив ее только для самых тяжких преступлений.

Наиболее выдающимся из царей этого периода был пятый царь династии Хань — Уди (140—87 гг. до н. э.). Он провел ряд мероприятий, содействовавших развитию торговли. При нем сооружались мосты и судоходные каналы, принимались меры к регулированию рек. В это время возникло производство фарфора, являющегося наиболее совершенным видом керамики. Основными предметами вывоза были шелк, чай, фарфор, разные изделия из дерева, слоновой кости и рога. Китайцы открыли в это время Корею и Японию, приобщили корейцев, а через них и японцев, стоявших на неолитической стадии развития, к цивилизации и, в частности, познакомили их с культурой риса, лошадью, металлом.

В это время Китай впервые выходит и на мировые торговые пути, ведущие на запад. Экспедиция под руководством Чжанцяня в течение 30 лет изучала Туркестан. Это открытие во II в. до н. э. Китаем Средней Азии, по мнению русского синолога Бичурина, «есть происшествие не менее важное в истории Китая, как открытие Америки в истории Европы». Через Согдиану и Парфию началась теперь торговля и с Римом. В связи с этим Уди совершил ряд победоносных походов в Восточный Туркестан и Фергану. Китайские войска дошли до Каспийского моря. Хотя эту завоеванную территорию пришлось потом оставить, но последствия проникновения китайских войск в Среднюю Азию были очень велики. В частности, были перенесены в Китай из бассейна Аму-Дарьи культура винограда, ореховое дерево и множество других культур и овощей.

В целях обеспечения безопасности торговли Уди предпринял также походы на север против хунну, прорывавшихся за Великую

стену. Впервые китайцы перешли от обороны к наступлению и успешно отогнали хунну к северу от пустыни Гоби. Наконец, Уди вел успешные войны за покорение юго-восточной части современного Китая (область Кантона).

Развитие торговли и производства, а также многочисленные победоносные войны имели своим последствием рост рабовладения. Только в 121—119 гг. до н. э. в войнах с хунну было взято в плен, по сведениям китайских источников, 250 тыс. человек. Общее число рабов в Китае в это время составляло, по мнению синологов, несколько миллионов человек, т. е. не менее 25% всего населения.

Положение рабов было тяжелым. Как указывает Сыма Цянь, «все невольники и невольницы у пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хунну хорошо жить, и, несмотря на бдительность караулов, иногда перебегают за границу». Наряду с рабством развивались и арендные отношения. Земельная собственность все больше концентрировалась в руках богатых, обладавших обширными земельными пространствами в несколько гектаров. Земля в этих обширных поместьях сдавалась в аренду. «Владетель поля — один человек, а обрабатывают его десять», — говорили в то время. Положение арендаторов земли тоже было тяжелым, так как фактически арендная плата достигала половины урожая. Таким образом, экономический прогресс совершался за счет сильного ухудшения быта широких народных масс. Результатом всего этого явилось резкое обострение классовых противоречий, которые создавали условия для мощных восстаний рабов и крестьян.

Виднейший представитель конфуцианства Дун Чжун-шу, являвшийся крупным государственным деятелем при Уди, выступил с резкой критикой социально-экономических отношений в стране: «У богатых, — говорил он, — поля тянутся чередою [одно следует за другим], а бедные не имеют места [земли], чтобы воткнуть шило». «Необходимо воспрепятствовать концентрации земли; возвратить народу соль и железо, покончить с рабством, уменьшить налоги, облегчить военные и трудовые повинности, чтобы дать простор силам народа». Особенно решительно, чтобы предупредить революцию, конфуцианцы требовали аграрной реформы, которая ими мыслилась как возвращение к древней общинной системе землепользования.

В начале I в. н. э. конфуцианцы в лице царя-узурпатора Ван Мана нашли того «совершенно мудрого царя», который готов был осуществить их проекты реформ. Придворный Ван Ман, назначенный регентом при двухлетнем царе, в 9 г. н. э. устранил последнего и объявил себя царем. Свое вступление на престол он ознаменовал указом о реформе. Вся земля была объявлена государственной (ван-тянь), и под страхом наказания было запрещено продавать и покупать ее. Был установлен максимум земельного владения для аристократов и введено уравнительное землепользо-

вание для общинников. Наряду с землей были объявлены государственными и рабы. Были созданы государственные монополии на ряд важнейших предметов потребления, учрежден строгий государственный контроль, пресекавший их нарушение, установлены жестокие наказания для нарушителей. Однако реформа носила явно утопический характер, так как частная собственность на землю уже крепко вошла в быт. Как рассказывает «История первой Хань», народ «проливал слезы на площадях и дорогах». «Купля-продажа земли и рабов продолжалась нелегально, и число людей, понесших за это наказание, невозможно было исчислить».

Реформа была уже через три года, в 12 г., отменена, а положение народа лишь еще ухудшилось в результате связанных с ней притеснений чиновничества. Всеобщее недовольство теперь охватило страну и скоро переросло в открытые крестьянские восстания. Особенно широкие размеры приняло восстание в Северном Китае под руководством крестьянина-бедняка Фань Чуна (18 г. н. э.). Оно вошло в историю под названием «восстания краснобровых», так как Фань Чун, якобы с целью воспрепятствовать дезертирству, заставил повстанцев окрасить брови в красный цвет. Но крестьянское движение постарались использовать приверженцы свергнутой Ханьской династии; они убедили Фань Чуна в необходимости объединения своих сил против общего врага Ван Мана. В 25 г. н. э. войско Ван Мана потерпело поражение и Ван Ман был убит. Эту победу использовали более опытные в политической борьбе приверженцы Ханьской династии. Они захватили столицу и вновь восстановили династию Хань. Отряды «краснобровых» рассеялись по стране.

Правда, цари второй династии Хань приняли некоторые меры, чтобы залечить раны, нанесенные стране гражданской войной. Были изданы «указы местным чиновникам поощрять народ в возделывании тутового дерева и не беспокоить его... Чиновникам было повелено вызывать добровольцев, не имеющих земли, и переселить их на другие места, где поля плодородны. Этим людям раздавались общественные поля; они освобождались от налогов на пять лет и от повинностей на три года». Но поскольку основные социальные противоречия не были разрешены, в конце II в. н. э. опять возникли волнения. Особенно сильным было «восстание желтых тюрбанов» (повстанцы покрывали свои головы желтыми платками), вспыхнувшее в 184 г. н. э. под руководством Чжан Цзяо. Это восстание было тщательно подготовлено. В деревнях были организованы военно-религиозные братства, все члены которых обучались военному делу. Как рассказывается в «Истории второй династии Хань», «вспышка была до того внезапна и огромна по своим размерам, что повсюду правительственные чиновники принуждены были искать спасения в бегстве. За один месяц все встали на сторону мятежников». Однако армия Чжан Цзяо, состоявшая из нескольких десятков тысяч человек, несмотря на упорную и героическую борьбу в течение пятнадцати

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА (IV—III тысячелетия)

ВАВИЛОНИЯ		ЕГИПЕТ		ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА		ИНДИЯ	
IV тысячелетие	Родовые общины Южного Двуречья. Возникновение ирригационного земледелия. Металлургия меди.	Середина IV тысячелетия	Возникновение Северного и Южного царств.			IV — II тысячелетия	Древнейший период, город на холме Мохенджо-Даро (ок. XXV—XV вв. до н. э.).
		Ок. 3200	Объединение Северного и Южного царств Менесом. Начальный (переходный) период Древнего царства (I—II династии).	Конец IV тысячелетия	Основание приморских городов Угарита, Гебала (Библ), Сидона.		
		Ок. 3000—2900	III — IV династии. Укрепление царской власти. Создание централизованного бюрократического аппарата. Развитие хозяйства. Ирригационное строительство. Пирамиды Дзосера, Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен), Менкаура.				
	Появление бронзы. Борьба городов Сеннаара за гегемонию. Возвышение Лагаша; цари Лагаша — Урнанша (Урнина), Эаннаду (Эаннатум).		Появление бронзы.				
Конец IV— начало III тысячелетия (2540—2370)		Ок. 2700	V династия. Распространение культа бога Ра. Экспедиции в Финикию, страну Пунт.	Ок. 2750	Основание Тира.		

Продолжение

ВАВИЛОНИЯ		ЕГИПЕТ		ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА		ИНДИЯ	
Ок. 2400	Реформы царя Лагаша—Урукагины.						
Ок. 2360	Царь города Уммы Лугальзаггиси взял г. Лагаш и объединил Шумер.	Ок. 2400	Распад Египта на отдельные номы. Могущество номархов. Восстание крестьян и рабов.				
2369—2189	Объединение Двуречья семитическим Аккадом. Шаррукин (Саргон I). Развитие торговли. Военные реформы. Завоевание Элама. Походы в «Верхнюю страну» (Каппадокию). Нарамсин.						
Ок. 2228	Завоевание Двуречья гутеями.						
Ок. 2150	Гудеа, патеси Лагаша.			Ок. 2000	Начало расцвета культуры Угарита.		
2118—2007	III династия Ура. Шульги (Дунги), царь Ура. Объединение Шумера и Аккада. Борьба с кочевниками. Первый кодекс законов.						
2007	Нашествие эламитов. Падение III династии Ура.						

ВАВИЛОНИЯ		ЕГИПЕТ		АССИРИЯ		ХЕТТЫ И УРАРТУ		ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА		ИНДИЯ		КИТАЙ	
		2000—1980	XII династия. Объединение Египта Аменемхетом I (начало Среднего царства).					III—II тысячелетие	Начало колонизации финикийцами островов Средиземноморья.	ок. 2000 г.	Вторжение ариев в Индию.		
1894—1595	I Вавилонская (аморитская) династия. Наивысшее экономическое и политическое развитие Вавилонии.	1887—1849	Сенусерт III — военное укрепление Египта. Походы в Нубию и Палестину.	XIX в.	Основание торговых колоний в Каппадокии.								
		1849—1801	Аменемхет III. Широкое развитие ирригационных работ. Расцвет культуры и искусства.										
1792—1750	Хаммураби. Развитие ирригации. Рост торговли. Централизация государственной администрации. Свод законов. Подчинение Шумера.	начало XVIII в.	Восстание крестьян и рабов.										
		ок. 1710—1570	Завоевание Египта гиксосами (конец Среднего царства).	XVIII — конец XV в.	Ассирия под властью царства Митани.	ок. 1640	Образование хеттского государства Табарна.	Середина II тысячелетия — конец XIII в.	Финикия под властью египтян (период Телль-Амарны).			1765—1123	Государство Инь.
1741—1165													
	Ослабление Вавилона при последних царях первой династии. Вавилония под властью касситов. Появление железа.	1584—1559	XVIII династия. Яхмос I. Изгнание гиксосов (начало Нового царства).			1595	Хеттский царь Муршиль I. Поход в Вавилонию.						
						ок. 1535	Телепин. Укрепление хеттского государства.						
		1525—1491	Тутмос III. Завоевание Палестины, Сирии, части Ливии и Нубии до четырех порогов Нила.										
						середина XV в.	Новое возвышение хеттского царства.						
		1424—1388	Аменхотеп IV (Эхнатон). Религиозная реформа. Новая столица Ахетатон («Горизонт Атона») Телль. Амарнская переписка. Впервые упоминается железо.	1420	Царь Ассурбалит подчинил Митани и восстановил независимость Ассирии. Установление связей с Египтом.	середина XIV в.	Завоевание хеттами Северной Сирии и Финикии.						
		1342—1338	XIX династия. Хоремхеб. Ликвидация культа Атона.										
		1317—1251	Рамсес II. Войны с хеттами (1312 г. битва при Кадеше). Мирный договор с хеттами.										
		1251—1231	Мернепта. Победа над ливийцами и «морскими народами».	XIII в.	Салманасар I. Ликвидация царства Митани. Отражение хеттов. Расширение границ Ассирийского царства.	1296	Хаттушиль III. Мирный договор с Египтом.						
						XIII в.	Походы в Урарту ассирийского царя Салманасара I. Борьба урартов за независимость.	С конца XIII в.	Начало независимости Финикии в связи с ослаблением Египта и хеттского государства.				
		1206—941	XX и XXI династии.			ок. 1200	Вторжение морских народов и распад государства хеттов.	Конец XI в.	Образование первого Израильского царства в Палестине. Саул. Борьба с филистимлянами.			1122	Начало династии Чжоу.

ВАВИЛОНИЯ		ЕГИПЕТ		АССИРИЯ		ХЕТТЫ И УРАРТУ		ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА		ИРАН		ИНДИЯ		КИТАЙ	
		Половина X — конец VIII в.	Египет под властью ливийцев. Шешонк I (941—920).	884—859	Усиление Ассирии при Ассурназирпале II. Походы в Аравию, Сирию, Урарту.	Начало IX в.	Образование независимых государств Урарту и Наири.	Начало X в.	Давид. Разгром филистимлян. Иерусалим — столица Иудейского царства.			Начало I тысячелетия	Возникновение государств Магадха и Кошала.	1122—256	Государство Чжоу.
		736	Завоевание Египта эфиопами. Пианхи.	745—727	Тиглат-Паласар III. Дальнейшее укрепление Ассирии. Военные реформы. Завоевание Сирии (Дамаск) и Вавилонии.	Середина IX в.	Объединение Урарту и Наири урартским царем Сардуром I.	X в.	Город Тир преобладает среди финикийских городов. Царь Хирам.						
				722—705	Саргон II. Разгром Израильского царства. Завоевание Урарту (714).	760—730	Царь Сардур II. Наивысший расцвет Урарту. Завоевательные походы.	Ок. 950	Соломон. Союз с царем города Тира Хирамом. Строительная деятельность. Централизация государственного управления.						
				705—681	Санхериб. Поход в Иудею. Разрушение Вавилона (689).	714	Вторжение и разграбление Урарту Саргоном II. Начало постепенного ослабления государства Урарту.	935	Образование двух царств — Иуда и Израиль.						
689	Разрушение Вавилона Санхерибом.	671	Завоевание Египта Ассирией.	668—626	Ассурбанипал. Расцвет ассирийской культуры.			722	Взятие ассирийским царем Саргоном II столицы Израиля Шомерон (Самарии). Конец Израильского царства. Иудея в зависимости от ассирийских царей.	Конец VIII в.	Объединение мидийских племен Дейокой.				
626—538	Ново-Вавилонское царство.	ок. 650	Псаметих I. Восстановление независимости Египта. Образование XXVI династии (Саисской)	612	Взятие Ниневии.			Конец VIII—начало VII в.	Ассирийцы подчиняют финикийские города.	625	Поход Фраорта на Ассирию.				
626—604	Набупаласар. Восстановление независимости Вавилона. Союз с Мидией против Ассирии.	611—595	Нехо. Расцвет торговли и культуры.	605	Битва при Каркемише. Конец Ассирийского царства.			621	Реформы Иошии (Иосии) в Иудее.	Конец VII в.	Киаксар. Разгром Ассирии мидийцами и Вавилоном (605).				
604—561	Навуходоносор II. Походы в Сирию, Палестину и Финикию. Строительство в Вавилоне.							586	Разрушение Иерусалима Навуходоносором. Уводв Вавилонию основной массы населения Иудеи.	585 г. 28 мая	Сражение Киаксара с царем Лидии Алиаттом.				
										558—529	Кир — создатель Персидской державы.	VI в.	Начало буддизма.		
										550	Завоевание Мидии. Основание Персидской державы.				
										546	Покорение Лидийского царства.				
										538	Захват Вавилона.				
										529—521	Камбиз.			VI в.	Лао-цзы.
										525	Завоевание Египта Камбизом. Поход в Нубию.			VI—V вв.	Конфуций.
										523	Восстание «магов».				
										521—486	Дарий I Гистасп. Административные и финансовые реформы.				
538	Завоевание Вавилона персидским царем Киром.	525	Завоевание Египта персами (Камбиз).							330	Разгром державы Ахеменидов Александром Македонским.				
												327	Вторжение Александра Македонского в Индию.		
												315—297	Чандрагупта. Основатель династии Маурья.		
												272—232	Ашока.	256—206	Династия Цинь.
														(246—209)	Цинь Ши Хуанди. Административные, финансовые и военные реформы.
														206	Период Хань.
														140—87	Царь У-ди. Развитие торговли и строительства. Походы в Туркестан.
														9—25 г. н. э.	Ван Ман. Реформа.

лет, в конце концов потерпела поражение. Но теперь вся страна оказалась в руках трех военачальников, выдвинувшихся в борьбе с восстанием, и таким образом распалась на три царства. Так, к концу II в. н. э. Китай вновь утратил свое единство.

Большие сдвиги в развитии социально-экономических отношений в период Хань наложили отпечаток на развитие культуры. В области религии в I в. н. э. недовольство народных масс государственной властью получило свое выражение в распространении в Китае среди простолюдинов буддизма (в его махаянистской форме), занесенного из Индии. Буддизм оказал большое влияние на все стороны китайской культуры. Развивалась письменность, чему способствовало изобретение бумаги из тутового дерева и кисти для письма на шелке. Благодаря торговым связям с Индией китайцы познакомились с индийской астрономией, географией и философией. Появились агрономические труды, систематизировавшие древние агрономические наблюдения и знания. Эпоха великих событий породила в обществе интерес к истории. Во II в. до н. э. появился «отец китайской истории» Сыма Цянь, оставивший труд «Исторические записки». Развивалась и китайская философия. Выдающимся ее представителем был Ван Чун, мелкий чиновник по профессии. В противовес принципу родовитости он выдвигает, как основной критерий оценки человеческой личности, личные качества и способности. Ван Чун — материалист. «Человек есть животное существо, — писал он. Несмотря на то, что он может быть очень знатен и быть царем или князем, его природа не отличается от природы других существ. Небесные явления столь же не зависят от чьей-либо воли, как не зависит от воли человека краска, проступающая на его лице. Если бы люди, умирая, превращались в духов, то на дороге духи попадались бы на каждом шагу..., они наполняли бы залы, дворцы, заполняли бы аллеи и дороги, и в их толпе нельзя было бы увидеть одного-двух людей».

БИБЛИОГРАФИЯ

История первобытного общества

Труды классиков марксизма-ленинизма

К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1 и отд. изд., Партиздат, 1940.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, М.—Л. 1938 и отд. изд.

К. Маркс, Конспект к книге Д. Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса — Энгельса, т. IX, Л. 1941.

К. Маркс, Черновые наброски письма К. Маркса В. И. Засулич (8 марта 1881 г.), Соч., т. XXVII, Л. 1935.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1938, стр. 180 (К. Маркс о происхождении религии в ее грубейших формах).

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованием Д. Г. Моргана. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, М.—Л. 1937 и отд. изд. 1950 г.

Ф. Энгельс, Письмо к Лаврову 12 ноября 1875 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI.

Ф. Энгельс, Диалектика природы. Глава «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, М.—Л. 1931 и отд. изд.

Ф. Энгельс, Вновь открытый случай группового брака. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, М.—Л. 1936.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950.

Ф. Энгельс, Письмо к Конраду Шмидту о религии. Избр. письма К. Маркса и Ф. Энгельса, 1948, стр. 429.

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах о религии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. 2, 1948, стр. 350, 359—361, 377—378.

В. И. Ленин, Письмо Горькому, декабрь 1913 г., Соч., изд 4-е, т. 35.

В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., изд. 4-е, т. 25.

В. И. Ленин, О государстве. Лекция, прочитанная в Свердловском университете 11 июля 1919 г., Соч., изд. 4-е, т. 29.

В. И. Ленин, Социализм и религия, Соч., изд. 4-е, т. 10.

И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», гл. IV.

И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. I, стр. 311, 361.

И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М. 1951.

Общие труды по истории первобытного общества

С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. «Советская этнография», 1949, № 1 и 1950, № 4.

Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса. Передовая статья в журн. «Советская этнография» 1950, № 3.
А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. МГУ (3-е, переработанное и дополненное), М. 1947.
Д. Н. Анучин, Открытие огня и способы его добывания, М.—Л. 1926.
Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М. 1949.
Гремяцкий и Неструк, Тешик-Таш. Палеолитический человек, М. 1949.
П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 2-е, Л. 1938.
Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, М. 1937.
М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.—Л. 1948.
М. М. Ковалевский, Очерки происхождения и развития семьи и собственности, пер. с французского под ред. М. О. Косвена, М. 1939.
М. М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. 1 и 2, СПБ 1935.
М. М. Ковалевский, Первобытное право, вып. 1 и 2, М. 1886.
Ю. В. Готье, Железный век в Восточной Европе, М.—Л. 1930.
Д. Г. Морган, Древнее общество. Пер. с английского под ред. М. О. Косвена, изд. 2-е, Л. 1935.
Д. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л. 1934.
Н. Н. Миклухо-Маклай, Соч., т. I, 1940.
М. З. Паничкина, Палеолит Армении, Л. 1950.
Ю. П. Францев, Фетишизм и происхождение религии, 1941.

История древнего Востока

Труды классиков марксизма-ленинизма

К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XI, стр. 340; гл. XII, стр. 364—365 (изд. 1949 г.); т. III, стр. 342—346, 802—804, 809 (изд. 1949 г.).
К. Маркс, Британское владычество в Индии. Будущие результаты Британского господства в Индии. Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, 1932.
К. Маркс, К критике политической экономии, 1949, стр. 7—8.
К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Вестник древней истории», 1940, № 1 и отд. изд., Госполитиздат, 1940.
К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма: 28, 29, 30, 31, 105, 117, 157, 191, изд. 1948 г.
Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованием Д. Г. Моргана. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, М.—Л. 1937 и отд. изд. 1950 г.
Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 165, 169, 170, 330, 334.
В. И. Ленин, О государстве. Лекция, прочитанная в Свердловском университете 11 июля 1919 г., Соч., изд. 4-е, т. 29.
И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избранных статей и речей, М. 1939.
И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс», гл. IV. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 535.
И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951.

Статьи по методологии истории древнего Востока

«Историческое значение трудов товарища Сталина для изучения первобытно-общинного и рабовладельческого общества» (передовая статья в «Вестнике древней истории», 1949, № 4; о Востоке — стр. 6—9).
Н. М. Никольский, О построении истории древнего Востока, «Вестник древней истории», 1938, № 3—4.

Хрестоматии и отдельные издания источников

Хрестоматия по истории древнего мира под ред. В. В. Струве, т. I, изд. 1-е, 1936; изд. 2-е М. 1951.
И. М. Волков, Законы вавилонского царя Хаммураби, М. 1914.
И. Дьяконов, Изучение клинописи в СССР за 30 лет, «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 42.
М. В. Никольский, Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собр. Н. П. Лихачева «Древности восточные». Труды Восточной комиссии Моск. археол. общества, т. III, вып. 2, и т. V, СПБ 1908—1915.
Б. А. Тураев и И. Н. Бороздин, Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима, ч. I — Восток, 1915.
Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский и др., Древний мир в памятниках его письменности, изд. 2-е, ч. 1 — Восток, М. 1915.
Речения Ипувера. Лейденский папирус № 344. В серии «Всеобщая история в материалах и документах», М.—Л. 1935.

Издания сочинений античных авторов в переводах

Арриан, Индия, «Вестник древней истории», 1940, № 2.
Псевдо-Арриан, Плавание вокруг Эритрейского моря, «Вестник древней истории», 1940, № 2.
Геродот, История, в 9 книгах, пер. с греческого Ф. Г. Мищенко, изд. 2-е, исправленное и дополненное, т. I—II, М. 1888.
Страбон, География, в 17 книгах, пер. Ф. Г. Мищенко, М. 1879.
Иосиф Флавий, Иудейские древности, пер. с греческого Г. Г. Генкеля, т. I—II, СПБ 1900.
Иосиф Флавий, О древности иудейского народа. Против Апиона, пер. с греческого Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля, СПБ 1898.

Атласы и справочные издания

Атлас по истории культуры и искусства древнего Востока (Государственный Эрмитаж), М.—Л. 1940.
А. Г. Бокщанин, Атлас по истории древнего мира, под ред проф. А. В. Мишулина, М. 1948.
И. Гунгери Г. Ламер, Культура древнего Востока в картинах, пер. с немецкого под ред. М. С. Сергеева, М. 1913.
И. Л. Снегирев, Древний Восток. Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая, под ред. В. В. Струве, Л. 1937.

Общие труды по истории древнего Востока

В. И. Авдиев, История древнего Востока, М. 1948 (приложена обширная библиография).
В. И. Авдиев, История древнего Востока. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1943 учебн. г., М. 1943.
М. В. Алпатов, Всеобщая история искусств, М. 1948.
В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира, т. I — Восток, 1923.
Книга для чтения по истории Древнего Востока, под ред. акад. В. В. Струве, М. 1951.
В. В. Струве, История древнего Востока, изд. 2-е, 1941.
В. В. Струве, Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг., «Вестник древней истории», № 1—2, 1938.
Н. Д. Флиттнер, Искусство древнейших культур, Л. 1929.
Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I—II, Л. 1935 (устарела, имеет значение по большому количеству текстов первоисточников).

Вавилония и Ассирия

М. В. Никольский, Саргон, царь ассирийский, 1881.
Б. Грозный, Доисторические судьбы Передней Азии, «Вестник древней истории», 1940, № 344.
И. М. Дьяконов, Амореи, «Вестник древней истории», 1939, № 4.
И. М. Дьяконов, Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э., «Вестник древней истории», 1946, № 4.
И. М. Дьяконов, О площади и составе шумерского города-государства, «Вестник древней истории», 1950, № 2.
И. М. Дьяконов, Реформы Урукагины в Лагаше, «Вестник древней истории», 1951, № 1.
И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л. 1949.
Н. М. Никольский, Древний Вавилон. Популярно-научные очерки по истории культуры Сумера, Вавилона и Ассура, М. 1913.
Н. М. Никольский, Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье (к истории Вавилоно-Ассирийского общества в III—I тысячелетии до н. э.), Минск 1948.
Н. М. Никольский, Община в древнем Двуречье, «Вестник древней истории», 1938, № 4—5.
Н. М. Никольский, К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье, «Вестник древней истории», 1939, № 2.
Н. М. Никольский, Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье (резюме монографии см. выше), «Исторический журнал», 1945, кн. 1—2.
Н. М. Никольский, Рабство в древнем Двуречье, «Вестник древней истории», 1941, № 1.
А. И. Тюменев, О форме земельных отношений по надписи обелиска Манистусу, «Вестник древней истории», 1946, № 4.

Древний Египет

В. И. Авдиев, Военная история древнего Египта, т. I, 1948.
Н. Постовская, Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте, «Вестник древней истории», 1947, кн. 1.
Дж. Г. Брестед, История Египта, т. I—II, 1915 (важна по фактическому материалу).
Г. Картер, Тутанхамон. Гробница египетского фараона, открытая Карнарвоном и Картером, М.—Л. 1927.
М. Э. Матье, Что читали египтяне 4 000 лет тому назад, Л. 1934.
М. Э. Матье, Мифы древнего Египта, Л. 1940.
Г. Масперо, Всеобщая история искусств, Египет 1916.
В. В. Павлов, Очерки по искусству древнего Египта, М. 1936.
В. В. Струве, Подлинный Манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, «Вестник древней истории», 1946, № 4.

Хеттское государство

Б. Грозный, Хеттские народы и языки, «Вестник древней истории», 1938, № 2.
В. В. Струве, Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества, «Известия ГАИМК», вып. 97, М.—Л. 1934.
Н. М. Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, «Известия Академии наук БССР», 1948, № 2.

Финикия

Н. М. Никольский, Значение открытий в Рас-Шамра для истории древнего Востока. «Исторический журнал», 1944, № 7—8.
Н. М. Никольский, Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов, Минск 1948.

Н. М. Никольский, Финикийские общинно-земледельческие культы по тексту Рас-Шамра, «Вестник древней истории», 1946, № 1 (резюме предшествующей монографии).
Н. М. Никольский, Финикийская жатвенная мифология и обрядность, «Вестник древней истории», 1946, № 2.

Палестина

Ю. Велльгаузен, Введение в историю Израиля. Пер. с немецкого Н. М. Никольского, СПБ 1909.
Н. М. Никольский, Древний Израиль, изд. 2-е, М. 1922.
А. Б. Рановича, Очерк истории древнееврейской религии, М. 1937.

Урарту

И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, «Вестник древней истории», 1951, № 2 и № 3.
Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван 1944.
Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Ленинград 1949.
Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур, Ереван 1950.

Древний Иран

В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «девах» и религия персов, «Известия Академии наук», серия истории и философии, т. I, 1944, № 3.

Древняя Индия

Махабхарата. Адипарва, книга первая, перев. В. И. Кальянова, под ред. акад. А.П. Баранникова, изд. Академий наук СССР, М.—Л. 1950.
«Законы Ману», пер. С. Д. Эльмановича, СПБ 1913.
С. А. Данге, Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, пер. с англ. А. М. Осипова, М. 1950.
Г. Ф. Ильин, Особенности рабства в древней Индии, «Вестник древней истории», 1951, № 1.
В. Кальянов, Артхашастра. Политико-экономический трактат древней Индии, «Вестник древней истории», 1939, № 2.
Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, пер. с англ. под. ред. акад. В. В. Струве, М. 1951.
И. Снегирев, Древнейшая Индия в свете новейших археологических раскопок, «Вестник древней истории», 1940, № 4.
В. А. Шолпо, К проблеме «арийского» завоевания Индии, «Вестник древней истории», 1940, № 2.

Древний Китай

Д. И. Думан, Реформы Ван Мана, «Вестник древней истории», 1940, № 1.
«Китай. История. Экономика. Культура. Героическая борьба за национальную независимость». Сб. статей под ред. В. М. Алексеева и др., М.—Л. 1940.
А. А. Петров, Из истории материалистических идей древнего Китая, «Вестник древней истории», 1939, № 3.

Первым историком, «отцом истории», был Геродот (около 484—425 гг.), происходивший из малоазиатского города Галикарнаса и писавший во второй половине V в. до н. э. В это время Афины, в результате победы над Персией, стали экономическим, политическим и культурным центром большой морской державы, властвовавшей в восточной половине Средиземного моря. В Афинах достиг расцвета общественно-политический строй рабовладельческой демократии, и горячим идеологом этого строя стал Геродот, переселившийся в Афины и считавший их своей второй родиной. Геродот и показывает в своем труде «История» (9 книг), как возникли греко-персидские войны и как была одержана греками победа, явившаяся поворотным пунктом в античной истории. В первых трех книгах излагается история малоазиатских народов, описание Египта и соседних стран, описание Вавилона, в четвертой — описание Скифии (т. е. данные о древнейшем прошлом нашей родины). Параллельно сообщаются ценные (хотя часто и легендарные) сведения о прошлом Эллады. Остальная часть труда (V—IX книги) посвящена описанию самих греко-персидских войн.

«История» Геродота, как исторический труд весьма ранний, содержит, конечно, вольные и невольные ошибки и искажения; Геродот часто слишком доверяет слышанным рассказам, верит в сны, предсказания, чудеса, передает явно нелепые сведения; например, численность вторгшихся в Элладу персидских войск он исчисляет в 5 293 220 человек, рассказывает, что это войско выпивало по пути целые озера и реки. Но он собрал и связал в последовательном изложении, хотя и без ясного понимания причинной связи, ценные исторические материалы, благодаря которым мы знаем ход греко-персидских войн и параллельное развитие внутренних событий в Элладе. Огромную ценность имеют данные Геродота о странах Востока и о «варварских» народах того времени (например, о скифах).

Если труд «отца истории» можно до известной степени характеризовать как еще весьма наивный, то «История» в 8 книгах афинянина Фукидида (460—399 гг.), младшего современника Геродота, является уже значительно более зрелым историческим произведением, свидетельствующим о более глубоком понимании общественно-политической действительности и дающим даже своего рода образцы исторической критики. Фукидид излагает события Пелопоннесской войны, ожесточенной борьбы между двумя частями Эллады — Афинской морской державой и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой. Фукидид показывает громадное значение этой войны: не только весь эллинский мир по берегам Средиземного и Черного морей был втянут в эту борьбу, но и Персидская держава принимала в ней активное участие. Поэтому Фукидид стремился, как он сам заявляет, изобразить эти события так, чтобы его труд сохранил навеки значение для человечества. Наряду с подробным описанием военных событий Фукидид старается вскрыть причины и последствия этих событий, показывает борьбу политических партий. Правда, программы и теоретическое обоснование партийной борьбы Фукидид передает в виде речей, которые он

вкладывает в уста руководящих деятелей; но он подчеркивает, что при передаче речей, иногда, несомненно, вольной, он стремился прежде всего к тому, чтобы речи точно отражали мировоззрение ораторов и программы представляемых ими партий. Фукидид мастерски изображает картины классовой борьбы; таков, например, его рассказ о гражданской войне на Керкире, в которой активное участие приняли рабы. Еще более сильное впечатление производит связанное с событиями на Керкире описание морально-политического разложения Эллады (III книга, главы 82—84). Здесь дана замечательно яркая характеристика классовой ненависти в рабовладельческом обществе и ее крайних проявлений во время гражданской войны.

Богатство содержания и высокая художественность изложения сочетаются у Фукидида с исключительной для одного из первых в истории человечества исторических трудов глубиной научной мысли. Прежде чем перейти к своей основной теме, Фукидид дает краткий очерк древнейшего прошлого Эллады (кн. I, гл. 1—22). Это первая попытка установить ступени развития человечества от первобытного состояния и основные движущие силы этого развития; главнейшими факторами прогресса Фукидид считает развитие земледелия, накопление запасов, возникновение оседлости в связи с этим и, далее, освоение мореходства. Фукидида, таким образом, можно считать в некотором отношении отдаленным предшественником материалистического истолкования истории.

После Геродота и Фукидида историческая наука (как и общественные науки вообще) получила в древней Греции большое развитие. Так, труд Фукидида (доведенный им до 411 г.), был продолжен К с е н о ф о н т о м (434—354 гг.), оставившим много сочинений на разнообразные общественно-политические темы. В своей «Греческой истории» Ксенофонт прежде всего закончил описание Пелопоннесской войны (остальная часть этого труда излагает историю Эллады с 403 до 362 г. до н. э.). Так же как и Фукидид, Ксенофонт пишет как современник и участник событий, однако он является историком значительно более поверхностным и пристрастным. Афинский гражданин, но враг афинской демократии, Ксенофонт пишет как друг и поклонник аристократической Спарты, наградившей его поместьем, в котором он и прожил значительную часть жизни в качестве добровольного эмигранта. В своей «Греческой истории» Ксенофонт умалчивает о важнейших событиях, касающихся истории демократических Афин, например, о втором Афинском морском союзе, подчеркивая, наоборот, события второстепенные, но положительно характеризующие Спарту. Однако «Греческая история» Ксенофонта является единственным связным и последовательным изложением событий первой половины IV в. до н. э. Это делает данный первоисточник, правда, при весьма критическом и осторожном отношении к нему, основным для данной эпохи.

Ксенофонт является также автором весьма интересного описания военного похода большого греческого наемного отряда, командиром которого он был, принявшего участие в междоусобной войне в Персии в 403 г. до н. э. Это сочинение называется «Анабазис», или, в переводе, «Поход» (десяти тысяч греков). Помимо описания военно-политических событий, Ксенофонт сообщает здесь драгоценные сведения о народах Закавказья того времени, через территорию которых пробивался отряд, возвращаясь домой. Перу Ксенофонта принадлежит и ряд других сочинений: «Политический строй лакедемонян», где сообщаются важные данные о Спарте; «Воспоминания о Сократе», учеником которого был Ксенофонт; «О доходах» — произведение, в котором высказываются интересные соображения о финансах рабовладельческого государства, и другие мелкие сочинения. Особо надо упомянуть о большом утопическом романе Ксенофонта «Воспитание Кира», в котором жизнь знаменитого персидского царя (558—529) разукрашена вымышленными подробностями, идеализирующими его и характеризующими реакционную идеологию Ксенофонта и его политических единомышленников, начинавших склоняться к монархическому строю.

Труды многочисленных греческих историков IV—III вв. до н. э. до нас не дошли; мы знаем имена авторов — Эфора, Феопомпа, Тимея и др., в значительной мере — и названия их трудов, но от самих трудов сохранились лишь незначительные отрывки. В первой половине II в. до н. э. написал свой труд «Всеобщая история» в 40 книгах один из величайших историков древности П о л и б и й (205—125 гг.), современник грандиозных событий разрастания Римской республики в мировую державу. Эти события и стали темой исторического труда Полибия. Полибий так и формулирует свою задачу: как, когда и почему все известные части обитаемой земли подпали в течение полустолетия под власть римлян. Он с полным правом называет свой труд «всеобщей историей», так как подробно описывает события, одновременно происходившие во всем тогдашнем культурном мире.

Следуя примеру Фукидида, Полибий не только дает картину развертывания событий в их последовательности и причинной связи («если в истории причины не вскрываются, — пишет он, — то от истории остается одна забава»), он стремится выяснить и общие движущие силы исторического процесса. Государственное устройство является для Полибия одной из таких главных определяющих сил. В связи с этим он строит наивную теорию закономерности исторического процесса в виде неизбежной, по его мнению, смены трех основных форм государственного устройства — монархии, аристократии, демократии, — происходящих кругообразно. Наряду с этим Полибий выдвигает и другие движущие силы истории: климат, хозяйственное развитие, развитие техники. Несмотря на ошибочность в целом исторической теории Полибия, труд его содержит отдельные правильные мысли и для своего времени был большим достижением. Полибий требует, чтобы история была «прагматической», т. е. деловой, практически полезной наукой, поучающей политических деятелей, как им действовать при сходных условиях. К сожалению, только первые 5 книг труда Полибия дошли до нас полностью; от остальных 35 сохранились лишь отрывки.

И после Полибия, в I в. до н. э. и в первые века нашей эры, Греция, будучи провинцией Римской мировой державы, продолжала давать крупных историков. Очень большое значение имеет частично сохранившийся труд Д и о д о р а С и ц и л и й с к о г о под заглавием «Историческая библиотека» (40 книг). Диодор жил во

второй половине I в. до н. э., много путешествовал и много читал. В своей «Исторической библиотеке» он пытался дать историю всего тогдашнего культурного человечества, начиная с древнейших легендарных времен и до своего времени. В этом труде мы находим много важных сведений по истории Греции; с помощью Диодора мы можем дополнять и исправлять «Греческую историю» Ксенофонта (см. выше), получаем драгоценные данные о большом революционном движении в Греции III в. до н. э. и т. д. Но «Историческая библиотека» Диодора представляет собой скорее компиляцию предшествовавших историков, чем самостоятельное научное произведение. Еще позднее, во II в. н. э. большой труд о походах Александра Македонского написал греческий писатель и историк Арриан; он оставил нам наиболее достоверную историю македонского царя. Современником Арриана был греческий историк и географ Павсаний, составивший подробное «Описание Эллады», в котором он ведет своего читателя по отдельным местностям Эллады, подробно останавливаясь на памятниках архитектуры, описывая улицы, площади городов, произведения скульптуры, картинные галереи (в Афинах); так что, читая теперь Павсания, мы как бы видим во всех подробностях перед собой Элладу такой, какой она была 1800 лет назад. Попутно Павсаний иногда рассказывает историю отдельных местностей или описываемых им памятников. Огромной важности исторические сведения дает крупнейший эллинский географ Страбон, писавший около начала нашей эры. Его труд «География» в 17 книгах описывает все страны по берегам Средиземного моря, а также внутреннюю Африку, Иран, Индию, Аравию, Месопотамию, Западную Европу, Причерноморье. Попутно Страбон делает иногда довольно длинные исторические отступления по поводу той или иной страны; так, например, он сообщает весьма ценные данные из прошлого ряда малоазиатских городов, также по истории многих местностей Эллады.

Современником Арриана и Павсания был Плутарх, автор многочисленных биографий крупнейших политических деятелей Греции и Рима. Для исторической науки биографии Плутарха имеют очень большое значение, так как он использовал, работая над ними, огромную имевшуюся в его время историческую литературу, до нас, по большей части, не дошедшую. Плутарх написал биографии Ликурга, Солона, Фемистокла, Кимона, Аристида, Перикла, Алкивиада, Лизандра, Александра Македонского, оратора Демосфена, спартанских царей Агиса и Клеомена (III в. до н. э.) и ряда других знаменитых политических деятелей древности; всего сохранилось около 50 биографий. В этих биографиях Плутарх выступает как историк, поскольку жизнь его героев неразрывно связана с исторической обстановкой; но главная задача автора — морально-назидательная. Поэтому Плутарх ради этой цели способен искажать исторические факты, некритически относиться к своему материалу. Но охватывая по времени почти

целое тысячелетие античной истории, биографии Плутарха содержат огромное количество разнообразных сведений.

Весьма существенно характеризуют общественно-политическую жизнь и произведения эллинских философов, в которых ведущее место занимают общественно-политические идеалы. Например, основное произведение Платона называется «Государство» и посвящено вопросу о построении идеального с точки зрения Платона общественно-политического строя. Огромное место общественно-политические и исторические вопросы занимали в произведениях Аристотеля. Особенно необходимо отметить как важнейший исторический источник два его труда: «Политику» и «Афинскую политию». «Политика» представляет собой большую книгу, в которой развернуто трактуется вопрос о происхождении и сущности государства, о разных формах государственного устройства и пр. Для истории Греции эта книга дает много ценных сведений. «Афинская полития» — это история государственного строя Афин со времени зарождения государства в Аттике и до конца Пелопоннесской войны, т. е. до 404—403 гг. до н. э. Текст этого произведения открыт лишь в 1891 г., и с этого времени наши знания об Афинском государстве стали гораздо определеннее, тем более что во второй части этого труда Аристотель подробно описывает афинское государственное устройство, каким оно было в его время.

При составлении «Афинской политии» Аристотель использовал и документальный материал, например, надписи на памятниках, и историческую литературу,—«Аттиды» Гелланика, «Историю» Геродота, многочисленные местные хроники. Но при использовании «Афинской политии» надо помнить, что Аристотель относился отрицательно к афинской демократии, что весьма сказалось на его труде. «Афинская полития» была лишь небольшой частью огромного утраченного труда Аристотеля: им были написаны 158 подобных «политий», очерков по истории государственного устройства многочисленных эллинских городов-государств.

§ 2. Источники литературные. Перейдем теперь к произведениям эллинской художественной литературы с точки зрения даваемых ими исторических сведений. Древнейший памятник этой литературы — великие поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» — дают нам яркую картину жизни эллинского народа на заре его истории в XII—VIII вв. до н. э. (подробнее о поэмах Гомера будет сказано в главе XXII, § 3). В конце VIII и VII вв. появляется ряд эллинских поэтов, в произведениях которых можно найти ценный исторический материал. Это, во-первых, автор дидактических поэм Гесиод (около 776 г.), рисующий картины сельской трудовой жизни, поэты-лирики VII—VI вв. Архилох, Алкей, Тиртей, Алкман, Солон, Феогнид и многие другие, в стихах которых ярко отразилась общественно-политическая борьба и которые благодаря этому являются для нас важнейшим историческим источником. Великий трагический поэт начала V в. Эсхил, участник греко-персидских войн, в своей трагедии «Персы» по

личным впечатлениям дает картину Саламинского боя, тем самым дополняя рассказ Геродота об этом. Еще большее значение в смысле сообщаемых сведений имеют древнегреческие комедии, особенно гениальные комедии Аристофана, современника Фукидида. Эти комедии полны злободневной политической сатиры; они развертывают длинную ленту карикатур на афинскую общественно-политическую жизнь конца V в. [1].

Труды эллинских историков раскрывают перед нами главным образом политическую историю античной Эллады. Произведения эллинских о р а т о р о в позволяют глубже проникнуть в сущность общественной жизни и классовой борьбы. Дошли до нас речи многих ораторов: Андокида, Лисия, Исократа, Демосфена, Эсхина, Гиперида (V—IV вв. до н. э.) и др. Одни из этих речей вводят нас в самую гущу жизни: ораторы, выступавшие на судах (Лисий, например), говорят о всей подноготной своих противников, сообщают самые сокровенные подробности частной жизни. Другие, выступавшие на народных собраниях, своими темами избирают широкие и злободневные общественно-политические вопросы, как, например, Исократ и Демосфен, трактовавшие острый политический вопрос о взаимоотношениях Македонии и Греции в середине IV в. до н. э. Эти речи дают нам ценные сведения об организации государственного аппарата и суда в Афинах и об их функционировании.

§ 3. Документы и вещественные памятники. Наиболее достоверным «первоисточником» является документальный материал. К нему относятся прежде всего н а д п и с и, эти вырезанные (по большей части на камне) подлинные документы. Каждая надпись содержит какой-либо определенный факт общественно-политической или частной жизни той эпохи. В настоящее время найдены десятки тысяч древнегреческих надписей (значительная часть их издана в громадном 15-томном собрании под общим заглавием «Inscriptiones Graecae»). Одни из них представляют собой государственные акты, например, законы древнейшего афинского законодателя Дракона, древнейшие законы острова Крита, отчеты и сметы афинской государственной казны и т. д. Другие надписи характеризуют частную жизнь, например, надписи надгробные. Для нас особенно интересны древнегреческие надписи, найденные на территории СССР, главным образом в Причерноморье. Например, найден текст гражданской присяги города Херсонеса (около современного Севастополя), говорящий о высоком развитии здесь политической и экономической жизни в IV в. до н. э.; о том же свидетельствует почетный декрет народного собрания в честь гражданина Протогена, найденный в развалинах древней Ольвии (недалеко от Николаева). Древнегреческие надписи нашего Причерноморья представляют сборник в три тома, начатый известным русским ученым В. В. Латышевым, теперь заканчиваемый проф. Б. Н. Граковым и др.

---

[1] Список основных изданий древних греческих авторов в переводах на русский язык см. стр. 417.

Другого рода документальный материал содержится в папирусах, громадное количество которых в настоящее время находят при раскопках в Египте.

Это прежде всего огромное количество хозяйственных документов: счетов, расписок, отчетов и пр. (например, обширная переписка важного сановника и землевладельца Зенона со своим управляющим). Затем множество бытовых документов — писем, школьных упражнений, рецептов врачей и пр. В папирусах мы находим также многочисленные судебные документы, характеризующие судебные учреждения и гражданские отношения разных слоев населения. Наконец, папирусы ценны еще тем, что многие из них содержат произведения древнегреческих писателей иногда целиком, чаще в отрывках. Так, текст «Афинской политии» Аристотеля был в 1890 г. обнаружен на оборотной стороне папируса, содержащего отчет управляющего домом своему хозяину от 88 г. н. э. Целый ряд других произведений эллинских писателей стал нам известен только благодаря папирусам (например, бытовые комедии Менандра).

Однако самым наглядным источником наших знаний о древней Греции являются материалы археологии — развалины городов, отдельных зданий и других сооружений, находимые в них предметы житейского обихода. Почти всю территорию Балканского полуострова, многочисленных островов Эгейского моря, берегов Малой Азии, Причерноморья, Сицилии, Южной Италии можно назвать необъятным музеем под открытым небом. Археологи всех стран ведут здесь раскопки уже в течение ряда столетий, но особенно бурно археологические работы развернулись со второй половины XIX в.

Благодаря раскопкам мы теперь можем ясно себе представить знаменитое святилище — Дельфы, их главные и второстепенные храмовые здания, гостиницы, улицы и священную дорогу, множество сокровищниц, построенных здесь для хранения даренний и вкладов различными греческими государствами. Раскопаны даже целые города с ясно выступающими улицами, площадями, рынками, театрами, учебными заведениями, храмами и частными домами. В учебных заведениях («гимназиях») найдены списки учеников, имена и характеристики преподавателей. Так, на ныне пустынном месте малоазиатского берега был открыт древнегреческий город Приена со следами его когда-то кипучей жизни. Так же полно раскопаны Пергам в Малой Азии, город на острове Делос и другие. Недавно был раскопан крупный город Олинф, причем оказались хорошо сохранившимися некоторые частные дома, и ясно можно представить себе частную жизнь богатых граждан этого города.

И в нашем Причерноморье благодаря раскопкам наших археологов (Б. В. Фармаковского, В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, П. Н. Шульца и др.) открыты улицы, храмы, укрепления и башни ряда крупных древнегреческих городов — Херсонеса, Ольвии, Пантикапея и других. Очень крупные археологические открытия сделаны советскими учеными в Закавказье (Армении и Грузии) и Средней Азии. Так, проф. С. П. Толстов открыл в Хорезме развалины древних укрепленных городов и целые поля, покрытые массами осколков керамических изделий, древние документы, написанные на коже и дереве, которые позволят

вскрыть тайны этой забытой культуры, история которой, как уже и теперь ясно, была связана с культурой древнегреческого мира.

Много способствует пополнению наших знаний по истории древней Греции также изучение античных монет (в Греции монету стали чеканить с VII в.), изображений на них, их веса, количества содержащегося в них металла и пр. Благодаря этому возникла даже весьма важная вспомогательная историческая дисциплина — нумизматика, сделавшая за последние десятилетия весьма большие успехи в Советском Союзе (см. А. Н. Зограф, Античные монеты, М. 1951).

§ 3. Историография. Эти ценнейшие первоисточники уже давно привлекали внимание историков. Стремление воссоздать историю древнегреческого народа, оставившего после себя столь значительное культурное наследство, начало проявляться с так называемой «эпохи Возрождения», когда складывавшийся класс буржуазии стремился овладеть этим забытым, но вновь открытым им культурным богатством. Особенно же сильно развилось изучение истории древней Греции в XIX в.: борьба за буржуазную «демократию» приковывала внимание буржуазных политиков, юристов, историков и литературоведов к демократическим порядкам древнегреческих рабовладельческих государств, в особенности Афин. Но и консервативный дворянский класс тоже старался найти подкрепление своих идеалов в явлениях общественно-политической жизни древней Греции, в особенности — в истории реакционной Спарты. Так было положено начало «модернизации» (осовременению) античной, в частности древнегреческой, истории, т. е. перенесению в древность современных общественно-политических понятий, форм и устремлений. Например, крупнейший английский историк первой половины XIX в. Дж. Грот изображал в своей 12-томной «Истории Греции» древние Афины как прямой образец и идеал буржуазной демократии; по выражению одного критика, у Грота древние афиняне выступают как переодетые англичане. Модернизация древнегреческой истории была, таким образом, неразрывно связана с ее идеализацией, что вело к значительному искажению явлений прошлого и препятствовало вскрытию присущей им своеобразной закономерности.

Хотя эти искажения древнегреческой истории значительно обесценивали буржуазную историографию XIX в., все же разработка первоисточников шла очень энергично, развивалась и уточнялась их критика, и на этой основе создавались все новые построения истории Греции. Большое значение имели работы французского историка Фюстель де Куланжа, который, правда, с чисто идеалистических позиций, выступил против модернизации.

Таким образом, первоначально главное внимание в изучении истории древней Греции отводилось вопросам политической и культурной ее жизни. Но русская наука о древности, даже на ранней своей ступени, опередила западную в смысле широты постановки проблем: она первая стала разрабатывать вопросы, касающиеся социальной жизни и общественной борьбы в древней Греции. Мировую известность уже в 1830—1850-х годах приобрели труды профессора Петербургского университета М. С. Куторги (1809—1886): особое значение имеют его докторская диссертация «Колена и сословия аттические» (1838 г.) и его «История Афинской республики от убиения Гиппарха до смерти Мильтиада» (1848 г.), а также ряд статей, которые были напечатаны в различных французских и немецких исторических журналах. Куторга изучил важные детали афинского государственного устройства и дал широкую картину древнегреческой народной жизни. Он подчеркивал также преемственную связь развития культуры русского народа с античной греческой культурой. В 1865 г. вышла замечательная работа В. Г. Васильевского

«Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка». Она не утратила своего значения и теперь. Русская наука являлась отражением революционного движения, охватившего русское общество с половины XIX в.

Настоящий переворот в изучении истории древней Греции, как и во всей исторической науке вообще, произвели во второй половине XIX в. гениальные труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в особенности «Капитал» К. Маркса (первый том вышел в 1867 г.) и книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (вышла в 1884 г.). В этой книге Энгельса глава IV «Греческий род» и глава V «Возникновение Афинского государства» полностью посвящены самым основным проблемам древней греческой истории. В замечательных научных произведениях классиков марксизма с неопровержимой ясностью и точностью установлены основные закономерности развития общества и положено начало подлинной науке об истории общества, которая, «...несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» [1]. Маркс и Энгельс впервые вскрыли рабовладельческую форму древнего греческого производства и обусловленный тем классовый, рабовладельческий характер античного греческого общества и всей его культуры. Однако следует заметить, что это не препятствовало Марксу и Энгельсу высоко оценивать замечательные достижения последней. «...трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца» [2].

С этого времени, как ни замалчивала и ни искажала буржуазная наука бессмертное учение Маркса—Энгельса, но в связи со все более обнаруживавшимся кризисом капитализма экономическая и социальная история Греции стала к концу XIX в. все больше привлекать внимание и западноевропейской историографии. Появилось много ценных новых изданий греческих надписей (первый, весьма неполный «свод» их начал издавать еще в начале XIX в. Август Бёк), позволявших значительно глубже вникнуть в хозяйственную жизнь античной Греции. Написано было немало исследований по истории различных отраслей древнегреческого хозяйства — земледелия, ремесла, торговли и пр. В обобщающих трудах по истории Греции этим вопросам, а также проблемам социальных отношений и социальной борьбы стали отводить видное место. В связи с переходом капитализма в свою последнюю стадию — стадию загнивания — империализм — снова сильно распространилась тенденция к модернизации древней истории Греции в угоду буржуазии. Так, немецкий ученый Эд. Мейер написал обширную «Историю древнего мира» в 5 томах (первое издание стало выходить с 1893 г.), в которой дается синхронистическая история древнего Востока, Греции и древнейшего Рима, доведенная до середины IV в. до н. э. Такое построение является весьма интересным. Но Эд. Мейер, исследуя греческое хозяйство и общество, находит в Греции на ранней ступени ее развития «феодальные отношения», а на более поздней — даже «капитализм» с типичными для него «заводами», «фабриками», «банками» и пр. Помимо того, Эд. Мейер особенно настойчиво выдвигает в своем труде теорию «циклизма», согласно которой человечество в разных местах и в разные времена якобы проходит одни и те же раз навсегда определенные ступени своего развития, завершающиеся капитализмом: дальнейший прогресс невозможен, а возможно только движение вспять, возврат к более примитивным отношениям. Совершенно ясно, что теория циклизма является идеологическим оружием империалистической буржуазии в борьбе против приближающейся окончательной победы пролетарской революции во всем мире. На таких же реакционных позициях стоит Роберт Пельман, написавший большую книгу под названием «История

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

античного коммунизма и социализма»; он не только «открывает» в древнем мире эти современные движения, но и пытается доказать, что именно они и были причиной упадка великой культуры античности. Более умеренным, но тоже модернизаторским характером отличается и большая «История Греции» (второе издание в 4 томах вышло между 1912 и 1930 гг.) немецкого историка К. Ю. Белоха. Однако подобно Эд. Мейеру и Пельману Белох тоже не понимает сущности античного хозяйства как рабовладельческого, преуменьшает количество рабов в Греции в период ее расцвета и преувеличивает роль в ней свободного наемного труда.

Современная западноевропейская и американская историография в общем следует по тем же путям. Германская фашистская историческая «наука» особенно усердно занималась идеализацией Спарты с ее застывшими военно-рабовладельческими порядками, превознесением «великих завоевателей», как, например, Александра Македонского. Гибель критской (минойской) культуры один из немецких историков объяснял чрезмерной свободой, предоставленной женщинам. В лучшем случае буржуазные историки занимаются кропотливыми исследованиями по отдельным частным вопросам (например, даже монументальный четырехтомный труд Артура Эванса «Дворец Миноса», выходивший в Лондоне между 1927 и 1935 г., дает очень ценный фактический материал, но лишен подлинно научных методологических установок) или составляют подробные обзоры греческой истории скорее справочного, чем конструктивного характера. Таков, например, многотомный коллективный английский труд «Кэмбриджская древняя история» (1928 г. и сл.), в котором томы II — VII посвящены истории Греции.

Русская наука выдвинула в этот период ряд крупных историков античности, в частности — по истории древней Греции. Они написали ряд весьма значительных исследований как общего характера, так и по отдельным вопросам. Огромным вкладом в историю древней Греции являются труды академика В. В. Латышева, основанные на собирании и изучении им античных надписей Северного Причерноморья (см. выше), в особенности его «Исследование об истории и государственном устройстве древней Ольвии» (1887 г.) и его статьи по истории Понта («Понтика»). Ему же принадлежит «Очерк греческих древностей» (2 тома, 1888—1889 гг.), до сих пор представляющий весьма ценное руководство для изучающих историю древней Греции. Очень важное значение имеют труды С. А. Жебелева «Из истории Афин 229—31 гг. до н. э.» и «Ахаика» (1903 г.), М. М. Хвостова «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907 г.), В. П. Бузескула «Перикл» (1889 г.), «История афинской демократии» (1909 г.), «Введение в историю Греции» (3-е изд. 1915 г.) и др., академика Р. Ю. Виппера «Лекции по истории Греции» (1905 г.), «История Греции в классическую эпоху» (1916 г.).

Советская наука по истории древней Греции, критически используя это богатое наследие русской дореволюционной историографии, создала на основе марксистско-ленинской методологии истории совершенно новое, подлинно научное построение античной истории вообще, истории древней Греции — в частности. Такими построениями являются университетские учебные руководства по истории Греции В. С. Сергеева (2-е изд. 1948 г.) и С. И. Ковалева; первое из них снабжено исчерпывающей библиографией по всем разделам истории древней Греции. Крупные труды написаны советскими учеными и по отдельным проблемам древней греческой истории. Они представляют ценнейший вклад в науку о древности. Таковы, например, новейшие исследования, вышедшие за последние три года — 1948—1950: В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», Д. П. Каллистова «Очерки по истории древнего Причерноморья», С. П. Толстова «Древний Хорезм», А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», А. Н. Зографа «Античные монеты» и др. Вооруженная подлинно научным марксистско-ленинским учением о социально-экономических формациях, обогащенная новейшими открытиями советских археологов на юге СССР, советская наука об античности стоит в настоящее время перед новыми крупными задачами в области изучения истории древней Греции.

ГЛАВА XX

ПРИРОДА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Древняя Греция занимала весьма небольшую территорию (всего 64 500 *кв. км*), но в то же время чрезвычайно разнородную по своему географическому устройству. Она состояла: 1) из южной части Балканского полуострова, 2) островов Эгейского и Ионического морей и 3) западного побережья Малой Азии.

Материковая (т. е. Балканская) Греция составляла четверть всей массы ее территории и представляла лишь незначительный полуостров, который глубоко вдающимися в него заливами и горными барьерами тоже естественным образом разделялся на три весьма отличные части: северную, среднюю и южную (или Пелопоннес). Притом Северная Греция сама состояла из трех областей (Эпира, Фессалии и Македонии), Средняя — из 8 областей (наиболее крупные их них, Аттика и Беотия, лежали в восточной части); Пелопоннес состоял из семи областей (важнейшими из них были Арголида, Лакония, Мессения, Элида и Аркадия).

Эта характерная раздробленность материковой Греции вызывалась ее изрезанностью горными цепями во всех направлениях. Прежде всего — это горные хребты, возвышающиеся более, чем на 2 тыс. *м* и идущие с севера на юг (они делят Грецию на западную и восточную): в северной части Греции — горная гряда Пинд; в средней — как бы продолжение Пинда — Парнас, в южной части (в Пелопоннесе) — широкая Ахейско-Аркадская возвышенность, которая разветвляется на юге на две горные цепи: восточную — Парнон и западную — Тайгет. От этого основного продольного горного хребта отходит на восток еще ряд параллельных горных цепей. Через всю восточную часть Средней Греции тянется в юго-восточном направлении хребет Эта. На севере между Македонией и Фессалией — другой горный барьер — «Пятигорье», с самой высокой горой Греции Олимпом, достигающей высоты почти в 3 тыс. *м*. Между цепями гор остается место лишь для тесных долин преимущественно у устьев рек. В общем равнинные части составляют менее одной пятой всей территории материка и прилегающих островов, горы же заполняют всю остальную ее поверхность.

Такая изрезанность Греции в различных направлениях горными хребтами создавала крайне благоприятные условия для защиты отдельных областей. Здесь были налицо также все условия для образования множества изолированных, политически независимых общин.

Однако среди гор Греции нет ни одной столь высокой и значительной по протяжению горной цепи, которая бы серьезно затрудняла сообщение между отдельными, в особенности восточными районами страны. Редкие, но удобные горные проходы или узкие речные долины и ущелья образовывали естественные пути сообщения, которые и до настоящего времени сохраняют свое значение (Темпейская долина на севере, Фермопильский проход вдоль берега моря между Фессалией и Беотией).

Но если горы разобщали отдельные области и государства, то близость моря, омывающего почти со всех сторон Грецию, открывала греческим общинам благоприятные возможности для внешних сношений. Необыкновенно извилистая береговая линия способствовала раннему развитию мореплавания. В этом отношении наиболее удобные географические условия имеются в восточной части полуострова и на западном побережье Малой Азии, берега которых весьма изрезаны и имеют множество небольших бухт, хорошо защищенных горами от ветров. В материковой Греции нет местности, отстоящей от морского берега более, чем на 50 *км*, с каждой высокой горы видно открытое море. Кроме того, многочисленные острова Эгейского моря, или «Архипелага» (483 острова), образуют непрерывные цепи от Балканского полуострова к берегам Малой Азии, и древний мореплаватель никогда не терял из вида землю.

Острова Эгейского моря разделялись на четыре группы: в западной части находится один из наиболее крупных (3575 *кв. км*) островов — Эвбея, который тянется параллельно восточному берегу Средней Греции. Этот остров был особенно богат хлебом и даже снабжал им Аттику. Далее на севере вдоль берега Фракии идут острова Фасос, Самофракия, Лемнос, Имброс и Тенедос; затем на востоке — группа крупных островов, лежащих против малоазиатского побережья: Лесбос, Самос и Хиос. Острова средней части Эгейского моря в древности разделялись на две группы: Киклады и Спорады. К Кикладам относятся 24 крупных и до 200 мелких островов, часть которых расположена как бы по кругу («киклос» — круг) вокруг Делоса. Этот небольшой остров впоследствии стал средоточием крупной торговли, центром культа бога Аполлона-Дельфиния, считавшегося покровителем всех греческих моряков. Из окружающих Делос островов большое значение имели Парос, где добывался великолепный белый мрамор, затем Наксос, Андрос и другие.

Далее, в сторону берегов Малой Азии, тянутся Спорады; самый большой из группы этих островов — остров Родос. В юго-западной части Эгейского моря расположены острова Кифера, Эгина. На юге все эти многочисленные острова как бы замыкаются самым крупным из них — островом Критом, который был необыкновенно плодороден и являлся центром древнейшей культуры. К востоку от него, недалеко от южных берегов Малой Азии и берегов Сирии, уже в Средиземном море, находится остров Кипр, чрезвычайно богатый медной рудой (отсюда название меди в химии — cuprum), лесом, виноградниками и оливковыми насаждениями.

В наиболее спокойные летние месяцы греческие мореплаватели могли пользоваться также регулярностью ветров и течений, идущих из Черного моря на юг, к Аттике и Пелопоннесу. Все это дало возможность грекам наладить связи Европы с Передней Азией и Египтом, уже достигшими значительного развития,

благодаря чему греки могли раньше других народов Европы использовать результаты уже накопленной на востоке культуры.

Ионийское море, между западным побережьем Греции и побережьями Италии и Сицилии, имеет мало островов. Только вблизи западных берегов Греции расположены острова Керкира, Левкада, Кефалления и Итака. Поэтому сообщение между Грецией и Италией было затрудненным, но неплодородие почвы вынуждало греков очень рано прибегать к ввозу хлеба и из этой соседней более плодородной страны.

В самой Греции было немного таких областей, где можно было заниматься разведением зерновых культур (ячменя, проса, пшеницы). Только в Фессалии, Беотии, Лаконии, Мессении и других областях имелись небольшие равнины, пригодные для земледелия. Вообще в Греции плодородной почвы было не более 20%. Препятствовали земледелию также летний зной, высыхание большей части ее рек и отсутствие летних дождей (в летние месяцы температура нередко достигает 40° в тени): из рек материковой Греции только Пеней, Ахелой, Алкей и Эврот летом не высыхают. Вследствие этого первостепенное значение в большей части Греции приобрело разведение трудоемких и ценных культур винограда и оливы, часто на искусственно созданных по склонам гор террасах с искусственным же орошением. В общем наиболее благоприятными природными условиями обладала восточная часть материковой Греции. Здесь значительная часть почвы (около 60%) покрыта сосновыми, буковыми, дубовыми и каштановыми лесами; в долинах растут кипарисы, лавры и олеандры, а на склонах гор расположены виноградники и оливковые сады. В западной части на горных склонах можно было заниматься только скотоводством.

В климатическом отношении отдельные районы Греции представляют собой большое разнообразие. Климат прибрежных местностей ровный и теплый, приближается к субтропическому. Только в горных частях страны, особенно в Эпире, зимой бывают метели и морозы.

Климат страны определил собой характер жилищ и одежды древних греков. В домах главным помещением был открытый внутренний дворик («аулэ»), с навесами на столбах, защищавшими от солнца; общественные здания и храмы окружались с этой же целью портиками, колоннадами. Одеждой служили шерстяные «хитоны» (рубашки), поверх которых при выходе из дома одевались шерстяные плащи («гиматии»). Обувью служили сандалии, зимой выстилавшиеся войлоком.

Как и все южане, греки были очень умеренны в питании. Главной пищей служили зерновые продукты, употреблявшиеся или в виде каши или в форме лепешек; затем стручковые плоды и овощи. Приправой служили оливки, сыр, винные ягоды и особенно соленая рыба, привозимая в больших количествах, главным образом из Понта.

Мало пригодная для земледелия почва Греции была богата различными строительными материалами и ископаемыми. В Лаконии — железная руда, на Эвбее, в районе Халкиды и на Кипре —

медь, в Аттике разрабатывались серебряные руды; во Фракии и долине реки Стримона — золото. Во многих местах — в Аттике, Коринфе, на Эвбее и в Беотии — были залежи отличной гончарной и пластической глины, из которой изготовлялась прекрасная посуда. Недалеко от Аттики, на острове Кеосе, добывался сурик, который примешивался к глине и придавал ей особенно красивый цвет. Все это создавало благоприятные условия для раннего развития ремесленной деятельности, изделия которой, так же как вино и масло, шли не только для местного потребления, но и на вывоз в обмен на хлеб и другие основные предметы питания (соленое мясо, рыбу и пр.).

Итак, несмотря на незначительность размеров и природную бедность страны, в Греции имелись географические и экономические предпосылки, благоприятные для ее исторического развития. Такими условиями явились: ее промежуточное положение между востоком и западом, море, связывающее ее с близко расположенными восточными и южными культурными обществами, благоприятные данные для раннего развития в Греции ремесла и обмена.

ГЛАВА XXI

ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Археологические открытия XIX и XX вв. Древние греки знали мало достоверного о далеком прошлом своей страны. Фукидид полагает, что когда-то ее заселяли чужие народы, которых он называет «пелазгами», «карийцами» и «лелегами». Им приписывались сооружения из громадных камней, которые назывались «киклопическими» (т. е. построенными киклопами — великанами) или «пелазгическими». Сохранились предания о большой морской державе критского царя Миноса и его громадном дворце Лабиринте, о царе Микен Агамемноне, о его походе под Трою.

Немногим больше было известно и европейским ученым вплоть до последней четверти XIX в. Но 80-е годы XIX в. были отмечены крупными открытиями в области античной истории: в 1881 г. вышла в свет книга немецкого археолога-любителя Генриха Шлимана «Илион», за которой в 1884 и в 1885 гг. последовали две другие его книги — «Троя» и «Микены». В них этот самоучка и неутомимый кладоискатель, над которым смеялись тогдашние ученые, с большим шумом оповещал мир об открытии им древней гомеровской Трои и находке погребений и множества ценнейших предметов, относящихся будто бы ко времени знаменитых героев гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея».

Скоро, однако, выяснилось, что Шлиман недооценил своих открытий. Археолог Дерпфельд, первый из представителей научного мира, недоверчиво настроенного к Шлиману как диллетанту,

решился в начале 1880-х годов помочь ему в его археологических работах. Дерпфельд доказал, что Шлиман ошибся в своих хронологических определениях и что его находки относятся к эпохе значительно более ранней (Троя «Илиады» — это 6-й слой раскопок Шлимана). О ней наука до открытий Шлимана не имела вообще никакого представления. В общем же его находки свидетельствуют о существовании в III и II тысячелетиях до н. э. на территории юго-восточной Европы неведомой до сих пор древней культуры, по силе и блеску похожей на культуры Переднего Востока.

С основными выводами Дерпфельда уже нельзя было спорить, когда в начале XX в. английский археолог Артур Эванс своими раскопками на острове Крите показал, что и Шлиман и Дерпфельд имели дело далеко еще не с главными центрами этой культуры, что она была на Крите значительно более развита и блестяща и, может быть, превосходила своим уровнем даже культуры древних Месопотамии и Нила. В обширном труде «Дворец Миноса» (4 тома) Эванс излагает результаты своих тридцатилетних раскопок. И чем дальше идут работы археологов, тем более вырисовывается значение этой вновь открытой догреческой, так называемой эгейской культуры в общей истории развития человечества.

Надо, однако, отметить, что новые материалы еще не вполне освоены исторической наукой. Так, к сожалению, еще не установилась даже вполне однообразная и общепризнанная периодизация этой культуры. Наиболее известной является система периодов ее, предложенная Эвансом. Эванс различает в ней три эпохи, которые он называет минойскими (по имени царей древнего Крита) и которые почти совпадают по датам с «тремя царствами в древнем Египте»: 1) древнеминойская эпоха (3000—2100 гг. до н. э.), 2) среднеминойская эпоха (2100—1580 гг.) и 3) позднеминойская эпоха (1580—1200 гг.). Однако большинство исследователей, соглашаясь с пригодностью периодизации Эванса для Крита, который находился в особо тесной связи с Египтом, предпочитают для всей эгейской культуры в целом иное хронологическое деление. Исходя из общих археологических признаков (халколит, расцвет бронзового века, появление железа), эта периодизация совпадает с преобладанием в определенные эпохи тех или иных центров эгейской культуры. На этом основании различают периоды кикладский, критский и микенский как части одной общей эгейской культуры, наиболее полно и определенно характеризующие эгейскую культуру в ее возникновении, развитии и замирании.

§ 2. Халколит в Греции (кикладская культура). Кикладская культура (3000—2300 гг. до н. э.) являлась начальным этапом эгейской культуры. Основным центром своим она имела Кикладский архипелаг, который представляет собой как бы главный мост через Эгейское море. Территория ее распространения, однако, значительно шире: ее находят и на Крите (древнеминойские слои), и в Пелопоннесе (так называемая древнеэлладическая культура), и в средней Греции (культура Марино), и на западных берегах Малой Азии (нижние слои Трои, так называемые «Троя 1-я» и «Троя 2-я»). Кикладская культура являлась

завершением весьма развитых культур неолита, имевших на Эгейском море очень длительное существование (на Крите, например, время неолита исчисляется в 10 тыс. лет). По существу и в кикладский период тоже еще преобладают каменные орудия. Но выделка их достигла уже необыкновенного совершенства: некоторые из них изготовлены из особо редкой и ценной породы камня — обсидиана и представляют собой длинные и острые каменные клинки. Залежи обсидиана встречаются лишь на острове Мелосе, одном из островов Кикладского архипелага, и это повело к появлению здесь обширного городского типа поселения (Филакопи), жители которого занимались добыванием, обработкой и распространением этих особо ценимых в то время каменных орудий.

Однако наравне с камнем в качестве материала начинает впервые применяться и м е т а л л — сперва медь, а затем и весьма еще несовершенная бронза (в ней только 9% олова). Медь и бронза настолько еще редки, что из них изготовлялось лишь боевое оружие — примитивной формы секиры (без втулок) и кинжалы, а также предметы украшения (головные булавки). Впрочем, для украшения начинало употребляться и золото: в одном из древнейших слоев Трои (Троя 2-я) Шлиман открыл целый клад из 8 тыс. золотых вещей (который он совершенно произвольно назвал «кладом Приама» по имени легендарного троянского царя гомеровской «Илиады»). В общем кикладский период — это еще эпоха халколита, т. е. медно-каменный век, когда обработка металла только еще начинается и преобладают каменные орудия труда.

Примитивность техники свидетельствует о весьма еще примитивном характере хозяйственного и социального строя.

Преобладающими занятиями Эгеи в это время, судя по археологическим данным, было рыболовство, мелкое скотоводство, мотыжное земледелие и примитивный обмен, сопровождавшийся разбоем и пиратством (отсюда такие скоплепия драгоценностей, как упомянутый «клад Приама»). Грубая глиняная утварь изготовлялась еще просто руками без применения гончарного колеса, и сосуды имели причудливые формы кувшинов с птичьими носами, горшков с изображением человеческого лица («лицевые урны»), двойных кубков, похожих на наши бинокли. Роспись сосудов была еще неизвестна, и их украшали только бороздчатым геометрическим орнаментом. Население жило по преимуществу еще в домах круглой или овальной формы — явный пережиток прежних юрт и шалашей. Дома эти, однако, были весьма обширны (иногда до 300 *кв. м*), состояли из десятка мелких помещений и предназначались для обитания значительных коллективов — повидимому, родов. Коллективный характер имели и погребения, на Кикладах — в «кистах», ящикообразных каменных гробницах, на Крите — в круглых склепах, сложенных из громадных камней; в отдельных гробницах бывало до 1000 костяков.

Но родовой строй, надо полагать, вступил уже в стадию разложения, так как имеются следы зарождающейся политической организации. Поселение в Филакопи на острове Мелосе — уже настоящий город с правильно устроенными улицами, с остатками оборонительных стен. Древнейшие слои Трои (Троя 1-я и Троя 2-я) обнаруживают существование мощных замков каких-то старейшин

или вождей, которые своим богатством значительно поднимались над общим уровнем. Особенно грандиозны постройки Трои 2-й. Это грозная крепость с гигантскими стенами, сложенными на каменном парапете из кирпича-сырца, с прокладкой в клетку из деревянных брусьев. Стены прорезаны умело укрепленными воротами, к которым ведут мощные рампы. Потайная калитка позволяла защитникам в случае надобности напасть на тыл штурмовавших ворота врагов. В середине крепости — благоустроенный дом вождя, с замощенным двором перед ним. Через просторные сени был вход в обширную залу, в центре которой помещался круглый очаг. Сбоку — меньший дом, повидимому, женское помещение. Сидевший в таком замке вождь являлся, конечно, уже не простым «старшиной», но и эксплуататором подвластного ему населения, которое было бессильно против таких крепостных сооружений, построенных, вероятно, руками самого этого населения.

К сожалению, в настоящее время нельзя сказать ничего определенного о племенной принадлежности населения берегов и островов Эгейского моря в эпоху кикладской культуры и в ближайшее за ней время. Всего вероятнее, что это были народы, расселившиеся с востока, из Малой Азии, на территорию позднейшей Греции. У греков сохранилось, как указано, предание о выходцах с Малоазиатского побережья — карийцах, пелазгах и лелегах, которые обитали до них по всему Эгейскому морю. Малоазиатское происхождение населения эпохи кикладской культуры как будто подтверждается и характером археологического материала и лингвистическими данными (номенклатурой гор, рек и пр., сохранившейся во многих местах Греции, например: Парнас, Кефис, Ларисса, Коринф и др.). Все же пока этот вопрос приходится считать открытым.

§ 3. Бронзовый век (период расцвета минойской культуры). Второй период эгейской культуры — эпоха критской, или минойской, культуры — время полного расцвета бронзового века на юго-востоке Европы, совпадающее с таким же расцветом его в Египте (Среднее и Новое царства) и Месопотамии. Это время с 2100 по 1400 г. до н. э.

Крит в это время являлся общим связующим звеном передовых стран тогдашнего мира. Это выгодное географическое положение Крита отметил еще Аристотель («Политика», II, 72). «Крит лежит как бы в центре моря — близко от берегов Европы, Азии и Африки..., поэтому он как бы предназначен к первенствованию». И у Гомера тоже очень выразительно передана та же мысль:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый волнами, людьми изобильный.
Там девяносто они городов населяют великих,
Разные слышатся там языки...

(«Одиссея», XIX, 172.)

Вместе с тем следует отметить и другую причину этого «первенствования» Крита: он был для всех восточных культур бронзового века передаточным пунктом в торговле оловом. Значительная

часть этого необходимого для составления бронзы металла шла с запада — с Пиренейского полуострова и даже из Британии (Касситеридские острова), и Крит, контролируя его транспорт, держал, таким образом, в своих руках ключ к самому основному производству стран Переднего Востока. Значительную часть этого металла он задерживал у себя и перерабатывал в бронзу (медь получалась с близкого к нему Кипра). Отсюда следует, что Крит имел не только торгово-посредническую, но и производственную роль в эпоху бронзового века.

В связи с этим техника и хозяйство Крита в это время достигли необычайного для древности подъема. Расцвела прежде всего металлургия; изготовлялись великолепные бронзовые двойные секиры, кинжалы, мечи длиной до 1 *м* и столь тонкие, что напоминали рапиры; клинки кинжалов и мечей украшались художественно выполненными насечками из цветного золота («интарсия»). Золотые и серебряные кубки и чаши покрывались рельефными изображениями непревзойденной тонкости и выразительности (например, знаменитые «чаши из Вафио» с изображением охоты на быков). Открыт был способ изготовления проволоки, и проволочная спираль стала излюбленным мотивом критских орнаментов.

Другим ведущим производством стала керамика, в которой теперь широко применялось и гончарное колесо, и усовершенствованная гончарная печь. По изысканной форме и живописности орнамента критские вазы не имели себе равных на всем Переднем Востоке и потому широко экспортировались в Египет, в Сирию и дальше на восток. Надо полагать, что высокого развития достигла и текстильная промышленность, судя по сложным костюмам из тяжелых парчевых материй со множеством складок, в которых мы видим женщин на изображениях того времени. Следует отметить также развитой промысел резьбы печатей. Перстнями с такими печатями украшены были пальцы представителей критского высшего общества, перстни сочетались с обильными ювелирными украшениями на шее, руках, ногах и в прическах.

О развитии земледелия свидетельствуют уцелевшие в подвалах громадные глиняные бочки — пифосы, наполнявшиеся зерном, вином и оливковым маслом. Остатки гаваней с верфями и доками и частые изображения кораблей говорят о развитом судоходстве и широком обмене. Для последнего употреблялась своеобразная монета в виде слитков меди, имеющих форму двойной секиры самых различных размеров и веса. Такой обмен велся с отдаленнейшими странами, и критские изделия таким путем доходили даже до Китая.

Хозяйственным операциям и торговым оборотам велся строгий учет, и для этого существовала весьма развитая система письма. Писали на глиняных дощечках, в более древние времена — изобразительными знаками, которые располагались по спирали на глиняных дисках. Позднее (около 1700 г.) появилось и линейное письмо, видимо, более упрощенное и общедоступное. К сожалению,

эти критские письмена еще полностью не расшифрованы, и поэтому мы не располагаем полным знанием того богатого материала, который находится уже в наших руках.

Социальный строй к этому времени совершенно изменился в связи с интенсивным развитием производительных сил. Теперь это было уже далеко не первобытное общество, и никаких следов родового коллективизма эпохи кикладской культуры уже нет ни в постройках, ни в системе погребений Критской эпохи. Дома небольшие, прямоугольные, приспособленные для жизни отдельной семьи. Индивидуальный характер носили и погребения — отдельные могилы, иногда семейные склепы. Все это свидетельствует о полном разложении рода и формировании нового классового общества. Много признаков имущественного неравенства: например, жилые постройки поселений по размерам далеко не одинаковы. В городе Кноссе ближе к центру стояли крупные дома, двухэтажные и с мезонинами, особняки знати; далее шли улицы с мелкими постройками, а на окраинах — целые кварталы лачуг и хижин. Эксплуатация низов уже имела вполне определенный характер и, повидимому, выражалась в должничестве и кабальном рабстве по типу существовавших в Вавилонии и Египте. Встречаем на изображениях и фигуры слуг-иноземцев, без всякого сомнения, рабов.

В связи с образованием дифференцированного классового общества на Крите во II тысячелетии развился и политический строй, напоминавший государства фараонов Египта и царей Вавилонии. Здесь первоначально также существовало несколько мелких государств, которые постепенно объединились в одну большую державу с центром в Кноссе, на северном берегу острова. Критской державе принадлежали и значительные территории на островах Эгейского моря и на юге Балканского полуострова. Они управлялись критскими наместниками, которые, повидимому назывались «тиранами».

Во главе Критского государства стояли ставленники аристократии, цари-первосвященники, носившие титул «Миносов». Ныне уже полностью раскопан грандиозный дворец в Кноссе, служивший их резиденцией, — колоссальное трехэтажное здание, занимавшее площадь около двух гектаров. В нем было несколько сот парадных, жилых и хозяйственных помещений, искусно расположенных вокруг обширного внутреннего двора. От парадных зал сохранились, к сожалению, лишь два: тронный зал и зал с бассейном, остальные погибли вместе с разрушением верхних этажей. Но в нижнем этаже отлично сохранились помещения царских канцелярий и казнохранилищ, 18 продовольственных камер, уставленных громадными пифосами, мастерские царских ремесленников. Сохранилась и площадка дворцового театра, рассчитанного на 500 зрителей. Дворец имел водопровод, канализацию и вообще устроен был с необычайной роскошью и комфортом. Стенные фрески его галерей до сих пор сохраняют изображения

парадных собраний и театральных зрелищ (особенно — акробатических игр с быками), которые совершались в этом дворце (Лабиринте) Миносов, выявляя, таким образом, реальное зерно греческих преданий об архитекторе Дедале, герое Тезее, царевне Ариадне и страшном быке Минотавре.

В Критском государстве существовала развитая бюрократическая система, похожая на египетскую. Чиновники различались по рангам (начальник, смотритель, казначей, контролер), что символически изображалось на их печатях (нога, дверь, глаз и т. д.). Они распределялись по ведомствам, как-то: военных дел, морскому, продовольственному и пр. Военные люди формировались в дружины по характеру вооружения. Особую роль в армии играли тяжело вооруженные воины, выезжавшие на колесницах; для удобного передвижения этого рода войск была устроена целая сеть мощеных дорог. Развитая религия служила другим способом держать в повиновении угнетенные народные низы. Жрецы проповедовали необходимость чтить великое женское божество — богиню-мать, прародительницу, владычицу над людьми, зверями и растениями, и ее могучего мужа или сына (изображавшегося часто в виде быка) — особо грозное солнечное мужское божество, требовавшее себе человеческих жертв. Его наместниками на земле и выступали Миносы, которые поэтому и получили особый ореол святости и неприкосновенности.

Однако на Крите, как и в Египте, ни чиновничество, ни армия, ни жречество не в состоянии были сломить сопротивление порабощенного народа. И на Крите происходили иногда грозные народные восстания — одно такое поднялось одновременно с народным восстанием в Египте, в конце Среднего царства, около 1750 г. до н. э. Царские дворцы Кносса, Феста и другие были взяты и сожжены восставшим народом, и некоторое время на Крите правила более близкая к народу власть. Но она была недолговременной и вскоре аристократия снова одержала верх. Культура Крита была в основном изысканно-аристократической.

Этот антинародный, замкнуто-аристократический характер критской культуры был и причиной ее гибели, так как подрывал ее способность к сопротивлению завоевателям. В это время вся Передняя Азия и юго-восток Европы подверглись опустошительным вторжениям кочевников. Хетты и касситы в 1500-х годах разгромили Вавилонию, около 1700 г. семиты-гиксосы захватили Египет. Из-за Балканских гор в Грецию вторглись передовые племена греков — данайцы и ахейцы. Густой слой пепла — след пожаров и разгромов — и своеобразная примитивная керамика с ленточным орнаментом отмечают продвижение этих народов по территории Средней Греции и Пелопоннеса. Нашествие ахейцев привело около 1700-х годов к утрате Критом его материковых владений и к образованию в этих районах родо-племенных ахейских княжеств со смешанной крито-ахейской культурой. По главному своему центру — Микенам в Арголиде — она и носит в

науке условное название микенской. Микенская культура (1700—1100 гг. до н. э.) является последним периодом эгейской культуры и в то же время начальным этапом греческой.

ГЛАВА XXII

ДРЕВНЕЙШИЙ БЫТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГРЕКОВ. МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА И ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

§ 1. Древнейший быт и общественный строй греков. Предков древних греков можно проследить на Балканском полуострове, в Северной Греции, начиная с III тысячелетия до н. э. В то время они находились еще на низкой ступени культурного развития (так называемый «новый каменный век» или «неолит») и только еще начинали использовать металлы. Эти древнейшие предки эллинов расселились первоначально племенами: доряне по Эпиру и ахейцы по Фессалии. Отсюда они постепенно в конце III тысячелетия до н. э. стали проникать и в Среднюю Грецию в области господства эгейской культуры.

Как показывают древнейшие мифы (о Геракле, о Калидонской охоте и пр.), а также раскопки ранних стоянок (Димини и Сескло в Фессалии), у этих древнейших греческих племен господствовало охотничье и рыболовное хозяйство, хотя разводили уже и скот, преимущественно мелкий (коз, овец, свиней); известно было и земледелие (мотыжное) — им занимались женщины, почему и впоследствии они были главными участницами культа матери-земли Деметры. Развивалась также и гончарная техника; на сосудах делали яркие орнаменты в виде многоцветных лент, расположенных спиралью, с причудливыми изгибами (меандр).

Основной общественной ячейкой была фратрия, представлявшая собой большую общину, похожую на «братство» ирокезов (Энгельс). Впоследствии весь народ в Аттике делился на 12 фратрий, а в Спарте на 27. Фратрия была владелицей земли, жилищ, орудий производства. Даже потребление было общее, остатком чего являлись позднейшие совместные трапезы («сисситии») в Спарте, на Крите и в некоторых других отсталых греческих государствах. Брак был экзогамный; невест обычно умыкали из соседних фратрий, и счет родства велся по матери. Отсюда и позднее в греческом праве сохранялось много остатков матриархата, да и родословная богов и героев часто велась от их матерей (Аполлон сын Латоны, Минос сын Европы и т. д.). Много сохранилось от этого времени и следов господствовавшего тогда тотемизма (священные змеи в Афинах, культ волков в Пелопоннесе, лань как спутница Артемиды). Решение всех дел находилось в руках выборного старшины — «фратриарха» — и сходки взрослых мужчин, членов фратрии. Во время войн и переселений фратрии объединялись в союзы — «филы» (в Афинах три фратрии составляли одну филу, а всех фил было четыре), и тогда выбирался общий военачальник — «филобасилевс».

Микенская культура. Около 2000 г. до н. э. из Северной Греции (Фессалии) начинается массовое передвижение ахейцев в Среднюю Грецию и в Пелопоннес. Ахейцы обосновались в прежних населенных эгейских центрах (Микенах и Тиринфе в Арголиде, Афинах в Аттике, Пилосе в Мессении, Фивах в Беотии и других), частью истребив прежнее население, частью слившись с ним. По главному их поселению в Микенах вся возникшая благодаря этому смешению культура получила, как уже указывалось, в современной науке название микенской.

Ахейские микенцы много восприняли от своих предшественников и от критян. Они научились изготовлять орудия и утварь из бронзы, стали разводить крупный рогатый скот и лошадей, перешли от мотыжного земледелия к плужному. В связи с развитием производительных сил первобытно-общинный строй вступил у них уже в период разложения: все более укреплялась частная собственность, возникало имущественное неравенство, верхушка их общества обращалась в богатую воинственную аристократию; благодаря распаду некоторых почему-либо ослабевших родов стал появляться, правда еще небольшой, слой «безродных» и «бездомных» — бродячих людей.

Вожди воздвигали себе мощные замки с колоссальными «киклопическими» стенами из наваленных друг на друга громадных грубо отесанных камней: в Тиринфе такие стены имеют до 20 *м* толщины; поражают также своей грандиозностью знаменитые «Львиные ворота» Микен. Своих покойников микенцы хоронили в родовых подземных склепах (примером их являются «шахтовые могилы» в Микенах) или в круглых куполообразных усыпальницах («купольные могилы»). Микенцы погребали с покойниками несметную добычу, захваченную на войне, так что микенские погребения буквально залиты золотом: на покойниках золотые маски, диадемы, пояса, золотыми бляхами покрыта вся их одежда. Иногда микенские вожди приказывали изображать себя и свои дружины на стенных фресках, и мы видим на них бородатых суровых воинов в совсем не критских костюмах: в длинных рубахах-хитонах, с мохнатыми шлемами на головах (как, например, на фреске микенского дворца). Писать, видимо, микенцы не умели, и в поселениях микенской эпохи при раскопках не находят письменных материалов. Правда, недавно, в 1939 г., при раскопках в Мессении близ Пилоса микенского поселения найдено около 600 глиняных табличек, но с типично минойским линейным письмом, следовательно, критского происхождения.

В половине II тысячелетия микенцы усвоили себе и морской опыт критян; но судами своими они пользовались не для торговли, а для морских разбоев и грабительских походов. Около 1400 г. внезапным нападением они захватили самый остров Крит и разрушили роскошные дворцы критских Миносов; в таком разрушенном состоянии и открыли их современные археологи. Около 1200 г. «морские народы севера» (среди них и «данауны», т. е. данайцы) сделали попытку захватить и Египет. На рельефах египетского храма в Мединет-Абу можно видеть изображение страшной битвы, морской и сухопутной одновременно, в которой фараон Рамсес III разгромил этих северных воителей. Тогда же микенцы покорили

и эгеизированные поселения западного побережья Малой Азии. К этому времени относится греческое предание о Троянской войне, когда микенский царь Агамемнон с дружинами своих родственников и союзников взял главный оплот эгейской культуры на побережье Малой Азии — Трою. Событие это теперь подтверждается недавно дешифрованными хеттскими надписями, в которых упоминаются имена ахейских вождей и героев (например, Акагамунас — Агамемнон). В XII в. те же хеттские документы упоминают наряду с ахейцами («ахийава») и другие, родственные им по культуре племенные объединения, позднее образовавшие части греческой, или эллинской, народности. Таковы «явана» — ионяне, которые, по этим данным, были особенно связаны с морем и побережьями Малой Азии. Ионяне, повидимому, являлись потомками тех же ахейцев, которые в это время обосновались в Аттике и на островах средней части Эгейского моря.

Эта микенская эпоха закончилась около 1100 г., за 6 веков до Геродота, в результате большого передвижения на юг другого крупного греческого племени — д о р я н. Воинственная и культурно отсталая племенная группировка горцев-дорян двинулась в XI в. до н. э. из Эпира в Среднюю Грецию и Пелопоннес. Одна часть дорян вторглась в Фессалию и Арголиду, захватила Микены и другие центры; доряне частью смешались с местным населением, частью поработили его. Микены были разрушены и прекратили свое существование как крупный культурный и политический центр. Другая часть дорян захватила Лаконику и Мессению, но лишь после длительной и жестокой борьбы, в результате которой позднее, в IX в., в долине Эврота на базе порабощения местного населения возникло Спартанское примитивное государство.

Часть ахейского населения Пелопоннеса была оттеснена в труднодоступные и суровые горные области центрального и северного Пелопоннеса, позднее получившие название Аркадии и Ахайи.

§ 3. Начало железного века. Гомеровская эпоха. В местах расселения дорян произошло частично снижение культурного уровня — торговля, ремесло и искусство пришли в упадок. Однако дальнейшее развитие производительных сил побудило греков отказаться от бронзы, перейти к обработке железа, в обилии имевшегося в самой Греции, и изготовлять из этого металла орудия и оружие. С этого времени по всей Греции начинается переход от бронзового к ж е л е з н о м у в е к у (около 1100 г. до н. э.), что представляло собой большой технический прогресс.

К этой эпохе относится и появление гениальных произведений древнегреческого народного творчества — героических былин, из которых сложились поэмы «Илиада» и «Одиссея», приписываемые легендарному поэту-слепцу Гомеру. П о э м ы Г о м е р а рисуют перед нами яркие картины культурной и общественной

жизни Греции в микенскую и послемикенскую эпоху с XII по VIII в. до н. э.

Поэмы Гомера занимают одно из первых мест в мировой художественной литературе всех времен; естественно, что вопрос о том, когда, где и как созданы эти поэмы, всегда интересовал культурное человечество. Еще в III в. до н.э. некоторые древнегреческие ученые высказывали сомнения в историческом существовании Гомера. Два тысячелетия спустя, в конце XVIII и начале XIX в., вопрос о Гомере — авторе «Илиады» и «Одиссеи», был вновь остро поставлен немецким ученым Фридрихом Августом Вольфом. Вольф («Введение к Гомеру», 1794 г.) отрицал авторство Гомера, утверждая, что поэмы сложились постепенно из отдельных народных песен о героях (былин). Противники Вольфа, «унитаристы» (среди них Шиллер и Гете) доказывали, что художественное единство гомеровских поэм таково, что оно не могло создаться без участия гениального творца-поэта. В настоящее время большинство специалистов сходятся в том, что обе поэмы в своей основе, действительно, были созданы великим поэтом (Гомером?), но путем лишь искусного сплетения в одно художественно целое более ранних произведений народной поэзии — древних народных песен и былин, в течение многих веков распевавшихся народными певцами — «аойдами».

Поэмы Гомера отразили в своем содержании жизнь древнейшей Греции на протяжении ряда столетий. Мы встречаем в этих поэмах, особенно в «Илиаде», рассказы о событиях, образы и картины еще времен эпохи расцвета Микен задолго до дорийского вторжения; с другой стороны, многое в поэмах характеризует Грецию уже после дорийского вторжения. Например, в «Илиаде» упоминается железное оружие, однако в 14 раз реже, чем оружие медное. Значит, железо было уже известно, но поэт изображает время, когда оно являлось еще редкостью, т. е. период медно-бронзовой техники. Самый сюжет «Илиады» целиком связан с эпохой расцвета Микен и широкого распространения их влияния: морской поход на Трою соединенного ахейского дружинного воинства под командой верховного вождя, царя «златообильных» Микен Агамемнона. В поэме изображается Троянская война, один из ее заключительных моментов — разгром ахейцами ополчения защитников «высокотвердынной» Трои. «Одиссея» изображает возвращение «героев» с троянской войны и мирный быт более позднего времени. В этой поэме железо упоминается втрое чаще, чем в «Илиаде», но все же и здесь медь и бронза встречаются вчетверо чаще, чем железо.

В поэмах Гомера отражена жизнь общества, еще сохраняющего п а т р и а р х а л ь н о - р о д о в о й с т р о й. По всем удобным для земледелия и скотоводства местам Греции были раскинуты сельские поселения, состоявшие из двух частей: общинной деревни с прилегающими сельскохозяйственными угодьями и неподалеку от нее находившегося большого укрепленного дома, в котором жил и хозяйствовал вместе с своими домочадцами и рабами глава ее и вождь местной родовой знати, по-гречески «басилей» (ср. дом Приама в Трое, «дворцы» Менелая и Нестора в Пелопоннесе, дом Одиссея на Итаке). Все необходимое для жизни производилось в домашнем хозяйстве; хозяйственным трудом занимался

даже сам басилей и члены его обширной семьи. Дом полон запасов: кругом него закрома, амбары, кладовые, в которых хранятся не только запасы продовольствия, но и металлы — золото и медь.

При басилее жили представители всех наличных поколений его прямых родственников, так что дом басилея представлял обширное общежитие кровных родственников по мужской линии, в котором властвует басилей. Между домом басилея и деревней существовала тесная связь; среди жителей этой деревни было немало семей, которые считали себя принадлежащими к роду басилея; звание басилея не наследственное; выбирала басилея сходка всего взрослого мужского населения округа. Эта сходка могла даже вмешиваться во внутренние семейные дела басилея. Таким образом, изображенный в поэмах Гомера (особенно в «Одиссее») тип поселений мы можем назвать родовыми поселениями.

Но вместе с тем в поэмах уже ясно показано привилегированное положение басилеев: они владеют несравненно большими богатствами, пользуются значительной властью, а поэтому в некоторой мере уже выделились из родового коллектива, образовав его привилегированный слой. Об этом процессе расслоения и разложения родового строя свидетельствует также изображаемое в поэмах жалкое положение «бездомных» людей, лишившихся своего общинного надела, своего места в общине, вынужденных наниматься в услужение к знати. У Гомера они называются «фетами» — бесправными, бесприютными бродягами. Они часто — из чужаков-переселенцев («метанастов») и потому находятся вне родовой организации и лишены всякой общественной защиты. У гомеровских басилеев уже немало также рабов, особенно рабынь. Правда, положение этих рабов совершенно не похоже на позднейшие типично-рабовладельческие отношения: нет еще понятия о рабах как об «одушевленной собственности» или «одушевленном орудии труда» и т. п. Служанки-рабыни стирают белье вместе с дочерью басилея Навсикаей, рукодельничают вместе с Пенелопой, женой Одиссея; раб Эвмей — ближайший доверенный своего хозяина Одиссея и т. д. Рабы не отделены от остального общества непереходимой классовой гранью. Такую зародышевую форму рабства классики марксизма-ленинизма называли домашней или патриархальной.

Однако наличие хотя бы и домашнего рабства свидетельствует о том, что в гомеровскую эпоху (XII—IX вв. до н. э.) уже создались в Греции предпосылки для возникновения эксплуататорских отношений рабовладельческого общества. Этому же способствует освоение морских путей, что особенно ясно видно в «Одиссее» (плавание самого Одиссея, рассказы героев поэмы — Одиссея, Менелая, Эвмея, ключницы Эвриклеи и др.): описываются далекие плавания, особенно в Египет, пиратские нападения, морская жизнь вообще; наконец, большое место в «Одиссее» занимает пребывание Одиссея у «веслолюбивых» феаков, которые

изображаются как морской народ. У них имеется настоящий город-порт с центральной торговой площадью, в порту стоят многочисленные корабли.

Но картина жизни феаков характеризует уже самый конец этой эпохи. В общем же в гомеровские времена городов как таковых еще не было; разбросанные по всей Греции родовые поселения были самостоятельны и мало связаны друг с другом. Регулярных сношений и торговли тоже еще не существовало; не существовало по этой же причине в гомеровской Греции денег, а мерой ценности служил скот, быки. Например, два героя в «Илиаде» обменивают щиты — золотой на бронзовый, при этом в поэме подчеркивается неравноценность обмена: щит стоимостью в 120 быков был обменен на щит стоимостью всего лишь в 9 быков.

Ремесло еще не выделилось из сельского хозяйства, но все же в качестве «работающих на народ» («демиургов») профессиональных специалистов упоминаются бродячие строители домов, глашатаи, поэты-певцы и особенно ювелиры и кузнецы; эти последние занимают особо почетное место; главным представителем этой профессии выступает сам бог огнедышащих гор Гефест, который работает в своей кузнице внутри вулкана Этны с горном, наковальней, клещами, молотками.

Наряду с этой общественно-политической разъединенностью гомеровской Греции шел уже процесс образования больших территориальных п л е м е н н ы х о б л а с т е й, которые легли в основу политического деления позднейшей рабовладельческой Греции. В поэмах упоминается Арголида, Беотия, Фессалия и другие области, которые представляли собой политические объединения родовых организаций под властью верховного басилея.

Возникающая государственная власть попадает в руки басилеев из среды родовой знати, но и рядовая общинная масса еще сохраняет свое старое общинное равноправие. Знать, особенно на войне, должна была считаться с народной массой, с волей рядовых воинов, которых эта знать вынуждена собирать на сходку для принятия важных решений. Этот общественный строй поздней гомеровской эпохи Маркс и Энгельс назвали в о е н н о й д е м о к р а т и е й. Военная демократия, таким образом, характеризует общественные отношения переходного периода от разлагающегося доклассового общества к возникающему классовому, рабовладельческому.

§ 4. Возникновение религии олимпийских богов. В гомеровское время слагались также и основы той идеологии и вообще культурной жизни, которые в последующие периоды истории Греции получили столь пышное развитие. Народное творчество создавало не только песни-былины, но и так называемые мифы, сказания о богах и полубогах, героях, в которых отражались различные представления о силах природы, об отношении к ним людей в разные периоды их хозяйственной и общественной жизни. В основе своей мифы являлись продуктами религиозного творчества. По меткому замечанию Энгельса, «...всякая религия является не чем

иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [1].

Часто в греческих мифах мы встречаем изображения богов в виде зверей. Это совершенно определенно указывает на то, что корни религиозных верований древних греков уходили далеко в древнейшее доклассовое прошлое, к т о т е м и с т и ч е с к о й идеологии первобытной поры. Так в позднейшие времена у древних греков было распространено почитание змей, в которых олицетворялись подземные силы, почему такие культы называются «хтоническими» (от греческого слова htónos — земля). Например, аттический герой-полубог Эрехтей представлялся в виде большого змея, живущего в расселинах скал Акрополя и являвшегося его покровителем. В Афинах долго сохранялся обычай класть медовые лепешки на склонах Акрополя как приношения этому змею-патрону. В честь его был в центре Акрополя даже сооружен храм — Эрехтейон.

Позднейший бог солнца, «светозарный» Аполлон (Феб), был тоже тесно связан с древним культом огромного змея Пифона, жившего в глубокой расселине Парнаса близ Дельф. Поэтому и Аполлона здесь называли «пифийским», а жриц-прорицательниц его дельфийского храма — «пифиями», т. е. змеями. В одном из древнейших произведений греческой литературы, так называемом «Гомеровском гимне Аполлону», рассказывается, как Аполлон, блуждая по земле в поисках себе дома-храма, наконец нашел подходящее место близ мрачной расселины, охраняемой Пифоном. Убив Пифона стрелой, он приказал двум строителям начать постройку себе здесь храма, а сам, приняв образ дельфина, поплыл в море и, появившись перед критскими моряками, предписал им соорудить ему близ этого храма алтарь как «богу-дельфинию», поэтому и место стало называться Дельфами, а сам Аполлон — «дельфийским». Но и помимо Дельф в древней Греции было много мест, связанных с древним поклонением Аполлону-дельфину.

Сохранилось также много следов существовавшего некогда в Греции поклонения волку — по-гречески lúkos. Название «ликейских», т. е. волчьих, носили места культа многих позднейших богов (например, Ликейон в Афинах), да и сами боги, связанные с такими местами, назывались «волчьими» (Зевс ликейский, Аполлон ликейский) как преемники более древних, ими смененных или вытесненных божеств. Священной птицей в Афинах считалась сова, обратившаяся затем в спутницу богини — покровительницы Афин «совоокой» Афины. Широко распространен был в древнейшей Греции также культ растений — лавра, кипариса, пальмы. В Эпире было высокочтимое прорицалище в Додоне; здесь огромный многовековой дуб считался обителью самого Зевса, и по шуму листьев этого дуба жрецы предсказывали будущее. Со всем этим связано было и множество магических действий (например, омовение и умащение священного камня в Пессинунте, ряжение в медвежьи шкуры при культе «медведицы» Артемиды Бравронской и пр.) — типичный признак пережитков тотемизма.

На эту древнейшую основу причудливо наслаивались следы долго господствовавшего а н и м и з м а — душеверия и душебоязни, свойственных периоду более развитого общинно-родового быта. «Все полно демонов и душ», — утверждал даже ранний представитель греческой натурфилософии Фалес Милетский (около 600 г. до н. э.). Растущее сознание беспомощности порождало страх перед явлениями природы и побуждало населять всю природу страшными призраками. Эти хитрые, враждебные и опасные демоны представлялись в чудовищных полузвериных, получеловеческих образах («миксантропизм»); таковы козлоногие лешие — сатиры, души горных потоков, скачущие, как кони, — кентавры, русалки — нимфы, души деревьев — дриады, души волн — рыбообразные тритоны и пр. Если их не остерегаться и не умилостивлять, они могут наделать всяких бед человеку, например, вселиться в него и сделать его одержимым («энтеос», отсюда —

[1] Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 1950, стр. 299.

энтузиазм), безумным. И только хорошие отношения с демонами («евдаймония») обеспечивают человеку счастливую и спокойную жизнь. Особый страх вселял также умерший глава рода или дома: его хоронили под очагом, и он обращался в «героя дома», — домового. Сам очаг, как усыпальница предка, начинал возбуждать боязнь и становился священным: на нем старательно поддерживали священный огонь, украшали цветами, сыпали в огонь душистые травы. Ему представляли невесту, ему показывали новорожденных, у него просили защиты просители. Этот культ предков был очень силен у греков даже в историческое время, и о нем сохранилось множество свидетельств в наших источниках.

Еще позднее, в связи с развитием земледелия, особое значение получили демоны (в мужском и женском образах), имеющие отношение к произрастанию посевов и другим благоприятным и неблагоприятным явлениям земледельческого быта. Таковы Мелеáт — демон поспевания плодов, Гегемóна — ведающая поспеванием нив, Карпó — хозяйка садов и т. д. Завершилось это возникновением и широким распространением в народных низах культа Деметры — матери-земли. В Элевсине (наиболее плодородной части Аттики), ставшем одним из главных центров этого культа, сложился миф о похищении темными подземными силами дочери Деметры, Коры (олицетворение весеннего расцвета природы). Лишь путем сложных и таинственных религиозных обрядов («мистерий») полагали возможным уговорить разгневанную и скорбную Деметру не лишать землю ее производящей силы.

Но по мере разложения общинного родового строя и усиления военно-родовой аристократии у обнищавших средних и низших слоев прежнего, «гомеровского» общества к чувству страха перед стихиями и бессилия перед явлениями природы стало присоединяться сознание беспомощности перед растущей эксплуатацией со стороны верхов. На этой почве из древнего анимизма вырастает новая сложная религия олимпийских богов — небесных господ, «небожителей» и «миропра́вителей». Они представляются в виде глав «божественного рода», наподобие земных басилеев, поделивших между собой на уделы и отдельные царства различные части вселенной, в то же время составляющих пекую их «общину». Старшими являются три брата: Зевс — громовержец и тучегонитель, Посейдон — владыка моря и Аид — бог-невидимка, властитель подземного мира.

Славный земли колебатель [Посейдон] промолвил в ответ...
Трое нас братьев Кронидов на свет родилося от Реи:
Я и Зевес и Аид, кто царит над тенями умерших,
Натрое все поделив, получили мы каждый удел свой,
Жребий бросив. И мне для обители вечной досталось
Море седое, Аиду — жилище кромешного мрака,
Зевсу — пространное небо среди облаков и эфира.
Общей для всех осталась земля да вершина Олимпа.

(«И л и а д а», XV, 186 и сл.)

Следующее по рангу место занимает младшее поколение богов, в особенности дети Зевса от его главной жены Геры и ряда других, в чем явно отражаются следы распространенного среди родовой аристократии многоженства. Сыном Геры является Гефест, бог огня и всякой связанной с огнем деятельности, великий мастер-кузнец и покровитель кузнечного искусства. Сыном и дочерью богини тьмы Латоны являются «светозарный» бог солнца Гелиос-Феб-Аполлон, разъезжающий на огненной колеснице по небу, и богиня луны Артемида, владычица лесов и лесных зверей, неутомимая охотница и чародейка. Сыном Зевса и нимфы Майи считался Гермес, бог ветра, вечный странник, вестник Зевса, путеводитель странников и купцов, проводник душ умерших в подземное царство. Арес — бог кровавых битв, мудрая богиня-дева Афина Паллада — защитница городов и прекрасная дочь Зевса от Дионы, богиня любви и красоты Афродита с ее маленьким сыном проказником Эротом замыкали число «12 олимпийцев». Многие из этих образов богов унаследованы

были греками из религиозных представлений их предшественников-эгейцев (например, владычица зверей Артемида и «златокудрая» Афродита, согласно некоторым мифам, родившаяся чудесным образом из пены морской и особо чтимая на испытавших сильное минойское и восточное влияние островах Кипре и Кифере), другие созданы собственным воображением греков. Первоначальный же хаос всех этих древних и новых представлений был оформлен «аойдами» — певцами гомеровской эпохи во вкусах и в духе близкой им родовой аристократии. Олимпийские боги имеют поэтому уже не только человекообразную (антропоморфную) форму, но отличаются особой, «благородной» внешностью. Как и подобает небесной аристократии, они ведут роскошную и праздную жизнь в своих золотых чертогах на вершине Олимпа, услаждаясь амброзией и сладким нектаром, дающими бессмертие, и внимая чарующему пению муз (см. «Илиада», I, 532 и сл.). Впрочем, как и в среде земных басилеев, между богами часто возникают ссоры и даже драки. Зевсу один раз даже пришлось подвесить свою ревнивую супругу между небом и землей и три дня бичевать ее своими молниями, а заступившегося за мать сына Гефеста Зевс столкнул с неба, так что при падении на землю он сломал себе ногу и навсегда остался хромым. Если боги иногда и выручают из бед своих царей-любимцев вроде Одиссея, то к страданиям простых людей они относятся с «олимпийским спокойствием»: один раз Зевс даже задумал утопить весь надоедливый человеческий род и только благодаря сочувствию человеколюбца Прометея, одного из отверженных старых богов-титанов, удалось спастись паре людей, от которой вновь размножилось человечество и поднялось из убогого звериного существования благодаря похищенному тем же Прометеем с неба огню. Но Зевс жестоко отплатил непокорному титану: приковал его к одной из скал Кавказа и посылал каждый день свою любимую хищную птицу — орла — терзать прикованного страдальца.

Как уже можно судить по мифу о Прометее, новая аристократическая «олимпийская религия», или «религия Зевса», укреплялась в Греции путем жестокой борьбы. Об этом дают вполне отчетливое представление и другие многочисленные мифы о «титанах», «гигантах», а часто и обожествленных позднее героях, под которыми кроются образы побежденных древних божеств. Согласно мифу о борьбе богов с гигантами («гигантомахия») последние изображаются в причудливых образах «сынов Земли»: многие из них с песьими мордами, с змеиными и рыбьими хвостами вместо ног — совсем наподобие древних демонов. Хотя Зевс победил и сковал их, заставил работать на себя, загнав в мрачные подземелья, но Земля порождает все новые и новые подобные же стихийные силы, которые, освободив своих братьев, устремляются на штурм Олимпа и, как постановила всемогущая Мойра (судьба, рок), одолеют когда-нибудь весь род олимпийцев. Любимым народным героем был Геракл, бездомный скиталец, силач, олицетворение грозной для знати силы народных масс. Геракл совершает 12 трудных подвигов. Но знать старалась причислить его к своему классу, объявив сыном Зевса и фиванской царицы Алкмены. С другой стороны, аристократы охотно развивали сказание о том, как Геракл был продан в рабство и служил лидийской царице Омфале: она одела богатыря в женское платье и заставила заниматься женскими рукоделиями.

Таким же созданием народного творчества, в котором сказалось сознание земледельческими массами своей трудовой силы, является миф о сыне земли — титане Антее, обладавшем несокрушимой мощью, которую он черпал от соприкосновения с землей. Характерно, что аристократия и его обратила в сына Зевса и заставила другого народного героя, Геракла, вступить с ним в единоборство и задушить, оторвав от земли. Миф об Антее замечательно использовал товарищ Сталин в своей речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., говоря о необходимости крепить связи партии с народом.

Так в мифах и верованиях греков отражаются разные ступени раннего социального строя и наивные еще формы идеологической борьбы. И в дальнейшем, когда аристократическая гомеровская религия олимпийских богов

обратится в официальную государственную религию, ее будут пропагандировать близкие к высшим слоям греческого общества литература и искусство. Но и подавленные ею догомеровские, «хтонические» воззрения будут жить в идеологии масс, пока в ходе социальной и идеологической борьбы не возникнет более соответствующее действительности натурфилософское понимание и объяснение явлений природы.

ГЛАВА XXIII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ (VIII—VII вв. до н. э.)

§ 1. Греческое общество по Гесиоду. Послегомеровская эпоха характерна большими изменениями в экономике и политическом строе Греции. Начавшийся еще в гомеровское время процесс разложения первобытно-общинных отношений усилился вследствие превращения родовой собственности и наделов («клеров») в личную собственность отдельных семей. Имущие семейства еще более обособлялись и, опираясь на свои экономические преимущества, захватывали в свои руки все основные средства производства родовой общины — землю, скот и рабов. Свободное первоначально земледельческое население все больше попадало в долговую зависимость, прежде всего — от представителей родовой знати. Увеличивалось количество метанастов и фетов, вынужденных покидать свои земли и странствовать по стране в поисках работы.

Яркое отражение произвола родовой знати над всей остальной, производящей массой населения мы находим у поэта Гесиода из Беотии (VIII в. до н. э.). Беотия принадлежала к числу сравнительно отсталых земледельческих областей Греции с большим количеством мелких крестьянских хозяйств и слабо развитой городской жизнью. Сам Гесиод — мелкий землевладелец — выступает как поэт крестьянского труда. В своей поэме «Труды и дни» он описывает положение бедняка, попавшего в руки к богачу — землевладельцу и ростовщику. Он сообщает, что вся Беотия находилась во власти 30 басилеев, которых он называет «железными людьми», богатыми землей, скотом и рабами. Угнетение ими простого смертного он изображает в притче о ястребе и соловье. Ястреб держит соловья в когтях и, обращаясь к нему, говорит:

> Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
> Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно.
> И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
> Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
> Не победит его, — к униженью лишь горе прибавит!
>
> (Ст. 207—211.)

Гесиод еще не мечтает о политической борьбе обездоленной массы против знати, он лишь угрожает «царям дароедам» божественным возмездием, гневом богов, карающих за насилие и непра-

ведный суд. Однако, по его мнению, и на небе торжествует неправда. В другой своей поэме «Теогония» («Происхождение богов») он изображает Зевса как небесного тирана, который подвергает жестоким мучениям заступника людей титана Прометея.

§ 2. Ранний греческий полис. Типичным явлением в общественном развитии Греции этого периода является образование полисов, «городов-государств», объединявших вокруг себя сельскую округу и подчинявших ее себе. Этот процесс слияния греки называли «синойкизмом» (т. е. «сожительством»).

Преимущественное положение Афин, расположенных в наиболее плодородной части Аттики, вблизи приморских гаваней, например, Фалерона, способствовало тому, что процесс образования синойкизированного города-государства происходил здесь быстрее, чем в других местах Греции. Здесь очень рано выделились властные роды «евпатридов» (т. е. потомков благородных отцов): Кодридов, Алкмеонидов и др., обширные земельные владения которых располагались близ Афин. По словам Аристотеля («Афинская полития», 2), «вся земля была в руках немногих», а весь народ, по мнению Аристотеля, находился в рабстве у богатых: «... бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких условиях обрабатывали поля богачей» («Афинская полития», 2).

Шестидольниками, повидимому, назывались задолжавшие мелкие земледельцы, заложившие свои земли крупным собственникам, в знак чего на их участках ставились долговые камни с обозначением суммы их долга. В виде процентов они должны были платить 5/6 урожая. Пелаты же были неоплатные должники, уже лишившиеся своих участков и обращенные в кабальных рабов крупных землевладельцев; ими и обрабатывались земли евпатридов. Город Афины с его крепостью Акрополем становился местом концентрации евпатридов, отсюда они господствовали над всем населением Аттики.

Образование греческих городов — полисов — было связано также с развитием торговли и ремесла. Большинство полисов, известных в VIII в., являются приморскими. Таковы города Ионии, в особенности Милет, города на островах, прилегающих к Малой Азии, — Митилена, Самос, затем Эгина в Сароническом заливе, Афины, Коринф, Мегары, Халкида и др. Наиболее типичные рабовладельческие города были расположены вдоль главных морских путей с востока на запад, что указывает на связь развития рабовладения с развитием морских сношений и торговли. В III томе «Капитала» К. Маркс пишет: «В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств,

в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»[1].

Античные города-государства возникали как центры политического господства рабовладельцев над закабаленной беднотой и рабами всюду, где были сконцентрированы крупные массы таких полупорабощенных земледельцев, рабов. Полис обратился в город-государство, в котором родовая знать обращала все старые родовые учреждения в орудие своего господства. Она устраняла власть старинных племенных вождей (басилеев) и устанавливала «олигархию», т. е. правление немногих знатных родов.

Что касается Аттики, то, как об этом говорит Плутарх («Тезей», 25), свободное население разделялось здесь на три сословия: эвпатридов (или «благородных»), «геоморов», (или «агройков» — мелких землевладельцев) и «демиургов» (ремесленников). Эвпатриды представляли собой знатных и богатых землей и скотом граждан, а геоморы и демиурги — простых и бедных, «демос» (народ), все более закабаляемый. Кроме основного населения, существовала еще большая группа рабов и «метеков». Метеками называли иностранцев, постоянно живших в Афинах. Они хотя и были лично свободными, но не имели никаких политических прав. Положение рабов коренным образом изменилось. Всякая личная связь между господином и рабом исчезла. Из младшего члена патриархальной семьи последний превратился в специальный объект жестокой эксплуатации, в основного производителя.

С ростом рабовладения старые родовые порядки мешали объединению всех рабовладельческих кругов и образованию классового государства. В VIII — VI вв. в Аттике происходит ограничение царской власти и замена ее выборными из аристократии — «архонтами» (начальниками). Последние представляли собой высшую исполнительную власть в государстве и назначались тоже составленным из знати советом — «ареопагом», которому принадлежала законодательная, высшая судебная и контрольная власть. С половины VIII в. (752 г.) власть архонтов была ограничена 10 годами. Начиная с 683 г., архонты стали избираться только на один год.

Власть разделялась между 9 архонтами следующим образом: главным считался архонт-эпоним, именем которого обозначался год его правления. Он стоял во главе коллегии и имел высший надзор за внутренним управлением, вел суд по семейным делам и попечение о вдовах и сиротах. Второму архонту, басилею, принадлежали прежние религиозные обязанности царя и суд по религиозным делам. Третий архонт, полемарх, предводительствовал всеми военными силами государства. Остальные шесть членов коллегии, носившие название архонтов-фесмофетов, т. е. законодателей, следили за исполнением старых законов и подготовляли новые. Им была поручена охрана судебных обычаев и разбор судебных дел, кроме дел об убийстве. Из бывших архонтов составлялся совет («булэ»), он собирался в Афинах на холме Ареса, откуда и произошло его название — «ареопаг». В результате власть полностью оказалась в руках эвпатридов и использовалась ими для своего политического господства.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 344.

Роль народных собраний фактически была сведена к нулю. Они стали послушными орудиями в руках аристократии.

Так древняя родовая община развилась в общество антагоническое, классовое и власть из общественно-распорядительной, служившей общим интересам, превратилась в орудие господства прежних родовых верхов. Знатные землевладельцы, однако, сохраняли некоторые старые родовые формы (деление по родам, фратриям и филам), но лишь как удобные им и привычные органы принуждения порабощаемых ими низов. «Конечно, — заключает свою характеристику этого аристократического режима в Аттике VII — VI веков до н. э. Аристотель, — из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» («Афинская полития», 2).

ГЛАВА XXIV

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ VIII—VI вв. до н. э.

§ 1. Причина колонизационного движения и общий его характер. Значительные изменения в общественную структуру, социальные отношения и быт древних греков внесла так называемая «колонизация» греками берегов Средиземного моря, а также Пропонтиды и Понта (Мраморного и Черного морей).

Распространение греческих поселений на этом обширном пространстве было вызвано экономическими и социально-политическими причинами. В основе греческой колонизации лежали глубокие социальные и политические изменения, которые произошли в большинстве греческих государств в связи с разложением родового строя и ростом имущественного неравенства. Захват земли родовой аристократией, обезземеление рядовых земельных владельцев и их обнищание, развитие ремесл и торговли, интересы которых расходились с тенденциями аристократического правящего слоя, — все это вызывало ожесточенную социальную борьбу. Она часто вынуждала потерпевшие поражение или обездоленные общественные группы покидать родные места и искать себе счастья где-нибудь на стороне, в новых поселениях.

Вместе с тем следует отметить и то обстоятельство, что многие греческие области из-за недостатка плодородной земли рано стали нуждаться в привозном хлебе, почему уже в весьма ранние времена, например у Коринфа, Мегар, Эгины, Халкиды и других крупных греческих поселений материковой и островной Греции, устанавливались связи с хлебородными местностями, лежавшими вне исконной греческой территории. В ранний период греческой колонизации сюда преимущественно и отправлялись выселявшиеся элементы, и колонизация имела первоначально земле-

дельческий характер. В дальнейшем, с ростом ремесла и торговли, к этому стали присоединяться и поиски новых рынков для сбыта увеличивающейся ремесленной продукции, а также стремление приобрести рабов-«варваров», становившихся основной рабочей силой в расширяющемся греческом производстве. Такие колонии основывались преимущественно на местах, где само местное население еще до появления греков создавало себе пункты для раннего межплеменного обмена.

Новые поселения-колонии (греки называли их «апойкии», что значит выселки) представляли собой совершенно независимые от родины («метрополии», т. е. города-матери) государственные образования и имели свои собственные государственные устройства (политии). Связь между колониями-апойкиями и метрополиями ограничивалась лишь общностью культа, календаря, часто названиями должностных лиц, разделением граждан на такие же филы, а также некоторыми знаками почета: «Как отцам воздаются почести от детей, так и метрополиям со стороны апойкий», — пишет Дионисий Галикарнасский (III, 5). Естественно, что со временем колонии становились для метрополий самыми надежными оплотами в торговле и лучшими рынками, в особенности когда колонии основывались при содействии самой метрополии. В последнем случае при выводе колонии метрополией назначался особый уполномоченный по ее устройству («ойкист»). Ему предоставлялось распределение земельных участков между новыми поселенцами, и он же устанавливал в ней систему управления и пр. От колоний-апойкий следует отличать «эмпории», так назывались простые торговые фактории, иногда даже временные, основанные на чужой земле. Эмпории не представляли собой самостоятельных гражданских общин, но всецело зависели от метрополий и создавались как простые торговые пункты.

Так на протяжении трех столетий (VIII—VI вв. до н. э.) значительная часть средиземноморских и черноморских берегов покрылась почти сплошной цепью греческих колоний и торговых факторий.

Колонизация происходила по трем основным направлениям: западному, южному и восточному. Она исходила из различных городов Балканского полуострова, Малоазиатской Греции и ряда островов Архипелага. Наиболее важными из этих городов-метрополий были Милет, Коринф, Мегары, Халкида на Эвбее и др.

§ 2. Западные греческие колонии. Колонизация западной части Средиземного моря, по преданию, началась вскоре после Троянской войны. Но достоверные известия о планомерном проникновении греков в Италию и Сицилию не восходят далее VIII в. В южной Италии греческих колоний было так много, что она в древности получила название Великой Греции. Греков привлекали сюда мягкий климат, необычайно плодородная почва, роскошные пастбища, густые, высокие леса, дававшие прекрасный материал для постройки кораблей.

Древнейшей колонией на западном берегу Италии были Кумы, основанные халкидцами, выходцами с острова Евбеи. Значение этого города было особенно велико потому, что он находился недалеко от владений этрусков, бывших в то время наиболее могущественным и культурным народом Италии. Кумы быстро разрослись и разбогатели. Они сами основали ряд колоний, важнейшей из которых был Неаполь.

В конце VIII в. на западной оконечности Тарентского залива основан был город Сибарис. Это была главным образом земледельческая колония, зани-

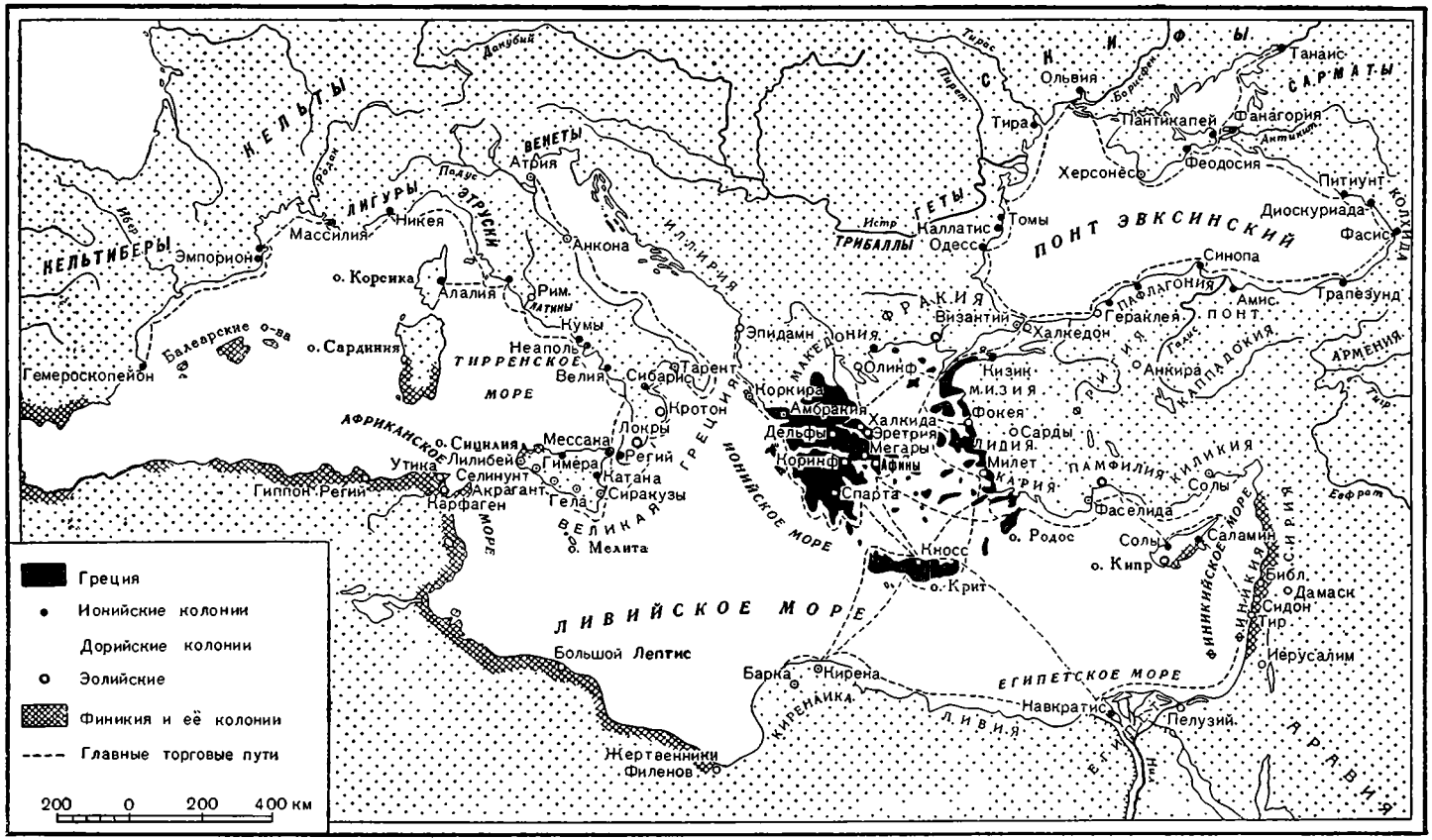
мавшаяся отчасти и торговлей. Сибарис стал очень богатой колонией, количество жителей которой достигало 100 тыс. человек. Здесь было создано не только высокое искусство, но и богатая техника, в частности, в области чеканки монет. Граждане Сибариса славились роскошью своего быта и изнеженностью, так что слово «сибарит» стало нарицательным для избалованного человека. Одновременно с Сибарисом был основан и его конкурент и противник — город Кротон, располагавший лучшей гаванью на всем восточном побережье Италии. Он сохранял первенствующее значение до возвышения Тарента, который был основан, по преданию, спартанцами также в конце VIII в. Жители Тарента занимались скотоводством, земледелием и рыболовством, торговали шерстью, соленым мясом и рыбой.

В Сицилии самой крупной колонией греков были Сиракузы, основанные коринфянами в чрезвычайно хлебородной местности, у лучшей гавани восточного побережья. Оно было усеяно множеством других колоний (Леонтины, Катана, Тавромений, Мессана). На южном берегу Сицилии возник соперник Сиракуз — Акрагант с его обширными оливковыми садами. Коринфяне обосновались также на острове Керкира (Корфу), служившем для них удобной пристанью на пути на запад. Керкира стала быстро богатеть и вскоре уже обладала большим флотом для своих торговых операций.

В конце VII в. греки (фокейцы) проникли в устье Роны, где ими была основана колония Массилия (ныне Марсель). Опираясь на Массилию, фокейцы распространили свое торговое влияние на все побережье не только южной Франции, но и восточной Испании, где основан был ряд греческих колоний. Массилийцы не только держали в своих руках всю прибрежную торговлю, но вступили в непосредственный торговый обмен с отдаленной Британией, откуда вывозилось олово.

Однако колонизация в западном направлении встретила противодействие со стороны финикиян. Греки колонизовали только восточное и южное побережья Сицилии, а западное было захвачено финикийцами-карфагенянами, которые имели свои колонии также на острове Мальта, в Сардинии и т. д. Вступив в союз с этрусками, в 535 г. в кровопролитном морском сражении при Алалии, у берегов Корсики, карфагеняне разбили греков и остановили их продвижение на запад.

Если колонизация в западном направлении протекала в общем до VI в. беспрепятственно, то со стороны густо населенных древних культурных государств ю г о-в о с т о ч н о й ч а с т и С р е д и з е м н о г о м о р я греческие переселенцы встретили сильное сопротивление. Тем не менее две колонии на северном берегу Африки были основаны: Навкратис в Египте и Кирена на Ливийском побережье. Из Египта греки вывозили хлеб, соль, алебастр, фаянс, папирус, изготовлявшийся из водяного растения реки Нила, благовония и медицинские снадобья, пряности, слоновую кость, черное дерево и некоторые сорта растительного масла. Кирена была исключительно богата хлебом — пшеницей и ячменем. Представление о хлебном экспорте Кирены дает недавно найденная

2. Греческая колонизация.

надпись, относящаяся к 20-м годам IV в. Из нее видно, что в течение трех лет из Кирены вывезено свыше 800 тыс. медимнов зерна (около 29 тыс. тонн). Кроме хлеба, вывозилось в большом количестве лечебное растение сильфий. Продажа сильфия составляла государственную монополию. Постепенно вокруг Кирены возник ряд мелких поселений, так что она вскоре уже представляла небольшую державу.

§ 3. Колонии на берегах Фракии, Пропонтиды и Понта. Колонизационное движение греков в северном и северо-восточном направлениях проходило по побережью Фракии, Геллеспонта (Дарданеллы), Пропонтиды (Мраморное море) и Понта Эвксинского (Чёрное море).

В начале VIII—VII вв. греки утвердились на Халкидике — полуострове, лежавшем к югу от Македонии. Здесь возник длинный ряд греческих колоний, большая часть которых была основана выходцами из Халкиды (отсюда и название этой области). Вслед за халкидцами сюда пришли коринфяне, которые основали колонию Потидею. Эта колония до самой Пелопоннесской войны оставалась самым значительным городом края. Абдера и Маронея стояли у начала торговых путей во внутреннюю Фракию, к Балканским перевалам и к Дунаю.

Образовавшееся в VIII в. Лидийское государство сосредоточило в своих руках почти всю сухопутную торговлю с Передней Азией.

Не желая уступать Лидии первенства в торговле, милетцы начинают завоевывать целый ряд позиций в тылу у Лидийского государства, закрепляются на северо-западном побережье Малой Азии и постепенно продвигаются на север к Геллеспонту и Пропонтиде. Ими был основан Кизик, хороший порт на южном берегу Мраморного моря, вокруг которого возникли и другие милетские поселения. Северный берег Пропонтиды заняли мегарцы, которые, основав колонию Халкедон у входа во фракийский Боспор, держали в своих руках ключ к Понту Евксинскому. На противоположном берегу, у выхода из Геллеспонта, был основан Византий (в середине VII в.). Благодаря особенно выгодному приморскому положению и к тому же — на границе Азии и Европы, этот город сыграл крупную роль в мировой истории. На месте его позднее был построен город Константинополь.

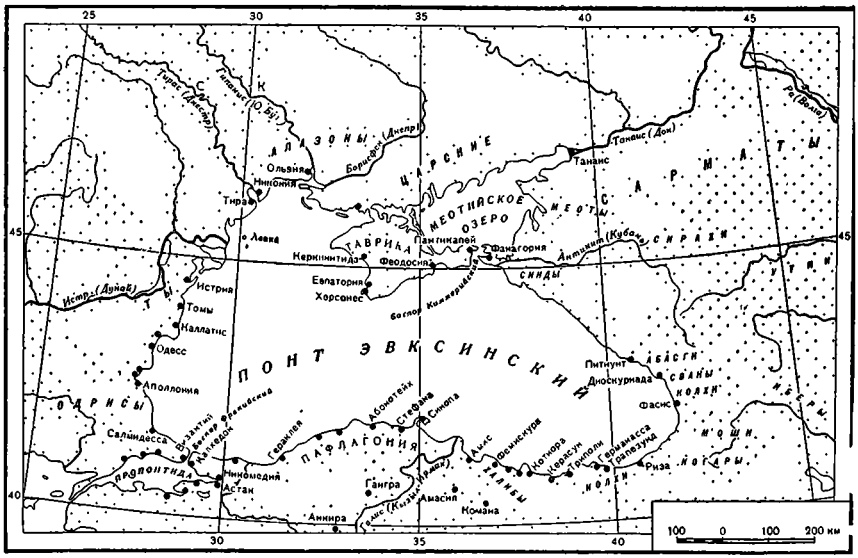
Главная роль в колонизации берегов Черноморья принадлежала тоже Милету. Проникновение милетцев в области северного Причерноморья происходило в VII — VI вв., в период наибольшего промышленного и торгового расцвета Милета и значительных изменений во внутреннем строе его. Продолжавшаяся свыше 60 лет гражданская война между партией, представляющей группу крупных судовладельцев и купцов, и партией малоземельных крестьян и ремесленников окончилась переходом власти к среднему элементу — к классу мелких собственников.

Милетяне в большом количестве устремляются в Черное море, которое, по преданию (Страбон, VII, 3, 6), греками первоначально именовалось «негостеприимным» (Pontos Axeinos), а затем, после основания колоний, стало называться «гостеприимным» (Pontos Euxeinos). Это свидетельствует о том, что греки, очевидно, проникли в Черное море еще до основания своих постоянных на нем поселений. Однако время этих первых посещений не поддается более точному определению. Вероятно, уже в VIII в.

и в первой половине VII в. ионийские милетцы познакомились с берегами Причерноморья. На южном берегу Черного моря, к востоку от устья реки Галиса, милетяне основали два значительных торговых города — Синопу и Трапезунт. Синопа скоро стала одним из самых важных греческих городов на Черном море. Обладая двумя гаванями, она вела обширную торговлю, особенно строевым лесом, оливковым маслом и рыбой, и вскоре сама основала несколько колоний (Котиоры, Керасунт и др.). Большое значение приобрела также Гераклея (Эрегли), основанная Мегарами на полпути между Византием и Синопой.

В Северном Причерноморье, на протяжении полутора веков (VII — V вв.) возникло три главных очага греческой колонизации. На западе самой ранней из основанных колоний была Ольвия, лежавшая на правом берегу Гипаниса (Буга), в километре от теперешнего села Парутино. Сюда же нужно отнести лежавшую к юго-западу от Ольвии, на левом берегу Днестровского лимана, Тиру (Аккерман), Херсонес на южной оконечности Крыма, города Боспорского государства с Пантикапеем и Фанагорией во главе по обоим берегам Керченского пролива. Все эти города были расположены на морском берегу или в непосредственной близости от него. Дальнейшие пути вглубь страны шли вдоль больших рек — Дуная, Днестра, Буга, Днепра. Самым крайним пунктом их распространения на северо-востоке нужно считать лежавший в устьях Танаиса (Дона) одноименный город Танаис. Позже, в первой половине VI в., на западном берегу моря основаны колонии Истрия — к югу от устья Дуная, Одесс (недалеко от крепости Варны), Томы (Констанца) и Аполлония. На восточном берегу Черного моря, или в Колхиде, также возник ряд колоний: Фазис (ныне Поти), Диоскурия и др.

При основании колоний в Северном Причерноморье преследовались преимущественно торговые цели. Природные богатства этого края — в первую очередь зерновой хлеб и рыба, затем скот, мед, воск, соль — влекли сюда, далеко от центра греческого мира, колонистов. Немалую роль играли берега Черного моря и как обширный рынок для вывоза рабов в материковую Грецию и на острова Архипелага. Наконец, большое значение имел и экспорт рыбы, благодаря чему на Понте возникли крупные рыбопромышленные центры, как Синопа и Пантикапей; недаром также на монетах многих понтийских городов находим изображение рыб, а в Ольвии даже древнейшие литые медные монеты имели вид рыбок. В обмен на это из Греции в колонии шли вино и оливковое масло, перевозившиеся в особых остродонных кувшинах-амфорах, ткани, ювелирные изделия, предметы вооружения, керамика и пр. Впрочем, и в самих причерноморских колониях довольно рано стали изготовляться различные изделия для торговли с туземцами, не уступавшие по качеству привозным вещам из метрополии (см. гл. XIX — Северное Причерноморье).

25
30
35
40
45
Танаис (Дон)
Ольвия
Тира
Левка
Керкинитида
Евпатория
Херсонес
Истрия
Томы
Каллатис
Одесс
Аполлония
Салмидесса
Гераклея
Византий
Халкедон
Никомедия
Астак
Гангра
Синопа
Амасия
Комана
Аннира
Фанагория
Гермонасса
Пантикапей
Феодосия
Истр (Дунай)
ТАВРИКА
МЕОТИЙСКОЕ ОЗЕРО
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
ПАФЛАГОНИЯ
ЛИТТОРАЛЬ
ЛИТТОРАЛЬ
ЛИТТОРАЛЬ

общественными взглядами, в руках которого скопляется новая экономическая сила — деньги. Такие города, как Милет, Родос, Самос, Эгина, Мегары, Коринф и Афины, развивают значительную промышленность, работающую главным образом на вывоз. Товары, изготовляемые на рынок, приспосабливают ко вкусам покупателей-иноземцев (таковы, например, знаменитые никопольская и куль-обская вазы).

Главные центры торговли и ремесла становятся вместе с тем и главными центрами рабовладения. В условиях низкой производительности и слабо развитой техники труда рабский труд приобретает чрезвычайно большое значение. Распространение рабства идет не только за счет разорения и обнищания населения собственно Греции, а также путем войн и пиратства, наконец, как мы указывали на это выше, за счет ввоза рабов из других стран: греческий купец в то время еще мало отличался от пирата, торг часто заканчивался грабежом и захватом доверчивых покупателей, которых затем продавали как рабов. Эксплуатация рабочей силы таких насильно захваченных рабов-чужеземцев становится в греческих городах преобладающей формой рабовладения.

Широкие экономические и торговые связи по всему Средиземноморью обусловили значительный прогресс в культурной жизни греков. Материальное благосостояние и культурное развитие многих колоний часто росло быстрее, чем это наблюдалось в собственно Греции. Малоазиатские города и в особенности города Ионии, имевшие непосредственный контакт с Востоком, были проводниками культурного влияния египтян, вавилонян, персов на материковую Грецию. Достаточно указать на то, что ионийский алфавит, заимствованный у народов Востока (повидимому, у финикийцев) и ионянами лишь усовершенствованный, был принят во всем греческом мире. С Востока был перенесен также способ отливки статуй из металла, имевший громадное значение для развития греческой пластики. В Ионии же из древних былин были составлены «гомеровские» поэмы, перешедшие затем в метрополию и распространившиеся дальше, в колонии Запада. В Ионии и Эолии началось развитие лирической поэзии, зародились начатки греческой науки и философии (см. главу XIV).

Новому широкому образу жизни, который вели жители колоний, соответствовал и новый, созданный ими тип города, широко и свободно построенного по правильному плану на равнине, с прямыми широкими улицами, пересекающимися под прямым углом (например, Акрагант, Селинунт, Херсонес). В колониях возникли и величайшие в то время строения — храм Геры, водопровод и мол на Самосе, храм Зевса в Акраганте, считавшийся самым большим во всем греческом мире, грандиозный храм Посейдона в Пестуме. Не без основания усеянное греческими колониями побережье Южной Италии называли в древности Великой Грецией.

ГЛАВА XXV

ДРЕВНЯЯ СПАРТА

§ 1. Возникновение Спартанского государства. Несмотря на хозяйственный и культурный прогресс, обусловленный в значительной мере греческой колонизацией, во многих частях Греции (в Фессалии, Арголиде, в Лаконике, на Крите) продолжали еще сохраняться весьма примитивные порядки. Наиболее ярким примером их является социально-политический строй Спарты или Лакедемона в VII — VI вв. до н. э.

Спартанское государство образовалось в плодородной Лаконии, в долине реки Эврота с рядом горных местностей юго-восточной части Пелопоннеса. Долина этой реки, с запада и востока ограниченная горными хребтами Тайгета и Парнона, была очень удобна для земледелия. Горы Лаконии частью были покрыты лесами, изобиловавшими отличными пастбищами, что способствовало развитию скотоводства. Недра гор были богаты залежами белоснежного мрамора и железом.

Но береговая линия Пелопоннеса развита слабо и почти на всем своем протяжении не образует удобных гаваней. Это обстоятельство затрудняло развитие мореплавания и торговли. Лишь на восточном побережье Пелопоннеса довольно далеко вглубь полуострова врезается Аргосский залив. В Арголиде в связи с этим и находились крупнейшие центры крито-микенской культуры — Микены и Тиринф, и здесь позднее стоял крупный город Аргос — постоянный враг Спарты. В других же частях Пелопоннеса не было благоприятных условий для возникновения значительных городских поселений. Земледелие продолжало оставаться основным занятием населения.

Античная традиция в лице наших главных источников — Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха и др., связывает образование Спарты с дорийским нашествием и с преобразованиями легендарного законодателя Ликурга. Нужно думать, что политические изменения многих десятков лет объединены здесь одним личным именем. Еще в античное время, в III в. до н. э., о Ликурге существовали различные противоречивые рассказы, и уже Плутарх в своей биографии Ликурга говорит, что «ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия». Вторжение же в XII—XI вв. до н. э. в Пелопоннес греческих отсталых дорийских племен теперь признается наукой за исторический факт. Естественно, плодоносные долины юга привлекали к себе племена, обитавшие в горных неприютных местностях. Полудикие горцы — иллирийцы — спустившиеся в Эпир в XII в., дали толчок для передвижения отсюда дорян в Беотию, на Истм и затем в Пелопоннес.

В Лаконии новые поселенцы — доряне — сначала избрали своим местопребыванием верховья и среднюю часть долины реки Эврота. Как свидетельствуют археологические данные, их глав-

ное поселение, дорическая Спарта, была основана в IX в. до н. э. и состояла из пяти весьма примитивных, объединенных в одно целое сельских поселков, даже не защищенных стенами. Покорив довольно скоро ахейские города Амиклы, Терапны, Илос и другие древние центры микенской культуры, особенно упорную борьбу доряне повели во второй половине VIII в. до н. э. против соседней густо населенной и культурной области на западе — Мессении. Сопротивление мессенцев дорянам-завоевателям было отчаянное, и Мессения была покорена лишь после двух жестоких и длительных войн.

Греческий писатель Павсаний (II в. н. э.) передает довольно много легенд и поэтических сказаний об этой борьбе. По его словам, первая мессенская война велась 20 лет (743—724 гг. до н. э.); она окончилась взятием главного мессенского опорного пункта — горы Ифомы — и покорением значительной части Мессении. Мессенский царь Аристодем будто бы закололся на могиле любимой дочери, которую, по совету дельфийского оракула, в целях достижения победы, он принес в жертву. Через несколько десятков лет после этой войны, в первой половине VI в. до н. э., в Мессении вспыхнуло восстание, вызвавшее вторую ожесточенную мессенскую войну (685—668 гг.). Восставшим мессенцам оказывали, из страха перед Спартой, поддержку небольшие пастушеско-земледельческие народы Пелопоннеса: аргивяне, аркадяне и др. Лишь после длительной борьбы победа осталась за спартанцами, и жители всей Мессении были превращены в рабов —«илотов». Наиболее значительной и упорной была, наконец, третья мессенская война, тоже возникшая в результате восстания мессенцев-илотов в половине V в. до н. э. (464 г.). Как рассказывает Фукидид (I, 101—103), илоты восстали в связи с землетрясением, разрушившим большую часть Спарты и ослабившим тем их угнетателей. В течение 10 лет наиболее непримиримые из илотов защищались на своей «святой горе» Ифоме, пока спартанцы, утомленные осадой, не вынуждены были дать им свободный пропуск за границу.

§ 2. Социальный строй и быт Спарты. Завоевание Лаконии и Мессении, в процессе которого происходило подчинение и порабощение их древнего культурного населения примитивными спартанцами-дорянами, наложило свой отпечаток на все последующее общественное и государственное устройство Спарты. В связи с наличием очень сильных пережитков первобытно-общинного строя спартанское общество, как форма классового господства спартиатов, приобрело специфический характер военного лагеря в завоеванной стране. Спартиаты составили как бы замкнутую военную общину и осуществляли своего рода коллективную диктатуру над массой покоренных «подданных», непосредственных производителей, которые были в десять раз многочисленнее своих завоевателей.

Население Спартанского государства в связи с этим резко разделилось на три социальные группы: «спартиатов», «периэков» и «илотов».

Спартиаты — жители города Спарты — были господствующим, эксплуатирующим классом, военной аристократией, и составляли «общину равных», которая состояла в VII — VI вв. до н. э. всего из 9 тыс. семей. Они пользовались всеми политическими и

гражданскими правами. Им запрещено было заниматься земледелием, ремеслами и промыслами, чтобы всецело посвятить себя занятиям военным делом. Завоеванные ими обширные земли считались общими и были разделены на равные наделы («клеры»), размером приблизительно по 10—15 *га*. Наделы эти передавались спартиатам только в пользование без права продажи, завещания или передачи другим лицам, кроме как одному из сыновей. Вместе с землей спартиаты получали, тоже в пользование, прикрепленных к ней исконных жителей этих земель — илотов. С последними они также не могли обращаться, как с частной собственностью (например, снимать с земли, продавать, убивать), так как илоты принадлежали всей спартанской общине.

П е р и э к и (их было около 30 тыс.) были потомками прежних покоренных ахейских жителей приморских и пограничных городов Лаконии. За периэками сохранена была личная свобода, но политическими правами они не пользовались и не могли вступать в брачные союзы со спартиатами. Допускалось лишь их участие в местном самоуправлении под контролем «гармостов» (должностных лиц из спартиатов). Занимались они частично земледелием, но главным образом ремеслами и торговлей и обязаны были платить дань спартиатам. Периэки несли также воинскую повинность, но в военном строю становились отдельно от спартиатов. Воинская повинность для них делалась все тяжелее по мере того, как сокращалось число «равных», т. е. полноправных спартиатов, и была одной из причин постепенного возрастания недовольства.

И л о т ы представляли собой основную массу побежденного и порабощенного населения, преимущественно Мессении, оставленного победителями на своей прежней земле, ставшей собственностью всего государства. Илотов было до 200 тыс. человек. Они прикреплялись по 7 семей к каждому из клеров и своим трудом содержали весь класс спартиатов. Илоты отличались от рабов других греческих государств, во-первых, тем, что были собственностью всего государства, почему древние писатели называют их «общественными рабами»; во-вторых, тем, что, лишенные собственности на основные средства производства — на землю, они все же сохранили некоторую хозяйственную самостоятельность, напоминая в этом отношении крепостных. Обрабатывая своими орудиями поля своих хозяев, они выплачивали владельцу надела — спартиату — определенный оброк («апофора») натурой: 82 медимна пшеницы (около 50 центнеров) и известное количество вина, сыра, масла. Так как оброк составлял около половины нормального дохода со всего надела, то, следовательно, на такое же количество продуктов должны были весьма скудно существовать целых 7 илотских семей, не говоря уже о полной голодовке их в неурожайные годы, когда оброк, однако, не уменьшался. Сверх того, тяжелым бременем на них ложилась и военная служба, так как, в отличие от рабов других государств, илоты призывались на войну: в вой-

сках они использовались в качестве обозных, носильщиков и лагерной прислуги, также — санитаров и рабочих при постройке окопов и укреплений. В общем положение их было столь тяжелое, что даже спартанский поэт Тиртей (VII в.) сравнивал илотов с «ослами, обремененными крайне тягостной ношей».

С целью предупреждения попыток восстания илотов придуманы были жестокие меры предосторожности, которые носили название «криптии». Ежегодно спартиатами объявлялась илотам война с целью открытого истребления наиболее опасных элементов среди них. Особые тайные отряды из вооруженных молодых спартиатов рассылались по всей стране для наблюдения за илотами и устрашения их. Днем эти отряды прятались близ селений, высматривали наиболее сильных и выдающихся своими способностями илотов, а ночью вламывались в дома и убивали их. Таких жестоких мер по отношению к своим рабам не принимало ни одно древнее государство. И это свидетельствовало об особой обостренности классовых противоречий и классовой борьбы в Спарте.

В связи с этим общественный быт спартиатов принял своеобразную форму. Все взрослое мужское население Спарты составляло ополчение, которое никогда не распускалось, всегда находилось в образцовом порядке и готово было к немедленному выступлению. Каждый спартиат с 20- до 60-летнего возраста обязан был ежедневно являться на военный плац и заниматься военными упражнениями (с 20 до 30 лет — даже ночевать в своих подразделениях). Все полноправные граждане должны были также участвовать в «фидитиях». Фидитии представляли собой группы граждан примерно по 15 человек, объединенных в своего рода товарищества и живущих в одной лагерной палатке. Товарищеская близость выражалась также в ежедневных общих обедах таких фидитий, в так называемых «сисситиях». На это каждый спартиат вносил ежемесячно некоторое количество ячменной муки, вина, сыра, винных ягод и небольшую сумму денег на непредвиденные расходы.

Спартанские власти без всяких ограничений вмешивались в личную и семейную жизнь граждан: они заботились о браке, о воспитании юношества и требовали от граждан в этом отношении безусловного подчинения их воли интересам всего класса. Брак должен был преследовать цель доставления государству крепких, здоровых детей, могущих стать надежной опорой рабовладельческой Спарты. Сообразно с этим были выработаны особые наказания как за безбрачие, так и за вступление в слишком поздний или неравный брак. При рождении ребенка особые старейшины производили над новорожденным экспертизу и решали, выйдет ли из него удовлетворительный воин. Слабых детей выбрасывали — кидали в глубокий овраг («апотеты»). Дети оставались в родительском доме только до 6 лет. На седьмом году государство отбирало их у семьи и передавало в детские лагери («агеллы») под надзор государственных педагогов («педономов»). Все внимание при обучении и воспитании было сосредоточено на физическом развитии детей. Всевозможные физические упражнения, как борьба, бег, метание диска, копья, составляли главное занятие. В целях закалки дети приучались ходить босиком, едва

одетыми во всякое время года, спать круглый год в палатке на жестком ложе из тростника, зимой купаться в ледяной воде Эврота, даже подвергались периодическим бичеваниям. Большое внимание обращалось на совершенствование ловкости, находчивости, на умение повиноваться и на развитие чувства общественности.

Обучение чтению и письму было сведено до минимума. Спартиаты держались того взгляда, что умственное образование можно получить и без особого преподавания, оно приобретется практически, в жизни. Обычно мальчики присутствовали на общественных обедах (сисситиях) и на сходках, где слушали рассуждения взрослых об общественных делах и рассказы о славных подвигах. Мальчики должны были приучаться «лаконически», т. е. кратко, по-военному, выражать свои мысли и желания, так как многословие, длинные фразы и всякий намек на ораторское искусство презирались спартанцами как несоответствовавшие их понятиям о гражданском достоинстве и воинской доблести. Нравственное воспитание спартиатов подчинено было также военному делу. Во время гимнастических упражнений, за общественными столами и в походах распевались гимны, прославлявшие отечество или знаменитых граждан. Песни и марши поощряли воинскую доблесть, как, например, песни наиболее известных спартанских поэтов Тиртея и Алкмана. С 14 лет мальчики уже участвовали со взрослыми воинами в военных передвижениях внутри страны, привыкали к походной жизни и к лишениям, которым их специально подвергали. С 20-летнего возраста юноши получали полное вооружение воинов и вступали в члены одной из фидитий. С этого времени начиналась непрерывная лагерная жизнь, продолжавшаяся до старости.

Тем же интересам государства отвечала постановка воспитания девушек, направленная на гармоническое развитие их физических сил, чтобы они потом могли становиться матерями здорового потомства. Для девушек имелись особые «гимнасии», где они, как и мальчики, также занимались гимнастическими упражнениями, плясками, музыкой и пением. По сравнению с другими греческими государствами, где женщины чаще всего вели затворнический образ жизни, спартанки, воспитываясь наравне с мужчинами, пользовались большой свободой и значительным уважением.

В формах брака в Спарте сохранились еще черты более архаичные, чем изображенные у Гомера. «В Спарте, — писал Энгельс, — существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак»[1]. Муж при бесплодии жены мог брать себе вторую и третью жену. Несколько братьев могли иметь одну общую жену. Женщине не вменялась в обязанность супружеская верность. По сравнению, например, с Афинами положение женщины в Спарте свидетельствует о значительных пережитках матриархата.

§ 3. Государственный строй Спарты. Государственный строй Спарты тоже был весьма своеобразный и старозаветный. По преданию, он был установлен «ретрой» (изречением) дельфийского оракула по просьбе мифического Ликурга. Спартанский поэт Тиртей (VII в.) передал спартанскую конституцию в таком стихотворении:

> Вопросив Аполлона, они [послы] принесли из Дельф
> Оракул, полный глубокого смысла:
> Высшая власть должна принадлежать богоравным царям,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 63.

Сердцу которых близок чудный город Спарта.
За ними старцам-геронтам и, наконец, народу,
Который должен отвечать им только «да» или «нет».

Во главе государства стояли два наследственные царя, которые пользовались громадным почетом и именовались «владыками» («архагетами»). Однако влияние их на политические дела было крайне незначительно. В мирное время власть и обязанности царей заключались в том, что они имели право суда в некоторых делах о наследовании имущества, участвовали в совете старейшин и были жрецами главного божества. Роль их сводилась главным образом к военному командованию, а власть во время военных походов становилась неограниченной.

Сохранился и древний совет старейшин («герусия»), состоявший из 30 старцев («геронтов»), в число которых входили и оба царя. Геронты избирались из старейших (старше 60 лет) членов наиболее знатных родов. Их должность была пожизненной. Решение герусии относительно важнейших дел государства, как война и мир, договоры и новые законы, формально утверждались народным собранием («апеллой»), которое состояло из всех спартиатов, достигших 30-летнего возраста. Народное собрание, выслушав решение герусии, могло принять его или отвергнуть, но обсуждать дела права не имело. Выборы, как и решение апеллы, производились, как выразился Аристотель, «детским способом»: не голосованием, а простым криком, силой которого измерялось положительное или отрицательное отношение собрания к той или иной кандидатуре или к тому или иному предложению. Если по крику нельзя было узнать результата, собрание расходилось на две стороны.

В дальнейшем, в связи с обострением классовой борьбы, в Спарте появляется и приобретает особенно большое значение новый орган управления — «эфорат». Время возникновения эфората точно не установлено; повидимому он появился не раньше начала VII в. до н. э., т. е. времени второй мессенской войны. Должность эфоров была выборной на один год; они являлись представителями крайней олигархии и вербовались из круга наиболее консервативных аристократических элементов. В руках эфоров была, по существу, сосредоточена вся контролирующая власть как над царями, так и над членами герусии и вообще руководство всей политической жизнью государства. Одной из основных функций эфоров в связи с формированием класса илотов было подавление и истребление их. При вступлении в должность эфоры торжественно провозглашали войну илотам. Но они имели право судить и казнить даже царей, если подозревали их в стремлении изменить установившийся порядок. Таким образом, эфорат завершал политическую организацию спартанского аристократического государства, которое стало невиданно жестокой классовой диктатурой и оплотом аристократических тенденций для всей Греции.

Естественно, что сколько-нибудь развитый обмен был в этих условиях невозможен: торговля в Спарте была в самом зачаточном состоянии, а иностранцам даже не разрешалось появляться в пределах Спартанского государства. В обращении были только местные железные монеты: по свидетельству Плутарха («Ликург»), «они были так тяжелы и массивны при своей малой стоимости, что для сбережения дома десяти мин (около 400 руб.) нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге». «По этой же причине, — как говорит далее Плутарх, — и иностранные корабли не заходили в спартанские гавани». Источниками же государственных доходов служили подати с периэков и налагавшиеся иногда чрезвычайные взносы, а также — военная добыча. Вообще же государственная казна, находившаяся в ведении эфоров, была небогата, и повинности имели по преимуществу натуральный характер.

Однако Спарта достигла того, что ее военная организация была самой сильной во всей Греции. Каждый спартиат был совершенным воином. Спартанские «гоплиты» (тяжеловооруженные воины), вооруженные копьем, панцырем, шлемом и небольшим круглым щитом, составляли главную силу войска и обязаны были непоколебимо сохранять свое место в строю. Во время боевых действий спартанская фаланга густо сомкнутыми рядами, медленно, под такт марша и песни, наступала на неприятеля. Редко выдерживали враги нападение спартанской пехоты, которая долгое время в открытом бою считалась непобедимой. Но осадного искусства спартанцы не знали и потому не умели брать города. Незначительным был также спартанский флот. Морские битвы они старались обыкновенно превращать в сухопутные тем, что брали неприятельский корабль на абордаж и потом сражались врукопашную на палубе.

В конце VI в. под влиянием Спарты находился почти весь Пелопоннес. Около 530 г. образовался Пелопоннесский союз, в который вошли также Коринф, Сикион, Мегары и остров Эгина. Только Аргос, занимавший прежде первенствующее место в Пелопоннесе, и общины Ахайи на севере стояли вне этого союза. Хотя для обсуждения общих вопросов, касавшихся союза, собирался в Спарте конгресс делегатов, но фактически все союзные дела решались самим спартанским правительством.

Таким образом, Спарта в VI в. получила преобладающее влияние в Пелопоннесе. Вследствие реакционности своего социально-политического строя она оказывала на развитие хозяйственной и общественно-политической жизни и Пелопоннеса и всей Греции весьма тормозящее и вредное влияние. Из опасения каких-либо перемен у себя Спарта всегда поддерживала реакционные общественные элементы и древние формы общественных отношений и в других государствах Греции. Наконец, чтобы не утратить своего военного превосходства, Спарта всячески препятствовала попыткам других государств Греции объединиться.

ГЛАВА XXVI

АТТИКА VII—VI вв. до н. э.

§ 1. Социальная борьба в Греции в VII—VI вв. до н. э. Тирания в передовых полисах. Несмотря на усилия Спарты поддержать во всей Греции старинные порядки, VII и VI вв. до н. э. были в передовых полисах Греции эпохой революции, которая положила конец греческому родовому обществу и привела к созданию классового рабовладельческого строя в его наиболее полной, «классической» форме.

Ожесточенную борьбу социальных группировок и множество политических переворотов можно в это время наблюдать в Коринфе, Мегарах, Сикионе, Аргосе, в Милете, на островах Лесбосе и Самосе, в италийских и сицилийских колониях. Ведущая роль в этом революционном движении принадлежала новым городским ремесленным и торговым слоям населения, но основной силой везде являлась сельская масса, положение которой при господстве родовой знати было очень тяжелым. Изгнание целых групп населения, конфискация имущества и казни вождей побежденной партии стали обычным явлением во многих городах, в особенности в Ионии. Сторонник аристократии, изгнанный из родного города, мегарский поэт Феогнид в одной из своих элегий сравнивает свой город с гибнущим кораблем: «Стали поденщики властвовать, чернь стала выше достойных... да, я боюсь за корабль — станет он жертвою волн». Феогнид призывает беспощадно расправляться с восставшими массами: «Твердой ногой наступи на этот народ бестолковый, бей его острым бодцом, взнуздывай тяжким ярмом».

Там, где народная партия побеждала и свергала родовую аристократию, власть обычно переходила в руки популярного вождя, который в таком случае становился, по выражению греков, тираном. Тираны тоже без стеснения расправлялись с аристократией, разделяли ее земли между бедняками, создавали благоприятные условия для подъема ремесла и торговли, а вместе с тем и развития рабовладельческого хозяйства путем массового привоза рабов-чужеземцев.

Наибольшей известностью пользовались в Греции тираны городов Истма (Сикиона, Коринфа и Мегар) и тиран Самоса Поликрат. В Сикионе тиран Ортагор, по преданию, прежде бывший простым поваром, создал целую династию Ортагоридов, правившую сто лет (с 670 по 570 г.). Ортагориды преследовали сикионскую знать, древние дорические названия трех фил, объединявших местную аристократию, переменили на насмешливые («филы свиней, ослов и поросят»), ликвидировали культ аристократического героя Адраста и заменили его культом крестьянского бога Диониса, запрещали даже певцам-рапсодам исполнение гомеровских поэм, так как в них прославлялась аристократия. Еще смелее действовали коринфские тираны — Кипсел и его сын Периандр (657—585 гг.). Они низвергли господство аристократической олигархии с знатным родом Бакхиадов во главе, конфисковали обширные земли знати и наделили вырезанными из них участками беднейших крестьян, которых освободили от прежней зависимости. Периандр создал мощный флот, построил прекрасные гавани и пытался даже прорыть канал через Коринф-

ский перешеек, чтобы весь торговый транзит между Эгейским и Ионическим морями направить через Коринф. При Кипселе и Периандре достигла расцвета коринфская керамика и высоко поднялось производство металлических изделий: долго впоследствии в Дельфах, как особую диковинку, показывали «ларец Кипсела» — пожертвованный им образчик художественной работы коринфских мастеров. В это время Коринф захватил Керкиру — остров, через который шел путь в Италию, и основал ряд колоний, среди них Потидею на Халкидском полуострове. В Мегарах Феаген (около 630 г.) руководил народным восстанием против знати, в результате которого весь принадлежащий знатным скот был либо истреблен, либо разделен между восставшими полупорабощенными «гимнетами». После этого он стал тираном в Мегарах и старался подобную же борьбу против знати возбуждать и в других городах (например, в Афинах). Наконец, особенно прославился как тиран Поликрат Самосский. Геродот называет его «бунтовщиком», «завладевшим островом через возмущение» против аристократии (III, 39 и 120). За время своего правления (с 537 г.) он положил конец господству крупных землевладельцев («геоморов») на Самосе и беспощадно ликвидировал все их попытки отнять у него власть. По словам Геродота, «он первый из эллинов возымел мысль утвердить господство на море» (III, 122), для чего создал мощный флот из 100 пятидесятивесельных кораблей и войско из наемников, «покорил множество островов и взял многие города на суше», даже вступил в союз с египетским фараоном Амасисом. Прославился он также своими грандиозными сооружениями и постройками: он построил обширный мол, провел водопровод, для чего пришлось прорыть туннель в 7 стадий (около 1 *км*) через гору, соорудил храм, «обширнейший из всех храмов» (Геродот, III, 60): все это он делал, чтобы доставить работу нуждающемуся населению. При его дворе жили знаменитые поэт Анакреонт и врач Демокед Кротонский, идеолога же знати, философа-идеалиста Пифагора, он заставил удалиться из Самоса.

§ 2. Аттика в период господства родовой аристократии. Но особенно полно и ясно процесс падения господства родовой аристократии, ликвидацию пережитков родового строя и возникновение рабовладельческого общества и государства в его высшей форме — «демократической» рабовладельческой республики — можно проследить в древней Аттике VII — VI вв. до н. э.

Историко-географические условия развития Афинского государства имеют ряд особенностей: область Аттики составляла небольшой, глубоко вдающийся в море полуостров с весьма разнообразной по характеру местностью. Внутренние части ее представляли известковые, лишенные почти всякого орошения и растительности пространства. Гористая восточная окраина ее и весь восточный берег почти совершенно непригодны для земледелия. Эта часть Аттики называлась Диакрией (Нагорьем); южная область ее, Паралия (Приморье), также мало плодородна, но зато прибрежная часть весьма удобна для развития мореплавания и торговли. Лучшей частью Аттики была ее срединная равнина — Педион. Она расположена вдоль единственной более значительной речки Кефиса, правда, тоже почти пересыхающей летом, ограничена с трех сторон горами и омывается морем с юго-запада. На этой равнине, в 7 *км* от берега Саронического залива, и лежали Афины. Природные богатства Аттики составляли ее серебряные рудники в Лаврионе, мрамор, добывавшийся в горах Пентеликона и Гиммета, а также превосходные

пластические глины, широко используемые для керамического производства.

В результате колонизации, развития торговли и ремесленной промышленности в Аттике, как и во многих других греческих городах-государствах, возникли новые, состоятельные торгово-промышленные слои населения, политическое положение которых, однако, не соответствовало их экономическому значению в обществе. Афины, как и другие крупные города Греции, стали местом концентрации не только господствующих аристократических родов, но и значительных масс купцов, промышленников и всякого неимущего, оторванного от своих мест люда: фетов, мелких ремесленников и торговцев, пришлых чужеземцев. Древняя цитадель Афин — Акрополь — обросла торгово-ремесленными кварталами, которые приобрели уже такое большое значение, что в VII в. были обнесены кольцом стен. Афинские гончары изобрели особо блестящий черный лак, и новая афинская чернофигурная посуда стала конкурировать с коринфской керамикой. Началась разработка серебряных рудников Лавриона, афинская гавань Фалерон стала весьма оживленной.

Правящая аристократия эвпатридов презрительно относилась к этому торгово-ремесленному люду и называла его «демосом», т. е. городской чернью. В то же время эвпатриды сами превратились в кучку жадных до наживы крупных землевладельцев-ростовщиков. Одни из их среды промышляли также пиратством и без стеснения изображали такие разбойничьи подвиги на своих погребальных урнах (так называемых «дипилонских вазах»). Другие наряду с этим обращались и к торговой деятельности, как, например, знаменитый род Алкмеонидов или потомок царского рода Кодридов Солон. Большинство же эвпатридов, пользуясь своей господствующей ролью в старинных общественных организациях — филах и фратриях, продолжало захватывать еще неразделенные общинные земли, завладевать наделами («клерами») своих младших родичей и стремилось полностью поработить все более запутывавшихся в долгах мелких земледельцев — «агройков» (шестидольников) обратить их в «пелатов», т. е. подневольных слуг. «Большинство народа было в порабощении у немногих..., самым тяжелым для народа было его рабское положение», — так характеризует Аристотель («Афинская полития», 2, 2 и 5, 1) социальные отношения в сельской Аттике VII в.

§ 3. Ранние движения афинского демоса. «Килонова смута». Законы Дракона. Но такая весьма примитивная форма «кабального рабства», т. е. долгового порабощения земледельческих народных низов, тормозила развитие производительных сил страны: принудительным трудом закабаленных пелатов земля обрабатывалась плохо, обнищавшие шестидольники представляли плохой рынок для городских ремесленников и торговцев. Сельское население, повидимому, не только не росло, но даже сокращалось вследствие массовой продажи эвпатридами неоплатных должников

и их детей за границы Аттики, на что жаловались некоторые современники (Солон). Поэтому городской демос стал все более и более решительно и смело возглавлять неорганизованное до тех пор движение сопротивления сельских низов — принимать участие в раздорах между «знатью и народом», по выражению Аристотеля («Афинская полития», 2, 1); городской демос желал освобождения агройков и стремился примитивную форму эксплуатации, практикуемую эвпатридами путем обращения в рабство свободных афинян, заменить более развитой — эксплуатацией привозных рабов-иноземцев. Последняя уже нашла себе значительное применение в хозяйственной деятельности городских слоев населения, в ремесленных мастерских и торговых предприятиях. Энгельс даже считает, что «Количество рабов значительно возросло и в ту пору, вероятно, уже намного превышало число свободных афинян...»[1].

Сохранилось предание об одном из ранних эпизодов этой борьбы в Аттике — попытке афинянина Килона свергнуть власть эвпатридов и утвердиться тираном в Афинах (630 г.). Килон был знатного происхождения и известен как победитель на олимпийских играх. Он был зятем мегарского тирана Феагена и рассчитывал на его помощь. В один из праздников Килон, во главе немногочисленных приверженцев, повидимому, из людей торговых и ремесленников, неожиданно захватил афинский Акрополь. Но вскоре он был окружен и осажден эвпатридами, собравшими зависимый от них «народ с полей». Килону удалось бежать, а его сторонники укрылись у алтаря в храме богини Афины. Измученные продолжительной осадой и голодом, они согласились сдаться при условии, что им будет гарантирована жизнь. Но как только осажденные вышли из своего убежища, они были тут же перебиты. Ответственность за это убийство возложена была на могущественный род Алкмеонидов. Приверженцы Килона, к которым примкнули в этом деле и противники Алкмеонидов, добились обвинения их в нарушении клятвы и осквернении алтаря. Алкмеониды были осуждены на изгнание, и даже кости умерших членов рода были вырыты и выброшены за пределы страны.

Несмотря на легендарность этого рассказа, попытка заговора с целью захвата тиранической власти в Афинах уже в 630 г. несомненна. Неудача Килона объясняется тем, что он еще не создал себе опоры в сельской массе, среди агройков, и «народ с полей» помог эвпатридам подавить неокрепшее движение передовых горожан.

Начиная с неудавшейся попытки Килона, в Аттике наступает период продолжительных волнений. Особенно много поводов к этому представлял находящийся в руках эвпатридов суд, произвольно толковавший нигде не записанные и лишь устно пере-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 116.

дававшиеся родовые обычаи. Естественно,что одним из первых требований, выдвинутых демосом в борьбе с эвпатридами, было требование составления писанных и общеобязательных законов, которые регулировали бы отношения слоев возникающего рабовладельческого общества.

Аристократы вынуждены были наконец уступить, так как недовольство народа грозило перейти в открытое возмущение, и поручить архонту Драконту (621 г.) составление кодекса законов.

«Драконовы законы» прославились впоследствии своей жестокостью, так как в основе представляли собой лишь сводку примитивных родовых обычаев. Даже за мелкое воровство (кражу овощей или плодов) полагалась смертная казнь. Демад (афинский оратор IV в.) впоследствии говорил: «Дракон писал свои законы не чернилами, а кровью». Однако законы Дракона были все-таки известным шагом вперед, так как самым фактом записи действующего права определенным образом ограничивался судебный произвол родовой знати. Записанные на каменных досках, они были выставлены на площади для общего сведения, и таким образом судебный процесс попадал под известный общественный контроль.

§ 4. Реформы Солона. Но законы Дракона нисколько не изменили к лучшему бесправное политическое положение городского демоса и порабощенное состояние агройков. Поэтому они дали повод лишь к дальнейшему обострению борьбы или, как пишет Аристотель, к «настоящему восстанию демоса против знатных»: «смута была сильная, и долгое время одни боролись против других» («Афинская полития», 5, 1—2). Необходимо было коренное преобразование государственного и экономического строя Афин, чтобы положить конец затяжным неурядицам. Движение демоса возглавила умеренная городская торговая партия, добившаяся назначения архонтом и посредником с самыми широкими полномочиями знаменитого в то время поэта Солона. Когда восставшая масса народа наконец победила, Солону было поручено в 594 г. произвести коренные социальные и политические реформы.

Солон принадлежал к обедневшей аристократической семье (из царского рода Кодридов). Еще в молодости ему пришлось заняться торговлей, чтобы поправить свое расстроенное состояние, и это сблизило его с городским демосом. Торговые путешествия по Греции, Египту, Малой Азии и другим местам расширили его кругозор и обогатили опытом. Значительное влияние Солон приобрел своими элегиями, в которых он осуждал знать за ее жадность, спесь, корыстолюбие. По его настоянию и при его участии произошел захват афинянами острова Саламина, принадлежавшего Мегарам и закрывавшего вход в Саронический залив.

В качестве архонта Солон «...открыл ряд так называемых политических революций, открыл его вторжением в отношения собственности» [1].

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 118. *(Разрядка редакции.)*

Он начал свою деятельность с «сейсахфии», что значит «снятие бремени», т. е. с уничтожения всех кабальных записей и отмены земельных долгов. Солон приказал снять долговые камни с полей, отменил уплату поземельных долгов и всех, ставших рабами за долги, отпустить на волю. Люди, проданные в рабство в чужие земли, были выкуплены за счет государства. На будущее время было отнято у кредиторов право на личность должника или, как говорит Аристотель, «Солон освободил народ и в текущий момент и на будущее время, воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой» («Афинская полития», 6, 1). Не освобождались от долгов лишь владельцы движимой собственности. Однако для облегчения и таких должников была произведена реформа денежной системы. Старая эгинская монетная система заменена новой эвбейской: 100 новых драхм по цене серебра составляли лишь 73 старых и, следовательно, долги уменьшались на 27%. Кроме того, устанавливались определенные сроки уплаты долгов и процентов по ним. Далее была введена свобода завещания и отчуждения имуществ для бездетных, стесненных до тех пор родовым и семейным правом собственности. Все эти меры были направлены против родовой землевладельческой знати и одновременно служили средством восстановления свободного крестьянства.

В одном из своих стихотворений Солон сам изображает свою реформу: он говорит, что за нее его не осудит

> ... из олимпийцев высшая богиня,
> Мать черная земля, с которой снял я
> Столбов стоящих много долговых, —
> Рабыня прежде, вольная теперь!

Далее он перечисляет проведенные им мероприятия:

> Я возвратил в свой город богозданный,
> В Афины многих, проданных в рабство —
> Кто кривдой, кто за дело...
> Иных же, здесь в позорном рабстве бывших,
> Дрожавших перед нравами господ,
> Освободил я.

Дальнейшие экономические меры Солона были направлены к развитию торговли и промышленности. Им был запрещен вывоз из Аттики сельскохозяйственных продуктов, но за исключением вина и оливкового масла. Замена эгинской монеты эвбейской связана также с началом торговой и колониальной политики Афин в сторону Ионии и проливов, ведущих к Черному морю. По свидетельству Плутарха, Солон всячески поощрял развитие ремесл, привлекая иностранных мастеров в Аттику. Им был издан закон о том, что сын имеет право отказать в пропитании отцу, не выучившему его какому-либо ремеслу. За этим следовало законодательство, покровительствовавшее бережливому обраще-

нию с собственностью, воспрещавшее чрезмерную роскошь и непроизводительные расходы родовой знати во время свадеб, погребений и пр.

Следующим чрезвычайно важным мероприятием Солона была его политическая реформа, которая ликвидировала политическую монополию родовой знати и устанавливала имущественный ценз, или, по выражению древних, «тимократию»: участие граждан в государственной жизни ставилось в зависимость не от знатности и происхождения, но от размера их собственности, их доходов и их принадлежности к той или иной имущественной группе.

Таких групп было установлено четыре: к первой группе относились самые богатые, те, которые получали от своих земель дохода в год не менее 500 медимнов хлеба (медимн равен 52,3 литра; медимн ячменя вскоре был приравнен по цене к одной драхме — примерно 30 коп.). Этот разряд людей назывался «пентакосиомедимны» — т. е. пятисотмерники. Только граждане этого первого разряда имели право на занятие высших должностей в Афинах (т. е. должности архонтов) и, следовательно, могли попасть в ареопаг. Вторую группу составляли граждане, получавшие от 300 до 500 медимнов годового дохода. Они назывались «всадниками», так как были в состоянии являться на военную службу на коне. Всадники получали право занимать второстепенные должности «агораномов» (рыночных смотрителей), «коллакретов» (приставов) и пр. Граждане, доход которых был от 200 до 300 медимнов, составляли третий разряд. Они назывались «зевгиты», т. е. упряжники, так как могли по своим средствам приобрести парную упряжку волов. На войну они обязаны были являться тяжеловооруженными. Это была основная масса среднего рабовладельческого класса и основная масса аттического крестьянства. Зевгиты, наряду с первыми двумя группами, имели право принимать участие в народных собраниях и могли избираться в установленный при Солоне «совет 400» и присяжными в суд. Остальная часть населения, «феты» (батраки), составляли четвертую общественную группу. Феты имели право участвовать только в народном собрании и в суде присяжных; они могли выбирать и голосовать, но не выбираться на должности.

Таким образом, организация государственного управления подверглась существенным изменениям. Правда, Солон сохранил, только в несколько измененном виде, ранее уже существовавший ареопаг. Архонты попрежнему избирались по родовым филам, каждая из которых выбирала 10 кандидатов, а затем из всех 40 человек по жребию назначалось 9 архонтов. Но вновь возродилось народное собрание, участие в котором стали принимать все граждане Аттики. Народное собрание созывалось четыре раза в год, оно выбирало всех должностных лиц и членов «совета 400». Совет, повидимому, подготовлял его решения, и голосование на нем стало происходить более организованно посредством поднятия

рук. Однако выступления ограничивались высказыванием мнения за или против предложения совета, предлагать же что-либо помимо этого запрещалось.

Не меньшее значение имел ряд нововведений в судебном деле. Чтобы предоставить народу участие в суде, составлялись коллегии присяжных заседателей в судах по уголовным и гражданским делам. Таким образом, народное собрание, совет 400 и суд присяжных («гелиэя») приобрели значение органов новой конституции Афин.

Созданный Солоном государственный строй сыграл значительную прогрессивную роль: «Здесь, таким образом, вводится в конституцию совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и поскольку стали приобретать влияние имущие классы, постольку стали вытесняться старые кровнородственные объединения; родовой строй потерпел новое поражение» [1].

Кроме того, ликвидирована была примитивная форма кабального рабства, и тем был открыт широкий простор для высшей формы эксплуатации рабского труда — привозных невольников-иноземцев. «Вместо того чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян» [2],— пишет об этом Энгельс.

Такими рабами-иноземцами могли теперь обзаводиться и освободившиеся от своих долгов агройки, так что вся свободная масса афинских граждан, и городских и сельских, стала превращаться в единый и многочисленный рабовладельческий класс.

Но будучи сам выходцем из знати и принадлежа по своему имущественному положению к зажиточным городским верхам, нанося в их интересах сильный удар родовой аристократии, Солон все же не довел дело до конца, не ликвидировал полностью всех пережитков родового строя, например, сохранил главный оплот аристократии — ее крупные земельные владения, а также политическое значение древних фил и фратрий, в которых она играла преобладающую роль. Вместе с тем он решительно выступал против более радикальных требований масс, в частности, против общего передела земель. Об этом он даже с гордостью сам свидетельствует в своих элегиях, например, заявляя, что он не желает «худым дать ту же часть, что и добрым горожанам в тучных родины полях».

§ 5. Тирания Писистрата. Солона постигла обычная участь непоследовательных политиков, стремящихся избегать решительных мероприятий и держаться золотой середины: он не распра-

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 119.

[2] Там же, стр. 120.

вился с эвпатридами до конца и не удовлетворил полностью надежд низовых слоев своих сограждан. «Народ рассчитывал, что он произведет передел всего, а знатные, что он вернет опять прежний порядок или только немного его изменит, но Солон воспротивился и тем и другим», — так подводит итог деятельности Солона Аристотель («Афинская полития», 11, 2).

В связи с общим недовольством Солону приходилось защищаться со всех сторон или, по его собственному выражению, «как волку среди стаи псов вертеться». Естественно, что вскоре с новой силой вспыхнула еще более ожесточенная борьба. В 589 г. афиняне даже не могли выбрать первого архонта, то же повторилось через 4 года. В 583 г. не удалась также попытка архонта Дамасия захватить власть.

Но предшествующий опыт делал борьбу значительно более организованной. К этому времени, по словам Аристотеля («Афинская полития», 13, 4), относится возникновение трех партий. Первая из них, возглавляемая Ликургом, представляла интересы наиболее богатых землевладельцев — эвпатридов. Она состояла из жителей равнинной и наиболее плодородной части Аттики (Педиэи), где лежали имения эвпатридов. Это была аристократическая партия, и она стремилась к возвращению старого, досолоновского порядка. Вторая партия — «паралия» («приморская») — возглавлялась одной из могущественных фамилий Афин (Алкмеонидами), примирившейся с новым порядком, и представляла интересы торговых и промышленных кругов, жителей всего приморья. Вождем паралиев был Мегакл из рода Алкмеонидов. Возглавляемая им партия в основном была умеренной и не шла дальше рамок, установленных Солоном. Самой многочисленной была третья партия — «диакриев», т. е. «горцев», живших в северо-восточной части Аттики, в наиболее бесплодном нагорье — Диакрии. Состояла она из малоземельных крестьян, недовольных тем, что не произведен был передел земли, а также фетов, пастухов, поденщиков и всего рабочего люда. Это была наиболее демократическая партия, мечтавшая о коренном перевороте. Во главе ее находился прославившийся своими победами военачальник Писистрат, хотя и происходивший из очень знатной аристократической семьи, однако резко разошедшийся с прочей знатью и искавший опоры в народе.

Точно нельзя установить, как партии диакриев удалось в 560 г. достигнуть победы, а вождю ее Писистрату стать правителем Афинского государства — тираном. Об этом сохранились лишь анекдотического характера рассказы, повидимому, идущие из лагеря ожесточенных противников Писистрата.

Как рассказывает Геродот (I, 59—64), «ранив себя и мулов своих, Писистрат приехал на место народного собрания, как бы спасаясь от врагов, желавших его умертвить. Припомнив народу услуги, оказанные им городу в войне с Мегарами, и другие подвиги свои, он умолял дать ему стражу телохранителей для защиты от преследований политических врагов своих». Народное

собрание будто бы поверило Писистрату и дало ему позволение окружить себя 60 телохранителями, вооруженными дубинами, — «дубиноносцами». Однако он самовольно увеличил отряд, дубины были заменены острым оружием. С помощью этого отряда Писистрат в 560 г. захватил Акрополь и сделался тираном.

Во всяком случае, победа народной партии и возвышение Писистрата встретили яростное сопротивление враждебных партий, которые даже объединились, совместно выступили против Писистрата и дважды его изгоняли. Вторичное его изгнание продолжалось 11 лет. Находясь в изгнании, Писистрат не порывал связи со своими приверженцами из Диакрии и собирал средства для борьбы со своими врагами путем разработки золотых рудников близ горы Пангея во Фракии. Одновременно он вступил в союз с враждебными Афинам государствами, в частности с Эвбеей, которая, желая сокрушить Афины, помогла ему навербовать войско. Обеспечив себе, таким образом, военную силу и поддержку крестьянства, Писистрат в 541 г. высадился в Марафонской бухте, в битве при Паллене разбил своих противников, затем почти без сопротивления захватил Афины и вплоть до своей смерти (527 г.) оставался правителем — «тираном» Афин.

Правление вождя диакриев ознаменовалось решительным разгромом родовой аристократии в Афинах. Многие ее представители были изгнаны, другие арестованы, большие имения их конфискованы.

Основные мероприятия Писистрата были направлены на укрепление крестьянских хозяйств и усиление гоплитского ополчения — основной социальной опоры его власти. Не осуществляя основного требования крестьянства — полного передела земли, — он все же распределил среди бедняцких элементов много конфискованных имений знати, ввел систему дешевого государственного сельскохозяйственного кредита для нуждающихся земледельцев и облегчил налоги беднейшему населению, переложив их на более состоятельные круги путем введения 10-процентного подоходного налога. Очень важной для крестьянства мерой было также создание разъездных судей и учреждение суда по «демам» — сельским общинам, — разбиравшего мелкие крестьянские дела.

Правда, последней мерой одновременно достигалась также цель держать сельское земледельческое население вдали от города и от участия в городской политической жизни. Вообще, как выходец из другой среды, Писистрат не мог твердо полагаться на поддержку диакриев и потому искал себе опоры также в партии паралиев: есть сведения, что он даже женился на дочери ее вождя Мегакла.

В интересах торговцев и ремесленников Писистрат создал значительный торговый и военный флот, благодаря чему усилились торговые связи с многими государствами. В период правления Писистрата афиняне стремятся окончательно вытеснить

милетян из области Понта — главного источника хлеба, которого нехватало в Аттике. При нем же укрепляются связи с Египтом. Таким образом, наряду с широким развитием торговых связей Писистрат дал направление позднейшей колониальной политике Афин и положил первые основания морскому могуществу Афинского государства.

При Писистрате в Афинах развилась широкая строительная деятельность. Афины превращались в крупный город с громадными постройками. Был построен «стофутовый» храм Афины Паллады в Акрополе, было положено начало постройке храма олимпийского Зевса, превосходящего своими размерами все ранее построенные греками. К этому же времени относится сооружение водопровода и водоемов, что было чрезвычайно важно для нуждающегося в воде города. Это были вместе с тем обширные общественные работы (так поступали и другие тираны, например, Поликрат на острове Самосе), дававшие заработок множеству ремесленников и рабочих. Со времени Писистрата Афины стали также центром греческой культуры и образованности. Писистрат сумел привлечь в город выдающихся художников и поэтов, например, Анакреонта. Группе ученых было поручено собрать рассеянные части «Илиады» и «Одиссеи», сравнить тексты различных рукописей и установить очищенный, единый текст. Для народа дважды в год стали устраиваться праздники в честь сельского бога Диониса (большие и малые Дионисии), во время которых впервые стали в Афинах устраиваться театральные представления.

В результате такой деятельности Писистрата Афины превратились в крупный культурный центр и заняли первое место среди греческих государств. Город достиг большого внешнего могущества и авторитета в международной политике. Созданные благоприятные условия для развития торговли и денежного хозяйства содействовали развитию рабовладения — прогрессивного для того времени общественного строя. «Торговля и ремесло вместе с художественным ремеслом, развивавшиеся на рабском труде во все более крупных размерах, сделались господствующими занятиями» [1].

Однако обилие дешевого привозного хлеба и массовый привоз рабов начинали губительно сказываться на крестьянском хозяйстве, вступавшем благодаря этому в период тяжелого и затяжного хозяйственного кризиса.

§ 6. Падение тирании Писистратидов. Реформы Клисфена. Писистрат умер в 527 г. в глубокой старости, передав власть трем своим сыновьям, Писистратидам — Гиппию, Гиппарху и Фессалу, которым пришлось бороться уже с значительными и внутренними и внешними затруднениями. Не учитывая расту-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 63.

щего недовольства масс и предполагая под собой твердую почву, они постепенно изменяют демократическому характеру происхождения своей власти. В отличие от своего отца, который был очень прост и доступен народу, сыновья вели себя заносчиво и недоступно, чем отталкивали от себя народ. Источники передают, что Писистратиды, чтобы содержать свой роскошный двор, облагали налогом в Афинах все, что можно: вторые этажи домов, выступающие углы строений и т. д.

Положение их особенно пошатнулось вследствие расстройства внешних отношений. Персы подчинили себе Малоазиатское побережье, казнили союзника Афин — самосского тирана Поликрата, завоевали Египет, захватили проливы в Понт (513 г.). Таким образом, афинская тирания оказалась изолированной со стороны моря. С другой стороны, на Афины оказывала все большее давление Спарта, всемерно покровительствовавшая аристократии в ее борьбе с тиранией и укрывшая у себя афинских аристократов-изгнанников.

Совершенно понятна в этих условиях решимость подавленных и изгнанных представителей землевладельческой знати выступить против афинских тиранов. Был организован заговор, во главе которого стали двое знатных афинян — Гармодий и Аристогитон. Согласно традиции, это были личные враги младшего из Писистратидов Гиппарха, оскорбившего сестру Гармодия. Осуществление заговора произошло в праздник Больших Панафиней, так как заговорщики явно рассчитывали на поддержку собравшегося народа. Им удалось, однако, убить только одного Гиппарха. Один из покушавшихся, Гармодий, был убит на месте, а Аристогитон был арестован и казнен впоследствии. Позднее им поставлен был в Афинах памятник и их прославляли, как «тираноубийц».

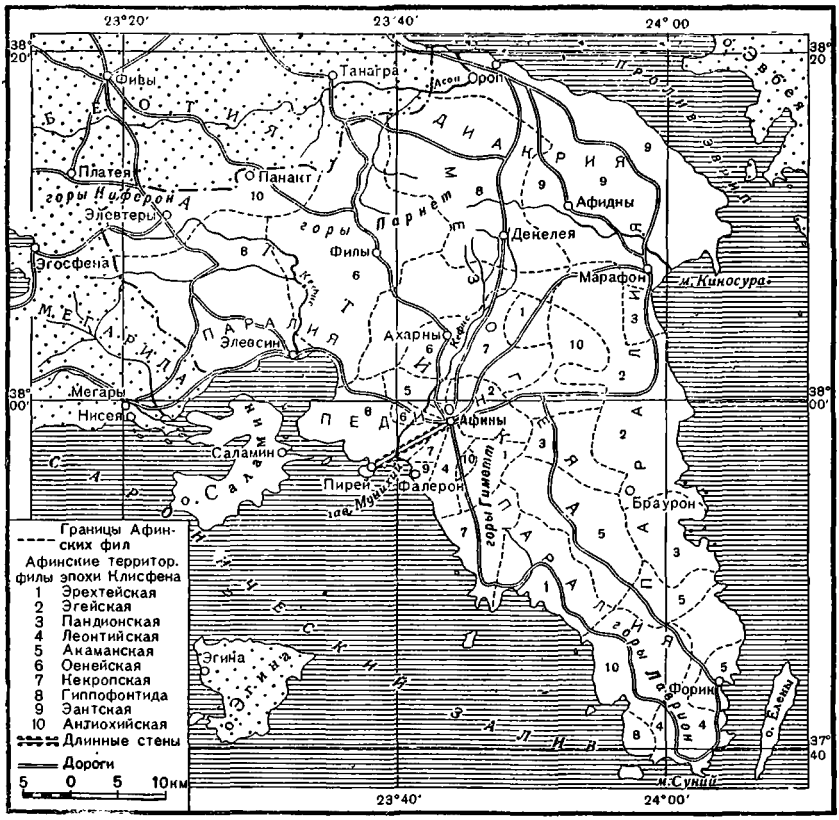
Спустя 4 года после убийства Гиппарха, Гиппий также был изгнан (510 г.) в связи с открытым военным вмешательством Спарты, вступившей в союз с аристократическими правительствами Беотии и Эвбеи. Союзникам удалось захватить Афины и восстановить здесь аристократическую олигархию с вождем эмигрантов Исагором во главе. Два года (510—508 гг.) в Акрополе стоял спартанский гарнизон и в Афинах свирепствовал режим террора. Однако восстановить олигархию знати удалось уже не надолго: началось грозное народное восстание объединившихся диакриев и паралиев, возглавляемое вождем последних Алкмеонидом Клисфеном. Спартанцы были изгнаны из Афин, Эвбея даже завоевана, а земли эвбейских аристократов («гиппоботов») поделены между афинскими поселенцами — «клерухами».

Избранный первым архонтом Клисфен приступил в 506 г. к реформе государственного устройства Афин в более демократическом духе. Это был единственный путь предотвращения тирании и обуздания аристократии, а главное — совместного воздействия

на весьма возросший в числе класс рабов. Одним из важнейших преобразований, проведенных Клисфеном, была реформа избирательной системы, связанная с новым разделением афинских граждан на филы. Прежние четыре родовые филы, существовавшие с незапамятных времен и сохраненные Солоном, как избирательные округа были уничтожены. Взамен их были созданы 10 новых территориальных фил — округов, причем каждый гражданин был причислен к той из них, в области которой он жил в момент преобразования. Новые филы не представляли собой сплошных цельных территорий. Вся Аттика была разделена на 30 частей, из которых 10 находились вокруг города, 10 — вдоль берега и 10 в глубине страны. Эти 30 частей назывались «третями» — «триттиями». Они распределялись по три на филу так, чтобы каждая фила имела свою часть в различных местностях. Таким образом, в состав каждой филы входили части из разных районов страны. Большие знатные роды, принадлежавшие прежде целиком к какой-нибудь филе и благодаря этому игравшие в ней, а следовательно и на выборах, ведущую роль, теперь оказались раздробленными. Этим в корне была ликвидирована главная сила аристократии и вместе с тем подрывалось господство партий, созданных по трем районам страны.

Эта реформа была тесно связана с новой организацией ста демов — самоуправляющихся единиц, состоящих из одного-двух селений или небольшого местечка Аттики. Они имели свои собрания, своих должностных лиц, свои общинные земли и даже празднества. Во главе каждого дема стоял выборный, ежегодно сменявшийся старшина — «демарх», который ведал местными делами и вел список гражданства своего дема. Молодые граждане, достигшие 18-летнего возраста, записывались в общинные списки и с тех пор становились правоспособными гражданами. На общем собрании устанавливалась принадлежность юноши к афинскому гражданству и проверялась правильность внесенных в список данных о нем. Демы обратились в очень активные органы местного самоуправления, в которых получали подготовку все начинающие афинские политические деятели.

Клисфен реорганизовал также центральные государственные учреждения страны, обратив их в органы всего рабовладельческого коллектива. Солонов совет 400 был увеличен на 100 человек и обратился в верховный совет Афинского государства. Из каждой филы избирались 50 человек, причем каждому дему предоставлялось соответствующее его величине количество мест в совете. Это был первый в истории случай пропорционального представительства. Совет 500 стал основным распорядительным органом Афинского государства. Поэтому заседания совета 500 стали постоянны. Текущими делами заведовали поочередно в течение десятой части года 50 его членов, выборных той или другой из 10 фил, носившие в это время почетный титул «пританов» (правителей).

4. Аттика во времена Клисфена.

Народное собрание («экклесия»), состоящее из всех полноправных афинских граждан, стало со времени Клисфена настоящей верховной властью в Афинском государстве, органом непосредственного рабовладельческого «народовластия» (демократии). Сделалось обязательным в каждую пританию собирать, по крайней мере, одно народное собрание, председателем которого был очередной из ежедневно сменявшихся председателей притании. Экклесия контролировала и направляла работу совета 500 и по существу являлась настоящим коллективным государем Афинского государства. Власть ареопага и архонтов, напротив, была ограничена. Государственной казной управлял уже не первый архонт, а 10 казначеев, которые ежегодно избирались по одному от каждой филы. Эти казначеи подлежали контролю специально учрежденной коллегии «аподевтов», выбранной из всех граждан, плативших налоги. Власть второго архонта — полемарха — была ограничена коллегией стратегов, состоящей из 10 человек, выби-

равшихся по одному от каждой филы. Они предводительствовали людьми своей филы. За полемархом осталось лишь почетное право председательствования в военном совете и право начальства над правым крылом армии во время сражений. Впоследствии коллегия стратегов стала одним из важнейших органов афинской демократии.

Наконец, чтобы устранить всякую возможность свержения установленного им государственного строя, например путем восстановления тирании, Клисфен ввел «остракизм» — изгнание «опасных» граждан, подозреваемых в стремлении к перевороту. Порядок проведения этой меры заключался в следующем: в начале каждого года совет 500 ставил перед народным собранием вопрос, не находит ли оно нужным прибегнуть к остракизму. Если большинство собрания давало утвердительный ответ, созывалось второе собрание, на котором всякий мог написать на глиняной дощечке («остракон», откуда и название «остракизм») имя того, кто казался ему опасным для государства. Баллотировка считалась действительной, если на собрании присутствовало 6 тыс. граждан и большинство из них голосовало за изгнание кого-либо. Изгнание производилось на 10 лет, по истечении которых изгнанный имел право возвратиться и восстанавливался во всех правах.

Клисфен, как представитель обеспеченных рабовладельческих торговых верхов, не издал никаких законов для улучшения экономического положения даже свободной бедноты. Все его законы касаются политических взаимоотношений и государственного устройства. Рабы, составлявшие большую часть населения Аттики, принудительный труд которых служил основанием для всей хозяйственной жизни афинского общества, не только никаких, конечно, прав не получили, но против них в основном и был направлен этот усовершенствованный аппарат рабовладельческой демократии. Политических прав не имели также женщины и метеки как подчиненные и угнетенные элементы тогдашнего общества.

Реформами Клисфена завершается в Аттике период социально-политических переворотов, продолжавшийся более 100 лет и имевший результатом окончательное сформирование классового общества и государства. «...возникло общество, которое, в силу всех своих экономических условий жизни, должно было расколоться на свободных и рабов, эксплуатирующих богачей и эксплуатируемых бедняков, — общество, которое не только не могло примирить эти антагонизмы, но должно было все больше обострять их... Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен *государством*» [1].

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 175.

Социально-политические изменения VII—VI вв. до н. э. в Афинах не были делом рук одного Клисфена и его предшественников Солона и Писистрата. На долю их выпало лишь постепенное создание продуманной системы рабовладельческих учреждений и закрепление законодательным путем достижений социальных движений, покончивших с пережитками родового строя. Движущей силой были низы общества, прежде всего крестьянство, боровшееся против угрожающего ему порабощения со стороны родовой знати. Крестьянство отстояло свое положение мелких свободных производителей и включило себя в состав рабовладельческого коллектива.

Нечто подобное происходило в это же время и в других передовых полисах Греции, но проследить в них столь же детально совершившиеся перевороты в настоящее время невозможно ввиду значительно худшего состояния источников.

ГЛАВА XXVII

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

§ 1. Причины греко-персидских войн. Их начальный этап. Полного расцвета Греция достигла в V в., причем значительную роль в этом сыграли продолжавшиеся всю первую половину V в. до н. э. греко-персидские войны, создавшие для подъема греческого хозяйства и культуры, в связи с победой греков, ряд весьма благоприятных условий.

Прямых, современных этим событиям источников сохранилось немного. Единственный свидетель, принимавший личное участие в сражениях при Марафоне, Саламине и Платее, — поэт Эсхил, изображает в своей трагедии «Персы» лишь несколько эпизодов этой войны. К числу современных источников относятся незначительные отрывки из истории Гекатея Милетского и несколько надписей (например, надпись сиракузского тирана Гелона в честь его победы при Гимере и витая колонна с перечислением всех государств — участников обороны).

Поэтому основным источником для истории греко-персидских войн является «История» Геродота (род. около 485 г.), описавшего эти события через 40—50 лет. Как об этом говорит сам Геродот, цель труда его — «дабы от времени не изгладились из памяти деяния людей и не были бесславно забыты великие и удивления достойные дела, совершенные как эллинами, так и варварами, в особенности же причина, по которой они вступили в войну между собой». Однако Геродот далеко не объективен, так как основная тенденция его труда (начиная с 5-й книги) — прославление афинян как «спасителей Эллады»: «Я не погрешу против истины, сказав, что действительными спасителями Эллады в персидском разгроме явились афиняне. Их поведение и решило исход кампании. Высоко ценя свободу, они подняли на ноги весь эллинский мир и общими силами отразили врага. Так энергично может бороться только свободный народ» (см. о Геродоте также стр. 233).

Другим важным источником для истории этой эпохи является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, а также плутарховы биографии

Фемистокла, Аристида, Кимона и Перикла. Но эти произведения весьма поздние и ценны лишь по использованным ими более ранним историческим произведениям, до нас не дошедшим. Таким образом, наши сведения об этой полувековой борьбе Европы и Азии в V в. до н. э. весьма односторонни и неполны. Можно ожидать, что недавно открытый архив Персеполя — столицы персидских царей, внесет в наши знания значительные пополнения и коррективы.

Причиной войны являлось систематическое и неуклонное продвижение Персидской державы на Запад. При Дарии I в состав этой монархии уже входили огромные территории, простиравшиеся от Индии до Эгейского моря и от Кавказа до Египта. Это был насильственно составленный завоеваниями конгломерат мало связанных друг с другом разноплеменных народов с чрезвычайно различным уровнем развития и с различными интересами. Обильно стекавшееся из подчиненных стран в виде дани золото не только перечеканивалось в золотую монету, но и заливалось в глиняные сосуды, оставаясь мертвым капиталом в течение многих десятилетий в подвалах царских дворцов.

Персидская родовая знать стремилась к подчинению и эксплуатации других соседних народов, к приобретению новых земель и рабов. Непосредственно заинтересованной в этом была и та часть персов, которая превратилась в господствующую социальную группу: высшие советники, предводители военных ополчений, большая масса чиновников, через посредство которых осуществлялось управление захваченными землями.

Персидскую экспансию поддерживала также торговая и рабовладельческая аристократия Восточного Средиземноморья, в особенности Финикии. Геродот сообщает даже, будто «персидские ученые утверждают, что виновниками войны были финикияне». Сочувствовала персам также часть торгово-промышленных кругов греческих городов Малой Азии, которая была заинтересована в богатых восточных рынках. Благодаря завоеванию Финикии, Лидии и целого ряда греческих городов Малой Азии, Персия превратилась в могущественную морскую державу. Этому содействовал также наступательный союз с Карфагенской республикой. Флот Карфагена, в случае наступления персов на Запад, должен был напасть на Сицилию, чтобы лишить ее возможности оказывать помощь балканским грекам.

Вторжение персов в Европу началось в 513 г., когда Дарий I предпринял поход против скифов с целью подчинить себе северное Причерноморье. Однако покорить скифов ему не удалось. После нескольких сражений на территории нынешней Молдавии скифы, беспрерывно отступая, увлекали его громадную армию (источники определяют ее в 700 тыс. человек) в безводные степи. Персы ничего не могли поделать с неуловимыми скифскими наездниками, которые, неожиданно нападая и отступая, уничтожали на пути Дария колодцы и источники и повсюду истребляли растительность. «Что касается конницы, — сообщает Геродот, — то скифская всегда обращала в бегство персидскую;

персидские всадники бежали до тех пор, пока не настигали пехоты». Измученный непрерывными стычками, не видя конца своим странствованиям по безлюдным степям, Дарий пытался договориться со скифскими царями. Но и эта попытка окончилась неудачей. Потеряв около 80 тыс. воинов и не достигнув в Скифии никаких результатов, персы принуждены были двинуться в обратный путь.

Все же важным результатом этого похода было то, что персам удалось укрепить свою власть на обоих берегах Геллеспонта и в прилегающих к ним частях Фракии. В частности, ими были захвачены Византий, Халкедон и острова Лемнос и Имброс, лежащие на морском пути к Геллеспонту. Этим самым греки были лишены подвоза хлеба и леса из северного Причерноморья, и вся торговля, находившаяся ранее в руках Афин, Мегар и малоазийских городов, перешла в руки финикийских купцов.Одновременно персы покорили ряд островов у Малоазийского побережья (Хиос, Самос) и поставили в зависимое положение Лесбос, нарушив таким образом также торговые связи малоазийских городов с балканской Грецией.

В 500 г. персы начали свое продвижение и в сторону материковой Греции. Они предприняли попытку завоевать самый крупный остров Кикладского архипелага Наксос. Этот плодородный остров с тучными полями, оливковыми рощами и виноградниками славился богатством жителей, владевших многочисленными рабами. Инициатором этого похода был персидский ставленник милетский тиран Аристагор. Персидскому флоту, однако, не удалось взять Наксос, что, по мнению Геродота, и побудило Аристагора изменить персидскому царю и в 499 г. поднять восстание ионийских городов против персов, население которых давно тяготилось персидским игом: во время похода Дария на скифов ионийские моряки даже пытались разрушить мост, наведенный им на Дунае, и тем погубить его армию. Не рассчитывая на собственные силы, восставшие обратились за помощью к государствам материковой Греции. С этого и началась открытая греко-персидская война.

Сразу стала сказываться раздробленность Греции. Спарта, занятая подготовкой к войне с Аргосом и вообще враждебно относившаяся к передовой Ионии, отказала Аристагору в поддержке. Не поддержали восставших также союзные со Спартой Коринф и другие греческие города, локальные интересы которых преобладали над интересами совместной борьбы. Только Афины, для которых господство Персии на море угрожало жизненным интересам, послали на помощь восставшим 20 кораблей. 5 кораблей послал также город Эретрия на Эвбее, имевший торговые связи с Милетом. Незначительность помощи объясняется острой борьбой в Афинах между группами, интересы которых страдали от распространения персидского владычества, и теми, кто был заинтересован в сохранении дружественных отношений с Персией, чтобы

не потерять возможности торговать с Азией. Таким образом, начавшееся восстание не получило достаточной поддержки со стороны европейской Греции, и, несмотря на первоначальный успех (взятие Сард), восставшие оказались совершенно изолированными.

В битве при Эфесе, куда в 498 г. собрались объединенные силы восставших греков, персы одержали над ними победу, хотя она не имела еще решающего значения. Понимая, что бесцельно вести войну против прибрежных греческих городов только с суши, персы сосредоточили у Кипра значительный флот из финикийских, египетских и киликийских кораблей. В 494 г. при Ладе, близ Милета, греки вынуждены были принять морское сражение и потерпели полное поражение, после чего персы получили возможность осадить Милет, бывший центром восстания, и с моря и с суши и взять его приступом. Город был разрушен до основания, все оставшиеся в живых жители уведены в плен или проданы в рабство. Затем был покорен персами Византий, жители которого покинули свой город и переселились в Месембрию на западном побережье Черного моря. Таким образом, в 494 г. персы вновь овладели ключевыми пунктами торговли и мореплавания в Малой Азии и восстановили свою власть над Ионией.

§ 2. Первые походы персов против Греции. Используя в качестве предлога наличие афинских и эретрийских кораблей в числе союзников ионян, персы начали теперь наступления против европейской Греции. Летом 492 г. против греков была отправлена первая военная экспедиция персов, во главе которой находился Мардоний — зять Дария I. Его войско двигалось морским и сухопутным путем с севера, через Геллеспонт во Фракию и Македонию. Однако персидский флот, дойдя до Афонского мыса на Халкидике, потерпел большой урон от бури. Свыше 20 тыс. человек экипажа погибло в море. Одновременно и сухопутная армия понесла значительные потери при столкновении с фракийским племенем бриггов, не пожелавших пропустить персов через свою территорию. Сам Мардоний был ранен и в конце концов вынужден был отказаться от дальнейшего движения в Грецию. Однако важным результатом этого похода было закрепление за Персией богатого Фракийского побережья, на котором создавались опорные пункты для будущего похода в Грецию. Персия захватила в свои руки Пангейские золотые рудники и одновременно лишила Грецию леса, идущего из Фракии.

Неудача похода Мардония не была настолько серьезной, чтобы остановить стремление персов подчинить себе государства европейской Греции. Во все греческие города Дарий послал послов с требованием «земли и воды», что означало полную покорность великому царю. Ряд греческих государств с олигархическим строем, в которых аристократия боялась движения низов, в том числе Фессалия, Беотия, Эгина, Аргос, признали верховное главенство Персии. Только в Афинах и Спарте, в которых военные настроения были уже в то время весьма сильны, Дарий по-

лучил решительный отказ, и там персидские послы даже были убиты. Дело в том, что ко времени первого похода персов в Афинах образовалась так называемая «морская партия», во главе которой находился выходец из низов Фемистокл. Партия Фемистокла стремилась к расширению социально-экономической базы рабовладельческого хозяйства путем приобретения торговых путей и рынков и вовлечения в хозяйственную сферу широких торгово-ремесленных групп. Эта партия стояла за решительную борьбу с Персией, в особенности за овладение проливами, так как была особенно заинтересована в торговле с Причерноморьем и с Фракией, куда, главным образом, вывозились в обмен на хлеб изделия ремесла. Закрытие проливов сильно ущемляло ее экономические интересы.

Другая общественная группа, руководимая богатым и знатным Мильтиадом, бывшим ранее правителем фракийского Херсонеса и бежавшим оттуда после захвата его персами, тоже стояла за борьбу против персов. Однако в противовес «морской партии» эта партия, представлявшая интересы аристократов-землевладельцев и зажиточных крестьян, заинтересованная, следовательно, в том, чтобы сохранить в целости свои земли, была за борьбу против персов только на суше, т. е. за оборонительную войну. Одновременно и Спарта боялась персидского нашествия, так как появление на ее территории иностранной армии могло содействовать восстанию периэков и илотов.

Таким образом, широкие массы торговцев и ремесленников, руководимые Фемистоклом, и крестьяне-землевладельцы, руководимые Мильтиадом в Афинах, а в Спарте правящая аристократия готовы были оказать сопротивление персидской экспансии. Вместе с тем не только экономические мотивы были движущей силой этого сопротивления. Массы афинского населения видели в персидском нашествии свою гибель, крушение демократии и ждали от «варваров» всяких ужасов. Поэтому война против персов воспринималась ими как народная, ведущаяся в защиту своей культуры, языка, родины и т. д. Это обусловило высокий подъем патриотического духа среди различных слоев афинского населения.

Через полтора года после первого похода персы в 490 г. до н. э. предприняли против Греции второй поход. План Дария заключался в том, чтобы морским путем переправиться в Среднюю Грецию и оккупировать ее, так как Северная Греция уже в значительной части была в его власти. Во главе сильного флота находился старый опытный полководец Датис, а сухопутной армией командовал молодой персидский царевич Артаферн — племянник Дария, отличившийся в войне с Милетом. В составе экспедиции в роли советника-проводника находился изгнанный из Афин Гиппий, мечтавший с помощью персов снова стать тираном в Афинах, в которых у него было немало сторонников.

Двигаясь прямым путем через Кикладские острова, персы высадились на острове Наксосе. Основное население острова бежало

в горы, остальное было обращено в рабство, город был сожжен. Затем персы достигли города Эретрии на Эвбее и полностью разрушили его. По совету Гиппия персы высадились на восточном берегу Аттики, у Марафонской равнины, выходящей к морю, но с трех сторон закрытой горами.

Быстрая высадка персов в Аттике застала афинян врасплох. Положение было тем более опасным, что спартанцы не проявили особенной готовности оказать помощь из вражды к установленному Клисфеном в Афинах строю. Они заявили, что могут, по обычаю, двинуться в поход лишь с наступлением полнолуния. Только маленький беотийский город Платеи, находившийся на границе с Аттикой, прислал тысячу гоплитов. Афинянам пришлось мобилизовать все мужское население и принимать в состав армии даже рабов. Сперва думали защищаться за стенами Афин, и только по настоянию земледельческой части населения решено было выступить навстречу персам к Марафону. Всего против персов выступило 10 тыс. тяжеловооруженных афинян, 1 тыс. платейцев-гоплитов и легковооруженные отряды. Всей афинской армией фактически командовал глава земледельческой партии Мильтиад; среди стратегов был и другой видный руководитель этой партии — Аристид. Афинские войска расположились в узкой теснине, у подножия горы Пентеликон, недоступной для конницы и прикрывающей дорогу в Афины.

О численности персидских войск точных сведений у нас нет. По данным Геродота персидский флот состоял из 600 кораблей, однако сведения эти сильно преувеличены. Во всяком случае, число персидских воинов было значительно больше греческих (повидимому, около 40 тыс. человек). Но персидская пехота состояла из разноплеменных, мало сплоченных отрядов, набранных из разных восточных покоренных областей.

Мильтиад выстроил свое войско в виде длинной фаланги, так что главная сила его была сосредоточена на флангах, а средняя часть была несколько слабее. Закрыв флангами тесные выходы из долины, Мильтиад лишил персов возможности развернуть свою конницу, так что она была посажена обратно на суда, и на суше осталась одна пехота. Используя выгоды своего расположения, афиняне, беглым шагом спустившись по склону горы, ударили по врагу и начали знаменитое Марафонское сражение.

В ходе сражения середина афинской боевой линии была прорвана персами, но в это время оба фланга вступили в бой и грозили сомкнуться позади прорвавшихся вглубь афинского строя персов. В результате персы вынуждены были отступить к своим кораблям. Греки преследовали их до самого берега моря, но им удалось захватить лишь 7 неприятельских кораблей. Как сообщает Геродот, «в Марафонском сражении пало со стороны варваров около 6400 человек, а со стороны афинян — 192». Все же, собрав основную часть своей армии на корабли, персы поспешно двинулись морем вокруг мыса Суния, прямо к Афинам: рассчитывая на помощь со стороны своих сторонников в самом городе, они предполагали внезапным

нападением взять его с моря. Но защищавшая Марафонскую долину армия быстрым маршем прошла 30 *км* по суше прямой дорогой в Афины раньше, чем сторонники персов смогли осуществить предательство. Пока персидский флот подходил к Фалерону, тогдашней главной гавани Афин, в город уже вступила армия марафонских победителей, так что, опасаясь новой встречи с ней, персы вынуждены были отказаться от вторичной высадки и отплыли обратно в Азию.

Таким образом, всю тяжесть борьбы с персами вынесли в это время афиняне (спартанцы прибыли лишь после сражения) и в особенности их крестьяне — «зевгиты», составляющие основное ядро фаланги гоплитов. Победитель в Марафонской битве Мильтиад стал героем дня. В честь его афиняне поставили монумент рядом с братской могилой погибших при Марафоне воинов (курган этот сохранился до настоящего времени). Пользуясь неограниченным влиянием, Мильтиад склонял теперь и всю свою партию от обороны перейти в наступление. Он предложил снарядить флотилию в 70 кораблей и отправить экспедицию против греческих островов, помогавших персам. Со своей эскадрой Мильтиад напал на остров Парос. С жителей Пароса он потребовал контрибуцию в 100 талантов. Осада укрепленного города, однако, окончилась неудачей, и Мильтиад вернулся, ничего не добившись. Суд приговорил его к штрафу в 50 талантов. Вскоре он умер от ран, полученных при осаде Пароса.

Фемистокл, глава морской партии, сам из простых людей, ловкий политик и делец нового типа, добивался теперь полного устранения всякого влияния аристократических родов на политическую жизнь Афин. В 487 г. вместо выбора архонтов, обычно из среды знатных и богатых родов, по его предложению введено было назначение их по жребию из 500 кандидатов, выставленных филами. Это снижало значение старинной коллегии архонтов как органа управления страной. Фактическое руководство перешло теперь в руки стратегов, выбиравшихся из среды вождей господствующей партии. Фемистокл выступил вместе с тем и с большим планом усиления морской мощи Афин. Осуществлению этого плана содействовала начавшаяся в широком масштабе разработка серебряных рудников в Аттике, доход от которых, по предложению Фемистокла, не распределялся по-старому между всеми гражданами, а пошел на постройку мощного флота и на оборудование и укрепление портов. Сопротивление аграрной партии было сломлено путем изгнания ее вождя Аристида, и благодаря стараниям Фемистокла афиняне в течение двух лет построили 100 триер. Кроме того, за это время удалось произвести укрепления нового афинского порта — Пирея. В общем усиление афинских военно-морских сил превращало Афины в первоклассную морскую державу с ведущей ролью в ней городских демократических элементов, что явилось условием дальнейшей успешной борьбы с персами.

§ 3. Поход Ксеркса. Новый широкий размах война приняла лишь в 480 г., спустя 10 лет после Марафонской битвы. В 486 г. умер Дарий и персидским царем стал один из его сыновей — Ксеркс. Эта смена царей сопровождалась типичными для восточ-

ных деспотий внутренними кровавыми смутами, и Ксерксу пришлось усмирять опасные восстания в Египте и Вавилонии. Кроме того, Ксеркс хорошо понимал, каким упорным и опасным врагом являются для него европейские греки, и тщательно готовился к войне с ними. Чтобы обеспечить флоту свободное плавание и избежать опасности крушения близ Афонского мыса, Ксеркс велел прокопать морской канал через перешеек, соединяющий полуостров Акте с материком. Канал был с большим искусством построен опытными египетскими и финикийскими специалистами и был так широк, что в нем свободно могли разойтись два больших военных корабля («триэры»). Затем во Фракии были построены большие провиантские магазины на время войны. В них завозились большие партии скота и корм для транспортных животных. Через большие реки Фракии и даже через Геллеспонтский пролив наводились понтонные мосты. В течение нескольких лет Ксеркс набирал огромную армию, которая проходила специальную подготовку в Каппадокии, служившей сборным пунктом. «Все эти и другие, какие были, военные походы не могут быть сравниваемы с этим одним», — пишет Геродот (VII, 21).

Военные приготовления в Персидском царстве вынудили греческие города прийти к соглашению о совместном отпоре врагу. Как мы уже указывали, отсутствие политического единства составляло слабую сторону греков. Каждая греческая община жила своими местными интересами. Близкие соседи находились во враждебных отношениях друг с другом: Спарта с Аргосом, Афины с Эгиной, беотийские города Феспии и Платеи с Фивами и т. д. Ряд греческих государств, как, например, Аргос, вся Фессалия и Фивы, стремились к нейтралитету и готовы были с приходом персов присоединиться к ним. Как рассказывает Геродот, «одни выразили полную покорность персам и рассчитывали, что им вреда не будет от варваров; другие, хотя и не сдались, но находились в большом страхе, во-первых, потому, что, по их мнению, у греков флот был меньше и корабли были хуже, во-вторых, потому, что большинство отступалось от войны и с полной готовностью примыкало к азиатам».

Особенно горячо агитировали за объединение афиняне с Фемистоклом во главе. Но и правящий класс Спарты, несмотря на всю свою ненависть к демократическим Афинам, все же понимал необходимость коалиции с ними, ибо спартанцы не имели своего флота и, следовательно, не могли противостоять персидскому нашествию с моря. Это побудило и многие другие греческие города как материка, так и островов составить с и м м а х и ю, т. е. военно-оборонительный союз. Осенью 481 г. на Истме представители Афин, Спарты, Эгины, Эвбеи и ряда других государств собрались в храме Посейдона и присягнули в верности новому союзу. В союз вошло 30 «честно мыслящих» государств, что было первой в Греции попыткой организации, носившей широкий общегреческий характер. Был провозглашен всеобщий мир между полисами, вошедшими

в союз, и проведена политическая амнистия. Руководство союзными военными силами как на суше, так и на море предоставлено было Спарте ввиду ее общепризнанного военного превосходства.

Весной 480 г. персидские войска, как и во время похода Мардония, двинулись с севера двумя путями на Грецию: часть войска шла по суше берегом Фракии, часть передвигалась на кораблях по морю. Геродот приводит фантастически преувеличенные данные о численном составе армии Ксеркса. Одной только пехоты, по его словам, в ней было 1 700 тыс., а всего вместе с матросами, слугами, женщинами и т. д. он насчитывает в войске персов 5 287 320 человек. Флот состоял из 1207 судов. По мнению же ряда современных историков, Ксеркс мог направить из Азии не более 250—260 тыс. воинов. Все же по тому времени это был небывалый по замыслу и широте выполнения военный поход: здесь были персы, ассирийцы, арабы, ливийцы, индусы и много других, отряды самых разнообразных народностей, которые одновременно двинулись на маленькую Грецию.

Война началась неудачно для греков. Помышляя все же главным образом о защите своих полисов, они плохо отстаивали самой природой указанные общегреческие защитные горные барьеры. Союзное войско греков двинулось было навстречу наступающим с севера персам в Фессалию и заняло первоначально Темпейский проход, лежащий между горами Олимпом и Оссой. Но позиция эта, ввиду колеблющегося настроения в Фессалии, показалась спартанскому командованию ненадежной, и греческая армия была отведена сразу к третьему, пересекающему Грецию барьеру — к Истму, отделяющему Среднюю Грецию от Пелопоннеса. Фессалия с ее плодородными пашнями оказалась во власти персов, лучшая конница Греции — фессалийская — пополнила персидскую армию. Фермопильский проход, представляющий ключ к Средней Греции, был занят лишь небольшим отрядом союзников, ядро которого составляли спартанцы; во главе их отряда из 300 воинов находился спартанский царь Леонид. Предание говорит, что нашелся изменник из местных жителей, который провел персов по горным тропинкам в тыл оборонительной линии греков. Мужественно сражавшийся отряд спартанцев и вместе с ними Леонид погибли в бою.

В результате и Средняя Греция была оставлена и подверглась персидскому погрому. Ксеркс во главе сухопутного войска занял всю Беотию и Аттику и жестоко опустошил их. В Беотии не были разрушены лишь те города, которые, по указанию передавшегося персам македонского царя Александра, сочувствовали персам. Ксеркс ограбил храмы Афин, перебил всех оставшихся в Акрополе и сжег город. Все боеспособное мужское население Аттики, правда, уже раньше было мобилизовано и отправлено во флот и в армию, а женщин, детей, стариков и рабов удалось спешно увезти на остров Саламин. Но часть афинян, не пожелавших,

по совету Фемистокла, спасаться за «деревянными стенами» (т. е. бортами кораблей), осталась в Афинах и погибла.

В такой критический для Греции момент спасителем ее явился ее флот. Уже во время сражения при Фермопилах, прикрывая фланг отряда Леонида с моря, греческий флот одержал значительный успех и нанес персидскому флоту чувствительное поражение у мыса Артемисия. Когда Средняя Греция была потеряна, флот был отведен к острову Саламину.

Спартанцы, довольно равнодушные к потере Средней Греции и разгрому Афин, настаивали на том, чтобы флот отступил из Саламинской бухты к Истму, где были сосредоточены сухопутные войска союзников, защищавшие Пелопоннес. Они начали даже спешно возводить стену через Истм, чтобы не пропустить в Пелопоннес сухопутную армию персов. Но такое отступление означало для афинян полный отказ от защиты своей родины. И только по настоянию Фемистокла, под командованием которого находились все афинские корабли (больше половины всего греческого флота), было решено дать персам бой в узком Саламинском проливе. Фемистоклу пришлось пригрозить союзникам, что «если будет решено избегнуть битвы, мы берем на корабли всех наших земляков и отправляемся в италийскую колонию Сирис, которая с давних пор наша и в пророчествах предназначена быть нами заселенной. А вы, утративши таких союзников, вспомните мои речи» (Геродот, VIII, 62). Есть сведения, что он даже дал знать Ксерксу о предполагаемом уходе греческого флота и Ксеркс незаметно для греков обошел Саламин с юга, так что греки оказались запертыми в узком проливе.

На утро следующего дня греки первые двинулись в бой против персов. Произошло морское сражение при Саламине, совершившее перелом во всем ходе греко-персидской войны. Флот греков, состоявший из небольших судов, свободно маневрирующих в знакомом проливе, наносил персидскому флоту один удар за другим. Тяжелые корабли врага, столпившиеся в узком фарватере, сталкивались друг с другом, садились на мель, и лишь часть из них смогла принять участие в бою.

Одновременно грекам удалось высадить отряд на остров Пситалию и перебить находившихся здесь персов. Сражение при Саламине окончилось полным поражением персов. Собрав уцелевшие корабли, Ксеркс удалился в Малую Азию; пришлось увести обратно и большую часть армии, которую без флота нельзя было снабжать. В Греции была оставлена лишь меньшая часть войск (около 50 тыс. человек) под начальством Мардония, но и ей пришлось отступить к зиме в плодородную Фессалию.

Участник саламинского сражения поэт Эсхил в трагедии «Персы» дал чрезвычайно яркую картину боя:

Весь флот спешил, и слышен в то же время
Был громкий крик: «Вперед, сыны Эллады!

Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков; бой теперь — за все!
Навстречу им неслись и персов крики,
И медлить дальше было невозможно;
Один корабль ударил медным носом
В другой, и начал эллинский корабль
Сраженье, сбивши с судна финикийцев
Все украшенья... Всюду бой кипел...
Сперва стояло твердо войско персов,
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли
И медными носами поражали
Своих же — все тогда они погибли.
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых
Под кровью мертвых скрылась гладь морская,
Покрылись трупами убитых скалы,
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило.

(Эсхил, Персы, 768—780.)

§ 4. Переход греков в наступление. Образование Делосского союза. Победа при Саламине преисполнила греков уверенностью, что при условии объединения государств можно не только изгнать персов из своей земли, но и продолжать войну до полной победы над ними. Тем более что одновременно и в Сицилии сиракузский тиран Гелон нанес при Гимере поражение союзникам персов карфагенянам. Поэтому, когда летом следующего 479 г. Мардоний снова вторгся в Аттику, греческая армия вышла из своих окопов на Истме и начала решительное наступление. Объединенное греческое войско в количестве около 50 тыс. (по Геродоту, даже 110 тыс.) воинов, под предводительством спартанского регента Павсания, заняло новые позиции в Аттике на склонах Киферона, господствующего над дорогою в Афины. Мардонию пришлось отступить в Беотию, предварительно снова разрушив Афины. Он расположился у Платей, учитывая выгодность широкой беотийской равнины для действий конницы. Здесь, при Платеях, и произошло самое крупное сражение всей этой войны, длившееся несколько дней. Опять, как при Марафоне, сказалось превосходство греческой тяжелой фаланги. Особенно отличились спартанцы, которые сплошной несокрушимой стеной двинулись на персов, а афинянам удалось взять укрепленный лагерь врагов. В бою был убит Мардоний, что послужило сигналом для общего бегства персидского войска. Затем взяты были Фивы, бывшие главной опорной базой Мардония, и союзная греческая армия, преследуя персов, вступила в Фессалию. По преданию, лишь небольшой части персов, под командованием сатрапа Артабаза, удалось спастись через Македонию во Фракию. Таким образом, освобождена была вся территория материковой Греции.

Одновременно с тем греческий флот очищал от персов и Эгейское море. Летом того же 479 г. произошло морское сражение у мыса Микале, где был сосредоточен персидский флот. Персы, не решаясь вступить в бой с греками, вытащили свои корабли на берег. Греческий флот, которым командовали спартанский царь Леотихид и афинянин Ксантипп (отец Перикла), высадил десант, осадил позиции персов и сжег их корабли, так и не осмелившиеся выйти в море. После этой победы острова Фасос, Самос, Лесбос и Хиос отпали от персов и присоединились к Эллинскому союзу.

Таким образом, сражения при Саламине, Платее и Микале привели к решительному перелому в войне и к общей победе греков над персами. Они показали, что стремление к свободе и автономии явилось могучей силой, способной в решительный момент преодолеть внутренние противоречия и отдельных полисов и различных общественных групп в них во имя общих интересов всего греческого народа.

Дальнейший ход греко-персидской войны привел к созданию другого, более узкого союза греческих государств под гегемонией афинян. После блестящей победы у мыса Микале союзный флот направился к Геллеспонту, чтобы отрезать персов от Европы. Но корабли пелопоннесцев, находившиеся под командованием спартанца Леотихида, покинули афинян и ушли в Грецию. Афиняне же, кровно заинтересованные в свободном снабжении хлебом из Понта, а следовательно, и в контроле морских путей, продолжали морские операции. Афинский флот, к которому присоединились корабли островитян, осадил крепость Сест в узком месте Геллеспонта и после двухмесячной осады принудил персидский гарнизон сдаться. В 478 г. между греческими городами Малой Азии и островами, с одной стороны, и Афинами — с другой, был заключен союз, известный под названием Делосской симмахии. Это была федерация приморских городов, обязанных для ведения войны поставлять определенное количество людей и материалов. Мелким общинам, которые не могли собственными силами строить корабли, разрешалось откупаться от этих обязанностей ежегодными денежными взносами (списки их дошли до нас в ряде надписей). При храме Аполлона на острове Делосе была учреждена общесоюзная казна, годовой доход которой составлял 460 талантов (около 1 млн. руб. золотом), и стал собираться общесоюзный «синод», — т. е. совет. Союз охватывал огромную территорию, размеры которой значительно превосходили остальную часть Греции. Территория союза имела около 2 млн. населения, и на ней находилось до 200 полисов.

Борьбу с персами афиняне повели теперь особенно энергично и с большими успехами. В 470 г. афинский полководец Кимон предпринял поход против персов и изгнал их с Фракийского побережья. Все подвластные здесь персам греческие государства перешли на его сторону. Кимон нанес также поражение персам в Памфилии

на южном берегу Малой Азии, у реки Эвримедонта (468 г.) В результате этих побед греческим купцам открылись пути ко всем островам и берегам Эгейского моря. Афиняне даже пытались проникнуть и на территорию Персидской державы. В 454 г. до н. э. Афины решили помочь восставшему против Персии Египту и послали туда лучшие корабли своего флота. Однако персам удалось подавить египетское восстание, а присланный афинский флот почти целиком был ими уничтожен. Пять лет спустя, в 449 г., другой афинский флот под командованием Кимона снова столкнулся с персами у острова Кипра, около города Саламина. Эта битва закончилась победой Афин и окончательным изгнанием персов из восточной части Средиземного моря.

Перевес греков был несомненный, и Персия принуждена была в 449 г. согласиться на мир, известный в истории под именем Каллиева мира, по имени афинского посла Каллия, заключившего этот мир в Сузах, столице персидского царя. В итоге греко-персидской войны богатые освобожденные области Малой Азии, а также районы Эгейского и Черного морей были открыты для греков, а восточные купцы были совсем вытеснены отсюда. В связи с этим во второй половине V в. экономический, политический и культурный расцвет Греции достигает наивысшего подъема.

ГЛАВА XXVIII

РАСЦВЕТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГРЕЦИИ

§ 1. Экономика Греции в V в. до н. э. Хозяйство Греции даже в эпоху расцвета, в V в., не представляло собой единого целого. Как известно, Греция состояла из ряда мелких самостоятельных государств и областей, развитие которых шло неравномерно.

Так, например, Этолия и Акарнания были скотоводческими районами. В Фессалии, Беотии, Локриде, Фокиде, в пелопоннесских государствах преобладало земледелие. Сеяли главным образом пшеницу, полбу, просо, ячмень. Первое место среди сельскохозяйственных районов занимала Фессалия, которая даже вывозила часть своих хлебных излишков; здесь разводилось также много крупного скота и, в особенности, лошадей. В средней Греции первенство в отношении сельского хозяйства принадлежало Беотии. Беотийские крестьяне были обычными посетителями афинского городского рынка, куда они доставляли сельскохозяйственные продукты, а также рыбу и дичь. Области Пелопоннеса — Элида, Арголида, Лаконика с Мессенией, плодородная долина между Коринфом и Сикионом — не нуждались в привозном хлебе в урожайные годы. Из островов отличалась своим плодородием только Эвбея.

Скотоводческие и земледельческие районы в период расцвета рабовладельческой системы хозяйства в передовых полисах (V в.

до н. э.) продолжали оставаться отсталыми и экономически и политически. По свидетельству Фукидида, жители Акарнании и Этолии продолжали жить в V в. еще как во времена Гомера: ходили вооруженные, умыкали жен, не умели пользоваться рабами. В некоторых других областях, например, в Фессалии, на Крите, наблюдались разные виды примитивной зависимости сельского населения от землевладельцев. В Спарте, как известно, земли господствующего класса — спартиатов — обрабатывали порабощенные илоты. Близким к положению спартанских илотов было и положение фессалийских «пенестов», критских «мноитов» и «долов», арголидских «гимнетов».

В противоположность сельскохозяйственным районам многие полисы, как, например, Афины, Коринф, Эгина, Мегары, Милет, города Эвбеи, Самос, Родос и другие, еще до греко-персидских войн стали крупными для своего времени торгово-промышленными центрами. В большинстве своем все это — области, мало пригодные для зерновых посевов. В Аттике, например, главное место в сельском хозяйстве занимали трудоемкие культуры (овощи), виноградные и оливковые плантации. Недостаток в собственном хлебе рано создал в неплодородных областях избыточное население, которое, живя ремеслами и торговлей, нуждалось в вывозе своей промышленной продукции, а также ввозе продовольственных товаров, сырья и рабов.

Промышленность в передовых полисах в V в. до н. э. была уже значительно развита. Плутарх упоминает плотников, скульпторов, медников, каменщиков, золотых дел мастеров, работников по слоновой кости, живописцев, эмалировщиков, чеканщиков, канатчиков, ткачей льняных материй, кожевников, дорожных мастеров, шахтеров. К этому перечню можно добавить булочников, кондитеров, башмачников, седельников и пр. В больших городах, например в Афинах, были целые кварталы, заселенные по преимуществу ремесленниками какой-либо одной специальности. Например, Мелитэ — квартал кондитеров, Керамик — гончаров.

Некоторые города славились какими-нибудь определенными видами изделий. Так, Афины и Коринф — изделиями из металла, особенно оружием, мебелью, которая частью была металлической, тканями, глиняной посудой; в последней области афинские мастера затмили своих былых соперников, в том числе коринфян. Расписные коринфские вазы уже в VIII в. изготовлялись на вывоз и попадали даже в Этрурию. Танагра в Беотии получила известность благодаря небольшим художественным статуэткам, которые там выделывались (танагрские статуэтки). Про Эфес Ксенофонт рассказывает, что в нем «рыночная площадь была переполнена всякого рода продажным оружием и лошадьми..., так что город можно было принять за военную мастерскую». Многие города специализировались на текстильном производстве. В Коринфе и Афинах занимались также и кораблестроением.

Еще в V в. до н. э. в Афинах было много небольших мастерских, в которых работали сами хозяева и члены их семьи, часто с помощью одного, двух, а то и нескольких рабов. Это мелкое производство было ремесленным и кустарным, т. е. работавшим на скуп-

щиков. Скупщики из того соображения, что «чем проще работа, тем быстрее и легче она выполняется», поручали отдельным кустарям изготовление лишь части предмета, передавая его затем следующему мастеру. Ксенофонт рассказывает, что «один [сапожник] изготовляет мужскую, другой женскую обувь; здесь один живет лишь шитьем башмаков, другой их кройкой; один портной только выкраивает платье, другой сшивает куски материи... Одни мастера изготовляют только плащи, другие только верхнее носильное платье, третьи только рабочие блузы» и т. д.

Заработок ремесленника в V в. до н. э. при благоприятных условиях равнялся одной драхме в день, в IV в. — двум драхмам. Обычно же он был ниже прожиточного минимума. «Обратимся к ремесленникам и мастеровым, — говорит Продик (конец V в. до н. э.), — они трудятся с ночи на ночь и едва добывают себе необходимое; они сетуют на себя и наполняют бессонные ночи жалобами и слезами». Жилища греческой ремесленной бедноты были совсем непохожи на те богатые греческие дома, которые имели такой простой и вместе с тем изысканный вид со своими колоннадами, внутренним двориком, садом и пр. Беднота ютилась в убогих лачугах, которые трудно даже назвать домом: одна комната в несколько шагов длиной, стена из дерева или гальки, перемешанной с глиной. Пол — сглаженная каменистая почва. Задней стеной такого дома часто бывала голая скала, к которой прикреплялись две боковые стены. Между потолком и крышей помещался чердак, представлявший второй этаж. Он тоже служил жилым помещением и иногда сдавался внаем; попадали в него по приставной лестнице. В ремесленных кварталах было неуютно и грязно, отбросы и нечистоты выбрасывались прямо на улицу.

Ремесло в античной Греции не считалось почетным занятием. «Часто мы восторгаемся результатами работы, — говорит Плутарх, — но относимся с презрением к ремесленникам; так, мы наслаждаемся благовониями и пурпуром, а красильщиков и изготовляющих благовония считаем недостойными имени свободнорожденного человека, называем их ремесленниками».

После греко-персидских войн, в особенности в IV в., наряду с мелкими ремесленными мастерскими появляются все в большем числе крупные рабовладельческие предприятия. Возникновение больших рабовладельческих мастерских — «эргастериев» — объясняется ростом экспорта из центральной Греции на периферию, наличием свободных денежных сумм, накопленных разного рода дельцами путем торговли и ростовщичества, наконец, недостатком в свободных работниках при избытке рабов. Эти мастерские были велики по сравнению с ремесленными, но все же и их нельзя отнести к крупному производству.

Демосфен в речи против своего опекуна, растратившего его наследство, говорит, что отец оставил ему мастерскую, в которой работало 32 оружейных мастера-раба. Кроме того, Демосфен упоминает о кроватной мастерской с 20 мастерами, отданной его отцу в залог. У оратора Лисия была мастерская щитов, а в ней около 100 рабов. Большая мастерская щитов была у богача Пасиона. Среди владельцев эргастериев называют мукомолов, булочников, портных, кожевников; были большие мастерские, где изготовляли светильники, музыкальные инструменты и пр. В эргастериях появились уже и зачатки технического разделения труда. В мастерских по обработке металла одни ковали, другие оттачивали, третьи закаливали. В плавильных мастерских наблюдение за печью, работа мехами, отливка производились разными

людьми. В керамических мастерских наряду с гончарами работали художники, занимавшиеся росписью посуды. Но машины в греческом производстве V—IV вв. не применялись. Тогда были известны только рычаг и клин, а также лишь некоторые механизмы (mehanai, mehanémata) — зародыши машин: вóроты для подъема тяжестей и блоки, жернова для размола муки, размельчения руды и т. п. Все эти механизмы приводились в движение человеческой мускульной силой. Главными же орудиями труда были ручные инструменты.

Как пример промышленных изделий, имевших распространение по всему греческому миру и за его пределами, можно привести афинские изделия из глины. В V в. до н. э. здесь стали вырабатывать знаменитые краснофигурные вазы на фоне черного, в высшей степени прочного лака, до сих пор поражающие своей красотой. Роспись на этих вазах отличается совершенством рисунка, разнообразием сюжетов, реализмом. Вазовая живопись изображает мифологические и бытовые сцены, часто из жизни мастерских, дающие нам понятие об античном способе производства. На керамических изделиях ставили клеймо хозяина мастерской, откуда изделие вышло (начало фабричной марки), а также клейма «астиномов» — рыночных смотрителей, гарантирующие нормальную вместимость сосудов (амфор). На одном из сосудов дошла до нас такая надпись: «Вазу сделал Эвтимид, как никогда бы не смог сделать Эвфроний», т. е. конкурент первого мастера.

Если в обрабатывающей промышленности мы встречаем не только применение рабского, но и свободного труда, то в добывающей промышленности работали исключительно рабы. Примером этого могут служить известные рудники в Лаврионе, на юге Аттики, принадлежавшие Афинскому государству и сдававшиеся на откуп отдельным предпринимателям. В конце V в. до н. э. на лаврионских рудниках работало около 20 тыс. рабов.

Шахты доходили до 40 *м* глубины. Спускались в них и поднимались наверх по узким лестницам. В сторону от шахт шли горизонтальные штреки, прокладывавшиеся в твердых породах — сланцах и мраморе, — между которыми залегала серебросодержащая руда (свинцовый блик). Прокладывал каждый отдельный штрек один работник ручной киркой, сменяясь через 12 часов и продвигаясь вперед при круглосуточной работе всего на 10 *м* в месяц. Штреки доходили до мест залегания руды, которую отбивали заступами и загнутыми лопатами. После выемки руды образовывались камеры — пещеры высотой в несколько саженей. Насыпав руду в корзину, ее тащили по штрекам к шахтам. Этой работой занимались дети и подростки (штреки были не больше 1 *м* высотой). Пересыпав руду в большие корзины, ее подымали наверх при помощи лебедок, приводившихся в движение теми же рабами. Поднятая наверх руда размельчалась массивными жерновами, которые посредством ворота приводили в движение опять-таки рабы. После обработки жерновами руду разбивали на мельчайшие частицы тяжелыми железными пестами. Рабыни и дети-рабы промывали размельченную руду в мраморных бассейнах с проведенной водой, очищая ее от примесей. Следующей процедурой была плавка руды в больших горнах. В результате получались заостренные серебряные бруски—оболы, которые рабы, старики и дети, связывали в пачки; эти пачки грузили на мулов и отправляли в Афины. Свинец прессовали в массивные плиты со штемпелем того, кому принадлежали рабы. Из отходов производства получали окись свинца (ее добавляли к глине при выделке ваз), киноварь, охру. Для доставки угля, дров и вывоза продукции из Лавриона были проведены выложенные камнем дороги.

Развитие промышленности шло в тесной взаимной связи с развитием торговли. Внутренняя торговля, особенно сухопутная, между отдельными греческими государствами Балканского полуострова была развита слабо. И при внутреннем обмене греки предпочитали морские пути сухопутным из-за неудобства и дороговизны сухопутных перевозок. Сухопутные дороги в Греции имели лишь местное значение, их было сравнительно мало; в общем страна, особенно северная и южная ее части, страдала от бездорожья. Кроме того, следствием хозяйственной, а отсюда и политической раздробленности Греции были постоянные войны и раздоры между греческими общинами, мешавшие росту внутренних торговых сношений.

Внутренняя торговля была по преимуществу мелкой, рыночной, а товары для нее доставляли, главным образом, местные сельское хозяйство и ремесло. Типичными представителями внутренней торговли были разносчики, лавочники, перекупщики, крестьяне. В каждом почти городе была рыночная площадь — агора. Агора была не только местом торговли, но здесь располагались также разные правительственные здания и храмы.

Для каждого товара был отведен особый ряд: рыбный, сырный, горшечный, винный и т. д. Особое место отводилось и для торговли специфическим товаром — рабами. Некоторые торговцы строили на агоре солидные здания — магазины; большинство довольствовалось подвижными лавками из ветвей, камыша или палатками из материи, наконец, многие раскладывали товар на какой-нибудь подстилке или в корзинах под открытым небом. В крупных торговых городах на рыночной площади располагались за своими столами («трапезами») менялы и ростовщики (трапезиты), занимавшиеся некоторыми операциями, подобными банковским. Они принимали деньги на текущий счет, производили перевод денег, брали на себя поручения по производству различных уплат, составляли для своих клиентов контракты и принимали эти документы на хранение. Но главным занятием этих «трапезитов» был размен денег — необходимое дело ввиду отсутствия в самой Греции единой денежной системы и обращению разных иностранных денег наряду с греческими, а также кредитные операции — ростовщичество. Процент по ссудам был высокий, обычная норма — 18%. В зависимости от риска процент доходил иногда до 36. Рыночная торговля нормировалась полицейскими правилами, за исполнением которых следили особые должностные лица — «агораномы».

Крупные торгово-промышленные центры античной Греции были втянуты в оборот внешней морской торговли. Многим греческим областям нехватало своего хлеба, который можно было получить в достаточном количестве только на периферии и привезти только морским путем. С развитием мореплавания появилась острая нужда в корабельном лесе, который опять-таки доставлялся морем из Фракии и Македонии. С развитием промышленности росла потребность в рабочей силе, а рабы также были привозным товаром.

Победа над персами вернула грекам господство над Эгейским морем и проливами, ведущими в Понт Евксинский. Исконные греческие морские пути вновь стали греческими. Разгром персидских морских сил ослабил персидских подданных — финикиян, которые

были давнишними конкурентами греческих купцов-мореходов. Возобновился обмен между Центральной Грецией и ее колониями в Малой Азии, с Востоком — Египтом, Халкидикой, Фракией, Македонией, с городами Причерноморья. Греческие торговые корабли, благодаря одновременной победе также над союзниками персов, карфагенянами, направлялись в Великую Грецию, Сиракузы, доходили до Кампании и Этрурии и еще дальше на запад до греческих колоний на берегах Галлии и Иберии.

Об объектах внешней морской торговли античной Греции можно составить представление на примере афинских ввоза и вывоза. В Афины ввозили зерно причерноморское, египетское, сицилийское. Фракийцы, скифы, италики, греческие колонисты продавали афинским купцам скот, затем рыбу (копченую, соленую, вяленую, маринованную), кожи, меха, шерсть. Бронзу и обувь афиняне ввозили из Этрурии, папирус и льняные ткани из Египта, дорогие ковры и благовония — с востока, слоновую кость — из Африки. Массами привозили в Афины рабов, и в V—IV вв. до н. э. столица демократической Аттики была одним из главных рабских рынков Греции.

В обмен на ввозимые товары из Афин вывозили оливковое масло, винные ягоды, мед (гиметтский), медовое печенье, мрамор, свинец, серебро, металлические изделия, ткани, керамику. Аттические сосуды разного назначения в целом виде и в виде фрагментов находят до сих пор в разных областях Средней Греции, в Пелопоннесе, на островах Эгейского моря,в Киренаике (Африка), в Малой Азии, в Крыму, Сицилии и Италии. По этим археологическим находкам можно судить о том, насколько обширна была не только торговля Афин, но и всей Греции. Греческие товары находят даже в окрестностях Харькова, Воронежа, Смоленска.

В противоположность внутренней мелкой торговле античная внешняя торговля была крупной, оптовой и приносила громадные прибыли (до 100% за один рейс корабля). Уже в V в. до н. э. торговля Афин была развита настолько, что отчасти стала уже транзитной, т. е. некоторые товары, в том числе такой, как хлеб, завозились в Пирей для того, чтобы быть снова вывезенными и перепроданными за пределами Аттики. Поэтому непременной принадлежностью крупного торгово-промышленного полиса была хорошо устроенная гавань.

Особенно был знаменит афинский порт Пирей (он находился на расстоянии 11 *км* от Афин). Пирейский полуостров образует три гавани. Две из них служили местом стоянки военных судов. Третья, западная гавань называлась собственно Пиреем и была разделена молом на две части — южную (гавань Канфара), где находились арсенал, верфи, и северную, собственно торговую гавань Эмпорион, к которой примыкали магазины и склады. Среди них было специальное здание, называвшееся «дейгма» (выставка) — место показа товаров и биржа. В западной части Эмпориона находилось большое зернохранилище — место хлебной торговли. Все три гавани были окружены стенами, так же как и самое поселение Пирей, соединенное с Афинами «длинными стенами». Пирей был густо населенный пригород с пестрым разноязычным населением из богатых купцов и бедных портовых поденщиков, торговых служащих и моряков, метеков, вольноотпущенников и рабов. Кроме афинского Пирея, своими удобными гаванями были известны Коринф, Эфес, Делос, Родос, Сиракузы и многие другие.

Рост производства и торговли увеличил и укрепил те прослойки рабовладельческого класса передовых государств античной Гре-

ции, которые были связаны с промышленностью и торговлей: ремесленников, торговых служащих, поденщиков, работников пристаней и складов, моряков, владельцев эргастериев, купцов, ростовщиков. Между этими прослойками существовали противоречия, но были и общие интересы: развитие торговли и промышленности. В частности, рост морского могущества Афин сопровождался подчинением других греческих государств. Для предпринимателей эти захваты открывали новые рынки и увеличивали финансовую мощь Афинского государства, для свободных бедняков они означали получение клеров (земельных наделов) на подвластных территориях, денежные и хлебные раздачи, общественные работы, а также увеличение спроса на свободный труд, главным образом для флота. Наконец, все свободные в большей или меньшей степени были заинтересованы в эксплуатации рабов и подавлении их сопротивления.

Городское промышленное и торговое население в большей мере, чем сельское, зависело от внутренней и внешней политики правительства, острее, чем сельское, чувствовало на себе ее колебания. Поэтому для населения большого города вроде Афин было важно непосредственное управление республикой. Сосредоточенное на небольшом пространстве правящего города в противоположность распыленному крестьянству, подвижное и предприимчивое, овладевшее политическими навыками, городское промышленное и торговое население во многих передовых полисах оттеснило от управления сельские элементы и фактически овладело властью.

§ 2. Рабство в Греции в V—IV вв. до н. э. В Греции V в. господствовала развитая форма рабовладельческого хозяйства. Древние авторы оставили нам сведения о количестве рабов в некоторых греческих государствах. Так, греческий писатель III в. н. э. Афиней приводит такие данные, заимствованные им из не дошедших до нас произведений более раннего времени: «Тимей пишет в 3-й книге своей «Истории», что Коринф пользовался таким благосостоянием, что владел 640 000 рабов... Ктесикл же в 3-й книге «Хроники» говорит, что по переписи жителей Аттики, произведенной Дмитрием Фалерским в 117 олимпиаду [312 г. до н. э.], там оказалось: афинских граждан — 21 000, метеков — 10 000, рабов — 400 000... Аристотель в «Государственном устройстве Эгины» сообщает, что на Эгине было 470 000 рабов» (Афиней, VI, 242 а). Правда, современные, в особенности буржуазные, ученые подвергают сомнению приведенные выше цифры. Путем сложных вычислений одни приходят к выводу, что, например, в Аттике V—IV вв. число свободных граждан вместе с метеками было приблизительно равно числу рабов; другие считают возможным увеличить это соотношение в пользу рабов, полагая, что в Аттике на одного свободного приходилось два-три раба. Если представить себе, что далеко не все свободные занимались производственным трудом и не все владели рабами, то и первое соотношение — один раб на одного свободного — подтверждает

положение, что в греческом хозяйстве V—IV вв. до н. основными производителями были рабы и область рабского труда все увеличивалась.

В буржуазной науке экономический быт античного мира, как и следует ожидать, разными учеными характеризуется не одинаково, но по существу всегда неверно. Остановимся на двух противоположных точках зрения — К. Бюхера и Эд. Мейера.

По Бюхеру, хозяйственная жизнь европейских народов, начиная с древнейших времен, прошла последовательно через три ступени. Первая из них — замкнутое натуральное, или «домашнее» («ойкосное»), хозяйство античности, когда продукты потребляются в том же хозяйстве, в котором они произведены; это хозяйства безобмена, не нуждающиеся в торговле. Основными производителями являются рабы. Вторая ступень — «городское» средневековое хозяйство, подобно «домашнему», обходящееся также без торговли, при котором продукты непосредственно переходят из хозяйства производящего в хозяйство потребляющее, от свободного ремесленника к заказчику-потребителю. Третья ступень — современное «народное» хозяйство, где продукты проходят через ряд хозяйств, прежде чем попасть к потребителю; это — «период обращения продуктов», время развитой торговли и крупного производства, основанного на наемном труде.

Другими словами, в античном обществе, по мнению Бюхера, экономически самостоятельные отдельные «дома» («ойкосы»), т. е. отдельные семьи со своими рабами и зависимыми людьми, самостоятельно удовлетворяли все свои хозяйственные потребности. Следовательно, в античных Греции, Риме и Карфагене не было ни крестьян, ни ремесленников, не было развитой торговли и купцов.

Эта не в меру упрощенная характеристика античного хозяйственного быта находится в противоречии с фактами, известными нам о промышленности и торговле передовых греческих областей. Методологическая ошибка Бюхера заключается в том, что он взял одну сторону античного хозяйственного быта и игнорировал другую его сторону — частичное развитие товарного производства и денежного хозяйства в передовых полисах V—IV вв. до н. э. Бюхер рассматривал античное хозяйство в его статике и не хотел замечать его развитие, его динамику. Но главная его ошибка заключается в том, что в основу классификации положен признак несущественный — обмен, в то время как следует исходить из различия способов производства и соответствующих им производственных отношений.

На иной, но тоже ложной позиции стоял Эд. Мейер. Он преувеличивал развитость античного хозяйства, модернизировал его. В начале развития античного общества главными производителями были, по его мнению, не рабы, а крепостные. Поэтому начальный период античной истории, по мнению Мейера, был временем феодальных отношений, «античным средневековьем». В последующий период Мейер, в противоположность Бюхеру, выдвигал на первый план передовые в хозяйственном отношении античные государства и доказывал, что роль рабов в производстве этого времени значительно меньше, чем принято думать, так как наряду с работниками-рабами существовали многочисленные работники из числа свободных граждан. Эд. Мейер хотел уменьшить роль рабства в античном хозяйстве. Он отождествлял период подъема античной экономики с системой наемного труда позднейшей Западной Европы XVIII в. и говорил об «античном капитализме» (см. стр. 241).

Концепция Эд. Мейера глубоко ошибочна. Известно, что в начале развития греческого общества никаких феодальных отношений не существовало. В эпоху же хозяйственного расцвета античного общества ввоз рабов все увеличивался. Ремесленники, лишившись средств к существованию, превращались не в наемных рабочих, а в люмпенпролетариев, кое-как кормившихся случайными заработками, в нищих, в паразитов, в людей, живших за счет государства. Таким образом, нельзя говорить о преобладающей роли наемного

труда в эпоху расцвета античного хозяйства. В это время в производстве преобладал рабский труд.

Присвоение рабской рабочей силы происходило внеэкономическим путем, т. е. путем прямого принуждения. Главными источниками рабства, которые доставляли Греции основную массу рабов, были ввоз насильно захваченных людей из колоний и Азии, пиратство и война. Уроженцы Сирии, Фригии, Лидии и других азиатских областей, припонтийских стран (скифы), Фракии, Египта преобладают среди греческих рабов. Покупка и перепродажа невольников была одной из прибыльных и обширных отраслей греческой торговли. На Хиосе, на Самосе, в Эфесе находились крупнейшие оптовые невольничьи рынки, где можно было покупать малоазиатских рабов целыми партиями от пиратов для перепродажи в государствах материковой Греции. Во Фракии работорговцы меняли людей на соль: мелкие фракийские владетели вели между собой постоянные войны, и у них всегда был запас пленников для такого обмена. Покупали во Фракии людей и по одиночке; так, Геродот говорит о фракийцах, что у них «существует обычай продавать своих детей на чужбину». О припонтийских странах Полибий заметил, что они «доставляют в изобилии то, что, по общему признанию, полезнее всего, именно скот и массу отличных рабов» (IV, 38,4). Иногда работорговцы сами ездили вглубь страны и приобретали рабов по одному или небольшими группами, но чаще они держали в прибрежных городах доверенных лиц, которые заготовляли для них человеческий товар, избавляя своих доверителей от опасных разъездов.

У греков классической эпохи было широко распространено мнение, что варвар — прирожденный раб. Аристотель считал, что варвар, ставший рабом в собственном смысле этого слова, и до того был рабом у своего царя. Варвару естественно быть рабом грека, так как греки привыкли повелевать, а варвары — покоряться. Особенно это относится к тем, «кому предназначено пользоваться только своими физическими силами и у кого нет никаких средств, чтобы делать что-нибудь лучшее». «Он раб по природе, и для него самого полезно, чтобы он был рабом».

Но не только варвары, попав в плен, делались рабами греков; то же могло случиться и с греками. Когда афиняне потерпели поражение при Сиракузах в 413 г., «многие [афиняне], спрятанные или укрывшиеся в качестве домашних рабов, были проданы. Их продавали, как рабов, и выжигали на лбу клеймо — лошадь» (Плутарх, Никий, 29). Однако случаи порабощения греков греками во время войн не были правилом. Пленные греки иногда обменивались или выкупались своими согражданами или государством. Некоторые греческие полководцы запрещали продавать в рабство пленных греков. Однако войны между греками увеличивали число рабов. Никто не мог быть уверен в том, что ему не придется доживать свою жизнь в положении невольника.

Кроме перечисленных основных способов, которыми производилось воспроизводство рабской рабочей силы, существовали еще и другие. Рабами становились дети рабынь в силу своего рождения, также подкидыши, которые становились рабами своих воспитателей. В Греции, кроме того, существовал повсеместно обычай, разрешавший родителям продавать в рабство своих детей. В Афинах

это родительское право было, однако, ограничено одним случаем: отец мог продать свою дочь за распутство. Попадали в рабство неоплатные должники. В Афинах долговое рабство было отменено при Солоне, но в других греческих областях оно продолжало существовать. Наконец, рабство было одним из видов наказания по суду, например, в Ликии (Малая Азия) — за воровство, в Афинах — за незаконное присвоение гражданства и т. д.

Рабами торговали, как всяким другим товаром, на рынке. Рабов и рабынь, предназначенных на продажу, ставили на высокий помост или на большой округленный камень. Их размещали с таким расчетом, чтобы покупателям бросались в глаза их отличительные свойства. Все выставленные на продажу невольники и невольницы были почти голы, на груди у них висели дощечки с обозначением их родины, возраста, качеств, а иногда и недостатков. Покупатели осматривали человеческий товар, как животных, заставляли их прыгать, бегать, испытывали их силу.

Цены на рабов были разнообразные. Рабы, которые могли выполнять тяжелые работы, не требующие квалификации, стоили 2 или $2^1/_2$ мины (56—72 руб. золотом); рабы, знавшие какое-либо ремесло, стоили дороже — до 3—4 мин (85—110 руб. золотом), управляющий мастерской — 5—6 мин (140—170 руб. золотом). Цены за домашних рабов и рабынь менялись в зависимости от их назначения — от 2 до 8 мин. За рабов и рабынь, которые являлись предметами роскоши или служили «для удовольствий», платили дороже — 10, 15, 30 мин. Есть сведения, что за одного раба-управляющего было уплачено 40 мин (1 100 руб. золотом).

Особенно широко труд рабов эксплуатировался в промышленности обрабатывающей и добывающей — в ремесленных мастерских («эргастериях»), рудниках, каменоломнях. Иногда рабовладельцы поручали своим рабам, знавшим какое-либо ремесло, открыть небольшую мастерскую на средства, предоставленные рабовладельцем. Такой оброчный раб часто сам имел рабов, которые работали под его руководством и фактически находились в полном его распоряжении, хотя юридически принадлежали собственнику этого оброчного раба. В некоторых случаях рабы, отпущенные на оброк, нанимались работниками к разным лицам, в том числе и к свободным ремесленникам, отдавая своему владельцу часть своего заработка. Иногда рабовладельцы покупали рабов целыми партиями от 300 до 1000 человек и сдавали их в аренду другим лицам, которые по окончании условленного срока должны были вернуть взятых на прокат рабов их владельцу в том же числе, в каком их приняли. Путем аренды этого рода добывали рабочую силу для разработки рудников Лавриона.

Таким же способом получали доходы от рабов и рабынь — актеров, музыкантов, певцов и певиц, танцовщиц, флейтисток. Были специалисты-антрепренеры, которые за плату сдавали своих подневольных артистов для оживления пира всякому желающему. Некоторые предприниматели покупали партии поваров и рабов-официантов. Их нанимали в торжественных случаях для приготовления обеда и прислуживания на пиру во время свадеб, семейных торжеств и т. п. люди, у которых было мало собственных рабов. Много рабов было занято в торговле в качестве доверенных, приказчиков, агентов, счетоводов, гребцов и матросов на торговых кораблях, для обслуживания складов, контор и пр.

Применение рабского труда в сельском хозяйстве также представляло собой обычное явление. Не только крупные землевладельцы обрабатывали свои имения при помощи рабского труда, но покупали себе рабов и зажиточные крестьяне.

Широко пользовались рабами в качестве домашней прислуги. Обычно в зажиточной семье бывало 5—6 рабов. Люди небольшого достатка довольствовались одним рабом или рабыней. Хозяйство богатой семьи представляло собой замкнутый мир: своя мельница, своя пекарня, своя ткацкая мастерская, свои ремесленники. Оброчные рабы-ремесленники также должны были являться на работу в случае надобности в дом своего хозяина по первому его требованию.

Особый разряд рабов составляли государственные рабы. В Аттике был особый отряд рабов-скифов, несших полицейскую службу (около тысячи человек). Герольды (глашатаи), писцы, счетные работники, работники монетных дворов, служащие, хранившие образцовые весы и меры, наблюдавшие также за правильным их изготовлением, были общественными рабами. Все рабы этой категории получали содержание от государства, иногда получали от государства и помещение. Они пользовались большей самостоятельностью, а в некоторых случаях даже известным уважением.

Раба закон не считал личностью. «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»[1]. Раб был человеком-вещью, одушевленным орудием, по известной формуле Аристотеля: «Раб есть наилучший вид собственности и наиболее совершенное из всех орудий». За провинности или просто по произволу владельца можно было подвергать рабов любым истязаниям. Аристофан в нескольких строчках перечисляет мучения, которым может подвергнуться раб: «Плетями бей, души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери, крути суставы, можешь в ноздри уксус лить, класть кирпичи на брюхо. Можешь все». Побои были обычным приемом для вразумления рабов, и им часто приходилось слышать слово «оймодзе!» (стони!), за которым следовало наказание. Вообще считалось правилом, что с рабами надо обращаться сурово: «Почти каждое обращение к рабу, — говорит Платон, — должно быть приказанием. Никоим образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с мужчинами, ни с женщинами».

В тех полисах, где было особенно много оброчных рабов, рабовладельческое государство из боязни рабских движений накладывало известную узду на произвол владельцев «говорящих орудий». Так, например, в Афинах убийство раба каралось наравне с убийством свободного. Раб, доведенный до крайности преследованиями своего хозяина, мог прибегнуть к «праву убежища». Так, в Афинах можно было укрыться у алтаря Тезея или в храме Эвменид. Обычай

[1] И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 555.

требовал, чтобы такого раба уже не возвращали прежнему хозяину, а продавали другому. Но на деле и алтари были ненадежным прибежищем. Нельзя было силой отвести раба от алтаря, но можно было вынудить его к этому голодом и даже огнем. К тому же судьба раба в данном случае зависела от жреца, который решал, справедливы его жалобы или нет.

Даже эта вынужденная гуманность, к тому же дававшая рабам слабые гарантии против произвола рабовладельцев, возбуждала неудовольствие у многих хозяев, особенно у противников демократии. Неизвестный автор псевдоксенофонтовой «Афинской политии» в осуждающем тоне замечает, что «рабы и метеки в Афинах пользуются крайней необузданностью; в Афинах нельзя ударить (на улице) раба, и он не уступит тебе дороги». В виде контраста «необузданным» афинским порядкам автор бросает замечание: «В Лакедемоне мой раб боится тебя», т. е. всякого свободного, а не только своего хозяина.

§ 3. Формы классовой борьбы рабов в древней Греции. Естественно, все это приводило к ожесточенной классовой борьбе. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии»[1]. Наиболее постоянной и распространенной формой скрытой борьбы раба со свободным было то, что рабовладельцы называли леностью. Уже у Гомера можно найти такую мысль:

> Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
> К делу его, за работу он сам не возьмется охотой.

И когда античные авторы рассуждали о том, как надо обращаться с рабами, они имели в виду прежде всего меры против нерадения.

Другой вид скрытой борьбы с рабовладельцами — побеги рабов. Насколько это явление было обычным, видно хотя бы из того, что существовали специалисты, которые за вознаграждение разыскивали беглых. О том же говорят клейма и ошейники, которые отличали раба от свободного и затрудняли рабам побеги. Разыскивать и возвращать беглецов вменялось в обязанность администрации; за поимку и возвращение скрывшегося раба обещали и выдавали награды. Рабы совершали побеги в одиночку и группами. Во время войн, пользуясь ослаблением государственной власти, рабы мстили своим угнетателям массовыми побегами. В 425 г. афиняне заняли гавань Пилос в Мессении. «Илоты стали перебегать в Пилос», — рассказывает Фукидид, спартиаты, «опасаясь какого-либо дальнейшего переворота в собственной стране, были в тревоге» (IV, 41, 3). Когда в 413 г. спартанцы заняли Декелею в Аттике, «более двадцати тысяч рабов перебежало от афинян к неприятелю, в том числе большая часть ремесленников».

Высшей формой борьбы рабов с угнетателями являлись рабские восстания. В Греции V—IV вв. рабские восстания носили стихий-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Госполитиздат, 1951, стр. 32.

ный характер. Основной целью рабов было добиться личной свободы. Уничтожение же рабовладельческой системы и замена ее какой-либо другой не являлось целью этих восстаний.

Одно из ранних рабских восстаний в Греции и самое раннее в рассматриваемый период — это восстание в Аргосе 494 г. Сведения о нем сообщает Геродот. Спартанцы напали на аргивян и почти всех их уничтожили. «Аргос обезлюдел до такой степени, что все дела аргивян поступили в ведение рабов, всем управлявших и распоряжавшихся, пока не возмужали сыновья погибших. Они тогда изгнали рабов и снова приняли Аргос в свои руки. После изгнания рабы с боя взяли Тиринф. Первое время между господами и рабами была дружба, но потом к рабам пришел некий прорицатель, Клеандр, родом из Фигалии в Аркадии; он уговорил рабов напасть на господ. Отсюда возникла между ними весьма продолжительная война, из которой лишь с трудом вышли победителями аргивяне».

В 464 г. началось большое восстание спартанских и мессенских илотов. По словам Плутарха, «в четвертый год царствования Архидама» в Спарте произошло землетрясение. В городе началось смятение, граждане стали выносить свое имущество из домов, всякий порядок был нарушен. «Архидам, сразу же поняв из тогдашнего положения дел, какая опасность угрожает государству... велел подать трубой сигнал, как будто бы наступал неприятель, чтобы граждане нимало не медля собрались вокруг него с оружием в руках». Только это одно и спасло Спарту при тогдашних обстоятельствах; отовсюду с полей сбежались илоты с намерением захватить тех спартанцев, которым удалось спастись. Застав же их вооруженными и построенными в боевой порядок, они разбежались по городам, начали открытую войну и переманили на свою сторону немалое количество периэков. Одновременно с ними напали на спартанцев и мессенцы (П л у т а р х, Кимон, 16). Так началась так называемая третья мессенская война, продолжавшаяся около 10 лет. Восставшие укрепились на горе Итоме в Мессении, которую спартанцам с союзниками так и не удалось взять. Война кончилась для ифомцев полупобедой: им не удалось освободить Мессению, но спартанское правительство разрешило им отступить от Ифомы, гарантировав неприкосновенность. К этому было добавлено условие: ифомцы должны покинуть навсегда Пелопоннес. Афинское правительство предложило мессенцам поселиться в этолийском городе Навпакте, недавно отнятом афинянами у локров озольских.

К более позднему времени (середине II в. до н. э.) относится своеобразное сообщение о хиосских рабах, передаваемое Афинеем: «Рабы хиосцев убегают от них в город и, собравшись в большом числе, опустошают сельские местности, — ведь остров гористый и покрыт деревьями». Один из бежавших рабов, Дримак, «был храбрый человек, и в военных делах ему покровительствовало счастье; он стал предводительствовать беглыми рабами, как царь своим войском». Хиосцы были вынуждены заключить мирный договор с Дримаком. В этот договор он внес условие, которое, не уничтожая рабовладель-

ческого строя на острове Хиосе, устанавливало контроль со стороны Дримака над взаимными отношениями рабов и рабовладельцев. Дримак будто бы сказал хиосцам: «Когда от вас сбегут рабы, я расследую дело, и если окажется, что они бежали от невыносимых условий жизни, я оставлю их у себя; если же их жалобы будут признаны неосновательными, я отошлю их обратно к господину». Когда прочие рабы увидели, что хиосцы с удовольствием приняли это условие, они стали убегать гораздо меньше, боясь расследования Дримака. Трудно установить, что́ в рассказе о порядках на Хиосе во времена Дримака достоверно. В общем рассказ этот во всех своих подробностях напоминает новеллу, т. е. краткую повесть на волнующую современников ее тему. Но он интересен уже тем, что, повидимому, выражает стремление некоторой части рабов, а возможно, и рабовладельцев, урегулировать взаимные отношения между рабами и их собственниками, особенно стремление рабов обуздать произвол рабовладельцев.

Нередко рабы принимали участие в борьбе между различными прослойками свободного населения, что иногда сопровождалось их массовым освобождением. Когда в 426 г. на острове Керкире происходила борьба между олигархами и демократами, «обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам» (Ф у к и д и д, III, 73).

§ 4. Влияние рабства на развитие греческого хозяйства. В V—IV вв. до н. э. рабовладельческое хозяйство достигло в некоторых греческих государствах, относительно говоря, высокого уровня, и это было, несомненно, прогрессивным явлением. Мы «...должны сказать, — каким бы противоречием и ересью это ни казалось, — пишет Ф. Энгельс, — что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед». «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы... и римского государства. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы» [1]. «Ясно одно: пока человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение сношений, развитие государства и права, создание искусств и наук — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда... между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством. Простейшей, совершенно стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было именно рабство» [2].

И. В. Сталин тоже отмечает прогрессивный для определенного времени характер рабовладельческого строя: «Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях

[1] Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 1950, стр. 170, 169.
[2] Т а м ж е, стр. 170.

разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем»[1].

Но на дальнейшее развитие греческого хозяйства рабство оказало тормозящее влияние. Античный рабовладельческий строй, основанный на подневольном труде, был осужден на технический застой. Основная причина этого явления заключается в том, что раб, как говорит К. Маркс, «...дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и con amore [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»[2]. Это одинаково относится и к промышленности, и к сельскому хозяйству. Простейшие орудия (отсутствие усовершенствованных инструментов и механизмов, а главное — машин) обусловливали низкую производительность труда. Удовлетворить растущие потребности общества в продуктах производства при низкой производительности труда можно было только одним способом: увеличением количества рабов пропорционально развивающимся общественным потребностям. Поэтому постоянное пополнение рабской трудовой армии путем разного вида насилий и войн было непременным условием роста античного производства. Это было тем более необходимо, что свободные по возможности уклонились от физического труда, считая его несовместимым с достоинством свободного человека. «Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей»[3]. В связи со всем этим рабовладельческая система производства стала помехой развитию производительных сил, и рабовладельческое античное общество вступило в затяжной кризис, выйти из которого стало возможным только путем насильственного низвержения рабовладельческой системы производства и замены ее высшей, по сравнению с рабовладельческой, феодальной системой.

ГЛАВА XXIX

РОСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРЕЦИИ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ПЕРСАМИ

§ 1. Греция после победы над персами. Война с персами вызвала большое напряжение народных сил. О силе общественного подъема, вызванного войной, можно судить по следую-

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539—540.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 203, прим. 17.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450.

щему примеру. После нашествия Ксеркса Афины представляли собой сплошные развалины. Прежде всего надо было восстановить крепостную стену, окружавшую город. Все афинское население от мала до велика приняло участие в этой работе и закончило ее в один месяц. Длина воздвигнутых стен равнялась 9 *км*, высота — $3^1/_2$ *м*, а ширина — 6 *м*. Эту громадную работу выполнили не только в кратчайший срок, но и мастерски. Извести при кладке стен не применяли. Камни обтесывали так тщательно и точно, что они как бы прилипали друг к другу.

В связи с этой растущей активностью масс время греко-персидских войн являлось для многих греческих государств также временем напряженной политической борьбы: война обострила противоречия, существовавшие между различными прослойками рабовладельческого класса. Такой подъем политического движения наблюдался в Аттике, Беотии, в Спарте и других государствах Пелопоннеса, в греческих колониях — Ольвии, Херсонесе Фракийском, Гераклее Понтийской, в Сиракузах.

В Беотии была свергнута власть родовой аристократии и установлено олигархическое правление крупных землевладельцев и скотоводов, не принадлежавших к знати. Этот переворот был ускорен карательной экспедицией, которую предприняли после платейской битвы против беотийских аристократов, сторонников персов, объединенные греческие войска под начальством спартанца Павсания, победителя при Платее. Осадив Фивы, Павсаний потребовал выдачи предателей-аристократов и казнил их.

Павсаний принадлежал к царскому роду Агиадов и был одно время регентом в качестве опекуна малолетнего царя Плейстарха, сына знаменитого Леонида, павшего при Фермопилах. В самой Спарте Павсаний возглавил оппозицию внутри господствующего класса — спартиатов — против консервативной партии, руководимой эфорами. Оппозиция ставила своей целью лишение эфората его руководящего значения, решительный переход к агрессивной внешней политике для установления спартанского верховенства в Греции, увеличение числа полноправных граждан путем включения в их состав периэков и даже илотов. Для осуществления своей программы Павсаний рассчитывал на помощь персов и, по свидетельству Фукидида, «обещал илотам свободу и права гражданства, если они примут участие в восстании и во всем будут помогать ему». Эфорам удалось справиться с движением, сам Павсаний погиб, обвиненный в «мидизме» (т. е. в приверженности к Персии). Вскоре после гибели Павсания началось восстание илотов (около 464 г. — третья мессенская война, о которой уже было упомянуто выше). Движение, возглавлявшееся Павсанием, а особенно восстание илотов, несмотря на неудачу, все же расшатывали военно-аристократический строй Спартанского государства, оплота консервативных и реакционных сил всей Греции, и ослабляли его.

Если в Спарте консервативное большинство господствующего класса оказалось достаточно сильным для того, чтобы справиться с оппозицией в своей среде, то в соседнем с Лаконикой Аргосе начавшееся после персидских войн демократическое движение закончилось победой демократов и установлением демократического правления. Подобные явления наблюдались и на периферии. Так, в Сиракузах (60-е годы V в. до н. э.) была низвергнута тирания и установился демократический строй, просуществовавший более 50 лет. В Гераклее Понтийской и других греческих городах на побережье Черного моря тоже в это время аристократия заменена была демократией.

§ 2. Политическая борьба в Афинах в 470—460 гг. Лучший пример победоносной борьбы за рабовладельческую демократию представляет собой история Афин, в частности Афин V в. до н. э., когда афинская демократия достигла своего высшего развития. В Афинах борьбу внутри рабовладельческого класса возглавляли две группировки или партии — аграрно-консервативная, даже реакционная в некоторой своей части, с одной стороны, и демократическая, или морская, — с другой.

Руководящей группой в аграрно-консервативной партии были крупные землевладельцы, аристократы, но большинство ее составляли крестьяне, мелкие землевладельцы. Как известно, еще до битвы при Саламине происходила ожесточенная борьба между аграрной и морской партиями по вопросу о том, как должно организовать оборону против персов, грозивших новой войной, — на суше или на море. Глава аграрной группировки Аристид был вынужден уйти в изгнание, и морские круги во главе с Ксантиппом, а затем Фемистоклом осуществили свою программу, которая в военном отношении блестяще себя оправдала. Но сельская Аттика была разорена, поэтому в деревне были недовольны политикой демократов, требовали восстановления сельского хозяйства, желали возврата к старине, к «порядкам отцов» т. е. ко времени Солона, когда мерилом богатства был хлеб. Для идеологов аграрной группировки характерно лаконофильство. Спарту ставили в образец как страну, где граждане не гонятся за богатством, а, довольствуясь малым, живут тем, что дает им земля. Политический строй Спарты также выставлялся как образцовый: здесь, в противоположность демократическим государствам, правят люди знатного происхождения, от рождения воспитываемые для государственной деятельности.

Во главе демократической, или морской, партии стояли богатые купцы, экспортеры, судовладельцы и собственники корабельных верфей, владельцы крупных мастерских с рабским трудом (эргастериев). Основную массу составляли ремесленники, городская беднота и многочисленный трудовой люд, связанный с мореплаванием и живший по преимуществу в Пирее: матросы и гребцы на кораблях, грузчики, судостроительные рабочие, портовые служащие и прочая «корабельная чернь», как прозвали их политические противники. Основными лозунгами демократической партии были «исеномия» и «исагория». Первое

означает равенство гражданских прав (одинаковые права для мужчин и женщин в распоряжении имуществом, одинаковые для всех законы о наследовании и т. д.). Второе означает полное равенство политических прав — равное для всех активное и пассивное избирательное право. Внешняя политика демократов была агрессивной: развитие торговли и промышленности требовало расширения афинской державы, захватов чужих территорий, портов, основания новых колоний и клерухий. Характерно также враждебное отношение к Спарте и ожидание борьбы с ней за гегемонию (предводительство), т. е. за верховенство в Греции. Для этой цели демократы стремились к объединению греческих демократических государств против аристократических коалиций, возглавлявшихся Спартой.

Обострение борьбы между двумя группировками — аграрной и морской — падает на первые двадцать с лишком лет так называемого «пятидесятилетия» (т. е. времени от нашествия Ксеркса в 480 г. до начала Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э.).

Крупнейшим афинским деятелем с конца 490-х годов до конца 470-х годов был Фемистокл — вождь демократической партии. Самая личность Фемистокла была характерна для нового круга деловых людей, который он возглавлял. Фемистокл тоже был человек незнатный, не получил хорошего образования и всем был обязан самому себе. В начале своей карьеры он был даже и небогат. Но ловкий делец, он не брезговал никакими средствами для того, чтобы создать себе состояние. «Говоря вообще, Фемистокл в силу природного дарования, при ограниченности необходимой для него подготовки, обладал в наивысшей степени способностью моментально изобретать надлежащий план действий», — пишет Фукидид (1, 138).

Напротив, противник Фемистокла Кимон, вождь аграрной группировки, выдвинутый на политическое поприще Аристидом, принадлежал к верхам афинской знати: он был сыном Мильтиада, победителя при Марафоне, а по матери — внуком фракийского царя Олора. Богач, красавец, аристократ, враг демократии и лаконофил, он старался добиться популярности не только своими делами, но и косвенным подкупом. Он сделал «из своего дома общий для всех граждан пританей» (общественный дом) (Плутарх, Кимон, 10) и кормил в нем множество приглашенных. У своих садов он приказал сломать ограду, чтобы желающие могли пользоваться их плодами. Аристократические привычки, однако, не мешали Кимону быть выдающимся политиком и первоклассным полководцем. Он командовал во многих походах и не знал поражений.

В 70-х годах V в. в Афинах преобладание получила аграрно-консервативная партия, и вождь демократов Фемистокл был даже изгнан остракизмом (471 г.). После изгнания враги продолжали упорно его преследовать, обвинили в «мидизме» — в измене родине. Афинский суд объявил Фемистокла вне

закона. Фемистокл бежал в Персию, и там через несколько лет умер.

Официально никаких изменений в афинскую конституцию внесено не было, но фактически значительно усилилось значение аристократического ареопага. Это старинное учреждение обладало таким важным правом, как право вето по отношению к решениям народного собрания, если это решение, по мнению членов ареопага, находилось в противоречии с афинскими законами. Кроме того, ареопагу были подсудны дела по должностным преступлениям. Руководящую роль в Афинах в 460-х годах играл Кимон. Крупнейшим событием этого времени является победа Кимона при Эвримедонте, реке в Памфилии (юг Малой Азии). Сначала Кимон разгромил финикийский флот «великого царя», затем сделал высадку и разбил сухопутное персидское войско (468 г.). После этой победы военные действия против персов приостановились на 9 лет (до 459 г.).

К концу 60-х годов демократическая группировка вновь активизировалась настолько, что сторонники Кимона вынуждены были уступить место демократам, ставшим во главе управления Афинской республикой. Непосредственным поводом к падению Кимона послужило его предложение экклесии послать военный отряд на помощь спартиатам против восставших илотов. Несмотря на противодействие народного собрания, вспомогательный отряд в Лаконию был послан. Спартанцы отнеслись подозрительно к афинскому вмешательству, опасаясь, что вместо помощи спартанскому правительству афинские гоплиты поддержат илотов, и отослали афинский отряд обратно. В Афинах весь этот инцидент вызвал возмущение. Кимон был лишен должности стратега и остался не у дел, а затем тоже был изгнан остракизмом за лаконофильство.

§ 3. Реформы Эфиальта. Так, в конце 60-х годов V в. власть вновь перешла к демократам, притом наиболее радикальным. На первое место выдвинулся вождь «корабельной черни» Эфиальт. Деятельность Эфиальта обычно не находит себе достойной оценки. Из соотечественников Эфиальта никто не написал биографии этого «крайнего» демократа и замечательного человека, поэтому о его жизни известно мало. Мы знаем лишь, что он был сыном Симонида и происходил из аристократического, но совершенно разорившегося рода. Он жил чуть не в землянке, за городом, иногда голодал. Когда его звали на торжественные обеды, он не принимал приглашений, ссылаясь на то, что не может отплатить тем же. Будучи близок по имущественному положению к народным низам, он стал другом бедноты, которая считала его народным заступником («простатом демоса»). В глазах Эфиальта истинным хозяином государства должен был быть простой народ (в античном понимании этого выражения, т. е. низшие слои гражданства). За это его не любили умеренные разных видов и ненавидели враги демократии, обвиняя в том, что «он опоил демос неумеренной свободой» (П л а т о н).

Когда в 462 г. Эфиальт стал стратегом, он выступил непримиримым врагом всех взяточников и казнокрадов. Им был начат ряд судебных процессов против должностных лиц, допускавших злоупотребления (подкупность и присвоение государственных денег). При этом он не щадил и членов ареопага, подготовляя общественное мнение к намеченной реформе этого учреждения. В 461 г. народное собрание, руководимое Эфиальтом, лишило ареопаг права утверждать или отвергать законы, принятые экклесией. Кроме того, у ареопага было отнято право судить лиц, обвинявшихся в должностных преступлениях; все дела этого рода были перенесены в совет 500 и в гелиэю — народный суд присяжных. Таким образом, деятельность должностных лиц всех разрядов была поставлена под контроль народа. Ареопагу остались подсудными только уголовные дела об убийстве и о религиозных преступлениях. Убийство как преступление, связанное с пролитием крови, также относили к преступлениям против религии — пережиток, сохранившийся со времен глубокой древности.

Кроме того, видимо в это время народному суду — гелиэе — была поручена охрана конституции. Всякому гражданину предоставили право при голосовании в народном собрании (и далее в течение года) какого-либо законопроекта заявить под присягой, что данное законодательное предложение противозаконно. После такого заявления опротестованное предложение рассматривалось в народном суде — гелиэе. На суде обвинитель и его сторонники должны были доказать, почему данный законопроект является несоответствующим законам или вредным. Если суд соглашался с обвинителем, обвиненного во внесении несоответствующего законам или вредного законопроекта штрафовали, а в особенно серьезных случаях могли даже казнить. Если жалоба признавалась судом неосновательной, штрафовали внесшего жалобу.

Это учреждение носило название «графэ параномон», что значит — жалоба на нарушение закона или обвинение в нарушении закона. Графэ параномон была важным дополнением к неписаной афинской конституции. Контроль гелиэи посредством графэ параномон предохранял от внесения в экклесию для обсуждения и голосования реакционных законопроектов, защищал демократию от сторонников олигархии, политиканов, диллетантов, интриганов. Благодаря графэ параномон стало очень трудно врагам демократии изменить афинскую демократическую конституцию. Судебная охрана придала ей прочность, устойчивость.

После реформ Эфиальта, в связи с общим оживлением демократии, стали чаще собираться народные собрания и оживилась деятельность демократического совета 500 — булэ. Повидимому, у Эфиальта был также план больших социальных реформ, но он не успел приступить к их осуществлению. Сторонники знати ненавидели Эфиальта. В 461 г. он был убит из-за угла, когда возвращался ночью в свою хижину, находившуюся в городском предместье. Убийцы остались неразысканными. Надо думать, что

это были политические враги Эфиальта или подосланные ими лица.

Таким образом, большое участие народных масс в войне с Персией вызвало значительную активность их и во внутренней жизни греческих передовых полисов и способствовало развитию в них в первой половине V в. демократического строя. Причем в движении, возглавляемом в Афинах Эфиальтом, принимали участие уже самые низы свободного населения. «Корабельная чернь», как их презрительно называли состоятельные люди, уже не удовлетворялась политическими переменами и выступала с требованием социальных реформ.

ГЛАВА XXX

ПРАВЛЕНИЕ ПЕРИКЛА В АФИНАХ

§ 1. Афинская морская держава в 450—440 гг. После гибели Эфиальта демократическая партия продолжала оставаться у власти. Во главе ее стояли вожди — Дамон, Толмид, Перикл, которых иногда называют учениками и сотрудниками Эфиальта. Но первые пятнадцать лет (до 445 г.) главное внимание она сосредоточила на внешних делах и проводила воинствующую, великодержавную внешнюю политику. В этот период Афинская республика вела почти непрерывные войны с другими греческими государствами (в особенности с Пелопоннесским союзом) и с персами. Целью этих войн было превратить Афины в сильнейшую морскую державу греческого мира и добиться гегемонии, т. е. господства, в Греции. Это связано было с тем, что после смерти Эфиальта главной опорой афинской демократии стали не низы, а средние зажиточные элементы морской партии.

Непосредственным поводом к войне с Пелопоннесским союзом послужило торговое соперничество между Афинами и Коринфом. Афиняне проникли на берега Коринфского залива, который был для Коринфа началом морского пути на запад (захват Навпакта в Локриде и поселение здесь мессенских выходцев). Кроме того, афиняне ввели свой гарнизон в Мегары, которые в 460 г. отложились от Пелопоннесского союза и перешли на сторону Афин. Афинский гарнизон в Мегарах создавал угрозу для Коринфа с севера.

Войну (продолжавшуюся с перерывами от 459 г. до 446 г. до н. э.) начал Коринф. Афиняне разбили союзников Коринфа эгинетов, осадили г. Эгину, затем нанесли поражение самим коринфянам при Мегарах. Поражение коринфян вызвало вступление в войну Спарты, и спартанцы нанесли поражение афинским войскам при Танагре (Беотия) в 457 г. Но афинские войска под командой Миронида одержали победу над беотянами при Энофитах и подчинили себе почти всю Беотию вместе с Локридой и Фокидой. Толмид во главе афинского флота даже обогнул Пелопоннес, напал на его прибрежные области и осадил Сикион. Вскоре афиняне снарядили вторую морскую экспедицию под командой Перикла (454 г.) в Коринфский залив. Перикл принудил города Ахайи вступить в союз с афинянами, разорил Сикион и поселения на север-

ных берегах залива. Весь Коринфский залив и почти вся Средняя Греция оказались под афинским контролем. В союз с Афинами вступила и Фессалия.

Но одновременно с войной в самой Греции афиняне с 459 г. вели войну в Египте, восставшем против персидского владычества. По просьбе вождя восстания, ливийца Инара, афиняне послали в Египет 200 триер: подчинение Египта своему влиянию имело для Афин экономическое и стратегическое значение. Афинские суда прорвались сквозь рукава нильской дельты и вместе с восставшими египтянами осадили Мемфис. Поход закончился катастрофой: потерей посланного в Египет флота и 35 тыс. человек, в большинстве — афинских союзников. Крупное поражение на востоке вынудило афинян заключить перемирие с Пелопоннесским союзом на 5 лет (453 г.).

Военные действия возобновились в 448 г. и протекали весьма неудачно для афинян. В Беотии началось движение против Афин, организованное представителями знатных родов, изгнанных афинянами после победы при Энофитах. Афинский отряд под начальством Толмида, посланный против восставших, был разбит при Коронее (447 г.) и почти уничтожен, а Толмид пал в бою. Беотия, а вслед за ней Локрида и Фокида вышли из-под афинского влияния. Восстала Эвбея, входившая в Афинский союз. Спартанцы вторглись в Аттику и опустошили ее.

Афиняне были снова вынуждены заключить перемирие с Пелопоннесским союзом уже на 30 лет (445 г.). По «тридцатилетнему миру» обе стороны в основном сохранили то, чем владели до войны, и обязались не вступать в союз с государствами другого союза, а также не оказывать помощи общинам, входящим в другой союз, если они начнут восстание против своих гегемонов. Афиняне отказались от приобретений в Пелопоннесе и от Мегар. Навпакт и Эгина остались за афинянами.

Таким образом, война за преобладание в Греции кончилась для Афин неудачно. Помимо египетской катастрофы, это объясняется тем, что афиняне, повидимому, переоценили свои силы и недооценили силы своих противников. Зато удалось выгодным миром закончить затянувшуюся войну с Персией. Как уже указывалось, афинский уполномоченный Каллий в 449 г. заключил мир с персами, условия которого нам неизвестны, но после которого Эгейское море было фактически закрыто для плавания персидских судов.

Во время войн 459—445 гг. отношения между афинянами и их союзниками были уже иными, чем в первые годы существования делосской симмахии.

Еще при Кимоне, до прихода к власти демократической партии, из союза вышел богатый остров Наксос. Афиняне по собственной инициативе (без согласия с синодом) организовали карательную экспедицию против отложившегося острова и принудили наксосцев к сдаче, после чего лишили их автономии. Несколько позднее (465 г.) отложились от афинян жители острова Фасоса. Афиняне разбили флот фасиян, потом нанесли им поражение на суше. «Фасияне же на третьем году осады сдались афинянам на капитуля-

цию, срыли укрепления, выдали флот, обязались немедленно внести ту сумму, какою они были обложены, в будущем платить дань, отказались от владений на материке и от золотых приисков» (Фукидид, I, 101, 3).

Афиняне уже не смотрели на симмахию как на союз равных, а считали ее сочленов подчиненными руководящему государству — Афинам. Афинские демократы в этом отношении продолжили и развили жесткую политику Кимона и аграрной группировки по отношению к союзным общинам. Афинское государство распоряжалось бесконтрольно средствами, которые составлялись из союзных взносов (фороса). В 454 г. союзная казна была даже перенесена с Делоса в Афины. Афинское правительство требовало у союзников вспомогательных отрядов и матросов для флота не только против персов, но и против других греческих государств. Мало того, афиняне стали вмешиваться во внутренние дела союзников: они разделили территорию союза на 5 административных округов с своими «наблюдателями» (епископами) во главе, а с союзными государствами, выражавшими недовольство этим или сделавшими попытку отложиться от союза, поступали так же, как Кимон с Наксосом и Фасосом. Во многих союзных государствах поселили афинских колонистов — клерухов. Эти поселки афинских граждан были не только земледельческими, но и военными колониями. Каждый поселенец (клерух) был обязан военной службой, и каждая клерухия в целом представляла собой военный гарнизон, задачей которого было держать союзников в повиновении. Так делосская симмахия утратила черты добровольного союза автономных и равноправных государств. Она превратилась в Афинскую державу («архе»), а члены союза — в подданных Афинского государства.

Нам неизвестны в достаточной мере подробности политической борьбы между аграрной и морской (демократической) группировками в течение первых 15—17 лет после прихода к власти демократов в 462 г. Можно только сказать, что эта борьба была обостренной и шла с перевесом на стороне демократов. Во главе оппозиции сначала стоял Кимон, который вернулся из изгнания в 457 г. В 449 г. Кимон умер, и его место занял Фукидид, сын Мелесия (не историк). Но в 444 г. Фукидид был изгнан посредством остракизма, и с этого года до 430 г. господство демократической группировки было непоколебимым и никем не оспариваемым. Так как в эти годы во главе правительства бессменно оставался Перикл, ежегодно избиравшийся в стратеги, принято называть эти 14 лет «временем правления Перикла».

§ 2. Правление Перикла. Перикл происходил из аристократического рода, а по матери был внучатым племянником Клисфена, следовательно, близким родственником Алкмеонидов. Он был богат, хотя не так богат, как Кимон, но, в противоположность последнему, весьма расчетлив. Перикл получил прекрасное образование и на протяжении всей своей жизни интересовался вопросами науки и искусства. Среди близких ему людей можно назвать Ана-

ксагора — философа, приближавшегося по своим взглядам к материализму, Сократа, Софокла — автора трагедий, «отца истории» Геродота, жившего одно время в Афинах, скульптора Фидия. Античные авторы приписывали Периклу исключительную выдержку и самообладание. В народном собрании Перикл умел вести себя, как немногие другие политические вожди, словом мог успокоить бурю. По отзыву Фукидида, он был «самый могучий словом и делом» (Фукидид, I, 139, 4). Современники считали его непревзойденным в модном тогда искусстве вести спор: «Когда Архидам, царь лакедемонян, спросил у Фукидида [сына Мелесия, политического противника демократов], кто лучший борец — он или Перикл, Фукидид ответил: «Если даже я его поборю и положу на обе лопатки, он и тогда убедит всех зрителей, что стоит на ногах» (Плутарх, Перикл, 8). Периклу приходилось участвовать в походах и командовать большими соединениями, причем он показал себя хорошим полководцем, хотя и не таким талантливым, как Кимон.

И в личной жизни Перикл показал себя передовым человеком, лишенным предрассудков своего времени. Перикл выбрал себе подругой иностранку, т. е. не афинянку, а уроженку Милета — Аспазию. Молва считала ее куртизанкой — «гетерой». Общение с гетерами было в Греции и Афинах общераспространенным обычаем, но Периклу не хотели простить того, что он поднял Аспазию до положения жены. Аспазия была умна, красива и образованна; общительная, стоящая в самом центре всех политических дел, она умела объединять вокруг себя передовых представителей своего века. С ней любили беседовать выдающиеся люди из друзей и знакомых Перикла, в том числе Сократ. Для Перикла она была не только женой, но другом и советницей.

Перикл принадлежал к кругу сторонников Эфиальта, но его политика была умереннее. При Перикле масса свободных мелких производителей не была хозяином положения, а лишь объектом политики средних рабовладельцев. Девизом этой политики было: пусть народ будет спокоен и не мешает им проводить свои планы. Перикл представлял не крайнюю левую часть морской (демократической) партии, а ее центр. Он действовал в интересах, главным образом, людей среднего состояния: зажиточных купцов, лавочников, ремесленников, передовых землевладельцев, перешедших к интенсивным культурам, даже крестьян из тех, которые, оправившись от персидского разгрома, приспособили свое хозяйство к требованиям рынка и были заинтересованы во внешней торговле. Правое и левое крыло демократической партии при Перикле заметной роли не играли.

Общую характеристику Перикла как политического деятеля Фукидид дает в следующих словах: «Опираясь на свой престиж и ум, будучи, очевидно, неподкупнейшим из граждан, он свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею. По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» (Фукидид, История, II, 56, 5, 8, 9).

Мы не можем установить хронологической последовательности реформ, приписываемых Периклу, даже не всегда можно сказать, какие из этих реформ проведены именно Периклом, а не Эфиальтом или другими преемниками последнего. Обычно Периклу приписывается прежде всего введение вознаграждения за несение выборных государственных должностей («мистофория»). Вознаграждение это выплачивалось посуточно. Присяжные заседатели получали два обола (несколько больше 8 копеек золотом), архонты 4 обола, члены совета 500 («булевты») 5 оболов и т. д. Оплата была невелика, меньше поденного заработка некоторых ремесленников (каменотес получал, например, одну драхму, т. е. 6 оболов в день), но при тогдашних ценах не казалась ничтожной. В связи с этим еще в 457 г. впервые на должность архонта был избран зевгит; начали избирать на различные должности и фетов, другими словами, мистофория дала возможность и неимущим гражданам использовать это право.

Далее было установлено жалованье солдатам, матросам и командирам. Гребец, например, получал одну драхму в сутки. Командирам платили вдвое и втрое дороже. Широко применялась и система прямых раздач. Граждане получали деньги на покупку мест в театре в размере одной драхмы («теорикон»), но эти деньги можно было истратить и на другие надобности. Иногда выдавали бесплатно хлеб («подарки» из Египта и Босфора). При Перикле в более широких размерах, чем раньше, отводили нуждавшимся в земле гражданам земельные наделы (клеры) за пределами Аттики, преимущественно на землях государств, входивших в афинскую морскую державу. Эти поселения — клерухии — не только уменьшали количество безземельных, но имели также военное и торговое значение. Есть сведения, что в общем получили клеры свыше 10 тыс. семей.

Кроме того, Перикл был инициатором больших общественных работ, которые давали заработок безработным и нуждающимся, хотя это и не было непосредственной и единственной целью Перикла. На общественные работы затрачивались колоссальные для того времени суммы: постройка одного только Парфенона обошлась в 7 тыс. талантов. Эти деньги в значительной части были выплачены художникам, мастерам, ремесленникам, каменотесам и подсобным рабочим. Все перечисленные выше мероприятия отвечали интересам разорившихся крестьян (клерухии), фетов (служба во флоте) и вообще людей нуждающихся.

§ 3. Афинская конституция. В это время наиболее законченный свой вид приняла и конституция афинской рабовладельческой демократии. Верховные права принадлежали экклесии, народному собранию, и, соответственно с этим, круг дел, подлежавших его обсуждению, был очень обширен. Как носитель верховной власти оно обсуждало все вопросы, связанные с управлением, и выносило по ним решения.

Так, экклесия производила избрание посредством открытого голосования — поднятием рук («хейротония») — десятерых страте-

гов. После избрания стратеги получали от народного собрания определенные назначения, что также сопровождалось открытым голосованием.

«Поднятием рук, — говорит Аристотель, — дают им [стратегам] определенное назначение: одному — для гоплитов, и он командует ими, когда они выступают в поход; одному — для своей страны, и он охраняет ее, а если военные действия начинаются в ее пределах, ведет там войну. Двоих назначают для Пирея... На них возлагается забота об охране всего находящегося в Пирее». Далее, одного назначают для постройки судов группами богатых граждан («симмориями»). «Остальным [стратегам] дают назначения сообразно с текущими обстоятельствами» (Аристотель, Афинская полития, 61, 1).

Народному собранию принадлежало, кроме того, право проверки деятельности властей. На экклесии выясняли, «находит ли народ, что они [т. е. стратеги] правильно исполняют обязанности». Если действия какого-либо стратега будут признаны неправильными, «его предают суду и, в случае признания виновным, определяют наказание, которому он должен подвергнуться, или штраф, который он должен выплатить; если же его оправдают, он продолжает нести свои обязанности» (Аристотель, Афинская полития, 61, 2). Таким образом, важнейшие должностные лица во времена расцвета афинской демократии, стратеги, находились под постоянным контролем экклесии.

Кроме стратегов, непосредственно народным собранием, путем открытого голосования, выбирались все вообще военные начальники, а также лица, ведавшие воспитанием и военным обучением «эфебов» (эфебами назывались молодые люди из полноправных граждан в возрасте от 18 до 20 лет). Открытым голосованием народное собрание выбирало также некоторых финансовых должностных лиц, смотрителя афинского водопровода и др. Индивидуальные кандидатуры на все перечисленные должности объясняются тем, что для занятия их требовались люди со специальными знаниями или навыками в управлении денежными и хозяйственными делами, люди, обладавшие состоянием, которое гарантировало бы государству возможность взыскать с них убытки в случае неудачного управления порученными им делами. Экклесия, кроме того, обладала правом составлять проекты приговоров по делам о должностных и политических преступлениях, рассматривавшихся комиссиями гелиэи. Особо важные государственные преступления судила сама экклесия. Так, народное собрание осуществляло контроль над выборными им лицами и над всеми представителями власти вообще. Этот контроль облегчался многочисленностью членов экклесии и тем, что возбудить соответствующее дело мог любой член ее.

Народное собрание было и высшим законодательным органом. Каждый его участник мог выступить с проектом нового закона. В обсуждении законодательного предположения могли участвовать все члены экклесии. Если собрание одобряло законопроект, он поступал для дальнейшего обсуждения в булэ — совет 500, который подготовлял свое заключение по поводу вновь предложенного закона. Такое заключение называлось «пробулевма». Выслушав пробулевму, собрание вновь обсуждало законопроект вместе с заключением совета. После прений законопроект вторично голосовали.

Если собрание принимало его, он не становился еще законом. Принятое экклесией законодательное предположение передавали в специальную комиссию — гелиэю, состоявшую из присяжных, которых в данном случае называли «номофетами». После того как номофеты утверждали принятый экклесией законопроект, последний становился законом («номос»), т. е. входил в общий строй законоположений Афинской республики и становился обязательным для всех граждан. До этого он был «псефизмой», т. е. постановлением, не имеющим общеобязательного значения.

Описанный порядок издания законов, с одной стороны, подобно графэ параномон, содействовал устойчивости демократических афинских порядков. С другой стороны, он был выгоден правящей верхушке демократии, так как, в случае внесения вредного с точки зрения руководящих кругов законопроекта, в промежуток между первым его чтением и заключительным собранием можно было теми или иными средствами повлиять на большинство экклесии и провалить нежелательные предложения.

Другим важнейшим государственным органом являлся с о в е т 5 0 0 — б у л э. Выборы членов совета, булевтов, происходили путем жеребьевки по демам пропорционально населению дема с таким расчетом, чтобы от каждой филы в совет входило 50 человек. В полном составе совет обычно заседал мало, а был разделен на 10 «пританий» по числу фил. В течение года сессия каждой притании продолжалась, в порядке очереди, около месяца (от 36 до 39 дней). Благодаря такому порядку совет являлся постоянно действующим учреждением. Пританы заседали в особом здании и здесь же получали обед за счет государства. Из своей среды они ежедневно избирали председателя — «эпистата»; в V в. эпистат председательствовал на общем заседании булэ и в народном собрании. Он же хранил ключи от государственной казны и архива, а также государственную печать.

Совет был представителем государства при дипломатических сношениях, принимал послов и представлял их народному собранию. Иногда совет совместно с гелиэей подтверждал договоры с иностранными государствами клятвой от лица республики. Совет имел право возбуждать дела против представителей власти по своей инициативе и по жалобам частных лиц, мог даже выносить по этим делам решения, присуждая виновных к штрафу, заключению в тюрьмы и к казни. В связи с этим совет имел неограниченное право ареста государственных преступников и передачи их дел в суд или в народное собрание, если мера наказания по этим преступлениям превышала компетенцию совета, Совет составлял пробулевмы, т. е. предварительные решения по поводу законопроектов, вносимых в экклесию. Совету принадлежало право «докимасии», т. е. проверки гражданских прав и нравственных качеств избранных в булевты и архонты.

В лице пританов совет наблюдал за приведением в исполнение постановлений экклесии, ведал всеми текущими делами по государственному хозяйству, следил за общественными работами, наблюдал за воспитанием эфебов, отвечал за состояние флота и флотского хозяйства. В пределах города пританы обладали полицейской властью. Они же отправляли вестников и выслушивали послов. Пританы созывали булэ и народные собрания, подготовляли для них программы заседаний. Таким образом, совет 500 являлся не только исполнительным органом народного собрания, но и его полномочным президиумом.

После установления графэ параномон и реформы ареопага особо важное значение приобрел в Афинах с у д п р и с я ж н ы х — гелиэя. Во времена расцвета демократии в Афинах присяжные судьи («дикасты» и «гелиасты») избирались ежегодно из числа всех граждан, не опороченных по суду и не

состоящих в числе должников государства, имеющих свыше 30 лет и выразивших желание баллотироваться. Выборы производились посредством жребия. Общее число гелиастов было 6 тыс. человек (по 600 человек от каждой филы). Из этого числа 1 тыс. человек являлись запасными, остальные 5 тыс. человек опять-таки посредством жеребьевки распределялись между судебными местами для участия в судах. На судах выступали обвинители и обвиняемые, после чего гелиасты приступали к тайной подаче голосов. Голосовали камешками: цельный камешек означал оправдание, просверленный — обвинение. Равенство голосов рассматривалось как оправдание. Председатель только следил за правильным ходом процесса и никаких заключений по поводу прений сторон и свидетельских показаний не делал. Все это должно было обеспечивать свободу судей от влияния со стороны.

Древние учреждения — коллегия архонтов и ареопаг — во времена расцвета афинской демократии продолжали существовать, но утратили свое прежнее первенствующее значение. Функции коллегии архонтов свелись в основном к рассмотрению поступавших к ним судебных дел и к направлению их в суды, а также к некоторым обязанностям религиозного характера (организация религиозных процессий, жреческие обязанности и пр.). Ареопаг, как уже было сказано, со времен Эфиальта превратился главным образом в суд по делам о предумышленном убийстве, поджогах и религиозных преступлениях.

Таков был государственный строй в Афинах V в. до н. э. Нечто подобное наблюдается и в других передовых греческих полисах. Афинская рабовладельческая демократия представляет большой шаг вперед по сравнению с аристократическими отсталыми государствами Греции и сравнительно с деспотическими державами Востока как «...очень развитая форма государства, демократическая республика...»[1]. Афинская конституция отразила новый общественный строй, который для своего времени был прогрессивным явлением. Она явилась результатом полного крушения афинской родовой олигархии. Вместе с этим закончилось формирование классового общества и утвердился р а б о в л а д е л ь ч е с к и й строй, который, как он ни уродлив с нашей точки зрения, соответствует более высокой ступени общественного развития, чем родовое общество.

Но ни на минуту не следует забывать, что в древней Греции идеи народного правления были осуществлены далеко не полностью, и поэтому переоценивать античный «демократический строй» не следует. В греческих полисах подлинный трудовой народ состоял главным образом из рабов. В рабовладельческом обществе свободные составляли лишь незначительный процент настоящего трудового народа, главными, непосредственными производителями были рабы. Но эти последние не только не имели политических прав, но и самое рабовладельческое государство во всех его разновидностях было аппаратом для беспощадного угнетения рабов и подавления их сопротивления эксплуататорам. Поэтому рабы, которых

[1] Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 123.

в Аттике было больше (около двух третей всего населения), чем свободных, были лишены всех человеческих прав. Таким образом, афинская «демократия» была рабовладельческой, так как она была предназначена для упрочения господства рабовладельцев и удержания в повиновении класса рабов. К тому же около половины и свободного населения — женщины — политическими правами тоже не пользовались. Кроме того, были лишены политических прав и метеки. Следовательно, лишь какая-нибудь шестая часть населения Аттики была политически полноправной.

Затем, далеко не все имевшие политические права могли ими пользоваться. Афинская конституция давала перевес городу над деревней. Экклесия собиралась в Афинах на Пниксе по утрам. Афинские купцы, мелкие торговцы, даже наемные работники, поденщики и пр. могли принять участие в народном собрании до начала трудового дня. Но иногородние, а особенно крестьяне, как правило, на народные собрания не являлись или являлись в ограниченном количестве. Тем, кто жил далеко от Афин, приходилось тратить 2—3 дня, иногда в горячую рабочую пору, чтобы принять участие в экклесии. Поэтому число участников собрания на Пниксе обычно не превышало 2—3 тыс. человек из 35-тысячного свободного мужского взрослого населения Аттики. Надо отметить еще одну теневую сторону античной демократии. Юридически каждый гражданин города-государства имел право быть избранным на любую должность, но государственные должности почти повсеместно были бесплатными, а потому они были доступны лишь для богатых людей. Правда, в Афинах при Перикле была введена плата присяжным, булевтам, архонтам, но и теперь высшая должность — стратегов — продолжала оставаться бесплатной, почему стратегами могли быть только состоятельные люди, чуждые народным низам.

Наконец, античная демократия ставила себе не освободительные цели, а стремилась к экспансии, к тому, чтобы не только держать в узде наличных рабов, но и захватывать новых, к тому, чтобы приобретать и эксплуатировать подданных.

Так, доходы Афинского государства состояли из таможенных, портовых, рыночных, судебных сборов, сборов с торговых сделок, с продажи рабов, из подушной подати, которую брали с метеков, из доходов с государственных имуществ. Некоторые государственные нужды удовлетворялись так называемыми литургиями. Этой повинности подлежали наиболее богатые граждане. Литургии были разного рода: так, например, триерархия, заключавшаяся в обязанности снарядить военный корабль, хорегия — в обязанности составить, обучить и оплатить хор для драматических представлений и пр. В исключительных случаях экклесия вотировала чрезвычайный налог — «эйсфора», который налагался на всех граждан, владевших имуществом, превышающим стоимостью 2 тыс. драхм. Однако приходная часть афинского государственного бюджета (около 400 талантов в год) не могла покрыть все увели-

чивавшиеся расходы республики. Чтобы уравновесить приходо-расходный баланс, при Перикле союзная казна (сборы с союзников составляли около 600 талантов в год) окончательно слилась с казной Афинского государства. Последнее стало распоряжаться средствами морского союза как своими собственными, тратя их на нужды своей республики. Афинский демос, таким образом, стал в значительной мере существовать на счет союзников — членов Афинского морского союза.

С 445 г., в «правление Перикла», афинская внешняя политика несколько смягчила свой наступательный характер, оставаясь по существу великодержавной, почему и привела к новой большой войне. «Мирная агрессия» Перикла характеризуется: 1) стремлением одновременно с укреплением афинской морской державы расширить ее дипломатическим путем (посредством соглашений) и 2) стремлением посредством союзных договоров упрочить влияние Афин в восточной и западной частях греческого мира (на Понте, в Италии и Сицилии). Целью этой политики было не только сохранить, но и усилить торговую и военную мощь Афинской морской державы, обеспечить ей преобладание в эллинском мире.

Так, для укрепления афинской державы после мира с персами были выведены клерухии в Херсонес Фракийский, на Лемнос и Имброс. Это обеспечивало пути в Понт и к устью Стримона во Фракии, богатой естественными дарами природы, также к территориям союзных общин. Против восставших союзных общин посылали карательные экспедиции. Одной из таких экспедиций командовал сам Перикл. Олигархия, правившая на острове Самосе, отказалась от посредничества Афин в ее споре с Милетом. Перикл с 40 триерами прибыл к Самосу, сверг олигархов и установил на Самосе демократический порядок. Когда бежавшие олигархи с помощью персов вернулись на Самос и восстановили олигархическое правление, Перикл вторично приплыл к Самосу и вынудил восставших к сдаче после девятимесячной осады. Снова было установлено здесь демократическое правление, а самосцы наказаны лишением их государства автономии и контрибуцией (439 г.).

В 437 г. большая афинская эскадра направилась под начальством Перикла в Понт Эвксинский. Целью этой дипломатической экспедиции было показать силу Афинского государства и вовлечь в Афинский морской союз греческие колонии Причерноморья. Результаты этого начинания были довольно значительны: в Афинский союз вступили Нимфей, небольшой город у Босфора Киммерийского, возможно, также Гераклея Понтийская и колонии по западному берегу Понта. Плутарх говорит, что на землях новых союзников были основаны клерухии (например, в Синопе). Таким образом, Афинская держава приобрела опорные пункты на берегах самого Понта Эвксинского, чего раньше не было.

Чтобы утвердить афинское влияние в Италии, с которой у Афин уже издавна существовали торговые сношения, по инициативе Перикла была основана недалеко от разрушенного дорийским

Кротоном ионийского Сибариса колония Фурии (443 г.). Колония должна была быть не только афинской, но общеэллинской.

В Фурии направились переселенцы из разных местностей эллинского мира. Среди них было много выдающихся людей: софисты Эмпедокл из Акраганта в Сицилии и Протагор из Абдеры во Фракии; историк Геродот из Галикарнаса (в Малой Азии), который здесь и умер в 425 г. Протагор редактировал конституцию нового полиса. Распланировал город знаменитый архитектор Гипподам. Прямые улицы пересекались под прямыми углами, они были распланированы таким образом, чтобы здания получали одинаковое количество света. Основатели новой колонии думали, что создадут здесь на рациональных основах образцовый город-государство.

В дальнейшем Фурии не только не сохранили связи с Афинами, которые содействовали их основанию, но оказались на стороне врагов Афинской республики. Зато Периклу удалось заключить ряд соглашений с островами Закинфом, Кефаллением, с городами Сегестой и Леонтинами в Сицилии, с Регием и Неаполем в Италии, наконец, с островом Коркирой (в 433 г.). Таким образом, афиняне к концу 30-х годов обеспечили себе торговый путь на запад, самым восточным пунктом которого являлся город Навпакт в Коринфском заливе.

Стремление Перикла добиться для Афин преобладающего положения в Элладе выразилось также в том, что называют «панэллинизмом» его политики. В 446 г. Перикл сделал попытку созвать общегреческий съезд, на котором предстояло обсудить следующие вопросы: 1) о создании общеэллинской казны для восстановления по общему плану всех греческих храмов, разрушенных во время греко-персидских войн; 2) о борьбе с пиратством и 3) об обеспечении мира между всеми греческими государствами. Съезд не состоялся из-за противодействия Спарты. Несколько позже Перикл предложил сделать элевсинский культ общегреческим и во всех греческих государствах приносить в жертву элевсинским богиням — Деметре и Коре — первые плоды урожая. Это предложение сводилось к тому, чтобы все греческие полисы признали приоритет афинских божеств. Ни один город не отозвался на это предложение, и попытки Афин усилить свое политическое влияние, заняв руководящее положение в религиозной жизни Эллады, не удались.

Если Афины оказались не в состоянии в «век Перикла» стать политическим гегемоном всей Греции, то экономическое их влияние в это время достигло наибольшей степени. Господствуя на море, Афины стали центром греческой торговли, Пирей — богатейшей гаванью во всей Греции.

§ 5. Афины как культурный центр греческого мира. Вместе с тем в середине V в. Афины превратились и в культурный центр всего греческого мира. «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла...» [1], — писал К. Маркс. В Афины в это время съезжались ученые, поэты, представители искусств из других греческих государств: философ Анаксагор из

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 194.

Клазомен (малоазийская Иония), софист Протагор, уроженец Абдеры во Фракии, софист Горгий из города Леонтины (в Сицилии). Демокрит из Абдеры, великий философ-материалист древнего мира, объездивший все греческие земли, также некоторое время жил в Афинах. «Отец истории» Геродот Галикарнасский приобрел здесь даже права гражданства. Поэт Пиндар и скульптор Мирон, создатель статуи «Дискобола», оба из Беотии, длительно гостили и работали в Афинах. С другой стороны, афинскими уроженцами были Фидий — гениальный скульптор, философ Сократ, трагические поэты Эсхил, Софокл, Еврипид, крупнейший греческий историк Фукидид, сын Олора, — блестящие представители общеэллинской культуры.

Афинское искусство в период расцвета являлось достоянием немногочисленного, замкнутого круга просвещенных богачей рабовладельцев. В «век Перикла» в Афинах праздновали до 60 праздников в течение года (важнейшие из них — Великие Панафинеи, Дионисии, Ленейи). Кроме религиозных церемоний, празднества сопровождались художественными выступлениями, а некоторые из них также и гимнастическими состязаниями. Последние еще со времен Писистрата приобрели народный гражданский характер в отличие от чисто военных «агонов» эпохи господства эвпатридов. Так, праздники в честь Диониса сопровождались театральными представлениями, которые продолжались от трех до четырех дней. Трагедии для этих представлений писали Софокл, Эсхил, Еврипид, комедии — Кратил, Аристофан и др. Особая комиссия из 10 знатоков искусства присуждала награды. Расходы по постановке возлагались государством на какого-либо богатого гражданина, являясь одним из видов повинностей («литургии»). Такой порядок, однако, не оставался без влияния на содержание драматических произведений, — это была косвенная театральная цензура со стороны афинских богачей.

В результате больших строительных общественных работ Афины превратились в один из красивейших городов Греции. Афинская гавань Пирей была укреплена новыми оборонительными сооружениями и оборудована новыми пристанями и молами. Были построены рыночные здания («дейгма») и большие хлебные склады. Между «длинными стенами», законченными еще в 455 г. и соединявшими Афины с Пиреем, по инициативе Перикла построили третью стену так, что после этого Афины и их гавань стали представлять собой единую неуязвимую крепость. В самих Афинах Акрополь, потерявший свое былое значение крепости, был вновь отстроен и превращен в своего рода художественный музей.

Пропилеи — старые боевые ворота, ведущие в Акрополь, — превратились в исключительную по красоте открытую дорическую колоннаду. По обеим сторонам ее находились крытые галереи, стены которых украсили картинами, изображавшими сцены из славного прошлого Афинского государства: одна из них изображала Марафонский бой. Внутри Акрополя на всем пространстве, свободном от зданий, были разбиты газоны, посажены деревья, поставлены статуи из мрамора и бронзы. На высоком постаменте, слева от Пропилей, стояла статуя Афины Промахос, т. е. защитницы. Богиня была изображена в полном вооружении, с копьем в руке: на сверкающее его острие, видное издали, держали курс моряки, плывшие в Пирей. Самым замечательным зданием в Афинах был Парфенон, храм Афины-Девы, покровительницы ремесл, прогресса, обожествленной мудрости. Для Парфенона

выбрали самое высокое место в Акрополе, где перед тем стоял не вполне законченный храм той же богини, заложенный при Писистрате и разрушенный во время нашествия Ксеркса. Строителями Парфенона были архитекторы Иктин и Калликрат. Стиль Парфенона — величественный дорический с привнесением подвижных ионийских элементов, соответствующих новым вкусам деловитых горожан. Монументальная неподвижность, свойственная дорическим зданиям, как бы символизировала неколебимую мощь демократизированной Афинской республики. По ионийскому обыкновению на фронтонах и фризе (каменной ленте вокруг верхней части здания) поместили скульптурные группы и барельефы, частично исполненные Фидием. Статую богини, стоявшую внутри храма, изваял сам Фидий из слоновой кости и золота. О величине статуи (14 *м*) можно судить по тому, что она держала на ладони левой руки фигуру Победы в рост человека. Афина Фидия представляла собой золотой фонд Афинского государства (около 20 млн. золотых рублей), так как золотые части ее одежды можно было снимать и при нужде перечеканивать в монету. Кроме Парфенона, в Акрополе позднее построили храм Эрехтея, сына Геи (богини земли), мифического царя Аттики, — Эрехтейон, и маленький храмик Победы — замечательные образцы ионического стиля. На юго-восточном склоне Акрополя был построен Одеон (дворец песни) — здание для музыкальных состязаний. Плутарх так характеризует художественные памятники, созданные при Перикле: «Каждая из этих вещей была настолько прекрасна, что производила впечатление чего-то стоящего с незапамятных времен; по своей жизнерадостности эти творения и до сих пор кажутся чем-то юным и только что возникшим; столь цветущей свежестью дышат они, и рука времени вовсе не касается их». Однако все это требовало громадных средств (Парфенон, например, обошелся, как уже указывалось, в 7 тыс. талантов, что составляло 7 годовых бюджетов Афинского государства), и эти расходы должны были возмещать афинские союзники, что лишь усиливало растущее недовольство в их среде.

ГЛАВА XXXI

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

§ 1. Причины Пелопоннесской войны. Десятилетняя война. Расцвет Греции, однако, был недолговечен, и конец ему положила ожесточенная новая война между Афинской морской державой и Пелопоннесским союзом (431—404 гг.). Эта так называемая Пелопоннесская война охватила почти весь греческий мир и даже некоторые негреческие государства. Македония, Фракия, Персия оказались вовлеченными в нее. Справедливо указание Фукидида, что эта война «вызвала величайшее движение среди огромного большинства всех народов» и что она «самая достопримечательная из всех предшествующих». Все противоречия социальной и политической жизни греческих полисов резко обострились во время этой двадцатисемилетней междоусобной борьбы и привели Грецию к тяжелому кризису.

Пелопоннесская война явилась следствием очень глубоких политических и экономических причин, свидетельствовавших о наступлении кризиса как отдельных государств, так и древнегреческого общества в целом. Прежде всего нужно отметить неизбежность столкновения между Афинами и Спартой как следствие борьбы за гегемонию в Греции. «Афиняне, — по словам Фукидида, — своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам». Это опасение

особенно увеличилось, когда Афинское государство стало стремиться распространить свою гегемонию не только на море, но и на материковую Грецию. Их противники говорили, что афиняне «рождены, чтобы самим не иметь покоя и другим не давать его» (Фукидид, I, 70). Борьба за Среднюю Грецию уже привела к первой войне (459—445 гг.), завершившейся Тридцатилетним, или Перикловым, миром, по которому Афины вынуждены были отказаться от гегемонии на суше и оба союза признали друг друга в прежних пределах. Естественно, что такое компромиссное соглашение не смогло разрешить глубокого конфликта между государствами, поддерживавшими везде противоположные политические режимы. Афины всюду поддерживали демократов, Спарта — аристократов. Каждое из этих государств подрывало политическую опору другого и разжигало политические противоречия.

Политическая борьба между Афинами и Спартой осложнилась еще и торговым соперничеством Афин с Коринфом и Мегарами, входившими в Пелопоннесский союз. Особенно непримиримым врагом Афинского государства стал Коринф, после того как Афины начали распространять сферу своего влияния на города западного побережья Балканского полуострова, лежавшие на пути в Италию и Сицилию. Торговля с западом после греко-персидских войн приобрела чрезвычайно важное значение, и борьба торговых интересов на западных рынках стала очень напряженной. Основным поводом к войне Афин со всем Пелопоннесским союзом и послужили столкновения Афинского государства с его торговыми конкурентами — Коринфом и Мегарами.

Первым поводом к войне послужило вмешательство Афин в борьбу Керкиры и Коринфа, которая велась из-за Эпидамна — богатого торгового города на Адриатическом море. Афины поддержали Керкиру, и посланный ими флот сражался против коринфян. Основным последствием этого было вступление Керкиры, славившейся своим богатством и флотом, в Афинский морской союз. Это еще больше обострило соперничество между Афинами и Коринфом. Второй повод также был связан с Коринфом. Конфликт произошел из-за города Потидеи на полуострове Халкидике. Потидея была колонией Коринфа, но принуждена была войти в Афинский морской союз, что также должно было обострить соперничество между Афинами и Коринфом. Город из-за своего двойственного подчинения стал ареной борьбы двух соперников. Столкновения начались с того, что афиняне, действуя в противовес коринфянам и боясь, что Потидея отпадет от союза, потребовали удаления должностных лиц, присланных Коринфом, и срытия стены со стороны моря, чтобы город не мог сопротивляться.

В ответ на это потидеяне, подстрекаемые коринфянами, отложились от Афинского союза. В эту борьбу вмешался македонский царь Пердикка, враждовавший с Афинами из-за прибрежных фракийских городов. Примеру Потидеи последовали другие афинские союзники на полуострове Халкидике и подняли восстание

против Афин. Афиняне снарядили большие сухопутные и морские силы для подавления восставших и для нанесения удара Македонии. Афинские войска начали военные действия в Македонии, взяли город Ферму, осадили Пидну и сосредоточили крупные силы на осаде Потидеи, которую поддерживали коринфяне. Третьим поводом к войне послужило постановление афинского народного собрания (432 г.), запрещавшее союзным с Коринфом мегарцам торговать во всех портах Афинского союза и наносившее этим непоправимый удар своему торговому конкуренту.

Лакедемоняне, в связи с жалобами своих союзников, решительно потребовали от афинян отмены этого постановления и собрали съезд представителей союзных пелопоннесских государств. Наиболее агрессивно выступали против Афинского государства коринфяне. Они доказывали, что «тирания афинян» угрожает всей Элладе, и энергично призывали к войне за «освобождение эллинов, порабощенных афинянами». Большинство пелопоннесских союзников высказалось за войну: восстановление автономии эллинов, порабощенных афинянами, — так определялась конечная цель войны, и Спарта от имени Пелопоннесского союза послала Афинам ультиматум.

В Афинах Перикл, в то время главный стратег и первый человек в государстве, настойчиво убеждал своих сограждан не соглашаться ни на какие требования пелопоннесцев и начать войну. Высказывалось мнение, что Перикл был за войну прежде всего из-за личных соображений: «Чтобы самому не сгибнуть, в город он метнул пожар», — говорится в одной из комедий Аристофана. Дело в том, что в это время стала усиливаться оппозиция Периклу. Более решительная часть демократов, с владельцем кожевенной мастерской Клеоном во главе, требовала увеличения оплаты должностных лиц и государственных раздач, более широкой и энергичной завоевательной политики. Противником Перикла было и правое, консервативное крыло, стремившееся к миру со Спартой и уменьшению мероприятий, усиливавших демос. В связи с пошатнувшимся положением Перикла с целью его дискредитации начались всякого рода нападки на лиц, близких ему. Его друзья, скульптор и руководитель строительства Фидий, философ Анаксагор и даже жена Перикла Аспазия стали жертвами обвинений и были привлечены к суду. Возможно, что личные соображения Перикла могли в известной мере иметь место, но основное заключалось в том, что торгово-промышленные слои афинской демократии, интересы которых выражал Перикл, были заинтересованы в уничтожении конкуренции, в дальнейшем развитии торговли и промышленности и потому стремились к войне. Поэтому спартанский посол, присланный для переговоров, не был даже выслушан и покинул пределы Аттики со словами: «День этот будет для эллинов началом великих бедствий» (Фукидид, II, 12). Правящие круги афинян в общем не только не старались сглаживать назревающий конфликт, а наоборот, разжигали его. Даже

Фукидид, несмотря на свои симпатии к Афинам, должен был возложить вину за эту войну на Афинское государство.

Военный план Перикла заключался в том, чтобы вести войну на море, используя свое морское превосходство; сельскую же территорию Аттики не оборонять и не давать сухопутной битвы пелопоннесцам, превосходящим афинян численностью. «Не жилищ и полей должны мы жалеть, а жизней человеческих», — говорил Перикл в речи, передаваемой Фукидидом (Фукидид, I, 143). В его плане ведения войны резко проводилось попрание интересов аграрных слоев. Перикл возлагал большие надежды на морскую силу Афинского союза (только у афинян, не считая союзников, было 300 триер). Рассчитывал он и на богатство Афин, составлявшееся из союзнических взносов, возросших уже до 600 талантов, из казны на акрополе, сокровищ святилищ, что в общей сложности составляло более 7 тыс. талантов. Слабыми местами своих противников Перикл считал недостаток денег и слабость на море. Такое соотношение сил, по мнению Перикла, должно было обеспечить победу афинянам. Но Перикл не смог предугадать тех внешних и внутренних осложнений, которые повернули события в неожиданную для него сторону.

Первый период (431—421 гг.) войны называется Десятилетней, или Архидамовой, войной, по имени спартанского царя Архидама. Война началась с нападения Беотийского союза, тоже вступившего в войну с Афинами, на Платеи. Этот беотийский город был связан всей своей судьбой с Афинами и находился всегда во вражде с Фивами. Город был взят неприятелем, так как платейские аристократы открыли ему ворота. Уже в этом начальном эпизоде ярко проявилось переплетение военных событий с напряженной социальной борьбой — ситуация, характерная для всего последующего хода войны. Военные действия со стороны пелопоннесцев, которыми командовал царь Архидам, начались с опустошительных вторжений в Аттику. Был разгар лета, пора созревания хлебов. Вторгнувшиеся враги уничтожали посевы, вырубали оливковые плантации и виноградники, грабили жилища. Сельское население по предложению Перикла переселилось в город, скот был переправлен на острова. Но афинский флот в это время действовал на море и причинял пелопоннесцам не меньшие бедствия. Одна часть его (100 триер) крейсировала около берегов Пелопоннеса, разоряла прибрежные местности и парализовала всю коринфскую торговлю, другая осаждала Потидею на Халкидике. Перевес вначале был даже на стороне афинян.

Но положение афинян, скопившихся в Афинах, становилось все более тяжелым. Начали сказываться вредные следствия пренебрежения к интересам деревни. Из-за переполнения города людьми беженцы из сельских местностей Аттики устраивались в шалашах на площадях Афин, в крепостных башнях, даже в святилищах. Зрелище опустошения родной земли, которое открывалось с Акрополя, возбуждало острое чувство негодования (особенно среди крестьян) против зачинщиков войны, но Перикл, верный своему плану, удерживал афинян от наступления. Дело осложнилось еще сильной эпидемией чумы, занесенной из Египта в Пирей и распространившейся оттуда по всему перенаселенному городу с молниеносной быстротой. Фуки-

дид рисует страшные картины свирепствовавшей болезни (Ф у к и д и д, II, 47—54). Люди массами умирали на улицах, город наполнялся трупами, которые не успевали хоронить. «Внутри умирали люди, а за стенами опустошались поля», — пишет Фукидид. Все недовольство создавшимся положением обрушилось на Перикла, которого считали виновником всех бед. Сельские жители стали оказывать горячую поддержку реакционерам, сторонникам Спарты. Перикл своими речами пытался парализовать такие настроения своих сограждан, внушая им, что они должны забыть личные невзгоды ради спасения государства. Он доказывал, что благополучие государства в целом выгоднее для граждан, чем благополучие отдельных лиц при упадке государства (Ф у к и д и д, II, 60), но недовольство Периклом росло, и авторитет его падал. В 430 г., после 15-летнего бессменного выполнения должности главного стратега, начиная с 445 г., он впервые не был избран. Его даже привлекли к суду за неправильное расходование государственных средств. Правда, в 429 г. Перикл был снова избран в стратеги, но вскоре умер от чумы (429 г.). Падение Перикла показывает, что его умеренная демократическая политика не могла уже удовлетворить афинян — как городскую, радикальную, так и аграрно-консервативную их часть. После смерти Перикла радикальную часть афинского демоса, получившую перевес на народном собрании, продолжал возглавлять владелец кожевенной мастерской К л е о н, ставший с 427 г. главой афинского правительства; вождем умеренной партии стал крупнейший рабовладелец, богач Никий.

Личность Клеона дошла до нас в резко отрицательном, карикатурном изображении древних писателей. Это объясняется прежде всего тем, что Фукидид, Аристотель, Плутарх, давшие нам его характеристику, отличались умеренностью своих политических взглядов и отрицательно относились к радикальной демократии, вождем которой был Клеон. Фукидид называет его «наглейшим из всех граждан». Аристофан в комедиях «Всадники» и «Мир» не жалеет красок, чтобы обрисовать его пороки; Аристотель считает, что он «более всех развратил народ своей горячностью». Не только его политика, но и внешнее поведение резко отличались от его предшественника Перикла. Подвязав гиматий фартуком, как это делают ремесленники, он резко, не стесняясь в выражениях, выступал перед народом, привыкшим видеть сдержанного «олимпийца». Все это раздражало умеренных демократов и приверженцев старины. В действительности, это был очень прямолинейный и энергичный вождь левого демократического крыла, выразитель его интересов.

Противник Клеона Никий пользовался поддержкой богачей и аристократии, «в противовес дерзкому и наглому Клеону», — как пишет Плутарх. Такие умеренно-консервативные авторы, как Аристотель, считают, что Никий принадлежал к числу самых лучших политических вождей в Афинах. Плутарх же, при всем своем отрицательном отношении к Клеону, противопоставляя Никия последнему, все же указывает на то, что Никий был робкий, быстро приходящий в отчаяние, суеверный, не блещущий талантами человек. Свою популярность в народе он снискал своими демагогическими щедротами.

Радикальная партия, возглавляемая Клеоном, повела войну значительно энергичнее и смелее. Военные операции велись афинянами и на море и на суше.

Во главе с искусным полководцем Демосфеном они захватили Пилос — приморский город Мессении — с целью побудить мессенских илотов переходить на сторону афинян. Своим проникновением в Мессению, население которой в основном состояло из илотов, афиняне наносили удар по самому уязвимому месту Спартанского государства. Чтобы предотвратить социальный взрыв во внутренней жизни, спартанцы срочно блокировали Пилос с суши и заняли остров Сфактерию, расположенный против Пилоса: на остров Сфактерию было послано более 400 отборных спартанских гоплитов. Афиняне, понимая, какой опасный оборот принимает дело в Пилосе, отправили туда флот, который разбил пелопоннесцев. Теперь спартанцы, находящиеся на Сфактерии, оказались в осажденном положении. Подвоз продовольствия на остров был связан с опасностью для жизни. В награду за доставку туда провизии илотам давалась свобода (Ф у к и д и д, IV, 26).

Спарта просила мира, но военная партия во главе с Клеоном настояла на продолжении войны. Клеон сам взял на себя начальство и, с помощью Демосфена осадив Сфактерию, принудил спартанцев сдаться. Находившиеся на острове спартанские воины были захвачены афинянами в качестве заложников, а пелопоннесцам было предъявлено условие не нападать на территорию Аттики. В случае его несоблюдения заложники должны были быть перебиты. По возвращении в Афины Клеону были возданы большие почести. После успехов в Мессении военный пыл афинян еще усилился, и они начали широкую наступательную политику. Ими был занят мегарский порт Нисея, захвачен остров Кифера, была отправлена экспедиция в Сицилию. Правда, среди военных предприятий, осуществлявшихся афинянами в это время, было и неудачное нападение на Беотию с двух сторон — со стороны Коринфского залива и с северо-западной границы Аттики: афиняне были на голову разбиты в кровопролитнейшем сражении при Делии (424 г.).

Но эти военные операции потребовали больших средств. Пришлось вдвое повысить обложение союзников (с 600 талантов до 1200). Это вызвало сильное обострение взаимоотношений с ними, что сыграло впоследствии роковую роль для Афинского государства. Так, в 427 г., опираясь на поддержку лакедемонян, от афинян отложился их союзник Лесбос. Город Митилена, ставший центром восстания против афинян, принужден был сдаться лишь после длительной осады прибывшими афинскими войсками.

По вопросу о том, как покарать восставших союзников, в Афинах разгорелась борьба, в которой ясно проявилась позиция Клеона как вождя радикальной партии в союзническом вопросе. Клеон на народном собрании настаивал на самых жестоких террористических мерах расправы с изменившими Афинам союзниками: город срыть до основания, мужчин всех казнить, женщин и детей продать в рабство. «Достойно накажите митиленян и покажите ясный пример прочим союзникам: всякого, кто отложится, вы будете

карать смертью» (Фукидид, III, 40). В Митилену был послан корабль с приказанием привести решение народного собрания в исполнение. На следующий день более умеренные группы добились созыва народного собрания, на котором было вынесено более мягкое решение, а именно — покарать только виновных. Вдогонку первому кораблю был послан другой с измененным постановлением народного собрания. В общем же только средствами террора афинянам удавалось удерживать в подчинении своих союзников.

В этом же году (427) произошла ожесточеннейшая борьба между аристократами и демократами на острове Керкире. Взрыв этой борьбы был стимулирован коринфянами, которые стремились добиться отпадения Керкиры от Афин: Коринф оказывал поддержку аристократии, афиняне посылкой войска помогли демократам победить своих противников. Кровопролитные сражения происходили на улицах, в них принимали участие женщины и рабы. «Обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы; большинство рабов примкнуло к демократам», — рассказывает об этом Фукидид (III, 73). Классовая борьба у афинских союзников, разжигаемая Пелопоннесом, в условиях войны достигала крайней степени ожесточения.

Появление афинян на территории Пелопоннеса, таким образом, грозило Спарте внутренними осложнениями. Чтобы отвлечь внимание афинян от Пелопоннеса, они постарались ответить такой же угрозой восстания афинских союзников и с этой целью перенесли войну на северное побережье Эгейского моря. Там находилось много городов, входивших в Афинский союз (главнейшие из них Потидея, Олинф, Амфиполь), и пелопоннесцам открывались благоприятные условия борьбы с Афинами: враждебно настроенные против своего поработителя, афинские союзники по расчетам пелопоннесцев должны были оказать им поддержку. Расчеты пелопоннесцев оправдались. В это время в Спарте обращал на себя внимание молодой талантливый полководец Брасид, не принадлежавший к кругу знатных спартиатов, искони вершивших судьбы государства. Это был новый человек, по словам Фукидида, «смело идущий на все». Намеченный им план захвата афинских колоний на Фракийском побережье получил утверждение, и он осуществил его с большой военной ловкостью и дипломатическим тактом. Во главе небольшого отряда добровольцев он прошел незаметно через Беотию и Фессалию и стал поднимать против афинян города Халкидики.

Решающие события этой кампании произошли под Амфиполем — афинской колонией, перешедшей на сторону неприятеля. Брасид при содействии самих амфипольцев занял город. Командовал афинской эскадрой у Фракийского побережья в это время (424 г.) историк Фукидид. Фукидиду не удалось удержать колонию за афинянами, за что его постигло изгнание из Афинского государства. Сам Клеон во главе основной афинской армии явился

ему на смену, чтобы поправить положение. Под Амфиполем произошло ожесточенное сражение (в нем погибли оба полководца — и Клеон и Брасид), которое закончилось тяжелым поражением афинян (422 г.). Они были разбиты не пелопоннесцами, а своими же восставшими союзниками.

Военные неудачи вызвали недовольство афинян партией войны и усилили влияние партии мира и ее вождя Никия. В 421 г. был заключен так называемый Никиев мир, по которому восстанавливалось положение, бывшее до войны.

Особенно радостно мир был встречен аттическим крестьянством. Аристофан в комедии «Мир» (421 г.) прославляет радости мирной жизни, которым оно могло теперь предаться: вместо «проклятого» копья можно взяться вновь за мотыгу для обработки виноградников и оливковых насаждений. Пренебрежение интересами крестьянства, равно как и союзников, и было главной причиной поражения афинской демократии в этот первый период войны.

§ 2. Второй период Пелопоннесской войны: Сицилийская экспедиция и Декелейская война. Но Никиев мир, заключенный на 50 лет, оказался «гнилым». «В течение шести лет и девяти месяцев, — пишет Фукидид, — стороны воздерживались от походов в земли друг друга; но за пределами своих земель они, среди ненадежного замирения, причиняли друг другу очень большой вред... Если кто не будет считать за войну то, что происходило во время этого перемирия, тот будет судить неверно» (V, 25, 3—26, 1). Действительно, основные противоречия, существовавшие до начала войны, не были разрешены, да и условия мирного договора фактически не выполнялись: обе стороны даже удерживали захваченные территории, которые должны были вернуть одна другой. Мало того, за возобновление войны стояли теперь не только крупные предприниматели и торговцы, но и широкие массы рабовладельческого афинского общества: разорившиеся в первый период войны мелкие ремесленники, даже многие прежние сельские жители, не имевшие средств восстановить свои разрушенные хозяйства и превратившиеся в городских люмпенпролетариев. Единственным источником существования для них было получаемое вознаграждение за военную службу. Многие мечтали поправить свое состояние военной добычей от какого-либо особенно удачного заморского похода. Низовые массы афинского рабовладельческого общества были поэтому настроены особенно воинственно, и война вскоре возобновилась в открытом виде, притом в еще более широком масштабе.

Главную роль в политической жизни Афин играл с 420 г. родственник Перикла Алкивиад, ставший вождем этой воинственной афинской демократии. Алкивиад был молодым, блестяще одаренным человеком, воспитанным на софистической философии. Его богатство, щегольство, расточительность, щедрость в отношении к народу, его «величайшее искусство пленять людей» (Плутарх) создали ему в Афинах большую популярность. Но основ-

ным стимулом всей деятельности Алкивиада было его безграничное честолюбие и желание играть первую роль. Полная беспринципность, уменье приспособиться к любым обстоятельствам и менять в зависимости от них все свое поведение создали ему прозвище хамелеона. Даже ведущую роль в Афинском государстве он захватил путем интриги, ловко устранив посредством остракизма другого демагога — Гипербола. Вся политика Алкивиада строилась в основном на невиданно широких завоевательных планах, близких к политической авантюре. Алкивиад выдвинул рискованный проект завоевания хлебороднейших областей западного Средиземноморья — Сицилии, Италии, Карфагена. Этот план нашел отклик в афинских кругах, стремившихся к такой экспансии. Другие, по словам Плутарха, давно «жадным взором смотрели на Сицилию, как на богатейшую житницу».

Поводом для экспедиции в Сицилию явилось ходатайство сицилийских городов защитить их от притеснений сильнейшего города Сицилии — дорических Сиракуз. Алкивиад, опираясь на это, воспламенил в афинянах настоящую страсть к походу. Повсюду — на улицах, в палестрах — слышались разговоры о Сицилии, рисовались карты Сицилии, Ливии, Карфагена. Несмотря на оппозицию этому проекту со стороны противников Алкивиада, среди которых был и Никий, демократической партии в 415 г. удалось добиться решения народного собрания организовать поход во главе с Алкивиадом, Никием и Ламахом. Был снаряжен большой флот и армия (134 триеры, 40 транспортных судов и 20 тыс. войска).

Однако острая борьба партий в Афинах с самого начала вредно отозвалась на ходе этой Сицилийской экспедиции. Когда все уже было готово к отправлению, произошло событие, взволновавшее весь город: ночью кем-то были изуродованы стоявшие на перекрестках столбы («гермы») с изображением бога Гермеса, покровителя путешествующих. С точки зрения суеверных древних это было не только святотатство, но и дурное предзнаменование для отправляющихся в путь. Существуют предположения, что в этом были замешаны противники Алкивиада — олигархи. Стремясь предотвратить поход, они стали даже распространять слух, что это дело совершено самим Алкивиадом, напоминали, что он как ученик «безбожных философов» и прежде насмехался над религией, профанируя мистерии, и настаивали на привлечении его к суду. Но осуществить последнее им в это время не удалось, так как боялись войска, а среди воинов Алкивиад был очень популярен.

В назначенный срок готовый к отплытию флот торжественно отбыл из Пирея. Прибыв в Италию, Алкивиад уже начал развертывать военные действия: высадившись на юге Италии, он взял Регий — колонию халкидян, а затем, переправившись в Сицилию, захватил Катану. Но неожиданно из Афин прибыл корабль с приказом доставить Алкивиада на родину, так как в Афинах против него было выдвинуто уже новое обвинение в заговоре против демократии. Алкивиад покинул Сицилию, но по дороге бежал в Спарту. Все это, конечно, должно было внести дезорганизацию в армию и понизить ее боеспособность.

После отъезда Алкивиада главная роль в сицилийской армии афинян перешла к Никию. Он удачно высадился под Сиракузами и вначале с не свойственной ему энергией «совершил дело, казавшееся эллинам невероятным»: он осадил Сиракузы и окружил их в течение короткого времени стенами. Дела Никия шли так удачно, что сиракузяне начали просить мира, а в Афинах стали ему завидовать. Но дело обстояло так до тех пор, пока в Сиракузы с войском из других сицилийских городов не прибыл спартанец Гилипп, который взял на себя командование. Кроме того, стала прибывать помощь из Коринфа. Гилиппу удалось с моря прорвать блокаду Сиракуз и занять неблагоприятную для афинского флота позицию.

В 413 г. к Сиракузам прибыла вторая, вспомогательная афинская экспедиция (в количестве 73 триер и 5 тыс. гоплитов) во главе с Демосфеном, прославившимся в операциях около Пилоса, но и это не изменило положения афинян: они терпели жестокие поражения. Демосфен настаивал на немедленном возвращении, а Никий колебался, боясь вызвать неодобрение в Афинах и даже обвинение в измене. Ввиду того, что прибытие все новых и новых войск на помощь Сиракузам из Италии и Пелопоннеса усиливало сопротивляемость Сиракуз и положение афинян ухудшалось, афинские стратеги наконец приняли решение возвращаться. Но происшедшее лунное затмение заставило суеверного Никия, послушавшегося предсказателей, отложить отъезд на 27 дней. Эта оттяжка оказалась роковой для афинян. Неприятель использовал ее для преграждения пути отступления как флоту, так и сухопутной армии.

Фукидид с большим драматизмом описывает трагическое положение афинского войска. После того как все попытки флота пробиться через неприятеля оказались безрезультатными и оставшиеся у афинян корабли были ими самими сожжены, армия сделала попытку отступить от Сиракуз в середину острова. Наконец, жестокое преследование неприятеля и голод заставили афинян сдаться. Кампания в Сицилии закончилась страшной катастрофой: флот и армия были разгромлены, оставшиеся в живых были превращены в рабов и посланы на работы в каменоломни, полководцы казнены (413 г.).

Кроме неудачи в Сицилии, афиняне терпели тяжелые бедствия и в самой Аттике: спартанцы заняли Декелею, очень важный стратегический пункт, находящийся на северо-востоке от Афин. Это отрезывало город от всей северо-восточной части Аттики и Эвбеи, откуда Афины снабжались продовольствием. Сделано было это по настоянию Алкивиада, бежавшего в Спарту и пылавшего жаждой отомстить своему отечеству. В прежний период войны вторжения пелопоннесцев были кратковременными. Теперь же, укрепившись в Декелее, они не покидали Аттику, подвергая ее непрерывному грабежу и совершенно парализуя хозяйственную жизнь страны. Кроме того, более 20 тыс. афинских рабов, преимущественно обученных ремеслу, перебежало к неприятелю. Это нанесло тяжелый удар афинской промышленности и всему афинскому рабовладельческому хозяйству.

В это время, столь тяжелое для Афин, Спарта начала также активизировать свою деятельность на море, выдвинув целью уничтожить морскую гегемонию Афин. Пелопоннесцы приняли решение строить флот, для чего пойти даже на измену общеэллинскому делу: войти в союз с Персией и пользоваться ее денежными субсидиями. Связи Спарты с Персией начал укреплять Алкивиад, который для этой цели прибыл в Малую Азию и сумел вступить в дружеские отношения с сатрапом Тиссаферном. Он достиг того, что вся Иония отпала от афинян. Но спартанцы не доверяли ему, и в Персию на смену Алкивиаду был направлен как спартанский «наварх» (начальник флота) Лисандр. Талантливый человек, лукавый, хитрый дипломат, говоривший: «куда львиная шкура не пролезет, там надо подшить лисью», он действовал методами Алкивиада: Лисандр сумел своим угодливым тоном пленить до такой степени молодого сына персидского царя Кира, что тот предлагал ему просить у него, «чего он только хочет» (Плутарх). Свое влияние на Кира Лисандр использовал для увеличения субсидий Спарте и создания мощного пелопоннесского флота, который стал господствовать в Эгейском море.

Все это резко активизировало те внутренние процессы разложения в Афинской державе, которыми был обусловлен неудачный для нее ход войны. Прежде всего обнаружился полный распад Афинского союза — отпадение всех малоазиатских городов и почти всех островов. Особенно чувствительной для Афин была потеря таких крупных союзников, как Хиос, Лесбос, Милет. В связи с этим приток союзнических взносов значительно сократился. Финансовый кризис принял настолько угрожающие размеры, что афиняне принуждены были тратить ту неприкосновенную тысячу талантов, за одно только предложение расходования которой прежде полагалось суровое наказание.

Затем, бедствия, обрушившиеся на Афинское государство, подрывали положение демократии и усиливали враждебный демократии лагерь в Афинах. Политическая борьба разгорелась с небывалой силой. Основными ячейками политической борьбы стали олигархические «гетерии» (товарищества) — тайные объединения, члены которых были связаны клятвой свергнуть афинский демократический строй. В 411 г. с помощью командного состава армии и флота им удалось даже произвести олигархический переворот. Сначала были избраны десять так называемых «пробулов», по одному от каждой филы, каждый не моложе 40 лет. Они должны были составить «законопроект о мерах спасения» (Аристотель). Затем введено было олигархическое устройство. Политическим идеалом был провозглашен «строй отцов», т. е. порядки досолоновского времени, как они представлялись идеологам олигархов: политические права были даны на основе ценза пяти тысячам зажиточных граждан — тем, «кто больше всего может служить государству или своей личностью или своими средствами». Однако эти пять тысяч оказались «избранными для вида» (Аристотель).

Высшим же органом государственной власти стал совет 400, который целиком состоял из крайних реакционеров и, по словам Фукидида, «правил тиранически», жестоко преследуя демократов. Обвинение в противозаконии (графэ параномон), гарантирующее демократические устои, и оплата должностей были отменены. Эта крайняя олигархия оказалась, однако, непрочной: после четырехмесячного существования самые ярые олигархи (Фриних, Антифонт и др.) были перебиты и власть 400 свергнута.

Правление передано было теперь пяти тысячам «из лиц, имеющих тяжелое вооружение», т. е. средним слоям населения. Главную роль в низвержении олигархии и установлении п р а в л е н и я п я т и т ы с я ч играл Ферамен. Ферамен был противником демократии, при которой, по его словам, «рабы и бедные граждане, готовые продать отечество за драхму», принимали участие в управлении. Но он также и не питал симпатии к олигархии. Как типичный представитель средних, зажиточных людей, это был человек компромиссный, неустойчивый в своей политике и потому получивший прозвище «сапог на обе ноги» (К с е н о ф о н т).

Умеренный политический строй пяти тысяч вызывал тоже большое недовольство среди широких демократических слоев. Наиболее организованную часть этой демократии представляли матросы и гребцы флота, находившегося тогда около острова Самоса. Ввиду того что в это время у флота не было командира, способного снискать доверие его экипажей, они решили п р и з в а т ь А л к и в и а д а, находившегося в Малой Азии. Алкивиад согласился, так как продолжал мечтать о возвращении на родину. Еще раз он с легкостью изменил свою ориентацию.

Основная задача афинян на этом этапе войны (за выполнение ее и взялся Алкивиад), заключалась в о с в о б о ж д е н и и о т п е л о п о н н е с ц е в Г е л л е с п о н т а и пути в Черноморье. Блестящие победы Алкивиада при Абидосе и Кизике вновь подняли престиж Афин на море, и Алкивиад принудил ряд отпавших городов опять присоединиться к Афинской державе (Халкедон, Византий и др.). Военные успехи Алкивиада способствовали также падению правительства пяти тысяч (410 г.) и восстановлению прежних демократических порядков.

В 408 г. Алкивиад появился торжественно в Афинах и был встречен как восстановитель могущества афинской демократии. Все преступления, в которых когда-то Алкивиад обвинялся, были забыты. Его конфискованное имущество было ему возвращено. На народном собрании его наградили золотым венком и избрали стратегом с неограниченными полномочиями на суше и на море. Некоторые даже предлагали ему стать тираном, и, действительно, в 408—407 гг. он был полновластным правителем в Афинах.

Но торжество Алкивиада было недолговременным. Спарта продолжала усиливаться за счет Персии. Кир широко субсидировал спартанские войска. Кроме того, Лисандр сосредоточил у себя в руках руководство тайными олигархическими обществами и через них наносил удары демократии. Положение Алкивиада в Афинах

было неустойчивым, так как реакционные круги ему всячески противодействовали, а он не предпринимал против них никаких мер. После одного незначительного поражения (при Нотии) авторитет Алкивиада стал резко падать даже в тех слоях демократии, которые так недавно восторженно к нему относились. Левое крыло демократии с Клеофонтом во главе отошло от него. Алкивиад принужден был покинуть Афины и некоторое время жил как бы в добровольном изгнании на берегу Геллеспонта. Позднее он отправился в Персию, надеясь получить поддержку от персидского царя. По-видимому, по настоянию Лисандра, персидский царь дал приказание убить Алкивиада во время этого путешествия.

Эта ожесточенная борьба партий в Афинах вызывала неустойчивость внешней и внутренней политики. Характерными в этом отношении являются события, связанные с битвой при Аргинузских островах, близ Лесбоса (406 г.). Афинский флот оказался блокированным в гавани Митилены. Тогда афиняне на последние средства снарядили 110 кораблей, посадив на них всех, находившихся в призывном возрасте, причем сделали набор даже среди рабов. В проливе между Лесбосом и Малоазиатским берегом произошла битва, во время которой разразилась страшная буря и гроза. Разбушевавшиеся стихии ставили сражающихся в чрезвычайно тяжелое положение. Сражение окончилось победой афинян. Но афинские стратеги не успели оказать помощь пострадавшим военным кораблям и похоронить умерших. Это дало повод реакционерам — противникам стратегов — поднять дело против победителей и добиться приговора их к смертной казни (среди осужденных был и сын Перикла). Когда уже это решение было приведено в исполнение, афиняне, как говорит Ксенофонт, раскаялись и постановили поднять обвинение против тех, кто вводил в заблуждение народ. Естественно, что такое обострение внутренних взаимоотношений в Афинском государстве ослабляло его и без того уже пошатнувшееся положение.

Решающей битвой, определившей победу Пелопоннесского союза, была битва в 405 г. при Эгоспотамах (Козьих речках) в Геллеспонте. В этом сражении афиняне лишились почти всего своего флота. После этого Лисандр во главе пелопоннесского флота появился у Пирея, и началась блокада Афин с суши и с моря. Консервативные слои настаивали на мире, демократы же провели закон, по которому всякое предложение мира каралось казнью. Однако ухудшавшееся положение осажденного города из-за голода и болезней способствовало усилению правых элементов. Клеофонт был казнен, и в 404 г. Афины сдались после долгого сопротивления. Мир был заключен на крайне тяжелых для афинян условиях. Афиняне обязывались: 1) сдать весь флот за исключением 12 сторожевых кораблей, 2) срыть все укрепления («длинные стены»), 3) распустить морской союз, 4) уничтожить демократию.

Таким образом, в результате поражения была уничтожена военная мощь Афин, прекращала существование Афинская морская

держава, был нанесен удар греческой демократии. Было разгромлено самое крупное и передовое греческое государство, которое более всего способно было объединить разрозненную Грецию. Погубило его не военное превосходство Спарты и ее союзников, а основные противоречия, присущие античному рабовладельческому строю. Они проявлялись в Афинах особенно сильно потому, что здесь этот строй достигал наибольшей зрелости. Отсюда эксплуатация массы рабов, не заинтересованных в его поддержании, притеснение союзников, низведенных до положения «подданных», пренебрежение к интересам низовых сельских слоев, занявших поэтому враждебную позицию по отношению к городской демократии и оказывавших поддержку ее самым непримиримым врагам — реакционерам (олигархам).

Все же даже катастрофический исход Пелопоннесской войны не мог сразу уничтожить демократический строй Афинского государства. Правда, в 404 г., по требованию Лисандра, власть в Афинах перешла к олигархическому комитету 30 уполномоченных («пробулов»), прозванных «30 тиранами», возглавляемому озлобленным аристократом Критием и приспособленцем Фераменом. Они управляли государством, не считаясь ни с какими установлениями, и ввели беспощадный террористический режим. Они организовали настоящую охоту на сторонников демократии, а под этим предлогом иногда просто убивали состоятельных людей и захватывали их имущество. Никто не мог быть спокоен за свою жизнь. Число граждан было низведено до трех тысяч, и по введенному ими закону тираны могли казнить любого гражданина, не принадлежавшего к этим трем тысячам. Но вскоре между самими тиранами началась борьба различных группировок, в результате которой даже Ферамен, вождь умеренных олигархов, был вычеркнут Критием, сторонником крайней тирании, из списка трех тысяч полноправных граждан и казнен. Описанная Ксенофонтом картина суда над Фераменом дает яркий пример произвола и насилия, которые царили при тирании тридцати («Греческая история», II, 23—50).

Однако этот олигархический строй просуществовал всего 8 месяцев. Демократы-эмигранты во главе с Фрасибулом сконцентрировали свои силы в Фивах. Оттуда они напали на Аттику, сначала заняли Пирей, затем Афины и, наконец, Элевсин, где, бежав из Афин, пытались укрепиться последние олигархи. Ликвидации тирании тридцати способствовала внутренняя борьба, происходившая и в Спарте. Возвышение Лисандра и его роль вершителя судеб в Афинах вызвали среди правящих кругов в Спарте опасения. Спартанский царь Павсаний постарался достигнуть соглашения между афинскими демократами и олигархами помимо Лисандра. Так в 401 г. афинская демократия была полностью восстановлена в своих прежних формах, но уже утратила все основания и возможности стать ведущей и объединяющей политической силой в Греции.

ГЛАВА XXXII

ЭЛЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА V—IV вв. до н. э.

§ 1. Школа, театр, изобразительное искусство. «...Мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечила ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ»[1], — писал Энгельс. Действительно, до сих пор мы не перестаем еще в некоторых отношениях учиться у древних эллинов: наши скульпторы и архитекторы изучают как образцы произведения древних эллинов; произведениями древнеэллинских философов, диалектиков и материалистов, глубоко интересовались основоположники марксизма-ленинизма, нередко противопоставляя древних «исполинов мысли» жалкой «философии» буржуазного общества.

Общественно-политической почвой, на которой вырастали древнеэллинские культурные ценности, была рабовладельческая демократия, которая и сообщила древнеэллинской культуре ее характерные особенности. Культурная жизнь в Афинах, как и политическая, не была достоянием узкой, замкнутой верхушки, она носила более массовый характер. Но основная масса свободных получала материальные средства к жизни преимущественно за счет рабского труда. Громадные массы рабов, создавая своим трудом материальные основы для развития культуры, сами ее благ были полностью лишены. Поэтому творческая мысль рабовладельческой демократии, ее творческие силы были направлены не на открытия и изобретения новых средств и орудий производства, а на искусство, отвлеченную мысль.

Воспитание и обучение играли очень большую роль в культурной жизни древних эллинов. В Афинах и других демократических полисах дети приблизительно до 7-летнего возраста воспитывались дома; для детей 7—14 лет существовало достаточно много частных школ, где за небольшую плату они получали начальное образование — учились читать, писать, считать, заучивали наизусть образцы художественной литературы, особенно из Гомера, учились музыке. Это начальное образование было широко распространено; сохранились даже обложки учебных пособий, таблички слогов для упражнения в чтении. Афинское гражданство в V в. до н. э. было почти поголовно грамотным.

В 15—18 лет юноши обучались в «палестрах» или «гимназиях», которые содержались частными лицами, отчасти были государственными. Здесь молодежь занималась спортивно-гимнастической тренировкой. Гимназии давали военную подготовку юношам (эфебам), тренировали их, чтобы, вступив с 18 лет в обладание своими гражданскими правами, они могли занять свое место в во-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 340.

енном строе граждан — гоплитов. Но все же не военная подготовка занимала главное место в воспитании афинян, особенно во времена Перикла; помимо того, что и гимназии, и палестры заботились также и об умственном, литературном и художественном развитии своих питомцев, вся жизнь афинского гражданства в значительной степени складывалась из ряда сознательно организованных воспитательных воздействий. Не только афинские граждане, но почти все вообще мужское свободное население Афин проводило большую часть своего времени в общественных местах: в портиках, на улицах, где часто выступали лекторы и ораторы и возникали оживленные дискуссии, в народных собраниях, где раздавались речи крупных политических ораторов. Театр, где собирались иногда десятки тысяч зрителей, был также великой художественной и морально-политической школой.

Уже в ранний период своего культурного развития древнеэллинский народ ярко проявил свою творческую одаренность, создав эпос Гомера. В VIII в. до н. э. в Беотии появляется первый нам известный и по имени и по произведениям поэт — Гесиод. Произведения Гесиода «Теогония» и «Труды и дни» еще сохраняют литературную форму народного эпоса; но в них ярко отражается уже индивидуальность автора и его общественно-политические интересы; это интересы трудовой земледельческой массы. Вместе с тем поэт дает почувствовать, как охватывают Элладу другие, чуждые ему интересы — поиски счастья и богатства в далеких плаваниях, тесная связь с беспокойной стихией моря.

Почти одновременно с Гесиодом, уже с начала VII в., в Элладе зарождается и достигает высокого совершенства и по форме, и по содержанию лирическая поэзия — поэзия личного чувства и индивидуальных переживаний. Десятки крупнейших поэтов появляются в VII—VI вв. в передовых полисах — в Мегарах, Митилене на Лесбосе, Аргосе, Хиосе, Самосе, Афинах, даже в Фивах, Спарте и др. Этот бурный расцвет литературы был связан с эпохой бурного же общественно-политического и экономического развития Эллады, эпохой становления рабовладельческого полиса (см. стр. 279). Творчество одних поэтов-лириков — Архилоха, Солона, Феогнида, Терпандра, Тиртея и др. — было проникнуто переживаниями общественно-политической борьбы; другие, как Алкей, Сапфо, Анакреонт, больше воспевали любовь и удовольствия жизни. Поэты-лирики создали новую технику стихосложения, разнообразие стихотворных размеров, которыми до сих пор пользуются поэты всех стран. Корни творчества этих поэтов уходили опять-таки в народную поэзию, народные бытовые песни.

В народной жизни и в народном творчестве коренилось также начало и другого великого создания древнеэллинской культуры: театра и написанных для театра литературных произведений. Театр зародился в Афинах в VI в. до н. э.; он возник на народных земледельческих празднествах (Дионисиях) в честь бога вина Диониса, из народных плясок и песен, хороводов, в которых изо-

бражалось появление и судьба этого бога, воплощавшегося в образе козла (по-греч. «трагос»). В этом представлении бога в облике животного сказывались пережитки тотемистического мировоззрения, с каковыми мы встречаемся и в других религиозных представлениях эллинов.

В честь бога-козла распевались «трагедии», т. е. «песни козлов», исполнявшиеся ряженными в козьи шкуры певцами; в этих песнях рассказывалось о страстях и страданиях Диониса; пение сопровождалось жестами, мимикой, пляской. Постепенно выработалась определенная форма этих «трагедий», которую окончательно установил знаменитый поэт-певец VII в. Арион и назвал эту форму «дифирамбом». Выделилась роль запевалы, который исполнял дифирамб, а хор подавал ему реплики. Запевала превратился постепенно в актера, а народный хор сохранился и перешел в позднейший эллинский театр, в котором выступал как действующее лицо. Театр возник на сельских празднествах, потом выступления более постоянных и организованных хоровых коллективов были перенесены в город, где для зрителей сначала выстраивали деревянный помост. Потом этот помост все расширялся и превратился в большое деревянное сооружение, похожее на современный цирк. С IV в. до н. э. театры строились из камня.

Это были монументальные сооружения, часто громадных размеров, рассчитанные на десятки тысяч зрителей; расположенные по склону возвышенности многочисленные ряды сидений шли полукругом один над другим и разделялись на секторы радиальными проходами. Нижние ряды были отделаны особенно роскошно; они предназначались для почетных лиц. Внизу находилась круглая площадка «оркестра», на которой располагался хор; здесь же находилась и сцена (по-греч. «скене»), помост с кулисами, декорациями и довольно сложным механическим оборудованием для осуществления сверхъестественных моментов в ходе действия, например, полетов действующих лиц, появления богов и т. п.

Театральные представления происходили не ежедневно, а лишь несколько раз в течение года во время народных праздников: каждый раз ставилось около 10 пьес. Представления продолжались с восхода и до захода солнца, с перерывами, в течение нескольких дней. Постановки шли в порядке соревнования всех участников: для каждого такого ряда постановок выбирались государственные судьи, которые присуждали звание победителя на данной сессии и почетную награду в виде скромного венка.

Песня в честь козла-Диониса, называвшаяся «дифирамбом» и исполнявшаяся запевалой перед хором, послужила началом для создания драматических произведений, на которые позднее было перенесено название «трагедии». Первые поэты — авторы трагедий — сочиняли только монолог для одного актера и реплики хора. Затем найдена была новая литературная форма — художественно построенный диалог, дополнять который должна была игра актера. В эту новую форму можно было облекать самое широкое литературно-художественное содержание, затрагивающее любые темы. И действительно, в V—IV вв. создаются тысячи трагедий, комедий, драм (греческое слово «драмэ» означает действие), в которых особенно широко трактуются вопросы о свободе или предопределенности судьбы человека, о государстве и гражданском долге, о любви, семейном долге, о праве на личное счастье и т. д.

До нас дошла лишь часть произведений трех великих поэтов-трагиков V в. — Эсхила, Софокла и Эврипида.

Эсхил (прибл. 525—456 гг.) написал около 90 трагедий, из которых до нас дошли только 7. Одна из них, «Персы», изображает поход Ксеркса на Элладу, главным образом битву при Саламине; другая, «Прикованный Прометей», посвящена мифу о дерзновенном полубоге Прометее, борце за прогресс, похитившем у Зевса огонь для людей и прикованном за это Зевсом к кавказской скале. В трилогии «Орестейя» действуют некоторые герои Гомера — например, Агамемнон; в кровавой борьбе между ними Эсхил показывает неизбежность тяготеющей над людьми судьбы, являющейся, по его мнению, воплощением великих сил общественного развития.

У Эсхила впервые выступают два актера, исполняющие все (мужские и женские) роли; игра актеров во времена Эсхила была мало реалистической, условной. Позднее Софокл и Эврипид ввели еще третьего актера и вообще очень усилили реалистичность исполнения трагедий. Они жили в «золотой век Перикла», когда афинская культура пышно расцвела во всех направлениях, когда общественно-политическая жизнь достигла широчайшего размаха. Софокл написал свыше 100 трагедий, из которых сохранилось только 8 (из них особенно известны «Царь Эдип» и «Антигона»). В трагедиях Софокла тема конфликта между личностью и обществом и неизбежность гибели личности, преступившей веления общественного закона, занимает главное место. Уже не боги, а люди, их характеры, страсти, переживания интересуют Софокла: «В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего», — поет хор в его трагедии «Антигона». Живые образы его главных героев и судьбы их (по-греч. «перипетии») находили горячий отклик в десятках тысяч зрителей.

Современник Софокла, Эврипид, целиком связал свое творчество с яркими и многообразными интересами окружающей жизни. Подобно Софоклу, Эврипид сюжетами своих трагедий берет древнеэллинские сказания; но герои этих сказаний у него изображаются совершенно свободно, они живут интересами афинской жизни эпохи Перикла. Так, например, в трагедии «Умоляющие о защите» легендарный афинский царь Тезей произносит политическую речь о преимуществах демократии; в трагедии «Медея» поэт поднимает вопрос о человеческих правах женщины. В сохранившихся восемнадцати трагедиях Эврипида мы всюду встречаемся с живой действительностью, облеченной в художественную форму трагедии.

В Афинах был создан и другой вид театральных представлений — комедия. Комедия зародилась на тех же народных празднествах, Дионисиях, что и трагедия. Комедия (от слова kóme — деревня) приблизительно значит «песня подгулявших селян». Веселые хоры распевали часто сатирические, непристойные куплеты по адресу разных более или менее видных лиц. Сочинители этих куплетов использовали ту же новую литературную форму диалога, что и авторы первых трагедий, но смешное и сатирическое содержание

обусловило возникновение особого вида театральных представлений и соответствующих литературных произведений. В V—IV вв. в Аттике жили и творили многие десятки «комических» поэтов, и многие из них были крупнейшими художниками слова. Из всего этого огромного литературно-художественного наследства до нас дошло только несколько отрывков комедии Кратина и часть (11 из 44) гениальных комедий Аристофана, жившего в конце V и начале IV в. В этих комедиях ярко, но в чудовищно-карикатурном виде отражена общественно-политическая жизнь Афин почти за 40 лет. В них жестоко высмеивались крупнейшие политические и военные деятели, например Клеон в комедии «Всадник», поэты, философы (Сократ в «Облаках»), высмеивались политические партии и программы; смешным ополоумевшим стариком изображен даже сам державный афинский демос. Комедии Аристофана сохраняют связь с породившим их народным творчеством; они написаны сочным народным языком и полны, с нашей точки зрения, непристойностей, хотя и необычайно смешных. Гомерический хохот должен был стоять в театре во время представления этих комедий; но зрители не только веселились и получали художественное наслаждение, — в необычайно острой форме ставились перед ними большие вопросы культурной и общественно-политической жизни.

Изобразительные искусства достигли в этот же «классический» период V—IV вв. в Элладе непревзойденной до наших дней высоты. Ряд гениальных скульпторов создали множество совершенных произведений, ставших с тех пор образцами для последующих времен. В конце VI в. Критий и Несиот создают скульптурную группу «Тираноубийцы», в которой эти мастера запечатлели идею гражданской свободы. Скульптуры не только высекаются из мрамора, но и отливаются из бронзы. Гениальный Мирон в своем творчестве отражает все многообразие жизни; в длинном ряде бронзовых статуй он с предельным реализмом изобразил и сельские сцены (например, мычащая корова), и показал тончайшие душевные переживания (например, в бронзовой группе «Афина и Марсий»); в статуе «Дискобол» фигура юноши — метателя диска — полна мощного движения, живым и упругим виден каждый мускул на теле атлета. Наоборот, статуи пелопоннесского скульптора Поликлета, как, например, «Диадумен» (увенчивающий себя победной повязкой) или «Отдыхающая амазонка», изображают человека в состоянии покоя. Друг Перикла, скульптор Фидий, создал ряд гениальных произведений, например, огромные статуи Зевса в Олимпии, Афины Промахос и Афины-Девы в Афинах. Вокруг Фидия сгруппировалась целая школа многочисленных учеников и последователей, из которых каждый был высокоталантливым мастером. Эти скульпторы во главе с Фидием изваяли целый пояс барельефов (так называемый «фриз»), шедший по стенам Парфенона в виде широкой ленты длиной в 276 *м*. Копию с этого фриза можно видеть в Музее изобразительных искусств в Москве.

Параллельно со скульптурой в Элладе, в частности в Аттике, достигла исключительного совершенства художественная архитектура, создавшая образцы монументальных общественных зданий. Наиболее монументальными общественными зданиями в Элладе являлись храмы, назначение которых было скорее политическое, чем религиозно-культовое. Самым замечательным произведением древнеэллинской архитектуры был архитектурный комплекс афинского Акрополя, созданный при Перикле целой группой гениальных мастеров (см. стр. 337). Храм-памятник победы над персами — на острове Эгине, храм Зевса в Олимпии, храм в Посидонии (Пестуме) являются до наших дней свидетельствами поразительных достижений греческого строительного искусства. Древнеэллинская архитектура выработала архитектурные стили, ставшие с тех пор неотъемлемой частью архитектурного мастерства. Основной и древнейший из этих стилей называется «дорическим»; он характеризуется простотой и тяжелой монументальностью, сказывающихся в размерах и отделке колонн, в пропорциях частей здания. Позднее, в VI—V вв., на его основе в торговых городах Ионии выработался более легкий и подвижный «ионийский» стиль, в котором колонны стройнее и капители их украшены изящными завитками («волютами»). Парфенон представляет смесь дорического и ионийского стилей. Еще позднее, в IV в., создался изысканный «коринфский» стиль, характерной чертой которого является пышность и богатство украшений. Развалины мраморных храмов, построенных в этих трех стилях, покрывают берега Средиземного и Черного морей; немало великолепных колонн и других остатков эллинских храмов находится на черноморских берегах, свидетельствуя о великих исторических корнях нашей культуры.

§ 2. Греческая философия и наука. Не менее велика роль древних эллинов в развитии философии и науки. Философия (греч. слово — любовь к мудрости) в современном понимании впервые была создана в Элладе. Торговое рабовладельческое гражданство наиболее передовых полисов Ионии рано освоило культурное наследство древнего Востока. В состав этого наследства входила и научная мысль, стремившаяся объяснить явления природы: уже в древнем Востоке развивавшаяся классовая борьба создала предпосылки для критического отношения к верованиям, внушавшимся господствующей общественной верхушкой — жречеством и знатью, и на этой почве уже в Вавилонии и Египте значительные успехи сделали математика, астрономия, естествознание. Смена в Ионии родовой аристократии господством торговых элементов с их кипучей деятельностью и широкими торговыми связями, укрепившимися в результате колонизации, создали чрезвычайно благоприятные условия для дальнейшего свободного и смелого развития мысли. Главный полис Ионии, Милет, был родиной первого эллинского философа Ф а л е с а (около 600 г.), который был и отцом стихийного материалистического мировоззрения. Фалес, выходец из деловой и практичной

торговой среды, стремился понять все многообразие жизни природы и людей как нечто естественное и единое; он учил, что все существующее не создано богом, а само произошло из первоначальной стихии — воды. Он занимался также метеорологией и астрономией и умел предсказывать погоду и солнечные затмения. Таким образом, он являлся родоначальником натурфилософии.

Целый ряд учеников и преемников Фалеса в так называемой «милетской школе» развивал и углублял его научно-философское учение: Анаксимен доказывал, что и живая и неживая природа развилась из воздуха; путем сгущения возникли твердые и жидкие тела, путем разрежения — огонь; Анаксимандр выдвигал теорию развития из этой материи живых существ. Утверждая и доказывая, что «человек первоначально произошел от других животных», Анаксимандр предвосхитил эволюционное учение Дарвина.

Но это блестящее развитие милетской школой основных начал материалистического мировоззрения, связанное с революционным процессом становления рабовладельческого полиса, вызвало идеологический отпор со стороны оттесняемой и побеждаемой родовой знати. Таким отпором явилось возникновение идеалистической философии, которая зародилась в тайных организациях реакционной знати, боровшихся с растущим движением демоса и крепнущим демократическим строем.

Родоначальником идеалистической философии является Пифагор (вторая половина VI в. до н. э.). Пифагор бежал с острова Самоса после победы демоса, приведшей к установлению тирании Поликрата, и нашел себе приют у властвовавшей в южно-италийской колонии Кротоне знати. Но когда и в Кротоне господство знати было опрокинуто восставшим демосом, установившим здесь рабовладельческую демократию, Пифагор создал из своих учеников и последователей тайную организацию, распространившуюся по всей Элладе и поставившую своей целью непримиримую борьбу с демократией. Учение Пифагора стало, таким образом, идеологическим оружием знати в этой борьбе. Труды Пифагора не сохранились: есть мнение, что письменно он и не излагал своего учения. Несомненно, что Пифагор воспринял от вавилонян много знаний в области математики и физики (так называемые «Пифагоровы теоремы»). Но как сам он, так, в особенности, его последователи, «пифагорейцы», учили о необходимости сочетания научной мысли с верой. Исходя из мысли, что все сущее может быть измерено и выражено в числах, они число превращали в божественную сущность мира. Единица, двойка, тройка, семерка, десятка превращались ими в таинственные божественные силы, создававшие гармоническое строение мира; «всю вселенную они признавали гармонией и числом», — суммирует их учение Аристотель. Пифагорейцы свое учение считали доступным лишь для избранных, для аристократии, которая с его помощью должна властвовать над народной массой. Последняя платила им глубокой ненавистью: так, в Кротоне после смерти Пифагора толпа напала на дом, в котором собирались его последователи, и сожгла его вместе со всеми собравшимися; подобные же погромы происходили и в других местах.

Эта борьба материалистического и идеалистического мировоззрения нашла себе идеологическое отражение в философской системе гениального Гераклита Эфесского (уроженца ионийского полиса Эфеса; жил в конце VI и начале V в. до н. э.). Гераклитом были заложены прочные основы диалектического по-

нимания бытия. Труды Гераклита до нас не дошли, за исключением нескольких десятков коротких отрывков и отдельных изречений. По ним, однако, можно судить, что Гераклит понимал все сущее как процесс движения и становления. Таковы, например, следующие его изречения: «Все течет»; «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»; «Необходимо знать, что борьба и есть справедливость, все возникает в борьбе по непреложному закону необходимости». Учение Гераклита получило высокую оценку в произведениях классиков марксизма. Касаясь материалистического взгляда древнего философа Гераклита, по которому «мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим», — Ленин говорит: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» [1].

Но наивысшего развития греческая научно-философская мысль достигла в эпоху наибольшего расцвета рабовладельческой демократии в многочисленных сочинениях Демокрита (460—370 гг.), от которых дошли до нас тоже лишь отдельные отрывки. Демокрит разрабатывал все отрасли тогдашнего знания; он написал исследования по астрономии («Причины небесных явлений»), физике («Причины воздушных явлений», «Причины земных явлений» и др.), биологии, математике («О касании круга и шара», «О геологии», «Об иррациональных линиях и телах» и др.), географии, искусстве («О ритмах и гармонии», «О поэзии» и др.); у него есть работы по истории, о сельском хозяйстве, о военной технике. На базе колоссальных знаний Демокрит построил свое философское учение: все сущее состоит из мельчайших неделимых твердых частиц, по-гречески — «атомов». Атомы разнообразны по своей форме, и только от этого, а также от взаимного расположения атомов зависит разнообразие всего существующего; одушевленные существа, в том числе и человек со своей «душой», тоже состоит из атомов. Но наряду с бесконечным количеством атомов существует беспредельная пустота, небытие; пустота позволяет атомам находиться в непрерывном движении («падении»), которое лежит в основе всех движений и изменений во вселенной. Вся природа, все ощущения, чувства, мысли людей тоже есть результат движений атомов. Таким образом, Демокрит развил последовательное материалистическое учение, но материализм его был еще механистический, он пытался объяснить все явления природы только на основе механики.

Демокрита глубоко занимали и вопросы общественно-политической жизни. Это видно из названий его трудов. Он писал исторические работы о том, как возникло современное ему культурное общество. Демокрит резко отрицает «золотой век». В далеком прошлом люди жили грубой звероподобной жизнью; нужда была учительницей людей, объединявшихся в обществе, и люди лишь постепенно создавали для себя благоприятные условия существо-

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 318.

вания; другой учительницей при этом была природа, явлениям которой люди стремились подражать, перенося их в свой быт. Писал Демокрит и о вопросах государственной жизни и государственного устройства.

Этой стороной своей научно-философской деятельности Демокрит примыкал к большому научно-философскому направлению в Элладе второй половины V в., которое ставило своей главной задачей изучение государственной и общественной жизни. Представители этого течения получили название «софисты», т. е. мудрецы, ученые, которое позднее их политические и научные враги обратили в ироническое — «мудрствующие». Если философы-материалисты главным образом стремились объяснить жизнь природы и ее взаимоотношения с человеком, то софисты были отцами общественных наук. Главной ареной их деятельности были Афины второй половины V в., куда они переезжали из разных полисов Эллады. Протагор из Абдеры написал работы «О сущности государственного строя», «О строе [общественной] жизни в древнейшие времена». В своих «Фурийских законах» Протагор дал проект идеального общественно-политического строя с точки зрения рабовладельческой демократии. Основой человеческого общежития является для Протагора равный для всех «естественный» закон; для Протагора все люди были по своей природе равными; всякое общественное неравенство, в том числе и рабство, было для него результатом исторического развития общественно-политической жизни. Весьма вероятно, что Протагор уже сомневался в закономерности рабства, так же как и в существовании богов: «О богах я не могу утверждать ни того, что они есть, ни того, что их нет», — осторожно заявлял Протагор.

Многие из софистов разрабатывали и дополняли идеи Протагора. Особенно глубоко изучалась проблема государства. Одни (Продик и др.) считали государство великой положительной силой, другие (Антифонт), наоборот, объявляли государство источником всех зол и несчастий человеческой жизни: общественная жизнь людей должна обусловливаться, доказывал Антифонт, не государственным насилием, но единством морально-политического настроения («хомонойя»). В связи с этим некоторые софисты разрабатывали теорию возникновения государства на основе договора, который был якобы заключен между основывавшими первое государство людьми. Эта теория получила широкое распространение в последующие эпохи культурного развития человечества, особенно в XVIII в. (Руссо).

И конечно, не случайно деятельность софистов совпала с высшим расцветом афинской рабовладельческой демократии. Софисты не только писали свои сочинения, так сказать, в тиши кабинетов, но выступали как лекторы-популяризаторы и пропагандисты созданной ими науки об обществе. Эта новая наука проникала во все области культурной жизни Эллады; оба величайших историка эпохи — Геродот и Фукидид — ярко отражают в своих трудах теории софистов; трагедии Эврипида (см. выше) полны софистических мыслей, которые через театральный рупор шли в широчайшие массы. Большая заслуга принадлежит софистам в создании ораторского искусства и в разработке техники словесного спора, приемов доказательства своих положений и опровержения утверждений противника. Этой последней стороной своей деятельности софисты заложили фундамент логики, науки о приемах правильного мышления, о том, как из данных положений делать правильные выводы.

Софисты как яркие представители афинской демократической культуры в своей острой критике всего общепринятого и стариной освященного доходили иногда до полного скептицизма и отрицания всяких этических норм, до оправдания крайнего индивидуализма («человек есть мера всех вещей»). Этим они вызывали особую ненависть антидемократических, олигархических кругов. Эти круги выдвинули своих теоретиков, которые воспользовались приемами и методами софистов, чтобы бороться с ними их же оружием. Крупнейшим таким противником софистов выступил Сократ, не оставивший после себя никаких сочинений и чрезмерно возвеличенный своим знаменитым учеником Платоном.

Сократ обвинял софистов в пустом формализме, в том, что у них нет никаких научных и политических убеждений, что искусство спора и словесной победы над противником является главной задачей в их деятельности. Они не мудрецы, а торгаши мудростью и своим скептицизмом развращают своих учеников. Сам он тоже сомневался в возможности для человека познать внешнюю природу («я знаю только, что ничего не знаю»), но выдвигал требование — «познай самого себя» и доказывал, что высшие качества гражданина, необходимые для управления государством, приобретаются в результате правильного воспитания и обучения; что поэтому не всякий гражданин может участвовать в управлении государством, но только тот, кто получил надлежащую подготовку. Но как раз эта последняя категория гражданства, его аристократия, отодвинута на задний план в афинской демократии. С тем большим рвением должны «лучшие» — аристократы — стремиться к самосовершенствованию, объединяться и крепить свое общественно-политическое положение. Сократ был казнен в 399 г. как злостный противник демократии: его самого обвинили, и не без оснований, в политическом развращении молодежи.

Философия Сократа свидетельствовала о кризисе афинской рабовладельческой демократии. Кризис развивался в связи с военными неудачами и крушением захватной политики рабовладельческой демократии в конце Пелопоннесской войны. От народной массы отслоилась богатая рабовладельческая верхушка, оказавшая сильное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь. В противовес прежней материалистической философии и науке в этот период пышно расцветает идеалистическая философия. Борьба материализма и идеализма вступает в новую стадию. Богатый и знатный афинянин Платон (427—347 гг.), мастер художественного слова, создает стройную систему идеалистической философии, которая до сих пор является основой и образцом для реакционных философов-идеалистов всех направлений. Само понятие и слово «идея» введено в философию Платоном. Сущность учения Платона сводится к тому, что существующий земной мир объявляется не реальным; этот мир является только бледным отображением, тенью подлинно сущего, мира идей, познать ко-

торый человеку не дано; мир идей не материален; там нет конкретных домов, столов, человеческих тел, гор, морей и т. д., а есть только «идеи», нематериальная сущность всех материальных предметов. Платон сравнивает человечество с узником, прикованным в пещере лицом к стене, по которой пробегают лишь тени освещенного солнцем наружного мира.

Только совершенные люди, по мнению Платона, могут приближенно постигать истину. Поэтому задачей эллинского народа является создание такого общества, которое обеспечивало бы отбор, воспитание и обучение таких совершенных людей — «философов». Философы должны иметь неограниченную власть царей («либо философы должны быть царями, либо цари стать философами») и направлять всю общественную и частную жизнь гражданства через особых исполнителей их велений, называемых Платоном «стражами». Стражи тоже получают совершенное воспитание военного характера и должны жить в условиях идеальной общины. Стражи и философы не должны знать никаких материальных забот. Все материальные средства в государстве Платона создает бесправная трудовая масса: безнадежно погруженная в мирские заботы и дела, она, по мнению Платона, должна быть устранена от управления государством.

Это «идеальное» государство Платона диаметрально противоположно всем завоеваниям эллинской демократии; оно целиком ориентировано на господство узкой военно-аристократической верхушки, которая напоминает господствующий в Спарте класс спартиатов. Естественно, что и политические симпатии Платона, врага афинской демократии, склонялись на сторону Спарты. Идеалистическая философия с самого своего возникновения была тесно связана с реакционной, антинародной и антинаучной идеологией.

Учеником Платона был А р и с т о т е л ь (384—322 гг.), мыслитель, овладевший, подобно Демокриту, всеми отраслями знания; но, в противоположность Демокриту, Аристотель склонялся к идеализму и тем отражал кризис рабовладельческой культуры, о котором упоминалось выше. Заслуга Аристотеля в области мировой культуры в том, что он был великим систематизатором научных знаний. Благодаря своей колоссальной эрудиции он смог подытожить по отдельным отраслям накопленные научные сведения и основать, таким образом, отдельные научные специальности. Так, он дал название «физика» науке, которая с тех пор продолжает носить это название; точно так же была им написана первая «Ботаника» («ботанэ» по-гречески трава, растение) — наука о растениях; впервые была им написана «Логика» и создана, таким образом, эта важная наука, причем Аристотель использовал здесь опыт софистов; ему же принадлежит труд под заглавием «Политика», где изучается сущность государства и различные его формы. Он написал «Этику», «Риторику», «Поэтику» и многие другие труды. Таким образом, труды Аристотеля создали или, точнее, организовали ряд отдельных научных специальностей, получивших дальнейшее развитие, продолжающееся вплоть до наших дней.

В своей «Политике» он дал развернутое учение о государстве, опять-таки подводя итог исследованиям длинного ряда предшественников, среди которых мы, конечно, найдем и софистов. Аристотель — представитель законченной рабовладельческой идеологии,

Государство, согласно Аристотелю, состоит из отдельных семей, а семья — из мужа, жены, детей и рабов.

Без рабов не может существовать культурное общество, так как кто же, кроме рабов, будет вращать мельницы и производить вообще материальные средства к жизни. «Раб есть наилучший вид собственности и самое совершенное из всех орудий», — говорит Аристотель. Однако он считается с сильными возражениями противников рабства, полемике с которыми посвящает много внимания. «Очевидно, во всяком случае, что одни люди по своей природе свободны, а другие рабы». Такими рабами по природе, по его мнению, являются все варвары: «Варвар и раб понятия тождественные, для них быть рабами и полезно и справедливо» («Политика», I, 2, 1—23).

Далее Аристотель подробно анализирует все возможные, с его точки зрения, виды государственного строя; он различает три «правильных» вида: монархию, аристократию и политию, и три «извращенных»: тиранию, олигархию и демократию. Каждый из этих видов государственного строя Аристотель подробно рассматривает и приходит к заключению о необходимости смешения отдельных элементов первого вида для достижения устойчивости государственного строя. Особое внимание уделяет Аристотель теории государственных переворотов и подробно рассматривает способы их предупреждения. Наконец, он дает набросок идеального государства, которое должно представлять замкнутый небольшой полис, в котором преобладающим видом хозяйства должно быть земледелие. Трудовая масса правом гражданства не пользуется. К афинской рабовладельческой демократии Аристотель относится резко отрицательно; гораздо больше симпатии он питает к Спарте, государственный строй которой он считает близким к идеалу.

Таким образом, и на Аристотеле сильно сказался кризис афинской рабовладельческой демократии; он против широких государственных объединений, против развитой торговли, ремесла, против больших городов с их шумной и политически активной массой. Его политический идеал скорее в далеком прошлом. С особой симпатией он относится к Солону.

Влияние Аристотеля на последующее развитие мировой культуры огромно. До конца XV в. научные положения Аристотеля пользовались непререкаемым авторитетом. А основное утверждение «Политики», что ячейкой государства является семья, до сих пор повторяется буржуазными теоретиками государства.

Громадное значение древней греческой науки и философии для нового времени, в особенности таких ее представителей, как Гераклит и Демокрит, прекрасно выразил Ф. Энгельс: «И вот мы снова вернулись к взгляду великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении. С той только

существенной разницей, что то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму»[1].

ГЛАВА XXXIII

ГРЕЦИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV в. до н. э.

§ 1. Кризис в Греции. Господство Спарты. Пелопоннесская война нанесла большой материальный ущерб всей Греции. «Эта война, — писал еще Фукидид (I,23), — затянулась надолго, и за время ее Эллада испытала столько бедствий, сколько не испытывала раньше никогда в равный промежуток времени. Действительно, никогда не было взято и разрушено столько городов... не было столько изгнаний и смертоубийств, вызванных или самой войной или междоусобицами... Кроме того, землетрясения, охватившие разом огромную часть земли... засухи и, как их следствия, жестокий голод, наконец, заразная болезнь, причинившая величайшие беды и унесшая немало людей. Все это обрушилось сразу вместе с войной».

Особенно пострадали Афины и другие развитые полисы, входившие в Афинскую морскую державу. Но даже победительница Спарта вышла из войны сильно ослабленной. Причиной ослабления и упадка Спарты было прогрессировавшее разложение ее окостеневшего социально-политического строя, который не смог приспособиться к новым требованиям жизни. Численность господствовавшей верхушки спартиатов сильно сократилась, и это сокращение продолжалось; оно зависело не столько от гибели спартиатов на войне, сколько было следствием разорения спартанских семей, потери ими наследственных земельных участков — клеров. Спартиат, лишившийся своего клера, переходил в разряд неполноправных граждан, «гипомейонов», терял свою полноценность как воин. Среди спартиатов образовались враждующие группировки; возникали заговоры для ниспровержения существовавшего строя; в этих заговорах гипомейоны играли важную роль. Такой очень широкий и опасный для спартиатов заговор возник в 399 г. под руководством гипомейона Кинадона; предполагалось поднять восстание всех илотов, периэков, гипомейонов, неодамодов, вооружить их всяким оружием, даже топорами, вертелами, косами, перебить всех «хозяев усадеб», изменить весь спартанский строй (см. Ксенофонт, Греческая история, III, 34—11). Заговор был раскрыт, и движение свирепо подавлено.

Все же Спарта оставалась в данный момент единственной крупной внешнеполитической силой; вся остальная Греция представляла собой множество разъединенных полисов, «автономных» карликовых государств, в которых социальная борьба достигла

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1950, стр. 11.

особой остроты. Одним из главных последствий Пелопоннесской войны было значительное расширение эксплуатации рабского труда, которая вместе с тем переходила и на более высокую ступень. Развился слой вольноотпущенников, взявших до некоторой степени в свои руки торговлю и производство; широкое распространение рабского и полурабского труда даже в сельском хозяйстве вело к вытеснению труда свободного населения.

Это усиление эксплуатации рабов привело к резкому имущественному расслоению массы свободных; в Афинах, Аргосе и других полисах из среды нажившихся на войне поставщиков, торговцев хлебом, ростовщиков появились крупные богачи-рабовладельцы, которые скупали земли, строили для себя роскошные здания (как раз в это время появляется «коринфский» стиль), стремились заправлять государственными делами. С другой стороны, в крупных полисах сосредоточивается неимущая гражданская масса, в значительной степени состоявшая из разорившихся мелких сельских хозяев. «В старину не было нищих, — говорил оратор Исократ, — и никто не позорил государства выпрашиванием подаяния. А теперь число нуждающихся превосходит число лиц, имеющих какой-нибудь достаток. Они только и думают, как бы раздобыть себе дневное пропитание».

Эти резкие имущественные противоречия вызвали жестокую социально-политическую борьбу внутри многих греческих полисов. Бедные слои готовы были выступить против богачей и произвести своего рода социальный переворот: появились грозные для богачей лозунги: «обобществление имущества!» (koinonia), «передел земли и кассация долгов!» В 392 г. в Коринфе толпы обездоленных людей устроили настоящий погром и перебили кинжалами множество знатных и «лучших» граждан. «Знатные граждане бросились искать убежища — одни к подножиям статуй богов, стоявших на площади, другие — к алтарям. Но и дававшие приказание и исполнявшие его были безбожнейшими людьми, и вообще им была совершенно чужда справедливость: они убивали и прильнувших к алтарям», — так описывает эти события Ксенофонт, ярый сторонник аристократии и озлобленный враг народа («Греческая история», IV, 4). В 370 г. подобное же движение произошло и в Аргосе: вооруженные «скиталами» (дубинами) бедняки перебили до 1500 состоятельных людей и поделили между собой их имущество. «Скитализм» — движение дубинщиков — прокатился и по другим городам Пелопоннеса; и здесь, по словам другого представителя зажиточных кругов, Исократа, «бедные только и помышляют, как бы ограбить богатых».

Однако это были противоречия в среде самого господствующего класса свободных. Поэтому социальной революции не произошло; в крайнем случае, могло иметь место лишь некоторое перераспределение недвижимой собственности, имущества и рабов. Притом для деклассированного гражданства нашелся другой выход: для них наиболее прибыльной и соответствующей их положе-

нию и подготовке профессией стала профессия военная, обещавшая обогащение путем добычи. Каждый эллинский гражданин получал прекрасную военную подготовку; военное искусство и военная наука эллинов были первыми в тогдашнем мире. Неимущие греки поступали наемными солдатами в любое государство, где был на то спрос. В результате Греция делается главным поставщиком наемных войск для всего средиземноморского мира.

Благодаря этому Греция входит и в гораздо более тесное, чем это было в V в., соприкосновение с Персией или с отдельными персидскими сатрапами, управлявшими частями этой мировой державы. Так, в 401 г. сатрап Малой Азии, брат персидского царя Артаксеркса, Кир, попытался с помощью большого войска и корпуса греческих наемников в 10 тыс. воинов захватить царскую власть. Греческий отряд одержал победу над персидскими силами в сражении при Кунаксе близ Вавилона. Но сам претендент Кир был убит в этом сражении. Греческому отряду пришлось пробиваться к Черному морю (к Трапезунду) через территорию Закавказья. Ксенофонт, участник и командир этого замечательного похода, оставил чрезвычайно живое и интересное описание похода («Анабасис»), а также стран, через которые проходили греки.

В политической жизни Греции тоже наступил период глубокого упадка и непрекращающихся междоусобий. Поход греческих наемников Кира вызвал столкновения Спарты и Персии. Спарта для закрепления своей новой ведущей роли в Греции выступала под предлогом защиты независимости малоазиатских греческих полисов и провозгласила для этого сбор войск всей Эллады. Этот общеэллинский поход состоялся в 397 г. под командой выдающегося спартанского царя Агесилая, но не привел ни к каким существенным результатам. Неудачей Спарты воспользовались все враждебные ей силы в Греции. Во главе этих сил стали Фивы, к которым присоединились Афины, Аргос и Коринф. Персия вступила в сношения с этой антиспартанской коалицией, и греческие государства стали широко пользоваться денежными субсидиями недавнего врага. С помощью персидских денег Афины восстановили свои сухопутные укрепления — «длинные стены», соединявшие Афины с Пиреем, залог их могущества. Афинский начальник флота Конон принял даже командование персидским флотом и открыто состоял на службе у персидского царя.

Военные действия — так называемая Коринфская война (395—387 гг.) — обнаружили слабость Спарты. Она вынуждена была свои регулярные военные силы дополнять наемниками. Это было поручено Лисандру; спартанско-пелопоннесское войско двинулось в Беотию под командой Павсания. Опять распря между этими двумя политиками и командирами привела к фактическому поражению Спарты при Галиарте в 395 г. В этом сражении погиб Лисандр, а Павсаний был позднее приговорен в Спарте к смерти. Так как Спарта находилась в опасности, эфоры

отправили Агесилаю в Малую Азию срочный приказ немедленно возвращаться в Элладу.

Пока же Агесилай двигался сушей в Элладу, Конон во главе афинско-персидского флота в большом сражении при Книде в 394 г. разгромил морские силы спартанцев и их союзников. В то же время коалиция Афин, Фив, Аргоса и Коринфа сопротивлялась натиску спартанцев на Коринфский перешеек и на Беотию, куда вторгся со своими войсками Агесилай. И там и здесь, в битвах при Немее и Коронее (весна и осень 394 г.), спартанцы одерживали верх на поле сражения. Однако они не могли использовать эти свои успехи: Коринфский перешеек остался во власти тесно объединившихся демократий Афин, Аргоса и Коринфа.

Особенно успешно защищал его афинский полководец Ификрат, который создал новую военную технику: к основному строю тяжеловооруженных гоплитов он присоединил подвижные части легковооруженных «пелтастов» (копейщиков), что значительно увеличивало маневренные возможности. Эта военная реформа соответствовала сильному увеличению разорившейся бедняцкой массы гражданства, которая не имела средств приобретать тяжелое вооружение. Спарта оказалась почти запертой в Пелопоннесе (392 г.).

Все это позволило Персии усиливать свое вмешательство в греческие дела. Спарта, попав в стеснешное положение, тоже вынуждена была послать своего наварха Анталкида в Персию с просьбой о помощи и посредничестве (392 г.). Позднее туда же прибыло и афинское посольство во главе с Кононом. Спартанцы согласны были признать даже суверенную власть персидского царя над собой и всей Элладой, в частности соглашались на включение всех малоазиатских греческих полисов в состав Персидской державы. Так как Конон решительно отстаивал независимость всей Эллады, в том числе и малоазиатских полисов, то руководивший этими переговорами персидский сатрап приказал заключить Конона в тюрьму как изменника. Вскоре после этого Конон умер.

Наконец сатрап Тирибаз прочел эллинским послам решение персидского царя: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы все города Азии, так же как и острова Клазомены и Кипр, принадлежали ему и чтобы все прочие греческие государства, большие и малые, были бы автономными, за исключением Лемноса, Скироса и Имброса, которые будут, как и в прошлом, под властью Афин. Если какое-либо государство откажется от этого мира, я пойду на него войной вместе со всеми, кто этот мир принимает, на море и на суше, со всеми моими кораблями и со всеми моими богатствами». Таким образом, Персия с помощью Спарты выступила как настоящий хозяин положения и стала диктовать свою волю грекам. Ни Афины, ни Фивы, ни какой-либо другой греческий полис не могли в данных условиях вести войну против коалиции Персии, Спарты и большей части остальной Эллады. Анталкидов, или Царский, мир 387 г. поставил всю Грецию под фактический протекторат Персии, чего не могли достигнуть

даже Дарий и Ксеркс своими походами. «Это был не мир, а предательство и поругание Греции», — пишет Плутарх («Агесилай», 21).

А Спарта ценой этой измены общему греческому делу восстановила свое преобладание в Греции и даже получила полномочия от Персии для проведения в жизнь условий «царского мира». Прежде всего были приведены к покорности враждебные Спарте полисы Пелопоннеса; главный из них, Мантинея, был прямо уничтожен. Но особенное внимание Спарты было обращено на своих соперников — Афины, Фивы — и на вновь выросший крупный центр на Халкидском полуострове Олинф, объединивший вокруг себя ряд значительных соседних полисов. Спарта в 382 г. отправила против Олинфа военную силу и попутно, путем предательства, захватила центральное укрепление Фив — Кадмею, поместив там постоянный спартанский гарнизон. В Фивах установился террористический режим и погиб крупнейший представитель фиванской демократии — Исмений. Но многие фиванские демократы бежали в Афины и начали здесь тайную подготовку к освобождению от спартанского гнета. В декабре 379 г. группа фиванских патриотов во главе с Пелопидом, переодевшись танцовщицами, проникла на пир спартанских командиров и их друзей и всех перебила. Восставшие Фивы прогнали спартанский гарнизон и заключили союз с Афинами. Попытка Спарты задавить фиванское восстание не удалась: она только еще больше усилила всеобщую ненависть к бесцеремонно проводившемуся Спартой по всей Греции режиму военного насилия.

§ 2. Второй афинский морской союз. Возвышение и упадок Фив. Тем временем и афинская демократия вновь начала организовывать вокруг себя союз морских полисов. В 378 г. этот так называемый Второй афинский морской союз был скреплен договором, текст которого высечен на огромной мраморной доске в Афинах и дошел до нас. Наученные горьким опытом, афиняне построили этот свой второй союз на более свободных началах.

В этот союз могли входить «все греки и варвары, живущие на материке, и островитяне, не принадлежащие [персидскому] царю». Все союзники оставались автономными и управлялись постоянным советом уполномоченных, «синедрионом», который заседал в Афинах, но был независим от государственных органов афинской демократии. Этот синедрион был также верховным судебным органом союзников. Постановления синедриона вносились в афинское народное собрание, которое давало им последнюю санкцию. Союзники делали денежные взносы в союзную казну, определявшиеся синедрионом и называвшиеся «синтаксис», в отличие от вызвавшего такую оппозицию обложения в Афинской морской державе, которое называлось «форос» и представляло собой в сущности дань. Целью союза провозглашалась военная защита его участников, несомненно, от поползновений и Персии, и Спарты.

Второй афинский морской союз охватывал гораздо меньшее количество полисов (всего около 70), чем Афинская держава V в.,

в которую входило свыше 200 союзников. Этот союз вместе с тем резко отличался от Афинской державы автономией и равноправием участников. Но Афины все же и по отношению к членам своего Второго союза время от времени применяли насильственные и централизующие меры, которые вызывали бурные политические отклики и делали этот союз непрочным.

Однако Спарта не желала примириться с потерей своей гегемонии. Она начала и на суше и на море войну против Афинского союза. Но Афины оказались теперь сильнее во всех отношениях; талантливые командиры Хабрий и Тимофей вскоре заставили Спарту начать мирные переговоры (374 г.) на основе признания Второго афинского морского союза и главенства Спарты в Пелопоннесе. Спарта, впрочем, эти переговоры прервала и сделала еще одну попытку разгромить Афинский морской союз, захватив важнейший в торговом и стратегическом отношении остров Керкиру. Борьба затянулась, но кончилась и здесь поражением Спарты. Тогда в Элладе в 371 г. появляется посольство самого персидского царя, предлагавшее «посредничество» для установления мира; в этом факте ярко сказалась глубокая политическая и экономическая зависимость от Персии, которая все прочнее устанавливалась над Элладой. Мирные переговоры состоялись в этом же 371 г. в Спарте; Афины получали подтверждение своего положения как главы союза, равно как и своих притязаний на северные берега Эгейского моря. Наоборот, Спарта должна была согласиться на выведение всех своих гарнизонов, находившихся за пределами Спартанского государства. Так были окончательно ликвидированы претензии Спарты на гегемонию в Элладе.

Однако тогда же выяснилось и появление еще одной, третьей крупной силы — Фив, укрепившихся в результате демократического переворота и требовавших признания своего господства над Беотией. Эти притязания встретили категорический отказ Спарты. Представитель Фив Эпаминонд, убежденный демократ и горячий патриот, демонстративно покинул собрание. Переговоры были сорваны. Спартанцы, еще не отказавшиеся от претензий на гегемонию, немедленно послали свои главные военные силы в Беотию. Но Эпаминонд к этому времени провел крупную военную реформу в беотийском войске, создав особые ударные части («священную дружину») и новое клинообразное построение гоплитского строя. В происшедшей при Левктрах битве (371 г.) армия фиванцев, «как триэра своим тараном» (Ксенофонт), врезалась в расположение противника. Считавшиеся непобедимыми спартанские войска были разгромлены, и убит был предводительствовавший ими царь Клеомброт. Это сражение сразу изменило политические отношения в Элладе. Наряду с Афинами теперь на первое место выдвинулись Фивы как центр Беотии, большой области со многими полисами. Кроме того, против Спарты и в самом Пелопоннесе выступила Аркадия. Наоборот, Афины, опасаясь Беотии, сблизились со Спартой.

Эпаминонд нанес Спарте еще более тяжкий удар: он вторгся в самую Лаконику и прошел ее всю, до самого морского залива; периэки и илоты потеряли прежний свой страх перед спартиатами, особенно после того, как Эпаминонд прошел в Мессению, провозгласил мессенских илотов свободными и помог им организовать свое государство, которое с этого момента стало играть крупную политическую роль. Спарта же потеряла большую часть своих владений и эксплуатируемых подданных. Пелопонесский союз распался, так как Аркадия тоже создала свою независимую государственную организацию; заново был построен новый государственный центр, который был назван «Великим городом» — Мегалополем.

Таким образом, в Элладе создались в 60-х годах IV в. два крупных политических объединения — Фиванское и Афинское, а Спарта отошла на задний план. Но и они были недолговечны, так как между Фивами и Афинами установились враждебные отношения. Эллинские полисы сгруппировались, с одной стороны, вокруг Фив, с другой — вокруг союза Афин и Спарты. Поводом к столкновению послужила внутренняя борьба в Аркадии. В 362 г. при Мантинее в Аркадии произошло большое сражение между войсками обеих группировок; поле сражения осталось за фиванской стороной; но Эпаминонд пал в этой битве, а против Фив выступили их бывшие союзники в Средней Греции и Фиванское объединение в последующие годы весьма ослабело.

К тому же времени острые противоречия привели к распадению Второго афинского морского союза. Афины вынуждены были непрерывно проводить активную военно-морскую политику, требовавшую больших средств и сильной власти. Синедрион мешал им и в том и в другом направлениях, как в свое время подобный ему синод первого союза, почему постепенно и его роль Афины постарались свести на нет. Тем самым афинская власть вновь приобрела характер господства. В ряде крупных полисов — Хиосе, Родосе, Косе, Эритрах и др. — началось антиафинское движение, и вскоре они отпали от союза. Военные действия Афин против их бывших союзников («союзническая война») были безуспешны, и к 355 г. Второй афинский союз фактически перестал существовать. Вокруг Афин продолжали группироваться всего лишь около 30 полисов.

Таким образом, к 355 г. Эллада, несмотря на многократные попытки ее сплочения, представляла собой картину политической раздробленности и разъединенности: на севере Фессалия все более подпадала под власть Македонии, ряд областей Средней Греции стремился вести независимую политику; в Пелопоннесе шла ожесточенная борьба между многими, теперь политически самостоятельными полисами; мир островных и прибрежных полисов опять политически не был объединен. Изжившая себя, устарелая полисная система явно задерживала и тормозила развитие производительных сил страны.

В связи с этим к половине IV в. вся Греция находилась в состоянии глубочайшего и экономического, и социального, и политического кризиса, казавшегося безысходным. В то же время все более и более обнаруживалось ее глубокое бессилие перед восточным миром, объединенным в Персидскую державу, который, казалось, угрожал полностью втянуть Грецию в свою орбиту и лишить независимости.

ГЛАВА XXXIV

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ И ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

§ 1. Начало македонской гегемонии в Греции. Одновременно с упадком старых культурных областей Средней и Южной Греции происходил процесс усиления и возвышения северных, прежде отсталых, как Эпир и в особенности Македония. Македонией называлась обширная область, расположенная в северо-восточной части Балканского полуострова и занимавшая промежуточное положение между греческим миром и варварскими землями. С севера и запада она граничила с территориями, населенными фракийцами, дарданами, иллирийцами, с юга и юго-запада примыкала к греческим областям Фессалии и Эпиру. Природа Македонии отличается дикостью, суровостью и величественностью. Большая часть поверхности на западе и на юге занята высокими горами, поросшими дремучими лесами, центральная же область представляет плодородную равнину. Береговая линия на востоке незначительна по своему протяжению.

Этническое происхождение македонян очень пестрое. В них сочетались элементы различных народностей — фессалийцев, фракийцев, иллирийцев. Поэтому язык македонян хотя и близок к греческому, но грекам был непонятен. Отсталость Македонии проявлялась в хозяйственной и в социально-политической жизни. Население в основном занималось земледелием и скотоводством. Обилие лесов способствовало развитию лесных промыслов и охоты. Хозяйство страны носило натуральный характер. Города были немногочисленны и незначительны. Основную массу населения составляло крестьянство. Рабство, в связи с примитивностью хозяйства, не получило широкого развития. Господствующее положение занимала родовая аристократия, связанная с крупным землевладением.

Политический строй сохранял долгое время черты военной демократии. Страной управляли наследственные цари, хотя власть царя уже была незначительна: основную роль играл совет «гетайров» (товарищей царя), состоявший из военно-землевладельческой аристократии. Сохранилось и старинного типа народное собрание, представлявшее собой военную сходку.

С последней четверти V в., в особенности в связи с Пелопонесской войной, Македония стала выходить из своей примитивной натурально-хозяйственной изоляции, втягиваться в обмен с Грецией и благодаря этому подвергаться растущему влиянию

греческой культуры. Македонский царь Архелай (413—399 гг.) стал называться «другом эллинов»; он объявил себя потомком Геракла, посылал свои колесницы на греческие состязания и даже пригласил к своему двору греческого поэта трагика Еврипида. Греческие инженеры строили ему крепости для защиты от напиравших с востока фракийцев, греческие военные инструкторы обучали его войска.

Процесс эллинизации, а вместе с тем и политического объединения Македонии, завершился в середине IV в. при Филиппе II (359—336 гг.), который справедливо считается создателем могущественного Македонского государства.

Филипп II, получивший хорошее греческое образование (он в юности в качестве заложника долго жил в Фивах в доме Эпаминонда), был крупным государственным деятелем и политиком, умело и ловко пользовавшимся для достижения своих целей и военной силой, и дипломатией, и подкупами. При нем Македония выходит на широкую арену международной жизни, значительно расширяет свои пределы и становится самым сильным государством на Балканском полуострове.

В деятельности Филиппа прежде всего следует отметить создание им централизованного государства. Он сломил сопротивление македонских князей, чувствовавших себя настолько независимыми правителями в своих владениях, что многие из них содержали свои войска. Филипп II сосредоточил нити управления государством в своих руках. Затем он завершил формирование македонской регулярной армии: служить в ней обязаны были все македоняне. Основой македонского строя стала знаменитая македонская фаланга, состоявшая из 16 рядов воинов, плотно сомкнутых между собой. Воины были вооружены мечами и длинными (до 5 *м*) копьями — «сариссами». Положенные на плечи предшествующих воинов сариссы выдвигались впереди фаланги и представляли острую щетину. Благодаря четкости и слаженности движений воинов фаланга выступала как монолит. Из конных дружин аристократов организована была прекрасная конница тяжеловооруженных латников. На ровном месте при защите флангов конницей фаланга представляла собой большую силу. Филиппом был создан также и значительный флот.

Укрепив военную мощь, Филипп начал широкую завоевательную политику. В результате десятилетней войны с Афинами (357—346) он захватил все Фракийское побережье вплоть до Геллеспонта — область, богатую золотом, серебром, строевым лесом. Цветущие греческие города на этом побережье — Амфиполь, Потидея, Абдеры, Маронея — вошли в состав Македонии и способствовали еще большему вовлечению ее в круг греческой торговли. Большой приток золота от разработки фракийских рудников позволил Филиппу II ввести у себя в государстве золотую монету («статеры», или «филиппики», с его изображением) наряду с серебряной. При помощи новой денежной системы

Филипп начал вести валютную политику против Персии и Афин.

В своей захватнической политике Филипп использовал тяжелый экономический и социальный кризис, ослаблявший греческие государства, а также борьбу этих государств между собой. В них появилось много приверженцев македонского царя, видевших спасение в македонском завоевании. Это были главным образом представители имущих слоев, страдавшие от социальных смут, тяжелых повинностей — литургий, конфискаций имуществ, мечтавшие о сильной власти для обуздания беспокойных низов. Многие считали желательным объединение Греции под властью Македонии для войны с Персией. Филипп поддерживал своих приверженцев щедрыми денежными субсидиями. Правда, наряду со сторонниками македонского завоевания были и яростные его противники. К ним принадлежали люди, стремившиеся сохранить прежнюю систему городов-государств и их независимость. Это были главным образом средние и низшие слои, заинтересованные в сохранении системы раздач и демократических учреждений, но также и торговцы хлебом, боявшиеся захвата Македонией Геллеспонта, оружейники, которым война обещала большие прибыли. Вопрос об отношении к Македонии стал одним из основных в политической жизни греческих государств.

Особенно остро проявилась борьба македонской и антимакедонской партий в Афинах.

Наиболее крупными представителями македонской партии были оратор Эсхин, писатель Исократ, крупный финансист Эвбул. Среди сторонников Филиппа были люди, преследовавшие различные цели. Исократ, ставший знаменитым преподавателем ораторского искусства, стремился к объединению греков во главе с Афинами для войны с Персией. Этой теме посвящена его знаменитая речь «Панегирик», в которой он прославляет Афины. Разочаровавшись в возможности объединения греков без посторонней помощи, Исократ стал видеть в Филиппе Македонском возможного объединителя и спасителя Греции. В своем послании к Филиппу Исократ советует ему во главе объединившихся греков идти против «варваров». Для Исократа Филипп был только средством для осуществления борьбы с Персией. Когда же Исократ понял, что Филипп становится поработителем греков, он встал в ряды защитников греческой свободы в битве при Херонее и после ее неудачного исхода покончил жизнь самоубийством. Эсхин и Эвбул были просто подкуплены Филиппом и воздействовали на афинскую политику в его интересах.

Вождем антимакедонской группировки сделался выдающийся оратор Демосфен, сын владельца оружейной мастерской, глава демократической партии в Афинах. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с «македонским варваром и с его коварными замыслами». Мастерские речи Демосфена против Филиппа, страстные и негодующие, получили название «филиппик».

Пользуясь раздорами и несогласиями среди самих эллинов, Филипп стал вмешиваться в греческие дела. Очень удобным поводом для его вмешательства послужила так называемая Священная война (356—346 гг.). Фокидцы захватили имущество Дельфийского оракула. Под предлогом защиты интересов

святилища поднялись враждебные фокидцам Фессалия и Беотия. Потерпевшие первоначально неудачу в борьбе с Фокидой фессалийцы прибегли к помощи Филиппа. В результате успешного участия в этой войне Филиппу удалось утвердить свою гегемонию в плодородной Фессалии и в Фокиде, а также занять своими войсками Фермопильский проход. Под воздействием сторонников Филиппа в Афинах, Эсхина, Эвбула и Филократа, был заключен с Филиппом в 346 г. Филократов мир, по которому признавались завоевания Филиппа как в Греции, так и на Фракийском побережье.

Внедрение Филиппа в Северную и Среднюю Грецию активизировало деятельность антимакедонской демократической партии в Афинах. По инициативе Демосфена для защиты греческой свободы и независимости была составлена коалиция из государств Средней Греции, главную роль в которой играли Афины и Фивы. Решающая битва произошла в 338 г. при Херонее (Беотия). Во главе греческого войска стояли афиняне. Македоняне сосредоточили свои основные силы на флангах, причем левым из них командовал 18-летний сын Филиппа Александр. Стремясь показать перед отцом свою личную храбрость, честолюбивый Александр первым во главе тяжелой македонской конницы прорвал сомкнутую линию неприятеля, врезавшись в «священный отряд» из отборных фиванцев. После этого и сам царь с основными македонскими силами атаковал противника, и македонская фаланга, наступая своим сомкнутым строем, сокрушила плохо слаженные ополчения греков.

«Битва была жаркая и длилась долго, — пишет Диодор, — так как греческие патриоты бились с мужеством отчаяния». На поле битвы впоследствии был сооружен из мрамора громадный лев. Павсаний, писатель и путешественник II в. н. э., сообщает, что лев был сделан фиванцами над общей могилой как эмблема, напоминающая о мужестве павших за свободу героев.

Эта победа, а затем созванный в Коринфе общегреческий конгресс положили основание длительной македонской гегемонии в Греции. На конгрессе делегаты всех греческих государств принуждены были признать главенствующую роль Македонии и согласиться на организацию общегреческой федерации под ее верховенством. Филипп, со своей стороны, гарантировал защиту интересов имущих рабовладельческих слоев: частная собственность была признана неприкосновенной, были запрещены переделы земли и кассации долгов, а также освобождение рабов в целях переворотов. Кроме того, на этом съезде по предложению Филиппа было решено начать общегреческую войну с Персией, «чтобы отомстить персам за все сделанные ими над греческими храмами святотатства». Филипп хотел быть выразителем панэллинства, т. е. объединения всех греков. Эта панэллинская идея нужна была ему для прикрытия его агрессивных замыслов против Персии. В действительности же битва при Херонее и коринфский конгресс положили конец независимости греческих государств и открыли

эпоху вмешательства иноземных захватчиков в их внутреннюю жизнь.

Филиппу не удалось осуществить поход на Персию. Он умер в разгаре приготовлений к нему. В 336 г. Филипп был убит во время свадебного пира в честь бракосочетания его дочери. В заговоре принимали участие представители македонской родовой знати Верхней Македонии, недовольные ущемившей их права централистической политикой Филиппа. Несомненно также участие в заговоре персов, надеявшихся устранением Филиппа предотвратить войну. Весьма вероятно, что в заговоре принимали участие и близкие к Филиппу люди: его жена Олимпиада и сын Александр, который и стал его преемником.

§ 2. Держава Александра Македонского. Александр Македонский или «Великий» (336—323 гг.) является одной из самых популярных фигур древности. Он вошел в историю как один из завоевателей, откровенно стремившихся к мировому господству. Масштабы его завоеваний, простиравшихся от Эгейского моря до бассейна Инда и от Ливийской пустыни до Каспийского моря, и тот короткий срок, в который они были совершены (около 10 лет), произвели неизгладимое впечатление на современников и сделали его героем многочисленных легенд и сказаний, часто неумеренно идеализирующих его личность.

Такая идеализация Александра началась уже в древней историографии, ее можно найти в труде историка Арриана (II в. н. э.) «Поход Александра», в биографии Александра, написанной Плутархом, в труде Квинта Курция Руфа (I в. н. э.) «История Александра Македонского». Труды эти являются главными нашими источниками. В новое и новейшее время в буржуазной историографии (например, в известном труде Дройзена «История эллинизма») мы находим такое же преклонение перед македонским мировым завоевателем, причем идеализируются как его личность, так и его захватнические планы. Все это препятствует правильному пониманию роли Александра и значения его дела.

Александр вступил на престол 20-летним юношей. Греческое воспитание, данное ему Филиппом, сделало его образованным человеком. Аристотель, который был его воспитателем с 343 по 340 г., дал ему не только широкие знания, но и привил любовь к эллинской культуре. С детства Александр отличался властностью и непомерным честолюбием. Он рос в то время, когда Македония завоевывала себе первое место среди государств, и сама атмосфера при дворе Филиппа была насыщена стремлением к расширению господства над другими народами. Это с детских лет способствовало развитию у Александра необъятных честолюбивых замыслов. Рассказывают, что каждая победа отца в известной мере огорчала его, так как он боялся, что если жизнь Филиппа еще продлится, то на его долю не останется уже славных дел.

Начало его царствования было очень трудным и потребовало от молодого царя большой решительности и твердости. Прежде всего он жестоко расправился со всеми родственниками, которые

могли быть претендентами на власть, затем занялся усмирением восставших фракийских и иллирийских племен. Ложный слух о гибели Александра послужил сигналом для восстания и греческих государств. Особенно угрожающий характер движение приняло в Фивах. Александр с неожиданной быстротой появился с войском в Беотии и свирепо расправился с восставшими. Фивы были срыты до основания, а население продано в рабство.

Покончив со своими противниками в Греции, Александр стал готовиться к задуманному его отцом персидскому походу. Силы, с которыми Александр в 334 г. направился в Азию, были, в общем, незначительными (30 тыс. пехоты, 5 тыс. всадников и 160 кораблей). Но Персия при последних Ахеменидах вполне оправдывала сравнение ее с колоссом на глиняных ногах. Это громадное государство, образованное из разных племен и рас, по определению товарища И. В. Сталина представляло собой «случайные и мало связанные конгломераты групп», объединенные завоеванием.

Угнетаемые налогами, повинностями, военной службой, произволом правителей, покоренные Персией народы поднимали восстания, стремясь освободиться от персидского господства. Особенно сильным освободительное движение было в Египте. Персидская армия, большая по количеству, не отличалась высокими боевыми качествами. Она состояла в основном из поставляемого сатрапиями войска, которое шло воевать неохотно. Большее значение имели греческие наемники, число которых доходило до 20 тыс. Даже командующим всеми сухопутными и морскими силами был назначен грек Мемнон. Естественно, что в войне с соотечественниками греческие наемники не могли представлять особенно надежной силы. Наконец, и сами правители Персии, последние цари из династии Ахеменидов, были ничтожными личностями. Всеми делами заправляли царские жены и их фавориты. Один из них, евнух Богоаз, прославился тем, что поставил на царство и убил одного за другим трех царей, но, наконец, сам был убит четвертым своим ставленником — Дарием III Кодоманом.

В 334 г., собрав в городе Амфиполе на Фракийском побережье все силы, Александр направился к Геллеспонту. В македонской армии Александра были и греческие войска (около 7 тыс. воинов). Переправившись через Геллеспонт, Александр разбил передовые силы персов при реке Гранике, впадающей в Пропонтиду. Эта победа открыла ему дорогу в Малую Азию. Покорение Малой Азии Александр прикрывал призывом к освобождению малоазиатских греков от персидского ига. Поэтому большая часть малоазиатских городов сдавалась Александру добровольно и встречала его как освободителя. Только Милет и Галикарнас, защищаемые греческими наемниками во главе с Мемноном, были взяты после упорных боев. Попытки персов принудить Александра вести войну на море не увенчались успехом: сознавая слабость своих морских сил, Александр отправил флот назад в Македонию. Завоеванные города Александр закреплял за собой разнообразными способами: в одних случаях привлечением на свою сторону демократических слоев, в других — поддержкой жречества (как, например, в Эфесе, где находился знаменитый храм Артемиды Эфесской). В некоторых случаях он устанавливал родственные

отношения с прежними правителями. Так, в Карии он добился, чтобы его усыновила царица Ада. Управление завоеванной территорией в Малой Азии он оставлял за сатрапами, которые назначались им из македонян.

В следующем 333 г. Александр двинулся на завоевание Сирии. Вначале он оказался в весьма затруднительном положении. Когда Александр со своим войском вступил в теснины горного хребта Тавра, в так называемые «Ворота Сирии», в тыл ему вышла вся громадная персидская армия во главе с самим царем Дарием III. Последний не послушался предостережений опытных военных советников и атаковал Александра в неудобной для развертывания своих сил горной местности близ Исса. Александру удалось бурным натиском своей фаланги и тяжелой конницы вызвать панику в скученных войсках персов и одержать блестящую победу. Дарий бежал, бросив свой лагерь со всем имуществом, щит и колесницу. Семья Дария, сопровождавшая его, попала в плен. Эта победа Александра побудила персидского царя начать с ним переговоры о мире. Дарий предлагал Александру часть Азии на запад от Евфрата, большую контрибуцию (10 тыс. талантов) и руку одной из своих дочерей. Александр ответил горделивым посланием, в котором отказывался от мира и именовал себя «властелином всей Азии».

Дальнейшие успехи Александра — захват Библа, Сидона и затем, после шестимесячной осады, сильно укрепленного Тира — сделали его обладателем Финикии. После этого Александр направился в Египет. Здесь его дружественно приняли не только местное население, но и персидский правитель Египта, который отчаялся в возможности сопротивляться Александру. В Египте Александр постарался прежде всего заручиться расположением жречества. Он стал проявлять особую приверженность к египетским богам, даже совершил тяжелое путешествие по раскаленным пескам безводной Ливийской пустыни к оракулу Аммона, чтобы закрепить свою власть в Египте санкцией самого бога. Жрецы оракула послушно признали его сыном Аммона (т. е. царем Египта) и предрекли быть владыкой вселенной.

Характерно также для политики Александра на востоке стремление эллинизировать захваченные области и тем упрочить свои завоевания. В Мемфисе он устроил гимнастические и музыкальные состязания, в которых участвовали вызванные для этой цели греки. Очень важным событием того же характера было основание в западной части дельты Нила города Александрии (330 г.). Сам царь выбрал для него место и указал план. Управление Египтом Александр разделил между многими лицами, так как ему казалось небезопасным вверить его одному лицу. Военная власть и финансовый контроль были оставлены в руках македонян и греков, правители Верхнего и Нижнего Египта и другие чиновники были из египтян.

Так в течение всего трех лет были осуществлены Македонией старинные стремления греков овладеть восточным побережьем Средиземноморья. К этому стремился еще Афинский союз в эпоху своего наибольшего расцвета при Перикле, об этом мечтали и наи-

более выдающиеся деятели Спарты в период ее наивысшей мощи после Пелопоннесской войны (например, Агесилай).

Однако громадные захваченные территории предстояло еще основательно закрепить и освоить, а на это требовалось много времени. Недаром поэтому старый сотрудник Филиппа, опытный полководец Парменион, узнав об условиях мира, предложенного персидским царем после битвы при Иссе, сказал Александру: «Будь я на месте Александра, я принял бы эти предложения». Однако Александр дерзко ответил ему: «Да, я тоже принял бы, будь я на месте Пармениона». Неожиданно быстрые успехи начинали кружить голову молодому македонскому царю. Он уже всерьез вообразил себя богом и потребовал себе божественного поклонения даже в свободолюбивой Греции. Поэтому, вразрез с советами своих военных руководителей, он решил, опираясь на доставшиеся ему богатые средства Египта, пуститься в рискованный поход в центральную часть Персии. Поход на восток превращался, таким образом, в опасную авантюру.

В 331 г. Александр, пополнив свои войска в Египте, направился через Сирию в Месопотамию. Там при ассирийском селении Гавгамелы на реке Тигре произошло сражение, самое большое из всех во время похода Александра. Персы мобилизовали громадные силы, так что силы греко-македонян по сравнению с ними казались незначительными. Но растерянность и трусость Дария, бросившего свое войско на произвол судьбы в самый разгар сражения, позволили Александру и здесь одержать победу. При Гавгамелах персы потеряли основную часть своей живой силы, и могущество Персии было окончательно сломлено. Дальше Александр без всякого сопротивления занял Вавилон. Здесь он был встречен как освободитель от персидского ига. Последующее занятие Суз, Персеполя, Экбатан, столиц персидских царей, сделало его обладателем громадных богатств из царских сокровищниц (150 тыс. талантов). Вступив на территорию собственно Персии, Александр разрешил войску грабить местное население. В Персеполе, древнейшей столице Персии, как утверждают некоторые источники, он приказал сжечь царский дворец.

Дальнейшая агрессия Александра приняла еще более откровенный характер осуществления фантастической идеи мирового господства.

Гибель Дария (он бежал в направлении к Каспийскому морю и в Парфии был убит бактрийским сатрапом Бессом), знаменовавшая падение и династии Ахеменидов, послужила Александру поводом самому занять место персидского царя. Соответственно этому изменилась и политика Александра в отношении к персам. Он начал приближать к себе персидскую знать, женился на дочери бактрийского князя Роксане, облекся в восточную одежду, ввел восточный церемониал и стал требовать обращения к себе не иначе, как с коленопреклонением. Громадные материальные средства Персии и ее неисчислимые людские резервы он предполагал использовать для завоевания всего Востока— Средней Азии, Индии, Китая. Мало того, строились уже планы об объезде Александра с громадным военным флотом вокруг Африки, вторжения с за-

пада через Гибралтарский пролив в Средиземное море, завоевания Испании, Карфагена, Италии и образования таким путем невиданной по размерам единой мировой державы.

Однако осложняющим обстоятельством, затруднившим дальнейшее продвижение Александра на восток, было начинавшееся сопротивление местного населения. Особенно сильно оно проявилось в Бактрии и в Согдиане. Сюда Александр в 329 г. предпринял поход под предлогом отомстить Бессу за убийство Дария. Бактрийцы и согдийцы, возглавляемые Спитаменом, соратником Бесса, осадили Мараканду (Самарканд) и истребили здесь целый отряд македонских солдат в 2 тыс. человек. К повстанцам примкнули соседние племена степняков — массагетов и саков. Началась народно-освободительная война. В процессе борьбы с повстанцами Александр возвел много крепостей, в том числе Александрию Крайнюю (современный Ленинабад), самый северный пункт его похода, и все же в течение двух лет не мог полностью подавить движения.

Из Согдианы и Бактрии Александр направился в Индию. Он шел с большим войском из македонян, греков и азиатов (около 120 тыс. человек) по труднопроходимым даже и в настоящее время горам Афганистана. Трудность перехода погубила тысячи людей и вьючных животных. На своем пути Александр продолжал основывать поселения, которые должны были служить ему опорными пунктами. Завоевание Индии облегчала непрестанная вражда между собой индийских династов, которой Александр умело воспользовался. Перейдя реки Инд и Гидасп (приток Инда), он разбил могущественного царя Западной Индии Пора (в битве с ним македонские воины впервые столкнулись с боевыми индийскими слонами). Так Александр продвинулся к Гифасису (восточному притоку Инда), предполагая дальше направиться на завоевание восточной Индии, точнее — долины Ганга. Здесь Александр основал две последние свои колонии — Никею и Буцефалию, последняя названа была по имени его любимого коня, павшего в этих местах. Однако армия его изнемогала от длительных напряжений и трудности пути. Усилившееся недовольство вылилось в конце концов в резкую оппозицию. Против Александра уже с 330 г. стали возникать заговоры как среди старых ветеранов-командиров, так и среди македонской молодежи — «пажей». Александр самыми суровыми мерами старался подавить оппозицию в армии. Для этого он не останавливался перед уничтожением самых заслуженных и близких ему людей. Так погибли старый Парменион, главный помощник Александра, и его сын Филота — начальник конницы. Своего близкого друга Клита Александр сам убил во время пира: Клит открыто высказал недовольство восточной политикой Александра и выдвижением персов, за что раздраженный Александр пронзил его копьем. Александр тщетно пытался воодушевить своих соратников на дальнейший поход, говоря, что «границами нашего царства будут установленные пределы всей земли» (Арриан).

Его призыв, естественно, не встретил отклика, и растущее сопротивление войска, грозившее перейти в открытый бунт, показало ему, что необходимо возвращаться. Проведя три дня в полном одиночестве в своей палатке, Александр дал, наконец, приказ строить корабли на берегу Гидаспа, чтобы доставить свою армию до берега Индийского океана. Обратный путь начался в 326 г. и проходил в невероятно трудных условиях. По истечении семи месяцев достигнув дельты Инда, Александр направил одну часть армии во главе с Неархом еще мало изведанным морским путем вдоль берега океана в Персидский залив, с другой сам отправился по суше через знойные пустыни Гедрозии и Кармании. Поход закончился в 325 г. в Вавилоне. Результатом его было образование трех новых сатрапий в Западной Индии.

После окончания похода, как и в процессе его, Александр весьма наивными способами старался проводить объединение греко-македонян с персами. Он поощрял браки своих воинов с персианками и один раз устроил свадьбу сразу 10 тысяч пар. Сам Александр вступил, по обычаю персидских царей, в брак еще с двумя персидскими царевнами. В государственном управлении, при дворе, в армии усиливалось влияние восточной знати. Правда, нужно отметить также, что одновременно Александр проводил эллинизацию персов: 30 тыс. персидских мальчиков обучалось военной технике македонян и македонским обычаям.

Однако оппозиция восточной политике Александра усиливалась и ширилась, охватывая теперь и верхи греко-македонского общества и рядовые солдатские массы. В Описе, на реке Тигре, в 324 г. разгорелся настоящий солдатский бунт. Александр со всей решительностью подавил его, казнив 19 главарей, и стал формировать армию, состоящую по преимуществу из персов. Но ему пришлось пойти и на некоторые уступки, обещав, что македоняне будут пользоваться преимуществом перед персами. Все же столицей своей мировой монархии Александр сделал Вавилон, так как восточные формы его государства не могли быть приемлемы в Македонии.

Не закончив, таким образом, свой восточный поход, Александр уже начал подготовку к завоеванию западного Средиземноморья. Преждевременная смерть от злокачественной малярии в 323 г. не дала ему возможности приступить к осуществлению этого фантастического плана.

Значение уничтожения Персидской державы Александром все же было чрезвычайно велико. Оно способствовало постепенному слиянию экономики и культуры запада и востока. В отношении установления более органической связи между ними большое значение имело основание нескольких десятков городов («Александрий»), которые должны были стать центрами объединения греков и македонян с местным населением и взаимного обмена культурными благами. В результате похода Александра на восток стал развиваться двусторонний процесс: эллинизация востока и ориентализация Греции. Там, где Александр осуществлял давно назревшие потребности греческого хозяйственного развития и тенденции гре-

ческой культурной жизни, а не увлекался собственными честолюбивыми планами, там его деятельность имела очень большое значение для истории греческого рабовладельческого общества, так как способствовала его подъему на новую, высшую ступень. Поэтому, как отметил К. Маркс, «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра» [1].

Но наряду с указанными явлениями не следует забывать, что результатом завоевания Востока было не только уничтожение Персидской державы, но и установление нового господства, основанного на жестоком порабощении местного населения греко-македонянами, и те прогрессивные факты, которые возникли в результате падения Персии, не означали улучшения положения народных масс. Прежний гнет Персидской державы сменился еще более тяжелой и утонченной эксплуатацией завоевателей. По существу, поход Александра на восток был осуществлением тех давнишних агрессивных замыслов греков, которые Исократ сформулировал следующим образом: «Перенесем войну в Азию, а счастье Азии к нам».

Вместе с тем громадная держава Александра имела то общее с разрушенным им Персидским государством, что, представляя собой результат насильственного завоевания множества различных стран и народов, она являлась тоже весьма непрочным и недолговечным образованием. «...Несомненно, — пишет товарищ Сталин, — что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» [2].

В своей замечательной работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин, возвращаясь вновь к характеристике империй Кира и Александра, с особой полнотой отметил их непрочность и эфемерность: они «... не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения... Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки» [3].

ГЛАВА XXXV

ГРЕЦИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

После смерти Александра Македонского в греческих государствах вновь оживились надежды на освобождение от македонского господства. Афины встали во главе общегреческого вос-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 194.
[2] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 293.
[3] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

стания против Македонии. Это восстание разгорелось в Ламийскую войну (323—322 гг.), названную так по городу Ламии в Фессалии, где был осажден наместник Македонии Антипатр. Однако война, начавшаяся, казалось бы, удачно для греков, закончилась победой Македонии и расправой со сторонниками антимакедонского движения. Гегемония Македонии была восстановлена. Демосфен, принужденный бежать из Афин, был заочно осужден на смерть и, отчаявшись в возможности спастись, принял яд. Дело восставших было обречено на неудачу всем ходом исторического процесса, так как греческая полисная система изжила себя.

Упорное сопротивление Афинского государства в борьбе с Македонией все же не было окончательно сломлено. В середине III в. происходит новая, так называемая Хремонидова война (названная так по имени ее зачинщика афинянина Хремонида). Эта война так же, как и предшествующая, окончилась поражением греков. Афинская демократия теперь была уничтожена, и роль Афин как вождя в борьбе за независимость и свободу всей Греции окончилась. После разгрома Афин основная роль в борьбе с Македонией переходит к другим греческим центрам.

Кризис рабовладельческого хозяйства особенно проявился в таких развитых рабовладельческих государствах, как Афинское. Перемещение торговых путей на юго-восток в связи с усилившимся значением Передней Азии и Египта, возникновение новых центров, захвативших в свои руки мировую экономику (Александрия, Родос и др.), обострение социальной борьбы — столкновение пролетаризированной массы с имущими верхами — все это обрекало прежние цветущие государства материковой Греции на второстепенную роль. Наоборот, более отсталые государства, в которых внутренние противоречия не были сильно обострены, оказались теперь более жизнеспособными и стойкими в развертывающейся борьбе.

Основное место в общегреческой жизни в III в. до н. э. в связи с общим кризисом полиса начинают занимать не отдельные города, а их федерации, в особенности союзы Этолийский и Ахейский. Этолийский союз, окрепший в 279 г. в связи с нашествием галатов, включал в себя отставшую до сих пор в экономическом развитии Этолию, ряд областей Средней Греции, в том числе Дельфы, южную Фессалию и несколько мелких городов в Пелопоннесе. В Ахейский союз, кроме области Ахайи, входили наиболее крупные греческие города — Сикион, Коринф, Мегары. В конце концов он охватил большую часть Пелопоннеса.

Общей чертой этих союзов, в противоположность прежде существовавшим, было полное равноправие всех государств, входивших в федерацию, и их автономия во внутренних делах. В обоих из них существовали общесоюзные органы власти: 1) Общее собрание, собиравшееся дважды в год, в котором могли принимать участие все граждане союзных общин; 2) выборный совет как постоянно действующий орган; 3) выборный стратег как глава военной и гражданской власти.

Различие союзов вытекало из их состава. В Ахейский союз входили крупные торговые города вроде Коринфа, Мегар, в то время как основу Этолийского союза составляли отсталые местности с примитивным сельским хозяй-

ством и воинственным населением, часто тревожившим соседей своими разбойничьими набегами и пиратством. Кроме того, в связи с тем, что в городах, входивших в Ахейский союз, большую роль играла торговая аристократия, он носил менее демократический характер.

Особенно большое значение приобрел Ахейский союз при стратеге Арате (245—213 гг.). Арат превратил союз, по словам Плутарха, «в одно политическое тело». В течение 33 лет он занимал должность стратега и за это время, главным образом мирным дипломатическим путем, расширил союз включением в него таких важных центров, как Коринф, Мегары, Мегалополь. Особенно значительным приобретением для союза было присоединение Коринфа, который, помимо экономического значения, представлял собой пункт исключительной стратегической важности. Арат завязал дружественные связи с Египтом и Македонией, не останавливаясь, если это нужно было, и перед заискиванием у сильных мира. В результате его деятельности Ахейский союз приобрел большой удельный вес в сфере международных отношений. Он стал вмешиваться во внутреннюю жизнь государств Пелопоннеса и диктовать им свою волю. Естественно, что такое стремление к гегемонии вызывало противодействие со стороны других государств. Особенно острыми были взаимоотношения с соседними Спартой и Этолийским союзом, который, как и Ахейский, претендовал на господство во всей Греции.

Из прежних государств-гегемонов только Спарта в некоторые периоды сохраняла значительный удельный вес. Отсталое натуральное хозяйство Спарты претерпело в IV в. большие изменения в связи с проникновением туда денежных отношений и развитием частной собственности. Толчком к этому явился закон эфора Эпитадея (398 г.), разрешавший свободное завещание (фактически и продажу) клеров, чем общинному строю Спарты был нанесен сокрушительный удар. С одной стороны, стала происходить концентрация земельной собственности и движимого имущества в руках немногих спартиатов (около 100 семей богатой знати), с другой — обезземеливание, пролетаризация и задолженность массы населения. Резко изменился быт: спартанская знать заразилась страстью к серебру и золоту, пишет Плутарх; изысканность и роскошь пришли на смену прежней суровой жизни. Спарта превратилась в замкнутую олигархию, основным орудием которой стал эфорат. Царская власть в связи с выдвижением новых людей и упадком старых родов еще более ослабела.

Все обострявшиеся внутренние противоречия создали чрезвычайно напряженную общественную атмосферу, разразившуюся наконец социальным переворотом. Толчком к этому движению послужила реформаторская деятельность молодого царя Агиса IV (245—241 гг.).

Воспитанный в духе стоической философии, отвергавшей ценность материальных благ, 19-летний реформатор считал идеалом общественной жизни древние спартанские порядки.

Спасение Спарты Агис видел в возвращении к архаическим формам ликурговой ретры. Он хотел восстановить старинные общинные обычаи Спарты — общественные обеды, общественное воспитание, суровость лагерного быта. В этом, конечно, сказался наивный взгляд царя-мечтателя, думавшего, что можно на новой экономической основе реставрировать древний быт. Но попутно Агис хотел ликвидировать и основное зло: он внес в герусию предложение об уничтожении долгов и переделе земли. Часть конфискованных земель предполагалось распределить между безземельными спартиатами («гипомейонами»), другая часть должна была пойти в надел периэкам, которыми пополнялось число полноправных граждан, увеличиваемое таким путем до 4500 человек.

Провести намеченные мероприятия Агис хотел путем реформы сверху. Он предполагал, что все эти широкие планы можно осуществить мирным законодательным путем, так как одной стороной реформа Агиса была выгодна даже для части крупных землевладельцев: некоторые из них имели большую задолженность, поэтому стояли за кассацию долгов, но они не хотели поступаться своей землей. Представителем этого слоя был, например, дядя Агиса, Агесилай, занявший поэтому двойственную позицию по отношению к реформам.

Агис провел своего сторонника Лисандра в эфорат и благодаря этому на время парализовал противодействие этого политического органа. Долговые обязательства были снесены в одну груду и сожжены. Однако когда после этого народ стал требовать немедленного раздела земли, соратники Агиса, вроде упомянутого выше Агесилая, выступили против дальнейших решительных мер и старались отстранить царя от руководства движением. Под влиянием Агесилая Агис отправился в поход на помощь Ахейскому союзу, ведшему войну с Этолийским союзом и обратившемуся за помощью к Спарте. Его отсутствие оказалось катастрофичным для реформы. Благодаря оппозиции и двойственности поведения оставшихся в Спарте вождей движения дело так и не дошло до передела земли. Народ считал себя обманутым, а руководители были дискредитированы. Когда Агис вернулся из похода, лишенный народной поддержки, он не смог вести борьбу с противниками и, так как положение его становилось угрожающим, принужден был искать убежища в храме. В конце концов он был арестован и казнен эфорами. Казнены были также его мать и бабка, поддержавшие Агиса в его планах, а жена его Агесиада была выдана замуж за Клеомена, сына его злейшего врага, царя Леонида.

Однако после гибели Агиса Клеомен, ставший в 235 г. царем, явился продолжателем дела Агиса, в значительной мере под влиянием Агесиады, оставшейся верной планам своего первого мужа. Планы его реформ были значительно шире, и методы проведения были более революционны. Кроме социально-экономических мер-

приятий, Клеомен хотел провести политические изменения: уничтожить спартанскую олигархию, укрепить внешнее могущество Спарты и установить ее гегемонию над Грецией. Сформировав сильное наемное войско, Клеомен провел победоносную войну с Ахейским союзом. Укрепив, таким образом, свое положение, он, вернувшись в Спарту, совершил там переворот, опираясь на преданное ему войско. Эфоры были убиты, и их кресла были выброшены как символ уничтожения эфората. Герусия была ликвидирована и сторонники олигархии изгнаны. Число граждан значительно увеличивалось за счет периэков. Конфискованные земли были разделены на общественные наделы. Клеомен, так же как и Агис, пытался восстановить прежний общинный быт и в своей личной жизни придерживался древних традиций. Спарта превратилась в очаг социальных переворотов на Пелопоннесе и стала представлять для имущих слоев пелопоннесских государств, в особенности Ахейского союза, серьезную опасность. В Аркадии, Коринфе простой народ сочувствовал Клеомену и готовился расправиться с своими богачами.

Инициативу подавления революционного движения в Спарте взял на себя Арат. Принося в жертву политическую свободу Греции, он обратился за помощью к исконному противнику греческих государств — Македонии. Уже Плутарх назвал этот шаг «поступком, недостойным грека». При содействии войск македонского царя Антигона Досона Клеомен был разбит в 221 г. в ожесточенной битве при Селласии. Клеомен принужден был бежать в Египет, а в Спарте были отменены все проведенные им реформы и полностью восстановлена прежняя олигархия.

Основная причина неудачи движения заключалась в том, что освобождение рабов или улучшение положения илотов не входило в прямую непосредственную задачу реформаторов. Клеомен прибег к освобождению части илотов только как к крайней мере, для усиления своего войска во время войны с Ахейским союзом. Начавшись с социально-экономических реформ, которые Агис пытался провести мирным путем, это движение и под руководством Клеомена не переросло в подлинную социальную революцию, а оставалось лишь движением ограниченного круга средних и низших слоев свободного населения против верхов своего же класса.

Социальный кризис Спарты стал позднее приобретать чрезвычайно опасный характер для имущих рабовладельческих слоев, когда началось объединение свободных деклассированных элементов с илотами. Всю эту массу недовольных возглавил Набис, который в 207 г. захватил власть в Спарте и установил свою тиранию. При нем социальное движение в Спарте достигло своего апогея. Набис освобождал рабов, а периэков и илотов включал в число граждан, изгонял из государства богатых граждан, их имущество распределял между неимущими. Большое внимание Набис уделял военному укреплению Спарты. Он создал сильное наемное войско, завязал связи с Критом и с помощью критских пиратов действовал и на море.

Древние авторы — Полибий, Плутарх, Т. Ливий, стоя на точке зрения имущих рабовладельческих кругов, рисуют Набиса в сугубо тенденциозном освещении: это — жадный и жестокий тиран, окруживший себя, по словам Полибия, «убийцами и грабителями». У нас очень мало данных, чтобы составить себе ясное представление о тирании Набиса. Во всяком случае, несомненно, что им проводились смелые революционные мероприятия и что Набис сумел превратить Спарту в сильное государство, с которым приходилось считаться и Македонии, и Риму.

После пятнадцатилетнего правления, во время войны с ахейцами, Набис погиб в 192 г. Он был предательски убит этолийцами, которых сам призвал для военной помощи. После гибели Набиса народное движение в Спарте опять было подавлено, и она принуждена была войти в Ахейский союз, что знаменовало окончание ее самостоятельной истории.

Внешняя политика Македонии и наиболее сильных греческих государств и союзов определялась в этот период их взаимоотношениями с Римом. Вторжение римлян на Балканский полуостров происходит в конце III в. до н. э. Международная обстановка чрезвычайно благоприятствовала агрессивным намерениям Рима. Отсутствие единства в греческом мире, непрерывные опустошительные войны государств между собой, напряженная социальная борьба во внутренней их жизни — все это облегчало вмешательство римлян. Вражда и ненависть греческих государств друг к другу доходили до того, что они предпочитали часто подчиниться иноземному господству, лишь бы одержать верх над своим соперником в Греции. Политика Рима сводилась к поддержанию этих распрей и использованию их для утверждения своего господства. Кроме того, римляне создавали себе социальную опору в греческой аристократии и укрепляли среди нее проримские партии.

Завоевание Римом Балканского полуострова произошло в результате трех македонских войн, начавшихся в 215 г. и продолжавшихся с промежутками до 168 г. Наибольшее значение в борьбе Рима за господство на Балканском полуострове имеет вторая Македонская война (200—197 гг.). Римский полководец Тит Квинкций Фламинин, тонкий дипломат, старался изобразить римское завоевание как дело «освобождения греков» от македонского ига. Его удачные военные операции против Филиппа в союзе с Ахейским и Этолийским союзами, Афинами, Спартой завершились победой при Киноскефалах (197 г.). Македония была обессилена, вся Греция оказалась в руках римлян. В 146 г., после неудачного восстания, Греция полностью утратила свою самостоятельность, и ее дальнейшая история тесно переплетается с историей Рима, представляя лишь второстепенный по значению отдел последней (см. «История Рима», главы XLVII и XLVIII).

ГЛАВА XXXVI

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Распадение державы Александра. Восточный поход Александра сыграл большую роль в последующем развитии древнего мира. Он положил начало так называемой эпохе эллинизма, хронологическими рамками которой принято считать время, начиная с завоеваний Александра до установления римского господства в Передней Азии и Египте.

Эллинизм представляет собой дальнейший, высший этап рабовладельческой формации, на котором развитые формы греческого рабовладельческого строя распространились на обширные области Востока, а восточные страны, включившись в сферу Средиземноморской античной культуры, со своей стороны, внесли в нее свои достижения. На территории монархии Александра образовались большие самостоятельные государства, во всех областях жизни которых наблюдается своеобразное переплетение восточных и греческих начал. Это были централизованные монархии восточного типа, но правящий слой в них состоял из греков, македонян и местной эллинизированной знати: он по своему привилегированному положению резко противостоял массе местного населения, угнетаемой чужеземными завоевателями. Эллинистические правители за счет эксплуатации населения и грабительских войн создали материальную базу, на основе которой могли осуществлять грандиозные предприятия в области хозяйственной и культурной жизни. Наряду с чертами, характерными для древних восточных государств, широкое развитие получили города с выборным управлением типа греческого полиса. Но их хозяйственная жизнь вышла широко за пределы прежних весьма ограниченных рамок, приобретя в некоторых случаях мировые масштабы. В орбиту торговли средиземноморских стран включились Передняя и Центральная Азия, Аравия, Индия, Китай. Греческая наука в условиях эллинистических государств при их размахе материальной жизни получила широкое развитие и оказала большое влияние на уровень техники — как хозяйственной, так и военной. Экономическое единство восточных и античных стран способствовало взаимодействию культур.

Основными источниками истории эллинистических государств являются богатейший археологический материал, полученный в результате многочисленных археологических изысканий в новое и новейшее время, монеты с изображениями эллинистических правителей, разнообразнейшие документы. Особенно много найдено в Египте документальных материалов, записанных на папирусах, изучение которых составляет особую отрасль науки — папирологию. Из древних авторов материал об эпохе эллинизма мы находим у Полибия («Всемирная история»), Диодора Сицилийского («Историческая библиотека»), Страбона («География»), Плутарха (биографии Фокиона, Эвмена, Деметрия Полиоркета), Аппиана («Сирийские дела»).

После смерти Александра Македонского началась ожесточенная борьба претендентов («диадохов») на власть. Бесспорного

преемника у Александра не было из-за отсутствия законного наследника. Решающую роль в провозглашении царя сыграло войско. После бурных споров, переходивших не раз в вооруженные столкновения, был объявлен царем брат Александра, слабоумный Филипп III Арридей, но фактическая власть перешла к Пердикке, одному из ближайших помощников Александра, назначенному регентом. Несколько позднее, когда у вдовы Александра, Роксаны, родился сын, последний тоже был провозглашен царем. Другие крупнейшие командиры Александра получили для управления различные персидские сатрапии: Птолемей Лаг получил Египет, Антигон — Великую Фригию в Малой Азии, Лисимах — Фракию. Но сатрапы уже не хотели признавать ни единства государства, ни верховной власти регента. Весь период, следовавший за смертью Александра, заполнен напряженными войнами правителей, сначала ближайших наследников Александра — «диадохов», а затем их преемников — «эпигонов».

Уже с самого начала произошел конфликт между Пердиккой и Птолемеем. Для усиления престижа своей власти, как наследника великого царя, Птолемей захватил тело Александра, которое предполагалось похоронить в Македонии, в царском некрополе. Птолемей с войском напал в Сирии на торжественную процессию, сопровождавшую останки, и увез их в Египет, чтобы похоронить в своей столице Александрии. Этот поступок Птолемея и его интриги, направленные против Пердикки, побудил последнего предпринять поход в Египет. Но его войско запуталось в болотистых рукавах Нила, и многие погибли при переходе вброд. Командиры, ненавидя Пердикку за гордость и грубость, составили заговор и убили его.

После гибели Пердикки регентство перешло к Антипатру. Регентство подразумевало существование единого государства Александра, но фактически как при Антипатре, так и при его преемниках громадное государство, не представлявшее внутреннего единства, все более распадалось на самостоятельные части. Так, переднеазиатские страны, бывшие в управлении Пердикки, после его смерти получил Селевк, отличившийся в походах Александра, а затем ставший одним из помощников регента. Но когда последнего постигла неудача в Египте, Селевк принял участие в заговоре против Пердикки. Ставши вавилонским сатрапом, Селевк вошел в плеяду диадохов и стал участником их непрекращавшейся борьбы. Несколько позднее произошло также усиление Антигона и его сына Деметрия Полиоркета, утвердивших свое господство в Малой Азии, Сирии, Финикии и Греции. Деметрий прославился своим флотом, а главное, своими осадными орудиями, «гелеполами», — многоэтажными подвижными башнями до 50 *м* высоты, приводившими всех в изумление. Деметрий получил прозвище Полиоркета — покорителя городов.

В конце IV в. почти все эллинистические правители объявили себя царями. В этом еще ярче проявился сепаратизм отдельных государств. Наконец, через 20 лет после смерти Александра, произошел окончательный распад его державы: Птолемей, Селевк, Лисимах, Кассандр составили коалицию против Антигона. Решительная битва произошла при Ипсе в Великой Фригии в 301 г. В сражении большую роль сыграл Селевк: победа в значительной мере определилась тем, что Селевк ввел в бой около 400 слонов, которых ему дал индийский царь Чандрагупта за то, что Селевк отказался от земель в Индии. Антигон погиб в битве, а его сын

Деметрий бежал к своему флоту, находившемуся в Эфесе. Битва при Ипсе считается вехой в истории эллинизма. Она положила начало периоду, когда окончательно оформились три крупнейших «эллинистических» государства с утвердившимися в них царскими династиями Птолемеев в Египте, Селевкидов в Сирии и Антигонидов в Македонии. Последние, однако, закрепились в Македонии и Греции только в результате новой кровавой борьбы. С этого времени история эллинистических государств, возникших на территории державы Александра Македонского, представляет значительное своеобразие ввиду особенностей их состава и структуры.

§ 2. Царство Птолемеев. Потомки Птолемея Лага удерживали Египет в своих руках вплоть до римского завоевания (30 г. до н. э.). В основе управления эллинистического Египта, с одной стороны, лежали формы, унаследованные от древних времен: деспотическая власть царя, строгая централизация во всех областях жизни, развитой бюрократический аппарат. Административное деление оставалось также прежним: продолжали существовать Верхний и Нижний Египет, сохранились номы и общинная организация. Но с другой стороны, появились новые особенности. Самым существенным было то, что весь правящий аппарат состоял из греков и македонян, что ставило местное население в подчиненное положение. Вся система управления превращала коренных жителей в угнетенный, эксплуатируемый слой.

Птолемеи рассматривали Египет как свое частное владение, как свое хозяйство (oikos), и, основываясь на правах верховного собственника, эта династия соответственным образом организовала все формы как хозяйственной, так и политической жизни. Верховным владельцем земли считался царь. Основная масса ее составляла его личные владения, образуя так называемые «царские земли», которые царь сдавал мелким арендаторам — «царским земледельцам». Особенность аренды в эллинистическом Египте заключалась в том, что арендаторы не были свободны в своей хозяйственной деятельности и подвергались чрезвычайно строгой и мелочной регламентации в ведении хозяйства. Было точно установлено, какие культуры и в каком количестве следовало возделывать. Арендатор не имел права изменять установленных норм и за невыполнение их должен был платить большой штраф.

Арендаторы не имели своих средств производства и снабжались местными властями инвентарем, зерном, скотом. За все это они расплачивались натурой после сбора урожая и, кроме того, отдавали часть урожая в виде ренты и разных налогов. Платежи достигали иногда половины всей продукции. Хозяйственная деятельность арендаторов контролировалась чиновниками на всех этапах. Точно учитывалась площадь посевов, а затем и самый урожай. Как правило, аренда в птолемеевском Египте отличалась краткосрочностью, что также ставило арендатора в невыгодное положение. Но ввиду того, что положение царских крестьян было

очень тяжелым из-за все растущих обложений, арендаторам стали запрещать покидать свои участки, так что аренда на царских землях постепенно стала принудительной и приблизилась к крепостничеству.

Кроме «царских», были ещё «уступленные» земли. «Уступленная» земля могла быть всегда отобрана и также подвергалась большим обложениям и контролю. Часть этих земель «жаловалась» царем храмам и крупным чиновникам, другую большую часть составляли клерухии, заселенные военными поселенцами, которые, в свою очередь, сдавали ее от себя мелким арендаторам. Земли клерухов первоначально давались во временное пользование, но постепенно они стали наследственными.

Все природные богатства — рудники, каменоломни, соляные копи — считались также достоянием царя, и такая же централизация, как в области землевладения, существовала и в промышленности, главные отрасли которой составляли царскую монополию.

К таким относится производство растительного масла и текстильная промышленность. Закупка сырья производилась по установленным государством ценам и поручалась откупщикам. Всякая продажа его на сторону строго каралась. Скупленное сырье свозилось в государственные амбары, а затем на царские предприятия. В масляной промышленности, кроме царских производств, были еще храмовые. Но они могли работать лишь под присмотром чиновников и только два месяца в году, на остальное время они запечатывались. Все масляные прессы регистрировались. Текстильная промышленность была, в основном, организована так же, но в ней было несколько меньше ограничений, чем в масляной. Кроме того, в ней большее место занимали храмовые предприятия, особенно славившиеся производством дорогой ткани — виссона. Другие важные отрасли промышленности, как, например, соляная, пивоваренная, стекольная, папирусная, были также монополизированы. Нормы выработки были строго регламентированы, так же как нормы оплаты. На производствах работали рабы и свободные, но свобода действий последних была настолько ограничена, что различие между этими категориями стиралось. Рабочие были закреплены за определенными номами, самовольные переходы их запрещались, а ушедшие рабочие принудительно возвращались. За укрывательство взимался большой штраф.

Так же, как промышленность, была монополизирована и торговля. Основная масса продукции поступала в руки откупщиков и чиновников, которые и являлись организаторами царской торговли. В целях уничтожения конкуренции с привозными товарами проводилась заградительная таможенная политика, затруднявшая наплыв иноземных товаров.

Значительное место в экономике эллинистического Египта занимала внешняя торговля. Из Египта вывозились в средиземноморские страны хлеб, ткани, папирус, стекло. Основное место в египетском экспорте занимал хлеб. С начала III в. Египет стал крупнейшим хлебным рынком, так как основные поставщики хлеба восточного Средиземноморья, припонтийские и фракийские области, из-за вторжения сарматов и галлов потеряли свое прежнее значение. Импорт состоял, главным образом, из предметов

роскоши, которые потреблялись высшими классами. Из Аравии везли ароматические вещества, золото и драгоценные камни, из Индии — слоновую кость, жемчуг, красящие вещества, специи, рис. Из Китая — шелковые ткани.

Сухопутная торговля Египта с Востоком шла через Аравию и южную Сирию; морская — по Красному морю. В связи с последним обстоятельством Птолемеи восстановили канал, прорытый фараоном Нехо, соединявший Нил с Красным морем. Транспортные корабли достигали больших размеров (грузоподъемность до 300 тонн), а по количеству кораблей у Птолемеев был самый значительный торговый флот в то время. В сухопутной торговле транспортировка товаров производилась на вьючных животных, ослах и верблюдах, которые были введены в Египте Птолемеями. Караванные пути значительно оживились. Все это свидетельствует о значительном развитии торговли. Но в то же время нужно отметить, что основа хозяйства оставалась еще натуральной и в сферу торгового обмена были вовлечены только высшие слои. Вся крупная торговля была царской монополией, все транспортные средства (корабли и вьючный скот) регистрировались и использовались в царской торговле.

Многие из городов разрослись до значительных размеров. На первом месте стояла Александрия, которая приобрела мировое значение. Страбон в своей «Географии» дает описание Александрии. Это был большой город, построенный по плану двух греческих архитекторов — Динократа из Родоса и Состратa из Книда. Город был прорезан двумя магистралями и состоял из широких, прямых улиц (главная из них имела 6 *км* длины). Мостовые, водопроводы, уличное освещение, парки, портики, театры, ипподромы, стадионы — все это характеризовало благоустроенную и богатую жизнь эллинистического города. Особым великолепием отличалась та его часть, где были расположены царские дворцы: она занимала около одной трети всего городского пространства. Каждый из царей строил для себя особый дворец, состязаясь в роскоши со своими предшественниками. Сады, зверинцы с редкими животными, роскошные бани, помещения для многочисленного придворного штата примыкали к дворцам, составляя сложное целое царской резиденции. Здесь же находились царские гробницы, в одной из которых покоилось тело Александра. В этой же части города находился музей и знаменитая библиотека. Александрийский музей был крупнейшим центром науки и искусства. Ученые получали жалованье и бесплатный стол от царя. В портиках и тенистых аллеях, как это было обычно и в Афинах, они вели преподавание. В библиотеке хранились сотни тысяч рукописей. Многочисленный штат имелся для их переписывания и изучения. Птолемеи любили проявлять свою просвещенность и покровительство культуре. В этой области существовала такая же централизация и контроль, как и в экономической жизни. Один древний автор сравнивал музей с клеткой, в которой кормятся ученые наподобие птиц (А ф и н с й, I, 4).

Экономическое значение Александрии больше всего проявлялось в ее двух замечательно оборудованных гаванях. Они были образованы расположен-

ным перед ними островом Фаросом. Особенной их достопримечательностью был маяк, построенный на скале острова. Он представлял собой громадную облицованную белым мрамором башню более 200 *м* высоты. Наверху ее по ночам зажигался костер, свет от которого при помощи металлических зеркал распространялся на 40 *км*. Это было дорого стоившее сооружение, обошедшееся в 800 талантов и свидетельствовавшее о громадных богатствах Птолемеев и об их морском могуществе.

Население Александрии отличалось большой пестротой. Там, кроме греко-македонян и египтян, составляя население целых районов, жили персы, сирийцы, арабы, евреи и другие народности. Это еще раз свидетельствует о международном характере этого города.

В социально-политической области наиболее характерно резкое различие между местным населением и пришлым греко-македонским элементом. Страна (hora), населенная туземцами, противопоставлялась городу (polis), где основное место занимали греки, македонцы и другие пришлые народности. Царь был верховным неограниченным правителем страны, полученной им по праву завоевания. Цари обожествлялись, как и в Древнем Египте, и по формам, в которые власть их облекалась, она была близка к древневосточной деспотии. Управление государством осуществлялось при помощи чиновников, которые состояли преимущественно из македонян и греков. Главным помощником был диойкет, казначей-управитель, который держал в своих руках все нити финансового управления государством. Чиновники одарялись землями, пользовались всякими льготами и привилегиями.

Опорой царя была армия, состоявшая из греко-македонских наемников. Птолемеи, чувствуя свою зависимость от них, стремились создавать для воинов привилегированные условия. Покровительствовали Птолемеи и египетскому жречеству, которое представляло большую экономическую силу. Храмы были обладателями многочисленных земель, промышленных предприятий, рабов. Жречество, так же как и военно-бюрократические элементы, было освобождено от налогов. Зажиточная верхушка местного населения, представители которой использовались правительством в качестве местной администрации (например, номархов) и откупщиков, тоже пользовалась различными привилегиями, сильно обогащалась и охотно усваивала эллинскую культуру.

Основную массу населения составляли крестьяне-арендаторы. Обремененные бесконечными налогами и повинностями, связанные по рукам и ногам мелочной регламентацией их хозяйственной деятельности, они находились в полной зависимости от откупщиков, контролеров и всякого рода чиновников. Рабский труд использовался и в сельском хозяйстве, и в промышленности и продолжал оставаться основой экономической жизни. Но широко использовался также труд полусвободных производителей (вольноотпущенников и прикрепленных к производствам свободных рабочих). Это объясняется, прежде всего, кризисом рабского способа производства. В связи с развитием техники и появлением более слож-

ных орудий производства рабский труд становился все менее и менее рентабельным.

Весь государственный аппарат эллинистического Египта тяжелым бременем лежал на плечах трудящейся массы. Все построение государственного управления сводилось к тому, чтобы выжать как можно больше средств из низов местного населения для укрепления господства греко-македонских завоевателей, жречества и знати, для неслыханно пышной жизни двора Птолемеев и их многочисленных вельмож. Развитие техники и торговли, все блага культуры были тоже достоянием только высших слоев.

Внешняя политика Птолемеев сводилась к стремлению укрепить границы своей державы на восточном Средиземноморье, прежде всего в бассейне Эгейского моря, а затем — к распространению своей власти на Финикию и Сирию, в области, связанные морской и сухопутной торговлей с Востоком. Уже при первых Птолемеях Египту принадлежала Кирена, ряд островов на Эгейском море (Крит, Киклады, Кипр, Лесбос, Самос, Самофракия), а также Финикия, Палестина, южная Сирия. Особенно широкой завоевательной политикой отличался Птолемей III Эвергет (246—221 гг.), обратившийся к завоеванию Передней Азии и захвативший Сарды и Вавилон.

В связи со своими претензиями на бассейн Эгейского моря и Сирию Птолемеи постоянно сталкивались с Антигонидами и Селевкидами. Особенно ожесточенную войну вел Птолемей I с сыном Антигона, Деметрием Полиоркетом. В 306 г. Деметрий напал на остров Кипр, где был сосредоточен египетский флот, и осадил город Саламин. Особенно напряженной была в 305 г. борьба Деметрия с Родосом, который был связан с Египтом. Осада Деметрием главного города острова вошла в историю военного дела в связи с разнообразием осадной техники и масштабом военных сооружений (гелеполу передвигали более 3 тыс. человек; около 30 тыс. мастеров участвовали в осаде, выполняя технические работы). Деметрий не успел довести борьбу до своей полной победы, так как ему пришлось отправиться в Грецию для защиты там своих прав. До конца III в. Птолемеи успешно отстаивали свои интересы в Передней Азии. В 217 г. Птолемей IV разбил в Палестине при Рафии сирийского царя Антиоха III Великого.

Но в дальнейшем, уже во II в. до н. э., происходит ослабление Египта и потеря им первенствующего положения в эллинистическом мире. Тонкий слой завоевателей-чужеземцев оказывался уже недостаточным для непрестанных войн Египта, и, кроме того, правителям приходилось постоянно бороться с растущим сопротивлением угнетенных низов. Отрицательные последствия внутренней политики Птолемеев, построенной на порабощении и угнетении массы населения, ослабляли Египет. Острая классовая борьба, восстания, бегство крестьян и рабочих, не выдерживавших гнета,— все это дезорганизовывало жизнь в стране. Кроме того, династические распри Птолемеев, приводившие к кровавым расправам,

подрывали политические устои в государстве. Усиление социально-политической борьбы привело Египет к упадку.

История эллинистического Египта заканчивается в 30 г. до н. э., когда последняя царица из династии Птолемеев, Клеопатра, после поражения при Акции и занятия Александрии римлянами покончила жизнь самоубийством и Египет вошел в состав Римского государства (см. стр. 658).

§ 3. Царство Селевкидов. Царство Селевкидов представляло собой чрезвычайно пестрый конгломерат народов и стран, входивших в состав азиатской части монархии Александра (кроме Малой Азии, южной Сирии, Индии). В него входили области, отличающиеся разнообразием природных условий, — плодородные долины больших рек, горы, пустыни, морские побережья. Народы, населявшие их, находились на разных уровнях хозяйства и культуры, начиная от примитивного пастушеского быта и кончая жизнью в крупных культурных городах. Поэтому перед Селевкидами стояла трудно выполнимая задача объединить все эти страны и народы в единое политическое целое. Отсюда вытекало различие с царством Птолемеев, отличавшимся природным и этническим единством.

Кроме того, следует отметить, что через царство Селевкидов проходили важнейшие торговые пути на Восток — в Индию, Центральную Азию, Аравию и на Запад — к Средиземному морю. Это были водные пути через Евфрат, Персидский залив, а также целая сеть караванных дорог. В наследство Селевкидам достались древние торговые города (Вавилон, Дамаск и др.) и проложенные персами торговые дороги, так что уже всем предыдущим развитием были созданы предпосылки для широкого международного обмена. Это с самого начала определило экономическую базу государства Селевкидов, в котором, в связи с развитием промышленности и обмена, большую роль играли города.

Селевкиды, продолжая политику Александра, основали множество новых городов, стремясь сделать их оплотом своего государства. Основываемые ими города были в некоторых случаях военными колониями, например, крепость Дура-Европос на Евфрате; в других случаях они превращались в крупные торговые центры, как Селевкия на Тигре или Антиохия на Оронте, и благодаря развитию промышленности и торговли служили важными источниками обогащения Селевкидов. Но кроме того, они, являясь центрами греческой культуры, усиливали политическое влияние господствующей греко-македонской верхушки, «были островами эллинизма среди моря местного населения».

При том разнообразии форм хозяйства и быта, которое характеризует государство Селевкидов, при многочисленных городах, в которых самоуправление греческого полиса сосуществовало с верховной властью монарха, Селевкидам было трудно провести централизацию управления государством, подобную системе Пто-

лемеев. Но все же Селевкиды основали монархию, напоминавшую многими своими чертами Персидскую державу. Греко-македонское население и здесь также заняло привилегированное положение. Для местного же населения персидское господство сменилось греко-македонским. Царская власть обожествлялась, и культ царя носил государственный характер. Сам царь назначал жрецов для отправления своего культа. Селевкиды вели свое происхождение от греческого бога Аполлона, но в то же время подчеркивали, что власть получили от вавилонских богов Бэла и Мардука. В этом сказывался двойственный греко-восточный характер власти Селевкидов. У царя был большой чиновничий аппарат для сбора налогов, возглавляемый диойкетом, — весьма сложная, тонко разработанная система выжимания средств из населения.

Но все же централизация была проведена меньше, чем в Египте. Хотя и здесь наибольшее количество земли принадлежало царю, но значительная ее часть была уступлена храмам, городам, частным лицам и стала их частной собственностью. В области промышленности и торговли, наряду с царскими монополиями, были развиты и частные предприятия.

Среди городов главными были Антиохия на реке Оронте, столица Селевкидов, и Селевкия на Тигре, крупнейший центр, связывавший восточную и западную торговлю, второй после Александрии город по своему значению. Большинство городов пользовалось самоуправлением по греческому типу. В них были народные собрания, советы, выборные должностные лица, коллегии эфебов. В них строили гимназии, палестры и т. п.

Большое внимание Селевкиды уделяли храмам, стараясь превратить религиозную политику в орудие упрочения своего влияния среди местного населения. Они покровительствовали жрецам, реставрировали храмы в Уруке и Вавилоне. Но это практиковалось в известных пределах только там, где религия не использовалась для борьбы, как это было в Палестине. Селевкиды стремились также упрочить единство своего государства путем единства военной организации и единой административной системы (государство было разделено на 72 сатрапии, во главе которых были поставлены военачальники — стратеги — и гражданские правители — сатрапы); были введены единая монетная система и единый календарь, с 312 г. была установлена особая «эра Селевкидов». Но несмотря на все это государство Селевкидов отличалось непрочностью. Народы, вошедшие в состав государства, стремились к освобождению. Тяжелый налоговый гнет и произвол чиновников способствовали развитию сепаратистских тенденций. Наибольшие размеры царство Селевкидов имело при его основателе Селевке I Никаторе (Победителе, 312—280 гг.). Селевку удалось расширить пределы своего государства от Малой Азии до Индии, включая Сирию и Финикию. Но уже при его ближайших преемниках начинается распад государства Селев-

кидов. При Антиохе II (261—247 гг.) отложились Бактрия и Парфия. Антиох III Великий (223—187 гг.) с трудом опять собрал совсем рассыпавшееся было государство.

При нем велась длительная борьба с Египтом. Антиоху удалось временно занять Палестину и Финикию. Но вмешательство Рима положило конец усилению царства Селевкидов. После того как Антиох был разбит римлянами в 190 г. в битве при Магнезии, Сирия обратилась в зависимое от Рима государство, пока, наконец, в 64 г. остатки царства Селевкидов не были превращены в римскую провинцию.

Примером сопротивления гнету Селевкидов покоренных ими народов является длительная борьба за независимость в Палестине при Антиохе Эпифане (175—164).

Это движение было вызвано запрещением иудейского культа и насильственной эллинизацией, проводимой Антиохом Эпифаном. Народное движение, осложнившееся острой борьбой с аристократическими элементами, примкнувшими к иноземным притеснителям, возглавил Иуда, сын Маттафия по прозвищу Маккавей (от еврейского makkabi — молот). Центром борьбы был Иерусалим. Вначале восставшие потерпели поражение, и царь учинил жестокую расправу: мужчины были перебиты, женщины и дети проданы в рабство, стены Иерусалима разрушены. Но сопротивление иудеев не было сломлено: движение приобрело особенный размах и широко охватило торговые и ремесленные слои Иудеи. В 142 г. Симону Маккавею (брату Иуды) удалось вновь захватить Иерусалим и восстановить его независимость. Борьба продолжалась и дальше, так как Селевкиды не хотели помириться с утратой Палестины. Однако им так и не удалось возвратить ее в состав своего царства.

§ 4. Царство Антигонидов. После смерти Антипатра (319 г.) силой захватил Македонию его сын Кассандр. В греческих государствах он всюду посадил своих сторонников. Так, власть в Афинах Кассандр передал Деметрию Фалерскому, который управлял Афинским государством, опираясь на македонский гарнизон. Деметрий, осуществляя политические взгляды Аристотеля, отменил в Афинах демократическое устройство, ввел ценз и установил господство имущих классов. Афиняне смотрели на него, как на тирана.

«Освободителем» афинян и других греков выступил сын Антигона — Деметрий Полиоркет. Появившись с флотом в 307 г. в Пирее, он через глашатая сообщил, что отец послал его даровать афинянам свободу и вернуть древние законы. Он изгнал из Афин Деметрия Фалерского и восстановил демократию. Афиняне воздали Деметрию в качестве освободителя непомерные почести. Они дали титул царей Антигону и Деметрию, стали ставить им статуи, в честь них создали две новых филы, которые назвали их именами, и т. п. Деметрий, однако, в то время не успел захватить всю Грецию. Отец вызвал его в Малую Азию для борьбы с диадохами, которые опять составили против него коалицию. Только после поражения, которое потерпели Антигон и Деметрий Полиоркет при Ипсе, Деметрий, потеряв владения в Азии, но сохранив флот, стал поправлять свое положение систематическим

завоеванием Греции, куда он вновь возвратился в 297 г. Ему удалось не только захватить в свои руки греческие государства, но и стать царем Македонии (293 г.).

Правление Деметрия с 293 по 283 г. в Греции было необузданным тираническим господством, часто оскорблявшим греков цинизмом поступков правителя. Так, например, находясь в Афинах, он поселился в Парфеноне, деньги, собранные с большим трудом с населения, он приказал отдать приближенной к нему гетере на румяна и т. п. Усиление Деметрия на Балканском полуострове вызвало сопротивление со стороны других эллинистических монархов. Начались столкновения с эпирским царем Пирром, кроме того, Птолемей, Селевк и Лисимах вновь составили коалицию против Деметрия. В 288 г. Лисимах и Пирр вторглись в Македонию с двух противоположных сторон, а Птолемей взял Афины. Деметрий оставил в Греции своего сына Антигона Гоната, а сам переправился с флотом в Малую Азию. Здесь в борьбе с Селевком он потерпел поражение и в 286 г. принужден был сдаться в плен. На долю Антигона Гоната, оставшегося на Балканском полуострове, выпала тяжелая борьба с вторгшимися туда галатами (279 г.), которые проникли до Средней Греции, вплоть до Дельф. В 276 г. армия провозгласила Антигона Гоната македонским царем, и он стал родоначальником македонской династии Антигонидов.

Династия Антигонидов утвердилась в Македонии со времени Антигона Гоната (283—239). Он упрочил гегемонию Македонии в Греции и, таким образом, стал господствовать над всем Балканским полуостровом. Его система укрепления своего положения в Греции сводилась к тому, что он размещал македонские гарнизоны в наиболее важных стратегических пунктах — в Пирее, Мунихии, Коринфе, Деметриаде и др.

Антигон Гонат был воспитан на греческой философии, был последователем стоиков, окружал себя греческими учеными и поэтами. Форма власти Антигонидов в связи с сильным греческим влиянием и отсутствием деспотических традиций в Македонии не приобрела характера монархии восточного типа. Царская власть здесь не обожествлялась, политическая централизация встречала препятствия в наличии автономных городов. Антигониды вели борьбу за господство в бассейне Эгейского моря и в связи с этим сталкивались с Птолемеями и Селевкидами. Кроме того, македонским царям всегда приходилось вести борьбу с северными и восточными племенами, вторгавшимися в пределы их царств. Македония служила своего рода щитом для Балканского полуострова.

С конца III в. начинается проникновение Рима на Балканский полуостров. После длительной борьбы Рима с Македонией Македония в 148 г. была превращена в римскую провинцию (см. стр. 529—530).

§ 5. Пергамское царство. Пергамское царство образовалось из территории малоазиатского города Пергама, входившего в состав одного из государств преемников Александра (Лизимаха) и став-

шего самостоятельным в 284 г. Усилению Пергамского царства способствовала блестящая победа царя Аттала (241—197 гг.) над галатами, остановившая их распространение по Малой Азии. Пергамские цари из династии Атталидов умело использовали постоянную борьбу Птолемеев и Селевкидов, а также вели очень ловкую политику в отношении к Риму. Высшего расцвета Пергамское царство достигло в первой половине II в. Это было время превращения Рима в Средиземноморскую державу, войн с Македонией и с Антиохом Сирийским. Рим очень нуждался в поддержке на востоке и щедро вознаградил пергамского царя Эвмена II за помощь, отдав ему во владение большую часть Малой Азии. Плодородные земли, хорошие пастбища, леса, рудники, многочисленные и удобные гавани — вот те природные условия, которые создавали предпосылки для экономического расцвета Пергама. Некоторые отрасли развивавшейся там промышленности получили мировое значение. Шерстяные и парчевые ткани его славились на всем Средиземноморье, а материал для письма, изготовлявшийся из телячьей или бараньей кожи, получил название «пергамент» от места своего производства. Сильный флот обеспечивал связи с Родосом, Афинами, Делосом.

Пергамское государство, в состав которого входило много городов, в области государственного устройства характеризовалось в основном чертами, присущими и другим эллинистическим государствам. Пергамские цари стремились, как и правители других эллинистических государств, монополизировать основные отрасли хозяйства. Но ввиду того, что состав этого царства был очень пестрый (местное население и развитые греческие города), пергамским царям это не удавалось провести вполне. В области землевладения, промышленности и торговли, наряду с царской собственностью, существовала храмовая и частная. В связи с беспощадной эксплуатацией рабов, крестьян и работавших в царских и частных мастерских свободных людей, классовая борьба приняла в Пергаме очень острые формы и вылилась в 132—130 гг. в мощное восстание Аристоника (см. стр. 573—574).

В культурном отношении Пергам, одно из самых незначительных по размеру эллинистических царств, играл очень важную роль. Пергамские монархи старались прославить себя широким покровительством искусствам и наукам. Поклонники греческой культуры, они приглашали к своему двору ученых, мастеров, организовали великолепную библиотеку, которая по некоторым разделам даже превосходила Александрийскую. Гимназия в Пергаме, бывшая центром воспитания молодежи, содержалась царями и находилась под их непосредственным наблюдением. Цари поддерживали греческую религию. В этой области мы находим типично эллинистическую черту: цари держали религию в своих руках, назначали главных жрецов и превращали ее в орудие укрепления своей власти, связывая ее с царским культом.

Самый город Пергам славился среди других эллинистических городов своей красотой и благоустройством. Из пергамских памятников наибольшую ценность представлял находившийся на пергамском акрополе колоссальный алтарь в честь Зевса. Он был сооружен в память победы над галатами, сыгравшей большую роль в истории Пергамского государства. На фризе этого алтаря Победы была представлена борьба богов с титанами, но совершенно очевидно, что под видом богов изображались греки, а сокрушенные титаны представляли собой галатов. Своими размерами и художественным качеством этот памятник ярко выражает высокий уровень благосостояния и культуры Пергамского царства.

В середине II в. Атталиды оказались в сильной зависимости от своих «покровителей» римлян, которые стали фактическими хозяевами страны. Аттал III, понимая безнадежность сопротивления и напуганный к тому же весьма обострившейся классовой борьбой, завещал после своей смерти Пергамское царство Риму. В 133 г. Пергам превратился в римскую провинцию под названием провинции Азии.

§ 6. Родос. В эллинистическом мире острову Родосу принадлежало очень видное и своеобразное место. Расположенный между Малой Азией, Сирией, Египтом и греческими островными и материковыми государствами, Родос стал важнейшим посредником между эллинистическими центрами. Перемещение торговых путей на южную часть Эгейского моря, разгром Александром Македонским Тира, бывшего крупнейшим торговым городом Финикийского побережья, сделали Родос в III в. важнейшим портом и транзитным пунктом. Основными предметами торговли, направлявшимися через родосский порт, были зерно, вино и рабы. Обороты родосского порта превосходили обороты крупнейших греческих портов в период их расцвета. Помимо торговых операций, Родос славился ростовщическими операциями. Даже цари других стран обращались за денежными ссудами к Родосу.

Обладая ограниченной площадью и недостаточными для прокорма населения природными ресурсами, Родос жил торговлей. Понятна поэтому та неустанная борьба, которую он вел с пиратами, борясь за мир на море. Эта борьба Родоса с пиратами была его большой заслугой в деле укрепления морских связей эллинистических государств. Постройка военных кораблей лежала на богатых гражданах, которые выполняли ее в порядке повинности — триерархии. Родосские моряки славились среди греков своей опытностью.

Заинтересованные в укреплении единства среди эллинистических государств, необходимого для развития международных связей, родосцы создали ряд судебных установлений для регулирования морской торговли, легших в основу торгового права. Город родосцев и своим внешним видом свидетельствовал о процветании их государства. «Город родосцев своими гаванями, улицами, стенами и другими общественными зданиями превосходит другие города», — писал Страбон. Одной из достопримечательностей города был Родосский колосс (олицетворявший бога солнца), достигавший 30 *м*. «Не всякий может обнять его палец, который своими размерами превосходит обычную статую» (Плиний). Но главной гордостью родосцев были превосходные доки, усовершенствованное устройство которых они скрывали от иностранцев, не допуская их туда.

В политическом отношении Родос представлял торговую республику, где власть принадлежала замкнутому кругу торговой

аристократии. По своей политической структуре Родос был типичным греческим полисом. Народное собрание, совет, магистраты — таковы были органы власти. Основную роль играли 6 пританов, избираемых на 6 месяцев из членов совета. Военная власть сосредоточивалась в руках «наварха». Все главные должностные лица избирались из узкого круга аристократии.

Упадок Родоса начинается в середине II в. до н. э., когда римляне, ставшие в это время хозяевами на Средиземном море, в противовес ему начали поддерживать остров Делос, предоставив ему право свободной, беспошлинной торговли.

§ 7. Бактрия, Согдиана и Хорезм. Как показали работы советских археологов, особенно С. П. Толстова, Советская Средняя Азия, в частности Хорезм, — один из древнейших районов культурного развития человечества. Захватывая Среднюю Азию, Александр Македонский столкнулся здесь с многочисленными скотоводческо-земледельческими племенами и оказался не в силах вести с ними вооруженную борьбу (см. стр. 379). В державе Селевкидов среднеазиатские территории и их население играли все возраставшую роль. В 255 г. сатрап Диодот провозгласил себя независимым правителем Бактрии и Согдианы. К этому времени экономическое и культурное развитие этих стран, расположенных на территории между средним течением Яксарта и Оксуса (Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), уже достигли высокого уровня: по сообщению римского писателя Юстина, это была «страна 1000 городов». Как показывают современные археологические данные, здесь действительно существовало много городов, в том числе и крупных; Балх, например, занимал площадь в 16 *кв. км.* Диодот начал самостоятельную чеканку монеты, причем дошедшие до нас монеты этого Греко-бактрийского государства свидетельствуют о высоких технических достижениях.

При Диодоте и его ближайших преемниках экономические и культурные связи с месопотамо-сирийским ядром Селевкидского государства продолжались. Но если это последнее политически клонилось к упадку, то новое среднеазиатское государство быстро росло. В 227 г. энергичный военный командир, грек по происхождению Эвтидем, захватывает власть и, опираясь на поддержку местных племен (саков), ведет борьбу с селевкидом Антиохом III. При Эвтидеме Греко-бактрийское государство охватывало Среднюю Азию от Каспийского моря до границ Китая на востоке, почти весь Иран и пограничные с Индией земли. Это были весьма экономически развитые и культурные страны. По среднему и нижнему течению Аму-Дарьи далеко вглубь степей и полупустынь тянулись земли искусственного орошения. Земледельческое население жило в обширных укрепленных поселениях с весьма совершенными в архитектурном отношении строениями. Развалины этих поселений открыты и исследованы в Хорезме С. П. Толстовым, назвавшим эту эпоху истории Средней Азии эпохой «кангюйской культуры». Главным центром этого громадного государства был

город Самарканд, область которого была особенно густо заселена, орошалась широкой сетью каналов, представляла собой грандиозный цветущий сад и являлась, по словам писателя Аполлодора, «жемчужиной Ирана». Таким же цветущим садом была и Ферганская долина, входившая в государство Эвтидема. Это государство было разделено на административно-политические округа — сатрапии, в него входило также несколько полуавтономных областей с особыми властями. На реке Аму-Дарье существовал военный флот. Греко-бактрийское государство было в оживленных экономических сношениях с Китаем и Индией, с одной стороны, с Месопотамией и Сирией — с другой. Наконец, в далекую Сибирь совершались экспедиции и завязывались с ней постоянные сношения — из Сибири в Греко-бактрийское государство шло золото.

Дальнейшие раскопки позволят, повидимому, установить также социальные отношения и ряд крупных явлений политической жизни в этом недавно раскрытом советской археологией мощном и своеобразном очаге эллинистической культуры Средней Азии.

ГЛАВА XXXVII

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

§ 1. Греки и скифы в северном Причерноморье. Изучение северного Причерноморья занимает важное и почетное место в советской науке об античности. Эта страница прошлого нашей страны в древнейшее время связывает историю нашей родины с важнейшими проблемами и фактами истории античного мира. Кроме того, наследие народов северного Причерноморья вошло составным элементом в культуру восточных славян. Таким образом, здесь один из истоков культуры нашей родины.

Археологические изыскания в северном Причерноморье, принявшие в советское время невиданный размах, ежегодно обогащают нашу науку все новыми открытиями. Советская наука стремится выявить черты самобытности жизни местного населения и установить своеобразие взаимодействия культуры пришельцев — греков и туземцев.

Греки стали осваивать северное Причерноморье в VII в. до н. э. Сначала это были торговцы из Ионии, приезжавшие за хлебом, рыбой, рабами, а также для сбыта греческой продукции. В это время появляются их первые временные торговые фактории, например на острове Березани, у устья Днепра. Затем с VI в. начинается более широкий процесс колонизации, организуемый греческими полисами и связанный с постепенным оседанием греков-поселенцев в новых местах.

Колонизация северного Причерноморья греками привела их в тесное соприкосновение с местным населением, среди которого

главное место занимали с к и ф ы, расселившиеся в VIII в. на огромном пространстве между Доном и Дунаем. Это были различные племена, большинство из которых находилось на ступени разложения родового строя и его перехода к классовому обществу. В Причерноморских степях жили скифы — скотоводы-кочевники, в Приднепровье — скифы-земледельцы. У скифов уже существовало рабство в его патриархальной форме, и общественная дифференциация уже четко наметилась. Развитие ремесла (обработка кожи, изделия из шерсти, гончарное производство) и торговли (главным образом хлебом, скотом, рыбой и рабами) с черноморскими колониями способствовало накоплению богатств у выделяющейся верхушки скифского общества, особенно у военно-родовой знати и племенных вождей. Погребения их поражают обилием роскошно украшенного оружия, богатых конских уборов, золотых и серебряных сосудов, разнообразных украшений (височные подвески, бляхи, перстни и т. п.). Курганы Куль-Оба (около Керчи), Чертомлыцкий и Солоха (оба около Никополя) прославились найденными в них высокохудожественными золотыми и серебряными изделиями, пользующимися всемирной известностью. Греческие мастера, создавая эти вещи по заказу и соответственно вкусам скифской аристократии, украшали их сценами из военной и мирной жизни скифов.

Курганы представляют собой большие сооружения — их высота достигает 15—20 *м*; в их подземных камерах, наполненных богатейшим погребальным инвентарем, хоронились вместе с умершим также его жена, его воины, рабы и кони. Следовательно, и в загробный мир богатый, знатный скиф желал вступить в сопровождении привычной пышной свиты. Но наряду с такими пышными погребениями находятся могилы простых скифов. Их бедный инвентарь — простые железные мечи и глиняные сосуды грубой работы — подчеркивают резкое различие в имущественном и социальном положении различных слоев скифского общества.

Ввиду того что скифское общество уже начало оформляться как классовое, рабовладельческое, должна была возникать г о с у д а р с т в е н н а я о р г а н и з а ц и я, но она носила еще примитивный характер. С половины IV в. вся Скифия считалась под властью одного царя, но по существу представляла собой большой племенной союз. С III в. усиливается натиск на скифов — сарматов, живших на восток от Дона. Под влиянием их нажима центр Скифского царства, находившийся под Никополем, был перенесен в Крым. Во II в. там создалось степное Скифское государство во главе с царем Скилуром, которому после его смерти наследовал его сын Палак. Царской резиденцией стал Неаполь (т. е. Новгород) Скифский близ современного Симферополя. Раскопки последних лет обнаружили в этих местах богатую скифскую культуру. Неаполь являлся превосходной крепостью, мощностью своих стен превосходящей крепостные сооружения причерноморских городов. Стена, построенная из каменных глыб, связанных глиняным раствором, представляет образец скиф-

ского зодчества. В жилых кварталах найдено много жерновов и зерновых ям с остатками пшеницы, ячменя, проса, что свидетельствует о развитии земледелия; многочисленные кости домашних животных говорят о развитом скотоводстве. Большой интерес представляет керамическая печь, в которой обжигались глиняные изделия, производившиеся на сбыт. Многочисленные импортные вещи из Афин, Родоса, Пергама, Синопы, Египта, причерноморских городов показывают на широкие торговые связи скифов во II в. до н. э.

Совершенно исключительное значение для характеристики скифской культуры II в. до н. э. имеет склеп-мавзолей с погребениями скифской знати. В нем открыто свыше 70 человеческих погребений и несколько конских. Богатство и обилие золотых украшений (всего в мавзолее их найдено свыше 1300 предметов) говорят о могуществе скифских царей этого периода. Очень важно отметить, что в архитектуре и в строительной технике, в фресках, украшающих внутренние стены постройки, в орнаменте украшений много самобытных скифских черт. Изучение Неаполя помогает проследить связь скифской культуры с древнеславянской. В резных коньках на крышах, в посуде, в деревянной резьбе и многом другом исследователи отмечают общие черты этих двух культур.

Ввиду того что в Скифском царстве в Крыму обмен стал играть значительную роль, естественным было стремление царей захватить береговую полосу с ее богатыми портовыми городами. Поэтому скифы становятся постоянной угрозой для крымских причерноморских греческих колоний.

§ 2. Ольвия и Херсонес. Из греческих городов северного Причерноморья наибольшее значение имели О л ь в и я, Херсонес и Пантикапей. Ольвия, одна из ранних греческих колоний на Черном море, была основана Милетом в VI в. до н. э. Расположенная у устья двух рек — Гипаниса (современный Буг) и Борисфена (современный Днепр), которые связывали ее с внутренними областями Скифии, она приобрела ведущее торговое значение в северо-западной части Причерноморья. Геродот, сам посетивший Ольвию, говорит, что она — «наиболее центральный пункт во всей приморской Скифии». Кроме того, она была началом торгового пути, идущего далеко на северо-восток по направлению к Волге и далее к Рифейским горам (Урал). Во время Геродота (V в. до н. э.) Ольвия была большим, хорошо укрепленным торговым городом, куда стекалось много людей из Греции и из варварских земель. Население города было смешанным греко-скифским. В Ольвийском некрополе, начиная с VI в., обнаруживаются как греческие, так и скифские погребения.

Но ввиду того что греки стояли на более высокой ступени общественного развития, чем скифы, в городе преобладало греческое влияние. Планировка, внешний вид построек, а также и вся внутренняя организация были греческими. Город был рабовладельческой демократией с народным собранием и выборными должностными лицами. Тяжелой стороной жизни этой колонии была постоянная угроза нападения кочевников, так как географически

Ольвия не была защищена от степи. Чрезвычайно важным документом для истории Ольвии является благодарственный декрет в честь Протогена, одного из богатых и видных граждан этого города.

В документе перечисляются его заслуги перед Ольвией — сооружение за его счет башен и части крепостной стены, помощь во время продовольственных затруднений города, вызванных неприятельским опустошением питавших Ольвию районов. Документ рисует насыщенную тревогами жизнь города.

Во II в. Ольвия принуждена была даже признать власть скифских царей. На монетах прежде независимого города появились их имена. Позднее, в связи с ослаблением Скифского царства, в половине I в. до н. э., Ольвия была завоевана и разрушена гетами, жившими по нижнему Дунаю. После этого разгрома Ольвия, хотя и была частично восстановлена, уже никогда не достигала прежнего значения.

Херсонес принадлежит к колониям, возникшим в более позднее время, а именно — в последней четверти V в., повидимому, в 422 г. Этот город был основан выходцами из Гераклеи Понтийской (на северном побережье Малой Азии), которая сама была колонией Мегар. Основателями Херсонеса были гераклейские демократы, которые в результате длительной и напряженной борьбы с аристократами принуждены были в конце концов выселиться в новые места. Херсонес возник в местности, населенной отсталым племенем тавров, прославившихся своими морскими разбоями и человеческими жертвоприношениями, которыми они чтили свою богиню-деву. В мифе об Ифигении, положенном в основу трагедии Эврипида «Ифигения в Тавриде», героиня в качестве жрицы этой богини принуждена приносить в жертву захваченных чужеземцев. Тавры еще жили родовым бытом, и, в связи с слабым развитием производительных сил, у них еще не существовало рабства.

Некоторые исследователи полагают, что Херсонес возник на месте древнего таврского поселения. В некрополе Херсонеса найдено большое количество местных погребений и грубой таврской посуды. Расположенный на Гераклейском полуострове (самое слово Херсонес значит полуостров), далеко вдающемся в море и обладающем прекрасными бухтами и заливами, Херсонес стал торговым городом — посредником в торговле северного Причерноморья с Грецией и Малой Азией.

В стратегическом отношении местоположение города было также удачным: горы, прикрывающие его со стороны материка, и балки с крутыми склонами представляли хорошую естественную защиту. До середины IV в. город просуществовал с незначительной крепостью. Но в дальнейшем, с ростом территории и усилением вражеского натиска, были сооружены мощные крепостные стены до 4 *м* толщины, монументальные башни и крепкие ворота, открытые современными раскопками. Экономический расцвет Херсонеса приходится на период с IV в. до конца II в. до н. э.

На территории, принадлежащей Херсонесу, процветало виноградарство и связанное с ним виноделие, скотоводство и земледелие. Из ремесел получило особое развитие гончарное производство. Многочисленные обломки амфор, различной посуды и глиняных ламп с местными клеймами говорят об ее разнообразной продукции. Скифские имена на клеймах керамических изделий дают основание считать, что владельцами некоторых мастерских были скифы, которые составляли известную часть населения города. Ввиду того, что район Херсонеса не отличался особым плодородием, Херсонес не мог превратиться в особенно крупный центр хлебного экспорта, как некоторые города восточного побережья Крыма, но тем не менее его посредническая торговля солью, рыбой, вином, маслом была значительна.

В политическом отношении Херсонес был рабовладельческой демократией. В сохранившейся присяге IV в. говорится: «Я не нарушу демократии и желающему предать или нарушить ее не позволю... Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан». Высшими органами были совет и народное собрание, ополчением граждан командовали выборные стратеги.

Во внешней истории Херсонеса большое место занимала борьба с местными племенами, особенно со скифами. Во II в. до н. э., как указывалось выше, в Крыму образовалось Скифское государство, и задачей скифских царей стало подчинение приморских городов. Не имея возможности самостоятельно отстоять свою свободу, херсонесцы обратились за помощью к понтийскому царю Митридату VI. Присланный Митридатом полководец Диофант победил скифов и даже взял их столицу Неаполь, но вмешательство Митридата завершилось подчинением ему Херсонеса, выразившимся в дани хлебом и деньгами и в поставке войска. Зависимость Херсонеса от понтийского царя продолжалась до его смерти в 63 г. После смерти Митридата Херсонес попал в сферу влияния Рима.

§ 3. Боспорское царство. Наряду с отдельными греческими городами-колониями в Крыму образовалось обширное греко-варварское Боспорское царство.

Первоначальным ядром Боспорского царства явилась милетская колония Пантикапей (современная Керчь), которая в дальнейшем стала его столицей. К концу V и началу IV в. Боспорское царство включало в свои пределы многочисленные греческие колонии и поселения местных жителей в восточном Крыму, на Таманском полуострове, и земли по нижнему течению Кубани. Население Боспора было очень пестрым: скифы, синды, меоты и другие племена. Греки с глубокой древности начали проникать в этот край, привлеченные его богатствами: хлебом, рыбой, скотом, но только с VI в. связи с Грецией становятся регулярными и характеризуются основанием многочисленных колоний — Пантикапея, Феодосии, Нимфея, Фанагории и других. К началу IV в.

относится наивысший экономический расцвет Боспорского царства. Расположенное на границе греческого мира и Скифии, Боспорское царство стало важным торговым посредником между ними. Обилие хлеба, скота, рыбы превратило его в одного из главных поставщиков предметов питания греческих государств. Особенно тесные связи завязались у Боспора, начиная с половины VI в., с Афинами, которые пользовались монопольным правом в его торговле хлебом. Половина всего хлеба, привозимого ежегодно в Афины в IV в., вывозилась из Боспора. Особенную роль в хлебном импорте Афин Боспор стал играть после сицилийской катастрофы (413 г.), когда прекратился подвоз хлеба из Сицилии. Кроме хлеба, Боспорское царство было важным поставщиком рабов на греческие рабские рынки.

Уже в V в. Боспор был объединенным государством, включавшим в свой состав греческие города обоих берегов Керченского пролива. С 480 г. власть находилась в руках знатной греческой семьи Археанактидов, которая «царствовала в Азии над Киммерийским Боспором» (Диодор). Повидимому, центром государства в это время была Фанагория, расположенная на азиатском берегу пролива. Создание могущества Боспорского царства принадлежит династии Спартокидов (с 438 г.), ведшей свое происхождение от Спартока I, который, возможно, был представителем местной скифско-фракийской знати. Спартокиды, в особенности Левкон I (389—349 гг.) и его сын Перисад I (349—310 гг.), опираясь на наемное войско, создали обширную державу и властвовали «от Тавров до границы земли Кавказской», как значится в одной надписи Перисада (приблизительно от Феодосии до теперешнего Новороссийска). На севере их владения доходили до устья Дона, где стоял большой торговый город Танаис. В IV в. они носили титул «архонтов Боспора и Феодосии, царей синдов и всех меотов», но фактически были царями не только над покоренными местными племенами, но и над греческим населением Боспора. Власть их была наследственной, и они смотрели на себя как на верховных собственников всей земли. Боспор превратился в мощное греко-варварское государство с центром в Пантикапее.

Правящий класс состоял из местной знати, а также приближенных к царю греков, богатых землевладельцев, хлеботорговцев, владельцев кораблей и находился от него в полной зависимости. Боспорские полисы пользовались самоуправлением, выбирали магистратов, но фактически находились в подчинении у царя. Высшие слои Боспора и сами цари были значительно эллинизованы. Они носили греческие имена, говорили и писали по-гречески, строили храмы греческим богам и окружали себя предметами обихода и искусства греческого производства. Но вместе с тем на Боспоре продолжала жить и местная культура, которая накладывала свои своеобразные черты на боспорское эллинство. Очень характерными памятниками материальной культуры Боспора являются курганные погребения. Наиболее значительным

из них является так называемый «Царский курган» под Керчью. Под курганной насыпью из земли и камня высотой в 17 *м* находится склеп со ступенчатым куполом. К склепу ведет коридор («дромос») длиной в 36 *м*, с уступчатыми сводами, благодаря которым он кажется еще длиннее. Все сооружение производит величественное впечатление. Курганные погребения типичны для скифов, но погребальный инвентарь, находимый в склепах, наряду с чисто скифскими предметами содержит много вещей греческого стиля.

Уже с конца IV в. у Боспора появился в лице Египта серьезный конкурент на греческом хлебном рынке. Дальнейшее сокращение хлебного экспорта Боспора стало тяжело отражаться на финансовом положении государства. Боспорские цари начала III в. (Спарток III, Перисад II) принимали всякие меры для удержания в своих руках этого основного источника своих доходов. Они посылали Афинам в дар зерно, направляли в Египет, Птолемею, Филадельфу посольства для урегулирования вопросов хлебной торговли. Недостаток средств поставил Спартокидов перед необходимостью сокращать расходы на наемное войско, что, естественно, ослабило их военную мощь. В начале III в., когда в южно-русских степях появляются сарматы и скифы сосредоточились в Крыму, положение Боспора осложнилось тем, что скифы начали совершать на него постоянное набеги и требовать большой дани. Не имея возможности сопротивляться все усиливавшемуся нажиму со стороны своих соседей-скифов, последний боспорский царь Перисад V передал в 109 г. до н. э. власть над своим царством понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Митридат послал на Боспор как и в Херсонес своего полководца Диофанта для урегулирования там дел.

Этот этап истории Боспорского царства связан с крупным социальным движением — восстанием скифских рабов в европейской части Боспора во главе с царским рабом Савмаком. Восставшие убили Перисада V, предполагали уничтожить и Диофанта. Но последний избег своей гибели бегством в Понт. Савмак сделался боспорским царем, стал чеканить монеты со своим именем и изображением. Власть его продолжалась, повидимому, около года. Диофант собрал в Понте морские и сухопутные войска и, пополнив их в Херсонесе, вторично прибыл в Боспор. Он завладел городами, которые находились в руках восставших, захватил Савмака и отправил его, очевидно для казни, в Понт. Учинив жестокую расправу с восставшими, Диофант установил власть Митридата Евпатора и обязал население уплачивать новому властителю дань в размере 200 талантов серебра и 180 тыс. медимнов хлеба. Боспор стал управляться наместниками Митридата. К сожалению, у нас имеется единственный источник по истории этого движения — херсонесский декрет в честь Диофанта, дающий о нем очень скудные сведения. Но тем не менее ясна громадная важность этого движения. Оно входит как звено в целую цепь восстаний рабов,

охвативших рабовладельческие страны Средиземноморья во II в. до н. э. (см. главу LIII).

С начала I в. до н. э. начинается борьба Рима с понтийским царством. Она заканчивается превращением последнего в римскую провинцию; попадает вместе с тем в сферу римского влияния и Боспор. Боспорские правители оказываются с этого времени в значительной зависимости от римлян.

ГЛАВА XXXVIII

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Эллинистический мир охватывал все культурное человечество Старого света; даже Китай, правда, лишь в слабой степени, подвергся эллинистическому влиянию. Этот мир слагался из многочисленных и весьма разных народов, живших преимущественно в средиземноморских странах, начиная с V в. до н. э. приходивших во все возраставшей степени в тесное соприкосновение друг с другом. Завоевания Александра Македонского уничтожили политические преграды, мешавшие культурному взаимодействию между этими народами, и греческая культура вместе с сотнями тысяч переселившихся греков глубоко внедрилась в страны Востока. Эти переселенцы заселяли многие сотни вновь основывавшихся в эллинистических государствах городов, ставших центрами развития эллинистической культуры. Об этих городах крупнейший греческий географ Страбон сказал: «Эллинистические города... — это политическая система по эллинскому образцу»; этими словами он подчеркивал тесную преемственную связь между эллинским и эллинистическим миром во всех областях исторического развития: и в политической, и в экономической, и в культурной. В эллинистических государствах главными центрами были новые города; древние центры Востока, такие, как Вавилон и Мемфис, отошли на второй план, Антиохия и Александрия стали мировыми центрами в полном смысле слова; многие сотни тысяч населения каждой из этих двух мировых столиц состояли из самых различных народностей, среди которых преобладали греки, сирийцы и евреи. Интернациональный характер этих городов подчеркивался политической организацией населения по племенному признаку; существовали греческие и еврейские части города; каждая из них имела свой совет, своего главу, который сносился непосредственно с высшей правительственной властью.

Деловая и культурная жизнь била ключом; документальный материал (надписи, папирусы) говорит нам о существовании и большой активности многочисленных союзов граждан; мы находим здесь и профессиональные объединения и объединения культурно-бытовые (в частности, религиозные, так называемые «фиасы»). Эти последние особенно интересны для характеристики культурной жизни городских масс.

Внешний облик эллинистических городов свидетельствует о высокой технике благоустройства. Часто несколько древних греческих городов сливались в один очень крупный, выстраивались заново центральные площади и кварталы с государственными и общественными зданиями, проводились водопроводы, сооружались фонтаны, бассейны, купальные заведения; в гораздо больших масштабах, чем в эллинские времена, сооружались театры, гимназии; теперь театры представляли собой огромные каменные сооружения, вмещавшие многие десятки тысяч зрителей; с большим размахом строились и гимназии, развалины которых на местах множества крупных эллинистических городов удивляют нас и художественной планировкой и своим воспитательно-образовательным назначением. Наконец, во многих городах появился новый тип общественных зданий — библиотеки. Уже упоминалось о грандиозной библиотеке в Александрии, и несколько меньших размеров библиотека была в Пергаме; существовали относительно небольшие библиотеки и для более широкого читателя. Одновременно шло дальнейшее развитие и укрепление полисов в Элладе, Сицилии, Южной Италии, в Северной Африке, на западных побережьях Средиземного моря.

Это колоссальное распространение вширь сопровождалось качественными изменениями в эллинской культуре, которая восприняла теперь культурное наследство древнего Востока. Они состояли в том, что в эллинистической культуре наибольшее развитие получили те отрасли, которые в культуре эллинской были на втором плане; техника, точные науки, естествознание, медицина, хирургия, агрономия достигли исключительной высоты в эллинистическом мире. Наоборот, общественные науки, философия, литература, искусство в связи с сокращением общественно-политической активности народных масс не только не получили дальнейшего творческого развития, но даже обнаруживали черты упадка.

Грандиозное строительство городов, развитие морской торговли, возросшие масштабы войн между большими морскими и сухопутными государствами настоятельно выдвигали вопрос о технических усовершенствованиях. Эллинистическая техника поражает нас своими достижениями. В устьях Нила на низменном острове Фаросе был сооружен маяк, свет которого моряки могли видеть за 40 *км* от берега. Иначе говоря, высота этого сооружения равнялась примерно высоте 50-этажного небоскреба. Морские корабли строились таких размеров, что поднимали по нескольку тысяч человек. Помещения на верхней, привилегированной палубе были обставлены роскошно и представляли пассажирам разнообразные развлечения.

В военной технике важнейшее место заняли механизированные наступательные и осадные орудия; «катапульты» и «баллисты» метали дротики и каменные круглые ядра до двух пудов весом на значительное расстояние; эти метательные снаряды были своего рода холодной артиллерией, действенности которой завидовали европейские теоретики артиллерии в XVIII в. Все эти сооружения могли быть осуществлены только по планам и чертежам научно подготовленных инженеров, и наличие таких кадров в эллинистическом мире подтверждается сообщениями античных писателей.

Этому развитию техники соответствуют замечательные достижения эллинистической науки. Э в к л и д (первая половина III в. до н. э.) подвел итог предшествовавшему развитию геометрии и создал стройную систему геометрических положений; элементарная геометрия до сих пор носит его имя. Но в сочинениях Эвклида, так же как и в работах другого гениального математика и физика этой эпохи, Архимеда, содержались и многие положения высшей математики.

А р х и м е д написал книги «О равновесии», «О квадратуре параболы», «О плавающих телах», «Катоптрика» (т. е. теория зеркал) и другие; в своих сочинениях он обосновал и развил основные положения механики, в частности, теорию рычагов. В древности Архимеду приписывалось смелое изречение: «Дайте мне точку опоры, и я переверну землю». Разрабатывал Архимед и теорию отражений тепловых и световых лучей в плоских и сферических зеркалах; эту теорию гениальный ученый применил, согласно преданию, на практике при обороне Сиракуз от римлян в 212 г. до н. э., сжигая их осадные сооружения и корабли. Современник его А п о л л о н и й разрабатывал одну из труднейших отраслей высшей математики — теорию чисел.

Не менее поразительны достижения астрономии. Э р а т о с ф е н предпринял измерения величины земного шара и применил при этом впервые те же приемы, которыми пользуются и теперь, именно так называемую триангуляцию; Эратосфен получил цифру, немногим отличающуюся от истины; А р и с т а р х С а м о с с к и й написал сочинение «О размерах и расстоянии луны и солнца от земли»; в этой работе Аристарх довольно правильно определил и относительные размеры солнца и луны и их расстояния от нашей планеты. Не менее поразительны работы Г и п п а р х а, который показал, что все движения небесной сферы станут понятными, если принять, что солнце находится в центре планетной системы, а планеты совершают круговой путь вокруг него. Великое астрономическое открытие Гиппарха было забыто, и только 1800 лет спустя Коперник и Галилей снова сделали его достоянием науки. Гиппарх производил и другие астрономические наблюдения, вся ценность которых была понята сравнительно совсем недавно.

Не в меньшей мере замечательны и достижения эллинистической медицины, в частности хирургии. Г е р о ф и л в своих сочинениях обнаруживает необычайно глубокие анатомические познания, которые он приобрел с помощью постоянного анатомирования трупов. Хирург Г е р а к л и т Т а р е н т с к и й применял при операциях обезболивающие наркотические средства; это замечательное открытие позднее было совершенно забыто, и только более чем 2000 лет спустя лишь с 60-х годов прошлого века — обезболивание при операциях было вновь введено в практику.

Таким образом, в области точных наук, естествознания и техники в эллинистическую эпоху имело место бурное движение вперед. Но этого нельзя сказать в отношении философской мысли. Многие десятки философов выступали письменно и устно в городах эллинистического мира; но они по преимуществу про-

должали и развивали философские учения предшествующей эпохи, однако в разрезе решения проблем личного счастья. Крупное место среди них занимает Эпикур (341—270 гг. до н. э.), последователь материалистической философии Демокрита, дополнивший представление Демокрита об атомах; но свое учение о материальном мире Эпикур заостряет на вопросах жизни личности, посвящая много внимания вопросу о сущности человеческого счастья и о путях его достижения. От активного участия в общественной жизни эпикурейцы старались уклоняться, придерживаясь правила: «живи незаметно», чтобы не нарушать свой внутренний покой («атараксия»). Громадная заслуга Эпикура заключается в том, что его материалистическое учение избавляло людей от страха перед богами и смертью, почему Маркс и Энгельс называли его «величайшим просветителем древности». «...поэтому же у всех отцов церкви, от Плутарха до Лютера, Эпикур слывет безбожным философом ...свиньей» [1].

То же индивидуалистическое направление, что и у эпикурейцев, резко проступает в другой философской школе эллинистической эпохи — у стоиков.

Основателем школы стоиков был Зенон (334—262 гг.), уроженец острова Кипра; его преемники тоже происходили в большинстве из городов эллинистического Востока. Стоики разделили философию на три части: этику, физику и логику. В физике их учение утверждало материальное единство всего сущего, в основе которого находится творческое и движущее начало огня. Жизнь и бытие подчинены строгой закономерности и ею даже как бы предопределены. Таким образом, в начальный период («ранняя стоя») физика стоиков была в известной мере материалистической, исходя из учения Гераклита и Аристотеля. Но наибольшее значение стоики придавали этике: чтобы вести правильную и счастливую жизнь, человек должен добровольно согласовать ее с законами природы и с жизнью природы в целом.

Такое разумное и активное содействие мировому целому в его закономерном движении есть главная обязанность и первый долг человека. Выполнение его есть добродетель («аретэ») и ведет к истинному благу и счастью. Наоборот, нарушение его в интересах отдельной личности, с ее частными желаниями и страстями, является пороком («хамартема»). Однако подлинно счастливым может быть только мудрец, овладевший пониманием истины и претворяющий это понимание в жизнь: он достигает абсолютного душевного спокойствия (апатии), огражденного от всех жизненных печалей, так как он не придает им значения. Он богат в нищете, свободен в оковах, счастлив в болезни.

В своих общественно-политических взглядах стоики часто повторяли антидемократические теории лаконофилов предшествовавшей эпохи, возвеличивавших олигархическую Спарту и ненавидевших демократические Афины. Но с другой стороны, в учении стоиков содержались и элементы естественного права (см. стр. 360),

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 121.

что привело позднейших стоиков к отрицанию рабства и учению о всеобщем равенстве людей.

Разложение рабовладельческого общества больше всего сказалось на общественно-политическом учении философской школы киников, основатель которой Антисфен сам был полурабского происхождения. Учение его и его последователей (наиболее известные из них были современники Александра Македонского Диоген и его ученик Кратет) находило глубокое сочувствие среди широких народных масс — как свободных, так и рабов. Киники были крайними представителями теории естественного права, призывали к непринужденной естественности и простоте, к жизни, близкой к природе; они глумились над погоней за богатством и роскошью, отрицали всякую власть государства и общества над личностью человека. Диоген, чтобы показать свое презрение к общепринятым правилам приличия, даже отказался от всякой одежды, жил в бочке и разбил свою единственную чашу, когда убедился, что может обходиться и без нее. За это он и получил от «приличного общества» ядовитое прозвище küon, что значит «собака». Отсюда вся школа последователей Антисфена названа «киниками» («подражатели собакам»). Но рабы и бедные люди сочувствовали учению киников, тем более что последние умели облекать его в яркие и общепонятные формы остроумных притч и сатирических сценок (диатрибы). Однако в учении киников мало было боевых призывов, и оно сводилось, по существу, к мирной проповеди анархизма и самого крайнего индивидуализма.

Художественная литература эллинистической эпохи была весьма богата количественно, но не высока (за отдельными исключениями) качественно. В этой литературе совершенно отсутствуют широкие общественно-политические интересы, пропитывающие всю художественную литературу предшествовавшей эпохи. В комедиях, например Менандра, известных нам в отрывках, вышучиваются обывательские интересы, но тоже с обывательской точки зрения. Большое распространение получает лирическая поэзия, основными темами которой являются переживания личности, ищущей наслаждений, и стремление в природу от томительной городской жизни. Главным центром, привлекавшим поэтов-лириков из всех стран эллинистического мира, была Александрия египетская. Прожил здесь значительную часть своей жизни и крупнейший поэт-лирик III в. до н. э. Феокрит, уроженец Сицилии. Феокрит писал идиллии — стихотворения, изображавшие прелесть сельской жизни, переживания горожанина, отрешившегося от привычной, но надоевшей обстановки города. Феокрит, как и другие поэты этой эпохи, большое внимание уделял форме стихотворений. Он ввел в стихотворную форму вычурные украшения.

Это же стремление к вычурности сказывалось и в изобразительном искусстве эллинистической эпохи. Появляется ряд

самостоятельных центров скульптурного творчества: в Александрии египетской, на острове Родосе, в Пергаме и некоторых других местах. Три родосских скульптора: Агесандр, Атенодор и Полидор, изваяли огромную статую «Лаокоон и его сыновья», изображающую смертельную схватку людей с чудовищами-змеями; художники подчеркнуто изобразили выражение страдания на лицах, невероятное напряжение всех мускулов в борьбе, так что эта статуя является не столько реалистическим, сколько натуралистическим произведением. Там же в городе Родосе была изваяна и отлита из бронзы колоссальная статуя бога солнца в 30 *м* высотой. Этот «Колосс родосский» считался одним из чудес света. Высоким совершенством отличалась пергамская скульптурная школа; в конце XIX в. на месте бывшего Пергама был извлечен из земли грандиозный мраморный алтарь Зевса, покрытый на протяжении 120 *м* превосходной скульптурой, изображавшей «гигантомахию» — борьбу олимпийских богов с Зевсом во главе с гигантами, порождением земли. Этот «Пергамский алтарь» является одним из немногих почти целиком сохранившихся памятников античного искусства. Скульптура, таким образом, стояла на большой высоте в эллинистическую эпоху, но по сравнению с предшествовавшей эллинской эпохой это был период уже начавшегося упадка, симптомами которого являлись перенапряженность движений, стремление к грандиозности, чрезмерный натурализм.

Эллинистическая культура охватывала почти все передовое человечество III—II вв. до н. э. Эта культура продолжала свое существование и в последующее столетие, когда центр политической жизни переместился далеко на запад — в Италию, в Рим. Постепенно видоизменяясь, эллинистическая культура сохранялась в странах Переднего Востока и в следующую эпоху истории человечества — в средние века. В средние века видоизмененную эллинистическую культуру восприняли народы Востока во главе с арабами; это дало им возможность надолго стать культурными гегемонами европейско-азиатского мира.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ

I. Доэллинские культуры Греции

Ок. **3000—2300 гг.**	Кикладская культура. Троя 1-я (конец неолита) и Троя 2-я (халколит).
Ок. **2000—1400 гг.**	Расцвет Критской (минойской) культуры.
Ок. **1600—1200 гг.**	Укрепленные замки Микен, Тиринфа, Трои 6-й.
Ок. **1400 г.**	Разрушение Критских дворцов.
1184 г.?	Падение Трои 6-й. Нападение «морских народов» на Египет.

II. Возникновение классового общества и государства в древней Греции

Ок. **1100 г.**	Начало железного века в Греции и полный переход к земледелию.
Ок. **900 г.**	Гомеровские поэмы (аристократизация древних былин).

Ок. 780 г.	Гесиод: «Труды и дни», «Теогония».
776 г.	Первая Олимпиада (начало греческого летосчисления и более точной хронологии в истории Греции).
743—724 гг.	Первая мессенская война.
685—668 гг.	Вторая мессенская война и порабощение илотов в Спарте.
683 г.	Окончательное оформление олигархии эвпатридов в Аттике, ежегодное избрание архонтов из их среды.

III. Хозяйственный прогресс Греции в VIII—VI вв. до н. э. и возникновение демократии в Афинах

VIII—VI вв.	Колонизация греками Южной Италии и берегов Понта.
VIII в.	Дипилонские вазы.
VII в.	Появление монеты в Греции.
Ок. 650 г.	Первые лирические поэты (Каллин, Архилох).
Ок. 650 г.	Первые выступления демоса и тирания в передовых общинах: Кипсел в Коринфе, Ортагориды в Сикионе.
630 г.	Заговор Килона в Афинах.
621 г.	Законы Дракона.
Ок. 600 г.	Расцвет греческой лирики (Алкей и Сапфо); начало греческой науки (Фалес Милетский).
594 г.	Реформы Солона.
560—527 гг.	Тирания Писистрата в Афинах (с перерывами).
Ок. 540—500 гг.	Философские школы Пифагора и Ксенофана (элейцы).
530 г.	Образование Пелопоннесского союза во главе со Спартой.
513 г.	Поход Дария против скифов.
510 г.	Падение Писистратидов и олигархическая реакция в Афинах.
508—506 гг.	Восстание афинского демоса против олигархов и спартанской оккупации; демократическая конституция Клисфена в Афинах.

IV. Развитое рабовладельческое общество в Греции

499—449 гг.	Греко-персидские войны.
499—494 гг.	Восстание Ионии против персидского господства.
494 г.	Восстание рабов в Аргосе.
492 г.	Поход Мардония. Захват персами Фракии.
490 г.	Второй поход персов на Грецию, битва при Марафоне.
483 г.	Создание афинского военного флота.
480 г.	Поход Ксеркса (Фермопилы, Саламин).
479 г.	Переход греков в наступление на персов, битвы при Платеях и Микале.
478 г.	Начало Афинского союза (Фемистокл и Аристид).
480—460 гг.	Расцвет творчества Эсхила (525—456).
471 г.	Изгнание Фемистокла (победа консервативной партии; Кимон).
468 г.	Победа Кимона над персами при реке Эвримедонте в Памфилии.
464—453 гг.	Восстание илотов в Спарте. Третья мессенская война.
462 г.	Победа радикальной партии в Афинах, реформа Эфиальта.
457 г.	Начало открытой борьбы Афин со Спартой; в связи с этим постройка «длинных стен» в Афинах.
454 г.	Уничтожение афинского флота в Египте. Окончательное оформление афинской морской державы; перенесение союзной казны с острова Делоса в Афины.
449 г.	Разгром персов у Саламина Кипрского. Каллиев мир.
445 г.	30-летний мир со Спартой (Периклов мир). Начало «правления Перикла».

440—400 гг.	Расцвет творчества Софокла (495—406) и Еврипида (480—406); «История» Геродота (485—425); философские системы Анаксагора (500—428) и Демокрита (460—370); софисты Протагор. (480—410) и Горгий (480—370).
438 г.	Начало династии Спартокидов на Боспоре (438—109).
437 г.	Экспедиция Перикла в Понт.
432 г.	Окончание постройки Парфенона. Фидий.
431 г.	Начало Пелопоннесской войны.
429 г.	Смерть Перикла.
428 г.	Восстание на острове Лесбосе (Митилена).
427—422 гг.	Клеон-стратег. Первые комедии Аристофана (444—380).
425 г.	Восстание илотов. Захват афинянами Пилоса и Сфактерии.
422 г.	Поражение афинян под Амфиполем.
421 г.	Никиев мир.
415—413 гг.	Сиракузская экспедиция афинян (Алкивиад).
411 г.	Олигархический переворот в Афинах.
405 г.	Битва при Эгоспотамах.
404 г.	Капитуляция Афин: роспуск афинского морского союза.

V. Кризис IV в. и период эллинизма

404—403 гг.	Правление 30 тиранов в Афинах (Критий и др.).
403 г.	Восстановление демократии в Афинах.
401—400 гг.	Поход 10 тыс. греков (Ксенофонт).
399 г.	Суд над Сократом (470—399). Заговор Кинадона.
395 г.	Союз против Спарты: Персия, Афины, Фивы, Аргос и Коринф (Коринфская война).
394—380 гг.	Выход в свет главных произведений Платона (427—347): «Горгий», «Пир», «Федон», «Государство».
387 г.	Анталкидов (Царский) мир: Греция под протекторатом Персии.
379 г.	Восстание в Фивах против Спарты. Пелопид и Эпаминонд. Демократизация Беотийского союза.
378—355 гг.	Второй афинский морской союз.
371 г.	Поражение спартанцев при Левктрах и освобождение Мессении (Эпаминонд).
362 г.	Битва при Мантинее и конец спартанской гегемонии.
359—336 гг.	Царь Филипп Македонский.
352 г.	Первая «филиппика» Демосфена (384—322).
338 г.	Битва при Херонее: начало македонской гегемонии в Греции.
337 г.	Коринфский договор.
336—325 гг.	Александр Македонский.
336 г.	Основание лицея Аристотелем (384—322) в Афинах.
334—325 гг.	Восточный поход Александра Македонского.
334 г.	Битва при Гранике.
333 г.	Битва при Иссе.
332 г.	Основание Александрии Египетской.
331 г.	Битва при Гавгамелах. Конец царства Ахеменидов.
327—325 гг.	Поход Александра в Индию.
323 г.	Смерть Александра, восстание в Греции (Ламийская война и начало борьбы диадохов за его наследство).
Ок. 314 г.	Этолийский союз.
301 г.	Битва при Ипсе. Распад монархии Александра.
323—30 гг.	Династия Птолемеев в Египте.
312—64 гг.	Династия Селевкидов в Передней Азии.
283—168 гг.	Династия Антигонидов в Македонии.
283—133 гг.	Династия Атталидов в Пергаме.
Ок. 300 г.	Распространение учений Эпикура (341—270) и основателя стоической школы Зенона (334—262).

280—146 гг.	Ахейский союз.
245—221 гг.	Реформы царей Агиса и Клеомена в Спарте.
221 г.	Битва при Селлассии. Бегство Клеомена в Египет.
217 г.	Битва при Рафии.
207—192 гг.	Тирания Набиса в Спарте.
190 г.	Битва при Магнезии.
168 г.	Битва при Пидне; ликвидация македонского царства римлянами.
146 г.	Разрушение Коринфа и установление римского господства в Греции.

БИБЛИОГРАФИЯ

История древней Греции[1]

Труды классиков марксизма-ленинизма

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Соч., т. V, М.—Л. 1929; также и в отд. изд. 1951 г.
* К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, М.—Л. 1938; также и в отд. изд.
* К. Маркс, Капитал. Критика политической экономии, тома I — III, Партиздат, М. 1949; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., тома XVII, XVIII, XIX, М.—Л. 1937—1939.
* К. Маркс и Ф. Энгельс, Принципы коммунизма, Соч., т. V, М.—Л. 1929.
* К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, Л. 1941.
* К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Партиздат, 1940; также «Пролетарская революция», 1939, № 3, «Вестник древней истории», 1940, № 1.
* К. Маркс, Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, М.—Л. 1938.
* Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, М.—Л. 1931 и отд. изд. 1948 г.
* Ф. Энгельс, Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, М.—Л. 1931 и отд. изд. 1950 г.
* Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, М.—Л. 1937; также и в отд. изд. 1950 г.
* К. Маркс и Ф. Энгельс, Об античности; под редакцией и с предисловием С. И. Ковалева, Л. 1932.
* В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, изд. 4-е, 1947.
* В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, изд. 4-е, 1950.
* В. И. Ленин, Философские тетради, М. 1947.
* И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, М. 1946.
* И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «История ВКП(б). Краткий курс», гл. IV, § 2. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 535.
* И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951.

Хрестоматии

* В. В. Струве, Хрестоматия по древней истории, ч. 1, М. 1936, изд. 2-е, 1951. «Античный способ производства в источниках», под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева. Известия ГАИМК, № 78, Л. 1933.

[1] Значком * отмечены наиболее важные работы.

В. П. Волгин, Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений, ч. 1, М.—Л. 1935.
В. В. Вересаев, Эллинские поэты, Собр. соч., т. X, М. 1929.
«Древний мир в памятниках его письменности», сост. Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлингов, т. II — Греция, М. 1921.
«Древний мир на юге России». Сборник источников, под ред. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского, М. 1918.
«Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», собр. и изд. с русск. перев. В. В. Латышева, тома I — II, СПБ 1893—1906. См. также переиздание в «Вестнике древней истории», с № 1 за 1947 г. по № 4 за 1949 г.
Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева, Хрестоматия по античной литературе, т. I — Греческая литература, изд. 5-е, М. 1947.
«Греческая литература, в избранных переводах», М. 1939.

Основные издания произведений древних авторов в переводах

* Аристотель, Афинская полития. Государственное устройство афинян, изд. 2-е, М. 1937.
* Аристотель, Политика, СПБ 1911.
Аристотель, Метафизика, М.—Л. 1934.
Аристотель, Физика, М. 1937.
Аристотель, Этика Аристотеля, СПБ 1908.
Аристотель, Поэтика, Л. 1927.
* Аристофан, Комедии, тома I—II, М.—Л. 1934.
Архимед, Исчисление песчинок (Псаммит), М.—Л. 1932.
Апполодор, Полиоркетика, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.
Арриан, Анабасис Александра, Ташкент 1912.
Арриан, Походы Александра, СПБ 1837.
Алкей и Сафо, Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вяч. Иванова, М. 1914.
Анакреон, Песни Анакреона, М. 1861.
«Война мышей и лягушек» (Батрахомиомахия), М.—Л. 1936.
* Гомер, Илиада, перев. В. В. Вересаева, М.—Л. 1949.
* Гомер, Илиада, перев. Н. И. Гнедича, М.—Л. 1935 и др. изд.
Гомер, Илиада, перев. Н. М. Минского, М. 1935 и др. изд.
* Гомер, Одиссея, перев. В. А. Жуковского, М.—Л. 1935 и др. изд.
Гомеровы гимны, перев. с древнегреч. В. Вересаева, М. 1926.
Гесиод, Работы и дни. Земледельческая поэма, перев. с древнегреч. В. Вересаева, М. 1927.
«Греческие эпиграммы», М.—Л. 1935.
Гераклит Ефесский, Фрагменты, перев. В. Нилендера, М. 1910.
*Геродот, История, в 9 книгах, перев. Ф. Г. Мищенко, изд. 2-е, исправл. и дополн., тома I—II, М. 1888.
Герод, Мимиамбы, М. 1938.
* Демосфен, Речи, М. 1903.
Еврипид, Театр Еврипида, СПБ 1906.
* Еврипид, тома I—III, М. 1916—1921.
Исократ, Панегирик, Смоленск 1883.
Ксенофонт, Собр. соч., перев., ч. 1—5, СПБ 1887.
* Ксенофонт, Греческая история, 1935.
* Ксенофонт, Сократические сочинения, М.—Л. 1935.
* Лисий, Речи, М.—Л. 1933.
Менандр, Комедии, перев. с греч., М.—Л. 1936.
Платон, Сочинения, изд. 2-е, исправл. и дополн., СПБ 1863—1879 и др. изд.
* Полибий, Всеобщая история, в 40 книгах, перев. с греч. Ф. Г. Мищенко, тома I—III, М. 1890—1899.

* Плутарх, Избранные биографии, М.—Л. 1941.
* Павсаний, Описание Эллады, тома I—II, М. 1938—1940.
* Софокл, Трагедии, т. I, Эдип-царь; Эдип в Колоне; Антигона, М.—Л. 1936.
Софокл, Драмы, тома I—III, М. 1914—1915.
* Страбон, География, в 17 книгах, перев. Ф. Г. Мищенко, М. 1879.
* Фукидид, История, ред. С. А. Жебелева, тома I—II, М. 1915.
Эсхил, драмы, перев. с греч., т. I, СПБ 1864 и др. изд.
* Эсхил, Трагедии, М.—Л. 1937.

Источниковедение, археология, нумизматика, эпиграфика и пр.

* В. П. Бузескул, Введение в историю Греции. Обзор источников и разработки греческой истории в XIX и начале XX в., изд. 3-е, переработ., СПБ 1915.
С. А. Жебелев, Древняя Греция, ч. I — Эллинство, ч. 2 — Эллинизм, П. 1920, 1922.
Р. Пельман, Очерки греческой истории и источниковедения, СПБ 1910.
Н. И. Новосадский, Греческая эпиграфика, ч. 1, изд. 2-е, М. 1915.
* А. Н. Зограф, Античные монеты, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1951.
*А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, дополн. и переработ., М. 1947.
* С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. 1 — История археологического знания, ч. 2 — Теория и практика археологического знания, П. 1923.
* В. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. 2 — Древнегреческий мир, П. 1924.
И. Т. Кругликова, Археологические раскопки в Греции за последние годы, «Вестник древней истории», 1947, № 1.
«Археологические памятники Боспора и Херсонеса», под ред. акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича, М.—Л. 1941; «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4.

Справочные издания и атласы

Фр. Любкер, Реальный словарь классической древности, перев. с 6-го нем. изд. В. Модестова, СПБ 1884.
Реальный словарь классических древностей по Любкеру, под ред. Ф. Гельбке и др., СПБ 1885.
Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и Большая Советская Энциклопедия. Статьи по истории древней Греции.
* А. Г. Бокщанин, Атлас по истории древнего мира для средней школы, под общ. ред. проф. А. В. Мишулина, М. 1946.
В. П. Зубов и Ф. А. Петровский, Архитектура античного мира. Акад. архитектуры СССР («Материалы и документы по истории архитектуры»), М. 1940.
Г. Ламер, Греческий миф, под ред. Д. Н. Егорова, М. 1914.

Общие труды по истории Греции

* Ю. Белох, История Греции, изд. 2-е, тома I—II, 1905.
А. Берггер, Социальные движения в древней Спарте, М. 1936.
К. Бюхер, Очерки экономической истории Греции, Л. 1924.
К. Бюхер, Восстания рабов 143—129 гг. до н. э., Л. 1924.
Г. Бузольт, Очерки государственных и правовых греческих древностей, Харьков 1890.

А. Г. Бокщанин, История международных отношений и дипломатии в древнем мире. Стенограммы лекций, М. 1948.
Б. Л. Богаевский, Очерк земледелия Афин, П. 1915.
В. П. Волгин, Очерки по истории социализма, изд. 4-е, М. 1935.
В. Г. Васильевский, Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка, СПБ 1869.
А. Валлон, История рабства в античном мире, перев. с франц. С. П. Кондратьева, с предисл. и под ред. А. В. Мишулина, М. 1941.
М. Вебер, проф., Аграрная история древнего мира, под ред. и с предисл. Д. М. Петрушевского, М. 1925.
«История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина, М. 1941 (см. гл. II: В. С. Сергеев, Дипломатия древней Греции).
«История древнего мира», изд. ГАИМК, т. II, ч. 1 и 2, М. 1936—1937.
С. И. Ковалев, История античного общества, ч. 1 — Греция, изд. 2-е, исправл., Л. 1937; ч. 2 — Эллинизм, Рим, Л. 1936.
С. Кечекьян, Всеобщая история государства и права, ч. 1, вып. 1, Древний Восток и древняя Греция, М. 1937.
М. С. Куторга, Собр. соч., тома I—II, СПБ 1894—1896.
* В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, ч. 1 — Исторический обзор развития форм государственной жизни эллинов. Спартанское, Афинское государства. Международные отношения и союзы греков, изд. 3-е, перерм., СПБ 1897.
А. В. Мишулин, История древней Греции. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М. 1946.
А. В. Мишулин. Идеи права в международных отношениях, «Вестник древней истории», 1946, № 2.
А. В. Мишулин, К изучению роли войны и военного производства в древности, «Вестник древней истории», 1940, № 1.
К. В. Островитянов, Очерки экономики докапиталистических формаций, М. 1944.
«Разработка древней истории в советской науке», «Вестник древней истории», 1947, № 3.
* В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. 2-е (посмертное), исправл. и дополн., 1948 (приложена обширная библиография).
А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л. 1935.
А. И. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, тома I—III, Гос. изд., П. 1920—1922.
А. Филиппсон, Средиземноморье (область Средиземноморья). Его географическая и культурная характеристика, М. 1911.
Фюстель де Куланж, Гражданская община античного мира, М. 1903 и др. изд.
М. М. Хвостов, История Греции, М. 1924.

Древнейшая Греция

* В. Георгиев, История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей, «Вестник древней истории», 1950, № 4, стр. 48—68.
Ш. Диль, По Греции. Археологические прогулки, М. 1913.
* Дискуссия об эгейской культуре в Институте истории Академии наук СССР, «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 204—218.
Е. Г. Кагаров, Общественный строй греков гомеровской эпохи, «Советская этнография», 1938, № 4.
* Лихтенберг, Эгейская культура (доисторическая Греция), М. 1913.
* Дж. Пендлбери, Археология Крита, М. 1950.
* В. В. Струве, Общественный строй древнего Крита, «Вестник древней истории», 1950, № 4, стр. 43—47.
* Р. В. Шмидт, Античное предание о дорийском переселении, «Вестник древней истории», 1938, № 2.

Классическая Греция

* В. П. Бузескул, Афинская демократия. Общий очерк, Харьков 1920.
* В. П. Бузескул, История афинской демократии, СПБ 1909.
* В. П. Бузескул, Перикл. Историко-критический этюд, Харьков 1889.
* В. П. Бузескул, Перикл (личность, деятельность, значение), Л. 1923.
* Р. Ю. Виппер, История Греции в классическую эпоху, М. 1916.
В. Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, М. 1891.

Эллинизм

В. В. Бартольд, Греко-бактрийское государство и его распространение на Восток, изд. Академии наук СССР, серия 6, т. X, № 10, 1916.
А. Г. Бокщанин, Восточно-эллинистические государства IV—III вв. до н. э. (Греко-бактрийское царство), «Исторический журнал», 1941, №. 6.
И. Г. Дройзен, История эллинизма, тома I—III, М. 1890—1893.
* С. И. Ковалев, Александр Македонский, Соцэкгиз, Л. 1937.
С. И. Ковалев, Монархия Александра Македонского, «Вестник древней истории», 1949, № 4.
* А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л. 1950.
* В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М. 1949.
С. П. Толстов, Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.
М. М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань 1907.

Греческие колонии северного Причерноморья

* Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л. 1948.
* В. Д. Блаватский, Искусство греческих колоний Северного Причерноморья, М. 1948.
* В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л. 1949.
Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, вып. 1, Л. 1925.
Б. Н. Граков, Материалы по истории скифов в греческих надписях Балканского полуострова и М. Азии, «Вестник древней истории», 1939, № 6.
С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, «Вестник древней истории», 1938, № 1 (2).
С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, «Известия Академии наук СССР», ИОН, 1930, № 10; 1931, № 1.
С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ч. 2 (IV—III вв.), «Известия Академии наук СССР», ИОН, 1934, № 9.
* С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, «Вестник древней истории», 1938, № 3(4).
С. А. Жебелев, Херсонесская присяга. Известия Академии наук. 1935.
А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л. 1947.
«Из истории Боспора», Известия ГАИМК, вып. 104, М.—Л. 1934.
* Д. П. Каллистов, Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи, Л. 1949.
Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л. 1949.
В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПБ 1887.
В. В. Латышев, Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря, СПБ 1909.

«Ольвия», сбор. статей, Киев, 1940.
В. В. Струве, Восстание Савмака, «Вестник древней истории», 1950, № 3.
А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 245 и сл.; 1949, № 4, стр. 75 и сл.; 1950, № 2, стр. 48 и сл.; № 4, стр. 11 и сл.
Б. В. Фармаковский, Ольвия, М. 1915.

Греческая культура

М. В. Алпатов, Всеобщая история искусств, т. I, М. 1948.
* В. Д. Блаватский, Архитектура древнего мира, М. 1939.
В. Д. Блаватский, Греческая скульптура, М.—Л. 1939.
* Баумгартен, Поланд и Вагнер, Эллинская культура, СПБ 1906; см. также «Общая история европейской культуры», т. I, СПБ 1908; т. II — Эллинистическо-римская культура, СПБ 1914.
П. Гиро, Частная и общественная жизнь греков, перев. с 5-го изд., СПБ 1913.
Г. Дильс, Античная техника, М.—Л. 1934.
Н. А. Кун, Что рассказывали древние греки о своих богах и героях, Учпедгиз, М. 1940.
Ю. Колпинский, Искусство Греции эпохи расцвета, М. 1937.
А. В. Мишулин, Миф об Антее у древних авторов (очерк из античной мифологии), «Вестник древней истории», 1938, № 1—2.
* С. И. Радциг, Античная мифология, М. 1939.
* С. И. Радциг, История древнегреческой литературы, М.—Л. 1940.
* И. М. Тронский, История античной литературы, Л. 1946.
Б. В. Фармаковский, Художественный идеал демократических Афин, П. 1918.
Э. Цибарт, Культурная жизнь древнегреческих городов, М. 1916.
Г. В. Штолль, Мифы классической древности, т. I, М. 1867.
«Эллинистическая техника». Сборник статей под ред. акад. И. И. Толстого. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л. 1948.

Понтифики попытались воспроизвести такие же записи и за прошлое время. Лет за 40 назад (т. е. приблизительно до 360 г.) это сделать было относительно легко, по памяти и прежним фастам. Более ранние списки и заметки для начала IV и тем более для V в. представляли собой уже в значительной мере фантастические произведения, а тем более — сведения о еще более древних временах.

Около 130 г. до н. э. великий понтифик Публий Муций Сцевола собрал и издал эти старые, хранившиеся в архивах доски под названием «Великие анналы», в 80 книгах. Эти летописи, тоже до нас не дошедшие, стали служить основной канвой и основным сборником материалов для римских историков II и начала I в. до н. э., которых в Риме поэтому продолжали называть а н н а л и с т а м и (летописцами).

К сожалению, однако, не дошли до нас, если не считать самых жалких отрывков, и сочинения этих древних римских историков-анналистов, которые в своих трудах непосредственно использовали древние фасты и анналы и были иногда весьма старательными и кропотливыми собирателями древних преданий и материалов. Особенно приходится жалеть об утрате работ «старших анналистов», как принято называть ранних римских историков конца III и первой половины II в. до н. э., и среди них прежде всего первой связной римской истории, составленной образованным римским сенатором Фабием Пиктором. Он жил в эпоху второй Пунической войны, был большим поклонником греческой культуры и труд свой даже написал на греческом языке.

Большой потерей является утрата (сохранились лишь жалкие отрывки) первого исторического произведения на латинском языке Марка Порция Катона Цензора (234—149), написанного им около 160 г. до н. э. и носившего заглавие «Начала» (Origines), подразумевается — истории Италии.

Катон был чрезвычайно щедро одаренным от природы, многосторонним человеком: видный общественный деятель, пробивший себе дорогу из круга простых, незаметных людей, талантливый полководец, блестящий оратор, хороший хозяин, ловкий предприниматель и делец, одновременно с тем первоклассный писатель по самым разнообразным вопросам — по агрономии, медицине, военному делу, красноречию и пр. В своем сочинении «Начала» он писал о происхождении и старине италийских народов и городов, изучая для этого местные хроники и документы, старинные надписи, топографические данные, используя не дошедшие до нас труды греков по истории Италии (Italiká). Все это было изложено ясным и четким деловым языком, без всяких риторических прикрас и ухищрений, которыми страдают произведения позднейших римских историков.

Не дошли до нас и произведения «младших анналистов», т. е. историков конца II и первой половины I в., как Валерий Анциат, Лициний Макр, Луций Элий Туберон и др. Хотя они и навлекали на себя упреки даже древних критиков за свои слишком смелые догадки, а иногда и прямые вымыслы, за склонность переносить в прошлое современные им отношения и идеи, — эти сочи-

нения были бы все же для нас очень интересны. Ведь они уже могли широко использовать «Великие анналы» и другие архивные материалы, а Лициний Макр, например, даже утверждал, что он «открыл» какие-то древние «льняные книги», никем еще не использованные. Не дошел до нас и, видимо, очень солидный исторический труд — «40 книг о римских древностях» — крупного римского ученого-энциклопедиста (филолога, математика, агронома и историка) Марка Теренция Варрона (116—27). Вообще трудно даже представить, какая громадная историческая литература древних утрачена почти бесследно или уцелела лишь в самых незначительных разрозненных отрывках.

Однако некоторый отзвук эта литература нашла в трудах более поздних авторов эпохи Августа, которые являлись уже не столько самостоятельными историками-исследователями, сколько компиляторами, правда, иногда талантливыми, прежних сочинений. Таковы три историка конца I в. до н. э., сочинения которых тоже не полностью, но все же лучше других сохранились и из которых мы черпаем наши сведения о римской и италийской древности: это жившие в Риме греки-ученые Диодор Сицилийский и Дионисий Галикарнасский и переселившийся в Рим уроженец Патавии (Падуи) — Тит Ливий.

Диодор, современник Цезаря и Августа, составил около 30 г. до н. э., после многолетних путешествий и сбора материала, обширную всеобщую историю народов и стран Передней Азии и Средиземноморья от древнейших времен и до эпохи Цезаря. Она была написана на греческом языке и называлась «Историческая библиотека»; из 40 ее книг сохранились книги 1—5, 11—20 и отрывки других. Здесь излагается история Египта, Месопотамии, Индии, древней Греции, а затем и Рима с древнейших времен. Естественно, что столь обширный труд, представлявший собой, собственно говоря, целую историческую энциклопедию, не мог быть результатом личных исследований автора. Диодор давал лишь сводку и сокращенный пересказ, обычно весьма близкий к тексту, специальных исторических произведений. Однако положительной стороной всей его компиляторской работы было то, что копировал он лучшие по тому времени исследования, так как обладал в этом отношении достаточным пониманием и вкусом. Так, и древнейшую римскую историю он дает, повидимому, по Фабию Пиктору. Зная его обыкновение близко следовать тексту своего основного источника, исследователи предполагают, что Диодор пересказал весьма ценные материалы этого древнейшего римского анналиста.

Современник Диодора, ритор (т. е. преподаватель красноречия, литературы и философии) Дионисий из Галикарнаса, переселившийся в Рим в 29 г. до н. э., составил здесь на греческом языке свою «Римскую археологию» (древнейшую римскую историю до половины III в.) в 20 книгах, из которых уцелели почти полностью первые 11 книг и сокращенные обзоры других. Его труд

значительно искусственнее сочинения Диодора, он переполнен напыщенными речами, которые должны были служить образцами преподаваемого Дионисием ораторского искусства, и тоже не представляет собой самостоятельного научного исследования. Но Дионисий, кроме Фабия Пиктора, черпал свой материал и из других сочинений. Он пользовался преимущественно работами младших анналистов — Валерия Анциата и Лициния Макра, а также весьма ценными историческими произведениями — «Римские древности» и «О быте римского народа» М. Теренция Варрона. Таким образом, у Дионисия сохранились другие источники, а частично и другие произведения исчезнувшей римской исторической литературы.

Наконец, знаменитый исторический труд Тита Ливия (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) — история Рима «от основания города» (ab urbe condita), доведенная до времени Августа (до 9 г. до н. э.), представляет собой самый полный и лучший наш источник для ознакомления с древней римской летописью и с произведениями старых римских анналистов. Из 142 книг этого обширнейшего исторического труда древнейшей истории Рима посвящены первые десять книг, дошедшие до нас полностью. Из остальных книг мы имеем лишь книги 21—45 и фрагменты, обзоры и оглавления («эпитомэ» и «периохэ») других.

Тит Ливий, как и его современник и соперник Дионисий, собственно тоже не историк, а ритор, занимавшийся преподавательской деятельностью в Риме, куда он переселился из своего родного города в Северной Италии — Патавии (Падуи). Длинными, искусно построенными речами действующих лиц изобилует и его история. Как и Дионисий, он принялся за составление обширного обобщающего исторического обзора потому, что у римского общества его времени, переживавшего болезненный переход к новому порядку империи, появилась глубокая потребность укрепить веру в свои силы путем обращения к прошлому. «Для меня будет счастьем, — пишет Ливий в предисловии к своему труду, — по мере сил послужить увековечению деяний первенствующего на всей земле народа». Вместе с тем он ставит своей целью указать на опасность начинающегося морального упадка — «как нравственность с постепенным падением гражданской дисциплины начала клониться к упадку... и мы дошли до настоящего положения, когда не можем выносить ни наших пороков, ни средств против них» (Ливий, Предисловие, 3—9). Таким образом, Ливий является в значительной степени историком-моралистом. Как Диодор и Дионисий, Ливий не обращался к первоисточникам: не изучал он, вероятно, даже и летописи понтификов. Он стремился лишь к художественному, увлекательному изложению сведений о прошлом, которые находил у прежних историков, разбираясь в исторической ценности используемых сочинений, повидимому, даже хуже Диодора; так, он сам признается, что обычно «следует за мнением большинства».

Но от своих товарищей и соперников по работе он выгодно отличается своим глубоким и искренним стремлением к правде. Кроме того, будучи первоклассным художником слова, он обладал высоким художественным чутьем и глубоким тактом писателя. Все это и позволяло ему у предшествующих ему анналистов лучше отличать истинное и достойное от вымыслов и лжи и сохранить в своем замечательном повествовании о старине наиболее достоверные элементы древней традиции, хотя и пользовался он для этого источниками менее ценными, чем Диодор и Дионисий, а именно — преимущественно сочинениями «младших анналистов» — Валерия Анциата, Лициния Макра и Туберона. Вместе с тем приходится, конечно, учитывать также патриотическую тенденциозность произведения Ливия и его способность, как художника, увлекаться красочными легендами, в достоверность которых он сам, повидимому, не всегда верил.

Такие весьма скудные и смутные материалы и сведения литературного характера имеются в распоряжении современной науки о древнейшем периоде истории Италии и Рима. Поэтому не приходится удивляться, что есть исследователи, подвергающие всю древнейшую традицию самой сокрушительной критике («гиперкритика») и считающие возможным достоверную историю Рима начинать лишь с III в. до н. э. Однако современные успехи археологии, лингвистики, этнологии и сравнительно-исторического изучения пережиточных явлений дают весьма ценный новый материал и позволяют теперь нашей науке считать возможным познание даже весьма отдаленного прошлого Рима.

Первым указал на это один из крупнейших представителей нашей русской науки об античности конца XIX и начала XX в. В. И. Модестов в своем «Введении в римскую историю» (2 части, 1902—1904 гг.), и его точка зрения, что археология и этнография открывают широкий путь к плодотворному изучению даже древнейших периодов и истории Италии и Рима, стала в настоящее время господствующей в науке.

§ 2. Источники истории Римской республики III—I вв. до н. э. и Империи. В значительно более благоприятном положении находится изучение истории более поздних периодов — времени расцвета и крушения римского республиканского строя и эпохи возникновения и расцвета Римской империи. В этот период Рим находился в тесном общении с греками, имевшими уже весьма развитую историографию. Под их влиянием складывается и достигает очень крупных успехов и римская историческая литература, отражающая близкие к ней по времени явления общественной и политической жизни; от этого времени сохранился и обильный документальный материал в виде многочисленных надписей, число которых благодаря успехам современной эпиграфики возрастает с каждым годом; наконец, уцелело, или открыто археологами, множество памятников, предметов материальной культуры и пр.

Геродот и Фукидид еще ничего не знают о римлянах, хотя первый уже рассказывает об этрусках и их поселении в Италии, а второй подробно описывает Сицилию в связи с рассказом о сицилийской экспедиции Алкивиада. Аристотель уже слышал о пожаре Рима, взятого галлами, и относит это событие к 387 г. Но серьезно интересоваться Римом и римлянами стали греки со времени начала их войн с римлянами, в результате которых и вся Греция оказалась в полной зависимости от Рима. Последнее и побудило Полибия (205—125 гг.), видного деятеля разгромленного римлянами Ахейского союза, написать свою замечательную «Всеобщую историю» в 40 книгах. Этот труд, по его собственным словам, ставил себе главной целью «уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал под единую власть римлян, притом всего в течение неполных пятидесяти лет» (I, 1). Опираясь на отличные греческие и римские источники (например, Фабия Пиктора), подражая Фукидиду в осторожном и критическом использовании их, в стремлении выявить основные причины событий и свести их в «прагматическую», собственно деловую, полезную для практической деятельности причинную связь, Полибий написал обширную историю всего Средиземноморья за время между 264—146 гг. до н. э., в которой истории римских завоеваний III—II вв. отводится основная и ведущая роль.

Попутно описываются политический строй Рима, римская армия, деятельность Сципионов, с которыми Полибий был в тесных дружеских отношениях, завязавшихся во время его 16-летней жизни в Риме в качестве заложника: делаются экскурсы в древнейшую историю Рима; цитируются чрезвычайно важные документы международного характера (например, текст первого договора римлян с карфагенянами). Несмотря на то, что Полибий в общем усвоил себе точку зрения на события тогдашней римской знати, сочинение его имеет чрезвычайную ценность, и приходится весьма сожалеть, что полностью сохранились только 5 первых его книг, а остальные 35 дошли до нас только в виде кратких и разрозненных отрывков.

Под влиянием греческой историографии и римская анналистика стала подниматься на более высокую ступень. Первым римским историком, который стал сознательно подражать Фукидиду и Полибию, был Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.). Горячий приверженец Цезаря, наместник Нумидии, награбивший здесь громадное состояние, Саллюстий прожил очень бурно свою жизнь. На склоне лет, отказавшись после убийства Цезаря от общественно-политической деятельности, он задался целью «описать деяния римского народа, поскольку они казались мне достойными памяти». Он начал с отдельных очерков особенно ярких событий близкого к нему времени, как «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» (написаны в 44—41 гг.). В этих произведениях он дает широкую картину разложения правящей аристократии и вышедшему из ее среды авантюристу — заговорщику Катилине — стремится противопоставить «истинно народного вождя» — Мария. Затем в третьем, более обширном своем труде — «Истории»

(5 книг) — он задался целью описать наиболее яркий период демократического движения в годы после смерти Суллы (с 78 г.). К сожалению, от этого наиболее значительного произведения Саллюстия дошли только отрывки (см. «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 229—316).

Особенностью произведений Саллюстия является то, что, стремясь по примеру Фукидида и Полибия поставить исторические события в причинную связь, он на первое место выдвигает причины психологические и сознательно драматизирует тем изображаемые им явления. Благодаря этому и утверждение великих греческих историков о поучительных свойствах исторической науки обращается у Саллюстия в открытое морализирование, на что сам он по собственным моральным качествам меньше всего имел права.

В это же время от греков к римлянам перешел и вкус к мемуарной и эпистолярной литературе, к составлению автобиографий и биографий выдающихся деятелей, к оживленной переписке с друзьями на политические и общественные темы; причем такие письма усердно переписывались получателями и распространялись в весьма широких кругах. Вся эта обширная литература до нас не дошла, но обильно использована в позднейших исторических трудах. Дошла до нас от нее лишь переписка Цицерона с его друзьями (в частности с Аттиком и Брутом) и знакомыми (среди них — с Помпеем и Цезарем), представляющая собой чрезвычайно ценный источник для суждения о событиях 60—40-х годов, в которых Цицерон принимал такое большое непосредственное участие и которые он весьма непринужденно и откровенно описывал своим друзьям под свежим впечатлением, используя иногда случайный досуг во время скучных прений в сенате. Многочисленные его речи, изданные им самим, тоже носят злободневный характер. К тому же типу мемуарной литературы принадлежат и «Записки о галльской войне», а затем и «Записки о гражданской войне» Г. Юлия Цезаря, продолженные его сотрудниками — Гиртием и другими («Африканская война», «Александрийская война», «Испанская война»). Дошли до нас и биографии многих деятелей римской истории (Аттика, Катона Младшего), написанные современником Цезаря Корнелием Непотом (умер около 32 г.), весьма в общем поверхностные. Все же, благодаря такой интенсивной литературной деятельности в последние десятилетия Римской республики, этот период римской истории известен нам лучше всех остальных, хотя от всего этого литературного богатства и сохранилось так мало. Особенно приходится сожалеть об исчезновении последних декад (десятикнижий) произведения Тита Ливия, который должен был изображать эти события как близкий их современник и даже наблюдатель (см. стр. 425—426).

В эпоху ранней Империи условия для дальнейшего развития исторической науки у римлян сложились весьма неблагоприятно. Азиний Поллион, человек очень влиятельный, должен был оставить свой труд неоконченным. Сочинения Лабиена были даже сожжены

по распоряжению сената, так же как и исторический труд Кремуция Корда, описавшего в эпоху императора Тиберия возникновение в Риме монархии в недоброжелательном к ней тоне. Кроме произведений Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского (см. стр. 424), написанных при Августе в официозном духе, от всего периода правления династии Юлиев — Клавдиев сохранился лишь небольшой исторический труд Веллея Патеркула «Римская история» в двух книгах: вторая книга изображает события до 30 г. н. э., в которых участвовал сам автор, офицер армии Тиберия, восхвалявший военные подвиги императора и, в противоположность общему мнению, благоприятно отзывавшийся и о самой его личности.

Лишь при Флавиях и Антонинах, в связи с укреплением императорского режима и вместе с тем его более благосклонным отношением к общественности, оживилось историческое творчество. Еврейский ученый И о с и ф, перешедший на сторону римлян и называвшийся, как императорский клиент и любимец, Флавием (род. в 37 г., умер, повидимому, при Домициане), написал на греческом языке ряд крупных исторических сочинений: «Иудейская война» (7 книг), «Иудейские древности» (20 книг), «Автобиография» и др.; в них много материала также по греческой и римской истории, в особенности времени Нерона, Веспасиана и Тита.

Но самым выдающимся историком (и, пожалуй, во всей римской историографии) является К о р н е л и й Т а ц и т (55—120 гг.). Ему принадлежат основные исторические труды, освещающие историю Римской империи до правления Флавиев: «Анналы [летопись] от смерти божественного Августа» в 16 книгах и «Истории», тоже в 16 книгах; последнее произведение написано раньше первого, хотя в нем рассказывается уже о гражданской войне 68—69 гг. и о правлении Флавиев. Эти произведения написаны при Траяне, в 105—117 гг.; раньше их, около 98 г., написаны Тацитом два небольших очерка: «Биография Агриколы», тестя Тацита, крупного полководца, одного из завоевателей Британии, и «Германия» (буквально «О происхождении, местожительстве и нравах германских народов»). Оба эти небольшие сочинения содержат множество ценнейших сведений о быте и общественном устройстве британцев, германцев, финнов и других народов Европы, в том числе и венедов, в которых видят древнейших славян.

Тацит происходил из всадинческой семьи, но сумел достигнуть высших рангов тогдашней служебной карьеры: был консулом в 97 г. и проконсулом Азии в 113 г. Поэтому он полностью примкнул к кругам тогдашней сенатской оппозиции, идеализировавшей древнюю Римскую республику и враждебной императорскому режиму, в особенности в той форме, какую он имел при императорах династии Юлиев — Клавдиев. Последний представитель старориманского патрицианского духа и образа мыслей [1] — назвал Тацита

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XV, стр. 606.

Энгельс. Поэтому всех первых императоров Тацит изображает дикими чудовищами, ненасытными кровопийцами и в то же время скорбит о том, что благодаря их террору настоящая стихия раболепства и лести развратила прежде столь независимое и гордое сенатское сословие. Поэтому же хотя он и поставил своей задачей изображать прошлое «без гнева и пристрастия» (sine ira et studio), в действительности его суждения отличаются крайним субъективизмом, и современная наука внесла много исправлений в его изображения. Но вместе с тем он умеет дать и широкие картины общего римского быта, роскошной и развратной жизни придворной аристократии, наглого засилия дельцов и проходимцев, тяжелого положения солдат, заброшенных на далекие окраины, и их восстания, римскую оборванную толпу на улицах, в театрах, во время зрелищ, грандиозный пожар Рима в 64 г. и т. д. Тацит выступает здесь как замечательный художник-бытописатель, не имеющий себе равных в античной историографии по широте и яркости красок своих исторических полотен.

К сожалению, и здесь вредно сказываются стремления к излишней психологизации, драматизации и морализации, что со времени Саллюстия стало традиционным в римской историографии. Они придают некоторую ходульность изображаемым Тацитом лицам, окрашивают изложение в риторический тон, отклоняют историка от изучения основных материальных причин, к чему стремились и Фукидид и Полибий. Сочинения Тацита дошли до нас тоже не полностью. От «Аннал» нехватает середины (книг 7—10, да и в 5, 6, 16-й книгах есть пропуски), от «Историй» дошли лишь первые 5 книг, причем последняя только частично. Следовательно, пропало более двух третей его произведений.

Почти одновременно с Тацитом писали два крупных историка-биографа: греческий — Плутарх и римский — Светоний; произведения их, в особенности Светония, являются и некоторым коррективом, а также дополнением к изображениям Тацита. Плутарх (45—125 гг.) — крупный греческий ученый из Херонеи (в Беотии), обладавший богатой личной библиотекой, отличавшийся большой начитанностью, был известен как выдающийся педагог, моралист и исследователь модных тогда проблем этики и религии. Но для своих многочисленных произведений на различные темы, преимущественно о морали (Moralia), он пользовался историческим материалом, и в этом особая ценность его произведений и для исторической науки. Особенно ценны его «Параллельные биографии» знаменитых людей греческого и римского мира, в которых он хотел показать влияние порока и добродетели на деятельность и судьбу изображаемых людей. «Мы пишем не историю, а биографии», — заявляет он сам. Плутарх часто увлекается мелочами из личной жизни описываемых персонажей, впадает в анекдотичность. Но так как он часто приводит и важные сведения из утраченной для нас литературы, притом обычно указывая и свой источник, то биографии его часто имеют очень большое историческое значение.

Большинство из дошедших до нас его римских биографий посвящено республиканским деятелям (Камилл, Фабий Максим, Фламинин,

Гракхи, Марий, Сулла, Помпей, Красс, Цезарь, Цицерон), но были и биографии императоров, из которых дошли, правда, только биографии Гальбы и Отона. В Риме, куда Плутарх неоднократно приезжал, он пользовался большим почетом и уважением и даже возведен был в сан консуляра, так как римское правительство видело в нем выдающегося представителя высших провинциальных рабовладельческих кругов, примирившихся с властью Рима и преклонявшихся перед силой римской государственности.

Гай Светоний Транквилл (75—160 гг.) тоже, в противоположность Тациту, принадлежал к людям, довольным своим временем. Он вышел из военно-чиновничьей среды (дед его был дворцовым служителем, отец — трибуном легиона) и путем протекции и фавора получил при дворе императора Адриана видную должность секретаря императорской канцелярии. Используя доступные ему по должности секретные архивы императорского двора, Светоний написал «Жизнеописание 12 цезарей» — первых императоров от Юлия Цезаря до Домициана. Использовал он также много различных мемуаров, рассказов старых придворных служителей, городские толки и пр., благодаря чему его биографии насыщены чрезвычайно обильным и ценным материалом по истории императорского двора I в. н. э. Однако в произведении Светония уже нет широких исторических концепций Тацита, — преобладает аполитизм, интерес к анекдоту, к бытовым деталям из личной жизни императоров. Самый императорский режим Светоний приветствует и ожидает от него «наступления счастливого и радостного века»: необходимо лишь, чтобы принцепсы отличались таким же бескорыстием и умеренностью, как правители, следовавшие за временем Домициана («Домициан», 23).

В «Биографиях» Светония ярко сказывалась тенденция к сплочению, к примирению императорского строя с слоями старой сенатской аристократии, которая особенно проявилась во времена Нервы, старавшегося, как выразился Тацит, «соединить несоединимые вещи — единовластие и свободу» (Тацит, Агрикола, 3). Все же, как ни поверхностна концепция Светония, она отражает настроения иных, чем Тацит, слоев римского общества и позволяет внести некоторый корректив к его односторонним изображениям событий I в.

Точку зрения оживавших при Антонинах деловых и образованных провинциальных кругов отразил Аппиан, грек из Александрии, живший при Траяне, Адриане и Антонине Пие. Он сделал большую чиновничью карьеру — был адвокатом императорского фиска, затем прокуратором и потому, естественно, к римскому императорскому строю был настроен весьма благожелательно. Он предпринял большой труд — написал для провинциального общества на греческом языке популярную «Римскую историю» от эпохи царей до времени Траяна (в 24 книгах), в которой рассказал просто и сжато всю историю образования Римской державы.

Рассказ его построен очень сложно: изложив в первых трех книгах историю возникновения Рима и завоевание им Италии, он изображает завоевание Римом и включение в Римскую державу отдельных провинций, посвя-

щая каждой из них по отдельной книге, например, особые книги по истории Кельтики, Сицилии, Иберии, Ливии, Македонии, Сирии, Египта, Дакии, Аравии. Такое раздельное рассмотрение событий по провинциям должно было соответствовать местным интересам жителей каждой из них. Но все же некоторые книги невольно пришлось посвятить событиям общего характера, затрагивавшим и сам Рим, и всю его державу, — таковы книги о войне с Ганнибалом (VII книга), о войне с Митридатом (XII книга), особенно интересны целые пять книг о гражданских войнах от времени Гракхов до второго триумвирата (книги XIII—XVII).

Естественно, такое широкое описание не могло быть особенно глубоким; Аппиан не изучал документальных источников, а пользовался извлечениями из различных сочинений, иногда даже уже в сокращенных изданиях (Полибием, Саллюстием и Ливием). Отсюда у него множество ошибок в именах, датах, в последовательности событий и пр. Но все же его сочинение, в особенности пять книг о гражданских войнах, имеют для нас очень большую ценность. Во-первых, Аппиан делал часто извлечения из сочинений, не дошедших до нас, как, например, из «Истории» Азиния Поллиона, мемуаров Августа и др. А главное, как выразился Энгельс, «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за землевладения» [1], что подтвердил и Маркс, заметив, что Аппиан «...старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн» [2]. В этом отношении труд Аппиана, свободный от морализаторских и риторических тенденций других римских историков, производит очень выгодное впечатление.

Большую «Римскую историю» на греческом языке в 80 книгах написал Дион Кассий (155—235 гг.), грек по происхождению, римский сенатор и консуляр, проконсул Африки и легат Далмации при Северах. Он начал свой труд с Энея и довел его до своего времени (до 229 г.). Сохранились полностью книги 36—60, рассказывающие о событиях с 68 г. до н. э. до времени императора Клавдия — по 45 г. н. э. Остальные книги дошли лишь в отрывках и позднейших сокращениях. Дион Кассий старался подражать Фукидиду и Полибию, но он уже очень далек от реализма великих историков классического периода. Он глубоко верит во все сверхъестественное, подробно описывает всякие таинственные предзнаменования и чудесные явления, не стремится поставить события в причинную связь, но везде видит предопределение свыше и веления рока. Главное место в его обширном произведении отводится описанию войн и придворных событий; народные же массы выступают лишь при изображении различных мятежей, как неразумная и подлежащая усмирению темная сила. Однако он старается быть добросовестным в отношении передачи фактов и усердно проверяет свои источники.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 673.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

«Все до сих пор изложенное я описывал после полного обследования всех обстоятельств, — пишет он, рассказывая об убийстве императора Элагабала и его матери, — за следующее же я не могу поручиться, так как долго не был в Риме» (80, 1). Несмотря на свою принадлежность к сенатской знати, он уже далек от прежней оппозиции императорскому режиму: он мечтает лишь о совещательной роли сената, о мирных и мягких правителях типа Александра Севера, который, по его мнению, является идеальным императором, так как с уважением относится к сенатскому сословию. Его «Римская история», даже в том отрывочном состоянии, как она до нас дошла, все же является за отсутствием других очень важным источником для истории конца Республики и Империи.

Последним крупным римским историком был Аммиан Марцеллин (330—400 гг.), современник Юлиана и Феодосия, т. е. времени уже глубокого упадка римской культуры. Грек по происхождению (из Антиохии), военный по профессии, он был участником многих походов императора Юлиана. Немало видел он также во время своих многочисленных путешествий. На склоне лет, около 390 г., он написал значительный исторический труд под названием «История в 31 книге», желая в нем продолжить «Истории» Тацита, которыми был очень увлечен. Он писал на чужом ему латинском языке, как бы переводя свои мысли с греческого, и слог его крайне темен и неясен, притом еще запутан витиеватыми риторическими отступлениями. Но он обладал большой наблюдательностью и умением изображать как боевые сцены, участником которых он многократно бывал, так и быт и нравы многих народов, с которыми встречался. Умело пользовался он и историческими источниками, объединяя их показания в яркие картины и меткие характеристики действующих лиц (например, императоров Констанция и Юлиана). Он старается не увлекаться и быть правдивым, считая, что и умолчание есть не меньший обман, чем искажение: «Историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не бывшее» (XXIX, 1, 5). Поэтому и в своем любимце Юлиане он не скрывает темных сторон (например, его религиозную нетерпимость). Вместе с тем он старается найти положительные черты у его противника Констанция. Задачу истории он видит не в простом перечислении фактов, а в их группировке вокруг больших и важных событий и явлений общей жизни. Особенно подробно описывает он ближайшее к нему время и дошедшие до нас его 18 книг (с 14 по 31) сообщают о событиях всего 25 лет — с 353 по 378 г., тогда как 13 пропавших рассказывали о времени, начиная с правления императора Нервы по время Юлиана, т. е. не менее 250 лет.

Другие исторические произведения эпохи Римской империи не представляют большой ценности, но ими приходится пользоваться за отсутствием иных, более важных. К таким принадлежит «История императоров после Марка Аврелия» (до 238 г.) жившего в Риме александрийского грека Геродиана (170—241 гг.). Это один из немногих источников о времени Северов.

В IV в. по поручению императора Валента Евтропий составил «Краткую историю от основания города Рима» в 10 книгах, нечто среднее

между популярным очерком и учебником. Изложение написано четким и ясным языком и доведено до времени императора Иовиана, но крайне бедно содержанием. Имеет некоторое значение сборник популярных биографий императоров от Адриана до Нумериана, написанный шестью авторами (Scriptores Historiae Augustae) при Диоклетиане и Константине в подражание биографиям Светония. Дошел он до нас лишь в переработке V в., с множеством вставок, вымышленных событий и поддельных документов, — источник крайне ненадежный, но единственный для некоторых периодов темного III в. Крупному чиновнику императоров Юлиана и Феодосия Аврелию Виктору приписывается составленный около 360 г. сборник кратких биографий императоров до Константина под общим названием «О цезарях».

Наконец, для истории Римской империи имеют значение произведения христианских писателей. Крупный церковный ученый, один из главных деятелей Никейского собора Евсевий Памфил Кесарийский (263—340 гг.) написал первую общую «Церковную историю», используя не только различные христианские предания и произведения церковных писателей, но и государственные архивы; к ним он имел доступ благодаря императору Константину, с которым находился в дружественных отношениях и которому написал два панегирика. Его церковная история поэтому содержит много ценных сведений и по гражданской истории, в особенности относительно событий III в. (она доведена до 324 г.). Евсевию же принадлежит и другое историческое произведение «Хроника» — своеобразная всеобщая история от «сотворения мира» до времени Константина, конечно, в христианском аспекте. В V в. (в 417 г.) священник Павел Орозий, родом из Испании, написал другую, в христианском духе составленную «Всемирную историю» от Адама до 410 г. н. э. («История в 7 книгах против язычников»), в которой старался доказать, что языческое время представляло собой эпоху беспрерывных кровавых войн и смут, а вместе с христианством будто бы наступает мирное «царство божие». Для своего сочинения он использовал много не дошедших до нас латинских исторических произведений (греческие ему были недоступны), и потому в нем можно найти иногда и ценный исторический материал, например, по истории восстания рабов в Сицилии, о Спартаке и пр. В том же духе написано было и сочинение епископа Августина — «О государстве божьем» (тоже в начале V в.), которое Орозий даже сделал своим образцом.

Чем беднее, по мере падения римской культуры, становятся данные римской историографии, тем большее значение для исследования явлений римской истории вновь приобретают материалы вспомогательных исторических наук — археологии, эпиграфики, папирологии и нумизматики.

Археологические памятники от эпохи Римской империи сохранились в громадном количестве на самой поверхности земли, и еще большее количество их добывается благодаря все расширяющимся раскопкам археологов. Например, первоклассными историческими свидетельствами являются превосходные рельефы колонн Траяна и Марка Аврелия, изображающие с удивитель-

ной полнотой и реальностью походы этих императоров, триумфальные арки Тита и Константина, «Черные ворота» Трира, развалины римских акведуков, амфитеатров, древние римские храмы, переделанные в христианские церкви (например, Пантеон), римские катакомбы, тянущиеся на целые 500 *км*, с многочисленными гробницами, стенными фресками и рельефами и пр. Еще более интересный материал по истории римской культуры, хозяйства и быта открывается благодаря раскопкам; так, открыты дворец императрицы Ливии в Риме, вилла Адриана в Тибуре, целые римские города: знаменитые Помпеи, затем Ламбесис и Тимгад в Африке, Дура-Европос на Евфрате, множество сооружений римского пограничного «лимеса» — «кастеллов», заградительных валов, стратегических дорог и пр., не говоря уже о бесчисленных предметах вооружения, домашнего обихода, украшениях, надгробных плитах и т. д.

Не меньшее, а может быть, еще большее значение имеют бесчисленные н а д п и с и. Наиболее ранние из них относятся еще к царской эпохе — надписи на «черном камне», найденном на древнейшем форуме, на вазе Дуэнос, на фибуле из Пренесте (см. стр. 459), но они еще крайне редки. С III в. до н. э. появляются первые надгробия, например, надписи на гробницах Сципионов, с II в. до н. э. — декреты и законы («закон Тория» 111 г. до н. э.). С I в. их число все более возрастает, и они уже образуют колоссальный каменный архив, отражающий все явления государственной, социально-экономической и частной жизни. Среди них такие первоклассные памятники, как Анкирская надпись («Деяния божественного Августа»), лионская речь Клавдия, Велейская алиментарная таблица времени Траяна, речь Адриана к солдатам в Ламбесисе, Бурунитанская надпись колонов императорского имения в Африке, указ Диоклетиана о ценах и пр., не говоря уже о громадном количестве надписей почетных, посвятительных, отпускных (дипломы солдат), мемориальных, надгробных и т. д. «Свод латинских надписей» (Corpus Inscriptionum Latinarum), выходящий вторым изданием с 1893 г., состоит из 16 больших томов с множеством приложений, в которых печатаются надписи, вновь открываемые. Надписи, найденные на территории нашего северного Причерноморья, изданы В. В. Латышевым с переводом наиболее из них важных (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, I—IV).

В последние десятилетия очень ценный материал для истории Рима стало давать изучение п а п и р у с о в (папирология), открытых и открываемых на территории преимущественно Египта. На папирусах удалось найти, например, текст эдикта Каракаллы 212 г. о предоставлении прав гражданства жителям провинций, ряд материалов по финансовому управлению Египта в римское время, но главное — множество хозяйственных и бытовых документов, счетов, деловых писем и контрактов, даже письменных упражнений школьников. Можно надеяться, что со временем будут открыты и

некоторые утраченные исторические произведения: уже найден, например, новый обзор содержания некоторых книг Тита Ливия.

Большое значение как исторический источник имеют и м о н е т ы: на них можно найти не только портреты всех императоров, но и изображения знаменитых сооружений и зданий. Чеканились они также в ознаменование важных событий, в честь прославившихся в каком-либо бою легионов и т. д. Надписи («легенды») на них иногда носят программный характер: например, после самоубийства Нерона император Гальба чеканил монеты с надписями «Свобода римского народа», «Возрождающийся Рим» и пр. Вес монет, количество содержащегося в них драгоценного металла и пр. дают возможность судить об изменениях в области государственного хозяйства.

Историография. Изучение истории Рима началось уже в эпоху Возрождения, когда, по выражению Энгельса, «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья»[1]. Идеологи нарождавшегося буржуазного общества — гуманисты — искали прообразов наступавшего господства буржуазии и с особым интересом обратились к изучению истории древнего Римского государства и права. В XVII—XVIII вв. в связи с установлением в Европе абсолютизма особое внимание ученых обращалось на изучение политической истории Римской империи: к этому времени относятся два первых обширных труда по этому периоду — французского аббата Тиллемона («История римской империи» в 6 томах) и англичанина Гиббона («История упадка и разрушения Римской империи» в 7 томах; есть русский перевод, вышедший в 1883—1886 гг.). Последнее сочинение, появившееся накануне французской буржуазной революции, испытало на себе значительное влияние «просвещения» XVIII в., в особенности Монтескье, который тоже написал «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян». Однако оно представляет собой, по существу, как и сочинение Тиллемона, простой подробный пересказ сообщений древних авторов, к которым Гиббон относится с наивным доверием и не пытается даже подвергнуть их какой-либо критике.

Но уже в XVIII в., в связи с все более обострявшейся борьбой восходившей к власти буржуазии против феодализма, католицизма и вообще «старого порядка», стало складываться в историографии и новое к р и т и ч е с к о е отношение к древней традиции. Итальянец Вико доказывал в своем сочинении «Начала новой науки» (1724 г.), что римляне в начале своей исторической жизни переживали, как и другие народы, «религиозный» и «героический» периоды, и потому их предания до III в. представляют собой лишь мифы и поэтические вымыслы. Француз Бофор написал в 1738 г. целую «Диссертацию о недостоверности первых 5 веков римской истории», в которой старался показать, что вся древнейшая римская история является сплошным вымыслом честолюбивой римской знати и заискивавших перед ней «риторов». Это критическое направление в историографии, помогая буржуазии оттачивать свою мысль в критике пережитков одряхлевшего феодального строя, в то же время способствовало выработке научного критического метода исторической науки.

Впервые успешно приложил этот новый критический метод не только для разрушения старых наивных представлений о римской старине, но и для реконструкции действительного прошлого римского народа Георг Нибур (1776—1831 гг.), видный государственный деятель эпохи реформ в Пруссии, затем профессор Берлинского и Боннского университетов. Его курс «Римская история», вышедший между 1811 и 1832 гг. в 3 томах, положил основу нового

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 52.

изучения истории древнего Рима. Нибур сделал попытку вскрыть источники древнейшей римской традиции, усматривая их в существовании пережитков исторического эпоса у римлян и в раннем появлении римских летописей (аннал). Основываясь на этих предположениях и подвергнув тщательному анализу римскую традицию, Нибур указал путь к более осторожному отношению к римским преданиям и возможности выделить из них некоторые элементы достоверного. Так, он первый указал на существование у римлян на заре их истории родовой организации, что отметил как большую его заслугу Энгельс: «Первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур...»[1].

В 1854—1856 гг. вышла знаменитая «Римская история» Теодора Моммзена в 3 томах. Она составила целую эпоху в изучении истории Рима и была переведена немедленно на все европейские языки (на русском языке имеются три ее издания: 1858 г.—перевод С. Д. Шестакова, 1885—1887 гг.—перевод В. Н. Неведомского и А. Веселовского, 1936—1941 гг. — издание Соцэкгиза). Моммзен был не только крупнейший ученый (ему принадлежит около 1500 научных работ, среди них особую ценность и значение имеют его монументальный труд «Римское государственное право», «Исследования по истории Рима», издание в 20 томах «Свода римских надписей» и др.), но и весьма активным политическим деятелем буржуазного «прогрессивного» направления: многократно он состоял членом прусского ландтага и германского парламента и страстно отстаивал основные чаяния подымавшейся немецкой крупной буржуазии второй половины XIX в., идею «объединения Германии» и ее господства над другими народами. «Римская история» Моммзена и была поэтому, по выражению современного советского историка С. И. Ковалева, «грандиозным политическим манифестом германской буржуазии 50-х годов XIX века». Вся история Рима, изображенная Моммзеном чрезвычайно красочно и детально, сводится им, по существу, совсем в духе политических идеалов германской буржуазии, прежде всего к «благодетельному» будто бы для разрозненной прежде Италии «объединению» ее Римом, в котором произошло к этому времени «примирение» боровшихся до того сословий патрициев и плебеев; это же привело к грандиозной победе Рима над всеми пришедшими в упадок или неспособными к развитию средиземноморскими народами, к образованию великой Римской державы и торжеству римской цивилизации во всем тогдашнем мире (причем Карфаген прямо называется «Лондоном древнего мира», а его государство уподобляется Британской империи). Но так как «тупоголовая» римская аристократия (ее Моммзен часто уподобляет прусскому юнкерству) неспособна была справиться с задачами все более усложнявшегося управления, а непрестанные мятежи «бессмысленной черни» (так Моммзен постоянно называет низы римского народа) могли привести Римское государство к «анархии», то единственным выходом было основание «военной монархии», которую и создал гениальный Цезарь. «Цезарь был с самой ранней молодости государственным деятелем, и цель его была самая высокая из всех, к которым человеку дано стремиться». «Властелин по природе, он управлял умами, как ветер гонит тучи, и заставлял самые разнородные натуры подчиняться своей воле». «Цезарь именно потому был цельным человеком, что он более, чем кто-либо, занял место в центре современных ему движений и с беспримерной полнотой совмещал в себе отличительную особенность римского народа — реальную, как бы буржуазную деловитость»[2]. В общем крайний буржуазный субъективизм, морализующие тенденции и модернизация в смысле перенесения в прошлое политических форм и идеалов современного буржуазного общества характеризуют весь обширный труд Моммзена. Экономические явления мало привлекают внимание историка, роль рабов совершенно игнорируется, а восстания их трактуются, как малозначащие мятежи: Спартак — всего лишь «великий разбойничий атаман». «Римская история» Моммзена поэтому сохранила в настоящее время значение лишь в связи с собранным в ней громад-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 176, прим. 1.

[2] Моммзен, Римская история, т. III, 1941, стр. 381—385.

ным фактическим материалом, все же построение ее уже не выдерживает никакой критики.

Работы русских историков первой половины XIX в. хотя и не отличались такой широтой и посвящены были отдельным проблемам римской истории, но не страдали и такой односторонностью: в них отражалось время борьбы в России за освобождение крестьян и потому преобладал интерес к угнетенным слоям населения Римского государства. Профессор Московского университета Д. Л. Крюков (умер в 1845 г.) изучал вопросы, связанные с положением плебеев в древнем Риме; П. Н. Кудрявцев написал до сих пор очень популярное произведение «Римские женщины, сцены по Тациту»; С. В. Ешевский стал впервые изучать историю жестоко эксплуатируемых римских провинций и их отношений к центру Римской державы. В связи с этим ему же принадлежит очень солидный научный труд «Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века» (1855 г.). Хотя, как известно, дореформенное время в России было весьма неблагоприятно для развития науки, русская историческая мысль уже шла своим самостоятельным путем.

Для построения подлинно научной истории Рима, как и других разделов истории, решающее значение имел выход в свет трудов К. Маркса и Ф. Энгельса (в особенности «Капитала» Маркса и книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Значение Маркса в исторической науке прекрасно охарактеризовал Энгельс в своей речи над могилой Маркса 17 марта 1883 г.: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»[1]. Маркс же ввел в историческую науку понятие общественно-экономических формаций «...как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[2]. Энгельс дал замечательный анализ римского рода и вскрыл процесс возникновения государства в Риме («Происхождение семьи, частной собственности и государства», гл. VI — «Род и государство в Риме»), а также установил социальные условия и причины возникновения и распространения христианства («Бруно Бауэр и раннее христианство», «К истории раннего христианства»).

Как ни старалась буржуазная историческая «наука» сперва замалчивать, затем искажать и «опровергать» созданное Марксом и Энгельсом учение (исторический материализм), все более обострявшийся кризис капитализма принудил и ее все больше и больше обращать внимание на экономические явления и социальные отношения в истории древнего Рима, так же как и в других разделах истории. Появился ряд работ, посвященных исследованию экономической истории Рима (например, Макса Вебера «Аграрная история Рима», 1891). Моммзен в 1885 г. издал дополнительный пятый том своей «Истории Рима» (новый русский перевод 1949 г.), написанный совсем в ином плане, чем первые три тома: он содержит в себе, преимущественно на основании надписей, очень детальное описание экономического быта и административного устройства римских провинций в период империи. Г. Сальвиоли написал даже книгу «Капитализм в античном мире» (1906 г.; есть русский перевод 1923 г.). Другой итальянский ученый Г. Ферреро в своем большом

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 157.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4-е, стр. 124—125.

труде «Величие и падение Рима» (вышел в 1904 г.; русский перевод 1914—1923 гг. в 5 частях) много места уделяет хозяйственным и социальным явлениям римской истории II—I вв. до н. э. Но никто из этих авторов, продолжавших, даже еще более, чем Моммзен, модернизировать античную историю, не был сколько-нибудь склонен признать рабовладельческий характер римского общества. Напротив, следуя обычно взгляду Эд. Мейера («Рабство в древности» и «Экономическое развитие древнего мира»; есть русские переводы — 1923 г. и др.), они считают, что количество рабов в древности преувеличено и что вообще нет никакой особой разницы между рабским и наемным трудом, отвергая тем концепцию Маркса. Следуют они обычно и реакционной теории «циклизма», особенно яркое выражение нашедшей в трудах того же Эд. Мейера, также Р. Пельмана и К. Ю. Белоха, признающей капитализм высшей ступенью социально-экономического развития. По существу все это являлось лишь выражением растущего страха буржуазии перед все более усиливавшимся революционным движением пролетариата.

Русская историческая наука и в это время продолжала идти своим самостоятельным путем и сохраняла свой более прогрессивный характер по сравнению с западной историографией. Профессор Петербургского университета И. М. Гревс, уволенный в 1899 г. царским правительством «за неблагонадежность», но через три года восстановленный по требованию общественности, издал очень ценные «Очерки по истории римского землевладения» (1899 г.), описав в них типичные для времени Августа имения Горация и Помпония Аттика. Другой профессор того же университета, еще больше подвергавшийся правительственным репрессиям, В. И. Модестов, написал замечательное, не утратившее до сих пор значения «Введение в римскую историю» (части 1 и 2,1902—1904 гг.). Первым во всей мировой науке В.И.Модестов указал на необходимость при изучении древнейших периодов в истории Италии и Рима использовать обильно накопившийся археологический материал и положил начало новому направлению в римской истории, тесно увязывающему исторические источники с данными различных вспомогательных наук (археологии, эпиграфики, нумизматики и пр.). В. И. Модестов написал также пространную «Историю римской литературы», в которой впервые явления литературного характера ставились в тесную связь с общей социальной и политической историей Рима. Тогда же проф. Э. Д. Гримм написал «Исследования по истории римской императорской власти» (2тома—в 1900 и 1902 гг.), а проф. И. В. Нетушил — «Обзор Римской истории» и «Очерк римских государственных древностей» (выпуски 1—3, 1894—1902 гг.). Профессора Московского университета Р. Ю. Виппер и Д. М. Петрушевский внесли ценный вклад в изучение истории Римской империи. В «Очерках истории римской империи» (1908 г.; изд. 2-е в 1923 г.) Р Ю. Виппера, вышедших вскоре после революции 1905 г., дано прекрасное изображение экономических изменений и острой социальной борьбы, которые привели к крушению римского республиканского режима и возникновению принципата Августа. Автор стоит на позициях, близких к историческому материализму, и если отчасти и модернизирует прошлое, употребляя термины «римские магнаты», «капиталисты» и пр., то в совершенно обратном западным реакционным модернизаторам смысле, привлекая такие аналогии, несомненно, неудачно для разоблачения капитализма, а не реабилитации его господства. Книга эта до сих пор сохраняет свое большое научное значение и рекомендуется в программах наших вузов как полезное пособие. Д. М. Петрушевский в своих «Очерках по истории средневекового общества и государства» (1907 г.; изд. 5-е—1922 г.) дает подробную социально-экономическую историю Римской империи, преимущественно в период ее разложения, особенно подробно останавливаясь на хозяйственной эволюции, на возникновении колоната, на закрепощении сословий и т. д. Хотя все эти русские ученые конца XIX и начала XX в. не были марксистами, и не восприняли марксистское учение о социально-экономических формациях, в своих научных трудах все же в трактовке ряда вопросов они стояли на позициях экономического материализма. Это ставило их научные труды значительно выше научной продукции западноевропейских буржуазных ученых, стоявших на пози-

циях откровенного идеализма (махистов, неокантианцев, риккертианцев и пр.).

Замечательные труды В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», «О государстве» и другие и И. В. Сталина «Анархизм или социализм», «Марксизм и национальный вопрос», а в особенности «О диалектическом и историческом материализме» и «Марксизм и вопросы языкознания» дали советским историкам ясные и точные установки в отношении марксистского понимания характера античного общественного строя как рабовладельческого, роли и значения восстания рабов, функций государства и т. д. Товарищ Сталин указал также, что историческая наука «...должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»[1]. Точно так же И. В. Сталин с особой силой подчеркнул значение в истории явлений так называемой «надстройки»: «Надстройка порождается базисом, но..., появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»[2].

Благодаря трудам И. В. Сталина советская историческая наука неизмеримо обогатила и отшлифовала свое методологическое оружие, а также ответила на ряд сложнейших и кардинальнейших вопросов римской истории.

Своей основной задачей советские историки поставили выполнить завет Энгельса: «Всю историю надо начать изучать заново»[3], и в этом отношении за 34 года сделано ими и в области изучения истории древнего Рима очень много. Уже в начале 1920-х годов вышел в свет труд академика С. А. Жебелева «Древний Рим» (ч. 1, 1922 г.; ч. 2, 1923 г.), хотя и краткий по изложению событий, но с весьма ценными замечаниями по вопросам источниковедения и историографии. Несколько позднее появилось замечательное исследование С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (Известия ГАИМК, 1933), открывшее собой целый ряд работ по истории восстания рабов в древности, на которые мало внимания обращала буржуазная наука. В 1936 г. появилась обширная работа проф. А. В. Мишулина «Спартаковское восстание», в которой впервые с исчерпывающей полнотой исследуется это мощное движение рабов в древности. В 1937 г. основан был «Вестник древней истории», в котором стало появляться множество статей советских ученых, посвященных вопросам истории Рима, а также печатаются переводы произведений древних авторов, касающиеся древней греческой и римской истории. В 1938 г. проф. В. С. Сергеев напечатал в двух томах свои «Очерки по истории древнего Рима» (ч. 1 — Республика, ч. 2 — Империя), являющиеся первым на русском языке научным трудом, в живом и доступном для широких масс читателей изложении, изображающем подробно и методологически правильно всю историю древнего Рима вплоть до падения Западной Римской империи. Великая Отечественная война, естественно, должна была вызвать некоторую задержку в появлении в свет дальнейших исследований советских ученых, посвященных истории античной древности. Но зато в конце 1940-х годов появились новые, очень крупные произведения по истории древнего Рима. Профессор Московского университета Н. А. Машкин издал свою «Историю Рима» (1-е изд. 1947 г., 2-е, значительно пополненное, в 1949 г.), которая стала основным учебным пособием для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Профессор Ленинградского университета С. И. Ковалев почти одновременно издал свою не менее обширную и основательную «Историю Рима» (1948 г.). Каждый из этих трудов снабжен подробным библиографическим указателем. Следует также указать на две очень большого научного значения работы, вышедшие позднее, в 1949 г.: это — обширная монография

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр 552.

[2] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 466.

Н. А. Машкина «Принципат Августа»[1], которая исследует социально-экономические корни и основы возникновения Римской империи, причем вскрывает особое значение и роль в этом процессе развивающегося движения рабов, и книга А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи в I—III веках», посвященная изучению, на основании новых эпиграфических, археологических и нумизматических материалов, социально-экономического быта восточных римских провинций, занимавших особо важное место в системе Римской империи.

Характерно, что в эти же три последние десятилетия в западной буржуазной историографии наблюдается глубокий упадок и застой. Эмигрировавший в Америку петербургский профессор М. И. Ростовцев в своей обширной «Социальной и экономической истории Римской империи» (вышла на английском языке в 1926 г., затем переведена на итальянский и немецкий языки), проникнутой реакционным модернизмом и восхвалением «буржуазии Рима, италийских и провинциальных городов», тенденциозно изображает народные движения, как «разрушающую культуру» силу. В Германии и Италии в период господства фашизма работы по истории Рима превратились в откровенную пропаганду расизма и агрессии, сопровождающуюся идеализацией таких «усмирителей» и «восстановителей порядка», как кровавый диктатор Сулла. Эти идеи нашли себе значительное отражение и в сочинениях по истории Рима французских, английских и американских ученых. Так, один из наиболее крупных французских историков Ж. Каркопино (министр в правительстве Петена) в своем труде о Сулле осуждает его только за то, что он добровольно отказался от диктатуры и «упустил возможность создать монархию в Риме», в другой же своей работе о Цезаре он всемерно превозносит последнего. Каркопино, так же как и открытый итальянский фашист Паис, являются сотрудниками монументальной французской «Всеобщей истории» под ред. Г. Глотца, в которой ими написаны почти все отделы истории Римской республики (1926—1936 гг.). Одновременно в Англии выходила столь же объемистая «Кэмбриджская древняя история», шесть томов которой отведены истории Рима (VII—XII, 1928—1939 гг.). Она представляет собой, по существу, лишь сборник статей многочисленных авторов, весьма различающихся по своим научным взглядам и методам, и потому лишенный единой концепции. Такие издания могут иметь лишь значение справочников, так как снабжаются обильным аппаратом разных указателей источников, литературы, иллюстраций и пр. В этом отношении сохраняет свое значение и последнее издание (еще незаконченное) многотомного немецкого справочника под ред. Паули-Виссова-Кроля «Реальная энциклопедия наук о классической древности» (выходит с 1894 г.), ввиду специального своего справочного характера.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РИМЕ

ГЛАВА XL

ДРЕВНЯЯ ИТАЛИЯ

§ 1. Апеннинский полуостров; его географические особенности. Уже древние писатели ясно себе представляли географические особенности Апеннинского полуострова. Так, Страбон («География», IV, 4, 1) совершенно верно заметил, что «Италия, наподобие острова, окружена, как верною оградою, м о р я м и, за исключением только

[1] Этот труд Н. А. Машкина в 1951 г. удостоен Сталинской премии.

немногих частей, которые, в свою очередь, защищены трудно проходимыми горами» (т. е. Альпами на севере). Действительно, три моря — Адриатическое, Ионийское и Тирренское — окружают с трех сторон Апеннинский полуостров, и морская граница его (6700 *км*) в одиннадцать раз длиной своей превышает границу сухопутную (около 650 *км*). Но море являлось не только оградой от чужеземных нашествий. Море древние греки правильно называли «понтом», т. е. «путём», и открытые во все стороны морские пути уже в очень древнее время втянули народы Апеннинского полуострова в живые общения с другими приморскими народами, достигшими в некоторых случаях уже значительного культурного развития (например, с народами эгейской культуры). Отчасти этим можно объяснить, что древние италики, подобно их соседям-грекам, рано поднялись из первобытного состояния на более высокие ступени культурного развития.

Второй особенностью Италии является ее благоприятный климат: «Она расположена между двумя крайностями — холодом и жаром», — как выразился тот же Страбон. По климату это одна из наиболее благодатных частей Европы. Средняя температура зимы в Италии колеблется между +6° С (январь в Риме) и +11° С (в Сицилии), почему круглый год скот пасется на подножном корму; в феврале с цветением миндаля начинается и полная весна. В древности, хотя климат и был несколько суровее благодаря обильным дубовым и буковым лесам и громадному количеству топких болот, все же растительность долин напоминала флору Кавказского побережья. Уже в древнейшие времена италиками культивировались, кроме зерновых культур (ячмень, полба, просо и пр.), также абрикосы, каштаны, миндаль и тутовые деревья; позднее появились оливка, виноград, финиковая пальма, гранатное дерево («пуническое яблоко») и т. д.

Этот теплый климат отразился на многих сторонах быта древних италиков. Так, с ним связан покрой древней италийской одежды, состоявшей всего из коротких штанов — «сублигар», шерстяной рубахи — «туники» и широкого плаща — «тоги» (у женщин — «столы»). Тога носилась, однако, только при выходах из дома, на случай частой смены дневной жары весьма резкой ночной прохладой. Италики усвоили себе также и южную форму дома, весьма схожую с греческой и восточной. Главной частью его был внутренний дворик («атриум»), соответствовавший греческой «ауле», куда непосредственно попадали снаружи через сени («вестибул»). Потолок над атриумом в середине был открыт, и в это отверстие вверху («комплувиум») свободно проникала дождевая вода, которая скапливалась в бассейне, устроенном в середине пола («имплувиум»). Атриум был главным жилым помещением италийского дома, в котором весь день проводила семья. По бокам атриума были устроены темные каморки-спальни («кубикулы», «дормитории»), а в задней стороне, против входа — открытая веранда в сад, служившая столовой («таблинум»). В этих формах

быта много общего с подобными же бытовыми явлениями древней Греции, вызывавшимися почти одинаковыми климатическими условиями и благоприятствовавшими заимствованиям.

Но есть в географической структуре этих соседних стран и ряд явлений, весьма отличных. Во-первых, значительно большие р а з м е р ы италийской территории и в связи с этим значительно большая численность ее населения по сравнению, например, с древней Грецией. Италия была, по крайней мере, в пять раз больше Греции, имела 300 тыс. *кв. км* площади и к началу новой эры не менее 15 млн. населения (40% современного). Отсюда значительно большая монументальность всех наблюдаемых здесь явлений и процессов, их сложность, длительность, их более широкий размах.

Второе своеобразие Апеннинского полуострова по сравнению с Балканским — это значительно большая собранность, к о м п а к т н о с т ь первого. Правда, Италия тоже горная в значительной своей части страна; по всему полуострову и здесь тянется на 1600 *км*, как становой его хребет, горная цепь Апеннин. Однако средняя высота Апеннинских гор всего 1200 *м*, в них, за исключением центральной их части — Абруцц (Сабинская область и северная часть Самниума), нет диких и неприступных греческих скал: во многих местах, например в Умбрии, они переходят в живописные гряды мягких, пологих холмов с удобными перевалами и наезженными путями. Таким образом, Апеннинский хребет и его отроги не дробят Италии на такие природой изолированные кантоны, как то делают Пинд, Парнасс и другие горы Греции.

Определенно связующую роль играли также значительные италийские р е к и, судоходные во многих своих частях: река По, в древности Падус или Эридан (она судоходна почти на протяжении 600 *км*) и реки западного побережья Апеннинского полуострова: Арнус (Арно), Тиберис (Тибр), Вольтурн. Из рек восточного побережья наибольшее значение имел протекающий по Апулии Ауфид. Реки эти имеют и свои отрицательные свойства: в нижнем своем течении они отлагают песчаные наносы, засоряющие реку и заболачивающие низменные берега на обширные пространства. Так возникли известные еще в древности малярией Тосканские болота у устьев Арно и Помптинские — на побережье Лациума, совершенно непригодные для поселения людей и препятствовавшие устройству здесь гаваней. Однако и это обстоятельство способствовало компактности и даже объединению страны: население меньше распылялось на периферию и за море, больше устремлялось внутрь страны и, таким образом, естественно, было заинтересовано в объединении страны.

Наконец, третьей особенностью Апеннинского полуострова являлся ярко выраженный з е м л е д е л ь ч е с к и й х а р а к т е р с т р а н ы. Уже древние писатели всегда особенно выделяли плодородность италийских земель, их чрезвычайную пригодность для земледелия и доходность последнего. Дионисий Галикарнас-

ский («Римская археология», I, 36) считает Италию даже плодороднее Египта и Вавилонии, «хотя многим мои слова и покажутся невероятными».

Особенным плодородием отличались две большие равнины Италии: северная — бассейн реки Падуса, Цизальпинская Галлия (теперь Ломбардия), славившаяся сказочным обилием предметов питания, и обширная западная равнина, состоявшая из трех областей: Этрурии, Лациума и Кампании. О последних Дионисий Галикарнасский («Римская археология», I, 37) пишет, что «видел здесь пашни, дающие троекратную жатву: зимнюю, летнюю и осеннюю... «Это области, изумительно благоприятные для взращивания лоз и после самой легкой обработки дающие в изобилии превосходные плоды». Умбрия и Пиценум тоже славились своим земледелием.

Горные части Италии, в особенности южной и центральной, с их прекрасными высокогорными (альпийскими) пастбищами, а также заболоченные районы по устьям рек, с их буйной травяной растительностью, представляли все удобства для развития скотоводства. Область бруттиев даже называлась Viteliu, что значит «Страна тельцов», откуда и получилось слово «Италия».

Этот аграрный характер Италии (чем она резко отлична от неплодородной каменистой Греции), отразился на всей ее истории в древнее время. К. Маркс в одном из своих писем Энгельсу так отметил это обстоятельство: «Несколько времени тому назад я снова прошел римскую (древнюю) историю до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно plainly (целиком) свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства» [1].

§ 2. Древнейшие (доисторические) культуры Италии. В настоящее время, благодаря археологии, выяснено, что Апеннинский полуостров был заселен значительно раньше Балканского: он имеет свой д р е в н и й к а м е н н ы й в е к, что пока на Балканах не установлено.

Палеолитические стоянки имеются как на открытых местах по всей Италии, так, в особенности, в пещерах Лигурийских гор. Найдено много «ударников» миндалевидной формы, кремневых наконечников, скребков и пр., открыты произведения палеолитической живописи. Найдены и черепа неандертальского человека.

Хорошо представлен по всему Апеннинскому полуострову, Сицилии и Сардинии также н е о л и т (начиная с 4000-х годов до н. э.).

Неолитические селения состояли из круглых хижин-землянок, крытых жердями и дерном; в полу очаг и яма для погребений покойников (обычно в скорченном положении). Хижины расположены всегда тесными гнездами — след существования крепких примитивных коллективов. На стоянках находят множество неолитических орудий и бытовых предметов из камня, кости и рога — каменных шлифованных топоров, наконечников, костяных гарпунов, мелких каменных идолов, костяных палочек для ношения в носу, кусков

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XXII, стр. 89 (Письма к Ф. Энгельсу. Письмо от 8 марта 1855 г.).

охры для раскраски тела и пр. О хозяйственной деятельности говорит обилие костей диких животных и кучи раковин; все это свидетельствует об охотничьем и рыболовном занятиях населения.

С 3000-х годов начинается переход в халколиту — рядом с камнем начинает применяться для поделок и медь; обильно встречающиеся кости козы, овцы, свиньи говорят о начинающемся переходе к скотоводству, особенно о разведении мелкого домашнего скота. Но как и в Греции, особый интерес представляет в Италии бронзовый век (с 2000 г. до н. э.). На севере Италии, по среднему и нижнему течению По, распространена была в это время так называемая культура террамар — своеобразных свайных построек («палафитов»). Их обширные помосты на сваях, обратившиеся теперь в целые холмы перегноя (terra marna означает «жирная земля»), имели правильную форму трапеции, покрывались гравием и дерном и защищались валом, усаженным частоколом, и рвом с проведенной иногда издалека водой. Небольшие круглые хижины расположены на правильно пересекающихся улицах; в середине — большой общественный дом. За внешним рвом, но в непосредственной близости от него — некрополь, состоящий обычно из многоэтажного, строго распланированного наслоения погребений (через сожжение). Орудия еще продолжали изготовляться из камня и кости, но наряду с этим все в большее употребление входит не только медь, но и бронза. Кроме охоты и рыболовства, которые еще преобладали, население занималось также скотоводством, но зарождалось и плужное земледелие.

Одновременно с своеобразной культурой террамар в том же II тысячелетии до н. э. в Средней и Южной Италии существовала другая культура бронзового века, связанная с югом Балканского полуострова и островами Эгейского моря — с крито-микенской средой. В Лациуме, на Тибре и у Албанского озера она представлена обширными осушительными и дренажными работами и циклопическими стенами, которые слывут за «пелазгические». Юг Италии и Сицилии были, повидимому, одной из отдаленных провинций крито-микенской культуры.

С 1000 г. на Апеннинском полуострове начинается первый период железного века. Центры его весьма многочисленны, в особенности в Северной и Средней Италии. Особую известность приобрел открытый еще в 1853 г. обширный могильник близ селения Вилланова, недалеко от Болоньи, по которому и культура раннего железного века (около 1000 г.) в Средней Италии носит название культуры Виллановы.

Техника обработки металлов достигла уже высокой ступени; наряду с преобладающей еще бронзой появляются и первые изделия из железа. В хозяйстве — полный переход к скотоводству и земледелию; появляются поселения городского типа. Большие клады (в одном насчитано 14 340 ценных вещей) свидетельствуют о богатстве некоторых семей, а встречающиеся в них греческие (керамика) и финикийские (стекло, слоновая кость) изделия говорят о начинающемся торговом обмене с соседями. Культура Виллановы является, таким образом, переходной к историческому периоду Италии.

Подводя итог, можно вывести заключение, что культурное наследие, полученное историческими народами древней Италии от их доисторических предков и предшественников, было если и не столь велико, как в Греции, то все же очень значительно. Это и позволило им, уже в весьма раннее время, выйти из состояния «варварства» и создать на благоприятной почве Италии одну из великих древних цивилизаций.

§ 3. Проблема населения древнейшей Италии. Совершенно естественно в связи с этим возникает вопрос: каким народам принадлежат эти древнейшие культуры Апеннинского полуострова и какова их этническая связь с племенами и народами, обитавшими в Италии в историческое время?

Уже древних писателей удивляла громадная этническая пестрота Италии. Так, на территории Апеннинского полуострова в историческое время можно различать до 12 отдельных языков, не считая сильно между собой расходившихся наречий различных племен. Считая с юга, жили сикулы (в Сицилии), япиги и мессапии (в Калабрии), бруттии — на крайней юго-западной оконечности полуострова, в Бруттиуме; над ними, несколько севернее — луканы и апулийцы.

В средней части полуострова жили кампанцы, аврунки и латины, за ними на восток, в горах, оски-самниты и сабины, сами разделявшиеся на множество отдельных мелких народцев, каковы эквы, марсы, вольски и пр. Река Тибр являлась границей между двумя самыми крупными племенными группировками Средней Италии — тирренами (этрусками) и умбрами (к последним примыкали и родственные им пицены); наконец, в Северной части Апеннинского полуострова, вдоль реки Падуса и по его притокам, жили с V в. многочисленные племена галлов, или кельтов, по берегам Генуэзского залива — лигуры, к северу от нижнего течения реки По, по всему северному побережью Адриатического моря — венеты.

Как древние историки, так и громадное большинство современных (среди них и крупнейшие наши советские специалисты — академик С. А. Жебелев, академик А. И. Тюменев, профессор В. С. Сергеев, профессор Н. А. Машкин и др.) видят в этой необычайной пестроте населения древней Италии результат многочисленных передвижений народов, происходивших на ее территории с незапамятных времен вплоть до эпохи «великого переселения» в I тысячелетии нашей эры.

Полагают, что древнейшими народами на Апеннинском полуострове были сикулы и лигуры. Возможно, что они жили здесь уже с эпохи неолита и им принадлежит культура бронзового века Средней и Южной Италии. С начала II тысячелетия на Апеннинском полуострове происходил наплыв племен с севера. Повидимому, это были предки позднейших италиков, отдельными потоками передвигавшиеся из-за Альп, из придунайских и прикарпатских областей. Передовой части их приписывается культура тер-

рамар (1800—1300 гг.), постепенно из бассейна реки По распространяющаяся и на юг, за Апеннины. Отсюда произошли древние латины, в культуре которых есть сходные черты с бытом населения террамар. Позднее, около 1200—1100 гг., по Апеннинскому полуострову с севера его прошел второй поток тех же италиков, так называемых умбро-сабельских племен, который распространился преимущественно по горным районам Апеннин; южные ответвления его, составлявшие племена самнитов, луканов, бруттиев, греки называли опиками или осками; северные образовали обширный конгломерат племен, называвшийся умбрами. Предполагают, что умбрам принадлежала культура раннего железного века в Италии, так называемая культура Виллановы. Возможно, что в связи с этим передвижением племен часть древнего населения сикулов и лигуров смешалась с пришельцами, другая часть выселилась в новые, часто малопригодные для жительства места (лигуры, например, сохранились только в северной части Апеннин).

Позднее, тоже путем переселения, на Апеннинский полуостров проникли тиррены — этруски (с X в.), а еще позднее, около 400 г., весь север заняли галлы — кельты, почему вся равнина реки По получила название Цизальпинской Галлии, т. е. Галлии «по эту сторону Альп», в противоположность Галлии Заальпийской (Трансальпинской) — современной Франции.

Такое объяснение происхождения населения древней Италии, связанное с представлением о многочисленных доисторических передвижениях и переселениях племен и целых народностей, пока является наиболее распространенной теорией. Однако следует указать и на решительные, в некоторой мере справедливые возражения других ученых (например проф. С. И. Ковалева) против чрезмерной переоценки роли переселений (миграций) в истории образования народов Италии. Но некоторые из этих ученых вместе с тем упорно стремятся показать, что и в древней Италии мы имеем дело, собственно, с одним исконным населением, которое лишь испытывало различные превращения в зависимости от проходимых им разновременно в различных частях страны стадий общего развития. Изменения эти имели, по их мнению, следствием столь значительные различия в наречиях и языках жителей разных областей страны, что может казаться, будто бы это различные народности. Например, лигурийский язык — это язык стадии матриархата, этрусский — стадии патриархально-родового строя одного и того же «этнического субстрата», сохранившиеся в виде рудиментов по тем или другим причинам в некоторых областях Италии.

Однако все это представляет собой лишь неудачные домыслы, которые встречают очень веские возражения в отношении толкования материала и решительно расходятся со свидетельствами древних авторов (Геродота, Фукидида, Тита Ливия и других). Особенно дискредитировало себя это направление близостью к так называе-

мой «теории Марра», лженаучность которой блестяще разоблачена товарищем Сталиным в его замечательном труде «Марксизм и вопросы языкознания»: «...язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка... рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка...»[1].

В общем же вопрос о происхождении древнейших народов Италии и об отношении их к вскрытым археологией на ее территории культурам остается пока в значительной степени открытым.

ГЛАВА XLI

ИТАЛИЯ И РИМ В ПЕРИОД РОДОВОГО СТРОЯ (X—VII вв. до н. э.) ПЕРЕХОД К ИСТОРИЧЕСКОМУ ВРЕМЕНИ.

§ 1. Следы матриархального строя. Совершенно несомненно, что италики прошли некогда раннюю ступень первобытно-общинного строя (матриархата), повидимому, в эпоху халколита и ранней бронзы, в особенности в эпоху культуры террамар. Низкий уровень хозяйства (охота, рыболовство, разведение мелкого скота, также мотыжное, женское еще в основе, земледелие) требовал очень значительного объединения рабочих сил.

На этой основе и должны были возникать первобытные коммуны типа палафитов (свайных деревень) и террамар — больших, крепко организованных охотничьих и рыболовных общин (Энгельс называл такие объединения «первоначальный род».) У италиков след их сохранился в виде пережитков очень древних союзов — «курий», похожих на греческие фратрии (братства). В историческое время у римлян весь народ делился на 30 курий, и члены курий — «куриалы» — собирались на общие трапезы, на которых, с соблюдением старинных религиозных обрядов, ели примитивные кушанья из муки и плодов, подаваемые в грубых деревянных и глиняных сосудах — остаток существовавшей некогда общности имущества и совместного потребления. Во главе курий стояли старосты — «курионы» — с жреческими полномочиями, строго наблюдавшие, чтобы чужие не проникали в их среду.

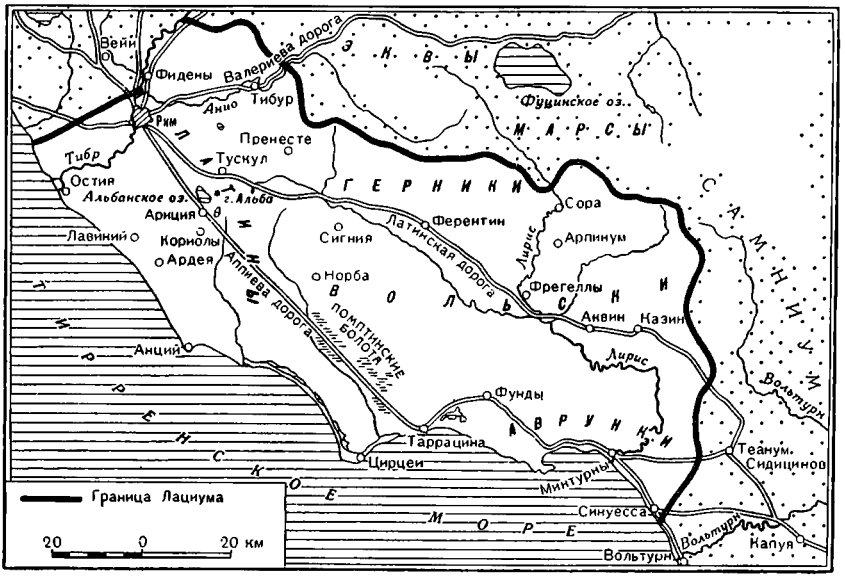
Характерно, что курии имели имена по их матерям-родоначальницам (Тиция, Фауция, Рапта и др.). Тит Ливий (I, 13) передает даже предание, что «Ромул разделил город (Рим) на 30 курий и назвал их именами женщин». Это несомненный отзвук их матриархальной структуры. Другим таким признаком являются пережитки группового брака (предание о похищении сабинянок дружиной Ромула и др.), когда и счет родства, при наличии многих мужей-отцов, должен был производиться по женской линии. Наконец,

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 9.

сохранились также следы и характерного для матриархата тотемизма, т. е. почитания фиктивного прародителя в виде какого-нибудь священного для всего рода зверя или птицы, чья кровь, предполагается, течет в жилах всех членов такого рода, делает их «единокровными братьями». У италиков следы тотемизма сохранились в названиях племен: так, пицены значит «сыны дятла», гирпины — «дети волка», Бовианум — «город быка». Все эти явления и пережитки, свидетельствующие о былой жизни италиков в коллективах-коммунах матриархального типа, весьма созвучно перекликаются с данными археологии о планомерном устройстве и организованном быте террамар (см. стр. 445) и с значительной долей вероятности могут быть отнесены еще к периоду существования этой культуры.

§ 2. Переход к патриархальному родовому строю. Древнейший Лациум и начало Рима. Матриархальный строй италиков позднее, в эпоху развитого бронзового века и начала железного, был разрушен и сменен патриархальной организацией. Патриархальный род возник, по выражению Энгельса, «как отросток прежнего матриархального рода», на почве распада последнего в связи с условиями развивающегося скотоводческого и земледельческого хозяйства, сменившего древнюю охоту и рыболовство: переход к разведению крупного рогатого скота, а затем к связанному с этим мужскому плужному земледелию способствовали образованию более узких хозяйственных ячеек, требовавших меньшего объединения сил, чем старинные рыболовные и охотничьи коммуны. В Италии, в связи с особо благоприятными ее условиями для скотоводческого и земледельческого хозяйства, патриархальный родовой строй должен был сложиться особенно рано, развиться с особой силой и держаться особенно стойко и долго.

Лучше всего осведомлены мы относительно древнейшей патриархальной структуры Лациума и в особенности Рима. Лациум — обширная (около 2 тыс. *кв. км*), заболоченная, холмистая равнина вулканического происхождения, расположенная в середине Западного побережья Италии. В эпоху позднего бронзового и раннего железного века (около 1000 г. до н. э.) здесь поселились еще весьма примитивно жившие предки латинян. Во многих отношениях культурный уровень понизился против предшествующего. Дренажные работы, производившиеся населением времени бронзового века (лигурами), были запущены, и заболоченность увеличилась. Население ютилось в убогих хижинах, построенных на холмах, и занималось скотоводством. В более сухих долинах были разбиты примитивные поля. Городов не было, лишь на вершинах скал строились круглые городища-убежища. Таких поселков с их округами насчитывалось 30. Главным городищем была Альба-Лонга, стоявшая на высокой горе, на берегу Альбанского озера (кратер угасшего вулкана), сделавшаяся весьма рано центром религиозной федерации: сюда собирались жители всех 30 селений справлять общий праздник Юпитера Латинского.

5. Лациум

Самым северным, пограничным с этрусками и сабинами латинским селением была д р е в н я я В е л и я, получившая позднее название Рим. Как показали раскопки, на территории Рима поселение возникло около 1000 г. до н. э. Оно представляло собой группу пастушеских стоянок, разбросанных среди дремучего леса и топких болот, по вершинам гряды холмов, тянувшихся вдоль берега Тибра, в 20 *км* от его устья. По преданию, таких древнейших латинских деревень здесь было семь по холмам Палатину, Эсквилину, Целию и др., и они рано сомкнулись в общий союз «Семигорие». На холме Велий было устроено общее родовое святилище предков («пенатов») и общего очага — древний круглый храм Весты, в котором девушки-«весталки» поддерживали неугасимый огонь. На самом большом холме, Палатине, было общее, сильно укрепленное земляными валами и частоколом городище почти квадратной формы («квадратный Рим»), а по склонам холмов и в лежащей между ними долине позднейшего форума были отдельные для каждой деревни родовые кладбища. Территория, занятая поселением, была очень мала: на соседних же холмах расположены были поселки иноплеменников — на Авентине, к западу от Палатина — древняя лигурийская деревня кассиев, на Квиринале, к северу — поселок сабинян.

В таком скромном виде представляет нам современная археология, в сопоставлении с данными топографии, лингвистики и пережитков, начало города Рима. Множество сплетенных вокруг этого л е г е н д распалось в прах при прикосновении к ним современной

научной критики. Они оказались даже не народными преданиями, а учеными домыслами жрецов и наивными гипотезами древней, преимущественно греческой науки III—II вв. до н. э.

В общем эти рассказы об основании Рима дошли до нас приблизительно в следующем виде. Троянский богатырь Эней, сын троянца Анхиза и богини Афродиты — Венеры, после долгих скитаний, с остатками населения разрушенной Трои прибыл в Италию. Энеи будто бы высадился в Лациуме, женился на дочери царя Латина, Лавинии, и сын его Асканий основал город Альбу-Лонгу, откуда пошли латиняне, их 30 селений, а следовательно, и Рим. Эта версия, полагают, возникла в среде италийских греков уже в VI в. до н. э. (поэт Стесихор) и локализировалась в ближайшем к Лациуму греческом городе Кумы; оттуда только в конце IV в., когда Рим завладел Кампанией, перенесена была и в Рим. Известен даже приказ римского сената 282 г. считать римлян потомками троянцев и Энея.

Точно так же из наивного толкования названий различных урочищ (например, Руминальская смоковница) и жреческих рассказов о деяниях различных древних божеств (Луперка и др.) сплетен был фантастический рассказ о братьях-близнецах Ромуле и Реме, прямых основателях Рима. Они изображались детьми самого бога войны Марса и альбанской царевны — весталки Реи Сильвии. Злой альбанский царь Амулий, отнявший престол в Альбе-Лонге у их деда Нумитора и казнивший их мать, велел выбросить детей в Тибр, но они чудом были прибиты волнами к берегу, где под смоковницей их нашла и вскормила волчица (lupa), затем воспитал пастух Фаустул и его жена Румина. Когда дети выросли, они отомстили Амулию за мать, вернули альбанский престол своему деду, а сами заложили новый город на Тибре, куда перешла часть населения Альбы-Лонги. В ссоре из-за имени этого города Ромул убил своего брата Рема и назвал город Ромой (Roma). Римский ученый, современник Цезаря — Варрон, даже высчитал дату «основания Рима» — 754/3 г., никакого доверия, разумеется, тоже не заслуживающую.

Но, повидимому, уже весьма рано, в VIII—VII вв., поселение на Тибре, Велия, будущий Рим, стало играть значительную роль среди других латинских поселков. Способствовало этому его выгодное положение на Тибре, единственной большой реке Лациума, по которой до самого Авентина могли подыматься морские суда. Кроме того, мимо Палатина издавна шла из сабинской земли к морскому побережью, к находящимся у устья Тибра соляным залежам, старинная Соляная дорога. Она пересекала в этом месте Тибр, используя лежащий среди реки остров, почему уже в древнейшие времена здесь выстроен был деревянный на сваях мост, который охраняло и поддерживало особое древнее братство «понтификов» (строителей моста), ставшее впоследствии верховной жреческой корпорацией Рима. Поэтому и сабинские купцы устроили по соседству свое поселение на холме Квиринале, с особым городищем и охранным военным постом на высокой прибрежной скале — Капитолии. Благодаря всему этому Рим становился постепенно центром военно-религиозного союза северных латинских селений и понемногу даже начал расширять свою территорию: так, он втянул в состав старинного латинского «Семигорья» также и сабинский поселок на Квиринале (откуда пошло позднейшее наименование римского народа «квириты»), подчинил себе силой старинное лигурийское поселение на Авентине, пробился к приморским соля-

ным залежам у позднейшей Остии, по преданию, даже взял и разрушил древнюю Альбу-Лонгу. Действительно, очень рано председательство на «латинских фериях», т. е. племенном празднике в честь Юпитера Латинского, перешло к этой подымающейся Велии — древнейшему Риму.

§ 3. Римский род. Патриции и клиенты. Плебеи. Общественный строй древнего Лациума представлял собой уже резко выраженный патриархат. Исконный «римский народ» (populus) являлся лишь неустойчивым и текучим объединением замкнутых в себе и совершенно самостоятельных во всем р о д о в (gentes), т. е. примитивных, занимавшихся преимущественно пастушеским хозяйством общин. Соединяло и связывало этих «пастухов» в общины-роды коллективное использование пастбищ, почему и земля считалась общей собственностью всего рода, его исконной родиной, «отчизной» (patria). Долгое время частная собственность вообще ограничивалась лишь избытками скота, оружием, домашними вещами, украшениями да небольшими приусадебными участками земли в 2 югера ($^1/_2$ гектара) под огородными культурами. Пустующая, не занятая ни одним родом земля считалась всенародной (ager publicus): на ней могли делать заимки (occupatio) и поднимать ее новь члены любого из родов, т. е. брать ее в свое пользование (possessio).

Другой реальной силой, объединявшей и сплачивавшей родовую общину, была война, которая в это время представляла собой тоже вид хозяйственной деятельности, «регулярную форму сношений» (Э н г е л ь с), которой занимались весьма усердно. Разбойничьи набеги соседей, в целях преимущественно угона скота, и ответные вооруженные вторжения, тоже в погоне за добычей, были явлениями самыми обыденными. Недаром и предание изображает Ромула и его товарищей как дружину удальцов, промышлявших разбоем. Кровавая родовая месть являлась, несомненно, тоже функцией таких родовых дружин. Впоследствии все это переродилось в обязанность всемерной взаимопомощи родичей при выкупе из плена, при уплате судебных штрафов и пр., а также в обычай взаимной защиты и поддержки членов своего рода на суде.

Обусловленное такими экономическими факторами единство родовой общины всячески закреплялось и средствами идеологического порядка. Главным из этих средств была, как и в материнском роде, ф и к ц и я е д и н о к р о в и я или единства происхождения, а потому — как бы нерасторжимого братства по крови всех членов рода. Каждый род верил в свое происхождение от героя-прародителя (genitor), потомками которого в том или ином колене и степени являются все его члены. Могила праотца, обычно мифическая, становилась священным для всего рода местом, где в общем родовом склепе погребались все члены рода, где справлялись различные обряды и тризны, связанные с культом предков.

В подтверждение своего общего происхождения все члены рода носили единое общее имя, произведенное, как отчество, от имени

прародителя: Юлии — значит потомки Юла («Юлиевичи»), Клавдии — потомки Клауза и т. д.

Это родовое имя (nomen) — Юлий, Клавдий, Фабий, Корнелий и т. д. — и было настоящим собственным именем римлянина. Но род, разрастаясь, мог ветвиться, и в таком случае его отдельные отрасли усваивали особые прозвища: например, среди Корнелиев появились Корнелии Сципионы, Корнелии Лентуллы, Корнелии Суллы и др., среди Клавдиев — Клавдии Пульхры, Клавдии Нероны. Но эти прибавочные имена или прозвища (cognomen) имели лишь второстепенное значение и ставились после основного родового имени. Первенствующее его положение в наименовании римлянина не менялось и оттого, что каждый должен был иметь и личное, индивидуальное, его отличающее имя; но личных имен был весьма скупо ограниченный список: Гай, Луций, Марк, Публий, Тиберий, Тит и несколько других; они считались простым предъименем (praenomen) и даже писались сокращенно одной начальной буквой (например: Л. Юний Брут, П. Валерий Публикола, Г. Муций Сцевола и т. д.).

Организующим и скрепляющим род моментом являлась также безграничная власть управляющего родом патриарха — родовладыки (pater). «Отцы»-родовладыки располагали некогда полным правом жизни и смерти над всеми членами рода, как впоследствии — отцы семей. В древности родовладыки принимали в род новорожденных или приказывали их забрасывать, продавали девушек-невест в замужество, а юношей в рабство, изгоняли, казнили нарушителей обычаев предков и пр., не говоря уже о совершенно бесконтрольном распоряжении общим имуществом и общим трудом. В особенно бесправном и униженном положении находились женщины, так как брак был экзогамный, через умычку или куплю невест; замужние женщины были чужими в роде и даже назывались только своим прежним родовым именем (Корнелия, Лукреция, Горация и т. д.). Всю свою жизнь женщина оставалась в глазах мужчины «несовершеннолетней» (filiae loco), бесправной.

Однако цельность и монолитность этой общественной структуры стала нарушаться под влиянием неуклонно совершавшегося развития производительных сил и усиливающегося значения частной собственности в связи с накоплением военной добычи. Так, весьма рано в этом однообразном прежде обществе появилось различие между отдельными родами: одни роды стали считаться старшими (по преданию, их было 100), другие младшими; в V в. младших родов насчитывалось уже 160. Еще более существенным было то, что исчезало исконное равенство внутри самого рода, и верхушки их стали образовывать особую родовую аристократию. Она состояла из родовладык (patres) и их ближайших и непосредственных родственников — братьев и сыновей, получивших название отцовских детей — «патрициев». Используя свое привилегированное положение в роде, патриции узурпировали, присвоили себе общую прежде родовую землю, родовое имущество, родовые святыни: они стали смотреть на себя, на свой узкий круг, как на истинный и настоящий род. Своих же младших родичей они низвели до состояния зависимых людей —

«клиентов». Клиенты попрежнему носили родовые имена, допускались к участию в родовом культе и погребению в родовой усыпальнице, но свой надел они уже получали из рук патрициев, за что обязаны были почитать их как «патронов» (заместителей отцов), прислуживать им в доме, следовать за ними в их дружине на войну, помогать им материально в экстренных случаях, например, при выкупе из плена, при наделении приданым дочерей и пр. Патроны, с своей стороны, обязаны оказывать помощь клиентам на суде, вообще относиться к ним с постоянной благожелательностью. Клиентами становились также чужаки, поступавшие под покровительство знати, и принятые в род вольноотпущенники. Таким путем в самом родовом обществе, рядом с родовой аристократией патрициев, рос и расширялся низовой и все более эксплуатируемый ею слой. Это были первые симптомы начинающегося загнивания и разложения родового порядка.

С другой стороны, еще более ярким признаком того же характера являлось образование второго, еще более многочисленного низового слоя или сословия, — «плебса». В науке существует ряд различных взглядов на происхождение и положение этой части древнего римского населения, которые, однако, в общем могут быть сведены к следующим основным чертам. Прежде всего, плебеи не имели родовой организации, они были «безродные», а потому, с точки зрения патрициев, неполноценные и даже презренные «инородцы». Отсюда полное отличие их в хозяйственном, бытовом и религиозном отношении от патрициата. Плебеи жили не коллективным, общинным, а индивидуальным семейным хозяйством: одни были мелкими земледельцами, другие из них, сверх того, занимались ремеслом или мелкой торговлей, представляя собой зачаток городского слоя. Частно-собственнические отношения были здесь уже вполне установившимся явлением. Поэтому иными были и формы брака и семьи: не было у плебеев в семье безграничной власти мужа и отца, женщины занимали почетное и свободное положение, что дало основание некоторым современным исследователям находить у плебеев матриархат, а древним патрициям издевательски утверждать, что «плебеи неизвестно чьи дети». На этом же основании не допускались браки патрициев с плебеями. У плебеев не было и культа предков: их главным божеством была богиня плодородия Церера, но храм ее позволено было плебеям построить лишь вне черты города, на Авентинском холме.

Повидимому, в основе своей плебс представлял собой древнейшее покоренное население. Маркс отметил, что плебеи назывались у римлян «приватными людьми», что значит в точном переводе «обобранные» (от слова privare — лишать)[1]. Завоеватели-италики лишили это выше их по культуре стоявшее исконное население (см. стр. 449) издревле принадлежавшей ему земли и оставили ему лишь небольшие усадьбы. Это население жило, значительно одичав, под властью своих покорителей, но сохранив уже до-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 342.

стигнутую ступень индивидуального хозяйства и частной собственности. Этот основной слой пополнялся затем изгоями и членами разложившихся или развалившихся по разным причинам родов, а также все растущим притоком чужаков, поселенцев со стороны. Ливий (II, 1, 4) выразительно и метко назвал этот древний плебс «всяким сбродом пастухов и перебежчиков из разных народов».

Однако если относительно происхождения плебса существуют некоторые разногласия, то совершенно несомненна его тяжелая зависимость от патрициата. Плебеи считались, по выражению Энгельса, «подданными», и с них собиралась дань («трибут»). Как чужаки не допускались они и в родовые дружины, из которых состояло все войско, а следовательно, не участвовали и в разделах добычи. Кроме того, по двум линиям грозило значительной части их прямое закабаление: по аграрной и долговой. Прежде всего, владея лишь усадьбами и лишенные пастбищ и пахотной земли, они принуждены были брать землю в аренду у патрициев. Патриции производили заимки на им одним доступной неразделенной «общественной земле» и оккупированные участки передавали за плату плебеям, иногда с прибавлением «подмоги» зерном, скотом и пр. Уже это обстоятельство при каждом неурожае, военном погроме и пр. делало плебея-съемщика неоплатным должником его хозяина-патриция. Старинное же натурально-хозяйственное кредитное право было безгранично суровым и жестоким: неоплатный должник обращался в раба своего заимодавца. А если должник должен нескольким кредиторам, говорит старинный закон Двенадцати таблиц (III, 7), «пусть они разрубят должника на части, и, если отсекут больше или меньше, то да не будет это вменено им в вину». Вот почему древние авторы говорят, что плебеи были у патрициев «на положении рабов».

Такими чертами характеризуется древнейшее римское и, повидимому, также латинское и италийское общество начала I тысячелетия до н. э.: развитой патриархально-родовой строй, выделение родовой аристократии — патрициата — и в значительной степени уже завершившееся или быстро завершающееся порабощение «безродных» плебеев.

§ 4. Древнейшая система управления и древнейшая культура Рима. Устройство управления в древнейшем Риме и Лациуме было очень похоже на древнегреческую военную демократию гомеровского времени. В основе своей общество древнейшего Рима было еще доклассовым, и его аппарат управления имел родовой общественно-распорядительный, догосударственный характер. Но он уже начинал проявлять тенденции к обращению в эмбриональные, зародышевые формы власти господствующей, государственной, направлявшей свои действия и против низовых элементов рода («клиентелы») и против постепенно порабощаемых плебеев.

Три органа власти можно установить в древнейшем Риме уже в самую раннюю эпоху его существования — это ц а р ь (rex), с е н а т и н а р о д н о е с о б р а н и е.

По преданию, цари правили Римом 244 г. (до 510 г.). Но, несомненно, царей было больше тех семи, имена которых частью сохранило древнее предание, частью включило в себя из догадок и прямых вымыслов разных времен. Так, явными вымыслами являются имена четырех древнейших царей: Ромула, от имени Рома — Рим, Нумы Помпилия — «святого царя», основателя римского культа, Тулла Гостилия (чтобы объяснить название здания, в котором собирался сенат, — Гостилиева курия) и Анка Марция (т. е. Марсова сына). Поэтому к разряду чистейшей фантазии принадлежит и то, что древними историками рассказывается о деятельности этих царей. Несомненными историческими личностями являются только три последних римских царя: Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний II Гордый — их имена встречаются уже в древних этрусских надписях.

Римские цари, как и греческие басилеи, прежде всего были военачальниками, вождями объединенных родовых дружин. Второй функцией древних римских царей была функция судебная. Римский царь был судьей по межродовым делам, в особенности в случаях убийства, для предотвращения кровной родовой мести. Наконец, римский царь являлся и верховным жрецом опять-таки общеродового характера, так как рядом с культом родовых предков стали уже появляться у римлян и общие божества, связанные с явлениями природы (Веста и др.).

Римские цари не были монархами в современном значении; это скорее племенные старшины, представители общеродовых интересов. Они не были еще и наследственными, но выбирались родовладыками и всем народом. «Когда кто-либо из них умирал, — пишет Аппиан («Гражданские войны», I, 98), — правили поочередно сенаторы — каждый в течение пяти дней, пока народ не ставил на царство другого царя. Этих пятидневных правителей называли «междуцарями» — они были царями на пять дней».

Вторым органом был сенат, т. е. совет родовых старейшин, или «стариков» (senex — старик), почему сенаторы именовались также отцами (patres). По преданию, их было вначале 100, потом, по мере разрастания общины и включения в нее новых родов, их стало 300, по одному представителю от каждого рода. Назначались они царем и составляли его совет по вопросам внутренней администрации и внешней политики. Сенат, повидимому с участием царя, также утверждал или отвергал решения народного собрания.

Народные собрания («комиции», т. е. сходки) были в Риме издавним учреждением, свидетельством чего является то обстоятельство, что народ собирался на них, группируясь по старинным куриям (куриатные комиции). От народного собрания этого древнего типа получал свои верховные полномочия и права верховного военного вождя («империум») и сам царь. Куриатные собрания созывались царем и по его предложению, путем поголовного голосования в каждой из 30 курий, утверждали новые постановления, решали вопросы о войне и мире, принимали новые роды в общину и пр. В голосовании участвовали лишь патриции и клиенты, которые и составляли собственно «римский народ»; плебеи же, как не входящие в состав родов, следовательно, и курий, к голосованиям в куриатных собраниях не допускались.

На чрезвычайно низком, совершенно варварском уровне находилась еще культура этих предков позднейших основателей мировой империи на заре их истории. Хозяйство их было крайне примитивно: занимались преимущественно скотоводством. Поэтому население продолжало жить в полукочевом состоянии, и сами поселки его были, собственно говоря, не «городами и деревнями», а лишь более или менее постоянными зимними стоянками скотоводов.

Вот почему и жилища были еще весьма легкой и незатейливой конструкции и представляли собой примитивные круглые хижины, сделанные из хвороста, обмазанные глиной и крытые камышом. В них не было и настоящих печей: огонь разводили в ямах, вырытых в середине пола, и дым выходил через оставленное в крыше отверстие.

Утварь и обстановка, естественно, тоже были крайне примитивны, о чем позволяют судить археологические находки. Глиняная посуда изготовлялась еще без гончарного колеса. Широко пользовались деревянной утварью, что сохранилось позднее в религиозных обрядах. Одеждой долго служили шкуры животных, затем хозяйки (матроны) стали ткать из шерсти рубашки — туники и плащи — тоги; льняные материи появились лишь около 600 г. и привозились из Этрурии. Ходили босые, только наиболее знатные обматывали себе ноги кусками ткани.

Пища состояла преимущественно, что и естественно у скотоводов, из молока и молочных продуктов, молоком же делали и жертвенные возлияния богам. Запрещено было употреблять в пищу священных (тотемных) птиц — гусей и кур; вино еще представляло собой редкость и употреблялось главным образом как лечебное средство, а также при жертвоприношениях.

Нравы были весьма дикие. Отцы убивали своих взрослых сыновей, поведением которых были недовольны. С нарушителями родовых обычаев безжалостно расправлялись самосудом, закапывали живыми в землю, что и впоследствии делали с нарушившими свой обет безбрачия весталками. Разлившиеся реки старались умилостивить бросанием в них человеческих голов, которые много позднее были заменены головами животных и даже головками мака.

Естественно, что столь же примитивно-дики были и верования. Господствовал грубейший анимизм — вера в бесчисленных «духов», наполнявших всю природу, состояние непрестанной духобоязни. «Наша страна до такой степени переполнена нездешними силами, что в ней легче встретить бога, чем человека», — смеялся еще современник Нерона, Петроний, в своем «Сатириконе» (17). Трудно указать такое явление или предмет, в которых древнему жителю Лациума и Рима не мерещилось бы присутствие и определяющее действие соответствующего духа: например, был не только дух двери (Янус), дух полевой межи (Терминус), дух посева (Сатурн) и пр., но и дух навоза (Стергилинус), дух еды (Едука), дух питья (Потина), дух сна (Куба), дух возвращения домой (Домидука) и т. д. К этому следует присоединить еще множество душ покойных предков (лары, маны, пенаты), разных ведьм (ламий) и демонов без специальных функций, но всегда злобных и коварных (лемуры, ларвы), чтобы составить себе хотя бы некоторое представление о том демоническом окружении, в котором непрерывно пребывал этот древний беспомощный перед природой человек. Множество

нелепейших суеверий, диких обрядов, магических формул, заклинаний и заговоров сохранились от этого периода анимизма; они продолжали жить даже в самые блестящие в отношении культурного расцвета времена римской истории.

ГЛАВА XLII

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ В РИМЕ В VII—VI вв. до н. э.

§ 1. Экономический и социальный прогресс в Лациуме и Риме в VII—VI вв. В относительно чистом виде родовой патриархальный строй, повидимому, господствовал в Лациуме и Риме лишь в древнейшее время, в первые два-три века существования поселений на Палатине и соседних холмах, когда преобладающим видом хозяйства древних латинян и римлян было еще скотоводство, а земледелие находилось в зачаточном состоянии.

Но с VII в. в Италии наступает так называемый второй период железного века: железо, еще редкое в эпоху Виллановы, становится преобладающим, широко распространенным металлом. Лучшей вместе с тем с VII в. становится и обработка глины: сосуды из современных некрополей указывают на появление гончарного колеса, на их обжиг в гончарной печи; на них появляется орнамент из кругов, пальмет и пр. О переходе к оседлому земледельческому хозяйству говорят новые типы более солидно построенных жилищ-землянок, притом уже прямоугольной формы, а также появление захоронений через трупоположение в деревянных колодах и даже грубых каменных саркофагах (с половины VIII в.).

Об усилении обмена свидетельствуют появившиеся среди инвентаря погребений предметы из янтаря и слоновой кости, финикийские эмали и стеклянные бусы. Меновой единицей вместо скота (отсюда слово pecunia — деньги), повидимому, уже с начала VII в. становятся взвешиваемые каждый раз при обмене слитки меди.

В связи с этим общим хозяйственным прогрессом изменялась, несомненно, и социальная структура древнего латинского и римского общества. Обширный патриархальный род оказывался слишком громоздкой и недостаточно гибкой хозяйственной ячейкой и уступал постепенно свое место новой и более подвижной — индивидуально хозяйствующей семье.

§ 2. Раннее греческое влияние. Громадное значение в смысле ускорения этого процесса хозяйственного и социального развития латинян, как и других италиков, имело влияние соседних, более культурных народов и, прежде всего, греков. Как известно, уже с VIII в. греки вели интенсивную колонизацию северо-западной части Средиземноморья. Все юго-западное побережье Апеннинского полуострова в VIII—VII вв. усеялось густой сетью их колоний, а на восточном и южном берегу Сицилии сеть греческих колоний была еще гуще.

Предприимчивые, энергичные и подвижные жители греческих италийских колоний, поставщики вина, оливкового масла, ювелирных изделий и расписной посуды всей древней Италии, сумели глубоко внедрить в быт туземного населения также приемы своей развитой техники, свои вкусы и свои нравы. Очень рано их влияние заметно и в Риме, в особенности со стороны самого северного и древнего из греческих городов в Италии — халкидской колонии Кумы, основанной, повидимому, еще в IX в. В VII, а может быть, даже еще и в VIII в. предки римлян заимствовали из Кум свой алфавит, в основном — видоизмененный халкидский. С этого времени идут первые латинские надписи, например, на «черном камне», найденном в Риме, на древней трехсосудной вазе Дуэнос, а также на одной золотой фибуле из Пренесте. В VI в., несомненно, значительное влияние на Рим оказали также Афины, о чем свидетельствует присутствие в римских культурных слоях многочисленных фрагментов афинской керамики. В начале V в. на склоне Авентинского холма появился первый в греческом стиле построенный и грече́ской росписью и бронзой украшенный храм богини Деметры-Цереры, и тогда же греческие же мастера (повидимому, куманцы) отлили для римского Капитодия его знаменитую волчицу, поражающую нас архаизмом своей скульптурной техники. Это влияние развитой эллинской материальной идуховной культуры должно было действовать в качестве ускоряющего фактора на эволюцию римского хозяйственного и социального быта.

§ 3. Этруски и их культура. Еще значительнее на древний Лациум и Рим было влияние их непосредственных северных соседей — этрусков, самого сильного и передового народа Италии в первой половине I тысячелетия до н. э.

К сожалению, однако, «этрусская проблема» представляет еще до сих пор одну из неразрешимых загадок в нашей науке. До сих пор неясно даже само имя этого народа: греки называли этрусков «тирренами», у египтян этруски назывались tursch, у римлян этруски всегда именуются «тусками», откуда и современное название области к северу от Тибра — Тоскана; наконец, по словам Дионисия Галикарнасского (I, 30), сами себя этруски называли rasena, и это подтверждается присутствием этого слова и в этрусских надписях. Неизвестен и язык этрусков, хотя открыто уже около 10 тыс. их надписей. Геродот, первый из древних историков упомянувший об этрусках (I,94), считает их выходцами из малой Азии и, действительно, в их культуре много эгейских или крито-микенских элементов.

Весьма рано по сравнению с другими народами Италии, во всяком случае уже в VII—VI вв., у этрусков развились ремесло и торговля, возникли города, сложилось классовое общество. О последнем определенно свидетельствует существование у них вполне уже оформившегося господства знати — «лукумонов». Это аристократия одновременно и военная, и жреческая, и рабовладельческая, и, повидимому, крупноземлевладельческая. Маркс,

принимая во внимание соединение в их руках военной силы и духовной власти, называл лукумонов теократами и уподоблял владыкам древнего Востока [1]. Они жили в укрепленных замках, построенных на недоступных орлиных высотах, и господствовали оттуда над округой. Погребения их отличались сказочной роскошью. Богатства лукумонов имели в значительной мере внеэкономическое происхождение. Вместе со своими дружинами лукумоны совершали постоянные военные нашествия или пускались в пиратские похождения на морях.

Основная масса населения, состоявшая преимущественно из потомков подчиненных племен Этрурии, Умбрии, среднего бассейна реки По, находилась в полурабской зависимости различной степени: так, «лаутни» были, повидимому, полувольные люди, «этера», наоборот, очень сильно эксплуатировались. Население было щедро обложено различными повинностями, отработками и барщинами (по постройке городских стен, замков и усыпальниц лукумонов, каналов и пр.). Но сверх того, побежденное население обязано было отбывать тяжелую воинскую повинность и участвовать в военных предприятиях этрусской знати и городов. Так, древние писатели определенно свидетельствуют, что покоренные умбры принимали большое участие в походах этрусков в Лациум и Кампанию. Было также и большое количество рабов, частью из военнопленных и захваченных во время пиратских экспедиций, частью приобретенных путем покупки и долговых операций. Ввиду своей многочисленности рабы должны были уже представлять собой особый класс.

О государственном строе этрусков сохранились лишь весьма недостаточные сведения. Повидимому, города управлялись царями — «ларсами», но был и главный выборный царь — «зилат», стоявший во главе федерации 12 древнейших городов и руководивший собранием их представителей в храме богини Вольтумны. Царь был одновременно и верховным жрецом, и потому персона его окружалась необыкновенным почетом и пышностью: он носил пурпурную одежду и красные башмаки, имел трон из слоновой кости, его всегда сопровождали 12 «ликторов» — стражей и исполнителей его приказаний — с топорами и пучками прутьев (розог) в руках.

В связи с установившимся уже классовым строем, покоющемся на жестоком угнетении масс, у этрусков выработалась и укрепилась весьма развитая, но крайне мрачная, подавляющая сознание низов религия. Она поднялась уже до веры в богов-небожителей, и особым почитанием у этрусков пользовалась троица верховных божеств: Тини (Юпитер), Уни (Юнона) и Менрва (Минерва). Боги эти были обычно нераздельны в своем культе, так что и этрусские храмы делились всегда на три части: центральную целлу Юпитера и два боковых нефа — Юноны и Минервы.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 240.

Но рядом с этим преобладающую роль в верованиях этрусков играли сильнейшие пережитки примитивного анимизма, всеобщая боязнь демонов и духов, наполнявших всю природу в виде некой враждебной «нечистой силы». Считалось, что необходимо вмешательство жрецов-заклинателей, чтобы вызвать добрых духов (их изображали белым цветом) и противопоставить их благотворную помощь злым козням страшных демонов. В этих целях этруски употребляли множество заговоров и заклинаний. Однако последние, равно как и многочисленные гадания по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных, грозовым явлениям и пр., представляли тайну жрецов и лукумонов. Культивировалось таким путем представление, что только через благодетельное посредничество своей военно-духовной аристократии простой человек мог получить спасение и загробное блаженство. Для умилостивления богов и демонов практиковались также человеческие жертвоприношения и гладиаторские бои.

§ 4. Рим под властью этрусских царей-завоевателей. Лациум и Рим, несомненно, были покорены этрусками уже в VII в., и господство этрусков продолжалось здесь не менее 150 лет. Римское предание сохранило память о трех этрусских царях, правивших в Риме. Первого из этих царей — Луция (или Гнея) Тарквиния Древнего (Приск) римские легенды прямо называют «лукумоном» и считают выходцем из этрусского города Тарквинии. Имя его встречается в этрусских надписях. Затем правил второй царь этой этрусской династии завоевателей — Сервий Туллий, будто бы сын пленницы-рабыни, воспитанный в доме царя, им усыновленный и ставший его зятем. Римское предание изображает его мудрым законодателем и образцовым правителем, в этрусской же традиции — это грозный воитель Мастарна, один из главных богатырей прославленного лукумона Целия Вибенны. Третий царь — Луций Тарквиний II Гордый, сын или внук Тарквиния I; он убил царя Сервия Туллия, мстя ему за отстранение от власти, и таким путем завладел царским престолом в Риме. Даже римская традиция изображает его как жестокого деспота-тирана, насильника и притеснителя народа, по выражению Энгельса, узурпировавшего подлинную царскую власть [1]. Но, повидимому, подобный же деспотический характер имела власть и других этрусских царей, весьма отличная от власти древних племенных рексов, и можно думать, что их было больше этих трех, имена которых сохранило предание, имея в виду полуторавековое господство этрусков. К ним следует присоединить и Порсену, царя Клузиума, несколько позднее тоже владевшего Римом.

Этрусские властители обратили Рим в столицу своей латинской провинции. От них идет и название Рим, по-этрусски Rumon, что, видимо, обозначает «город на реке». Старые деревни на семи римских холмах были ими объединены около 600 г. в единый город (urbs) этрусского типа. Новый город стал центром ремесла и торговли, и царь Сервий Туллий, по преданию, первый стал чеканить римскую монету, ассы; в виде продолговатых медных дощечек, весом около фунта каждая, с изображением крылатого коня Пегаса на одной из сторон. Этруски окружили Рим первой каменной стеной — «сте-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 134.

ной Сервия Туллия» (остатки ее видны до сих пор) и устроили в Риме первую канализацию («великая клоака»). Тарквинию I приписывается и постройка первого, еще деревянного цирка в Риме, а также закладка знаменитого храма Юпитера Лучшего Величайшего в римской цитадели, на Капитолии.

Кроме этого, и многим другим, в особенности в области быта, обязан Рим этрусскому влиянию. От этрусков восприняли римляне свой костюм — тогу, форму своего дома с атриумом, знаки достоинства («инсигнии») своих начальников и сопровождающей их свиты ликторов («фасцы»), способы официальных гаданий — по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных и пр.; даже форму написания чисел: так называемые «римские числа» в действительности постоянно встречаются в древних этрусских надписях.

В общем этрусское влияние было во многих отношениях благотворно для Рима, подталкивая его на дальнейшее экономическое, культурное и социальное развитие. Так, сокрушительный удар родовому римскому строю нанесла так называемая р е ф о р м а ц а р я С е р в и я Т у л л и я, пожалуй, наиболее несомненный и крупный исторический факт, дошедший до нас от эпохи этрусского господства в Риме. Во-первых, реформа создавала твердый и четкий порядок правильного поступления этрускам поголовной дани со всего римского населения («трибута») — как с патрициев, так и с плебеев, которых этруски считали в одинаковой мере своими подданными, одинаково подлежащими обложению по своему имущественному состоянию. Для этого каждые четыре года (срок этот назывался «люструм») производилась перепись всего населения и его имущества («ценз») и распределение по п я т и и м у щ е с т в е н н ы м и податным разрядам («классам»). В связи с преобладанием сельского хозяйства основным имуществом считалась земля, количество и качество ее у каждого земледельца: в этом можно тоже усмотреть новый, прогрессивный принцип учета частной собственности, индивидуального, а не родового владения. Имевшие нормальный участок, т. е. попрежнему «полный надел» — возможно, около 20 югеров (5 *га*), — относились по цензу к первому классу, людям, так сказать, нормальной зажиточности. Впоследствии, когда с III в. стоимость асса упала до 3 копеек медью, такой нормальный участок оценивался на деньги в 100 тыс. ассов, т. е. около 3 тыс. рублей. Ко второму классу причислялись землевладельцы, имевшие участки в $^3/_4$ нормы (75 тыс. ассов позднейшей оценки), к третьему — имевшие половинные наделы (50 тыс. ассов), к четвертому — $^1/_4$ надела (25 тыс. ассов) и, наконец, к пятому — совсем малоземельные, владевшие участками всего в $^1/_{10}$ нормы (11 тыс. ассов позднейшей оценки), повидимому, размером всего в 2 югера — $^1/_2$ *га*. Совсем безземельные, среди них и городские ремесленники и торговцы, иногда вовсе не бедные, считались «вне класса» и учитывались только «поголовно», вместе с полной беднотой («пролетариями»). Самый сбор дани — «трибута» — производился по районам, для чего город вместе с примыкавшей к нему сельской округой был разделен на 4 «трибы» (податные участки), между жителями которых особые старосты этих триб («трибуны») производили раскладку и сбор дани сооб-

разно их принадлежности к тому или иному классу. Таким образом, создавалось совершенно новое деление населения по имуществу и по месту жительства. Это течение шло глубоко вразрез со старым родовым, отвергало и разрушало его.

Это новое разделение населения использовано было, во-вторых, царем Сервием Туллием и для распределения повинностей — как, повидимому, трудовых (сборы на принудительные работы по постройкам), так и военной («милиция»). Все население — и патриции и плебеи — теперь обязаны были служить во всенародном ополчении, притом тоже сообразно своему земельному имуществу.

Граждане первого класса должны были являться в полном тяжелом вооружении, приобретенном за свой счет, — в медном панцыре и медном шлеме, с медными поножами на ногах и большим медным щитом и копьем в руках — в типичном вооружении греческого гоплита. В общем таких тяжеловооруженных призывных («легионеров», от слова legere — призывать) набиралось из первого класса 80 сотен («центурий»), и эти 8 тыс. воинов — гоплитов — и составляли основное ядро римской пехоты. Их по возрасту распределяли на два «набора» — «легиона»: легион старших сроков, который нес преимущественно гарнизонную службу в городе, и второй легион из призывных младшего возраста, являющийся действующей полевой армией. Наиболее состоятельные граждане первого класса отбирались отдельно для службы в коннице и составляли особые 6, а потом 18 центурий (сотен) «всадников».

Граждане второго и третьего класса должны были ставить по 20 центурий резерва, 4 тыс. воинов того же гоплитского типа, но с более облегченным вооружением: их ставили в бою пятым и шестым рядом фаланги каждого легиона — резервом, и они дополнительно вооружались во время боя оружием павших. Наконец, четвертый и пятый классы призывались во вспомогательные отряды легкой пехоты (20 и 28 центурий), т. е., в общем, 4800 стрелков, пращников и прочих легковооруженных, сопровождавших каждый легион. Безземельные горожане и пролетарии считались непригодными для строевой службы, и из них набиралось лишь 5 центурий нестроевых — трубачей, военных мастеров, обозных и пр. Не считая их, каждый легион, таким образом, в эту раннюю эпоху состоял из 6 тыс. воинов тяжелой и 2400 бойцов легкой пехоты, т. е., в общем, 8400 пехотинцев и 300 всадников кавалерийской части. Остальные 12 центурий всадников составляли особый конный корпус. Командные должности командиров легионов («преторов») и командиров центурий («центурионов», т. е. сотников) занимались в это время, повидимому, только этрусками.

Создание этого нового общенародного, в основе своей пешего крестьянского ополчения, сменившего старые родовые, конные по преимуществу, дружины, наносило древнему патриархальному строю удар не меньшей силы, чем и система нового обложения. Сохранилось даже предание, что плебеи, несмотря на новые тягости, которые налагались на них привлечением к несению воинской повинности, считали военную реформу царя Сервия Туллия одной из первых своих побед над родовым патрициатом и долго впоследствии чтили тризнами память его, как своего «благодетеля». Возможно даже, что некоторые этрусские цари подобными мероприятиями искали опоры в плебсе против лишенного ими власти и потому особенно раздраженного против них патрициата. Это отразилось в предании, что будто бы некогда цари считали себя патронами плебеев, а последних — своими клиентами.

В связи с этим позднейшая традиция приписывала царю Сервию Туллию даже введение как бы целой новой конституции, видимо, для того, чтобы придать ей значение особой старины и святости. «Новая конституция, приписываемая царю Сервию Туллию и опиравшаяся на греческие образцы, особенно на Солона, — пишет Энгельс, — создала новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия populus и плебеи, в зависимости от того, несли ли они воинскую службу или нет»[1]. Очень возможно, что уже в это время появился зародыш позднейших военных собраний по центуриям — «центуриатных комиций», имевших еще характер простых военных сборов и смотров, так как вряд ли этрусские властители были склонны ограничивать свою власть. Однако обо всем этом приходится лишь догадываться, так как, по выражению Энгельса, «Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима, ...невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus»[2].

Особой силы эта борьба между плебеями и патрициями достигнет в Риме в V—IV вв. до н. э. (см. ниже стр. 477 и сл.), когда и этот новый строй, в основе своей созданный этрусскими царями, получит свое дальнейшее и полное развитие. Но и относительно времени Сервия Туллия можно считать вполне правильными следующие слова Энгельса: «Так был разрушен и в Риме, еще до отмены так называемой царской власти, древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, в основу которого было положено территориальное деление и имущественные различия»[3].

§ 5. Падение этрусского господства и конец царского периода в истории Рима. В римской историографии общепризнанной датой падения этрусского господства считался 510 г. — с этого времени римские историки кончали царский период и начинали период республики в Риме. Но в точности этой даты приходится усомниться, так как по сведениям, идущим из жреческих анналов (в этих вопросах, несомненно, наиболее компетентных), освящение храма Юпитера Капитолийского происходило в 506 г., и освящал его царь Тарквиний Гордый, который, следовательно, в это время продолжал царствовать в Риме. Поэтому осторожнее будет датировать конец этрусской власти в Риме самыми последними годами VI в., приблизительно 500 г.

Кончилось этрусское господство, повидимому, в связи с восстанием, вспыхнувшим в Лациуме, которое поддерживали,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 133. (Разрядка редакции.)

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 134.

очевидно, из соображений конкуренции с этрусками, карфагеняне и греки. Смертельный удар этрусскому господству в Риме нанес, по словам Дионисия Галикарнасского, куманский тиран Аристодем. Он начал войну против римского царя Тарквиния Гордого, вторгся в центр Лациума и разбил Тарквиния в большой битве при Ариции, близ Альбанской горы (около 506 г.). Позднее, в 474 г., соединенные флоты Кум и Сиракуз нанесли этрускам решительное поражение также на море и ликвидировали их гегемонию в Тирренском море.

Этот удар по военному могуществу этрусков повел к восстанию и в самом Риме. Возглавляли это движение патриции, давно недовольные этрусскими правителями за нарушение своих родовых привилегий. Восстание патрициев и всей родовой общины Рима поддержали плебеи, тяготившиеся непосильными поборами и трудовыми повинностями, которые сверх меры налагал на них особенно увлекавшийся строительством царь Тарквиний II. Таким образом, путем всенародного восстания с патрициатом во главе власть этрусских царей в Риме была ликвидирована, и последний царь, получивший прозвище Гордый, бежал с своей дружиной в Этрурию, в город Цере, а затем и в еще более отдаленный этрусский город Клузиум. Сохранившуюся об этом восстании легенду подробно передает Тит Ливий (I, 56—60).

Так закончился «царский период» римской истории, а вместе с тем и целая эпоха в эволюции римского общественного строя. Римский родовой порядок был глубоко подточен и находился в состоянии полного разложения: начинался период ликвидации его пережитков и утверждения на его развалинах нового общества — классового, а в связи с этим — и эпоха возникновения весьма развитых форм Римского государства.

ГЛАВА XLIII

ТЯЖЕЛОЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РИМА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО НЕЗАВИСИМОСТИ (500—350 гг. до н. э.) ВОЕНИЗАЦИЯ ЕГО БЫТА И СТРОЯ

§ 1. Рим и его ближайшие соседи в V в. до н. э. Освобождение от этрусского господства открыло римскому народу свободу для его дальнейшего внутреннего, социального и политического развития. Однако вместе с тем оно надолго поставило Рим в чрезвычайно тяжелые внешние условия, втянуло его в ожесточенные войны с ближайшими соседями.

Прежде всего Риму пришлось теперь около ста лет вести упорную оборонительную борьбу против прежних своих хозяев — этрусков, которые, повидимому, никак не могли примириться с утратой Лациума и Рима. Римское предание сохранило даже известие, что Порсена, воинственный царь этрусского города Клузиума, разрушил стены, построенные в Риме Сервием Туллием, сделав Рим,

по существу, беззащитным, отнял у римлян в пользу этрусского города Вейи весь северный берег Тибра и разрешил употреблять им железо только для изготовления сельскохозяйственных орудий.

Напряженная борьба с этрусками продолжалась весь V в., в особенности с городом Вейи. Наконец в 396 г., после будто бы десятилетней осады посредством подкопа, проведенного римским военачальником М. Фурием Камиллом в цитадель вейентинцев в знаменитый храм Юноны, город был взят римлянами, население его истреблено или продано в рабство, все имущество разграблено и даже статуя богини Юноны, покровительницы города, с особыми церемониями перевезена в Рим, где ей построен был новый храм на Авентине. Лишь напряженнейшей столетней борьбой удалось отразить непрестанную угрозу, нависавшую над Римом с севера, и отодвинуть линию обороны на 30 *км* от городской черты.

Одновременно с этой ожесточенной и непрерывной борьбой против наступавших с севера этрусков Риму приходилось не менее напряженно отбиваться от врагов, напиравших на него с востока и юга. С северо-востока упорно и небезуспешно пробивались к низовьям Тибра сабины. Войны у Рима с ними были всю первую половину V в. непрерывные и заканчивались далеко не всегда римским триумфом. Но в то же самое время с востока и юга нависала третья, не менее грозная опасность — постоянные грабительские набеги горных народов эквов и вольсков. Стесненные в своих неплодородных горах, они вторгались почти ежегодно в благодатные равнины Лациума, обычно в середине лета, в момент жатвы, чтобы воспользоваться недостающим им урожаем. Одно время вольскам удалось проникнуть в приморскую часть Лациума и захватить гавань Террацину, которую они переименовали в Анксур. Отсюда они грозили перерезать все пути сообщения между Лациумом и греческим югом, даже завели здесь свой разбойничий флот и нападали на проходившие вдоль побережья корабли.

Только в результате величайшего напряжения всех своих сил, путем почти ежегодной мобилизации всего военноспособного населения для одновременной борьбы сразу на четыре фронта Риму удалось к началу IV в. отбиться от наседавших на него со всех сторон врагов и закрепить за собой исконную небольшую территорию на нижнем течении Тибра. Вместе с тем он приобрел себе союзников в лице Арицинской федерации — лиги северных латинских городов с Арицией во главе — и небольшого народца герников, жившего в холмистой области вокруг Ананьи. Вскоре после освобождения Рима от этрусского господства между Римом и латинянами заключен был договор (493 г.) о постоянной взаимной помощи.

Договор этот, приписываемый римскому вождю Спурию Кассию, дошел до нас в тексте, старинный дипломатический язык которого не позволяет сомневаться в его подлинности: «Между римлянами и всеми соединенными латинскими городами пусть будет вечный мир, пока несокрушимы остаются небо и земля» и т. д. Союз был заключен на условиях полной равноправности:

союзные собрания происходили попрежнему в Арицинской роще Дианы, главнокомандующие назначались в порядке очереди, и добыча делилась поровну между союзниками — римлянами и латинами. Когда в 486 г. к союзу присоединились и герники, добычу стали делить на три равные части.

Этот крепкий тройственный союз родственных племен, с одной стороны, помог Риму отстоять и закрепить свою самостоятельность, но вместе с тем способствовал и общей стабилизации межплеменных отношений, намечавшейся к началу IV в. во всей Средней Италии.

§ 2. Нашествие кельтов (400—350 гг. до н. э.). Но налаживавшееся межплеменное равновесие было в корне потрясено в первые десятилетия IV в. грандиозной катастрофой, постигшей всю Северную, Среднюю и отчасти даже Южную Италию, — нашествием кельтов. Кельты представляли собой обширную и пеструю группу племен, обитавших в Западной и Средней Европе на громадном пространстве от Атлантического океана до среднего, а позднее даже нижнего течения Дуная. Римляне презрительно называли их «галлами», т. е. «петухами», да и греки в более позднее время стали называть их «галатами». К концу V в. нескольким кельтским племенам — инсубрам, ценоманам, бойям и сенонам — удалось прорваться через альпийские перевалы и сразу же наводнить всю Припаданскую равнину, которая с этого времени обратилась в новую Галлию Цизальпинскую (Предальпийскую). Один за другим они захватывали этрусские города Северной Италии. Мельпум, переименованный в Медиоланум (Милан), стал их главным опорным пунктом. Тесня этрусков и умбров, кельты не только дошли до самых Апеннинских гор, но сеноны заняли даже северную Умбрию до Анконы, превратив ее в Галльское поле.

Следы галльского погрома особенно хорошо сохраняют развалины небольшого, исчезнувшего с тех пор этрусского города близ Болоньи — Марцаботто («этрусские Помпеи»); среди руин его домов и храмов валяются скелеты погибшего населения, костями буквально забиты все колодцы вперемешку с этрусским и кельтским оружием.

Кельты занимались еще в это время преимущественно скотоводством, в особенности разведением свиней, которые паслись в громадных дубовых лесах, покрывавших тогда всю Среднюю Европу. Земледелие играло второстепенную роль в связи с постоянными перемещениями кельтов. Зато громадное значение в их быту имели военные походы за добычей.

Кельты были создателями и распространителями по всей Средней Европе уже весьма развитой материальной культуры второго периода железного века, так называемой «латенской» (с 500 г. до н. э.), названной так по месту особо важных находок в кельтской военной стоянке у селения Ла-Тен на берегу Невшательского озера в Швейцарии.

Страшная угроза «кельтского потопа» («шел войной невиданный и неслыханный враг от самого океана и крайних пределов мира»,— как выражается Ливий — V,37,2) заставила временно примириться даже римлян и этрусков. Римляне пытались вступиться за осажденный кельтами этрусский город Клузиум и за это сами подверглись кельтскому погрому. Римская армия была наголову разбита внезапно вторгнувшимися сенонами с их вождем Бренном во главе. Битва происходила на ближайших подступах к Риму, «у один-

надцатого камня» (в 15 *км* от города), на реке Алии у впадения ее в Тибр, и «день Алии» стал одним из самых мрачных воспоминаний во всей истории Рима. Лишь жалким остаткам разбитой армии удалось укрыться в недавно захваченные неприступные Вейи, а на третий день после битвы кельты заняли и сожгли беззащитный Рим, тогда еще деревянный, вырезав все не успевшее бежать население (по римской традиции — 390 г., по Аристотелю — 387 г.). Уцелела лишь каменная крепость (arx) на Капитолии, в которой заперлось римское правительство с небольшим отрядом последних защитников. Шесть месяцев осаждали галлы Капитолий, опустошая одновременно всю римскую территорию. Предание рассказывает, что во время одного ночного штурма Рим выручили гуси, священные птицы Юноны, кормившиеся при ее храме в Капитолии. Они предупредили о приближении врага своим гоготанием заснувших римских воинов. Наконец, только ценою громадного выкупа в 1000 фунтов золота, за выплату которого поручилась дружественная Массилия, удалось римскому правительству добиться очищения галлами города и римской территории.

Нашествие кельтов подвергло разгрому и опустошению западную часть Италии (набеги их продолжались еще 40 лет). Рим был почти полностью разрушен и страшно ослаблен. Поэтому он временно потерял ведущую роль в Лациуме. Вновь пришлось римскому народу б о р о т ь с я з а в о с с т а н о в л е н и е того относительно твердого положения, которое ему удалось создать в западной части Средней Италии к началу IV в. Лишь в 350-х годах окончательно разгромлены были герники, эквы и вольски, основаны были на юге две новые трибы — Помптинская и Публилиева, тогда же сдался Риму и второй крупный город Южной Этрурии — Цере (в 358 г.). С 349 г. галлы прекратили свои набеги на Лациум, очевидно, в связи с его усилившимся сопротивлением. Территория Рима и его союзников возросла к половине IV в. до 6 тыс. *кв. км*.

Но и этот период ожесточенной межплеменной борьбы разбойничьи походы как отдельных патрицианских родов, так и всей римской общины в целом, погоня за добычей всякого рода с применением военной силы попрежнему оставались одним из видов римского хозяйства. Так, в 396 г., когда стало ясным, что осажденные римлянами Вейи должны скоро пасть, «был сенатом издан указ, разрешавший всем (жителям Рима) идти за вейентинскою добычей в лагерь к диктатору (Камиллу). Огромная толпа народа отправилась в лагерь и переполнила его»; и когда город действительно пал, «весь тот день был употреблен на избиение врагов и расхищение громаднейших богатств города» (Ливий). Римляне совершали тоже постоянные вторжения в пределы соседей и опустошали их поля и селения. Все же в этот период силы Рима были еще слишком незначительны для прямой агрессии. Мало того, не было во всей истории Рима периода более грозного и опасного, чем первые 150 лет его самостоятельного существования, и только крайним

и непрестанным сосредоточением всех народных сил и способностей ему удалось сохранить свою свободу и закрепить за собой небольшую территорию в неустанной борьбе с более сильными противниками.

§ 2. Военные нововведения V—IV вв. и начало боевого превосходства римской армии. Суровая 150-летняя военная обстановка V—IV вв., в которой протекала жизнь многих поколений, наложила неизгладимый отпечаток не только на весь тон римской культуры, но и на самый характер древнего римского народа. В эти тяжелые военные годы, из-за постоянных враждебных отношений с этрусками и засорения путей на эллинизированный юг Италии, должны были значительно сократиться торговые и культурные связи Рима с соседними с ним высшими цивилизациями. В Риме стал явно ощущаться недостаток в металле. Это следует поставить в связь с невозможностью для римлян использовать рудники Этрурии. Римские летописи упоминают о недостатке хлеба, что может свидетельствовать о сокращении его привоза из Южной Италии и Сицилии. Совершенно прекратился импорт товаров из материковой Греции, и на всей территории Рима не найдено ни одного черепка аттических ваз V в. Уменьшилось, в зависимости от этого, значение торгово-ремесленных слоев Рима, успешно подымавшихся в эпоху этрусского господства. Сам Рим терял характер благоустроенного по этрусскому образцу города, обращаясь в большую грязную деревню.

Зато все большее значение стали приобретать з е м л е в л а д е л ь ч е с к и е и з е м л е д е л ь ч е с к и е элементы. Это были главы и члены прежних, разлагавшихся теперь родов — патриции, сумевшие старинные родовые наделы на исконной римской территории обратить в наследственные хутора размером в среднем около 20 югеров (5 *га*), а также колонисты в новых трибах Римской Тусции (правый берег Тибра), Римской Кампании (на юг от Рима, до Альбанских гор) и Помптинской области. Всего теперь образовалось 17 новых сельских триб, и они получили перевес над четырьмя старыми городскими.

Упорным и напряженным трудом целых поколений вновь осушались заболотившиеся после вытеснения лигуров районы, и весь Лациум обращался в тот сплошной цветущий сад, каким он продолжал оставаться до начала средневековья. Даже сановные «отцы-сенаторы», как знаменитый Л. Квинкций Цинциннат, по преданию, не гнушались, сняв свои тоги, в одних пропитанных пылью и потом туниках, лично пахать свои участки или копать водоотводные канавы; а после тяжелой трудовой недели, в праздничный девятый день — «нундины», они лично же из своих сельских усадеб, с коробом, полным репы, брюквы или лука, отправлялись на рынок в город и, прежде чем идти на заседание в сенат, продавали на форуме все эти продукты. Суровая «мужицкая простота», тяжеловесная положительность и сухая практичность стали считаться, благодаря долгому преобладанию этого земледельческого слоя, как бы исконными чертами древнего римского народа и даже его специфическими добродетелями.

Впрочем, кроме кропотливого труда по земледельческому освоению исконной территории, вся энергия народа была направлена

также на ее защиту от опустошительных набегов воинственных соседей и на долголетнюю отчаянную борьбу за свою независимость и свободу. Именно тогда, по выражению Энгельса, римская армия выработала «...самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха»[1].

Прежде всего, в связи с необходимостью постоянно вести борьбу одновременно на четырех фронтах — на этрусском, сабинском, эквийском и вольском, пришлось теперь разделить римскую армию вместо прежних двух на четыре легиона. Каждый римский легион стал, правда, вдвое меньшим по количеству бойцов, состоя всего из 4200 воинов основной боевой линии. Однако это разукрупнение основной римской боевой единицы, с одной стороны, компенсировалось присоединением к каждой из них равного по численности контингента союзнических отрядов, притом, обычно, с двойным количеством конницы, а с другой, вызывалось и самым характером военных операций, протекавших в условиях горно-пересеченной местности и с таким весьма подвижным противником, каким были эквы, вольски и кельты.

Поэтому и каждый легион стал разделяться на мелкие, способные к самостоятельным действиям войсковые части — «манипулы»; манипул состоял из двух центурий и имел своего горниста и свой собственный военный значок в виде поднятой кверху ладони (manus — откуда и его название). В легионе было 30 манипулов, и он стал представлять собой весьма стройное и сложное соединение таких самостоятельно, но по единому плану действующих мелких боевых единиц.

Одновременно происходило п е р е в о о р у ж е н и е легионеров, а именно, несомненно в связи с недостатком металла и в особенности меди, оборонительное вооружение римского воина стало изготовляться преимущественно из крепкой и толстой сыромятной кожи с самым скупым и ограниченным добавлением к ней железных частей.

Так, грузный бронзовый панцырь заменен был ременным доспехом с большой металлической бляхой на груди и с широким поясом, тоже унизанным мелкими железными бляхами, для лучшего прикрытия области живота. Массивная медная или бронзовая каска сменилась легким кожаным шлемом. Крайне тяжелый круглый медный щит был заменен щитом легким, дощатым, полуцилиндрическим; он тоже обивался кожей и имел железную кайму по краям и большую круглую железную бляху в центре, что парировало действие и колющего и рубящего оружия врага. Медные поножи исчезли почти совсем: для защитыног рядовой воин ограничивался простыми кожаными обмотками.

В результате происшедшего, таким образом, облегчения защитного вооружения римская пехота стала значительно более подвижной и более способной к маневрированию. Вместе с тем благодаря относительной дешевизне и доступности для всех граждан такого облегченного снаряжения стирались в значительной мере и воен-

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 379.

ные различия цензовых классов. Римская армия, таким образом, приобретала все более единообразный и демократический характер.

Параллельно и одновременно со всем этим шло и усовершенствование ударного наступательного оружия. Особенно существенное значение имело введение в армии «пилума» — копья совсем нового и весьма совершенного типа.

Пилум представлял собой очень остроумную и рациональную комбинацию метательного оружия с ударно-колющим — дротика с пикой — и состоял из длинного (1 *м* 3 *см*), тонкого и очень острого железного наконечника, напоминающего наш русский штык, крепко, с помощью раструбообразной втулки насаженного на такой же длины древко. Весьма усовершенствован был, в особенности в период галльских войн, и римский меч. Он был относительно коротким (60—75 *см*), очень крепким и массивным, со специально закаленным острием на конце и с солидной роговой или костяной рукоятью. Им можно было одинаково успешно и рубить и колоть; особенно пригоден он был для тесного рукопашного боя вплотную, когда длинные кельтские мечи, при отсутствии пространства для размаха, неспособны были эффективно действовать. Носили его римские воины с правого бока на особом узком поясном ремне, к которому с левой стороны прикреплялся также короткий, но очень острый кинжал.

В это же время появилось и новое боевое построение римской армии, так называемый манипулярный строй. Манипулярное боевое построение сложилось благодаря правильному, вполне рациональному учету как новой подвижности и маневренности римской пехоты, так и новой способности мелких боевых частей — манипулов — к самостоятельным боевым действиям.

Этот манипулярный строй, как новшество в расположении римской армии, описывает Тит Ливий, изображая битву при Везувии в 340 г.: «Прежде войска строились фалангами, подобно македонским, впоследствии же эта масса образовала боевую линию, построенную по манипулам... Первый ряд в боевом строю составляли копейщики (hastati) числом в 10 манипулов, отстоящих один от другого на небольшом расстоянии. Это был передовой отряд в битве, состоящий из молодых воинов. За ним (т. е. за этой первой цепью) следовал отряд более окрепших воинов, разделенных на столько же манипулов (и с такими же интервалами между ними); они именовались «главные» (principes) и все вооружены были продолговатыми щитами и отличным оружием». Далее, третьим рядом манипулов, «следовали триарии, старые воины испытанной храбрости», составляющие основную ударную силу армии и ее главный боевой резерв. Их было тоже 10 манипулов.

«Когда войско построено в таком порядке, — продолжает Т. Ливий, — копейщики прежде всех начинали сражение. Но коль скоро они не в состоянии одолеть врага, они медленным шагом отступали назад, и их тотчас принимали главные в интервалы между своими рядами. Тогда сражались главные, а за ними следовали копейщики. Триарии располагались позади своих знамен, опустившись на правое колено и вытянув левую ногу вперед; плечом они опирались на щиты, а копья с приподнятым вверх острием держали воткнутыми в землю, представляя из себя боевую линию, обнесенную точно палисадом. Если главные не имели успеха в битве, то из первого ряда отступали мало-помалу к триариям: отсюда для обозначения опасного момента битвы и вошло в пословицу выражение «дело дошло до триариев». Тогда триарии поднимались с места, принявши копейщиков и главных в промежутки между своими рядами, тотчас как бы загораживая этими сомкнутыми рядами все выходы, и, образовавши сплошную фалангу, быстро нападали на неприя-

теля. Для неприятелей этот момент был самый ужасный: преследуя как бы побежденных уже противников, они замечали вдруг наступавший на них новый, еще более мощный боевой отряд» (Ливий, VIII, 8,3—19). Эта контратака триариев обычно вела к полному разгрому уже ослабевшего врага.

В это же время выработалась у римлян и их весьма совершенная система расположения войска в походе и на стоянках. Р и м с к и й л а г е р ь (castra) разбивался по раз навсегда установленному плану.

Посланные вперед офицеры (военный трибун с несколькими центурионами), выбрав подходящую, всегда ровную местность, удобную в отношении снабжения водой и провиантом, флажками размечали все расположение стоянки. Для этого проводились две накрест пересекающиеся линии — с востока на запад и с севера на юг. Они представляли собой основу главных дорог лагеря — поперечной, главной дороги, шириной в 100 футов (30 *м*), и продольной, вдвое у́же; дороги делили лагерь на четыре внутренние квадрата, а четверо ворот у их окончаний намечали и его внешнюю квадратную границу. Затем, в середине, на пересечении дорог, белым флагом отмечалось расположение «преториума», палатки командира, а с обеих сторон ее, вдоль главной дороги, места палаток высшего командного состава — квестора, трибунов и легатов.

«Поэтому, когда легионы приближаются к месту стоянки и начинают различать его, для них все делается тотчас ясно: они руководствуются в своих соображениях знаменем военачальника... Каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его палатка: все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в родной город» (П о л и б и й, VI, 41, 9—10).

Сложив оружие и багаж, солдаты по сигналу, каждый на определенном месте, прежде всего копали внешний, ограждающий лагерь ров, возводили из выпутой земли вал и укрепляли его частоколом из кольев, обращая тем лагерь в полевую крепость. Затем по другому сигналу устанавливались палатки командира (перед нею из дерна делались трибуна и жертвенник) и офицеров штаба; и наконец, расставлялись двойными рядами, точно спина в спину, длинные кожаные палатки солдат.

Окруженный густой цепью наружных постов, караулов, дозорных патрулей и пр., такой лагерь представлял собой надежную защиту для отдыхающего после пути войска и прекрасное убежище в случае окружения подавляющими силами противника. Благодаря обилию ворот и точному расписанию движения через них различных частей армии, он позволял очень быстро перейти из оборонительного расположения в боевой наступательный порядок, оставаясь в то же время опорной базой в тылу развертывающегося боевого строя.

Громадное внимание уделялось и поддерживанию боевого настроения в армии, ее моральному и военному воспитанию. За потерю оружия в бою или за оставление своего поста солдат немедленно предавался суду и, в случае осуждения, забивался до смерти палками и камнями своими же товарищами. В части, которая колебалась в бою или отступила, производилась «децимация», т. е. казнь каждого десятого по жребию; остальные переводились с пшеничного пайка на ячменный и должны были свои палатки ставить вне лагеря — до тех пор, пока в новом сражении не восстановят воинскую честь своего подразделения. Рядом с этими суро-

выми средствами укрепления железной дисциплины широко применялись и меры поощрительного характера. Подвиги храбрецов восхвалялись полководцем в его речах на солдатских сходках, они получали щедрые подарки и знаки отличия (золотые венки и «фалеры» — металлические бляхи).

§ 3. Римская военно-патрицианская республика в начале V в. до н. э. Доминирующее значение военных дел, вопросов и интересов, первенствующая роль, которую армия стала играть во всей жизни римского народа в эту опасную пору, имели результатом также коренное переустройство центрального аппарата римского управления в направлении его полной и решительной военизации. Патриархальная форма царской власти исчезла уже в период этрусской деспотии. Слабые пережитки древней власти царей сохранялись в Риме лишь в наименовании одного из членов коллегии понтификов — «царь-жрец», вернее — «царь по духовной части». Вместе с тем с исчезновением единовластия этрусских царей управление сделалось уже не царским, а «о б щ и м н а р о д н ы м д е л о м» (res publica), как и стало теперь официально называться новое складывавшееся Римское государство — Римская республика (respublica Romanorum). Но в связи с тем значением и даже преобладанием, которое в общих делах имели дела воинские, под «народом» понимался, собственно, только военный народ — войско (exercitus) римского народа. Верховным органом республиканского управления сделалась поэтому с начала V в. военная сходка, так называемые «центуриатные комиции» (comitia centuriata). В сущности, это был общевоинский сбор для коллективного решения всем войском, построенным по центуриям, текущих военных вопросов, а именно — объявления или прекращения войны, а также ежегодного выбора военачальников.

Главное общевоинское собрание собиралось весной, в марте месяце, посвященном богу войны Марсу, перед началом весеннего похода. В назначенный день на заре трубачи играли военный сбор, и на башне крепости (arx) вывешивался красный флаг — сигнал тревоги. Все военнообязанные граждане должны были немедленно явиться на загородное Марсово поле — обычный плац военных упражнений — в полном своем вооружении, с запасом продовольствия на 17 дней, и построиться здесь по своим центуриям — ротам, с центурионами и военными значками во главе. Впереди со своими конями становились 18 центурий всадников, затем 80 центурий воинов первого класса, за ними 90 центурий четырех следующих классов и, наконец, 5 центурий нестроевых и пролетариев. Таким образом, это был одновременно и сбор, и воинский парад всей римской армии, и, возможно, в таком виде он проходил уже при Сервии Туллии. Начальник, созвавший собрание, произносил речь, в которой изображал текущее внешнее положение, и в заключение обращался к войскам с вопросом («рогация»): «Соизволите ли и прикажете ли, квириты, объявить войну такому-то народу?» Он называл также имена лиц, которых рекомендовал выбрать военачальниками на предстоящий год. Никаких обсуждений и речей не допускалось, и следовала команда перейти к голосованию.

Затем войска проходили маршем перед своим вождем, и каждая центурия, проходя, подавала свой голос (внутри центурии голоса считали особые

счетчики). Марш открывали наиболее почетные части — конные, они же первые подавали голос. Поэтому 18 всаднических центурий назывались «прерогативными», т. е. первовопрошаемыми. Результат их голосования оглашался немедленно и имел всегда большое значение для общего исхода. Затем проходили и голосовали 80 центурий воинов первого класса, и, если они голосовали так же, как и всаднические, то этим сразу достигалось большинство (98 центурий); тогда младшие 95 центурий совсем не опрашивались, и голосование на этом прекращалось. В противном случае оно продолжалось до получения перевеса того или другого решения. Таким образом, последние центурии, состоящие из беднейших, опрашивались редко, и перевес всегда был на стороне наиболее состоятельных и лучше вооруженных граждан. Если «войско» решало начать войну, то бывали случаи, когда вновь выбранные здесь же военачальники сразу с собрания и вели воинов в поход. Второе собрание центуриатных комиций происходило осенью, перед началом осенней кампании. Зимой и летом обычно не воевали, по преданию, до вейентинской войны (405—396 гг.).

Все же это новое военизированное и цензовое центуриатное народное собрание с ограниченной компетенцией стало с начала V в. эмбриональной формой нового римского народовластия. Оно оттеснило вместе с тем древние патрицианские родовые куриатные комиции, которые сохранили лишь право утверждения выбранных на центуриатных комициях начальников и передачи им особым обрядом прав на высшую власть («империум») — функции, постепенно обращавшиеся в простую формальность.

Вторым, значительно более активным органом управления Римской республики стали два ежегодно выбиравшиеся, и притом непременно из среды патрициев, магистрата — *два претора*, т. е. предводители, вожди (от prae — впереди и ire — идти). Они же являлись и высшими гражданскими начальниками (именами их назывался соответствующий времени их управления год). Власть преторов, как и все в Риме в эту эпоху, имела неограниченный, сугубо военный характер, соответствующий власти главнокомандующих.

Вступая в должность, они издавали «преторский эдикт» — приказ, составленный по-военному, в четких и ясных выражениях, и требовали от всех граждан пунктуального его выполнения. С нарушителями они производили немедленную и беспощадную расправу по правилам военно-полевого суда. Поэтому преторы в раннее время назывались также «судьями». Наказания были суровы: либо сечение розгами, длинными прутьями от виноградных лоз, либо смертная казнь посредством обезглавливания топором. Для немедленного приведения в исполнение приговоров преторов сопровождал грозный конвой из 12 ординарцев — «ликторов», несших на плечах перевязанные ремнями связки прутьев с вставленными в них топорами («фасцы»). Только появляясь перед собравшимся на комиции народом, претор приказывал своим ликторам склонять их фасцы в знак признания народного суверенитета и народного происхождения своих полномочий.

Впрочем, повидимому, уже очень рано обнаружились и первые признаки стремления гражданской общины к ограничению этой непомерно большой власти первоначальных магистратов-патрициев, прямых преемников деспотии этрусских царей. Прежде всего это выразилось в установлении права вмешательства («интер-

пессии») одного претора в распоряжение другого: это побуждало каждого претора действовать всегда по предварительному соглашению со своим соизбранником — «коллегой» — и вводило тем в римскую систему управления сдерживающие начала коллегиальности. Преторам так часто и много приходилось сходиться на совещания («консилиумы»), предварительно консультироваться одному с другим, что постепенно за ними установилось новое наименование — консулы, т. е. «советники», настолько вошедшее во всеобщее употребление, что совсем вытеснило прежние названия их должности.

Заместителями преторов-консулов были «квесторы», т. е. «следователи» (в первые десятилетия республики их было два, с 421 г. — четыре). Первоначально это были помощники главнокомандующих, назначенные ими самими из числа патрициев. Квесторы вели уголовные и дисциплинарные дела и заведовали канцелярским производством, а в особенности хозяйственной и финансовой частью. Со второй половины V в. квестура стала избирательной должностью с самостоятельным империумом. Выделение этих функций в особую избираемую и, таким образом, получавшую непосредственно от народного собрания свои полномочия магистратуру представляло несомненное второе ограничение и сужение деспотической, некогда консульской власти. Квесторы стали хранить у себя ключи от кассы, и без их участия невозможно было произвести ни одной оплаты или выдачи даже консулам. Они же стали ведать поступлением податей и налогов, судебных штрафов и контрибуций, продажей военной добычи и военнопленных, чеканкой монеты и пр. Квесторы вместе с тем остались и заместителями главнокомандующих, сопровождали их в походе и заменяли в случае ранения, болезни и пр., почему палатки их в лагере ставились рядом с палаткой начальника.

Третье ограничение, и самое значительное, создалось благодаря постепенно установившемуся в Риме праву осужденного апеллировать на приговор осудившего его магистрата к народному собранию («провокация к народу»). Такое серьезное ограничение империума магистратов традиция приписывает консулу 509 г. Валерию Попликоле. Но оно могло осуществиться и полностью войти в практику лишь значительно позднее. Во всяком случае, рано установился обычай, что в черте города ликторы стали вынимать из своих фасцев топоры и появляться только с одними связками прутьев, что обозначало утрату магистратами безапелляционной власти над жизнью граждан в обычных условиях мирного времени.

Однако в случае исключительной внешней опасности (например, осадного положения) неограниченная власть древней военной магистратуры кратковременно восстанавливалась путем назначения на 6 месяцев из числа заслуженных патрициев особого сверхординарного магистрата с чрезвычайными полномочиями — «диктатора». Диктаторы имели всю полноту неограниченной власти, почему греческие писатели называют их «автократорами» (самодержцами).

С момента назначения диктатора (само назначение его производилось одним из консулов, на которого падал жребий, путем провозглашения) все

распоряжения этого «начальника народа» должны были выполняться беспрекословно, и он безотчетно производил расходы из государственной кассы; он сам назначал себе помощника, «начальника конницы». Однако эта чрезвычайная власть являлась очень кратковременной, и обычай требовал, чтобы диктатор сам добровольно складывал свои полномочия еще до истечения шестимесячного срока, если прекращались вызвавшие его назначение обстоятельства; так, по преданию, диктатор Л. Квинкций Цинциннат (458 г.) сложил свою диктаторскую власть уже на шестнадцатый день (Ливий, III, 29, 7).

Военизация римского правительственного аппарата изменила как состав, так и характер римского сената: сенат превратился в центральный орган всего римского военного управления, в патрицианский «генеральный штаб» римского народа. Родовые патриархи («отцы») были отодвинуты теперь в нем на второе место новыми его членами — бывшими военными магистратами, которые почти автоматически, по спискам, составляемым консулами, стали включаться в сенат по истечении своих должностных сроков. Только сенаторы последней категории («консулярные», «преторные», «квесторные») получили право выступать с речами и предложениями в сенате; все другие обратились в молчаливую голосующую «пехоту», т. е. лишь участвовали в голосованиях, которое происходило путем расхождения на две стороны.

Измененный и военизированный таким образом сенат в скором времени фактически подчинил себе всех магистратов, обратив их в выполнителей своих постановлений («сенатус консульты»), так как никому из них не было никаких оснований ссориться с той авторитетной коллегией своих предшественников, в которой каждому из них предстояло пожизненно участвовать по выполнении своих краткосрочных обязанностей магистрата.

Сенаторы присвоили себе почетный костюм — широкую красную полосу на тунике, такой же широкий красный кант на тоге, особого покроя башмаки и золотой перстень; им отводились особые почетные места — кресло из слоновой кости в «курии Гостилия», где сенат обычно собрался, также на празднествах, в цирке и театре. Сенат захватил в свое ведение все дела культа, администрации, финансов, законодательства, дипломатии, военного дела и пр., но с особой настойчивостью и упорством он не выпускал из своей компетенции вопросы внешней политики и войны. Даже решения народных собраний подлежали сенатскому утверждению.

Так, Римская республика, в принципе долженствовавшая представлять собой рабовладельческую демократию, в действительности являлась господством сенатской военно-патрицианской аристократии. Это открыто и выражалось в общепринятом сокращенном обозначении ее, которое помещалось на знаменах, правительственных зданиях и актах в виде четырех сакральных букв: SPQR (что означает Senatus Populusque Romanus). Литера сената в этой символике совершенно правомерно фигурирует впереди обозначения народа, отражая вполне реальные фактические отношения эпохи ранней Римской республики.

ГЛАВА XLIV

ЛИКВИДАЦИЯ ПЕРЕЖИТКОВ РОДОВОГО СТРОЯ И ОФОРМЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

§ 1. Восстание плебса и начало плебейской организации. В этой напряженной внешней обстановке развертывалась в Риме в V—IV вв. острая социальная борьба, какая двумя столетиями ранее, в VII—VI вв., происходила в древней Греции. В исторической литературе о Риме она известна под мало выразительным обозначением «борьбы патрициев с плебеями». На самом же деле это была, по выражению Энгельса, целая революция, «...которая положила конец древнему родовому строю» Рима [1].

К сожалению, состояние наших источников (Т. Ливий, Дионисий Галикарнасский, Диодор) в этом разделе древнейшей римской истории настолько неудовлетворительно, что Энгельс вполне также прав, утверждая, что «Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима,... невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции... Несомненно только одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus» [2]. Следовательно, и завершение ее связано с полной победой плебеев над патрициями. Причем, как и в древней Аттике, где лишь почти через столетие после реформы Солона «...революция Клисфена... низвергла... окончательно... последние остатки родового строя» [3], в Риме окончательная ликвидация этого строя последовала тоже революционным путем, только много времени спустя после реформы Сервия Туллия.

Борьба между плебеями и патрициями представляла собой в V в. проявление антагонизма между двумя равно пестрыми по имущественному состоянию слоями римского общества. С одной стороны, это был организованный в роды и курии, гордый своим происхождением от «добрых отцов», воинственный и буйный патрициат с его многочисленной, но часто и голодной клиентелой. Патриции стремились, вразрез с новыми условиями жизни, сохранить ведущее значение форм старинного хозяйства и связанные с этим свои привилегии. На другом полюсе находился все более возрастающий слой «безродного плебса», людей самых различных состояний и занятий, но преимущественно мирного труда и нового типа хозяйства, он состоял из разношерстных по происхождению и племени торговцев, ремесленников, земледельцев, строительных рабочих, поденщиков и батраков, наконец, бродяг и нищих вроде греческих фетов и метанастов.

Напряженная борьба между этими двумя частями римского населения, несомненно, происходила уже в царский период. Но

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 133.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 120.

с особой силой эти противоречия, согласно традиции, стали обостряться со времени установления республики в Риме. Родовая аристократия, несомненно, использовала ею же инспирированное свержение царского режима для того, чтобы монополизировать власть в своих руках. Правительство Римской республики V в. имело совершенно олигархическую форму господства приблизительно 40 знатных патрицианских родов (Фабиев, Клавдиев, Валериев, Квинкциев, Манлиев и др.). Оно обратилось в «ненавистную аристократию» [1]. А между тем эти олигархические тенденции патрициата уже совсем не соответствовали его реальной хозяйственной и социальной силе. По мере осушения заболоченной территории Рима и римской Кампании должно было оставаться все меньше пространства для древнего общинного хозяйства. Родовые пастбища и нарезанные родичам и их клиентам на общинно-родовой земле во временное пользование наделы обращались в разделенные постоянными межами и даже огороженные хутора, в участки интенсивной огородной и садовой культуры, наследственно обрабатываемые одними и теми же семьями. Тем большее значение для патрициев должна была приобретать еще неразделенная между родами «общественная земля» (ager publicus) и тем упорнее, в связи с этим, должен был патрициат отстаивать свои древние права на монопольное ее использование.

В связи со всем этим естественные при примитивном хозяйстве обширные родовые общины-коллективы теряли свой хозяйственный смысл и неуклонно шли к распаду. Около 20 древних патрицианских родов за это время исчезло совсем. Другие, еще уцелевшие, были значительно ослаблены продолжающимися родовыми распрями, как, например, род Кассиев, а также представлявшими уже явный анахронизм частными войнами.

Т. Ливий (II, 48—49), опираясь, несомненно, на сообщение Фабия Пиктора, описывает, как в 479 г. род Фабиев своими силами и на свои частные средства вызвался вести войну с этрусским городом Вейями. После нескольких начальных удач весь отряд попал в засаду близ реки Кремеры и был поголовно истреблен. «Все 306 Фабиев погибли, остался один лишь близкий к совершеннолетию наследник, благодаря чему этот знаменитый род не угас окончательно».

С другой стороны, одновременно с разложением патрициата слагался уже весьма заметный в хозяйственной и общественной жизни слой зажиточного римского городского демоса. Богатые римские плебеи (Минуции, Лицинии, Ливии, Требонии и др.) должны были с досадой переносить высокомерную замкнутость патрицианской аристократии и ее политическую монополию. Поэтому из этой среды должны были исходить все более настойчивые требования сословного равенства, разрешения браков с патрициями, устранения других оскорбительных ограничений и открытия доступа к магистратуре для новых деловых элементов.

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 175.

В низовых, основных массах плебейства эта агитация его верхов находила широкий отклик. Плебс давно волновали вопросы материального характера и прежде всего — долговой и аграрный. Долговой вопрос V в. заключался не в отмене долгов, а лишь в смягчении примитивно-свирепых форм древнего долгового права и обращении их в более пристойные формы кредита, соответствующего новым формам производства и обмена. Задолженность значительной части сельского и низов городского плебса должна была расти из-за постоянного опустошения от вражеских набегов и ежегодных мобилизаций на военную службу. Часть плебса обратилась уже вследствие неуплаты долгов в рабов-должников (nexi, obaerati), другой грозила в недалеком будущем та же участь неизбежного закабаления. Таким образом, и в Риме начала V в. устанавливались уже ранние формы рабовладельческого общества, когда основной контингент невольников, как на древнем Востоке и в греческих полисах VIII—VII вв., получался из своих же закабаленных земляков-должников.

Важную роль в ухудшающемся положении плебейских низов играла, надо полагать, и растущая трудность получения пахотных земель в римском «общественном поле». Вновь завоеванные территории попрежнему распределялись только среди патрициата как представителя истинно-римского народа (populus Romanus). Раздраженный всем этим плебс вину за свои бедствия, естественно, приписывал патрицианскому правительству и потому весьма склонен был также поддержать политические домогательства и тенденции своей верхушки.

Как и в Греции, движение, несомненно, возглавлял городской плебс; центром движения стал портовый район Авентина с находившимся в нем храмом богини Цереры. Старосты его, «эдилы», т. е. «попечители храма», сделались первыми общепризнанными руководителями плебейской массы.

Формой борьбы являлись многократно упоминаемые в предании сецессии, т. е. выходы, удаления плебеев; они представляли собой, собственно говоря, опасные по своим последствиям возмущения плебейской части армии в моменты, весьма тяжелые в военном отношении для города и грозившие перейти в открытое вооруженное восстание. Источники наши говорят о нескольких сецессиях: первой в 494 г., второй в 471 г., сецессии 449 г. и еще других, вплоть до военного мятежа 342 г. Взбунтовавшееся войско, состоявшее уже в основе из плебеев, отказывалось выступать на фронт или, как в 449 г., бросив позиции, устремлялось к городу. Сборным местом всегда бывал Авентинский холм. Здесь повстанцы создавали свою военно-революционную организацию, объединялись в плебейскую «священную дружину», выбирали своих предводителей и, повидимому, связывали себя присягами и клятвами призывая в свидетели покровительницу плебеев богиню Цереру («церемонии»). Нарушители клятвы и отступники объявлялись посвященными в жертву богам,

а имущество их должно было поступать в храм Цереры и ее спутников Либера и Либеры. Затем войска проходили через город к его восточным Коллинским воротам и располагались на стоящей всего в 3 тысячах шагов от городской стены горе, которая получила затем название Священной: здесь устраивался лагерь, укрепленный валом и рвом, и выжидался дальнейший ход событий.

Оставшимся без армии патрицианским властям и командному составу рано или поздно приходилось идти на соглашение: всякая хозяйственная жизнь города прекращалась, поля оставались необработанными, армия забирала провиант из патрицианских имений, иногда производила разгром и самих усадьб (Фронтин, I, 8, 1). На брошенные войсками пограничные позиции вторгались и затем продвигались внутрь, опустошая всю римскую территорию, многочисленные враги. Наконец на Священную гору, в качестве сенатских уполномоченных, высылались популярные и заслуженные лица, призывавшие к соглашению (так, согласно преданию, послан был старый и всеми уважаемый Менений Агриппа во время первой сецессии, дружившие с плебеями патриции Валерий и Гораций во время сецессии 449 г.), и путем такого посредничества борющиеся стороны сходились на известном компромиссе. Последовательным рядом вырванных таким путем у патрициев уступок плебеи и добивались постепенно, по частям осуществления своей программы.

§ 2. Возникновение плебейских собраний и народного трибуната. Согласно традиции, первым успехом плебеев было разрешение им создать свои постоянные организации. Уже с самого начала V в., может быть, со времени первой сецессии 494 г., появились «собрания плебса» (concilia plebis), т. е. признанные патрицианской властью сходки всего плебейского сословия, заменившие прежние ночные сборища и тайные совещания. Участвовали в них одни плебеи, и постановления их, так называемые «плебисциты», были обязательны только для плебейской общины. Местом собраний являлась рыночная площадь (форум) и назначались эти собрания всегда на базарный день — в нундины, когда эта площадь особенно была полна всяким торговым и крестьянским людом.

Повидимому после второй сецессии (471 г.), по предложению Волерона Публилия, плебейское собрание приняло постановление производить все голосования по трибам. С этого времени оно стало называться также трибутным собранием и претендовать на роль общенародного.

По традиции, это и завершилось успехом после третьей сецессии в 449 г. Два благожелательно настроенные к плебеям консула — патриции Л. Валерий и М. Гораций — будто бы провели через центуриатные комиции «закон Валерия и Горация», устанавливающий за плебисцитами значение законов, имеющих обязательную силу для всего римского народа. Многие их постановления, действительно, с этого времени обращаются в общегосударственные законы, например, закон Канулея 445 г., разрешающий браки

патрициев с плебеями. Но окончательное превращение трибутных собраний в законодательные «трибутные комиции» произошло много позднее, не ранее IV в.

Одновременно с собранием плебса появился и параллельно с ними рос второй боевой орган плебеев — плебейский трибунат. По преданию, народные или, вернее, плебейские трибуны (т. е. общеплебейские старосты) были впервые выбраны плебеями на Священной горе во время первой сецессии 494 г. Особым «священным законом» плебеям разрешено было иметь своих собственных магистратов под таким именем. Они объявлялись «священно-неприкосновенными», и всякое сопротивление им навлекало на виновного проклятие и расправу: провинившегося сбрасывали с Тарпейской скалы на Капитолии. Обязанностью народных трибунов было оказание помощи плебеям против всякой патрицианской власти, даже консульской, путем вмешательства («интерцессии») и наложения запрещения (veto) на ее распоряжения, если они нарушали интересы плебеев. Трибун мог приостановить любое судебное дело и перенести его на свое решение. Наконец, он являлся председателем плебейских сходок и собраний, мог собирать их и ставить на их обсуждение свои предложения. Таким образом, в лице трибунов плебеи получили заступников и защитников против патрицианского произвола, наделенных небывало большими полномочиями.

Однако здесь были и некоторые существенные ограничения. Во-первых, трибуны были первыми в Риме гражданскими магистратами без «империума», т. е. военной власти, и связанных с ней функций. Затем полномочия плебейских трибунов ограничивались пределами города и не распространялись за его черту. В течение всего годичного срока своей службы трибун обязан был не покидать города и непременно ночевать в своем доме с незапертой дверью, чтобы в любое время к нему мог обратиться всякий нуждающийся в его помощи и защите. На сельские местности первоначально его власть не распространялась. Не функционировала она и с момента назначения диктатора, когда город объявлялся на военном положении. Власть плебейских трибунов ограничивалась также и обычной для Рима коллегиальностью: трибуны обязаны были действовать сообща; каждый из них мог применить свое право интерцессии и по отношению к своему товарищу.

Но по мере расширения прав плебейской общины в ее борьбе с патрициатом росло и значение плебейского трибунала. Первоначально, повидимому, народных трибунов было только два. С 471 г.— четыре или пять, с 449 г. — десять. С 471 г. выборы трибунов стали производиться на трибутных собраниях, благодаря чему трибунат из простого представительства плебса стал постепенно обращаться в ординарную магистратуру всего римского народа. В связи с этим трибуны стали явочным порядком расширять свои полномочия. Они начали практиковать наложение штрафов, применение арестов и пр. Трибуны намеревались даже контролировать

сенат. Они усердно посещали его заседания, скромно стоя у дверей или сидя на принесенных с собой скамеечках, и внимательно следили за сенатскими прениями и постановлениями. Если же последние принимали вредный или враждебный плебеям характер, один из них вставал и заявлял о наложении своего вето.

У трибунов постепенно появилась своя собственная канцелярия, свои писцы, свой штат исполнителей — приставов, свой архив при храме Цереры, хранителями которого сделались плебейские эдилы, занявшие теперь подчиненное трибунам положение.

Таким образом, для ранее подавленных свободных слоев римского общества теперь открывалась возможность перехода от обороны к наступлению с целью достижения полного уравнения в сословных правах с патрициями и создания таким путем единого монолитного господствующего класса.

§ 3. Децемвират и законы Двенадцати таблиц. Успехи плебса в борьбе с патрициатом, однако, не были быстры. Повидимому, за всю первую половину V в. плебеям удалось добиться лишь прав на создание своих собственных организаций и избрание своей плебейской магистратуры. Вопросы же экономического характера — долгового права, права пользования общественной землей и пр., — затрагивавшие преимущественно низовой плебс, в первой половине V в. не ставились еще в своем полном объеме. И лишь с середины V в., когда движение городского плебса развернулось с полной силой и к нему могли присоединиться как клиенты, так и закабаленный сельский люд плебейского сословия, борьба стала от чисто организационных вопросов все больше переходить к вопросам общеправовым и материальным. Крупнейшим достижением плебейства в этот второй период его борьбы, несомненно, явились знаменитые «законы Двенадцати таблиц», составленные и опубликованные, по преданию, в 451—449 гг.

Традиция сохранила следы ожесточенной борьбы, предшествовавшей появлению этих первых писаных законов в Риме. Непримиримые защитники старины не останавливались, согласно преданию, даже перед государственной изменой и призывом к иноземной интервенции, чтобы сломить движения плебеев.

К этому времени, возможно, относится сказание о молодом патриции Кориолане, который привел целую рать вольсков осаждать родной город и восстанавливать в нем прежний порядок. В 461 г. другие патрицианские изгнанники объединились, по преданию, вокруг вождя сабинской дружины Аппия Гердония и будто бы с помощью рабов, которым они широко обещали свободу, внезапно захватили Капитолий. Восстановить положение и ликвидировать заговорщиков удалось лишь благодаря своевременно подоспевшей помощи из соседнего дружественного Тускулума.

Эти кровавые события 461 г. римская анналистика ставит вместе с тем в прямую связь с «рогацией» трибуна Г. Терентилия Гарсы, предложившего в 462 г. назначить комиссию для ограничения судебного произвола консулов. В 461 г. это предложение было повторено уже всей коллегией трибунов и вызвало особое возбуждение

как в среде плебеев, так и среди патрициев. Все же в 454 г. трибуны добились принципиального согласия сената на кодификацию, и начались подготовительные работы в этом направлении; посланы были сведущие люди даже в греческие города Южной Италии для собирания материала и пр. В 452 г., по завершении этих подготовительных работ, центуриатными комициями была выбрана десятичленная комиссия законодателей (д е ц е м в и р о в) для записи законов. Комиссия децемвиров была облечена диктаторской властью: временно отменено было право провокации к народному собранию и приостановлена деятельность всех магистратов, не исключая и плебейских трибунов. По преданию, эта комиссия децемвиров, возглавляемая Аппием Клавдием, действовала в течение двух лет — в 451 и 450 гг., в первый год в чисто патрицианском, второй в смешанном составе (половина ее состояла из патрициев, другая половина — из плебеев). Результатом ее кодификационной работы явились записанные на медных досках законы Двенадцати таблиц, которые, по выражению Т. Ливия «и по настоящее время [т. е. I в. до н. э.], среди массы нагроможденных один на другой законов, остаются источником всего уголовного и гражданского права» (III, 34, 6).

О деятельности комиссии децемвиров сохранились лишь крайне искаженные и недостоверные сведения. Традиция передает, повидимому, лишь патрицианскую, враждебную децемвирату версию (например, о насильнических действиях Аппия Клавдия). Да и сами законы Двенадцати таблиц тоже не дошли до нас ни в оригинале, ни даже в списках, которых делалось очень много, так как в школах по ним учили детей грамоте. Самые же медные доски, на которых записаны были эти древнейшие римские законы, будто бы исчезли во время галльского погрома. Но отдельные постановления их иногда цитируются в сочинениях позднейших римских юристов (Цицерона, Павла, Гая, Ульпиана), и на основании этих цитат и ссылок были сделаны попытки частичного восстановления этого памятника (см. В. В. С т р у в е, Хрестоматия, ч. II, 1936, № 6).

Среди отдельных постановлений есть относящиеся к глубокой древности. Так, истцу дается право насильно вести на суд ответчика, «наложив на него руки», если последний уклоняется от добровольной явки (табл. I, 1 и сл.). Тяжущийся сам должен обеспечить себя свидетелями и для этого «пусть идет к воротам дома свидетеля и в течение трех дней во всеуслышание взывает к нему» (табл. II, 3). Таким образом, в гражданском процессе государственные судебные органы играют еще роль простой третейской инстанции между тяжущимися сторонами, предоставляя истцу всю организационную часть и передавая ему даже принудительные функции. В уголовной юстиции господствует принцип талиона, т. е. возмездия по норме «око за око»: «Если кто причинит членовредительство и не помирится [с потерпевшим], то пусть и ему будет причинено то же самое» (табл. VIII, 2). Смертной казнью наказывается не только тот, «кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба», но и тот, «кто потравил или сжал в ночное время урожай с обработанного плугом поля», даже тот,

«кто заворожил посевы», «кто переманивает на свой участок чужой урожай», «кто злую песню распевает». Наказания еще носят иногда древний характер религиозного проклятья, свидетельствуя о том, что гражданское право еще не вполне отделилось от примитивных «божеских заповедей» и сакральных запретов. В основе своей этот древний кодекс представлял собой лишь запись и систематизацию обычного действующего родового права — «обычая предков» (mos maiorum). Но уже и в этой простой систематизации и в новом единстве древних правовых постановлений и норм заключалось большое достижение плебейства и жестокий удар по родовой системе. До этого такие «обычаи предков» известны были лишь отцам-родовладыкам, составляли ревниво оберегаемую тайну патрициата и оставляли широкий простор для его судебного произвола.

Несомненно, однако, что даже против воли кодификаторов в новый свод законов должен был просочиться ряд постановлений, отвечавших новым насущным потребностям перестраивавшейся хозяйственной и общественной жизни. Так, в таблице III, содержащей свирепые древние установления долгового права (разрешение кредиторам «наложить руку на должника», «надеть на него колодки или оковы» и т. д.), имеются постановления, отражавшие новые тенденции к смягчению диких форм древнего кредита. Должнику предоставляется 30 льготных дней после признания его несостоятельности; в заточении кредитор не может томить его голодом; колодки и оковы не должны весить более 15 фунтов, и держать в заключении можно не более 60 дней; в базарные дни следует выводить заключенного должника на форум и предлагать желающим его выкупить.

Во многих статьях (например, табл. V, 3—5) ограждается частная собственность, устанавливается право передачи ее в порядке завещания и только в случае отсутствия последнего имущество умершего подлежит возвращению в род. Этим должен был наноситься сильный удар праву родовой общинной собственности. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что эти статьи принадлежат первоначальной редакции законов Двенадцати таблиц, а не представляют собой позднейших их переработок. Зато совершенно бесспорно, что есть также несомненные новшества в семейном праве. Так, хотя и не отменяется древнее право отца убить или продать в рабство своего ребенка, но вводятся уже и некоторые оговорки: лишать жизни следует «младенца, отличающегося исключительным уродством», а «если отец трижды продаст сына, то пусть будет сын свободен от власти отца». На основании этой последней оговорки впоследствии, в связи с новыми хозяйственными условиями, требовавшими большей же хозяйственной самостоятельности взрослых сыновей, развился обычай освобождаться из-под власти отца посредством фиктивной троекратной продажи и троекратного вырывания руки — «эмансипации». Отец при свидетелях трижды брал сына за руку и передавал его кому-либо из присутствующих, символизируя акт продажи посредством «наложения руки» (mancipatio); сын же трижды вырывал свою руку из руки «покупателя» и тем самым объявлялся свободным и правомочным гражданином еще при жизни отца.

Есть в законах Двенадцати таблиц и несомненные следы заимствований из более передового греческого права, в особенности в области постановлений, относящихся к охране жизни, здоровья, спокойствия и имущества граждан

в благоустроенном полисе (например, запрещение погребений в черте города и др.).

Таким образом, следует признать прогрессивный характер этой кодификации, несмотря на преобладание в этом первом римском своде законов примитивно-варварского и уже устаревшего к тому времени дедовского «обычного права». Кодификация децемвиров была, несомненно, большой победой плебеев и открывала им широкий путь к дальнейшим успехам.

§ 4. Завершение борьбы плебеев и патрициев: уравнение сословий, образование единого рабовладельческого класса, оформление государственного аппарата. После децемвирата наступил в Риме самый острый и бурный период сословной борьбы: в ней теперь приняли участие особенно широкие массы городского и сельского плебса, возможно, также и клиенты. Потому все вопросы — и политические, особенно интересовавшие плебейские верхи, и социально-экономические, глубоко задевавшие низовые слои народа, — стали подниматься одновременно и разрешаться совместно и сразу.

Вначале основные выгоды доставались на долю богатых плебейских верхов, попрежнему крепко державших в своих руках руководство движением своего сословия. В 445 г. трибун Канулей провел закон о разрешении браков патрициев с плебеями, как первую приятную для плебейской верхушки поправку к законам Двенадцати таблиц, еще решительно запрещавшим такие смешанные браки. В следующем 444 г. было постановлено выбирать вместо консулов военных трибунов с консульской властью. Это стали делать в те годы, когда плебеи выставляли своих кандидатов на высшую должность в государстве и разрешали им занимать ее под таким обозначением. Военные трибуны с консульской властью (их было обычно шесть) имели все полномочия и инсигнии консулов, за исключением почетных прав, связанных с консульством: права на триумф и права на курульное кресло в сенате. С 390 г. и по 367 г. военный трибунат совсем вытесняет консульство, и среди военных трибунов — непременно несколько плебеев, — свидетельство особенно обострившейся борьбы в эти годы за верховную власть.

В 443 г., повидимому, в связи с появлением военного трибуната, создана была еще новая высшая магистратура — цензура. Это был несомненный реванш патрициата. У военных трибунов, а попутно и у консулов, отнято было право проведения цензов, т. е. переписей с оценкой имущества граждан, с разнесением их соответственно этому по классам. Эти функции были возложены на двух «оценщиков» — цензоров, которые выбирались для этого через каждые четыре года на пятый на 18 месяцев из среды наиболее заслуженных консуляров.

Ценз производился публично, в открытом собрании на Марсовом поле. Все показания об имущественном положении подвергались строгой проверке, и особое внимание обращалось на образ жизни опрашиваемого. Предосудительное поведение его (например, франтовство, распущенность и т. д.) могло

служить основанием к понижению класса оцениваемого. Цензоры составляли также списки сенаторов и могли вычеркнуть из них «недостойных». Эти обширные цензорские полномочия, связанные с «наблюдением за нравами», сделались для консервативно настроенного патрициата очень сильным, тормозящим все социальное развитие средством. Тем более что вскоре цензоры получили особую возможность оказывать влияние и на экономическую жизнь: они стали ведать также всеми делами, касающимися общественной собственности (общественных земель и рудников), постройкой дорог, водопроводов, общественных зданий, оборонительных сооружений и пр. Большая часть деловых людей находилась, таким образом, в зависимости от них, что открывало цензорам особо широкие пути для всяких косвенных воздействий на деятельность и политическое поведение тех самых предпринимательских слоев плебейства, которые являлись особо опасными политическими противниками патрициата.

Но наряду с этими политическими успехами плебейства в целом, некоторые социально-экономические завоевания сделали его низы. Все чаще производилась раздача земель во вновь присоединенных территориях. Так, после завоевания Вей в 393 г. плебеи получили от сената «щедрый подарок» (Ливий, V, 30,8): было издано сенатское постановление разделить между плебеями вейентинскую землю по семи югеров на человека. Так как войны становились продолжительными, пришлось в 406 г. установить жалование легионерам, надолго задерживаемым под знаменами. Несомненно, не раз поднимался и долговой вопрос.

Многолетняя борьба достигла наибольшего напряжения в ближайшие годы, следовавшие за галльским разорением 387 г. и в несомненной связи с ним. Разоренное и обнищавшее население не в состоянии было ни вносить налоги, ни уплачивать свои долги. И Диодор (XV, 61, 1; 75, 1) и Т. Ливий (VI, 31, 1; 42, 9) согласно говорят о «грозных мятежах», которые в это время происходили в Риме. Так, рассказывают, что М. Манлий Капитолин, прославившийся защитой Капитолия от галлов, в 384 г. выступил с требованием «аграрного закона». Он будто бы даже призывал плебеев к восстанию и заявлял, что «с землей следует сравнять все диктатуры и консульства, чтобы римские плебеи могли поднять голову». Совместными усилиями патрициев и плебейской верхушки этот смелый «заступник плебеев» (patronus plebis) был обвинен в стремлении к царской власти, и сами народные трибуны сверглн его с Тарпейской скалы (Ливий, VI, 18—20). Тщетны были попытки патрициата сломить народное движение путем целой серии диктатур; движение плебеев не ослабевало, подготовлялась новая сецессия, на этот раз, повидимому, в недавно завоеванные Вейи. Наконец, в 367 г. упорная борьба заставила диктатора и сенат уступить и согласиться на утверждение законопроекта двух народных трибунов — Г. Лициния Столона и Л. Секстия Латерана: этот законопроект они будто бы тщетно пытались провести в течение целых 10 лет и наконец, теперь он стал одним из основных римских конституционных законов.

Закон Лициния и Секстия касался одновременно всех трех главных пунктов плебейской программы: аграрного,

долгового и политического. Он предоставлял всем свободным римским гражданам, независимо от их сословия, равные права на пользование общественной землей, ликвидируя тем прежнюю патрицианскую монополию в этом отношении. Были установлены и какие-то нормы оккупации ее: предание говорит о максимальной разрешенной заимке в 500 югеров (около 125 *га*), но эта цифра, несомненно, недостоверна, так как еще во II в. имение в 100 югеров, согласно Катону («О земледелии», I, 7), считалось весьма значительным. Устанавливалась очень крупная льгота для должников, очевидно, в связи с всеобщим разорением и неплатежеспособностью: проценты, уже уплаченные, засчитывались в погашение основного долга. Наконец, отменялся военный трибунат и восстанавливалась система ежегодного избрания двух консулов, причем один из них непременно должен был избираться из плебеев.

Правда, опять пришлось сделать уступку патрициям: от консульской должности была отделена претура, как особая судебная власть, и резервирована для одних патрициев. Учреждена была также новая патрицианская магистратура двух «курульных эдилов» (т. е. имеющих право на кресло в сенате): они должны были ведать организацией празднеств и связанных с культом массовых игр, а также наблюдать за охраной порядка в городе, в особенности на рынке и в других местах скопления народа. Однако патрициату недолго пришлось радоваться этим последним своим победам: уже через год, в 365 г., курульный эдилитет стал доступен и плебеям, а вскоре плебеи получили доступ к претуре и ко всем остальным должностям, даже диктатуре.

Дальнейших успехов скоро добился и низовой плебс: в 357 г. высший размер долгового роста был установлен в 10%, в 342 г. закон Минуция даже пытался совсем запретить проценты по долгам. Наконец, в 326 г., по закону Петелия было з а п р е щ е н о к а б а л ь н о е р а б с т в о: «Этот год, — пишет Т. Ливий (VIII, 28), — был как бы новым началом свободы для римских плебеев... закабаленные были освобождены и запрещено на будущее время брать должников в кабалу».

Так, в результате более чем 150-летней борьбы было окончательно ликвидировано древнее примитивное деление римского общества на родовитых патрициев и «презренных» безродных плебеев. Фактически в связи с победой плебса «...скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс» [1]; оба прежде враждебные сословия объединяются в единый господствующий к л а с с с в о б о д н ы х р и м с к и х г р а ж д а н (cives Romani). Различались между собой граждане уже не по происхождению (от старого деления на патрициев и плебеев сохранились лишь совсем незначительные пережитки), но лишь по имущественному состоянию и служебному положению. «Плебсом» стали называть теперь

[1] Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 175.

наиболее бедные и обездоленные слои свободного населения, преимущественно босяцкие, люмпенпролетарские городские элементы (plebs urbana). Новую сановную знать, сложившуюся из высших слоев прежнего патрициата и плебейства, из семей, члены которых занимали высшие служебные посты в государстве, стали называть «нобилитетом» или «нобилями», т. е. «общеизвестными», позднее также «оптиматами», что значит «лучшие люди». Нобилитет с патрициатом ничего не имел общего, так как нобилем мог стать всякий новый человек, независимо от своего происхождения, если ему удавалось пробиться к высшей магистратуре и тем сделать и свое имя и имя своей семьи «знатными».

Но рядом с этим оформившимся и объединившимся для политического господства классом свободных граждан сложился полностью и другой, не менее многочисленный класс несвободных — «невольников», или рабов. Патриархальные примитивные и несколько замаскированные формы эксплуатации труда своих собственных земляков («кабальных»), сменились постепенно более развитыми, утонченными и открытыми формами, свойственными развитому, «классическому» рабовладению. Рабочая сила стала теперь приобретаться уже преимущественно путем прямого и открытого физического (внеэкономического) принуждения иноземцев, захваченных посредством войн, набегов, морского разбоя и пр.[1]. Такой рабочий-невольник был тем более удобен, что являлся уже полной и бесспорной собственностью и прямой вещью своего захватчика, как и всякий иной предмет военно-разбойничьей добычи. Невольник-иноземец, которому победитель сохранял жизнь, утрачивал вместе с тем в его пользу все свои человеческие права и становился разновидностью рабочего скота. «Раб или иная скотина» — обычное сопоставление и в позднейшем римском праве.

Этот вид подлинного невольничества, отличный от патриархальной кабалы и примитивных форм домашнего рабства, появился в Риме, повидимому, уже в эпоху этрусского господства. В законах Двенадцати таблиц упоминания о рабах уже довольно часты: например, за кражу, совершенную рабом, предписывалось наказывать его кнутом и сбрасывать со скалы (табл. VIII, 14). Невольничество, несомненно, еще больше возросло и распространилось в эпоху войн с вольсками, этрусками и кельтами в конце V и начале IV в. По взятии Вей в 396 г. все уцелевшие жители их были проданы в рабство. Так много стало и вольноотпущенников, что в 357 г. введена была особая пошлина на отпуск рабов на волю, а в 304 г. особый закон регламентировал положение таких «либертинов». Анналы уже начинают говорить о первых движениях и восстаниях рабов в Риме, — будто бы рабы были союзниками Гердония при его попытке совершить государственный переворот в 461 г., а в 410 г. организовали даже первое рабское восстание в Риме и пытались захватить и сжечь Капитолий (сведения, достоверность которых весьма спорна и сомнительна).

Вместе с оформлением в Риме классового общества и римский аппарат управления превратился теперь в государственный аппарат с его двойными функциями — подавления сопротивления эксплуатируемых масс внутри страны и защиты

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, 1949, стр. 480.

установившейся общественной организации и ее территории от поползновений извне. Римское государство определилось теперь полностью как государство рабовладельческое, но с некоторыми весьма специфическими чертами, из которых самыми существенными были фиктивное народовластие и милитаристическая форма его.

Действительно, с внешней стороны Римское государство продолжало оставаться «общенародным делом» — res publica. Основным носителем власти, номинальным государем-сувереном, считался весь коллектив свободных римских граждан — «римский народ». Ему принадлежала верховная власть с ее учредительными и законодательными функциями, с правом разбора апелляций и помилования. По всякому важному вопросу требовалось «вопросить соизволение народа». Однако на деле власть в Римском государстве далеко не была народной. Во-первых, народное собрание принимало решения лишь общедирективного характера, да и то только по предложению магистратов; оно совершенно не вмешивалось в дела администрации и в вопросы текущей политики. Во-вторых, хотя римляне имели целых три вида народных собраний, но ни одно из них не выражало подлинной воли всего народа, даже если считать их состоящими из одних только свободных. Трибутные собрания, самые демократические из этих комиций, в сущности представляли интересы средних и крупных землевладельческих слоев, так как состояли из 17 триб (округов) сельских и только 4 городских, причем мелкие землевладельцы-крестьяне редко появлялись в Риме для выборов и голосований, мало ориентировались в вопросах политики, да, вероятно, мало ими и интересовались. Центуриатные комиции в самой основе своей были цензовые и давали прямой перевес 98 центуриям средних и высших классов. Решения их, кроме того, подлежали еще утверждению древних, доживавших свой век куриатных комиций, на которые уже никто не ходил, кроме специально командированных консульских и преторских ликторов, обязанных представлять на них римский народ и особым декретом передавать от его имени «империум», т. е. право командования и высшую гражданскую власть, избранным магистратам. Для фальсификации народной воли открывался, таким образом, обширный простор. Кроме того, всегда можно было найти и религиозное основание, чтобы приостановить или отменить любое решение и даже распустить собрание (неблагоприятные знамения и пр.).

Значительно бóльшую роль играли в римском государственном быту магистраты, количество которых к половине IV в. возросло до нескольких десятков: 2 цензора, 2 консула, 2 (а вскоре и 4) претора, 2 курульных эдила, 4 квестора, 10 народных трибунов, 2 плебейских эдила.

Кроме того, появилось множество второстепенных должностных лиц, составлявших различные коллегии и комиссии особого назначения трех-, десяти- и даже двадцатичленного состава, например, «коллегия трех приста-

вов ночной охраны» и т. д. К этому можно присоединить и множество жреческих должностей — понтификов, фламинов, фециалов, авгуров, гаруспиков и пр. Жрецы не составляли в Риме особого слоя духовенства, но тесно примыкали к тому же слою магистратов и неразрывно переплетались с ним, так как часто гражданские и жреческие должности занимались одними и теми же лицами.

Вся эта магистратура составляла в Риме основную господствующую и верховодящую силу, тем более что все эти должности были монополизированы узким кругом новой сановной знати — нобилитетом, всемерно сопротивлявшимся проникновению в свой состав «новых людей». Для этого стремились всячески оберегать принцип бесплатности должностей и установившийся обычай очередности в занятии магистратур: на всякую высшую должность пропускался искатель ее лишь после занятия им предшествующей по рангу низшей, причем еще строго соблюдались возрастной ценз и значительные временные интервалы. Так, согласно несколько более позднему уточнению, младшую курульную должность квестора можно было занимать лишь по достижении 28-летнего возраста, следующую за ней по значению магистратуру — «эдилитет» — лишь с 32 лет, претуру с 36, а в консулы мог быть выбран лишь кандидат, достигший 43 лет и предварительно прошедший всю предшествующую чиновную лестницу. Все кандидатуры распределялись между членами нобилитета по взаимному соглашению, и стороннему человеку только с большим трудом удавалось преодолеть этот крепкий сговор оптиматов.

Так римский нобилитет обратился в новую замкнутую и весьма ревниво оберегавшую свое господство олигархию. Правда, эта олигархия в IV в. еще не представляла собой плутократии, так как большинство нобилей этой поры еще не было богато. Скорее это были зажиточные земледельцы-скопидомы. Они сами пахали, сами работали в своих садах и виноградниках, а жены ткали им одежды. Еще в 256 г. консул М. Атилий Регул жаловался сенату, что его семье приходится голодать, так как некому работать в его маленьком имении: сам он второй год далеко на войне, единственный раб его умер, а батрак, пользуясь отсутствием хозяина, сбежал и унес с собой весь рабочий инвентарь.

Цитаделью нобилитета и потому настоящим хозяином Римского государства теперь бесспорно стал с е н а т. Недаром поэтому иноземцы иногда называли римский сенат «собранием царей». «Почти все дела римлян, — писал Полибий (VI, 13—17) решаются сенатом. В его власти находится прежде всего вся казна, ибо он ведает всякий приход, равно как и всякий расход... Помимо сенатского определения не может быть доставлено легионам ни хлеба, ни одежды, ни жалования; вследствие этого, если бы сенат пожелал вредить или препятствовать, начинания главнокомандующих остались бы невыполненными». «В равной мере и народ по всем хозяйственным делам находится в зависимости от сената и обязан согласоваться с ним». Хотя Полибий изображает и более поздние

отношения — явления II в. до н. э., но в общем его характеристика ведущей финансовой роли сената может быть отнесена и к более раннему времени.

Кроме того, как указывалось уже раньше, сенат распределял функции и командования между магистратами, мог продолжить их военные полномочия сверх обычного годового срока, в качестве «проконсулов» и «пропреторов», т. е. исполняющих должности консулов и преторов, принимал и утверждал их отчеты, награждал триумфами и овациями или отказывал в них и т. д. Из сенаторов составлялись коллегии заседателей в преторских и других судах.

Пользуясь всем этим, сенат завладел ведением всех внутренних и всех внешних дел. Он принимал и отправлял посольства, вел переписку с иноземными правительствами, заключал договоры и расторгал их. Ни один магистрат не осмеливался предложить народному собранию какой-нибудь новый законопроект или новое мероприятие, не получив на это предварительно согласие в сенате. Сенат в конце концов сломил даже опасную первоначально для него власть народных трибунов, инкорпорировав последних в свой состав и обратив, таким образом, их в своих соучастников, в свое послушное орудие. Так римский сенат стал всемогущим правительственным органом олигархии римского нобилитета, так как он составлялся попрежнему не путем прямых выборов, а посредством автоматического включения в его состав всех отбывших свой служебный срок магистратов, начиная с квесторов.

Другой особенностью Римского государства был его резко выраженный военный характер. Это была политическая организация крестьян-воинов, которые воевали не меньше, чем занимались земледельческими работами. Армия была сплошь крестьянской, и основу ценза, сообразно величине которого формировались легионы, составлял земельный надел. Даже зажиточный городской человек, если он не был землевладельцем, мог служить лишь в нестроевых частях. Землевладельцы более крупного масштаба имели привилегию служить в коннице и носили почетное наименование «всадники». Война, которая была первоначально (в V в.) главным образом защитная, обратилась постепенно (к IV в.) в своеобразный вид приобретения материальных благ, стала особой отраслью государственного и народного хозяйства. Оттого и органы Римского государства сохранили свой прежний военизированный вид, выкованный в тяжкой борьбе V в. Все главные магистраты, за исключением цензоров и трибунов, были, собственно говоря, попрежнему военными командирами, имели «империум», т. е. в основе — право командования, и были руководителями тех или других военных или связанных с войной операций. Гражданские, мирные функции они выполняли лишь попутно, в моменты военных перерывов и передышек. Сам правящий сенат представлял собой нечто вроде постоянно действующего генерального штаба римского военизированного государства и все прочие дела и нужды населения систематически подчинял текущим военным запросам.

Все это будет иметь громадные последствия в дальнейшей жизни римского народа и определит весь следующий период его истории— период италийских, а затем и внеиталийских завоеваний, период возникновения римской хищнической средиземноморской державы.

ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЫ

ГЛАВА XLV

ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ И ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКО-ИТАЛИЙСКОГО СОЮЗА.

§ 1. Самнитские войны. Завоевание Римом Средней Италии. Этническая пестрота древней Италии и культурная примитивность ее туземного населения имели следствием в ее истории VII—V вв. господствующую роль иноземных элементов: на юге — греков-колонистов, на севере — этрусков.

Но с IV в. вместо этрусков и греков стали в Италии выступать свои собственные, туземные объединительные элементы. В связи с развитием внутренних производительных сил, ускоренным широким усвоением греческой передовой техники, стали возникать обширные военно-племенные союзы среди разрозненно жившего прежде родовым бытом населения Южной и Средней Италии — япигов и мессапиев, луканцев и бруттийцев. С 380-х годов особую силу стал приобретать самнитский союз, охвативший всю горную территорию от Кампанского побережья до горы Гаргана и Адриатического моря и ставший грозой для всех соседей.

Самниум, расположенный в одной из самых высоких частей Апеннинских гор, был суровой страной с отсталым пастушеским хозяйством, без значительных городов. Дружины его воинственных горцев, в поисках хороших пастбищ и добычи, спускались в плодородные равнины Апулии, захватывали богатые города Кампании (Капую, Кумы) или просачивались в них в качестве солдат-наемников (Неаполь). Сиракузы, даже Карфаген, вербовали из самнитской молодежи лучшие отряды своих наемных армий. И древние писатели и сохранившиеся скульптуры и фрески согласно изображают самнитов стройными воинами-горцами, щеголявшими своим оружием, богато украшенным серебром и золотом, и породистыми конями. Рассказывают, что у самнитов существовал обычай в годы, когда замечался избыток населения, объявлять «священную войну» и принудительно отправлять свою вооруженную молодежь искать военной удачи за пределы родного края. Во второй половине IV в. самниты были близки к тому, чтобы стать хозяевами всей Италии к югу от реки Вольтурна.

Но еще большую роль в этом объединительном процессе должен был сыграть Рим, самый большой город всех италийских племен, с его наиболее передовой среди них социально-экономической и политической организацией, с наиболее обширной и населенной территорией (около 6 тыс. *кв. км*). Установление в Риме рабовладельческого строя имело своим естественным следствием переход

его политики к решительному военному наступлению на соседей для захвата новых земель и новых невольников. Прекрасный же военный аппарат, выкованный в прежних оборонительных войнах, и стройно налаженная система военизированного римского управления открывали дорогу к успеху.

Источники наши об этом периоде (Диодор, книги XIX и XX, Т. Ливий, книги VII — X, Плутарх — биография Пирра, и фрагменты из сочинений Дионисия, Аппиана и Диона Кассия) продолжают оставаться весьма шаткими. Поэтому теперь можно восстановить лишь в самом общем виде ход событий, приведших к обращению Рима в хозяина всей Италии. Свое наступление Рим открыл в конце 340-х годов, после того как завоеванием городов Вейи в 396 г. и Цере в 358 г. он прикрыл себя с севера 20-километровой оборонительной полосой от нападения этрусков, и тогда же, в 350 г., прекратилась угроза нового нашествия галлов.

Агрессию Рим начал в 341 г. захватом богатой Кампании: своим плодородием она давно манила римских земледельцев, а ее цветущие города Капуя, Кумы и Неаполь привлекали зарождающийся слой римских купцов и предпринимателей. Так как римское правительство и римские нобили уже в 343 г. вступили в тесный союз с богатой и роскошно жившей кампанской аристократией (кампанскими «всадниками»), то предлогом для вторжения римлян в Кампанию явился демократический переворот, происшедший в Капуе и Кумах в 341 г. Римская армия оккупировала всю Кампанию до границ территории Неаполя (Ливий, VII, 32—38), ликвидировала новое демократическое устройство кампанских городов, восстановила в них власть кампанской аристократии, а все остальное население обратило в прямых ее данников. «Кампанские всадники, — рассказывает Ливий (VIII, 11), — получили права римского гражданства; остальные кампанцы обязаны были уплачивать каждому из этих всадников ежегодную подать в размере 450 денариев (т. е. около 110 руб. золотом), число же всадников простиралось до 1 600 человек» (Ливий, VIII, 11).

Но захват Кампании вызвал ряд крайне тяжелых для Рима внешних осложнений. Прежде всего начались столкновения с соседними самнитами. Римская традиция раскрасила эти стычки фантастическими вымыслами и изображает их как первую Самнитскую войну (343—341 гг.). Затем вспыхнула кровавая Латинская война (340—338 гг.), т. е. восстание против Рима всех латинских городов.

Сохранилась память о жестокой битве у подошвы Везувия, в которой римлянам только с большим напряжением и жертвами удалось одержать победу над своими прежними друзьями и союзниками. Теперь Рим ликвидировал прежний равноправный латинский союз и поставил все города Лациума в полную зависимость от себя, сохранив за ними только прежнее название «латинских союзников».

А затем из-за той же Кампании Риму пришлось вступить в еще более напряженную борьбу со всем мощным Самнитским союзом, привыкшим рассматривать эту богатую область Италии как свою

добычу. Так называемые вторая и третья Самнитские войны (326—290 гг.) развернулись в кровавую тридцатилетнюю резню между Римом и всеми племенами Средней Италии, так как из страха перед растущей силой Рима к самнитам примкнули луканы, сабины, пицены, умбры, этруски и даже галлы. В кампанских городах вновь против Рима многократно поднимались демократически настроенные массы, а дипломатии демократического Терента, который после захвата Римом Неаполя в 326 г. увидел угрозу также своему независимому существованию и демократическому строю, не раз удавалось составлять из враждебных Риму сил мощные коалиции, которые охватывали римскую территорию кольцом разъяренных врагов.

Риму приходилось действовать с крайним напряжением всех его ресурсов и средств, тем более что общее разорение и задолженность народа были очень велики. И несмотря на то, что на строевую военную службу призывались даже ремесленники и мастеровые, римляне часто терпели большие неудачи и поражения.

Так, глубоко запало в народную память воспоминание о страшном поражении в 321 г. под Кавдием: обе консульские армии, самонадеянно попытавшиеся проникнуть из Кампании прямым путем, через самый центр самнитских гор, в тыл Самниума и его продовольственную базу, Апулию, оказались запертыми самнитами и принужденными капитулировать в Кавдинском ущелье. Самнитский полководец Гай Понтий, «чтобы навсегда сокрушить римскую доблесть и римский воинский дух» (Ливий, IX, 6), подверг все римское войско особенно позорной экзекуции — прогнал его, с командным составом во главе, разоруженное и раздетое, «под ярмо», уподобляя как бы стаду скота, на глазах у издевающихся и насмехающихся победителей. За этим последовало вторжение самнитов в Кампанию и Южный Лациум, отпадение от Рима многих союзников, даже части латинян (Сатрикума, Соры и других городов), избиение римских колонистов и пр.

Но особого напряжения и ожесточенности борьба достигла в период третьей Самнитской войны (298—290 гг.), когда в последний раз поднялись и объединились против Рима все теснимые им народы Средней Италии от Апулии до равнин реки По. Самниты объявили даже «священную войну». Их воины оделись в белое траурное платье («холстяные легионы») и клялись страшными клятвами убивать каждого, кто поколеблется в предстоящем бою. Галлы вспомнили свое древнее оружие — боевые колесницы с прикрепленными к осям серпами и косами, которые производили жестокие опустошения в строю врагов.

Наконец, при Сентинуме, на границе Этрурии и Умбрии, сошлись в 295 г. на битву объединенные силы самнитов, этрусков и галлов с четырьмя легионами римских консулов. В этом сражении римляне одержали решительную победу. Чтобы поднять боевой дух своих воинов, оробевших перед превосходными силами врагов, консул Деций Мус принужден был прибегнуть к старинному магическому обряду: покрывшись с головой своей тогой, он страшными заклинаниями обрек в жертву подземным богам и себя и все вражеское войско и, бросившись затем один в середину врагов, погиб, воодушевив своим самопожертвованием солдат. В кровавой сече, последовавшей за этим, изрублено было 25 тыс. врагов, пал и полководец самнитов Гелий Эгнаций, уцелели и взяты были в плен лишь жалкие остатки их войска.

После этого побоища война приобрела небывало жестокий даже для того времени характер — истребления отдельно боровшихся отрядов, штурмов, осад и разрушений изолированно сопротивлявшихся городов. Проезжавшие после войны по Самниуму не могли поверить, что прежде этот край был заселен. Только к 290 г. последнее сопротивление и италиков и этрусков было сломлено консулом Манием Курием Дентатом, который будто бы взял столько городов, что не мог их пересчитать в своем отчете сенату. Вся Средняя Италия, залитая кровью и опустошенная от реки Ауфида и до северных границ Этрурии, Умбрии и Пиценума, с остатками прежнего населения, затаившего глубокую ненависть к покорителям, была теперь во власти Рима. Рим обратился в крупнейшее государство во всей Италии.

§ 2. Война с Тарентом и Пирром. Подчинение Южной Италии. Однако установлению полного господства Рима в Италии препятствовали еще две внешние силы, с которыми теперь непосредственно вошел в соприкосновение Рим: на севере — галлы, на юге — греческие города с Тарентом во главе.

В 285 г. орды галлов вновь наводнили северную Этрурию и под Арретием нанесли поражение расположенным здесь римским оккупационным войскам. Лишь через два года, в 283 г., римлянам удалось в большом сражении при Вадимонском озере разгромить объединившиеся дружины галльских племен и затем закрепить северную границу устройством цепи крепостей и военных поселений (колонии Сена Галльская, Адрия и др.). К тому же в это время потоки галльских воителей нашли новый выход: они устремились на беззащитный Балканский полуостров, где наследники Александра Македонского, так называемые диадохи и эпигоны, вели между собой нескончаемые распри, охотно используя для этого галльские наемные отряды.

Особенно трудно было справиться с греками. Когда римские военные корабли, под предлогом оказания помощи против лукан греческому городу Фуриям, появились в Тарентском заливе, Тарент вступил в открытую войну с Римом. Его демократическое правительство изгнало вождей аристократической партии, стоявшей за соглашение с Римом, мобилизовало все военноспособное население и даже, ввиду исключительной опасности своего положения, решило обратиться за помощью к своему балканскому соседу — эпирскому царю Пирру. Это был очень рискованный шаг, так как эпирские цари уже давно мечтали о захвате Южной Италии.

Пирр был двоюродным братом Александра Македонского, одним из виднейших его наследников-эпигонов. Это был блестящий полководец, но вместе с тем и типичный для того времени политический авантюрист, «азартный игрок, которому везло, но который не умел использовать своих выигрышей», — как характеризует его Плутарх («Пирр», 26). Не отказываясь от претензий на наследство Александра на Востоке, он претендовал на господство также во всей западной части Средиземноморья. Обращение Тарента предоставляло в его распоряжение богатые средства этого крупнейшего в Италии города на осуществление его завоевательных планов, ничего общего не имевших с защитой свободы греческих городов.

Тем не менее, когда весной 280 г. Пирр высадился в Таренте с 20-тысячным войском, состоявшим из эпиротов, македонян и греческих наемников, прекрасно обученным и вооруженным по всем правилам новой греческой военной техники (при нем было даже 20 индийских слонов), италийские греки приветствовали его как избавителя от надвигающегося римского ига и с воодушевлением примкнули к его армии. На его сторону перешли также уцелевшие от римского погрома самниты, луканы и бруттийцы, и его военные силы выросли до 40 тыс. человек. В кровопролитной битве при Гераклее, на побережье Тарентского залива, благодаря искусному обходу и атаке невиданных римлянами слонов, Пирр разбил вышедшую ему навстречу большую римскую армию консула П. Валерия Левина. Захватив лагерь Валерия Левина, Пирр преследовал отступавших римлян через Самниум и Кампанию почти до ворот Рима. Но римляне успели подтянуть свои войска из Этрурии, призвали на военную службу даже пролетариев, и Пирру пришлось отступить в Апулию. Он с досадой жаловался, что «Рим похож на Лернейскую гидру, у которой на месте отрубленных голов вырастают новые».

На берегу реки Ауфида при Аускулуме произошла в 279 г. вторая кровавая битва. Пирру удалось заставить римлян отступить в их лагерь, но сам он потерпел такой урон, что будто бы заявлял: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска» [1]. Крайне недовольный задержкой из-за войны с Римом, Пирр направил в Рим послом ловкого и красноречивого грека, философа Кинеаса, который всеми средствами тщетно добивался заключения мира.

Пирр тем временем спешил с завоеванием Сицилии. Однако в Сицилии ему пришлось пробыть целых три года; после первоначальных блестящих успехов он и здесь не только не добился никаких результатов, но даже побудил старинных врагов греков — карфагенян — заключить союз с Римом. Когда в 275 г. он возвратился в Италию и попытался вновь двинуться в Кампанию, его положение было уже безнадежным. При Беневенте, на южной границе Самниума, в третий раз встретился Пирр в 275 г. с римской армией, которой командовал прославленный римский полководец М. Курий Дентат, и потерпел от римлян решительное поражение. Это заставило его отказаться от своих планов на создание западно-греческой державы, оставить на произвол судьбы города «Великой Греции» и вернуться на Балканский полуостров для возобновления борьбы за македонский престол. Скоро он погиб в одной уличной схватке в Аргосе.

Командовавший остатками его армии в Италии Милон, осажденный в Таренте с суши римскими войсками, а с моря карфагенским флотом, сдал город в 272 г. римлянам. Вслед за тем подчинились Риму и другие греческие города. На восточном берегу Калабрии

[1] Отсюда впоследствии и сложилась пословица о «пирровых победах».

римляне построили свой собственный порт Брундизиум и закрепили свое новое приобретение проведением сюда военной дороги и устройством вдоль нее ряда мощных колоний (в Беневенте, Фирмиях, Эзернии и др.). Завоевание Римом всей Италии этим было закончено. На обширной территории от Тарентского залива и до Цизальпинской Галлии Рим уже не имел соперников и конкурентов, которые могли бы оспаривать его господство на всем Апеннинском полуострове.

§ 3. Италийская федерация под властью Рима. Однако, покорив Италию, Рим не делал в это время попыток организовать ее в единое централизованное государство. Представляя сам еще в основе вид древнего полиса, своеобразного союза городских и сельских триб, он и Италию объединял и подчинял себе по весьма примитивному принципу пестрой и сложной системы союзов, построенных на принудительно-договорных отношениях с побежденными.

Договоры (foedera) были всегда индивидуальными и разнообразились в зависимости от множества условий — давности отношений, экономического и стратегического значения включавшегося в римский союз города или района, враждебности или, наоборот, дружественности его населения по отношению к Риму и пр. Вместе с тем Рим стремился различием условий усиливать взаимный антагонизм и рознь италиков, препятствовавшие их совместному сопротивлению новому властителю. «Разделяй и властвуй» (divide et impera) — таков был основной его принцип.

Трудно показать разнообразие всех тех положений, в которых оказывались италики в сложнейшей сети этого общеиталийского договорного союза («федерации») с Римом. Наиболее благоприятным был «равный договор» (foedus aequum), при котором союзная община сохраняла свою полную автономию. Она лишалась лишь права самостоятельных дипломатических сношений с соседями и должна была всецело следовать всем направлениям римской внешней политики. В такое положение поставлены были греческие колонии Неаполь, Элея, Посидония, Гераклея, многие этрусские города (Популония, Пизы), также некоторые издревле дружественные Риму города Лациума.

Напротив, самниты, луканы и бруттийцы поставлены были в значительно худшие условия за свое упорно враждебное отношение к римскому господству: у них отнято было от половины до двух третей земли, запрещены всякие взаимные сношения и связи, даже торговые и брачные (ius commercii, ius connubii). Им, правда, оставлены были их обычаи и законы, но Рим внимательно следил за тем, чтобы старшины их выбирались из державшей всегда его сторону аристократии. На отобранной земле повсюду устроены были римские и латинские «колонии» — военные поселения из полноправных римских граждан или привилегированных «латинских союзников». Особенно важное значение имели колонии-крепости, расположенные цепью по реке Лирису и закрывавшие рим-

скую и латинскую области с юга, — Калы, Фрегеллы, Сора. Цепи крепостей-колоний были протянуты от Рима на юго-восток (Беневент, Эзерния, Венузия) и на север, например, по берегу Адриатического моря — Адрия, Фирм, Аримин и др. Так что хотя эти побежденные общины тоже назывались «союзниками» (socii), но по существу с ними обращались, как с подданными.

Между этими двумя крайними состояниями привилегированных и сильно придавленных «союзников» было множество различных переходных ступеней, и особенностью римской федерации была ее значительная гибкость: вполне замиренные и показавшие свою преданность Риму общины он переводил путем пересмотра договоров в положения лучшие и тем открывал для своих прежних врагов возможность подняться даже до включения их в римское гражданство (правда, обычно «без права голоса», т. е. без политических прав). Такая система политических приманок способствовала постепенному улучшению отношений и укреплению всей римской федерации.

Вместе с тем и малоземельное римское крестьянство стало проявлять растущий интерес к новой, завоевательной политике своего правительства. Многие получали наделы в военных колониях, например, в одну Венузию в 291 г. выведено было 20 тыс. колонистов. Другие выселились на замиренные земли, в чисто земледельческие самоуправляющиеся поселения — «муниципии». Более зажиточные люди арендовали у государства пустующие части экспроприированной у союзников земли: эти неразделенные земли попрежнему назывались «общественным полем» (ager publicus) и сдавались цензорами с торгов в аренду на условиях уплаты десятой части с доходов. Завоеванную мечом территорию римляне быстро стали осваивать и плугом, в связи с этим количество римских триб выросло уже до 33.

Естественно поэтому, что римское крестьянство с неодолимым упорством и цепкостью защищало эти свои приобретения, и над прославленным военным искусством Пирра одержал победу простой римский крестьянин М. Курий Дентат. Римские крестьяне составляли те ударные отряды, которые одолели слонов Пирра в битве при Беневенте. Вооружившись острыми боронами, которые они подкладывали под ноги несущимся слонам, и длинными шестами с зажженной на концах просмоленной паклей, которую совали в пасти этих разъяренных зверей, погибая во множестве под ногами слонов, эти воины-крестьяне не только отбили атаку, но и заставили слонов броситься на собственное войско, полностью расстроив его ряды. Так римское крестьянство стало прямым участником завоевания Италии, ограбления, разорения и даже уничтожения многих италийских более слабых племен и народов. За это, правда, в скором времени ему пришлось жестоко поплатиться.

Так произошло первое в истории Италии ее насильственное объединение, и Рим впервые стал ее столицей.

ГЛАВА XLVI

БОРЬБА РИМА С КАРФАГЕНОМ ЗА ГОСПОДСТВО В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ.

§ 1. Рим в начале III в. до н. э. Завоевание Италии превратило Рим в одну из крупнейших держав всего Средиземноморья. Война с Пирром, за которой следил весь современный культурный мир, даже сразу сделала Рим влиятельнейшим участником мировой политики того времени. В 273 г. египетский царь Птолемей Филадельф прислал посольство в Рим с предложением союза и дружбы, и тогда же впервые римские послы посетили с ответным визитом Александрию.

Сам город Рим к началу III в. стал одним из значительнейших городов Средиземноморья; еще в половине IV в. было построено обширное кольцо мощных стен с башнями из квадратных плит, остатки которых сохранились до нашего времени. Началось замощение римских улиц, а в 312 г. цензор Аппий Клавдий построил первую большую, мощеную каменными плитами дорогу, соединившую Рим с Капуей; он же провел в Рим первый водопровод. Построено было много новых храмов (Аполлона, Юноны-Монеты и др.), на площадях, по примеру Тарента и других греческих городов, стали ставить бронзовые статуи; в 294 г. к древнему изображению капитолийской волчицы прибавлены были фигуры сосущих ее братьев-близнецов Ромула и Рема.

Стала изменяться и вся хозяйственная структура Рима. Захват крупнейших торговых городов Италии Римом (Капуи, Неаполя, Тарента и др.) и запрещение союзникам непосредственных торговых сношений между собой были крайне благоприятны для деятельности римских торговых людей. Они обратились в торговых посредников-монополистов для всей Италии. В связи с этим в 268 г. Рим перешел от прежней медной, рассчитанной лишь на местный обмен валюты, к серебряной, давно уже принятой греками. Чеканка производилась в подвале храма Юноны-Монеты (т. е. Наставницы), отчего и новые деньги получили название «монет».

Основной монетной единицей стал серебряный «денарий» с изображенной на нем головой богини Ромы. По стоимости своей он совпадал с греческой «драхмой» (около 30 коп. серебром); $^1/_4$ часть его называлась «сестерцием»; «асс» обратился в мелкую разменную медную монету, стоимостью в 0,1 денария, почему на денарии ставилась цифра X и самое слово «денарий» означало «десятиассовик».

Так как все эти монеты получили обязательное хождение по всей Италии, то среди римских деловых людей очень развился промысел менял, скоро широко занявшихся всякими кредитными и ростовщическими операциями. Многие римские дельцы занялись также внешней торговлей — вывозом преимущественно в Грецию соленого мяса, шерсти и кож, чем прежде промышлял Тарент и другие греческие города юга. Появился в Риме даже целый слой богатых скотопромышленников (pecuarii), арендовавших обширные участки общественной земли в Апулии, Лукании и Бруттии и разводивших здесь громадные гурты скота, которые пасли их рабы-пастухи.

Торговые элементы получили уже такой вес в Риме, что сторонник их цензор-новатор Аппий Клавдий сделал в 312 г. попытку дать им господствующее значение в римском народном собрании: он распределил римское городское население по всем римским трибам, благодаря чему в них при голосовании особое значение должны были получить горожане. Аппий Клавдий попытался также включить в сенат представителей новых деловых кругов, значительно упростил римский алфавит, сделав его более пригодным для деловых записей, а его клиент эдил Гней Флавий опубликовал формулы судебного процесса, до тех пор бывшие тайной понтификов и патрицианских родовладык.

Реформы Аппия Клавдия (частично они были отменены его ближайшими преемниками, и цензоры опять стали записывать горожан в четыре их прежние трибы) свидетельствовали о том, что новые торговые и предпринимательские элементы уже почувствовали свое значение и стремились направлять римскую политику. В 287 г. в связи с большими народными волнениями сенат был вынужден отказаться от своего права утверждать решения трибутных собраний (закон Гортензия), в которых эти средние слои римского общества имели несомненное преобладание. Именно торговым кругам и удалось втянуть Рим, вскоре после завоевания Италии, в еще более тяжелые войны с своим главным соперником в западной части Средиземного моря — финикийским Карфагеном. Эти так называемые Пунические войны (римляне называли финикийцев «пунами») в корне изменили всю социально-экономическую структуру Рима и привели его к господствующему положению во всем Средиземноморье.

§ 2. Карфаген. Карфаген, собственно Кар-Хадашт, что по-финикийски означало Новгород, был в III в. до н. э. владыкой всего западного Средиземноморья. Он был расположен в самом бойком месте Средиземного моря, на гористом, далеко выступающем в море полуострове, в нескольких километрах от современного города Туниса. Длинный узкий перешеек отделял его от материка Африки, так что казалось, что город выступал из морской пучины.

Город был защищен неприступными укреплениями. За цепью оборонительных сооружений на перешейке находилась цитадель города (Бирса), а в центре ее высился еще особо укрепленный громадный храм бога-целителя Эшмуна (Асклепия). И только уже за этими мощными укреплениями размещались кварталы жилого города — Мегара. Здесь вокруг центральной торговой площади высились многоэтажные дома с лавками, складами и жилыми помещениями торгового люда. Население города древние писатели (Полибий и Страбон) исчисляют, вероятно, несколько преувеличенно, в 700 тыс. человек.

Особенно важной частью города был великолепно устроенный порт, состоявший из двух связанных между собой гаваней — внешней, торговой, с множеством причалов для купеческих кораблей

всех стран и народов, и внутренней, круглой, военной, рассчитанной на 220 боевых судов, с множеством доков и арсеналов, замаскированных окружавшими гавань портиками.

Благодаря предприимчивости, смелости и искусству карфагенских мореходов колоссальные богатства стекались в их родной город: черные рабы, золотой песок, слоновая кость с океанского побережья Западной Африки, олово из Британии, янтарь с берегов Северного моря. «Карфаген был самым богатым городом в мире», — писал Полибий и сравнивал его богатства с прославленными сокровищами персидских царей. Для его торговых оборотов уже нехватало звонкой монеты, и он первый стал выпускать кредитные кожаные знаки. Он создал себе целую торгово-колониальную державу, которая охватывала все берега и острова Западного Средиземноморья: его города-колонии и фактории разбросаны были в Тунисе (Лептис, Утика, Тапс), по берегу Марокко, в южной части Пиренейского полуострова (Гадес и др.), в западной Сицилии (Панорм, Дрепан, Лилибей), на Корсике, Сардинии, Балеарских островах. Везде сидели карфагенские наместники, управлявшие покоренным населением.

Для защиты и расширения своей державы Карфаген создал первоклассную армию и лучший в древнем мире военный флот. Армия состояла частью из принудительно набранных туземных колониальных войск — ливийской пехоты, легкой нумидийской конницы, знаменитых своей меткостью балеарских стрелков, но главным образом — из наемных отрядов и дружин разных полуварварских воинственных народов: сардов, лигуров, кельтов и самнитов (последних называли «кампанцами»). Армия была прекрасно вооружена и снабжена самыми передовыми тогда техническими средствами — инженерно-саперным снаряжением, метательными машинами, большим парком боевых слонов. Карфагеняне составляли лишь ее офицерские кадры, которые умели из этого буйного полудикого людского материала формировать весьма боеспособные войска и использовать их для выполнения своих весьма тонких и сложных стратегических планов.

Еще совершеннее был карфагенский военный флот. Карфагеняне первые стали строить громадные пятиярусные корабли («пентеры»), размерами больше и быстроходнее греческих триер, т. е. трехъярусных галер. Некоторые из них, особенно корабли главных начальников, имели роскошную отделку бронзой и ценным деревом, зимние сады, бассейны для плавания и пр.

Богата и разностороння была культура карфагенян. В основе общефиникийская, она представляла собой смешение разных восточных культур, вначале с преобладанием влияния Египта. Карфагеняне носили яркие и пестрые восточные одежды, длинные завитые волосы и бороды; дома их украшались восточными коврами. Главным божеством Карфагена была великая богиня Танит, или «великая мать», — разновидность финикийской Астарты. Другим чтимым божеством был «владыка Ваал», он же «Грозный хозяин», который под влиянием Египта назывался также Хаммоном и изображался стариком с бараньими рогами на лбу.

Позднее, с III в., на эту восточную основу стало все сильнее наслаиваться влияние греческой культуры. Эту смесь восточного с греческим хорошо отражает громадный, в греческом стиле построенный мавзолей в Тугге (21 *м* высотой), увенчанный пирамидой, — единственный сохранившийся памятник карфагенской архитектуры. В науке карфагенян преобладал интерес к прикладным, техническим дисциплинам — к агрономии, механике, географии. Много изучали также языки: «многоязычен, как пуниец», — метко выразился римский комический писатель Плавт.

Но все блага карфагенской культуры, все сказочные богатства Карфагена, добытые трудом подвижного и предприимчивого народа, попадали в руки лишь очень небольшого круга исключительно жадных и хищных карфагенских предпринимателей-спекулянтов. Поэтому в Карфагене, как и в Финикии, установилось господство самой наглой и хищной торговой плутократии. Аристотель в своей «Политике» (II,8, 5—6) с осуждением говорит, как об особенности карфагенского государственного строя, что здесь даже высшие должности царей и главнокомандующих продавались и покупались за деньги. Поэтому, продолжает он, «все государство становится корыстолюбивым; а покупающие власть за деньги привыкают и из нее извлекать прибыль». Мало того, все высшие власти Карфагена — два царя («суффеты»), высший совет при них из 28 членов (сенат, или «герусия»), главнокомандующий («стратег») — все были подчинены особой диктаторской «Пятерке» (Пентархия), власть которой Аристотель уподобляет спартанским эфорам, и ее страшному трибуналу «Ста судей» из представителей крупнейших богачей и торговых домов (среди них особенным богатством и значением отличалась семья Магонов). Народное собрание существовало лишь для видимости, как своего рода безвредная отдушина для разряжения народного недовольства.

Всю жизнь своего народа эта олигархия богачей старалась направить по порочному пути искания и приобретения наживы любыми способами и средствами. Название «пуниец» стало у иноземцев синонимом всякого коварства и обмана; «пунийская хитрость», «коварный пуниец» — обычные выражения в древних языках. Другой отличительной чертой пунийцев была их исключительная жестокость, соответствовавшая террористическому режиму их плутократии, но необычная даже для свирепых нравов древности. Карфагеняне систематически пускали ко дну вместе с экипажами все иноземные корабли, осмелившиеся зайти в воды Сардинии и Испании (Страбон, I, 19). В 409 г. карфагенский полководец Гамилькар, одержав победу над сицилийскими греками при Гимере, где 70 лет назад потерпел от них поражение его дед, велел из мести зарезать всех пленных (около 3 тыс. человек). Для оправдания бесчеловечных действий правивших верхов жестокость сознательно воспитывалась в народе карфагенской религией. Человеческие жертвоприношения удерживались в ней дольше, чем у других народов древности, и были обычным явлением еще в III и II вв.: богине Танит приносили в жертву рабов, пленников, преступников, а богу Ваалу (Молоху) даже соб-

ственных детей-первенцев, бросая их трупы в разверстую пасть страшного идола, причем богатые покупали, по словам Плутарха, для этого, взамен своих детей, детей бедноты (Плутарх, О суевериях, 13).

Эксплуатация трудящихся и притеснение подвластных племен и народов достигали в Карфагене предельных размеров, соединяясь к тому же с жадностью и торгашеской скупостью в расходах по производству и управлению. Рабов в Карфагене было великое множество. Они составляли одну из первенствующих отраслей в карфагенской торговле, почему карфагенян называли «ловцами людей». Рабы массами использовались на карфагенских плантациях в Африке и Сицилии (на некоторых из них работало до 20 тыс. рабов), также на кораблях, в рудниках и пр. Их всех, в отличие от свободных, стригли наголо и ставили клейма на лбах. Рабов-гребцов приковывали цепями к скамьям галер, так что гибель корабля осуждала их всех на смерть. Строптивых невольников предавали утонченным пыткам и распинали на крестах — страшная казнь, которую потом заимствовали у карфагенян и римляне. Покоренное население Африки (ливийцы) обложено было тяжелейшими податями и налогами, превышавшими половину дохода земледельцев. А при уплате по обязательствам, например, при расчетах с солдатами-наемниками, карфагеняне старались бесконечными проволочками добиться сокращения платежей и всяких скидок.

Естественно, что общественная жизнь в Карфагене была беспокойной: древние авторы говорят, не приводя подробностей для более раннего времени, о борьбе богатых домов Ганнона и Баркидов, о частых волнениях «черни», т. е. простого народа, о восстаниях рабов, ливийцев и ливио-финикийцев (туземцев), о военных мятежах. Эти напряженные и непримиримые внутренние социальные противоречия составляли самую уязвимую сторону Карфагенского государства. В Риме подобные противоречия в тот период далеко еще не были столь обострены, и общественная структура Рима, благодаря своей большей примитивности, была более монолитна.

§ 3. Первая Пуническая война (264—241). Отношения между Римом и Карфагеном были весьма дружественными, пока в Риме преобладали аграрные элементы и пока оба государства имели общих врагов в лице этрусков и греков. Полибий, наш главный источник, приводит (III, 22—25) даже тексты ряда договоров (509, 348 и 280 гг.), в которых римское правительство признает торговую монополию Карфагена в западной части Средиземного моря.

После своей победы над Пирром в Сицилии Карфаген, однако, настолько усилился, что был уже близок к полному господству над всем этим островом. Владения прежде могущественных Сиракуз ограничивались лишь узкой полосой восточного берега, и самим Сиракузам стала грозить участь попасть в руки своего

исконного врага. Мало того, в 272 г. Карфаген, несмотря на союз с Римом, сделал попытку захватить осажденный Римом Тарент с моря, т. е. обосноваться уже на побережье Италии.

Это усиление Карфагена должно было особенно сильно беспокоить поднимающиеся римские торговые слои. Поэтому особо большое волнение вызвало в Риме известие, что карфагенянам удалось в 265 г. занять и сицилийский город Мессану, господствующий над проливом между Сицилией и Италией. Мессана еще в 280-х годах была захвачена военными дружинами самнитских наемников — «мамертинцев» (т. е. «детей Марса», как они себя называли): возвращаясь на родину со службы в Сиракузах, наемники разбойнически овладели городом, вырезали все его мужское население, поделили имущество и землю. Массовый приток к ним новых дружин из Южной Италии превратил мамертинцев в грозу всей Сицилии. Сиракузский тиран Гиерон II начал против них войну, разбил их в большом сражении у реки Лонганы и осадил Мессану. Мамертинцы обратились за помощью к карфагенянам, которые заставили Гиерона снять осаду, но ввели в Мессану свой гарнизон и стали, по существу, хозяевами города и Мессанского пролива.

Однако часть мамертинцев, недовольная подчинением Карфагену, обратилась, ссылаясь на свое италийское происхождение, в Рим с предложением включить Мессану в римскую федерацию. По этому поводу в Риме происходили бурные дебаты, и мнения сильно разошлись. Сенат, не желая конфликта с Карфагеном и считая соглашение с разбойниками-мамертинцами недопустимым, решительно стоял за отклонение их предложения. Еще недавно против подобного же отряда мятежных кампанцев, захвативших город Регий, организована была карательная экспедиция. Пленных, которых, по словам Ливия, было до 4 тыс. человек, привели в Рим, жестоко высекли розгами, а потом всем отрубили головы. Но в мессанское дело вмешалась влиятельная семья Аппиев Клавдиев, давнишняя покровительница римских ремесленников, торговцев и промышленников. Ей удалось превратить этот инцидент в повод к войне. Народное собрание против воли сената, очевидно, под влиянием торговых кругов, приняло мамертинцев под римское покровительство, и консулу Гаю Аппию Клавдию, внуку знаменитого цензора, поручено было произвести оккупацию Мессаны. Дело это он провел с необычайной поспешностью и вызывающей решительностью, за что и получил в сенатских кругах прозвище «Болван» (Caudex). Он обманом, под предлогом переговоров, захватил карфагенского коменданта Мессаны Ганнона, принудил его вывести из Мессаны карфагенский гарнизон и без официального объявления войны открыл военные действия и против Сиракуз, и против карфагенян. На следующий год сиракузский тиран Гиерон счел более благоразумным примириться с римлянами и всецело перешел на их сторону, а Карфаген вступил с Римом в открытую войну (264 г.).

Война началась для Рима весьма удачно, так что скоро вопрос о Мессанском проливе развернулся для него в проблему завоевания всей Сицилии. Греческие города, по примеру Сиракуз, стали переходить на сторону римлян. Только Акрагант (Агригент), второй по величине город Сицилии и старинный соперник Сиракуз, несмотря на страшный голод, семь месяцев оборонялся от осаждавших его римлян и служил опорой главной сицилийской армии карфагенян. Наконец и он был взят штурмом (262 г.) и отдан на разграбление солдатам. Однако главные морские крепости Карфагена в Сицилии, Панорм, Дрепан и Лилибей, римлянам не удавалось взять, несмотря на все усилия, и оттуда постоянно можно было ожидать контрнаступления карфагенян.

Все это принудило Рим приступить к постройке мощного боевого флота в 100 пентер, чтобы приобрести перевес над Карфагеном и на море. Полибий (I,20—22) с большими подробностями описывает, с какой затратой сил и средств производилась эта грандиозная и новая для Рима работа, в короткое время превратившая его в первоклассную морскую державу. Особенно отмечает он изобретение римлянами длинных перекидных мостков с крюками на концах («воронов»). Это приспособление позволяло римским кораблям вплотную сцепляться с карфагенскими для абордажного боя.

Усилия эти увенчались сразу очень крупным успехом. Вышедший в море с новым флотом в 260 г. консул Г. Дуилий встретил близ Липарских островов, около сицилийского города М и л ы, большую карфагенскую эскадру и, благодаря неожиданной для карфагенян тактике с применением «воронов» и абордажного боя, нанес им полное поражение: 50 карфагенских кораблей было потоплено или взято в плен, среди последних — и громадное адмиральское семиярусное судно («гептера»), принадлежавшее прежде Пирру. Дуилий не только получил триумф, но в честь его победы была воздвигнута на форуме особая «ростральная колонна» с прибитыми к ней носами разбитых вражеских кораблей.

Однако эти первые неожиданные удачи толкнули римское командование на весьма рискованное предприятие — организацию грандиозной морской экспедиции против самого Карфагена. Громадный флот в 330 кораблей, сосредоточенный в Мессане, направился в 256 г. вдоль южного берега Сицилии и близ м ы с а Э к н о м а у устья реки Гимеры после ожесточенного боя нанес второе большое поражение карфагенскому флоту. Затем обе консульские армии (около 50 тыс. человек) были переправлены в Африку. Заняв укрепленный городок Клупею (Аспис), римляне начали отсюда опустошение всей цветущей Карфагенской области вплоть до реки Баграда. 20 тыс. пленных жителей в качестве рабов вывезено было в Рим. Римляне были так уверены в конечном успехе, что отозвали обратно в Италию весь флот и значительную часть армии, оставив в Африке лишь консула М. Атилия Регула с 15 тыс. войска и 40 кораблями. Последний неосторожно всту-

пил в бой с основными силами карфагенян, которые, несмотря на осаду и голод, тем временем успели навербовать новые отряды наемников и даже из Спарты пригласили к себе на службу военного специалиста Ксантиппа. Небольшая армия Регула была раздавлена карфагенской кавалерией и слонами. Сам Регул попал в плен и был зверски замучен обозленными карфагенянами, а из его войска спаслось лишь 2 тыс. человек. Римский же флот в составе 360 судов, посланный в Африку, чтобы забрать остатки экспедиции Регула, при возвращении потерпел страшное крушение у южных берегов Сицилии.

Не менее тяжело было для римлян также другое поражение — в морском сражении при Дрепане в 249 г. Консул П. Клавдий Пульхер, уже и раньше известный своей заносчивостью и безрассудством, сделал дерзкую попытку внезапным нападением с моря завладеть первоклассной карфагенской крепостью Дрепаном, в результате чего его большая, наспех составленная эскадра вся попала в руки карфагенян. В общем римляне сумели потерять за этот период войны до 700 одних пятипалубных боевых судов («пентер») и утратили свое преобладание на море. Карфагенские военные корабли стали опустошать берега Италии. Даже на побережье Этрурии пришлось принимать против этого оборонительные меры и построить ряд укрепленных «морских колоний».

В 240-х годах положение римской армии и в Сицилии стало очень трудным. Осада Дрепана и Лилибея (Марсала) тянулась безнадежно долго, так как гарнизон крепостей пополнялся множеством греков-демократов из Селинунта и других западных городов, не желавших римского господства в Сицилии. К тому же в это время карфагенским главнокомандующим в Сицилии сделался талантливый и смелый Гамилькар Барка («Молния»); заняв неприступную позицию на горе Эрикс, в тылу у римлян, он почти полностью перерезал их коммуникации. Римский сенат потерял интерес к бесконечно затянувшейся войне и перестал посылать в Сицилию подкрепления, тем более что римская казна была уже пуста. Римские земледельческие массы давно уже тяготились войной, не видя в ней никаких для себя выгод, а лишь разорение для своего хозяйства: еще под Карфагеном, в армии Регула, солдаты бунтовали и требовали возвращения домой на полевые работы. Война казалась проигранной, несмотря на крайнее напряжение средств и сил Римского государства.

Тогда римские торговые и промышленные круги, инициаторы всей войны, которым победа над Карфагеном сулила наибольшие выгоды, взяли дело в свои руки. Богатые люди в Риме на свой счет, по одиночке и в складчину, выстроили и вооружили новый флот в 200 боевых кораблей наиболее совершенного и быстроходного типа и подарили его государству. Вышедший на нем в 241 г. в море консул Г. Лутаций Катул, человек солидный и практичный, выходец из новых слоев, после длительной подготовки экипажа учениями и маневрами, овладел входами в гавани Дрепана и

Лилибея, а затем, пользуясь быстроходностью своих кораблей, нанес при Эгатских островах сокрушительное поражение шедшему на выручку этих крепостей и потому тяжело нагруженному продовольствием карфагенскому флоту: 70 карфагенских кораблей было потоплено и 50 взято в плен. Эта морская битва решила судьбу войны. Лилибей и Дрепан должны были теперь сдаться, и, признавая дело безнадежным, сам Гамилькар советовал Карфагену вступить в мирные переговоры. Ввиду усталости обоих противников переговоры были быстро закончены на относительно приемлемых для Карфагена условиях.

Карфаген отказывался от всей принадлежавшей ему части Сицилии с примыкавшими к ней островами, уплачивал контрибуцию в 3200 талантов, рассроченную на 10 лет, выдавал без выкупа всех римских пленных и обязывался не нанимать наемников из племен, населявших Апеннинский полуостров. Рим одержал такую победу, которой сицилийские греки добивались в течение 250 лет: теперь вся западная часть Сицилии стала его «провинцией», а его флот — и военный и торговый — уже беспрепятственно мог господствовать на всех западных морях.

§ 4. Карфаген и Рим после первой Пунической войны. Карфаген был жестоко ослаблен неудачной для него войной. Вместе с господством на море он потерял и свой кредит: египетский царь Птолемей III отказал ему в займе под предлогом своих дружественных отношений с Римом. Его собственная касса была пуста, и он не в состоянии был расплатиться даже со своими наемниками, эвакуированными из Сицилии. В связи с этим армия в 20 тыс. наемных солдат (в большинстве из иберийцев, самнитов и кельтов) подняла в 241 г. грозное восстание, захватила Утику, второй по значению город в Карфагенской области, и осадила самый Карфаген. К восставшим солдатам присоединилось задавленное налогами и военными поборами туземное население (ливийцы) и рабы с карфагенских плантаций, благодаря чему количество повстанцев увеличилось почти до 100 тыс. человек.

Восстание приняло характер настоящей истребительной войны против ненавистных карфагенян: восставшие всякого захваченного карфагенянина предавали мучительной казни, а сторонникам карфагенян среди туземцев отсекали руки и отсылали в Карфаген. Вожди восстания — ливийский офицер Матос и беглый раб-кампаниец Спендий — пользовались непоколебимым авторитетом и громадной популярностью; женщины-ливийки добровольно сдавали им свои украшения на военные расходы. Прежние же враги Карфагена — римское правительство и сиракузский тиран Гиерон, — напуганные возможностью превращения движения в социальный переворот, пришли на помощь Карфагену: Гиерон — присылкой продовольствия осажденному городу, римский сенат — разрешением набрать новых наемников среди италиков.

Наконец, после многих неудач всемогущего в это время в Карфагене главы олигархии Ганнона Великого, командование карфа-

генским ополчением и вновь набранными отрядами наемников пришлось поручить прославившемуся обороной Сицилии Гамилькару Барке, хотя его опасались за его связи с демократической партией. Искусными действиями, после ряда больших сражений со своими же прежними солдатами, Гамилькару наконец удалось разъединить повстанцев. Сначала он уничтожил армию Спендия: самого Спендия вероломно арестовал во время переговоров и распял на кресте, а оставшихся без вождя ливийцев и рабов «окружил слонами и прочим войском и всех положил на месте, — а было их свыше 40 000 человек», — повествует Полибий. Затем, после отчаянного сопротивления, был разбит и взят в плен Матос. «Победоносное войско [Гамилькара], — заканчивает свой подробный и красочный рассказ об этом восстании Полибий (I,65—88), — в триумфальном шествии прошло через город Карфаген, гоня перед собой Матоса и его сообщников и подвергая их всяким истязаниям. Так почти три года и четыре месяца вели войну наемники с карфагенянами (241—238), из всех известных нам войн в истории самую жестокую и беспощадную». Полибий правильно подметил классовый характер этого восстания в Карфагене.

Усилившиеся после победы над наемниками военные круги Карфагена, с Гамилькаром во главе, стали подготовлять новую, еще более жестокую борьбу со своим счастливым соперником — Римом. Гамилькар, получив поручение восстановить поколебленный авторитет Карфагена в его западных провинциях, прошел с армией по берегу Мавритании (Марокко), переправился через Гибралтарский пролив в Испанию и стал здесь систематически и упорно подготовлять мощную военную базу.

Рядом походов он подчинил себе воинственные племена турдетанов, жившие в плодородной Андалузии, контестанов и эдетанов (по восточному побережью до р. Ибера — Эбро), завладел богатейшими рудными залежами гор Сиерры-Невады и создал, таким образом, громадные материальные средства, необходимые для предстоящей войны с Римом. Из покоренных воинственных горцев он составил громадную армию в 150 тыс. человек, прекрасно обученную его инструкторами и офицерами, снабженную всей передовой карфагенской техникой и имевшей парк в 200 боевых слонов. Его послы, тайные агенты и шпионы рассылались ко всем соседям Рима — к лигурам, кельтам, к царю Македонии, чтобы подготовить совместный удар.

Гамилькар погиб в 229 г., во время неудачного похода, но его зять Газдрубал, такой же заклятый враг римлян, вместе с тем и ловкий дипломат, продолжал начатую Гамилькаром подготовку к войне. С римлянами, встревоженными расширением владений карфагенян в Испании, он заключил договор о размежевании сфер влияния рекою Ибером на условии невмешательства в дела Испании карфагенян к северу, а римлян к югу от нее. Он основал город Новый Карфаген на юго-восточном берегу Испании, с великолепной гаванью и мощными укреплениями, ставший главной опорной базой карфагенян в Испании. Близ города открыты были серебряные рудники, в которых работало до 20 тыс. рабов

и доходами с которых Газдрубал также пользовался, чтобы подкупать отдельных влиятельных людей в Карфагене в пользу планов своей партии.

В Риме в это время тоже происходили весьма значительные перемены. Победа над Карфагеном привела к преобладанию в политике Рима стремлений к новым заморским захватам, в связи с обогащением от войны многих частных лиц.

Особенно обогатились подрядчики, которые строили, оснащали, вооружали корабли многочисленного римского военного флота, и «откупщики», арендовавшие конфискованные обширные карфагенские плантации, рудники, каменоломни, сбор таможенных пошлин в портах и «десятины» с покоренного населения. Вся бойкая торговля Сицилии хлебом, оливковым маслом, вином, рыбой и пр. перешла теперь в руки римских торговцев. Во время войны Карфагена с наемниками они широко нажились также на контрабандной поставке последним оружия и продовольствия.

Сама римская правящая аристократия стала входить во вкус денежных и торговых спекуляций: появились сенаторы-судовладельцы, которые или сами вели торговые операции или скрывались за доверенными — вольноотпущенниками (Плутарх, Катон Ст.). Поэтому уже в 238 г., воспользовавшись присоединением к восставшим карфагенским наемникам и сардинских гарнизонов, римское правительство не только постановило оккупировать Сардинию и Корсику, но еще под угрозой новой войны совершенно произвольно заставило Карфаген заплатить за это добавочную контрибуцию в 1 200 талантов. Местное население сгоняли специально натренированными громадными молосскими собаками-овчарками и продавали в рабство. Плодородные долины Сардинии и лесные ее богатства стали новым источником доходов римских предпринимателей.

В 229 г., под предлогом борьбы с иллирийскими пиратами, вредившими торговому судоходству на Адриатическом море, римский флот занял Керкиру, ключ к Адриатическому морю, а римские сухопутные войска ликвидировали Иллирийское царство царицы Тевты и заняли крепкий плацдарм на севере Балканского полуострова. Рим, как выражается Полибий (I, 63, 9), «возымел смелую мысль о подчинении и покорении мира».

Захватнический характер римской внешней политики вызвал значительное осложнение внутренних отношений. Крестьянские массы Рима весьма холодно относились к войне с Карфагеном и осуждали новые захваты заморских областей. Уже с 30-х годов III в. можно найти в источниках первые следы зарождающейся крестьянской оппозиции и начальные формы новой, «народной партии» («популяров»). Эта партия добилась в 230-х годах, очевидно, после значительной борьбы, реформы центуриатных комиций, благодаря которой, по словам Дионисия, «центуриатные комиции стали более демократичными». Было уравнено число голосующих центурий от каждого класса и определено по 70 от каждого. Первый класс теперь оказывался в зна-

чительном меньшинстве: он имел всего вместе с всадниками 88 центурий против 285 центурий других классов (вместо 98 против 95 по прежнему распределению). Вопросы о войне и мире, т. е. о направлении всей внешней политики, а также выборы ведущих магистратов передавались, таким путем, в руки средних по состоянию кругов римского общества.

Средние и мелкие землевладельческие круги Рима стали продвигать теперь к власти своих представителей, сделавших попытку вернуть римскую политику на прежние пути земельных приобретений на территории Италии и земледельческой колонизации. В 233 г. в этом направлении особенно энергично начал выступать молодой трибун Г. Фламиний Непот, неродовитый, «новый» человек, которого сочувствующий знати Полибий (II, 21, 8) называет «первым римским демагогом, положившим начало порче нравов у римлян». Он провел «в угоду народа», следовательно, против желания правящих кругов, закон о разделе на участки для крестьян-переселенцев Галльского поля — значительной территории близ северной границы Пиценума, еще в 280-х годах захваченной у галлов — сенонов. Раздел был настолько значительным, что возникла необходимость образовать из переселенцев две новые трибы (34-ю и 35-ю).

Был составлен также широкий и смелый план — совершенно вытеснить галлов из плодороднейшей северной части Италии — бассейна реки Падуса (По), изгнав или даже истребив их полностью (Полибий, II, 21, 8—9; 31, 8), и таким путем открыть для земледельческой колонизации римлян обширнейшие новые районы. В 223 г. консулом выбран был вождь народной партии Г. Фламиний, который особенно решительно стал осуществлять этот план завоевания Цизальпинской Галлии. Он смело «вторгся в равнины инсубров, опустошая поля их и сжигая жилища» (Полибий, II, 32, 4), и в большой ожесточенной битве уничтожил все их войско. В 222 г. взят был главный опорный пункт цизальпинских галлов Медиолан (Милан), и война закончилась полным подчинением Риму всех цизальпинских галльских племен. Территория их позднее обращена была в новую римскую провинцию — Цизальпинскую Галлию. Началось систематическое истребление и выселение галлов и переселение на их земли римских колонистов, в чем особенно активную роль играл опять-таки Г. Фламиний. Он вывел ряд очень крупных колоний в области реки Падуса (Плацендия, Кремона и др.), в которых колонисты получили небывало щедрые наделы (по 30 югеров на семью) и к которым проведена была Фламинием большая благоустроенная дорога («дорога Фламиния» из Рима в Аримин, на берегу Адриатического моря).

Все эти мероприятия проводились вождями народной партии при значительном сопротивлении со стороны сената. Особенно недовольны были римские нобили и всадники новым принципом, выдвигавшимся этой партией. Он заключался в том, что провинции

должны обслуживать интересы народа: до сих пор выгода от приобретения Сицилии, Сардинии и Корсики доставалась одним только римским магнатам и денежным людям. Особенно римская аристократия ненавидела Фламиния, считая его виновником всех своих затруднений и бед: когда он был консулом в 222 г., жрецы мешали ему зловещими толкованиями авспиций, так что он, человек, повидимому, просвещенный и свободомыслящий, прекратил совершение этих обязательных для командующего гаданий.

Народные массы, однако, продолжали свои выступления против господства нобилитета и нарождающейся плутократии. В народных собраниях происходили на этой почве бурные сцены. В 218 г. другой народный вождь, Клавдий, провел в комициях закон («закон Клавдия»), запрещавший сенаторам заниматься торговыми операциями и владеть большими торговыми кораблями. Закон прошел при сильном общем возбуждении, хотя в сенате был поддержан одним только Фламинием.

Глубокие перемены произошли в это время во всем старинном общественном и политическом строе Рима. Главное же заключалось в том, что он стал заметно демократизироваться. Поэтому римскому сенату, цитадели терявшего под ногами почву нобилитета, должно было показаться выгодным отвлечь внимание народных масс от внутренних дел на внешние. В связи с этим римская дипломатия постаралась ускорить назревавшую войну с Карфагеном, которая и вспыхнула как раз в тот 218 г., когда был принят народным собранием закон Клавдия.

§ 5. Вторая Пуническая война (218—201 гг.). Уже в 221 г., в нарушение договора с карфагенянами, Рим принял под свое покровительство значительный иберийский приморский город Сагунт, расположенный южнее реки Ибера (Эбро). Римское правительство обратило Сагунт в свою базу, «предполагая воспользоваться этим городом как опорным пунктом для войны» (Полибий, III, 15, 13).

Этим вызовом и воспользовался новый молодой командующий испанской армией карфагенян Ганнибал, сын Гамилькара Барки, сменивший убитого в 221 г. одним испанским патриотом Газдрубала.

Еще в детстве отец взял с этого старшего из своих «львят» (младшие были Газдрубал и Магон) клятву в вечной и непримиримой ненависти к римлянам, дал ему блестящее общее образование под руководством лучших финикийских и греческих учителей, но вместе с тем подготовил из него и блестящего полководца. Мастерский портрет этого замечательного человека и в то же время типичного коварного и жестокого пунийца, заклятого и страшного врага Рима, рисует Тит Ливий (XXI, 4.).

Ганнибал нашел время весьма благоприятным для начала войны с Римом. Поэтому в 219 г. с большим войском он осадил Сагунт и после восьмимесячной осады взял его, несмотря на ожесточенное сопротивление. Ганнибал действовал с рассчитанной на вызов Риму беспощадностью: все уцелевшие жители были про-

даны в рабство, город отдан на разграбление войску, значительная часть добычи была послана в Карфаген для распределения между влиятельными лицами. Когда римские послы явились в Карфаген с жалобами на Ганнибала и требованием его выдачи «за насилие над союзниками римского народа», карфагенский сенат ответил отказом, и Рим объявил войну Карфагену (218 г.).

Римский сенат полагал, что ввиду господства Рима на море война будет легкой и непродолжительной, и сообразно этому расположил свои военные силы. Почти весь флот и большая часть армии под командованием консула Тиберия Семпрония были сосредоточены в Сицилии, чтобы отсюда сразу же сделать высадку в Африке и покончить с Карфагеном. Другая, меньшая часть, под начальством консула П. Корнелия Сципиона, должна была на кораблях из Цизальпинской Галлии через Массилию направиться в Испанию, ликвидировать армию Ганнибала и овладеть испанской базой Карфагена.

Однако Ганнибал с самого начала сумел опрокинуть этот план и войну из наступательной превратил для Рима в оборонительную, поставившую на карту самое существование Римского государства. Ранней весной 218 г., с прекрасной армией в 90 тыс. ливийской и иберийской пехоты и 12 тыс. конницы, с большим количеством слонов, он начал неожиданный для римлян сухопутный поход в Италию.

Поход его был сопряжен с непреодолимыми, казалось, препятствиями. Ему пришлось с боем пробиваться через не покоренные еще области Северной Испании, переходить Пиренеи по узким ущельям, силой, угрозами и подарками открывать себе путь вдоль южного берега Галлии среди враждебно настроенных племен. Когда он достиг реки Роны, его армия уменьшилась вполовину, и он уклонился от боя с высадившимися уже в Массилии войсками П. Корнелия Сципиона. Он поднялся вверх по Роне на четыре дня пути и лишь здесь, на виду у выступавших против него туземцев, совершил очень трудный и опасный переход через широкую и быструю Рону.

Затем, поднявшись еще несколько вдоль Роны, он начал свой знаменитый переход через Альпы. Кроме необходимости отражать беспрестанные нападения местных жителей, армии Ганнибала пришлось бороться и с непогодой: переход происходил уже в конце сентября, когда альпийские проходы покрываются снегом и делаются мало доступны; множество воинов и вьючных животных погибло, сорвавшись с обледеневших круч в пропасти.

Лишь через пятнадцать дней небывалого по трудности пути измученное войско спустилось в равнины Цизальпинской Галлии, но в нем оставалось лишь 20 тыс. пехоты, 6 тыс. конницы и 3 слона (см. яркое описание этого перехода у Полибия, III, 47—56, и Ливия, XXI, 31—38).

Неожиданное появление Ганнибала в Италии поставило римлян в очень тяжелое и опасное положение. К Ганнибалу немедленно примкнули недавно покоренные кельты — тавриски, инсубры, бойи. Они доставляли ему припасы, громили новые римские колонии, массами переходили на сторону карфагенян. Легко

отбросив передовые римские отряды в сражении на реке Тицин (Тичино), Ганнибал перешел Падус (По) и в большой битве при реке Требии в декабре 218 г. разбил основную римскую армию консула Тиберия Семпрония, спешно перекинутую из Сицилии на защиту Северной Италии.

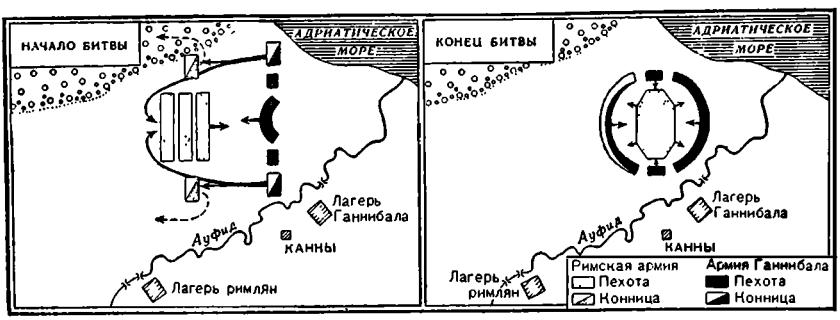
В Риме началось большое возбуждение, так как стало ясно, что вся новая провинция Галлия потеряна в связи с восстанием кельтов, утрачены все земельные приобретения народной партии в предшествующие годы и что враг находится уже на подступах к Риму, у северных границ Этрурии. Сенат и нобилитет обвинялись в нераспорядительности и в небрежной защите народных интересов. На выборах 217 г. поэтому провели в консулы народного любимца Г. Фламиния, и, несмотря на сопротивление сената, ему поручено было командование основной северной римской армией, стоявшей у Арреция и закрывавшей прямую дорогу с севера на Рим.

Но римлян постигла новая, еще более тяжелая военная катастрофа. Ганнибалу опять удалось неожиданным и смелым движением обойти неприступные горные арретинские позиции римлян. Четыре дня его войска шли по Тосканским, считавшимся непроходимыми болотам, по грудь в воде и тине. Погиб последний слон, на котором ехал Ганнибал, и он сам потерял глаз. Когда же Фламиний попытался догнать вышедших на дорогу в Рим карфагенян, он попал в засаду, устроенную ему Ганнибалом в узком проходе между берегом Тразименского озера и окружающими его горами, в самом центре Этрурии, и погиб здесь со всей своей армией, на которую народ возлагал такие надежды. Т р а з и м е н с к а я б и т в а (217 г.) являлась не только страшным военным ударом, но и тяжелым поражением римской народной партии. Аристократии удалось даже, используя уныние и панику в народе, добиться решения народного собрания назначить диктатором одного из ее виднейших представителей Квинта Фабия (см. П л у т а р х, Фабий Максим).

Впрочем, Ганнибал еще не решался идти прямо на Рим. В его план входило сперва разрушить римскую федерацию. Поэтому он начал со своими войсками широкий обход по всем областям Италии, начиная с Пиценума и Умбрии, вдоль берега Адриатического моря в Луканию, затем через Самниум в Кампанию, везде истребляя встречавшихся ему отдельных римлян, уничтожая римские и латинские поселения и везде объявляя себя освободителем италиков от римского ига. Поэтому диктатура Квинта Фабия в скором времени стала весьма непопулярной в Риме: его прозвали Кунктатором (т. е. медлителем, вернее — копуном) за его чрезмерно осторожную военную тактику, избегавшую решительных сражений и ограничивавшуюся сложным маневрированием по горным дорогам параллельно движениям Ганнибала. Благодаря этому прикрывались от разгромов фуражирами Ганнибала обширные нагорные фермы богатых скотопромышленников

и оставлялись на произвол судьбы расположенные в долинах и равнинах мелкие хозяйства колонистов.

На выборах следующего 216 г. народной партии снова, рядом со ставленником сената Л. Эмилием Павлом, удалось провести в консулы одного из своих вождей, Г. Теренция Варрона, сына простого мясника. Сенат, поддаваясь желаниям народа, приказал дать решающее сражение. Но между консулами не было согласия относительно выбора места сражения. В конце концов битва произошла на неудобных для римлян позициях: на широкой равнине у устья реки Ауфида, близ небольшого города Канны

6. Сражение при Каннах.

(в середине лета 216 г.). На этой равнине под Каннами Ганнибал мог широко использовать свое преимущество в коннице (у него было всего 40 тыс. пехоты, но 10 тыс. конницы против 80 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы римской). Именно конница глубоким заходом в тыл римлян решила дело в пользу Ганнибала. Кроме того, искусным построением своих войск Ганнибал сумел обратить римское поражение в полный разгром и истребление всей римской армии. Это сделало битву при Каннах знаменитой в истории военного искусства.

В центре своего расположения Ганнибал поставил, против обыкновения, второстепенные войска из иберов и кельтов, построив их в виде полумесяца выпуклой стороной в сторону противника, а наиболее надежные отряды ливийской пехоты — главную ударную свою силу — разделил между обоими флангами. Таким образом, он подготовил для римлян своеобразную ловушку: когда римской пехоте удалось в начале сражения потеснить стоявшие в центре подразделения карфагенской армии и расположение приняло вид вогнутого внутрь полукруга, с боков на римлян, вошедших в этот мешок, или воронку, ударили ливийцы, а с тыла зашла карфагенская кавалерия, успевшая рассеять стоявшую на крайних флангах римскую. Вся громадная римская армия оказалась в полном окружении и погибла со всем своим командным составом. Только консул Варрон сумел прорваться с небольшим количеством воинов. За это сенат принужден был объявить ему благодарность. Такого поражения римляне еще никогда не испытывали, и день поражения при Каннах стал для них вторым траурным днем наряду с днем битвы при Алии (см. подробное описание этой знаменитой битвы у Полибия, III, 107—116, и у Ливия, XXII, 40—54).

Удар оказался настолько сильным, что Римское государство, казалось, стояло на краю гибели. Сенат даже послал одного из своих членов, Фабия Пиктора, спросить дельфийский оракул, какими средствами можно отвратить эту гибель. Паника в Риме была так велика, что были восстановлены древние человеческие жертвоприношения и на Бычьем рынке в Риме живыми закопали в землю галла и галльскую женщину, грека и гречанку — магический обряд, которым пытались навлечь гнев богов и погибель на эти два народа, в которых, кроме карфагенян, видели своих главных врагов.

Действительно, на севере галлы были так воодушевлены падением военного авторитета римлян, что подняли поголовное восстание и уничтожили всю вторую, стоявшую близ Аримина, римскую армию с консулом Л. Постумием Альбином во главе. На юге отложились от Рима наиболее обиженные категории союзников — самниты, луканы и бруттийцы; на сторону Ганнибала перешли все города Великой Греции, за исключением Неаполя; передался ему и второй по значению и величине после Рима город Италии — Капуя. В распоряжении Ганнибала теперь была большая часть италийского побережья, и он получил возможность сноситься с Карфагеном через море. Карфаген оказывал ему помощь снаряжением и войсками: ему прислали даже новых слонов взамен погибших при переходе через Альпы. Большое 25-тысячное войско карфагенян высадилось в Сицилии, заняло Акрагант и поддержало восстание в Сиракузах, которые в 214 г. тоже перешли на сторону карфагенян. Наконец, македонский царь Филипп V вступил в открытый союз с Ганнибалом и напал на иллирийские владения римлян. Даже в Испании, где одно время имела успех третья римская армия под начальством братьев Публия и Гнея Корнелиев Сципионов, Газдрубалу удалось полностью уничтожить римские войска вместе с их начальниками. Ганнибал в 211 г. решился уже на вторжение в самый Лациум и даже совершил налет на Рим: он приблизился к его Коллинским воротам и сам первый бросил копье в ненавистный ему город.

В это критическое время, когда война приняла вновь характер борьбы за существование римского народа, Рим был еще раз спасен самоотверженностью своих мелких земледельцев и вообще низовых масс своих граждан. После Канн прекратились всякие выступления народной оппозиции: вождь народной партии Г. Теренций Варрон стал одним из активнейших и ревностных проводников политики аристократического сената. Мобилизовано было поголовно все мужское население, начиная с 17 лет, из римлян и оставшихся верными союзников. К 214 г. Рим имел небывалую военную силу из 18 легионов; за недостатком оружия использовали даже предметы вооружения, издавна, как трофеи прежних войн, хранившиеся в римских храмах и общественных зданиях; но, очевидно, и текущее производство оружия было поставлено на широкую ногу под надзором государства. Составлено даже было

2 легиона из 8 тыс. рабов-добровольцев с обещанием дать свободу каждому, кто убьет одного врага. Эти добровольцы (volones) под командой Тиберия Семпрония Гракха оказали римской обороне громадные услуги, пока не погибли полностью вместе со своим вождем, окруженные войсками Ганнибала. На Авентине, в храме Свободы, была даже картина, изображавшая подвиги этого мужественного отряда.

Таким интенсивным использованием своих весьма еще обширных резервов римляне добились очень крупного перевеса над силами Ганнибала, в то время как союзники Ганнибала, за исключением кельтов, не оказывали ему особенно активной помощи, а были поглощены своими узкими, местными интересами. Кроме того, римское правительство, наученное опытом многих неудач, стало с большой осмотрительностью и осторожностью относиться к использованию своих боевых сил. Медлительная тактика Фабия Кунктатора была признана образцовой, его всемерно прославляли, дали прозвище «Величайшего» (Максима), вновь выбрали консулом. По его примеру, римские полководцы теперь не пытались более меряться силами с самим Ганнибалом и стремились лишь не допустить осуществления основного его плана — разложения италийского союза и объединения против Рима всех враждебных ему сил: изолируя таким путем маленькую армию Ганнибала, лишая ее притока новых сил и средств, делая расчет на ее постепенное таяние и разложение в условиях затяжной войны, римляне стремились парализовать ее грозное для Рима значение.

Целых десять лет, с 215 по 205 г., потребовалось римскому правительству на осуществление этого далеко и тонко рассчитанного плана. Несмотря на ежегодную смену командования, направляющей рукой сената он проводился из года в год. Не считались и с громадными жертвами, с продолжающимся опустошением Италии, производившимся войсками Ганнибала, с застоем в хозяйственной жизни, с неисчислимыми страданиями всего народа. И римские армии, распределенные между многими театрами войны, в первое пятилетие (215—210 гг.) этого грозного для Рима времени смогли уже значительно выправить и улучшить положение. В Италии римские войска, закрепившись сперва на линии римских крепостей-колоний по реке Лирису, на южной границе Лациума, начали медленное и осторожное продвижение вглубь Кампании и Самниума. В 211 г., после двухлетней осады, удалось, наконец, взять Капую. Расправа с изменившим городом была необычайно жестока: все должностные лица и множество граждан были перебиты или казнены, большая часть населения продана в рабство, остатки выселены в Этрурию. Подобная же экзекуция произведена была и в других отпавших от Рима городах Кампании (Ателла, Калатия и др.), и эта плодороднейшая область Италии вновь вернулась под римскую власть. Римская оборонительная линия затем была перенесена на границы Апулии

и Луканпи, между Венузией и Беневентом, и Ганнибал, таким образом, оказался запертым в Южной Италии.

В Сицилии римский консул М. Клавдий Марцелл вошел в соглашение с исконными жителями острова сикулами, ненавидевшими греков как своих давних угнетателей, и принудил к подчинению Риму греческие города Энну, Моргантину, захватил Леонтины и осадил Сиракузы. Осада была особенно трудной для римлян, так как Сиракузы являлись одним из самых передовых в промышленном и культурном отношении греческих городов, одним из крупнейших центров греческой науки и техники. В течение двух лет их мощные сухопутные и морские оборонительные сооружения защищал, с помощью новых, изобретенных им машин знаменитый математик Архимед (см. Полибий, VIII, 5—9, Ливий, XXIV, 33—35, Плутарх, Марцелл, 14). Когда город в 212 г. был взят римлянами, последние произвели в нем страшную резню и дикое разграбление: добыча была столь велика, что большей нельзя бы было собрать и в самом Карфагене,— пишет Ливий. Но только к 209 г. удалось окончательно справиться с действовавшей в Сицилии карфагенской армией, тоже беспощадно разрушавшей всю страну, и занять ее главную базу — Акрагант. От этого разгрома Сицилия уже никогда не могла оправиться. Замерла интенсивная культурная жизнь ее городов, и весь остров превратился в римскую провинцию сельскохозяйственного назначения; неисчислимые толпы рабов, переполнивших ее плантации, стали преобладающим элементом в населении Сицилии.

Наконец, в Греции, в борьбе против нового грозного союзника Ганнибала, Филиппа Македонского (первая Македонская война) римляне тоже имели значительный успех.

Нападение Филиппа на Аполлонию (в Иллирии), которую он предполагал сделать своей основной базой для похода в Италию и операций против римлян совместно с Ганнибалом, было отбито своевременно вышедшим из Брундизия римским флотом. Был захвачен сам лагерь Филиппа со всеми осадными орудиями, так что македонский царь принужден был сжечь свои корабли и сухим путем с остатками армии пробираться в Македонию. Римская дипломатия создала против Филиппа обширную коалицию из Этолийского союза, Спарты, Мессении и пергамского царя Аттала и побудила жившие по северной и восточной границам Македонии воинственные племена иллирийцев (дарданов) и фракийцев (мезов) усилить свои постоянные набеги.

Положение Филиппа стало настолько тяжелым, что он уже не только не мог более думать о походе в Италию, но даже принял посредничество Египта, Родоса и Афин для переговоров о мире, который и был заключен несколько позже, в 205 г. (в Фойнике).

В следующее пятилетие, с 210 по 205 г., уже и в борьбе с Карфагеном выявился полный перевес Рима. В Италии Ганнибал был окончательно прижат к побережью Тарентского залива между Метапонтом и Кротоном; римлянам удалось восстановить свою власть даже в Таренте (209 г.) и Локрах, крупнейших городах юга, которые были его главными

базами. Из италийских племен лишь бруттийцы и луканы продолжали оказывать ему еще некоторую помощь.

Но главным ударом для Ганнибала была ликвидация римлянами его основной базы в Испании, причем здесь выдвинулся из среды римского командного состава достойный Ганнибала соперник, молодой П. Корнелий Сципион, сын погибшего в 211 г. проконсула. Сципиону было всего 24 года, но он уже был широко известен своими военными подвигами, своим блестящим эллинским образованием и умелым обращением с людьми. Благодаря множеству влиятельных друзей и клиентов своего знаменитого рода, он был в 210 г. назначен командующим действовавшей в Испании армией, хотя прошел только младшую должность эдила. Смелыми военными операциями, соединенными с ловкими дипломатическими приемами, он быстро склонил на сторону Рима большинство испанских племен; затем внезапным ударом овладел в 209 г. Новым Карфагеном с его обширными арсеналами, верфями, запасами военного снаряжения и военными мастерскими.

Не удалось ему лишь помешать братьям Ганнибала Газдрубалу и Магону с остатками их войск двинуться в Италию на соединение со старшим братом. Газдрубал прошел тем же путем через Пиренеи и Альпы, что и Ганнибал в 218 г., но благодаря дополнительным наборам среди кельтов-арвернов сумел привести в Италию армию даже больше той, с которой начал свою борьбу с Римом Ганнибал (у него было 48 тыс. пехоты, 6 тыс. конницы и 15 слонов). Он уже достиг границ Этрурии и Пиценума и вызывал письмами Ганнибала на соединение с своими свежими войсками. Однако посланцы с письмами были перехвачены, Газдрубал был окружен римлянами близ Сены Галльской, на реке Метавре, армия его уничтожена, он сам погиб в битве, а голова его была переброшена в лагерь Ганнибала (207 г.). Неудачей кончилась позднее (в 203 г.) и попытка второго брата, Магона, высадившегося в Лигурии.

Только на 13-м году войны римское правительство могло возвратиться к своему первоначальному плану — нападению на самый Карфаген. В 205 г. Сципион был выбран консулом, и народное собрание, несмотря на протесты Фабия Максима и противодействие большинства сената, поручило ему провести эту операцию. Под предлогом истощения казны никаких средств сенатское правительство Сципиону не дало, и экспедицию опять, как в 241 г., пришлось организовать на пожертвования богатых римлян и союзников (в особенности этрусков). Многие, в расчете на обильную добычу, записывались добровольцами. Вообще все дело имело характер большого частного предприятия, в котором объединялись интересы богатых аферистов с стремлениями образовавшегося во время долгой войны нового слоя военных-профессионалов к рискованным, но обещающим славу и служебное повышение военным авантюрам.

В 204 г., закончив свои приготовления в Сицилии, Сципион на 400 транспортных кораблях переправил свою сравнительно небольшую армию в Африку, высадился близ Утики и начал опустошение богатой долины реки Баграда, главной житницы Карфагена, чтобы голодом вынудить сдачу многолюдного и непри-

ступного по своим укреплениям города. Ему удалось свергнуть царя соседней с Карфагеном Нумидии, Сифакса, союзника карфагенян, и сделать царем ее своего сторонника Масиниссу, благодаря чему он получил в свое распоряжение прекрасную нумидийскую конницу, до тех пор составлявшую лучшую часть карфагенского войска. Карфагенский сенат уже отправил послов к Сципиону с предложением мира, но народное собрание Карфагена постановило вызвать Ганнибала и поручить ему защиту родного города.

Ганнибал давно ждал такого призыва: его положение в Италии уже было безнадежно, но возвращаться в Карфаген он опасался, предполагая, что руководимое врагом его семьи Ганноном карфагенское правительство произведет с ним расправу за его неудачу. Он собрал теперь остатки своего войска в Кротоне, перебил всех италийцев-союзников, не пожелавших следовать за ним в Африку, и, оставив в храме Геры (на соседнем с Кротоном Лицинском мысу) подробное описание своего похода на финикийском и греческом языках (эту обширную надпись на колонне видел и использовал Полибий), с немногими кораблями отплыл в Карфаген (203 г.). Ему удалось пополнить свои поредевшие кадры новыми наемниками, привлечь на свою сторону часть нумидийцев, сторонников сверженного Сифакса, и таким путем вновь составить себе весьма солидную военную силу. Однако Ганнибал уже не был уверен в победе: он устроил личную встречу с Сципионом и предлагал ему мир на весьма выгодных для римлян условиях; Сципион отверг это предложение, не считая его искренним.

Решительная битва, наконец, произошла при Заме, в пяти переходах к югу от Карфагена, и окончилась полной победой римлян.

Ганнибал показал и здесь всю силу своего блестящего военного таланта; на этот раз, в противоположность Каннам, он пытался прорвать центр римлян, направив на него 80 слонов и густые ряды четырьмя эшелонами (один за другим) построенной пехоты. Но дело и здесь решила нумидийская конница: она зашла в тыл расположения карфагенян и вызвала отступление, а затем и бегство всей карфагенской армии. 20 тыс. карфагенских воинов было убито и другие 20 тыс. были взяты в плен. Ганнибалу удалось ускакать лишь с несколькими всадниками.

Теперь весь карфагенский сенат в полном составе явился в лагерь Сципиона, и Сципион согласился вступить в переговоры о мире. Условия мира, им продиктованные, были очень тяжелы, но все же, когда в карфагенском народном собрании при обсуждении их один из ярых сторонников военной партии, Гискон, стал возражать против их принятия, сам Ганнибал велел его согнать с трибуны и заявил, что при полном отсутствии возможностей продолжать войну надо считать за счастье получить и подобные условия. В 201 г. эти условия были утверждены в Риме сенатом и народом. За Карфагеном сохранялись только его владения в Африке, но ему запрещалось даже здесь вести какие-либо войны с соседями; он должен был распустить всю свою армию, выдать

для уничтожения весь военный флот, за исключением 10 трирем, всех слонов и обязаться не заводить их более; он обязывался возвратить всю добычу, захваченную во время войны, всех пленных и дезертиров и содержать всю римскую армию в Африке до ее эвакуации; наконец, на него возлагалась контрибуция в 10 тыс. талантов с рассрочкой платежей на 50 лет. В обеспечение соблюдения договора Сципиону предоставлялось право отобрать сто заложников из детей самых крупных карфагенских фамилий. С этого времени римляне стали вмешиваться даже во внутренние дела Карфагена, что вскоре заставило Ганнибала бежать на Восток к сирийскому царю Антиоху, чтобы поднять его на новую борьбу с Римом.

Рим праздновал победу над опасным врагом. Сципион, который привез из Африки 13 тыс. фунтов серебра, стал первым лицом в государстве, и ему официально было присвоено почетное прозвище «Африканский». Но 15-летняя война на территории самой Италии произвела громадные разрушения во всем ее народном хозяйстве. Погибло около половины всего количества римских граждан рабочего возраста: по цензу 220 г. их насчитывалось 270 тыс., ценз 207 г. показывал лишь 137108 призывных. Убыль населения среди италиков была еще больше, так как вырезаны были жители 400 городов и даже целых областей — частью Ганнибалом, еще больше — римскими карательными экспедициями; так, римлянами было уничтожено почти все население Бруттия, особенно долго и твердо поддерживавшее Ганнибала. Народное благосостояние сильно понизилось даже в местах, избежавших военных погромов, — от запустения земель, постоянных призывов, тяжелых военных налогов, повышения цен (например, на соль — вдвое с 204 г.), порчи монеты и пр. По всей Италии бродили шайки разбойников и бродяг, внося всюду панику и деморализацию. Время второй Пунической войны было концом того благополучия, которое установилось для римского крестьянства после завоевания Италии.

Но вместе с тем еще больше, чем после первой войны с Карфагеном, поднялось благосостояние высших и, в особенности, предпринимательских и торговых слоев римского общества. Все торговые операции и связи разрушенных Капуи, Тарента, Сиракуз унаследованы были теперь полностью римскими торговцами. Благодаря новым конфискациям у изменивших союзников сильно увеличилось количество римских общественных земель, и почти все они попали в руки крупных предпринимателей, которые стали особенно усердно вкладывать в землевладение избытки своих военных прибылей и добыч; народ же, чтобы он не требовал земельных разделов, подкупили устройством в 190—180-х годах нескольких новых колоний на месте разрушенных городов: Путеолы, Вольтурн, Салерн — в Кампании; Фурии и Кротон — в Бруттии; Мутина, Парма, Бонония — в Цизальпинской Галлии. Народная партия, обессиленная и дискредитированная, надолго сошла с политической сцены и прекратила свою оппозицию растущей и расцветающей

римской плутократии. Поэтому политика Рима в ближайшие десятилетия после победы над Карфагеном пошла беспрепятственно по путям, намечаемым римским «всадничеством» и новой военщиной. Покончив с завоеванием западной части Средиземноморья, господствующие круги Рима, не знавшие уже пределов в своих захватнических устремлениях, немедленно обратились к завоеванию Востока.

ГЛАВА XLVII

НАЧАЛО ГЕГЕМОНИИ РИМА НА ВОСТОКЕ

§ 1. Вторая Македонская война. Утвердить свое преобладание, (а затем и господство) в Восточном Средиземноморье Риму было значительно легче, чем овладеть Западом: военные операции ограничивались посылкой сравнительно небольших операционных армий и небольших эскадр военного флота. Исход этих усилий решился в течение одного десятилетия (с 200 по 190 г.), тогда как для победы над Карфагеном Риму потребовалось целых 63 года.

Главная причина этого быстрого и легкого успеха лежала в тогдашних международных отношениях. Если на Западе в III в. все силы и средства сконцентрированы были в руках одного Карфагена, с которым Риму пришлось вести ожесточенное единоборство, Восток представлял собой целую мозаику больших и малых государств, отдельных свободных полисов и автономных областей, иногда вступавших между собой в более или менее правильно организованные федерации, как Беотийский, Ахейский и Этолийский союзы. Но все эти города, союзы и государства находились в вечной, непрестанной и непримиримой борьбе между собой. Крупные эллинистические государства Востока — Македония, Сирия и Египет — тоже находились в постоянном соперничестве, стремясь побольше присвоить себе из наследства распавшейся державы Александра. К этому присоединились неугомонные стремления новых государств средней руки — Пергама, Вифинии, Родоса и других — расширить свои пределы за счет непомерно разросшихся владений этих великих держав. Таким образом, в этом запутанном клубке сталкивающихся сил для Рима открывалась широкая возможность достигать желаемой цели столько же путем оружия, сколько и путем ловкой и хитрой дипломатии: натравливая одних на других, в конечном счете овладевать намеченной добычей.

Действуя такими средствами, военной партии Рима, упоенной победой над Карфагеном, сразу же по окончании второй Пунической войны удалось в четыре года разгромить самую сильную в то время эллинистическую державу — Македонию — и стать хозяином на всем Балканском полуострове. Мотивом второй войны с Македонией (200—197 гг.) выставлялось то, что македонскому царю Филиппу V нельзя простить поддержки, оказанной им Ганни-

балу, что с этого времени Македония еще больше усилилась и даже вступила в союз с Сирией, чтобы произвести совместный раздел владений Египта. Действительно, в Египте в 203 г. умер царь Птолемей IV Филопатор, оставив своим наследником четырехлетнего ребенка Птолемея V Эпифана (Явленного), и в Александрии начались в связи с этим обычные придворные интриги и смуты. Филипп построил уже большой флот и стал отбирать египетские владения в Малой Азии (Карию и Лидию), захватил города на Геллеспонте (Сест и Абидос) и овладел Кикладскими островами, что вызвало возмущение значительной части Греции: Этолийский союз, Родос, Пергам и даже Афины вступили с ним в открытую войну и взывали о помощи Рима. Этот момент сторонники войны в Риме и нашли особенно благоприятным для своего вмешательства в восточные дела.

Правда, пришлось при этом еще встретиться с некоторым сопротивлением низов населения Рима. Народная партия, руководимая трибуном Кв. Бебием, открыто заявляла, что новая война является прямой авантюрой военных командиров, жадных до заморской добычи. Возможно, что именно в это время Плавт написал и поставил одну из лучших своих комедий «Хвастливый воин». В комедии едко высмеивались зазнавшиеся «градоразрушители» (Пиргополеон — имя хвастливого героя этой комедии, утверждавшего, что одним ударом меча он может разрубить пополам даже слона). Центуриатные комиции отказались объявить Македонии войну, когда этот вопрос внесен был на их утверждение. Однако теперь сенат уже привык не очень считаться с народом: вопрос о войне был поставлен в комициях вторично, и, несмотря на резкие протесты, было проведено решение объявить войну (Ливий, XXXI, 6).

Первые два года войны не привели еще к каким-либо определенным результатам. У Филиппа было много союзников в Греции: за него были Фессалия, Беотия, Фокида и Локрида. Филипп даже сам перешел в наступление и осадил Афины: его войска беспощадно опустошали окрестности знаменитого города, разграбили его прославленные по всей Греции загородные храмы, разгромили Академию и Ликей. Небольшая римская армия, состоявшая всего из двух легионов с соответствующим количеством италийских союзников, 2 тыс. нумидийских всадников и 10 слонов, присланных Масиниссой, всего в количестве приблизительно 25 тыс. человек, тщетно старалась два года проникнуть из Иллирии в восточную Грецию.

На третий год войны, в 198 г., был послан главнокомандующим в Грецию консул Т. Квинкций Фламинин, выдающийся молодой военачальник, проявивший себя еще в войне с Ганнибалом.

Это был ловкий и гибкий политический деятель того нового типа, что и П. Корнелий Сципион (см. Плутарх, Т. Квинкций Фламинин). Умелым обращением он убедил греков в своем эллинофильстве и в том, что целью войны является «освобождение Греции» от македонского ига. Он быстро склонил на сторону Рима эпиротов: эпирские проводники показали ему наиболее проходимые дороги в горах, по которым он, сбив македонские заслоны, провел свою армию в Фессалию. Скоро вся Средняя Греция и Пелопоннес присоединились к нему.

Решительная битва произошла летом 197 г. в южной Фессалии, несколько к северу от основной ключевой позиции всей Греции, Фермопил. На гряде холмов, носивших причудливое название Собачьи головы (Киноскефалы), «непобедимая» македонская фаланга, не успевшая построиться в боевой порядок, была разгромлена подвижными римскими манипулами, которые сумели зайти ей в тыл и использовать ее неповоротливость (См. П о л и б и й, XVIII, 24—26; Л и в и й, XXXIII, 6—9; П л у т а р х, Фламинин, 7—8).

Вместе с тем рухнуло бесповоротно и полуторавековое господство Македонии в Греции и ее ведущая роль во всем восточном Средиземноморье. По миру, о котором Филипп униженно просил римский сенат, Македония была сведена на положение третьестепенного государства. Все греческие города и области, захваченные ею в Европе и Азии, объявлены были свободными и независимыми. Македонскому царю запрещалось иметь армию более 5 тыс. человек и более 5 военных кораблей; наконец, он обязывался возместить военные издержки в размере 1 тыс. талантов, что опустошило македонскую казну.

Однако Греция лишь меняла своего хозяина, хотя на истмийских играх 197 г. Фламинин при общем ликовании огласил, что всем греческим государствам, бывшим ранее под властью Македонии, «римский сенат и полководец с консульской властью Тит Квинкций даруют свободу,... предоставляя им право не содержать у себя чужих гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам» (П о л и б и й, XVIII, 46, 5). «Последовал такой взрыв рукоплесканий, о каком трудно себе даже составить представление теперешнему читателю» (т а м ж е). Вскоре должно было наступить большое разочарование. Повсюду в Греции Фламинин и действовавшая совместно с ним десятичленная сенатская комиссия стали преследовать демократические партии и заменять демократические правительства олигархическими, так как последние, из страха перед собственным населением, искали опоры в Риме.

Наиболее решительным было вмешательство римлян в дела Спарты. Здесь с 206 г. правил т и р а н Н а б и с, сперва как опекун малолетнего царя Пелопса, затем как самостоятельный правитель и вождь радикальной партии. Продолжая дело царей-реформаторов Агиса и Клеомена, он разгромил спартанскую плутократию, изгнал из Спарты ее прославленных по всей Греции богачей, а богатства их разделил между рабами, бедняками и своими солдатами. Ему помогала его жена Апега, агитируя даже среди женщин соседних государств (Аргоса). Фламинин с большой армией в 50 тыс. человек, состоявшей, кроме римлян, из вспомогательных отрядов ахейцев, фессалийцев и македонян, поддержанный эскадрами римских, пергамских и родосских кораблей, организовал карательную экспедицию против Спарты и заставил Набиса отказаться от его революционных и объединительных планов.

Набис обязался возвратить изгнанников, вернуть освобожденных рабов их господам, ликвидировать свой флот и армию и уплатить 500 талантов контрибуции. Спарта была так ослаблена, что в скором времени стала добычей своих врагов. Набис был изменнически убит в 192 г. Возвратившиеся эмигранты-реакционеры при поддержке ахейцев произвели государственный переворот (188 г.): восстановили олигархию, срыли стены города и начали беспощадную расправу с демократами, предавая их казням или продавая в рабство.

Таким образом, хотя римские войска, согласно обещанию, и были в 194 г. выведены из Греции, Рим продолжал беспрерывно вмешиваться в дела греческих «свободных» государств, вызывая растущее недовольство и возмущение в греческом обществе, в особенности среди демократических, прогрессивно настроенных его слоев.

§ 2. Война с Антиохом III Сирийским. Новое господствующее положение Рима в Греции повело к столкновению его с другой крупнейшей эллинистической державой на востоке — с Сирией. В Сирии с 223 г. правил царь Антиох III, прозванный Великим. Полибий считает его наиболее выдающимся правителем того времени. Антиох III мечтал об объединении под своей властью всех эллинистических государств, включая Египет и Македонию, и о восстановлении, таким образом, великой державы Александра. Он с удовольствием наблюдал, как римляне громили Македонию, предполагая, что это ослабление ее будет лишь способствовать присоединению столь мощного прежде государства к его владениям. А тем временем он стал забирать территории и города в Малой Азии, принадлежавшие прежде египетским Птолемеям и Филиппу, — Киликию, Ликию, Карию, Ионию и Эолию, даже переправился через Геллеспонт и захватил Сест и Лисимахию на Херсонесе Фракийском. Вместе с тем он начал уже прямую подготовку к войне с Римом, тоже в целях «освобождения Греции», в особенности с того времени, когда к нему прибыл бежавший из Карфагена Ганнибал (в 196 г.), ставший душой военной партии. К открытой войне с Римом призывали и некоторые обиженные Римом греческие государства, в особенности Этолийский союз, обещая Антиоху общую поддержку всей Греции в его предстоящей борьбе с «западными варварами».

В 192 г. Антиох, в надежде на эту помощь, с незначительными войсками высадился в Греции, в Пагасейском заливе. Но ожидаемого общего восстания греков против Рима не произошло, а Ахейский союз, Пергам и Родос, опасаясь агрессивных намерений Антиоха, решительно стали на сторону Рима. Даже египетский царь Птолемей V предложил римскому правительству большую денежную помощь (1 тыс. фунтов золота и 9 тыс. фунтов серебра). Рим опять мог опереться в этой новой тяжелой войне на весьма значительную коалицию, позволявшую ему не мобилизовать особенно больших сил.

Тем не менее Ганнибал советовал Антиоху смело вести наступление, захватить римские опорные пункты в Греции — Иллирию

и Керкиру — и оттуда начать операции против самой Италии. Антиох сделал при поддержке этолийцев попытку занять Акарнанию, но в этих операциях его не было достаточной решительности и настойчивости, и они не имели никакого результата.

Используя это, небольшая римская армия в 20 тыс. человек под начальством консула Мания Ацилия Глабриона, сурового и смелого командира из «новых» людей, опять, как и во время войны с Филиппом, прошла по труднейшим горным дорогам из Аполлонии в Фессалию и здесь соединилась с македонскими войсками. Решающая битва произошла у знаменитых Фермопил (191 г.), которые Антиох сделал еще недоступнее, укрепив их узкий проход двойной линией валов и окопов. Но легат Глабриона — историк М. Порций Катон — вспомнил о тропинке, по которой Ксеркс в 480 г. обошел отряд Леонида, и тоже сумел зайти в тыл позиции Антиоха (см. Плутарх, Катон Ст., 13 и сл.). Сирийские войска потерпели полное поражение, лагерь их был захвачен римлянами, и Антиоху с остатками его войск пришлось эвакуироваться из Греции в Малую Азию.

Теперь, опираясь на азиатских союзников, римляне быстро установили свое господство и на Эгейском море. Соединенный римско-пергамско-родосский флот, под командой римских начальников его Г. Ливия и Л. Эмилия Регилла, в нескольких морских сражениях близ острова Хиоса и у берегов Малой Азии разбил мощный, состоявший из тяжелых, многопалубных кораблей флот Антиоха (одной из эскадр его командовал Ганнибал), что позволило римлянам перенести войну и на территорию Малой Азии.

Эту задачу римское правительство возложило на знаменитого победителя Карфагена Публия Корнелия Сципиона Африканского, хотя номинальным главнокомандующим и считался его малозначительный брат, консул 190 г. Луций Корнелий Сципион. Римская сухопутная армия под командой обоих братьев Сципионов прошла через Эпир, Македонию и Фракию к Геллеспонту и двинулась на главный город Малой Азии Сарды. Здесь были сосредоточены мощные сухопутные силы сирийского царя. При Магнезии, на полпути между Сардами и Смирной, в декабре 190 г. одна большая битва, в которой римляне разгромили громадную армию Антиоха, решила судьбу Азии. Римская армия была втрое малочисленнее сирийской: у римлян было всего 4 легиона, у Антиоха более 80 тыс. бойцов. Но войско Антиоха полностью воспроизводило весь конгломератный характер его необъятной державы: здесь были и греческая фаланга, и арабы на верблюдах, и 50 индийских слонов.

В кровопролитной сече римляне изрубили более половины сбившихся в кучу воинов Антиоха, потери же римлян исчислялись всего в несколько сотен человек. Их организованность и дисциплина, крепкая воля и неустрашимость их командования одержали верх над стихийной, но недостаточно слаженной силой самой крупной и мощной из эллинистических монархий. (Описание битвы см. Ливий, XXXVII, 38—44, и Аппиан,

Сирийские дела, 31—36, в «Вестнике древней истории», 1946, № 4, стр. 289 и сл.)

Битва при Магнезии заставила Антиоха прекратить дальнейшее сопротивление, так как немедленно после нее все греческие города Малой Азии перешли на сторону римлян, и последние заняли и Сарды. Сюда явились к Сципионам послы Антиоха с просьбой о мире. Условия мира были весьма тяжелы для Сирийской монархии — она должна была отказаться от всех своих владений в Малой Азии вплоть до гор Тавра, уплатить неслыханную контрибуцию в 15 тыс. талантов, выдать всех слонов, уничтожить весь свой флот за исключением 10 кораблей и, по существу говоря, признать над собой римский протекторат.

Освобожденные от ее власти территории были распределены между союзниками Рима Пергамом и Родосом, в лице которых, таким образом, Рим создавал себе крепкий оплот в Азии. Чтобы сохранить здесь политическое равновесие, римская армия под начальством консула Гн. Манлия Вульсона совершила поход в Каппадокию против галатов и заставила их прекратить разрушительные набеги. В Греции римляне расправились с союзниками Антиоха, в особенности с Этолийским союзом, поставив его во вполне подчиненное положение по отношению к Риму.

Так сирийская война 192—188 гг. сделала Рим полным хозяином всего восточного Средиземноморья, и послы восточных государств стали при переговорах называть римлян «господами мира» (Полибий, XXI, 16). Однако система господства Рима на Востоке была иной, чем на Западе: Рим здесь не образовывал пока провинций из покоренных стран. Он сохранял прежние государственные образования, но устанавливал между ними сложную систему равновесия. Путем ловкой дипломатии Рим поддерживал непрестанное соперничество и острые трения между странами и тем самым ставил соперников в зависимость от себя. Поэтому Рим везде имел решающий голос и направлял всю сложную и пеструю политическую мозаику восточных государств к проведению своих целей и обслуживанию своих интересов.

ГЛАВА XLVIII

ПОДАВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ. ЗАКРЕПЛЕНИЕ РИМСКОГО ГОСПОДСТВА НА ВСЕМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

§ 1. Третья Македонская война (с Персеем). Если Риму было относительно легко справляться с порочными эллинистическими царями и их распущенными и продажными правительствами, то значительно труднее было подчинить своему игу свободолюбивый греческий народ. В 180-х и 170-х годах, в связи с открытым покровительством со стороны Рима всем аристократическим и плутократическим группировкам в Греции, ее демократические партии повсеместно приняли резко антиримский характер.

В Греции началось даже тяготение к недавно всеми ненавидимой Македонии, и сам Филипп, «подлейший и вероломнейший человек» (Полибий, XXV, 3), стал представляться почти идеальным монархом. Когда в 179 г. Филипп умер, еще большие симпатии стал привлекать его сын Персей. Этот новый македонский царь был 25-летний красивый, но жадный, слабовольный и неустойчивый человек. Тем не менее он сделался героем всей Греции, и «его все почитали способным оправдать наилучшие надежды» (Полибий, XXV, 3).

Подталкиваемый этими общими ожиданиями, Персей сначала довольно энергично продолжал начатую его отцом подготовку к новой борьбе с Римом. Он вновь завел армию в 30 тыс. человек из македонцев и 10 тыс. наемников, сговорился с придунайскими племенами скордисками и бастарнами об их нашествии на север Италии, вошел в сношение с демократами Греции, породнился с царем Сирии Селевком IV; его агенты посещали Карфаген. Заколебался даже верный до сих пор союзник Рима Родос, и только царь Пергама Евмен продолжал твердо держаться союза с Римом. Опасаясь возрождения Македонии, он с тревогой сообщал в Рим о готовящейся обширной коалиции и, наконец, в 171 г. добился решения сената об объявлении Римом третьей войны Македонии.

Здесь-то и выявилась непригодность Персея быть вождем этого общегреческого освободительного народного движения. Он терял время в бесплодных и безнадежных переговорах, вместо того чтобы быстро двинуться в Грецию, где еще не было римских войск и где все, кроме продажной аристократии, ждали его появления и объединились бы вокруг него. Мало того, весь план войны он построил только на защите македонских границ, хотя перевес сил сначала был на его стороне: под Ларисой, в Северной Фессалии, ему даже удалось нанести поражение войскам римского консула П. Лициния Красса. Несомненно, Персея, преемника македонских царей, пугала необычная перспектива сделаться вождем революционных масс и поднять в Греции народную освободительную войну со всеми возможными ее последствиями.

Тем временем римляне сумели исправить свои первые неудачи и сосредоточить в Греции значительные силы. Консул 168 г. Л. Эмилий Павел, старый опытный полководец из среды друзей Сципиона (см. Плутарх, Эмилий Павел), прорвал оборонительную линию Персея у горы Олимпа и заставил его принять сражение близ македонской крепости Пидны. Здесь римлянам пришлось испытать всю страшную силу атаки македонской фаланги, и сам Эмилий Павел признавался позднее, что он «не видал строя грознее и ужаснее» (Полибий, XXIX, 17). Однако из-за нераспорядительности Персея фаланга была окружена римскими войсками, и опять произошло страшное избиение: в течение всего одного часа, что продолжалась битва, погибла почти вся армия македонян, и лишь 5 тыс. попало в плен. Персей, забрав с собой богатую казну в 2 тыс. талантов, одним из первых бежал с поля битвы и пытался укрыться в знаменитом святилище на острове Самофракии. Видя себя всеми покинутым, он принужден был

сдаться, отправлен был как «изменник» в Рим и умер там в заключении.

Рим подверг всю Грецию жестоким репрессиям. Македонское царство было навсегда ликвидировано и вся территория его разделена на четыре автономные области с четырьмя отдельными столицами (Амфиполь, Фессалоники, Пелла и Пелагония), между ними запрещались всякие сношения. Конфискованы были все царские домены, закрыты все рудники, в которых добывались ценные металлы, а население обложено данью в пользу Рима. Вся страна приведена была в самое жалкое состояние и с тех пор уже никогда больше не могла оправиться от этого разгрома.

Еще более кровавым экзекуциям подвергнуты были греческие государства, проявившие каким-либо образом свое сочувствие Персею. В Эпире разгромлено и разграблено было 70 городов, и все 150 тыс. жителей их проданы в рабство. Специальная десятичленная сенатская комиссия производила по всей Греции, с помощью сочувствующих Риму элементов из местной знати, широко поставленное следствие о «государственной измене». Участников освободительного движения казнили на месте, заподозренных в сочувствии, по спискам, составленным сторонниками Рима, массами ссылали в Италию, — таких из одного только Ахейского союза было 1 тыс. человек, среди них и будущий историк Полибий. Даже прежние союзники Рима, Пергам и Родос, стали теперь казаться опасными. У Родоса отобрали его владения на берегах Малой Азии (Ликию и Карию), а его морской торговле нанесли сокрушительный удар, устроив на острове Делосе, который подарили Афинам, свободный порт, освобожденный от торговых пошлин (168 г.). Скоро Делос стал торговым центром всего Эгейского моря.

Так Греция опускалась на все более зависимое положение от Рима, уподобляясь в значительной мере состоянию наиболее придавленной и обездоленной категории его союзников. Но вместе с тем, по мере роста римской заинтересованности в греческих делах, становилась сильнее зависимость от Рима и больших восточных эллинистических государств. В Сирии уже открыто распоряжались римские послы. Антиох IV, преемник Антиоха III, даже заверял их, что «распоряжения сената для него равносильны приказам богов». В Египте римская дипломатия старательно раздувала распри между двумя правившими братьями — Птолемеем VI Филометором и Птолемеем VII Евергетом. Оба царя поочередно приезжали в Рим и униженно просили сенат о поддержке и помощи.

Они подкупали отдельных сенаторов, а младший из них, Птолемей Евергет, чтобы получить поддержку влиятельных Сципионов, сватался даже к одной их родственнице, Корнелии, матери впоследствии столь известных Гракхов. Чтобы усилить смуты в Египте и тем ослабить его, римское правительство поддерживало наименее достойного из двух братьев — Птолемея Евергета (Благодетеля). Население Египта ненавидело его за свирепую жестокость и насмешливо прозвало Какергетом (т. е. злодеем) или Фисконом (пузаном —

за непомерную толщину). «Понимая огромную силу Египта, римляне боялись, как бы он, получив искусного правителя, не предъявил неумеренных притязаний» [на Грецию и восточные государства], — вполне справедливо замечает Полибий (XXXI, 18, 8).

Эта коварная политика Рима на Востоке в 160—150 гг. все более закрепляла его господствующую роль в международных отношениях Восточного Средиземноморья. Вместе с тем она и разжигала ненависть к римлянам среди всех народов Востока, подготовляя новый ее взрыв. Он должен был вспыхнуть в Балканской Греции, которая в общественном и культурном отношении продолжала сохранять ведущую роль и в эллинистический период истории греческого народа.

§ 2. Восстание в Греции в 150—146 гг. Война с Лже-Филиппом и с Ахейским союзом. К сожалению, для этого второго восстания в Греции в 150—146 гг. мы имеем в лице Полибия, которому почти дословно следуют все другие древние авторы в описании этих событий (Ливий, Диодор, Павсаний и др.), крайне пристрастного и недостоверного свидетеля.

Полибий за время своего пребывания в Италии сошелся с главными ведущими деятелями тогдашнего Рима, в особенности с влиятельным кружком Сципионов. «За расположение наше к римлянам», как он сам выражается (XXXIX, 19), Полибий стал прямым советником римского правительства по греческим делам и исполнителем весьма ответственных поручений. Поэтому его отношение к греческому освободительному антиримскому, да притом еще демократическому движению — чисто римское, злобно враждебное: все это «заблуждение», «безрассудство» и «ослепление» народа, которым руководят «совсем обезумевшие вожди», «наихудшие, как на подбор, граждане», «действующие бессовестнейшими и подлейшими средствами».

Главным революционным очагом стала теперь столь жестоко разгромленная Римом Македония. Здесь уже в конце 160-х годов происходили восстания против поставленных римлянами из ее знати правительств. Около 150 г. здесь «точно с неба упал», по выражению Полибия (XXXVII, 2, 2,) некий самозванец Андриск, выдававший себя за сына Персея — Филиппа. Этот Лже-Филипп был простой человек, сын валяльщика в одном из городов Малой Азии, но внешностью действительно похожий на рано умершего царевича. Ему оказали поддержку Византий и ряд других греческих городов, фракийские князья снабдили его вооруженными силами; он легко опрокинул высланные против него отряды, и вся Македония вновь объединилась вокруг него (150 г.). Уже с весьма значительным войском в несколько десятков тысяч добровольцев он разбил римского претора П. Юстина и вторгся в Фессалию. Его с сочувствием ожидали народные массы в Беотии и в Пелопоннесе. В Карфагене, восставшем в это же время против Рима, узнали о его успехах и посылали ему приветствия и пожелания успеха.

Только через год, в 149 г., удалось присланному из Рима с новыми войсками претору Кв. Цецилию Метеллу оттеснить Андриска обратно в Македонию. Все же, не надеясь на свои силы, Метелл использовал какие-то несогласия в лагере повстанцев и подкупил

одного из военачальников Андриска — Телеста. Когда во время большой битвы близ Пидны изменник Телест во главе всей кавалерии перешел на сторону римлян, последние смогли одержать полную победу. Андриск попал в плен и после триумфа Метелла был казнен в Риме. Метелл за одержанную победу получил почетное прозвище Македонский.

Опять на Македонию обрушились жестокие экзекуции. Она лишена была теперь всякого самоуправления, подвергнута постоянной военной оккупации и обращена вместе с Эпиром и Иллирией в римскую провинцию (148 г.), которой стали управлять римские пропреторы.

Однако и это не замирило полностью мятежную страну. После ликвидации Андриска появились новые самозванцы. Какой-то Александр выдавал себя за младшего сына Персея, затем Лже-Филипп II сумел поднять 16 тыс. рабов (в 143 г.). Так продолжалось более 50 лет, несмотря на жесткие меры, какие предпринимала римская администрация.

Народное восстание в Средней и Южной Греции вспыхнуло несколько позднее — в 147 г. Главным центром антиримского движения стал наиболее преданный ранее Риму и наиболее ему близкий по духу Ахейский союз. Уже вскоре после победы над Персеем римляне с растущим недоверием стали относиться к этой федерации пелопоннесских городов как к самому крупному после Македонии государству Греции.

Римский сенатский уполномоченный Г. Сульпиций Галл, посланный в Грецию для разбора разных споров между греческими государствами, «и на словах и на деле обращался со всеми эллинами с необычайным высокомерием и буквально издевался над ними» (Павсаний, VII, 11, 1—2). Между тем именно ему сенат поручил «провести отделение от Ахейского союза всех городов, какие и сколько он только сможет» (там же, VII, 11, 3), т. е., по существу, начать разложение и ликвидацию Ахейского союза. Особенно старались римляне выделить из союза большие города Коринф, Аргос и Спарту. «Ничего подобного раньше не приходилось испытывать эллинам даже при самых могущественных из македонских царей (Павсаний, VII, 10, 10).

В связи с этим антиримское настроение в Ахейском союзе стало сильно подниматься. Руководство делами союза перешло к вождям демократической партии Диэю и Критолаю, сторонникам решительного сопротивления римлянам. Началась открытая подготовка восстания. «Критолай всю зиму (146 г.) провел за тем, что переходил из города в город, повсюду устраивая собрания народа, чтобы выступить с обвинениями против римлян». «Никогда не собирались в таком большом числе ремесленники и простолюдины, и все полисы, наиболее всего коринфский народ, были в состоянии умоисступления». Так, конечно, искаженно и тенденциозно изображает Полибий (XXXVIII, 8—10) этот подъем и небывалую прежде в Ахейском союзе активность народных масс. Движение из Пелопоннеса перекинулось в Беотию, где центром его стали Фивы, руководимые беотархом-демократом Пифеем.

Когда началась открытая война с Римом, движение стало принимать характер опасного для состоятельных слоев п е р е в о р о т а. Двинувшемуся с севера усмирителю Македонии Метеллу удалось разбить Критолая, пытавшегося поддержать восстание в Беотии, и взять Фивы; население их, не желая попасть в руки римлян, поголовно покинуло свой город и ушло в горы. Преемник погибшего Критолая, стратег Ахейского союза Диэй, чтобы усилить общее народное сопротивление, пошел на ряд смелых социальных мероприятий. Были отменены долги и сложены недоимки, должников выпустили из тюрем, все способные владеть оружием призывались в войска. Освобождено было 12 тыс. рабов, по особой разверстке между городами, и из них формировались военные отряды для усиления защиты главного центра восстания — Коринфа. Состоятельные граждане, мужчины и женщины, обязывались большими взносами пополнить опустевшую союзную казну, что, по словам Полибия, вызывало у них «смятение и уныние».

Движение охватило весь Пелопоннес (к нему примкнули аркадяне, элейцы, мессеняне) и стало настолько серьезным, что Риму пришлось отправить в Грецию еще вторую армию консула Л. Муммия в составе двух легионов и 3 500 всадников. К ним еще присоединились отряды пергамцев, критян и др. В общем силы были не меньшие, чем действовавшие против Филиппа и Персея. На Истме, у Левкопетры, произошла жестокая битва, в которой народное ополчение повстанцев мужественно сражалось с опытными римскими войсками и вначале имело даже некоторый успех: внезапной ночной атакой удалось разгромить передовой отряд римлян и в качестве трофея собрать 500 щитов. Но в сражении с главными силами Муммия ахейцы потерпели неудачу и должны были отступить. Стратег их Диэй слишком рано, повидимому в связи с этой неудачей, счел проигранной и всю войну и, чтобы не попасть в руки римлян, покончил самоубийством. Муммий смог благодаря этому без особого сопротивления взять штурмом центр восстания Коринф (146 г.) и подвергнуть его неслыханно жестокой расправе.

Самый большой промышленный и торговый город Греции этого времени Коринф был разрушен и сожжен дотла. Мужское население все было перебито, женщин и детей продали в рабство, так же как и освобожденных рабов, сражавшихся вместе с ахейцами. Наиболее ценные из произведений искусства, которыми славился богатый и культурный город и которые уцелели от солдатского погрома, были увезены в Рим, другие розданы начальникам отрядов или пущены в продажу с торгов вместе с имуществом Диэя и других вождей демократии.

У всех участвовавших в восстании городов римляне срыли стены, а жителям их запретили носить оружие. Демократические конституции везде были отменены и заменены цензовыми, олигархическими. Распущены были и запрещены все ранее существовавшие союзы, как Беотийский, Фокидский, Ахейский, и на всю Элладу наложена была дань, как на обычную провинцию; она даже утратила свое прежнее имя и, чтобы не питать у патриотов надежды

на возрождение, стала официально именоваться Ахайя. Присоединенная к провинции Македонии, Ахайя включала в себя всю Южную и Среднюю Грецию, за исключением Спарты, Афин и Дельф, которым римляне, для демонстрации своего уважения к их славному прошлому, сохранили фиктивное самоуправление.

Все эти карательные мероприятия проводились начальником римской оккупационной армии Л. Муммием и особой комиссией десяти сенатских уполномоченных. Но римские власти действовали при сочувствии и поддержке состоятельных кругов греческого общества, напуганных развернувшимся народным движением.

Об этом можно судить по тому, как относился к новому устройству своей родины возвратившийся в Грецию Полибий. Он считает, что деятельность десяти римских уполномоченных «оставила всем эллинам прекрасный памятник римской политики». «При отъезде [в Рим] уполномоченные поручили Полибию обходить города и разрешать возникающие сомнения, пока эллины не свыкнутся с новым устройством. В короткое время он достиг того, что жители полюбили дарованное устройство, а законы не порождали больше никаких трудностей, как в частных отношениях, так и в государственных» (П о л и б и й, XXXIX, 16).

Таким образом, виновником окончательной ликвидации остатков греческой независимости и свободы было не одно только римское оружие, но и измена своему народу со стороны высших кругов греческого общества, искавших в римской оккупации гарантии сохранения прежних социальных порядков и всего рабовладельческого строя против угрожавшей им революции.

§ 3. Третья Пуническая война и гибель Карфагена (149—146 гг.). Освободительное движение против римского тяжелого господства поднималось и на Западе.

В этом отношении особенно опасным и грозным моментом в истории Рима были 140-е годы, когда одновременно с греческим вспыхнуло движение сопротивления и на территории Карфагена. Карфаген сумел вновь оправиться даже после катастрофической для него второй Пунической войны. Потеряв свои западные владения и рынки, он с тем большей энергией стал развивать свою восточную торговлю, в особенности с Египтом и даже с Понтом.

Рим попрежнему недоверчиво относился к Карфагену и потому открыто покровительствовал его соседу и заклятому врагу, царю Нумидии — Масиниссе. Последний безнаказанно стал отбирать у разоруженного по миру 201 г. и потому беззащитного города его прибрежную область и к 150-м годам завладел, таким образом, уже 120 поселениями и городами Ливии. В связи с этим даже покорное Риму олигархическое правительство Карфагена, в нарушение договора 201 г. с Римом, принуждено было собрать значительные военные силы (до 50 тыс. человек) и открыто выступить против разбойничьих наскоков Масиниссы. Правда, это выступление было весьма неудачно, так как Масинисса заманил армию карфагенян в горы, там она была окружена и почти полностью уничтожена. Карфаген принужден был уступить Масиниссе все спорные вла-

дения и заплатить очень большую контрибуцию в 5 тыс. талантов (150 г.).

Это дало повод Риму приступить к окончательной ликвидации своего старого соперника. Особенно на этом настаивали римские дельцы и торговцы, возглавляемые М. Порцием Катоном. По всякому поводу и при каждом своем выступлении он неустанно и навязчиво твердил, что Карфаген надо полностью разрушить (ceterum censeo Carthaginem esse delendam). Под растущим нажимом предпринимательских элементов и их сторонников в 149 г. в Африку направлена была большая армия в 4 легиона с 50 пентерами для расправы с Карфагеном. Тщетны были все усилия карфагенского сената на любых условиях отклонить нависшую гибель. Римское правительство было непреклонно: карфагенянам было предложено собственными руками разрушить свой город и переселиться вглубь страны, не ближе 15 *км* от берега моря, другими словами — отказаться от всякой морской деятельности и обратиться в народ земледельцев. Поведение римского правительства по отношению к Карфагену вызывало уже тогда возмущение и осуждение передовых людей во всем тогдашнем культурном мире.

«Говорили среди эллинов, — пишет Полибий, — что поведение римлян с карфагенянами было исполнено всякого обмана и хитрости. Это скорее циничный образ действий самодержца, который близко подходит к прямому вероломству и бессовестности» (Полибий, XXXVII, 1, 10—11).

Когда в Карфагене стал известен приказ римлян об оставлении города его населением и о его разрушении, произошло н а р о д н о е в о с с т а н и е. Многие члены правившего сената, своим пресмыкательством перед Римом доведшие Карфаген до безоружного состояния, были перебиты, ворота города были заперты, рабы отпущены на свободу, и началось лихорадочное вооружение, чтобы защищаться до последней возможности. Повсюду собирали строительный материал для постройки кораблей, снимали металлические крыши с общественных зданий и больших жилых домов, чтобы пополнить недостаток в металле. Оружейные мастерские каждый день изготовляли 100 щитов, 300 мечей, 500 копий и 1 тыс. стрел. Вся мощная оборонительная система города, растянувшаяся на 34 *км*, силами всех граждан была срочно приведена в боевую готовность. Кроме многочисленного гарнизона, образовалась значительная полевая армия, занявшая неприступные позиции на возвышенности Нефериса в 30 *км* от города и обеспечивавшая его коммуникации с наиболее плодородными частями его области, откуда шло снабжение города продовольствием. Во главе обороны поставлен был опытный военачальник Газдрубал, один из вождей народной партии, случайно избежавший смертной казни, к которой он был в угоду римлянам присужден свергнутым плутократическим правительством Карфагена.

Два года (149—147) римские войска были бессильны одолеть это героическое сопротивление карфагенского народа. От-

биты были все приступы на Карфаген, крепко держалась и армия на Неферисе. Мало того, карфагеняне сумели за это время тайно построить такой мощный флот, что только по случайной нераспорядительности, внезапно выйдя в море, он не истребил все римские корабли. Престиж римского оружия был этим серьезно подорван, и по всему Средиземноморью стали поднимать голову антиримские элементы и силы. Мужественная защита карфагенян, несомненно, оказала влияние и на решение ахейских демократов-патриотов начать восстание против Рима в 147 г.

На этой почве состоялось в Риме соглашение между партией торгово-промышленных людей и военно-аристократическими кругами, и консулом на 147 г. выбран был молодой, по римским понятиям (38-летний), образованный и способный П. Корнелий Сципион Эмилиан (сын Эмилия Павла, усыновленный сыном Сципиона Африканского). Сам Катон, враждебно настроенный по отношению к Сципионам, выразился о нем стихом из «Одиссеи» Гомера: «Один он с умом, все другие безумными тенями бродят». И действительно, Сципиону Эмилиану, весной 147 г. вместе с Полибием и другими своими военными советниками прибывшему в Африку, в течение полугода удалось резко изменить в пользу Рима положение под Карфагеном. Он занял все жилые кварталы Карфагена, так называемую Мегару, и загнал все его громадное население (Полибий определял его в 700 тыс. человек) в главную деловую и центральную его часть. Перешеек мыса, на котором лежал Карфаген, был «от моря и до моря» перекопан множеством рвов, и на нем насыпаны гигантские валы с четырехэтажными деревянными башнями, позволявшими с них наблюдать за тем, что делается даже за стенами города. Таким образом, Карфаген был изолирован от своей сельской территории, и в нем начался ужасающий голод. Наконец, разгромлена была полевая армия Карфагена, причем погибло 85 тыс. человек, и к зиме 147 г. положение осажденного города стало безнадежным.

Героическое сопротивление оборонявшихся достигло предельной силы, когда весной 146 г. Сципион начал штурм центральной части города и его цитадели.

«Теперь Сципион устремил все внимание на Бирсу. Это было самое укрепленное место во всем городе, куда убежало большинство жителей. На Бирсу можно было подняться от площади по трем улицам, около которых повсюду стояли подряд шестиэтажные дома. Подвергавшиеся нападению римляне захватили первые дома и из них защищались против тех, кто занимал ближайшие дома. И всякий раз, как римляне одолевали противника, они клали (из окон и с крыш) бревна и доски поперек переулков и переходили по ним, как по мостам. Воздух наполняли стоны, вопли и крики: одних убивали врукопашную, других живыми сбрасывали с крыш, некоторые при падении попадали на торчащие внизу копья и мечи» (Аппиан, VIII, 128).

Видя, что пробиться через эти громады построек, отчаянно защищаемые скучившимся населением, будет крайне трудно, Сципион велел поджечь все три улицы сразу, дома систематически разрушать и одновременно расчищать пространство для штурмующих частей. «Пожар распространился на широкое пространство, уничтожая здания. Люди валили постройки не по

частям, а, напрягаясь из всех сил, заставляли их рушиться целиком. От этого и шум слышен был особенно сильный и вместе с камнями валились на улицу трупы кучами; многие падали живыми, особенно старики, дети и женщины, которые прятались в углах домов, некоторые раненые, другие полуобожженные, все с ужасными криками...» (там же, 129).

Шесть дней и ночей продолжалась небывалая по ожесточению битва за эти центральные кварталы Карфагена, «причем солдаты часто менялись, чтобы не занемочь от бессонницы, работ, убийств и отвратительного зрелища». Только на седьмой день, когда начался штурм самого акрополя—Бирсы, из него стали выходить и сдаваться оставшиеся в живых, но пришедшие в полное отчаяние жители.

«С венками Эскулапа на головах, как символ мольбы, вышло 50 тыс. мужчин и женщин, и к ним приставлена была стража» (все они потом были проданы в рабство). Даже когда взята была Бирса, самые непримиримые, среди них до 900 римских перебежчиков, вместе с Газдрубалом, его женой и двумя его малолетними сыновьями продолжали уже совершенно безнадежно защищаться в храме Эскулапа. Когда, наконец, Газдрубал, три года с примерным мужеством возглавлявший оборону Карфагена, тоже не выдержал и решил сдаться, последние защитники «осыпали Газдрубала бранью, зажгли храм и сгорели в нем. Жена Газдрубала, назвав мужа предателем родины, святынь, ее и сыновей, зарезала детей, бросила их в огонь и затем ринулась туда же сама. Таков был, по преданию, конец жены Газдрубала, который приличествовал бы скорее ему самому». Так заключает свой рассказ о последних трагических днях Карфагена Аппиан, поддаваясь, несомненно, той враждебной римскому господству традиции, которая в героической защите Карфагена желала видеть идеальный пример и образец народного мужества и самоотверженности в защите независимости и свободы.

Неслыханно жестокой расправе на страх всем недовольным подвергли победители поверженный Карфаген. По приказанию римского сената город был разрушен до основания и само место его расположения объявлено «проклятым» (запрещено было возводить на нем какие-либо постройки). Почти все население было истреблено, и лишь малая часть его, оставшаяся в живых, продана в рабство. Захваченных римских перебежчиков бросили на растерзание зверям в цирке. Все имущество граждан отдано на разграбление солдатам, драгоценные украшения общественных зданий и храмов (стены храма Аполлона были покрыты золотыми плитами) сданы были в римскую казну. Территория погибшего города, за выделением из нее некоторой части в пользу союзной Нумидии, была обращена в римскую провинцию «Африку», и, так как в ней разрушены были почти все города, кроме прежней соперницы Карфагена Утики, она обратилась в сплошной сельскохозяйственный район с полным преобладанием в нем крупных имений римской знати — наследие прежних карфагенских плантаций. Рабовладельческая олигархия Рима могла уже больше не опасаться конкуренции с этой стороны.

§ 4. Восстание в Испании. Вириат и Нумантинская война. Еще более ожесточенное сопротивление встречало римское хозяйничанье в областях севера и запада Средиземноморья — в Иллирии,

Далмации, Галлии и Испании. С жившими здесь «варварами», не знавшими еще государственных организаций и сохранявшими родоплеменной быт, римляне позволяли себе самое свирепое и бесчеловечное обращение. По отношению к ним считались дозволенными всякая хитрость, вероломство и коварство, произвольное нарушение всех обещаний, соглашений и договоров, подкупы одних вождей для ликвидации других, особенно опасных, ограбление, выселение или истребление целых племен и прочее.

Такими средствами после Ганнибаловой войны вторично была подчинена и разгромлена Цизальпинская Галлия, которая даже после ухода Ганнибала из Италии продолжала 10 лет сопротивляться Риму. Только восстановление старых крепостей Плаценции и Кремоны и создание целой цепи новых — Бононии, Пармы, Модены, Аквилеи и других, — а также проведение вдоль реки Падуса новой стратегической, «Эмилиевой», дороги (построенной претором Эмилием Лепидом от Аримина до Бононии) наконец закрепили за Римом этот плодородный, но отчаянно сопротивляющийся римскому господству край.

Еще ожесточеннее и продолжительнее была борьба Рима с лигурами, которые иногда даже переходили в наступление и один раз подошли к Пизе. После победы над ними их массами выселяли в опустевшую Среднюю Италию, в особенности в Самниум, а на отнятой у них территории основаны были римские колонии Лука (180 г.) и Луна (177 г.). И все же, несмотря на эти жестокие меры, сопротивление лигуров продолжалось почти 80 лет, до самого конца II в., да и то римляне в состоянии были крепко занять лишь береговую полосу Лигурийского залива, по которой шла их дорога в Массилию и дальше, в Испанию.

Здесь, в Испании, и пришлось встретить римским захватчикам самое отчаянное и непреодолимое сопротивление героически отстаивавших свою свободу племен, которое потребовало от Рима почти 200 лет крайне напряженной и кровопролитной борьбы [1].

Вначале, после победы над Карфагеном во второй Пунической войне, римляне овладели в Испании лишь небольшой южной и восточной ее частью. Это были наиболее плодородные, богатые и культурные области Пиренейского полуострова. Таковыми в особенности были Турдетания и Бетика (теперь Гренада и Андалузия), к югу от реки Анаса (Гвадиана), где лежали древнейшие центры иберийской культуры (города Кордуба, Гадес и Малака) и где Газдрубалом, зятем Гамилькара, был основан Новый Карфаген.

«Турдетания изумительно плодородна, — пишет Страбон, — она изобилует множеством продуктов». «Нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве, как здесь. Золото добывается не только из гор, но и намывным способом: реки и горные потоки несут золотой песок. Говорят, что иногда в золотом песке находят слитки весом до полуфунта». Также и серебра такое количество, что «есть даже гора, которую называют Серебряной благодаря находящимся в ней серебряным рудам». «Полибий, упомянув о серебряных рудниках близ Нового Карфагена, говорит, что это самые большие рудники: там живет сорок тысяч рабочего народа, и римляне имели с него ежедневного дохода 25 000 драхм» (Страбон, III,

[1] См. VI книгу «Римской истории» Аппиана, «Иберика», в «Вестнике древней истории», 1939, № 2 (7), стр. 265—300, в особенности главы 38—100.

2, 4—11). Восточный берег, тоже плодородный и густо заселенный мирными и культурными иберийскими племенами (контестанов, эдетанов, илергетов и индикетов), изобиловал прекрасными гаванями; здесь рано появилась целая цепь греческих колоний, выведенных из Массилии — Акра-Лейке, Гемероскопейон, Эмпорион и Роде, вступивших с туземцами в тесную связь.

Эти части Испании относительно легко подчинились римлянам и, начиная с 200 г., управлялись двумя римскими пропреторами, в распоряжении которых находились небольшие военные отряды. Турдетаны, в особенности отличавшиеся мягкими нравами и общительностью, были быстро романизированы благодаря многочисленным появившимся в их благодатном краю римским колониям; они в совершенстве усвоили римский образ жизни и даже забыли свой родной язык. Таких романизированных иберийцев называли «тогатами», так как они стали носить римские тоги (С т р а б о н, III, 2, 15).

Но всю центральную, северную и западную части полуострова — современные Кастилию, Леон, Галисию и Португалию — населяли воинственные и вольные горные племена карпетанов, кельтиберов, лузитан и др. Почва здесь менее плодородна, климат более холодный, горы суровы, хотя и изобилуют ценными металлами. Быт живших здесь многочисленных народов и племен сохранял еще весьма примитивные формы.

Так, относительно самой крупной народности — лузитан, живших между рекой Таго и Бискайским заливом, Страбон сообщает, что «большинство лузитан не захотело добывать средства к жизни из земли, а проводит жизнь в грабежах и непрерывных войнах как между собою, так и с соседями», землю же обрабатывают женщины. Поэтому многие из них «в течение значительной части года питаются одними дубовыми желудями, из которых приготовляют себе хлеб, высушив их и смолов, пьют только воду и спят на голой земле». К женщинам иберы относятся с уважением, им приносят дары, они являются наследницами после смерти родителей и устраивают судьбу своих братьев, они даже пользуются некоторой властью (III, 4, 17—18), что, однако, Страбон считает «несогласным с гражданственностью», т. е. признаком примитивизма, матриархального строя.

Эти вольные племена Центральной, Северной и Западной Испании, мало доступные для римского оружия, в своих горных селениях развернули против пришельцев-угнетателей такую отчаянную освободительную борьбу, какой римлянам не приходилось встречать в других частях Средиземноморья. Так, в конце 150-х годов вся незамиренная Испания поднялась на «огненную войну» (по выражению Полибия, XXXV, 1), вызванную алчностью, вероломством и жестокостью консула Л. Лициния Лукулла и претора Сервия Гальбы; они, в целях личного обогащения, предприняли «поголовное истребление жителей, не щадя ни пола, ни возраста», и «покрыли имя римлян позором и поношением».

«Пройдя по Лузитании, Лукулл по частям подверг ее разграблению. С другой стороны, грабил ее и Гальба..., являясь еще более алчным, чем Лукулл: немпого из добычи он роздал солдатам, немного дал друзьям, все же остальное присвоил себе, хотя являлся богатейшим из всех римлян» (А п п и а н, VI, 59—60).

Вождем всенародного восстания, этой «огненной войны», стал простой лузитанский пастух В и р и а т, случайно уцелевший от «бесчестного избиения» мирных переселенцев, организованного

Гальбой (Аппиан, VI, 61). Всегда простой в обращении, бескорыстный, находчивый и отважный военачальник, он сделался народным героем всей древней Испании. О нем слагали стихи и легенды. Даже римские писатели называли Вириата «Ромулом испанского народа».

Собственно говоря, Вириат организовал по всей тогдашней Испании грандиозную «гверилью» — народную партизанскую борьбу — и мастерски ею руководил. Пользуясь знанием горной местности, подвижностью своих легковооруженных отрядов, быстротой и выносливостью испанских коней, он устраивал засады в лесах и истреблял входившие в них римские войска. Или инсценировал притворное бегство и, когда римские войска, пускаясь в преследование, нарушали свой строй, окружал их и избивал. Так, заперев римлян в их укреплениях, «Вириат безбоязненно ходил по всей стране, требовал у землевладельцев определенных взносов хлебом (на прокормление своих отрядов), а от кого не получал, поля тех опустошал» (Аппиан, VI, 64).

Дело для римлян стало настолько серьезным и даже безнадежным, что римское правительство принуждено было заключить с Вириатом мирный договор на весьма лестных для него условиях: Вириат был признан «другом римского народа», и за всеми поднявшими восстание племенами признавались их права на занятые ими земли.

Правда, договор просуществовал недолго, так как римские начальники и сенат считали, что он «совершенно недостоин римского народа». Поэтому римский главнокомандующий Гн. Сервилий Цепион решил прежде всего ликвидировать самого Вириата. Пользуясь тем, что Вириат продолжал присылать к нему послов с требованием соблюдения договора, Цепион подкупил некоторых из присланных людей, и они, пользуясь простотой его жизни, проникли в его палатку и во время сна закололи этого грозного для римлян испанского вождя (в 141 г., по другим сведениям — в 139 г.).

Преемник Вириата, Тавтал, оказался неспособным на стойкое сопротивление и после первого же поражения сдался с своим войском Цепиону. Большая римская армия под командованием Децима Юния Брута, одного из виднейших вдохновителей римской политики военных захватов, прошла по равнинной части Лузитании (Португалии),уничтожая все дотла и последовательно громя лузитанские селения и города. Римские войска перешли даже Дуро и Минхо (Лету), крайние северо-западные реки Пиренейского полуострова, и подчинили Риму Галисию, «где кончается свет». Так римляне к 140 г. стали полными хозяевами всей западной части Пиренейского полуострова. С этого времени и здесь стали появляться их колонии, ранее других — Валенция (на Минхо), в которой Юний Брут поселил ветеранов, сражавшихся против Вириата.

Другой, не менее героический эпизод борьбы древних жителей Испании за свою независимость представляла Нумантинская война (143—134 гг.). Город Нуманция был одним из

опорных пунктов испанских борцов за свободу в области воинственных кельтиберов. Он стоял на неприступной горе в верховьях реки Дуро, окруженный малопроходимыми, густыми лесами.

Нумантинцев было всего тысяч восемь воинов, отличных всадников и пехотинцев. Они вместе с своими соседями, жителями таких же небольших городков Палланции, Терманции и других, стали непримиримыми врагами римлян.

После гибели Вириата и усмирения Лузитании все внимание римского командования в Испании обратилось на этих непокорных кельтиберов и в особенности на Нуманцию, но римские полководцы один за другим терпели поражение. Особенно тяжело и даже позорно для Рима было поражение консула Г. Гостилия Манцина в 137 г., который при поспешном отступлении с деморализованными остатками своей армии был окружен в пустынных местах кельтиберской страны и принужден был согласиться на заключение с повстанцами позорного для Рима мира. Сенат после суда над Манцином постановил договор отвергнуть, а Манцина, как превысившего свои полномочия, со связанными руками выдать на расправу нумантинцам. Однако нумантинцы отказались его принять.

Чтобы восстановить свой престиж, римское правительство принуждено было, наконец, послать на борьбу с испанскими повстанцами самого прославленного победителя Карфагена Л. Корнелия Сципиона Эмилиана, проведя его в консулы на 134 г. Экспедиции знаменитого полководца старались придать вид всенародного дела: 4 тыс. добровольцев записалось в его армию (среди них 500 его личных друзей и клиентов), союзные цари Нубии, Пергама и Сирии прислали ему вспомогательные отряды. Осада города велась по всем правилам тогдашней военной техники, проверенной под Карфагеном. Мятежный город был полностью изолирован осадными валами с башнями. На широком пространстве вся округа была полностью опустошена, окрестные поселения уничтожены или терроризованы. При малейшем проявлении сочувствия осажденным в каком-либо из ближних городков Сципион являлся туда лично во главе карательных отрядов и приказывал рубить жителям руки. Даже река Дуро была перехвачена канатом с прикрепленными к нему остриями, чтобы никто на челноке не мог пробраться в осажденный город.

Нумантинцы, с своей стороны, сопротивлялись с невиданным даже в Испании мужеством. Они делали постоянные вылазки и вызывали римлян на открытые бои, несмотря на то, что в городе свирепствовали жестокий голод и эпидемии. Наконец, «они сдались Сципиону, но признались, что многие еще охвачены жаждой свободы и хотят сами своей рукой покончить расчеты с жизнью. Поэтому они просили отсрочки сдачи на один день, чтобы устроить свою смерть... Некоторые из них добровольно наложили на себя руки разными способами, а остальные на третий день после этого вышли из города и явились на назначенное место в ужасном виде, непохожие на людей... В таком виде они даже врагам казались

жалкими, но взоры их были страшны для смотрящих на них: мрачно глядели они на врагов, полные гнева и печали... Столь велика была любовь к свободе и человеческому достоинству в этом варварском и небольшом городе» (Аппиан, VI, 97).

Расправа Сципиона была беспощадна. Всех уцелевших жителей Нуманции он продал в рабство, за исключением 50 человек. Этих последних он оставил, чтобы показать их римскому народу во время своего триумфа. Город был совершенно уничтожен и сравнен с землей, так что впоследствии трудно было найти его местоположение; территория его распределена среди соседей. Но и эти жестокие меры и вся помпезная демонстрация римской военной мощи лишь на весьма короткое время способны были устрашить вольнолюбивый испанский народ, и через полвека движение вспыхнуло вновь и с не меньшей силой.

Это обстоятельство — героическое сопротивление римской агрессии народов Греции, Карфагена, Испании и других — обычно не находит себе места в трудах буржуазных историков, увлеченных описанием торжества римского оружия и победоносного расширения «великой Римской державы». Тем большее внимание ему должны уделить советские историки, чтобы показать, каким кровавым путем шло установление римского «мирового господства».

ГЛАВА XLIX

РИМСКАЯ ДЕРЖАВА В III—II вв. до н. э.

§ 1. Провинции и их эксплуатация Римом. Завоевание Римом обширных заморских территорий и подчинение своей власти всех государств и народов Средиземноморья произвело глубочайший переворот в области всего римского народного и государственного хозяйства. Мирные занятия земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей отодвинуты были теперь на второй план непрерывными войнами и далекими заморскими экспедициями то завоевательного, то карательного характера. Военная добыча и всякие связанные с военным насилием внеэкономические доходы стали главным источником обогащения и частных лиц, и всего Римского государства.

Основным объектом нового хищнического хозяйничанья стали для Рима провинции. Так назывались только внеиталийские страны, полностью захваченные Римом: в самой Италии даже наиболее обездоленные области считались попрежнему «союзными». К 130 г. таких заморских провинций и близких к ним по своему правовому положению территорий, оформленных в провинции несколько позднее, у Рима было уже девять: пять западных (Сицилия, Сардиния, Корсика, Галлия Цизальпинская, Испания и Африка) и четыре восточных (Иллирия, Македония, Ахайя и Азия). Самый термин «провинция» показывал уже глубоко зависимое и безмерно угнетенное положение этих стран. Провинция (от vincere — побеждать)

означала в это время — «подвластная», «покоренная», «победой добытая» область. Провинции на этом основании открыто и признавались «добычей римского народа» (praedium populi Romani) в самом полном и точном смысле этих слов, т. е. со всем своим мертвым и живым инвентарем — землей, имуществом, животными и людьми. С момента завоевания в провинции нет уже ни права, ни закона, ни собственности, ни личности людей, — одно безответственное усмотрение и полнейший произвол победителя в распоряжении своей добычей.

Отсюда для Рима открывалась безграничная возможность разнообразных приемов самой бесчеловечной эксплуатации обширнейших, захваченных им во время войн III—II вв. территорий. Прежде всего в момент покорения и овладения областью производилось ее систематическое военное разграбление.

Ливий (XLV, 34) яркими красками описывает, как эта операция произведена была в 167 г. в один и тот же день по всему Эпиру войсками Эмилия Павла. Утром все золото и серебро было снесено жителями в римскую казну, а в четвертом часу воинам дан сигнал грабить города. Добыча была так велика, что на каждого всадника приходилось по 400, а на каждого пехотинца по 200 динариев. 150 тыс. человек было уведено в рабство. После этого разрушены были степы разграбленных городов, число которых простиралось до 70. Вся добыча была продана, и вырученные деньги распределены между воинами. Полибий (X, 16) с удивлением и даже с некоторой завистью описывает, как практично и продуманно была организована у римлян эта система военного грабежа. «Для этой цели никогда не назначается больше половины войска, прочие воины остаются в боевом порядке для прикрытия грабящих. Все солдаты, выделенные для грабежа, сносят добычу к своим легионам. Затем, по окончании этого, трибуны разделяют добычу между всеми солдатами, не только теми, которые оставались в строю для прикрытия, но и теми, которые стерегут палатки, а также больными и состоящими на какой бы то ни было службе».

Затем производилась конфискация в пользу Римского государства всего того, что нельзя было унести: рудники, каменоломни, соляные промыслы, портовые сооружения, верфи и прочее, также крупные земельные владения, оливковые и другие плантации, лесные угодья объявлялись «достоянием римского народа». Все это сдавалось цензорами с торгов на откуп римским предпринимателям-откупщикам и приносило как казне, так и откупщикам — «публиканам» — очень большие доходы. Далее, на уцелевшее население за оставленное у него имущество накладывалась дань в среднем в размере десятой части дохода. Иногда, как, например, в хлебородной Сицилии, дань платили натурой (annona). Впрочем, размер дани менялся ежегодно в зависимости от того, какие контракты удалось заключить с откупщиками, производившими сбор этих даней. Наконец, правители накладывали на жителей провинций разные произвольные поборы и поставки, не говоря уже о контрибуциях, которыми облагались также побежденные Римом государства, временно сохранявшие свою самостоятельность и числившиеся «римскими союзниками». Так, Карфаген обязался заплатить в 401 г. 10 тыс.

талантов, Антиох Сирийский — 15 тыс., Филипп V Македонский — 1 тыс., этолийцы — 350 талантов и т. д.

§ 2. Распределение провинциальной добычи. Громадный поток драгоценных металлов, захваченных художественных произведений и прочих ценностей непрерывно шел теперь к Риму из завоеванных земель. Львиная доля добычи поступала в государственную к а з н у, в особенности в виде громадного количества золота и серебра, сдаваемого различными полководцами при возвращении из удачных походов во время разрешенных им триумфов, которые, по существу, и обратились в пышные демонстрации захваченных сокровищ.

Плутарх, например, так изображает в биографии Эмилия Павла (гл. 32, 33, 38) его триумф в 168 г. после победы над Персеем: в течение трех дней его войска проносили перед народом для сдачи в римскую казну художественные вещи, 750 ящиков с серебром, 78 ящиков с золотом и множество драгоценных предметов, захваченных в Греции. Наибольшую популярность в народе доставили Эмилию эти его македонские подвиги благодаря тому, что он внес в казну такие огромные суммы, которые позволили не собирать прямого налога в течение 125 лет. Благодаря этому римское казначейство не только быстро расплатилось со всеми своими долгами, но и в состоянии было из своих избытков ежегодно отпускать громадные суммы на разного рода дорогие сооружения и постройки.

Другая значительная часть добычи попадала в руки удачливых военных командиров — з а в о е в а т е л е й и у п р а в и т е л е й п р о в и н ц и й. Относительно обогащения первых можно судить по громадным суммам, которые они во время триумфов раздавали из своих личных средств под именем «триумфальных денег» в награды своим солдатам. Так, М. Порций Катон, человек, обладавший раньше очень скромным состоянием, по возвращении из испанского похода в 194 г. подарил каждому из участников его по 270 ассов (около 10 руб. золотом). В общем это должно было составлять многие сотни тысяч рублей золотом, но являлось только малой частью доставшейся на долю командира добычи. Очень велики были и доходы наместников завоеванных провинций, «проконсулов» и «пропреторов» (т. е. исполнявших должность консулов и преторов). Посредством вымогательств и насилий над беззащитными провинциалами они наживали себе громадные состояния. Даже их помощники, квесторы, по словам Плутарха («Г. Гракх», 2), «отправлялись в провинции с бочками, наполненными вином, и возвращались с теми же бочками, но уже наполненными серебром». У крупных военных людей образовались теперь небывалые богатства. Так, раньше во всем роде Эмилиев имелась только одна серебряная вещь — солонка, демонстрировавшаяся как великое сокровище на разных семейных торжествах; Эмилий Павел после возвращения из македонского похода уже один имел 50 талантов (120 пудов) серебра. Столько же, 50 талантов, дал в приданое одной из своих дочерей П. Корнелий Сципион Африканский, хотя в Риме он и считался человеком, ведущим скромный образ жизни. Состоя-

ние П. Лициния Красса оценивалось в 131 г. уже в 10 млн. рублей золотом.

Не меньшие, а возможно, большие состояния составляли себе на эксплуатации провинций публиканы — откупщики и подрядчики разного рода и типа, выходившие обычно из разряда всадников. Арендами государственных земель и предприятий, сбором налогов и пошлин и, наконец, ростовщическими сделками, которыми они опутывали не только отдельных жителей провинций, но и целые области и города, они составляли себе огромные торгово-ростовщические капиталы. В своих операциях они не брезговали никакими средствами; действовали и насилием, и обманом, и мошенничеством самого преступного характера.

«Так как убытки, причиненные бурями при провозе запасов для войск, государство принимало на свой счет, — рассказывает Ливий (XXV, 3), — то эти лица выдумывали ложные кораблекрушения. Да и те действительные, о которых они доносили, происходили не всегда случайно, но по их злому умыслу. Они нагружали на старые и поврежденные корабли немного малоценных предметов, матросов высаживали в открытом море на приготовленные заранее лодки, корабли топили, а затем распускали ложный слух, что на кораблях было в несколько раз больше товаров».

Сенат был снисходителен к откупщикам, так как, по словам Полибия (VI, 17), в операциях их «участвует весь народ, так что, можно сказать, нет ни одного человека, который бы не вложил в эти откупа своего капитала и не получал бы с них барышей. В частности, одни непосредственно откупают у цензоров подряды, другие находятся с первыми в компании, третьи выдают поручительства за откупщиков, наконец, четвертые вкладывают свои капиталы в общественные предприятия через посредство крупных предпринимателей». Действительно, в Риме на форуме у сидевших там за своими столами менял — «аргентариев» — можно было покупать особые свинцовые дощечки («тессеры»), которые представляли собой паи (partes) отдельных предприятий и приносили держателям дивиденты в зависимости от получаемых прибылей. Таким образом, и богатые сенаторы, не нарушая открыто закона Клавдия 218 г., запрещавшего сенаторам заниматься спекуляциями, принимали участие в операциях публиканов. Главой торговой партии Рима в первой половине II в. был крупнейший нобиль, прошедший все магистратуры вплоть до цензуры, М. Порций Катон. Плутарх в своей посвященной ему биографии подробно описывает, какими средствами и путями он составил себе очень большое состояние: «Он покупал рыбные пруды, теплые источники, места, удобные для построения рыбных заводов, поместья, состоявшие из лугов и лесов... Он занимался также очень распространенным в то время ростовщичеством при морской торговле... Он никогда не рисковал всей суммой, а лишь частью и всегда имел большие барыши». Он хвалился, что от своих предприятий он имеет такие большие доходы, «которые не может уменьшить и сам Юпитер».

В общем все громадные доходы от беспощадной эксплуатации этой новой обширной Римской заморской державы попадали в руки очень небольшого слоя людей — военных, публиканов, крупных чиновников-магистратов. Несколько позднее Цицерон заявлял, что все богатство в Риме сосредоточивается в руках 2 тыс. лиц. Простой народ получал лишь крохи в виде солдатской добычи и потому обычно был против военных авантюр и новых завоеваний, отрывавших его все более и более от привычного мирного труда. Но исторический процесс складывался так, что сила была уже не на стороне простых, предпочитавших мирную жизнь людей.

ГЛАВА I.

РАСЦВЕТ РИМСКОГО РАБОВЛАДЕНИЯ

§ 1. Общие условия развития рабовладения в Италии в III—II вв. до н. э. Процесс накопления богатств в III—II вв. до н. э. в Риме имел, однако, ту особенность и своеобразие, что насильственно захватывались и собирались в грандиозных размерах не только материальные ценности. Тем же внеэкономическим, хищническим и принудительным путем одновременно производилось и накопление громадных масс невольничьей рабочей силы. В грубой форме значение человеческого труда как особого источника всех ценностей понимал уже и Аристотель («Экономика», I, 5). «Раб есть наилучший вид собственности и наиболее совершенное из всех орудий в домохозяйстве... Поэтому прежде всего следует стремиться к приобретению хороших рабов».

Рим же во всех отношениях оказывался в весьма благоприятном для развития рабовладения положении. Он завоевал самые хозяйственно развитые и культурные области Средиземноморья — Малую Азию, Грецию, Сицилию, карфагенские города побережья Африки и Испании и пр. Производство было в них налажено несравненно лучше, чем в Италии, и рабочая сила имела значительно более высокую квалификацию. Да и транспорт невольников не представлял, благодаря близости этих стран к Италии, никаких особых затруднений даже при тогдашних средствах сообщения: например, пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами составляет всего 80 *км*, между Италией и Сицилией всего 1,5 *км* и т. д. Поэтому не приходится удивляться, что именно по этому пути массового обращения в рабство населения покоренных стран и массовой же концентрации этих грандиозных масс невольников в Италии направились стремления и усилия хищнических элементов римского общества. Рабство стало «...основой всего производства»[1]. Крупное производство, основанное на труде рабов, рассчитанное на получение прибавочной стоимости, достигло здесь своего наивысшего расцвета.

§ 2. Источники рабства. Число и распределение рабов. Основные источники рабства очень верно и точно определяло позднее римское право: «рабы [таковыми] родятся или становятся» (servi aut nascuntur, aut fiunt). Действительно, естественное воспроизводство невольничьей рабочей силы путем р о ж д е н и я о т р а б о в - р о д и т е л е й было весьма значительным.

Аппиан даже утверждает, что «невольники сильно плодились» («Гражданские войны», I, 7). Сами рабовладельцы способствовали такому естественному приросту числа своих рабов. Рожденные дома рабы (называвшиеся «весенние» — vernae, vernaculi, так как их рождение подгонялось к весне) высоко ценились в хозяйстве и на рынке как особенно послушные и покорные, с детства привыкшие к неволе.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 13.

Все же большинство рабов не рождалось, а становилось рабами, т. е. превращалось из свободного состояния в невольников насильственным путем. Поэтому общее название для класса рабов в Риме и было mancipia (от manu — рукой и capio — захватываю). Это накладывало и на весь класс рабов особый, специфический отпечаток. Рабы вполне отчетливо сознавали, что насильственно лишены привычной свободы и несправедливо низведены в свое новое, бесправное и унизительное положение. Это кратко и метко выразила римская пословица: «Сколько рабов, столько врагов» (quot servi, tot hostes).

К рабам этой категории принадлежали, во-первых, неоплатные должники, забранные кредиторами и обращенные в рабов. Следует иметь в виду, что закон Петелия 326 г. запрещал долговое рабство лишь применительно к римским гражданам. Среди италиков долговая кабала продолжала существовать, а в провинциях и союзных государствах она практиковалась римскими откупщиками даже в самом широком масштабе.

В рабов также обращались подкинутые, беспризорные и похищенные дети, так называемые питомцы (alumni). Забрасывание новорожденных, которым отцы отказывали в признании, было обычным явлением в Риме даже во времена Империи. Взявшие таких детей на выкорм становились их владельцами. Такие питомцы являлись, как и рожденные дома рабы, высоко ценимым на рынке товаром.

Захваченные разбойниками и пиратами люди составляли третью категорию среди насильственно обращенных в рабство людей. Пираты издавна были грозой всего Средиземноморья, но дерзость морских разбойников стала беспредельна, после того как Римом в III — II вв. до н. э. были ликвидированы несколько их сдерживавшие карфагенский, македонский, сирийский и родосский флоты. Балеарские острова, Мавритания, Крит и Киликия обратились в центры широко поставленного пиратского промысла, на который выходили целые флотилии пиратских кораблей. Они не только захватывали суда в открытом море, но разграбляли и прибрежные города: по словам Плутарха, им удалось опустошить в 70-х и 60-х годах I в. более, чем 400 городов (Помпей, 24). Своих многочисленных пленников морские разбойники продавали с аукциона, не скрывая происхождения своего товара (Страбон, XIV, стр. 664 и сл.).

Но все же основным и самым крупным источником невольничества были почти беспрерывные войны, охватившие в III—II вв. почти все Средиземноморье. Уже со времени третьей самнитской войны появляются сведения о больших массах пленных, обращенных в рабство. Так, по сообщению Ливия (X, 45), во время триумфа консула Л. Папирия Курсора по поводу победы над самнитами, среди другой добычи «провозили 2 млн. 533 тыс. ассов, — деньги эти, как говорили, были выручены от продажи пленников». В 256 г. консул Атилий Регул отправил из Африки в Рим 20 тыс. пленных, обращенных в рабство. При разгроме Сиракуз и Тарента Марцеллом (211 г.) все уцелевшее их население было продано в рабство, вероятно, не менее 50 тыс. человек из каждого города. В 167 г., при усмирении Эпира, Эмилием Павлом обращено было в рабство 150 тыс. жителей 70 эпирских городов; в 146 г. разрушение Карфагена, Коринфа и многих городов Ахейского союза должно было дать цифры во много раз большие. Относительно более позднего времени известно, что Марий продал в рабство 60 тыс. пленных ким-

вров и 90 тыс. тевтонов. Наконец, по словам Плутарха, Цезарь захватил в Галлии и продал в рабство до 1 млн. человек (П л у т а р х, Ю. Цезарь, 15). Таким образом, Тацит имел все основания утверждать, что «целые народы оказались в составе нашей челяди».

Работорговля стала самой выгодной торговой операцией и в самой широкой форме велась прежде всего самим Римским государством через его военных агентов. Основная масса невольников поступала со всех фронтов, непосредственно из военных лагерей и войсковых стоянок, где только что захваченные пленные и жители разгромленных городов и селений в громадных количествах продавались «из-под копья» (sub hasta) или «под венком» (sub corona) оптовым скупщикам живого товара, всегда следовавшим за войсками. Те же оптовики-работорговцы скупали на границах Римского государства, где война, по существу, шла непрерывно, у разных полумирных варварских царьков и ханов также и их собственный «полон», добытый в разных набегах и усобицах. Собранные, таким образом, караваны невольников гнались по давно определившимся невольничьим трактам к особо прославившимся центрам работорговли: на западе — по Роне к Массилии, или через перевал Бреннер в Альпах — к Аквилее; на востоке — по рекам Дону и Днепру в Пантикапей, Фанагорию и Ольвию, а затем на остров Делос, где, по словам Страбона, был особенно бойкий центр работорговли, так что в иные дни продавалось до 10 тыс. невольников. Отсюда рабы поступали на розничные рынки, между прочим, и в Рим, где за храмом Кастора, а также у «священной дороги», в самом центре города, происходил постоянный торг рабами. Цены, конечно, очень колебались в зависимости от множества условий; в среднем же простой раб-чернорабочий стоил около 2 тыс. сестерций (175 руб. золотом), образованный раб (servus literatus) — 8 тыс. сестерций (700 руб.), хороший повар даже 10 тыс. сестерций (875 руб.) и т. д.

Общее количество рабов в Риме и Италии во II в. не поддается точному определению, но, повидимому, оно, как и в I в., было уже больше числа свободных. При Августе из 1 млн. 500 тыс. общего числа населения Рима свободных было 600 тыс. и рабов 900 тыс. человек. Уже во II в. до н. э. Италия перенаполнилась невольничьей рабочей силой, и редкий свободный уже не был рабовладельцем. Иметь в своем распоряжении при выходах из дому только пять рабов, как Катон, считалось признаком скромности (П л у т а р х, Катон, 10), хотя, по словам того же Плутарха, «Катон владел большим количеством рабов». Поэтому и тогда уже весьма скромным должно было казаться такое рабское хозяйство, как лет через сто было у поэта Горация, который часто жаловался на свою необеспеченность, хотя имел трех домашних рабов и восемь рабов в своем сабинском имении («Сатиры», I, 6). У многих нобилей и всадников появились уже громадные «фамилии» рабов, которые Цицерон имел все основания назвать «табуны рабов и стада невольниц». Однако во времена Цицерона они не достигли еще таких необъят-

ных полчищ, как в эпоху Империи, когда многие богачи имели по 20 тыс. рабов. По словам одного сатирика, управляющие на утреннем докладе могли представлять рабовладельцам списки родившихся за истекшие сутки детей их рабов в количестве 30 мальчиков и 40 девочек (Петроний, Сатирикон, 37, 9). Рабовладение стало таким распространенным бытовым явлением, что даже рабы высшего ранга стали, в свою очередь, обзаводиться собственными рабами (servi vicarii, peculiarii), приобретая их иногда на средства, отпущенные им для этого хозяевами (Плутарх, Катон, 25).

§ 3. Формы и способы эксплуатации рабов. Эксплуатация этой невольничьей рабочей силы достигла у римлян своей предельной полноты и жестокости. Римляне уточнили уже Аристотелем высказанное положение, что раб является в хозяйстве лишь орудием, и притом совершеннейшим, своего рода живой машиной. Варрон считал раба «орудием говорящим» (instrumentum vocale), только этой особенностью и отличающимся от других видов орудий — «орудий мычащих» и «орудий немых» (instrumenta semivocalia et muta). И римские хозяева, опасаясь смерти, бегства или увечья своей живой машины, стремились в кратчайший срок окупить произведенный на приобретение ее расход, что, по словам Цицерона, удавалось обычно в течение двух лет. Это одно уже должно было вести к напряжению до крайности всех физических способностей невольника. Но так как он должен был доставлять и максимальный прибавочный продукт, то рабочая нагрузка раба становилась, таким образом, по необходимости двойной: он должен был в кратчайшее время и окупить себя и дать наибольшую прибыль.

Конечно, эти экономические законы неприложимы к городской домашней челяди (familia urbana) римских рабовладельцев, представлявшей собой разновидность предметов роскоши. Эта категория рабов в III и II вв. до н. э. становилась все более и более многочисленной, обращаясь постепенно в многолюдную дворню. Среди бесчисленных привратников, парадных лакеев, камердинеров, поваров и их помощников, подавальщиков блюд и вин, скороходов, конюхов, носильщиков паланкинов, секретарей, библиотекарей, чтецов, педагогов, музыкантов, громадного женского штата хозяйки и т. д. бывало множество развращенных лодырей и праздношатающихся. Здесь часто бесчеловечная жестокость господ перемежалась с капризным баловством, безграничным доверием и фавором. Путем сервилизма, угодничества и интриг ловкие домашние рабы и фавориты-вольноотпущенники даже становились иногда хозяевами своих слабохарактерных господ (весьма обычные персонажи комедий Плавта).

Безграничной и изощренной эксплуатации подвергались, прежде всего, сельскохозяйственные рабы (familia rustica), из которых и состояла основная масса всех римских невольников. В мелких хозяйствах их труд находился под непрестанным мелочным наблюдением хозяина и хозяйки, не дававших им ни минуты покоя (см. Плутарх, Катон Ст., 3 и 21). Значительно тяжелее и бездушнее было обращение с невольниками в крупных хозяйствах, где они представляли собой многочисленную безликую рабочую массу.

Ценнейший материал об этом дает трактат Катона «О земледелии», написанный им около 160 г. до н. э. Здесь изображается значительное доходное имение (villa rustica), которое ведется управляющим — «виликом», обычно назначенным из заслуженных рабов. Катон строго предписывает вилику, прежде всего, всемерно загружать работой невольников, не давая им ни минуты быть в праздности: «Вилик должен хорошенько занимать их работой, тогда он сумеет удержать их от проступков и воровства. Если сам вилик не захочет, рабы не будут бесчинствовать... Пусть держит людей в постоянной работе и наблюдает за тем, чтобы приказания хозяина выполнялись». Работа должна вестись не считаясь ни с погодой, ни с праздничными днями, в которые, по старому обычаю, полагалось давать отдых даже рабочему скоту. Лишь единственный раз в течение целого года, в праздник Сатурналий (конец декабря), рабы освобождались от своих непрерывных и изнурительных трудов.

Наряду с крайним напряжением рабочей силы невольников выжимание максимальной прибыли из их труда производилось также путем возведенной в систему мелочной экономии. Часть рабов содержалась на месячном пайке (demensum), который выдавался им в начале месяца. Обычно этот паек состоял всего из 4—4,5 модиев (35—40 литров, т. е. около 25—30 *кг*) полбы, которую толкли в ступе и ели в виде кашицы; к этому прибавлялось еще масла оливкового 1 секстарий (около 0,5 литра) и фунт соли в месяц (К а т о н, О земледелии, 56—59). Другая часть рабов, в особенности рабы провинившиеся и потому закованные в цепи, содержались на хозяйских харчах, состоявших из одного хлеба: «Закованным в цепи [давай] зимой по 4 фунта хлеба [около 1 *кг* 300 *г*, так как римский фунт был равен 327,5 *г*], а когда начнут копать виноградник — по 5 фунтов, пока не начнут созревать фиги [т. е. к осени], а затем опять переведи на 4 фунта» (т а м ж е, 56). Рабам также выдавалось под видом вина какое-то отвратительное пойло из виноградного сусла, уксуса и воды: «Все это кипятить 5 дней, постоянно мешая палкой, затем давать пить рабам» (т а м ж е, 104).

Та же бесчеловечная экономия и в отношении одежды рабов: «Через год давай попеременно тунику в 3,5 фута длиною [1 *м*] или короткий плащ. Всякий раз, как будешь давать кому-либо тунику или плащ, отбирай старую одежду, чтобы делать из тряпья лоскутные одеяла. Надлежит давать через год крепкие деревянные сандалии» (т а м ж е, 59). В крупных имениях в Сицилии, большинством владельцев которых были во II в. римские всадники, эта система экономии на содержание своих сельских рабов достигла столь отвратительных и опасных форм, что даже древний историк Диодор принужден был ее охарактеризовать, как «наглость», «непомерную жадность, злобу к рабам, мелочной обман» (XXXV, 2, 27).

«Каждый из крупных земельных собственников покупал для обработки земли целые выводки рабов... Господа обременяли их [рабов] службой и очень мало заботились об их пропитании и одежде. Поэтому большая часть рабов жила грабежом и было масса убийств, все равно как если бы разбойники, подобно целой армии, рассеялись по всему острову»... «Те, у которых было

большое количество скота, держали пастухов, но не кормили их, а предоставляли им жить грабежами» (там же).

Еще беспощаднее была эксплуатация рабов в различных отраслях добывающего и обрабатывающего производства — в рудниках, каменоломнях, кирпичных заводах, маслобойнях, мельницах, хлебопекарнях, керамических и текстильных мастерских. Здесь, где особенно важно было в связи с конкуренцией удешевление продуктов производства любыми средствами, труд обращался, даже в представлении древних, в подлинно каторжные работы.

Плавт («Ослы», I, 1, 31 и сл.) так, например, изображает мельницу: «Там камень трут о камень... там плачут дурные [провинившиеся] рабы, размалывая ячмень... палки здесь свищут и железные цепи гремят, кожа мертвых быков раздирает тела живых людей». На их шеях громадные круглые деревянные колодки, размером с колесо, называвшиеся «собаками», чтобы работающие не могли пригоршню с мукой дотянуть до рта (Плавт, Пленники, 357). Самыми страшными были условия труда в каменоломнях и рудниках. «Я часто видел на картинах многочисленные наказания в подземном царстве, где течет Ахеронт. Но нет такого Ахеронта, который можно сравнить с тем местом [рудник], откуда я только что вышел. Здесь труд изнуряет человеческое тело до последних пределов усталости», — пишет Плавт («Пленники», V, 3, 932 и сл.). Диодор так описывает подобные же работы в рудниках Египта: «Там хватало работы на все возрасты: дети должны были проникать в пустоты горы, мужчины — дробить извлеченную из подземных галерей породу, женщины и старики — вертеть мельничный жернов, чтобы превратить ее в порошок и таким образом добыть из нее золото. Закованные в цепи, они проводили все время в беспрестанном труде под наблюдением солдат, которых старались сделать глухими к их мольбам... Пощады не было никому. Не давали передышки ни больным, ни увечным, ни женщинам в виду слабости их пола. Всех без исключения заставляли работать ударами кнута до тех пор, пока они, окончательно изнуренные усталостью, не погибали» (Диодор, III, 12 и 13).

Естественно, что к такому убийственному труду, плоды которого притом шли всецело на рабовладельцев, рабов можно было побудить лишь самыми бесчеловечными средствами принуждения и запугивания. Поэтому физические наказания недостаточно покорных были возведены в настоящую систему при обращении с рабами.

Всякие пощечины, зуботычины, удары кулаком в лицо, так что иногда выбивались зубы и глаза (Гален, V, 17, К.), были явлением столь повседневным и ординарным, что им уже никакого значения не придавали ни та, ни другая сторона, в чем можно убедиться из любой комедии Плавта, в которой показаны рабы. Самым обычным видом воздействия было сечение розгами и плетьми. Часто в комедиях развеселившиеся рабы даже похваляются «дубленостью своих спин», «презрением перед розгами и прочностью лопаток, цепям и палкам вопреки, оковам, тюрьмам, дыбам, веревкам назло, кандалам, ошейникам железным, презрением к палачам лихим, видавшим наши спины, — немало нанесли они рубцов лопаткам нашим» (Плавт, Ослы, III, 2, 548 и сл.). Здесь целый каталог утонченных способов мучительных понуждений и усмирений сопротивляющихся и, надо сказать, далеко еще неполный. Можно привести еще часто упоминаемые древними авторами бичевание «под рогаткой» (sub furca), т. е. привязанными к дышлу телеги, прижигание раскаленным железом ладоней за воровство и языков за болтовню (Гален,

V, 584), клеймение беглецов буквами FVG (fugitivus), т. е. беглый, почему их называли «трехлитерными», и пр. Особо строптивых и не поддающихся этим методам смирения «дурных» рабов томили в оковах в подземных темницах — «эргастулах», отсылали на мельницы и каменоломни, наконец, подвергали распятию, что и считалось «настоящей рабской казнью». Осужденному прибивали распростертые руки к доске, ударами мечей и стрекал принуждали пройти, иногда через весь город, к назначенному для казни месту и здесь подвешивали за эту доску к врытому в землю столбу, прибив к нему гвоздями и ноги казнимого (Плавт, Привидение, I, 1, 56; II, 1, 359 и сл.). Несчастный в течение нескольких дней умирал мучительной медленной смертью под раскаленными лучами южного солнца, осыпанный тучами мух и других насекомых.

Только этими приемами свирепейшего террора удавалось древним хозяевам выжать из труда своего работника-невольника в кратчайшее время, в ущерб его здоровью и жизни, и его амортизирующую сумму и максимально возможный прибавочный продукт.

§ 4. Юридическое бесправие рабов в Риме. Не приходится поэтому удивляться, что римское законодательство для укрепления и расширения власти господина стремилось свести рабов на неслыханное бесправное положение, необычное даже для древнего мира. С циничной откровенностью римские юристы проводили основное утверждение, что раб — не человек, а лишь человекообразная вещь: «Раб не является личностью» (servus nullum caput habet), — совершенно определенно заявляют Институции (1, 14, 4). «Рабы, животные и иные вещи», — уточняет это положение знаменитый юрист Гай («Дигесты», VII, 1, 3, § 1). «Раб или иная скотина», — выражение другого, еще более знаменитого римского правоведа Ульпиана («Дигесты», VI, 1, 15, § 3). Таких выражений нельзя найти ни в греческом праве, ни в законодательных памятниках восточных народов.

Из этих основных посылок римского права логически вытекал ряд тоже крайних выводов, которые с предельной же четкостью и сделаны были римскими юристами. Первый — о б е з г р а н и ч н о с т и п р а в х о з я и н а по отношению к своему рабу, полностью уподобленному вещи и скотине. «Господин имеет над рабами власть жизни и смерти», — учит Гай, т. е., как и всякими другими принадлежащими ему вещами, хозяин может пользоваться своими рабами по полному своему усмотрению или их уничтожать за ненадобностью (ius utendi et obutendi). Римский закон освобождал рабовладельца от всякого контроля государства над его волей и произволом, давая ему возможность воздействовать на свою челядь любыми средствами в целях стимулирования ее труда до предельного напряжения.

Второй вывод — полнейшее отрицание у раба всех самых основных гражданских прав, чем он и обращался, в действительности, в подлинную вещь. Прежде всего римский раб не имел даже собственного имени. Прежнее его имя исчезало вместе с его свободой.

В глубокой древности, когда рабов было мало, их называли по имени господина — «малый (т. е. слуга) Марка», «малый Публия», «малый Квинта» (Marcipor, Publipor, Quintipor); позднее рабам стали давать, в связи с ростом

их количества, отдельные временные клички. Часто называли рабов просто по их племенной принадлежности, например, Фракиец, Сириец, Скиф, Лидия, Иона, Сира и т. д.; по имени продавца или месту покупки, например, Артемидор, Эфесец и др. Иногда давали замысловатые мифологические, ботанические и другие обозначения: Агамемнон, Гектор, Леонид, Гиацинт, Нарцисс, Хризогон и пр. Многочисленные надгробные надписи дают возможность установить целые каталоги таких распространенных рабских кличек. Но все это не собственные имена, выделяющие личность как индивидуум; это лишь своего рода инвентарные этикетки или ярлыки вещей, меняющиеся по капризу хозяев, в особенности — при переходе раба в другие руки.

Затем римское право не признавало за рабом права на брак и семью. Между рабами могло быть лишь временное сожительство по воле и даже распоряжению хозяина; так, вилика заставляли брать себе в сожительницы вилику-ключницу, исходя из соображений хозяйственной пользы. Дети от таких сожительств не подлежали власти родителей, но трактовались лишь как простой «приплод» и являлись полной собственностью владельца матери. Такие семьи рабов при случае распродавались в розницу. Старые и больные рабы продавались в первую очередь (К а т о н, О земледелии, 1, 4) или, при невозможности их продать, просто выгонялись из дому.

Далее, закон не признавал за рабом каких-либо прав на собственность, так как сам раб являлся собственностью своего владельца. Все могущие быть у него сбережения от разных наградных, полученных от гостей, экономии на пайке, случайных заработков и прочее принадлежали его хозяину и в любое время могли быть последним изъяты. Иногда хозяин, чтобы заинтересовать раба, давал ему в самостоятельное ведение небольшое имущество (peculium) в виде пары голов скота, орудий ремесла и пр., с тем чтобы часть дохода оставалась у такого раба. Но и эта доля заработка раба находилась лишь во временном его пользовании и могла быть в любое время, вместе со всем пекулием, отобрана обратно хозяином. По учению римских юристов, «пекулий рождается и умирает по воле господина».

Наконец, раб, так как он не личность, а животное или вещь, не отвечает за свои проступки перед судом: за его поведение отвечает лишь его хозяин. Если раб причинил ущерб какому-нибудь гражданину, то владелец раба должен возместить убыток, причем разрешалось в виде уплаты выдать потерпевшему самого раба. Если, в крайнем случае (чего старались избегать), приходилось привлекать раба к суду в качестве свидетеля, то требовалось непременно допрашивать его под пыткой, обращаться не к показаниям его человеческого разума, который за ним отрицался, а, как учили римские юристы, к «крику его тела». Если во время пытки раб бывал искалечен или умирал, то владелец получал соответствующее вознаграждение.

Так ко II в. до н. э. установилась в Римской державе такая развитая и всеобъемлющая форма рабовладения, какой еще не имел весь древний мир. Римское рабовладение может быть даже

признано классическим образцом и мерилом для суждения о развитии эксплуатации трудящихся у любого народа и во все исторические эпохи, так как высшего уровня и большего предела она, повидимому, нигде не достигала.

ГЛАВА LI

ПОЯВЛЕНИЕ ЛАТИФУНДИЙ И ОБЕЗЗЕМЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

§ 1. Появление в Италии крупных земельных хозяйств с рабским трудом. Избыток награбленных денежных средств — капитала — и основная масса невольничьей рабочей силы были брошены разбогатевшими кругами римского нобилитета и всадничества на приобретение крупных земельных владений (fundi) и организацию больших доходных сельскохозяйственных вилл с рабским трудом.

Конечно, некоторая часть этих капиталов, преимущественно всаднических, шла также в промышленность и торговлю. Рим славился своей текстильной индустрией. Здесь же выделывались лучшие в Италии столярные изделия (мебель, деревянные плуги, бочки, чаны), а также слесарные вещи (замки, задвижки и пр.). Капуя была знаменита своей металлургией, вероятно, унаследованной еще от этрусков. Лучшие сельскохозяйственные орудия изготовлялись в Минтурнах и Калах — серпы, косы, железные лопаты, топоры; в Венафрах были заводы черепицы, в Помпеях — мастерские, делавшие «трапеты» — сложные прессы для выжимания оливок и винограда.

Однако все это, повидимому, производилось небольшими ремесленными мастерскими и имело лишь местный спрос на относительно ближних рынках, почему предприниматель мог выступать здесь только в роли весьма средней руки скупщика. Точно так же и римская торговля, в особенности морская, имела лишь посреднический характер и совсем не могла конкурировать с средиземноморской восточной. Римские торговцы, не обладая опытом, сноровкой и связями восточных купцов (греков, сирийцев, финикиян, евреев), выступали лишь перекупщиками восточных товаров и в своих торговых путешествиях не заходили дальше Сирии и Александрии. Вообще торговля считалась делом хлопотным, рискованным и мало почетным.

Таким образом, приобретение земли представлялось наиболее удобным, безопасным и даже «благородным» способом извлечения доходов, хотя, конечно, и менее рентабельным, чем ростовщичество и спекуляция публиканов. Крупные имения косвенно открывали для их владельцев и большие служебные возможности и перспективы: в лице массы своих фермеров, арендаторов-колонов, мелких соседей, целых городских соседних общин, крупный землевладелец приобретал большое количество клиентов, зависимых людей,

должников, почитателей и пр. Они сплоченной массой выступали за него на выборах, доставляли ему очередную магистратуру, связанное с ней новое заморское командование, новое наместничество в провинции, а следовательно, и новую богатую добычу, во много раз покрывавшую ущерб в доходах от относительно скромной земельной ренты.

Аппиан («Гражданские войны», I, 7) хорошо изображает процесс возникновения таких «обширных имений» — л а т и ф у н д и й (latifundia). По большей части они возникали не путем покупки, а посредством заимки общественных земель — «оккупации» их.

Он сообщает, что отобранную при покорении Италии землю римляне делили на две части: надельную и общественную. Первая, надельная часть состояла из обработанных уже прежде земель и либо шла в надел новым римским колонистам, либо в продажу, либо сдавалась в аренду. «Что же касается до другой части, которая из-за войны оставалась необработанной, а ее-то было всего больше..., то с нею римляне поступали так: они объявляли ее общей и что всякий желающий может ее занять для обработки с обязательством платить государству ежегодный взнос натурой в размере $^1/_{10}$ части урожая посевов и $^1/_5$ урожая древесных плодов. Равным образом был определен также налог на скотоводов за выпас крупного и мелкого скота». Таким путем имелось в виду удовлетворить потребности малоземельных людей. «Результат же получился совсем обратный; богачи, заняв большую часть этой неподеленной земли и, вследствие давности захватов, надеясь, что ее у них не отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались огромные латифундии». На этих-то возникших из оккупации общественной земли латифундиях пышным цветом и расцвела новая система массового применения рабского труда.

Этот обострившийся с III в. среди римских магнатов и богачей интерес к земельному хозяйству плантационного типа вызвал во II — I вв. появление в Риме обширной агрономической литературы. Началось с многократных переводов сельскохозяйственного руководства карфагенянина Магона, а также греческих агрономических произведений, а затем во множестве стали появляться агрономические трактаты и латинских авторов. Из них дошли до нас полностью сочинения о сельском хозяйстве М. Порция Катона (около 160 г.), М. Теренция Варрона (около 40 г. I в. до н. э.) и Л. Юния Колумеллы, появившееся в половине I в. н. э. По ним можно составить себе ясное представление не только об устройстве этих крупных хозяйств, но и об изменениях в их организации, происшедших за целые два столетия (см. «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве», М. 1937).

Особый интерес представляет сочинение Катона «О земледелии» (пер. М. Е. Сергеенко, 1950), так как оно появилось в самый разгар земельных спекуляций II в. и изображает латифундии в эпоху их возникновения и быстрого размножения. Очень чуткий к основным устремлениям своего времени, типичный представитель новых деляческих элементов, Катон является горячим пропагандистом этого способа вложения капитала. «Из земледельцев выходят и храбрейшие мужи и самые предприимчивые воины, а земледелие есть занятие наиболее благочестивое и устойчивое; людям, которые ему предаются, всего менее свойственен дурной образ мыслей» (предисловие к трактату).

Однако тот вид земледелия, который им пропагандируется, представляет собой ц е л о е а г р а р н о е п р е д п р и я т и е

товарного характера, планируемого для широких поставок на рынок. Так, уже при приобретении имения следует, по мнению Катона, обращать внимание не только на плодородие земли, хорошие климатические условия, но также на то, чтобы «поблизости был значительный город, море, судоходная река или хорошая людная дорога» (1, 3) — для транспорта и продажи продукции. «Хозяин должен стремиться побольше продавать и поменьше покупать», — пишет он. Продавать следует масло, если оно в цене, вино, зерновой хлеб в излишке, старых быков, телят, ягнят, шерсть, шкуры, старую телегу, старые инструменты, раба — старого или больного — и все, что еще имеется лишнего» (1, 4). Преобладавшее прежде зерновое хозяйство в имениях нового типа отступало на задний план перед более интенсивными и рентабельными культурами. «Если меня спросят, какие имения следует поставить на первое место, я отвечу так: на первое место следует поставить виноградник, дающий вино хорошего качества и в изобилии, на второе место — орошаемый огород, на третье — ивовую посадку (для плетения корзин), на четвертое — оливковую плантацию, на пятое — луг, на шестое — хлебное поле, на седьмое — лес» (1, 6). Здесь имеются в виду преимущественно имения в плодородных областях — Кампании, Лациуме и Этрурии. На менее плодородном юге Италии Катон рекомендовал заниматься скотоводством: самое доходное здесь — рационально поставленный выпас скота (bene pascere), затем скотоводство, менее совершенно поставленное (satis bene pascere), на третьем месте — совсем примитивное скотоводство (pascere) и только на последнем, четвертом — пашня (arare). Наоборот, в пригородных имениях наиболее выгодными являются садовые культуры: «Под городом старайся насадить всякого рода сады, всевозможные сорта цветов для венков, мегарские луковицы, свадебный мирт, белый и черный лавр, дельфийский, кипрский и лесной орехи, также миндаль. Подгородное имение должно устраивать так, чтобы извлекать из него доход с помощью всяких ухищрений» (8, 2). Таким образом, в этих новых имениях не оставалось и тени прежней косности и домашней замкнутости, если не считать того, что некоторая доля их продукции шла на снабжение семьи владельца, его дворни и работавших в имении рабов.

По трактатам римских агрономов можно детально восстановить и в н е ш н и й в и д б о л ь ш о г о д о х о д н о г о и м е н и я, и весь план расположения его служб и угодий. В центре, обычно на холме — господский дом, скромно, но солидно и удобно построенный из камня-известняка, скрепленного известью, с известковой же штукатуркой по всем деревянным частям (потолки, наличники дверей и пр.). Широкие его окна прикрыты решетками и снабжены ставнями (К а т о н, О земледелии, 14). С задней стороны к нему примыкали последовательно один за другим два прямоугольных двора: ближний, чистый, с бассейном для гусей и уток посередине, с кладовыми и подвалами для хранения масла и вина, хлебными амбарами и прочими службами (например, давильней для масла, винодельней и др.); по сторонам здесь же казармы для рабов и «эргастул» (тюрьма) для закованных рабов в подвальном помещении. Второй, задний двор — скотный, тоже с водоемом в середине, густо покрытый навозом. Здесь же решетчатые стойла для рабочих

волов, просторные навесы для телег и хозяйственного инвентаря. Над выходными воротами с этого скотного двора — помещение управляющего-вилика, «чтобы он мог знать, не входит ли и не выходит ли кто ночью и не несет ли чего с собою». Так хозяйственно и без затей выглядела усадьба значительного землевладельца во времена Катона. «Хозяйственные постройки [тогда] стоили дороже, чем господский дом», — пишет Варрон.

Непосредственно за усадьбой начинались возделанные хлебные поля и искусственные луга, разделенные межами и дорогами, усаженными тополями и вязами, «чтобы иметь листву для овец и волов и чтобы, если понадобится, был под рукой материал» (К а т о н, 6, 7). Далее, по южным склонам холмов, располагались виноградники и оливковые насаждения, за ними, более высоко в горах, шли обширные пастбища и леса, которые позднее иногда были «столь велики, что владельцы даже на лошади не могут объехать своих границ» (К о л у м е л л а, О сельском хозяйстве, I, 3, 13).

Управление такими имениями было делом сложным. Главным распорядителем в имении фактически являлся управляющий-в и л и к, обычно один из доказавших свою преданность, опытных в сельском хозяйстве и грамотных рабов. Являясь за отсутствием владельца полным владыкой в имении, он настолько деспотически обращался с рабами, что хозяину приходилось его удерживать и очень своеобразно заступаться за них: «С рабами пусть вилик не обращается дурно, пусть им не будет ни холодно, ни голодно; вилик должен хорошенько занять их работой, тогда он сумеет удержать их от проступков и воровства; если сам вилик того не захочет, рабы не будут бесчинствовать».

Вторым лицом на вилле являлась вилика — рабыня-ключница и стряпуха, которая обычно была женою вилика: «Если господин сделает ее твоею женой, будь ею доволен и внуши ей страх перед тобой». Она наблюдала за чистотой и порядком в доме, приготовляла пищу всему рабочему персоналу, заведовала птичником, сушила и заготовляла в запас разные плоды и ягоды. К административному персоналу следует отнести также копулятора-маслодела и заведующего давильней.

Основным рабочим персоналом имения являлись р а б ы. Катон рассчитывает, что на 100 югеров (25 *га*) виноградника, кроме вилика и вилики, требуется 14 рабочих-рабов, на 240 югеров оливковой плантации — 11 (гл. 10—11); очевидно, пропорционально с величиной имения соответственным образом увеличивалось число рабов. Другой римский знаток сельского хозяйства, Сазерна, пишет, что на каждые 8 югеров (2 *га*) пахотной земли надо иметь одного рабочего, считая 45 рабочих дней в сельскохозяйственный сезон. В больших скотоводческих имениях держали одного раба-пастуха на каждые 80—100 овец или 50 голов крупного рогатого скота. При таком экономном расчете труд рабов на виллах должен был быть напряженным до предельной степени.

Рабы, по мнению Катона, должны либо работать, либо спать — для восстановления сил на новую работу. Вилик даже обязан изобретать для них разные виды занятий в зимнее время и в дождливые дни, когда работа в поле не производится: организовать, например, мытье бочек, переноску зернового хлеба, очистку семян, починку старых и заготовление новых канатов. «В празд-

ники [когда религия требовала давать отдых скоту] можно чистить канавы, чинить дороги, вырубать кустарники, вскапывать огород, полоть луг, вязать прутья, корчевать терновник, толочь полбу, наводить вообще чистоту» (К а т о н, I, 4). Непокорные рабы работали в оковах, и на ночь их запирали в эргастулы. Больным вилик должен сокращать паек, и так уже весьма скудный.

Однако трудом рабов выполнялись на виллах только текущие работы, имеющие постоянный, более или менее непрерывный характер. Для срочных же и спешных страдных работ приходилось пользоваться также наемной силой с в о б о д н ы х р а б о ч и х. Поэтому Катон советует уже при покупке имения обследовать, «имеется ли в округе изобилие рабочих». При уборке хлебов наемные сборщики («политоры») получали от $^1/_8$ до $^1/_5$ части урожая; на сбор оливок заключались, после торгов, сложные договоры с подрядчиками или старостами больших артелей в 50 человек, подкреплявшиеся поручительством и присягами всех участников артели. Участки на неудобных для обработки и нездоровых местах рекомендовалось сдавать в аренду к о л о н а м — «свободным беднякам, которые обрабатывают их от себя с своим потомством». Договор заключался обычно на пять лет, с предоставлением арендатору различных ссуд и льгот. По истечении этого времени договор либо вновь продолжался на тот же срок, либо арендатор, если он не оставался должен, мог перейти к другому владельцу на новый участок.

Все это свидетельствует о весьма продуманной и стройной организации больших сельскохозяйственных предприятий II в. Весьма высокой ступени достигли и тогдашние сельскохозяйственные приемы, представлявшие собой обширную сводку опыта множества поколений. Очень интересны советы Катона относительно ранней пахоты, использования различных видов удобрений, прививки молодых деревьев и пр.

Но была одна сторона в организации таких доходных сельскохозяйственных предприятий, которая возбуждала постоянную, хотя и скрытую тревогу владельцев, — это непримиримо враждебное отношение рабов к ним, их имуществу и их имениям. Катон недаром, хотя осторожно и вскользь, упоминает о «бесчинствах» рабов, с которыми он призывает бороться вилика. Бесчинства эти проявлялись больше всего в сознательно-вредительском отношении невольников-рабочих к хозяйственному инвентарю и рабочему скоту, препятствовавшем владельцу рационализировать самое основное в хозяйстве — его орудия производства. Применялся попрежнему самый грубый и примитивный инвентарь — те же древние сохи, мотыги, тупые железные косы и садовые ножи, какие употреблялись в Риме еще в царскую эпоху. Из новых орудий можно указать лишь трапеты — весьма в общем несложные давильные прессы, да мельницы, приводимые в движение ослом (К а т о н, 10), хотя виноградный сок обычно попрежнему выжимают ногами, а хлебные зерна толкут в ступах (К а т о н, 1, 4). Здесь, несомненно, проявилась та основная особенность рабского

способа производства, которую Маркс определил так: «Дурно обращаясь с ними (орудиями. — *Ред.*) и con amore [со сладострастием] подвергая их порче, он (раб. — *Ред.*) достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче» [1]. Этим самым крупное сельскохозяйственное предприятие с рабским трудом упиралось в технический тупик, в непреодолимую грань своего развития.

Но всего страшнее было то, что рабы могли не ограничиться одним тайным вредительством в отношении мелкого инвентаря и рабочего скота. Их гнев мог перейти (и уже переходил) в открытые восстания и разгромы усадеб. Перспектива такой катастрофы обращалась в неотступный кошмар крупных землевладельцев. У них создавалось впечатление неустойчивости и необеспеченности вложенных в землю капиталов. Эта жестокая тревога и звучит в таких словах Катона: «С соседями будь хорош и рабам не позволяй против них озорничать. Если соседям твое присутствие будет приятно, тебе будет легче продать, что нужно, легче сдать подряд на работу, легче нанять рабочих..., а если приключится что-либо, от чего упаси боже, они охотно явятся на защиту» (гл. 4). Катон как бы боится полным словом назвать эту грозную, но и с намека понятную для него и ему подобных возможность восстания рабов, которая таилась в основе им пропагандируемого «благочестивого занятия».

§ 2. Обезземеление римского и италийского крестьянства и появление люмпенпролетариата («городского плебса»). Появление и быстрое распространение крупных земельных хозяйств предпринимательского типа самым разрушительным образом отразилось на положении мелких землевладельцев, основной исконной массы италийского населения. «Латифундии погубили Италию», — заметил римский ученый I в. н. э. Плиний. Правда, беспрерывные войны III—II вв. подготовили для этого весьма благоприятную почву. За одну 15-летнюю войну с Ганнибалом по некоторым данным погибло до 50% всех крестьянских усадеб в Италии, далекие походы в Испанию, Африку, Македонию, Малую Азию имели не менее разрушительное влияние на крестьянское хозяйство. «Число италиков уменьшалось, — пишет Аппиан, — так как их разоряли бедность, военные налоги и походы» («Гражданские войны», I, 7). Это разорение масс римского и италийского населения и использовали спекулянты и предприниматели, начав широкую экспроприацию мелких землевладельцев.

И Аппиан и Плутарх в одинаковых выражениях изображают этот процесс. «Заняв большую часть общественной земли, богачи стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных,

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 203, прим. 17.

частью скупая их за деньги, частью отнимая силой», — пишет Аппиан (I, 7). «Богачи при посредстве подставных лиц стали арендовать наделы бедняков, а в конце концов уже открыто заняли большую часть наделов, и бедняки были выгнаны с своей земли» (Плутарх, Тиберий Гракх, 3). Характерно, что оба автора подчеркивают прямое внеэкономическое насилие богатых и власть имущих людей. Крестьянские хозяйства имели ведь еще совершенно потребительский натуральный характер, потому конкуренции, вообще особенно острого конфликта экономического характера с товарным хозяйством крупных имений у них не могло быть.

Обезземеление крестьянства, однако, происходило неравномерно в различных частях Италии и во всяком случае еще не было полным. Больше других лишились своего мелкого земледельческого населения южные скотоводческие области — Бруттиум, Лукания, Апулия, особенно пострадавшие во время войны с Ганнибалом. Но уже в Кампании, Лациуме и Этрурии рядом с винодельческими, маслодельческими и садоводческими крупными хозяйствами уцелело значительное еще количество мелких, уже весьма обессиленных и пошатнувшихся. Напротив, горные области самнитов, пелигнов, марсов были совсем мало затронуты этим процессом крестьянского обезземеления: латифундии в этих суровых по климату горных районах распространялись мало, и здесь почти неприкосновенным господствовало старое мелкое крестьянское хозяйство и продолжал держаться архаический быт вольных горцев. Наконец, север Италии, Цизальпинская Галлия, был сплошь страной мелкого и среднего землевладения: римские и латинские колонисты, обеспеченные после истребления или изгнания галлов обширными наделами по 30 и более югеров, жили весьма зажиточной жизнью в этой плодородной стране. Цизальпинская Галлия благодаря этому во II—I вв. до н. э. представляла собой основную продовольственную базу Италии.

Все же количество крестьянских хозяйств во II в. неуклонно уменьшалось, о чем свидетельствуют систематически убывающие цифры римских цензов, приводимые Ливием (в обзорах последних книг 5-й декады): в 169 г. римских граждан призывного возраста, имевших земельную собственность, насчитывалось 337 тыс. человек, в 135 г. — только 317 тыс. человек. И это несмотря на то, что за это время все же выведено было несколько новых колоний и, следовательно, роздано некоторое количество новых наделов.

Обезземеленные люди отчасти продолжали оставаться на местах, превращаясь, однако, из собственников в арендаторов-колонов. Другие становились батраками и наемными сельскохозяйственными рабочими (operarii), работавшими за деньги (mercenarii) или из части урожая (partiarii, politores). Но заработки таких сельских рабочих были непостоянными — только в страдные поры покоса, жатвы, сбора оливок и винограда, так как вся текущая работа в имениях выполнялась рабами. Естественно поэтому, что такой сельскохозяйственный пролетариат был враждебно настроен по отношению к крупным владельцам и, несомненно, мечтал о разделе их имений, имущества, усадеб и их инвентаря.

Но основная масса разоренных и экспроприированных сельских жителей хлынула в поисках заработка и средств к существованию в города, которые с конца III в. стали переполняться этим пришлым элементом. Однако только части его удавалось найти в городах занятия и работу ввиду недостаточного развития италийской промышленности, обильного привоза иноземных товаров и конкурен-

ции рабского труда. Наиболее удачливые из новых пришельцев пустились в разные мелкие промыслы, обычно имевшие связь с их прежними деревенскими занятиями. В III в. в Риме открылось много хлебопекарен, сукновален, красилен и сапожных заведений. Другие занялись мелкой торговлей. Особенно много появилось разных харчевен («таверн»), постоялых дворов и трактиров; перекрестки улиц и заставы переполнились разносчиками, продававшими дешевое вино кружками прохожим и всякому мелкому люду. Многие стали строительными рабочими — каменщиками, плотниками, малярами, а также лодочниками, перевозчиками, грузчиками, матросами на кораблях.

Но большинство, не находя себе постоянных и определенных занятий, вело жизнь бродяг, нищих и попрошаек («параситов»). Целыми днями эти голодные люди толпились на форуме и рыночных площадях в поисках какого-либо случайного заработка, который дал бы им пару ассов на скудное пропитание. Из них можно было всегда навербовать любое число лжесвидетелей, фальшивых доносчиков, людей, готовых произвести кулачную, а по желанию и ножевую расправу с врагами каждого, согласного им за то заплатить. Неудачные актеры нанимали среди них целые шайки «клакеров», кандидаты на выборные должности могли купить здесь нужное им число голосов, богатые люди набирали из них громадные свиты клиентов.

Так в Риме и других больших городах Италии возник густой слой «босяцкого пролетариата» (люмпенпролетариата), который современники презрительно называли городским плебсом (plebs urbana). Благодаря перманентной и безнадежной безработице он настолько привык к полуголодной праздности, что уже потерял всякую способность к труду и стремление найти постоянную работу. Поэтому Маркс называл его римской «праздношатающейся чернью» и противопоставлял рабочему пролетариату Новой Европы: «...римский пролетариат жил за счет общества, между тем как современное общество живет за счет пролетариата» [1]. Он был не только бесполезным, но и прямо вредным общественным слоем благодаря своему низкому моральному уровню и узко-эгоистическим наклонностям, своему положению на содержании у богатых и власть имущих людей. Поэтому и в общественном движении Рима ему будет в дальнейшем принадлежать, в противоположность пролетариату современному, не передовая и революционная, а весьма вредная, тормозящая общественное развитие роль.

К. Маркс весьма выразительно обрисовал в кратких, но метких словах весь процесс экспроприации трудящихся в древнем Риме, его сходство с аналогичными явлениями в новой Европе и в то же время — разницу общих результатов благодаря различию основных исторических условий и производственных форм:

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 209—210.

«В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в одно прекрасное утро налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме их рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной *чернью;* более презренной, чем недавние «poor whites» [«белые бедняки»] южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам»[1].

ГЛАВА LII

КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ В РИМЕ В КОНЦЕ III И НАЧАЛЕ II в.

Глубокие социально-экономические перемены, связанные с превращением Рима в великую средиземноморскую рабовладельческую державу, сопровождались также, совершенно естественно, и не менее решительной перестройкой всего быта римского общества, настоящим переворотом в области его материальной и духовной культуры.

Прежде всего, сам Рим стал громадным и по территории и по числу населения городом (полагают, что во II в. в нем было около 500 тыс. жителей, а в I в. уже до 1 млн.). Население Италии стекалось в него столь неудержимо, что, по словам Ливия, союзники-италики в 180—170-х годах «надоедали консулам и цензорам» жалобами, что их граждане массами переселяются в Рим: «Если позволить это, то через несколько пятилетий их покинутые города и опустевшие поля не будут в состоянии выставить ни одного воина» (XLI, 8, см. также XXXIX, 3). В значительных количествах стали проживать в Риме и иноземцы, в особенности греки, сирийцы, евреи. Рим становился мировым центром с многоплеменным и разноязычным населением, столицей (urbs) всего Средиземноморья. Строилось множество новых общественных зданий и частных домов. Улицы замащивались булыжниками, а рынки и площади —

[1] Письмо К. Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки» в 1877 г. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1947, стр. 179—180.

каменными плитами, дороги за городом убивались крупным песком, возводились новые мосты (Ливий, XL, 51, XLI, 27).

Но вместе с тем Рим даже своей внешностью стал наглядно свидетельствовать о тех глубочайших противоречиях и антагонизмах, которые лежали в самой основе созданной им великой державы. Именно в это время в нем возник ряд нищенских кварталов, населенных пришлыми безработными пролетариями (один из них, Субурра, находился в самом центре города). Рядом с лачугами ловкие предприниматели стали строить большие многоэтажные доходные дома дешевых квартир, так называемые «острова» (insulae), так как они занимали иногда все пространства между двумя улицами, а сторонами своими выходили на два соединявшие эти улицы переулка.

Как показывают остатки их, открытые и в самом Риме и в Остии, они имели иногда по 4—5 этажей, не считая подвальных. Строились они обычно с соблюдением самой жесткой экономии в материале, из кирпича-сырца с деревянными прокладками, почему иногда рассыпались, а еще чаще горели, создавая страшные очаги огня; во время знаменитого пожара в Риме в 64 г. н. э., по свидетельству Тацита, из 14 кварталов Рима полностью выгорело девять. Этажи, соединявшиеся узкими мрачными лестницами, разделялись на крошечные комнаты, лишенные всяких удобств, набитые семьями бедноты, которая теснилась даже в мансардах, «под черепицами, вместе с голубями». Все нечистоты из этих многолюдных жилищ выбрасывались на дворы и улицы, являвшиеся потому зловонными рассадниками всяких «моров» — эпидемий.

Рядом же с этими мрачными трущобами, на холмах Палатине, Квиринале, Целии и др. возникали фешенебельные кварталы особняков новых богачей.

Эти «палаты» строились по эллинистическому образцу «домов с перистилями»: прежний скромный сад за таблинумом окружался изящной колоннадой и становился центром целого комплекса искусно оформленных и удобных покоев, с ванными комнатами и прочими удобствами, как дома Пансы или Фавна в Помпеях. Полы были мозаичные из кубических кусочков мрамора, положенных на цементную подстилку, изысканно украшенные цветными бордюрами. Стены облицованы дорогим цветным мрамором или декоративной росписью, его воспроизводившей (так называемый «первый стиль»). В постройках предпочитали перенасыщенный украшениями коринфский стиль, усложняя его введением элементов стилей ионийского и дорического («стиль композит»), вводя к тому же еще всякий цветной камень, позолоту, слоновую кость и пр. В таком же вызывающем стиле строились и подгородные дачи римской аристократии в прославленных своей красотой местностях (в Тибуре, Тускулуме и др.), а также в модных приморских курортах по берегу Неаполитанского залива — в Байях, Геркулануме и Помпеях.

Погоне за роскошью и увлечению всякими чувственными наслаждениями среди римской знати особенно способствовали войны с Сирией и другими азиатскими эллинистическими государствами. «Азиатские войны, — пишет Ливий (XXXIX, 6), — принесли в Рим начало чужеземной роскоши. Они первые привезли в город [Рим] диваны с бронзовыми ножками, дорогие ковры, занавесы и прочие ткани. Тогда появились на пиршествах певицы, играющие

на цитре и арфе, появились и другие развлечения для забавы пирующих. И самые пиршества стали устраиваться с большею тщательностью и с большими расходами; тогда повар, считавшийся в прежнее время последним рабом по стоимости и по значению, приобрел высокую цену, и то, что прежде было делом прислуги, стало искусством». Притом, за отсутствием утонченности, присущей восточной эллинистической аристократии, в Риме эти бытовые новшества повели за собой среди его правящей знати безудержный разгул самых примитивных животных инстинктов.

Беспрерывные пиры превратились в дикое обжорство, на которое не жалели никаких расходов. Полибий сообщает, что за одну амфору азовской маринованной рыбы из Пантикапея платили по триста драхм, т. е. стоимость небольшого жилого дома. Пьянство достигло таких размеров, что даже к исполнению своих обязанностей магистраты являлись в нетрезвом состоянии. В 181 г. закон Орхия пытался (но тщетно) бороться с такими позорными явлениями. В 186 г. весь Рим был потрясен делом о раскрытых массовых оргиях, в которых под предлогом «вакханалий», т. е. празднеств в честь Диониса-Вакха, принимали участие множество представителей римской золотой молодежи и женщины лучших семей — матроны (Ливий, XXXIX, 8—18). Тогда же началось увлечение непристойными и кровавыми зрелищами — представлениями мимов, травлей зверей, гладиаторскими играми. Последние рано были занесены из Этрурии, но до III в. допускались лишь на похоронах как пережиток человеческих жертвоприношений. С 264 г. они становятся обычным публичным зрелищем. С начала II в. эпидемия мод стала свирепствовать в римском высшем обществе: появились платья из дорогих материй, пестрые зонтики и веера из павлиньих перьев, фантастические прически дам.

Но вместе с чужеземными пороками стали распространяться и начатки высших достижений других культур, и в особенности греческой. Вторжение эллинизма шло с нарастающей силой со времени войны с Пирром и подчинения Римом «Великой Греции». Уже с начала III в. до н. э. в высших кругах Рима стали усердно изучать греческий язык; грек-учитель сделался непременным членом челяди богатого римского дома, бродячие труппы греческих актеров стали ставить первые представления на греческом языке. «Полоненная Греция полонила своего дикого покорителя и искусствами заворожила мужицкий Лациум» (Гораций). Под глубоким влиянием неодолимого увлечения эллинизмом стала складываться и новая собственно римская культура конца III и первой половины II в. до н. э.

Так, раб-учитель греческого происхождения Ливий Андроник (из Тарента) сделался родоначальником римской художественной литературы; он перевел на латинский язык тяжелым «сатурнийским» размером древних римских песен гомеровскую Одиссею (около 240 г.), и книга эта стала первым литературным пособием в римской школе, так как до того времени детей учили читать по спискам законов Двенадцати таблиц. Андроник много потрудился и над дальнейшим ознакомлением римлян с греческой литературой: составлял по греческим образцам первые римские трагедии и комедии и сам выступал их исполнителем с таким азартом, что даже потерял голос.

Из сильно пропитанной греческой культурой Кампании пришел в Рим и второй римский поэт Гней Невий — автор первой римской эпической поэмы «Пуническая война» (в 7 книгах). Кроме того, он перевел много греческих трагедий и комедий и даже делал попытки составлять собственные, латинские, в которых действовали лица из римской действительности и одетые уже в римские костюмы (тоги-претексты, откуда и произведения такого жанра носили название «претексты»). В них явный отзвук его демократических убеждений: «Всегда я ценил свободу, — писал он, — и ставил ее много выше денег». Стремясь стать «римским Аристофаном», Невий подвергал осмеянию пороки могущественных людей — Метеллов и др. За это он был посажен в тюрьму, а затем выслан из Рима и умер в изгнании (около 200 г.).

Та же демократическая ориентация проникает в литературное творчество его современника, величайшего римского комического поэта Тита Макция Плавта (250—184 гг.). Плавт — бедняк, пришелец из Умбрии, в поисках средств к существованию испытал в Риме всякие профессии, пока не попал служителем в театр и, увлекшись театральным искусством, стал сам автором популярнейших комедий. Свои сюжеты он брал из так называемой «новоаттической бытовой комедии»: действия у него происходят в Греции и актеры одеты в греческие костюмы («паллии»). Плавт, страшась участи Невия, смеется как бы над чужими «греческими нравами», украдкой давая, однако, понять, что они далеко не чужды и Риму. Вместе с тем его персонажи стилизованы под типы действующих лиц старинного римского народного балагана («ателлан»), недаром и сам Плавт получил прозвище «Макций», т. е. сын Макка (один из излюбленных героев ателлан). Оттуда же идет и его чисто народный язык с острыми и часто неприличными шутками.

В своих комедиях (их дошло до нас всего 21), которые за отсутствием постоянного театра давались еще на примитивных деревянных подмостках, к великому удовольствию своих простых зрителей, Плавт издевается преимущественно над такими явлениями нового римского быта, которые тяжелее всего отзывались на жизни простого народа и были ему глубоко ненавистны. В комедии «Хвастливый воин» (поставлена около 200 г.) Плавт высмеивает торжествующую военщину, в комедии «Кубышка» — страсть к накопительству; в комедии «Амфитрион» изображается сам Юпитер, совращающий с помощью другого бога, ловкого Меркурия, любящую своего мужа и верную ему Алкмену. С другой стороны, с глубокой и теплой симпатией относится Плавт к простым бедным людям и даже рабам (комедия «Стикс»).

Политическая реакция, наступившая в Риме в первой половине II в., немедленно отозвалась и на направлении молодой римской литературы. Поэт Энний, уроженец эллинизированной Калабрии, прибывший в Рим в 204 г. в свите Катона, стал певцом римской аристократии и открыто издевался над «мужиковатым Невием».

В противоположность последнему он превозносит Сципиона, «чьим делам ни один из своих, ни чужие должную почесть воздать в меру заслуг не могли». В написанной им обширной исторической поэме «Анналы» (18 книг,

около 30 тыс. стихов), подражая Гомеру даже в размерах стиха (гекзаметра), он воспевал славу римских героев, начиная с троянца Энея и кончая ненавистным народу «копуном» — Фабием Максимом. В угоду своим богатым патронам он даже перевел с греческого в стихах целую гастрономическую поэму («Гедуфагетика»). Но он также первый стал знакомить Рим с произведениями греческой материалистической и рационалистической философии, излагая в стихотворной форме учения Эпихарма и Эвгемера. Умер Энний в 169 г., получив римское гражданство и оплакиваемый римской аристократией. Сципионы поставили ему даже памятник на своем родовом кладбище.

Племянник Энния, поэт и живописец Пакувий (220—130 г.), прославился своими трагедиями, в которых он подражал знаменитым греческим трагикам Эсхилу, Софоклу и Еврипиду. Его произведениями восхищался сто лет спустя Цицерон, но народная масса оставалась к ним равнодушной и скучала на их представлениях. Точно так же относилась она и к произведениям третьего большого поэта аристократического направления — комического писателя Публия Теренция Афра (190—159 гг.). Автор сам жалуется, что после первого же акта его комедии «Свекровь» зрители из народа уходили из театра и шли смотреть на выступления гладиаторов, плясунов и акробатов.

Теренций Афр (т. е. «африканец») был рабом-питомцем римского сенатора Теренция Лукана: хозяин дал своему молодому любимцу хорошее образование, отпустил на волю и даже ввел в среду знатной римской молодежи; среди друзей Теренция упоминается и Сципион Младший Эмилиан. Комедии Теренция («Наказывающий сам себя», «Свекровь» и др.; он написал их всего 6, так как рано умер) отражают вкусы и настроения римского просвещенного высшего общества с его великосветской вежливостью и деланной внешней благожелательностью. Эту аристократическую снисходительность к себе и другим Теренций сумел выразить в ставшем крылатым выражении: «Я сам человек, и ничто человеческое не считаю для себя чуждым» (homo sum, humani nihil a me alienum puto).

Изобразительное искусство тоже стало развиваться в Риме благодаря громадному количеству художественных произведений, награбленных римлянами в греческих городах Южной Италии и Сицилии, в Карфагене, в Греции и Малой Азии. Во время триумфа Эмилия Павла (168 г.), по словам Плутарха, «первого дня едва хватило, чтобы на 250 колесницах провести перед народом захваченные на войне статуи, картины и колоссальные изваяния, которые представляли поразительное зрелище» (Плутарх, Э. Павел, 32).

Еще больше привез в Рим первоклассных произведений греческого искусства консул Л. Муммий после разгрома восстания в Греции в 146 г. и разрушения Коринфа, — храмы, площади, частные дома Рима были, по свидетельству современников, наводнены ими. С этого времени коллекционирование предметов искусства вошло в моду в Риме, и, так как подлинников не хватало ввиду большого спроса, началось массовое копирование знаменитых образцов (к такого рода копиям II в. принадлежит и знаменитая Венера Милосская). Большие заказы получали также художники-греки на выполнение различных батальных картин, которые десятками несли солдаты победителей во время их триумфов и которые потом выставлялись напоказ народу в различных общественных местах.

Появились и собственные римские художники. Еще в 304 г. один из Фабиев собственноручно расписал храм Благоденствия, за что и получил прозвище Живописец (Pictor), сохранившееся за его семьей. Поэт Пакувий прославился своей картиной в храме Геркулеса на Бычьем рынке. К сожалению, от этих произведений римской живописи III—II вв. дошел до нас лишь небольшой фрагмент из одной гробницы III в. на Эсквилине, изображающий встречу двух римских полководцев.

Больше осведомлены мы относительно римской скульптуры этого времени. Древний обычай изготовлять с покойников восковые маски повел теперь к заказу их скульптурных портретов из местного камня или мрамора, причем от исполнителя требовалась точнейшая передача лиц, со всеми их особенностями и даже дефектами. Так появился замечательный по своему реализму римский портрет, ранними образцами которого являются надгробные рельефы II в. и статуя Авла Метелла в позе оратора. Из архитектурных сооружений этого времени не сохранилось ничего за исключением небольших остатков базилики Эмилия 179 г.

Известно лишь, что этот тип общественных построек, занесенный с эллинистического Востока (базилика представляла собой соединение общественного дома с крытым рынком), получил сильное распространение в Риме (базилика Порция, базилика Семпрония, базилика Опимия). Появились также занесенные из Греции портики, а в конце II в. воздвигнута была и первая мемориальная арка — арка Фабиев на Священной дороге. Эти постройки уже делались не из кирпича-сырца, как прежде, но из крепкого местного камня — травертина. Как облицовочный материал все более и более начинал применяться мрамор.

Под влиянием греков изменялось прежнее наивное м и р о с о з е р ц а н и е, по крайней мере, в высших слоях римского общества. Философы-греки в большом количестве появлялись в Риме. Тщетны были неоднократные приказы сената об их высылке. Философ Панетий был даже другом Сципиона Эмилиана и вместе с Полибием сопровождал его в походах. Сопротивление староверов, возглавляемых Катоном, было неспособно сдержать этот поток, да и сами они не очень твердо отстаивали свои позиции. С конца III в., следуя греческим образцам, свои первые шаги стала делать р и м с к а я и с т о р и о г р а ф и я.

Сенатор Фабий Пиктор около 200 г., используя римские официальные хроники, семейные предания, рассказы участников первой Пунической войны и свои собственные наблюдения, написал первую римскую историю от основания Рима до своего времени. Однако этот весьма серьезный труд (им пользовался и Полибий, хотя не всегда с ним соглашался) не только был написан на греческом языке, но и предназначался преимущественно для греков: он имел своей целью показать им силу и могущество Римского государства. На греческом языке писали свои исторические труды и преемники Фабия — Л. Цинций Алимент (участник второй Пунической войны) и Постумий Альбин (около 150 г.), причем эти старшие анналисты пользовались уже заимствованным от греков прагматическим методом. В противовес им Катон ставит своей задачей создать настоящую римскую историю для римского народа. В своем историческом труде «Начала» (Origines), дошедшем до нас только в отрывках,

он протестует против чрезмерного внимания, которое историки отводят «великим людям»: «Не консул Павел победил Персея, а римский народ», — пишет он. Излагая историю второй Пунической войны, он нигде даже не упоминал ни Ганнибала, ни П. Корнелия Сципиона. Зато в первых двух книгах он подробно рассказывал о происхождении и старине не только Рима, но и многих других италийских городов, старательно собирая их хроники, надписи и другие древние памятники. Книги 3-я — 7-я, составляющие историю близкого к жизни автора времени, написаны были почти как мемуары. Катон считал знание прошлого полезным делом для всякого и в особенности для юношества, почему для своего малолетнего сына составил даже краткий очерк истории родной страны и сам переписал его крупными буквами. И все же этот суровый защитник старинных нравов и глава римской консервативной партии принужден был постоянно пользоваться греческими авторами, а к концу своей жизни и полностью признать достоинства греческой культуры.

Видимо в это же время первые успехи начали делать в Риме естественные и математические науки. Об этом можно судить уже по тому, что в начале III в. статуя Пифагора была поставлена на римском форуме и его учению совершенно напрасно приписывалось даже влияние на царя Нуму Помпилия.

К сожалению, до нас не дошло ни одного имени тогдашнего римского математика, физика или механика, но Ливий (XXXVII, 5—9) сообщает, что накануне сражения при Пидне (21 июня 168 г.) произошло лунное затмение, которое в римских войсках не произвело обычного смятения, так как заранее было предсказано одним из римских офицеров, Г. Сульпицием Галлом, тогда как македоняне восприняли это явление как знамение, предвещающее гибель царя Персея (ср. Полибий, XXIX, 16). Несомненно, что для возведения обширных сооружений вроде базилик, акведуков и дорожных мостов, для постройки мощных кораблей-пентер, военных машин и осадных приспособлений римские инженеры (praefecti fabrum) должны были уже обладать значительными сведениями по математике, механике, баллистике, теории сопротивления материалов и пр.

Глубокий переворот в связи со всем этим произошел и в области римской религии. Уже относительно рано, в VI—V вв. до н. э., по мере все большего распространения земледельческого хозяйства, примитивный анимизм стал кристаллизоваться в религию земледельческих богов. Среди бесчисленных духов, наполнявших жизнь древнего римлянина, преобладающее значение получили могущественные силы природы, связанные с крестьянским трудом: они стали для римлян «отечественными богами».

Таковы Вевактор и Репаратор — боги пахоты, Инситор — бог сева, Оккатор — бог бороньбы, Мессор и Мессия — бог и богиня жатвы, Конвектор — бог своза снопов, Прозерпина — богиня прорастания посевов, Волютина — колосования, Флора — цветения, Матура — созревания и пр. К ним еще можно прибавить Бубону — покровительницу быков, Эпону — богиню лошадей, Меллонию — пчелиную, Помону — богиню яблонь и яблок. Всю толпу этих мужицких богов-патронов возглавляла троица богов «величайших и лучших», носивших особенно почетное наименование «отцов»: Юпитера — бога неба, грозы и дождя, а затем и вина, Марса — бога весны, сельских работ и в то же время войны (так как войны начинались обычно с наступлением весеннего времени) и Квирина, функции которого точно неизвестны. К ним присоединялось и несколько божеств второго ранга — Янус, Веста, Опс. В честь их шумно справлялись древнейшие празднества, например, «Виналии», — праздник виноделия, также «Теллурии» — в честь земли-кормилицы и «Консуалии» — в честь бога урожая Конса.

Культ этих «отечественных богов» относился к ведению старинейшей римской жреческой коллегии понтификов. Характерной особенностью этого первого общего римского культа была его глубокая рассудочность, прозаичность и откровенное господство утилитарного принципа. Молящийся стремился установить с соответствующим богом обязательную для обеих сторон договорную связь (religio): даю тебе, но с тем, чтобы и ты мне дал (do, ut des). Предполагалось, что если при совершении религиозного акта будут в точности соблюдены все положенные формальности и все полностью оговорено, то налицо полная гарантия, что и божество будет принуждено выполнить свои обязательства. Эта формально-обрядовая сущность древнего римского культа должна была особенно успокоительно действовать на привыкшего к сутяжничеству мелкого земледельца-собственника, каким, по преимуществу, и являлся римлянин этой ранней поры.

Но уже в эпоху этрусского господства, когда в Риме началось развитие ремесла и торговли, а также установилось более тесное общение с соседними частями Италии, в римский религиозный обиход стали все более проникать чужеземные «новые боги». Из Этрурии занесены были культы богинь Юноны и Минервы, они даже, вытеснив древнюю троицу сельских божеств (Юпитер—Марс—Квирин), обратились вместе с Юпитером в «троицу Капитолийскую», в официальные верховные божества города Рима. Из городов Лациума (Тибура, Тускула, Пренесте, Ланувия и Арриции), стоявших под сильнейшим этрусско-греческим культурным воздействием, уже около 500 г. стали проникать в Рим также культы Геркулеса, Кастора-Поллукса и Дианы (Артемиды). В связи с постоянными закупками недостающего в Риме хлеба в Кампании, а затем в Сицилии, в Рим занесен был культ Деметры и ее спутников Диониса и Коры, получивших от старинных похожих римских божеств имена Цереры, Либера и Либеры. Храм их на Авентине, ставший цитаделью плебейства, построен был в 496 г. в греческом стиле, и служение велось «по греческому обряду» греческими жрицами.

Вместе с культом Аполлона занесены в Рим, повидимому из Кум, гадальные «Сивиллины книги». Их выдавали за собрание предсказаний знаменитых греческих пророчиц Сивилл. Вопрошение их производилось при особо зловещих предзнаменованиях, каждый раз по специальному постановлению сената, особой коллегией их хранителей.

В результате к середине II в. в римской религии старое и новое переплеталось в самой причудливой форме. Верхи общества либо стали безразличны к религии, либо не скрывали своего скептического к ней отношения. «Что существуют боги, — говорит поэт Энний в своей подражающей Еврипиду трагедии Теламон, — это я всегда утверждал и буду утверждать. Но я не думаю, чтобы эти боги занимались делами людей, потому что если бы они это делали, то добрым они воздавали бы добром, а дурным — злом; этого же на самом деле нет». Многие видные государственные деятели во

время выполнения своих служебных обязанностей публично издевались над ауспициями, как П. Клавдий Пульхр, Г. Фламиний, М.Клавдий Марцелл. Среди народа же как в Риме, так и в Италии стали распространяться различные греческие секты (орфиков, поклонников Диониса, и др.), организованные в тайные общества по типу греческих тиазов. Тем самым, подобно плебеям V в. с их собственным культом Цереры, народные низы и в III—II вв. постепенно эмансипировались из-под влияния долго державшей их в духовном подчинении государственной религии.

Правда, сторонникам старины удавалось периодически организовывать жестокие репрессии против таких идеологических сдвигов, например, процесс о вакханалиях 186 г., когда пострадало около 7 тыс. человек. Но никакими полицейскими мерами уже нельзя было справиться с вышедшими из подчинения римской государственной религии народными массами. Римское олигархическое государство уже утратило ту духовную узду, которая составляла одно из орудий его господства над низовыми слоями свободного населения.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В РИМЕ во II и I вв. до н. э. И КРУШЕНИЕ РИМСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ

ГЛАВА LIII

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОВ

§ 1. Восстания рабов в Италии в первой половине II в. до н. э. Образование громадной римской рабовладельческой державы и сложившиеся в связи с этим социально-экономические отношения создали в Риме и его провинциях к началу II в. до н. э. целый ряд острых социальных противоречий такого непримиримого характера, что они могли разрешиться лишь революционным путем.

Первым, самым основным и всепроникающим был, несомненно, антагонизм между рабами и рабовладельцами, особенно обострившийся с начала II в. в связи с мощным развитием римского рабовладельческого хозяйства. Одной из крупнейших заслуг нашей советской исторической науки является то обстоятельство, что в лице академика С. А. Жебелева, профессоров В. С. Сергеева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева и других она впервые выдвинула на надлежащее первенствующее место столкновение этих основных для рабовладельческого общества социальных сил. В западной науке до сих пор принято громадные рабские движения II и I вв. до нашей эры или полностью игнорировать, или трактовать как только досадные, ничего, кроме разрушения, не приносившие мятежи полуварварских элементов.

Борьба между этими основными классами римского рабовладельческого общества — рабами и их эксплуататорами — была исконная и давняя. Но ранние движения, вследствие распыленности рабов между многими мелкими хозяевами, проявлялись, как то было в Греции, в скрытой (латентной), малозаметной форме. Рабы действовали по одиночке и скрытно, но каждый, чем только мог, вредил своему хозяину, оправдывая римскую поговорку: «сколько рабов, столько врагов». Часты были побеги рабов, и римские дороги были весьма небезопасны, так как под мостами, в оврагах, в соседних лесах скрывались беглые рабы, промышлявшие разбоями. Они же стекались на малонаселенные острова и части побережья, обращавшиеся в опасные пристанища пиратов (например, Липарские и Балеарские острова, берега Лигурии, Мавритании и пр.).

Начиная с II в., в связи с увеличением числа крупных хозяйств, движения рабов приобретают уже характер м е с т н ы х (л о к а л ь н ы х) в о с с т а н и й, в которых одновременно участвуют сотни и тысячи рабов, но на относительно ограниченных территориях. С конца своей 4-й декады Тит Ливий весьма часто сообщает об отдельных движениях рабов, иногда весьма значительных. Первое такое выступление упоминается в 198 г. (Л и в и й, XXXII, 26) и относится к римской колонии Сетии в Лациуме и соседним с ней небольшим городкам Норбе и Цирцеям. В Сетии содержались знатные карфагенские заложники, жившие на широкую ногу с большим количеством собственных рабов, тоже, повидимому, африканцев. Рабы сговорились напасть в праздничный день на театр, куда должны были собраться их господа и все свободное население Сетии, и, перебив всех, бежать через город Норбу к морю, к порту Цирцеям, где у них были сообщники, захватить корабли и отправиться на родину. Заговор, однако, осуществить рабам не удалось, так как нашлись предатели, сообщившие о нем начальству в Риме. Римский городской (т. е. старший) претор собрал 2000 воинов и во-время явился с ними в Сетию: многие заговорщики были немедленно казнены, другие бежали и были схвачены позднее в числе 500 человек. Эти моменты — заговор небольшой группы смелых людей как начальный момент, стремление бежать на родину как цель, измена некоторых участников как одна из причин неудачи — характерны для многих вспышек рабского движения.

Второе сообщение (Л и в и й, XXXIII, 36) относится к 196 г. и сообщает о значительно более грозном восстании рабов в Этрурии, представлявшей один из центров крупного землевладения. Здесь рабы уже успели восстать и образовать настоящее войско, так что против них пришлось направить целый легион с претором Манием Ацилием Глабрионом во главе; для сравнения следует иметь в виду, что 5 лет спустя у того же Глабриона в битве при Фермопилах с войсками сирийского царя Антиоха было всего два легиона. Восставшие в Этрурии рабы были побеждены в правильном

сражении, многие убиты или взяты в плен, вожди восстания распяты на крестах, остальные, после наказания, возвращены своим владельцам. Таким образом, здесь уже имело место восстание весьма крупного масштаба, притом в ближайшем соседстве с самим Римом.

В 185 г. восстали рабы-пастухи Апулии, которых крупные римские скотоводы набирали преимущественно из выносливых и воинственных иллирийцев и сами вооружали для охраны стад от диких зверей и разбойников. Восставших было так много, что с ними долго не могли справиться: «они сделали опасными дороги и общественные пастбища» (Ливий, XXXIX, 29) настолько, что юг оказался отрезанным и карательную экспедицию против них пришлось вести из Тарента претору Л. Постумию. После подавления восстания Постумий приговорил к смерти 7 тыс. человек, но казнить их всех не мог, так как «многие бежали», продолжая, очевидно, ожесточенно сопротивляться; остальные же были казнены, несмотря на громадный ущерб, причиняемый этим их владельцам.

Таким образом, территории, охваченные рабскими восстаниями в Италии, становятся уже в начале II в. все шире, а сопротивление возбужденных рабских масс все смелее и ожесточеннее, хотя пока еще сохраняет свой местный характер. Но во второй половине II в. вспыхивают уже движения невиданной силы, охватывающие целые провинции и грозящие слиться в общий пожар. Таковы восстания рабов в Сицилии, в Аттике, в провинции Азии, на Боспоре, глубоко потрясшие весь рабовладельческий мир.

§ 2. Первое восстание рабов в Сицилии (138—132 гг. до н. э.). Восстание Аристоника в Пергаме. Первое восстание рабов в Сицилии, продолжавшееся целых 7 лет, с 138 по 132 г., было, по словам Орозия, «горящим трутом, который вызвал пожары во многих местах».

«Никогда не было такого восстания рабов, какое вспыхнуло в Сицилии»,— пишет Диодор (XXXV, 2, 25), наш главный источник сведений об этом событии. Диодор как местный уроженец (родом из города Тавромения в Сицилии) был хорошо знаком с обстановкой в Сицилии и, кроме личных впечатлений и рассказов местных стариков, использовал также сочинение очень крупного историка Посидония, к сожалению, не дошедшее до нас (за исключением небольших отрывков), в котором целые 4 книги посвящались описанию сицилийского восстания.

В Сицилии издавна, еще со времен греческой и карфагенской колонизации, развивалось крупное рабское плантационное хозяйство: греки поработили местных обитателей-сикулов и к ним присоединили еще громадное количество привозных рабов. Много покупали также сирийских рабов, искусных мастеров и земледельцев. «В Сицилии было такое количество рабов, — сообщает Диодор, — что слышавшие это не верили и считали преувеличением». Когда Сицилия попала в руки римлян, эти рабские хозяйства только переменили своих хозяев («большинство рабовладельцев были римские всадники», — говорит Диодор), но продолжали развиваться в том же направлении.

Рабы в Сицилии подвергались неслыханной даже в древности эксплуатации — «дурному обращению», — как выражается Диодор. Продукция сицилийского сельскохозяйственного производства (зерновой хлеб, вино, масло с оливковых плантаций) представляла собой ценный экспортный товар, вывозилась в города Италии (например, в Рим уже с V в.) и через Коринф в Пелопоннес. Рабовладельцы-плантаторы до такой степени экономили в связи с этим на расходах производства, что стремились совсем не кормить и не одевать своих рабов. Хозяева сами толкали рабов на путь грабежа и наказывали недогадливых, поучая: «Разве путешественники ездят голыми и не предоставляют готового снабжения нуждающимся в нем?»

Но вместе с тем, благодаря крупной системе землевладельческого хозяйства, рабы получали и особую производственную организацию, которая легко могла превратиться в революционную для борьбы с ненавистными владельцами. В ней растворялись племенные отличия и создавались предпосылки для солидарных выступлений этнически пестрых рабских масс.

Движение в Сицилии тоже началось с заговора, возникшего среди земледельческих рабов в имении особенно богатого рабовладельца Дамофила. Дамофил и его жена Мегаллида прославились своим исключительно жестоким обращением с рабами. Имение Дамофила находилось в самой плодородной части Сицилии, близ города Энны. Заговорщиков сперва было сравнительно немного — всего 400-человек, но во главе их стоял, видимо, весьма выдающийся вождь — некий сириец Евн (типичная рабская кличка — «Хороший»), придворный шут одного из местных сельскохозяйственных магнатов. Древние авторы (Диодор, Флор и др.) склонны изображать его шарлатаном: он и шут, и фокусник, умевший изо рта извергать огонь, предсказатель будущего, выдававший себя за избранника «великой сирийской богини». Но следует принять во внимание роль шутов, «одержимых» и разных «пророков» в прошлом как выразителей задавленной общественной мысли низов, умевших иногда под маской кривляния и смеха высказывать очень смелые суждения в лицо самым свирепым деспотам. Так и Евн будто бы не боялся потешать гостей своего хозяина открытым заявлением, что он, Евн, предназначен к царской власти: он говорил так, возможно, уже тогда, когда готовился руководимый им заговор. Наконец в удобный момент, повидимому, в разгар летних уборочных работ 138 г., когда все рабы собирались в усадьбах, заговорщики под предводительством Евна ворвались в город Энну и начали, вместе с присоединившимися к ним городскими рабами, беспощадную расправу с господами.

Любопытно, что даже Диодор оправдывает это: «Все содеянное рабами по отношению к господам не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за причиненные им раньше обиды». Диодор сообщает также, что, расправившись с жестоким Дамофилом, свирепой Мегаллидой и им подобными и тем утолив свое раздражение, рабы пощадили тех рабовладельцев, которые прежде относились к Евну и его товарищам человечно и не

издевались над ними. Молодую осиротевшую дочь Дамофила, раньше заступавшуюся за них, они даже под надежным конвоем проводили к ее родственникам в город Катану.

Примеру Энны последовал ряд других городов восточной Сицилии. В Акраганте, который был центром сицилийского оливководства, восстание рабов возглавил бывший киликийский пират рабконюх Клеон, собравший целый отряд в 5 тыс. восставших рабов. Восстали рабы в Леонтинах, Катане, Тавромении, сами Сиракузы попали в руки восставших, и только в цитадели их, на острове Ортигии, держался еще римский гарнизон. Число восставших, по словам Ливия, дошло до 70 тыс., Диодор насчитывает даже 200 тыс. человек. Очень тревожно было и настроение городских люмпенпролетарских элементов, хотя непосредственно к восстанию рабов и не примыкавших: «Простой народ, — сообщает Диодор, — не только не сочувствовал богатым, но даже радовался»; «чернь под видом рабов устремилась по деревням и не только расхищала имущество, но и сжигала виллы». С таким движением, охватившим всю восточную часть Сицилии, совершенно бессильны были справиться не только пропреторы с своими местными отрядами, но даже и две консульские армии, присланные из Италии, — консулов Л. Кальпурния Пизона и Г. Фульвия Флакка; последнему рабы нанесли даже форменное поражение. «Много военных лагерей было уничтожено восставшими», — пишет Диодор. Во всяком случае, около четырех лет восставшие рабы были полными хозяевами в большей части Сицилии, образовали свое рабское государство с центром в Энне и пользовались, по словам Диодора, полным «благоденствием».

Организация этого рабского государства чрезвычайно любопытна. Оно представляло собой своеобразную «народную монархию». Своего вождя Евна восставшие рабы, среди которых было много сирийцев, «выбрали» царем и назвали по имени знаменитых сирийских царей Антиохом, наивно выражая тем неограниченность и силу его власти. Но хотя этот выборный «царь», как водится, носил пышное платье, имел диадему и даже «царицу», он совсем не был эллинистического типа монархом. «Сделавшись царем в государстве восставших, Евн созвал народное собрание», — сообщает Диодор. Функционировал также «народный суд», который заседал в театре и в который входило «большинство восставших», т. е. тоже своего рода народное собрание судебного характера.

При «царе» действовал «совет из людей, которые казались наиболее выдающимися по уму», начальники отдельных отрядов повстанцев. Среди них киликиец Клеон, ставший главнокомандующим, его брат Коман, энергичный грек Ахей, который «в три дня вооружил 6 тыс. человек топорами, секирами, пращами, серпами, обожженными палками, поварскими вертелами и прошел по всей Сицилии», и многие другие. К удивлению рабовладельцев, между рабами, несмотря на племенные их различия, царило согласие, и они «добровольно отдаются под власть Евна».

Благодаря именно этой общей активности, лишь координируемой «царем», «зло росло, города забирались вместе с людьми, и много военных отрядов было уничтожено повстанцами» (Диодор).

Интересны и хозяйственные мероприятия, проводившиеся в этом «царстве рабов». «Самое же замечательное во всем этом было то, — удивляется Диодор (XXXV, 2, 48), — что восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали мелких вилл, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием», — видимо, и сами мечтая вернуться к самостоятельному и свободному положению мелких крестьян-земледельцев после раздела крупных латифундий. В городах «Евн приказал оставить в живых оружейных мастеров, которые в оковах были отправлены на работу» по снабжению войска восставших оружием, т. е. создавались общественные мастерские, работавшие на всю общину, что соответствовало распространенным тогда в Греции учениям об обобществлении ремесла и о распределении ремесленной продукции по потребностям общины (Аристотель, Политика, II, 4, 1—6).

Недостатком движения, обрекавшим его на неизбежную конечную неудачу, был его все же в общем оборонительный характер, неумение выйти за локальные рамки, установить связь с одновременными рабскими движениями в других местах римской державы. Это отмечают невольно и древние авторы.

«Когда молва об этом (восстании в Сицилии) распространилась, — пишет Диодор, — во многих других местах начались заговоры и восстания рабов: в Риме 150 рабов, в Аттике более 1000, на Делосе и других местах, но все эти движения были подавлены в каждом отдельном случае». Некоторые подробности к этому сообщает Орозий, повидимому, следуя Ливию: «Пример невольничьего восстания в Сицилии широко заразил многие провинции. В Минтурнах 450 рабов были распяты на кресте. В Синуессе... было подавлено восстание около 4000 рабов. Также в афинских рудниках (Лавриона) стратегом Гераклитом был прекращен невольничий мятеж. На Делосе движение рабов, гордившихся своим недавним восстанием, было подавлено благодаря предупреждению со стороны некоторых горожан. Все эти различные пожары возникли, словно сверкающие искры, от того первого трута, которым началось это бедствие» (V, 9, 4, 8).

Самое крупное, восстание Аристоника, вспыхнуло в 132 г. в Пергаме, только что ставшем римской «провинцией Азией». О нем упоминают Диодор и Страбон. Дошло до нас и несколько относящихся к нему надписей. Диодор говорит, что там происходили «события, сходные с сицилийскими», «рабы безумствовали благодаря притеснению господ и повергли многие города в великие несчастия». К рабам примкнули и «неимущие люди» — свободные рабочие больших царских мастерских, в которых изготовлялись ковровые материи и пергамент, а также крестьяне — арендаторы больших царских имений. Во главе движения встал пергамский царевич Аристоник, «добивавшийся неподобающей ему царской власти» (он был незаконным сыном отца умершего царя Аттала III, завещавшего все свое царство римскому народу). Ари-

стоник обещал восставшим создать в Пергаме идеальное «Государство Гелиоса» (солнца), в осуществление идей очень распространенного в это время и популярного романа-утопии Ямбула под тем же заглавием. В «Солнечном государстве» Ямбула описывался блаженный сказочный остров, где живут счастливые люди в условиях полного равенства, свободы и братства; все радостно трудятся на общую пользу, а досуги свои посвящают доступным для всех наслаждениям природой, искусством и науками (см. Диодор, II, 55—60).

Аристонику удалось захватить значительную часть бывшего Пергамского царства, несмотря на то, что против него объединились все силы, господству которых угрожал начинавшийся социальный переворот — и богатые малоазиатские города с Эфесом во главе, и вифинский царь Никомед, и римский консул Публий Красс, присланный из Рима с большим римским войском. Аристонику удалось разбить Красса, и сам консул погиб в сражении с повстанцами — «гелиополитами» (гражданами солнечного государства).

Разрозненность мощных самих по себе движений и дала Риму возможность постепенно и поочередно их ликвидировать. Начали с главного очага их в Сицилии. Уже в 133 г. «консул Л. Кальпурний Пизон взял город Мамерций (Мессану), где истребил 8000 беглых рабов, тех же, кого он мог захватить живыми, распял на кресте», — сообщает Орозий. В следующем 132 г. еще решительнее повел наступление на рабское царство в Сицилии консул Публий Рупилий, крутостью своих мер отличившийся уже в Риме. После долгой осады, доведя голодом отчаянно сопротивлявшихся защитников до людоедства, он путем измены взял один из главных оплотов восставших, город Тавромений. Пленных после пыток сбрасывали со скалы. «Оттуда Рупилий направился против Энны и, обложив город, довел до отчаяния мятежников. Главнокомандующий Клеон сделал вылазку с небольшим отрядом и после героической борьбы пал, покрытый ранами. И этот город удалось взять только благодаря измене, так как по своему местоположению он был совершенно недоступен вооруженной силе» (Диодор, XXXV, 2, 22). Тысяча отборных повстанцев, телохранителей царя Евна, защищали его до последней возможности и, «когда увидели неизбежный конец, перерезали друг друга своими мечами». Сам Евн погиб в римской тюрьме. Орозий сообщает, что Рупилием в Энне было перебито более 20 тыс. рабов.

В 130 г. покончено было и с восстанием Аристоника. Разбитый на море эфесским флотом, он принужден был отступить внутрь страны, где его окружили войска консула Перперны, объединившиеся с войсками вифинского и каппадокийского царей. Восстание было подавлено, Аристоник взят в плен, отослан в Рим и задушен в римской темнице.

Восстание рабов в Сицилии, едва не охватившее пожаром все Средиземноморье, имело громадное значение: оно впервые до осно-

вания потрясло весь рабовладельческий порядок. С этого времени верхи римского рабовладельческого общества впервые почувствовали себя живущими на вулкане.

§ 2. Второе восстание рабов в Сицилии (104—101 гг. до н. э.). Восстание Савмака на Боспоре. Рабские движения, вспыхнувшие с такой силой в 130-х годах, в той или другой форме продолжались и в следующие десятилетия. И в самой Сицилии, несмотря на жесточайшие репрессии, через 30 лет произошло второе массовое восстание рабов, бушевавшее целые три года (104—101 гг. до н. э.).

Восстание началось в 104 г., как передает Диодор, в связи с противозаконными действиями продажного и хищного наместника Сицилии пропретора Лициния Нервы, особенно раздражившими рабов. По приказу сената Нерва начал было ревизию рабских «фамилий» и эргастулов, так как в них попадало много свободных людей за долги, на что жаловались и провинции, и союзные цари. Нерва уже успел освободить около 800 человек, неправильно порабощенных, и тем возбудил надежду у многих рабов на получение воли, но, подкупленный рабовладельцами, не только прекратил ревизию, но вернул и прежде освобожденных их господам. Начавшееся в связи с этим движение среди рабов он пытался подавить, вступив в соглашение с сицилийскими бандитами и натравливая их на непокорных, на что рабы ответили открытым восстанием.

Особенностью этого второго восстания было то, что в основном оно распространилось по западной части острова, не затронутой первым восстанием. Центрами восстания стали окрестности крупных западных городов — Лилибея, где восстали рабы во главе с виликом одного из крупных имений, Афинионом, и Гераклеи. Здесь, близ Каприонской горы, вокруг некого Сальвия, сирийского гадателя и чародея, собралось до 20 тыс. восставших рабов. Восстание на этот раз носило чисто сельский характер: восставшим не удалось овладеть ни одним городом. Попытка захватить Моргантину оказалась неудачной, так как городские рабы не пристали к движению и вместе с своими господами защищали город, надеясь на обещанное им за это освобождение.

Восставшим пришлось основать свою столицу на новом месте, на горе Триокале, что значит «в трех отношениях прекрасная»: неприступная, имевшая обилие воды и хорошо снабженная продовольствием. Здесь построили царский дворец и рядом с ним отвели большое место для народных собраний. Это свидетельствует, что народному собранию опять придавалось особое значение. Сальвий, главный вождь, был выбран царем и именовался «Трифоном», но главное значение имел военный начальник, Афинион, человек громадной энергии и революционного чутья, оставивший по себе у римлян особенно грозную память: его впоследствии часто упоминали рядом со Спартаком. Он понимал, что в открытом бою рабам трудно будет справиться с римскими легионами, и потому организовал, по типу Гамилькара, партизанскую

войну в обширнейших размерах: громил римские склады, прерывал пути сообщения по всей Сицилии, уничтожал отдельные отряды. Причем замечательны и его заботы о народном хозяйстве: своим войскам он отдал приказ «беречь страну и находившихся в ней животных и запасы, как свою собственность». Повидимому, он старался сохранить от разгромов и большие хозяйства, так как в свои отряды из бежавших от хозяев рабов он отбирал лишь наиболее сильных, а остальных отправлял обратно «на прежние работы», т. е. чтобы поддерживать порядок в хозяйствах.

Движение разрослось настолько, что, по словам Диодора, всю Сицилию охватила «анархия». Суды бездействовали, между городами не было сношений, а власти, используя смутные времена, заботились лишь о собственном обогащении. Люмпенпролетарские элементы городов занимались грабежами и погромами.

Однако сказалась та же слабость, что в первом восстании: недостаток инициативы и оборонительный в общем характер тактики. Уже претору Лицинию Лукуллу удалось поэтому вытеснить повстанцев из восточной Сицилии, в большом сражении разбить их основные силы и даже осадить Триокалу. Но он не довел своего дела до конца. Недовольный присылкой себе преемника, он сам сжег свои осадные сооружения и отступил, дав возможность рабам вновь оправиться. Ходили даже слухи, что он был подкуплен рабами. В 101 г. Риму пришлось направить против восставших целую консульскую армию во главе с консулом Манием Аквилием. Сальвий к этому времени умер, и «царем» стал Афинион. Легенда рассказывает, что между консулом и Афинионом будто бы произошло единоборство перед строем двух войск: Афинион был убит, что и повело к поражению рабов. Затем, после отчаянного сопротивления, взята была Триокала. На этот раз репрессии были особенно жестоки: последовали бесчисленные казни, распятия на крестах, 1 тыс. рабов была отправлена в Рим, где пленные рабы принуждены биться между собой в цирке, как гладиаторы.

С этого времени во всей Сицилии установился р е ж и м п о с т о я н н о г о т е р р о р а, чтобы держать рабов в непрерывном страхе. Так, еще в эпоху Цицерона рабам в Сицилии запрещалось под страхом немедленной казни даже прикасаться к оружию, и «с того времени, как Маний Аквилий оставил Сицилию, все распоряжения и эдикты наместников имели в виду обезоружение рабов» (Ц и ц е р о н, Против Верреса, V, 8).

Цицерон в подтверждение рассказывает, как пропретору Сицилии Л. Домицию принесли в подарок громадного кабана, только что убитого рабом-пастухом одного из сицилийских господ. Домиций немедленно вызвал раба и спросил его, чем мог он убить такого опасного зверя. Тот, ожидая награды, ответил, что убил простым легким дротиком, — и был немедленно распят по приказанию наместника. «При той строгости, — заключает свой рассказ Цицерон, — которую обнаруживают и наместники в своих распоряжениях, и хозяева в своих отношениях к рабам, строгости, предупреждавшей возможность невольничьей войны, — никакие смуты не могут зародиться в этой провинции» (т а м ж е).

С годами второго сицилийского восстания, повидимому, совпадает восстание Савмака и рабов-скифов на Боспоре, которое могло быть его отдаленным отзвуком. Известно оно лишь из одной найденной в Херсонесе надписи в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора. Диофанту удалось заставить боспорского царя Перисада признать свою зависимость от Митридата, но, пользуясь возникшим в связи с этим недовольством на Боспоре, подняли восстание скифские рабы, во главе которых встал питомец царя (т. е. раб, воспитанный в царском доме) Савмак. Царь Перисад был убит, Диофанту пришлось спасаться бегством, а Савмак стал царем Боспора. Дошли даже монеты с его изображением в виде Гелиоса в лучевом венце: повидимому, и этому движению не чужды были мечты о «государстве Солнца». Но через полгода, как сообщает надпись, Диофант «явился [из Малой Азии, с Понта] с сухопутным и морским войском, а кроме того, взял отборных из граждан [Херсонеса] на трех судах и, отправившись из нашего города [Херсонеса], овладел Феодосией и Пантикапеем [Керчь]. Виновников восстания он наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство Митридата и таким образом восстановил власть Митридата Евпатора». Таким образом прокатившаяся по территории римской державы волна рабских восстаний свидетельствовала о степени остроты и напряженности классовой борьбы, раздиравшей рабовладельческое общество. В то же время эти восстания выявили слабость движений рабов — их локальный и изолированный характер.

ГЛАВА LIV

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РИМЕ И ИТАЛИИ в 150—90 гг.

§ 1. Реформаторский период: братья Гракхи. Параллельно с восстаниями рабов шло, постепенно нарастая, развитие другого антагонизма уже внутри свободного римского и италийского общества — движение его сельских и городских низов против господствующего, разбогатевшего и пренебрегавшего народными интересами нобилитета. Это демократическое движение, или, как его называли в Риме, движение «популяров» (от слова populus — народ), являлось продолжением крестьянского движения второй половины III в., временно затихшего после второй Пунической войны, но вновь ожившего и значительно расширившегося с половины II в.

Возрождению его, в первую очередь, способствовали свои собственные причины — продолжавшееся и даже усилившееся обезземеление крестьянства и голодное существование обездоленного «городского плебса» (люмпенпролетариата), но известную роль в его оживлении должно было сыграть и развертывающееся движение рабов, побуждавшее своим примером и свободные народные

массы к более активным выступлениям. Так, Диодор свидетельствует, как уже указывалось выше, что в Сицилии во время восстания рабов «простой народ не только не сочувствовал богатым, но даже радовался» их бедствиям, а городская чернь под видом рабов громила и сжигала виллы. Затем сицилийское восстание могло и косвенно повлиять на усиление демократического движения в Италии тем, что Сицилия была сильно опустошена, временно перестала быть житницей Рима, и в связи с этим должны были подняться цены на хлеб. Вследствие этого, с одной стороны, еще более ухудшились условия жизни городских масс, с другой — увеличилось тяготение обезземеленных крестьян к возвращению на землю, ставшую приносить теперь больший доход. И продовольственный вопрос, и аграрный, таким образом, получили особую остроту и актуальность.

Эти вопросы вместе с тем связывались с вопросами об общем и провинциальном управлении.

Так, в 149 г. прошел через народное собрание очень неприятный для знати закон о создании особой «судебной комиссии о злоупотреблениях властью» провинциальных наместников. Через 10 лет, в 139 г., несомненно, под нажимом народной партии, был принят закон о тайной, письменной форме голосований в комициях, что должно было парализовать влияние богатых патронов на подачу голосов их клиентами и всяким зависимым от них бедным людом. Тогда же и жреческие должности, замещавшиеся до того времени путем кооптации, стали избирательными.

Таким образом, складывалась широкая п р о г р а м м а д е м о к р а т и ч е с к и х м е р о п р и я т и й. В 130-х годах на римском форуме стало особенно оживленно: толпы людей стекались на собрания из дальних колоний и муниципиев, ораторы выступали на сходках с горячими речами (А п п и а н, Гражданские войны, I, 9—10), на стенах домов, даже на надгробных памятниках писались воззвания, призывавшие смелее отстаивать народные требования (П л у т а р х, Тиберий Гракх, 8). Участники движения обменивались письмами (известны, например, письма матери вождей движения Гракхов — Корнелии), которые переписывались, распространялись и представляли собой своеобразные политические памфлеты и листки. Многие современники впоследствии составляли об этом времени свои воспоминания и мемуары (Рутилий Руф, Фанний и др.).

К сожалению, до нас мало что дошло из этой богатой литературы. Об этих событиях нам приходится судить лишь по сочинениям двух писателей, которые жили более чем через 200 лет после них, — Плутарха (биографии Тиберия и Гая Гракхов) и Аппиана («Гражданские войны», книга I, главы 7—27). Многое в этих событиях обоим писателям, жившим уже в эпоху Римской империи, было чуждо и мало понятно: слишком выступает у них чисто личный, биографический момент, отодвигается на второй план роль самой широкой народной массы. Наибольший интерес представляет изображение этого движения Аппианом, который, как заметил К. Маркс, «старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн».

Демократическое движение достигло особенно большого подъема, когда в 133 г. народным трибуном был выбран молодой и богатый римский нобиль Тиберий Семпроний Гракх. Тиберию пришлось испытать жестокую служебную катастрофу, резко столкнувшую его с сенатом и испортившую его служебную карьеру: будучи квестором в Испании в 137 г., он принужден был вместе с своим начальником, проконсулом Манцином, подписать позорный акт о капитуляции целой римской армии (см. стр. 541), и только заступничество влиятельных родственников позволило ему избежать судьбы своего начальника — не быть в скованном виде выданным врагам. Эта обида и побудила честолюбивого Тиберия перейти в ряды оппозиционной народной партии (Дион Кассий, XXIV, 1). Переход облегчило и то обстоятельство, что в его семье и раньше были демократические уклоны: его дед Семпроний Гракх был даже начальником отряда рабов-добровольцев, отличившегося во время войны с Ганнибалом, а дом его родственника, Сципиона Эмилиана, мужа его сестры Семпронии, был центром своеобразного политического кружка, мечтавшего возродить старинный римский строй и «добрые старые нравы» путем возрождения римского мелкого землевладения и старой римской крестьянской армии. Один из участников этого кружка, Г. Лелий, даже поднял вопрос о пользовании общественными землями.

Выбранный в 133 г. народным трибуном, Тиберий, к неудовольствию сената, вновь выдвинул неприятный для нобилей законопроект, регулировавший заимки общественных земель. Плутарх («Тиберий Гракх», 9) определенно свидетельствует, что «закон был мягкий и умеренный» и что «Тиберий разрабатывал закон не единолично, но воспользовался советами самых знаменитых и доблестных людей в Риме, как то: Красса, бывшего тогда верховным жрецом (погибшего потом при подавлении восстания Аристоника), законоведа Муция Сцеволы, в то время консула, Аппия Клавдия), своего тестя». Поэтому от законопроекта Тиберия веяло сугубым консерватизмом, стремлением возродить почтенную старину.

«Цель Гракха, — пишет Аппиан («Гражданские войны», I, 11), — заключалась не в том, чтобы создать благополучие бедных, но в том, чтобы в лице их получить для государства боеспособную силу». Законопроект представлял собой, по существу, попытку восстановить забытый закон об общественных землях Лициния и Секстия 367 г. до н. э., с некоторыми дополнениями и поправками, притом преимущественно в интересах крупных хозяев. «Людям, которых следовало бы отдать под суд за неповиновение законам и лишить противозаконно захваченного имущества с наложением штрафа, закон Тиберия повелевал лишь отказаться, притом за вознаграждение, от незаконного владения в пользу нуждающихся граждан» (Плутарх, Тиберий Гракх, 9).

Предлагалось подтвердить ограничение права заимок (оккупации) общественных земель установленными прежде нормами в 500 югеров (125 *га*) земли, с скрытым повышением этих норм до 1 тыс. югеров, так как разрешалось каждому поссессору сверх 500 оккупировать по 250 югеров на каждого из двух взрослых сыновей. Излишки предписывалось возвратить в государственный фонд,

причем за произведенные на них улучшения или постройки уплачивалось возмещение из государственных средств по справедливой оценке. Из образовавшегося таким образом фонда государственных земель должно было производиться наделение безземельных участками по 30 югеров в пользование за определенные платежи в казну. Учреждалась особая комиссия из трех лиц для регулирования пользования общественными землями.

«Как ни умеренна была эта реформа, народ готов был удовольствоваться ею», — пишет Плутарх («Тиберий Гракх», 9), но крупные поссессоры, в особенности, повидимому, скотоводы южной Италии, захватившие необъятные пространства общественных земель для выпаса своих многочисленных стад, начали яростное сопротивление. Не находя достаточной поддержки в сенате, где группа Красса, Сцеволы и Аппия Клавдия имела немало сторонников, противники законопроекта прибегли к необычным косвенным средствам. По их наущению, один из товарищей Гракха, трибун Марк Октавий, сам крупный поссессор, наложил вето даже на оглашение законопроекта и тем остановил его продвижение. Тем самым против народа и его вождя направлено было старое народное оружие — трибунская власть, что представляло собой прямой показ презрения нобилетета к римским политическим традициям.

В связи с этим реформа Тиберия Гракха для своего осуществления вызвала необходимость в предварительном проведении весьма важных конституционных изменений. А именно, Тиберий предложил народному собранию отрешить от должности народного трибуна Октавия «как действующего против народных интересов» (Аппиан, Гражданские войны, I, 12) и выбрать на его место другого, более отвечающего своему назначению. Но этим вводился совершенно новый и радикальный принцип народного контроля над магистратами, чуждый исконной римской конституции: в Риме все должностные лица были несменяемы в течение срока, на который они были выбраны. И так как в Риме не существовало писаных основных законов, то мера, предложенная Тиберием, создавала прецедент, который мог привести к снятию решением народного собрания не только народных трибунов, но, если потребуется, и консулов, преторов и вообще любого из магистратов. Поэтому Тиберий очень неохотно прибег к такой мере.

Когда после повторного вето Октавия собралось третье народное собрание, Тиберий, прежде чем поставить на голосование свою «рогацию» (предложение) об отрешении Октавия, долго и настойчиво просил последнего добровольно отказаться от наложения запрещения (вето). Но ввиду непреклонности Октавия пришлось перейти к голосованию. Даже когда единогласно проголосовали за предложение Тиберия 17 первых триб из общего числа 35, Тиберий приостановил подачу голосов, так как положительный голос одной следующей трибы уже решал вопрос, вновь обратился с просьбой к Октавию снять свое вето и только ввиду продолжавшегося упорного отказа Октавия довел голосование до положительного результата.

Октавий был отстранен, на его место выбран новый народный трибун из среды сторонников Тиберия, законопроект о переделе общественных земель был вновь внесен в народное собрание, принят народом и стал законом. Вместе с тем избрана была и аграрная комиссия в составе самого Тиберия Гракха, его молодого 18-летнего брата Гая и его тестя Аппия Клавдия, одного из инициаторов закона. Плутарх и Аппиан оба согласно стремятся показать, что только по неволе такой умеренный реформатор, «порядочный человек хорошего воспитания» (Плутарх), каким был Тиберий, принужден был перейти к таким более решительным действиям, вызывавшим уже общее возмущение и нобилитета, и сената.

Но еще больший взрыв ярости нобилитета вызвали дальнейшие (тоже спровоцированные сопротивлением нобилитета) мероприятия Тиберия, которыми он урезывал компетенцию сената в сфере финансового и провинциального управления. Когда комиссия аграрных триумвиров обратилась в сенат за ассигнованием средств на ее деятельность, сенат, по предложению крупнейшего землевладельца Публия Сципиона Назики, верховного жреца и одного из самых ярых врагов земельной реформы, издевательски назначил ей нищенскую сумму из расчета 9 ассов (около 35 коп.) в день, чем хотел показать безнадежность всяких начинаний, идущих вразрез с желаниями сенаторской знати. В поисках средств Тиберий провел через народное собрание третий закон — «об управлении провинцией Азией»: под тем предлогом, что она завещана непосредственно «римскому народу» умершим пергамским царем Атталом, она была изъята из ведения сената, управление ею передано народному собранию, а поступающие с нее доходы отданы в распоряжение комиссии по аграрному переустройству. Благодаря этому комиссия могла, наконец, приступить к своему делу, и есть сведения, что ей удалось в течение ближайших лет нарезать до 7 тыс. наделов из возросшего фонда общественных земель (сохранились даже межевые столбы с надписями Гракхов).

Но ненависть нобилитета и сената к покушавшемуся на его исконную власть реформатору дошла до крайних пределов. Его преследовали потоками клеветы, пустили в ход испытанное издавна в таких случаях средство — обвинение в стремлении к царской власти, грозили, что «не обрадуется Гракх, когда он станет частным человеком» (Аппиан, Гражданские войны, I, 13), т. е. привлечением к суду после окончания срока его трибуната. Начались со стороны защитников аристократического режима прямые покушения на жизнь Гракха: нобили готовы были на любые насильственные меры, чтобы сохранить свое господство.

Дело и кончилось катастрофой и дикой расправой, когда Тиберий попытался продолжить свою «неприкосновенность» путем вторичного выдвижения своей кандидатуры на должность трибуна на следующий, 132 год, опять подражая в данном случае, повиди-

мому, знаменитым древним трибунам Лицинию и Секстию. Но выборы проходили в неблагоприятных для Гракха условиях, так как сенат намеренно, в нарушение обычая, назначил их не на осень, а на лето, когда «поселяне разошлись по своим землям и были заняты сельскими работами» (Аппиан, Гражданские войны, I, 13—14). Все же и городские низы оказали ему значительную поддержку — при голосовании трибы стали высказываться за его кандидатуру. Но предательское поведение части народных трибунов, возражавших против его вторичного избрания, и крайние усилия оптиматов провести в народные трибуны лиц, враждебно настроенных к Гракху, обратили выборы в рукопашную схватку. В драку вмешался весь сенат, заседавший недалеко от форума в храме богини Верности. Вооружившись частями поломанной мебели, ножками столов и кресел, досками с поломанных скамей, сенаторы во главе с верховным жрецом Сципионом Назикой, перед которым из почтения к его сану расступалась толпа, проникли к месту, где стоял Гракх, и убили его и 300 наиболее преданных ему сторонников. Труп Гракха был, по словам Плутарха, подвергнут жестоким надругательствам, а потом брошен, вместе с другими трупами, в реку. «Но и этим дело не кончилось, из друзей Тиберия одних подвергли без суда изгнанию, другие были схвачены и убиты» (Плутарх, Тиберий Гракх, 20).

Аппиан правильно подметил, что с этого времени в римском «государстве не было больше законного правления, но господствовали кулачное право и насилие» («Гражданские войны», I, 17). Инициатором этого было само римское правительство нобилей, которое ценило и допускало только такую политическую форму, которая открывала бы все возможности к его полному господству, но которое немедленно отрекалось от всякого «права» и «законности», как только эти лозунги переставали служить его интересам. Тиберий Гракх и погиб потому, что не понимал их относительного значения. Воспитанный в духе «уважения к закону», он наивно верил в мирный конституционный и реформаторский путь.

Та же судьба через 12 лет постигла и его младшего брата — другого реформатора Гая Гракха, хотя он и был по своему характеру более смелым и талантливым человеком, притом уже значительно меньше связанным с аристократической средой, меньше зараженным ее предрассудками. Это был исключительной силы оратор, умевший своими страстными речами увлекать народные массы. Став народным трибуном в 123 г., через 10 лет после трагической гибели своего брата, Гай Гракх все же не счел возможным вести народ по более решительному пути: по существу, он являлся прямым продолжателем умеренной программы и нерешительной тактики своего брата. Но он стремился объединить все оппозиционные сенату и нобилитету элементы и тем придать решениям народного собрания особую авторитетность и, как он думал, особо непререкаемую силу. Чтобы к народному делу привлечь все слои сенатской оппозиции, он выдвинул сразу все вопросы

демократической программы, которую твердо проводил, избираемый в народные трибуны в течение двух лет подряд (123—122 гг.).

Для крестьян был полностью восстановлен аграрный закон Тиберия Гракха. В связи с этим вновь развернулась затихшая было деятельность аграрной комиссии, в которую теперь вошел, кроме Гая, также очень энергичный и смелый друг его Фульвий Флакк. Другой закон — военный — облегчал военную службу крестьян, возлагая на государство обязанность снабжать воинов оружием и одеждой, дабы экипировка за свой счет не разоряла малоимущих земледельцев.

Много выиграло крестьянство и от третьего закона — дорожного: утвержден был план обширного дорожного строительства, и начались обширные общественные работы по всей Италии, которые должны были дать значительный заработок местному мелкому люду. Но в этих больших общественных работах было заинтересовано и множество городских людей, и Аппиан отмечает, что этим дорожным строительством Гракх «привлек на свою сторону массу подрядчиков и ремесленников». В Риме выстроены были также большие «семпрониевы» хлебные амбары для ссыпки зерна, привозившегося из-за моря, и городское население стало из них, согласно проведенному Гракхом «продовольственному закону», получать дешевый казенный хлеб — ежемесячно на гражданина 5 модиев (50 *кг*) по цене 6 ассов (18 коп.). Эта мера значительно улучшила положение голодающего городского люмпенпролетариата. Наконец, Гай Гракх всемерно старался привлечь на сторону оппозиции сенату также всадников: для этого проведен был «судебный закон», согласно которому присяжные в судах стали назначаться не из сенаторов, как прежде, а из всадников. Аппиан правильно изображает всю важность этой реформы: «Говорят, Гай немедленно после того, как закон был принят, выразился так: «Я одним ударом уничтожил сенат. Ибо предоставление всадникам судейских полномочий вознесло всадников, как магистратов, над сенатом, а членов последнего сравняло с всадниками или даже поставило их в подчиненное положение» («Гражданские войны», I, 22). Особым «законом об управлении провинцией Азией» Гай Гракх предоставил римским всадникам ряд материальных преимуществ и привилегий, освобождавших их от конкуренции восточных купцов при сборе налогов в этой богатой провинции, аренде государственных предприятий и пр. Кроме того, были подняты вопросы о новом использовании провинций в интересах широких масс римского гражданства, для чего приступили к устройству римской колонии даже на месте разрушенного Карфагена (под именем Юнонии), и о предоставлении прав римского гражданства латинским и италийским союзникам.

Благодаря этим мерам временно, по выражению Аппиана, «самая основа римского государственного строя опрокинулась» («Гражданские войны», I, 22): сенат продолжал сохранять за собой

лишь свой авторитет, вся же сила сосредоточилась в руках всадников и народа.

«Со всех концов Италии стекалась на выборы такая масса народа, что многие в Риме не могли найти крова, а форум не мог вместить всех явившихся, и голоса подавались с крыш окружающих домов» (Плутарх, Гай Гракх, 3). Ораторы на народных собраниях даже позами своими старались подчеркнуть, что аристократический строй обращается в народовластие: во время своих речей на комиции они перестали лицом обращаться к курии, месту заседания сената, но обернулись к ней спиной и повернулись к народу (там же, 5).

Громадное значение приобрела роль народных вождей — трибунов — и в частности Г. Гракха. Трибуны «по жребию» распределяли между собой обязанности по организации заморских колоний, а Гракх ведал также переселенческим, дорожным, строительным, продовольственным делом: «он ходил окруженный толпой подрядчиков, ремесленников, послов, должностных лиц, солдат и ученых, приветливо беседуя с каждым» (Плутарх, Гай Гракх, 6) и отдавая распоряжения. Народный трибун становился первенствующим магистратом в Риме.

Однако для закрепления совершившегося переворота у Г. Гракха нехватало решительности. Причиной его сдержанности была все та же боязнь совершить «беззаконие» и все та же излишняя вера в непререкаемость постановлений высшего законодательного органа — народного собрания. Вместе с тем Г. Гракх недооценивал далеко еще не сломленное сопротивление сената и всего нобилитета. Последние же стали действовать, по выражению Плутарха, «неслыханными до того приемами». Они старались отвлечь от Г. Гракха народные массы и уронить его авторитет рядом совершенно лживых и неисполнимых обещаний, демагогией самого худшего сорта. Проводником такой политики сделался один из товарищей Гракха по трибунату — Ливий Друз, который «отдал свою трибунскую власть в распоряжение сената» (Плутарх, Гай Гракх, 8). Так, Друз предложил основать целых 12 новых колоний в Италии, хотя свободной земли для этого уже не было и его законопроект был насквозь демагогичен и лжив. Даже сторонник Гракха консул Фанний стал уговаривать народные низы не голосовать за закон о предоставлении права гражданства союзникам, иначе с ними придется делиться и хлебным пайком и местом на форуме.

Злостная и безудержная агитация нобилей повела к падению авторитета Гая Гракха в народе: он не был выбран в трибуны на третий год, а в консулы оптиматам удалось провести крайнего реакционера Луция Опимия. Закон о правах союзников не прошел в народном собрании, а сенат решил запретить основание колонии на «проклятой земле» Карфагена. Придравшись к случайной потасовке, которая возникла между сторонниками и противниками Гракха, во время которой был убит консульский служитель-ликтор, Опимий изобразил в сенате это проис-

шествие как начинающееся со стороны гракханцев избиение должностных лиц. Обрадованный предлогу, сенат особым чрезвычайным указом дал Опимию неограниченные полномочия «спасти государство», и Опимий приступил к беспощадной расправе с популярами. Более смелый и решительный, чем Гракх, Фульвий Флакк вооружил своих сторонников и занял с ними старинный центр плебейских движений — Авентинский холм с его укрепленным храмом Дианы. Он, очевидно, собирался, хотя и поздно, поднять народное восстание. Но Гай Гракх и теперь остался верен своей обычной лояльности. Он, как сообщает Плутарх, не захотел вооружаться и вышел из дому, надев тогу, как он обычно делал, идя на форум, и лишь с маленьким кинжалом на поясе для самозащиты, «хотя злые творили суд железом и насилием». «Гая никто не видел сражающимся», — хотя он и отличался отменным мужеством. Авентин был взят войсками Опимия; Гракх и Фульвий Флакк погибли во время бегства, и отрезанные их головы оплачены были Опимием золотом по их весу. В свирепых дальнейших расправах погибло до 3 тыс. популяров, и демократическое движение было временно приостановлено небывалыми репрессиями озверевшего после своей победы нобилитета.

Так закончился первый, *реформаторский период движения популяров* в Риме, потерпевший неудачу в связи с чрезмерно осторожными и умеренными действиями его вождей, с их политикой компромиссов и соглашений. В противоположность вождям движений рабов, это были случайные люди, своего рода попутчики из того же деклассированного нобилитета, с идеологией которого они не вполне порвали связь. И народное движение они не столько развивали, сколько тормозили. Главным результатом их деятельности был полезный политический урок, из которого следовало, что путем законодательных реформ, проводимых через народное собрание, нельзя сломить громадную силу аристократии, ни перед чем не останавливающейся при защите своего господства, и что требуются иные, более радикальные и смелые способы действий. Так, вразрез с собственными намерениями и планами, с стремлениями восстановить «доброе старое время», Гракхи против своей воли способствовали обострению политической борьбы, повышению политической сознательности народных масс, крушению безраздельного господства в Римском государстве нобилитета.

§ 2. Марианское движение: попытка военно-демократической диктатуры. После гибели Гая Гракха в Риме более 10 лет царила жестокая реакция. Свою победу оптиматы использовали для того, чтобы закрепить за собой захваченные общественные земли и предупредить тем все дальнейшие попытки их передела. По законам Бебия и Тория (118 и 111 гг.) все оккупации (заимки) и надельные участки, отведенные аграрной комиссией, признаны были частной собственностью пользующихся ими, а сама комиссия была закрыта. Процесс обезземеления крестьян в связи с этим весьма

усилился, что отметил уже Аппиан («Гражданские войны», I, 27): «Богатые стали скупать землю бедных, а иной раз и насильно отнимали ее. Положение бедных еще более ухудшилось», что должно было вызывать их возрастающее озлобление.

Торжествующий нобилитет спешил использовать свое восстановленное господство для самого открытого и зазорного обогащения: никогда еще не было такого наглого казнокрадства, взяточничества, всеобщей продажности магистратов. Противозаконные доходы тратились на неслыханно роскошную жизнь. Многие, чтобы не отставать от других, жили не по средствам, входили в долги и опять-таки искали противозаконных средств обогащения.

Это разложение правящей знати стало отражаться даже на внешнем положении Рима. Великая Римская держава с ее громадными материальными и военными средствами шесть лет (111—105 гг.) не могла справиться с царьком небольшого нумидийского царства Югуртой, потому что, вырезав своих родственников и завладев их богатствами, Югурта стал систематически подкупать высылаемых против него римских полководцев из среды самой крупной римской знати — Л. Кальпурния Бестию, М. Эмилия Скавра и того самого Л. Опимия, который произвел такую жестокую расправу с сторонниками Гая Гракха.

Они намеренно вяло вели войну, сознательно давая Югурте возможность выпутываться из трудных положений, за деньги возвращали ему пленных, захваченные военные материалы и боевых слонов. Югурта один раз даже сам приезжал в Рим и там широко действовал теми же средствами. Уезжая, он будто бы сказал: «Вот продажный город, он погибнет, как только найдется ему покупатель».

Даже когда в 109 г. против Югурты был направлен честный римский деятель из среды нобилей Кв. Цецилий Метелл, который нанес Югурте крупное поражение (при Мутуле), дела оказались столь запущенны, что два года Метелл действовал здесь с незначительными успехами. Эту скандальную «Югуртинскую войну» подробно описал римский историк Саллюстий Крисп, современник Юлия Цезаря, демонстрируя упадок нравов, бессилие и общественную вредность гибнущей сенатской олигархии.

На севере положение было не лучше. Сперва, в 120-х годах, римляне имели здесь значительный успех и стали продвигаться в богатую Заальпийскую Галлию. В 118 г., после победы над галльскими племенами аллоброгов и арвернов, была основана в древнем галльском городище Нарбоне большая римская колония и образована новая провинция Галлия Нарбонская на обширной территории между Альпами и Пиренейскими горами. Однако эта новая провинция, много выгод обещавшая и сельскому и предпринимательскому слоям римского населения, скоро (с 111 г.) подверглась разрушительному нашествию германского племени кимвров, к которому присоединился ряд кельтских племен — тевтоны, тигурины, амброны. Четыре римских консула потерпели от них поражения. В 105 г. две большие объединенные римские

армии были полностью разгромлены при Аравзионе (Оранж); погибло 80 тыс. человек, как в знаменитой битве при Каннах. Кимвры через альпийские проходы, захваченные ими вплоть до Бреннера, обрушились на Северную Италию.

В деморализованных римских войсках господствовали панические настроения: толковали о необычайном росте германских воинов, о их неодолимой силе и ярости в бою, о воинственности их женщин, которые кинжалами гнали обратно в сражение отступающие части, и т. д. Солдаты открыто бранили своих знатных начальников и издевались над их бездарностью, вялостью и жадностью. Народные трибуны привлекали к суду и разоблачали темные дела особенно ненавистных народу оптиматов, как, например, Опимия (в 110 г.) и Цепиона (в 105 г.).

Все это способствовало новому подъему демократического движения и новому объединению оппозиционных сил — крестьянства, городских низов, всадников и все более сближавшейся с ними некоторой части второстепенного нобилитета. Однако, умудренные неудачей конституционной тактики Гракхов и побуждаемые растущим озлоблением против распущенности и произвола оптиматов, популяры склонялись теперь уже к более решительным и насильственным выступлениям: искали сильного и способного военного человека из своей среды, который бы ликвидировал военные неудачи и опасности, а затем теми же решительными военными методами, при необходимости — даже средствами прямого военного переворота провел бы и необходимые реформы внутреннего характера.

Подходящим человеком оказался народный трибун 119 г. Гай Марий, сын всадника, а по другим известиям — даже крестьянина из городка Арпина в Лациуме. Грубоватый и малообразованный, он отличался подкупающей народ солдатской простотой жизни и обращения с людьми, природными дарованиями и смелым демократизмом. Особенно понравилось его решительное выступление в сенате, когда Марий, используя свои права трибуна, приказал арестовать главу сената (принцепса) Кв. Цецилия Метелла за злобные возражения против предложенного Марием закона о реформе судов и пригрозил арестовать также «за оскорбление трибуна» попытавшегося поддержать Метелла самого консула Котту. Скоро Марий сделался народным кумиром; из объединившихся вокруг него всадников, ремесленников и крестьян образовалась целая партия «марианцев», которая выдвигала его на всех выборах и проводила этого «безродного человека» на все высшие магистратуры. После выполнения должности претора Марий был пропретором в Испании, где проявил блестящие военные способности и в то же время умение ладить с солдатами, с которыми жил запросто в общих палатках и питался у общего котла: правда, несмотря на этот «демократизм», он не преминул составить себе значительное состояние. Затем он был легатом Метелла в Нумидии, а на 107 г. был выбран в консулы с прямым поручением закончить войну с Югуртой; начиная с этого года, он,

благодаря все растущей своей популярности, шесть лет подряд выбирался консулом, чего еще никогда не бывало в Риме. Начался шестилетний период преобладания в Риме демократов-марианцев, крепко сплотившихся вокруг своего нового вождя.

Марий, поддержанный множеством вступивших в его армию добровольцев, в шесть месяцев, к осени 106 г., закончил двумя крупными сражениями войну с Югуртой, которую правительство оптиматов затянуло на целые шесть лет. Еще через полгода, к весне 105 г., квестору Мария Л. Корнелию Сулле удалось смелым рейдом в тыл врага захватить и самого Югурту, слишком доверчиво появившегося на территории своего родственника, мавританского царя Бокха, уже тайно изменившего ему и предавшегося римлянам. Югурта был привезен в Рим, проведен во всех своих царских регалиях в триумфальной процессии Мария и казнен у подножия Капитолия.

В 104 г. Марий принял на себя главное командование в войне с кимврами и тевтонами: в ней особенно заинтересованы были демократические элементы Рима, так как под угрозой стояли наиболее ценные для демократии провинции, в особенности Цизальпинская Галлия с ее земледельческими колониями, да и сам Рим был в состоянии паники. Поэтому Марий с особой серьезностью два года готовился к войне.

На эти годы приходится и его известная военная реформа, давно уже намечавшаяся (как явствует из деятельности Гракхов) самой демократической партией. Она имела двойную задачу: с одной стороны, дальнейшее облегчение для крестьянства тяжести военной службы, с другой стороны, придание армии большей боеспособности путем различных технических нововведений. В первом отношении характерно введение твердой системы жалованья для военнослужащих, в дополнение к закону Гая Гракха о снабжении их оружием и продовольствием за счет государства. Рядовой пехотинец стал получать теперь по 1200 ассов в год, центурион вдвое больше — 2400 ассов, всадник втрое больше —3600 ассов. Вместе с тем другим способом, менее отягощавшим крестьянство, стал производиться и набор. Так как солдатская служба стала давать уже определенный заработок, то все большую роль начинал играть принцип добровольного найма: в первую очередь, при формировании частей принимались добровольцы, разные неимущие и безработные элементы из среды преимущественно городского пролетариата, обильно предлагавшие свои услуги, и лишь недобор, если такой оказывался, пополнялся путем принудительного набора, что в дальнейшем случалось все реже и реже. Таким образом, прежнее народное ополчение, типичное для натурально-хозяйственной ступени быта, превращалось постепенно в наемную профессиональную армию, правда, еще не постоянную. В техническом отношении тоже были проведены крупные изменения: так как приходилось иметь дело с большими массами врагов, то прежние боевые единицы — манипулы — стали объединяться по-трое

в более крупные соединения, когорты. Каждый легион состоял, таким образом, из 10 когорт, 30 манипул, 60 центурий, и структура его приобрела большую правильность и четкость. Усилена была его материальная часть и техническое вооружение: увеличено количество военных машин, отрядов «военных мастеров» и пр.

Однако реформа эта имела и вредные социальные следствия: гражданское население еще больше ею разоружалось, отстранялось от военного дела, отучалось от военных навыков, а рядом с этим появлялась вне этого гражданства стоявшая и даже его презиравшая грозная сила вооруженных и опытных в военном искусстве солдат-профессионалов: они обижались, когда их называли не «воинами» (milites), а «гражданами» (cives), не признавали никаких властей, кроме своих командиров, справляли свои воинские праздники, главной святыней для них было их легионное знамя — «священный орел» (aquila sancta). Это обособление армии от народа скажется позднее весьма болезненно на всем ходе демократического движения в Риме.

В 102 г., подготовив значительные военные силы, Марий приступил к решительной борьбе с кимврами и их союзниками. В большом двухдневном сражении при Водах Секстиевых (Aquae Sextiae), небольшой римской колонии к северу от Массилии, Марий разгромил орды союзных с кимврами галлов и гельветов (тевтонов), пытавшихся прорваться в северную Италию, а затем, переправив свои силы в Цизальпинскую Галлию, начал борьбу с проникшими сюда через альпийские проходы основными силами кимвров. Ожесточенное сражение у Верцелл (западнее Милана) закончилось полным уничтожением всего этого племени. Большая часть погибла, 60 тыс. взято в плен и продано в рабство вместе с 90 тыс. ранее попавших в плен тевтонов и других союзников кимвров. Из страха перед такой же расправой некоторые гельветские племена даже покинули Альпы и переселились добровольно дальше на север, за Юру и на Вогезы (101 г.).

Так как в том же 101 г. ближайшему соратнику Мария — консулу Манию Аквилию — удалось подавить и второе восстание рабов в Сицилии, то популярность Мария чрезвычайно возросла: его называли «спасителем Рима», «вторым Ромулом», от него ждали теперь смелых социальных реформ, способных переустроить на лучших началах всю народную жизнь. Особенно агитировал в этом направлении смелый и талантливый вождь крестьянской части демократической партии Л. Аппулей Сатурнин, дважды выбиравшийся трибуном (в 103 и 100 гг.) и уже неоднократно оказывавший Марию горячую поддержку на выборах. Аппулей Сатурнин, несомненно, по соглашению с Марием, уже провел ряд важных для демократии законов — о колониях в Нумидии, о понижении цен на хлеб, о преследовании провинциальных хищников и казнокрадов «за оскорбление величия римского народа». В 100 г. Аппулей Сатурнин внес разработанный им вместе с Марием широкий аграрный законопроект, представлявший дальнейшее развитие аграрного законодательства Гракхов. Предлагалось приступить к выводу многочисленных колоний в провинции и, прежде всего, в очищенную от кимвров и тевтонов Нарбонскую

Галлию, а затем также в Африку, Сицилию, Македонию. Колонисты должны были получить небывало большие участки земли — по 100 югеров на семью, причем в первую очередь кандидатами на такие наделы записывались солдаты — ветераны Мария, участники его войн, затем римские граждане и наконец даже союзники-италики. Чтобы предохранить новый закон от судьбы законодательства Гракхов, предлагалось обязать весь сенат клятвой обеспечить его выполнение. Законопроект был очень широк и сразу подводил к решению трех основных вопросов демократической программы — военного, аграрного и союзнического — и притом еще на почве четвертого, пожалуй, наиболее острого вопроса об использовании провинций.

Законопроект проходил в народном собрании при чрезвычайно напряженной обстановке. По отношению к нему разделились взгляды даже самих популяров. Его горячо поддерживали сельские жители, в особенности италики, служившие под командой Мария, которые впервые увидели себя уравненными в правах с римлянами. Они во множестве собирались в Рим, оповещенные особыми гонцами, разосланными Аппулеем Сатурнином. Наоборот, в самом Риме население, привыкшее к господству над Италией, относилось к законопроекту неодобрительно, «так как он направлен был на пользу италийцам». Между селянами-италиками и горожанами на форуме, по словам Аппиана, при голосовании закона произошло настоящее побоище (А п п и а н, Гражданские войны, I, 29).

Но, повидимому, главными врагами нового закона, кроме, конечно, оптиматов, являлись также и всадники: для их откупных и ростовщических операций в провинциях был совсем неудобен этот план использования «добычи римского народа» новым способом, а именно — путем широко проводимой колонизации и переселения сюда многих римских и италийских граждан.

Враждебное отношение всадников и их выход из демократического блока побудили и Мария, сильно разбогатевшего, женившегося на сестре видного римского аристократа Юлия Цезаря, изменить свою позицию. Правда, вместе с Аппулеем Сатурнином он настоял на изгнании из Рима самого крайнего и непримиримого вождя оптиматов Кв. Цецилия Метелла Нумидийского, так как последний демонстративно отказался дать клятву выполнять новый закон, но и сам Марий уже стал склоняться к компромиссу с оптиматами и сенатом. Таким поведением он лишь еще более способствовал расколу внутри демократической партии и возникновению в наиболее передовой и активной ее части недоверия к своему вождю.

Решающим моментом стали в ы б о р ы 1 0 0 г. В среде крестьян авторитет Мария настолько пал, что его кандидатуру уже не выдвинули; вместо него популяры стали проводить в консулы претора Г. Сервилия Главцию, блестящего оратора на народных сходках, одного из ближайших сторонников Сатурнина. В народ-

ные трибуны, кроме Аппулея, выбран был некто Л. Эквиций, бывший раб, выдававший себя за сына Тиберия Гракха. Нобили и всадники делали все возможное, чтобы сорвать эти радикальные кандидатуры, и выставляли своих людей, которых народ встречал дубинами. Кандидат оптиматов в консулы Меммий был даже убит. Избирательное побоище обратилось в настоящее вооруженное восстание, и Аппулею Сатурнину, Главцию, Гракху II и «сельчанам» при поддержке ветеранов Мария удалось даже овладеть Капитолием.

Но и оптиматы с всадниками решили идти до конца в своем сопротивлении. Сенат издал постановление, о б ъ я в л я в ш е е г о с у д а р с т в о в о п а с н о с т и и предлагавшее консулам-демократам Г. Марию и Валерию Флакку принять чрезвычайные меры, открыть арсеналы, вооружить всех «добрых граждан» и ликвидировать «мятеж». «Марий, как ему ни неприятно было это, должен был, правда, с проволочкой, собрать кое-какую вооруженную силу» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 32). За то, по свидетельству Цицерона, «весь сенат..., а за ним и всадники надели оружие, к ним присоединились все преторы, вся знатная молодежь» («Речь за Рабирия», VII), конечно, сопровождаемые своими клиентами, паразитами и вольноотпущенниками. Сановное ополчение ограничилось тем, что перерезало водопровод, доставлявший воду на Капитолий, а на штурм его были направлены наемные критские стрелки. Когда осажденные сдались, Марий не хотел казнить своих бывших сторонников и лишь запер их в здании сената. «Но народ, — пишет Аппиан, явно следуя здесь какому-то реакционному источнику, — считая все это только уловкой, разобрал черепицу с крыши здания и бросал ее в сторонников Аппулея, пока не убил его самого и заключенных с ним квестора Сауфея, трибуна Гракха II и претора Главцию, в то время как они еще были облечены знаками своей власти» («Гражданские войны», I, 32). Какой «народ» имеется здесь в виду, показывает судебное дело Рабирия, с защитой которого пришлось выступать через 37 лет Цицерону; всадника Рабирия демократы впоследствии обвинили в том, что он не только явился убийцей Аппулея, но и отрезанную голову его хвастливо демонстрировал на своих пирах.

Опять затихло на десятилетие народное движение после этой третьей расправы и новой гибели его вождей. Даже Марий, утративший значительную долю своей популярности за свою двойственную позицию, временно отказался от общественной деятельности и уехал на Восток под благовидным предлогом поклонения восточным святыням. Но это было затишье лишь перед еще более грозным взрывом, потрясшим на этот раз не только Рим, но и всю Италию. Это событие известно в истории Рима под именем Союзнической войны.

§ 3. Междоусобная (Союзническая) война в Италии и восстание восточных провинций. Обострявшаяся социальная борьба в Риме втягивала в себя все более и более широкие массы италийского

населения. Италики за время римского господства значительно уже романизовались. Среди них создались те же социальные расслоения, что в Риме, но сохранилась в значительно большей степени, в особенности в горных областях средней Италии, основная крестьянская земледельческая или скотоводческая масса. На италиков с особой силой ложились все тяготы военной службы в римской армии, бóльшая половина которой состояла из союзнических контингентов. Поэтому «италики считали для себя недостойным числиться подданными, вместо того чтобы участвовать в управлении», — пишет Аппиан («Гражданские войны», I, 34). Раздражение союзников определенно росло, что и заставляло вождей римской демократии Фульвия Флакка, Г. Гракха и Апулея Сатурнина настойчиво поднимать и «союзнический вопрос», т. е. вопрос о распространении прав римского гражданства и на италийских союзников.

Начиная с первых лет I в., италики и сами стали в этом отношении проявлять значительную активность. Одни из них действовали разными окольными путями, просачиваясь всякими способами в списки триб; другие, более решительные, уже подготовлялись к открытой борьбе. В 90-х годах возникло широко разветвленное тайное общество «Италия», организации которого поддерживали между собой связь гонцами, обменивались заложниками, собирали оружие и материальные средства для прямого восстания против Рима.

Последний повод и окончательный толчок к взрыву дало шумное демагогическое выступление в 91 г. трибуна-аристократа М. Ливия Друза Младшего, сына противника Гая Гракха. Он был представителем умеренной, склонной к уступкам части нобилитета и пытался поднять авторитет и популярность разлагающейся римской знати путем проведения ряда реформ компромиссного характера, которым придавался, однако, весьма заманчивый вид радикальной перестройки всего уклада тогдашней римской политической жизни. Для общего примирения и успокоения Ливий Друз, во-первых, предлагал большую реформу сената и судов. Сенат предполагалось составлять поровну из 300 нобилей и 300 всадников и из этого смешанного состава назначать и присяжных в суды, поручив им строго преследовать за взяточничество, вымогательство и другие должностные преступления. Затем, чтобы народную массу привлечь на сторону нового смешанного правительства, проектировалось понижение цен на раздаваемый хлеб и выведение ряда колоний в Италию и Сицилию. И наконец, предлагалось дать права римских граждан всем италийским союзникам, записав их, однако, в новые 10 триб, чтобы сохранить политический перевес за исконными римскими гражданами, из которых по-старому должны были составляться основные прежние 35 триб.

Все это было сведено в один общий законопроект, который должен был стать как бы основным законом, новой конституцией

Римского государства. Теоретически все было очень рационально слажено, но без учета реальных взаимоотношений, почему, как правильно отметил еще Аппиан, случилось обратное тому, на что Друз рассчитывал: «Только народ ликовал при мысли о выводе колоний..., всадники же и сенаторы сошлись в своей ненависти против Друза».

Наконец, даже среди италийских союзников высшие слои оказались встревоженными: «Они боялись, как бы у них немедленно не были отняты те общественные римские земли, которые еще не были поделены; сильно беспокоились они и о своих собственных землях» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 35—36), учитывая предстоящий вывод колоний. В общем возбуждением оказались охвачены все слои римского и италийского общества, и ни о каком примирении или компромиссе никто, кроме авторов законопроекта, не хотел и слышать. И Друз, подобно Гракхам, принужден был поневоле искать выхода в более решительных средствах. Он завязал связи с подпольными организациями италиков, выступал на их собраниях, обменивался с ними клятвами о взаимной поддержке. При громадном стечении народа законопроект Ливия Друза был принят народным собранием, но сенат кассировал это постановление на формальном основании, так как не соблюден был трехнедельный срок между внесением и голосованием и так как все предложения голосовались сразу и вместе. Когда же во время вызванного этим общего возбуждения Ливий Друз был заколот неизвестным убийцей на пороге своего дома, а сенат, желая взвалить ответственность за это на италиков, начал преследовать их тайные организации, последние нашли момент подходящим для начала открытого в о с с т а н и я против Рима.

Восстание началось в Аскулуме, главном городе Пиценума, где убит был римский претор Сервилий и его легат Фонтей, пытавшиеся ликвидировать один из центров италийской организации. Затем движение быстро перекинулось к соседним сабинским племенам (марсам, пелигнам), охватило весь горный Самниум, где, кроме самнитов, жило много переселенных из северной Италии галлов, почти всю Кампанию, Апулию, Луканию и Калабрию. Все эти племена жили еще воспоминаниями о кровавых годах борьбы за независимость, о жестоких римских расправах времени войны с Ганнибалом; но вместе с тем это все были районы, где сохранялись еще значительные массы крестьянского населения, которому уже начало серьезно угрожать продвижение латифундиального хозяйства. Поэтому в современной исторической литературе, иногда с основанием, это движение италиков называют также великим «крестьянским восстанием в Италии». К восставшим в большом количестве присоединились сельские рабочие и рабы, бежавшие из больших имений, и повстанцы создавали из них целые отряды. Римские колонии-крепости держались лишь до той поры, пока в них сохранялся римский командный состав; так, когда самнитским повстанцам удалось взять римские поселения в Кам-

пании — Нолу, Стабии, Минтурны, Салерн, — римские солдаты-поселенцы и рабы немедленно перешли на их сторону, а командиры из среды знати, не пожелавшие последовать их примеру, были истреблены. То же самое произошло и в Апулии, где действовал повстанческий отряд Г. Юдацилия. По существу, это было обращение в общеиталийское восстание нараставшего уже более полувека римского демократического движения, причем передовым ведущим элементом на этой фазе его становилось италийское крестьянство, но к нему все более и более примыкали низовые слои и самого римского общества, утратившие надежду после неудачных попыток Гракхов, Аппулея Сатурнина и Ливия Друза иными путями и способами добиться осуществления своих стремлений и желаний.

Восстание развернулось в ожесточенную междоусобную войну, которая в римской анналистике получила название Союзнической войны (bellum Sociale). Действительно, повстанцы организовали не только 100-тысячную регулярную армию, вооруженную по римскому образцу и подчиненную двум главнокомандующим, «императорам» — марсу Квинту Помпедию Силону и самниту Гаю Паппию Мутилу. Они создали и новое федеральное общеиталийское правительство; центром его был избран город Корфиниум в области пелигнов, где заседал сенат из депутатов от всех восставших племен и областей, где делами управления и суда ведали 12 преторов и где предполагалось собирать общеиталийское народное собрание. Здесь чеканилась новая общеиталийская монета с выразительным изображением вола (товарища и сотрудника земледельца), вонзившего свои рога в поверженную хищную римскую волчицу, и с надписью «Италия».

В первые полтора года войны (90 и 89 гг.) повстанцы имели явный перевес над высланными против них римскими армиями. Один из римских консулов, П. Рутилий Луп, потерпел жестокое поражение от марсов и сам погиб в бою. Остатки его армии были уничтожены самнитами. Потерпел поражение и другой консул, Луций Юлий Цезарь (см. Аппиан, Гражданские войны, I, 43—47). Грозила опасность самому городу Риму, так как бои шли на ближних к нему подступах, и спешно исправляли его ворота и укрепления. Положение на фронтах было столь напряженное, что после смерти Рутилия Лупа не могли выбрать на его место консула, так как второй консул, Луций Цезарь, не имел возможности прибыть в Рим даже на краткое время для проведения избирательных комиций.

Положение римского правительства особенно осложнилось в связи с начавшейся почти одновременно, в 89 г., тяжелой войной на востоке, приведшей к восстанию против Рима почти всех его восточных провинций. На берегах Черного моря, за пределами возможных римских посягательств, складывалось новое могущественное эллинистическое государство — Понт. Оно возникло в северной Каппадокии еще в IV в., но особого расцвета достигло

в правление Митридата VI Евпатора (114—63 гг. до н. э.), когда охватило почти все побережье Черного моря.

В него вошли М. Армения, Колхида, Боспорское царство, царем которого Митридат сделался после подавления восстания Савмака его полководцами Диофантом и Неоптолемом, Херсонес Таврический и Ольвия. Даже греческие города западного побережья — Истрия, Томы, Мессембрия, Аполлония — находились в зависимости от Митридата и чеканили монеты с его изображением. «Друзьями, готовыми для него на все, — говорил римским правителям в Малой Азии его посол Пелопид, — являются для него скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы и все народы, что живут по Танаису (Дону), Истру (Дунаю) и вокруг Меотийского озера (Азовского моря); царь Армении Тигран ему тесть, а парфянский царь Арсак — его друг» (Аппиан, Митридатика, 15; Аппиан посвятил истории Митридата особую XII книгу своей «Римской истории»; см. перевод ее в «Вестнике древней истории», 1940, № 4, стр. 239 и сл.).

У Митридата была армия почти в 300 тыс. воинов и флот в 400 боевых кораблей. Выведенный из терпения насилиями и интригами римских правителей и послов на востоке, натравлявших на него его соседей, в особенности царя Вифинии Никомеда, и используя затруднительное положение римлян в связи с восстанием в Италии, Митридат в 89 г. начал открытую войну с Римом. Его войска без особого труда разбили наспех собранные римские отряды, быстро заняли всю Вифинию и даже римскую провинцию Азию; его флот под начальством Архелая захватил проливы и острова Эгейского моря, кроме Родоса, большая его армия через Фракию и Македонию вторглась в Грецию.

Везде Митридата и его полководцев население, истомленное хищничеством и насилиями римской администрации, принимало как освободителей; Афины восстали даже до прибытия его войск. Желая еще больше привлечь на свою сторону симпатии, Митридат обратился в своего рода глашатая социального переворота: он объявлял в своих манифестах о своем намерении произвести в примкнувших к нему областях большие социальные реформы — ликвидировать долги, совершить передел земли, освободить рабов. По его приказу повсеместно организована была грандиозная резня римских чиновников, ростовщиков, купцов и их агентов. Убито было до 100 тыс. человек, имущество их поделено, а принадлежавшие им рабы объявлены свободными. Когда в руки Митридата попал главный римский уполномоченный по восточным делам Маний Аквилий, отличавшийся своим хищничеством и мздоимством, Митридат велел его казнить в своей новой столице Пергаме, влив ему в горло расплавленное золото. С восставшими италиками Митридат вступил в тесную связь и обещал вскоре прийти к ним на помощь.

Положение Рима стало совсем катастрофическим, когда в связи с восстанием в Италии и утратой богатейших восточных провинций обнаружился и исключительный по силе денежный кризис. Когда же вследствие этого римское правительство стало чеканить денарии, содержащие только $^1/_8$ надлежащего серебра, деньги совсем

исчезли из обращения. Кредиторы яростно требовали возвращения ссуд от своих должников и срочной уплаты процентов. Один из преторов, Азелион, попытался вмешаться в препирательства и драки между сторонами, но сам был убит толпой разъяренных заимодавцев.

Так, в начале 80-х годов I в. социальная борьба в Риме и Римской державе достигла, казалось, предельной степени. Город-хищник на Тибре и вся его хищническая система эксплуатации — и собственных низовых элементов, и Италии, и окружающих ее областей и стран — должны бы, по всей видимости, быть смыты общим взрывом неразрешимых антагонизмов, непреодолимым, казалось бы, потоком всеобщей ненависти и жажды мести.

И однако спаситель все же нашелся: им оказалась новая люмпенпролетарская римская армия и ее новые, тесно с ней связанные вожди — «императоры». С помощью этой новой военщины верхам рабовладельческого общества удалось создать ту плотину, которая, под именем «Римской империи», на несколько веков задержала окончательное крушение римского рабовладельческого строя.

ГЛАВА LV

НАЧАЛО ВОЕННО-РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ. Л. КОРНЕЛИЙ СУЛЛА «СЧАСТЛИВЫЙ ИМПЕРАТОР»

§ 1. Ликвидация восстания италийских союзников. Впервые во время Союзнической войны римскому правительству пришлось в широкой мере использовать новую систему военного набора, введенного Марием. Требовались громадные военные силы, по некоторым сведениям — не менее 18 легионов, а мобилизованные из крестьян войска были ненадежны вследствие несомненного сочувствия их делу повстанцев. Сам Марий неохотно участвовал в этой войне: как говорит Плутарх, «ему не удалось в ней совершить ничего замечательного» («Сулла», 6). В обширных размерах войска стали поэтому формировать из наемников и добровольцев: нанимали уже целые отряды варваров, галлов и нумидийцев, впервые вербовали вольноотпущенников. Но особенно много хлынуло теперь в армию городских люмпенпролетариев, привлеченных и жалованием и возможностью грабежа на законном основании. На оплату же своих наемников римское правительство при сложившихся условиях не скупилось: «Не имея денег, постановили продать то, что царь Нума Помпилий назначил как жертвенные дары богам», — сообщает Аппиан («Митридатика», 22), т. е. конфискованы были разные храмовые средства и ценности, с древности скоплявшиеся в ризницах римских святилищ. Римская армия впервые приобрела теперь профессиональный и антинародный состав, и этому стало соответствовать ее поведение во время этой междоусобной войны: италийские города разграблялись после взятия их дочиста,

как привыкли поступать с иноземными, жители их продавались в рабство. Собственная армия причиняла Италии не меньшие опустошения, чем карфагенские войска в страшные годы нашествия Ганнибала. Солдаты ценили только тех предводителей, которые не мешали им в таких мародерских подвигах и сами принимали в них участие.

Особенно прославился в этой междоусобной Союзнической войне бывший квестор Мария во время его африканского похода Л. Корнелий Сулла. Родом из разорившейся аристократической семьи, крайне честолюбивый, безнравственный и беспринципный, но умный и образованный, Сулла был типичным для разлагавшейся аристократии того времени политическим авантюристом, глубоко верившим в свою счастливую звезду.

Для того чтобы выйти из своего стеснённого материального положения и занять первенствующее положение в римском высшем обществе, он считал все для себя позволенным и не брезговал ничем. Он женился на престарелой, но богатой гетере, чтобы вскоре, после ее смерти, унаследовать ее большое состояние; много награбил во время своей службы в Африке, а затем в Азии, за что даже привлекался к суду. К политическим убеждениям он был безразличен: сперва принадлежал к демократической партии, затем нашел более полезным для себя перейти к ее противникам.

Будучи командиром одного из римских карательных отрядов во время подавления восстания италиков, он особенно заискивал перед солдатами, одаривал их деньгами и не взыскивал за грабежи, благодаря чему пользовался среди них особой любовью и популярностью.

С помощью войск и их предводителей такого типа удалось римскому правительству в 89 г. добиться перелома в военных действиях. Сулла, действуя в Кампании, уничтожил близ Нолы крупные силы повстанцев под командой одного из их лучших вождей Луция Клуенция; он перебил до 50 тыс. человек, среди которых был и сам Клуенций. Затем он ворвался в горный Самниум, разграбил и сжег Эклану, обнесенную сохранившимися с древности деревянными стенами, разбил главные силы самнитов и после жестокого боя овладел их сильно укрепленным главным городом Бовианумом, где заседал главный совет всех отпавших от Рима союзников. Гней Помпей Страбон, консул 89 г., другой солдатский любимец и кондотьер типа Суллы, привел к покорности Сабинскую область и Пиценум. Одновременно начальник третьего римского карательного отряда Метелл Пий покорил Апулию и Луканию, устраивая везде, по выражению Аппиана, «страшную резню».

Аппиан, чтобы передать напряженность борьбы, красочно изображает, как погиб при этом видный вождь восставших Гай Юдацилий. Когда Помпей осадил его родной город Аскулум, он сумел прорваться в него с своим отрядом. Но видя безнадежность положения, Юдацилий велел в главном храме этого города сложить громадный костер и снести на него все свое имущество. Затем он устроил последний пир с своими друзьями, во время которого принял яд, лег на приготовленное на костре ложе и приказал поджечь все это сооружение (Аппиан, Гражданские войны, I, 47).

Впрочем, победой над союзниками римское правительство обязано было также своей ловкой дипломатии, которая старалась всеми мерами внести рознь в среду восставших. Так, уже в 90 г. было широко оглашено, что Рим дарует права гражданства всем италикам, сохранившим ему верность и не примкнувшим к восстанию («закон Юлия»). Этим предупреждено было готовившееся восстание в Этрурии и в Умбрии, а вместе с тем усилена была внутренняя борьба и среди восставших, так как высшие слои италиков, всегда находившие себе опору в Риме, получили возможность усилить свою проримскую агитацию. С той же целью в 89 г. народными трибунами М. Плавцием Сильваном и Г. Папирием Карбоном проведен был закон («закон Плавция-Папирия»), предоставлявший римское гражданство всем сложившим оружие в двухмесячный срок, что еще более способствовало внутреннему разложению среди восставших. Правда, скоро обнаружилось, что пошедшие на такое соглашение были обмануты: их зачисляли, как то предлагал в свое время Ливий Друз, в 10 новых триб, которые голосовали последними, и потому политическое значение их первоначально было ничтожно. Тем не менее это привело к тому, что за исключением непримиримых самнитов (см. гл. XLV), луканцев и марсов остальные италики в 88 г. сложили оружие и вновь подчинились Риму.

Все же восстание союзников в значительной мере изменило весь облик и строй Италии. Древняя римско-италийская федерация, с господствующей в ней ролью Рима и бесконечным числом индивидуальных племенных, городских и всяких местных договоров, с крайней пестротой, благодаря этому, правового положения отдельных районов и поселений, превращалась теперь в единое Италийское государство, с равноправным, по крайней мере в гражданском отношении, положением почти всех ее свободных жителей. Все италийские города получили возможность превратиться в римского типа самоуправляющиеся муниципии, а сам Рим — в столицу смыкавшегося в такое единое целое Италийского государства.

§ 2. Первое выступление армии против гражданского правительства Рима и реакция в Риме в 88 г. до н. э. Умиротворение Италии позволило римскому правительству более энергично приняться за войну с Митридатом и приступить к подавлению восстания в восточных провинциях. Все освободившиеся от военных операций части стягивались к Ноле, в Кампанию, и из них формировалась крупная «Восточная армия» для отправки в Грецию и Азию. Очень значительную часть ее составляли отряды Суллы, особенно отличившиеся во время Союзнической войны. Командиром восточного похода назначен был Сулла, проведенный для этого сенатской партией в консулы на 88 г.

Однако восточный вопрос особенно сильно волновал римские и италийские торговые и предпринимательские круги, имевшие на востоке множество предприятий и вложившие очень крупные

средства в откупные, ростовщические и торговые операции, в особенности в провинции Азии после реорганизации ее управления Гракхами. Они не могли допустить, чтобы сторонник и ставленник оптиматов Суллы, при победе его над Митридатом, на правах главнокомандующего получил бы возможность отнять у них монополию в азиатских делах. Поэтому они стали настойчиво требовать, чтобы командование восточной армией было поручено их сторонику Марию. Таково же было и желание средних и низших слоев «новых граждан» — италиков, ненавидевших Суллу и его солдат за их зверства во время проведения усмирительных и карательных экспедиций против италийских повстанцев. Мало того, множество пострадавших и разоренных во время Союзнической войны италиков сами желали принять участие в этой обещавшей большую добычу войне на Востоке. О сокровищах Митридата рассказывали настоящие легенды. Здесь с особой ясностью обнаруживалось характерное для рабовладельческого строя паразитическое и хищническое лицо всякой античной «демократии»: она сама стремилась самым непосредственным и грубым способом принимать участие в эксплуатации покоренных стран и расхищении накопленных другими народами богатств.

В общем предстоявшая большая восточная война еще более оживила борьбу партий на форуме, причем демократическая партия теперь особенно выросла и усилилась благодаря включению в римское гражданство массы прежних «союзников». Преобладающей роли демократических элементов препятствовало только ограничение политических прав новых граждан записью их в отдельные 10 новых триб, голоса которых тонули в компактной массе 35 триб прежних, где консервативные элементы имели значительно более крепкую опору. Поэтому основным вопросом стал теперь в о п р о с о п о л н о м у р а в н е н и и в п р а в а х новых граждан со старыми и о распределении первых по основным римским трибам.

С таким законопроектом и выступил в 88 г. сторонник Мария, молодой и смелый трибун-демократ П у б л и й С у л ь п и ц и й Р у ф. Законопроект Сульпиция вместе с тем представлял собой конституционную реформу громадного значения: он изменял весь характер римского народного собрания, обращая его из чисто римского городского в общеиталийское с преобладанием в нем этих италийских элементов. Проходил он поэтому при небывалом еще в Риме возбуждении всех партий: на предварительных совещаниях и народных сходках, обсуждавших законопроект, в ход пускались дубины и камни, а оба консула, сторонники аристократии Суллы и Квинт Помпей Руф, чтобы задержать голосование, объявили все назначенные для решающего народного собрания дни неприсутственными и праздничными. Наконец, только когда разъяренная этим толпа сторонников законопроекта с кинжалами и ножами набросилась на самих консулов и им пришлось прекратить свою противозаконную оппозицию, закон Сульпиция был принят на-

родным собранием и бывшие союзники распределены по всем римским трибам. Немедленно после этого состоялось и второе постановление — видимо, уже народного собрания в новом составе, — о лишении Суллы командования в восточной войне и о назначении Мария главнокомандующим войсками, направляемыми против Митридата. Тем самым последнему предоставлялось и право набора новых воинских частей по его усмотрению, в чем особенно были заинтересованы бывшие повстанцы.

В общем все это представляло собой решающий политический переворот: Римское государство обращалось во всеиталийскую республику, и новое народное собрание в Риме, составленное в большинстве из италиков, сразу вступало в роль верховного правящего органа: оно отменяло распоряжения сената о назначении главнокомандующих, порывало с традицией передавать такие посты только консулам, выдвинуло на высший командный пост признанного главу демократической партии, вновь вернувшего себе прежнюю популярность Г. Мария. «Сенат больше не принадлежал самому себе, всецело повинуясь распоряжениям Мария и Сульпиция», — пишет Плутарх («Сулла», 9).

Естественно, что и противники демократии поняли все решающее значение момента и готовы были на самые крайние меры, чтобы предотвратить ликвидацию своего господства. Оба консула-аристократа, Сулла и Помпей Руф, отказались подчиниться решению народного собрания и скрылись из Рима. Сулла прямо направился к своим солдатам в Нолу и стал подбивать их на военный бунт. Он собирал солдатские сходки, говорил о «наглом поведении Мария и Сульпиция» и призывал солдат «освободить Рим от тиранов»; он указывал на выгодность похода против Митридата и на то, что его солдаты не будут участвовать «в этом выгодном предприятии, так как Марий наберет вместо них другое войско» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 57, повидимому, следуя мемуарам самого Суллы). В результате всей этой демагогии войска, собранные в Ноле, отказались подчиниться новому правительству. Они побили камнями военных трибунов, присланных из Рима, чтобы привести войска к новому главнокомандующему, и потребовали от Суллы смело вести их на Рим. «Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов; командиры войска, за исключением одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, бежали в Рим... Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и предоставляя себя всецело в его распоряжение» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 57). Никаких предложений о соглашении или примирении Сулла не принимал и, завладев всеми городскими воротами, начал по всем правилам военного искусства кольцевой штурм города. Демократов поддержало все население города, Марий послал глашатаев, обещая свободу рабам, и взбунтовавшаяся армия встретила в Риме отчаянное сопротивление.

П л у т а р х («Сулла», 9) так описывает страшный уличный бой, происходивший в Риме: «Многочисленное, но безоружное население осыпало сол-

дат с крыш градом черепиц и камней, задерживало их движение вперед, оттесняло обратно до самых городских стен. Но тут подоспел сам Сулла. При виде происходящего, с криком «жги дома!», схватил горящий факел и сам пошел впереди всех, приказывая стрелкам метать стрелы с огнем вверх по кровлям. Рассудок в нем умолк, и он, охваченный страстью, дал в своих поступках волю гневу до того, что видел лишь врагов, и, ни во что не ставя друзей, родных и близких, огнем без жалости прокладывал себе путь, а ведь огонь не разбирает правых и виноватых».

Наконец сопротивление наспех сформированных демократами дружин самообороны было сломлено, Сульпиций погиб, Марий и некоторые другие вожди демократов успели скрыться, и Рим оказался во власти Суллы и его солдат (88 г.).

Победа имела двойное значение. Во-первых, это была п о б е д а н о в о й а р м и и н а д г р а ж д а н с к и м п р а в и т е л ь с т в о м: армия ею показала, что она является не столько опорой и защитой, сколько хозяином Римского государства и что ее воля имеет несравненно большее значение, чем воля народного собрания, сената и других органов обычного государственного аппарата. Начался новый период социальной борьбы в древнем Риме, — она превратится в длительную и затяжную гражданскую войну «по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 58).

Во-вторых, это была п о б е д а с а м о й н е п р и м и р и м о й и к р а й н е й р е а к ц и и, торжество не останавливавшейся ни перед какими средствами верхушки старозаветного нобилитета. В лице Суллы и Помпея это она организовала дикий военный погром родного города, вместе с новыми гражданами-италиками искавшего путей к построению новых форм государства на более широкой и более народной базе. Поэтому первыми же мероприятиями консулов-победителей Суллы и Помпея был также разгром всех демократических организаций и ликвидация всех государственных органов, через которые могла проявляться народная воля. На следующий же день после взятия города было собрано «народное собрание», естественно, состоявшее из трепещущих еще от перепуга жителей, и под прямым давлением победителей его принудили принять новую конституцию, лишавшую народ всякого политического значения и власти. Законы Сульпиция отменялись, союзники вновь зачислялись в десять добавочных триб и возвращались к положению второстепенных граждан. Трибутные собрания, самые демократические, вообще запрещались, и сохранялись лишь комиции центуриатные, «как установил царь Сервий Туллий», т. е. цензовые, с преобладанием первого класса наиболее зажиточных граждан. Трибунская власть почти сводилась к нулю — трибуны лишались своего права вето, «так как оно придавало их власти тиранический характер». Наконец, верховным органом государства объявлялся сенат, в который вводилось сразу «300 наиболее знатных людей». Без предварительного обсуждения и одобрения этого вельможного сената запрещалось вносить какое-либо предложение даже в это изуродованное и бессильное центуриатное народное

собрание (А п п и а н, Гражданские войны, I, 59). Римская политическая жизнь отбрасывалась тем самым как бы на целые 400 лет назад.

Так первая попытка италийской новой объединившейся демократии перестроить Римское государство на общеиталийский лад кончилась жестоким крушением.

§ 3. Период правления радикальной демократии (Л. Корнелий Цинна). Торжество аристократической реакции было очень непродолжительным. В скором времени Сулла с своей армией должен был покинуть Рим и выступить в поход на Восток, где восстание все шире распространялось. Население же Рима ненавидело и Суллу, и созданный им режим: его кандидаты в консулы на 87 г. были отвергнуты, и выбраны были совсем нежелательные для него лица — весьма податливый оптимат Гней Октавий и прямой сторонник Мария и Сульпиция — Л. Корнелий Цинна. «Это были такие лица, избранием которых народ рассчитывал особенно уязвить Суллу», — говорит Плутарх («Сулла», 10).

Немедленно сделана была попытка возбудить судебное преследование против Суллы и восстановить законы Сульпиция. Когда же она была сорвана диким избиением народа оптиматами-суллацами и их вооруженными приспешниками, так что, по словам очевидца Цицерона, «по всему форуму валялись груды трупов и стояли лужи крови наших граждан» (погибло до 10 тыс. человек), консул-демократ Корнелий Цинна вместе с 6 народными трибунами покинул Рим и приступил к созданию демократической армии для борьбы с сулланскими насильниками. «Союзные [италийские] города собирали для него войска и деньги, к нему присоединилось много влиятельных лиц из Рима, которым не нравился установившийся там режим» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 66). В его армию собрались все уцелевшие вожди демократов — Г. Миллоний, Квинт Серторий, Гай Марий Младший — сын Мария, его племянник М. Марий Гратидиан. В Этрурии формировал одновременно вторую народную армию вернувшийся из Африки, где он скрывался, Гай Марий Старший, к которому охотно примыкали жители этрусских городов и сел, «пастухи и земледельцы» (П л у т а р х, Марий, 11).

Демократическая программа этого времени приобрела особенно радикальный характер: вожди популяров не только провозглашали основным лозунгом народной партии полное уравнение в правах всех италиков, но готовы были на освобождение и включение в состав римского гражданства также большого количества примкнувших к ним рабов, конечно, вовсе не намереваясь ликвидировать рабство как таковое.

Так, Марий в Этрурии при наборе своего войска вооружал целые «казармы сельских рабов»; Цинна призывал рабов на помощь уже во время избиения римских граждан оптиматами в 87 г., за что сенат постановил даже лишить его консульского звания. Когда объединившиеся армии Цинны и Мария окружили Рим и

отрезали к нему подвоз съестных припасов, «Цинна послал в Рим глашатаев и обещал даровать свободу тем рабам, которые перебегут на его сторону; тотчас же перебежало большое количество рабов» (Аппиан, I, 69).

Народная партия в это время приобрела особо демократический состав: пастухи, сельскохозяйственные батраки, низовые элементы населения союзных городов и Рима, а также жители тех областей Италии (как Самниум), где господствовало мелкое крестьянское трудовое хозяйство, составляли ее основную массу. В рабовладении эти слои народа были мало заинтересованы, по угнетенному и униженному своему положению они были близки к рабам и потому вполне могли относиться к ним как к желательным для себя союзникам, что должно было отразиться и на поведении вождей партии, хотя они и принадлежали к иным, более состоятельным кругам римского общества. В общем народное движение начинало приобретать столь острый и широкий характер, что стало уже даже пугать некоторую часть самих популяров.

Правительство крайних оптиматов, созданное Суллой, после слабых попыток защиты принуждено было сдаться, и в Риме вновь восстановлена была и прежняя конституция и демократическая власть[1]. Консулами на 86 г. выбраны были оба главных вождя народной партии Г. Марий в седьмой раз и Цинна—во второй, а когда старый Марий через месяц после избрания умер, его заменил на этом посту другой крупный деятель из той же партии — Л. Валерий Флакк. Сулла был объявлен врагом народа, дом его разрушен до основания, а имущество конфисковано. Врагами отечества объявлены были и его друзья из лагеря крайних реакционеров: их подвергали смертной казни, с конфискацией имущества и с разрушением их домов; головы их были выставлены у ораторской трибуны на форуме. Как, однако, ни старалась впоследствии римская реакционная историография изобразить отталкивающими чертами «зверства» победивших популяров в 87 г., «кровожадность» Мария и «тиранию» Цинны, она в состоянии была указать лишь какой-нибудь десяток имен пострадавших оптиматов, среди них и консула Октавия, допустившего избиение демократов на форуме, послужившее сигналом к гражданской войне. Однако по отношению к недавно освобожденным рабам, служившим в войске Цинны и пытавшимся теперь расправиться с своими бывшими хозяевами, вожди демократов оказались далеко не столь сдержанными. «Цинна неоднократно запрещал им делать это, но они его не слушались. Тогда Цинна в одну ночь, когда рабы спали, окружил их отрядом, состоящим из галлов, которые всех рабов и перебили», — рассказывает Аппиан («Гражданские войны», I, 74).

В этом обнаруживается подлинное рабовладельческое лицо этой древней радикальной демократии. Однако мероприятия ее в области политической были все же очень смелы. В течение пяти лет непрерывно, с 86 по 82 г., консулами

[1] Всегда в таких случаях следует иметь в виду, что речь идет лишь о рабовладельческой «демократии».

выбирались самые видные и смелые из демократических вождей, причем не считались ни с принципом одногодичности службы, ни с возрастным цензом — традициями, которыми так дорожил нобилитет. Так, Цинна избирался консулом три года подряд до самой своей смерти в 84 г., Гней Папирий Карбон тоже три раза, с годичным только перерывом: это было возвращением к системе длительного правления народного вождя, установленной Марием в 106—100 гг., и имело значение глубокого изменения в самом характере высшей римской магистратуры. С другой стороны, в 82 г. консулом вместе с Папирием Карбоном был выбран энергичный и молодой Гай Марий II, сын Мария Старшего, хотя ему было всего 27 лет и он не занимал еще никакой младшей магистратуры, что вызывало насмешки врагов этого нового свободного порядка замещения должностей, исходя только из качества соискателя. Консул 86 г. Л. Валерий Флакк, идя навстречу желаниям масс, провел закон о сложении $^3/_4$ всех долгов; закон касался и задолженности по квартирной плате, от чего особенно страдало неимущее население Рима. Обесцененная монета заменена была новой, полноценной, за что проводивший эту реформу претор М. Марий Гратидиан стал, по словам Цицерона, «самым дорогим человеком народным массам». Общественная земля отбиралась у богатых и широко распределялась среди старых и новых граждан. В 84 г. М. Юний Брут провел закон о выводе большой колонии в Капую.

Вся общественная жизнь населения Италии подверглась коренному переустройству согласно требованиям италиков, так как они стали составлять главную опору римской демократии. Цензоры-демократы Марций Филипп, известный тем, что еще в бытность трибуном предлагал аграрный закон, и Марк Перперна провели радикальный пересмотр состава старых римских триб и целыми племенами влили в них бывших союзников, получивших теперь полные политические права. Италийские города были реорганизованы по типу римских самоуправляющихся муниципиев с выборными муниципальными магистратами во главе, с сенатами из 100 членов и народными собраниями; в сельских районах общинными делами стали ведать тоже выборные старосты (декурионы). Наконец, собрана была новая «восточная» армия и под командой консула Валерия Флакка отправлена отвоевывать от Митридата провинцию Азию, со времени Гракхов находившуюся под прямым управлением римского народного собрания и народных трибунов. Армии Флакка удалось пройти через враждебно настроенные к Риму Эпир и Македонию, переправиться через Боспор и открыть военные действия против Митридата на самой азиатской территории. Никогда еще римское правительство, ставшее собственно уже всеиталийским, не действовало столь смело, энергично и плодотворно.

§ 4. Война с Митридатом. Первая гражданская война и диктатура Суллы. Но и противники римско-италийской демократии не дремали. Они во множестве теперь эмигрировали в армию

опального Суллы, действовавшего в Греции. Правда, положение Суллы и его солдат было очень тяжелое. Объявленный врагом родины Сулла не только не получал из Рима никаких пополнений, снаряжения и продовольствия, но Флакк имел приказ одновременно с Митридатом воевать и с Суллой и заставить последнего покориться римскому народному правительству. А между тем вся Греция была охвачена восстанием, в Пирее стоял флот Митридата под командой его лучшего полководца Архелая. На соединение с ним через Фракию, Македонию и Фессалию двигалась сухопутная понтийская армия, насчитывавшая более 100 тыс. воинов, с многочисленной кавалерией, боевыми колесницами и пр. Положение Суллы и его небольшой армии в пять легионов, покинутой и даже отвергнутой своим правительством, могло казаться безнадежным.

Однако здесь с особой силой и выявилась новая самостоятельная роль римской армии и ее предводителей. Сулла, его штаб и сбежавшиеся к нему реакционеры-изгнанники решили игнорировать римское правительство и обратить войну с Митридатом в свое частное военное предприятие.

Чтобы добыть необходимые деньги, они произвольными налогами обложили оставшиеся верными Риму области Греции — Фессалию и Этолию, ограбили знаменитые греческие святилища и храмы Олимпии и Дельф, забрав их заветные и неприкосновенные сокровища. Старинные художественные золотые и серебряные вещи разбивались на куски и переплавлялись в монету, на которой вместо эмблемы Рима, головы богини Ромы, изображался портрет Суллы с надписью вокруг него: «Сулла консул». Щедрой рукой он одарял из этих громадных средств солдат, и последние величали его «Сулла Счастливый император». Таким путем Сулла и его сторонники сумели привлечь в свое войско множество греческих наемников, которым решительно все равно было, за кого сражаться, лишь была бы пожива. Нуждаясь во флоте, Сулла послал в восточную часть Средиземноморья своего помощника Л. Лициния Лукулла нанимать на свою службу корабли критских, киликийских, финикийских пиратов, с которыми впоследствии и сам не мог справиться (Аппиан, Митридатика, 63).

С величайшей поспешностью и упорством Сулла вел осаду центров восстания в Греции — Афин и Пирея, пока не подоспели еще понтийские войска с севера. Когда, наконец, истомленные голодом Афины были взяты штурмом, «началось ужасное и безжалостное избиение... пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам, Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать» (Аппиан, Митридатика, 38). Знаменитый город, полный художественных сокровищ, был отдан на разграбление войску. То же произошло с Пиреем: здесь все было сожжено и разрушено. Затем в двух больших битвах в Беотии — при Херонее и Орхомене — Сулла с своим значительно увеличившимся в числе войском (у него уже было до 20 легионов) разбил две большие понтийские армии и тем очистил всю Грецию от войск Митридата. Пройдя вдоль берега Фракии, Сулла переправился в Азию и мог бы нанести весьма ослабленному к этому времени Митридату сокрушительный удар.

Но теперь Суллу и его сподвижников из реакционного лагеря интересовал уже не Митридат, а успехи римской демократической армии в Азии и положение в самом Риме. Эта вторая римская армия уже взяла новую столицу Митридата Пергам и заставила Митридата бежать на остров Лесбос, в Митилену. Почти вся провинция Азия уже вернулась под власть римского народного правительства, что вызывало крайнюю тревогу в кругах реакционеров. Поэтому Сулла не постеснялся пойти на настоящую государственную измену: он подкупил главного царского полководца Архелая и при его посредничестве заключил в 85 г. в Дардане на Геллеспонте компромиссный мирный договор с Митридатом. Последний обязался лишь вернуться к положению 89 г., очистить западную часть Малой Азии, выдать часть флота и заплатить небольшую контрибуцию в 2 тыс. талантов, зато он в полной неприкосновенности сохранял все свое Понтийское царство и даже получал титул «друга и союзника римского народа». Заключив, без всяких на то полномочий, этот унизительный для Рима договор с его заклятым врагом, Сулла начал свою вторую войну с римским демократическим правительством и своим собственным народом.

Он начал с того, что напал на римскую армию, действовавшую в Азии, и окружил ее в окрестностях Пергама. В этой армии давно уже были большие раздоры: ее командир, консул Валерий Флакк, хотя и горячий демократ, но не желавший перед лицом общего врага вступать в братоубийственную войну с Суллой, был убит подчиненными ему командирами, и начальником ее стал некий Фимбрия, не имевший на то прямых полномочий и мало авторитетный среди солдат. В результате при встрече обоих армий войска Фимбрии отказались сражаться, и он покончил самоубийством, после чего все его войско полностью присоединилось к Сулле. Тем самым провинция Азия была вновь потеряна для демократического правительства Рима, ее хозяином стал Сулла и образовавшийся при нем из реакционеров-изгнанников самозванный сенат (Плутарх, Сулла, 22).

Богатая страна подверглась разорительному постою сулланских солдат и неслыханному разграблению: она должна была заплатить невзысканные налоги за пять лет войны и контрибуцию в 20 тыс. талантов, т. е. в десять раз большую, чем Митридат. Недоимки по уплате контрибуции выбивались с помощью посылки военных команд. Так как «солдаты нажимали, применяя насилие, — пишет Аппиан («Митридатика», 63), то города, не имея средств и занимая под огромные проценты, стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимназии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние. Так были собраны и доставлены Сулле деньги, и несчастьями была исполнена Азия до предела».

В 83 г. с своей армией и громадным флотом в 1600 кораблей через Пирей и Диррахий Сулла двинулся в Италию. «Сулла шел на Рим, питая жесточайшую, хотя и скрываемую вражду против своих врагов», — пишет Аппиан («Гражданские войны», I, 81). Поэтому при известии о высадке его с 40-тысячным войском в Брун-

дизии вся Италия в страхе поднялась и объединилась вокруг римского демократического правительства. «Как бывает всегда во время крайней опасности, была проявлена тут большая энергия и огромное рвение»: в короткий срок была собрана громадная армия самообороны — по одним известиям, в 200, по другим, даже в 400 когорт (20—40 легионов), во главе которой, по словам самого же Суллы, стояло 15 полководцев. Сулле и его закаленным в боях войскам пришлось полтора года вести ожесточеннейшую борьбу во всех частях Италии, чтобы сломить это всенародное сопротивление (Аппиан, Гражданские войны, I, 82).

Победа Суллы и его сторонников в этой ожесточеннейшей гражданской войне 83—82 гг. объясняется рядом общих, благоприятных для его партии в тогдашних условиях обстоятельств. Так, немедленно после высадки в Брундизии небольшая первоначально армия Суллы стала пополняться слетевшимися к нему со всех сторон римскими магнатами с собранными на их частные средства отрядами.

К нему примкнул с своими войсками Метелл Пий, один из самых свирепых усмирителей во время Союзнической войны, перебежали на его сторону вожди правого крыла популяров — Цетег и Альбинован. Особенно бурно устремлялась к нему аристократическая молодежь: представитель самой богатой семьи во всей Италии молодой Марк Лициний Красс, отец и брат которого были казнены демократами, привел к нему отряд наемников из Испании; молодой Гней Помпей, имевший в Пицену большие латифундии, явился к Сулле во главе целого легиона, набранного из зависимых от него людей, а потом набрал еще целых два новых. Благодаря этой поддержке италийских высших кругов казна Суллы была намного богаче казны демократического правительства Рима, опустошенной многолетними смутами. Это свое преимущество Сулла искусно использовал для разложения пестрого, но плохо слаженного и малонадежного в военном отношении ополчения демократов. Воины последнего не желали идти в далекие походы, предпочитая защищать лишь свои родные места.

Когда еще до высадки Суллы в Италии Цинна попытался встретить его наступающие войска в Иллирии (Либурнии), часть солдат подняла бунт при посадке на корабли в Анконе и камнями побила этого замечательного по своей энергии и смелости демократического вождя (есть, однако, данные, что убийство Цинны было инспирировано сторонниками Суллы). Очень неудачно сражались войска демократов и в Южной Италии: Сулле с очень небольшими потерями удалось в самом начале войны разбить здесь главные силы демократов под начальством консула Норбана, а армию другого консула, Мария Младшего, запереть в городе Пренесте, откуда она и не могла вырваться до самого конца войны. В результате этого уже в 83 г. Сулла получил возможность овладеть почти всей Южной Италией, занять Рим и оттеснить своих противников на север Италии, где долго, упорно и самоотверженно сражался с ним преемник Цинны, «душа враждебной партии», консул 82 г. Папирий Карбон. Сулла действовал не только силой, но и хитростью, вступая в фиктивные переговоры с вождями демократов, а тем временем переманивая их войско на свою сторону.

«Говорят, это дало повод Карбону заметить, что, сражаясь с лисой и львом, жившими в душе Суллы, он самые крупные неприятности получал от лисы» (П л у т а р х, Сулла, 28).

Наиболее стойко за дело демократии сражались самниты, хорошо понимая, что им, как главным участникам Союзнической войны 91—88 гг. и отъявленным сторонникам нового строя Италии, от Суллы и римских реакционеров не будет пощады. Когда большой их армии под предводительством прославившегося в Союзническую войну вождя Понтия Телезина не удалось выручить осажденного в Пренесте Мария Младшего, она смелым движением направилась прямо на освобождение уже занятого Суллой Рима. У самых Коллинских ворот его произошла необычайно кровавая и жестокая битва, во время которой потерпел поражение сам Сулла, но молодой его сторонник М. Лициний Красс внезапным ударом во фланг и тыл прорвавшихся самнитов сумел выручить своего полководца и закончить сражение полным их истреблением. Даже сдавшиеся в плен были загнаны в числе около 6—8 тыс. в римский цирк и там вырезаны все до единого. После этого произведено было такое опустошение всего Самниума, что еще через столетие он представлял собой пустыню.

Наконец, в 82 г., эта страшная гражданская война закончилась. Пренесте сдался, Марий Младший был убит, Карбон и Норбан погибли в изгнании, демократическое правительство прекратило свое существование. Начался т е р р о р и с т и ч е с к и й р е ж и м победившей военщины и вступивших с ней в тесный союз римских непримиримых реакционеров. Резня, ими организованная, превзошла все самые страшные ожидания. «Город наполнился убийствами без счета и конца», — пишет Плутарх («Сулла», 31). Сулла открыто заявил на созванном им собрании трепещущих от ужаса римлян, что «по отношению к своим врагам он не будет знать никакой пощады вплоть до причинения им самых крайних бедствий» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 95). Один за другим он составлял и вывешивал к общему сведению списки — «проскрипции» — лиц, подлежащих уничтожению на месте, где их заметят, щедро вознаграждал добровольных убийц и палачей и жестоко наказывал всех, оказывавших какую-нибудь помощь опальным. В эти списки попадали лишь видные лица из сторонников популяров — около 100 сенаторов и до 1600 всадников, но, по словам Плутарха, «это была лишь капля в море среди пострадавших». По всей Италии ходили воинские команды и истребляли поголовно жителей городов, замеченных в приверженности свергнутому демократическому правительству; казнью всего населения Пренесте лично руководил сам Сулла. Проскрипционные списки посылались и в провинции, например, в Африку, где посланный для того Помпей производил такую же охоту на бежавших сюда демократов и резню их.

Избиение демократов сопровождалось также массовыми конфискациями их имущества и земель целых городов. Конфискованное продавалось за бесценок на аукционах, раздаривалось Суллой фавориткам, певцам и актерам, расхищалось его офицерами. Особенно обогатился М. Лициний Красс, составивший себе на всяких спекуляциях, связанных с этим, колоссальное состояние,

сделавшее его первым богачом в Риме. Много добычи, кроме приобретенной насилиями и мародерством, получили и солдаты 23 легионов Суллы: из захваченной земли Сулла в вознаграждение за их труды и верность нарезал им 120 тыс. земельных наделов. Замечательно, что Сулла тоже освободил 10 тыс. рабов, конфискованных у своих врагов, зачислил их в римское гражданство и, дав им всем имя Корнелиев, сделал своими клиентами; некоторые из его вольноотпущенников, как, например, Корнелий Хризогон, стали его наиболее доверенными приближенными, настоящими временщиками, перед насилиями которых безоружны были римские власти (см. Цицерон, Речь за Росция Америйского).

Планомерно организованный погром всей демократической Италии Сулла увенчал новой конституцией 82 г., еще более, чем конституция 88 г., заостренной против всякого демократического движения. По предложению одного из его приспешников, Валерия Флакка («закон Валерия»), Сулла был назначен бессрочным диктатором с неограниченной властью, с правом изменять основные законы, казнить любого римского гражданина, конфисковать любое имущество и распоряжаться им по усмотрению, свергать и назначать союзных царей.

Он сам стал именовать себя в своих посланиях в восточные провинции «самодержцем» (автократором), а в Риме на форуме ему поставлена была позолоченная конная статуя с надписью: «Корнелий Сулла Счастливый император». «Так римляне, — пишет Аппиан, — снова испробовали царскую власть». «Перед Суллой как перед диктатором стали носить 24 секиры, столько же, сколько носимо было и перед прежними царями» («Гражданские войны», I, 99—100). Перед этой непомерной властью, которую греческие авторы (Аппиан, Плутарх) прямо называют «тиранией», бессильны были все республиканские органы и магистратуры — «не было и речи о каких-либо законах, голосованиях и выборах, все от страха дрожали, попрятались и безмолвствовали», — пишет Аппиан (там же, I, 97). Сенат переполнен был креатурами Суллы (он ввел в него 300 новых членов из числа своих сторонников), для видимости существовали и консулы. Но когда один из заслуженных сулланских офицеров, Кв. Лукреций Офелла, попытался выдвинуть свою кандидатуру против воли Суллы, последний убил его на самом форуме. Народные собрания (центуриатные) созывались лишь для этой фикции выборов да для того, чтобы дать возможность Сулле выступать с поучающими речами, что «если его будут слушаться, он улучшит положение народа», или для сообщения такого рода: «Я убил Лукреция, так как он меня не слушался..., и я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня» (Аппиан, Гражданские войны, I, 101).

С особой враждебностью введенный Суллой режим относился к органам и учреждениям, составлявшим главные завоевания демократии: трибутные комиции были ликвидированы, трибунат опять полностью обезоружен, и, чтобы дискредитировать эту должность, было установлено, что лица, ее занимавшие, лишаются права избираться на какие-либо иные магистратуры; суды отняты от всадников и возвращены сенату, всякие раздачи народу хлеба, земли и т. д. отменены.

В общем все это представляло такой страшный удар римскому и италийскому демократическому движению, что оно уже больше

не могло полностью от него оправиться. Планы и перспективы обращения Италии в демократическую республику, которые развивали римские радикальные популяры 80-х годов, были окончательно погребены, и на место их стал вырисовываться новый путь — организация военно-полицейской рабовладельческой диктатуры. Методами безудержного террора она закрепит устои старого, уже явным тлением отдававшего аристократическо-рабовладельческого строя и на целые столетия задержит окончательное разложение рабовладельческой формации.

ГЛАВА LVI

КРУШЕНИЕ РИМСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ

§ 1. Десятилетие господства сулланцев (70-е годы). В современной западноевропейской, в особенности в фашистской историографии очень модным является восхваление Суллы: его изображают «спасителем республики от изуверства демагогов». Его осуждают лишь за то, что он «упустил возможность» закрепить монархический строй в Риме и, по выражению Аппиана, «сам добровольно сложил с себя свою большую власть, хотя никто его к этому не побуждал».

Действительно, желая на склоне своих лет пользоваться полным досугом и чувствуя себя в полной безопасности среди трепещущего перед ним общества, Сулла сложил с себя в 79 г. формально обязанности диктатора. Однако фактически он не отказывался и теперь от всех присущих этой должности прав.

Живя в своей роскошной сельской усадьбе, где он «убивал время в попойках и пирах, причудах роскоши и бурного веселья» (Плутарх, Сулла, 35), он составлял законы для окрестных городов, а неугодных ему магистратов через гонцов вызывал в свою резиденцию и приказывал своим слугам их казнить. Когда он умер в 78 г. от какой-то странной, повидимому, на востоке приобретенной болезни, его похоронили на Марсовом поле, как царя, несли секиры и знамена, 2 тыс. золотых венков, которыми он был украшен; все жрецы и весь сенат участвовали в траурной процессии, со всей Италии собрались его войска с своими позолоченными знаменами и в посеребренном вооружении. «И не меньше, чем при его жизни, боялись и его войска и его трупа», — заключает Аппиан свою яркую картину этих первых императорских похорон в Риме.

Со смертью Суллы новый реакционный военно-диктаторский режим Рима оказался без увенчивающей его вершины и потому в состоянии крайней неустойчивости и бессилия. И в то же время, против всяких ожиданий и желаний сановных вдохновителей сулланского переворота, связанные с ним события повели к необычайным успехам всяких предпринимательских и спекулянтских кругов. Римские всадники и публиканы — откупщики, ростовщики, поставщики на армии, перекупщики и подрядчики не только быстро сумели возместить себе все убытки, связанные с кризисом конца 90-х годов, но и страшно разбогатели на всех народных несчастьях темного периода всяких беззаконий, насилий и

разорений 80—70-х годов. Широкое поле для их деятельности открылось вновь в возвращенных восточных провинциях, изнывавших от непосильного бремени разных контрибуций и денежных штрафов (см. стр. 608), от поставок на громадные армии, от непрерывных аукционов, на которых наспех и по баснословно низким ценам распродавались конфискованные земли, дома и прочее имущество опальных. Эти «почтеннейшие люди», как их именует обычно Цицерон, презирали кучку крайних реакционеров, тянувших всю римскую жизнь к затхлой старине, мечтали об ином, более отвечающем их хозяйственным и жизненным приемам, энергичном и воинственном правительстве. Их манили Египет, Сирия, области по Евфрату, открывавшие пути в сказочные страны Индии и серов (Китай), Армения и Кавказ. Они желали новой войны с Митридатом, которая открыла бы им на все это широкие возможности.

В этом отношении они сходились с многими ближайшими военными учениками и сотрудниками Суллы, которые еще при жизни диктатора не одобряли его чрезмерно тесной связи с крайними реакционерами. Таковы были его молодые легаты-добровольцы Гней Помпей, прозванный им за свои военные способности Великим, и соперник последнего Марк Лициний Красс, по прозвищу Богач.

Богатейший землевладелец и смелый кондотьер, Помпей, несмотря на свою молодость, получавший от Суллы самые ответственные поручения, был вместе с тем и крупнейшим ростовщиком, вкладывавшим свое громадное состояние также в выгодные финансовые операции как в Италии, так и в провинциях. Крассу Сулла был обязан своей победой в битве у Коллинских ворот, но еще более прославился Красс своими темными спекуляциями во время суллапских проскрипций и конфискаций, на которых он нажил миллионы. В нем расчетливый делец преобладал над военным авантюристом. Он скупал за бесценок имущества большой ценности или даже насильем и угрозами принуждал отдавать их себе в дар. Во время частых в Риме пожаров Красс являлся с собственной пожарной командой, составленной из рабов, и задешево скупал у перепуганных хозяев горящие и смежные с ними здания, которые затем приводились вновь в порядок его рабами-архитекторами. «Таким-то образом большая часть Рима стала его собственностью». «Было у него и великое множество серебряных рудников, ценных земель, обеспеченных рабочей силой, и, однако, все это можно было считать ничтожным по сравнению с стоимостью его рабов — столькими владел он, да притом такими, как писцы, счетоводы, домоуправители, дворецкие. За обучением их он следил сам, внимательно надзирая и давая указания и вообще считая, что господину прежде всего следует думать о рабах, как о живых орудиях хозяйства». Вместе с тем Красс стремился к популярности, «был очень силен в умении побеждать людей лестью», — давал иногда деньги в долг без процентов, на обеды свои приглашал людей из низших классов, охотно и умело выступал защитником на судах (Плутарх, Красс, 2—3).

Помпей, Красс и подобный им, но менее известный Эмилий Лепид уже при жизни Суллы представляли собой оппозиционную группу в сулланском лагере, а в 70-х годах все теснее сходились с публиканами и всадниками в общем осуждении правительственного бессилия. Эмилий Лепид даже прямо перешел в партию

демократов и открыто стал поносить и Суллу и весь установленный им режим. В 77 г. он возглавил открытый мятеж, хотя и занимал должность консула в том же самом послесулланском правительстве. Захватив свои награбленные во время проскрипций громадные богатства и значительную часть правительственной казны, он ушел на север Италии, где ярый демократ М а р к Ю н и й Б р у т в это время поднял восстание крестьян Цизальпинской Галлии. В союзе с последним, овладевшим уже большей частью городов в Паданской равнине, Лепид поднял всю Этрурию, в которой было множество пострадавших от сулланских земельных конфискаций, и с большим войском двинулся на Рим. Его коллеге, другому консулу Катулу, с трудом удалось его остановить и отбросить от города только в сражении, которое произошло на самом Марсовом поле. Против же Брута пришлось отправить Гнея Помпея с его собственными легионами. Движение было настолько серьезно, что только после взятия Помпеем Мутины и казни здесь Брута, Катулу и Помпею лишь совместными силами удалось справиться и с взбунтовавшимся сулланцем Лепидом. Причем и после поражения в Этрурии большая часть его армии смогла беспрепятственно эвакуироваться сперва в Сардинию, а затем в Испанию, где к этому времени собралось особенно большое количество опальных эмигрантов-демократов.

Весь недовольный сулланцами Рим теперь с надеждой взирал на Испанию. Здесь уцелевшим вождям римской демократии удалось создать себе крепкий оплот благодаря тому, что они сумели войти в контакт с народно-освободительным провинциальным движением. В Испании образовался эмигрантский сенат, выбирались преторы и квесторы («все по законам отечества»), создано было из воинственных иберов по римскому образцу вооруженное и обученное войско под командой римских демократов-офицеров. Главой этого римско-иберийского демократического государства являлся друг и ближайший соратник Цинны — К в и н т С е р т о р и й, талантливый и смелый полководец, замечательный организатор и вместе с тем один из самых передовых людей во всей римской истории. Будучи назначен пропретором в Испанию еще при Цинне, он сумел удержаться здесь после сулланского погрома благодаря своему совсем необычному для римских наместников обращению с провинциальным населением и даже привлечь его на сторону римской демократической партии.

«Он привлек к себе иберийских старшин ласковым обхождением, а простой народ — уменьшением налогов. Главным же образом он снискал любовь к себе освобождением жителей от постоев: он заставлял солдат строить зимние бараки в городских предместьях и сам первый жил в них». «Особенно он расположил к себе иберийцев своими заботами о детях. Он собрал детей из лучших семейств различных племен, отправил в большой город Оску и дал им учителей для преподавания греческих и римских наук. Отцы с большим удовольствием смотрели, как их дети чинно шли в школу в тогах с пурпурной каймой, как Серторий платил за них, часто справлялся об их успехах и раздавал награды лучшим ученикам, даря им золотые медальоны, которые

у римлян называются буллами» (П л у т а р х, Серторий, 7—14). Также действовали и его агенты, например, Марк Марий, посланный им в качестве военного инструктора к царю Митридату, с которым Серторий заключил договор и от которого получал корабли и деньги в обмен за посылаемые им в Азию сухопутные войска и опытных офицеров. Марий в Азии взял несколько городов, но «одни сделал самостоятельными, другие освободил от налогов, причем объявил, что этим они обязаны Серторию». Во всем этом можно видеть отзвук программы римской демократической партии эпохи ее наивысшего подъема, когда она так широко стала трактовать принцип равноправия и когда она, повидимому, создавала планы не только общеиталийской федерации, но и иного, более гуманного обращения с провинциями.

Поэтому вся Испания, вплоть до реки Ибера, добровольно поднялась на поддержку Сертория, и в Риме уже ожидали, что, по примеру Ганнибала, он двинется и на Италию. Римскому правительству пришлось восемь лет (79—71 гг.) вести упорную войну с Серторием, посылая в Испанию лучшие свои войска и лучших полководцев (Цецилия Метелла, Помпея), которые, однако, не раз терпели жестокие поражения. Только благодаря заговору среди темных элементов, проникших в штаб Сертория, и убийству ими этого выдающегося вождя демократии (72 г.), Помпею удалось наконец ликвидировать восстание в Испании. Большинство местного населения отказалось поддерживать Перперну, убийцу и самозванного преемника Сертория. Перперна был разбит наголову Помпеем в первой же битве и казнен, погибли и почти все демократы-эмигранты. Характерно, что Помпей велел сжечь архив Сертория, чтобы уничтожить все документы, устанавливавшие связи с ним многих очень видных деятелей Рима, «желавших изменения политического строя» (П л у т а р х, Серторий, 27).

Бессилие и беспомощность римского правительства были таковы, что вся война в Испании велась на частные средства и «частными армиями» Метелла и Помпея. Последний один раз прямо пригрозил бросить все это дело, если римское правительство будет продолжать не выполнять каких-то договоренных при подряде условий по снабжению. Еще более резко выраженный облик частного предприятия, и притом особенно крупного характера, получила возобновившаяся в о й н а н а в о с т о к е с вновь оправившимся Митридатом. Понимая, что Дарданский договор является лишь передышкой (он притом никогда не был и официально утвержден), Митридат делал широкие приготовления к новой, решающей войне — заготовлял лес, строил корабли, готовил оружие, собрал до 2 млн. медимнов хлеба на своих военных складах по побережью Черного моря.

В его распоряжении был большой флот греческих причерноморских городов, и с ним в союз вступили все варварские племена, жившие по обширной приморской дуге от Закавказья до Дуная и даже до Балканских гор — халибы, армяне, кавказские ахеи, гениохи и левкосиры, скифы и тавры на северном Причерноморье, фракийские племена, жившие по Дунаю и Балканам, и среди них многочисленные и воинственные бастарны. «И собралось у него всего боевых сил пехоты около 140 000, а всадников до 16 000, не считая следовавших за войском пестроевых носильщиков и купцов» (А п п и а н,

Митридатика, 69). В родстве и союзе с ним состоял могущественный армянский царь Тигран Великий, государство которого в это время включало в себя не только все Закавказье, но и Сирию, так что Тигран называл себя «царем царей» и хвалился, что четыре царя состоят в его свите. Наконец, поддержку Митридату обещал и не менее могущественный царь Парфии Фраат, с тревогой смотревший на все большее проникновение римских предпринимателей, купцов и ростовщиков в Азию.

Когда совершенно запутавшийся в долгах у публиканов вифинский царь Никомед, умирая, завещал Риму свое царство и римляне уже собирались вступить в владение им, чтобы обратить его в свою вторую азиатскую провинцию, Митридат вторгся в Вифинию и овладел ею раньше римлян (74 г.). Вся Вифиния восстала и с радостью присоединилась к нему, надеясь вздохнуть от нестерпимого гнета римских ростовщиков и спекулянтов. Придунайские фракийские племена вторглись в Македонию, Эгейское море наполнилось кораблями пиратов, с которыми Митридат, по примеру Суллы, заключил открытый союз. Положение напоминало катастрофу, потрясшую весь римский восток 15 лет назад.

Римское правительство отправило на войну с Митридатом обоих консулов, М. Аврелия Котту и Л. Лициния Лукулла, но могло дать им всего по одному легиону. В результате Котта был немедленно разбит Митридатом и заперт им в Калхедоне. Лукулл же, бывший некогда правой рукой самого Суллы, повел войну методами своего учителя: к своему единственному легиону он присоединил два легиона из бывшей армии Фимбрии, оставленных Суллой в Малой Азии и обратившихся в руках хищников-правителей этой провинции в банду распущенных мародеров, да сам набрал на местные средства и из местных людей еще два легиона. Но так как воевать против Митридата с такими силами он не имел возможности, то начал, как выражается Аппиан, «войну при помощи голода»: он всеми средствами мешал снабжению армии Митридата, принудил его снять осаду большого, упорно защищавшегося города Кизика и начать отступление на восток. Его преследовал флот Лукулла, тоже собранный последним на месте, в греческих городах западного побережья Малой Азии, боявшихся Митридата после измены ему в 80-х годах. Так, продвигаясь на восток по побережью Малой Азии, Лукулл овладел городами Вифинии — Апамеей, Прусиадой, Никеей, вторгся в Понт и захватил Амис и Евпаторию (А п п и а н, Митридатика, 78). Теперь само войско Лукулла, увеличившееся за счет новых искателей легкой наживы, стремилось вперед, так что командному составу уже трудно становилось сдерживать его грабительский пыл.

Два года (72 и 71 гг.) продолжалось покорение и систематическое разграбление Понтийского царства, брошенного своим правителем на произвол судьбы. Митридат как типичный восточный деспот позаботился лишь о том, чтобы в руки победителей не попал его многочисленный гарем, и приказал перебить всех его обитательниц. Начальники державшихся еще его крепостей стали поголовно переходить на сторону Лукулла. Даже сын Митридата,

правитель Боспорского царства Махар, долго с моря поддерживавший осажденную римлянами столицу Понта—Синопу, изменил своему отцу и прислал Лукуллу золотой венок. Дольше всего сопротивлялись большие греческие города, как Гераклея и Синопа, сильно преуспевшие благодаря созданной Митридатом великой всепонтийской державе, за что и были после их взятия почти до основания разрушены римлянами. Жуткая картина осады, взятия и разрушения Гераклеи сохранилась во фрагментах сочинения историка ее Мемнона («О Гераклее», 47—52) [1]. Мемнон рассказывает, как два римские отряда едва не вступили друг с другом в бой, потому что один опоздал к моменту разграбления города. Больше всех забрал себе сам начальник, бывший консул-сулланец Котта.

Так с походом Лукулла Черноморье впервые входило в орбиту Римской державы. Не только все южное побережье Черного моря обратилось в римские провинции Вифинию и Понт, но одновременно с тем римские войска вышли и на западные его берега. Брат проконсула Луция Лициния Лукулла, его легат Марк Лициний Лукулл, действуя против союзных с Митридатом фракийцев, особенно бастарнов, проник за Балканы, дошел до устья Дуная и обратил греческие колонии фракийского побережья Истр, Томы, Каллатис, Дионисополис, Одессос и др. в союзные с Римом государства (72—71 гг.).

Марк Лукулл не успел докончить подчинение Риму всей нижнедунайской области, так как срочно был отозван в Италию вместе со своей армией для выполнения более настоятельных задач. Но насколько тяжел был в городах западного побережья Понта римский режим и связанные с ним притеснения и поборы, показывает то, что уже через десять лет, в 61 г., эти греческие союзные города предпочли отдаться под покровительство варваров бастарнов и гетов, которые, по их призыву, в большом сражении под Истрией разбили наголову одного из преемников Марка Лукулла, проконсула Г. Антония Гибриду, прославленного хищника и вымогателя. Тридцать лет затем показывались как трофеи в гетском городище Генукле захваченные в этом бою римские знамена.

Оргия вымогательств, хищений и насилий сулланских наместников и их многолюдных свит, составленных часто из темнейших личностей всяких племен и народов, царила в это время и в других провинциях. Особенно прославился сулланец Долабелла, пропретор Киликии, бесцеремонно обиравший храмы и частные дома своей провинции в погоне за древними художественными произведениями. Из них он составил себе обширную и очень ценную коллекцию. Еще наглее действовал его помощник, позднее ставший пропретором Сицилии (73—71 гг.), Г. Веррес. Начал он с того, что, будучи казначеем у демократа консула Карбона, забрав деньги, сбежал от него к Сулле, участвовал активно в его погромах, награбил большое состояние вместе с Долабеллой в Киликии, прославился своим бесцеремонным взяточничеством в быт-

[1] Перевод сочинения Мемнона см. в «Вестнике древней истории», 1951, №1.

ность претором в Риме и, наконец, развернулся в невиданного даже по тем временам хищника, когда попал пропретором в богатую Сицилию. В своих знаменитых речах «Против Верреса» (70 г.) Цицерон дал на примере разоблачений хищнических подвигов Верреса в Сицилии убийственное изображение преступного хозяйничания сулланской клики, и не только в провинциях, но и во всем Римском государстве [1].

Так этот оставленный Суллой после своей смерти в наследство Риму реакционный режим содействовал глубочайшему разложению римского государственного аппарата и торжеству самых темных общественных элементов. Убив ростки нового общеиталийского республиканского устройства, осуществить который мечтала римская радикальная демократия 80-х годов, и насильно восстанавливая отжившие формы древней, городского типа республики, этот уродливый сулланский строй способствовал исчезновению уважения к самому принципу республиканского управления и заставлял искать и желать иной, уже не республиканской государственной системы.

§ 2. Восстание Спартака. В таких условиях надвигающегося развала римская рабовладельческая республика испытала жесточайший удар от нового грандиозного восстания рабов, во главе со Спартаком, охватившего на этот раз всю Италию (73—71 гг.). В. И. Ленин в своей замечательной работе «О государстве» дал такую оценку этих событий: «...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию» [2].

Древние писатели, сознавая всю силу и значение этого движения, обычно называют его даже не «восстанием», а «войной с рабами» (bellum servile) или «войной со Спартаком», причем Евтропий пишет, что это была «война, пожалуй, столь же трудная, как и та, что возбудил Ганнибал». От подробного описания ее в «Историях» Саллюстия, писавшего всего через тридцать лет, к сожалению, дошли до нас лишь жалкие фрагменты. Основной же материал мы имеем из кратких сообщений Плутарха, включенных в биографию Красса (гл. 8—12) и Аппиана в его «Гражданских войнах» (I, 116—121), в общем не больше, чем Диодор дает о восстаниях рабов в Сицилии. К этому можно прибавить лишь несколько отрывочных фраз из сокращенных обзоров содержания 96-й и 97-й книг Тита Ливия, также из сочинений Флора, Евтропия, Орозия и других древних писателей. Нет ни одной

---

[1] См. М. Туллий Цицерон, Собрание речей в русском переводе, т. I, СПБ 1901, стр. 87—403.

[2] В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 444.

надписи, относящейся к этим событиям. Лишь недавно найденная в Помпеях фреска, как полагают, изображает Спартака верхом на коне во время его последнего боя с римлянами[1].

Восстание началось с заговора, как обычно начинались движения рабов, но на этот раз восставшие были людьми, привыкшими владеть оружием: это были гладиаторы одной из гладиаторских школ в Капуе. По словам Плутарха, в заговоре участвовало первоначально до 200 человек. Но только 74 из них удалось вырваться на свободу и, вооружившись кухонными ножами, вертелами и дубинами, а затем и случайно попавшим к ним в руки из захваченного обоза гладиаторским, т. е. мало пригодным для настоящего боя, оружием, укрыться в недоступных местах горы Везувия.

Но весьма обычное, повидимому, в те времена явление скоро разрослось в значительное л о к а л ь н о е рабское движение, с которым не могли справиться местные полицейские силы. Благодаря Союзнической войне и походам Суллы, Помпея, Лукулла, Италия в это время была, как никогда раньше, переполнена рабами, причем пленными повстанцами—италиками, фракийцами, галатами, греками, захваченными после ожесточенной борьбы с римским насилием и сохранявшими, надо полагать, в значительной степени и свою непримиримую ненависть к Риму, и свой военный опыт, и умение владеть оружием. Таков был и сам предводитель беглецов С п а р т а к, фракиец по происхождению. «Он раньше воевал с римлянами [в войсках Митридата?], попал в плен и был продан в рабство» (А п п и а н, Гражданские войны, I, 116), «человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости своего характера более походивший на эллина» (П л у т а р х, Красс, 8). Два другие вождя, Эномай и Крикс, были из воинственных и непокорных галлов, возможно, галатов, тоже выступавших на стороне Митридата во время его войны с Суллой. Подобные люди охотно и быстро примыкали к основному ядру восставших, и скоро у Спартака на Везувии образовался большой отряд в 7 тыс. человек. Плутарх утверждает, что среди них были и женщины, между прочим, и жена Спартака, «его единоплеменница, пророчица, одержимая дионисовским вдохновением».

Следует учитывать также и понижение сопротивляемости свободного населения Италии, и в особенности Кампании, разгромленной союзнической и гражданской войнами, сулланскими конфискациями, призывами рабов к свободе со стороны вождей восставших италиков, а затем и популяров. Из рабов уже формировались целые отряды в этих междоусобных войнах, пропасть, лежавшая прежде между рабами и низовыми прослойками свободных, значительно сократилась. Вот почему можно доверять сообщению Аппиана, что к движению стали примыкать и свободные

---

[1] Все цитаты из сочинений древних авторов собраны в книге проф. А. В. Мишулина «Восстание Спартака», М. 1936.

7. Восстания рабов во II — I в. до н. э.

сельские рабочие, а также замечанию Саллюстия, что посланные против восставших римские отряды сражались неохотно: некоторые «бежали, и никто, несмотря на строгий приказ, не возвращался под знамена, остальные же постыднейшим образом отказывались от службы» («История», III, 67,1). Движение, таким образом, стало приобретать весьма широкий характер, и Спартаку удавалось не раз наносить чувствительные удары и даже разбивать высланные против него ополчения местной милиции под командой присланных из Рима преторов Клодия, Вариния и их легатов. Один из последних, Коссиний, был даже убит. У преторов же восставшие захватывали их лагери, ликторов и даже личных коней, так как заходили внезапно в тыл римским отрядам и пускались на всякие военные хитрости (например, ставили чучела на своих стоянках, а сами незаметно спускались с отвесных скал по сплетенным из виноградных лоз лестницам и тому подобное).

Но особенно разрослось движение, когда из Кампании Спартак со своим уже значительным войском перешел на юг Италии, в скотоводческие районы Лукании и Бруттия, где к нему массами стали примыкать многочисленные здесь рабы-пастухи, «воинственные и быстроногие люди» (Аппиан). Здесь у него уже образовалась целая армия, численность которой Аппиан определяет в 70 тыс. человек. Вся обширная область от Метапонта на Тарентском заливе и до Консенции, в центре Бруттия, оказалась в руках восставших. Именно к этому периоду восстания следует отнести сообщение Аппиана, что город Фурии стал главным сборным местом восставших, где они вели широкие приготовления к дальнейшей борьбе: «Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать эти металлы. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену, и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе» (I, 117).

Пользуясь бессилием и беспечностью римского сулланского правительства, Спартак, повидимому, целый 73 г. готовился к дальнейшей борьбе. Армию свою он не только вооружал, но и старался дисциплинировать. Саллюстий с удивлением отмечает, что Спартак (по его выражению, великий «своими силами тела и души») действовал при этом преимущественно средствами убеждения, а не методами свирепой и бездушной римской военной дисциплины.

Саллюстий, например, описывает, как тревожили Спартака допускаемые восставшими рабами кровавые эксцессы при взятии различных селений. В этом отношении как бы возрождаются традиции Афиниона «щадить страну, как народное достояние». На этой почве возникали большие разногласия и даже раздоры между вождями, и, по словам того же Саллюстия, «рабы были близки к междоусобной войне из-за плана действий». «Крикс и единоплеменные с ним галлы и германцы», для которых военный грабеж представлял собой и на родине вид обычной хозяйственной деятельности (например, у свевов,

по описанию Цезаря), даже отделились от общей массы и организовали отдельный лагерь в Апулии, близ горы Гаргана. Здесь они были окружены и уничтожены римскими войсками консула Л. Геллия Попликолы в 72 г.

Спартак же к этому времени был настолько силен, что борьба с ним, по выражению Плутарха, обратилась для Рима «в одну из труднейших и величайших войн» («Красс», 9). Римскому правительству пришлось двинуть против него все свои наличные военные силы — войска обоих консулов 72 г. — Л. Геллия Попликолы и Гн. Корнелия Лентула, но их попытка «окружить Спартака большими силами» закончилась полным поражением: в руки восставших попала даже часть обоза римлян. Орозий прямо утверждает, что «оба консула, соединив свои силы без всякой пользы, обратились в бегство в результате тяжелой битвы». Мало того, теперь сам Спартак со своей армией, достигшей уже численности в 100 тыс. человек, подготовленной, снабженной и вооруженной отнятым у римлян оружием, перешел в решительное наступление — в первый раз во всей истории рабских движений. Из Самниума, где, повидимому, происходила его битва с консулами, он двигался по горным местностям Италии на север и дошел до Мутины (Модены) близ реки По, где разбил и пытавшегося преградить ему дорогу проконсула Цизальпинской Галлии Г. Кассия Лонгина.

Древние авторы, пытаясь разгадать планы Спартака, приписывают ему намерения своеобразного массового вооруженного бегства из Италии. «Спартак стал уже великой и грозной силой», — пишет Плутарх, вполне справедливо оценивая военную мощь восставших. «Но, — продолжает он, явно переходя к догадкам, — как здравомыслящий человек (!) Спартак ясно понимал (!), что ему все же не сломить могущества римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой: иным во Фракию, другим в Галлию» («Красс», 9). А затем они высказывают еще более произвольное предположение, что, достигнув почти уже цели — Альпийских перевалов, Спартак внезапно «переменил план». «Принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, Спартак с 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, перебить всех пленных, перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак больше не принимал» (Аппиан, Гражданские войны, I, 117).

Современные историки, принимая всерьез явно произвольные домыслы древних, теряются в дальнейших догадках относительно такого странного и изменчивого поведения знаменитого «вождя античного пролетариата» (Маркс). Одни вдруг открывают, что Спартак утратил власть над своей армией, желавшей продолжать грабить Италию, другие утверждают, что помешал разлив реки По, как будто нельзя было несколько обождать, или что, разбив столько римских регулярных войск, Спартак испугался сопротивления

разбросанных и разрозненных крестьянских селений Цизальпинской Галлии. Маркс в письме к Энгельсу давно уже защитил Спартака от таких неудачных оправданий, назвав его ...«самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не Гарибальди)...», — намекая на оппортунизм, неустойчивость и переменчивость этого борца за освобождение Италии XIX в.[1].

Несомненно правильнее будет не придавать значения произвольным домыслам Плутарха и признать, что план Спартака был един с самого начала и был направлен к осуществлению плана всего тогдашнего революционного движения: разгромить и уничтожить город Рим как главный центр рабовладения, как виновника всех безмерных бед того времени. И вполне естественно, что приступить к прямому осуществлению этого плана Спартак как «великий полководец» мог не сразу, а только скопив большие силы (в 120 тыс. повстанцев), овладев, как Ганнибал, всей южной и восточной частью Апеннинского полуострова, создав себе продовольственную базу и защищенный тыл в Цизальпинской Галлии. Тем и велико было значение восстания Спартака, что впервые от разных видов побегов или обороны на небольших территориях, как в Сицилии, революционные массы «античного пролетариата» — т. е. рабов — перешли в прямое наступление на главный центр своего угнетения и эксплуатации.

Рим был охвачен паникой, и во главе всех вооруженных сил с диктаторскими полномочиями, с подчинением ему остатков обоих консульских армий был поставлен последний из наличных в то время в Риме главных сподвижников Суллы, герой защиты Рима в 82 г. и битвы у его Коллинских ворот — М. Лициний Красс. Как крупнейший римский рабовладелец он особенно кровно был заинтересован в победе над восставшими рабами. Множество добровольцев-рабовладельцев стало под его знамена, и, в условиях крайней опасности, в армии его решено было восстановить забытые бесчеловечные дисциплинарные меры глубокой старины: в отступавших или поколебавшихся частях производить децимации, т. е. казнь каждого десятого солдата по жребию. Так, один раз Красс приказал казнить сразу 500 человек; Аппиан говорит даже о 4 тыс. казненных. Из Фракии срочно вызвали армию М. Лукулла, из Испании — Помпея.

С крупными силами, собранными со всей Италии, Красс преградил Спартаку на границе Пиценума путь на Рим: повидимому, Спартак двигался по Фламиниевой дороге. Крассу удалось не допустить Спартака к Риму, но его попытка окружить восставших окончилась неудачей: два посланных в обход легиона во главе с легатом Муммием были разбиты наголову, и только часть солдат спаслась бегством, побросав оружие. Спартак, однако, не оставлял своего плана нападения на Рим. Он смело двинулся не на

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 121.

север, к Альпам, а вновь на юг за новыми резервами — на этот раз из обильной рабами Сицилии. Об этом так рассказывает Плутарх: «Спартак отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в [Мессинском] проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на остров 2 тыс. человек [агитаторов] и снова разжечь восстание сицилийских рабов, затухшее было незадолго перед тем; достаточно было искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой» (Плутарх, Красс, 10). Основные же его силы были расположены на Регийском полуострове, крайней нижней части Бруттия, и он спокойно смотрел, как Красс старался его запереть на этой опасной позиции, «вырыв глубокий ров от моря и до моря, а вдоль всего рва выведя стену, поражающую своей высотой и прочностью» (там же). Когда же выяснилось, что на восстание в Сицилии рассчитывать нельзя, так как пираты изменили и не подали договоренных кораблей, а рабы в Сицилии оказались настолько терроризированными установленным там режимом (см. стр. 578), что не подымались сами, Спартак в бурную и снежную декабрьскую ночь прорвал осадные сооружения Красса и сам оказался у него в тылу. «Красс испугался, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим», так как теперь дорога на Рим опять оказалась открытой.

Однако к этому времени подошли уже вызванные из Фракии и Испании римские войска. Поэтому Спартак сперва бросился на высаживавшиеся в Брундизии отряды М. Лукулла, пока они еще не успели полностью сосредоточиться и развернуться. Но Брундизий, главный военный порт Рима на Ионийском море, имел слишком мощные укрепления, чтобы их можно было взять штурмом. Тогда Спартак повернул вновь на Красса и стал искать решающего боя с ним. Незадолго до этого армия Спартака была ослаблена отделением от нее новой группы недовольных с Гаем Ганником (видимо, италиком по происхождению) и Кастом во главе, которая вся была уничтожена в количестве более 12 тыс. человек напавшим на нее с крупными силами Крассом. Последнее сражение Спартака с Крассом произошло где-то в северной Лукании. «Это была грандиозная битва, — повествует Аппиан, — чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком; опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско, находясь в полном беспорядке [после гибели вождя], было изрублено. Говорят, что число убитых [рабов] и установить нельзя, римлян пало около 1000 человек. Тело Спартака не было найдено» («Гражданские войны», I, 120).

Плутарх передает другую версию гибели Спартака: «Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы ему достанется много хороших коней от врагов, в случае же поражения он

не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса и убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» («Красс», II).

В рассказах даже античных писателей сквозит глубокое уважение к этому вождю восставших рабов, сделавшемуся героем народной легенды. Его имя стало, с другой стороны, грозным призраком для всего рабовладельческого мира, и с этого времени он с трепетом постоянно ожидал новой «спартаковщины». Можно сказать, что восстание Спартака нанесло страшный удар всему рабовладельческому строю и было началом его кризиса. Действительно, Спартак погиб, остатки его армии, долго укрывавшиеся в горах юга Италии, были постепенно выловлены и истреблены: 6 тыс. пленных рабов сам Красс распял вдоль всего пути из Капуи в Рим; пробившиеся к северу отряды были уничтожены Помпеем, похвалявшимся, что он уничтожил «самый корень войны». Но дело Спартака, потерпев поражение тактическое, победило морально, и если такие писатели-рабовладельцы, как Плутарх и Аппиан, жившие уже во II в. н. э., с значительной симпатией относятся к личности Спартака, то это потому, что они уже считали, что тот прежний способ эксплуатации невольников, который существовал во времена Красса, недопустим и опасен. Они были выразителями настроений новых поколений рабовладельческого мира, которые уже находили, что рабский труд вообще нерентабелен, и начинали переходить к иным видам эксплуатации трудящихся. Перелом в этих взглядах на рабство становится особенно заметен со времени восстания Спартака, и в этом великое историческое значение знаменитого движения рабов 73—71 гг.

§ 3. Последнее движение популяров в Риме. «Заговор Катилины». Одновременно с восстанием рабов началось и оживление демократического движения в самом Риме. За исключением кучки непримиримых реакционеров-нобилей, во главе которых стоял Кв. Лутаций Катул, вся Италия ненавидела банду сулланских авантюристов, хищников и убийц, захватившую власть.

Уже в 77 г. молодой Гай Юлий Цезарь (родился в 101 г.), случайно уцелевший племянник жены Г. Мария и зять Цинны, считавший себя одним из вождей остатков демократической партии, попытался выступить в суде со смелым обвинением одного из самых хищных и наглых сулланцев Корнелия Долабеллы — личного друга Суллы. В 73 г., в год восстания Спартака, еще более смелый трибун Г. Лициний Марк, историк, старательно изучавший историю борьбы плебеев и патрициев, призывал народ последовать примеру своих предков, не сражаться за дело богачей, отказываться от призыва на военную службу. По словам Саллюстия, он открыто называл сулланский режим «всеобщим рабством, обратившим народ в подобие скота». Наконец, в 71 г., начал свое громкое дело о хищениях сулланского наместника Г. Верреса в Сицилии Цицерон, тоже примыкавший в это время к демократам.

Речи Цицерона «Против Верреса» обратились, по существу, в скандальное разоблачение всего сулланского режима, нанесшее ему сокрушительный удар.

В результате в 70 г. на сторону демократической партии открыто перешли и такие сотрудники Суллы, как Помпей и Красс. После победы над Серторием и Спартаком они оба одновременно с армиями подошли к Риму, каждый намереваясь произвести государственный переворот в свою пользу. Оба они заискивали для этого и перед всадниками, и перед населением Рима, обещая восстановление прежнего досулланского режима. Использовав их соперничество, вожди римской демократии сумели одержать большую победу: они добились соглашения между соперниками-полководцами и предупредили тем междоусобную войну; с другой стороны, ценой выбора обоих консулами (хотя Помпею было всего 34 года и он до сих пор не занимал никакой магистратуры), демократы добились восстановления трибутных собраний, власти трибунов в прежнем объеме, также цензуры, которая немедленно произвела чистку сената и исключила из него 60 самых отъявленных сулланских хищников. Наконец, они настояли и на реорганизации судов: сенаторы сохранили за собой только $^1/_3$ состава судей, $^2/_3$ же их стало опять назначаться из всадников и более мелких торговых людей — эрарных трибунов. Очень характерно, что одновременно вновь были восстановлены и откупы в Азии, уничтоженные Суллой. Таким образом, в 70 г. полностью рухнула вся сулланская конституция и восстановлен был прежний республиканский строй времени Мария и Цинны.

В 60-х годах, учитывая опыт своего недавнего поражения, римская демократическая партия выступала более организованно и с особо широкой и радикальной программой. К движению примыкали разные ремесленные объединения («коллегии») и народные общества. Они существовали в Риме с очень давнего времени. Но теперь они обратились в настоящие народные клубы и стали представлять собой как бы низовые ячейки «народной партии» — популяров: их деятельность имела место не только в Риме, но и во многих италийских муниципиях, а отсюда проникала и в деревню, в среду задолженного крестьянства и безземельных батраков, в поселения ветеранов-колонистов прежних армий Мария, Суллы, Помпея, Красса и др. Из колонистов многие разорялись и попадали в неоплатные долги благодаря своей неприспособленности к ведению сельского хозяйства, отсутствию опытности в земледельческих делах и конкуренции крупных хозяйств. В движении участвовали передовые женщины, например, Семпрония (из того же рода, что и Гракхи), вдова погибшего в 78 г. вождя крестьянского восстания в Северной Италии М. Юния Брута, также многие из римской молодежи, как Г. Юлий Цезарь, из семей прежних сторонников Мария и Цинны. Собирались собрания и сходки, на которых поднимались вопросы о необходимости произвести кассацию

долгов («составить новые долговые книги») и совершить передел земли путем издания справедливого «аграрного закона», так чтобы землей пользовался лишь трудящийся на ней, как то было в старину. Несомненно, большое влияние оказывали на римскую общественную мысль этого времени греческие социальные учения, с которыми Рим знакомили приезжие риторы, стоики и эпикурейцы (см. стр. 567).

Впоследствии враждебная народным движениям историография, — древняя (например, Саллюстий в своем «Заговоре Катилины»), а за ней и новая западноевропейская (в особенности Моммзен) — всячески старалась исказить деятельность римской демократической партии этого бурного времени и оклеветать ее участников и вождей. Старались представить все ее выступления только как преступные заговоры кучки отъявленных честолюбцев и негодяев, увлекших за собой всякие легкомысленные, продажные и преступные элементы.

Но движение, действительно, имело и слабую сторону. Оно мало доверяло своим силам и ждало избавления от внешнего спасителя — так сказать Суллы наизнанку. Свое возрождение римская демократия ознаменовала настоящим к у л ь т о м М а р и я. В 69 г. Г. Юлий Цезарь, который уже, по словам Плутарха («Цезарь», 4—6), «пользовался большой любовью среди простонародья» и был на этот год выбран квестором, устроил пышные похороны своей тетки, вдовы Г. Мария, Юлии, и «осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени господства Суллы, так как Марий и его сторонники были при Сулле объявлены врагами государства... и народ криком и громкими рукоплесканиями показал свое одобрение». Несколько позднее тот же Цезарь даже поставил в Капитолии позолоченные изображения Мария и богини Победы, что вызвало по отношению к Цезарю еще большие овации со стороны народной массы и настоящий скандал в сенате.

Кандидатом в «новые Марии» выступил теперь окончательно перешедший на сторону умеренной части демократической партии П о м п е й. Его за неимением иного, более подходящего лица, так как Цезарь был еще слишком молод, стали поддерживать и другие популяры. В связи с жестоким голодом в Риме в 67 г., который объясняли грабежами обнаглевших и беспрепятственно господствовавших на море пиратов, по предложению народного трибуна Авла Габиния народное собрание предоставило Помпею небывало широкие полномочия. Он объявлялся «диктатором моря» для ведения с морскими разбойниками самой беспощадной войны: на три года ему подчинялось все побережье Средиземного моря, все находившиеся здесь корабли и войска (до 120 тыс. бойцов и 500 кораблей), отпускались громадные деньги в размере 6 тыс. талантов и назначалось в помощь 25 легатов. «Никогда еще до Помпея ни один человек не отправлялся в морской поход, облеченный такою властью», — пишет Аппиан («Митридатика», 94).

Когда же Помпей с удивительной быстротой — всего за шесть месяцев — справился с возложенной на него задачей, разгромил пиратов и улучшил поступление продовольствия в голодающий Рим, он получил в 66 г. еще более крупное и важное поручение — сменить в командовании Лукулла, докончить войну с Митридатом и привести в порядок восточные дела. Предложение было внесено в народное собрание трибуном Манилием, поддержано Цезарем и вызвало страшное возмущение реакционеров с Катулом и знаменитым оратором Гортензием во главе.

Они доказывали, что нельзя поручать такой громадной власти (imperium infinitum) одному человеку, что это «противоречит заветам предков», т. е. римской республиканской конституции, грозили насилиями самому автору законопроекта и трибуну Манилию. Популярам пришлось выставить против них на народном собрании своего главного златоуста — Цицерона. Его знаменитая речь «Об империуме [командовании] Гн. Помпея» представляет собой сплошное восхваление нового народного фаворита, недавнего сулланца (обстоятельство, которое, конечно, должно было смущать и многих демократов).

Цицерон выступал преимущественно в интересах денежных людей того времени, в особенности откупщиков, «степенных и почтенных людей, которые свои денежные операции и капиталы перенесли в эту провинцию — Азию». Но речь его имела большой успех.

Помпей по закону Манилия стал настоящим вершителем судеб Передней Азии. Он добил начавшего опять оправляться Митридата, который нанес несколько чувствительных поражений помощникам Лукулла и даже стал угрожать провинции Вифинии: Помпей вновь овладел Понтом, загнал Митридата сперва в Колхиду, а затем заставил его бежать на Боспор. Покинутый всеми, даже своим любимым сыном Фарнаком, непримиримый враг Рима Митридат, после неудачной попытки организовать поход на Рим с помощью скифов и фракийцев с северной части Балканского полуострова, покончил с собой (63 г.) в Пантикапее. Это произошло во дворце, на горе, которая и по наши дни носит его имя — «Митридат». Труп Митридата Фарнак послал Помпею, за что и был признан им правителем Боспора.

Армянский царь Тигран, зять Митридата, подвергшийся одновременному нападению римлян и парфян, должен был явиться в ставку Помпея и за выкуп в 6 тыс. талантов, а также награду в 50 драхм каждому римскому солдату армии Помпея получить от него мир, утверждение на престоле Армении и титул «друга [вассала] римского народа». Затем Помпей совершил поход против союзных с Митридатом народов Албании (Азербайджана) и Иберии (Грузии) и подверг разгрому эти цветущие страны Кавказа. Из Армении он прошел через западную Месопотамию, захватил в полном развале находившееся, когда-то могущественное царство Селевкидов и обратил его в 62 г. в римскую провинцию Сирию. Последнему сирийскому царю Антиоху оставлена была на востоке его царства лишь небольшая область Коммагена. В Иудее посажен был царем некий Гиркан, в Каппадокии восстановлен изгнанный из нее Митридатом Ариобарзан.

Грандиозны были территориальные приобретения Рима — от северных берегов Понта до Евфрата и границ Египта; не меньше была и военная добыча. Но в лице таких полководцев с «высшим империумом» римская демократия собственными руками выращивала грядущего государя и господина, привыкавшего к царственному положению и нелегко с ним расставшегося.

Другую позицию занял соперник Помпея Красс. Одно время он тоже мечтал о военных лаврах и носился с планом захвата богатого Египта. Но встретив на этом пути твердое сопротивление консервативных элементов сената, Катула и других, не желавших допускать еще второго «великого императора», он вынужден был действовать иными, более скрытыми средствами. Он сблизился с Цезарем и другими вождями левого крыла демократической партии и, чтобы подорвать авторитет и популярность отсутствовавшего Помпея, стал способствовать проведению радикальных внутренних мероприятий, финансируя их из своих громадных средств.

Так, повидимому, благодаря его поддержке, в 66 г. демократическая партия одержала победу на выборах: она провела в консулы двух демократических кандидатов — П. Корнелия Суллу (племянника диктатора, но совсем иных взглядов, чем его дядя) и П. Автрония Пета; цензором был избран Красс, а эдилом Цезарь. Когда же сенат, испугавшись возможного преобладания демократов в правительстве, путем темных махинаций устранил обоих выбранных консулов, обвинив их в подкупе избирателей, а вместо них на повторных выборах добился избрания двух своих ставленников, в доме Красса, на собрании демократических вождей (Цезарь, Гн. Кальпурний Пизон, Л. Сергий Катилина), обсуждался даже план государственного переворота. Предполагалось убить сенатских ставленников и сенаторов-интриганов, провозгласить на время «междуцарствия» диктатором Красса, а его начальником конницы — Цезаря и, по установлении порядка, вернуть власть устраненным консулам-демократам (С в е т о н и й, Цезарь, 9). Этот заговор Красса (его называют обычно «первым заговором Катилины», хотя Катилина играл в нем второстепенную роль) по неясным причинам не был приведен в исполнение. Получившее огласку дело было замято благодаря влиянию Красса, и пострадал лишь один Кальпурний Пизон, отправленный в почетную ссылку в Испанию. Однако все это способствовало начинающейся большой самостоятельной активности радикальных элементов демократии, готовых на весьма смелые выступления.

Так, в 64 г. молодой народный т р и б у н С е р в и л и й Р у л л внес в народное собрание тщательно подготовленный всей коллегией трибунов а г р а р н ы й з а к о н о п р о е к т очень широкого характера. Предлагалось приступить к значительным закупкам земли на государственный счет для наделения безземельных, а на это употребить всю добычу от заморских войн, также средства, полученные от продажи государственных угодий, предприятий, рудников и пр. в провинциях. Провинциальным городам и общинам разрешалось в тех же целях выкупить свои дани, повинности и налоги, внеся сразу всю капитализированную сумму. Для проведения всех этих финансовых и земельных операций предлагалось выбрать на народном собрании 10-членную комиссию («децемвиров») с обширными полномочиями по административной, финансовой и судебной части. Реформа, таким образом, передавала в ее

руки почти всю власть над провинциями, финансами, общественными имуществами, отнимая ее от сената, вела к ликвидации откупов, обещала широкое развитие мелкого землевладения в ущерб латифундиям, лишавшимся тем дешевых сельскохозяйственных батраков.

Одни слухи о подготовлявшемся столь широком аграрном законопроекте уже создали панику в среде оптиматов, землевладельцев, откупщиков и даже в кругах умеренных демократов. Цицерон, сторонник «степенных и почтенных» деловых кругов, выбранный консулом на 63 г. и называвший себя «консулом-демократом», сумел сколотить блок сенаторов и всадников, чтобы провалить предложение Сервилия Рулла на народном собрании, и сам выступил против него с тремя мастерски построенными речами. Прибегая в них к самым демагогическим приемам высмеивания, лжи, клеветы и запугивания, он сумел восстановить против законопроекта городской плебс Рима и принудил тем самого автора снять свой проект с обсуждения.

Из речи Цицерона («Вторая аграрная речь», IV) можно ясно понять, что в римской демократии того времени было два направления: одно с лозунгами: «мир, свобода и беззаботная жизнь» (pax, libertas, otium), которое он считает «подлинно демократическим»; другое — защищавшее интересы бедноты, на обслуживание которой должна быть направлена вся мощь и все материальные средства государства. Последнее направление, по мнению Цицерона, является «превратным» учением, «подкапывается под самые устои не только могущества, но и благосостояния римского народа», представляет собой «новый вид деспотизма, что-то необычайное, пахнущее уже не республиканской властью, а царским произволом», и вызывает лишь «панику среди деловых людей на форуме» (т а м ж е, III—V).

Вождем этого левого, столь неодобряемого Цицероном и «почтенными, степенными деловыми людьми» Рима направления был бывший претор Л. Сергий Катилина. Вокруг него группировалось немало весьма заметных в римском обществе лиц, даже сенаторского звания, но пострадавших от экономического кризиса или сенатского произвола. Например, среди них были устраненные сенатом в 66 г. консулы П. Автроний Пет и П. Корнелий Сулла, преторы П. Лентул Сура и Г. Цетег, народный трибун Л. Бестия и др., также некоторые всадники и многие представители колоний и муниципий, «знатных граждан у себя дома» (С а л л ю с т и й, Катилина, 17). С этой группой связан был и Цезарь, успевший, правда, пройти только еще младшие магистратуры квестора и эдила и потому главной роли не игравший; попрежнему держал с ней связь и Красс. Но основную массу ее сторонников составляли, даже по словам ее яростного врага Цицерона, «громадные возбужденные толпы задавленных нуждой людей из города и сельских мест» (Ц и ц е р о н, Вторая речь против Катилины, 20—21).

С точки зрения Цицерона, Катилина — это буквально сказочный злодей, «желающий весь земной шар опустошить кровопро-

литиями и пожарами» (Первая речь против Катилины, 1), а все его друзья и сторонники — «позорная артель беспутных негодяев» (Вторая речь против Катилины, 5). Уже выступая против законопроекта Рулла, Цицерон грозил, что этих смутьянов и мятежников, которые «так ненавидят порядок, я сделаю такими смирными и тихими, что они сами будут удивлены» (Вторая аграрная речь, 37).

Все это, однако, только отражения страха и ненависти, которые возбуждал в имущих кругах Рима радикальный характер этого движения. Сам Цицерон цинично предупреждал своего приятеля Помпония Аттика не верить всему сказанному им в речах: «Тебе знакомы эти мои звоны», или даже: «Ты знаешь эти адвокатские штучки» (Цицерон, Письма к Аттику, I. 14, 3—4). На самом же деле Катилина был тоже, как Помпей и Красс, из числа бывших сулланцев, перешедших на сторону популяров, как и они, с запятнанным прошлым и в своей личной жизни распущенный не менее других. Но в отличие от них он не разбогател на проскрипциях и, повидимому, был более искренен и более тверд в своих новых политических убеждениях. Еще в 65 г. сам Цицерон искал сближения с ним, выступал его защитником во время судебного процесса и даже предлагал Катилине совместно добиваться консульства (Цицерон, Письма к Аттику, I, 2, 1).

Программа же этого левого крыла римской демократической партии, поскольку можно судить из подобных злобно настроенных, единственно дошедших до нас источников (кроме речей Цицерона, также «Заговор Катилины» Салюстия), состояла из требования кассации долгов, проведения закона о наделении землей и демократизации римского государственного устройства. Саллюстий, стилизуя это в свойственном ему обличительном тоне, пишет, что «обещались новые долговые книги, проскрипции богачей, гражданские и жреческие должности и всякий прочий грабеж» («Катилина», 21, 2). Естественно, что такая программа находила широкое сочувствие и поддержку в низах римского и италийского населения, значительно более удовлетворяя его, чем три приведенных выше лозунга Цицерона и его сторонников из среды умеренных и правых демократов. Или, опять говоря словами невольно проговаривающегося Саллюстия, «весь плебс, вообще жаждавший государственного переворота, сочувствовал начинаниям Катилины» («Катилина», 37).

Три раза пыталась эта радикальная группа провести для осуществления своей программы в консулы Катилину, своего вождя, и три раза — на выборах 65, 64 и 63 гг. — терпела неудачу из-за самого ожесточенного и не брезговавшего никакими средствами сопротивления консерваторов и соединившихся с ними правых демократов. В 63 г. Катилина имел наибольшие шансы. На выборы собралось множество сочувствующих ему крестьян и колонистов из Этрурии и других ближних к Риму областей, народный трибун Бестия мобилизовал весь городской плебс; женщины, молодежь горячо агитировали за вождя радикалов. В этот год левое крыло демократов было сильно, как никогда: другой любимец народа, Г. Юлий Цезарь, был к общему удивлению выбран верховным жрецом, несмотря на то, что его конкурентом выступил сам лидер пра-

вых Катул и другой столп оптиматов Публий Сервилий Исаврик. В этот же год Цезарь выбран был также и претором.

На консульских выборах 63 г. были пущены в ход оптиматами все средства, чтобы не прошел Катилина. Соперник Катилины, кандидат оптиматов Мурена, завзятый хищник типа Верреса, так откровенно подкупал избирателей, что разразился грандиозный скандал, и даже честные люди среди консерваторов, как М. Катон, протестовали против этого и привлекали его к суду. Особенно волновался консул Цицерон: он выступил горячим защитником Мурены и, наоборот, пускал в ход неслыханные клеветы против Катилины, а его сторонников называл «кинжальщиками», «вооруженными мечами заговорщиками». Он добился в сенате объявления города на чрезвычайном положении и отсрочки выборов, чтобы утомить ожиданием и заставить разбрестись по домам собравшихся крестьян, закрыл коллегии и народные общества. Наконец, в день комиций (26 октября 63 г.), чтобы напугать избирателей, окружил Марсово поле войсками, сам явился в панцыре с вооруженной толпой богатой молодежи и пр. Так что, по собственным его словам, «все, кто только желал спасти государство от этой язвы, тотчас перешли на сторону Мурены» (см. «Речь за Мурену», XXIV—XXVI), и Катилина вновь не был выбран.

Эта троекратная попытка радикального крыла демократов добиться законными путями возможности участия в правительстве и своего влияния на текущее законодательство потерпела, таким образом, крушение благодаря явно неблаговидным избирательным махинациям и давлению оптиматов на избирателей. Естественно, что все это толкало раздраженных вождей радикалов на единственно оставшийся путь — вооруженное восстание. План его и стали составлять «катилинарии» (т. е. сторонники Катилины и его программы) после неудачных для них и скандальных выборов осенью 63 г. По словам Цицерона и Саллюстия, план этот окончательно был выработан и принят на тайном совещании руководителей движения лишь в ночь с 6 на 7 ноября, в доме одного из участников сенатора М. Порция Леки. Решено было воспользоваться раздражением и возмущением сельских избирателей, уже начавших образовывать повстанческие отряды (самый крупный из них возник еще в конце октября в Этрурии под предводительством бывшего центуриона Г Манлия). С помощью эмиссаров, разосланных из Рима, решено было сформировать повстанческую армию, которую повести на Рим. По примеру Цинны в 87 г. во главе ее должен был стать сам противозаконно недопущенный к занятию этой должности «консул Катилина». При приближении этой армии к Риму предполагалось поднять в нем восстание плебса, что должны были сделать претор Лентул, трибун Бестия и другие оставшиеся в городе вожди радикалов. Некий М. Ципарий получил поручение отправиться в Апулию, чтобы возбудить волнение среди тамошних рабов-пастухов. Цицерона же, как ренегата, злостного клеветника на своих бывших

товарищей по партии, ставшего душой всей коалиции ее врагов, два римских всадника, участники заговора, добровольно вызвались убить на следующее же утро.

По существу, предполагалось повторить радикальный переворот 87 г. (Цицерон так и называл Катилину — «второй Цинна»), но иным, заговорщицким, сверху идущим путем, искусственно надуманным, без достаточной подготовки и при совсем иных общих условиях как в центре, так и на периферии. Ведь Цицерон уже с 21 октября добился от сената постановления об объявлении в Риме чрезвычайного положения, под Римом стояли, дожидаясь разрешения на триумф, войска двух крупных полководцев — Кв. Марция Рекса и Кв. Метелла Критского, которые немедленно могли быть направлены на подавление возникавшего в италийских областях движения. План заговора стал тотчас известен Цицерону благодаря отлично налаженному им шпионажу. Уже 8 ноября в экстренно созванном заседании сената он разразился знаменитой своей первой речью против Катилины, хвастаясь, что он «все знает», и тем спровоцировал преждевременный отъезд Катилины из Рима: вместо целой армии, как Катилина рассчитывал, ему пришлось, облачившись в консульские инсигнии, с целой свитой ликторов возглавить небольшой отряд вооруженных чем попало крестьян Манлия, уже окруженный правительственными войсками. Знаменем повстанцев стал серебряный орел Мария, который Катилина, как святыню, хранил до этого в своем римском доме.

Используя вызванное этим смущение, Цицерон грозными речами на форуме, наполненными невероятными преувеличениями (вроде того, что заговорщики собирались поджечь Рим с 12 сторон и вырезать всех честных граждан, чтобы обратить город в притон бандитов), запугал все население Рима. Затем он арестовал оставшихся в нем вождей радикальной партии, неосторожно доставивших ему возможность захватить их переписку с недовольными хищениями римских наместников послами галлов-аллоброгов. На следующий день он устроил комедию суда над «катилинариями» в сенате, никогда не имевшем судебных полномочий, и приказал немедленно задушить их в своем присутствии в Мамертинской тюрьме под Капитолием. Против Катилины с его 3-тысячным отрядом (в противоположность Цинне, Катилина отказывался принимать рабов, стекавшихся к нему во множестве) послан был также и сам консул Антоний, и в январе 62 г., потеряв надежду вырваться из кольца окружения, Катилина принужден был принять битву. Бой состоялся в горной долине близ Пистории (около Флоренции), и Катилина погиб в этом сражении вместе со всеми своими воинами. Разрозненные вспышки движения в других местах Италии (Бруттии, Апулии, Пиценуме) тоже быстро были подавлены.

По поводу данных событий было назначено жертвоприношение и объявлено месячное празднество, чего «до сих пор при подобных

случаях никогда не бывало», — пишет Дион Кассий (XXXVII, 36, 3). Этим римская аристократия ознаменовывала не только победу над «заговорщиками», но и разгром столь опасного для нее левого крыла демократической партии. Последней не могли простить те революционные, увлекавшие народные массы принципы, на которых построена была ее программа и которые лежали в основе ее выступлений.

Даже враждебная и злостная, клевещущая на демократическую партию историография, изображавшая ее вождя Катилину самыми отборно черными красками, не может, однако, скрыть некоторых его выражений, бросающих совсем иной свет на этого врага римских магнатов: «Я взял на себя защиту всех несчастных граждан», — пишет он, отправляясь в отряд Манлия, в письме к Квинту Катулу, своему самому непримиримому врагу. Сам Цицерон в одной из своих речей приводит следующие слова Катилины, которые он считает «разбойничьими»: «Только тот, кто сам несчастен, может быть верным заступником несчастных; не верьте, пострадавшие и обездоленные, обещаниям преуспевающих и счастливых... наименее робкий и наиболее пострадавший — вот кто должен быть признан вождем и знаменосцем угнетенных» (Цицерон, Речь за Мурену, XXV).

И сам Цицерон должен был признать, что вполне сокрушить радикальное направление демократической партии ему не удалось, несмотря на все его усилия. Обаяние ее целей продолжало жить в народной массе и после спровоцированного Цицероном ее разгрома 63—62 гг.: народ продолжал чтить память Катилины и справлял по нем тризны в день битвы при Пистории и его гибели (Цицерон, Речь за Флакка, XXXVIII).

Сам же Цицерон весьма печально закончил свое консульство: уже во время голосования в сенате вопроса о казни «заговорщиков» значительная часть сената с Цезарем во главе подавала голос свой против, а громадная народная масса из свободных и рабов собиралась силой вырвать осужденных из рук палачей. В последние дни своего консульства Цицерон всюду видел злобу к себе: «Толпа проявляла свое нерасположение к нему разными способами, — пишет Дион Кассий (XXXVII, 39), — наконец, и тем, что заставила его замолчать, когда он в последний день своего консульства пожелал оправдаться».

Так, к концу 60-х годов демократическая партия оказалась вновь в состоянии раскола. Самое активное левое ее крыло было жестоко ослаблено, оклеветано и обезглавлено. Вождь ее правого крыла Цицерон изменил, сблизился с ненавистным всем нобилитетом и дискредитировал этим себя надолго, хотя и вознагражден был официально почетным титулом «отца отечества». Главными кумирами и надеждой более пассивных средних кругов демократического лагеря стали теперь Красс и Цезарь. Хотя многие и подозревали их в сочувствии из личных соображений выступлениям радикалов, оба они сумели избежать репрессий и сохранить популярность. Популярен был также их соперник Помпей («Великий»). Возвращения этого «покорителя востока» в Рим с его сказочной добычей и победоносными легионами ждали в связи с окон-

чанием восточной войны. Политическая же самодеятельность и интенсивная некогда общественная жизнь Рима тем временем, в виду безнадежности всяких общественных выступлений, все более замирала, и республиканский строй определенно клонился к своему закату. Зато все большую роль начинали играть отдельные видные лица, опиравшиеся на армию, богатства, политические связи или уменье демагогическими приемами приобретать симпатии городской толпы.

При оценке этого движения римских «популяров» в 60-х годах I в. до н. э. следует вспомнить, что по поводу битвы при Пистории и гибели катилинариев есть интересное замечание нашего демократа-революционера Н. А. Добролюбова, сделанное им еще в 1857 г.: «...так сражаются люди, имеющие в душе крепкое убеждение, которого не хотят принести в жертву ничему на свете» [1]. Цицерона же Добролюбов здесь называет гениальным софистом и краснобаем без всякого убеждения в душе.

В 1865 г., в одном из своих писем к Энгельсу, Маркс отмечает, как заслуживающее внимания событие, что в одном английском журнале известный тогда своими передовыми взглядами профессор Бизли «...напечатал... статью о Катилине, в которой последний изображается как революционер. Там есть много некритического (как и следовало ожидать от англичанина; напр., неверное изображение отношения Цезаря к тому времени), но очень хороша яркая ненависть к олигархии и к «достопочтенным...» [2]. Олигархия и «достопочтенные» — это сенат с Цицероном во главе, произведшие столь жестокую расправу с Катилиной и его сторонниками. И одобряя яркую ненависть автора статьи к этим правящим кругам Рима того времени, Маркс тем самым отвергает их клеветническую версию относительно характера движения Катилины и проявляет определенное одобрение постановке вопроса проф. Бизли, хотя и осуждает его за недостаточно критическое отношение к некоторым деталям, например, к роли Цезаря. Такое же отношение к Цицерону было и у Энгельса: «Более низкой канальи, чем этот молодец, не найти в среде простофиль с самого сотворения мира» [3].

К сожалению, эта Цицероном созданная версия о последнем большом движении популяров в Риме, перешедшая затем и к угодливому Саллюстию (свой «Заговор Катилины» последний писал в 43 г., в момент наибольшего влияния Цицерона, с определенной целью польстить ему и затушевать свои прежние демократические грехи), продолжает импонировать многим современным историкам, склонным еще более, чем Бизли, относиться к ней «некритически».

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. III, 1936, стр. 323.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII. Письмо от 19 августа 1865 г., стр. 305.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI. Письмо Энгельса к Марксу от 17 марта 1851 г., стр. 173.

§ 4. Первый триумвират и диктатура Гая Юлия Цезаря. Освободительное движение в провинциях, грозное восстание рабов и движение популяров в 60-х годах окончательно расшатали государственный строй Рима. Они наглядно показали, что единственной силой, способной поддерживать рабовладельческий порядок, являлась армия и ее прославленные командиры. Поэтому и в озлобленных низах римского общества и в судорожно цеплявшейся за власть аристократии все более распространялись чаяния и надежды на появление «спасителя» из военных кругов. И особое возбуждение охватило в связи с этим Рим, когда, наконец, осенью 62 г. Гней Помпей «Великий» с своими войсками высадился в Брундизии. К общему удивлению, «демократический Сулла» (как Помпея, уже со страхом, называли в консервативных кругах) не захотел последовать примеру своего предшественника и учителя и не произвел военного переворота. Помпей поступил вполне конституционно: по-царски одарив своих солдат и офицеров, он распустил армию и лишь с небольшой свитой прибыл в Рим, чтобы отпраздновать свой триумф и занять соответствующее его заслугам место в римском обществе и в правительственном аппарате. Крупнейший землевладелец в Италии и первый в ней богач, он не желал начинать новую гражданскую войну с ее неизбежно разрушительными хозяйственными следствиями, тем более в интересах демократии, с которой был связан лишь самым внешним образом.

В результате, попав в водоворот римских политических и общественных отношений, Помпей оказался значительно слабее, чем того ожидал. Другие магнаты, как Лукулл и Красс, ему завидовали, сенат его боялся и всячески ему мешал, с народной массой его отношения оказались довольно холодные, несмотря на демагогическую деятельность его агентов (Метелла Непота и других). Почти целый год Помпей добивался разрешения отпраздновать свой триумф, который, наконец, состоялся только в августе 61 г.; утверждения же сенатом своих распоряжений по устройству завоеванных им стран и наделения землей своих солдат он так и не мог добиться.

В поисках себе союзников Помпей сперва пытался сблизиться с «отцом отечества» Цицероном, чтобы через него иметь опору в сенате, но слишком дороживший своими новыми связями с оптиматами Цицерон отказался от такого соглашения, о чем впоследствии очень жалел. Помпею пришлось тогда опять поневоле искать поддержки у вождей народной партии — идти, как в 70 г., на новый компромисс с главой всадников, своим старым соперником Крассом и с новым народным любимцем Цезарем. Последнего все более и более нараставший конфликт его с сенатом заставил превратиться в открытого демагога, к которому, по выражению Плутарха, «народ был необыкновенно привязан»; в бурный год своей претуры (62 г.) он резко протестовал против продолжавшихся расправ с сторонниками Катилины, разоблачал растраты казенных денег глава-

рями крайних реакционеров (Катулом) и пр. Сенат даже пытался отрешить его от должности претора, но шумное выступление народных масс заставило сенаторов отменить уже изданный указ.

Так в 60 г. состоялось частное и тайное сначала соглашение трех самых влиятельных и популярных лиц в Риме — Помпея, Красса и Цезаря, так называемый *первый триумвират*. Плутарх правильно определил это соглашение как «настоящий государственный переворот для уничтожения власти аристократии» (*Плутарх*, Цезарь, 13). Это, по выражению консервативно настроенного Варрона, «трехглавое чудовище» действительно представляло собой негласную, по внешности демократическую, коллективную диктатуру, «обладавшую всемогуществом и использовавшую власть для взаимой выгоды» (*Аппиан*, Гражданские войны, II, 9). Цицерон тоже писал своему другу Аттику, что триумвират есть правление «несправедливых властителей», подобие «царской власти» и что республика превращается в ненавистную всем тиранию Помпея и его «приспешников» (*Цицерон*, Письма к Аттику, II, 12—19).

Теперь свободно проходили все мероприятия, угодные триумвирам. Особенно мастерски проводил их Цезарь, путем грандиозного подкупа избирателей выбранный консулом на 59 г. Он не считался с возражениями своего товарища, другого консула, Бибула, который заперся у себя в доме и только бессильно протестовал, ссылаясь на «неблагоприятные предзнаменования»: Бибул занимался, по выражению Моммзена, лишь «политической астрономией». Шутники называли поэтому 59-й год годом «консульства Юлия и Цезаря». Сенат Цезарь совсем не собирал, а действовал через народное собрание, состоявшее из дружин, нанятых из босяков, вооруженных кинжалами (*Аппиан*, Гражданские войны, II, 10).

Проведен был аграрный закон, похожий на проект Рулла: на средства, собранные Помпеем на востоке, решено было покупать землю для наделения ею его ветеранов; в раздел пущены и остатки «общественной земли» в Италии (в особенности плодородное «кампанское поле»), ею наделили также до 20 тыс. семей многодетных граждан. Утверждены были и все распоряжения Помпея на Востоке и все цари, им там посаженные, а несколько позднее утвержден был и египетский царь Птолемей Авлет, лично приезжавший в Рим и заплативший триумвирам громадные деньги (6 тыс. талантов) за свое назначение и за пожалованный ему титул «друга римского народа». Для всадников и прочих деловых людей, близких к Крассу, проведены были большие льготы — на целую треть уменьшены их откупные обязательства, за что Цезарь тоже был награжден и большой популярностью в их среде и большим количеством очень ценных паев в их предприятиях. «Всадники начали боготворить Цезаря, — пишет Аппиан («Гражданские войны», II, 13), и таким образом у него благодаря ловкому политическому ходу прибавилась новая группа сторонников, более силь-

ная, чем народ». Для себя лично уже 1 марта 59 г. Цезарь устроил очень выгодное проконсульство сразу в трех провинциях — Галлии Цизальпинской, Галлии Нарбонской и Иллирии — и притом на целые 5 лет.

Характерно, что все это делалось под видом выполнения народной воли: чтобы держать народ в курсе дел, Цезарь завел даже особые ведомости «деяний правительства», которые писались на больших белых досках, развешанных в разных частях города, с дополнением к ним разных полученных со всех стран важных известий, — своего рода первую в истории газету. Восстановлены были и закрытые народные общества и клубы, где агенты триумвиров, вроде инициатора этого закона трибуна Клодия, вербовали людей для голосований своих предложений в комициях. Цицерона тот же трибун Клодий привлек к суду за убийство без суда римских граждан, сторонников Катилины. Цицерон принужден был в 58 г. уйти в изгнание, и богатый дом его на Палатине был разрушен до основания. Чтобы закрепить свое господство, триумвиры старались породниться между собой: Цезарь выдал свою 14-летнюю дочь Юлию замуж за 50-летнего Помпея и сделал его своим наследником, а сам женился на столь же юной Кальпурнии, дочери намеченного в консулы на следующий год Кальпурния Пизона.

Такое совместное и согласное господство «триумвиров» продолжалось около 5 лет, причем главенствующая роль в триумвирате принадлежала Помпею, Цезарь же являлся лишь наиболее активным и талантливым управляющим делами всего «содружества» (societas). Однако все это замаскированное демократическими лозунгами троевластие являлось лишь переходной формой к открытому единовластию, что предсказывал Цицерон уже в 60 г., ошибаясь лишь в указании кандидата. Цезарь по своим личным качествам подходил для этого несравненно больше Помпея. Человек исключительно разносторонне одаренный — превосходный оратор, дальновидный и смелый политик, поэт, филолог, астроном, блестящий светский человек и любимец толпы, — он все умел делать сразу и одновременно. Вместе с тем, свободный от всяких моральных устоев циник, одинаково презиравший и аристократию, к которой принадлежал по происхождению, и демократию, которую возглавлял по семейным традициям, и религию, хотя и состоял верховным жрецом Римского государства, — он мог полностью отдаваться своим безграничным честолюбивым мечтам и планам. Чтобы сравняться с своими компаньонами по триумвирату, ему недоставало лишь их богатства и их военной славы, а чтобы их превзойти, нужна была преданная армия. Все это и доставили ему с избытком первые же три года его проконсульства в Галлии. Цезарь отправился туда в 58 г., тотчас же после истечения срока своей консульской службы, продолжая через своих агентов быть в курсе всех дел Рима и влиять на их ход.

Свою деятельность в Галлии, приведшую к ее завоеванию и к образованию новой обширной и богатой римской провинции, он

сам описал, конечно, с прикрасами, а в других случаях и с умолчаниями, в своих знаменитых «Записках о галльской войне» (восемь книг, соответственно его восьми годам пребывания в Галлии, причем последняя книга написана его легатом Авлом Гирцием). Они составлялись Цезарем по годам на месте и посылались тотчас в Рим, чтобы привлекать симпатии римского общества и распространять славу автора.

Рядом смелых и удачных военных ударов своей небольшой армии, состоявшей вначале из 3 легионов (позднее путем усиленных наборов Цезарь довел ее численность до 10 легионов), Цезарь в три года стал хозяином всей страны.

Цезарь воспользовался тем, что плодородная и богатая страна между Альпами, Рейном и Атлантическим океаном, которую римляне называли «Косматой Галлией» или «Галлией Заальпийской», находилась в состоянии ожесточенной борьбы. Шла непрерывная война между многочисленными племенными вождями, успевшими уже свой народ, в связи с распадом родовых отношений, привести, по выражению самого Цезаря, «почти к состоянию рабства». Этим пользовались для постоянных захватнических нападений на Галлию восточные соседи — гельветы и германцы. Германскому конунгу Ариовисту, предводителю полудикого германского племени свевов, удалось уже захватить всю восточную часть Галлии, а гельветы покинули и даже сожгли свои неприютные горные селения в Альпах и громадной ордой двинулись искать новых земель на низовья Гаронны и Луары.

Цезарь настиг и разбил гельветов и заставил их вернуться на покинутые ими места. Затем близ галльского городища Безантиона (Безансон) он одержал победу над Ариовистом и вытеснил германцев на правый берег Рейна. В два года были после упорного сопротивления покорены белги, самая сильная и воинственная группа галльских племен, живших к северу от реки Сены, и в это же время легат Цезаря Публий Красс (сын триумвира) подчинял племена западной Галлии — армориков и аквитанов. К концу 56 г. вся Галлия была уже во власти Цезаря: повсюду были расквартированы в укрепленных лагерях римские войска и собирали наложенную на новую провинцию ежегодную дань в размере громадной по тому времени суммы в 40 млн. сестерциев (около 4 млн. руб. золотом).

Несметные богатства галльских храмов (жрецы-друиды пользовались в Галлии необычайным почетом и влиянием) расхищались как самим Цезарем, так и стаями хищников и авантюристов, слетавшихся в лагерь Цезаря со всех сторон. Один из его легатов Тит Лабиен на свою добычу построил впоследствии целый город в Пиценуме. Солдатам, не считая их добычи, было удвоено жалованье и выдавалось продовольствие в неограниченном количестве, раздавались также рабы. Цезарь, бывший до того времени кругом в долгу, благодаря широкому образу жизни и крупным тратам на раздачи народу и его увеселения, стал одним из богатейших людей и крупнейших рабовладельцев; он широко раздавал деньги, всякие ценности, тысячи рабов влиятельным людям, чтобы увеличить число своих приверженцев. В Риме он за свой счет начал в 55 г. строить новый, великолепно украшенный различными сооружениями форум («форум Юлия») и на одну покупку земли для этого истратил свыше 100 млн. сестерций. По существу, уже в 56 г.

богатством, военной силой, популярностью он уже превосходил своих товарищей по триумвирату.

В связи с этим появились и первые т р е н и я с р е д и т р и у м в и р о в. Уже в 57 г. Помпей начал действовать против главного агента и доверенного Цезаря в Риме — трибуна Клодия, поддерживая против него его соперника Милона, и стал искать сближения с изгнанным из Рима Цицероном. По его предложению Цицерон, пробывший 16 месяцев в изгнании, получил амнистию и с торжеством возвратился в Рим. В противовес Цезарю Помпей и Красс тоже желали получить крупные провинциальные командные посты и иметь также военную опору. В 56 г., чтобы сгладить возникшие разногласия, все трое — Цезарь, Помпей и Красс — съехались в Луке (Лукке), зимней резиденции Цезаря. Это был настоящий конгресс некоронованных государей — одних сенаторов в их свитах было до 200 человек. Властители Рима договорились между собой о восстановлении некоторого равновесия: Помпей и Красс должны были получить консульские должности на следующий, 55 г., а затем проконсульства: Помпей в Испании, а Красс в Сирии; Цезарю его командные права в Галлии продолжены были еще на 5 лет. Обо всем этом даны были директивы соответствующим агентам, которые без особого труда оформили и провели в жизнь это соглашение.

Свиданием триумвиров в Луке конфликт был временно улажен, но с этого времени все же триумвират неудержимо стал склоняться к распаду. Красс не дождался даже конца своего консульства и уехал в свою провинцию Сирию. По словам Плутарха, «к старой болезни Красса — корыстолюбию — присоединилась, из-за подвигов Цезаря, новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам» («Красс», 14). «Он уже не Сирией и не парфянами ограничивал поле своих успехов; он называл походы Лукулла и Помпея детскими забавами, в мечтах же своих возносился до бактрийцев, индийцев и до моря, за ними лежащего» (П л у т а р х, Красс, 16). Однако, прибыв в Сирию, Красс «занялся делами более коммерческими, чем подобает полководцу», — не столько серьезной подготовкой задуманного им восточного похода, сколько захватом храмовых сокровищ (ограблен, между прочим, был и Иерусалимский храм), освобождением за деньги союзных городов и царей от обязанности выставлять вспомогательные контингенты и пр. Легкомысленно двинувшись летом 53 г. в поход с семью легионами пехоты и позволив парфянам заманить себя в пустынные равнины западной Месопотамии, он был окружен близ города Карры (около Эдессы) тяжелой, закованной в латы парфянской конницей и погиб вместе со всей своей армией. По словам Диона Кассия (XL, 27), в отрубленную голову Красса парфяне через рот влили расплавленное золото, «так как Красс, богатейший человек, был необычайно жаден к золоту».

Замечательную оценку военного искусства парфян дал товарищ Сталин: «...старые парфяне знали о ...контрнаступлении, когда они

завлекли римского полководца Красса и его войска в глубь своей страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их» [1].

Таким образом, триумвират во второй половине 50-х годов фактически уже свелся к дуумвирату — двоевластию Цезаря и Помпея. Но и Помпей все более и более отходил от своего прежнего союзника и стал сближаться с его противниками, с консервативными кругами Рима, видевшими в преобладании склонного к компромиссам Помпея меньшее зло, нежели в надвигающемся господстве «демагога» Цезаря. Уже в 57 г., ввиду голода в Риме, Помпей, при посредстве благодарного ему Цицерона, получил обширные полномочия по снабжению Рима провиантом, «как раньше при ликвидации пиратов», — говорит Аппиан (Гражданские войны, II, 18). В свою провинцию Испанию он не уезжал, а войсками и делами ее распоряжался через своих легатов. В 52 г., когда в связи с ожесточенной борьбой на выборах, доходившей до настоящих уличных боев между вооруженными отрядами Клодия и его противника Милона (Клодий был даже убит Милоном), Рим остался совсем без магистратов, сенат использовал это обстоятельство, чтобы облачить Помпея чрезвычайной, почти диктаторской властью: по предложению одного из наиболее ярых реакционеров и врагов Цезаря, Катона, Помпей был назначен «консулом без коллеги», фактически — диктатором. «И Помпей был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства ни во что не ставил сенат» (Аппиан, Гражданские войны, II, 25).

В консервативных кругах Рима в это время открыто заговорили о желательности перестройки всего государственного строя Рима в духе умеренной, ограниченной сенатом монархии с Помпеем во главе. Именно такую теорию развивал Цицерон в своей вышедшей в 51 г. книге «О государстве» (De republica). «Крайняя свобода, — писал этот ренегат демократии, — сама превращает свободный народ в рабов». «Если сравнивать чистые формы государств, то не только нет основания порицать монархический строй, но я уверен, что его следует поставить несравненно выше других», — только следует монарха сделать выборным, как выборными были в старину древние цари Рима, и подчинить его авторитету сената. «Отец отечества», впрочем, намекал, что и сам он не прочь был бы занять такой пост «ректора» или «принцепса» государства.

Этот период «принципата Помпея» в Риме, однако, длился недолго и стоял в связи с затруднительным положением Цезаря в Галлии во второй половине 50-х годов. Цезарю пришлось отбивать новое нашествие на Галлию германских племен — узипетов и тенктеров, громадной ордой, будто бы до полумиллиона человек, хлынувших из-за Рейна в плодородную область галльского племени треверов. В значительной степени хитростью и даже коварством Цезарь справился с нашествием: он заманил к себе на переговоры

[1] И. В. Сталин, Ответ на письмо тов. Разина, «Большевик», 1947, № 3, стр. 8.

вождей германцев, а тем временем напал неожиданно на спокойно ожидавших результатов переговоров «варваров», причем изрублено было до 40 тыс. человек. За это «оскорбление чести римского оружия и нарушение клятвы» Катон даже предлагал сенату выдать «клятвопреступника» на расправу германцам.

Затем Цезарю дважды пришлось переходить самому через Рейн, чтобы навести страх на подготовлявшие дальнейшие набеги племена, в особенности свевов. Остатки грандиозного, построенного им на Рейне для этого моста, в виде громадных, железом обитых дубовых стволов, до сих пор хранятся в Майнцском музее (см. описание постройки этого моста в «Записках Цезаря», IV, 17). Одновременно пришлось вторично покорять ряд восставших галльских племен, в особенности — живших на побережье океана венетов. Захваченные в кольцо римских военных сил с суши и с моря, они почти полностью были истреблены. В 55 и 54 г. с большим построенным для этого флотом Цезарь пытался завоевать Британию, «остров невероятной величины». Он рассчитывал прекратить помощь с острова восставшим галлам, но это, однако, ему не удалось: «после того как он нанес более вреда противнику, чем доставил выгоды своим войскам, — у этих бедных и скудно живущих людей не было ничего, что стоило бы захватить, — он закончил эту войну не так, как желал: взяв заложников у царя варваров и обложив варваров данью, покинул остров» (Плутарх, Цезарь, 23; см. «Записки Цезаря», IV, 30—36 и V, 8—23).

Но в особенности опасно стало положение Цезаря, когда в 52 г. поднялось почти общее восстание в Галлии. Во главе его стоял смелый и талантливый предводитель арвернов Верцингеториг, сумевший поднять против римлян даже их старинных друзей эдуев и придать всему восстанию широкий общенародный характер. Погиб ряд римских гарнизонов, и захвачены были стоянки разбросанных по всей обширной стране римских войск. Сам Цезарь потерпел поражение под Герговией и едва отбился в своем укрепленном лагере. Наконец, навербовав дополнительно еще три легиона, Цезарь смог запереть Верцингеторига с его основными силами в городе Алезии, но на выручку вождя собралось всенародное ополчение галлов (около 300 тыс. человек). Они окружили самого Цезаря вторым кольцом. Цезарю пришлось отбиваться за двойными окопами: против осажденных и против осаждающих. И надо отдать справедливость военным инженерам и техникам Цезаря, руководимым начальником его «военных мастеров» Витрувием: только они и спасли его армию от неминуемой гибели. Был воздвигнут двойной непрерывный пояс всевозможных укреплений — деревянных стен с башнями, глубоких рвов, волчьих ям с вбитыми в центре их острыми кольями, завалов из срубленных деревьев и пр. (Цезарь, Записки, VII, 72—73). Укрывшаяся среди таких фортификаций римская армия сумела, улучив момент, внезапным ударом рассеять вспомогательное ополчение галлов, а затем, после отчаянного сопротивления, принудить к сдаче и самого Верцингеторига. Впоследствии, в день триумфа, проведя Верцингеторига за триумфальной колесницей Цезаря, римляне казнили этого галльского героя у подножья Капитолия.

Только после кровавой экзекуции, которой подверглась в связи с этим восстанием вся Галлия, Цезарь имел возможность приступить к сведению счетов и с Помпеем и с все более поднимавшей в Риме голову партией реакции. Уже ставился в сенате вопрос о предъявлении Цезарю требования сложить затянувшееся командование в Галлии и о назначении ему преемника. В ответ на это агенты Цезаря, подкупленные им трибуны Г. Курион, М. Антоний и Кв. Кассий, стали шумно требовать, чтобы сложил свои полномочия и Помпей. В сенате и на форуме происходили бурные прения. Консулы Эмилий Павел и Г. Клавдий Марцелл, принадлежавшие к лагерю наиболее враждебно настроенных по отношению к Цезарю оптиматов, отдали приказание Помпею «выступить против Цезаря, как врага, в защиту отечества» и передали ему командование над всеми войсками, стоявшими в Италии. На протесты трибунов внимания не обращали, и трибуны, под предлогом «насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов», бежали к Цезарю: они давали ему как бы законный повод начать открытую войну с Помпеем и всей сенатской партией в защиту исконных прав народа или, как заявил сам Цезарь, «чтобы освободить себя и римский народ от гнета шайки олигархов» (Цезарь, О гражданской войне, I, 22).

Цезарь спешил овладеть Италией и Римом, пока Помпей не закончит мобилизации. Так как не успели еще подойти основные войска Цезаря, вызванные из Заальпийской Галлии, он в начале января 49 г., во главе небольшого передового их отряда, с одним XIII легионом, внезапно перешел границу Италии и своей провинции, речку Рубикон и занял город Аримин. Сразу поднялась небывалая паника: «Мужчины и женщины в ужасе бродили по Италии, в самом Риме, который был затоплен потоком беглецов из окружных селений, власти не могли поддержать порядка». Помпей объявил, что покидает город, и приказал следовать за собой всему римскому правительству, сенату и «всем тем, кто предпочитает родину и свободу тирании» (Плутарх, Цезарь, 33). Несмотря на крайне форсированный марш через Умбрию, Пиценум, область сабинов на юг, Цезарю не удалось помешать Помпею и сопровождавшим его магистратам и сенаторам бежать морем из Брундизия на восток, где Помпей, рассчитывая на свои прежние связи, надеялся организовать сопротивление. В два месяца Цезарь овладел всей Италией, привлек на свою сторону покинутые войска, занял без боя Рим и захватил брошенное бежавшим правительством казначейство. Немного позднее Цезарь заставил провозгласить себя диктатором (49 г.).

Гражданская война на этот раз приняла особо широкий размах, продолжалась целые 5 лет и охватила всю территорию Римской державы, почти все ее провинции. Не имея достаточного флота и военных сил, Цезарь не мог немедленно начать преследование Помпея в Греции, где последний близ Диррахия, в Эпире, успел сосредоточить до 11 легионов, 7 тыс. конницы

и множество вспомогательных войск из греков, фракийцев, галатов, киликийцев, каппадокийцев и прочих восточных народов и очень сильный флот до 600 кораблей. Поэтому Цезарь постарался сперва создать себе такую же сильную базу в западной части римской державы и собрать здесь не меньшие силы. Он захватил Сицилию и Сардинию, отправил два легиона с Курионом во главе оккупировать Африку. Эта экспедиция окончилась неудачно: Курион погиб вместе со всем своим войском, уничтоженным нумидийским царем Юбой. Сам Цезарь направился в Испанию, чтобы ликвидировать эту западную провинцию Помпея, и после короткой борьбы с его легатами, Афранием, Петреем и Варроном, овладел ею, склонив большую часть стоявших здесь войск на свою сторону. Лишь в 48 г. он мог двинуться с 10 легионами и 10 тыс. галльской конницы против Помпея и после трудного зимнего переезда через Ионийское море и временных неудач под Диррахием, пользуясь многоначалием в лагере Помпея и отсутствием поэтому в ней твердого руководства, разбил основную армию Помпея под Фарсалом (в Фессалии). Здесь в плен к Цезарю попало почти все бежавшее из Рима правительство; Помпей же, пытавшийся после поражения найти убежище в Египте, был убит придворными малолетнего царя Птолемея XII, желавшими выслужиться перед Цезарем и привлечь его на сторону царя против воевавшей с ним его сестры Клеопатры.

Однако война на этом не прекратилась. Преследовавший Помпея Цезарь вмешался в египетские дела, стремясь захватить богатую казну египетских царей. Под предлогом мести за коварно убитого Помпея, тело которого он с военными почестями похоронил и воздвиг даже в честь убитого противника особый храм-памятник, он казнил виновных придворных Птолемея, сверг самого царя и поставил царицей Египта обворожившую его Клеопатру. Из-за этого ему пришлось выдержать настоящую «Александрийскую войну», описание которой, составленное одним из его приближенных, дошло до нас как продолжение собственных записок Цезаря «О гражданской войне» [1].

Но главным образом ему пришлось еще три года бороться с бывшими союзниками Помпея и его многочисленными сторонниками — «помпеянцами» — в Малой Азии, Африке и Испании. На востоке после смерти Помпея особенно энергично продолжал борьбу его ставленник, боспорский царь Фарнак. Он вторгся в Понт, бывшее царство своего отца, разбил здесь легата Цезаря Домиция, взял верный римлянам город Амис и всех его жителей обратил в рабство. Цезарю пришлось спасать власть Рима в Малой Азии и с этой целью организовать поход против Фарнака. Поход, однако, оказался легким: в первой же битве (при Зеле) Цезарь разгромил войска Фарнака и заставил его бежать в Пантикапей

[1] См. «Записки Г. Юлия Цезаря», пер. М. М. Покровского М. 1948, стр. 359—402.

(Керчь). Здесь Фарнак был убит своими же восставшими подданными. О сражении при Зеле Цезарь послал свое известное донесение в Рим всего в трех словах: «Пришел, увидел, победил».

Эти две войны — Александрийская и с Фарнаком, — задержавшие Цезаря на Востоке, дали возможность уцелевшим помпеянцам создать себе крупные базы на Западе. Для ликвидации их Цезарю пришлось совершить еще два весьма трудных и опасных похода — в Африку (46 г.) и в Испанию (45 г.). В Африке помпеянцев возглавляли консул Луций Сципион и претор М. Порций Катон, непримиримые враги Цезаря. При них действовал даже новый «сенат» из 300 членов, они собрали большие военные запасы, значительный флот и крупную армию до 8 легионов пехоты, 20 тыс. нумидийской и арабской конницы, 30 слонов; в союзе с ними был и нумидийский царь Юба, имевший еще бо́льшие силы. Бывший легат Цезаря, изменивший ему Лабиен, сумел даже нанести своему прежнему полководцу очень чувствительное поражение. Оно не обратилось в полный разгром только из-за чрезмерной самоуверенности победителей: они желали честь полной победы над Цезарем предоставить отсутствующему главнокомандующему Сципиону, и раньше времени прекратили преследование. Цезарь, между тем, успел оправиться, сумел натравить мавританского царя Бокха на Нумидию, подготовил своих солдат к непривычной для них борьбе со слонами и в новой битве (при Тапсе) наголову разбил своих врагов. Катон, Петрей и царь Юба покончили с собой. Другие вожди помпеянцев поспешно бежали, весь «сенат» попал в плен и по приказу Цезаря был казнен. Нумидийское царство превратилось в новую римскую провинцию, а ее наместником поставлен был будущий историк Саллюстий Крисп.

Еще труднее оказалось Цезарю справиться с последним оплотом помпеянцев в Испании. Сюда бежали все, кто еще остался жив из разбитой партии Помпея «Великого», — к его сыновьям Гнею Помпею Младшему и Сексту Помпею. Сам характер этой партии, до сих пор весьма аристократической, под влиянием пережитых неудач сильно изменился в сторону ее демократизации. По примеру Сертория она вошла в Испании в тесный контакт с туземными иберийскими элементами, и из них создана была очень крупная местная регулярная армия, в которую во множестве вступали и рабы. «Уже четыре года это войско обучалось и готово было сражаться с отчаянием» (Аппиан, Гражданские войны, II, 103). Сам Цезарь признавался впоследствии, что в страшной решительной битве при Мунде (или Кордубе), в которой он, чтобы воодушевить своих солдат, сражался во главе их как простой воин, он «в противоположность многих прежних битв, когда он сражался за победу, вел битву за жизнь». Но и здесь помпеянцы потерпели поражение, Гней Помпей Младший, Лабиен и Вар погибли, из помпеянских вождей остался лишь Секст Помпей, принужденный с жалкими остатками собранных в Испании помпеянских вооруженных сил уйти на немногих кораблях в открытое море и жить морским разбоем.

«Цезарь, закончив вполне эти гражданские войны, — заключает свое весьма красочное описание Аппиан, — поспешил в Рим, внушив к себе страх и славу о себе, какую не имел никогда никто до него» («Гражданские войны», II, 106). Правда, тот же Аппиан должен был признать, что слава эта была куплена очень дорогой ценой: «Была сделана в это время перепись населения, и оказалось, что количество его составляет половину бывшего до войны, — в такой степени пострадал Рим от междоусобной войны» (там же, II, 102).

В Риме вновь наступило время господства военщины, как во времена Суллы, правда, в несколько более мягкой

*

форме. Солдаты, чувствуя себя главной решающей силой, волновались, поднимали бунты, требовали выдачи обещанных громадных наград. Особенно опасен был их бунт в 47 г., перед походом в Африку: собравшись на Марсовом поле, солдаты шумели, требовали немедленной выдачи вознаграждений и роспуска по домам. Присланного к ним Цезарем с новыми обещаниями Саллюстия Криспа они едва не убили. Было опасение, что они бросятся грабить сам город. Только смелое появление среди них Цезаря, его умелое и твердое обращение с мятежными солдатами спасло Рим от такого погрома. Соединением угроз и обещаний Цезарь умел смирять опасные военные вспышки и добиваться необходимого повиновения. Солдаты выражали свое раскаяние и выполняли его приказания. Но все же они добились того, что в угоду им Цезарь принужден был сократить количество выдаваемых римскому гражданскому населению пайков ровно вдвое — с 300 тыс. до 150 тыс. Во время празднования своих триумфов (Цезарь справлял в 46 г. сразу четыре триумфа — над галлами, над Египтом, над Фарнаком и над Нумидией) Цезарь расплатился со своими войсками, «превзойдя все обещания: каждому солдату дал он 5 тыс. драхм, центуриону вдвое больше, трибуну, равно как и начальнику конной части, вдвое больше, чем центуриону», — в общем истрачено было денег до 65 тыс. талантов и роздано 2822 золотых венка весом около 20 тыс. фунтов (Аппиан, Гражданские войны, II, 102). Земельные раздачи ветеранам, начатые в обширном масштабе, Цезарь закончить не успел в виду своей смерти. Избалованные, разбогатевшие и распущенные цезарианские офицеры, как любимцы Цезаря Марк Антоний, Мамурра и др., «отъявленные кутилы и моты», по выражению Цицерона, вели неслыханно роскошный образ жизни, проедали и пропивали миллионные состояния. Единственно, что Цезарь мог еще предотвратить, это проскрипции, резню и конфискации, подобные сулланским, которые не прочь была повторить его победоносная армия.

Сам Цезарь и не скрывал, что основой его власти является войско. Подобно Сулле, он основным своим титулом сделал военное почетное звание «император», которое обращено было им как бы в личное имя: «Император Цезарь, отец отечества, бессрочный диктатор» (Imp. Caesar p. p. dict. perpetuus) — значится на его монетах вокруг его портрета. Прибавление титулов «отец отечества» и «диктатор» обозначало, что эта военная по своей сущности власть распространяется и на всю гражданскую общину и республика обращается в военную монархию, притом навсегда. «Эта несменяемость в соединении с неограниченным единовластием была открытой тиранией», — поясняет Плутарх.

Диктатура торжествующей военщины, осуществляемая через ее вождя, имела, по существу, и в 40-х годах не менее реакционный и антинародный характер, чем диктатура Суллы 35 лет назад, хотя по внешности она и произошла из другого лагеря. Цезарь

ведь долго был признанным вождем народной партии, от него ждали переворота в духе программы Катилины: из-за этого в такой панике и бежали вместе с Помпеем из Италии в 48 г. все консервативные и собственнические элементы.

Но народные чаяния и надежды оказались обманутыми. Несмотря на жестокий экономический кризис, охвативший Рим в связи с гражданской войной, Цезарь ограничился лишь распоряжением, чтобы проценты, уплаченные по долгам, зачитывались в погашение общей суммы долга и чтобы залоги оценивались по прежней цене. Вспышки народных движений подавлялись немедленно и с примерной строгостью. В 48 г. претор М. Целий Руф выступил в народном собрании с предложением кассации долгов и снятия задолженности по квартирной плате, но был за это лишен претуры и изгнан из города. Рим был объявлен на военном положении, чтобы подавить сочувственное Руфу движение в народе, а восстание, которое Руф вместе с прославившимся еще в 50-х годах своей демагогией Милоном попытался поднять на юге Италии, было ликвидировано с помощью военной силы, причем оба народных вождя погибли во время его усмирения (Цезарь, О гражданской войне, III, 20—22). Когда же в следующем 47 г. те же требования выдвинул народный трибун П. Корнелий Долабелла и весь римский плебс оказал ему горячую поддержку, построив баррикады по всем улицам, ведущим к форуму, чтобы нельзя было сорвать голосования, то ближайший помощник Цезаря, его начальник конницы Марк Антоний, управлявший Римом в отсутствие Цезаря, устроил настоящую бойню на улицах столицы. Его войска штурмовали баррикады и разогнали народное собрание, причем убито было до 800 человек, а многие были сброшены с Тарпейской скалы. Спешно возвратившийся Цезарь сделал вид, что не одобряет действий Антония, не преследовал Долабеллу, даже сложил годовую задолженность по плате за дешевые квартиры, стоившие меньше 2 тыс. сестерций в год в Риме и 200 сестерций в городах Италии, но одновременно с тем закрыл все народные клубы и коллегии (Светоний, Цезарь, 38).

Народ он старался всячески отвлекать от общественной и политической деятельности, устраивая небывалые по роскоши празднества и зрелища. Цезарь привлекал к себе симпатии народа щедрыми раздачами денег, хлеба, масла, угощениями (один раз для этого было расставлено в Риме 22 тыс. столов). Народные же собрания и выборы обращены были в пустую формальность: Цезарь либо сам назначал магистратов, иногда на несколько лет вперед, либо обращался к трибам с письмами, настоятельно предлагая выбирать выдвинутых им кандидатов. Вместе с тем он стремился повернуть общественное внимание от общих политических вопросов на местные дела, для чего был издан закон о муниципальном управлении италийских городов (lex Iulia municipalis), расширявший их права. Старался Цезарь создать себе популярность и в провинциях, широко раздавая права римского гражданства. Например, вся Циспаданская Галлия получила римское право, Транспаданская — латинское, и, таким образом, и здесь прежние военные колонии обратились в самоуправляющиеся муниципии с преобладанием, конечно, зажиточной («надежной») части населения. Все же Цезарь не утратил полностью симпатии низов и продолжал считаться главой партии популяров.

Возникающее единовластие, естественно, должно было сопровождаться тенденциями к централизации и бюрократизации управления. Цезарь открыто заявлял, что «республика — это пустое слово, без смысла и содержания» (Светоний, Цезарь, 77), и наоборот, «все сказанное им, даже в разговоре, является законом». Поэтому все органы прежнего республиканского управления он стремился обратить в простые исполнительного характера чиновничьи инстанции. Сенат превращался в совещательный орган и благодаря введению в него разных креатур Цезаря, иногда из выслужившихся центурионов, доведен был до 900 членов. Количество преторов увеличено было до 16, квесторов до 40, эдилов до 6; в Риме появились особые полицейские префекты из офицеров Цезаря, все послушные исполнители его распоряжений — кадры возникающего управления через чиновников, зачатки бюрократии. Вместе с тем в целях единообразия в расчетах и удобства управления по всей территории Римской державы введена была новая единая золотая монета (aureus) и новый, весьма усовершенствованный календарь, над разработкой которого трудилась целая комиссия известных астрономов при ближайшем участии самого Цезаря, почему он и получил имя «юлианского календаря». В основу его был положен солнечный год в 365 $^1/_4$ дней; месяцы стали иметь (за исключением февраля, сохранившего свое число 28 дней от старого лунного года) по равному числу 30—31 дней, седьмой месяц назван в честь Цезаря — июлем. Календарь этот под именем «юлианского» или «старого стиля» частично удерживается кое-где и в наши дни.

Цезаря очень привлекали виденные им на Востоке формы государственных организаций, в особенности эллинистическая монархия в Египте с ее беспредельной властью царей, их обожествлением, пышным придворным этикетом и развитым чиновничьим управлением. Ему был поставлен золотой трон в сенате, он ходил в костюме триумфатора — в лавровом венке, пурпурном плаще и такого же цвета башмаках, одежде древних римских царей; он стал постоянно упоминать о своем божественном происхождении от самой богини Венеры. Был построен особый храм «божественного Юлия», или «Юлия-Юпитера» (Jupiter Julius), учреждена особая коллегия жрецов для его обслуживания и совершения в честь его различных богослужений. По приглашению Цезаря в Рим приезжала египетская царица Клеопатра; ожидалась свадьба Цезаря с нею, чтобы и он благодаря этому браку с царицей мог именоваться царем. Сторонники Цезаря уже не стеснялись надевать золотые венцы на его статуи и публично подносить ему царскую диадему. Но такое коронование было еще недостаточно подготовлено; народ встречал эти монархические демонстрации ропотом, и Цезарю временно приходилось отказываться от официального провозглашения себя царем до соответствующей, более основательной обработки общественного мнения.

В 45 г. Цезарь приступил к подготовке грандиозного «восточного похода» на парфян, грозивших нашествием на восточные провинции Рима. На обратном пути предполагалось покорить и гетов, царь которых Биребиста создал в это время мощное государство на Нижнем Дунае. В связи с этим усердно распространялись слухи, что, согласно древним пророчествам, «сивиллиным книгам», восточных царей может победить только царь. Но за четыре дня до отправления в поход, в иды марта (15 марта) 44 г., Цезарь был убит в сенате группой заговорщиков, когда только что сел в свое кресло, намереваясь открыть заседание. Есть сведения, что именно в этом заседании сторонники Цезаря должны были внести предложение о провозглашении его царем (Плутарх, Цезарь, 64).

Таким образом, Цезарю не удалось довершить свое дело до конца и закрепить созданный им военно-монархический «императорский» режим в Риме. Но прежний республиканский строй был им разрушен так основательно и бесповоротно, что новое возрождение его, как то произошло после смерти Суллы, стало уже невозможно. Поэтому Цезаря и надлежит считать основателем Римской империи, хотя его преемникам еще долго придется бороться за полное осуществление намеченного им во всех основных чертах нового политического строя. Империя Цезаря, как замечательно верно отметил И. В. Сталин, подобно империям Кира и Александра, еще представляла собой «...конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[1]. Такие политические образования «...не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения» [2].

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ГЛАВА LVII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРИНЦИПАТА. ВРЕМЯ ОКТАВИАНА-АВГУСТА

§ 1. Последнее движение республиканцев и его неудача. Второй триумвират и военный погром 43 г. Выполнителями заговора были виднейшие сенаторы-республиканцы из числа высших офицеров ближайшего окружения Цезаря. Во главе заговорщиков стояли два члена богатейшей римской семьи Юниев Брутов: претор Марк Юний Брут, фанатик-республиканец и в то же время любимец Цезаря, и его родственник Децим Юний Брут, тоже близкий к Цезарю человек, назначенный им правителем Цизаль-

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.
[2] Там же.

пинской Галлии, затем другой претор, Гай Кассий Лонгин, два брата Каски, Квинт Лабиен-сын и другие. Общее число заговорщиков было до 60 человек, почти все из амнистированных помпеянцев.

Но вдохновителями заговорщиков были широкие круги ненавидевших Цезаря римских оптиматов и нобилей, к которым все заговорщики принадлежали по своему происхождению. Поэтому и местом расправы с Цезарем они выбрали сенат, в надежде на его сочувствие и содействие их замыслам «убийства тирана и восстановления республиканского строя».

Действительно, из множества присутствовавших в заседании сенаторов ни один не оказал Цезарю никакой помощи, когда его окружили и стали колоть своими кинжалами заговорщики. «Все разбежались, — пишет Светоний, — а он несколько времени лежал бездыханный. Наконец три каких-то раба отнесли его домой на носилках». Большинство сенаторов самыми различными способами помогало убийцам Цезаря и требовало отменить все его распоряжения, даже запретить его погребение, а труп «тирана», по древнему обычаю, бросить в Тибр. Участники заговора и сочувствовавшие им представители римской знати захватили Капитолий и, используя свои служебные права, вызвали для охраны его множество гладиаторов, собранных в это время в Рим для представлений в цирке. Они опасались только ближайших сподвижников Цезаря — консула Марка Антония и начальника конницы М. Эмилия Лепида, в распоряжении которых находились стоявшие в Риме войска.

Однако, как свидетельствует Аппиан, «народ не последовал за заговорщиками» — аристократический характер переворота был слишком явен. Он скоро даже вызвал совершенно обратную реакцию в широких массах — вспышку народных симпатий к убитому. Убийц преследовали, избивали на улицах камнями; пострадали даже некоторые их случайные однофамильцы, ни в чем неповинные. Все это разрослось в бурную сцену общего народного возмущения, когда через несколько дней на форум был принесен труп Цезаря и оглашено было завещание, в котором Цезарь значительную часть своего состояния назначал на раздачу народу. Народные толпы подожгли сенат и начали громить дома сенаторов и знати. «Ложе Цезаря поставили на форуме, где издавна у римлян находился дворец царей, сложили в одно место деревянные предметы, скамейки, которых множество было на площади, и тому подобные вещи и, наложив на эту кучу роскошнейшее убранство, зажгли костер и всю ночь пребывали все вместе около него. Так был воздвигнут первый алтарь, теперь там стоит храм обожествленного Цезаря» (Аппиан, Гражданские войны, II, 147—148).

Народное движение стало к концу марта 44 года принимать особенно опасные для состоятельных кругов формы, когда во главе разбушевавшихся народных масс появился умелый агита-

тор и опытный руководитель, некий Герофил, или, как называют его другие источники, Амаций (повидимому, из среды вольноотпущенников), по профессии ветеринарный врач. Он себя называл «внуком Мария» и, по выражению Аппиана, «выражал слишком непомерную скорбь по поводу смерти Цезаря» (III, 2), изображая его защитником бедных, мученически погибшим за это от рук богатых; он звал толпу перебить всех причастных к этому делу и даже весь сенат. К движению примкнуло множество рабов и вольноотпущенников, ему сочувствовали ветераны Цезаря, в большом числе скопившиеся в Риме в ожидании обещанных денежных наград и земли; явочным порядком вновь открылись коллегии и объявляли Герофила своим «патроном».

Страх перед этими народными волнениями временно сблизил вождей цезарианцев с сенатской партией, мало того, даже с заговорщиками — убийцами Цезаря. Уже 17 марта, на заседании сената, Антоний и Лепид согласились на восстановление прежней республиканской конституции с верховной властью сената и фикцией суверенитета комиций. Они публично примирились с вождями заговора и в качестве заложников послали к ним своих детей. Это сближение было закреплено рядом компромиссных постановлений сената: республиканцы отказались от намерения объявить Цезаря тираном, конфисковать его имущество, отменить все его распоряжения и назначения, а цезарианцы согласились на амнистию убийцам, также на сохранение ими их магистратур и провинциальных командований; несколько позднее по предложению Антония был даже проведен закон об отмене диктатуры навсегда и о праве каждого убить всякого нового узурпатора.

Конечно, все это соглашение было лишь временным, неискренним и внешним, чтобы избежать немедленного начала гражданской войны и чтобы весь аппарат власти использовать против грозившего всем одинаково народного движения. Расправа же с последним была самая решительная при общем одобрении обоих сторон. Амаций-Герофил по приказу Антония был арестован и казнен без суда, несмотря на нарушение этим как раз самых основ только что восстановленных республиканских законов. Против сторонников его, собравшихся на форуме, Антоний и другой консул, Долабелла, послали войска (середина апреля 49 г.). «Одни, отбиваясь, были убиты, другие были схвачены и повешены, если это были рабы, а если свободные — были сброшены со скалы. Сумятица улеглась», — так рассказывает Аппиан о конце движения Герофила (III, 3—4).

Но временному перевесу республиканцев содействовал также глубокий кризис в среде цезарианской партии, поведший в ней не только к расколу, но даже к междоусобной войне. После смерти Цезаря вожди ее вступили в жестокую борьбу между собой за первенство. Самый крупный из них, Марк Антоний, ближайший и наиболее даровитый сотрудник

Цезаря, использовал свое положение консула для того, чтобы, усыпляя сенат разными полууступками, медленно и осторожно подготовлять восстановление цезарианского режима и расправу с его врагами. Он вызвал из соседней Македонии 4 стоявших там легиона под предлогом перевода их в Цизальпинскую Галлию, которая, по его настоянию и против воли сената, была народным собранием отдана ему в проконсульство вместо ранее назначенного Децима Брута. Он завладел всем громадным состоянием Цезаря и стал на эти деньги набирать отборные отряды из ветеранов-центурионов, будто бы для защиты себя от покушений со стороны раздраженных его расправой с Амацием демократов.

Но скоро у него появился опасный противник в лице прямого наследника Цезаря, его внучатого племянника Октавия. Последний был незадолго до смерти усыновлен Цезарем и потому назывался Юлием Цезарем Октавианом: в его пользу Цезарь и составил свое завещание. Хотя и очень еще молодой (ему было всего 18 лет, и во время убийства Цезаря он еще учился в Аполлонии), Октавиан, благодаря своему большому богатству и связям, а также личной ловкости, хитрости и коварству, сделался очень опасным соперником Антония. Притворным почтением он сумел очаровать Цицерона, возглавлявшего сенатскую партию, и Цицерон провозгласил его «борцом за отечество» против ненавистного ему Антония.

С другой стороны, используя падение популярности Антония в народе, Октавиан пустился в открытую демагогию: «Цезарь-сын обхаживал народ, — пишет Аппиан, — взбираясь всюду на возвышенные места города, он произносил крикливые речи против Антония» и побуждал народ требовать раздачи завещанных Цезарем денег (III, 28). Свое громадное состояние, увеличенное еще денежной помощью своей богатой родни, он употреблял на подкуп солдат Антония и набора собственной армии. Желающих поступить в любое «частное войско» (Тацит, Анналы, I, 2) было множество ввиду хозяйственного кризиса, безработицы ремесленников, нищеты крестьян. Профессия солдата привлекала перспективой щедрых денежных раздач и земельных наделений.

И когда ободренный этой распрей среди цезарианцев сенат в начале 43 г. объявил Антония врагом государства, так как последний стал силой выгонять из Цизальпинской Галлии Децима Брута, Октавиан отдал свои войска в распоряжение сената и во главе их, вместе с новыми консулами, тоже цезарианцами, Гирцием и Пансой, двинулся против Антония на север Италии. В большой и ожесточенной битве под Мутиной войска Антония потерпели поражение и принуждены были отступить в Заальпийскую Галлию. Так как оба консула, Гирций и Панса, погибли, Октавиан добился даже, чтобы ему было поручено командование всей северной армией.

Благодаря этим раздорам и междоусобиям цезарианских вождей положение сенатской партии заметно укрепилось. Сенат и возглавлявший его Цицерон уже не скрывали своего резко враждебного отношения ко всем цезарианцам и своего полного сочувствия убийцам Цезаря. Цицерон, высту-

пая в сенате и перед народным собранием с рядом патетических речей против Антония (14 «Филиппик», в параллель к знаменитым речам Демосфена против Филиппа Македонского), называл его кровожадным зверем и пр. Одновременно с этим готовилось оружие, причем все ремесленники были мобилизованы без вознаграждения; собирались деньги — восстановлен был военный налог (трибут), который не взимался уже 125 лет. Брут и Кассий получили обширнейшие полномочия собирать флот и войско для защиты республики, и им подчинены были все правители римских провинций на восток от Ионийского моря. Ожидали прибытия в Рим последнего уцелевшего из сыновей Помпея — Секста Помпея, а вместе с тем и полной реставрации помпеянского режима.

Эта угроза возрождения сенатской олигархии повела, однако, к выступлению основной решающей силы того времени — самой армии. Она и заставила, наконец, соперничающих вождей цезарианской партии прекратить свои раздоры, пойти на взаимное соглашение и приступить к осуществлению основной для них цели — мести за убийство Цезаря и восстановления созданной им военной диктатуры. К этому давно призывала вся масса осиротевших со смертью Цезаря солдат. В связи с недовольством медлительностью и осторожностью Антония в отношении «святой памяти Цезаря» два из его легионов передались Октавиану, который импонировал им не только своей большей щедростью, но и своими более решительными обещаниями «наказать убийц». Солдаты долго и тщетно старались примирить Антония с Октавианом, и наконец, когда Антоний потерпел поражение под Мутиной, а один Октавиан уже становился не особенно страшен окрепшей партии сената, солдаты решили взять дело в свои руки. Солдаты армии Октавиана выбрали депутацию в сенат: угрожая мечами, она потребовала консульской власти для своего командира Октавиана, хотя ему не было еще и 20 лет. Получив отказ сената, войска двинулись на Рим, построились на Марсовом поле и тем заставили сенат выполнить свое требование. Первым делом нового консула была отмена амнистии убийцам Цезаря и начало массовых арестов и казней республиканцев, а также массовая и щедрая выдача вознаграждений солдатам из государственной казны (по 2500 драхм).

Другая армия, стоявшая в Заальпийской Галлии, принудила своего начальника Лепида, соблюдавшего нейтралитет и даже внешне подчинившегося сенату, объединиться с Антонием и соединить находившиеся под командой обоих военные силы. Затем вся объединившаяся военная громада в количестве 17 легионов грозно устремилась в Италию. Под Бононией к ней присоединилась и армия Октавиана (11 легионов), который нашел момент подходящим, чтобы окончательно снять с себя маску преданности сенату. На маленьком островке реки Падуса близ Бононии осенью 43 г. сошлись трое главных вождей цезарианцев и после трехдневного совещания, на глазах усыпавших берега реки солдат, заклю-

чили между собой соглашение, которое и было прочитано ликующим войскам.

Было постановлено восстановить военно-диктаторский режим Цезаря, но в форме неограниченной власти коллектива трех цезарианских командиров — Антония, Лепида и Октавиана. Эта коллективная диктатура укрывалась под названием триумвирата для устройства государства (tres viri reipublicae constituendae) и облекалась верховной властью на 5 лет, до 1 января 37 г. Затем триумвиры немедленно заняли Рим своими войсками, разогнали прежнее правительство и утвердили свое соглашение фикцией «постановления» окруженного войсками народного собрания («закон Тиция»). Так возник «второй триумвират», в отличие от первого имевший совершенно официальный характер.

Тотчас, под предлогом мести за смерть Цезаря, в угоду своим солдатам триумвиры начали колоссальный кровавый разгром всей Италии. По примеру Суллы, но в значительно более широких размерах, составлялись длинные проскрипционные списки опальных людей, без суда предававшихся смерти и конфискации всего имущества. В Италии началось, как выразился Веллей Патеркул (II, 89), «повсеместное безумство оружия»: ходили отряды солдат в поисках осужденных, убивали их там, где находили, а отрезанные головы спешили доставить в Рим новым властям, чтобы получить за каждую по 25 тыс. драхм добавочного вознаграждения. Рабы, убивавшие своих проскрибированных хозяев, получали свободу. Так погибло множество известных и богатых людей (300 сенаторов и 2 тыс. всадников), среди них и Цицерон, одним из первых внесенный в списки (см. подробности у Аппиана, Гражданские войны, IV, 5—51). Конфискованные имущества шли в продажу с торгов, и множество спекулянтов, цезарианских чиновников и офицеров страшно обогатились на их удачной покупке. Очень разбогатели также сами триумвиры, поспешившие включить в списки своих родственников, от которых ожидали наследства. Для вознаграждения солдат им отдано было 18 лучших городов Италии, среди них такие богатые города, как Капуя, Венузия, Беневент, Аримин: население их изгонялось, а дома, имущество, земли и рабы их граждан распределялись среди солдат цезарианской армии. Это был грандиозный военный погром, в результате которого большая часть земель и имуществ Италии переменили своих владельцев. Экспроприаторы провинциальных богатств сами были теперь в значительной мере экспроприированы своим послушным до сих пор орудием — своей люмпенпролетарской армией.

И все же триумвирам не удалось собрать с одной Италии достаточно средств для покрытия всех своих обязательств и необходимых расходов (каждый из 250 тыс. солдат должен был получить по 25 тыс. сестерций, т. е. 2 тыс. золотых рублей). Это побудило их поспешить с распространением своей власти и на богатые восточные провинции, откуда шли основные доходы Римского государства,

но которые теперь находились в руках последних республиканцев. Здесь Брут и Кассий, тоже путем жестоких мер, собирали громадные средства и значительные войска для наступления на захваченный цезарианцами Рим и Запад, как во времена Помпея. Поэтому, несмотря на то, что в море господствовал флот Секста Помпея и республиканцев и топил транспорты с войсками и продовольствием триумвиров, большая 20-легионная армия во главе с Антонием и Октавианом прошла через Грецию и поздней осенью 42 г. в Македонии, недалеко от Амфиполя, при Филиппах, встретилась с 18 легионами Брута и Кассия, закрепившимися на очень сильной позиции среди непроходимых болот. Военные операции продолжались здесь целый месяц с неопределенным результатом, но все же с некоторым перевесом для республиканцев, которые имели значительно лучшее снабжение, вооружение и организацию. Значительно лучше был у них и боевой дух войск, так как в лагерь их собрались все последние непримиримые сторонники республиканского строя. Однако преждевременное самоубийство Кассия, переоценившего значение одной из частных военных неудач, дезорганизовало республиканское командование, и в конце ноября 42 г. армия Брута потерпела полное поражение. Брут в отчаянии закололся, а войска его сдались Антонию (см. Плутарх, Брут, 38, 53, и Аппиан, IV, 57—138).

Битва при Филиппах и смерть последних республиканцев представляла собой окончательную гибель республики. Триумвиры не только закрепили ею свое господство на западе Римской державы, но стали хозяевами и богатого Востока. Оставаясь попрежнему коллективным верховным органом римского правительства, они произвели теперь между собой некоторое территориальное и функциональное разделение. Антоний, как старший, взял себе в управление богатые восточные области и собирание в них материальных средств для удовлетворения претензий солдат сорока с лишним легионов. Антоний должен был также осуществить план Цезаря относительно войны с парфянами. Октавиан должен был специально заниматься делами западной части: управлять Италией, Галлией и Испанией, распределять землю ветеранам (триумвиры должны были обещать каждому из своих солдат по 200 югеров, т. е. 50 гектаров, надельной земли) и вести войну с Сектом Помпеем, захватившим Сицилию и господствовавшим на море. Ограниченного Лепида совсем обошли, предоставив ему Африку и всего три легиона войска.

Таким образом, к концу 42 г. не только была восстановлена военная диктатура, созданная Цезарем, но она значительно укрепилась, приняв, однако, характер диктатуры не единоличной, а коллективной. «Второй триумвират» был, собственно говоря, открытой «диктатурой легионов», осуществляемой троевластием военных вождей, пользующихся наибольшим признанием и доверием солдат и под их давлением получившей даже «утверждение народа».

§ 2. Разложение второго триумвирата. Начало единовластия Октавиана. Однако и второй триумвират, подобно первому, постепенно из троевластия военных вождей преобразился в единоличную диктатуру одного из своих членов. Притом, как то было и с первым триумвиратом, выделился тот, кто вначале считался младшим, но оказался наиболее ловким, цепким, целеустремленным, сумевшим создать себе лучшую опору.

Возвратившись в Италию после битвы при Филиппах, Октавиан особенно ревностно и беспощадно проводил проскрипции, конфискации, наделения солдат землей, а также распределение имущества опальных и жителей 16 крупнейших итальянских городов, предоставленных солдатам для поселения. Среди потерпевших были не только богатые, но и немало людей с весьма ограниченным состоянием: так, например, лишились своих небольших поместий прославившиеся позднее четыре римских поэта — Вергилий, Гораций, Тибул и Проперций.

В связи с этим в Италии свирепствовал жестокий хозяйственный кризис и царила анархия. «Голод в это время терзал Рим: по морю ничего не доставлялось из-за Помпея (блокировавшего берега), в самой же Италии вследствие войн прекратились земледельческие работы. Если же что и произрастало, то шло для войска. Целые толпы занимались в городе по ночам грабежом — и совершенно безнаказанно; молва приписывала это солдатам. А народ закрыл свои мастерские и не хотел знать никаких властей» (Аппиан, V, 18).

Всем этим Октавиан вызвал к себе страшную ненависть в имущих слоях италийского населения: его называли «мучителем», распространялись нелепые слухи об его неслыханно позорном поведении в частной жизни. Раздражение обиженных и пострадавших вылилось в 40 г. в серьезное восстание, известное под именем Перузинской войны, так как главным центром движения стала Перузия — город в Этрурии, неприступный по своему местоположению на высоком горном плато и к тому же еще укрепленный гигантскими старинными стенами. Во главе восставших стоял брат триумвира Марка Антония — консул Луций Антоний. Он демагогическими приемами старался еще более дискредитировать Октавиана, а себя объявил защитником всех пострадавших от проскрипций и конфискаций; в заговоре участвовала и жена Марка Антония, властная и энергичная Фульвия, мастерица самых сложных интриг. Они ждали возвращения с Востока самого Марка Антония, чтобы сообща уничтожить Октавиана. Положение было настолько опасным, что Октавиану пришлось все имевшиеся в его распоряжении военные силы направить на подавление этого мятежа. Перузия была взята лишь после долгой и трудной осады ее тремя сосредоточенными к ней армиями. Не желая пока полного разрыва со своим товарищем по триумвирату, Октавиан простил Луция Антония и дал возможность скрыться Фульвии, но свирепо расправился с другими, менее видными участниками движения:

подожженная Перузия была отдана на разграбление солдатам, 300 сенаторов и виднейших представителей муниципальной знати были казнены перед алтарем «божественного Цезаря».

Однако этот террористический военный режим не мог долго продолжаться, так как сам Октавиан менее всего был пригоден быть выразителем все более определявшейся «диктатуры легионов». Не имея ни военного таланта, ни опыта в военном деле, ни военной славы, болезненный и хилый, он, естественно, не мог заменить солдатам своего знаменитого деда. Не умел он, несмотря на всякие заискивания перед ними, поднять среди них свой престиж — солдаты относились к нему с пренебрежением (Аппиан, Гражданские войны, V, 13).

Поэтому Октавиан, раньше других своих товарищей по триумвирату, стал в целях перестраховки искать себе иной, новой опоры. К этому же побуждала его и проявившаяся в Перузинскую войну сила сопротивления собственнических слоев Италии, а также и то обстоятельство, что за время проскрипций он сам, путем истребления своих родственников и дешевой покупки земель опальных, стал крупнейшим земельным собственником и рабовладельцем Италии. Поэтому уже с начала 30-х годов Октавиан, опираясь на значительный круг таких же, как он, преуспевших цезарианцев, взял новый курс на сближение и примирение с остатками богатой знати и вообще с имущими слоями италийского общества. Это выразилось в сокращении, а затем и в полном прекращении проскрипций и конфискаций, в организации системы компенсаций за ранее конфискованные имущества, в широком применении амнистий к уцелевшим проскрибированным и эмигрантам. В Италии отменены были также военные комендатуры легатов с преторской властью, при посредстве которых проводилось управление ее частями после возникновения триумвирата, и восстановлено было прежнее муниципальное самоуправление италийских городов.

С другой стороны, в то же время и среди муниципальной знати, вообще состоятельных кругов италийского общества, уставших от борьбы и потерявших после Перузинской войны все надежды на переворот, появились тенденции к успокоению. Все больше и больше они склонялись к отходу от политической активности, к уходу в частную жизнь, в мирное использование остатков своего достояния. Эта политическая апатия позволяла им примиряться со все более смягчавшимся режимом ненавистного прежде Октавиана, чему много способствовали и просочившиеся в значительном количестве в среду прежних земельных собственников и рабовладельцев новые элементы из разбогатевших на проскрипциях офицеров и солдат армии триумвиров, новых солдат-колонистов и уже Цезарем посаженных на землю ветеранов. Этот широкий слой новых собственников желал лишь закрепления своих новых приобретений, что могло дать им только сохранение власти триумвиров. «Снова

великих веков рождается ныне порядок... железный кончается век, золотой возникает для целого мира», — пророчил поэт Вергилий в своей IV эклоге, написанной в это время.

Но особые симпатии к Октавиану вызвала его победа над «диктатором моря» Секстом Помпеем, морившим Италию голодом и угрожавшим ей новым восстанием рабов. Лагерь Секста Помпея в Сицилии обратился в это время в настоящее убежище для рабов, массами бежавших из разоренных хозяйств Италии: нуждаясь в людях, Помпей их охотно принимал наравне с другими беженцами, скрывавшимися у него от проскрипций. Рабы составляли главные контингенты его сухопутных сил, из них формировались экипажи и командный состав его флота, даже главнокомандующим являлся бывший раб Менодор, его вольноотпущенник. Поэтому встревоженным рабовладельцам Италии все государство Помпея представлялось, как государство рабов, появившееся на самом пороге Италии, а самого Помпея за это ядовито называли «рабом своих рабов, вольноотпущенником своих вольноотпущенных». Долго триумвирам не удавалось справиться с Помпеем: приходилось вступать с ним в соглашения (Мизенский договор 39 г.). Только в 37 г. флот Октавиана под командой Агриппы, его лучшего военачальника, при Навлохе у северных берегов Сицилии разгромил и уничтожил весь флот Помпея. Этому помогли значительные раздоры между свободными эмигрантами, большей частью принадлежавшими к римской проскрибированной знати, и массой рабов, составлявшей основную силу в лагере Помпея. Измена верхов и переход их к Октавиану позволили Агриппе быстро захватить и всю Сицилию, так что Помпею пришлось бежать на восток, где он вскоре и погиб. «Почти 30 000 захваченных в этой войне в плен рабов, бежавших от своих господ и поднявших оружие против государства, я передал их господам для наказания», — хвалился впоследствии сам Октавиан в своей автобиографии, а 6 тыс. других, хозяева которых не были разысканы, были распяты на крестах в тех местах, откуда они бежали. За прекращение этой «войны с рабами» «сенат назначил Цезарю [Октавиану] безмерные почести: при его возвращении навстречу ему вышло все население Рима, решено было поставить ему золотую статую на форуме, он получил пожизненно права народного трибуна» (Аппиан, V, 130—131).

Положение Октавиана благодаря этой новой поддержке состоятельных рабовладельческих слоев италийского общества и разбогатевших ветеранов, поселенных им во множестве новых военных колоний «имени Юлия», стало настолько прочным, что он занял первенствующее место в триумвирате. Ему уже легко было в 36 г. устранить из триумвирата малозначительного Лепида, компенсировав его утверждением на почетной должности верховного понтифика. Весь запад Римской державы, со всеми расквартированными здесь легионами, был, таким образом, начиная с 36 г., уже всецело в его руках.

Следующие четыре года Октавиан употребил на систематическое дискредитирование и ослабление своего главного соперника — Антония, используя ряд крупных затруднений, испытываемых последним на востоке. Отношения между обоими главными триумвирами сильно обострились уже со времени Перузинской войны. Однако страшное вторжение парфян под предводительством сына парфянского царя Пакора и римского эмигранта Лабиена в Сирию, Финикию и Малую Азию (40 г.), разгром, учиненный ими в этих богатейших римских провинциях, и угроза потери всего Востока заставили Антония пойти на временное соглашение с Октавианом и, так как Фульвия в это время умерла, даже жениться на сестре Октавиана, Октавии. Примирение было закреплено Брундизийским договором 40 г., подкрепленным в 37 г. Тарентским соглашением о продолжении триумвирата еще на 5 лет.

Однако подготовка опасной и трудной войны с мощным Парфянским государством заставляла Антония одновременно искать особо тесной связи с самой богатой страной Востока — Египтом. Здесь, как истинный наследник и последователь планов и приемов Цезаря, он действовал его средствами. Антоний не постеснялся в 37 г. вступить даже в официальный брак с египетской царицей Клеопатрой и вел на Востоке жизнь типичного эллинистического монарха. Он допустил, чтобы честолюбивая Клеопатра приняла пышный титул «царицы царей», а детей ее стал наделять частями римских восточных владений. Это все ловко использовали сторонники Октавиана для самой разнузданной агитации против Антония.

Отзвуком этой агитации является изображение во всей античной исторической литературе «романа Антония с Клеопатрой» (например, в биографии Антония, составленной Плутархом). Антония изображали распутным безумцем, необузданным честолюбцем, без памяти влюбленным в очаровавшую его египетскую царицу и пренебрегающим для нее и ее детей интересами римского народа. Злорадствовали по поводу его неудачи в походе против Парфии (36 г.): через Армению Антоний проник внутрь Парфии, но, потеряв свой обоз, захваченный парфянами, он принужден был начать отступление, не превратившееся в полный разгром лишь благодаря военному таланту Антония. Захват же Армении, которая должна была стать его плацдармом для следующих военных операций на Востоке, изображали как вопиющее преступление, дикий и неоправданный грабеж. Все это охотно воспринималось богатыми, в особенности торговыми и ростовщическими кругами Италии, скорбевшими об утрате для своих спекуляций богатой восточной половины Римской державы, и представляло собой прямую идеологическую подготовку к открытой войне, шедшую параллельно с накоплением для этого Октавианом материальных сил и средств.

Разрыв произошел в 32 г. Октавиан начал с настоящего государственного переворота в Риме: он явился в сенат с большой вооруженной свитой, выгнал из него до 400 сенаторов, сторонников Антония, и принудил бежать к Антонию обоих консулов, принадлежавших тоже к партии последнего. В нарушение древнего обычая, весталок заставили выдать завещание Антония и огласили его на народном собрании, которое объявило Антония

врагом римского народа. Самой Клеопатре объявлена была война под тем предлогом, что она будто бы собирается захватить Рим и разрушить Капитолий (Гораций, Оды, I, 37).

Противники сошлись на самой границе своих владений, на западном берегу Адриатического моря. Здесь, в Амбракийском заливе, Антоний устроил свою главную базу для широко задуманной десантной операции в Италию, чтобы отнять ее у Октавиана. В военном отношении он был сильнее последнего — у него было 19 легионов, 15 тыс. конницы из союзных восточных государств и мощный флот в 500 тяжелых военных кораблей, среди которых особенно выделялась своими боевыми качествами египетская эскадра под командой самой Клеопатры. Но Октавиан был силен поддержкой всего римского, италийского и даже греческого общества, решительно принявшего в этом столкновении триумвиров его сторону.

Благодаря этой широкой общественной поддержке Октавиан имел возможность так организовать защиту берегов Италии, что Антонию не только не удавалось найти места для безопасной высадки, но его войско стало голодать, так как население отказывалось поставлять ему провиант. Солдаты Антония стали выражать недовольство, в его армии начались волнения. Воспользовавшись всем этим, значительно более слабый флот Октавиана (всего 400 легких кораблей) под командой Агриппы, победителя С. Помпея, блокировав Амбракийский залив, нанес 2 сентября 31 г. при Акциуме решительное поражение флоту Антония. Считая дело Антония проигранным, Клеопатра немедленно увела свои корабли в Египет. За ней бежал туда же и Антоний, бросив на произвол судьбы всю свою сухопутную армию. Оставшись без руководства, вся эта армия вскоре добровольно, без боя, сдалась Октавиану. Опять солдаты потребовали наград и наделений землей, но Октавиан уже был достаточно силен, чтобы различными мерами быстро и решительно предотвратить новый военный погром. В следующем 30 г. он уже подчинил себе восточные провинции: вернул Риму Малую Азию, Сирию, Финикию, Палестину и даже, осуществляя давнишнюю мечту римских правящих кругов, захватил Египет — последнюю независимую страну на Востоке. Чтобы не попасть в руки победителя, Антоний и Клеопатра кончили самоубийством, а Египет был организован в провинцию особого типа, представлявшую со всеми своими громадными богатствами как бы личную собственность Октавиана и его семьи.

Вся Римская держава, таким образом, в 30 г., после 12 лет распада, вновь была воссоединена в своих необъятных пределах, а вместе с тем и коллективная военная диктатура превратилась в уже никем не оспариваемое единовластие Октавиана.

§ 3. Перестройка Октавианом общественной базы своей власти в 20—10-х годах I в. до н. э. Оказавшись единоличным правителем Римского государства, Октавиан, однако, не пошел по следам

Цезаря и не вернулся к его системе военной диктатуры или военной монархии эллинистического типа. Напротив, он продолжал все более твердо идти по тому направлению в своей внутренней политике, которое в основных чертах уже наметилось в 30-х годах I в. до н. э. и принесло ему победу над Антонием. Основной ее смысл был в превращении солдатской диктатуры, или «диктатуры легионов», открыто нацеленной на общественный переворот и передел имуществ, в диктатуру военно-рабовладельческую, консервативную по своим задачам и целям. Последняя должна была опираться на объединенные силы всех рабовладельческих и собственнических слоев, а военным элементам в ней отводилась лишь служебная задача защиты и расширения источников ее благосостояния, но за соответствующую компенсацию. В осуществлении такой перестройки и состояло «великое дело Октавиана», за которое в современной буржуазной исторической литературе его часто и величают «архитектором Римской империи».

Для установления основных линий и этапов этого процесса имеет чрезвычайно важное значение автобиография Октавиана, под названием Деяния божественного Августа (Res gestae divi Augusti). Она в виде обширной надписи помещена была у входа в его мавзолей в Риме и дошла до нас в копиях, найденных в Анкире (Анкаре), Антиохии и других больших городах Римской империи. Наиболее полная и ранее других найденная копия — Анкирская, почему и весь документ часто называется «Анкирской надписью». В ней Октавиан, однако, говорит лишь об одних своих заслугах, часто притом преувеличивая их и искажая подлинное значение и смысл происходивших явлений. Поэтому относиться к этому документу следует с величайшей осторожностью [1].

Одной из главнейших своих заслуг, о которой Октавиан упоминает в самом начале (§ 3) и еще неоднократно в разных местах своих «Деяний», он считает устройство и вознаграждение своих солдат.

«Число римских граждан, принесших мне военную присягу, простиралось до 500 тыс. Из них я вывел в колонии или вернул на родину по окончании срока службы несколько более 300 тыс. Всем им я роздал участки земли, на мой счет купленные, или вместо поместьев дал им деньги». «Я внес из своего имущества в военную казну, устроенную по моему совету, для выдачи наград солдатам, прослужившим 20 и более лет, 170 млн. сестерций». «Военные колонии я основал в Африке, Сицилии, Македонии, в обеих Испаниях, в Ахайе, Азии, Сирии, Нарбонской Галлии и Писидии. В Италии же мною основано 28 колоний, которые при моей жизни достигли процветания и многолюдства».

Однако Октавиан не только щедро наградил, но и вновь взнуздал всю эту военную громаду и тем оградил себя и свое правительство от необходимости быть лишь представительством разбушевавшейся военщины. В этом отношении характерно, что

[1] См. Струве, Хрестоматия, ч. II, № 39, 1936.

немедленно после победы при Акциуме, уже в Греции, подальше от Рима, он начал массовую демобилизацию. Из 50 легионов, стоявших тогда под оружием, немедленно распущено было 22, так что на службе осталось лишь 28, притом наиболее надежных и послушных (около 150 тыс. солдат). Эти 28 легионов — число это оставалось неизменным в правление Октавиана — с соответствующим количеством «вспомогательных» когорт (auxilia) из жителей провинций были впервые организованы в постоянную наемную армию, в противоположность прежней системе собирать войска для каждого намеченного похода и распускать их по его окончании. Каждый солдат должен был подписать договор о службе в течение 20 лет, причем на это время отдавал себя в полное распоряжение командования.

Легионер обеспечивался годовым жалованьем в 150 денариев и по выслуге лет получал почетный диплом и выходное пособие либо в виде земельного надела, либо денежной суммы в 3 тыс. денариев, как обеспечение на старость. Но зато он обязывался во время пребывания на действительной службе жить на постоянном казарменном положении, не вступать в брак и не заводить семьи, выполнять беспрекословно любые задания командования — как боевые, так и по части разных строительных и других работ. Когда не было военных действий, солдат заставляли копать каналы, проводить дороги, даже работать в рудниках. В армии введена была железная дисциплина: «Когорты, отступившие в бою, он [Октавиан], казнив в них десятого [по жребию], переводил на довольствие ячменем вместо пшеницы. Центурионов, покинувших свое место в строю, карал смертью, так же как и рядовых солдат» (Светоний, Август, 24—25). Центурионы и другие офицеры были вооружены тростями, которыми они немедленно расправлялись со всяким провинившимся чем-либо солдатом. Октавиан даже запретил командирам обращаться к солдатам со словом «товарищи» (commilitones), как в период гражданских войн делал и Цезарь, и он сам. Теперь он «находил такое обращение чересчур заискивающим». Вся армия была выведена из Италии и вообще из центральных районов и размещена по отдаленной от правительственного центра периферии, по пограничной зоне. К концу правления Октавиана 8 легионов стояли на Рейне, 7 — на Дунае, 3 — в Испании, 3 — в Сирии, 3 — в Египте и 1 — в Африке; 3 погибли в бою с германцами в 9 г. н. э. и не были восстановлены из-за утраты своих легионных орлов. В Италии оставлена была лишь гвардия Октавиана, его «преторианцы» в количестве 9 когорт по 1 тыс. человек каждая, да полицейские отряды (3 городские когорты и 7 когорт «ночной охраны»), которые уже не в состоянии были в обычное время оказывать какое-либо давление на политические дела.

Все управление этой усмиренной военной стихии Октавиан ревниво держал в своих руках, вмешиваясь во все мелочи и детали, вплоть до назначения или перевода отдельных центурионов. Он систематически подчеркивал свое звание императора, которое, как и Цезарь, обратил даже в свое личное имя.

Одновременно с тем происходил и резкий поворот от демократических слоев римского общества, у которых заискивал и искал себе опоры Октавиан в тяжелые для него 44—43 гг. Беззастенчивая демагогия этих лет сменилась пренебрежительным отношением к народным массам. У придворных поэтов, чутко отзывавшихся на новые настроения своих хозяев, появилось около 27 г. оскорбительное для народа новое

выражение «темная чернь» (profanum vulgus), заслуживающая презрения и ненависти (Г о р а ц и й, Оды, II, 16; III, 1, 2). Дион Кассий (52, 16) приводит речь покровителя Горация, Мецената, к Октавиану, в которой, как образец тогдашних придворных бесед, это презрение к «черни» звучит особенно выразительно: «Пресловутая свобода черни является худшим видом рабства для порядочных людей... Все беды, восстания, мятежи происходят от черни».

В связи с этим выборы превращены были в сплошную комедию, которая отбивала у народа всякую охоту серьезно относиться к своей политической роли. Началась политика сознательного развращения народа всякого рода подачками, замена системой «хлеба и зрелищ!» (panem et circenses!) активной общественно-политической жизни римских народных масс. Для этого Октавиан взял в личное свое ведение заботу о пропитании народа путем своевременной доставки из провинций хлебных даней (cura annonae), и количество хлебных пайков было вновь увеличено до 300 тыс. по 5 модиев каждый.

В 15-й главе своих «Деяний» Октавиан дает хвастливый перечень розданных им «конгиариев», т. е. денежных подачек народу: по 300 сестерций каждому, согласно завещанию Цезаря; в 29 г. — по 400 сестерций из военной добычи; в 24 г. — опять по 400 сестерций, то же самое, по 400 сестерций, в третий раз в 12 г. и т. д. Весь римский городской плебс, таким образом, обращался в нахлебников и паразитов Октавиана. 22-я и 23-я главы тех же «Деяний» перечисляют столь же пунктуально многочисленные гладиаторские бои, игры, травли зверей, зрелища морских сражений, устраивавшиеся постоянно для народа, с точным подсчетом участвовавших в них гладиаторов (10 тыс.), зверей (3500), кораблей и пр. Конечно, в скором времени такие забавы толпа привыкала предпочитать весьма сомнительному выражению своей суверенной воли на комициях.

Что касается рабов, к которым, чтобы отвлечь их помыслы от Секста Помпея, Октавиан тоже прежде был благосклонен, то по отношению к ним действовали более крутыми средствами. По новым законам Фуфия Каниния и Элия Сентия сильно сокращены и затруднены были отпуски рабов на волю: освобождать, с предоставлением им полных прав гражданства, можно было рабов лишь не моложе 30-летнего возраста, таких, которые никогда не заключались в оковы, и вообще не более как $^1/_3$—$^1/_5$ числа рабов всей «фамилии» владельца. В 10 г. подтвержден был древний свирепый закон о казни всех домашних рабов в случае убийства кем-либо из них их господина.

Зато систематически проводилась политика дальнейшего с б л и ж е н и я О к т а в и а н а с в ы с ш и м и с л о я м и рабовладельческого общества, в особенности с нобилями и всадниками. Приняты были многочисленные меры к реставрации почетного положения и авторитета сената. Для этого пять раз (в 28, 18 и 4 гг. до н. э. и в 4 и 14 гг. н. э.) производилась его чистка от случайных элементов, проникших в сенат в период гражданских войн, и состав его с 1 тыс. членов сокращен до традиционного

числа 600 сенаторов, прошедших одну из курульных магистратур. Количество последних было увеличено, чтобы большее число представителей высшего общества могло пользоваться почетными званиями и привилегиями консуляров, преториев и т. д. Для сенаторов был введен обязательный имущественный ценз в 1 млн. сестерций, из них не менее 100 тыс. должны были представлять их земельные владения. За этой собранной в сенате верхушкой богатой знати закреплены были почетные права и привилегии: почетный костюм — тога и туника с широкими красными полосами, почетные места в театре и цирке, права на высшие командные должности в армии и провинциальном управлении. Второе сословие — всадники (их ценз установлен в 400 тыс.) — тоже получило соответствующие привилегии: тогу с узкой красной каймой, золотое кольцо, почетные места в театре за сенаторами и право занимать видные должности в армии и администрации. Из них назначались командиры преторианцев (praefecti praetorio), прокураторы, т. е. правители по хозяйственным и финансовым делам в провинциях (в небольших провинциях они являлись и настоящими наместниками), префекты вспомогательных когорт и пр. Наконец, усердно задабривались и высшие слои италийского муниципального общества: эта муниципальная богатая знать стала допускаться к занятию римских магистратур и тем самым включаться в сенат и пр. Многочисленные надписи, в которых Октавиан прославлялся как «спаситель и благодетель», свидетельствуют об установившемся довольстве в этих кругах новым правительственным режимом.

Усердно славословили его и представители высших слоев тогдашней интеллигенции, на привлечение которых на свою сторону правительство Октавиана тоже не жалело усилий и средств. Всячески обласканный и задаренный Вергилий писал в 20-х годах свою «Энеиду», неумеренной лестью осыпая самого Октавиана, весь род Юлиев и всех его присных. Тогда же, в 22 г., Гораций издал первые три книги своих «Песен», или од, превознося в них своего покровителя, фаворита Октавиана, Мецената. «О Меценат, отпрыск прадедов царственных, утешенье мое, честь и защитник мой», — подобострастно обращается Гораций к нему в своей первой посвятительной оде (I, 1). В его «Песнях» щедро рассыпан везде самый отвратительный политический сервилизм: «У власти Цезарь, — поет бывший боец за свободу, — и уже не страшны нам войны гражданской ужас, насилья». Цезарь возводится на второе место после Юпитера, которому «Цезарь великий роком дан попечению; ты — отец людей, сын Сатурна — первый, он за тобою», и потому «других светлее Юлиев звезда, как луна средь хора звездного неба» (I, 12). (См. гл. LVIII, стр. 682 и сл.)

Так происходил полный отход от тех опорных сил, с помощью которых Октавиан пришел к своему положению властителя Римской державы; и от былого цезарианского демократизма, который продолжал в известной мере теплиться в период диктатуры Юлия Цезаря и вновь на некоторое время вспыхнул после мартовских ид 44 г., в 20-х годах не осталось и следа. После Акциума Октавиан сделался признанным представителем и вождем крупных и средних рабовладельческих и собственнических слоев Италии

и на этой новой базе стал с рассчитанной медленной постепенностью, но зато весьма солидно воздвигать новое политическое здание монархического типа — Римскую империю.

§ 4. Политическая система принципата. Учитывая политические настроения своей новой опоры, Октавиан не мог так прямолинейно вводить монархический режим, как то делал Юлий Цезарь. В кругах высших слоев римского общества, недавно являвшихся хозяевами Римского государства, республиканские традиции и привычки еще имели значительную силу, с которыми новый единоличный правитель должен был серьезно считаться. Поэтому с присущей ему изворотливостью Октавиан сумел организовать такой, по видимости компромиссный, политический строй, в котором, по меткому выражению Сенеки, «государь спрятался в одежды республики». Будучи, по существу, замаскированной формой монархии, строй этот носил приемлемое даже для убежденных республиканцев название «принципата», т. е. признания преобладающей роли в республике «принцепса» — первого гражданина, «в виду его доблести, кротости, справедливости и благочестия», как это было по постановлению сената написано на золотом щите в честь Октавиана, повешенном на главном правительственном здании — курии Юлия.

Начиная с 27 г. этот новый замаскированно-монархический строй, после долгих обсуждений в ближайшем к Октавиану кружке его друзей, стал постепенно оформляться. Поэтому 27 г. и принято считать началом принципата. 13 января 27 г. на торжественном заседании сената Октавиан произнес пышную речь, в которой заявлял, что ввиду восстановления порядка он слагает с себя все свои чрезвычайные полномочия и возвращается в частную жизнь.

«В 6-е и 7-е мое консульство, — пишет сам Октавиан об этом в своих «Деяниях», — подавив междоусобную войну при помощи неограниченной власти, данной мне с общего согласия, я передал государство из своих рук в распоряжение сената и римского народа» (гл. 34). Трижды после этого «сенат и народ предлагал мне единоличную и неограниченную власть для охраны законов и нравов, но я не согласился принять власти, противной древним обычаям» (гл. 6).

Он решительно отказывается также от всех атрибутов эллинистической монархии, например, от наименования «божественный», позволяя называть себя лишь «сыном божественного» (Цезаря), изгоняет из своего окружения всякий восточно-эллинистический этикет и стремится показать подчеркнутую простоту своей частной жизни. Внешне во всем он усиленно демонстрирует свое как бы глубочайшее желание не разрушать и ниспровергать, а наоборот, восстанавливать и укреплять старую республиканскую форму правления.

Но это, конечно, один только политический маскарад, сплошное лукавство и лицемерие, так как рядом с этими отказами от слишком выразительных и откровенных форм единовластия шел

процесс нарастающей кумуляции (объединения) в руках Октавиана полномочий основных республиканских магистратур, что было противно всем старым политическим обычаям и приводило к тому же единовластию, но без выражавших это титулов и внешних символов. Снисходя, как рассказывает Дион Кассий (53, 32), к усиленным просьбам сената и народа, Октавиан согласился не настаивать на своем полном отказе от власти, и единогласным постановлением сената, в том же заседании 13 января 27 г., за ним были утверждены «высшие проконсульские полномочия» над всеми пограничными провинциями, где еще не наступило полное умиротворение, и вообще над всеми территориями, где расположены были войска. Тем самым он сохранял власть верховного главнокомандующего (высший или неограниченный империум), а вместе с тем и свое почетное военное звание императора, которое он имел уже с 40 г. Эти «императорские провинции» должны были управляться его военными «легатами с пропреторской властью», им назначаемыми и находившимися в полном его подчинении. Но сенат соглашался «освободить его от бремени управления» рядом небольших и в военном отношении не представлявших интереса провинций, как Корсика, Сардиния, Сицилия, Африка и Азия (Пергам): они объявлялись «сенатскими», и для них восстанавливалась прежняя система назначения сенатом проконсулов из его среды. Однако даже в них император посылал своих уполномоченных — прокураторов — для набора войск, сбора военных налогов, управления своими доменами и пр. Этим создавалась фикция диархии, т. е. видимость двоевластия, позволявшая сторонникам Октавиана шумно восторгаться его почтением к старым республиканским формам управления, хотя уже одного этого постоянного «высшего империума», бессменной верховной военной власти, было совершенно достаточно для фактического единовластия Октавиана.

Впрочем, к этим основным полномочиям присоединялись еще и многие другие. С 32 по 23 г. Октавиан ежегодно, 9 лет подряд, выбирался консулом, а в 19 г. получил «пожизненные консульские почести» — право постоянно носить консульский костюм, иметь 12 ликторов, курульное кресло в сенате, поставленное между креслами обоих очередных консулов, так что последние оказывались как бы по его бокам, право издавать эдикты, какие ему представится нужным. Тем самым к военной власти присоединялась и власть гражданская на всей территории Римской державы, председательствование в сенате, право собирать народные собрания, руководить выборами и пр. Затем, уже с 36 г., он имел пожизненные трибунские права, что подтверждено было опять в 23 г. Это обозначало, что, кроме права трибунской неприкосновенности, ему присваивалось также право трибунского вето на любые постановления сената или народного собрания, если бы таковые почему-либо могли состояться против его воли. Права эти были настолько важны, что сам Октавиан годы своего прав-

ления датировал по годам своей трибунской власти. Наконец, с 12 г., Октавиан стал римским верховным понтификом, таким образом, в его руках оказалось и все управление делами религии; Октавиан продолжал также ведать всем продовольственным делом, всеми делами полицейской и пожарной охраны. Он организовал собственное казначейство («фиск»), которое было значительно богаче отощавшей старой государственной казны («эрариума»), предоставленной поэтому для того же лицемерного соблюдения республиканского декорума в ведение сената; периодически Октавиан брал на себя разные важные полномочия по проведению ценза, чистке сената и пр.

Трудно указать область государственного управления, на которую бы не распространялась его власть, по существу совершенно монархическая и не конституционная, но по юридической внешности представлявшая лишь объединение в одних руках важнейших республиканских магистратур. Такое объединение этих республиканских функций создавало ему, по представлению тогдашних людей, не право на царский произвол, а лишь непререкаемый «авторитет» (auctoritas) и обращало в первого гражданина государства — принцепса. Так обычно и стал называть себя официально сам Октавиан после 27 г. К этому титулу прибавлены были лишь два почетных названия: 16 января 27 г. в благодарность за его заслуги сенат поднес ему почетное прозвище Августа, т. е. Благословенного (греки переводили это словом «Себастос»), а во 2 г. до н. э. ему было присвоено и второе почетное наименование — «отец отечества» (pater patriae). Об этом Октавиан тоже с гордостью сообщает в своих «Деяниях». Этим завершился весь политический маскарад: такое обилие республиканских полномочий, скопившихся в одних руках, приводило фактически к появлению монарха.

Вся внутренняя политика принципата велась под широко афишируемым лозунгом в о с с т а н о в л е н и я (республиканской) с т а р и н ы — освященных древностью институтов, обычаев и нравов. «Старина» подвергалась для этого усердному изучению, и сам Октавиан не только вдохновлял Тита Ливия в его труде по составлению грандиозной сводной работы по истории Рима «от основания города», но нередко выступал и его консультантом, сообщая ему об им лично открытых исторических памятниках и документах. Этот же повышенный интерес к старине нашел свое проявление в почестях и наградах, которыми осыпан был Вергилий за его «Энеиду», в выходе в свет в 9 г. до н. э. «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского, в «Фастах» Овидия Назона, которыми попавший в опалу поэт предполагал вернуть себе расположение Октавиана.

Ярко выраженная во всех этих полуофициозных исторических сочинениях идеализация прошлого проявилась в практической политике правительства Октавиана-Августа, прежде всего в стремлении сохранить племенную чистоту римского народа, огра-

ничить его состав и предохранить от проникновения в его среду чуждых элементов — «перегринов». В противоположность Цезарю, широко раздававшему права римского гражданства целым городам и провинциям, в эпоху принципата Августа дарование таких прав становится крайне редким явлением и то только в индивидуальном порядке, после многих ходатайств и за особые заслуги. Поэтому же только в число перегринов или людей «латинского права» записываются по новому закону Элия-Сентия и вольноотпущенники. Резкая грань между римлянами и не-римлянами проводилась для утверждения идеи о праве Рима на господство и эксплуатацию всех иных народов: «Ты, римлянин, помышляй о державной власти над народами», — выразил эту идею в своем знаменитом стихе Вергилий. Твердое проведение этой политики великодержавия встречало живейшее одобрение даже самых непримиримых республиканцев-оптиматов.

Другой ряд мер правительства принципата был направлен на восстановление «старых добрых нравов». Особое внимание обращено было на семейную жизнь, и издан ряд законов, преследовавших безнадежную цель восстановления распадавшейся римской семьи, которая признавалась основой истинно римского быта.

По «законам Юлия» граждане, имевшие не менее трех детей, ставились в особо привилегированное положение по службе, люди, не желавшие вступать в брак, ограничивались в имущественных и общественных правах; за легкомысленное поведение замужние женщины наказывались конфискацией имущества и ссылкой (так, наказаны были даже дочь и внучка самого Августа).

Усердно старался Август также восстановить другой основной устой древнеримской жизни — религиозность. Показное благочестие (pietas) возведено было в основу всех гражданских добродетелей, и ханжество стало модным качеством даже героев официальной литературы: например, Энея, прародителя Августа, идеального правителя и гражданина, Виргилий изображает прежде всего богобоязненным (pius). В связи с этим Октавиан-Август усердно принялся за реставрацию древних храмов (в одном 28 г. их, по его собственному свидетельству, было восстановлено 82) и постройку множества новых; среди них были особенно величественный «храм Марса Мстителя» на форуме — памятник выполнения мести за убийство Цезаря, и «святилище божественного Цезаря» на том месте, где сожжено было его тело. Вместе с тем всемерное покровительство оказывалось и возникавшему, в особенности в провинциях, культу императора, обычно выражавшемуся в создании алтарей Августа и богини Ромы: их обслуживали выбранные местной знатью жрецы — «фламины» — и вокруг них группировались особые религиозные общества почитателей Августа («августалов»), в которые допускались даже вольноотпущенники.

Усердно восстанавливались также древние праздники, старинные религиозные общества и обряды, давно уже всеми забытые вследствие своей при-

митивности (например, моления Арвальских братьев, самый язык которых, по своей архаичности, перестал быть понятным). В 17 г. с особой торжественностью, согласно указанию древних колдовских сивиллиных книг, отпразднованы были *секулярные* (вековые) *игры*, и общепризнанному главе поэтов Горацию было поручено написать для этого специальный юбилейный гимн.

Также и внешняя политика Августа являлась только продолжением *традиционной военной агрессии* Рима. Хотя сенат и почтил его в 9 г. до н. э. постройкой гигантского «Алтаря мира», а сам Август в своих «Деяниях» хвалился, что за годы его правления по случаю мира три раза запирался храм древнего бога войны Януса (тогда как с самого основания Рима это было сделано только дважды), на самом деле в период его принципата шли непрестанные войны самого широкого характера и с самыми захватническими целями.

В Испании и Галлии закончено было подчинение последних непокорных племен (в особенности отчаянно сопротивлявшихся астуров и кантабров на крайнем западе Иберийского полуострова, аквитанцев и треверов в Галлии), и, таким образом, завершено было овладение Римом этими крупнейшими западными его провинциями. Затем в 25 г. разгромлены были жившие по южным склонам Альп салассы: большая часть их была вырезана или продана в рабство, и римляне, таким образом, стали полными хозяевами главных альпийских проходов — С.-Бернара и Симплона, обеспечивавших сообщение с Галлией; новая многочисленная колония — крепость Августа Претория (теперь Аоста) закрепляла это важное приобретение. В этой крепости поселены были 3 тыс. надежных ветеранов-преторианцев.

Но особенно длительные военные операции развернулись на северных и северо-восточных границах Римской державы. В 15 г. захвачены были Центральные и Восточные Альпы. Две римские армии под начальством двух пасынков Октавиана-Августа, Друза и Тиберия, действуя с юга через проход Бреннер и с запада по долине Верхнего Рейна, разгромили в большой битве близ Констанцского озера племена ретов и винделиков и тем положили начало двум новым римским провинциям на верховьях Рейна и Дуная — Реции и Винделиции (Северная Швейцария и Бавария). Мощные крепости Августа Винделиков (Аугсбург) и Кастра Регина (Регенсбург) — закрепили и здесь римское господство. Одновременно с этим и даже несколько ранее римляне начали свое продвижение к Среднему Дунаю, подчинили нориков (в Южном Тироле), победили жившие за Дунаем германские племена квадов и бастарнов и уже спустились в теперешнюю Венгерскую равнину, где в 9 г. до н. э. возникла новая провинция — Паннония. Тогда же, после долгой и ожесточенной борьбы с гетами и мезами, систематического разрушения их многочисленных укрепленных городищ и беспощадного истребления всех сопротивлявшихся римскому командованию удалось твердой ногой стать и на Нижнем Дунае и организовать здесь самую крайнюю к северо-востоку провинцию в цепи новых провинций — Мезию. Она занимала территорию современных Сербии и Северной Бол-

гарии, доходила до самого устья Дуная и включала в свою территорию также греческие города-колонии западного побережья Понта — Истрию, Томы, Каллатис, Месембрию и др. Римское влияние стало широко распространяться и на весь северный берег Причерноморья, так что даже царица когда-то столь могущественного Боспорского царства, Динамия, принуждена была в угоду римлянам выйти замуж за их приспешника, понтийского царя Полемона, ставить статуи в честь Августа и в своих надписях униженно называть его «повелителем всей земли и всего моря, своим спасителем и благодетелем».

Это военное продвижение к Рейну и Дунаю вовсе не исходило из одного стремления «найти естественные границы» против варварского мира на севере, как это часто изображают в современной западной историографии, стремясь идеализировать все «дело Августа». Против этого свидетельствует уже одно то обстоятельство, что самая острая и напряженная борьба развернулась по ту сторону этих «естественных границ», за Дунаем и Рейном, на территории современной Западной Германии. Широкие наступательные операции начались здесь в 12 г. до н. э., под руководством любимого пасынка Августа, Друза, наместника Галлии. В течение 4 лет он покорил все германские племена, жившие между Рейном и Эльбой — батавов, фризов, бруктеров, херусков, хаттов и др. После его смерти (он упал с конем в горную пропасть, возвращаясь с похода к Эльбе; римский памятник ему до сих пор стоит в цитадели Майнца) его сменил другой пасынок Августа, Тиберий. Своими походами в 5 г. н. э. он довел завоевательное дело своего брата в северо-западной части Германии до конца и обратил все эти территории, вплоть до устья Эльбы, в новую римскую провинцию — Германию, причем его сухопутные операции поддерживал римский флот, крейсировавший по Немецкому морю до самых берегов Ютландии. Оставалось лишь покончить с большим царством маркоманов, живших на истоках Эльбы, в современной Богемии, и римляне уже подготовили две мощные армии — 12 легионов на Дунае и 5 легионов на Верхнем Рейне, чтобы комбинированным ударом разгромить маркоманского царя Маробода.

Однако эта небывалая по размаху и интенсивности экспансия была приостановлена страшной катастрофой. Летом 6 г. н. э. вспыхнуло общее восстание племен Паннонии и Далмации. Под предводительством Батона (Бато) из племени дезидиатов в Боснии собралась громадная армия повстанцев — до 200 тыс. человек, которая осадила римские города от Сирмия до Аполлонии, громила римские крепости и поселения, истребляла римских колонистов и купцов. Весь Рим был охвачен паникой, так как со дня на день ожидали вторжения восставших в Италию. Объявлена была общая мобилизация всех военноспособных, чего давно уже не бывало в Риме, формировались когорты из рабов-добровольцев, выразивших желание поступить в армию. Борьбу с Маро-

бодом пришлось прекратить, и все силы дунайской армии, вплоть до легионов, стоявших в Мезии, направить на подавление этого грозного восстания с тыла. Три года, под общим командованием Тиберия, римские войска были заняты осадами и разрушением орлиных гнезд теперешних Хорватии, Крайны, Боснии, Черногории и Албании, из которых восставшие оказывали римлянам отчаянное, но разрозненное сопротивление.

Но всего через три дня после того как в Риме отпразднован был триумф над паннонцами и далматами, пришло известие о подобном же общем восстании в Германии. Молодой вождь херусков Арминий, служивший в римских вспомогательных войсках, хитростью заманил целую римскую армию в составе трех легионов (XVII, XVIII и XIX) и девяти вспомогательных когорт, в ловушку в непроходимом Тевтобургском лесу (близ современного города Оснабрюка в Вестфалии) и уничтожил ее полностью вместе с ее легатами и самим командующим, наместником Галлии П. Квинтилием Варом, любимцем самого императора (в 9 г. н. э.). Событие это («Варова катастрофа») вновь потрясло весь Рим. В городе вновь было объявлено осадное положение, повсюду расставлены караулы, давались чрезвычайные обеты и устраивались моления, так как ожидали, что вся Галлия будет наводнена германскими ордами.

Октавиана, как передает Светоний («Август», 23) «событие это повергло в такое отчаяние, что в течение нескольких месяцев он не стриг волос и бороды, порой же бился головой о двери и восклицал: «Квинтилий Вар, отдай легионы!» Годовщина этого поражения навсегда осталась для него днем печали и траура».

Действительно, вся зарейнская Германия была потеряна, и восстановить здесь господство Рима более не удалось, несмотря на новые походы, в 12 и 13 гг. н. э., Тиберия и сына Друза — молодого и способного Германика. Пришлось ограничиться защитой левого берега Рейна: сюда стянуто было 8 легионов, лучших во всей римской армии (около 80 тыс. солдат), и создана целая цепь мощных крепостей, прикрывавших две новые провинции — Верхнюю Германию и Нижнюю Германию, выкроенные из прежней территории Галлии по левому берегу Рейна. Эти крепости, бывшие вместе с тем легионными стоянками, стали основами больших прирейнских городов — Аргентората (Страсбург), Могунциака (Майнц), Конфлуентов (Кобленц), Бонны (Бонн) и др.

Эти два страшных удара со стороны авангардных частей грандиозного варварского мира были первыми предвозвестниками будущей борьбы, в которой должен был погибнуть старый рабовладельческий общественный строй. Начало Римской империи уже отчетливо показывало и те силы, которые приведут к ее крушению и концу. Такими силами являлись оттесненные ею от всякой общественно-политической активности народные слои, обращенные в «презренную чернь»; затем все нарастающие, благодаря постоянным войнам, массы совсем обездоленных,

рабов, — главный объект полицейских предупредительных и карательных воздействий римского императорского государственного аппарата; и, наконец, целое море с севера и с северо-востока обступившего римскую рабовладельческую державу «варварства», прорывавшегося к благодатным берегам Средиземноморья. Несмотря на всю свою высокую технику железным римским легионам все труднее становилось сдерживать эти стихийные силы.

Когда в 14 г. н. э. Октавиан-Август умер, постановлением сената был причислен к богам как «божественный» и с необычайными почестями погребен в заранее построенном им мавзолее, а месяц его смерти — секстилий — был в память его назван августом, — еще нельзя было предвидеть, долго ли просуществует созданный им политический строй. Во всяком случае, в своем завещании сам Август уже рекомендовал своим преемникам не испытывать больше военное счастье, а придерживаться мирной внешней политики.

ГЛАВА LVIII

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА РЕСПУБЛИКИ И ВРЕМЕНИ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА.

Новый, тяжелый для народных низов режим военно-рабовладельческой диктатуры, как попутно отмечалось уже выше, весьма болезненно отразился на культурной жизни Рима. Подобно тому, как он оттеснил народные массы от общественной и политической деятельности, он приостановил и развитие культурного творчества масс, весьма активное в бурный период конца II и первой половины I в. до н. э. Мало того, правительство принципата и сам глава его Август стимулировали такое направление культурной жизни и деятельности, которые в дальнейшем должны были неизбежно завести всю римскую культуру в безвыходный тупик.

Действительно, к середине I в. до н. э., в связи с мощным выступлением в 80—60-х годах широких масс римского населения, с притоком в Рим новых сил из получивших права римского гражданства городов и областей Италии, римская культура стала обнаруживать признаки близкого расцвета. Горячие дебаты на форуме, частые политические процессы в судах, оживленная деятельность коллегий и народных обществ смели те преграды и колодки, которыми правящие круги Рима старались еще в первой половине II в. сковать творческие силы пробуждающегося народа. Начиная со времени Гракхов, можно наблюдать в Риме пышный расцвет искусства красноречия.

Один современный Гракхам поэт, Гай Луцилий, так изображает общественную жизнь Рима второй половины II в. до н. э.: «Ныне от утра до ночи, в праздник ли то или будни, целые дни как народ, точно так же и важный сенатор, топчутся вместе по форуму и никуда не уходят: все предаются заботе одной, одному и тому же искусству — речь осторожно вести и сражаться ко-

варно словами». Выдающимися ораторами были оба брата Гракха, о чем можно судить не только по восторженным отзывам их современников, но и по сохранившимся отрывкам их речей. «И дикие звери в Италии,— говорил, например, Тиберий, — имеют логова и норы, а люди, которые сражаются за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света: лишенные крова, как кочевники, бродят они повсюду с женами и детьми... Их называют владыками мира, а они не имеют и клочка земли» (Плутарх, Тиберий Гракх, 9).

Замечательными ораторами были также жившие в период марианского движения М. Антоний (дед триумвира, консул 100 г.) и Л. Лициний Красс (консул 97 г.). Позднее прославился как оратор Кв. Гортензий Гортал (консул 69 г.); его называли «царем судов», но речи этого сторонника знати отличались своим «азианизмом» — воспринятыми от придворных греческих риторов Азии напыщенностью, вычурностью и манерностью. Напротив, речи Г. Юлия Цезаря, считавшегося вождем демократического лагеря, удивляли даже его противников своей простотой, стройностью и способностью возбудить в слушателях горячее сочувствие («он говорил с таким же пылом, как воевал»). Но особенно прославился как оратор М. Туллий Цицерон (106—43 гг.), занимавший, как и в политике, среднее место между этими двумя направлениями ораторского искусства. Он изучал искусство красноречия у лучших греческих риторов на острове Родосе и в Афинах, тщательно готовился к каждому из своих выступлений, располагал свой материал по строго обдуманному плану и умел произносить свои речи с особым пафосом, захватывавшим слушателей. Большинство его речей сохранилось, так как обычно он сам их издавал после произнесения. Особенно известны уже упоминавшиеся выше его речи против хищного наместника Сицилии Верреса, речь о командовании Гн. Помпея, речи об аграрном законе, речи против Катилины и речи против Антония, так называемые «филиппики». Основные принципы ораторского искусства он изложил в специальных сочинениях «Об ораторе», «Брут или о знаменитых ораторах» и др.

Благодаря ликвидации стеснительных ограничений и римская литература могла сбросить с себя те маскировочные ухищрения — иносказания, полунамеки и т. д., — к которым ей приходилось прибегать в эпоху Энния и Плавта. Она стала теперь большой общественной силой, открыла новые пути своего влияния на общественную и частную жизнь, создала для этого новые литературные формы.

Так, к той же эпохе Гракхов относится появление сатиры — нового, чисто римского вида поэзии публицистического характера. «Сатирой» или «сатурой» издавна называлось «блюдо из всякой всячины», которое подавалось в деревне в праздник урожая в сопровождении веселых, шутливых песен. Теперь так стали называть особый вид поэтических произведений, в которых в форме насмешливой речи изображались различные непорядки и пороки общественной жизни. Изобретателем сатиры (inventor saturae)

считался уже у римлян упомянутый поэт Гай Луцилий (умер около 102 г.), родом из латинской колонии Суессы.

К сожалению, сохранились лишь небольшие отрывки от тридцати книг его сатир, в которых он «чистил весь Рим, не жалея соли», как выразился о нем позднее Гораций: доставалось и очень влиятельным людям, как, например, консулу Опимию, убийце Г Гракха, и другим. Писал Луцилий простым разговорным языком, так как сам заявлял, что «пишет для народа», и наиболее свободным из метрических размеров — гексаметром. Благодаря ему сатира обратилась в самый общедоступный и излюбленный вид римской литературы, выдвинувший позднее ряд выдающихся представителей (Гораций, Ювенал и др.).

Также и театр освободился от запрещения касаться злободневных вопросов римской жизни. Новые авторы комедий конца II и начала I в. до н. э., как Титиний, современник Гракхов, Т. Квинкций Атта, современник Мария и Цинны, Л. Афраний, уже смело обращались к волнующим римское общество темам и одевали своих действующих лиц в римские костюмы, почему и произведения их назывались комедиями тоги (comedia togata). Изображались в них как простые люди — ремесленники, крестьяне («на муравья, воистину, походит сельский человек» — изречение, сохранившееся из одной такой комедии), так и высшее общество, например, высмеивалось легкомысленное поведение знати на «теплых водах». Одна комедия Титиния называлась «Женщина-законница» (Jurisperita), в ней, видимо, изображались новые женщины, добивавшиеся равноправия. В общем, это были писатели-демократы, творчество которых не нравилось римскому правящему слою, но он мог лишь бессильно шипеть, называя эти произведения «кабацкими» (tobernariae).

Особым успехом в народе пользовались в это время также «ателланы» — старинные народные балаганные фарсы, ставшие теперь излюбленным зрелищем римлян.

Обычно в действиях участвовали четыре основные «персоны»: «почтенный папаша» (Pappus), шарлатан-философ (Dossenus), вечно влюбленный простак-неудачник (Maccus) и пронырливый слуга, болтун, враль и обжора (Bacco) — все фигуры, ставшие излюбленными и в более позднем итальянском народном театре. Эти четыре маски давали возможность путем импровизации самих актеров создавать всякие смешные ситуации и комбинации, пародии на всем известные события, на свадьбы и похороны важных лиц и т. д. Появились писатели, как Помпоний и Новий, которые стали давать таким сценкам литературную обработку (им приписывается сочинение до сотни ателлан); устраивались выступления молодежи, даже сам грозный диктатор Сулла увлекался ими, выдумывал новые пародии и участвовал в их исполнении.

Наконец, и трагедия сделала значительные успехи. Трагический поэт Акций (умер около 85 г.) написал до 50 трагедий на сюжеты из греческой мифологии, но в оригинальной трактовке: борьба с тиранами, изгнание царей («Брут»), народные восстания являются основными мотивами его произведений. Особенно острые и меткие выражения трагиков в этом духе подни-

мали, как рассказывает Цицерон, еще в период первого триумвирата бурю рукоплесканий всего театра.

Новые условия жизни вызывали большую потребность в образовании. Появилось множество начальных школ. Учителя-грамоты («литераторы») у себя дома или прямо на улице, всего за плату в 8 ассов в месяц с ученика, обучали чтению, письму, начаткам счета. Дети более состоятельных людей после этого учились у «грамматика» — изучали произведения литературы, латинской и греческой, и заучивали наизусть отрывки из «Одиссеи» в переводе Ливия Андроника, сочинений Энния, Невия, трагедий Пакувия. Здесь же их знакомили с основами геометрии и музыки. Наконец, имевшие возможность получить высшее образование обучались у «риторов»; последние, часто приезжие греки, преподавали теорию словесности и философию. Такие (в особенности «грамматические») школы существовали, кроме Рима, и в городах Италии; их посещали, по словам Горация, даже дети вольноотпущенников и солдат.

В связи с распространением образования росло количество людей, выступавших с своими литературными произведениями, написанными не только в стихах, но и в прозе. Обычно они сперва читались в особых литературных кружках, иногда даже в салонах знати; затем во многих экземплярах они переписывались рабами-писцами особых предпринимателей-издателей и продавались в книжных лавках, в Риме — на форуме и ближайших к нему улицах. Громадное количество таких произведений не дошло до нас: в своей значительной части они были сознательно уничтожены во время правления Августа, так как не соответствовали новому направлению его политики. Например, запрещено и уничтожено было даже одно сочинение самого Юлия Цезаря — «Апофтегмата», представлявшее собой сборник различных афоризмов. Но дошедшие до нас знаменитые «Записки» («Комментарии») Цезаря о галльской войне (7 книг) и о гражданской войне 49—48 гг. (3 книги) представляют собой прекрасный образец такого вида литературного творчества, в котором участвовали широкие круги тогдашнего образованного общества.

Это как бы литературно оформленные заметки для памяти или листки записной книжки знаменитого полководца, опубликованные для того, чтобы привлечь симпатии широкой публики к делу завоевания Галлии, а затем — к его борьбе с Помпеем. Замечательным по простоте и ясности языком, в необыкновенно сжатой и в то же время легкой форме Цезарь рассказывает в них о событиях, в которых сам принимал участие, мастерски рисует портреты своих врагов, например заносчивого конунга свевов Ариовиста, мужественного вождя восставших галлов Верцингеторига, картины сражений с гельветами, галлами и германцами, осаду галльской крепости Алезии, кровавую битву при Фарсале. И здесь же с замечательной точностью описывает он быт и нравы народов — галлов, бриттов и германцев, с которыми ему пришлось воевать. Как свойственно всякому составителю мемуаров, о многом он сознательно умалчивает (например, о жестоком разграблении Галлии его войсками, о собственном при этом обогащении, о беспощадных расправах с непокорными племенами и пр.), а иное и прямо искажает (в особенности

в своем описании гражданской войны). Но все же его «Комментарии» являются одним из наиболее замечательных произведений не только римской, но и мировой литературы. Сохранившиеся продолжения «Комментариев» Цезаря, составленные его офицерами, — восьмая книга записок о галльской войне и записки об александрийской, африканской и испанской войнах, — если и не могут ни в какой мере выдержать сравнения с сочинениями самого Цезаря, все же являются показателем распространения этого типа произведений в римском обществе середины I в. до н. э.

Одновременно с тем и римская поэзия вступила в полосу своего расцвета, причем ее представители тоже не являлись профессиональными литераторами. Благодаря падению оказавшихся теперь несостоятельными старозаветных традиций — обычаев предков, отцовской власти и пр. — в римском обществе стали бурно проявляться индивидуалистические тенденции. Освободившаяся от долго томивших ее уз личность стала особое значение придавать своим индивидуальным переживаниям, и в связи с этим в Риме к середине I в. до н. э. пышным цветом расцвела лирическая поэзия, т. е. поэзия индивидуального чувства. Появилась целая плеяда молодых лирических поэтов, преимущественно выходцев из высших слоев римского общества — Валерий Катон, Лициний Кальв, Г. Валерий Катулл, имевших большой успех. Молодые поэты, естественно, прежде всего устремились за образцами к современным им поэтам-грекам и стали подражателями упадочной эллинистической, так называемой «александрийской» поэзии, изысканной по форме, напыщенной, полной ученых мифологических образов и сравнений. Но наиболее талантливые из них стали скоро отходить от этой замысловатой и причудливой формы и свободно, без всяких прикрас передавать свои задушевные чувства и мысли. Особенно Г. Валерий Катулл (около 87—54 гг.) в звучных и трогательных стихах сумел передать свою любовь к некой Лесбии (собственно, Клодии, сестре трибуна Клодия) и свое глубокое горе, вызванное изменой его возлюбленной:

«О моей любви пусть она забудет! по ее вине иссушилось сердце, как степной цветок проходящим плугом срезанный насмерть». Искренней скорбью исполнено и его стихотворение о смерти любимого брата; много стихотворений посвящено его друзьям, молодым поэтам его времени. Будучи горячим сторонником республиканского строя, он в метких эпиграммах выражал с такой силой свою ненависть к Цезарю и его развратным любимцам, что сам «император единственный», как Катулл насмешливо называл Цезаря, побаивался остроумного поэта, жаловался на «вечное пятно, наложенное на него стишками Валерия Катулла» (Светоний, Юлий, 73), и старался привлечь его на свою сторону.

Заслугой Катулла является также то, что он первый ввел в латинскую поэзию певучий греческий метрический размер (эолийский). В связи со всем этим он может быть признан основоположником римской лирической поэзии.

Большие успехи сделала в это время и римская наука. Семена ее занесены были в Рим греческими учеными, все чаще его посещавшими и иногда подолгу в нем жившими. Так, в доме Сципи-

она Эмилиана долго жил очень крупный греческий философ стоик Панетий (180—110 гг.), написавший значительный философский труд «О надлежащем». Неоднократно посещал Рим и его знаменитый ученик Посидоний (135—51 гг.), стремившийся придать стоицизму религиозную окраску путем включения в него платоновского понятия мироправящей идеи красоты и добра. Он был вместе с тем замечательным историком, географом, астрономом. Помпей, Цицерон, Варрон ездили на Родос, чтобы учиться у этого прославленного греческого ученого. Ряд второстепенных греческих риторов, философов, поэтов переселялись на постоянное жительство в новую столицу мира, становились учителями многих римских молодых людей.

Крупным представителем римской науки периода конца республики являлся М. Теренций Варрон (116—27 гг.). Горячий сторонник республики, прославившийся своим выступлением против первого триумвирата, который он назвал «трехглавым чудовищем», Теренций Варрон с оружием в руках отстаивал республику против Цезаря. Попав в плен и принужденный отказаться от общественной деятельности, он затем всю свою жизнь посвятил кропотливому собиранию материала о дорогой ему старине. Варрон написал до 70 произведений (более 600 свитков); среди них особое значение имел его громадный труд «Древности римского народа» — колоссальный сборник материалов о знаменитых деятелях, прославленных местах, о старинных обычаях и нравах, о религии древних времен.

Особые сочинения написал он о происхождении римского народа и возникновении Рима (он установил и так называемую «дату основания Рима» 754/53 г. до н. э.), о древних римских семьях «троянского происхождения», о латинском языке, его этимологии, склонениях и спряжениях, о древних писателях и их сочинениях, наконец, даже о сельском хозяйстве. В конце своей жизни он составил также «Энциклопедию», в которой излагал основы всех известных тогда наук. Неутомимый ученый, он выступал в то же время и как поэт, сочинив до 150 сатир на современное ему общество, написанных разговорной речью в тоне безыскусственной беседы, переходящей местами в стихотворный размер. К сожалению, лишь очень небольшая часть его сочинений (половина его исследования о латинском языке да трактат о сельском хозяйстве) дошли до нас. Это все, что осталось от гигантского труда этого римского энциклопедиста, оказавшего громадное влияние на своих современников и давшего им, хотя и в сыром виде, обширный материал по многим отраслям знания.

Обширный вклад в римскую науку сделал также Цицерон. Кроме речей, ему принадлежит целый ряд сочинений по вопросам философии, популяризировавших среди римлян философские идеи греков. Таковы его трактаты «О государстве», «Тускуланские беседы», «Об обязанностях», «О дружбе», «О пределах добра и зла», «О природе богов» и др. Цицерон не был строгим последователем одного какого-либо философского учения, и его справедливо упрекают в эклектизме, хотя в основном он близок был к стоицизму и много заимствовал у Панетия. Писал он преимущественно

в форме диалогов, чтобы сделать свою отвлеченную мысль более доступной для читающей публики и увлекать ее своим умелым и красочным построением речи. И несмотря на довольно поверхностный характер этих его философских произведений (так как некоторые из них писались в течение 2—3 месяцев), они впервые знакомили широкие слои римского общества с учениями знаменитых греческих философов (Цицерону приходилось даже устанавливать самую латинскую философскую терминологию). Эти философские трактаты оказывали громадное влияние на все развитие римской философской мысли в течение многих последующих веков. Ими увлекались даже христианские писатели, как, например, Лактанций, Иероним, Августин, стремившиеся отречься от всякой «мирской мудрости».

Но самым замечательным представителем римской научной мысли половины I в. до н. э. был великий римский поэт-философ Тит Лукреций Кар (99—55 гг.), автор знаменитой философской поэмы «О природе вещей». О жизни его почти ничего неизвестно; предполагают, что он был из сословия всадников, близок с видными римлянами, например, с претором Меммием, которому посвятил свою поэму, и Кассием, впоследствии одним из убийц Цезаря. Сочинение его издано Цицероном уже после смерти автора. Лукреций являлся горячим последователем материалистической философии Эпикура.

Эпикуру не раз в своей поэме он посвящает восторженные слова: «О украшение Греции, ты, что из мрака впервые светоч познанья извлек, объясняя нам радости жизни! Вслед за тобой я иду, и шаги свои сообразую с теми следами, что раньше стопы твои напечатлели» (III, 1—4). Лукреций ценил Эпикура в особенности за то, что последний освободил человека от всего, что, по его мнению, особенно мешает человеческому счастью, — от суеверий мрачной старины, от религиозных предрассудков, от культивируемого религией страха смерти и связанной с этим мучительной мысли о загробной жизни. Религия порождает изуверские и преступные деяния, например, человеческие жертвоприношения (Ифигения), и потому Лукреций открыто называет ее «гнусной» (impia).

Лукреций величает Эпикура «благодетелем человечества» за то, что в то время как «жизнь людей безобразно влачилась под религии тягостным гнетом», он впервые «осмелился смертные взоры против нее обратить и отважился выступить против...». «И ни молва о богах, ни молньи, ни грома раскаты с неба его запугать не могли, но с тем большей отвагой силы души он своей напрягал, чтоб впервые крепкий замок сокрушить у затворенной двери природы». «Так животворная сила рассудка стяжала победу, и в бесконечность вселенной проник он рассудком и духом; победоносно принес нам познанье тот грек о возможном и невозможном в природе, так что теперь религия нашей пятою попрана, нас же самих эта победа возносит до неба» (I,62—79).

Чтобы сделать это учение Эпикура доступным для возможно большего числа людей, Лукреций излагает его в стихотворной форме, насыщая свое изложение высокопоэтическими образами,

яркими красочными сравнениями и примерами: по его выражению, он хочет отвлеченные мысли «сдобрить поэзии сладостным медом», подражая врачу, которому приходится давать детям горькое лекарство (IV, 11—25). Кроме того, как современник острой социальной борьбы в Риме, он насыщает и свое произведение особым энтузиазмом и боевым настроением, не свойственным общему характеру учения основателя эпикурейской школы с его знаменитым лозунгом: «стремись к душевной безмятежности» («атараксии»).

По содержанию же поэма Лукреция, состоящая из шести книг, распадается на три части. Первые две книги заключают идущее от греческих материалистов, Демокрита и Эпикура, учение об атомах и беспредельном мировом пространстве («пустоте») как единственных реальных основах мира. Из движения этих атомов в пространстве и возникают все явления и состояния природы. Вторая часть поэмы (книги третья и четвертая) трактует о природе «души», которая так же материальна, как и остальные части тела, и умирает вместе с ними; здесь же разбираются и различные явления психической жизни, которые все тоже сводятся к их материальной основе. Наконец, в третьей части поэмы (книги пятая и шестая) дается величественная картина происхождения мира и возникновения человеческой культуры. Человек из животного состояния собственными усилиями, без какой-либо помощи богов поднялся до цивилизации, хотя и теперь еще много зла и пороков в человеческом обществе, в особенности безграничная алчность, благодаря чему «ныне в презрении медь, а золото в высшем почете» (V, 1275).

И Лукреций был далеко не одинок с своей материалистической концепцией. Атеистические и материалистические взгляды находили уже широкое признание в римском обществе. Они были свойственны и Цезарю, как показывает приводимая Саллюстием его речь на процессе сторонников Катилины в сенате в 63 г., и тем не менее громадным большинством триб он был тогда же выбран верховным понтификом Рима. Клодий и римские дамы даже обращали римские мистерии в настоящие фарсы — в место любовных встреч, а суды выносили им оправдательные приговоры. Повидимому, к этому времени относится чье-то крылатое замечание, что сами авгуры не могут без смеха смотреть друг на друга.

Такой мощный подъем переживала римская культура в конце периода Римской республики. Основная причина лежала в ее народной основе — в тесном контакте с бурным общественным движением, выводившим к политической деятельности и культурному творчеству широкие слои римского и италийского общества: недаром и большинство представителей литературы и науки являлось выходцами из добившихся равноправия с римлянами различных областей Италии (Луцилий, Катулл, Варрон, Саллюстий, повидимому, и Лукреций).

В следующий период принципата Августа эти же включенные в римское общество италийские элементы, по времени своего рождения относящиеся еще к концу республики, довели римскую культуру до ее так называемого «золотого века». Но вместе с тем, в связи с замиранием общественного движения масс в условиях жестокого режима военно-рабовладельческой диктатуры, это была

ее кульминационная точка, момент начала ее извращения. Она уже призвана была служить интересам высших правящих групп рабовладельческого общества, возглавляемых Августом, и способствовать осуществлению их планов. Она приобрела особый внешний блеск за счет глубины своего внутреннего содержания.

Август хвалился, что он «принял Рим кирпичным, а оставляет его мраморным». В своих «Деяниях» он с гордостью перечисляет большое количество выстроенных им новых храмов и общественных зданий, но все они связаны с теми или иными событиями из жизни «принцепса» и назначены были возвеличивать новую власть и ею восстановленное могущество рабовладельческого Рима. Поэтому, судя по их описаниям и сохранившимся остаткам, все они были построены в пышном и холодном официозном стиле, представлявшем смесь эллинистической высокопарности и изысканности с чопорной монументальностью древнего этрусско-италийского искусства.

Особой импозантностью и роскошью отличался выстроенный из драгоценного мрамора новый обширный «форум Августа», назначавшийся, однако, уже не для народных собраний, а для судов и других правительственных учреждений. Окружавшие его колоннады замыкались величественным храмом Марса-Мстителя — символом выполнения Августом мести за убийство Цезаря. Не меньшей роскошью и величавостью отличался и новый храм Аполлона на Палатине (содействию Аполлона приписывалась победа над Антонием при Акциуме), и храм Юпитера Громовержца на Капитолии, построенный в память спасения Августа от удара молнии, убившей шедшего впереди его раба. Все другие новые здания носили имена членов семьи Августа: роскошный портик на рыночной площади был назван портиком Ливии, жены Августа; базилика — базиликой Юлии, дочери Августа; театр — театром Марцелла по имени ее первого мужа.

Холм Палатин обратился в императорскую резиденцию, и здесь был воздвигнут великолепный дворец — «дом Августа». На Марсовом поле Август уже при жизни выстроил грандиозную круглую усыпальницу, в стиле кургана древних этрусских царей, для погребения членов всего своего правящего дома и своих преемников. В том же духе побуждал он строить и своих друзей — Мецената и в особенности Агриппу: последний, кроме нового водопровода и роскошных терм, воздвиг также знаменитый Пантеон — грандиозный круглый храм, посвященный богам всех народов восстановленной Римской державы. По постановлению раболепствовавшего сената в честь Августа как миротворца был построен в 13—9 гг. обширный «Алтарь мира» с окружающими его громадными рельефными изображениями самого принцепса и его семьи, с шествующими за ними сенатом и народом. Громадное техническое мастерство художников здесь особенно явно соединяется с леденящей сухостью официозной трактовки сюжетов из придворной жизни, не скрывающей тенденций всемерно возвеличить правящую династию.

Теми же чертами казенного академизма отличается и скульптура этого времени. Заказывалось множество статуй для украше-

ния улиц, площадей и храмов. Весь форум Августа был уставлен статуями героев римской истории, начиная с Ромула и кончая Помпеем, с соответствующими хвалебными надписями (elogia) под ними — наглядный показ роста могущества Римской державы. Особенно много заказов было на статуи самого Августа, и они дошли до нас поэтому в большом количестве. Наибольшей известностью пользуется статуя Августа, найденная близ Прима-Порта, изображающая его в пышном панцыре и в позе полководца-победителя, обращающегося с речью к победоносным войскам, между тем как всем было известно отсутствие у него способностей военачальника. На серебряных кубках (например, найденных в Боскореале), на резных камнях-камеях и других мелких произведениях искусства Август изображается даже сидящим среди богов и принимающим выражения покорности от покоренных провинций. Характерный для прежнего римского демократического искусства реализм сохраняется теперь лишь в трактовке одежды и обстановки. Лица же и фигуры высокопоставленных лиц идеализируются; художники уже утрачивают былую свободу, а произведения их — подкупающую непосредственность: они уже принуждены подчиняться известному канону, устанавливаемому сверху.

Свободное выражение мыслей не допускалось в период принципата Августа и в других областях культурного творчества. Вырождается в связи с этим ораторское искусство: оно обращается в пустые упражнения риторического характера, в чистое краснобайство, о чем со скорбью пишет Тацит в своем «Разговоре об ораторах». Значительным стеснениям стало подвергаться творчество историков. Азиний Поллион, очень влиятельный и заслуженный цезарианец, не одобрявший политику Октавиана по отношению к Антонию, должен был оставить неоконченным свой труд по истории гражданских войн (с 60 г.). «Предмет твой полон опасности, ты с ним вступаешь прямо в пламя, что под обманчивым пеплом скрыто», — предупреждал его Гораций в своей обращенной к нему оде (II, 1, 6). Видный оратор и историк Кассий Север был сослан на остров Крит за резкую критику действий Августа и его сотрудников, причем впервые к такого рода выступлениям стал применяться «закон об оскорблении величия римского народа». Сообщая об этом, Тацит негодует, так как, по его словам, «прежде осуждались дела, а слова не наказывались» (Анналы, I, 72). Сочинения Т. Лабиена были даже сожжены по постановлению сената, так как в них автор открыто выражал свое преклонение перед республиканским строем. Даже Тита Ливия Август осуждал за его похвальный отзыв о Помпее и называл «помпеянцем» (Тацит, Анналы, IV, 34). Поэтому историческая наука этого времени в лице Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского тоже в значительной мере приобретает официозный характер. Она начинает неумеренно подчеркивать величие деяний Римского государства и с открытым осуждением относиться к народным

движениям и его вождям (например, у Ливия все вожди плебеев изображаются как злостные смутьяны и демагоги).

Беспрепятственно развиваться в период принципата Августа могли только науки, стоявшие вдали от политики, как филология и юриспруденция. К этому времени относится деятельность очень крупных римских грамматиков, как Юлий Гигин и Веррий Флакк (последний написал сочинение «О значении слов»). В юриспруденции складываются две соперничающие школы, Антистия Лабеона и Атея Капитона, занимающиеся изучением, толкованием и систематизацией римского права. Высшее римское общество с особым увлечением начинает заниматься философией, но теперь учение Лукреция уже не находит себе сторонников, и о нем, равно как о его великом творении, нет совсем упоминаний в тогдашней литературе. Наибольшим успехом с этого времени пользовалась школа стоиков, крупнейшим представителем которой стал в начале I в. н. э. Аттал, учитель знаменитого впоследствии Сенеки. Философия стоиков была близка утратившему свое былое господство римскому высшему обществу этого времени тем, что побуждала не придавать значения явлениям внешнего мира, как «находящимся вне нашей власти», и сосредоточивать свои искания на «мире внутреннем», на «жизни души». Человеку следует выработать нормы такого «мудрого личного поведения», которые бы создавали внутреннюю невозмутимость, бесстрастие (апатия), — в чем и заключается истинное счастье.

Однако общественная активность, которой уже не было места в политической жизни, еще продолжала теплиться во множестве литературных кружков разных направлений, и сюда устремилась вся избыточная энергия образованных слоев римского общества. В моду вошли теперь даже публичные выступления литераторов и любителей с их новыми произведениями (рецитации) и диспуты на разные литературные темы (контроверсии).

Бывали, несомненно, выступления и оппозиционного характера. Так, сохранилось одно стихотворение под названием «Проклятия», в котором неизвестный автор (некоторые предполагают — один из друзей Катулла, Валерий Катон) проклинает «нечестивого воина», захватившего его владение, и призывает нивы и плодовые деревья не радовать захватчика своим урожаем: пусть небесный огонь спалит леса, а воды хлынут на тучные прежде земли, так чтобы пришельцу-насильнику пришлось вместо земледелия заняться на них рыболовством!

Понимая значение литературы как большой общественной силы, правительство Августа постаралось овладеть и ею. Оно покровительствовало возникновению литературных объединений полуофициального характера, группировавшихся вокруг преданных новому режиму лиц, обладавших притом значительными средствами для материального обеспечения примкнувших к ним видных деятелей литературы. Так возник литературный кружок Г. Цильния Мецената, префекта города Рима, который и сам известен был своими литературными опытами. Меценату удалось

привлечь в свой кружок наиболее известных поэтов 30-х годов, как Вергилий, Гораций, Проперций. Подобные же кружки образовались и вокруг видных цезарианцев М. Валерия Мессалы и Азиния Поллиона; последний основал в 39 г. в Риме даже первую публичную библиотеку. Оппозиционные поэты, как Фанний, Пантилий, поклонники своих старых республиканских предшественников, в особенности Луцилия, издевались над лощеными, но холодными виршами поэтов меценатовского круга, презирали их за пресмыкательство перед власть имущими, за прислужничество. За это последние мстили им жестокой критикой их произведений, объявляли жалкими ничтожествами, презренной литературной «чернью». В конце концов благодаря своим высоким покровителям они добились полного исчезновения враждебного им направления и связанных с ним литературных произведений. Но и жизнь этих преуспевших и покровительствуемых поэтов сложилась так, что им не приходилось радоваться своей победе.

Самым крупным представителем римской поэзии времени Августа, оказавшим громадное влияние на всю последующую не только римскую, но и мировую литературу, был П. Вергилий Марон (70—19 гг.). Родина его — сельские окрестности города Мантуи в Цизальпинской Галлии, где у него было небольшое имение. И несмотря на отличное образование, полученное им сперва в Мантуе, а затем в Риме, он, по существу, всегда оставался типичным селянином, мягким, добродушным, незлобивым. Даже в его облике современники находили «что-то деревенское» (rusticana). Он и воспевал в своем первом произведении «Буколики» (пастушеские песни) сельскую природу, подражая изящным идиллиям Феокрита. Во время проскрипций Вергилий едва не погиб от ворвавшихся в его усадьбу солдат и принужден был отдать им свое имение. Лишь благодаря долгим хлопотам в Риме удалось ему восстановить свои права. Эти поиски заступников в Риме сблизили его с видными цезарианцами, но за услуги ему пришлось платить новыми, в их честь сочиненными эклогами. С начала 30-х годов он стал уже постоянным посетителем кружка Мецената и вскоре превратился в общепризнанного главу официозной римской поэзии. По прямому поручению Мецената, а возможно, и самого Августа, встревоженного признаками упадка земледелия в Италии, Вергилий написал в конце 30-х годов второе свое произведение, «Георгики» (сельские поэмы). Это целое сельскохозяйственное руководство в четырех книгах по вопросам земледелия, садоводства, скотоводства и пчеловодства, написанное в яркой поэтической форме, полное замечательных по красочности описаний сельской природы. Оно вполне соответствовало поэтическому дарованию и вкусам Вергилия, но уже в нем поэт испытал на себе значительное влияние своих покровителей. Нарушая глубоко искренний и задушевный тон своей поэзии, он должен был во вступлении к первой песне своих поэм вставить полное откровенной лести,

высокопарно-молитвенное обращение к молодому Цезарю-Октавиану и объявить его новым божеством: скоро он новой звездой засияет на небе, ему подвластны будут все явления жизни на земле и море. Вергилию пришлось выбросить заключительную часть своей последней, четвертой книги, в которой он с похвалой отзывался о поэте Корнелии Галле, попавшем в опалу и принужденном покончить самоубийством.

Самым мучительным испытанием для Вергилия было поручение, совсем не соответствовавшее его поэтическому дарованию, — написать героическую поэму, которая затмила бы Гомера и прославила бы прошлое Рима и предков Августа в лице троянского выходца Энея. Одиннадцать лет работал Вергилий над своей «Энеидой» (с 30 по 19 г.); он рассказывал в двенадцати песнях древние предания и собственные вымыслы о том, как после долгих странствий Эней с сыном Юлом и троянской дружиной прибыл в Лациум и положил начало династии латинских царей, из потомства которых вышли Ромул и Рем — основатели Рима, а от Юла — род Юлиев. Попутно в виде многих «пророчеств» вводил он и наиболее славные эпизоды из дальнейшей истории Рима, а также события, касающиеся самого Августа и его семьи. Но Вергилий сам должен был признать, что труд его оказался неудачным, не соответствующим его замыслу и высоким требованиям, которые предъявлял к своему произведению поэт. Вергилий неспособен был по своему мирному и мягкому характеру изображать богатырей, героические подвиги, войны и битвы; сам Эней вышел у него весьма нерешительным и вялым, не героем, а лишь «благочестивым отцом». Зато необыкновенным поэтическим чувством проникнуты описания страданий покинутой им карфагенской царицы Дидоны, так что читатель гораздо более сочувствует ей, чем обманувшему ее Энею. Кроме того, лесть Августу и его приближенным введена была в поэму в такой неумеренной и отвратительной форме, что должна была коробить чуткого поэта. Есть сведения, что, недовольный своим произведением, которое он никак не мог закончить, Вергилий предполагал даже сжечь его, но преждевременная смерть от солнечного удара во время посещения Греции помешала ему осуществить это намерение. По распоряжению Августа, поэма его была опубликована. Правительство постаралось, чтобы она стала самым популярным произведением у римлян: ее изучали в школах, многие знали ее наизусть, ею восторгались в средние века и даже в новое время. Однако современная наука признает, что она далеко не является тем совершенным произведением литературы, которое мог бы дать великий римский поэт, если бы не принужден был творить в несвойственном его дарованию духе.

После смерти Вергилия главою римских поэтов стал К в. Г о р а ц и й Ф л а к к (65—8 гг.), величайший лирический поэт Рима. Сын вольноотпущенника, он стараниями отца, готовившего его к служебной карьере, получил хорошее образование,

даже учился в Афинах, где его застала гражданская война 44—43 гг. Вместе с другими молодыми римлянами, учившимися там, он добровольцем вступил в армию последних защитников республики Брута и Кассия и после ее разгрома при Филиппах некоторое время провел в изгнании. Возвратившись в связи с амнистией 40 г. в Рим, он принужден был за отсутствием иных средств к существованию (маленькое имение его отца было захвачено солдатами триумвиров) поступить простым писцом к одному римскому квестору. Именно в это время «бедность дерзновенная» (paupertas audax), по его выражению, и побудила его заняться поэзией. И вот, в первых своих произведениях, относящихся к началу 30-х годов, в язвительных «Эподах», написанных ямбическими стихами, и в первых «Сатирах» он изливал свое отчаяние по поводу торжества всего того, что он ненавидел и против чего боролся. В них (эподы 4-я и 16-я) слышится отзвук его республиканских идеалов, по ним можно бы предположить, что из него выработается крупный поэт-общественник.

На почве этих первых опытов Гораций сблизился с Вергилием, который ввел его в кружок Мецената. Последний сперва очень холодно принял молодого поэта из оппозиционного лагеря. Но постепенно они сблизились, Гораций получил в подарок от Мецената отличное имение и вошел в круг новых хозяев Рима. Октавиан даже приглашал его стать своим личным секретарем. К 30 г. Гораций стал уже совсем иным: издавая свои «Сатиры», он уже посвящает их Меценату, а в новом своем произведении, изящных «Песнях» (или «Одах»), он радуется победе Октавиана при Акциуме, молится о благополучном возвращении «Цезаря» из похода, впадает в патриотический тон. Теперь Гораций призывает к веселью, к наслаждению жизнью, «чтобы миг счастливый ловить, не веря грядущему», пишет пикантные стихи на эротические мотивы. В 17 г. по поручению самого Августа он сочиняет свою знаменитую хвалебную «Юбилейную песнь», а затем, вскоре после этого, свою последнюю, четвертую книгу «Песен», в которой восхваляет подвиги пасынков Августа — Тиберия и Друза. На этом Гораций как бы обрывает свое лирическое творчество и в последние годы своей жизни пишет лишь две книги стихотворных «посланий» к Августу, Пизонам и другим, в которых трактуются бытовые, философские и литературные темы.

«Песни» («Оды») Горация по форме своей — лучшие образцы римской лирики, ее вершина. Они написаны певучим эолийским или лесбийским размером, т. е. размером стихотворений лучших лирических поэтов Греции, Алкея и Сапфо. Размер этот Гораций приспособил к особенностям латинского языка значительно лучше, чем Катулл, почему и заявляет гордо, что он «первый переложил эолийскую песнь на италийский лад». Они увлекают тонкой передачей личных переживаний и чувств поэта, идет ли в них речь о любви, дружбе, радости или скорби. Но в них же можно заметить и первые следы начинающегося заката римской культуры. В произведениях Горация уже нет той гордой свободы, тех передовых идеалов, которыми блещут произведения вольных поэтов и литераторов республиканской поры.

Особенно трагична была участь третьего великого поэта времени Августа — П. Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Это поэт необычайной силы и величайшего таланта: по его собственным словам, все, что бы он ни пробовал писать, обращалось в стихи. Но на нем особенно тлетворно отразилось упадочное моральное состояние римского высшего общества, которое, охладев к общественной и государственной жизни, запуганное гражданскими войнами, проскрипциями и казнями, жадно стало искать острых чувственных наслаждений, предалось откровенному прожиганию жизни. Так и Овидий, сын состоятельного всадника из Сульмоны (в области пелигнов), добровольно уклонившийся от всякой служебной и общественной деятельности, обратился в певца легкомысленной светской любви. Уже в двадцатилетнем возрасте он издал целый сборник сочиненных им любовных писем мифических героинь («Героиды»), в которых они исповедаются в любви к своим возлюбленным (Пенелопа — к Одиссею, Брисеида — к Ахиллу, Дидона — к Энею, Медея — к Язону и т. д.). За этим последовали его «Песни любви», с такой неслыханной откровенностью повествующие о его любви к некой Коринне, что сам поэт несколько позднее сжег две книги из пяти этого насыщенного необычайной чувственностью произведения. Но особый скандал в придворных кругах вызвала эротическая поэма Овидия «Искусство любви». В подражание дидактическим произведениям обычного типа это сочинение Овидия с игривой серьезностью в замечательной по мастерству форме преподает правила, как мужчинам и женщинам соблазнять друг друга и, если того они желают, сохранять приобретенную любовь.

Поэту пришлось жестоко пострадать за такую неслыханную дерзость. Грозным приказом самого Августа он «как гнусный развратитель» был в 8 г. н. э. сослан в отдаленный город Томы, находившийся на западном, диком тогда побережье Черного моря. И напрасно писал он оттуда «Песни скорби» (Tristia) и «Послания с Понта», умоляя Августа о прощении, а друзей побуждая ходатайствовать за него. В этих его произведениях много искреннего, неподдельного чувства и замечательные по красочности описания той суровой обстановки на самой окраине римской державы, в которой пришлось жить поэту-изгнаннику до самой его смерти. Эти произведения высоко ценил Пушкин, давший трогательный образ ссыльного Овидия в своих «Цыганах». Пушкин справедливо считал, что понтийские элегии выше всех прочих сочинений Овидия. Овидию принадлежат также два больших поздних незаконченных произведения — «Фасты» (поэтическое изображение обрядов и сказаний, связанных с римским календарем) и «Метаморфозы»; в последнем он тоже в весьма фривольном тоне и тоже часто в связи с какими-либо любовными обстоятельствами изображает превращение богами людей в различные растения и животных. Впрочем, следует отметить, что «Метаморфозы» дают яркий и красочный материал по античной, в особенности греческой, мифологии.

В том же эротическом жанре, на который растратил свой громадный талант даровитейший из римских поэтов, писали и многие другие современные ему выдающиеся представители римской поэзии времени Августа, как Тибулл и Проперций, даже поэтессы, как некая Сульпиция, шесть дошедших до нас любовных элегий которой по своему поэтическому мастерству нисколько не уступают лучшим произведениям римской лирики. Всем им пришлось творить в такую эпоху, когда у римского общества, в связи с заменой республиканского строя режимом монархического типа, каковой фактически представлял собой принципат, уже не было простора для общественной активности и когда стали замирать все идеалы гражданственности. Для свободной поэзии уже не было ни места, ни достойных сюжетов, и поэтам приходилось либо обращаться в придворных льстецов, либо закапываться в мелочи личной жизни и личных переживаний; да и последние требовалось передавать условными приемами установившегося в правящих кругах этикета. Естественно, что эта внутренняя опустошенность римского общества, так болезненно проявившаяся в области литературы, должна была зловеще сказаться и во всех областях культурной жизни Рима и подготовлять тот идеологический кризис, который будет все больше нарастать и расширяться в дальнейшей истории Римской империи.

ГЛАВА LIX

ЗАКРЕПЛЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОГО РЕЖИМА. ДИНАСТИЯ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ.

§ 1. Ближайшие преемники Октавиана-Августа и их борьба с республиканскими пережитками. Тиберий (14—37 гг.). Смерть Октавиана-Августа поставила под вопрос все дело возникающей в Риме монархии, так как не зафиксирован был еще ее существеннейший признак — принцип наследственности верховной единоличной власти.

Для республиканских нравов и традиций Рима этот принцип был полностью нов, казался совершенно чуждым, противозаконным и бессмысленным. Но как подлинный монарх Октавиан упорно стремился закрепить высшую власть за своей семьей и тем сделать ее наследственной. Однако он встречал очень существенное препятствие в отсутствии у него прямых мужских наследников. У него была только дочь Юлия, и поэтому своим преемником после смерти двух первых мужей и двух сыновей Юлии Октавиан сделал, после долгих колебаний, ее третьего мужа, своего нелюбимого пасынка Тиберия (сына своей жены Ливии от ее первого брака с Клавдием Нероном). В 4 г. н. э. Тиберий был усыновлен Октавианом, принят в род Юлиев и получил имя Тиберия Цезаря, а затем, по завещанию умершего, и имя Августа. Еще при жизни Октавиана он облечен был постоянной проконсульской и трибун-

ской властью, и ему же Октавиан завещал и большую часть своего громадного состояния. Таким образом, почти автоматически, после смерти Октавиана, Тиберий становился «первенствующим лицом», принцепсом — на место последнего.

Тиберий был человек, несомненно, выдающийся — высокого роста, с внушительной осанкой, смелый и даровитый полководец, умный и глубоко образованный, но угрюмый, нелюдимый и подозрительный. С самого начала своего принципата он встретил неприязнь и даже острую оппозицию в армии и в среде рабовладельческой знати, сконцентрированной в сенате. Этим и определилась полная драматических событий 23-летняя (14—37 гг. н. э.) история его правления (см. Тацит, Анналы, кн. I—VI; Светоний, Тиберий; Дион Кассий, кн. 57—58).

При известии о смерти Августа и о переходе верховной власти к новому принцепсу произошло восстание одновременно в двух самых крупных римских армиях — в паннонской и рейнской. Солдаты избивали нелюбимых офицеров, известных своим жестоким обращением с подчиненными, собирались на сходки и предъявляли ряд требований командующим армиями, как-то: сокращение срока службы до 16 лет, как у преторианцев, уравнение с ними в отношении жалованья и пр. Но главное, как отметил Светоний, «стоявшая в Германии армия и слышать не хотела о принцепсе, поставленном не ею. Она с величайшей настойчивостью принуждала Германика, в то время ее главнокомандующего, взять власть, несмотря на упорное его сопротивление» («Тиберий», 25). Таким образом, солдатские мятежи открыли основную «тайну империи», что солдаты являются ее настоящими хозяевами, почему и требовали теперь принадлежавшей им по праву роли вершителей ее судеб, в особенности в вопросе о том, кто будет ее главой. Тиберию пришлось употребить все средства, чтобы успокоить паннонские легионы: он послал к ним для уговоров своего сына Друза, и тому разными полууступками и затяжными переговорами удалось успокоить и привести опять в подчинение разбушевавшуюся массу. Действовали также тайным истреблением наиболее активных и умелых руководителей. На Рейне при помощи ряда жестких мер с положением справился Германик, с риском для себя сохранивший до конца лойяльное отношение к Тиберию, своему дяде (см. Тацит, Анналы, I, 16—52).

Но особую тревогу Тиберию причинял сенат. Внешне сенаторы рассыпались в самой неумеренной лести, так что, по словам Тацита, даже Тиберию, «врагу народной свободы, было противно столь грязное пресмыкательство раболепных людей», и, выходя из курии, он обычно произносил полные презрения слова: «О люди, созданные для рабства» («Анналы», III, 65). Так, сенат поднес ему титул «отец отечества», предложил месяц сентябрь назвать в его честь «тиберием», а октябрь в честь его матери «ливием» и т. п., что Тиберий решительно отверг. Но за спиной принцепса те же

сенаторы произносили клеветнические речи, распространяли провокационные слухи, сочиняли ядовитые пасквили. Затем дело дошло и до опасных заговоров, возникавших в сенаторской среде: многие знатные люди сочувствовали даже появившемуся самозванцу, рабу Клементу, выдававшему себя за внука Августа (Тацит, Анналы, II, 39—40).

Все это ставило Тиберия в весьма опасное положение и принуждало постоянно быть в состоянии тревоги. Первоначально он пытался всячески всем угодить скромностью своего обращения и почтительностью к республиканским властям и учреждениям. Он называл себя слугой сената и всего гражданства, вставал перед консулами, допускал свободу прений и не раз оставался в меньшинстве при голосованиях в сенате. Он запретил называть себя «господином»: таковым, по его словам, он является лишь для рабов, император он — для солдат, для сенаторов и народа он — только принцепс. Таким образом, желая сохранить единство рабовладельческого класса, он в начале своего принципата в смысле соблюдения прежней республиканской конституции был значительно последовательнее и даже искреннее Августа.

Однако такое поведение не делало его популярнее. Сенаторы считали, что эта тактика — лукавство, даже провокация, чтобы выявить недовольных. Они боялись, а часто уже и неспособны были проявить какую-либо административную инициативу, так что Тиберий стал все чаще передавать важные дела в свой ближний совет (consilium principis), составленный в значительной степени из нечиновных, но дельных и опытных людей по его выбору. Одновременно усилилось и его раздражение против городского плебса, роптавшего на сокращение раздач и зрелищ и на увеличения налогов — меры, на которые Тиберию пришлось пойти в связи с тяжелым состоянием государственной казны. Это повело к полной ликвидации народных собраний и передаче всех их избирательных функций сенату. Теперь сенат стал выбирать всех магистратов частью из предложенных принцепсом кандидатов, частью по своему усмотрению. Разрыв принцепса с столичным народом и нобилитетом особенно усилился после смерти в 19 г. весьма популярного в Риме Германика: говорили, что он погиб будто бы от яда, данного ему одним из приближенных Тиберия — наместником Сирии, Пизоном.

С начала 20-х годов н. э. Тиберий стал все больше отходить от своего первоначального мягкого и примирительного обращения; он стал превращаться в свирепого и своенравного деспота. Основным своим принципом он сделал правило: «пусть ненавидят, лишь бы боялись» (Светоний, Тиберий, 59), и, соответственно этому, перешел на ничем не прикрашенный открыто террористический режим. К Риму стянуты были все 9 когорт преторианцев, размещенных прежде по разным городам Италии; у самых ворот столицы для них был устроен укрепленный постоянный лагерь (в 23 г.), и они обратились в грозу для всего гражданского насе-

ления Рима, а их начальник, префект претория, стал вторым после принцепса лицом в государстве. Особую роль играл с 17 по 31 г. Л. Элий Сеян, префект претория, простой всадник, завоевавший безграничное доверие Тиберия своими энергичными действиями во время подавления в 14 г. восстания паннонских легионов. Он обратился в настоящего всесильного временщика, и весь Рим трепетал и пресмыкался перед ним. Опираясь на проведенный еще при Августе закон «об оскорблении величества», Сеян сделался одним из самых свирепых душителей последних пережитков республиканской вольности. Множество видных и простых людей подвергалось арестам, пыткам и казням по пустым подозрениям.

Наконец Тиберий не выдержал пребывания в охваченном паникой городе. В 26 г., преследуемый постоянным страхом, он уехал из Рима сперва в Кампанию, а затем окончательно поселился на живописном и неприступном, благодаря своим отвесным берегам, острове Капри. «Он застроил его 12 роскошными виллами с различными названиями, и чем больше он был предан прежде попечению об общественных делах, тем больше предавался теперь скрытной распущенности и зловредной праздности» (Тацит, Анналы, IV, 67). Он вызывал будто бы к себе подозреваемых и уничтожал их после бесчеловечных пыток. В 31 г. страшная расправа постигла и всесильного Сеяна, которого Тиберий заподозрил в стремлении захватить верховную власть. С особыми предосторожностями, так как за Сеяна стояли преторианцы, Тиберий провел через недавно раболепствовавший перед его фаворитом сенат осуждение последнего и затем свирепо расправился не только с ним, но и со всей его семьей, не исключая и малолетних ее членов.

Наконец, в 37 г. его ближайшие и доверенные лица, во главе с новым префектом претория Макроном, сами прикончили Тиберия. Они задушили его подушками, когда, тяжело заболев, он стал обнаруживать признаки выздоровления. Даже эти близкие ему люди были убеждены, что «пока Тиберий жив, железный будет век» (Светоний, Тиберий, 59).

Однако негодование касалось лишь персоны принцепса, но не системы самого принципата. С ней уже настолько свыклись, что, недовольные одним правителем, мечтали лишь о замене его другим. «*Материальной* опорой правительства, — писал Энгельс, — было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем на старо-римское крестьянское войско, а опорой *моральной* — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью»[1]. Сам же принципат принял более откровенный монархический характер благодаря властному

[1] Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

поведению Тиберия, ликвидации народных собраний, растущей централизации и бюрократизации управления и пр. Наконец, террористический режим, введенный Тиберием, задевал лишь весьма узкие круги придворной знати, нобилитета и частично население столицы. Провинции, являвшиеся основой всей Римской империи, не только им не затрагивались, но, наоборот, стали управляться значительно лучше. Тиберий держался принципа, что «хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкур» (Светоний, Тиберий, 32). Он не только закрепил введенную уже Августом систему управления провинциями при посредстве назначаемых императором легатов и прокураторов, но установил и бдительный контроль за ними через особых императорских соглядатаев («агентов»). Дурных правителей он быстро сменял, хороших оставлял в этой должности помногу лет: например, Помпей Сабин состоял легатом провинции Мезии 24 года и оставил по себе самую лучшую память. Провинции, давно привыкшие к административному произволу, были в общем довольны режимом Тиберия, посылали к нему посольства с выражением благодарности, воздвигали ему статуи с почетными надписями и делали все это не из пустой лести и раболепства.

Много способствовала популярности Тиберия в провинциях также его спокойная, но твердая внешняя политика, не вызывавшая чрезмерного напряжения сил и платежных средств населения и создававшая впечатление устойчивого мира, благоприятного для хозяйственной деятельности (pax Romana). Войны, в особенности с германцами, были лишь в начале его правления, в дальнейшем всевозможные конфликты с соседями (с Арменией, Парфией и др.) улаживались дипломатическим путем. Можно считать, что со времени Тиберия прежняя внешняя насильственная связь между Римом и его провинциями постепенно стала превращаться в связь более органическую, внутреннюю и Римская держава начинала становиться более сплоченным политическим целым.

§ 2. Гай Калигула (37—41 гг.) и Клавдий (41—54 гг.). Какие большие успехи монархические идеи и привычки сделали в Риме за время правления Тиберия, показало правление двух его ближайших преемников. Известие о смерти Тиберия вызвало в Риме ликование: народ требовал лишить его погребения, а тело бросить в Тибр. Зато с бурным восторгом был встречен в Риме еще более случайный претендент, последний, уцелевший из сыновей Германика, Гай, 23-летний молодой человек. Его в последние годы своей жизни по какому-то капризу приблизил к себе Тиберий. Он даже дал ему титул Цезаря, хотя имел и собственного внука, Тиберия младшего (Гемелл-близнец). Толпы народа ворвались в сенат и заставили провозгласить молодого Гая Цезаря принцепсом. За его здоровье и благополучие приносилось ежедневно множество жертв, его называли Солнышком, а солдаты прозвали Калигулой, т. е. солдатским сапожком, подчеркивая этим, что он родился в лагере и был близок к солдатской среде (это

прозвище и сохранилось за ним, как его собственное имя). Никто в те времена и не помышлял о восстановлении республики.

И Калигула, руководимый опытными советниками, Макроном и другими, в первые месяцы своего принципата очень ловко закреплял свой авторитет и популярность, приобретенные преимущественно за счет общей ненависти столичного населения к Тиберию. Он всемерно демонстрировал свое отрицательное отношение к деспотическому и террористическому режиму своего предшественника; дал полную амнистию всем преследуемым и объявил, что «для доносчиков у него нет ушей». Калигула усилил раздачи и зрелища, поголовно наделял граждан корзинами с съестными припасами, а для сенаторов и всадников устраивал пышные пиры, подчеркивал свое почтительное отношение к сенату; он стал вновь опубликовывать отчеты о состоянии государства и сделал попытку восстановить народные собрания. Внимательно относился он и к нуждам провинций — восстановил рухнувшие от ветхости стены в Сиракузах, на берегу океана в Галлии воздвиг громадный маяк и начал изыскания для сооружения канала через Коринфский перешеек.

Однако человек молодой, неопытный и неуравновешенный (некоторые считают его даже душевнобольным), он скоро переоценил свои первые легкие и быстрые успехи. Как бы оправдывая свое имя второго Гая Цезаря, своим образцом он сделал не Октавиана-Августа, а более смелого его предшественника — диктатора Гая Цезаря и, в особенности, его верного последователя Марка Антония. Для него, как для Цезаря и Антония, политическим идеалом была эллинистического типа абсолютная монархия, притом тоже в наиболее выраженной египетской ее форме. Калигулу поддерживал в этом отношении небольшой круг рьяных цезарианцев и антонианцев, группировавшихся вокруг его бабки Антонии (дочери триумвира), не одобрявших республиканский маскарад и осторожное лавирование Августа и желавших более энергичной внешней политики, в особенности на Востоке.

Эта египтомания скоро стала проявляться у Калигулы в самом вызывающем и дерзком виде. Было запрещено празднование дня победы при Акциуме «как несчастной и губительной для римского народа» (Светоний, Калигула, 23). Был восстановлен культ Изиды, запрещенный при Тиберии (Тиберий изображение этой египетской богини даже приказал бросить в Тибр). На громадном, специально построенном корабле из Египта был привезен колоссальный обелиск, который и до наших дней стоит в Риме на главной его площади перед собором св. Петра. По примеру египетских фараонов Калигула собирался жениться на своей сестре Друзилле, а когда она внезапно умерла, объявил по ней всенародный траур и принудил сенат провозгласить ее божеством под именем «Пантеи» (Всебогини). Подобно Цезарю, он возвел себя в еще более высокий божественный ранг — публично выступал в образах Геркулеса,

Аполлона и даже Юпитера, с позолоченной бородой и молниями в руках. На содержание роскошного, по восточному образцу, двора и разных помпезных затей требовались большие суммы, и правительство Калигулы, не стесняясь, собирало их путем беспощадного обложения всего, что возможно, или даже прямыми вымогательствами у состоятельных людей.

Все эти неосторожные и шумные демонстрации монархизма молодого и ничем еще не проявившего себя правителя должны были очень скоро подорвать его случайную и легковесную популярность. Ропот же и недовольство столицы Калигула и его сторонники, естественно, стали подавлять, тоже по принципу восточных монархов, жестокими репрессиями и расправами. Был вновь восстановлен закон об оскорблении величества. К заподозренным и опальным посылались преторианские офицеры с приказами о самоубийстве. Однако Калигула неосторожно задел и военные круги. Так, казнен был префект претория Макрон, более всех способствовавший возвышению Калигулы; говорили, что он даже собирался поголовно казнить всех солдат германских легионов, которые 25 лет назад участвовали в восстании, подавленном его отцом, Германиком, и что будто бы он открыто высказывал сожаление, что у всего римского народа не одна голова, чтобы ее можно было отрубить. Шли также толки, что, желая уподобиться Александру Македонскому, он устроил бутафорский поход в Германию, оскорбительный для чести римской армии.

В результате в январе 41 г., всего после неполных четырех лет своего правления, Калигула был убит офицерами своей же гвардии, напавшими на него в темных переходах его дворца под предводительством военного трибуна Кассия Хереи. Раздражение против него было так велико, что убита была затем его жена Цезония и даже годовалая дочь.

И все же, несмотря на вторичный кровавый конец попыток создания эллинистического типа монархии в Риме, пережитков республиканских традиций после смерти Калигулы оставалось настолько мало, что компромиссную систему «принципата» с этого времени следует рассматривать как вполне уже пройденный этап в развитии единоличной императорской власти.

Правда, после убийства Калигулы в высших кругах Рима опять не надолго заговорили о «свободе» (libertas). В собравшемся сенате произносились горячие речи против «тирании». Некоторые ораторы предлагали сломать все храмы, посвященные Юлиям, Цезарям и Августам, и вернуться к строю республики. Другие, однако, склонялись к сохранению принципата, но при условии избрания достойного человека. Скоро обнаружилась полная беспомощность сената: «на следующий день сенат, наскучив несогласиями противоположных мнений, обнаружил меньше энергии в выполнении своего предприятия, а столпившийся кругом народ стал требовать единого правителя, называя его по имени» (Светоний, Клавдий, 10).

Таким оказался последний родственник угасшего со смертью Калигулы Юлиева дома, Тиберий Клавдий, младший брат Германика и дядя убитого Калигулы. Ворвавшиеся во дворец Калигулы преторианцы нашли его спрятавшимся с перепугу в одном из дальних помещений дворца (в бане), насильно принесли в свой лагерь и против его ожиданий провозгласили императором. Взвесив настроение народа и солдат, сенат прекратил свою запоздалую и безнадежную республиканскую демонстрацию и покорно облек нового принцепса всеми надлежащими полномочиями. Так, против собственной воли, лишь благодаря уже укрепившейся в народных массах идее династического наследования и семейной преемственности власти, Клавдий принужден был стать правителем Римского государства, как внук самого Августа.

С точки зрения сановных людей того времени, это был человек, менее всего пригодный для такого поста. Он слыл чудаком и до 54-летнего возраста (до провозглашения императором) жил весьма уединенно и просто, проявляя интерес лишь к занятиям историей (учителем его был одно время Тит Ливий).

Им были написаны, повидимому, с помощью его образованных рабов и вольноотпущенников, три значительных исторических труда — «История» его времени в 43 книгах, «История этрусков» в 20 книгах и «История Карфагена» в 8 книгах. Он занимался также филологией и пополнил латинский алфавит тремя новыми буквами, одна из которых оказалась очень нужной (знак v) и удержалась в употреблении и до наших дней. Его рассеянность, общение с простыми учеными людьми, пренебрежение к внешности и к светским манерам («вульгарные манеры», — говорит Светоний) вызывали к нему презрение его высокопоставленной родни. На празднества при дворе его не приглашали, придворные преследовали его постоянными насмешками — называли вахлаком, уродом и пр., ядовито смеялись над его пристрастием к еде, вину, игре в кости, над его любовными увлечениями.

Однако 13-летнее правление (41—54 гг. н. э.) Клавдия оказалось самым созидательным периодом за все первые 50 лет после смерти Октавиана-Августа. С большой добросовестностью Клавдий относился к своим новым и неожиданным обязанностям. Так, он с величайшей тщательностью занимался судопроизводством, причем руководился при этом не буквой, а духом закона, «сообразно требованиям справедливости изменял суровость или слабость наказаний», правда, иногда обнаруживая при этом «удивительное непостоянство мысли» (Светоний, Клавдий, 14—15). Очень внимательно также он выполнял должность цензора. Особую заботу Клавдий проявлял к вопросу продовольственного снабжения Рима, для чего давал всякие привилегии купцам, доставлявшим продовольственные грузы в Рим, и выстроил громадную новую гавань в Остии, у устья Тибра. Для снабжения Рима водой он построил грандиозный водопровод, трехэтажные арки которого и теперь еще своей массивностью поражают посетителя окрестностей Рима. Одиннадцать лет производились обширные работы по прорытию канала для спуска Фуцинского озера (на них было занято беспрерывно до 30 тыс. человек). Это мероприятие освобо-

дило от болот обширные новые пространства, использованные под поля. Все это, вместе с отказом от чрезмерных почестей (он не принял, например, титула императора в качестве личного имени), простотой и доступностью создало ему твердое расположение народных масс, сохранявшееся до самой его смерти.

В делах же общей администрации, военных и финансовых, в которых Клавдий не имел никаких знаний и опыта, он всецело и твердо доверялся компетентным и даровитым лицам, которых он для этого к себе приближал. Он умел их выбирать преимущественно из среды своих образованных рабов, греков и сирийцев, с которыми сблизился еще в годы своего угнетенного положения. Он теперь отпустил их на волю и поручил им различные отрасли управления, причем не смущался язвительными замечаниями, что тем самым «из принцепса он сделался слугой своих слуг» (Светоний, Клавдий, 29). И эти вольноотпущенники, Феликс, Паллас, Нарцисс, Полибий, люди без рода и племени, далеко не забывавшие себя и награбившие себе колоссальные состояния, были, однако, глубоко преданы императору и возглавляемому им новому режиму. Они постепенно отодвинули на задний план и сенат, и всю старую магистратуру и за годы правления Клавдия положили начало новой бюрократической системе центрального императорского управления.

По существу эта система развернулась из домовой конторы принцепса, ведавшей его личным состоянием. Но императорская контора, благодаря переплетению в ней функций частного хозяйства с делами государственными, тем легче могла превратиться в настоящую основную правительственную канцелярию, а ее отрасли и «службы» (officia) — в правительственные департаменты.

«Счетная служба» (a rationibus) обратилась теперь в настоящее министерство финансов, которым ведал ловкий и оборотистый грек Паллас. Он привел императорскую казну в блестящее состояние, но и сам стал одним из самых богатых людей в Риме (его имущество оценивалось в 300 млн. сестерций). «Служба приказов» (ab epistulis) находилась в ведении личного секретаря Клавдия — талантливого и умного Нарцисса: здесь объединялись функции министерства внутренних дел, министерства внешних дел и министерства военного. Поэтому Нарцисс был самым влиятельным человеком в государстве, определял всю внутреннюю и внешнюю политику, отдавал распоряжения командующим армиями, ездил в провинции ревизовать проконсулов и императорских наместников. «Службой контроля» (a studiis) ведал ученый грек Полибий, который пользовался таким почетом, что «хаживал, бывало, даже в сопровождении консулов, шедших по обе его стороны» (Светоний, Клавдий, 28); «службу следствий» (a cognitionibus) возглавлял Каллист — в его ведении находился высший императорский суд по делам чрезвычайной важности и кассационная палата. Наконец, была еще «служба прошений» (a libellis) на императорское имя, своего рода личная канцелярия принцепса. В каждом из таких министерств или отделов управления, кроме начальника и его ближайших заместителей и помощников, было и множество писцов всяких рангов, приставов, исполнителей поручений и пр. — все сплошь от начальника до последнего служителя выходцы из вольноотпущенников и даже рабов императора. Перед этими недавними рабами заискивали представители обедневшей римской аристократии, а сенат осыпал их всякими знаками достоинства и дал даже звание квестора Нарциссу и претора — Палласу.

Естественно, что и всю внутреннюю и внешнюю политику Рима эти новые люди повели по новым путям. Они широко раздавали права римского гражданства (в чем особенно сдержанны были и Август, и Тиберий): скоро целые племена и провинциальные города получили это право. Нобилитет и сенат должны были после большого сопротивления допустить в свою среду первых провинциалов — эдуев из Галлии, из провинции, к которой особенно благоволил Клавдий (сохранилась в виде надписи из Лиона его речь в сенате по этому поводу). В противовес сенаторскому сословию широко стали выдвигать всадников — им открыта была широкая военная карьера, из них стал назначаться весь средний командный состав, например начальники когорт и эскадронов конницы, трибуны легионов; прокураторам высшего ранга назначались консульские отличия и высокое содержание до 200 тыс. сестерций. Таким образом, начинался процесс нивелирования всего населения Римской державы: провинциалы сближались с римлянами, внутри римского общества сглаживались разделявшие его старые сословные перегородки.

Сильно активизировалась и внешняя политика Рима. В правление Клавдия произошло новое мощное римское наступление и новое, очень крупное расширение Римской державы. В 43 г. большая римская армия (около 50 тыс. человек) под командой опытного военачальника Авла Плавтия начала завоевание Британии, что пытался дважды сделать еще Юлий Цезарь — в 55 и 54 гг. до н. э. Римские войска высадились в устье Тамизы (Темзы) и отсюда веером, по радиусам начали наступление по всей южной Британии. В присутствии самого императора произошла главная битва с объединившимися и оправившимися после первых неожиданных ударов британцами. Бои развернулись близ большого и старинного городища британцев — Камулодуна (Кольчестер). После победы римлян Камулодун стал главным военным центром и столицей новой римской провинции — Британии: вокруг него было воздвигнуто двойное кольцо мощных стен, устроена многочисленная колония ветеранов, построен храм «божественного Клавдия». Другим большим римским городом стал Лондиний (Лондон). По случаю покорения Британии Клавдий, по возвращении в Рим, отпраздновал пышный триумф и принял почетное прозвище Британника (Британского), оно перешло и к его молодому сыну (см. о завоевании Британии: Светоний, Клавдий, 17; Тацит, Анналы, XII, 31—40; Дион Кассий, кн. 60, 19—22).

Другой крупный внешний успех был одержан на Дунае и Понте. Римские войска продвинулись в Паннонию и закрепились по всему Среднему Дунаю. Здесь, по берегу Дуная, построена была целая цепь крепостей и легионных стоянок — Лавриак, Виндобона (Вена), Карнунт (особенно мощная крепость с гарнизоном в целый легион), Бригенцио и др. На нижнем Дунае ликвидировано было в 46 г. Фракийское царство и к югу от Бал-

канских гор образована новая провинция, Фракия, под управлением императорского прокуратора. Территория вдоль устьев Дуная (Добруджа) присоединена была к провинции Мезии. Мезия стала оплотом Рима на самом опасном для него пункте вторжений северо-восточных задунайских племен (даков, гетов, бастарнов, сарматов и др.). Здесь тоже появился ряд сильно укрепленных пунктов вдоль Нижнего Дуная — Сингидун (Белград), Дуростор (Силистрия), Троесмис, Новиодун и др.

Наконец, Рим протянул теперь свои руки и к дальним берегам Черного моря. В 47 г. значительное римское войско под начальством А. Дидия Галла, повидимому морским путем, достигло Пантикапея, свергло, а затем взяло в плен и отправило в Рим боспорского царя Митридата III, настроенного враждебно по отношению к римлянам. На его место был поставлен сторонник Рима, царь Котис, который в своих надписях называл римского императора своим «благодетелем» и даже подобострастно, как клиент, стал именоваться Тиберием Юлием Котисом. Чтобы Боспор не вышел как-нибудь из подчинения Рима, в нем был поставлен римский гарнизон (см. Тацит, Анналы, XII, 15—21; Дион Кассий, IV, 8).

Одновременно с тем другого своего сторонника, царевича Митридата Иберийского, римляне сделали царем Армении; и здесь тоже, близ Еревана, поставлен был сторожевой отряд римского войска. В полузависимость от Рима попал и царь Иберии, Фарасман, называвший себя римским союзником. В римскую провинцию опять обращена была Иудея, из Мавретании же нарезано было целых две новых провинции. Таким образом, это был период новой римской экспансии, выводившей Рим уже далеко за пределы Средиземноморья.

Но вместе с тем и во время правления Клавдия не прекращались шумные придворные скандалы и аристократические интриги. Сенаторы и нобилитет то глухо шипели против Клавдия и его нечиновных помощников, то организовывали заговоры. Например, в 42 г. по их наущению сделал попытку восстания наместник (легат) Далмации Фурий Камилл Скрибониан, но уже через несколько дней он был убит своими солдатами, так как его лозунг «за восстановление республики» не нашел среди них никакого сочувствия. За это оба бывшие под его командой легиона (VII и XI) получили почетные наименования «Клавдиевы, благочестивые и верные».

Особенно же много скандальных событий и кровавых расправ вызвано было поведением жен Клавдия — сперва знаменитой своей порочностью Валерии Мессалины, а затем после казни ее (49 г.), властной и честолюбивой Агриппины Младшей, дочери Германика. Вопрос о том, кто из первоклассных римских распутниц и интриганок сделается женой правителя, податливого на влияние близких, становился первостепенным государственным

делом и вызывал образование целых партий, вступавших между собой в яростную борьбу. Дело закончилось тем, что одержавшая победу Агриппина, которую поддерживал глава римских финансистов Паллас, полностью подчинила себе слабохарактерного Клавдия и стала даже титуловаться Августой. Властная императрица, чтобы закрепить свое положение, поставила во главе преторианской гвардии своего сторонника, Афрания Бурра, погубила множество своих противников и соперниц, отстранила от Клавдия его молодого сына Британника, которого поддерживали военные круги с Нарциссом во главе, и заставила усыновить своего сына от первого брака с Гнеем Домицием Агенобарбом — 15-летнего Нерона (в 51 г.). Он был объявлен «главой молодежи» и получил проконсульскую власть. Подготовив, таким образом, все для возвышения сына, она отравила самого императора (54 г.).

Все это были явления весьма обычные при восточных и эллинистических дворах, свидетельствовавшие о том, что и в Риме принципат к половине I в. н. э. почти уже полностью переродился в эллинистического вида монархию.

§ 3. Нерон (54—68 гг.) и конец династии Юлиев-Клавдиев. Наиболее яркое и полное свидетельство превращения принципата в монархию эллинистического типа нашла себе в правление последнего принцепса из династии Юлиев-Клавдиев — Нерона.

Действительно, впервые правителем Рима, вразрез со всеми римскими традициями, стал несовершеннолетний (16-летний) юноша. Он стал правителем лишь благодаря дворцовому перевороту, так как, по существу, не имел никаких реальных прав на верховную власть. Под угрозой преторианцев, предводительствуемых Бурром и задаренных Агриппиной, уже привыкший к покорности сенат послушно голосовал за передачу всех полномочий принцепса этому пасынку Клавдия, хотя у последнего был и прямой сын — Британник. Несочувствие видных военных кругов Агриппина парализовала немедленной казнью Нарцисса и передачей всего военного управления в руки Бурра; своевременно принятые полицейские меры обеспечили полное спокойствие в народных массах столицы. Все это с точностью воспроизводило прежние, подобные же дворцовые перевороты в Александрии, Антиохии, Пергаме или Артаксате.

По образцу восточных же монархий фактическая власть, за юностью и неопытностью государя, оказалась в руках женщины — Августы-матери — и ее сообщников (Палласа, Бурра, Сенеки и др.). По существу, благодаря этому режим, установленный Клавдием, совершенно не изменился, так как Агриппина и ее приближенные уже и тогда играли ведущую роль. Только ввиду меньшей устойчивости своего положения им пришлось пойти на некоторое заигрывание со знатью, выразившееся в программной речи, написанной Сенекой и произнесенной юношей Нероном в сенате: в ней обещалось сохранение древних прав и полномочий сената, подтверждалось деление провинций на сенатские и императорские, осуждалось засилие фаворитов и вмешательство родствен-

ников принцепса в государственные дела. Однако сенатские заседания собирались во дворце принцепса, чтобы скрытая за занавеской Агриппина могла следить за прениями, и она же присутствовала при приеме иностранных посольств.

Впрочем, ввиду налаженности правительственного аппарата и невмешательства в государственные дела самого Нерона, эти пять лет впоследствии назывались «счастливым пятилетием Нерона» (54—59 гг.). Это проявилось и в успехах внешней политики, в дальнейшей военной экспансии Римской державы, притом в сторону Востока, куда давно уже устремлялись главные поползновения могущественных финансовых и военных кругов Рима. В связи с нападением парфян на Армению, которую Рим считал подвластной себе страной, начался в 57 г. так называемый «восточный поход Нерона». После основательной трехлетней подготовки большая римская армия из пяти легионов с соответствующим количеством вспомогательных частей, под командой испытанного полководца Домиция Корбулона в 58 г. из Каппадокии вступила в Армению. При поддержке со стороны иберийского (грузинского) царя Фарасмана и отрядов кавказского племени мосхов была взята и сожжена старая столица Армении Артаксата. В следующем году была взята и вторая, новая столица Армении на реке Тигре — Тигранокерта (59 г.). Парфянский ставленник, царь Тиридат (брат парфянского царя Вологеза), был изгнан, и армянским царем назначен был Тигран V, долго живший в Риме заложником и основательно усвоивший римскую культуру. В Армении на поддержку ему вновь оставлен был гарнизон в 1 тыс. легионеров с 5 вспомогательными когортами; Иберия (Грузия) и прибрежные кавказские племена (мосхи) были поставлены в вассальную зависимость от Рима. В 63 г. Понтийское царство обратилось в римскую провинцию.

А одновременно с этим другая значительная римская армия под командованием легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана действовала вдоль северного побережья Черного моря. Поставив в зависимость от Рима многие племена, жившие на север от Нижнего Дуная (часть даков, сарматов, роксолан), она заняла Тиру (57 г.), Ольвию и дошла до Херсонеса, освободив его от осады скифским царем. Римляне твердой ногой стали и в Крыму. В Херсонесе появился римский гарнизон и эскадра римского флота, весь южный берег Крыма, после разгрома живших здесь тавров, покрылся римскими укреплениями (кастеллами), самым значительным из которых стал Харакс (в 5 *км* от современной Ялты). Если принять во внимание, что уже с 46 г. обширное Боспорское царство, в территорию которого входило и северное побережье Кавказа, находилось в полной зависимости от Рима и в Пантикапее тоже стоял римский гарнизон, оккупацией римлянами Крыма устанавливался контакт с римскими территориальными приобретениями в Закавказье и по южному берегу Черного моря. Весь Понт, таким образом, становился внутренним римским морем и в зависимость от Рима в 60-х годах стали

все его берега. В 63 г. Понтийское царство и временно Боспор превратились в провинции Римской империи.

Однако это «счастливое пятилетие» закончилось к началу 60-х годов. Оно сменилось восьмилетним периодом административного произвола и хаоса, благодаря характерной для всякого подлинно монархического строя возможности безграничного, часто капризного вмешательства государя во все правительственные дела. Чувственный и жестокий по природе, Нерон еще с детства был насквозь развращен воспитанием в нездоровой обстановке дворца Клавдия. Став принцепсом, он рано превратился в безудержного прожигателя жизни, и не только свой дворец, но и улицы Рима обратил в поле шумных ночных оргий и скандалов. Юный Цезарь твердо усвоил себе циничный принцип восточных монархов, что «государю все дозволено» (Светоний, Нерон, 37).

На этой почве начались конфликты Нерона с матерью уже в первые же месяцы его принципата. Агриппина имела даже неосторожность пригрозить своему сыну заменой его Британником. В ответ, действуя по примеру своей же матери в деле с Клавдием, Нерон уже в начале 55 г. приказал отравить своего 14-летнего сводного брата. Так как это повело к дальнейшему охлаждению между матерью и сыном, то главной его фаворитке, порочной и злобной Поппее Сабине, удалось настоять на убийстве Агриппины: Нерон распорядился послать отряд преторианцев убить свою мать (59 г.). Официально было объявлено, что она покушалась на его власть и даже жизнь, и постановлением раболепствующего сената все статуи Агриппины должны были быть уничтожены, а ее изображения стерты с монет.

В скором времени после этого дворцового переворота умер Бурр (возможно, тоже от отравы), были отстранены Сенека и многие возглавлявшие разные ведомства опытные вольноотпущенники Клавдия. Их заменили другие, более податливые и угодливые фавориты. Военные дела переданы были новому префекту претория, Софонию Тигеллину, человеку порочному и продажному, обратившемуся во всесильного временщика, подобного Сеяну при Тиберии; он сознательно потакал всем порочным склонностям Нерона, чтобы тем крепче держать его в своих руках. Жена Нерона, Октавия, дочь Клавдия, была отправлена в ссылку, а затем убита, Нерону предоставлялась возможность вступить в брак с Поппеей Сабиной, у которой, по выражению Тацита, «было все — красота, ум, богатство, — все, кроме честной души». Эта женщина стала достойной подругой Нерона в его оргиях. Совместными усилиями они превращали весь Рим в подобие сплошного притона.

С 60-х годов начался период неслыханных трат на самые сумасбродные придворные затеи, или, как Светоний метко назвал, «бешенство расточительности», очень характерное и для эллинистических монархий. Беспрерывные празднества и игры (введено было множество новых, например, «Неронии», «Ювеналии», «Величайшие» и др.) давались в обстановке невиданной роскоши. Дворцовая прислуга была увешана драгоценными украшениями, дворцовые мулы подковывались серебряными подковами. Но всего больше средств поглощали безумные постройки, и в особенности новый громадный дворец, так называемый «Золотой дом». Он занимал со своими портиками, парками, прудами и зверинцами несколько кварталов в самом центре Рима между Палатинским и Эсквилинским холмами. «Весь дом внутри был отделан золотом,

драгоценными камнями и перламутром. Столовые имели потолки с обшивкой из слоновой кости, которые вращались, дабы можно было сыпать сверху цветы, а сквозь трубки брызгать благовониями. В банях имелась морская и минеральная вода». Осматривая законченную грандиозную постройку, Нерон заявил, что «наконец-то он начинает жить по-человечески» (Светоний, Нерон, 31).

В связи с таким расточительством быстро растаяли все сбережения, сделанные в государственной казне в период управления ею Палласом, и наступил финансовый хаос и хроническое безденежье. Приходилось даже задерживать выплату жалованья солдатам и выдачу наградных отпускаемым в отставку ветеранам. Для пополнения государственной кассы захвачены были богатые фонды римских храмов и даже расплавлены золотые и серебряные изображения богов. Ухудшили монету — из фунта серебра стали чеканить 96 денариев вместо 84 прежних. Главным же образом старались поправить, хотя бы временно, положение путем массовых конфискаций имущества состоятельных людей, на которых возводились для этого самые фантастические и нелепые обвинения на основании закона об оскорблении величества. Конфисковалось и все имущество умерших, если они в своих завещаниях «проявляли неблагодарность» и не завещали принцепсу значительной его части.

Государственными делами, кроме отдельных случайных капризных вмешательств, Нерон, впрочем, совершенно не занимался, и никакого принципиального расхождения с сенатом и верхами римского столичного общества у него не было. Римская знать, за исключением немногих ее представителей, в это время уже потеряла всякий интерес к политической деятельности, а на занятие магистратур смотрела лишь с точки зрения служебной карьеры и наживы. Окончательно вырождаясь, она сама с головой ушла в утонченное наслаждение жизнью, в увлечение цирком и театром. «На играх, — сообщает Светоний, — выступало в качестве действующих лиц множество членов двух высших сословий, и мужчин, и женщин. В амфитеатре в рукопашном бою участвовало четыреста сенаторов и шестьсот всадников. Они же выходили на борьбу со зверями и выполняли разнообразные другие роли в цирке» («Нерон», 11—12; ср. Тацит, Анналы, XV, 32). И Нерон как глава этих порочных и разлагающихся римских верхов своим спортивным и театральным лаврам придавал гораздо большее значение, чем своей славе государя. Обладая некоторыми литературными и музыкальными способностями, он, благодаря непрестанной и безграничной лести окружающих его царедворцев, возомнил себя небывалым артистическим талантом и неустанно выступал публично как декламатор, певец, музыкант, даже наездник и борец. Весь 67 г. он провел в артистической поездке по Греции, выступая на Олимпийских и Истмийских играх. За надлежащую оценку его искусства Нерон даже пожа-

ловал Греции автономию, о чем сохранилась надпись с текстом его речи.

Административный хаос и финансовый развал следствием своим имели ряд тяжелых катастроф и во внешней политике, и в жизни столицы и провинций. Так удачно начатая восточная война завершилась позорным концом. Парфяне вторглись в Армению и выгнали из нее римского ставленника, царя Тиграна V. Шедшая ему на помощь римская армия в составе двух легионов под командованием нового, присланного из Рима наместника Каппадокии, бездарного и неопытного Л. Цезения Пета, была окружена парфянской конницей близ Рандейи, на одном из восточных притоков Верхнего Евфрата. Остатки ее спаслись лишь путем позорной капитуляции, оставив в добычу парфянам свой укрепленный лагерь и все военное имущество (62 г.). Получившему после этого вновь обширные права главнокомандующего в Азии Корбулону удалось лишь частично выправить положение: пришлось царем Армении признать брата парфянского царя Вологеза — Тиридата.

Беспечность и бездарность заправлявших делами фаворитов привели город Рим к страшному бедствию — небывалому по разрушительной силе пожару летом 64 г. Огонь бушевал 9 дней, и сгорело почти дотла 10 кварталов города из 14. Погибло не только множество частных домов и лавок, но также большинство знаменитых общественных зданий и храмов, среди них и старинный храм Весты с пенатами римского народа. Погибло множество населения, а худшая часть его, воспользовавшись паникой и безначалием, бросилась грабить горящие дома. Нерон же лишь любовался с высокой башни на грозную картину разбушевавшейся стихии и, как ходили слухи, слагал стихи на гибель Трои. Позднее приняты были некоторые меры, чтобы оказать помощь погорельцам — открыли для их временного устройства дворцовые сады и уцелевшие общественные здания, построили бараки, понизили цены на хлеб и пр. Но так как громадные опустошения, причиненные пожаром, Нерон поспешил использовать прежде всего для расширения своего «Золотого дома» и для застройки улиц вокруг него изящными портиками и роскошными зданиями, то в народе стали считать его сознательным виновником страшного пожара и называть поджигателем. Это побудило правительство Нерона создать шумное дело об «истинных поджигателях». Хватали массами всяких подозрительных людей и предавали их публично, во время празднеств и игр, самым мучительным и страшным казням: «Их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали (на арене) от растерзания собаками, или пригвождали их к кресту, или жгли на огне, а также, когда оканчивался день, их зажигали в виде факелов для ночного освещения парков» (Тацит, Анналы, XV, 38—44). Этот страшный рассказ Тацита о «факелах Нерона» побудил в более позднее время христианских начетчиков сделать в текст этой главы «Аннал» Тацита ловкую вставку и изобразить эти казни как «первое гонение на христиан».

Используя горе и озлобление населения столицы, остатки оппозиционной знати организовали в 65 г. заговор: предполагалось убить Нерона во время его выступления в цирке и провозгласить принцепсом знатного, богатого и популярного Г. Кальпурния Пизона. Он был консулом при Клавдии, а при Нероне жил в стороне от двора, выступая защитником на судах и соперничая с Нероном в занятиях поэзией и музыкой. К заговорщикам примкнули многие видные лица, среди них второй префект претория Фений Руф, поэт М. Анней Лукан (автор большой поэмы «Фарсалии», в которой прославлялись Помпей и Брут) и, повидимому, даже Сенека, приходившийся дядей Лукану. Но как сам Пизон, так и его друзья, возглавлявшие движение, проявили слишком много колебаний и нерешительности в выполнении своего плана, и заговор был, наконец, открыт. Последовали многочисленные аресты, пытки и казни. Пизон, Лукан и Сенека по приказу Нерона покончили самоубийством: Нерон уже давно мечтал конфисковать громадное богатство, нажитое его учителем Сенекой, который был не только крупнейшим ученым того времени, но и самым свирепым и жадным ростовщиком. Римское столичное высшее общество, таким образом, ярко демонстрировало свое полное разложение и совершенную непригодность к какой-либо общественной активности и политической руководящей роли.

Решительный удар порочному правительству Нерона был нанесен не верхами, а значительно более дееспособными и живыми общественными силами — провинциями. Уже с самого начала 60-х годов во многих провинциях, измученных бесконечными поборами и насилиями римских чиновников, контроль за которыми значительно сократился при бездарных и беспечных ставленниках Нерона, начались народные волнения, переходившие в опасные восстания. В 60 г. восстало большинство племен недавно покоренной Британии — ицены, тринобанты и др. Вождем движения стала царица иценов Боудикка. Восставшим удалось разгромить целый римский легион, взять и разрушить столицу римской Британии город Камулодун, а затем и второй по значению город Лондиний. Погибло до 80 тыс. римских поселенцев и торговцев с женами и детьми.

С громадным трудом наместнику Британии, Светонию Паулину, который в это время с основными римскими военными силами предпринял поход на далекий от римских владений остров Мону (Энглези в Ирландском проливе), удалось отступить с севера к берегам Ла Манша. Однако, собрав здесь все резервы, он заманил армию восставших в ущелье, на неудобные для нее позиции, и нанес ей жестокое поражение. Теперь римлянами, в свою очередь, было перебито до 80 тыс. британцев. Все же и Светонию Паулину, и его преемникам, вплоть до знаменитого Агриколы, тестя Тацита (последний написал его биографию под названием «Жизнь Агриколы»), более десяти лет пришлось устраивать карательные экспедиции по всей занятой римлянами территории на острове, так как

Британия продолжала находиться в состоянии постоянного брожения.

Одновременно с тем с начала 60-х годов чрезвычайно усилилось брожение в Иудее. Здесь население жило под двойным гнетом — римских завоевателей, которые выколачивали из народа подати и пошлины, и собственных эксплуататоров: иерусалимского жречества и группы фарисеев, ученых — «книжников», толкователей закона, подводивших идеологическую базу под ненасытные аппетиты жречества. Книжники учили: «Молись о благополучии правительства (римского), ибо, если бы не страх перед ним, то один другого пожрал бы живьем». Народ должен был вносить храму десятину «со всего, что служит пищей и растет на земле», приносить в храм первинки со сбора хлеба, плодов и меда, поставлять для храма жертвенных животных и другие продукты для жертвоприношений. Эти два ига, «иго римлян» и «иго закона», разоряли иудейское крестьянство и мелкое городское население.

Спасаясь от разорения и нищеты, наиболее активные элементы «народа земли» уходили на север, в Галилею, где вокруг Геннисаретского озера были обширные дикие пространства. Многие из беженцев принадлежали к числу так называемых «зелотов» (ревнителей свободы). Наиболее смелые и решительные обращались в «сикариев» (кинжальщиков, от слова sica — короткий кинжал), действовавших посредством террора — убийств наиболее ненавистных народу иудейских угнетателей. В числе других жертвой сикариев пал в 50-х годах особенно озлобивший против себя народ первосвященник Ионафан. Среди зелотов была распространена вера в скорое появление царя-освободителя, «помазанника» (машиах, мессия), посланника самого иудейского бога Ягве. Уже в 6 г. н. э. поднял в Галилее восстание некий Иуда Гавлотянин, провозгласивший себя таким «царем иудейским»; за этим восстанием последовал и ряд других.

В 66 г. вспыхнуло особенно грозное восстание, превратившееся во всенародную иудейскую войну 66—70 гг. Поводом к нему послужило неслыханное грабительство римского прокуратора Гессия Флора: он дошел до того, что ввел в Иерусалим отряд римских солдат и отдал им на разграбление часть города. Произошли кровавые столкновения, в которых одержали верх иудеи. Вслед за этим восстания против римлян стали разгораться по всей стране. На помощь Флору в Иерусалим пришел сам наместник Сирии Г. Цестий Галл с значительными военными силами. Но и он не смог взять иерусалимского храма, превращенного повстанцами в крепость. Чтобы избежать грозившего ему окружения и полного уничтожения, он с трудом увел из Иерусалима свои сильно поредевшие войска.

Другой центр восстания 66 г. создался в Галилее, где господствовали зелоты. Там выдвинулся энергичный и непримиримый вождь, простой человек Иоанн из Гисхалы, организовавший силы повстанцев и ставший фактическим главой Галилеи. Между

Иерусалимом и Галилеей действовали отдельные отряды, не связанные общим командованием, но поддерживавшие постоянную связь с Иоанном и с вождями восстания в Иерусалиме.

Перед лицом такого массового и мощного народного движения иерусалимские правящие круги растерялись и первое время были вынуждены сделать вид, что и они сочувствуют движению. Но разрыв произошел очень скоро.

Поводом послужило решение прекратить ежедневное жертвоприношение за императора. Первосвященник и фарисейские вожди стали возражать против этого решения, разоблачив, таким образом, себя как сторонников примирения с Римом. Началась открытая междоусобная кровавая борьба на улицах Иерусалима. Сторонники Рима были окончательно вытеснены из Иерусалима; повстанцы сожгли дворец первосвященника и дома других виднейших представителей жречества и фарисейства. Правящая группа иудейских эксплуататоров была разгромлена и лишена власти; часть их погибла, часть бежала в Галилею, куда римляне уже направляли новые силы. Лишь немногие фарисеи, в том числе некий «книжник» Иосиф, будущий историк этой войны, остались в Иерусалиме, прикидываясь «друзьями» народа.

Руководство движением перешло целиком в руки зелотов, с Симоном, Иоанном и Элеазаром во главе; их опору составляли крестьяне, ремесленники и освобожденные рабы. Верховным органом власти было объявлено народное собрание, заседавшее в храме. Оно разделило Иудею на 12 округов, назначило штаб вооруженных сил повстанцев и послало своих представителей в Иудею и Галилею. Фарисейской группе удалось провести в качестве начальников округов нескольких своих приверженцев, а представителем в Галилею — Иосифа. Как показали последующие события, эти начальники из фарисеев, в особенности Иосиф, оказались предателями своего народа. Последний, явившись в Галилею, при первом удобном случае сдался римлянам, перешел на их сторону и всячески помогал подавлению восстания. За это он получил впоследствии императорскую милость — право называться Флавием, именем полководца Т. Флавия Веспасиана, будущего императора, назначенного Нероном командиром особой армии для ведения иудейской войны.

Несмотря на крупные военные силы, бывшие в его распоряжении, Веспасиан принужден был вести войну лишь путем крайне медленного, постепенного, но упорного продвижения, беспощадно уничтожая за собой все населенные пункты и распиная на крестах всех попадавших в его руки повстанцев. Ему удалось овладеть Галилеей, захватить главные центры сопротивления в ней — Тивериаду и Иотапату. Однако почти вся южная часть страны, Иудея в собственном смысле, продолжала сопротивляться, и с необычайным упорством держался Иерусалим.

Положение в Иудее не успело еще окончательно выясниться, как весной 68 г. вспыхнуло еще более опасное **восстание в Галлии**. Поднялись все самые крупные и многочисленные племена галлов — эдуи, секваны, арверны, и, что было самым опасным для правительства Нерона, во главе восставших оказался императорский легат Лионской Галлии, Г. Юлий Виндекс. Сам галл по происхождению, он имел обширные связи с населением провинции, которой управлял. Очень быстро вокруг него образовалось ополчение в 100 тыс. человек. В своих речах и воззваниях Виндекс клятвенно

заявлял, что единственной целью восстания является освобождение Римского государства от тирана и свержение «принцепса-скомороха». Призыв Виндекса очень быстро нашел живой отклик у наместников и в подчиненных им воинских частях других провинций западной части Римской державы. С военными кругами у Нерона с самого начала его принципата отношения были натянутые. Военного дела он совершенно не знал и им не интересовался. Солдаты Нерона не знали и не любили, они завидовали щеголеватым преторианцам, распустившимся в обстановке придворных караулов и столичных парадов. Высший командный состав, легаты и наместники, ожидали и для себя участи Корбулона, которого Нерон заставил покончить самоубийством. Ходили слухи, что «Нерон собирался послать смену и убийц правителям войск и провинций» (Светоний, Нерон, 43). Примеру Виндекса немедленно последовали легаты Ближней и Дальней Испании — старый, опытный и заслуженный Сервий Сульпиций Гальба и М. Сальвий Отон, а также проконсул Африки Л. Клодий Мацер. Все они стали собирать и подготовлять войска для похода на Рим. Правда, самая мощная из римских армий, рейнская, или германская, разгромила ополчение восставших галлов, так как это движение она рассматривала как бунт в своем тылу, и приведенный этим в отчаяние Виндекс закололся, преждевременно сочтя все свое дело погибшим. Однако вслед за этим и германские легионы присоединились к восстанию против Нерона, сорвали его инициалы со своих знамен и стали настойчиво требовать, чтобы их командующий, Виргиний Руф, провозгласил себя императором. Таким образом, по существу, к началу лета 68 г. все западные провинции и стоявшие в них войска находились в состоянии открытого восстания против Нерона.

Правительство Нерона проявило полную растерянность. Сам он строил самые фантастические планы — собирался, например, выступить перед восставшими в качестве певца и очаровать их звуками своего голоса. Даже приказано было приготовлять к отправке соответствующие декорации и собирать сопутствующих актеров. Однако ему стали изменять даже его фавориты: префекты претория Г. Нимфидий Сабин и Тигеллин, в надежде спасти свое положение и жизнь, внезапно объявили себя сторонниками Гальбы и обещанием громадных подарков склонили и преторианцев провозгласить его императором. Собравшийся сенат, поставленный перед совершившимся фактом, принужден был санкционировать это провозглашение, а Нерона объявить врагом народа, подлежащим казни. Покинутый всеми и совершенно потерявший голову Нерон, после неудачной попытки бежать, узнав, что скромная загородная усадьба его вольноотпущенника Фаонта, где он спрятался, уже окружена разыскивающими его солдатами, принужден был покончить с собой. Умирая, он будто бы воскликнул: «Какой великий артист погибает!».

Смертью Нерона закончилась не только династия Юлиев-Клавдиев, правившая Римом более столетия. Закончился и режим

римско-эллинистической монархии, основанной Юлием Цезарем, ловко замаскированной Августом и окончательно себя дискредитировавшей в течение правления его преемников. Римская держава уже переросла те устарелые формы, которым старались подражать эти первые ее императоры, так как и по составу, и по социально-экономической структуре, и по политическим целям она была несравненно сложнее и прогрессивнее эллинистических царств и восточных деспотий. Восстанием провинций 68 г. поэтому и открывалась новая эра в римской истории.

ГЛАВА LX

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА 68—69 гг. н. э. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ФЛАВИЯХ

§ 1. Война 68—69 гг. Тацит метко выразился, что 68 г. «обнаружил тайну империи». «Пришли в движение все легионы и полководцы, и стало ясно, что не только в Риме, но и в другом месте можно сделаться главою государства» («История», I, 4), т. е. что армия является основной опорой императора и что ее вердикт решает их судьбу.

Однако римская армия в 68 г. н. э. была по своему составу уже совсем не та, что во времена Цезаря или Октавиана. Теперь она в значительной степени утратила свой италийский характер и провинциализировалась. Из жителей Рима и населения Италии с половины I в. н. э. формировались только преторианские войска да римские городские когорты и, как особое исключение, во времена Нерона был из италиков набран его 1-й италийский легион, потому и имевший такое наименование. Обычно же в это время легионы уже набирались на местах своих стоянок из жителей провинциальных городов, часто даже не римских граждан, но получавших римские гражданские права тотчас по поступлению своему на солдатскую службу. «Вспомогательные войска» (auxilia) имели еще более выраженный неримский характер и этническую пестроту: они состояли из представителей различных воинственных племен и обычно сохраняли свойственное им вооружение, как, например, когорты батавские, испанские, фракийские, киликийские и пр. Солдаты их даже римское гражданство получали только при выходе в отставку после длительной 25-летней военной службы. Тесную связь с местным населением и с провинцией войска имели также через военные посады (canabae), возникавшие при крепостях и лагерях, за их укреплениями; в них жили солдатские «конкубины» (сожительницы), обычно из местных женщин, а также ремесленники, лавочники, содержатели таверн и прочий местный люд, обслуживавший солдатский быт. Очень большую роль в сближении войсковых частей с местным населением играли также «колонии» отставных солдат — ветеранов, которые сохра-

няли тесную связь с своими частями и нередко, в случае надобности, опять мобилизовались на «вторичную службу». Так каждая римская армия получала свое этнически особое провинциальное лицо, хотя и сохраняла римский военный устав, римских командиров, латинский командный и официальный язык, культ императора, статуя которого ставилась у главных ворот лагерей, наконец, общий римский обиход своей жизни. Армия становилась грандиозным котлом, в котором происходило смешение римских и провинциальных элементов и возникала так называемая «римская провинциальная культура».

В общем можно в римской армии различать т р и б о л ь ш и е а р м е й с к и е г р у п п и р о в к и с ярко выраженными местными отличиями и интересами. Во-первых, рейнская армия, самая мощная и обладавшая наибольшими боевыми качествами, в составе 8 легионов, набранных преимущественно из жителей Галлии, с множеством вспомогательных германских частей. Солдаты ее, по примеру германцев, поверх своих шлемов и лат надевали шкуры медведей и рысей. Затем восточная армия (3 легиона в Сирии, 3 — в Палестине и 2 — в Египте) формировалась преимущественно из жителей Малой Азии, в особенности полуэллинизированных Галатии и Каппадокии, вспомогательные отряды — из чисто варварских восточных племен. Солдаты ее носили длинные восточные хитоны и молились восточным богам — «Непобедимому Солнцу» и Митре. Наконец, третью большую армейскую группировку составляла дунайская армия — паннонские и мезийские легионы, по боевому качеству не уступавшие рейнским и в этом отношении постоянно соперничавшие с ними. В ней был особенно смешанный этнический состав — среди солдат ее было много галлов (почему и стоянки ее часто имели кельтские названия, как Карнунт, Дуростор и др.) и испанцев, но особенно много сильно эллинизированных фракийцев. Дунайская армия находилась в весьма тесном контакте с восточной, которой часто посылала на подмогу свои легионы.

Во всех этих армиях существовала крепкая корпоративная связь, свои военные традиции, свои мемориальные дни. Не было у них никакого почтения к римской республиканской старине, но зато каждая из них стремилась выдвинуть теперь в императоры своего командира, чтобы за доставленный своим любимцам пурпур получить для себя и своих районов возможно больше наград и привилегий. И выдвигаемые кандидаты, зная, что им дорого придется заплатить за рискованную честь, далеко не всегда с охотой шли на настойчивые приглашения своих подчиненных. Так было, например, с Виргинием Руфом, командиром рейнской армии.

Не по своей воле стал первым преемником Нерона, после его свержения и смерти, и легат Ближней Испании, Сервий Сульпиций Г а л ь б а. Его выдвинуло то обстоятельство, что он первый присоединился к восстанию Виндекса; малозначительная испанская

армия его поддержала и, за отсутствием пока других кандидатов, его провозгласили императором преторианцы в Риме. Гальба был знатный и богатый член сената, заслуженный полководец и опытный администратор, но ему было уже 72 года, он часто болел и ничуть не стремился к императорской власти. Прибыв в Рим, Гальба открыто демонстрировал свое отрицательное отношение к автократическому режиму, называл себя «легатом сената и народа римского», на его монетах чеканилась легенда «Свобода» (Libertas Publica или Libertas Augusta). Своим преемником и наследником он назначил крупного аристократа и влиятельного члена сената, человека, известного своими симпатиями к «старым добрым нравам», Л. Кальпурния Пизона Лициниана. Гальба определенно ориентировался на желания верхов римского и италийского населения, был строг с солдатами, даже грозил подтянуть дисциплину распущенных преторианцев.

В связи со всем этим ему удалось сохранить власть только 7 месяцев. Рейнская армия, недовольная игнорированием своих желаний, уже в январе 69 г. разбила статуи Гальбы и потребовала у сената назначения другого императора, а один из приближенных Гальбы, честолюбивый М. Сальвий Отон, сумел путем подкупа склонить преторианцев на свою сторону. 15 января 69 г. он был провозглашен ими императором, а старый Гальба вместе со всеми его советниками и намеченным им преемником Пизоном были убиты.

Но и Отон продержался всего 3 месяца, несмотря на горячую поддержку со стороны преторианцев и римского городского плебса, которых он засыпал разными милостями и подачками. Рейнские легионы с самого начала отказали и ему в повиновении. На этот раз они уже прямо провозгласили императором своего командира — легата Нижней Германии Авла Вителлия. Человек совершенно ничтожный, один из самых угодливых придворных льстецов времени Клавдия и Нерона, Вителлий прославился лишь своим обжорством. Он сумел обольстить и солдат крайним перед ними угодничеством. Вся рейнская армия, оставив границу совершенно беззащитной, двумя колоннами двинулась на Рим. При Бедриаке, близ Кремоны, произошел 14 апреля 69 г. ожесточенный бой между наступавшими из-за Альп германскими легионами и италийскими войсками Отона: последние потерпели тяжелое поражение и потеряли до 40 тыс. убитыми, сам Отон закололся. Победители, даже не позаботившись похоронить убитых товарищей, разлились по всей Италии, грабя ее, как чужую завоеванную страну, или накладывая контрибуции на уцелевшие селения и города. От нескончаемых грабежей, дебошей и оргий очень быстро распалась хваленая дисциплина рейнской армии, она утратила все свои прославленные боевые качества и обратилась в орды разнузданных мародеров, от которых стонала вся Италия.

Удача, выпавшая на долю германских легионов, соблазнила и две другие римские крупные армии — дунайскую и сирийскую.

Не желая подчиниться ставленнику своих соперников, Вителлию, но не имея своих подходящих кандидатов, дунайские солдаты провозгласили императором Тита Флавия Веспасиана, командира армии, сражавшейся в Иудее: его войско состояло в значительной части из присланных с Дуная вспомогательных контингентов. Вместе с тем и его брат, Флавий Сабин, долго был наместником Мезии и оставил здесь по себе очень хорошую память. Кандидатура Веспасиана, заслуженного военного и дельного администратора, встретила горячую поддержку среди высших слоев римского востока: за него высказались легат Сирии, Г. Лициний Муциан, префект Египта, Тиберий Юлий Александр, союзные царьки — Агриппа Иудейский и Антиох Коммагенский; даже парфянский царь Вологез обещал прислать 40 тыс. стрелков. Осенью 69 г., не дожидаясь своих восточных товарищей, легионы Мезии, Паннонии и Далмации в полном составе выступили в поход под командованием простого командира (легата) VII легиона, М. Антония Прима, способного и энергичного человека, но вместе с тем и типичного военного авантюриста. В ожесточенной ночной битве под Кремоной (октябрь 69 г.) дунайские легионы одержали полную победу над утратившими свою боеспособность рейнскими. Через два месяца, в декабре 69 г., штурмом, после кровопролитного боя на улицах, взят был Рим, причем вителлианцы не постеснялись поджечь знаменитый храм «Юпитера Лучшего и Величайшего» в Капитолии, представлявший старинный архив римского государства. Погибло 3 тыс. бронзовых плит с надписями. Вителлий был вытащен солдатами из каморки привратника императорского дворца, где он укрылся, и зверски убит.

Трепещущий от страха перед такой же солдатской расправой сенат заочно признал Веспасиана императором. Веспасиан прибыл в Рим лишь через полгода, пока же за него управляли державшие его сторону военачальники — Антоний Прим и легат Сирии Лициний Муциан. Грандиозный военный мятеж 68—69 гг. закончился полным торжеством над столицей и центральным римским правительством восточных римских армий и представляемых ими провинций.

§ 2. Римская империя при Флавиях (69—96 гг.). Кризис 68—69 гг. вызвал глубокую перестройку всей системы римской военно-рабовладельческой диктатуры. Императоры династии Юлиев-Клавдиев, сами принадлежа по происхождению к высшей римской знати, действовали в общем в ее интересах; они продолжали также традиции римской аристократической республики по отношению к жестоко эксплуатируемой в пользу города Рима и отчасти Италии периферии — провинций. Теперь, вместе с торжеством провинциальных армий, обнаружилась и победа провинциальных элементов над столичными и италийскими, и Римская империя стала превращаться в новый, высший тип монархии, опирающейся на широкую базу всего рабовладельческого Средиземноморья. В связи с этим вскоре наступил послед-

ний период преуспевания античного рабовладельческого строя, так называемый «золотой век» империи (II в. н. э.).

Поворот, хотя еще и не полный, обнаружился уже при первой сменившей Юлиев-Клавдиев династии Флавиев, правившей Римом всего 27 лет (69—96 гг.). Это был никому не известный прежде род, вышедший из средних кругов италийского общества. Дед основателя династии Т. Флавия Веспасиана был простой сабинский крестьянин, ставший центурионом; отец его был сборщиком налогов. Сам Веспасиан был, даже по внешности, простоватый человек, неуклюжий придворный: однажды во время пения Нерона он заснул, чем вызвал против себя временную опалу. Выдвинулся Веспасиан лишь личным усердием, большой деловитостью и мужицкой смышленостью. И все правление Веспасиана (69—79 гг.) отличалось хозяйственностью и бережливостью. Вместе с тем Веспасиан не допускал уже никакого вмешательства в свои распоряжения и заставил сенат провести особый указ о предоставлении ему очень обширных полномочий, вплоть до права отмены действующих законов («закон об империуме Веспасиана»).

Как опытный военачальник он прежде всего быстро ликвидировал солдатское своеволие и опять вывел войска из Италии на периферию. Причем верные ему части получили лучшие стоянки, в особенности в Сирии, из них же он составил и свою преторианскую гвардию. «Побежденные легионы» отправлены были на опасную дунайскую границу: в связи с этим в Мезию и самые отдаленные гарнизоны северо-востока попала и бывшая лейб-гвардия Нерона, набранный им 1-й Италийский легион, части которого оказались даже в кастеллах Таврики (в Хараксе под Ялтой). Везде восстановлена была строгая дисциплина.

Затем с громадным напряжением всех военных сил Римского государства подавлены были все сепаратистские движения в провинциях и прежде всего восстание в Иудее. В связи с гражданской войной и избранием Веспасиана императором повстанцы в Иудее воспользовались передышкой, чтобы перегруппировать свои силы и собрать новые резервы. Во главе повстанцев в 67 г. стал Иоанн из Гисхалы, которому удалось избегнуть плена и бежать из Галилеи в Иерусалим. Этот громадный город с населением в 600 тыс. человек, защищенный самим своим местоположением, среди глубоких ущелий и оврагов (Иосафатова долина и др.), и мощными укреплениями из двух колец стен с 164 башнями, был главным бастионом восставших. Но в самой Иудее Иоанну не удалось создать сплоченную армию сопротивления; кроме того, не была уничтожена оставшаяся в Иерусалиме и в стране агентура жречества и фарисейства, которая прилагала все усилия, чтобы сеять раздоры и вызывать конфликты среди восставших. Эти обстоятельства способствовали тому, что в июне 69 г. римской армии

удалось с огромными потерями пробиться из Галилеи к Иерусалиму. Сын Веспасиана Тит, сменивший в это время отца в качестве полководца, основные силы бросил против Иерусалима.

Огромной осадной армии из 4 легионов и 20 вспомогательных когорт потребовалось несколько месяцев, чтобы произвести тяжелые осадные работы. Только в августе 70 г. удалось приступить к штурму Иерусалима. Повторились страшные дни падения Карфагена. Сперва был взят нижний город, затем средний с дворцом и, наконец, храм, стоявший, как внутренняя цитадель, на возвышающейся среди города горе Сион (Мориа). Большая часть населения Иерусалима погибла в страшной битве на улицах города, меньшая, взятая в плен, была продана в рабство. Храм сгорел во время штурма, город был до основания разрушен, и на месте его развалин поставлен был постоянным лагерем римский X легион. Но борьба в Иудее затянулась еще до весны 73 г. После этого Иудея, подвергнутая систематическому опустошению, была обращена в особую пропреторскую военную провинцию. Возвратившийся летом 71 г. в Рим Тит был награжден блестящим триумфом. Его триумфальная арка, на которой изображены солдаты, несущие для сдачи в Капитолий знаменитые святыни иерусалимского храма — жертвенник, громадные трубы, золотой семисвечник, — до сих пор стоит на месте бывшего форума в Риме.

С неменьшей твердостью было подавлено и опасное восстание в Галлии и на Рейне. Оно вспыхнуло среди воинственного германского племени батавов, жившего на Нижнем Рейне, и перекинулось к их соседям — фризам и каннинефатам. Во главе стоял один из батавских князей, Юлий Цивилис, долго служивший начальником вспомогательных батавских когорт римской армии и хорошо знакомый с римскими порядками. Так как рейнская граница была обнажена уходом в Италию рейнской римской армии (на ней, по выражению Тацита, оставались лишь «тени легионов»), восставшие быстро овладели большинством римских рейнских крепостей. Движение охватило и Галлию, в которой знатные треверы, Юлий Классик и Юлий Тутор, провозгласили самостоятельную Галльскую империю. Правительству Веспасиана пришлось направить на Рейн лучшего своего полководца, Петилия Цереалиса, с большими военными силами, чтобы подавить это разросшееся движение. Галльская знать скоро пошла на соглашение с римлянами из страха перед собственными народными массами. «После многих сражений удалось наконец Цереалису усмирить Германию; в одном из них столько перебито было римлян и германцев, что запружена была трупами протекавшая здесь река», — кратко сообщает о конце этого восстания Дион Кассий (66,3).

Окончательно подчинена была также Британия, находившаяся в постоянном брожении после восстания Боудикки. Новый наместник, Гней Юлий Агрикола (с 78 г.), рядом смелых походов завоевал область бригантов (теперь Иоркшир и Ланкашир), самого беспокойного племени в Британии, овладел островом Моной и, отбив набеги каледонцев (шотландцев), расширил

пределы римской провинции до рек Клайда и Форта, которые и укрепил цепью кастеллов. Римский флот объехал Британию с севера и открыл Оркнейские острова. В этих пределах Британия сделалась вполне замиренной римской провинцией, а благодаря упорядочению администрации и прекращению насилий и притеснений чиновников, стала быстро усваивать римскую культуру.

Правительство Веспасиана много внимания отдавало также приведению в порядок финансов, совершенно расстроенных и расточительностью Нерона, и гражданской войной. Государственный бюджет достигал, по словам современников, 40 миллиардов сестерциев, т. е. около 3 миллиардов рублей золотом. Веспасиан простотой и нетребовательностью в личной жизни старался показать пример экономии, вызывая недовольство избалованных роскошью прежних дворов придворных и их язвительные обвинения в скаредности. Высмеивали также новые налоги, введенные для пополнения опустошенной казны; пришлось некоторые старые налоги удвоить, обложить даже кладбища, выгребные ямы и отхожие места. Будто бы сам Веспасиан, когда сын его Тит возмущался этим, поднес к его носу горсть монет и спросил: «Разве они пахнут?» Все же рядом с этими мерами проводилась широкая помощь «множеству городов по всей империи, пострадавшим от землетрясений и пожаров. В самом Риме, чтобы дать заработок простому народу, предприняты были обширные работы по восстановлению Капитолия, причем сам Веспасиан запросто участвовал в этих общественных работах и носил мешки с щебнем и мусором на спине; начата была постройка в самом центре города колоссального амфитеатра Флавиев (Колизея) на 85 тыс. зрителей.

В противоположность своим предшественникам Веспасиан презирал всякие монархические знаки почета и, умирая, с иронией сказал: «Увы, я, кажется, становлюсь богом!» Его сын, носивший то же имя Тита Флавия Веспасиана, почему его обычно, в отличие от отца, называют только личным именем — Тит, в свое недолгое двухлетнее правление (79—81 гг.) продолжал действовать в том же самом новом направлении римской императорской политики. Но он был человеком несравненно более культурным, большим знатоком поэзии и музыки, поклонником греческой философии, почему и правление его, отличаясь той же деловитостью, приобрело также характер большей широты и гуманности. Благожелательное отношение к провинциям и провинциалам стало проявляться еще более определенно. В провинциях построено было много новых дорог, продолжались большие общественные работы и в Риме (Колизей был достроен в 80 г.).

Третий из Флавиев, младший сын Веспасиана Домициан, правивший продолжительнее всех императоров из своей семьи (81—96 гг.), вместе с тем наиболее твердо и смело проводил новый режим абсолютизма широкого масштаба и на широком внеиталийском базисе, за что и пострадал более всех от сторонников старого как при жизни, так и от злобной клеветы после своей насильственной

смерти. Правда, человек, несомненно, тоже даровитый и умный, трудолюбивый и добросовестный, как все Флавии, умевший правильно понять основные задачи времени и не лишенный организаторских способностей, Домициан обладал тяжелым, властным и недоверчивым характером, делавшим прямое обращение с ним крайне неприятным. К тому же ему и нехватало достаточной опытности в делах военных и административных, так как всю свою молодость он провел в Риме как младший и несовершеннолетний сын, не участвуя, подобно Титу, ни в походах своего отца, ни в административной деятельности.

В связи с этим, получив после ранней смерти Тита верховную власть, Домициан стал вести себя вызывающе надменно, в особенности по отношению к сенату, с которым его отец и брат старались, по возможности, ладить путем компромиссов. Он открыто шел по пути усиления монархических тенденций и даже требовал, чтобы его называли «владыкой» (dominus). Императорский совет совсем оттеснил сенат на задний план. Императорская канцелярия тоже все больше наполнялась всадниками, вытеснявшими из нее прежних вольноотпущенников. Чтобы покрыть громадные расходы государства, беспощадно взимали налоговые недоимки из привыкших уклоняться от налогового обложения римских богатых вельмож и сановников и бесцеремонно конфисковали за неуплату их имущества, за что последние прозвали Домициана «хищным зверем» и «вымогателем». Особенно строго наблюдали за действием провинциальных наместников. Широко раздавалось в провинциях право римского гражданства, вся Испания получила латинское право, многие провинциальные города стали самоуправляющимися муниципиями. Впервые в провинциальные города стали назначать особых «кураторов» (опекунов, ревизоров), которым поручалось заботиться о благосостоянии этих городов и о приведении в должный порядок их финансов, что позднее, во II в., будет применяться особенно широко.

Чрезвычайно большое внимание правительство Домициана уделяло внешней защите провинций, для чего прекращены были даже успешные наступательные операции в Британии. Все римские военные силы были направлены в два наиболее опасных места на римских границах — на Рейн и на Нижний Дунай, откуда грозило новое варварское нашествие.

На Рейне особую опасность представляли вторжения германского племени хаттов. Они переходили Рейн, нападали на Могунциак (Майнц), опустошали благодатную долину Мозеля. В 83 г. сам Домициан во главе большой армии в 4 легиона нанес хаттам сокрушительный удар, несмотря на то, что войну пришлось вести в самых тяжелых условиях, среди непроходимых лесов и болот.

Тогда же была завоевана горная гряда Таунуса и вся область между реками Рейном и Майном. Вместе с так называемыми «десятинными полями» на Верхнем Рейне, отвоеванными еще при Веспасиане, эти территории составили широкий защитный пояс по правому берегу Рейна На протяжении около 300 *км*

вся пограничная зона была укреплена оборонительными сооружениями, соединенными целой сетью военных дорог с тыловыми крепостями. Так положено было начало грандиозному германо-ретийскому «лимесу» (пограничной зоне), накрепко замкнувшему от Кобленца до Регенсбурга германскую границу для вторжения варваров.

Еще больше усилий потребовала защита нижнедунайской границы, откуда грозила страшная опасность балканским провинциям Римской империи, в особенности Мезии. Воспользовавшись римской смутой 68—69 гг. и уходом римских легионов с дунайской границы в Италию, конные отряды роксолан, народа сарматского племени, кочевавшего в степях современной Бессарабии, начали постоянные вторжения из-за Дуная. К этому присоединились все более частые вторжения даков из современной Трансильвании, особенно участившиеся с 80-х годов, когда одному из их племенных вождей, Децебалу, удалось объединить под своей властью многие их племена. В 87 г. даки нанесли страшное поражение префекту претория, Корнелию Фуску, попытавшемуся с целыми шестью легионами, что представляло в те времена очень большие силы, проникнуть в их горную и лесистую страну и подойти к их столице, Сармицегетузе; погиб сам главнокомандующий и большая часть войска, захвачены были легионное знамя, весь обоз и все снаряжение. Событие это потрясло всю империю. Такого поражения Рим не испытывал со времени Варровой битвы. Даже самому императору, лично прибывшему на дунайскую границу, не удалось поправить положение: он сам потерпел чувствительное поражение от даков и их союзников — маркоманов и квадов. «Это было первое успешное *нападение варваров на империю*», — отметил Маркс в своих «Хронологических выписках»[1]. Домициан принужден был заключить с Децебалом мало почетный для Рима договор, откупаться от него деньгами, поставкой вооружения и посылкой инструкторов по постройке военных машин и крепостей, которые предназначались против самих же римлян.

Одновременно с тем и с римской стороны началось спешное возведение на низовьях Дуная, в Добрудже, таких же мощных оборонительных сооружений, как и на Рейне. Это были грандиозные укрепления (60 кастеллов с соединявшим их мощным земляным валом) по южному склону глубокой долины, пересекающей гористую часть Добруджи, которые теперь носят название «Траяновых валов». Чтобы охранять морское побережье со стоявшими на нем греческими городами, а также берега и переправы Дуная, создан был весьма значительный флот, получивший название «флавиева флота Мезии». Сама провинция Мезия была для удобства ее защиты разделена на две части — Верхнюю (теперь Сербия) и Нижнюю (Северная Болгария и Добруджа), и в этой последней, как наиболее угрожаемом отрезке границы, поставлены наиболее боеспособные части дунайской армии — 1-й Италийский и 5-й Македонский легионы.

Эти неудачи правительства Домициана на Дунае дали повод к обострению конфликта с сенатской аристократией и близкими к ней интеллигентскими кругами («философами»)

[1] К. Маркс, Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

Рима. Оппозиция их режиму Домициана выражалась первоначально в целом потоке сплетен, обидных анекдотов и эпиграмм против императора, которыми переполнены произведения тогдашних писателей — Тацита, Марциала, Ювенала, а затем, по их примеру, и более поздних, как Светоний и Дион Кассий. С 80-х годов перешли уже к организации заговоров, на что Домициан отвечал сначала ссылками разных сановников, а затем и казнями.

В 88 г. оппозиция нашла особенно опасного выразителя своих намерений в лице легата Верхней Германии, Антония Сатурнина: он провозгласил себя императором, поднял военный мятеж среди двух стоявших в Могунциаке (Майнце) легионов, вступил в союз с недавно усмиренными хаттами и другими германскими племенами, открыл для их вторжений римскую границу, что повело к разгрому многих прирейнских крепостей, и намеревался повторить поход Вителлия на Рим. Домициан, чтобы предупредить новый погром в Италии, принужден был двинуть на Рейн войска даже из Испании и лично выступить в поход против Сатурнина со своими преторианцами. Неожиданный ледоход на Рейне помешал соединению Сатурнина с германцами. Сатурнин был убит, а его армия разбита в большом и ожесточенном сражении. Вновь были усмирены и хатты. Последовали кровавые экзекуции, казни участников заговора, а затем и расправы со многими сенаторами, которых подозревали в сочувствии.

В 90-х годах заговоры следовали один за другим, а правительство Домициана принуждено было вступить на открытый путь террора. Доносчики, темнейшие и продажные люди давали возможность создавать массовые процессы, замешивая в них и множество невинных людей. Свирепствовал Домициан и по отношению к «философам», видя в них идеологов своих врагов: из Рима были высланы знаменитый ритор Дион Хрисостом («Златоуст») и стоик Эпиктет. Преследованию подвергались также евреи и начинавшие выделяться из их общин «христиане», так как их религиозные учения стали находить себе многих сторонников среди оппозиционной знати и проникать даже в придворную среду. Христиане изображали Домициана «чудовищным зверем, пришедшим погубить мир».

В 95—96 гг. борьба достигла такого напряжения, что Домициан чувствовал себя действительно в положении затравленного зверя. Даже в своем дворце он не был в безопасности: в занимаемых им помещениях были по его приказу сделаны зеркальные потолки и стены, чтобы он мог постоянно наблюдать, что делается и сзади и вокруг его. Заговор возник даже в ближайшем его окружении. В нем приняла участие сама императрица, Домиция Лонгина, дочь Корбулона, оба префекта претория, высшие чины двора. В сентябре 96 г. Домициан был убит в своей собственной спальне.

«К его убийству, — заключает Светоний («Домициан», 23), — народ [римский] отнесся равнодушно; напротив, солдаты негодовали и тотчас попытались провозгласить его божественным. Они даже были готовы отомстить за него, но не нашлось вождя. Напротив, сенаторы до такой степени радовались, что, сбежавшись в курию, без всякого удержу клеймили покойника самыми бранными и злобными словами. Сенат приказал также принести лестницы и в своем присутствии убрать отовсюду бюсты, медальоны и барельефы с его изображением и тут же разбить их о землю». Светоний в этих словах

правильно передает то новое взаимоотношение общественных сил, которое лежало в основе не только абсолютизма Домициана, но и всего режима закончившейся с ним династии Флавиев. Шумная демонстрация сената была лишь пустой выходкой бессильной злобы.

ГЛАВА LXI

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ АНТОНИНАХ.

§ 1. «Золотой век» Римской империи; время первых Антонинов. Дело перестройки Римского государства в неограниченную монархию нового типа на обширной базе всего Средиземноморья, начатое Флавиями, стремились завершить их преемники — императоры династии Антонинов (96—192 гг.). Это время считается наиболее блестящим периодом в истории Римской империи, ее «золотым веком».

Самый термин династия Антонинов весьма условен: так принято называть последовательный ряд из 6 римских императоров II в., правивших непосредственно один за другим: это Нерва (96—98 гг.), Траян (98—117 гг.), Адриан (117—138 гг.), Антонин (138—161 гг.), Марк Аврелий (161—180 гг.) и Коммод (180—192 гг.). За исключением двух последних (Коммод был сыном Марка Аврелия) они не находились между собой ни в каком родстве: они намечались предшественниками в свои преемники из наиболее выдающихся и достойных лиц их окружения и путем фикции усыновления еще при жизни прежнего императора привлекались к правлению. Даже общее свое имя, Антонины, они получили только впоследствии, и не по имени первого, но четвертого из них — Антонина, которого потомки считали наиболее выдающимся и прозвали Пием (Благочестивым). Объединяет их то, что все они, за исключением Нервы, принадлежавшего к старинной римской сенатской семье, были выходцы из семей провинциальной знати, притом все (кроме последнего, Коммода) — люди весьма незаурядные, прекрасные организаторы и администраторы, смотревшие на свой высокий пост как на ответственную службу государству в его новом широком объеме. Соблюдая надлежащий внешний респект и формальную корректность в своих отношениях к старым римским правящим органам, в особенности к сенату, они открыто вступили на давно уже привычный для провинций авторитарный путь и правили, как сущие «самодержцы» — по личному усмотрению. Они проводили крупнейшие мероприятия в области как внутренней, так и внешней политики в интересах рабовладельческого класса всего Средиземноморья, нового хозяина Римского государства после гражданской войны 68—69 гг.

Первый из них, М. Кокцей Нерва, старый, 70-летний сенатор, был несколько случайным явлением в их ряду. Императором он стал путем сенатского избрания, как один из сановных участников дворцового переворота 96 г., покончившего с Домицианом. В его лице римская знать в последний раз сделала попытку, как выражается Тацит («Агрикола», 3), «соединить две

несоединимые вещи — единовластие и свободу». Действительно, в короткое, менее чем двухлетнее его правление (96—98 гг.) сенат был вознагражден за все свои унижения при Домициане восстановлением своего почетного положения: Нерва даже дал торжественную клятву не казнить никого из сенаторов. Прекращены были процессы об оскорблении величества, доносы стали преследоваться, даже прежде потерпевшие от них получили вознаграждение. Ослаблено было налоговое бремя, отменена очень тяготившая население Италии ямская повинность; 60 миллионов сестерциев было истрачено на покупку земель, назначенных на наделение безземельных. Стала воскресать деятельность литературных кружков: Тацит в это время написал свое первое произведение «Жизнь Агриколы» и в нем приветствовал «первую зарю этого счастливейшего века» (гл. 3). Поэт Марциал восхвалял Нерву: «Он не господин, но император и справедливейший из всех сенатор» (X, 72). Однако все это несколько старомодное сенатское правительство Нервы встречено было естественным недоверием военных кругов. Поэтому во втором году своего правления Нерва принужден был привлечь к участию в управлении, а затем усыновить и объявить своим наследником виднейшего из военных людей того времени, легата Германии М. Ульпия Траяна, отличившегося во время подавления восстания Антония Сатурнина. Уже через четыре месяца после усыновления Траяна, в январе 98 г. Нерва умер, и Траян стал императором.

М. Ульпий Траян (98—117 гг.) происходил из Бетики, наиболее романизованной провинции Испании. Он был первым императором из той провинциальной знати, которой Флавии открыли широкую дорогу в правящие слои Рима или, как выразился Маркс, «*...первый иностранец, восшедший на римский престол*»[1]. Благодаря своим блестящим военным и административным способностям, соединенным с простотой, прямотой и ласковостью в обращении, Траян, которому было 42 года, уже приобрел громадную популярность и в армии, и у населения. Впоследствии он получил даже официальное прозвище «Наилучший принцепс» (Optimus princeps). Вошло в обычай каждого нового императора приветствовать кличем: «Будь счастливее Августа и лучше Траяна».

В своей правительственной деятельности Траян сумел объединить либеральный режим Нервы с тенденциями внутренней и внешней политики Домициана и Флавиев вообще. Правительство Траяна проявляло исключительную заботливость по отношению к провинциям. Происходило множество процессов и в сенате, и в общих судах по обвинению провинциальных наместников и их агентов местными жителями в вымогательствах, взяточничестве, хищениях и насилиях. Система назначения кураторов, появившаяся при Домициане, по-

[1] К. Маркс, Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

лучила особое развитие: они стали назначаться не только в отдельные города, но и в целые области. Император лично следил за всеми мелочами провинциального управления, требовал подробного осведомления, отдавал свои распоряжения. Сохранилась переписка между Траяном и легатом провинции Вифиния-Понт, Плинием Младшим, в которой, между прочим, подробно обсуждаются различные детали провинциальной администрации, как, например, вопрос о постройке бани в городе Амасии, об организации добровольной пожарной команды в Никомедии, о ежегодных расходах жителей Византия на посылку поздравлений императору и наместнику Мезии.

Но немалые заботы вызывала и Италия, которая обратно пропорционально с подъемом в провинциях, подвергавшихся меньшей эксплуатации, приходила все в большее запустение. В Риме производились частые раздачи нуждающемуся населению: в 102 и 107 гг. было роздано по 100 денариев на каждого жителя. Производилось, по примеру Юлиев-Клавдиев и Флавиев, и множество общественных работ, например, проведена мощеная дорога через Помптинские болота, построен прекрасный «форум Траяна», с обширной базиликой и двумя библиотеками, установлена знаменитая «колонна Траяна» в 28 *м* вышиной, с грандиозным барельефом, идущим по ней спиралью и изображающим его поход на даков с удивительным реализмом и точностью. Но особенно много внимания и беспокойства правительства Траяна вызывал растущий упадок земледелия в Италии: в связи с этим было издано постановление, чтобы одна треть состояния сенаторов непременно вкладывалась в землю, а средним и мелким землевладельцам государство старалось помочь предоставлением дешевого кредита в 5% из государственной казны.

В прямой связи с этим стояли и мероприятия, имевшие целью увеличение падавшего числа населения Италии. Были созданы особые государственные фонды, частично составленные из уплачиваемых по аграрным ссудам процентов, для выдачи пособий на прокормление (alimenta) детям-сиротам, мальчикам до 16 лет, девочкам до достижения 14-летнего возраста. В городе Риме, где эти пособия стали выдаваться еще при Нерве, таких государственных стипендиатов насчитывалось до 5 тыс. При Траяне же эта система алиментов распространена была и на всю Италию. Согласно дошедшей надписи из одного северо-италийского муниципия, Велейи, здесь получали пособие 280 детей. Почин правительства нашел отклик и у богатых частных лиц, и известно много пожертвований того же характера и в Италии и в провинциях; так, Плиний пожертвовал своему родному городу Комо 500 тыс. сестерциев на те же цели, а Целия Макрина дала городу Террацине целый миллион сестерциев с тем, чтобы на проценты с этой суммы воспитывалось 100 детей.

Траян с большим успехом продолжал и энергичную внешнюю политику Флавиев, оборонительную в основе,

в целях защиты провинций, наиболее страдавших от внешних вторжений, но при удаче не отказывающуюся и от новых расширений пределов Римской империи. Поэтому Траян вошел в историю и как последний крупный римский завоеватель.

Римские военные силы при нем доведены были до наиболее блестящего состояния: армия пополнилась двумя новыми легионами и многочисленными новыми вспомогательными когортами, снабжена была великолепной военной техникой и отличалась исключительной дисциплиной. Ею руководил блестящий по своим военным способностям штаб, состоявший из первоклассных военных талантов, которые умел повсюду открывать и выдвигать Траян — испанец Л. Лициний Сура, его ближайший сподвижник и личный друг, мавританец Лузий Квиет, начальник его конницы, римский нобиль Корнелий Пальма, легат Сирии, испанец П. Элий Адриан, легат Паннонии, затем Сирии, будущий император.

Две основные военные задачи стояли перед правительством Траяна: защита нижнедунайской границы от все усиливавшихся даков, с которыми не смог справиться Домициан, и защита восточной границы по Евфрату, где непрестанную грозную опасность представляло Парфянское царство. Сперва решена была первая из них путем двух ожесточенных войн с даками (101—102 и 105—106 гг.). После больших подготовительных работ — проведения военной дороги вдоль Дуная, постройки на Дунае каменного моста у его «Железных ворот», сосредоточения громадной армии из 12 легионов — началось медленное и осторожное наступление римских войск внутрь Дакии. Когда взята была столица даков Сармицегетуза, Децебал попытался отвлечь внимание римлян разрушительным фланговым вторжением в провинцию Мезию. Но Траян лично явился с подвижными частями римских войск на помощь осажденным римским крепостям на Нижнем Дунае, а затем новым наступлением в Дакии подчинил ее вплоть до южного склона Карпатских гор. Вожди даков во главе с Децебалом покончили самоубийством, часть населения была безжалостно истреблена римлянами, другая часть бежала за Карпаты. Опустошенная страна обращена была в новую римскую провинцию Дакию, и по призыву правительства Траяна масса новых поселенцев хлынула в нее из Северной Италии, Далмации, Фракии и даже Малой Азии, способствуя ее быстрой романизации. В особенности привлекали прославленные рудные богатства Дакии, ее золотые россыпи, почему здесь было организовано множество и казенных, и частных рудников.

Богатства Дакии значительно пополнили римскую казну и дали возможность финансировать дорого стоящие внутренние и внешние мероприятия Траяна. По его распоряжению было произведено вторичное укрепление построенного Домицианом вала Нижней Мезии. За ним была сооружена вторая и третья линии каменных укреплений; это хорошо представлено на колонне Траяна в Риме. На самом берегу Нижнего Дуная построены две новые мощные легионные крепости: Троесмис (Иглица) и Дуростор (Силистрия — Доростол наших летописей), сторожившие опасные места переправ. Даже на левую сторону Дуная, в Молдавию и Бессарабию, выдвинута была целая сеть передовых укреплений; и теперь еще остатки их хорошо видны вдоль рек Прута,

Днестра и Серета и сохранили имя Траяновых валов. Все это завершено было сооружением грандиозного памятника-трофея близ новооснованного в центре Добруджи поселения «Трофей Траяна» (теперь румынское селение Адам-Клисси). Он должен был грозить всем «варварам», если они предпримут попытку прорыва римской границы с северо-востока, из степей современной Украины. Естественно поэтому, что имя Траяна встречается и в сказаниях древних славян, являясь свидетельством о времени их первых соприкосновений с «ромеями» (римлянами).

К войне с Парфией, в столкновениях с которой Римское государство со времени поражения Красса уже терпело столько неудач, Траян готовился еще усиленнее. Уже в 105—106 гг. по его приказанию легат Сирии, Корнелий Пальма, завоевал Синайский полуостров и значительную территорию между Палестиной и Арабской пустыней и тем создал для Рима новую провинцию, Аравию, с городами Петрой и Бостроей. Через эти города построена была большая дорога до Дамаска, соединявшая его с Красным морем, защищенная множеством укреплений так называемого «арабского лимеса». В 114 г. начался и самый парфянский поход, предлогом для которого, как обычно, были разногласия Рима и Парфии относительно Армении: здесь парфянский царь Хозрой старался поставить на царство своего сына Партамазириса. В союзе с кавказскими царями Колхиды и Иберии (Грузии) Траян оккупировал всю Армению, проник отсюда в Месопотамию и, следуя вниз по течению реки Тигра, взял столицы Парфии, Селевкию и Ктесифон, наконец дошел до самого «океана», т. е. Персидского залива. Здесь Римская империя вошла в непосредственное соприкосновение с двумя великими культурами Востока: как раз в это же время знаменитый китайский полководец Пан Чао, разгромив кочевые племена хунну (гунны), завоевал Туркестан, и его передовые отряды уже выходили с другой стороны к тому же Персидскому заливу. Траян, подражая Александру Македонскому, уже мечтал о походе в Индию. Он только жалел, что недостаточно молод для этого. Во всяком случае, на развалинах Парфянского царства были созданы три новые римские провинции — Армения, Месопотамия и Ассирия.

Однако, как и во времена Александра Македонского, очень скоро сказалась исключительная трудность таких далеких походов. Линии снабжения и коммуникаций были непомерно велики для тогдашних технических средств. Да и население уже тогда вовсе не представляло собой пассивных масс, которые можно было подчинять и расчленять по усмотрению. Если многочисленные на востоке греки встречали Траяна, как и Александра, с энтузиазмом, а иранцы относились сравнительно индифферентно к судьбам своих деспотий, то решительную борьбу с римскими завоевателями начали арабы и широко рассеянные повсюду после разгрома Палестины евреи. В Эдессе, Селевкии и других городах Месопотамии происходили бурные восстания, которые приходилось подавлять самыми кровавыми репрессиями. Опасные восстания вспыхнули и по побережью Средиземноморья, в Египте, в Киренаике,

на острове Кипре. Римлян и греков здесь истребляли поголовно десятками тысяч. Траян сам должен был признать, что его приобретения на Востоке весьма некрепки и, оставив доканчивать свое дело подчиненным военным начальникам, направился в Рим, уже с весьма подорванным здоровьем. По пути, в Малой Азии, в августе 117 г. он умер.

§ 2. Адриан и Антонин Пий. Преемником Траяна был не менее выдающийся правитель П. Элий Адриан (117—138 гг.). Тоже испанец по происхождению, дальний родственник Траяна, Адриан прошел большую боевую школу и был ближайшим боевым товарищем и сотрудником Траяна во всех его войнах. Но это был вместе с тем и значительно более многосторонний и сложный человек. «Всех диковинных вещей исследователь», Адриан был одновременно и ученый-энциклопедист и вместе с тем поэт, выдающийся художник-живописец, скульптор, архитектор, музыкант. Ко всему этому он прославился как неутомимый турист, непрерывно находившийся в путешествиях, лично осматривающий прославленные чем-либо места. Натура крайне властная, во всем он желал быть первым и не терпел ничьего превосходства. И в политической деятельности это автократор до мозга костей, все желающий делать лично: «Воля государя — наивысший закон» («Дигесты», I, 4, 1) — таков его основной принцип, и им он руководствовался все двадцать лет своего правления.

Он отличался неутомимой организаторской и административной деятельностью, в особенности по отношению к провинциям, многие из которых он привел в хорошее состояние. Его постоянные путешествия по всем римским провинциям от Британии до Сирии и Египта имели целью личный контроль и наблюдение за деятельностью провинциальной администрации и окружного военного командования. Только последние два года своей жизни, уже усталый и больной, Адриан прожил в своей знаменитой вилле в Тибуре. Вилла обращена была в настоящий музей: ее залы были оформлены в архитектурных стилях различных провинций и заполнены множеством редкостных вещей: Адриан, бродя по ним, как бы в миниатюре повторял свои путевые впечатления и отдавал соответствующие распоряжения, быстро доставлявшиеся налаженной им почтой на места.

Этот неутомимый и властный администратор был завершителем той системы бюрократического управления империей, начало которой положили Клавдий и Домициан. Всадники обращены были им в настоящее чиновничье, служилое сословие, из которого он и набирал своих исполнителей. Прежний имущественный ценз в связи с этим заменен был образовательным: каждый кончивший среднюю школу получал звание всадника и, как признак этого, всадническое золотое кольцо. Императорский совет, составленный из наиболее крупных и образованных всадников-юристов, под председательством префекта претория, теперь тоже обычно видного законоведа, обсуждал и подготовлял для

доклада императору и его утверждения все важные дела. По поручению Адриана один из членов этого совета, крупнейший знаток права Сальвий Юлиан, собрал в единую краткую сводку продолжавшие действовать прежние эдикты магистратов (преторов) и составил, таким образом, «Вечный эдикт» (Edictum perpetuum). Утвержденный Адрианом, этот Вечный эдикт стал основой законов империи, пополнение же его обратилось в монополию императоров. Ограничена была и судебная компетенция прежних магистратов — преторов и эдилов — и введены новые суды из назначенных чиновников, которые назывались «судьями» (iudices) и находились под наблюдением назначаемого императором городского префекта (градоначальника). Чиновники различались по рангам и получали сообразно им особые почетные звания и титулы: светлейшие (clarissimi), превосходительные (perfectissimi), высокородные (egregii) и соответствующие различия в костюме (каймы на платьях, головные повязки и пр.).

Адриан, по примеру Флавиев, вел политику строгой финансовой экономии и жесткого государственного бюджета. Для этого полностью ликвидирована была старая откупная система сбора налогов. Особое внимание было обращено на поступление доходов от громадных императорских доменов. Для управления обширными императорскими имениями сельскохозяйственного характера (сальтусы) был издан Адрианом особый устав-инструкция (lex Hadriana), который представлял собой дальнейшее развитие и уточнение подобного же устава, изданного еще при Флавиях (lex Manciana). Как можно установить по дошедшим надписям [1], согласно этому уставу имения сдавались в аренду крупным предпринимателям, «кондукторам», на 5 лет; последние, в свою очередь, передавали их мелкими частями отдельным земледельцам, «колонам» (coloni domini), плативším аренду деньгами и натурой и обязанным нести 6 дней в течение года барщину на землях, которые «кондуктор» обрабатывал сам. Относительно пустующих земель постановлялось, что на них могут делать заимки все желающие, но на определенных условиях. Подобный же устав был издан и об эксплуатации принадлежавших императору предприятий, например, рудников. За отношениями между крупными арендаторами, кондукторами и мелкими съемщиками предписывалось строго наблюдать прокураторам провинций, а при центральном управлении была создана особая должность адвоката фиска, своего рода юрисконсульта, обязанного защищать интересы императорской казны перед судебными органами. Каждые 15 лет должна производиться финансовая ревизия всех органов и правительственных учреждений империи.

Экономия финансовых средств не мешала, однако, Адриану производить широкие траты на общественные

[1] Струве, Хрестоматия, ч. II, № 52, Бурунитанская надпись (несколько более поздняя).

н у ж д ы. Алиментарные мероприятия Нервы и Траяна получили дальнейшее развитие и распространены были также на провинции. В провинциях строились дороги, водопроводы, театры. В Риме на Яникуле был построен грандиозный круглый «Мавзолей Адриана» (теперь «Башня ангела») и ведущий к нему новый «мост Элия» через Тибр (тоже еще существующий). В особенно роскошном виде был перестроен Пантеон («храм всех богов»), весь выложенный драгоценным цветным мрамором.

Перед этой широкой административной деятельностью Адриана, стремившегося сплотить в единое органическое целое всю необъятную Римскую державу, в о е н н ы е з а д а ч и отступали совсем на задний план. Его правительство действовало преимущественно путем тонкой и умной дипломатии, всегда склонной, «чтобы поддержать мир во всей вселенной» (как пишет биограф Адриана), к значительным компромиссам и уступкам. Так, чтобы прекратить войну на Востоке, оно решительно отказалось от всех завоеваний Траяна в Месопотамии и вернулось здесь к старой евфратской границе, что вызвало большое недовольство военных сотрудников Траяна (некоторые были даже казнены). Но армию Адриан держал в образцовом порядке, стараясь постоянными инспекторскими поездками и маневрами придать ей наибольшую боеспособность на случай внешнего нападения. В целях экономии количество легионов опять было уменьшено до 28, но зато созданы особые подразделения легких подвижных войск (так называемые numeri), полукавалерийские, полупехотные, особенно пригодные для рекогносцировок и мелкой пограничной войны. Впервые, по образцу сарматов и парфян, организованы были отряды тяжелой, в чешуйчатые панцыри одетой кавалерии. Очень много забот было отдано на дальнейшее укрепление пограничной зоны по Дунаю и Рейну. В Британии был выстроен гигантский защитный «вал Адриана», сейчас еще видный в Северной Англии на всем его протяжении от моря и до моря.

Военные же операции ограничивались лишь подавлением внутренних волнений и восстаний в провинциях. Адриан еще усилил карательные меры, принятые Траяном против непокорного еврейского народа. Он даже запретил празднование субботы, а на месте Иерусалима основал римскую колонию Элию Капитолину, построив храм Юпитера на самой площади прежнего иерусалимского храма Ягве (129 г.). Это вызвало новое, еще более ожесточенное восстание всего еврейского населения в Палестине. Во главе его встали смелые и способные вожди — священник Елеазар и Симон, по прозвищу Б а р-К о х б а, т. е. «сын звезды», которого евреи объявили Мессией, посланцем божьим, явившимся спасти «избранный народ». Элия Капитолина была взята разъяренными народными толпами, и римские колонисты были поголовно вырезаны. Три года (132—135) пришлось употребить римскому правительству на усмирение этого второго восстания Иудеи. Снова, как во времена Веспасиана, по тому же методу медленного про-

движения с уничтожением попутно всего живого, римляне стали покорять несчастную страну. Взято и разрушено было 50 городов и до 1 тыс. селений, перебито и казнено 180 тыс. евреев. Страна обратилась в пустыню. Евреям запрещено было селиться в ней. Под страхом смертной казни они не должны были даже приближаться к Иерусалиму. Вновь была восстановлена Элия Капитолина с ее храмом Юпитера. Но в Иерусалиме пришлось поставить целых два легиона охранять восстановленный «порядок», который здесь серьезно уже больше не нарушался.

Время правления преемника Адриана, Антонина (138—161 гг.), высшие круги рабовладельческого общества Рима и всего Средиземноморья считали эпохой наивысшего подъема и расцвета Римской империи, а самого императора — идеальным типом монарха. Отсюда укрепившееся за ним в традиции почетное прозвище Благочестивого (Pius) и наименование всей династии Антонинами (т. е. правителями, Антонину подобными).

Как Траян и Адриан, он был представителем высших кругов провинциальной знати, выходцем из богатой и заслуженной нарбонской семьи Аврелиев Фульвов, владевшей громадными имениями и в Галлии и в Италии. Такие люди составляли в это время самый цвет римского нобилитета, но в них уже не было кипучей активности их предшественников. Появлялись первые симптомы истощения творческой энергии, удовлетворенного спокойствия и застоя.

Антонин все 23 года своего правления провел, не выезжая из своих роскошных имений в Лациуме. Став императором в 52-летнем возрасте, он больше всего ценил блага мира и невозмутимого покоя. Установились отличные отношения между императором и сенатом, далеко не всегда ровные в правление властного Адриана. Сенату возвращено было управление Италией (при Адриане она управлялась назначенными им консулярами), сенат привлекался для управления провинциями и общего законодательства, ни один сенатор не был казнен за эти два десятилетия. Внимание администрации особенно обращено было на дальнейшее закрепление порядка в финансах, на правильное функционирование судов, которым предписывалось гуманное отношение к обвиняемым («пока обвиняемый не уличен, он должен рассматриваться как невиновный» и пр.). Так же, как при Траяне и Адриане, возводилось множество построек как в Риме, так в Италии и провинциях, особенное внимание было обращено на постройку дорог, чтобы крепче связать различные части Римской империи. Маркс дал такое краткое определение времени правления Антонина: «При нем наблюдается *процветание провинций*, строгий надзор над их правителями»[1].

Во внешней политике правительство Антонина следовало системе Адриана: солидность и спокойствие, основанное на созна-

[1] К. Маркс, Хронологические выписки, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

нии силы, отказ от всяких внешних завоеваний. «Антонин считал лучшим сохранить жизнь одного гражданина, чем убить тысячу врагов», — пишет биограф этого императора. В лимитрофных государствах старались закрепить позиции Рима путем возведения на их престолы римских ставленников и креатур. Так, на Боспор посажен был царь Реметалк, который сам приезжал в Рим просить об этом римское правительство. «Армянам дарован царь», — значится на выпущенных по такому же случаю монетах Антонина, с изображением последнего надевающим тиару на голову армянского царя Сохема. Войны же ограничивались незначительными пограничными операциями в Британии, где римлянам удалось продвинуть свою границу на 100 *км* к северу, и на Рейне. На северном Черноморье аланы, продвигаясь с Северного Кавказа, напали на греческие города северного побережья Понта, между прочим, на Ольвию; римские войска выступили из Мезии на их выручку и освободили их от угрозы аланского погрома.

Повсюду в связи с такими пограничными операциями производилось также энергичное строительство мощных пограничных укреплений — «валов Антонина» (лучше всего они сохранились в Британии). Чувствуя истощение своей наступательной энергии, Римское государство как бы спешило покрепче закрыть свои границы от окружавшего его необъятного варварского мира.

§ 3. Последние Антонины. Конец периода «римского мира». «Золотой век» Римской империи закончился к началу второй половины II в. Уже с 160-х годов обнаруживаются явные признаки надвигающегося кризиса и упадка. После смерти Антонина Пия в 161 г. в Риме оказалось сразу д в а и м п е р а т о р а — Марк Аврелий и Люций Вер. Такое двоевластие было результатом того, что еще в 138 г., передавая власть Антонину, умирающий Адриан заставил его усыновить и назначить своими наследниками сыновей двух своих умерших любимцев — 17-летнего Марка Аврелия и 7-летнего Люция Вера, ни одному из которых, ввиду их малолетства, он не мог непосредственно передать императорского сана. Пробуждение в правящем кругу этих личных и династических тенденций и привело Рим в 161 г. к очень опасному положению — одновременному появлению двух соимператоров.

Однако на этот раз эти опасные возможности раздоров между правителями были преодолены благодаря исключительным личным качествам М а р к а А в р е л и я, «философа на престоле», как называли его еще в древности. Уже в 12-летнем возрасте, одетый в скромный плащ ученого, он привлекал общее внимание своими выступлениями на сложнейших философских диспутах. Став императором, он написал свою знаменитую книгу «Размышления наедине с самим собой» («К себе самому»). Этот труд представляет до сих пор крупнейший памятник античной философской мысли (стоицизма). Несмотря на полную непригодность своего соправителя Луция Вера (это был распущенный и беспечный человек), Марк Аврелий терпел это двоевластие в течение 8 лет, т е.

до самой смерти Вера в 169 г. Он следовал в данном случае одному из высказанных им в его книге положений: «Если с людьми злыми и бесчеловечными не будешь кроток, а тоже жесток и бесчеловечен, то берегись, как бы не сделаться таким же, как они».

Правление этого «императора-философа» оказалось, однако, временем чрезвычайно напряженных и опасных войн. Кончался длительный период «римского мира», господствовавшего при его предшественниках, и начиналась новая военная эпоха в римской истории. Одновременно с двух наиболее опасных частей римской границы, с Евфрата и Дуная, обнаружился жестокий напор на римскую территорию двух непримиримо враждебных Риму миров: с востока — азиатского в лице парфян и с севера — народов Средней Европы в лице германцев, сарматов и др. В 161 г. парфянский царь Вологез III, рассчитывая на неопытность новых римских правителей и на предстоящий раздор между ними, вторгся в Армению и, изгнав римского ставленника царя Сохема, посадил на армянский престол своего кандидата Пакора. Войска римских наместников Каппадокии и Сирии, пытавшиеся воспротивиться этому, были разбиты, и парфяне наводнили Сирию. Правительству Марка Аврелия пришлось почти с первых же дней отдать все свое внимание организации восточной кампании, продолжавшейся целые 4 года (161—165). Были стянуты крупные военные силы (преимущественно с Дунайской границы, как и во времена походов Нерона и Траяна). Командование было поручено испытанным военачальникам М. Стацию Приску и Авидию Кассию, направлен для координации военных действий на восток император Луций Вер с блестящим штабом. Восточная война была проведена весьма искусно. Римские войска не только очистили от парфян Сирию и Армению, но даже проникли под начальством Авидия Кассия, оказавшегося блестящим полководцем, глубоко в Месопотамию и опять заняли обе парфянские столицы — Селевкию и Ктесифон (в последнем сожгли дворец парфянских царей). Парфянское царство находилось в состоянии полного разложения, в войсках Вологеза началось массовое дезертирство, поднимались покоренные парфянами племена. Однако правительству Марка Аврелия не удалось, как в свое время и Траяну, довести до конца решение восточного вопроса. Римские военные силы уже были весьма для этого ограничены, а вспыхнувшая в них эпидемия чумы, распространившаяся отсюда на всю территорию Римской империи, еще более их ослабила; на обнаженной, в связи с концентрацией войск на восточную войну, Дунайской границе между тем нарастал нажим задунайских народов. Поэтому в 166 г. с Парфией был заключен мир компромиссного характера. Месопотамия вновь была очищена римлянами, но они сохранили за собой обширный плацдарм на левом берегу Евфрата: Дура-Европос была занята римским гарнизоном, Карры обращены в римскую колонию, Озроена поставлена под римский протекторат. Здесь тоже был устроен

укрепленный пограничный рубеж (лимес), подобный рейнскому и дунайскому, с множеством оборонительных сооружений, непрерывной цепью тянувшихся на сотни километров от Бостры до Филадельфии и надолго прикрывших Сирию от парфянских вторжений.

В 168 г. в ослабленное войной, чумой и голодом Римское государство ворвались задунайские племена германцев — маркоманов, квадов и вандалов, к которым присоединились и сарматы-языги. Римская оборонительная зона была прорвана сразу в четырех северных провинциях — Реции, Норике, Паннонии и Дакии. Разгромив римские укрепления в Альпийских проходах, разрушая все на своем пути, германские орды рассеялись по Венетской области и осадили даже Аквилею; в неудачной битве с ними погиб префект претория Фурий Викторин. Спешно собрав отовсюду военные силы, оба императора должны были лично отправиться на эту опасную маркоманскую войну. В 169 г. умер, возвращаясь с одного из походов, Люций Вер. Марк Аврелий все остальное время своего правления должен был провести на северной границе, стараясь отбросить маркоманов, квадов и языгов до Богемских гор и Карпат и этим мощным горным заслоном прикрыть римскую границу с севера в предупреждение новых нашествий. Созданы были два новых легиона и размещены в Реции и Норике, лихорадочно возводились новые укрепления вдоль берегов Дуная.

Но несмотря на громадные траты материальных средств и большие потери людьми Марку Аврелию и здесь не удалось до конца осуществить свои планы. Римская оборона везде начинала давать трещины. Неспокойно было уже и в Британии, и на Рейне, Испания страдала от пиратских набегов берберов из Мавритании. В Египте на недоступных болотистых островах дельты Нила собирались отряды «буколов» — пастухов-повстанцев, разгромивших целое римское войско и уже начавших наступление на Александрию под предводительством некоего жреца Исидора. В Сирии восстание поднял сам римский ее наместник — герой парфянской войны Авидий Кассий. Он даже провозгласил себя императором. Марку Аврелию опять пришлось спешно снимать войска с Дуная и лично выступить в поход против Авидия Кассия. От Кассия отпало большинство его сторонников, а сам он был убит своими же офицерами через два месяца после начала этого движения. Положение было очень напряженным, когда в 180 г. Марк Аврелий умер от чумы. Это произошло в Виндобоне (Вене), одной из крупнейших крепостей на Дунае: он готовился к новой экспедиции на маркоманов.

Еще хуже стало в тринадцатилетнее правление сына Марка Аврелия — императора Аврелия Коммода (180—192 гг.), или просто Коммода, как его принято называть. Это был грубый и самодовольный человек, полная противоположность своему отцу, находивший удовольствие лишь в обществе гладиаторов. Себя са-

мого за свои гладиаторские подвиги он называл Геркулесом, но современники за дикие сумасбродства сравнивали его с Калигулой. Правили вместо него его фавориты и фаворитки. Они погубили его сестру Луциллу, его жену Криспину, многих сподвижников его отца, они же вносили расстройство в управление государством. Война с германцами была прекращена Коммодом еще в самом начале его правления, так как он не желал для столь хлопотливого и опасного дела жертвовать удовольствиями, предоставляемыми жизнью в столице. В 192 г. его фавориты убили и самого Коммода в его спальне.

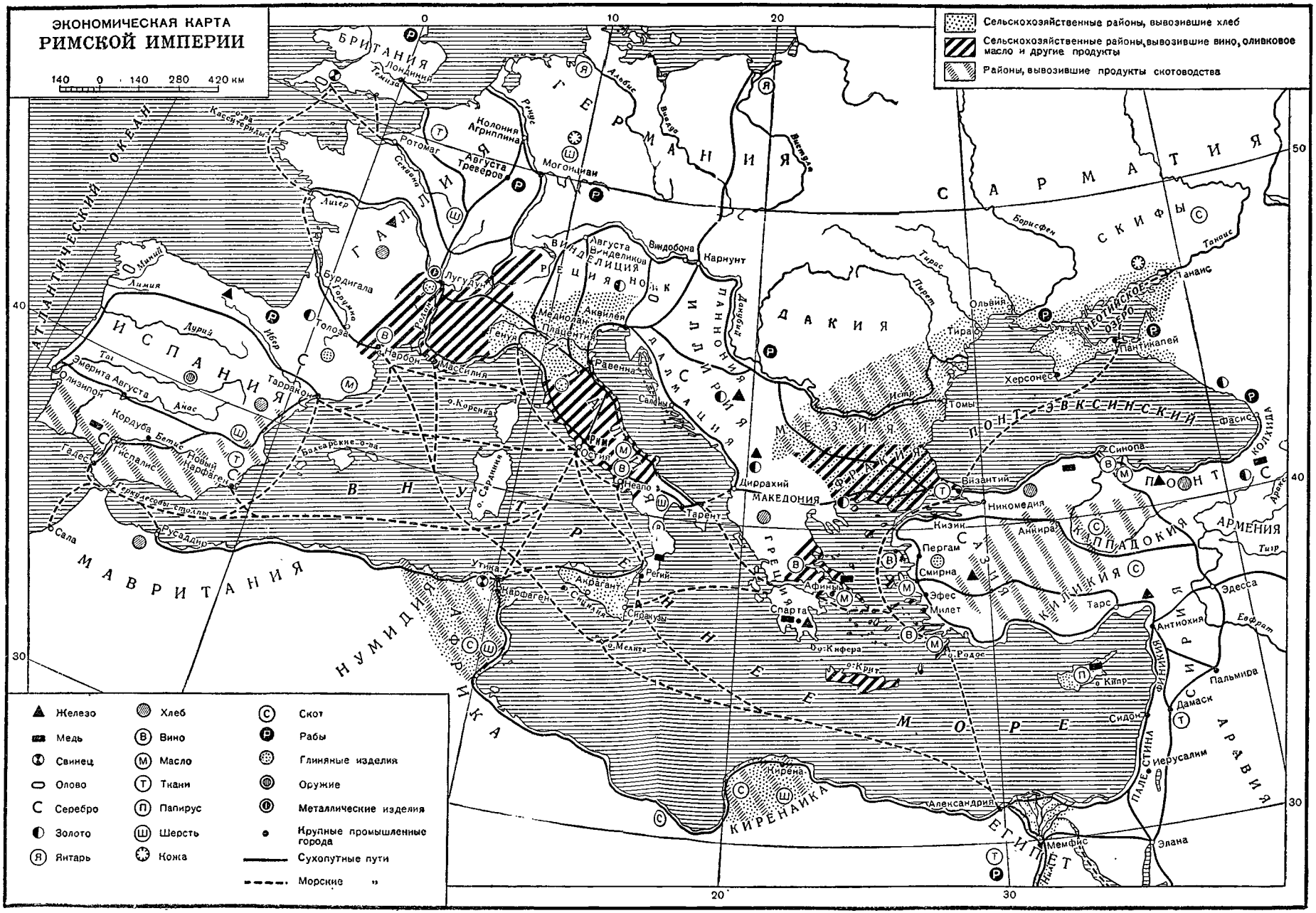
Таким образом, правление блестящей династии Антонинов и «золотой век» Римской империи заканчивались при зловещих признаках политического ослабления и внешнего упадка. Еще более грозные симптомы кризиса стали к этому времени проявляться и во внутреннем состоянии Римской империи.

ГЛАВА LXII

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО II в. н. э. СИМПТОМЫ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА.

В Римском государстве к концу II в. н. э. стало очень заметно растущее бессилие, связанное в значительной мере с оскудением его господствующего ранее центра — Италии. Привыкнув жить на грабительские доходы с провинций, Италия не развила своего значительного хозяйства. В ней не образовалось, как в Греции и на востоке, крупных ремесленных центров. Лишь в I в. н. э. в Арреции продолжало некоторое время процветать старинное, идущее еще от этрусков производство художественной посуды, в городах Северной Италии — шерстяное производство, в Кампании (например, в Кумах и Помпеях), занесенное сюда греками-колонистами изготовление изделий из металлов (бронзы и железа), глины и стекла. Но эти небольшие мастерские обслуживали преимущественно местных потребителей и, за исключением арретинской посуды, во II в. тоже вытесненной продукцией керамических мастерских Галлии, не находили себе внешнего сбыта.

Во II в. в упадке находилось и когда-то цветущее земледелие Италии: императорам приходилось насильно заставлять сенаторов покупать имения и бороться с тенденциями сокращать площади зерновых и плодовых культур, заменяя поля пастбищами. Мелкие земледельцы совсем разорились и обратились, по выражению Тацита, в «грязную чернь». Современник Траяна, Плиний Младший, в своих письмах тоже постоянно жалуется на разорение мелких землевладельцев и арендаторов, вызванное «неблагоприятными временами». Плиний с печалью говорит и об общем понижении цен на земли: даже крупное имение, которое стоит не меньше 500 тыс. сестерциев, предлагается теперь всего за 300 тыс.

8. Экономическая карта Римской империи

Несмотря на ряд законов, покровительствовавших многосемейным, рождаемость в Италии неуклонно падала, и всем императорам Антонинам приходилось все больше и больше развивать свои «алиментарные» мероприятия — воспитывать за счет государства брошенных на произвол судьбы разорившимися родителями или осиротевших и беспризорных детей. В римском и италийском обществе, оттесненном от общественной деятельности, все сильнее проявлялись политическая апатия, стремление уклониться от выполнения общественных обязанностей, в особенности военной службы, уход в личную жизнь, глубокий упадок нравов и ужасающая распущенность. Старинная солидная практичность сменилась исканием легкой наживы и счастливого случая к обогащению. Фортуна (богиня удачи) и Меркурий (бог-покровитель ловкачей) стали самыми чтимыми божествами в народе. В результате Рим и Италия перестали быть связующим центром необъятной Римской державы. Они превратились в вечное бремя, в бесполезного, но весьма прожорливого нахлебника.

Наоборот, в провинциях, свободно вздохнувших со времени Флавиев и в особенности расцветших во II в., в правление вышедших из провинциального общества Антонинов, налаживалась интенсивная хозяйственная и культурная жизнь. Восточные провинции оправились от страшных погромов Суллы, Лукулла, Помпея, Цезаря, Брута и Кассия. Вновь ожили старинные промышленные и торговые городские центры Вифинии, Пергама, Сирии и Египта с их развитой индустрией предметов роскоши — дорогих материй и ковров, пергамента и папируса, парфюмерии и художественной посуды. Восстановлены были знаменитые виноградники на островах Эгейского моря, оливковые рощи, плантации технических культур. Но в хозяйственном отношении с востоком стали соперничать и западные провинции. Галлия и западная Германия (по Мозелю) обратились в сплошной виноградный сад, и тщетны были приказы Домициана вырубить здесь половину виноградных насаждений, чтобы галльские и мозельские вина не конкурировали с италийскими. В Галлии, преимущественно в ее южных и прирейнских районах, также возникли крупные центры ремесленной промышленности — металлической, текстильной, керамической и стекольной, — изделия которой распространялись по всей Средней Европе, Британии и Испании. Дунайские провинции, в особенности Паннония и Мезия, обратились в новые житницы Рима и поставляли анноны не меньше Сицилии. Испания обзавелась развитой металлургией, добывая в громадном количестве золото, серебро, медь, свинец и олово. Норик был славен своим железом, Дакия своим золотом. Появилось множество новых больших городов — Лондиний (Лондон) — в Британии, Нарбон, Лугдун (Лион), Арелате (Арль), Августа Треверов (Трир) — в Галлии, колония Агриппина (Кельн), Могунциак (Майнц), Аргенторат (Страсбург), Августа Винделиков (Аугсбург) — в Германии, Виндобона (Вена) и Сингидун (Белград) — на Дунае, Сар-

мицегетуза — в Дакии, Карфагене, Тамугад, Ламбезис — в Африке и др. Многие из них возводились в ранг римских колоний, и жители их получали права римских граждан, другие становились самоуправляющимися муниципиями, многие, наконец, как большинство древних греческих полисов, пользовались автономией и считались «союзными» или «свободными».

Провинции и их большие города входили в оживленный обмен между собой, все более и более обходя беднеющую и слабеющую Италию и даже вытесняя посредничество римских «негоциаторов», т. е. деловых людей. Торговля же внешняя была полностью в руках провинциальных торговцев. Греческие и сирийские купцы предпринимали далекие торговые поездки в Индию и на остров Цейлон, используя открытые ими муссоны: некоторые доезжали оттуда даже до Китая. Они привозили пряности, драгоценные камни, индийские ткани, китайский шелк. С другой стороны, галльские торговцы спускались по Рейну и Дунаю, по Висле доезжали до Балтийского моря и Скандинавии. Клады римских монет открыты на низовьях Западной Двины, в окрестностях Риги.

Пользуясь все более распространяющимся в провинциях муниципальным правом, т. е. самоуправлением, провинциальные города развили весьма интенсивную общественную жизнь, о чем свидетельствует множество надписей: они говорят об оживленной агитации во время выборов городских магистратов (декурионов, эдилов, квесторов), об активной деятельности различных ремесленных союзов (коллегий), о частых съездах (conventus) представителей целых провинций, чтобы под предлогом посылки верноподданнических адресов императорам обсуждать местные нужды и посылать центральным властям свои жалобы и пожелания. Особенно известны провинциальные съезды в Лугдуне (Лионе), на который собирались представители от различных частей Галлии, и собрания делегатов Пятиградия (Пентаполиса) — пяти греческих городов Западного побережья Понта в Томах, организовывавшие общие празднества, состязания и пр. Провинции привыкали жить самостоятельно и в них стали появляться сильные сепаратистские стремления: к деятельности центрального римского правительства они уже не проявляли никакого интереса.

Рядом с этими симптомами политического разложения стали замечаться и еще более зловещие признаки загнивания и распада самого рабовладельческого хозяйства. «Рабство становилось невыгодным... оно изжило себя», — указывает Энгельс. Если во время Аристотеля, по словам последнего, «раб — лучший вид собственности», то теперь, в I и II вв. н. э. владение рабами становилось одним из наиболее опасных и необеспеченных ее видов. Рабы становились все более непокорными, все более росла их ненависть к своим господам.

Правда, уже не было крупных восстаний такого масштаба, как во II—I вв. до н. э.: налаженная администрация и бдительная поли-

ция императоров быстро ликвидировала отдельные вспышки в их зародыше. Так, при Тиберии в 24 г. началось было движение рабов в Апулии, во главе которого встал отставной солдат-преторианец Т. Куртизий. Немедленно же из Рима был выслан военный отряд, «который притащил и самого вождя и сходных с ним по смелости в Рим на расправу» (Тацит, Анналы, IV, 27). Подобных мелких движений, вероятно, было много, но наши источники не считают нужным о них упоминать. Тацит приводит еще только один случай: в Риме в 61 г. кем-то из рабов был убит городской префект Педаний Секунд, и за это казнены были 400 домашних рабов убитого, все, «кто жил под той же крышей» в момент убийства. Это вызвало возмущение народа, «который хотел защитить столько невинных людей» (Тацит, Анналы, XIV, 42—45).

Рабы свою злобу и ненависть к господам выражали в эпоху империи постоянными доносами на них, часто, несомненно, ложными, подводя их под жестокую расправу таких деспотов, как Нерон, Домициан, Коммод, и создавая тем в их среде состояние постоянной острой тревоги. Римская пословица: «сколько рабов — столько врагов», должно быть, сложилась именно в это время.

Вместе с тем рабство становилось чем дальше, тем менее рентабельным. Рабский труд мешал всякой рационализации производства, принуждая пользоваться самым примитивным инвентарем (см. гл. LI). Рабский труд был и недешев: раб не получал казенного пайка, как свободный, а работал, по расчету современных исследователей, в пять раз тяжелее свободного рабочего. Наконец, самое качество рабов ухудшилось: это были уже настоящие «варвары» — германцы, сарматы, даки и пр., так как отошла в прошлое система порабощения культурных народов, провинции обращались в равноправные части Римского государства, и прекратился приток невольников квалифицированного труда. Последних стали больше беречь и старались использовать более рациональным образом: их массами отпускали на оброк, предоставляя им пекулий, или даже обращали в вольноотпущенников, которые, не утрачивая зависимости от хозяина, переводились на государственный паек. Тацит уже прямо утверждает, что так называемый «римский плебс» в эпоху Юлиев состоял сплошь из одних вольноотпущенников.

В связи с этим изменялись и взгляды на рабов и обращение с ними. Уже в середине I в. н. э. Колумелла рекомендовал «ласковое обращение с рабами», разговоры и даже шутки хозяина с ними. Сенека утверждал, что «рабство противоестественно, противоречит природе и свойственной ей свободе»; «раб имеет такую же природу, как и ты»; «рабы ли это! нет, это люди, наши сожители и смиренные наши друзья». Адриан и Антонин издавали декреты, запрещающие господам убивать своих рабов под страхом того же наказания, что и за убийство свободного, запрещалось также порознь продавать рабов-супругов, появились завещания рабов и т. д

Наряду с этим в сельском хозяйстве все большее распространение получал к о л о н а т. Колоны «...были предшественниками средневековых крепостных», — писал Энгельс [1]. Состав их был весьма пестрый: посаженные на землю рабы «из наиболее работящих» (по выражению Варрона), переходившие на римскую территорию части варварских племен, наконец, множество вольных людей из городов, снимавших участки земли («парцеллы») на пустошах частных больших имений. Арендную плату во II в. обычно уплачивали натурой, и все бóльше распространялся обычай требовать не только с посаженных на землю рабов, но и с вольных арендаторов барщинных работ (opera) в пользу помещика или крупного фермера-предпринимателя (кондуктора), снимавшего большой участок имения и потом передававшего его мелкими наделами колонам. Барщина, в начале небольшая (6 дней в году), постепенно увеличивалась благодаря произволу и безнаказанности крупных владельцев и богатых кондукторов, оброки увеличивались в нарушение и договоров и общих законодательных распоряжений; под предлогом задолженности по недоимкам колонам все чаще затруднялся уход с арендованного участка по окончании срока аренды, и они все более сближались в своем положении с посаженными на землю рабами.

Особенно хорошо об этом можно судить по найденной в бывшей римской провинции Африке в 1879 г. обширной надписи, представляющей собой жалобу императору Коммоду колонов императорского Бурунитанского имения (почему и надпись называется Бурунитанской) на произвол и притеснение кондукторов и покровительствовавших им императорских чиновников. «Сжалься над нами, — пишут колоны-просители императору, — и соблаговоли приказать священным твоим рескриптом, чтобы с нас не требовали более должного по закону Адриана (см. стр. 721) и по грамотам твоих прокураторов, т. е. шесть барщинных дней, и чтобы по благодеянию твоего величества молодое деревенское поколение, которое родилось и выросло в твоем сальтусе, не было тревожимо кондукторами имений, принадлежавших казне». Император, правда, на этот раз ответил, что «прокураторы должны позаботиться, чтобы от вас ничего не требовалось несправедливо, вопреки раз установленному образцу»; но постановление это, выраженное в столь мягкой форме пожелания, конечно, оставалось тщетным, и закрепощение колонов продолжалось неуклонно, во все возрастающей степени. Позднее императоры уже издавали указы, что «колоны немногим отличаются от рабов, так как им не дано права уходить с земли», или, что «тех колонов, которые помышляют о бегстве, можно так же заковывать в кандалы, как рабов»[2].

---

[1] Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 154.

[2] Отрывки из Бурунитанской надписи. С т р у в е, Хрестоматия, изд. 1936, ч. II, № 52; т а м ж е, № 54, отрывки из кодекса Феодосия и Дигест.

Так к концу II в. н. э. «золотая пора» Римской рабовладельческой империи явно подходила к концу и появлялись уже симптомы глубокого социально-экономического кризиса, который должен был повести к полному крушению всего рабовладельческого строя.

ГЛАВА LXIII

НАЧАЛО КУЛЬТУРНОГО УПАДКА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

Время правления Антонинов иногда называют «веком просвещения». Это справедливо, если рассматривать лишь с внешней стороны успехи римской культуры и ее широкое распространение на периферии. Город Рим действительно стал в этот период самым крупным, благоустроенным и красивым городом всего Средиземноморья, или, как тогда гордо говорили,— «ойкумены», т. е. населенного культурным человечеством мира (великие восточные цивилизации Индии и Китая мало известны были и римлянам и грекам). Особенно изменился внешний вид Рима после грандиозных пожаров 64 и 69 гг. Уже Флавии развернули весьма большие восстановительные работы. При первых Антонинах построены были роскошные форум Нервы и форум Траяна с великолепными окружающими их зданиями, среди которых особо изысканной отделкой отличалось здание библиотеки Ульпия. Здесь же поставлена была и громадная колонна Траяна, увенчанная позолоченной статуей императора. Она представляла собой его мавзолей: в нижней ее части в золотой урне хранился после сожжения его прах, а бока колонны представляли замечательно исполненное рельефом повествование о его походе на даков. Адриан вновь в особенно роскошном виде перестроил Пантеон, построил новый императорский мавзолей и мост к нему через Тибр. Марк Аврелий в память своих побед над маркоманами и сарматами воздвиг, в подражание Траяну, другую в 30 *м* высоты колонну, которая тоже сохранилась в Риме на Пиацца Колонна, только статуя императора заменена фигурой ангела. Императорам подражала знать, строя себе роскошные городские особняки и загородные виллы. Все улицы Рима были замощены крупными плитами, по бокам их устроены водостоки, на площадях били фонтаны с проведенной издалека по акведукам водой.

Стремление к внешнему благоустройству и комфорту широко распространилось из Рима через посредство римских переселенцев-колонистов, богатых купцов, чиновников, военных и в провинциях. Особенно сильней романизации подверглись провинции западные и северные: Испания, Галлия, Прирейнская Германия, Альпийские области, провинции Среднего и Нижнего Дуная. Вдоль улиц провинциальных городов возводились по римскому обычаю портики-галереи, строились базилики, появлялись водопроводы, цистерны, бассейны и фонтаны, термы, амфи-

театры и цирки. Открылось и множество школ, в которых преподавался латинский язык и латинская литература (особенно интересно эта школьная жизнь представлена на рельефах, найденных в Трире). Приезжие риторы обучали провинциальную молодежь искусству красноречия. В моду входят публичные выступления с речами, стихами и прозой, для чего снимаются просторные помещения, созываются знатоки и знакомые. Везде звучит латинская речь, правда, весьма уже испорченная варваризмами.

Но вместе с тем, начиная с середины I в. н. э., в рабовладельческих кругах общества Римской империи повсюду замечается определенное снижение качества во всех областях культурного творчества. Это было вызвано двумя основными моментами. Прежде всего, здесь сказывалось леденящее действие императорского режима, при котором как утопавшие в роскоши богачи-рабовладельцы, так и неимущие свободные, «по отношению к государству, т. е. к императору... были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам»[1]. Императорский режим проводил систематическое преследование всякой общественной мысли, особенно — исходящей из народных низов. Для оправдания и укрепления диктаторского характера императорской власти Август провел религиозную реформу. Он ввел культ самого императора и требовал уже при жизни поклонения себе в форме культа «гения Августа». После смерти Август и последующие императоры уже становились настоящими богами (divi); им строились храмы как в Риме, так, в особенности, в провинциях, выбирались особые жрецы-фламины — из членов высшего общества, заведовавшие их культом в каждом городе, устраивались съезды по провинциям для особенно торжественных молений и жертвоприношений. Август стремился воскресить также древнюю римскую веру. Представители высших кругов охотно записывались в восстановленные Августом старинные религиозные коллегии «арвальских братьев», «луперков», «застольников Тиция» и пр.

В связи с этим гнетом в рабовладельческих верхах римского общества распространялось чувство тупой покорности и погоня за самыми пошлыми и чувственными наслаждениями. Такая атмосфера способствовала тому, что во всех видах искусства и литературы укреплялись формалистические тенденции, погоня за внешним эффектом и изысканностью внешней формы в угоду избалованному и пресытившемуся высшему обществу. Таковы вычурные и многословные трагедии Сенеки, учителя Нерона, таков витиеватый «Панегирик Траяну» богатого и чиновного друга этого императора Плиния Младшего, хитроумно составленные произведения софистов II в. Герода Аттика, Элия Аристида, учителя Марка Аврелия — Корнелия Фронтона. Сатирики должны были отказаться от критики явлений политической и общественной

[1] Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

жизни, что смело делали прежде Луцилий, Катулл, отчасти Гораций в своих ранних «Сатирах», и ограничиваться б и ч е в а н и е м п о р о к о в о т д е л ь н ы х ч а с т н ы х л и ц, выпадами против особенно возмутительных явлений частного быта, нарушений господствующей морали. Марциал (42—102 гг.) писал в правление Домициана и Траяна весьма легкомысленные эпиграммы, не столько бичуя даже, сколько, под видом насмешки, смакуя неслыханно порочное поведение придворных и вообще великосветских римских кругов; Ювенал (55—132 гг.) в своих 16 книгах сатир ядовито и злобно нападал на различные распространенные пороки. Лукиан (125—190 гг.) высмеивал все более и более распространявшиеся суеверия. Безобидно и забавно потешался над этим же Апулей (род. около 125 г.) в своем романе «Превращения, или золотой осел». В театре серьезные виды драматического искусства — трагедия и комедия на злободневные темы, уступили место веселым и скабрезным фарсам, «пантомимам», с совершенно непристойными сценами, и пышным бездушным феериям. На первом месте стояли цирк с конскими и другими состязаниями (со времени императора Калигулы все высшее общество разделилось на цирковые партии белых, красных, голубых и зеленых — по цветам любимых наездников) и амфитеатр с кровавыми дуэлями и массовыми боями гладиаторов.

В греческой части Римской империи этот культурный упадок был менее заметен. Там еще появлялись крупные представители культурного творчества: Плутарх (46—126 гг.) писал свои «Параллельные биографии» и «Морали», знаменитый странствующий ритор Дион Хрисостом (50—115 гг.) объезжал со своими публичными лекциями греческие города, философ-стоик Эпиктет (50—125 гг.), бывший прежде «рабом раба», поражал глубиной своих этических исканий и убедительностью своих афоризмов (кратких и метких обобщений морального характера). Культурное преобладание Греции было очевидным и для наиболее выдающихся римлян: император Марк Аврелий писал свои «Размышления» уже на греческом языке, обращаясь, следовательно, преимущественно к греческому читателю. Даже Дион Кассий (155—235 гг.), римский сенатор и поклонник римской старины, написал свою большую «Римскую историю» в 80 книгах на греческом языке. Но и в Греции, так же как в Риме, преобладающим философским направлением образованных кругов стал стоицизм, всецело ушедший в решение этических проблем, в поиски путей к достижению непоколебимого душевного равновесия и абсолютного спокойствия духа (апатия). В лице учителя Нерона Сенеки (личная жизнь которого, однако, совершенно расходилась с его учением), Эпиктета и императора Марка Аврелия стоицизм имел наиболее выдающихся своих представителей.

С другой стороны, чувство тупой покорности по отношению к императорской власти поддерживалось страхом перед грозными движениями порабощенных народов во всей Римской империи. Господствовало убеждение, что при таком положении императорская власть, основанная на военном господстве, является неотвратимой необходимостью [1]. Но вместе с тем не было никакой надежды на возможность лучших порядков. В связи с этим настоящее было

[1] Ф. Э н г е л ь с, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XV, стр. 606.

невыносимым, а будущее казалось еще более грозным. Отсюда даже среди рабовладельческих слоев возникло и широко распространилось стремление искать выхода и спасения на путях религии.

Вполне естественно, что в связи с этим во всех произведениях тогдашней мысли заметен упадок научного миропонимания. Уже не было уверенности в том, что силами человеческого разума можно постичь тайны и законы природы, т. е. опровергалась мысль, так ярко выраженная представителями греческого материализма Демокритом и Эпикуром, в поэме «О природе вещей» римского мыслителя Лукреция Кара. Теперь ожили вновь давно пережитые и отброшенные верования в таинственные и непостижимые силы. Интерес ко всему чудесному, сверхъестественному и «нездешнему» проявляется уже у Светония Транквилла (75—160 гг.), в его «Биографиях 12 Цезарей», в которых материал из жизни первых римских императоров обильно пересыпается всякими предсказаниями, предзнаменованиями, чудесными явлениями и пр. Всяких магов, волхвов, астрологов, предсказателей, колдунов и ведьм развелось в Риме такое количество, что правительства римских императоров не раз принимали против них строгие меры, изгоняли и истребляли их, но безрезультатно. Впрочем, и сам император Адриан с большим усердием занимался астрологией и даже колдовством.

Но особенно широкое распространение получили в этот период восточные таинственные религии. Они обещали открыть своим поклонникам (путем символических обрядов) тайны мира и загробной жизни, вскрыть смысл жизни и показать пути к достижению вечного блаженства. Со времени обращения Египта в римскую провинцию особенно широко стал распространяться культ египетской богини Изиды. При Клавдии большой успех имел культ малоазиатской богини, «матери богов» Кибелы и ее спутника Аттиса, растерзанного, потом воскресшего, чтоб стать спасителем человечества. При Флавиях солдаты победившей сирийской армии занесли в Рим и в западные провинции иранский культ Митры — бога, будто бы побеждающего самую смерть; «митреумы» (святилища Митры) появились в это время и в Риме и в особенности в частях расположения рейнской и дунайской армий.

Однако эта, по выражению Энгельса, «духовная бестолковщина» была только показателем общего социального кризиса, наступившего в империи: «Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством...»[1]. Энгельс говорит: «Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особые

[1] Ф. Энгельс, К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 416.

религии... Пересадка восточных религиозных культов в Рим только повредила римской религии, но задержать упадок восточных религий она не могла»[1]. Во время этого всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения возникла новая религия — христианство «...решительно выступило против всех существовавших до тех пор религий»[2]. Оно имело успех и стало «...мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному обществу»[3].

§ 2. Возникновение христианства и его история в I—II вв. Христианство возникло не в среде господствующего рабовладельческого класса, а в среде эксплуатируемых общественных низов, «страждущих и обремененных», разорившихся свободных людей, терявших свободу мелких крестьян, пролетариев и рабов. В начале II в. оно из маленькой иудейской секты превратилось в новую религию с новым вероучением и обрядностью, религию всеобщую, универсальную, приверженцами которой могли стать и «эллин, и иудей», и представители всех прочих народов Римской империи. В дальнейшем своем развитии христианство из религии угнетенных переродилось в обычную религию классового общества, в орудие эксплуатации, «...опиум народа»[4].

Порабощенные, угнетенные и обнищавшие народные массы Римской державы сначала, во II—I вв. до н. э., искали выхода из положения посредством открытой борьбы, посредством восстаний. Но поражение всех этих восстаний показало, что всякое сопротивление римской власти безнадежно. Поэтому и в низах римского общества, как и в его верхах, возникло то же стремление найти выход в области религии, в ожидании «небесного избавителя» от земных бед и печалей.

Это стремление проявилось с особой силой в измученной Иудее, где в I в. страстно уповали на чудесное избавление, которое придет от «царя иудейского» — Мессии, посланного иудейским богом, а также в Малой Азии, где было много иудейских колоний. Да и среди коренного населения Малой Азии были также распространены культы своих богов-спасителей или искупителей. Так был широко распространен культ Гермеса, «трижды величайшего», древнего греческого бога скотоводства и земледелия, который якобы должен явиться вновь и спасти своих погибающих поклонников. Был популярен и культ фригийского бога Сабассия, аналогичного греческому Дионису, также древнего земледельческого бога, который теперь стал почитаться как спаситель. В восточных частях Римской империи появилось множество фанатиков-«пророков», привлекавших проповедью о грядущем «спасителе» многочисленных сторонников и основывавших свои секты. Одна такая иудейская секта и стала зародышем христианства.

У нас нет точных исторических или документальных данных, на основании которых можно было бы с достоверностью выяснить, когда была основана иудейская секта христиан, кто были ее основа-

[1] Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607—608.
[2] Там же, стр. 608.
[3] Там же, стр. 610.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 66.

телями, и каково было их учение. Самое раннее произведение христианской литературы — «Откровение Иоанна». Дата написания этой книги определяется точно: 68—69 гг. н. э. Автором ее был один из проповедников пришествия Мессии (по-гречески — «Христа»), некий Иоанн, сосланный за свою проповедь на остров Патмос. Он обращается к семи малоазиатским общинам, ожидающим явления Христа, но называет членов общин еще не христианами, а иудеями.

В своей книге Иоанн в страстном тоне повествует о своих видениях, в которых ему было якобы раскрыто, как произойдет «светопреставление» и как Христос произведет свой «страшный суд» над миром. Казнь постигнет прежде всего «великую блудницу — Вавилон», которая сидит на голове зверя с семью головами и ведет войну со «святыми», т. е. верующими; под блудницей разумеется Рим, под семью головами зверя — императоры. Но явится Христос со 144 тыс. праведников, низвергнет «зверя» и всех его приспешников в геенну огненную, создаст новое небо и новую землю и построит новый Иерусалим. Тогда воскреснут к вечной жизни все праведники и наступит блаженное царство Христа, которому не будет конца. В «Откровении» Иоанна звучат еще боевые ноты, пафос еще не остывшей борьбы.

О жизни, проповеди, смерти и воскресении Христа (т. е. Мессии, обещанного пророками) рассказывают совсем в ином тоне т р и п е р в ы х е в а н г е л и я. Евангелие — греческое слово, означает «добрая весть». Авторы первых трех евангелий неизвестны. Но эти евангелия появились в начале II в. на греческом языке, когда христианство получило уже широкое распространение не только среди иудеев, но и среди других народов Римской империи. Учение Христа эти евангелия передают по-разному. Так, в двух первых евангелиях («от Матфея» и «от Марка») Христос под именем Иисуса выступает как чудотворец, спаситель, друг «тружеников и угнетенных»; он осуждает богачей, фарисеев и книжников и предвещает им гибель. В третьем евангелии («от Луки») он выступает уже с примиренческой проповедью.

О жизни Иисуса евангелия повествуют, что он, будто бы обещанный пророками Мессия, родился во времена Августа в семье галилейского плотника Иосифа из Назарета от жены этого плотника «девы Марии» и «духа святого». Тридцать лет он жил незамеченным среди людей, а потом выступил со своей проповедью и чудесами. Он исцелял одним словом людей, воскрешал мертвых, собирал вокруг себя толпы «труждающихся и обремененных» и учил их кротости и незлобию; вокруг него составилась постоянная группа его учеников. В кругах жречества, книжников и представителей римской власти его считали бунтовщиком, «царем иудейским», и иудейский синедрион присудил его к казни на кресте. Тогдашний римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат утвердил приговор синедриона. Иисус был распят, но через три дня воскрес, и, таким образом, первый из людей победил смерть. Он явился ученикам, вознесся затем на небо и при этом обещал скоро вновь сойти на землю для суда над живыми и мертвыми и для установления вечного мессианического царства.

Эта евангельская традиция является несомненным мифом, так как, во-первых, в ней преобладают явные мифические элементы, и, во-вторых, в исторических источниках того времени нет ни одного достоверного упоминания об Иисусе из Назарета. Поэтому Иисуса

нельзя считать исторической личностью, и есть все основания утверждать, что христианство было основано многими проповедниками сначала в Иудее, а потом в иудейских колониях Малой Азии в форме весьма пестрых общин христиан, т. е. мессианистов, ожидающих скорого явления Христа — Мессии.

Евангелие, т. е. добрая весть о скором новом пришествии Христа и наступлении его блаженного царства, разносилось на греческом языке множеством переселенцев, беженцев, странствующих торговцев и проповедников, «апостолов» (т. е. посланников), по разбросанным повсюду иудейским общинам и синагогам. Ее с радостью воспринимали также разные «удрученные» и «обремененные» и из других народов — рабы, вольноотпущенники, городские бедняки и в особенности женщины. Движение быстро теряло характер еврейского сектантства, стало общим движением всех угнетенных, бедняков и рабов.

В числе апостолов на первое место выдвинулся Павел, иудей из Тарса в Малой Азии, переменивший свое иудейское имя Савл на римское. Это был ученый иудей, прошедший строгую книжническую школу, но знакомый и с греческой философией. Он вел проповедь христианства (до нас дошло его восемь посланий), как он утверждает, «среди народов», и в основанных им общинах, по его выражению, не было «ни эллина, ни иудея». Им были основаны общины в Малой Азии, на Балканском полуострове вплоть до Иллирии; повидимому, он же основал общину и в Риме. Члены общин жили ожиданием «успокоения» в будущем царстве, и главная их забота заключалась в том, чтобы облегчить бремя здешней жизни и дожить до желанного пришествия Христа. Общины были организованы на началах взаимопомощи: члены их жили, как на бивуаке, в ожидании скорого «светопреставления», имели все общее, собирались за общим столом. Во главе общин стояли либо их основатели-апостолы, либо назначенные апостолами «пресвитеры» (т. е. старейшины); их помощниками были «диаконы»; пресвитерами могли быть и самые бедные из свободных, и рабы. Богатым не доверяли, говорили, что «легче верблюду (т. е. корабельному канату) пройти чрез игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное». Поэтому в общины принимали богатых лишь при условии, чтобы они добровольно роздали свое имущество бедным.

Обрядность общин заключалась главным образом в проведении общих экстатических собраний. На собраниях читались послания и евангелия, затем кто-нибудь из присутствующих, придя в состояние экстаза («благодати», «харизмы»), выкрикивал разные поучительные слова или предсказания; затем принимали новых членов путем омовения их от всяких прежних грехов (крещения), и все заканчивалось общей трапезой, в складчину, из хлеба и вина. Эта трапеза была важнейшим мистическим обрядом. По учению Павла, этот обряд соединяет верующих с Христом.

Таким образом, эта новая христианская религия уже с самого начала звала к пассивности. Она создалась в результате того, что обнаружилось «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами...», которое «...неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь...»[1], и является опиумом народа.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

Такой пассивный характер ранних общин неизбежно должен был привести к перерождению христианства из религии трудящихся, угнетенных, нищих и рабов в обычную религию всякого классового общества, в орудие классового угнетения, опору господствующих классов. Шло время, а «Христос» все не приходил. В связи с этим мессианические ожидания стали ослабевать. В то же время стал изменяться и социальный состав общин. Растущая политическая апатия и безысходная тоска все более и более толкала состоятельных людей к сближению с этим религиозным движением бедноты и социальных низов: в нем стали видеть даже спасение, как бы предохранительный клапан от растущего озлобления, охватывавшего низовые народные слои. Рядом с бедняками появились в общинах богатые, которые добивались первого места и оттирали бедняков на задний план. Начались щедрые пожертвования; иные знатные становились даже патронами целых христианских общин (например, известная патрицианская семья Метеллов или фаворитка императора Коммода Марция).

В течение II в. этот процесс все более и более усиливался, и к концу II в. как состав, так и характер и организация христианских общин коренным образом изменились. Многие общины стали владеть значительными землями, доходными домами, драгоценностями и денежными суммами. Быть пресвитером такой общины становилось выгодным делом, и, пользуясь легковерием простых, доверчивых людей, на эту должность стали проникать даже разные проходимцы и авантюристы (см. Лукиан Самосатский, Жизнь Перегрина). В проповедях зазвучали новые мотивы — о необходимости рабам повиноваться своим господам, о том, что всякая власть идет от бога. Появились и более высокие должностные лица — «епископы» — наблюдатели за делами общин целых районов, прилегавших к областному городу (метрополия), который и становился резиденцией этого высшего христианского начальства.

Особо большим авторитетом стали пользоваться епископы первоклассных восточных городов — Александрии и Антиохии, а позднее и Рима. Без их одобрения (рукоположения) уже нельзя было выполнять свои обязанности выборным служителям общин («клирикам»), совершать крещения, вести молитвенные собрания верующих, организовывать общие трапезы и разрешать участие в них. Обрядов стало значительно больше; их заимствовали из других религий, восточных и древней греческой, сильно развилось и усложнилось само вероучение. Крещение и причащение обратились в «таинства», подобные практиковавшимся при культе Кибелы и Адониса; митраизм дал основу для учения о рождении Христа в пещере близ города Вифлеема. Учение стоиков, в особенности Сенеки, которого Энгельс назвал «дядей христианства», позволило разработать систему христианской морали, покоящейся на тех же, что и у стоиков, принципах кротости, терпения, милосердия. Еврейский раввин из Александрии, Филон, по выражению Энгельса, «отец христианства» (жил еще в начале I в.), умело соединявший иудаизм с греческой философией, был вдохновителем возникшего во II в. христианского учения о «слове» (логосе), об ангелах как посредниках между богом и людьми, о «нечистой силе» и т. д. Учение о логосе было положено в основу четвертого евангелия, автор которого был хорошо знаком с греческой философией; оно начиналось с весьма хитрых

выражений, совершенно непонятных для простого человека: «Вначале было слово [логос] и слово было у бога и слово был бог» (Иоанн, I, 1).

Епископы стали собираться на съезды — синоды — и авторитетно устанавливать, какие положения и учения признать общеобязательными, какие осудить и отвергнуть. Так из обширной ранней христианской литературы признаны были «каноническими», т. е. правильными (от греческого слова «канон», что значит правило, норма), лишь 4 указанных выше евангелия, книга «Деяний апостолов», 21 послание их и «Откровение Иоанна». Остальные произведения указано было считать «апокрифичными» (подложными), пользование ими запрещено и вообще всякие отклонения от принятого «правильного учения» (ортодоксии) были объявлены вредными заблуждениями («ересями»), за которые на виновных надлежит налагать наказания — отлучать их от общения с другими верующими на их собраниях («экклесиях»), даже «предавать анафеме» (проклятию).

В результате этой деятельности епископов и синодов христианские, разрозненные прежде общины стали сливаться в единую мощную, охватывающую всю Римскую империю организацию — «церковь» (от греческого слова kyriakon, что значит «община господня»), которая стала представлять собой большую общественную силу. Но внутри этой складывавшейся церкви закипела теперь острая и ожесточенная борьба различных несогласных направлений. Многие, в особенности простые люди, не могли примириться с новым возникающим авторитарным режимом и отстаивали прежнюю широкую свободу религиозных исканий. За это их преследовали, объявляли «еретиками», отлучали от церкви.

В народных низах большой успех имела ересь монтанистов, последователей Монтана, фанатика-проповедника из Фригии в Малой Азии, которого называли «самим Параклетом» (духом святым). Монтанисты не желали признавать никакой церковной иерархии, никакого общеобязательного канона и установленного богослужения. Они стояли за прежнюю свободную проповедь любого осененного «благодатью» верующего. Большую роль в монтанизме играли пережитки оргиастического культа малоазийской «великой матери» Кибелы, жрецом которого до принятия христианства в 156 г. был и сам Монтан. Особенно широко распространился монтанизм в римской Африке, где последователем его стал очень крупный писатель конца II и начала III в. Тертуллиан (родился в Карфагене около 160 г. и был здесь пресвитером). Ему принадлежат изуверские слова: «Верю, потому что это абсурдно» (credo, quia absurdum est). В своих многочисленных сочинениях Тертуллиан осуждал науку, так как евангелия будто бы уничтожили необходимость в ней, утверждал, что идолопоклонство заключается не только в поклонении изображениям языческих богов, но и во всяком искусстве — в стремлении изображать земные вещи. Он заявлял, что надо запретить женщинам носить украшения, на улицах они должны появляться, закрыв лицо покры-

валом; он предписывал постоянно поститься, ибо и Адам впал в грех, соблазнившись яблоком, и так далее в том же изуверском тоне.

Среди образованных христиан, изучавших греческую философию, более распространено было другое еретическое направление — гностицизм (от греческого слова gnósis — знание). Гностики, среди которых встречались выдающиеся ученые, стремились объединить христианское учение с «мудростью варваров». Христианские мифы и образы они рассматривали как аллегории и обращали их в абстрактные понятия, с помощью которых пытались умозрительным путем познать, по примеру греческих философов, сущность строения мира и глубочайшие тайны мирового процесса. В общем получалась причудливая и фантастическая смесь из пифагорейства, платонизма, даже некоторых буддийских воззрений, передаваемая языком христианских терминов. Гностики даже пытались вступать в таинственное общение с «нездешними силами», применяя для этого приемы магии и вызывания духов, почему один из их вождей Марк даже получил прозвище «волхва». В этом отношении они были предшественниками средневековых «чернокнижников» и «алхимиков».

Ко всему христианству, как церковному, так и его еретическим ответвлениям, с глубоким недоверием относились как значительная часть языческого населения, в особенности средние слои горожан и почти весь сельский люд, так и должностные лица Римской империи. В городах не раз устраивали избиения христиан и погромы их молитвенных домов, так как христианам приписывались все стихийные бедствия — засухи, наводнения, неурожаи и пр. Сохранился ряд литературных произведений (например, Цельс «Правдивое слово» и Лукиан «О кончине Перегрина»), в которых христианство подвергается острой критике как самое дикое суеверие [1]. Цельс, например, так высмеивает христианское учение о «светопреставлении» и страшном суде: «Нелепо с их стороны думать, что когда бог, как повар, разведет огонь (в день страшного суда), то все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти, — воистину надежда червей!.. Этот ваш догмат даже христиане не все разделяют, некоторые (гностики) вскрывают гнусность, отвратительность и вместе с тем невозможность этого». На жителей сельских округов — «пагов» (pagi) — и христиане даже смотрели, как на своих главных врагов, и отсюда и произошло слово «поганые» (pagani), обозначавшее язычников вообще. Императоры и их правительства видели в христианах дурных подданных, уклоняющихся от служб и повинностей, не желающих оказывать должного почтения персоне государей, отрицающих их божественность, не участвующих в их культе. Уже Траян в своей переписке с Плинием приказывал под-

[1] См. А. Б. Р а н о в и ч, Античные критики христианства, М. 1935.

вергать смертной казни тех из христиан, которые будут демонстративно отказываться от жертвоприношений перед изображениями императора, хотя и запрещал специальные преследования и розыски. Гонения на таких особенно активных сторонников новой веры были даже при Марке Аврелии. Такие преследования во II в. были, однако, кратковременными, и в общем римское правительство этого «просвещенного века» держалось позиции веротерпимости. Христианское движение в условиях прогрессирующего разложения рабовладельческого мира, неукоснительно росло, и уже к концу II в. стало представлять собой очень большую общественную силу, способствовавшую крушению всего античного мировоззрения.

ГЛАВА LXIV

КРИЗИС III в. И ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.

§ 1. Династия Северов (193—235). Кризис III в. На почве усиливающегося разложения рабовладельческого хозяйства, растущего сепаратизма провинций, общего культурного упадка и увеличивающейся опасности прорыва границ «варварами» все более болезненно стало сказываться с начала III в. растущее бессилие центральной власти. Убийство Коммода (31 декабря 192 г.) было началом целого периода дворцовых и военных переворотов, которые повели вскоре к полному расстройству центрального правительственного аппарата Римской империи. Новая опасная военная обстановка, создавшаяся в последней трети II в. (в особенности парфянская и маркоманская войны Марка Аврелия), чрезвычайно усилила значение военных элементов и вновь раскрыла им их ведущую роль в Римском государстве. Пренебрегая всякими принципами династической преемственности, отдельные римские армии стали по собственному произволу ставить и свергать императоров, а через них распоряжаться и всем направлением римской политики. Римский императорский престол стал игрушкой расходившейся военной стихии.

Начали, как всегда, наиболее избалованные и распущенные преторианские части. После убийства Коммода в 193 г. на протяжении всего 6 месяцев они провозгласили и убили одного за другим двух императоров — П. Гельвия Пертинакса и М. Дидия Юлиана. Оба были заслуженные военные, опытные администраторы, но императорский сан получили лишь благодаря открытому подкупу гвардейских солдат: Гельвий Пертинакс пообещал им «донативу» по 3 тыс. денариев каждому, а Дидий Юлиан — даже вдвое более, по 6250 денариев. «Как на рынке или в лавке, продавались с аукциона и столица и вся Римская держава», — пишет Дион Кассий (73, 11).

Завидуя успеху и добыче своих столичных товарищей, провозглашать императорами своих командиров стали и войска, расположенные в провинциях: сирийская армия — Г. Песценния Нигера,

британская — Д. Клодия Альбина, дунайские и рейнские легионы — легата Паннонии Л. Септимия Севера. Дунайская армия успела раньше своей сирийской соперницы захватить Рим, и Септимий Север стал императором и основателем новой династии Северов (193—235 гг.).

Септимий Север (193—211) был энергичный военачальник и талантливый администратор. С беспощадной суровостью он расправился со всеми своими врагами и конкурентами и умел держать в повиновении буйные массы солдат, частью мерами строгой дисциплины, частью всякими поблажками. Он немедленно расформировал своевольные и развращенные столичной обстановкой преторианские когорты и составил себе новую гвардию из наиболее отличившихся боевых частей провинциальных армий. Любому рядовому теперь открыт был доступ к офицерским чинам независимо от его происхождения, и многие провинциалы стали достигать высоких военных назначений. Септимий Север разрешил солдатские браки, позволил солдатам обзаводиться участками земли и жить по домам с своими семьями, являясь в казармы лишь на военные занятия. «Одаряйте солдат, — учил он своих сыновей, — остальным можете пренебрегать».

Выходец из богатой семьи в бывшем карфагенском городе Лептис Магна, горячий поклонник Ганнибала, женатый на сирийке Юлии Домне, дочери великого жреца сирийского бога Ваала, Септимий Север был совершенно чужим для Рима человеком, презирал римские традиции и нравы, грубо обращался с сенатом и держал себя в Риме как типичный восточный автократор. Однако он был выдающимся полководцем, и ему многое прощали за успехи его внешней политики. Он совершил удачный поход на парфян (в третий раз римлянами были взяты обе парфянские столицы — Селевкия и Ктесифон), значительно расширил римские владения за Евфратом и умер во время своего похода в Британию.

Но солдатские бунты лишь на время затихли при суровом Септимии Севере. Во времена правления его преемников недовольство солдатских масс вспыхнуло с новой силой. Сын его Марк Аврелий Антонин, по прозвищу Каракалла (211—217 гг.), был, по выражению Моммзена, «карикатурой на своего отца»: карликового роста, болезненный, распутный и жестокий, он страдал манией величия и мечтал стать вторым Александром Македонским. На глазах собственной матери он убил своего брата Гету, который был вначале его соправителем. В Риме и Александрии он перебил до 30 тыс. жителей за насмешки над ним за эту «победу». Каракалла предпринял сумасбродный поход на восток, желая покорить не только Индию, но и Китай и тем превзойти самого Александра. Однако в самом начале этого похода, недалеко от Карр, Каракалла был убит одним из офицеров своей свиты.

Внутренними делами, в сотрудничестве с лучшими правоведами того времени (например, знаменитым юристом Эмилием Папинианом), ведала мать Каракаллы, умная и властная Юлия Домна. Этим

и следует объяснить странный факт, что на время этого преступнейшего из римских императоров приходится знаменитый акт — «эдикт Каракаллы» 212 г. о предоставлении прав римского гражданства жителям всех римских провинций. «Я жалую всем перегринам ойкумены (т. е. не римлянам, живущим на территории империи), за исключением дедитициев, права римского гражданства, все установленные виды муниципального строя», — торжественно провозглашает эта «Конституция Антонина». Повидимому, под неопределенной категорией «дедитициев» понималось сельское, еще мало романизованное население провинций, обложенное поголовной податью, так что декрет распространялся преимущественно на горожан. Предоставляя им права муниципальной организации, римское правительство стремилось найти в них опору против непомерно растущего значения военных элементов.

Однако обуздать своеволие войск уже было невозможно. Сирийская армия провозгласила императором убийцу Каракаллы — М а к р и н а (217—218 гг.), но очень скоро сестре Юлии Домны, Юлии Мезе, удалось подкупить часть тех же сирийских легионов, и они провозгласили императором ее внука — 14-летнего Вария Авита Бассиана, которого выдавали за внебрачного сына Каракаллы. Суеверным солдатам особенно импонировало то, что этот красивый мальчик был верховным жрецом великого сирийского бога солнца Эл-Габала (Ваала), почему его и прозвали Э л а г а б а л о м. После непродолжительной междоусобной войны сторонники Макрина изменили ему и убили своего ставленника, а Элагабал в пышных раззолоченных ризах восточного жреца с великим торжеством совершил свой въезд в Рим в сопровождении «священного черного камня из эмесского храма» и других восточных святынь. Ленивый и развращенный юноша занимался лишь жертвоприношениями своему «великому богу». Всеми делами ведали его бабка Юлия Меза и его мать Юлия Соемия (они назывались «августами» и «матерями лагерей и сената»), управлявшие с помощью своих фаворитов.

В 222 г. преторианские солдаты убили, наконец, и Элагабала вместе с его матерью Юлией Соемией и бросили их тела в Тибр. Но уцелевшей Юлии Мезе, которая и сама причастна была к заговору, удалось заставить их провозгласить императором другого своего внука, которого она также выдала за «незаконного сына» Каракаллы, 12-летнего Алексиана. Последний стал править под именем М. Аврелия Севера Александра, или, как его обычно называют — А л е к с а н д р а С е в е р а (222—235 гг.).

Правление детей и придворных дам, таким образом, продолжалось, но в несколько более пристойной форме. Александр Север и его мать Юлия Маммея стремились сблизиться с сенатом, привлекали к правлению лучших законоведов (например, знаменитого юриста Ульпиана, который был назначен префектом претория). Последние заботились о правильном функционировании судов, о налаженности работы администрации, о состоянии финансов.

Но все это делалось недостаточно энергично, бесконечные придворные интриги мешали работе ответственных лиц, общее положение было слишком расшатано безумствами предшествующих правительств и все более мощными проявлениями непреодолимо надвигающегося хозяйственного и социального кризиса. Во многих провинциях начинались восстания, на военных окраинах появлялись разные узурпаторы, объявлявшие себя «императорами» и увлекавшие за собой отдельные войсковые части. В самом Риме преторианцы подняли грандиозный бунт и убили своего начальника Ульпиана.

Внешняя политика поэтому шла неудачно. На востоке на развалинах Парфянского царства возникло новое мощное персидское государство Сассанидов, стремившееся возродить в полном объеме древнюю персидскую монархию Ахеменидов — Дария и Ксеркса. Поход на восток, ставший необходимым, когда персы захватили римскую Месопотамию и Каппадокию, возглавлявшийся самим Александром Севером, оказался неудачным (231—233 гг.). Когда же Александр, более склонный к мирным занятиям книгами (он напоминал в этом отношении Марка Аврелия), прибыл с неизменно его сопровождавшей матерью на Рейн и весьма неуверенно и неумело начал поход на германцев, возмутившиеся солдаты убили его вместе с Юлией Маммеей в их палатках и провозгласили императором «начальника новобранцев» Максимина, фракийца по происхождению, человека гигантского роста и силача, выслужившегося из простых солдат и очень среди них популярного (235 г.).

С этого времени в Римском государстве началась н е б ы в а л а я с м у т а, продолжавшаяся более 30 лет (235—268 гг.), когда императоров ставили и затем убивали почти непрерывно.

Максимин, которого его биограф называет «вторым Афинионом и Спартаком» и который, по его словам, систематически истреблял всех богатых и знатных, чтобы из их имущества награждать своих солдат, в Рим даже не появился и вел все время отчаянную борьбу на севере с германцами, язигами и даками. Раздраженная знать уже в 238 г. выдвинула против него в течение одного года четырех своих императоров-сенаторов: Гордиана I и Гордиана II в Африке и Бальбина и Пупиена в самом Риме. Но все они в течение нескольких месяцев были перебиты солдатами, а римские преторианцы, недовольные «деревенщиной» Максимином (он когда-то был простым пастухом), провозгласили в Риме своего императора, тоже из знати, 13-летнего внука Гордиана I, Гордиана III. Период таких военных переворотов продолжался целых 15 лет. Максимин был вскоре убит своими солдатами, а Гордиан III продержался 5 лет (238—244 гг.), так как за него умело правили его родственники. Он был убит во время похода на персов своим префектом претория Филиппом, арабом по происхождению, который, став императором, через четыре года правления (244—249 гг.) был в свою очередь разбит и затем убит восставшим против него Децием, одним из своих полководцев. Император Деций через два года погиб в бою с готами благодаря измене одного из подчиненных ему военачальников Требониана Галла. Последний был императором два года и погиб в бою с своим соперником Эмилианом, наместником Мезии, с своими войсками вторгшимся в Италию и захватившим Рим. Однако его же солдаты убили Эмилиана на третий месяц его императорской власти (253 г.), когда в Италию вступила еще третья армия — рейнская с своим кандидатом — Валерианом.

Пятнадцатилетие с 253 по 268 г. было самым страшным временем в истории Римской империи — временем ее полного распада. Правда, в Риме в это время номинально правили два императора, тоже провозглашенные войсками: Валериан (он в 260 г. попал в плен к персам) и его сын Галлиен. Но не было провинции, в которой бы за это время не появилось своего императора, так что период этот еще древние историки называли временем 30 тиранов. На Западе образовалась целая особая «Галльская империя», в которую вошли все западные провинции — Германия, Галлия, Британия и Испания. «Императором» ее был в течение 10 лет римский военачальник Постум, имевший свою армию, своих консулов, легатов, свою особую администрацию, свою монету и совершенно игнорировавший центральное римское правительство. Сирия, Малая Азия и Египет тоже отделились, образовав целое новое царство, во главе которого стоял князь Пальмиры Септимий Оденат, именовавший себя «автократором», т. е. самодержцем и «вождем Востока». После его смерти в 267 г. правительницей этого обширного царства стала его вдова Зеновия. В дунайских провинциях тоже один за другим появлялись претенденты, и во время борьбы с одним из них, Авреолом, начавшим поход на Италию и дошедшим уже до Милана, сам Галлиен был убит своими офицерами.

Паралич центральной власти и постоянный отвод войск из пограничных районов претендентами и узурпаторами, чтобы использовать их в своих междоусобных войнах, сделали катастрофическим внешнее положение Римского государства. Римские границы повсеместно были прорваны, и орды варваров неудержимыми потоками отовсюду устремились в старинные культурные районы Средиземноморья. Воинственные франки, вооруженные громадными секирами, разгромили укрепления римского лимеса на Нижнем и Среднем Рейне и ворвались в центральные части Галлии. Аламаны, другое германское племя, захватили Рецию и Альпийские перевалы, вторглись в Северную Италию и в 261 г. дошли до Милана. Временно оттесненные отсюда Галлиеном, они повторили нашествие в 270-х годах; на этот раз они проникли в Среднюю Италию, так что под угрозой оказался и сам Рим.

На Нижнем Дунае положение было еще опаснее. Здесь образовался обширный конгломерат различных племен — сарматских, фракийских, возможно, и праславянских. Во главе их находились передвинувшиеся с Балтийского моря готы, почему и все это объединение современники называли «готами». С 230 г. готы начали систематический разгром всего Черноморья — захватили Истрию и Тиру, разрушили Ольвию, в 250-х годах овладели Боспорским царством и Крымом. На своих лодках-однодеревках, а также на захваченных в боспорских и других городах греческих и римских кораблях, они выходили из устьев Днепра, Буга и Дуная в море (иногда таких судов собиралось до двух тысяч), громили

богатые города Вифинии и Пафлагонии (Трапезунд), проникали через Геллеспонт в Эгейское море, к старинным центрам греческой культуры — к Эфесу и даже Афинам. Громадные сокровища скопили их князья во время этих грабительских походов, положив тем начало вычурному, так называемому «готскому» стилю: даже сбруя их коней была усеяна причудливыми золотыми бляхами, украшенными гранатами, бирюзой и пестрой эмалью.

На Евфрате постоянные нападения делали персы. В 260 г. царь новоперсидского царства Шапор (столицей его опять стал древний персидский город Персеполь) разгромил всю армию римского императора Валериана. Сам император попал в плен: его долго возили в свите Шапора, заставляя подставлять спину, когда Шапор садился на своего коня, а его офицеров и солдат погнали копать каналы на реке Тигре. Богатейший город Сирии, ее столица Антиохия, была взята и разграблена персидскими воинами.

Так как в связи с постоянными междоусобными войнами, набегами и погромами варваров, голодовками и частыми эпидемиями империя обезлюдела и оскудела собственными военными силами, для обороны границ от варваров стали нанимать других варваров, зачисляя их целыми племенами в римскую армию. Это, как исключение, практиковалось уже со времени Августа, шире стало применяться во II в., особенно при Марке Аврелии, и наконец обратилось в настоящую систему в грозные годы, наступившие после смерти Александра Севера. Эти так называемые «федераты» (т. е. договорники) получали наделы земли под условием являться в нужное время на военную службу и подготовлять к ней и своих сыновей. Другой вид таких же военных поселенцев, в особенности в пограничной зоне, носил название «летов» (laeti). Таким путем варвары стали и по соглашению с римским правительством массами проникать на римскую территорию, даже в коренные италийские области, способствуя их варваризации.

Вместе с тем тяжелый хозяйственный кризис охватил все провинции. Погибали от варварских вторжений и всяких военных операций многолетние запасы продовольствия, часто нельзя было во-время засеять поля или убрать урожай. Узурпаторы, захватив какую-либо область, немедленно прекращали вывоз из нее, чтобы лучше кормить и снабжать своих солдат. Грабительские морские походы готов и постоянные вторжения персов перерезали все основные торговые пути между главными индустриальными и торговыми центрами Востока. Города пустели вследствие массового ухода населения на землю, обращались в военные убежища и крепости, спешно обносились стенами: за недостатком строительного материала стены эти возводились из разрушенных построек, общественных зданий, из кладбищенских плит и других, иногда весьма ценных в художественном отношении памятников. Замирала интенсивная прежде жизнь муниципиев, в связи с общим разорением прекратились пожертвования на общественные нужды, рос местный налоговый гнет; необыкновенно обременительна, хлопотлива и непопулярна становилась деятельность декурионов и других муниципальных

властей, все старались уклониться от несения общественных обязанностей. Несмотря на громадное увеличение государственных налогов, государственная казна была пуста. Часто налоговые суммы нельзя было ни собрать, ни доставить по назначению. Государство жило преимущественно на средства, получаемые путем массовой эмиссии монеты, причем за недостатком драгоценного металла принуждено было все более и более ее портить и обесценивать. Уже при Каракалле «золотой» (aureus) стали чеканить на 17% легче прежнего, и прежний, полноценный, немедленно исчез из обращения, припрятанный населением. Тогда же введена была и новая серебряная монета — «антониан», — как $^1/_{20}$ часть «золотого», но имевшая серебра только 50% нормы. Дальше пошло еще хуже: серебряную монету стали чеканить из меди, только слегка серебря ее сверху (5%, а затем только 2% серебра). Население стало монету принимать лишь по весу, притом предпочитая мелкую медную, как менее испорченную, а то и переходя на простой примитивный обмен вещи на вещь. Товарное и денежное хозяйство приходило в полный упадок и заменялось примитивным — натуральным, домашним.

В связи с невыносимыми тяготами жизни начались мощные движения народных низов. В 238 г. в Африке происходило большое восстание колонов, которое использовали крупные землевладельцы, чтобы острие его направить против ненавистного им солдатского императора Максимина и поддержать их кандидата на императорский трон Гордиана I. Движение было жестоко подавлено оставшимся верным Максимину легионом, квартировавшим в этой провинции. В Египте широко разрослось движение пастухов («буколов»), вспыхнувшее еще при Марке Аврелии и с тех пор все более расширявшееся. К буколам, в их недоступные селения, спрятанные в камышах и болотах дельты Нила, бежали все обездоленные люди Египта и, собравшись там в организованные отряды, делали постоянные вылазки на административные центры и римские гарнизоны. С движением буколов римское правительство не могло справиться в течение всего III в.

В Галлии уже с конца II в. происходили непрерывные волнения колонов, городской бедноты и беглых солдат. «Эти злодеи, — пишет историк III в. Геродиан, — нападали на большие города, разбивали тюрьмы, освобождали от оков всех заключенных в них по какой-либо вине, обещали им безопасность и вовлекали в свой союз». Уже Септимию Северу приходилось упорно бороться с такими «разбойниками», во главе которых одно время стоял смелый и опытный организатор солдат-дезертир Матерн. В период политической анархии III в. количество таких «разбойников и мятежников» страшно увеличилось, и к 270-м годам в Галлии вспыхнула настоящая крестьянская война, известная под названием движения багаудов (борцов). Восставшие крестьяне, колоны и сельские рабы (rusticani homines agrestes) сперва

действовали отдельными мелкими отрядами, затем, в 280-х годах, образовались более крупные объединения. Появились общепризнанные вожди Элиан и Аманд, которые называли себя «императорами», чеканили свою монету и пр. Большинство крупных имений было захвачено, повстанцы поделили между собой их земли, скот и инвентарь. Вся сельская Галлия была в руках восставших: «Пахарь превратился в пехотинца, пастух во всадника», — жалуется один древний писатель (М а м е р т и н). Держались за своими стенами лишь крупные города, куда укрылось все богатое население. Восставшие крестьяне не могли ими завладеть из-за отсутствия у них соответствующей военной техники. Однако повстанцам удалось в 270 г. после семимесячной осады взять город Августодун (Отен), столицу эдуев, так как на их сторону перешла часть армии галльского «императора» Тетрика. Богатые и знатные люди были перебиты, имущество их конфисковано, дома разрушены и весь город обращен в груду развалин.

Одновременно повсеместно п о д н и м а л и с ь р а б ы и присоединялись к любому повстанческому движению. Еще в правление Септимия Севера долгое время по всей Италии действовала шайка разбойника Булла, состоявшая из 600 человек, преимущественно из «императорских слуг» (рабов), получавших самое жалкое содержание, а то и не получавших никакого. Разбойники были неуловимы и везде имели связи. О них рассказывали легенды, как о народных заступниках. Рабы принимали широкое участие и в восстании колонов в Африке, и в движениях буколов в Египте и багаудов в Галлии. В 260-х годах, по словам биографа императора Галлиена, в Сицилии происходила «как бы рабская война». Наконец, рабы вместе с колонами и другими угнетенными слоями римского населения приветствовали вторгавшихся варваров, видя в них избавителей от страшного гнета богатых владельцев и государственных чиновников-хищников. Крестьяне-горцы показывали аламанам тропы через Альпы, рабы массами уходили с ними при их отступлении из Италии. Когда готы в числе всего 15 тыс. воинов под предводительством своего знаменитого вождя Книвы устроили из-за Дуная сухопутный набег на Балканский полуостров, крестьяне и рабы, составив добровольно и конные и пешие дружины, в таком количестве присоединились к ним, что им удалось взять один из крупнейших городов Македонии — Филиппополь. А когда император Деций попытался догнать их при отходе обратно за Дунай и отнять их добычу, готы наголову разбили римскую армию в Добрудже. В бою погиб и сам император Деций вместе со своим старшим сыном и соправителем Гереннием Этруском (июнь 251 г.).

Таким образом, кризис III в. привел к новому подъему революционного движения в Римском рабовладельческом государстве, тем более сильному, что, в противоположность первому периоду этого движения во II в. до н. э., и само Римское государство уже находилось в состоянии глубокого разложения. Революционные

силы — рабы, крестьяне и варвары — действовали на этот раз в полной гармонии и контакте между собой. Теперь окончательное крушение античного рабовладельческого строя становилось уже только вопросом времени.

§ 2. Последние попытки восстановления рабовладельческой империи. Доминат Диоклетиана и Константина. Однако господствующие круги рабовладельческого общества еще оказались способны на последнее усилие, чтобы приостановить полный распад империи. В бурные годы кризиса III века особенно пострадали города, кроме переживаемых экономических затруднений, подвергавшиеся еще постоянным разграблениям; погибло также большинство маломощных мелких и средних хозяйств. Напротив, латифундии знати, благодаря богатству их владельцев, не только быстро оправлялись, но и расширились еще более в своих размерах за счет исчезавших мелких владений. К тому же количество крупных имений значительно увеличилось, так как возникло множество новых поместий удачливых военных командиров: очень многие из них сумели использовать тяжелые времена императорских междоусобий и военных авантюр для личного обогащения, пополняя тем и усиливая слой крупных землевладельцев. В связь с этим и следует поставить то обстоятельство, что в течение 17 лет после смерти Галлиена командный состав армии, преимущественно дунайских ее подразделений, наиболее активно участвовавших в междоусобной борьбе, а потому и наиболее обогатившихся, вместе с тем и приобревших большой опыт в войнах с «варварами», смог выделить из своей среды на императорский пост ряд крупных военных и административных талантов, сумевших временно спасти положение.

Общее было в них то, что почти все они вышли из простых военных колонистов Иллирии, отчего их и принято называть иллирийскими императорами. Все они личными усилиями и способностями достигли высших рангов в военной иерархии, обзавелись большими землями и правили поэтому в полном контакте и согласии с землевладельческими верхами Италии и провинций. В интересах этих общественных верхов они беспощадно и безжалостно напрягали силы своих подчиненных: например, в краткие периоды военных передышек не стеснялись отправлять целые военные отряды на срочные работы в имения крупных землевладельцев. Эти императоры-иллирийцы такой ценой страшного напряжения народного труда достигли и некоторой общей консолидации хозяйственной жизни и частично внутренней и внешней стабилизации. Правили все они непродолжительно. Их обычно убивали их же солдаты и младшие офицеры; так, Клавдий II Готский (это прозвище он получил за то, что первый одержал очень крупную победу над вторгшимися в Верхнюю Мезию готами) был императором всего 2 года (268—270) — единственный среди них, умерший от болезни (чумы); Аврелиан правил только 5 лет (270—275), Тацит — 1 год (275—276),

Проб — 6 лет (276—282), Кар — 1 год (282—283), его сыновья Нумериан и Карин — 2 года (283—285) — и все они умирали насильственной смертью.

Самым выдающимся из них был Аврелиан, провозглашенный императором дунайской армией и прозванный «Железная рука» за свою громадную физическую силу, необычайную энергию и непреклонную волю. Он спас Рим от нашествия аламанов, разбил готов и вандалов и отбросил все эти опасные для римлян племена за Дунай; при этом он забрал громадную добычу и множество пленных, которыми пополнил весьма сократившееся число рабов и пограничных военных поселенцев. С беспощадной суровостью Аврелиан подавлял движения рабов и колонов. Были подавлены и провинциальные мятежи, например, в Египте, разгромлена Пальмира (272 г.), а царица ее Зеновия взята вместе с сыном в плен; была покорена и отделившаяся Галлия, после того как император ее Тетрик, один из преемников Постума, из страха перед разраставшимся движением багаудов, добровольно подчинился Аврелиану. За все это Аврелиана стали именовать «восстановителем вселенной» (restitutor orbis).

Правда, это умиротворение и воссоединение было достигнуто тяжелой ценой. Пришлось оставить Дакию и перевести всех римских колонистов ее на правый берег Дуная, массами принимать на римскую службу и селить на коренных римских землях полудиких вандалов, бастарнов и других варваров, лихорадочно укреплять самый город Рим: до сих пор в нем видны мрачные остатки грандиозных стен и башен Аврелиана. Чтобы справиться с финансовыми затруднениями, выпускали такую испорченную монету, что население совсем отказывалось ее принимать. В 273 г. в Риме произошло из-за этого восстание. Его подняли рабочие и служащие монетного двора («монетарии»), а их поддержало все низовое население Рима. О силе этого денежного бунта, или «восстания монетариев», как его обычно называют, свидетельствует то, что одних солдат при подавлении его было убито до 7 тыс. Римская империя сократилась территориально, еще более обеднела, население еще более огрубело и перемешалось с варварами, но все же предотвращен был на некоторое время полный и окончательный ее распад.

Восстановительными мерами, на такой же новой основе, прославилось двадцатилетнее правление императора Диоклетиана (284—305 гг.). Тоже иллириец, из простых людей (сын вольноотпущенника), дослужившийся до высоких военных чинов, грубоватый и мало образованный, он был выбран старшими офицерами восточной армии императором после убийства императора Кара и собственноручно убил своего соперника Апера. По-солдатски прямолинейно и смело, хотя и весьма упрощенно, решал он сложнейшие вопросы администрации и реконструкции Римской империи. На первом месте для него стояла военная оборона Римской империи и соответствующая организация для этого тыла.

Поэтому в Рим он не поехал, а своей резиденцией выбрал город Никомедию на Пропонтиде (Мраморном море), весьма удобный для наблюдения за защитой наиболее угрожаемой римской границы по Дунаю и по Евфрату. На западе же он назначил себе соправителя — второго «августа» — Максимиана, своего земляка и такого же, как он сам, энергичного и дельного офицера. Столицей Максимиана выбран был город Медиолан (Милан), сторживший Альпийские проходы в Германию и Галлию и, таким образом, обеспечивавший крепкую связь с рейнским оборонительным рубежом. Каждый август получил еще по помощнику-заместителю — цезарю: Диоклетиан в лице Галерия (он должен был иметь свою штаб-квартиру в Сирмиуме, на реке Саве, близ Дуная), Максимиан — Констанция Хлора (его главной ставкой был Трир на Мозеле, притоке Рейна). Цезарей августы женили на своих дочерях и в лице их подготовляли себе преемников: было по-военному постановлено, что августы должны через двадцать лет, по достижении предельного возраста, сложить с себя власть в пользу этих своих заместителей. Так установилось «четверовластие» (тетрархия), собственно, правление четырех военачальников, с известной субординацией их в порядке старшинства высшему по чину Диоклетиану, авторитет которого при разногласиях считался имеющим решающее значение.

Такое разделение временно оказалось с точки зрения верхов римского общества весьма целесообразным. Августы вместе с цезарями в относительно короткий срок сумели круто расправиться и с многочисленными еще, продолжавшими появляться узурпаторами и с народными восстаниями. Максимиан разгромил багаудов и разрушил их главное укрепление на реке Марне в области паризиев (в 286 г.). Путем массовых казней и кровавых экзекуций он восстановил в Галлии «порядок». Констанций Хлор ликвидировал попытку начальника северного римского флота Караузия создать особую «империю» в Британии. Отражены были и вторжения германцев, язигов, карпов и персов. В связи с победой над персами удалось даже опять установить римский протекторат над Арменией и посадить в ней царем римского ставленника Тиридата III. Границы вновь были крепко заперты множеством восстановленных и еще усиленных укреплений.

Но для закрепления этих внешних и военных успехов пришлось перевернуть по-новому весь строй жизни и весь общественный быт в тылу. Чтобы как-нибудь связать вместе и заставить работать на общую пользу всю массу римских провинций, обращавшуюся уже в случайно собранный конгломерат, пришлось прибегнуть к давно испытанной при подобных же обстоятельствах на Востоке системе деспотии. Безжалостно ликвидированы были последние остатки некогда столь ценимых гражданских прав, свободы личности, муниципального самоуправления. Началось с ряда насильственных вмешательств правительственной власти в хозяйственную жизнь, с тяжелой для населения денежной

девальвации; в связи с недостатком золота (золотые рудники Дакии были потеряны) вес золотой монеты был уменьшен на целую треть: из одного римского фунта (327 *г*) стали вместо 40 чеканить 60 золотых. Серебряный денарий, страшно упавший в цене в течение III в., официально обращен в мелкую медную монетку $^1/_{42}$ его прежней стоимости, так что за новый введенный в 301 г. полновесный «серебренник» («аргентарий»=$^1/_{25}$ «золотого») приходилось давать 42 старых денария. В устойчивость новой монеты никто не верил, золото немедленно исчезло из обращения, припрятанное населением, цены быстро взлетели вверх «не в 4 или 8 раз, но так, что человеческий язык не может приискать названия для такой расценки», — как жаловался правительственный эдикт 301 г.

Это побудило правительство Диоклетиана пуститься в отчаянную и безнадежную борьбу с спекуляцией, в которой оно увидело причину этих хозяйственных явлений. Указанный эдикт 301 г. «О рыночных ценах» устанавливал смертную казнь для всех перекупщиков и повышателей цен, которых он клеймил названием «наглых преступников», «грабителей, искусившихся в увеличении своих возмутительных барышей». «Положить конец их алчности и грабежу наших провинций властно требуют общечеловеческие соображения».

В связи с этим эдикт устанавливал твердые цены на все продукты питания, текстильные, кожаные, металлические изделия, повозки и экипажи и прочие рыночные товары, а также заработную плату рабочих всех видов труда, начиная с деревенского батрака и кончая представителями наиболее квалифицированных профессий. Батраки, погонщики, водоносы, чистильщики клоак не должны получать более 25 медных денариев в день на хозяйских харчах; каменщики, плотники, столяры, кузнецы, пекари, тоже с хозяйским столом,— лишь вдвое больше, по 50 денариев; художник-живописец — 150 денариев; адвокат за написание и подачу жалобы — 250 депариев; учитель начальной школы — по 75 денариев за каждого ученика ежемесячно; преподаватель латинского и греческого языков и геометрии — 200, ритор и софист — 250 денариев и т. д. «Если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой», — такой решительной угрозой заканчивается пространное введение к этому замечательному памятнику.

Как и следовало ожидать, эдикт остался безрезультатным. Он только вызвал еще большую хозяйственную смуту и был вскоре отменен преемником Диоклетиана, Константином.

Ввиду неудач этих финансовых и экономических нововведений и общего им сопротивления, правительству Диоклетиана и его соправителей пришлось решительно повернуть на тот путь, на который уже постепенно вступали и его предшественники — натурализации поставок и системе принудительных работ на армию и казну, так как потребности их не терпели никаких отлагательств и проволочек. Основным налогом теперь стала «аннона» — налог натурой, собиравшийся с сельского населения всей территории Римской империи, включая и Италию. Для этого каждые пять лет производилась общая поголовная перепись всего населения и его имущества и

каждая «голова» (caput), безотносительно к своему социальному, но соответственно своему имущественному положению, облагалась по разверстке соответственными поборами, устанавливаемыми правительством каждые 15 лет («индикты»). Земледельцы вносили аннону по «упряжкам» (iugum): так называлась условная единица сельского имущества, 20 югеров хорошей земли или 225 виноградных лоз и т. д. Аннона уплачивалась земледельцами зерном, вином, маслом, мясом и пр., причем за полную и своевременную уплату отвечали крупные землевладельцы, на земле которых они сидели в качестве колонов. Денежные налоги вносили лишь горожане — купцы, ремесленники и городской плебс, но в государственном бюджете эти денежные сборы уже перестали играть значительную роль. Сообразно этому и содержание придворным, чиновникам, солдатам стало уплачиваться тоже натурой; так, например, области северной Италии должны были содержать весь двор сидевшего в Медиолане Максимиана. В этом отношении Римская империя стала очень похожа на древнюю Персидскую монархию или государство египетских фараонов.

Для обеспечения полноты поступления сборов и избежания перебоев в поступлении их всех жителей империи п р и к р е п и л и к и х з а н я т и я м и п р о м ы с л а м: чиновников — к службе, купцов — к их лавкам, ремесленников — к мастерским и коллегиям. Сын должен был продолжать занятие отца, как бы являясь его сменой. Даже городские магистраты — куриалы, как они стали теперь называться, — были наследственно прикреплены к своим прежде выборным должностям: они должны были не столько заведовать общественными делами города, сколько следить за исправным поступлением казенных поставок с населения, отвечая, под круговой порукой, своим имуществом за всякие недоимки. Еще крепче привязали к земле сельское население всех категорий — и вольных арендаторов, и колонов, и даже посаженных на землю рабов. Все они заносились в цензовые списки, все облагались поголовной податью в натуре («капитацией»), все вместе с семьями их утратили право схода или свода с земли; беглых, одинаково рабов или колонов, ловили, заковывали в кандалы и водворяли на прежние участки, к их владельцам. Даже на крупных землевладельцев, в особенности сенаторского звания, имевших титул «светлейших», государство возлагало обязанности по защите своего района и по наблюдению за местным населением. Они должны были укреплять свои усадьбы, так что последние обращались в настоящие замки, содержать собственные дружины, ставить рекрутов в армии из зависимых от них людей. Им предписывалось устраивать рынки в своих имениях, регулировать торговлю и наблюдать за выполнением эдикта о ценах, даже судить, выполнять полицейские функции и пр.

Весь аппарат управления этой «поздней Римской империи», как принято ее называть со времени Диоклетиана, стал напоми-

нать и даже сознательно копировать строй восточной деспотии. Государь вел себя как земное божество. Его величали «Юпитеровым сыном» и «владыкой», в обращениях к нему употребляли множественное число — «вы». Он появлялся в пышных восточных ризах первосвященника с золотым венцом на голове; к венцу были приделаны расходившиеся во все стороны золотые, как бы солнечные лучи (эту корону придумал еще Аврелиан). При его появлении полагалось падать на колени, кланяться до земли, целовать ему ноги. Его дом назывался «священными палатами», его верховный совет переименован был из «консилиума» (заседания) в «консисторию», что значит «общее стояние», так как никто не смел сидеть в присутствии его священной особы. Власть его, как и надлежит «владыке» (dominus, по-гречески despótes), была безгранична, почему эту форму монархии, вернее даже деспотии, к которой пришла Римская империя, и принято называть доминатом.

Ближайшими сотрудниками императора являлись префект претория — по военным делам, викарий (заместитель) — по гражданскому законодательству и юстиции, и ряд магистров, ведавших различными отраслями центральной администрации, в распоряжении которых имелся обширный штат чиновников и писцов. Для удобства управления вся Римская империя разделена была на 100 провинций вместо прежних 47, чтобы начальники их (они были разных рангов, сообразно величине и значению провинции, и назывались консулярами, корректорами и президами), ввиду наступивших затруднений с транспортом, порчи дорог и пр., имели более ограниченный подведомственный район. Эти более мелкие провинции объединены были в 12 «диоцезов» — административных округов более обширного характера, например, 7 италийских округов составляли 2 диоцеза, 7 галльских провинций — 2 диоцеза, 4 британских — 1 диоцез и т. д. Во главе диоцезов стояли «викарии префекта претория», непосредственно подчиненные самому префекту. Военная власть везде была отделена от гражданской и находилась в руках отдельных «командующих» (duces), причем значительная часть армии распределена была для охраны порядка по всем провинциям, а на границах оставлены были лишь особые «пограничные корпуса» (limitanei). Легионы ввиду такого дробного размещения были разукрупнены— они сведены были к составу всего в 1 тыс. солдат, почему количество их возросло до 175. Все это имело также целью взаимный контроль различных провинциальных властей и затрудняло появление узурпаторов. Повсюду разъезжали особые «агенты» — соглядатаи, подробно информировавшие центр о положениях на периферии. Эта расплодившаяся масса чиновников новой тягостью легла на плечи населения.

Оправдание себе и освящение римский доминат искал, подобно восточным деспотиям, в религии. Уже Аврелиан старался обновить и оживить древнюю языческую религию усердной пропаган-

дой культа солнца. Он заявлял, что солнце является наивысшим божеством, а император — его человеческим проявлением, его наместником на земле. Диоклетиан, с теми же целями придать императорской власти божественные санкции, всемерно покровительствовал культу Юпитера и себя именовал «юпитеровым сыном». С этим связано и предпринятое им в 302—305 гг. жестокое гонение на христиан, в которых он видел оскорбителей своего божества и подрывателей божественных основ своей власти. Христиане были изгнаны из армии, их собрания запрещены, многие молитвенные дома разрушены и книги их сожжены. Много священников и епископов было казнено, всех под угрозой пыток заставляли приносить жертвы старым богам. Особо свирепые гонения происходили в восточных провинциях, они затронули и придунайские области, Италию, Испанию. В истории христианства это преследование получило название «великого гонения», по сравнению с которым казались слабыми неоднократные преследования христиан при прежних императорах (например, Деции и Валериане в 250-х годах).

Продолжателем дела Диоклетиана по превращению Римской империи в деспотию восточного типа был внебрачный сын одного из цезарей, Констанция Хлора — К о н с т а н т и н (мать его, Елена, была простой служанкой в солдатской таверне). Он походил на Аврелиана своей громадной физической силой, солдатской грубостью, необычайной самонадеянностью и решительностью. Когда в 305 г., верный своему установлению о предельном сроке императорской службы, Диоклетиан торжественно отказался от власти и принудил сделать то же и своего соправителя Максимиана, а августами стали прежние цезари — Галерий на востоке и отец Константина, Констанций, на западе, — возникла жестокая борьба из-за назначения новых цезарей и августов.

Вновь началась долгая и кровавая военная анархия, во время которой противники с дикой жестокостью уничтожали друг друга, жен, детей и сторонников побежденных. Наконец, пережив или истребив всех других, Константин стал в 323 г. единоличным правителем всей Римской империи и, умудренный опытом 18-летних усобиц, отказался от опасной системы четверовластия (тетрархии), введенной Диоклетианом. Однако именно благодаря этому система ничем не ограниченного абсолютизма и получила теперь, в чистом единовластии Константина, свой вполне завершенный характер.

Как бы знаменуя окончательное установление этого самодержавного режима, Константин окончательно покинул Рим и в 330 г. официально объявил столицей империи древний греческий город Византий. В новую столицу переведен был сенат, она была застроена роскошными правительственными зданиями и храмами и получила имя Константинополя, т. е. города Константина. Решительно отказавшись и во всем прочем от старых традиций, Константин путем множества различных указов и постановлений

смело завершил систему всеобщего закрепощения населения и привлечения его на службу государства. Не только колонам, которых безжалостно водворяли обратно на их старые места в случае бегства, но и куриалам, ремесленникам и торговцам запрещено было покидать и свои занятия и места своего настоящего жительства. Количество чиновников еще больше увеличилось, и административный аппарат обратился в чудовищную машину всеобщего невыносимого угнетения.

Суеверный и малообразованный Константин с особым рвением искал поддержки и опоры своей власти в религии, продолжая, правда, и в этом отношении, но более смело, тенденции своих предшественников. Как ни свирепствовала усердствующая администрация Диоклетиана, а после — его преемника Галерия и одного из новых «цезарей» Максимиана Дазы, христианство оказалось неистребимо. Это была уже мощная и крепко организованная на религиозном основании общественная сила. В каждом городе были многолюдные христианские общины с своими епископами, пресвитерами, диаконами, располагавшие значительными средствами. Но уже и в чиновничестве и в армии у христиан было много защитников и приверженцев; даже при самом дворе Диоклетиана христианству сочувствовали его жена Приска и дочь Валерия; сам цезарь Констанций был близок к христианам и на подчиненной себе территории Галлии и Британии не допустил применения декретов Диоклетиана о преследовании христиан.

Константин, вероятно, под влиянием отношения к христианам своего отца, с самого начала своей правительственной деятельности пошел по этому пути и везде находил в христианах значительную поддержку в своей долгой и трудной борьбе с соперниками. Поэтому уже в 313 г., после победы над главным соперником — Максенцием (сыном Максимиана) и захвата, благодаря этому, Италии, он вместе с тогдашним союзником своим, другим августом — Лицинием, издал в Милане эдикт о предоставлении полной свободы вероисповедания и культа всем религиям, в том числе и христианской. Христианским общинам даже предоставлялось право получить с государства возмещение за разрушенные во время гонения здания, конфискованные земли и имущества. Позднее, став единодержавным правителем, Константин с особой заботливостью относился к христианской церкви, освободил ее служителей от податей и принудительных работ, а римскому епископу подарил свой Латеранский дворец. Вместе с своей матерью Еленой он заботился о постройке христианских храмов в Палестине — в Вифлееме, на Голгофе, в Иерусалиме. Не принимая официально христианства до самой своей смерти, продолжая сохранять звание верховного жреца и строя, тоже с немалым усердием, языческие храмы в своей новой столице Константинополе, Константин в то же время сделал христианскую церковь особо привилегированной и почти что государственной. Заботясь о том, чтобы сохранить в ней единство, он, будучи язы-

ником, давал указания касательно решения тех или иных церковных вопросов и, хотя и мало что понимал в них, председательствовал на большом Никейском соборе 325 г., где шли ожесточенные богословские споры о том, «равен» или «подобен» бог-сын богу-отцу, и выработан был сложнейший по содержанию «символ веры».

Христианская церковь обращалась, таким образом, в новое и очень мощное орудие государственного господства. Религиозное инакомыслие («ересь») стало жестоко преследоваться, как государственное преступление, нарушавшее установленный властью образ мысли: после Никейского собора отправлен был в ссылку и заключен в тюрьму как «смутьян» александрийский пресвитер Арий, осмелившийся в религиозных вопросах держаться иного взгляда, чем император и послушный императору собор. Когда же император «передумал», Арий был из ссылки возвращен, а на его место был сослан прежний его противник, вождь большинства соборных «отцов», епископ Афанасий. К прежним государственным видам гнета — финансового, административного, военного — присоединился, следовательно, еще новый — гнет религиозный, а для населения закрывалась последняя отдушина его свободы. Этим, можно сказать, полностью завершалась перестройка Римской империи в подобие деспотического государства восточного типа: в восточных деспотиях, по мнению Аристотеля, все являлись рабами, кроме одного царя.

§ 3. Агония Римской рабовладельческой империи и ее падение. Последние 150 лет существования Римской империи были временем ее мучительного умирания. На территории объединенного ею рабовладельческого Средиземноморья после смерти Константина (337 г.) происходил процесс дальнейшего разложения рабовладельческого способа производства, ослабления рабовладельческих слоев, все растущего революционного движения низов и вторжения варварских народов, постепенного образования в ее провинциях многочисленных инородных государств с иным господствующим классом и иным, уже не рабовладельческим строем жизни. Рабство, правда, продолжало еще долго существовать, но из основы прогресса общества оно уже давно стало главным его препятствием; рядом с ним все большее значение постепенно стали получать другие общественные отношения — крепостнические, или, как их стали позднее называть, феодальные.

Закрепощение населения империи в IV и V вв. продолжалось все нарастающим темпом. Рядом правительственных распоряжений, обычно касавшихся отдельных провинций, устанавливается постепенно для всей территории империи взгляд на колонов, как на наследственных «рабов земли» (servi terrae), а на владельцев земли, как на их естественных «господ» и «покровителей». Однако, так как на первом месте для государства стояли многочисленные натуральные подати земледельцев, в особенности «поголовщина», а также разные государственные трудовые повинности («фискалии») — по постройке дорог, ямская, по обслужи-

ванию государственных заводов и пр., то правительство преследовало не только побеги колонов, но и сгон их с земли ее владельцами. Колоны рассматривались как цензовые люди, «приписанные к земле» (glebae adscripti), рабы земли, но не ее хозяев: нельзя было ни их продавать без земли, ни землю продавать или отчуждать каким-либо образом без них. Государство даже регулировало оброки колонов, уплачивавшиеся владельцам (обычно около $^1/_3$ урожая), чтобы колон не обессилел окончательно и не обратился в неисправного плательщика государственных податей, которые представляли собой, повидимому, другую треть его дохода. Но в то же положение ставились и посаженные на землю рабы (servi casati): они также вносились в цензовые списки, становились тоже «цензовыми людьми» и, таким образом, тоже переходили в разряд «рабов земли», подобный колонам. Правда, это мало улучшало их положение, так как, по свидетельству одного церковного писателя начала V в., Иоанна Златоуста, и «с колонами обращаются, как с ослами или мулами, даже как с камнями, не давая им перевести дыхание».

Таким же образом закрепощены были и ремесленники. Все они были взяты государством на учет и обложены в пользу государства натуральными оброками. Их принудительно заставляли создавать корпорации, связанные круговой порукой. В отраслях производства, особенно важных для армии, двора и общей администрации (как горная, оружейная, строительная, текстильная), государство создавало свои большие предприятия (fabricae), на которых работали и рабы, и осужденные преступники, и свободные рабочие. Последним строжайше запрещалось оставлять свою профессию; оружейников даже клеймили раскаленным железом. Дети солдат с 16-летнего возраста забирались на военную службу, и на руках таких новобранцев тоже выжигалось клеймо. За нищенство и бродяжничество, вообще за существование без определенной профессии свободные люди отдавались в подчинение тому, «кто указал на их леность», или их отправляли в работные дома, «чтобы они зря не обременяли землю».

Всех мелких собственников, живших в городах и имевших участок земли в 25 югеров, записывали в куриалы; они, тоже под круговой ответственностью, через своих выборных распределяли наложенные на города налоги и повинности, которые обязаны были расходоваться на городские нужды. В конце IV в. в случаях недоборов и недоимок установлено было даже казнить по три куриала от каждого неисправного города. Положение куриалов стало настолько незавидным, что от этого прежде почетного звания каждый бежал, куда только мог: многие поступали в солдаты, женились на рабынях, чтобы тоже числиться рабами, и пр.; но беглецов и укрывающихся ловили и принудительно возвращали в присвоенное им по рождению или имуществу состояние.

Напротив, на этом фоне всеобщего оскудения и закрепощения еще ярче, контрастнее стало выступать богатство и связанное

с ним своеволие отдельных лиц высших сословий, в особенности придворных сановников, императорских фаворитов, крупных землевладельцев сенаторского звания. Земля стала главной ценностью, почему богатые и могущественные люди всеми средствами пытались увеличивать свои земельные владения, доводя их до небывалых размеров. Такие необъятные имения сенаторов и вельмож обратились в настоящие княжества, обладавшие обширнейшими привилегиями и делавшие их недоступными для вмешательства общей администрации и вторжений сборщиков податей. Роскошные укрепленные виллы, или как их стали называть в Галлии и Северной Италии германским словом «бурги», с мозаичными полами, с роскошными залами, отапливаемыми посредством центрального отопления («гипокаусты»), с причудливо разбитыми садами, рыбными садками, обширными виноградниками и беспредельными полями, на которых работали «стада рабов», с упоением описывают тогдашние поэты — Авзоний (IVв .) в своей поэме «Мозелла» и Сидоний Аполлинарий (V в.) в своих «Песнях». Чувствуя себя хозяевами жизни, эти «светлейшие» (clarissimi) обращали свои владения как бы в самостоятельные государства, уклонялись от подчинения императорским указам, добивались освобождения и себя и своих вотчин от уплаты налогов, принимали к себе в услужение беглых куриалов, переманивали на свои земли чужих колонов. Они заставляли все окрестные селения и целые округа прибегать к их «покровительству» («патроцинию»): соседние свободные поселяне и мелкие земельные собственники принуждались передавать им во владение свои угодья и земли, получая их обратно лишь в качестве временных держаний («прекария»), лишь бы иметь защиту как от насилий их собственной дворни, так и от притеснений императорских солдат и чиновников. Как ни боролись императоры IV—V вв. с этим закладничеством, как ни грозили они конфискациями и за предоставление патроциниев и за искание их, так как эта система сокращала поступление государственных податей, — магнаты оказывались сильнее центральной власти и игнорировали правительственные распоряжения. Сильно способствовало такое закладничество — патроциний — и росту церковных имуществ, так как высшие сановники церкви, благодаря своему привилегированному положению, тоже обращались в духовных магнатов. Они охотно принимали под свой покров всяких «малых сих» с их землями и другой собственностью: все это имущество становилось у последних лишь «милостивым пожалованием» («бенефицием») под условием разных служб и повинностей в пользу духовного патрона.

Таким образом, и представители высших слоев, светские и духовные земельные магнаты, в связи с ростом своих державных тенденций, часто оказывались также в конфликте с центральной властью и ее местными органами — с президами и корректорами провинций, с викариями — наместниками диоцез — и их много-

численными агентами. И чем сильнее становились такие центробежные силы, тем слабее делалась центральная власть и тем безнадежнее становились ее попытки сохранить целостность и единство этого рассыпавшегося и сопротивлявшегося ее объединительным стремлениям общества.

Да и помимо того верховная власть после смерти Константина редко и ненадолго объединялась в одних руках. Константин, умирая, разделил империю между тремя своими сыновьями и двумя племянниками, причем старшему из всех этих цезарей и августов, Константину II Молодому, было 20 лет, а младшему всего 14. Общая братоубийственная резня, бывшая естественным следствием этого, сопровождавшаяся еще появлением ряда добавочных претендентов и узурпаторов и вторжениями разных внешних врагов — персов с востока, германских и различных сарматских племен с севера, — продолжалась 16 лет и закончилась в 353 г. победой одного из младших сыновей Константина, Констанция II. Против него, однако, вскоре поднялся его двоюродный брат Юлиан, на два года сумевший объединить власть в своих руках (361—363 гг.). Но его ожесточенная борьба с христианским клиром и безнадежная попытка возродить отжившее уже языческое мировоззрение привели к дезорганизации не меньшей, чем при любой династической смуте. Этого последнего защитника старой языческой религии и древней светской культуры церковь прозвала Отступником (Апостатом). После его смерти (он погиб во время неудачного похода на персов) вновь на целых 20 лет установилось многовластие.

Преемник Юлиана, выдвинутый армией Валентиниан, малограмотный и грубый солдат, правил вместе с своим братом Валентом и сыном Грацианом. Все три назывались августами, имели раздельные территории, дворы, армии и пр., хотя Грациану было всего 4 года. После смерти же Валентиниана (в 375 г.) и гибели императора Валента в бою с готами при Адрианополе в 378 г. (см. ниже, стр. 765) императорская власть опять оказалась в руках двух детей — Грациана (12 лет) на западе и Валентиниана II (двух лет) на востоке. За обоих детей-императоров правили начальники их наемных «варварских» дружин: за Грациана — франк Меробауд, за Валентиниана тоже франк Арбогаст; при дворах их господствовали «варварские» нравы, и сами императоры ходили одетыми в «варварские» шаровары, пестрые камзолы и плащи.

В последний раз империя объединилась в руках выдвинувшегося в это время из военной среды императора Феодосия (379—395 гг.). Он правил сперва в качестве соправителя Грациана и Валентиниана II, а затем, после гибели их в связи с дворцовыми переворотами, стал ненадолго единоличным государем. Человек твердой воли, решительный и энергичный, Феодосий, однако, уже не в состоянии был справиться с слишком глубоко проникшим во все отношения и явления хозяйственной и общественной жизни империи разложением. Он применял самые крутые меры и против узурпаторов, и против народных волнений. Один раз в городе Фессалониках по его приказу солдаты загнали в цирк и

изрубили 7 тыс. граждан за то, что в этом городе был убит один из военачальников Феодосия. Беспощадно боролся он и с остатками язычества: разрушал знаменитые языческие храмы, например, храм Сераписа в Александрии, под угрозой наказания смертью запрещал языческие обряды, жертвоприношения, праздники. Он всемерно старался угождать епископам и другим церковным магнатам, желая в их влиянии на массу найти опору разрушенному уже авторитету власти. Так, он смиренно подчинился суровому осуждению архиепископом миланским Амвросием устроенной им в Фессалониках бойни и терпеливо перенес наложенное на него за это наказание — временное отлучение от церкви. Но и Феодосий счел нужным перед смертью разделить Римскую империю, точно частную вотчину, между двумя своими малолетними (да и позднее совершенно непригодными для роли правителей) сыновьями: Аркадия он поставил императором востока, Гонория — запада и назначил их руководителями двух варваров: галла Руфина — Аркадию, вандала Стилихона — Гонорию. С этого времени и на императорском гербе — орле — стали изображать две головы. Действительно, с этой поры (395 г.) империя уже больше не объединялась и существовала как две раздельные части: империя Западная и империя Восточная, позднее получившая название Византийской.

В таких условиях своего полного упадка и истощения распавшееся Римское государство подверглось последним, смертельным ударам со стороны давно и со все большим размахом действовавших против него революционных сил. Народные движения конца Римской империи еще мало изучены, но все же можно заметить их повсеместное усиление и превращение в настоящую революцию.

Особенно грозными были они в западной части империи. В Британии при императоре Валентиниане I, в 368—369 гг., происходили такие сильные волнения податных людей, поддержанные взбунтовавшимися из-за неуплаты жалованья солдатами, что весь остров едва не сделался добычей независимых от Рима горцев ско́тов (шотландцев). Только с крайним напряжением сил справился и с народным возбуждением и с набегами ско́тов местный «комес» (военачальник) Феодосий, отец императора. Тогда же вся Галлия была вновь охвачена новым восстанием багаудов, затихшим на некоторое время после разгрома повстанцев императором Максимианом, соправителем Диоклетиана. К концу IV в. это движение мятежных крестьян распространилось и на Испанию и к середине V в. превратилось в грандиозную крестьянскую войну. Вместе с тем «почти все рабы Галлии взялись за оружие и присоединились к багаудам», — сообщает современная хроника.

По всей римской провинции Африке, Нумидии, Мавритании с 380-х годов, то затихая, то вновь разгораясь распространялось движение «божьих борцов» — «агонистиков», или «циркумцел-

лионов» (бродяг), как их называли состоятельные люди. Измученные нуждой и доведенные до крайнего отчаяния «селяне» (rusticani) составляли огромные массы «бродячих мужчин и женщин», как выражается писатель начала V в. Августин. Массами примыкали к ним и беглые рабы или, как насмешливо говорит тот же Августин, «отдавались под их патроциний». Агонистики считали себя «истинными» христианами, покорных власти называли изменниками и предателями веры, богатых — детьми сатаны. Агонистики громили имения, сжигали усадьбы, избивали владельцев их; не щадили также и разбогатевших клириков, разрушали церкви. «Они не только бьют нас палками и мечами, — писал Августин, — но и с неслыханной жестокостью ослепляют глаза известью и уксусом, грабят наши дома и вооруженными толпами ходят по стране, причиняя смерть, грабежи, пожары». Часто такие толпы поднявшегося бедного люда соединялись с ордами кочевников-берберов, и представители власти устраивали с ними настоящие сражения. В 372 г. возглавлявший одно из таких движений берберийский шейх Фирм разорил ряд городов по мавританскому побережью, занял Цезарею и требовал от императора признать его своим соправителем. Снарядили специальную военную экспедицию, во главе которой был поставлен прославившийся усмирением Британии Феодосий, носивший уже звание «начальника конницы», и только после двухлетней упорной борьбы ему и здесь, в Африке, удалось восстановить «порядок».

С 375 г. положение в Римской империи становилось все более катастрофическим. Началось новое грандиозное вторжение со всех сторон в римские пределы варварских народов, связанное с так называемым великим переселением народов. От западных границ Китая в это время хлынули в европейские степи орды кочевников гуннов (хунну) и овладели всем Северным Причерноморьем от Дона до Карпатских гор. Часть обитавших здесь прежде народов, которых древние писатели называют общим именем готов, подчинилась им, другая, более западная — визиготы или вестготы, сбитая с своих старых мест, перейдя Дунай, ворвалась в римские пределы. Римское правительство принуждено было уступить им Мезию и часть Фракии, приняв их в качестве федератов. Недовольные римскими порядками, притесняемые и обманутые продажными римскими чиновниками, новые федераты подняли грандиозный военный бунт, поддержанный местными крестьянами-колонами, горнорабочими фракийских рудников и рабами. В бою с восставшими погибла под Адрианополем целая римская армия и сам император Валент (378 г.).

Феодосию удалось их временно успокоить жертвой новых земель во Фракии и Македонии, но после смерти его визиготы вновь пришли в движение. Под руководством своего конунга Аларика они стали грабить Балканский полуостров, а затем направились на запад, в Италию. Одновременно с севера вторг-

лись через Альпийские проходы вандалы и бургунды. Некоторое время военачальнику западного императора Гонория, Стилихону, тоже вандалу по происхождению, удавалось защищать Италию от варварского погрома, отозвав римские войска из Британии, Галлии и с Рейна и бросив тем на произвол судьбы все северо-западные римские провинции. Но когда Стилихон погиб, казненный Гонорием в связи с типичными для тогдашнего разложившегося римского двора интригами, начался настоящий варварский потоп. Визиготы ворвались в Италию, и в 410 г. Аларих осадил самый Рим. Массами стекались в его войско рабы со всей Италии, а восставшие в Риме рабы открыли ему ворота города и вместе с готами подвергли Рим страшному разграблению и пожару. Визиготы, однако, не остались в Италии, прошли еще дальше на запад и поселились в Аквитании на реке Гаронне и в Северной Испании. Юг Испании еще раньше их успели занять вандалы. Они переправились отсюда в пылавшую народными восстаниями Африку и захватили и Карфаген. Весь север Галлии в это время попал в руки франков, восточной ее частью овладели бургунды.

В 450-х годах положение Западной империи стало еще опаснее: гунны, во главе с Аттилой, прозванным «бичом божьим», докатились до Галлии, но, будучи отбиты соединенными силами занявших ранее Галлию франков, визиготов и бургундов, которыми командовал римский полководец Аэций (битва на Каталаунских полях, близ Марны, в 451 г.), набросились на северную Италию и разгромили ее до самой Этрурии. В 455 г. Рим вторично был взят и особенно свирепо опустошен приплывшим с своими дружинниками из Африки вандальским вождем Гензерихом. После этого погрома в Риме осталось лишь 7 тыс. населения; последние императоры давно уже перестали считать его столицей и жили в окруженной непроходимыми болотами безопасной Равенне. Вся Италия к этому времени переполнилась варварами: наемные дружины их составляли единственную военную силу императоров. В 476 г. один из предводителей таких наемных варварских отрядов, Одоакр, нашел, что больше император на западе вообще не нужен: он отослал знаки императорского достоинства в Константинополь, а малолетнего императора Ромула Августула — на виллу в Кампанию, себя же объявил италийским конунгом. 476 г. считается условно годом падения Западной Римской империи.

То же, но несколько позднее произошло и в восточной половине империи, где такую же роль могильщиков рабовладельческого строя вместе с рабами и колонами сыграли в VI—VII вв. с л а в я н е. Под именем венедов они известны были уже Тациту. Позднее начинает упоминаться и другое славянское племя — анты. Они уже входили в те племенные объединения, которые древние писатели суммарно называли готами, а затем гуннами. В VI в. появляется, впервые у греческого писателя Прокопия в его «Истории войны с готами», и название «славяне».

Прокопий подробно описывает постоянные нападения славян, которые «живут на большей части берега Истра (Дуная), по ту сторону реки». Несмотря на старания императора Юстиниана (527—565 гг.) восстановить прежние укрепления по Дунаю, «река навсегда стала доступной для переходов варваров, и римская область совершенно открыта для их вторжений» (III, 13). «В Иллирии и всей Фракии, считая от Ионийского залива до предместий Византия, во всей Элладе, с того времени как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая постоянные набеги, творили над жителями этих областей нетерпимые вещи: я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200 000 человек, так что страна стала повсюду подобной скифской пустыне» (Прокопий, Тайная история, VIII, 20).

Несколько позднее, при преемниках Юстиниана, в конце VI в., славяне от отдельных вторжений перешли к массовому заселению всего Балканского полуострова. Об этом пишет, отражая охватившую господствующие слои империи панику, другой историк VI в., Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории»: «На третьем году после смерти императора Юстина и правления державного Тиверия (т. е. в 581 г.) двинулся проклятый народ славян, который прошел всю Элладу и по стране Фессалонике и по фракийским провинциям, взял много городов и крепостей, сжег, разграбил и подчинил себе всю страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной... Они опустошают, жгут, грабят страну даже до внешних стен (Константинополя), так что захватили и все императорские табуны, многие тысячи голов скота и другие. И смотри — они живут, сидят и грабят в римских провинциях, они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне, а недавно были люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, исключая двух или трех дротиков» (VI, 25).

Однако восточная часть Римской империи сумела лучше приспособиться к новым условиям, перестроилась с рабского на феодальный способ производства и в виде средневековой Византии удержалась еще почти на целое тысячелетие — до 1454 г., когда Константинополь был взят турками.

Так в середине I тысячелетия н. э. завершилось крушение античной рабовладельческой формации. Процесс этот длительно задерживался своеобразной формой военно-рабовладельческой диктатуры, какую представляла собой на протяжении всего своего пятисотлетнего существования Римская империя. Но беспощадно подавляя революционные движения рабов, колонов, городской бедноты, сопротивляясь вторжениям «варваров», жертвуя для этого всем благосостоянием народных масс, всеми достижениями античной культуры, Римская империя, в конечном счете, привела лишь к объединению революционных и враждеб-

ных ей сил, совместными выступлениями которых она и была наконец ликвидирована вместе со всем поддерживаемым ею строем.

Классическое, наиболее яркое изображение всего этого дал Энгельс. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело Римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»[1].

Используя это отношение к себе угнетенных слоев римского общества и при их содействии и поддержке «...все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»[2].

Ликвидация Римской рабовладельческой империи открывала простор для возникновения новых, более прогрессивных производственных отношений — феодальных. Зародыши их уже сложились в недрах старого рабовладельческого общества, но не имели благоприятных условий для своего созревания и развития.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 153.

[2] И. В. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

I. Древняя Италия и начало Римского государства

2 тыс. до н. э.	Бронзовый век в Италии: рисунки на скалах в Лигурии, террамары, нурраги и пр.
1100—700	Железный век, культура Виллановы.
814	Основание Карфагена (по преданию).
***VIII* век**	Первые греческие колонии в южной Италии и Сицилии.
754/3	Основание Рима (по преданию).
***VI* век**	Господство этрусков в Лациуме (династия Тарквиниев в Риме). Царь Сервий Туллий.
510	Изгнание Тарквиния Гордого. Начало республики в Риме (по преданию).
494	Уход плебеев на Священную гору (первая сецессия) и возникновение трибуната (по преданию).
451—450	Комиссия децемвиров и законы Двенадцати таблиц.
449	«Вторая сецессия». Законы Валерия и Горация.
445	Закон Канулея (разрешение браков плебеев с патрициями).
443	Учреждение цензуры.
390 (387)	Захват Рима галлами.
367	Законы трибунов Лициния и Секстия.

II. Великие римские завоевания

340—338	Война Рима с латинами. Окончательное подчинение Лациума Риму.
343—290	Самнитские войны: покорение Римом средней Италии. (Первая самнитская война 343—341; вторая — 326—304; третья — 298—290.)
326	Закон Петелия о запрещении долгового рабства.
287	Закон Гортензия об обязательной силе плебисцитов.
280—272	Войны с Пирром и подчинение южной Италии Риму.
***III* век**	Рост греческого культурного влияния: греческая техника («Аппиева дорога» 312 г.), греческое искусство, эллинизация римской религии.
269	Появление римской серебряной монеты (денарий) в связи с ростом римской торговли.
264—241	Начало борьбы с Карфагеном: первая Пуническая война.
238	Захват Римом Сардинии и Корсики.
232	Аграрное законодательство Гая Фламиния.
229	Экспедиция римлян в Иллирию и начало римского влияния в Греции.
225—222	Завоевание Цизальпинской Галлии: первые римские колонии на реке По.
218—201	Вторая Пуническая война (битва при Каннах в 216 г.). (Завоевание Римом восточного побережья Испании в 209 г. Битва при Заме в 202 г.)
215—197	Войны Рима с Македонией и начало протектората Рима над Грецией. (Первая война — 215—205; вторая война — 200—197. Битва при Киноскефалах — 197.)

192—188	Война с Антиохом Сирийским; первое выступление римлян в Азии. Битва при Магнезии (190).
171—168	Война с Персеем Македонским; расчленение Македонии.
150—148	Восстание в Македонии. Андриск.
149—146	Третья Пуническая война и разрушение Карфагена; организация провинции «Африки».
147—139	Восстание Вириата в Испании.
146	Окончательный разгром Греции и разрушение Коринфа; конец греческой самостоятельности; обращение Македонии в римскую провинцию.
143—134	Нумантинская война.
133	Обращение Пергамского царства в римскую провинцию «Азию».
***II* век**	Возникновение крупных имений (латифундий) с рабским трудом; трактат Катона (234—149) «О земледелии» (около 160 г.).
250—160 (около)	Начало римской литературы: Ливий Андроник, Энний, Плавт (254—184), Теренций (190—159).

III. Крушение Римской республики

138—132	Первое восстание рабов в Сицилии.
132—130	Восстание рабов в Малой Азии (Аристоник).
133	Реформы Тиберия Гракха.
123—122	Реформы Гая Гракха.
118	Завоевание южной части Заальпийской Галлии (Галлия Нарбонская).
111	Закон Спурия Тория о закреплении за поссессорами общественных земель. Начало войны с Югуртой.
107—100	Победа демократической партии в Риме; шестикратное консульство Мария.
104—101	Второе восстание рабов в Сицилии.
104—101	Борьба Мария с кимврами и тевтонами.
100	Вооруженное восстание в Риме (Аппулей Сатурнин).
91	Выступление Ливия Друза.
91—88	Восстание италиков (Союзническая война).
89	Начало первой войны с Митридатом.
87—84	Восточный поход Суллы. Господство марианцев в Риме (Цинна и Карбон).
82—79	Диктатура Суллы и разгром римской демократии.
79—71	Восстание Сертория в Испании.
74—63	Третья война с Митридатом (Лукулл и Помпей).
73—71	Великое восстание рабов в Италии (Спартак).
70	Консульство Помпея и Красса. Реставрация досулланской конституции.
64	Аграрный законопроект Сервилия Рулла.
63	Консульство Цицерона (106—43) и заговор Катилины.
60	Первый триумвират.
59	Консульство Цезаря (100—44).
58—50	Покорение Галлии Цезарем.
49	Поход Цезаря на Рим, начало гражданской войны.
49—44	Диктатура Цезаря.
48	Битва при Фарсале и смерть Помпея.
47—45	Борьба Цезаря с помпеянцами (битва при Тапсе в Африке и при Мунде — в Испании).
44	Убийство Цезаря.
43	Восстание легионов и второй триумвират.
42	Битва при Филиппах и раздел Римской державы между триумвирами.
36	Победа Октавиана над Секстом Помпеем при Милах.

31	Битва при Акциуме; поражение Антония и начало единовластия Октавиана.
30	Завоевание Египта Октавианом.
***I* век до н. э.**	Расцвет римской культуры: Цицерон (106—43), Лукреций (99—55), Катулл (87—54), Вергилий (70—19), Гораций (65—8), Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.), Витрувий (середина I в. до н. э.), Овидий (43 до н. э. — 17 н. э.).

IV. Римская империя в I—II вв. н. э.

27 дон. э.—14 н. э.	Принципат Октавиана Августа.
14—68	Династия Юлиев-Клавдиев: Тиберий (14—37), Калигула (37—41), Клавдий (41—54), Нерон (54—68).
64 г. н. э.	Пожар в Риме.
66—69	Восстания в Галлии, Германии и Иудее; гражданская война в Риме.
69—96	Династия Флавиев: Веспасиан (69—79), Тит (79—81), Домициан (81—96).
96—192	Династия Антонинов: Нерва (96—98), Траян (98—117), Адриан (117—138), Антонин Пий (138—161), Марк Аврелий (161—180), Коммод (180—192).
***I* век и половина *II* века**	«Серебряный век» римской литературы: Сенека, Плиний, Ювенал (55—132), Тацит (55—120).
101—106	Завоевание Траяном Дакии.
114—117	Восточный поход Траяна.
132—135	Восстание Бар-Кохбы в Иудее.
168—180	Маркоманская война.
174—175	Восстание буколов в Египте.

V. Разложение рабовладельческого строя, нашествие варварских племен и гибель Римской империи

193—270	Солдатские мятежи и солдатские императоры: Септимий Север (193—211), Каракалла (211—217), Александр Север (222—235), Максимин (235—238), тридцать тиранов.
212	Эдикт Каракаллы о распространении прав римского гражданства на жителей провинций.
***III* век**	Восстание колонов и рабов в Африке (238), в Египте, Галлии (багаудов с 70-х годов III в.). Вторжение варваров: готы (с 230 г.), франки и аламаны (260—272), персы (с половины III в.).
270—275	Император Аврелиан, его победы над варварами.
284—305	Император Диоклетиан: натуральные повинности, эдикт о твердых ценах и заработной плате (301), всеобщее закрепощение, доминат.
306—337	Константин: перенесение столицы на восток в Константинополь (330), союз с христианской церковью (Миланский эдикт 313 г.).
325	Никейский собор.
330—340	Начало движений агонистиков (циркумцеллионов) в Африке.
361—363	Император Юлиан (Отступник).
375	Приход гуннов в Европу.
378	Адрианопольская битва и гибель императора Валента; поселение вестготов в Восточной части империи.
379—395	Феодосий I: распадение Римской империи на Западную и Восточную (395).
410	Взятие Рима Аларихом.
451	Битва на Каталаунских полях (с гуннами).
455	Разграбление Рима вандалами.
476	Падение Западной римской империи.
***VI—VII* вв.**	Вторжения славян на Балканский полуостров.

БИБЛИОГРАФИЯ

История древнего Рима

Труды классиков марксизма-ленинизма.

К Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, М.—Л. 1929, также и отд. изд.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Об античности, под ред. и с предисл. С. И. Ковалева, Л. 1932.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, М.—Л. 1938.

К Маркс, Капитал, т. I—III в изд. Института Маркса—Энгельса—Ленина и Партиздата, М. 1949.

К. Маркс, Теории прибавочной стоимости. Из неизданной рукописи «К критике политической экономии», пер. с немецкого под ред. и с предисл. Г. Плеханова, изд. 4-е, т. I—II, ч. 1 и 2, т. III, М. 1936.

К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, Л. 1941.

К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Вестник древней истории», 1940, №1; также «Пролетарская революция», 1939, № 3.

К. Маркс, Хронологические выписки, I (от —91 приблизительно до +1320). «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. V, Л. 1937 (см. особенно «Римская империя до завоевания Италии остготами»).

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, М.—Л. 1937; также и отд. изд.

Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, М.—Л. 1935.

Ф. Энгельс, К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, М.—Л. 1936.

В. И. Ленин, О государстве, Соч., изд. 4-е, т. 29, 1950.

И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. См. «История ВКП(б). Краткий курс», гл. IV, § 2.

И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос. См. И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей, Огиз, 1939.

И. В. Сталин, Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Огиз, 1939.

И. В. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Огиз, 1939.

И. В. Сталин, Отчетный доклад XVIII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Огиз, 1939.

И. В. Сталин, Ответ на письмо т. Разина, «Большевик», 1947, № 3.

И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951.

Хрестоматии

В. В. Струве, Хрестоматия по древней истории, т. II, М. 1936.

«Античный способ производства в источниках», под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева, «Известия ГАИМК», вып. 78, Л. 1933.

В. В. Латышев, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1—3; т. II, вып. 1—2, СПБ 1893—1900, и «Вестник древней истории» с № 1 1947 г. по № 4 1949 г.
А. Б. Рановнч, Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, М. 1933.
А. Б. Рановнч, Античные критики христианства, М. 1935.
«Древние германцы». Сборник документов, вводная статья и ред. А. Д. Удальцова, М. 1937.
Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов, Древний мир в памятниках и его письменности, ч. 3, М. 1916.

Основные издания произведений древних авторов в переводах

Аппиан, Гражданские войны, пер. с греческого под ред. С. А. Жебелева, М. 1935.
Аппиан, Римская история, кн. I—X, пер. С. П. Кондратьева, «Вестник древней истории», 1950, № 2—4.
Аппиан Александрийский, Иберийско-римские войны (Иберика), «Вестник древней истории», 1939, № 2; Митридатовы войны. Сирийские дела, пер. С. П. Кондратьева; там же, 1946, № 4.
Аммиан Марцеллин, История, пер. с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонна, вып. 1—3, кн. XIV—XXXI, Киев 1906—1908.
Апулей Платоник из Мадавры, Золотой осел (Превращения) в 11 книгах, вступительная статья и комментарии А. Пиотровского, Л. 1931.
Аристид Элий. Панегирик Риму, пер. И. Турцевича, СПБ 1907.
Вергилий Марон Публий, Сельские поэмы. Буколики. Георгики, М.—Л. 1937.
Вергилий Марон Публий, Энеида, пер. В. Брюсова и С. Соловьева, ред., вступит. статья и комментарии Н. Ф. Дератани, М.—Л. 1933.
Витрувий Марк Поллион, Об архитектуре, 10 книг, пер. с латинского, редакция и введение А. В. Мишулина, Л. 1936.
Гораций Флакк, Полное собрание сочинений, пер. под ред. и с примечаниями Ф. А. Петровского, М.—Л. 1936.
Дион Кассий, Речь Мецената (в приложении к книге: Черноусов, Очерки истории Римской империи, Харьков 1911).
Иосиф Флавий, Иудейские древности, пер. с греческого Г. Генкеля, т. I—II, СПБ 1900.
Иосиф Флавий, О древности иудейского народа, пер. с греческого Я. Израэльсона и Г. Генкеля, СПБ 1898.
Иосиф Флавий, Иудейская война, пер. Я. Чертка, с введением и примечаниями переводчика, СПБ 1900.
Корнелий Непот, Биографии знаменитых полководцев, пер. И. Е. Тимошенко, Киев 1883.
Катон Марк Порций, Земледелие, пер. и комментарии М. Е. Сергеенко, М.—Л. 1950.
Тит Ливий, Римская история от основания города, пер. с латинского, под ред. П. Адрианова, 6 томов, М. 1892—1899.
Лукреций, О природе вещей, ред. латинского текста и перевода Ф. А. Петровского, Л. 1946.
Лукиан, Собр. соч. в 2 томах, пер. под ред. и с комментариями Б. Л. Богаевского, М.—Л. 1935.
Марциал, Эпиграммы, перевод и объяснения А. Фета, ч. 1 и 2, М. 1891.
Валерий Марциал, Избранные эпиграммы, ред. и комментарии Ф. А. Петровского, М. 1937.
Марк Аврелий, Наедине с собой. Размышления, пер. с греческого и примеч. С. Роговина, М. 1914.
Овидий Назон, Баллады-послания, пер. Ф. Ф. Зелинского, М. 1918.
Овидий Назон, Скорби, пер. А. Фета, М. 1883.

Овидий Назон, Метаморфозы, М.—Л. 1937.
Полибий, Всеобщая история в 40 книгах, пер. с греческого Ф. Г. Мищенко с его предисловием, примечаниями, указателем, картами, т. I—III, М. 1890—1899.
Плутарх, Сравнительные жизнеописания. Пер. с греческого В. Алексеева, т. I—IX, СПБ 1893—1895.
Плутарх, Избранные биографии. Изд. Ленинградского Государственного Университета, М.—Л. 1941.
Плиний Младший, Письма, пер. М. Е. Сергеенко, М.—Л. 1950.
Саллюстий Криспп Гай, Полное собр. соч., пер. с латинского В. Е. Рудакова, СПБ 1892—1894.
Саллюстий Криспп Гай, Заговор Катилины. Югуртинская война, пер. П. Б. Гольденвейзера, М. 1916.
Страбон, География в 17 книгах, пер. с греческого с предисловием и указателем Ф. Г. Мищенко, М. 1879.
Светоний Транквилл Гай, Жизнь двенадцати цезарей, пер. В. Алексеева, СПБ 1904.
Светоний Транквилл Гай, Жизнеописание двенадцати цезарей, предисловие А. Пиотровского, М. 1933.
Сенека Люций Анней, Трагедии, вступит. статья Н. Ф. Дератани, М.—Л. 1929.
Тацит Публий Корнелий, Сочинения, пер. В. И. Модестова, т. I—II, СПБ 1886—1887.
Тибулл, Элегии, в переводе с объяснениями А. Фета, изд. 2-е, 1898.
Фронтин, Стратегемы, русский перевод в «Вестнике древней истории», 1946, № 1.
Цицерон М. Туллий, Полное собрание речей в русском переводе, редакция, введение и примечания Ф. Зелинского, т. I (81—63 гг. до р. Х.), СПБ 1901.
Цицерон М. Туллий, Избранные речи в переводе А. М. Клеванова, 1876.
Цицерон М. Туллий, Письма, т. I—III, М.—Л. 1949—1951.
Цезарь Гай Юлий, Записки Юлия Цезаря и его продолжателей, пер. М. М. Покровского, М.—Л. 1948.
Ювенал Децим Юний, Сатиры М.—Л. 1937.

Источниковедение, археология, нумизматика, эпиграфика

Н. А. Машкин, История древнего Рима, раздел 1 — Источниковедение и историография древнего Рима, изд. 2-е, М. 1949.
С. А. Жебелев, Древний Рим, ч. 1—2, «Наука и школа», П. 1922—1923.
И. В. Нетушил, Обзор римской истории, изд. 2-е, Харьков 1916.
Б. Низе, Очерк римской истории и источниковедения, СПБ 1910 (приложена библиография).
А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 2-е, М. 1941.
А. Н. Зограф, Античные монеты, в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», № 16, М.—Л. 1951.
А. К. Марков, Древняя нумизматика, ч. 1, СПБ 1901.
Е. М. Придик, Римские монеты, СПБ 1908.
И. Цветаев, Италийские надписи, «Журн. Министерства народного просвещения», 1882, № 3 и 17; 1883, № 11 и 12; 1886, № 1 и 9.

Справочные издания и атласы

Фр. Любкер, Реальный словарь классических древностей, пер. с 6-го немецкого изд. В. Модестова, СПБ 1884.

«Реальный словарь классических древностей по Любкеру», под ред. Ф. Гельбке и др., СПБ 1885.
А. Г. Бокщанин, Атлас по истории древнего мира для средней школы, под ред. проф. А. В. Мишулина, М. 1949.

Общие труды

П. Ардашев, Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря, 1890.
Г. Буасье, Цицерон и его друзья, М. 1914.
Р. Ю. Виппер, Очерки истории Римской империи, М. 1908.
А. Валлон, История рабства в античном мире, М. 1941.
И. М. Гревс, Очерки по истории римского землевладения, СПБ 1899.
С. А. Жебелев, Древний Рим, ч. 1—2, 1922—1923.
С. А. Жебелев, Боспорские этюды. В сборнике «Из истории Боспора», М.—Л. 1934.
С. И. Ковалев, История Рима, Л. 1948.
А. В. Мишулин, История древнего Рима. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М. 1946.
А. В. Мишулин, Объявление войны и заключение мира у древних римлян, «Исторический журнал», 1944, № 10—11.
Н. А. Машкин, История древнего Рима, изд. 2-е, М. 1949 (приложена обширная библиография).
Н. А. Машкин, История Римской империи. Метод. пособие для заочников, 1949.
Т. Моммзен, История Рима, т. I, II, III, V, М. 1936—1949.
И. В. Нетушил, Обзор римской истории, изд. 2-е, Харьков 1916.
И. В. Нетушил, Очерк римских государственных древностей, вып. 1—3, Харьков 1894, 1897, 1902.
К. Б. Ныч, История Римской республики, М. 1908.
И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, ч. 1, вып. 2, Древний Рим, М. 1945.
И. А. Покровский, История римского права, изд. 4-е, СПБ 1918.
В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. 1—2, М. 1938.
Н. Санчурский, Краткий очерк римских древностей, изд. 6-е, 1916.
М. Э. Сергеенко, Помпеи, М.—Л. 1949.
А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л. 1935.
Е. Тэн, Тит Ливий, пер. под ред. В. И. Герье, М. 1910.
С. Л. Утченко, Древний Рим, книга для чтения, 1950.
Г. Ферреро, Величие и падение Рима, ч. I—V, М. 1915—1923 гг.
Фюстель де Куланж, Древняя гражданская община, М. 1903.

Древнейшая история Рима

В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. 1, древнейший период, «Ученые записки Моск. гос. пединститута им. В. И. Ленина», т. 46, М. 1947.
С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев. «Труды юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Секция исторических наук», Л. 1948.
В. И. Модестов, Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима, ч. 1—2, СПБ 1902—1904.
В. И. Модестов, Венеты, «Журн. Министерства народного просвещения», 1906, № 2—3.
В. И. Модестов, Греки в Италии, «Журн. Министерства народного просвещения», 1906, № 9.

В. И. Модестов, Расселение италийского племени по Италии, «Журн. Министерства народного просвещения», 1905, № 3, 6, 7.
И. В. Нетушил, Начало мировой политики Римской республики и конец Лация, «Журн. Министерства народного просвещения», 1904, № 8, 9 и 10.
А. Ф. Эйман, Легенда о римских царях. Ее происхождение и развитие, СПБ 1896.

Образование Римской средиземноморской державы

А. И. Амираношвили (Болтунова), Иберия и римская экспансия в Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 4.
Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван 1943.
Н. А. Машкин, Карфагенская держава до Пунических войн, «Вестник древней истории», 1948, № 4.
Н. А. Машкин, Последний век Пунического Карфагена, «Вестник древней истории», 1949, № 2.

Социальная борьба в Риме II—I вв. до н. э.

А. Г. Бокщанин, Битва при Каррах, «Вестник древней истории», 1949, № 4.
Э. Д. Гримм, Гракхи, их жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк, СПБ 1894.
С. А. Жебелев и С. И. Ковалев, Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме, «Известия Академии истории материальной культуры», 1934.
С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, «Вестник древней истории», 1938, № 3.
А. В. Мишулин, Спартаковское восстание, М. 1936.
А. В. Мишулин, Спартак, Учпедгиз, М. 1947.
Н. А. Машкин, Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э., «Вестник древней истории», 1947, № 3.
Н. А. Машкин, Социальные движения в Риме в первые дни после смерти Цезаря, «Вестник Моск. университета», 1947, № 5.
С. Л. Утченко, Учение Цицерона о смешанной форме государственного устройства и его классовая сущность, «Вестник древней истории», 1949, № 3.
Э. Р. Фельсберг, Братья Гракхи, Юрьев 1910.

Римская империя

М. Белоруссов, Колонат, Варшава 1903.
Р. Ю. Виппер, Возникновение христианства, «Вестник древней истории», 1941, № 1.
Н. И. Голубцова, Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, «Вестник древней истории», 1949, № 4.
Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье на рубеже нашей эры. В серии «Причерноморье в античную эпоху», изд. Академии наук СССР, М. 1951.
И. М. Гревс, Тацит, М.—Л. 1946.
Э. Д. Гримм, Исследования по истории развития римской императорской власти, тома I и II, СПБ 1900—1902.
Т. Н. Грановский, Римская империя при первых императорах, Соч., т. II, 1905.
А. Д. Дмитрев, Движение багаудов, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.

А. Д. Дмитрев, Буколы, «Вестник древней истории», 1946, № 4.
А. Д. Дмитрев, Падение Дакии, «Вестник древней истории», 1949, № 1.
А. Д. Дмитрев, Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, «Вестник древней истории», 1950, № 1.
В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, «Ученые записки Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина», т. XXVIII, кафедра истории древнего мира, вып. 1, М. 1942.
В. Н. Дьяков, Оккупация Таврики Римом в I в. н. э., «Вестник древней истории», 1941, № 1.
В. Н. Дьяков, Пути римского проникновения в Северное Причерноморье; Понт и Мезия, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.
А. Дьяконов, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах, «Вестник древней истории», 1946, № 1.
С. Ешевский, Центр римского мира и его провинции, Соч., т. I, СПБ 1870.
Д. П. Каллистов, Этюды по истории Боспора в римский период, «Вестник древней истории», 1938, № 2.
Д. П. Каллистов, Политика Августа в Северном Причерноморье, «Вестник древней истории», 1940, № 2.
О. В. Кудрявцев, Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона, «Вестник древней истории», 1949, № 3.
О. В. Кудрявцев, Вторжение костобоков в балканские провинции Римской империи, «Вестник древней истории», 1950, № 3.
Н. А. Кун, Предшественники христианства (восточные культы в Римской империи), М. 1922.
М. В. Левченко, История Византии. Краткий очерк, М.—Л. 1940.
Н. А. Машкин, Принципат Августа, М.—Л. 1949.
Н. А. Машкин, Городской строй Римской Африки, «Вестник древней истории», 1951, № 1.
Н. А. Машкин, Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия, «Вестник древней истории», 1938, № 1.
Н. А. Машкин, Движение агонистиков, «Историк-марксист», 1935, № 1.
Д. М. Петрушевский, Очерки по истории средневекового общества и государства, изд. 5-е, М. 1922.
А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л. 1949.
А. Б. Ранович, Очерк истории раннехристианской церкви, М. 1941.
А. Б. Ранович, Первоначальное христианство и его историческая роль, «Вестник древней истории», 1939, № 2.
А. Б. Ранович, Колонат в римском законодательстве II—V вв., «Вестник древней истории», 1951, № 1.
А. Б. Ранович, Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи, «Вестник древней истории», 1946, № 2.
М. Е. Сергеенко, К истории колонатных отношений, «Вестник древней истории», № 2.
Е. М. Штаерман, Гонения на христиан в III в., «Вестник древней истории», 1940, № 2.
Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, «Вестник древней истории», 1951, № 2.

Римская культура

М. В. Алпатов, Всеобщая история искусств, т. I, М. 1948.
В. Д. Блаватский, Архитектура древнего мира, М. 1939.
Р. Ю. Виппер, Просветительный век Римской империи, «Вестник древней истории», 1947, № 1.
Р. Ю. Виппер, Этические и религиозные воззрения Сенеки, «Вестник древней истории», 1948, № 1.
А. И. Вощинина, Очерк истории древнего римского искусства, Л. 1947.

П. Гиро, Частная и общественная жизнь римлян, 1899.
«История философии», т. I, М. 1940.
М. М. Кобылина, Искусство древнего Рима, М.—Л. 1930.
В. И. Модестов, Лекции по истории римской литературы, СПБ 1888.
А. И. Малеин, «Золотой век» римской литературы (эпоха Августа), П. 1923.
М. М. Покровский, История римской литературы, М.—Л. 1942.
И. М. Тронский, История античной литературы, Л. 1947.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

I. Первобытное общество

Глава I. Введение 10
Глава II. Первобытное стадо 17
Глава III. Первобытная община эпохи матриархата 29
Глава IV. Возникновение патриархальной родовой общины и разложение родового строя 39

II. Древний Восток

Глава V. Древний Восток и его изучение 59
Глава VI. Древнейшие государства Шуммера и Аккада . . 69
Глава VII. Древнее Вавилонское царство 85
Глава VIII. Вавилонская культура 99
Глава IX. Древнейший Египет 111
Глава X. Древнее царство в Египте 115
Глава XI. Среднее царство в Египте 124
Глава XII. Новое царство в Египте 129
Глава XIII. Египетская культура 139
Глава XIV. Древние государства Малой Азии и Сирии . . . 147
Глава XV. Ассирия, Урарту и Халдейский Вавилон 167
Глава XVI. Древний Иран 185
Глава XVII. Древняя Индия 196
Глава XVIII. Древний Китай 212

III. Древняя Греция

Глава XIX. Источники по истории древней Греции 231
Глава XX. Природа древней Греции 242
Глава XXI. Эгейская культура 245
Глава XXII. Древнейший быт и общественный строй греков, микенская культура и гомеровское общество . . . 252
Глава XXIII. Возникновение классового общества и государства в древней Греции (VIII—VII вв. до н. э.) . 261
Глава XXIV. Греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э. . . 264
Глава XXV. Древняя Спарта 272
Глава XXVI. Аттика в VII—VI вв. до н. э. 279

Глава XXVII. Греко-персидские войны и возникновение Афинского морского союза 294
Глава XXVIII. Расцвет рабовладельческого хозяйства в Греции 306
Глава XXIX. Рост демократического движения в Греции после победы над персами 320
Глава XXX. Правление Перикла в Афинах 326
Глава XXXI. Пелопоннесская война 338
Глава XXXII. Эллинская культура V—IV вв. до н. э. 352
Глава XXXIII. Греция в первой половине IV в. до н. э. 364
Глава XXXIV. Возвышение Македонии и походы Александра Македонского 371
Глава XXXV. Греция в эллинистическую эпоху 381
Глава XXXVI. Эллинистические государства 387
Глава XXXVII. Северное Причерноморье в эллинистическую эпоху 401
Глава XXXVIII. Эллинистическая культура 408

IV. Древний Рим

Глава XXXIX. Источники по истории Рима 422

Древнейший период. Возникновение классового общества и государства в Риме.

Глава XL. Древняя Италия. 441
Глава XLI. Италия и Рим в период родового строя (X—VII вв. до н. э.), переход к историческому времени . . . 448
Глава XLII. Разложение родового строя в Риме в VII—VI вв. Этруски и их влияние. Конец царского периода 458
Глава XLIII. Тяжелое внешнее положение Рима в первый период его независимости (500—350 гг. до н. э.) Военизация его быта и строя 465
Глава XLIV. Ликвидация пережитков родового строя и оформление классового общества в древнем Риме. . . 477

Образование Римской средиземноморской рабовладельческой державы.

Глава XLV. Завоевание Римом Италии и образование римско-италийского союза 492
Глава XLVI. Борьба Рима с Карфагеном за господство в Западном Средиземноморье 499
Глава XLVII. Начало гегемонии Рима на Востоке. 521
Глава XLVIII. Подавление народных освободительных движений. Закрепление римского господства на всем Средиземноморье 526
Глава XLIX. Римская держава в III—II вв. до н. э. 540

Глава L. Расцвет римского рабовладения 544
Глава LI. Появление латифундий и обезземеление крестьянства 552
Глава LII. Культурный переворот в Риме в конце III и начале II в. до н. э. 560

Социальная борьба в Риме во II—I вв. до н. э. и крушение римского республиканского строя

Глава LIII. Начало революционного движения рабов. . . . 568
Глава LIV. Демократическое движение в Риме и Италии в 150—90-х годах до н. э 577
Глава LV. Начало военно-рабовладельческой диктатуры. Л. Корнелий Сулла — «Счастливый император» 596
Глава LVI. Крушение римского республиканского строя. 610
Глава LVII. Римская империя. Возникновение принципата. Время Октавиана Августа 647
Глава LVIII. Римская культура конца республики и времени принципата Августа 670
Глава LIX. Закрепление монархического режима. Династия Юлиев-Клавдиев 685
Глава LX. Междоусобная война 68—69 гг. н. э. Римская империя при Флавиях 705
Глава LXI. Римская империя при Антонинах 715
Глава LXII. Экономика и социальные отношения во II в. н. э. Симптомы надвигающегося кризиса 727
Глава LXIII. Начало культурного упадка. Возникновение христианства 734
Глава LXIV. Кризис III в. и поздняя Римская империя 744

Редакторы: *М. А Барг и Е. И. Костюк*
Редактор карт *А. И. Агафонова*
Техн. редактор *М. Д. Петрова*
Корректор *А. Д. Рузлева*

Подписано к печати 13/II 1952 г. А-01977. Бумага 60 × 92¹/₁₆. Бумажных листов 24,5 + + 0,25 вклейка + 1 л. карты. Печатных листов 49 + 0,58 вклейка + 2,06 л. карты. Учётно-изд. листов 56,88 + 0,44 л. вклейка + 1,25 л. карты. Тираж 50 тыс. экз. Цена без переплёта 20 р. + 2 р. карты. Переплёт коленкоровый 2 р., переплёт бумажный 1 р. Зак. № 1255.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
188	5—4-я снизу	в конце VII и начале VIII в.	в конце VIII и начале VII в.
236	19-я сверху	в 1891	в 1890
269	3-я «	к востоку	к западу и востоку
283	19-я снизу	добившаяся	добивавшаяся
337	13-я сверху	являлось	не являлось
	23-я «	Кратил	Кратин
364	7-я снизу	Греческая история, III, 34 — 11	Греческая история, III, 3, 4—11
406	7-я сверху	VI в.	IV в.
415	18-я снизу	336 — 325	336 — 323
541	1-я «	в 401 г.	в 201 г.
560	13-я сверху	чернью;	чернью,
595	1-я «	114 — 63	120 — 63
645	19-я снизу	200 сестерций	500 сестерций
781	14-я сверху	Римская империя	Римская империя считать заголовком раздела

В. Н. Дьяков «История древнего мира»